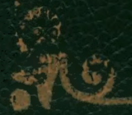
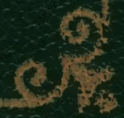

С. Ф. ПЛАТОНОВ

Лекции по русской истории

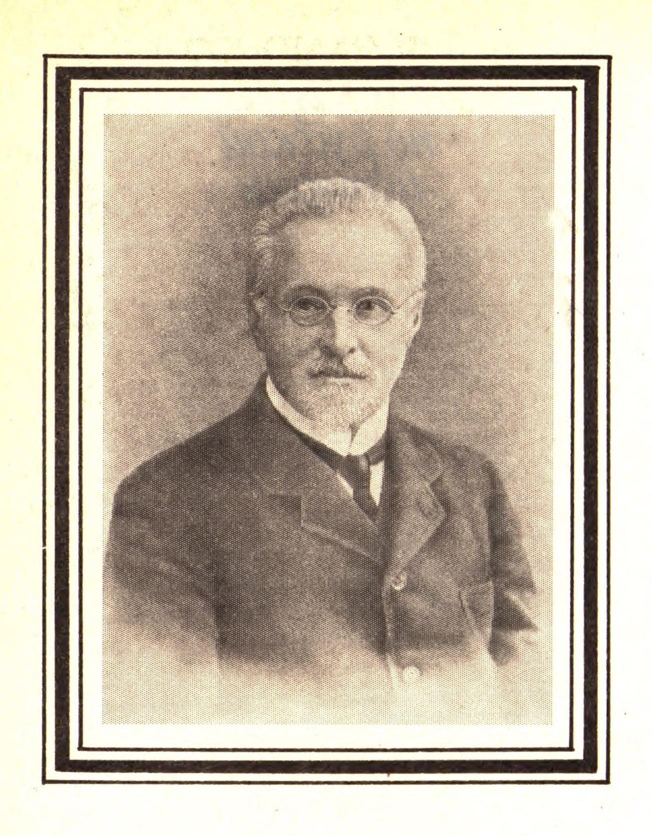

Лекции по русской истории

С. Ф. Платонов

Историческое наследие

С. Ф. ПЛАТОНОВ

Лекции по русской истории

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1993

:ПЛА 1993-2-2 8.39

ББК 63.3(2)
П37

Федеральная целевая программа книгоиздания России.

Ответственный редактор профессор *С. С. Дмитриев*

Текст печатается по изданию: Лекции по русской истории профессора С. Ф. Платонова. Издал Ив. Блинов. Издание 10-е. Пересмотренное и исправленное. Пг.: Сенатская типография, 1917

Рекомендовано комитетом по высшей школе Министерства науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации для использования в учебном процессе.

Платонов С. Ф.

П37 Лекции по русской истории/Вступит. ст. А. Н. Фукса.— М.: Высш. шк., 1993.— 736 с.— (Историческое наследие).

ISBN 5-06-002499-7

«Лекции...» — один из основных трудов С. Ф. Платонова, крупнейшего русского ученого, занимавшегося проблемами отечественной истории. В книге, выдержавшей десять изданий (1-е — 1899 г., 10-е — 1917 г.), излагаются исторические события начиная с древнейшей истории и заканчивая временем правления Александра III. «Лекции...» отличают оригинальный подход к решению ряда конкретно-исторических проблем, яркий, занимательный стиль изложения и в то же время высокая степень научной аргументации.

П $\frac{0503020000(4309000000)—053}{001(01)—93}$ КБ-44-28-92

ББК 63.3(2)
9(С)1

Серия
«Историческое наследие»

Платонов Сергей Федорович

ЛЕКЦИИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

Заведующий редакцией *М. Ф. Гржебин.* Редактор *Н. А. Федорова.* Младший редактор *М. В. Колосова.* Художник *В. В. Коренев.* Художественный редактор *Е. Д. Косырева.* Технический редактор *Л. А. Муравьева.* Корректор *М. М. Сапожникова*

ИБ № 9536

Изд. № РИФ-104. Сдано в набор 27.06.91. Подп. в печать 27.11.91. Формат $60\times90/_{16}$. Бум. офс. № 2. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Объем 46,0 усл. печ. л. + 0,25, усл. печ. л. форз. 46,5 усл. кр.-отт. 50,99 уч.-изд. л. + 0,39 уч.-изд. л. форз. Тираж 30 000 экз.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14

Отпечатано с диапозитивов Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Министерства печати и информации РФ. 113054, Москва, Валовая, 28

в Ярославском полиграфкомбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97. Зак. № 100.

ISBN 5-06-002499-7

Историчность наследия

Любое научное наследие по своей сути исторично. Для историков же «Историческое наследие» — серия книг, которую начинает выпускать издательство «Высшая школа»,— исторично в особенности. Академическая «Наука» в серии «Памятники исторической мысли» добротно издала многие классические труды древних и новых авторов, историософические отечественные, восточные и западные сочинения. И это хорошо.

Но трудно обозрим общий объем исторического наследия. Весомую, важную его часть составляют книги ученых, вводящие в историю, книги, в которых они излагали *былое*, свои *думы* о нем. Такие рассказы-повествования вели (и ведут) учителя на уроках в школе. Профессора в вузовских аудиториях вслух размышляли о ходе истории, анализируя ее события, тех или иных деятелей, стремясь будить и развивать у слушателей процесс мышления, движения чувств и воображения. Здесь, в высшей школе, речь шла (и идет) о прямом соприкосновении студентов с наукой историей, о знакомстве с ее источниками, путями ее становления и развития.

Веде́ние слушателями учебных записей на лекциях, просмотр, правка и дополнения их лекторами, позднée стенографирование и литографирование, наконец печатное издание курсов лекций — добрая университетская традиция. Ей уже около полутораста лет.

В нашем учено-литературном наследии лекции видных историков занимают заслуженно почетное место. И ныне воспринимаются с живым интересом курсы по всеобщей истории профессоров Т. Н. Грановского, П. Г. Виноградова, Н. И. Кареева, В. В. Бартольда, Р. Ю. Виппера, А. Н. Савина, по русской истории — богатейшие по фактическому материалу и оригинальным концепциям курсы прославленного В. О. Ключевского, не раз изданные в советское время, и ожидающие публикаций курсы двух его учеников М. М. Богословского и А. А. Кизеветтера, курсы лекций ученых петербургской школы С. Ф. Платонова и А. А. Корнилова. Нельзя не вспомнить замечательные курсы по истории русского права и православной церкви А. Д. Градовского, П. В. Знаменского, В. И. Сергеевича, Н. С. Таганцева, по государственному праву М. М. Ковалевского. Названы известнейшие авторы крупных лекционных курсов. А сколько еще мы унаследовали ценных специальных курсов, отдельных отличных монографий, незаслуженно забытых!

Не одним записным историкам, но и многим читателям, желающим ближе познать и почувствовать прошлое родной страны, надежно могут послужить книги для чтения и хрестоматии по истории России М. Н. Коваленского, С. П. Мельгунова, К. В. Сивкова, славная в истории нашей науки «Хрестоматия по истории русского права» М. Ф. Владимирского-Буданова, умно сделанная, изящно написанная «Книга для чтения по истории средних веков», составленная рядом преподавателей под редакцией профессора П. Г. Виноградова.

Бесценно и мемуарное наследие таких крупных и талантливых ученых, как Ф. И. Буслаев, К. Н. Бестужев-Рюмин, великого русского историка С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, А. А. Кизеветтера и П. Н. Милюкова, в которых воссозданы жизнь и быт историков, их мысли и политические взгляды. А для того чтобы вжиться в прошлое, почувствовать его, воспоминания — хлеб насущный.

Многие из названных (как и неназванных!) курсов лекций, книг для чтения, хрестоматий, отдельных монографий, будучи переизданными, а порою и впервые дождавшимися публикации, заново войдут в историческое наследие нашей культуры и науки. Благородное и нужное дело начато. Издание таких книг, практически необходимых и преподавателям, и студентам, как и обширным кругам читателей, введет в духовную жизнь современности, они — эти книги — составят целостный мир чтения, раскроют историчность наследия.

В заключение уместно привести такую мысль К. Д. Ушинского: «Наследуя слово от предков наших, мы наследуем не только средства передавать наши мысли и чувства, но наследуем самые эти мысли и чувства».

С. С. Дмитриев, профессор

Сергей Федорович Платонов

Краткий историко-биографический очерк

В нашей научной литературе творчество русского историка Сергея Федоровича Платонова (1860—1933) не получило еще всестороннего изучения и общей объективной оценки. Попытаемся на основе автобиографических текстов Платонова, его научных трудов и других материалов проследить жизненный путь ученого, раскрыть круг его научных интересов, определить значение его творческого наследия.

С. Ф. Платонов родился 16 июня 1860 г. в Чернигове в семье типографского служащего. В 1869 г. семья переехала в Петербург, куда был переведен на службу отец будущего историка. С этого времени жизнь ученого тесно связана с городом на Неве, где он прошел путь от гимназиста (1870—1879) и студента (1879—1882) до профессора и академика, признанного главы петербургской школы русских историков.

По воспоминаниям С. Ф. Платонова, в детстве и юности он жил и развивался под сильным влиянием отца, о котором писал: «Это был умный, способный и гуманный человек, стоявший в умственном и моральном отношении выше своей среды. Он вложил в меня любовь к чтению и дал первые сведения по истории и литературе. Я начал читать Карамзина и Пушкина лет восьми или девяти и очень любил слушать рассказы отца о событиях его молодости, прошедшей в соприкосновении со студенческими кружками Москвы» [1].

В 1879 г. С. Ф. Платонов поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Среди студентов он выделялся эрудицией и большим прилежанием. Сокурсники видели в нем будущего профессора. В университете на Платонова неизгладимое впечатление произвели лекции профессоров К. Н. Бестужева-Рюмина, А. Д. Градовского, В. Г. Васильевского. «Названным профессорам я был обязан тем, что сделался историком»,— вспоминал Платонов [2].

К. Н. Бестужев, читавший курс русской истории, импонировал студенту Платонову своим педагогическим даром. Бестужев имел блестящий контакт с аудиторией, его лекции,

---

[1] Автобиография академика С. Ф. Платонова, написанная для «Огонька» // Огонек. 1927. № 35. С. 10.

[2] Там же.

свидетельствовавшие о поистине энциклопедических знаниях, строились в форме бесед со студентами. Вместе с тем Платонов отмечал, что печатные труды К. Н. Бестужева-Рюмина в научном отношении были слабее его лекций.

Еще на I курсе Бестужев-Рюмин заметил одаренного студента. Платонов был приглашен в дом к Бестужевым. Если в лекциях Бестужев не особенно проявлял славянофильские симпатии, то в его домашнем кругу царила обстановка «квасного славянофильства». Это явно не понравилось подающему надежды студенту и помешало его сближению с профессором. Платонов вспоминал, что откровенные реакционеры использовали имя Бестужева-Рюмина в пропаганде псевдопатриотических идей: «К нему тянулись и за него цеплялись люди, резко окрашенные славянофильскими и националистическими цветами... У него же, по-видимому, не хватало силы характера поставить их на должное место...» [3].

Формированию либерально-буржуазных политических позиций С. Ф. Платонова способствовали занятия у А. Д. Градовского, который вел курс государственного права России и иностранных держав. Это был умный и тонкий лектор, не проходивший мимо острых историко-политических сюжетов. «Впервые на лекциях Градовского сложились мои представления о государстве и обществе, о целях государства, об отношении государства и личности и о благе личной свободы и независимости. Либералу Градовскому обязан я, между прочим, тем упрямством, с каким я всегда противостоял всякой партийности и кружковщине, ревниво охраняя право всякой личности на пользование своими силами в том направлении, куда их влечет внутреннее побуждение. Сильное влияние чтений Градовского на мою душу заставляет меня признать его за одного из моих учителей, в лучшем значении этого слова»,— констатировал Платонов [4].

Постижением основ научной критики исторических источников Платонов во многом обязан занятиям у профессора В. Г. Васильевского. Можно предположить, что присущее Платонову еще со студенческой скамьи творческое отношение к анализу исторических источников сложилось не без влияния Васильевского — яркого представителя петербургской школы историков второй половины XIX в. В «Статьях по русской истории» Платонов писал о Василии Григорьевиче Васильевском: «Двумя особенностями отличалась умственная деятельность нашего ученого: во-первых, чрезвычайною широтою и живостью ученого интереса и, во-вторых, необыкновенной тонкостью и чуткостью критики... В. Гр. Васильевского интересовали не только судьбы различных народностей и разных эпох, но и самые разнородные виды

---

[3] *Платонов С. Ф.* Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. Пг., 1921. Кн. 2. С. 124.

[4] Там же.

исторического изучения. Он был не только знатоком исторических фактов, но и мастером во многих сферах исторического творчества. Изучение текстов и их критика, восстановление фактов и определения хронологические, вопросы права и политики, социальные явления, психологические наброски и всякие иные стороны исторического процесса,— все находило свое место в исследованиях покойного историка и ко всему он относился с полной компетентностью и в то же время с осторожностью и сдержанностью глубокого ученого»[5].

Занятия у Бестужева, Градовского, Васильевского способствовали выбору Платоновым на третьем курсе специальности «Русская история». Тема дипломного сочинения «Московские земские соборы XVI—XVII вв.» была предложена ему Бестужевым-Рюминым. До недавнего времени в советской историографии сильно преувеличивалось влияние на Платонова К. Н. Бестужева-Рюмина. Так, В. Е. Иллерицкий, называя Платонова учеником Бестужева-Рюмина, писал: «Подобно Бестужеву-Рюмину, Платонов с самого начала своей научной деятельности соединял в своих воззрениях на русскую историю основные черты официального консервативного направления с отдельными элементами либеральной историографии»[6]. Однако в недавно опубликованной монографии Р. А. Киреевой убедительно показано, что исторические воззрения Бестужева-Рюмина оставались в целом в русле русской либеральной исторической науки[7]. Сам же Платонов, характеризуя Бестужева-Рюмина, писал: «Для него я был «западником» и «юристом», а не своим человеком; таким, то есть «не своим», остался я для него навсегда»[8]. Оценивая свою дипломную работу, Платонов вспоминал: «С конца 1880 г. я целый год собирал источники по истории земских соборов и писал свое сочинение безо всякой помощи со стороны. Оно вышло обширным и вполне, по-видимому, удовлетворило Бестужева; но оно было совершенно чуждо его взглядам и не отразило на себе его ученого влияния. В отношении метода и техники я целиком следовал Васильевскому; в понимании же смысла и содержания русского исторического процесса я испытывал на себе влияние лекций и монографий В. О. Ключевского»[9].

Молодому историку в Ключевском нравились разносторонность и широта исторического понимания, критическое отношение к корифеям историко-юридической школы, остроумие и красота речи. Платонов так рисует его появление в отечественной

---

[5] *Платонов С. Ф.* Статьи по русской истории (1883—1912). СПб., 1912. 2-е изд. С. 191—192.

[6] Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 89.

[7] См.: *Киреева Р. А.* К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990. С. 238.

[8] *Платонов С. Ф.* Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. 1921. Кн. 2. С. 124.

[9] Автобиография академика С. Ф. Платонова... // Огонек. 1927. № 35. С. 11.

исторической науке: «Ученая репутация Ключевского выросла вдруг около 1881—1882 года. В эти годы он получил кафедру русской истории в Московском университете и напечатал свою докторскую диссертацию «Боярская дума древней Руси». Московские студенты были очарованы изумительным лекторским талантом Ключевского и широко распространили литографические издания его курса. Эти издания дошли и до С.-Петербурга»[10]. Однако отметим, что с самого начала творческого пути работы Платонова отличала самостоятельность научного поиска. «Я не бросился в подражание ему (В. О. Ключевскому.— *Ред.*) и ничего не желал копировать, как некоторые мои сверстники и младшие товарищи. Но я читал и перечитывал Ключевского...» — писал он[11].

В 1882 г. С. Ф. Платонов окончил историко-филологический факультет Петербургского университета и после успешной защиты дипломного сочинения был оставлен для подготовки магистерской диссертации. Университет предоставил диссертанту небольшую стипендию. Одновременно молодой ученый в течение семи лет (1882—1889) работал учителем русского языка и истории, имея 20 уроков в неделю. Можно предположить, что накопленный опыт преподавания истории в гимназии впоследствии положительно сказался при создании учебника по русской истории для средней школы, который Платонов издал в 1909—1910 гг. Исключительная работоспособность, умение правильно распределять рабочее время и прежде всего незаурядный талант позволили Платонову подготовить и в 1888 г. защитить магистерскую диссертацию «Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII в. как исторический источник» (СПб., 1888).

Осенью 1890 г. Платонов был назначен на должность профессора русской истории Петербургского университета. С этого времени распорядок его жизни изменился. Основное внимание уделялось научным трудам, лекциям по отечественной истории. На этом поприще Платонов проявил себя замечательным педагогом и талантливым оратором. Его авторитет среди студенчества рос из года в год. Он продолжал плодотворно изучать историю общественно-экономической жизни России второй половины XVI — начала XVII в.— периода так называемой смуты. В итоге этой работы появился один из главных трудов ученого, ставший докторской диссертацией Платонова,— «Очерки по истории смуты в Московском государстве XIV—XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в смутное время)» (СПб., 1899). Историографическая и источниковедческая ценность «Очерков...» очевидна и сегодня. Книга основана на исследовании очень большого количества источников, многие из

---

[10] Там же.

[11] Дела и дни. Кн. 2. С. 130.

которых впервые были автором основательно изучены. Без преувеличения можно утверждать, что в отечественной историографии Платонов остался выдающимся специалистом в области социально-политической истории России второй половины XVI—начала XVII в.

К началу XX в. С. Ф. Платонов являлся одним из ведущих профессоров Петербургского университета, читал яркие и содержательные лекции как на историческом факультете университета, так и в женском Педагогическом институте Петербурга, директором которого он был с 1905 по 1916 г. Помимо этого, Платонов в разные годы блестяще преподавал русскую историю в Военно-юридической академии, в Петровском коммерческом училище, в Александровском лицее. Талант администратора проявился у Платонова и во время его работы в качестве декана исторического факультета университета (1900—1905), и в ходе создания Исторического общества при Петербургском университете, одним из инициаторов которого он был. Созданное в 1890 г. Историческое общество ставило своей целью не только совершенствование теории исторического процесса, но и изменение содержания и методов обучения истории в школе. И это не случайно. В то время происходила острая борьба либерально-буржуазного и демократического направлений отечественной историографии с официально-охранительным — дворянско-монархическим. Эта борьба шла не только в сфере академической науки (где в 90-е годы XIX в. стала очевидной устарелость дворянской историографии, а господствующее положение заняли либерально-буржуазные историки, к числу которых принадлежал и Платонов), но и в средней школе. Школьное образование всегда являлось и является одним из основных звеньев, связывающих историческую науку и общество. Посредством этой связи реализуются социально-политические функции исторического познания, прежде всего воспитательная, а также прогнозирующая, которая дает возможность выяснить закономерности исторического процесса и социальной памяти. Тогда каждый историк, каждая научная школа старались воплотить свои идеи не только в специальных исследовательских трудах, но и в массовых изданиях, стремились сделать достоянием общественности различные интерпретации исторического процесса. Достаточно сказать, что только в конце XIX — начале XX в. вышло в свет около ста новых книг для чтения, учебников и учебных пособий по русской истории (не включая переизданий). Этот богатейший пласт историографических источников позволяет по-новому взглянуть на процесс становления, эволюции, взаимовлияния, борьбы и смены различных историографических школ и направлений.

В области школьной истории авторитет С. Ф. Платонова был достаточно высок — не случайно он был избран членом Ученого комитета Министерства народного просвещения. Некоторые советские историки, в том числе И. К. Додонов, С. М. Дубровский,

без оснований сближали взгляды на русскую историю Д. И. Иловайского и С. Ф. Платонова. Они отмечали их близость в деле «открытой монархической пропаганды», характерной для реакционно настроенных представителей дворянско-монархической историографии [12].

Д. И. Иловайский — видный деятель официально-охранительной историографии конца XIX — начала XX в., специалист в области истории древней Руси, истории Польши. Его перу принадлежат отдельные монографии и компилятивная и устаревшая уже ко времени ее издания пятитомная «История России» (М., 1876—1905). Более известен он был в то время как автор учебников для средней школы, в которых утверждалась и пропагандировалась дворянско-монархическая схема исторического процесса России. Благодаря официальной поддержке с 1860 по 1916 г., его «Краткие очерки русской истории» выдержали 44 издания, учебники для младшего школьного возраста — 32 издания, по всеобщей истории — 36 изданий. К началу века в передовых кругах имя Иловайского стало синонимом ретроградства. Не следует забывать, что Платонов весьма негативно относился и к «Истории России», и к учебным пособиям Иловайского. Он считал, что они не могут «...влиять на развитие нашей историографии или отражать во всей полноте ее современные успехи» [13]. В полемике с Иловайским на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» в 1901 г. [14] Платонов подверг острой критике концептуальные позиции Иловайского, характеризовал его как сторонника «произвольных построений в исторической науке» и поддерживал прямо отрицательную рецензию на «Краткие очерки русской истории», в которой говорилось, в частности, что учебник Иловайского требует не исправлений и поверхностного пересмотра, а коренной переработки [15]. Эта рецензия шла в печати без подписи, но показательно, что сам Иловайский приписывал ее авторство Платонову.

Вершиной деятельности С. Ф. Платонова в школьном историческом образовании можно считать издание им учебника по русской истории — одного из лучших дореволюционных учебников [16]. Вышедшая в 1909 г. первая часть, а в 1910 г.— вторая часть учебника русской истории Платонова впоследствии ежегодно

---

[12] См.: Историография истории СССР. М., 1961. С. 453; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 88.

[13] *Платонов С. Ф.* Статьи по русской истории (1883—1912). СПб., 1912. С. 126.

[14] См.: *Иловайский Д. И.* Ответ рецензентам моих учебников // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. № 5. С. 235—238; *Платонов С. Ф.* Несколько слов по поводу «ответа» Д. И. Иловайского // Там же. 1901. № 8. Отд. 2. С. 508—509; *Платонов С. Ф.* К заметке Д. Иловайского // Там же. С. 509—510.

[15] См.: Журнал Министерства народного просвещения. 1901. № 6. Отд. 2. С. 256; № 2. Отд. 3. С. 32—41.

[16] См.: *Платонов С. Ф.* Учебник русской истории для средней школы. СПб., 1909—1910. Ч. 1—2.

переиздавались (в одной книге) вплоть до 1917 г. На 493 страницах ясно, доступно и занимательно изложена отечественная история. Начинается она с характеристики «догосударственного быта» славян и кончается 1894 годом. Учебник Платонова стал самым популярным пособием по русской истории в средней школе — об этом свидетельствует анкетирование, проведенное в 1912 г. исторической комиссией учебного отдела Общества распространения технических знаний [17]. На учебник появилось несколько положительных рецензий [18], в которых авторы единодушно подчеркивали его методические достоинства, отмечали доступность, лаконичность изложения. В них говорилось, что содержательная сторона учебника Платонова не шла ни в какое сравнение с учебниками Иловайского и Острогорского, представлявшими, по мнению авторов, собрание исторических анекдотов и биографий царей.

Талант педагога-историка был замечен при дворе. Платонов был приглашен преподавателем истории в царскую семью. Назначение на должность воспитателя наследника престола в царской России являлось своего рода признанием заслуг на поприще исторической науки. Возможно, некоторые исследователи творческого наследия Платонова из-за его близости ко двору порой преувеличивали реакционность ученого. Однако можно предположить, что вряд ли Платонов мог с особой симпатией относиться к высшим правящим кругам. Соглашаясь быть придворным воспитателем, ученый скорее всего руководствовался честолюбивыми стремлениями. Заметим, что отдельные коллеги Платонова, видя в нем талантливого ученого и администратора, в то же время характеризовали его как человека властного, честолюбивого [19].

Революцию в октябре 1917 г. С. Ф. Платонов встретил уже будучи крупным и наиболее авторитетным исследователем отечественной истории, главой петербургской школы русских историков, или «школы Платонова». В разное время его учениками были такие видные историки, как А. Е. Пресняков, С. В. Рождественский, С. М. Середонин, А. И. Заозерский, Н. Д. Чечулин, П. Г. Васенко, Б. А. Романов, П. Г. Любомиров и другие.

---

[17] См.: Анкета о преподавании в средней школе // Вестник воспитания. 1913. № 3.

[18] См.: *В. В. — Ч.* Рец.— Проф. С. Ф. Платонов. Учебник русской истории для средней школы. 1909. Ч. 1 // Исторический вестник, 1909, № 8; *В. Т-ий.* Рец.— Проф. С. Ф. Платонов. Учебник русской истории для средней школы. СПб., 1910. Ч. 2 // Там же. 1910. № 4; *Рождественский С.* Рец.— Проф. С. Ф. Платонов. Учебник русской истории для средней школы. СПб., 1909. Ч. 1 // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. Ноябрь; *И. Б.* Рец.— Проф. С. Ф. Платонов. Учебник русской истории для средней школы. СПб., 1909. Ч. 1 // Современный мир. 1910. № 3; и др.

[19] См., напр.: Институт русской литературы и искусства (ИРЛИ), ф. 24709, л. 7 об.— 8 (В. Г. Васильевский — К. Н. Бестужеву-Рюмину от 6 января 1890 г.); Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ), ф. 167, оп. 1, д. 9, лл. 13—26 (воспоминания В. Г. Дружинина).

Октябрьскую революцию 1917 г. Платонов воспринял как историческую аномалию, вызванную войной, нищетой и разрухой. Он полагал, что установление власти большевиков — явление временное. Единственная, по его мнению, разумная альтернатива социально-политическому развитию страны — переход от диктатуры рабочего класса к демократии по образцу западных государств. В. С. Брачев, анализируя материалы допросов Платонова в следственном изоляторе Ленинградского ОГПУ (С. Ф. Платонов провел в заключении 18 месяцев — с 12 января 1930 г. по 8 августа 1931 г.), пишет: «В конечном итоге, по мнению Платонова, в стране должна была установиться «демократическая республика на основе широкой коалиции», причем произойти это могло без каких-либо серьезных потрясений, «путем внутренней эволюции, под давлением крестьянских масс». «Правительственная партия,— считал Платонов,— должна ориентироваться не только на рабочий класс, а преимущественно на крестьянство как главную силу нашей страны, в противном случае,— предостерегал он,— брожение среди крестьянства и восстания неизбежны» [20].

Политические взгляды Платонова, жившего в сложную эпоху социальных бурь и общественных потрясений, не оставались неизменными. До революции Платонов придерживался либеральных буржуазно-монархических позиций. После 1917 г. эволюция политических воззрений ученого шла в направлении буржуазной демократии.

Забота о сохранении и приумножении культурно-исторического наследия России побудила С. Ф. Платонова к активному использованию тех возможностей, которые открывала революция. Об этом свидетельствует перечень общественных и административных постов, которые он занимал: директор Археологического института (1918—1923), председатель Археографической комиссии (1918—1929), заведующий Петроградским отделением Главархива (1918—1923), председатель Археологического отделения факультета общественных наук Петроградского университета, председатель Археологического общества и Союза российских архивных деятелей, заведующий Ученой комиссией по истории труда в России, редактор Особой научной географической комиссии, председатель Комитета по изучению древнерусской живописи, главный редактор «Русского исторического журнала», директор Пушкинского дома; в августе 1925 г. он был избран директором Библиотеки Академии наук. На всех постах ученый работал не жалея сил, реализуя свой богатейший опыт и талант организатора исторической науки. Признанием огромного вклада Платонова в развитие отечественной исторической науки было

---

[20] *Брачев В. С.* «Дело» академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 126. (Брачев Виктор Семенович — кандидат исторических наук, доцент Ленинградского педагогического ин-та им. А. И. Герцена.)

избрание его 3 апреля 1920 г. действительным членом Академии наук, а в марте 1929 г.— академиком-секретарем Гуманитарного отделения и членом Президиума Академии наук СССР.

Несмотря на напряженную административную и общественную работу, Платонов опубликовал в послеоктябрьские годы несколько трудов, обогативших нашу научно-историческую литературу. Среди них «Иван Грозный» (1923), «Борис Годунов» (1921), «Петр Великий» (1926).

Трагическим для ученого явился период с конца 1929 по 1931 г.: С. Ф. Платонов был необоснованно[21] арестован — он обвинялся в организации контрреволюционного заговора в целях свержения советской власти.

Поводом к обвинению Платонова явилось обнаружение в архивах Пушкинского дома, Библиотеки Академии наук (БАН), Археографической комиссии важных и весьма ценных политических источников. Среди них хранились подлинные экземпляры документов отречения от престола императора Николая II; отдельные материалы Департамента полиции, Корпуса жандармов, охранных отделений, дела провокаторов; архив ЦК Конституционно-демократической партии (кадетов); архив ЦК партии социалистов-революционеров (эсеров); списки членов «Союза русского народа»; материалы Учредительного собрания и Комиссии по его роспуску и другие важные документы. Большинство из них поступило в академические учреждения из личных архивов и библиотек. Особенно значительным был поток поступлений в первые послереволюционные годы, поскольку многие из дарителей считали, что их личные библиотеки и архивы может спасти от гибели только БАН, высокому научному авторитету ведущих сотрудников которой они доверяли. В результате отдельные материалы оказались неучтенными. Очевидно, что ни Платонов, ни другие ученые, работавшие в Академии, вполне могли не знать о всех поступлениях. Главной «ошибкой» Платонова было то, что он несвоевременно распорядился о выявлении политических документов и направлении их в Центрархив РСФСР. Но его объяснения, аргументация просты и убедительны — научное использование материалов в Библиотеке Академии наук было значительно менее затруднительным, чем в Центрархиве РСФСР.

Однако специальная следственная комиссия во главе с членом коллегии ОГПУ Я. Х. Петерсом, производившая совсем не научные «разыскания» в Академии с конца октября 1929 г., усматривала и находила в академических хранилищах исключительно политическую подоплеку — «сокрытие» документов. Было сфабриковано «дело» Платонова. Так как он возглавлял ведущие исторические учреждения Академии, то и был объявлен главой «контрреволюционного заговора». Всего по «делу» Платонова

[21] См.: Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117—129.

проходило 115 человек, среди них как ленинградские историки, так и профессора Московского университета: это академики Н. П. Лихачев, Е. В. Тарле, М. К. Любавский, члены-корреспонденты АН СССР С. В. Рождественский, В. Г. Дружинин, В. Н. Бенешевич, профессора Ю. В. Готье, Д. Н. Егоров, А. И. Яковлев, а также С. В. Бахрушин, В. И. Пичета, П. Г. Васенко и многие другие. Все они были арестованы. Им инкриминировались стандартные по тому времени обвинения в связях с белой эмиграцией с целью «осуществления планов интервенции против СССР, свержения советской власти и установления конституционно-монархического строя в стране». Однако публичного процесса над учеными не было. В статье Брачева справедливо отмечено: «В условиях, когда в связи с развернувшимся в стране социалистическим строительством роль и значение Академии наук СССР возрастали, публичное избиение ее было явно нецелесообразным. Вопрос поэтому был решен постановлением Коллегии ОГПУ во внесудебном порядке. Несмотря на грозные обвинения, выдвинутые против арестованных ученых, приговор для большинства из них, вопреки ожиданиям, оказался сравнительно мягким — пять лет ссылки»[22]. Трудно себе даже представить ущерб, нанесенный этим «делом» дальнейшему развитию отечественной исторической науки. После разгрома, учиненного в академических учреждениях, в них практически не осталось крупных специалистов в области отечественной истории.

С. Ф. Платонов был осужден к ссылке в Самару, куда он и отбыл 8 августа 1931 г. в сопровождении своих дочерей. Умер он в ссылке 10 января 1933 г. Медицинская экспертиза засвидетельствовала причину смерти — острая сердечная недостаточность. Похоронен Платонов в Самаре на городском кладбище. Спустя почти три с половиной десятилетия — 20 июля 1967 г.— Военная коллегия Верховного Суда СССР полностью его реабилитировала.

* * *

Какую же оценку получили исторические труды С. Ф. Платонова в советской историографии? Сугубо субъективной, уничтожающей критике Платонов подвергся в конце 20-х — начале 30-х годов. Во многом с подачи М. Н. Покровского в печати началась откровенная травля С. Ф. Платонова и его учеников. Своего апогея она достигла в постыдных обличениях Платонова и его школы во всех смертных грехах в книге Г. Зайделя и М. Цвибака «Классовый враг на историческом фронте. Тарле и Платонов и их школы». Эта книга вышла в свет во время ареста и следствия по делу Платонова. Сегодня грубая брань в адрес Платонова воспринимается не иначе как бред. М. Цвибак

---

[22] Вопросы истории. 1989. № 5. С. 128—129.

писал о Платонове: «Читая его воспоминания, мы ясно видим молодого, вылощенного человека типа Молчалина». В другом месте находим такую характеристику: «Политическое лицо чиновника-карьериста, бюрократа, человека правых взглядов, не мыслившего исторического развития страны вне самодержавия и пережитков крепостничества...» [23] — и т. д.

Только со второй половины 30-х годов появилось более спокойное, взвешенное отношение к Платонову и его научному наследию. Здесь следует отдать должное крупному советскому историографу Н. Л. Рубинштейну. В своей книге «Русская историография» он дал осторожную и вместе с тем во многом верную оценку творческого наследия Платонова. Наряду с А. С. Лаппо-Данилевским и А. Е. Пресняковым он относил С. Ф. Платонова к виднейшим представителям исторической науки в Петербургском университете на исходе XIX и в начале XX в.[24]

Сложность и многоплановость научной и организационной деятельности С. Ф. Платонова вызвали позднее различные, порой взаимоисключающие оценки советских историографов. И. К. Додонов полагает, что Платонов являлся представителем официально-охранительного направления буржуазно-дворянской историографии и что его убеждениям свойственна неприкрытая реакционность [25]. Напротив, В. А. Шаров пишет, что методология и историческая концепция Платонова свидетельствует о принадлежности ученого к русской буржуазной историографии [26]. А. Л. Шапиро, хотя и полагает, что Платонов был далек от либерализма, все же не относит его к «...той дворянской официально-националистической группе историков, к которой принадлежал Иловайский». Он не находит существенного отличия исторических взглядов Платонова от взглядов В. О. Ключевского и подчеркивает, что социологические и общеисторические представления С. Ф. Платонова, П. Н. Милюкова, А. А. Кизеветтера настолько приближались друг к другу, что говорить о каких-либо различиях между ними вообще затруднительно [27].

Неопределенна и противоречива точка зрения авторов «Очерков истории исторической науки в СССР». Л. В. Черепнин относит Платонова к официальному консервативно-охранительному направлению в отечественной историографии, но одновременно констатирует, что схема исторического процесса,

---

[23] *Зайдель Г., Цвибак М.* Классовый враг на историческом фронте. Тарле и Платонов и их школы. М., Л., 1931. С. 69, 76.

[24] См.: *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941. С. 502.

[25] См.: Историография истории СССР. М., 1961. С. 365.

[26] См.: *Шаров В. А.* Проблемы социальной и политической истории России конца XVI — начала XVII в. в трудах С. Ф. Платонова: Автореф. канд. дис. М., 1984.

[27] *Шапиро А. Л.* Русская историография в период империализма. Л., 1962. С. 46; см. также с. 33.

представленная в «Лекциях по русской истории», строилась из наблюдений над развитием государства в буржуазном его понимании. В то же время Черепнин называет Платонова крупным представителем буржуазной историографии, главой петербургской школы буржуазных историков[28]. В тех же «Очерках истории исторической науки в СССР» А. А. Зимин и А. А. Преображенский, характеризуя взгляды Платонова после октября 1917 г., утверждают, что он, как и до революции, оставался на позициях буржуазной историогафии[29]. Такие, зачастую противоречивые, оценки исторических воззрений Платонова, когда одни и те же авторы говорят о его принадлежности к официально-охранительному направлению в отечественной историографии и одновременно усматривают в нем типично буржуазного историка, объясняются, по-видимому, отсутствием специальных исследований, посвященных творчеству ученого.

Выяснению сущности исторической концепции С. Ф. Платонова может способствовать историографический анализ его «Лекций по русской истории». В «Лекциях...» целостно изложена его схема русского исторического процесса. Таким образом, рассмотрение взглядов Платонова сразу по комплексу вопросов отечественной истории позволяет не только определить принадлежность историка к тому или иному историографическому направлению, но и увидеть оригинальность его концепции, новаторские подходы к изучению некоторых проблем.

«Лекции по русской истории» С. Ф. Платонова выдержали десять изданий (1-е осуществлено в 1899 г., последнее — в 1917 г.). Не случайно читательский круг лекций был достаточно широк и не ограничивался только специалистами-историками. Большой спрос на труд Платонова объяснялся и его литературными достоинствами. Живой, лаконичный, доступный язык сочетался с высокой степенью научной аргументации. Практически в каждое новое издание лекций Платонов вносил коррективы (издания выходили с пометкой «дополненное», «пересмотренное», «исправленное»), в которых отражались как последние труды русских историков, так и изменения в его собственных воззрениях. В предисловии к последнему изданию лекций Платонов писал: «В частности, в восьмом издании пересмотр коснулся главным образом тех частей книги, которые посвящены истории Московского княжества в XIV — XV веках и истории царствований Николая I и Александра II. Для усиления фактической стороны изложения в этих частях курса мною были привлечены некоторые выдержки из моего «Учебника русской истории» с соответ-

---

[28] См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 291; 283.

[29] См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. 4. С. 280.

ствующими изменениями текста, так же, как в прежних изданиях были оттуда же сделаны вставки в отдел истории Киевской Руси до XII века. Кроме того, в восьмом издании заново была изложена характеристика царя Алексея Михайловича. В девятом издании сделаны необходимые, в общем небольшие, исправления. Для десятого издания текст был пересмотрен»[30].

Отметим, что первые издания «Лекций по русской истории» состоялись благодаря их популярности и желанию самих слушателей Платонова. Первое — третье издания, по скромному утверждению их автора, не отличались ни внутренней цельностью, ни внешней отделкой. Большую работу по оформлению разных лекций и «литографированных записок» слушателей проделали ученики Платонова по Военно-юридической академии И. А. Блинов и Р. Р. фон Раупах. Особенно высоко оценил Платонов труд Ивана Андреевича Блинова по подготовке четвертого издания «Лекций...»[31]. И. А. Блинов до революции работал инспектором Сенатского архива, был автором ряда трудов по государственному праву.

Освещение исторических событий в «Лекциях по русской истории» начинается с древнейшей истории нашей страны и заканчивается временем правления Александра III. Во введении Платонов излагал собственное ви́дение предмета и задач отечественной истории, давал очерк русской историографии и обзор используемых источников.

В основе теоретико-методологических воззрений Платонова лежала философия позитивизма, которая в конце XIX в. способствовала быстрому подъему либерально-буржуазной историографии. Теоретическая конкретизация философии позитивизма применительно к познанию русского исторического процесса нашла свое отражение в «теории факторов». Суть ее в том, что на ход истории влияют различные, как правило, равнозначные факторы исторического процесса: социальный, политический, экономический, географический, этнографический и т. д. Их рассмотрение во всех связях и взаимообусловленностях — задача исследователя. Вслед за Ключевским Платонов выступал последовательным проводником философии позитивизма, существенно расширившей границы плюрализма исторического мышления, способствовавшей увеличению круга используемых источников и, соответственно, проблематики исследований.

Платонов, приступая в лекциях к изложению отечественной истории, так характеризовал состояние русской историографии и задачи, стоящие перед ее исследователями: «Состояние русской историографии до сих пор таково, что иногда налагает на русского историка обязанность просто собирать факты и давать им

---

[30] *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. Пг., 1917. 10-е изд. С. I (настоящее издание, с. 36; в дальнейшем — ссылки на оба издания).

[31] См.: *Платонов С. Ф.* Лекции... С. I (наст. изд., с. 36).

первоначальную научную обработку. И только там, где факты уже собраны и освещены, мы можем возвыситься до некоторых исторических обобщений, можем подметить общий ход того или другого исторического процесса, можем даже на основании ряда частных обобщений сделать смелую попытку — дать схематическое изображение той последовательности, в какой развивались основные факты нашей исторической жизни»[32]. В целом предмет и задачи исторической науки Платонов определял как изучение фактов в условиях «времени и места», главной целью которого «*признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ и всего человечества*». Актуально и сегодня звучат слова Платонова о назначении истории: «Известно старинное убеждение, что национальная история есть путь к национальному самосознанию. Действительно, знание прошлого помогает понять настоящее и объясняет задачи будущего. Народ, знакомый со своею историею, живет сознательно, чуток к окружающей его действительности и умеет понимать ее»[33].

В лекциях, как и в «Статьях по русской истории»[34], Платонов выступал как историограф с широким ви́дением процесса становления и развития русской исторической науки. Используя в историографическом обзоре работы М. О. Кояловича, В. С. Иконникова, П. Н. Милюкова[35], которые он рекомендует для знакомства с историографией, Платонов вместе с тем показывал собственное оригинальное понимание развития историографии, по достоинству оценивал место и значение крупных историков России. Он вскрывал причины, по которым концепции историков, историографических школ «уходили в прошлое». По мнению Платонова, «История государства Российского» Н. М. Карамзина — первый цельный взгляд на русское историческое прошлое. Ограниченность Карамзина — в освещении только судеб государства, а не общества с его культурой, юридическими и экономическими отношениями. Платонов приветствовал желание Н. А. Полевого изобразить в отличие от Карамзина судьбу русского общества в «Истории русского народа», однако приходил к выводу, что идея оказалась нереализованной, «...так как (Полевой.— *Ред.*) был дилетант в сфере исторического ведения»[36].

Ни у представителей скептической школы, ни у славянофилов и западников Платонов не видел цельной исторической концепции. Вместе с тем появление в XIX в. новых исторических течений он рассматривал как шаги прогресса науки. Так, скептическая

---

[32] *Платонов С. Ф.* Лекции... С. 4 (наст. изд., с. 40).
[33] Там же. С. 3, 5 (наст. изд., с. 39, 40).
[34] См.: *Платонов С. Ф.* Статьи по русской истории (1883—1912). СПб., 1912.
[35] См.: *Коялович М. О.* История русского самосознания. СПб., 1884; *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1891; *Милюков П. Н.* Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1897.
[36] *Платонов С. Ф.* Лекции... С. 11 (наст. изд., с. 46).

школа во главе с М. Т. Каченовским привнесла в науку в гораздо большем объеме, чем прежде, критические методы анализа исторических источников. Основной издержкой спора славянофилов и западников Платонов считал уход в публицистику и отход от задач исторической науки.

Сергея Михайловича Соловьева и Константина Дмитриевича Кавелина Платонов относил к историко-юридической школе. Труды этих историков он оценивал как крупное достижение в развитии русской исторической мысли середины XIX в. В концепциях Соловьева и Кавелина Платонову импонировала «стройная научная система, впервые данная нашей истории...»[37]. По утверждению Платонова, заслугой Б. Н. Чичерина, В. И. Сергеéвича и в первую очередь В. О. Ключевского было «уничтожение стройной системы родового быта». Будущее отечественной историографии виделось Платонову в «историческом синтезе» достижений различных школ и течений.

Рассматривая в «Лекциях по русской истории» вопрос об образовании Киевского государства, Платонов вслед за Ключевским шел вразрез с представлениями сторонников государственной школы, которые усматривали в древней Руси господство «родового быта». По его мнению, основными причинами возникновения государственности в древнем Киеве было развитие торговли, земледелия, других форм хозяйственной деятельности. В результате роста товарного производства «из патриархального родового и племенного быта славяне понемногу переходили к общинному устройству и соединялись под влиянием главных «старейших» городов в волости или княжества, в которых объединяли людей уже не родственные отношения, а гражданские и государственные. С течением времени отдельные городские и племенные волости и княжества собрались вместе и объединились под одною государственною властью. Тогда началось единое Русское государство...»[38].

В конце XIX — начале XX в. в либеральной академической науке обнаружилась тенденция решения «варяжского вопроса» в пользу славянского происхождения Руси, которая объяснялась появлением новых подходов к изучаемой проблеме. М. А. Алпатов справедливо связывает возникновение нового подхода в решении «варяжского вопроса» с именами В. О. Ключевского и А. А. Шахматова[39]. Он подчеркивает, что если раньше норманисты и антинорманисты искали источники и аргументы, чтобы подтвердить свой заранее постулированный вывод, то Шахматов и Ключевский подошли к вопросу иначе: они старались понять самого летописца, изучить, в каких условиях он жил,

---

[37] *Платонов С. Ф.* Лекции... С. 18 (наст. изд., с. 53).

[38] Там же. С. 62 (наст. изд., с. 94).

[39] См.: *Алпатов М. А.* Варяжский вопрос в дореволюционной литературе // Вопросы истории. 1982. № 5. С. 44.

какие проблемы современности его заботили, почему он именно так реконструировал события прошлого.

Алпатов указал только на одну сторону нового подхода к изучению «варяжского вопроса», предложенного Шахматовым и Ключевским. Однако Платонов, как и Ключевский, рассматривая проблему происхождения Русского государства, исходил уже не столько из «этнических условий», сколько из анализа общественно-экономической жизни древней Руси. Платонов считал, что власть варяжских князей возникла на сложившемся организме общественной жизни Руси; государственный порядок, заявлял он, ведет свое начало на Руси с IX в. Платонов подчеркивал: «Влияние варягов было крайне ничтожно; они не нарушали общего порядка прежней общественной жизни»[40]. Таким образом, ученый по-новому в русской историографии подошел к решению «варяжского вопроса». Считая, что государственный порядок на Руси сформировался до прихода варягов, он в возникновении «государственных начал» видел отнюдь не деятельность князей, а внутренние социально-экономические процессы древнерусского общества. Как видим, Платонов выводил решение проблемы «образования Русского государства» за рамки бесплодной полемики норманистов и антинорманистов исключительно по этническому признаку. Это был крупный шаг вперед в решении «норманского вопроса».

В отличие от Д. И. Иловайского, историков государственной школы, занимавшихся историей древнего Киева, С. Ф. Платонов подробно освещал вопросы общественно-экономической жизни древнерусского государства. Он не был согласен с Ключевским, который видел в основе хозяйственного быта Киевского государства торговлю и определял его как городскую, рабовладельческую Русь. По мнению Платонова, в хозяйственно-экономической жизни древнего Киева помимо торговли немаловажную роль играло земледелие. (Можно предположить, что ученик Платонова А. Е. Пресняков в своей монографии «Княжое право в древней Руси» [СПб., 1909] не без влияния Платонова пришел к выводу о господствующей роли земледелия в экономике древней Руси.) Признавая в социальной структуре Киевского государства наличие рабов и свободных людей, Платонов отнюдь не считал древнерусское государство рабовладельческим. Он отмечал сильную дифференциацию в социальной структуре как городского, так и сельского населения. Следует отметить, что все работы Платонова отличало повышенное внимание к социальной проблематике. Он выделял три основные социальные категории населения: 1) привилегированный слой (княжеская дружина — ей принадлежала главенствующая роль среди других категорий); 2) основная масса — средний класс (в Киевской Руси — люди); 3) лишенные прав рабы (холопы или челядь)[41].

---

[40] *Платонов С. Ф.* Лекции... С. 71 (наст. изд., с. 102—103).
[41] См. там же. С. 97—98 (наст. изд., с. 127—128).

Несмотря на то что С. Ф. Платонов дал разностороннюю характеристику социально-экономической жизни древнерусского государства, общее идеалистическое понимание исторического процесса сказалось в его понимании причин упадка Киевской Руси. Не считая это явление исторически закономерным, он утверждал, что главная причина его кроется прежде всего в ослаблении единой политической власти — «в едином обществе не было единой политической власти...». Вместе с тем, вопреки традиции дворянской историографии видеть причину наступления раздробленности прежде всего в сложном и спорном порядке наследования княжеской власти, Платонов подчеркивал: «...усобицы князей, отсутствие внешней безопасности, падение торговли и бегство населения... были главными причинами упадка южнорусской общественной жизни. Появление же татар нанесло ей лишь окончательный удар»[42].

В лекциях на темы «Колонизация Суздальско-Владимирской Руси», «Удельный быт Суздальско-Владимирской Руси» С. Ф. Платонов освещал период, обычно в дореволюционной историографии называвшийся удельным, хронологически определив его от XII до конца XV в. Главным содержанием этой эпохи автор считал усиление национального единения русского народа. В основе хозяйственного уклада этого периода, указывал Платонов, лежало вотчинное землевладение. Удельного князя он характеризовал как вотчинника с правами государя и государя с привычками вотчинника. Историк отмечал, что «князь вполне различал села от волостей по праву владения, но вполне их смешивал по способу эксплуатации». Платонов выделял три центра государственной жизни, пришедших на смену старому Киеву,— Новгородскую Русь, Суздальскую Русь, Юго-Западную Русь,— и выяснял характер государственного управления, хозяйственного быта, социальной структуры населения этих центров. Говоря о главном отличии хозяйственной жизни между севером и югом, Платонов писал: «В общем характере Суздальской Руси лежали крупные различия, сравнительно с жизнью Киевской Руси: из городской, торговой она превратилась в сельскую земледельческую»[43].

Оценивая характер и последствия монголо-татарского нашествия, Платонов отмечал, что оно не повлияло на социально-экономическое развитие русского общества, а лишь задержало его, вызвало «некоторый культурный застой». Отсутствие сколько-нибудь определенного монголо-татарского влияния автор объяснял более высоким культурно-экономическим уровнем русского общества. В этом отношении не выдерживает критики позиция Иловайского в вопросе «татарского влияния», считавшего даже, что московское самодержавие при Иване Грозном

---

[42] *Платонов С. Ф.* Лекции... С. 101, 102 (наст. изд., с. 130, 131).

[43] Там же. С. 104 (наст. изд., с. 133—134).

явилось порождением монголо-татарского ига. Платонов, критикуя Иловайского за непонимание политической деятельности Ивана IV, писал: «По данным г. Иловайского, можно было бы предположить, что у него есть бессознательная тенденция объяснять все темное в русском быту XVI века влиянием татар...»[44]

«Да и как татарское влияние на русскую жизнь могло быть значительно, если, завоевав Русь, татары не остались жить в русских областях, богатых неудобными для них лесами, а отошли на юг, в открытые степи?» — справедливо ставил вопрос Платонов. «Ощутительно сказалось не влияние татар,— продолжал он,— а сказался самый факт их господства над русской землей только в том отношении, что содействовал окончательному разделению Руси на две половины: на северо-восточную и юго-западную...»[45]

В «Лекциях по русской истории» Платонов подробно останавливался на рассмотрении общественно-экономической жизни Новгорода. По его представлению, Новгород — «целое государство, возникшее и жившее своеобразно и пришедшее в упадок благодаря внутренним неурядицам»[46]. Ученый объяснял обособленность Новгородской земли развитием торговли и промышленности, следствием чего явились специфичность государственного выборного (вечевого) управления, внутренняя самостоятельность новгородских пригородов и волостей. Автор нигде не называл в своем курсе лекций Новгород республикой, но его описание государственного устройства Новгорода говорило в пользу взгляда на Новгород как на республику. Платонов признавал наличие классовой борьбы в новгородском обществе. Один из параграфов его учебника по русской истории для средней школы так и называется: «Состав новгородского населения и борьба классов в Новгороде». Признание активной социальной борьбы в историческом развитии России определенно отделяет Платонова от дворянских историков, принадлежавших к официально-охранительному направлению. Концепция последних отрицала это явление в истории Русского государства. В данном вопросе Платонов пошел дальше и историков государственной школы. Однако понимание им классов, классовой борьбы не выходило за пределы идеалистического мировоззрения. Платонов, следуя другим буржуазным историкам, выводил социальную структуру общества и классовые противоречия из интересов надклассового государства[47].

Характеризуя социальную структуру новгородского общества, Платонов выделял три «класса»: высший — бояре; сред-

---

[44] *Платонов С. Ф.* Статьи по русской истории. С. 119.
[45] *Платонов С. Ф.* Лекции... С. 108—109 (наст. изд., с. 137—138).
[46] Там же. С. 119 (наст. изд., с. 147).
[47] См.: *Шапиро А. Л.* Русская историография в период империализма. Л., 1962. С. 46.

ний — житьи люди и купцы; низший — черные люди. Бояре, стоявшие во главе Новгорода,— это «крупные капиталисты и землевладельцы». Они полностью контролировали торговлю в Новгороде, поскольку ссужали купцов капиталами. «Житьи люди» — «землевладельцы» и «средние капиталисты», жившие на проценты от своих капиталов. К «черным людям», по мнению историка, относились жившие в городах ремесленники и рабочие, а также сельские жители — «смерды» и «земцы». «Смерды» — мелкие землевладельцы, а «земцы» — безземельные люди. Выясняя социальные противоречия новгородского общества, Платонов впервые в отечественной историографии пришел к выводу, что главной причиной потери независимости Новгородом было обострение социальной борьбы. «Вражда больших и меньших людей новгородских получала чрезвычайную остроту, и Новгород впал в тяжелую непрерывную смуту». И далее: «...эта смута была первою и главною причиной падения Новгорода» [48]. Негативно относясь к классовой борьбе, Платонов полагал, что именно борьба сословий вела к экономическому упадку Новгородской земли. В отличие от Ключевского, который, указывая на политические, экономические и социальные предпосылки падения Новгорода, основную причину потери Новгородом самостоятельности усматривал в процессе образования великорусской народности, Платонов утверждал: «...причина падения Новгорода была не только внешняя — усиление Московского государства, но и внутренняя; если бы не было Москвы, Новгород стал бы жертвою иного соседа, его падение было неизбежно, потому что он сам в себе растил семена разложения» [49].

Позиция Платонова в вопросе истории Новгорода может показаться консервативной. Однако в его оценке развития Новгородской земли, вероятно, сказался не столько монархизм политической платформы ученого, сколько стремление дать объективную картину процесса образования Московского государства. Думается, что именно поэтому Платонов не спешил следовать традиции либеральной историографии — идеализировать государственное устройство Новгорода. Рассматривая государственное устройство Пскова, Платонов отмечал бóльшую централизованность и демократичность псковского веча по сравнению с новгородским: «Все общество имело более демократический склад с преобладанием средних классов над высшими. Того внутреннего разлада, какой губил Новгород, не было». И далее, соглашаясь с Ключевским в оценке падения Пскова, историк писал: «Самостоятельность Пскова пала не от внутренних его болезней, а от внешних причин — от усиления Москвы, которым выражалось стремление великорусского племени к государственному объединению» [50].

---

[48] *Платонов С. Ф.* Учебник русской истории для средней школы. СПб., 1914. С. 46.

[49] *Платонов С. Ф.* Лекции... С. 126 (наст. изд., с. 154).

[50] Там же. С. 127 (наст. изд., с. 154—155).

Касаясь историографии проблемы образования Московского государства, Платонов критиковал взгляды Иловайского. Последний считал, что главной причиной роста Москвы как политического центра было пробуждение народного инстинкта: народ, чувствовавший опасность от татар, должен был сплотиться. Платонов же причины образования Московского государства вскрывал в соответствии с последними достижениями современной ему русской исторической мысли. К основным из них, по его мнению, относились: 1) географическое положение, давшее Московскому княжеству население и средства; 2) личные способности первых московских князей, их политическая ловкость и хозяйственность, умение пользоваться обстоятельствами — этого не было у тверских князей, хотя и Тверское, и Московское княжества занимали одинаково выгодное положение. К причинам, способствовавшим усилению Москвы, Платонов относил: 1) сочувствие духовенства — его выражением явился перенос в Москву церковного центра; 2) политическую близорукость монголо-татар, которые не могли своевременно заметить опасное для них усиление княжества; 3) отсутствие сильных врагов: Новгород не был силен, а в Твери происходили постоянно междоусобия князей; 4) сочувствие бояр и населения.

С образованием Русского государства во главе с Москвой Платонов связывал переход удельного быта в государственный, что и выразилось в характере управления и социальной структуре. Процесс стягивания земель вокруг Москвы, по мнению ученого, заключался и в том, что московские князья распространяли свои удельные понятия от своего удела на всю страну и по удельному порядку считали себя собственниками и хозяевами всего огромного государства. Такой вотчинный характер власти, когда великие князья смотрели на государство как на собственный удел, но не забывали учитывать «характер национальной власти», по убеждению Платонова, сохранялся вплоть до первых Романовых. Переход удельного быта в государственный вызвал рост поместного землевладения и образование нового служилого сословия, что отрицательно сказалось на положении крестьянства и другого тяглого населения, справедливо отмечал историк. Положение крестьян усугублялось тем, подчеркивал он, что малопоместный владелец, получая право облагать и оброчить крестьян сборами и повинностями в свою пользу, в то же время был обязан собирать с них государственные подати [51].

Характеризуя общественно-экономические отношения в период становления Московского государства и в более позднее время, Платонов обходил вопрос о наличии феодальных отношений в стране. Хотя он и не стремился искать аналогии в русской истории с западноевропейским феодализмом, его анализ вотчин-

---

[51] См.: *Платонов С. Ф.* Лекции... С. 189, 213 (наст. изд., с. 213, 235).

ного и поместного хозяйства давал аргументы в пользу существования русского феодализма. Он был знаком с трудами Н. П. Павлова-Сильванского, в которых развертывалась концепция русского феодализма, и «симпатизировал» ей [52].

Наиболее важными в историографическом плане являются темы курса, в которых автор освещает эпоху Ивана Грозного и смутное время. Ведь именно эти проблемы основательно разрабатывались Платоновым в его специальных трудах. В «Лекциях...» же историк излагал свои выводы о причинах и социальном характере опричнины и смутного времени. Опричнину и смутное время он считал не аномальными явлениями в истории русской государственности, а вполне закономерными, явившимися прологом дальнейшего общественно-политического развития России в XVII в. Полностью отвергал Платонов карамзинскую традицию видеть в опричнине «безумство» царя Ивана. Опричнину он оценивал как орудие государственной реформы. В отличие от Соловьева, считавшего, что учреждение опричнины было удалением главы государства от государства, а также в отличие от Ключевского, полагавшего, что она действовала против частных лиц и служила полицейским средством пресечения и предупреждения государственных преступлений, Платонов видел главное значение этого жестокого, но социально обусловленного явления в разгроме боярской оппозиции, в подрыве княжеского землевладения. Он далек от мысли, что опричнина искусственно изолировала себя от государства, от решения стоявших перед ним задач. «Цель опричнины состояла в том, чтобы отнять всякую силу и значение у той княжеской аристократии, которая образовалась в Москве из потомства удельных князей и считала себя как бы соправительницей государства»,— писал Платонов. Он подчеркивал, что результатом опричнины явилось выдвижение служилого дворянства и усиление государственной власти русского монарха. Признавая, что «опричнина была жестокою мерою, разорившею не только княжат, но и многих других людей», Платонов констатировал, что она худшим образом отразилась на положении податного сословия, «возбудила ненависть гонимых», вызвала социальное противоречие имущих с неимущими. Это обстоятельство, по мнению ученого, подготовило почву для смуты в Русском государстве [53].

Характеризуя положение населения сразу после опричнины, Платонов писал: «Высший служилый класс, частью взятый в опричнину, частью уничтоженный и разогнанный, запуганный и разоренный, переживал тяжелый нравственный и материальный кризис. Гроза опалы, страх за целость хозяйства, из которого уходили крестьяне, служебные тягости, вгонявшие в долги,

---

[52] См. там же. С. 117 (наст. изд., с. 145).

[53] См.: там же. С. 205 (наст. изд., с. 228); *его же.* Учебник русской истории. С. 163—164.

успехи давнишнего соперника по землевладению — монастыря,— все это угнетало и раздражало московское боярство, питало в нем недовольство и приготовляло его к участию в смуте. Мелкий служилый люд, дети боярские, дворовые и городовые, сидевшие на обезлюдевших поместьях и вотчинах, были прямо в ужасном положении. На них лежала всею тяжестью война Ливонская и охрана границ от Литвы и татар»[54].

Высказывая критическое отношение к «отвратительно жестоким» гонениям опричного террора, Платонов не оправдывал Ивана Грозного, руководствовавшегося принципом: «Лес рубят — щепки летят». Вместе с тем он осуждал и политическую близорукость князя А. М. Курбского, других современников Ивана IV. Платонов отмечал: «Непонятное ожесточение Грозного, грубый произвол его «кромешников» гораздо более затрагивал интересы современников, чем обыденная деятельность опричнины, направленная на то, чтобы «людишек перебрать, бояр и дворян, и детей боярских, и дворовых людишек». Современники заметили только результаты этой деятельности — разгром княжеского землевладения; Курбский страстно упрекал за него Грозного, говоря, что царь губит княжат ради вотчин, стяжаний и скарбов; Флетчер[55] спокойно указывал на унижение «удельных князей» после того, как Грозный захватил их вотчины. Но ни тот, ни другой из них (ни Курбский, ни Флетчер.— *Ред.*), да и вообще никто не оставил нам полной картины того, как царь Иван Васильевич сосредоточил в своих руках, помимо «земских» бояр, распоряжение доходнейшими местами государства и его торговыми путями и, располагая своею опричною казною и опричными слугами, постепенно «перебирал» служилых людишек, отрывал их от той почвы, которая питала их политические воспоминания и притязания, и сажал на новые места, или же совсем губил их, в припадках своей подозрительной ярости»[56].

С. Ф. Платонов утверждал, что в результате опричного террора пострадали все слои русского общества. Такой взгляд нашел преемственность и развитие в наше время в работах Р. Г. Скрынникова. В книге «Иван Грозный» он писал: «Опричный террор ослабил влияние боярской аристократии, но он нанес также большой ущерб дворянству, церкви, высшей приказной бюрократии, т. е. тем социальным силам, которые служили наиболее прочной опорой монархии. С политической точки зрения террор против этих слоев и группировок был полной бессмыслицей»[57].

Таким образом, наряду с политическим противоречием, нашедшим отражение в столкновении московской власти с боярс-

---

[54] *Платонов С. Ф.* Лекции... С. 225 (наст. изд., с. 247).

[55] Флетчер Джайлс (ок. 1549—1611) — английский дипломат. В 1588—1589 гг.— посол в Москве; автор сочинения «О государстве Русском».

[56] *Платонов С. Ф.* Лекции... С. 205—206 (наст. изд., с. 228—229).

[57] *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 1983. С. 191.

кой оппозицией в лице родовой аристократии, Платонов усматривал причину бурных коллизий эпохи смутного времени в борьбе тяглой массы населения с их угнетателями, которую вызывало систематическое подчинение рабочей массы интересам служилых землевладельцев, живших за счет этой массы. Если крупнейший русский буржуазный историк С. М. Соловьев объяснял смуту как столкновение новых государственных начал со старыми, выражавшееся в борьбе московских государей с боярством, то Платонов видел в ней прежде всего социальную борьбу низших сословий с высшими.

С. Ф. Платонов подробно останавливается на выяснении социального состава движения Болотникова. Он заметил, что подняться на борьбу угнетенные массы заставило ухудшение экономического состояния. Но понимание Платоновым социальной борьбы эксплуатируемых масс было противоречивым. С одной стороны, историк убеждал, что ухудшение экономического состояния сословий поднимает их на борьбу, а с другой — полагал, что эта борьба вызвана политическим противоречием, столкновением боярского сословия с дворянским.

Отметим, что, пожалуй, впервые в дореволюционной историографии Платонов давал наиболее объективную и в целом положительную характеристику Борису Годунову, считая его талантливым политическим деятелем. Государственная деятельность Годунова, по утверждению Платонова, имела «симпатичный характер». Борис успешно решал историческую задачу «умиротворения взволнованной страны» [58].

Автор по-новому оценивал результаты смуты. В противовес К. С. Аксакову и Н. И. Костомарову, занимавшимся тем же сюжетом и считавшим смутную эпоху фактом случайным, не имевшим глубоких исторических причин, ничего не изменившим и не внесшим ничего нового в общественную жизнь, в систему государственного управления, Платонов утверждал, что эпоха смуты была богата реальными последствиями, отразившимися на общественно-экономическом развитии Русского государства. Последствия смуты ученый усматривал, во-первых, в окончательном разгроме боярства: «...начавшее смуту боярство не только не достигло своих целей, но было совсем разбито смутою...»; во-вторых, в резком возвышении московского дворянства: «...главную силу в Московском государстве получили люди средних классов — дворяне и горожане»; в-третьих, в подрыве экономического благосостояния страны, которое вызвало экономическое прикрепление посадского и сельского населения, поставило московскую торговлю и промышленность на время в полную зависимость от иностранцев [59]. Давая свою образную оценку смуты,

---

[58] *Платонов С. Ф.* Лекции... С. 244 (наст. изд., с. 264).

[59] См.: *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. С. 314—318; *Платонов С. Ф.* Учебник русской истории. С. 206.

Платонов сравнивал ее с давней болезнью, окончившейся выздоровлением государственного организма: «Общество переболело, оправилось, снова стало жить и не заменилось другим, но само стало иным, изменилось»[60].

Характеризуя эпоху Петра I и его преобразования, С. Ф. Платонов полагал, что деятельность царя была тесно связана с историческим прошлым России и была обусловлена решением внутренних задач, но его реформы по своему существу и содержанию не были ни социально-политическим, ни экономическим переворотом. Они не изменили основного положения сословий в государстве и не сняли с них прежних повинностей. Россия, имея при Петре не более 200 фабрик и заводов, оставалась страной земледельческой. Поэтому, считал историк, неправомерно называть Петра «царем-революционером» (взгляд на Петра I как на «царя-революционера» восходил к Соловьеву). На вопрос о том, почему деятельность Петра приобрела и у потомков, и даже у современников монарха репутацию коренного государственного переворота, Платонов отвечал, что в обществе не было сознания исторической традиции, какое жило в «гениальном» монархе[61].

По мнению Платонова, социальная политика Петра Великого в отношении крестьянства была противоречивой. Петр не спешил развивать крепостную зависимость крестьян: «...в законодательстве Петра нет ни одного указа, отменяющего прикрепление к земле и устанавливающего крепостную зависимость личную; крестьянин и при Петре оставался гражданином». Однако объективно проведение податной реформы способствовало укреплению крепостного состояния крестьянства: «Жизнь закрепощала их все более, но, как мы видели, началось это еще до Петра, а окончилось уже после него»[62].

Толкование исторической роли Петра I у Платонова близко к взглядам Ключевского. Он полагал, что Петр I лишь «ускорил» развитие объективного исторического процесса. Вслед за Ключевским Платонов подчеркивал в петровских реформах элементы стихийности, бесплановости. Как и Ключевский, Платонов считал, что военные события превращались в пружину реформ.

Освещая послепетровскую эпоху, Платонов находил главную негативную тенденцию в социальной политике временщиков, Елизаветы Петровны и Екатерины II, в нарушении соотношения основных сословий русского общества, которое связывал с развитием крепостного права. В этом он усматривал отход от социальных преобразований Петра I. «Равновесие в положении главных сословий,— писал историк,— во всей силе существовавшее при Петре Великом, начало разрушаться именно в эпоху временщиков (1725—1741), когда дворянство, облегчая свои го-

---

[60] *Платонов С. Ф.* Лекции... С. 316 (наст. изд., с. 332).
[61] См.: там же. С. 542 (наст. изд., с. 542).
[62] Там же. С. 509, 541 (наст. изд., с. 512, 541).

сударственные повинности, стало достигать некоторых имущественных привилегий и большей власти над крестьянами — по закону. Наращение дворянских прав наблюдали мы во время и Елизаветы, и Петра III. При Екатерине же дворянство становится не только привилегированным классом, имеющим правильную внутреннюю организацию, но и классом, господствующим в уезде (в качестве землевладельческого класса) и в общем управлении (как бюрократия). Параллельно росту дворянских прав и в зависимости от него падают гражданские права владельческих крестьян. Расцвет дворянских привилегий в XVIII веке необходимо соединялся с расцветом крепостного права». Ученый утверждал, что социальная политика преемников Петра Великого была направлена на улучшение положения дворянства, которое было постоянно связано с ухудшением быта и с уменьшением прав крестьянства: «Владельцы получили... широкие права над личностью и имуществом своих крестьян»[63]. Как видим, Платонов не стремился выступать апологетом дворянского сословия.

Повествуя о правлении Анны Иоанновны, Платонов давал отрицательную оценку Бирону. Временщика он характеризовал как карьериста, единственной целью которого было обогащение и упрочение положения при дворе и государстве. Историк приходил к выводу: «Действуя с помощью толпы немцев и тех русских, которые думали сделать свою карьеру службою временщику, Бирон не управлял государством, а эксплуатировал страну в своих личных выгодах, презирая закон и совесть и обманывая императрицу»[64].

В лекции о елизаветинском времени Платонов вслед за Соловьевым с симпатией говорил о Елизавете Петровне. Он давал очень точные и вместе с тем образные характеристики политических деятелей той эпохи, прежде всего самой Елизаветы, братьев Разумовских и Шуваловых, А. М. Черкасского, А. П. Бестужева-Рюмина. Достаточно высоко отзывался он о деятельности Сената при Елизавете. Главной заслугой Елизаветы Платонов считал «свержение немецкого режима, систематическое покровительство всему национальному и гуманность...»[65]

Екатерину II Платонов преподносил как выдающегося государственного деятеля. Автор мастерски вскрыл противоречие, с которым столкнулась Екатерина: с одной стороны, страстное внутреннее желание покончить с крепостным правом, с другой — полная объективная невозможность этого шага, поскольку социальной опорой самодержавной власти императрицы было дворянство. В результате при Екатерине крепостное право продолжало не только существовать, но и развиваться[66].

---

[63] *Платонов С. Ф.* Лекции... С. 644, 588 (наст. изд., с. 638, 586).
[64] Там же. С. 554 (наст. изд., с. 554).
[65] Там же. С. 577 (наст. изд., с. 576).
[66] См. там же. С. 621 (наст. изд., с. 616—617).

Противоречивой была позиция Платонова по вопросу о происхождении крепостного права в России. С одной стороны, находясь под влиянием теории государственной школы о «закрепощении сословий», он, как отмечали А. А. Зимин и А. А. Преображенский, «...верный традициям государственной школы, сводил все дело к правительственной инициативе»[67]. С другой, Платонов вслед за Ключевским искал объяснение причин закрепощения в экономическом разорении крестьянства в XVI в. Полагая, что крепостное право было обусловлено русской действительностью, задачами государственной обороны, характером экономического развития, основанного на поместном землевладении, он приходил к выводу о необходимости его уничтожения с принятием 18 февраля 1762 г. закона об освобождении дворянства от государственных повинностей, так как «по логике истории с крестьян должна была быть снята их частная зависимость, потому что исторически эта зависимость была обусловлена дворянскими повинностями: *крестьянин должен был служить дворянину, чтобы дворянин мог исправно служить государству*»[68]. Однако логика истории показала, что правящий класс — дворянство — не мог лишить себя дарового труда. Платонов писал: «...с 18-го февраля 1762 года им (дворянам.— *Ред.*) была дана «вольность» служить или не служить, а между тем крестьянская зависимость становилась от того не легче, а тяжелее, и крестьяне ставились в одно положение с крепостными холопами — рабами»[69]. Он утверждал, что окончательное оформление крепостного права как государственной системы произошло при Екатерине II: «...время Екатерины II было тем историческим моментом, когда крепостное право достигло полного и наибольшего своего развития»[70]. В дальнейшем автор неоднократно указывал, что крепостная зависимость являлась тормозом социально-экономического развития России, причиной народных движений.

Довольно большое внимание С. Ф. Платонов уделял освещению народных движений в России, и в этом заключалось еще одно отличие его концепции от официально-охранительной историографии. Так, историк подробно характеризовал социальный состав народных движений под предводительством Болотникова, Разина, Пугачева.

Останавливаясь на характеристике общественного движения первой четверти XIX в., автор четко формулировал две цели, которые стояли перед декабристами — участниками восстания на Сенатской площади: «В государственном устройстве они желали представительной (даже республиканской) формы правления,

---

[67] Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. 4. С. 278.
[68] *Платонов С. Ф.* Лекции... С. 621 (наст. изд., с. 617).
[69] *Платонов С. Ф.* Учебник русской истории. С. 334.
[70] *Платонов С. Ф.* Лекции... С. 644 (наст. изд., с. 638).

в общественной жизни они стремились к отмене крепостного права»[71]. Рассматривая историю возникновения и развития тайных обществ, Платонов делал вывод, что таким образом передовое дворянство отозвалось на «аракчеевщину» и правительственную реакцию.

Естественно, что в лекциях наряду с внутриполитической историей излагались вопросы внешней политики, которые Платонов решал в соответствии с достижениями отечественной либеральной историографии. Так, он горячо осуждал реакционную политику подавления национальных движений и народных восстаний, проводимую Россией в рамках «Священного союза»[72]. Так же, с либеральных позиций, ученый рассматривал общественное движение середины XIX в. Он порицал действия правительства, направленные против представителей русской общественной мысли: «Лучшие представители общественной мысли, имена которых мы теперь произносим с уважением (Хомяков, Киреевские, Аксаковы, Белинский, Герцен, Грановский, историк Соловьев), были подозреваемы и стеснены в своей литературной деятельности и личной жизни, чувствовали себя гонимыми и роптали (а Герцен даже эмигрировал). Лишенные доверия власти, они не могли принести той пользы отечеству, на какую были способны». По мнению Платонова, одной из самых негативных черт царствования Николая I был рост «системы бюрократизма, отчуждавшей власть от общества», изолирующей людей, способных проводить соцально-экономические реформы»[73].

Реформу 1861 г. Платонов считал хоть и запоздалой, но необходимой. В лекции на тему «Краткий обзор времени Александра II и великих реформ» подробно описан ход крестьянской реформы. Если реформам 60-х годов он давал в целом положительную оценку, то антиреформаторскую деятельность Александра III характеризовал как реакционную и строго охранительную[74].

Будучи сторонником постепенных реформ, поступательного прогрессивного движения общества, но не революционных потрясений, Платонов, упоминая о причинах народных выступлений (гнет крепостников, нищета масс, жестокость правительства и т. д.), иногда даже как будто сочувствовал восставшим, но в то же время высказывал отрицательное отношение к их борьбе, доказывая ее вред и социальную бесперспективность. Так, негативную оценку у Платонова получила национально-освободительная борьба польского народа. О польском восстании 1863 г. он писал: «В условленный день в разных местах Польши и Литвы банды «повстанцев» напали на русские войска и началась война»[75]. По его мнению, причиной окончательной потери Польшей

---

[71] *Платонов С. Ф.* Учебник русской истории. С. 403.
[72] См.: *Платонов С. Ф.* Лекции... С. 672 (наст. изд., с. 665).
[73] См. там же. С. 692 (наст. изд., с. 685).
[74] См. там же.С. 730 (наст. изд., с. 719).
[75] См. там же. С. 720 (наст. изд., с. 709).

элементов самостоятельности явилось неудачное восстание 1863 г. Не вызывала особого осуждения у Платонова и колониальная политика царизма в среднеазиатском и закавказском регионах.

Уже само обращение Платонова к социально-экономической тематике, поиск социальных и экономических причин исторических событий выделяют его из официально-охранительного направления. Анализ основных сторон концепции отечественной истории С. Ф. Платонова, нашедшей свое отражение в «Лекциях по русской истории», свидетельствует о том, что она носила буржуазный характер. В трактовке основных социально-исторических проблем, таких, как «классовая борьба в истории России», «происхождение крепостного права», «развитие государства» и другие, Платонов следовал за либеральными историками, и именно в решении этих вопросов в большей степени проявился буржуазно-либеральный подход к оценке исторического прошлого.

Воззрения Платонова отражали как уровень достижений буржуазной исторической науки начала XX в., так и ее недостатки. Он воспринял некоторые элементы концепции Ключевского — так, в соответствии с его взглядами Платонов решал такие вопросы, как «возникновение и развитие крепостного права», «Петр I и его роль в истории». Немало ученый потрудился над развенчанием взглядов историков государственной школы, особенно в вопросе о социально-политической структуре Киевского государства. Большим шагом вперед, значительно продвинувшим буржуазную историческую науку, было рассмотрение Платоновым по-новому следующих проблем: «образование Русского государства», «социально-экономический строй древней Руси», «Новгород», «опричнина» и «эпоха смутного времени». Одним словом, историографическая деятельность Платонова составила целый этап в развитии исторической науки.

Настоящее переиздание «Лекций по русской истории» С. Ф. Платонова ставит целью ликвидировать существенный пробел в современной исторической литературе. Оно позволит по достоинству оценить авторскую концепцию, язык и стиль курса лекций крупного русского ученого. Представляется, что читатель с интересом прочтет весьма содержательный, богатый фактами труд С. Ф. Платонова.

А. Н. Фукс, кандидат исторических наук

* * *

В данном издании сохраняются курсивные выделения в тексте Платонова. В квадратные скобки заключены слова, уточняющие содержание; недостающие части слов; инициалы и даты. При воспроизведении текста «Лекций...» редакция придерживалась правил современной орфографии и пунктуации.

Именной указатель составлен А. И. Калиновым.

ЛЕКЦІИ
ПО
РУССКОЙ ИСТОРІИ

ПРОФЕССОРА
С. Ѳ. ПЛАТОНОВА.

Издалъ Ив. Блиновъ.

Изданіе 10-е.
Пересмотрѣнное и исправленное.

ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1917.

Титул к изданию 1917 г.

Первым своим появлением в печати настоящие «Лекции» обязаны энергии и труду моих слушателей по Военно-юридической Академии, И. А. Блинова и Р. Р. фон-Раупаха. Они собрали и привели в порядок все те «литографированные записки», какие издавались учащимися в разные годы моего преподавания. Хотя некоторые части этих «записок» были составлены по данным мною текстам, однако, в общем, первые издания «Лекций» не отличались ни внутренней цельностью, ни внешней отделкой, представляя собою собрание разновременных и разнокачественных учебных записей. Трудами И. А. Блинова четвертое издание «Лекций» приобрело значительно более исправный вид, а к следующим изданиям текст «Лекций» пересматривался и лично мною.

В частности, в восьмом издании пересмотр коснулся главным образом тех частей книги, которые посвящены истории Московского княжества в XIV—XV вв. и истории царствований Николая I и Александра II. Для усиления фактической стороны изложения в этих частях курса мною были привлечены некоторые выдержки из моего «Учебника русской истории» с соответствующими изменениями текста, так же как в прежних изданиях были оттуда же сделаны вставки в отдел истории Киевской Руси до XII века. Кроме того, в восьмом издании заново была изложена характеристика царя Алексея Михайловича. В девятом издании сделаны необходимые, в общем небольшие, исправления. Для десятого издания текст был пересмотрен.

Тем не менее и в настоящем своем виде «Лекции» далеки еще от желаемой исправности. Живое преподавание и научная работа оказывают непрерывное влияние на лектора, изменяя не только частности, но иногда и самый тип его изложения. В «Лекциях» можно видеть только тот фактический материал, на котором обычно строятся курсы автора. Конечно, в печатной передаче этого материала остались еще и теперь некоторые недосмотры и погрешности; равным образом и конструкция изложения в «Лекциях» весьма нередко не соответствует тому строю устного изложения, которого держусь я в последние годы.

Только с этими оговорками и решаюсь я выпустить в свет настоящее издание «Лекций».

С. Платонов

Петроград. 5 Августа 1917 г.

Введение

(Изложение конспективное)

Наши занятия русской историей уместно будет начать определением того, что именно следует понимать под словами историческое знание, историческая наука. Уяснив себе, как понимается история вообще, мы поймем, что нам следует понимать под историей одного какого-либо народа, и сознательно приступим к изучению русской истории.

История существовала в глубокой древности, хотя тогда и не считалась наукой. Знакомство с античными историками, Геродотом и Фукидидом, например, покажет вам, что греки были по-своему правы, относя историю к области искусств. Под историей они понимали художественный рассказ о достопамятных событиях и лицах. Задача историка состояла у них в том, чтобы передать слушателям и читателям вместе с эстетическим наслаждением и ряд нравственных назиданий. Те же цели преследовало и искусство.

При таком взгляде на историю, как на *художественный рассказ о достопамятных событиях,* древние историки держались и соответствующих приемов изложения. В своем повествовании они стремились к правде и точности, но строгой объективной мерки истины у них не существовало. У глубоко правдивого Геродота, например, много басен (о Египте, о Скифах и т. под.); в одних он верит, потому что не знает пределов естественного, другие же, и не веря в них, заносит в свой рассказ, потому что они прельщают его своим художественным интересом. Мало этого, античный историк, верный своим художественным задачам, считал возможным украшать повествование сознательным вымыслом. Фукидид, в правдивости которого мы не сомневаемся, влагает в уста своих героев речи, сочиненные им самим, но он считает себя правым в силу того, что верно передает в измышленной форме действительные намерения и мысли исторических лиц.

Таким образом, стремление к точности и правде в истории было до некоторой степени ограничиваемо стремлением к художественности и занимательности, не говоря уже о других условиях, мешавших историкам с успехом различать истину от басни. Несмотря на это, стремление к точному знанию уже в древности требует от историка *прагматизма.* Уже у Геродота мы наблюдаем проявление этого прагматизма, т. е. желание связывать факты причинною связью, не только рассказывать их, но и объяснять из прошлого их происхождение.

Итак, на первых порах история определяется, как *художественно-прагматический рассказ о достопамятных событиях и лицах.*

Ко временам глубокой древности восходят и такие взгляды на историю, которые требовали от нее, помимо художественных впечатлений, практической приложимости. Еще древние говорили, что *история есть наставница жизни* (magistra vitae). От историков ждали такого изложения прошлой жизни человечества, которое бы объясняло события настоящего и задачи будущего, служило бы практическим руководством для общественных деятелей и нравственной школой для прочих людей. Такой взгляд на историю во всей силе держался в средние века и дожил до наших времен; он, с одной стороны, прямо сближал историю с моральной философией, с другой — обращал историю в «скрижаль откровений и правил» практического характера. Один писатель XVII в. (De Rocoles) говорил, что «история исполняет обязанности, свойственные моральной философии, и даже в известном отношении может быть ей предпочтена, так как, давая те же правила, она присоединяет к ним еще и примеры». На первой странице «Истории государства Российского» Карамзина найдете выражение той мысли, что историю необходимо знать для того, «чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье».

С развитием западноевропейской философской мысли стали слагаться новые определения исторической науки. Стремясь объяснить сущность и смысл жизни человечества, мыслители обращались к изучению истории или с целью найти в ней решение своей задачи, или же с целью подтвердить историческими данными свои отвлеченные построения. Сообразно с различными философскими системами, так или иначе определялись цели и смысл самой истории. Вот некоторые из подобных определений: Боссюэт [правильно — Боссюэ.— *Ред.*] (1627—1704) и Лоран (1810—1887) понимали историю, как изображение тех мировых событий, в которых с особенною яркостью выражались пути Провидения, руководящего человеческою жизнью в своих целях. Итальянец Вико (1668—1744) задачею истории, как науки, считал изображение тех одинаковых состояний, которые суждено переживать всем народам. Известный философ Гегель (1770—1831) в истории видел изображение того процесса, которым «абсолютный дух» достигал своего самопознания (Гегель всю мировую жизнь объяснял, как развитие этого «абсолютного духа»). Не будет ошибкою сказать, что все эти философии требуют от истории в сущности одного и того же: история должна изображать не все факты прошлой жизни человечества, а лишь основные, обнаруживающие ее общий смысл.

Этот взгляд был шагом вперед в развитии исторической мысли,— простой рассказ о былом вообще, или случайный набор фактов различного времени и места для доказательства назида-

тельной мысли не удовлетворял более. Появилось стремление к объединению изложения руководящей идеей, систематизированию исторического материала. Однако философскую историю справедливо упрекают в том, что она руководящие идеи исторического изложения брала вне истории и систематизировала факты произвольно. От этого история не становилась самостоятельной наукой, а обращалась в прислужницу философии.

Наукою история стала только в начале XIX века, когда из Германии, в противовес французскому рационализму, развился идеализм: в противовес французскому космополитизму, распространились идеи национализма, деятельно изучалась национальная старина и стало господствовать убеждение, что жизнь человеческих обществ совершается закономерно, в таком порядке естественной последовательности, который не может быть нарушен и изменен ни случайностями, ни усилиями отдельных лиц. С этой точки зрения главный интерес в истории стало представлять изучение не случайных внешних явлений и не деятельности выдающихся личностей, а изучение общественного быта на разных ступенях его развития. История стала пониматься как *наука о законах исторической жизни человеческих обществ.*

Это определение различно формулировали историки и мыслители. Знаменитый Гизо (1787—1874), например, понимал историю, как учение о мировой и национальной цивилизации (понимая цивилизацию в смысле развития гражданского общежития). Философ Шеллинг (1775—1854) считал национальную историю средством познания «национального духа». Отсюда выросло распространенное определение истории, как *пути к народному самосознанию.* Явились далее попытки понимать историю, как науку, долженствующую раскрыть общие законы развития общественной жизни вне приложения их к известному месту, времени и народу. Но эти попытки, в сущности, присваивали истории задачи другой науки — *социологии. История же есть наука, изучающая конкретные факты в условиях именно времени и места, и главной целью ее признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ и всего человечества.*

Такая задача требует многого для успешного выполнения. Для того чтобы дать научно-точную и художественно-цельную картину какой-либо эпохи народной жизни или полной истории народа, необходимо: 1) собрать исторические материалы, 2) исследовать их достоверность, 3) восстановить точно отдельные исторические факты, 4) указать между ними прагматическую связь и 5) свести их в общий научный обзор или в художественную картину. Те способы, которыми историки достигают указанных частных целей, называются научными критическими приемами. Приемы эти совершенствуются с развитием исторической науки, но до сих пор ни эти приемы, ни сама наука истории не достигли полного своего развития. Историки не собрали и не

изучили еще всего материала, подлежащего их ведению, и это дает повод говорить, что история есть наука, не достигшая еще тех результатов, каких достигли другие, более точные, науки. И, однако, никто не отрицает, что история есть наука с широким будущим.

С тех пор, как к изучению фактов всемирной истории стали подходить с тем сознанием, что жизнь человеческая развивается закономерно, подчинена вечным и неизменным отношениям и правилам,— с тех пор идеалом историка стало раскрытие этих постоянных законов и отношений. За простым анализом исторических явлений, имевших целью указать их причинную последовательность, открылось более широкое поле — исторический синтез, имеющий цель воссоздать общий ход всемирной истории в ее целом, указать в ее течении такие законы последовательности развития, которые были бы оправданы не только в прошлом, но и в будущем человечества.

Этим широким идеалом не может непосредственно руководиться *русский* историк. Он изучает только один факт мировой исторической жизни — жизнь своей национальности. Состояние русской историографии до сих пор таково, что иногда налагает на русского историка обязанность просто собирать факты и давать им первоначальную научную обработку. И только там, где факты уже собраны и освещены, мы можем возвыситься до некоторых исторических обобщений, можем подметить общий ход того или другого исторического процесса, можем даже на основании ряда частных обобщений сделать смелую попытку — дать схематическое изображение той последовательности, в какой развивались основные факты нашей исторической жизни. Но далее такой общей схемы русский историк идти не может, не выходя из границ своей науки. Для того чтобы понять сущность и значение того или другого факта в истории Руси, он может искать аналогии в истории всеобщей; добытыми результатами он может служить историку всеобщему, положить и свой камень в основание общеисторического синтеза. Но этим и ограничивается его связь с общей историей и влияние на нее. Конечной целью русской историографии всегда остается построение системы местного исторического процесса.

Построением этой системы разрешается и другая, более практическая задача, лежащая на русском историке. Известно старинное убеждение, что национальная история есть путь к национальному самосознанию. Действительно, знание прошлого помогает понять настоящее и объясняет задачи будущего. Народ, знакомый со своею историей, живет сознательно, чуток к окружающей его действительности и умеет понимать ее. Задача, в данном случае можно выразиться — долг национальной историографии заключается в том, чтобы показать обществу его прошлое в истинном свете. При этом нет нужды вносить в историографию какие бы то ни было предвзятые точки зрения; субъективная идея

не есть идея научная, а только научный труд может быть полезен общественному самосознанию. Оставаясь в сфере строго научной, выделяя те господствующие начала общественного быта, которые характеризовали собою различные стадии русской исторической жизни, исследователь раскроет обществу главнейшие моменты его исторического бытия и этим достигнет своей цели. Он даст обществу разумное знание, а приложение этого знания зависит уже не от него.

Так, и отвлеченные соображения и практические цели ставят русской исторической науке одинаковую задачу — систематическое изображение русской исторической жизни, общую схему того исторического процесса, который привел нашу национальность к ее настоящему состоянию.

Очерк русской историографии

Когда же началось систематическое изображение событий русской исторической жизни и когда русская история стала наукой? Еще в Киевской Руси, наряду с возникновением гражданственности, в XI в. появились у нас первые летописи. Это были перечни фактов, важных и не важных, исторических и не исторических, вперемежку с литературными сказаниями. С нашей точки зрения, древнейшие летописи не представляют собою исторического труда; не говоря о содержании — и самые приемы летописца не соответствуют теперешним требованиям. Зачатки историографии у нас появляются в XVI в., когда исторические сказания и летописи стали впервые сверять и сводить в одно целое. В XVI в. сложилась и сформировалась Московская Русь. Сплотившись в единое тело, под властью единого московского князя, русские старались объяснить себе и свое происхождение, и свои политические идеи, и свои отношения к окружающим их государствам.

И вот в 1512 г. (по-видимому, старцем Филофеем) составляется *хронограф,* т. е. обозрение всемирной истории. Большая часть его заключала в себе переводы с греческого языка и только как дополнения внесены русские и славянские исторические сказания. Хронограф этот краток, но дает достаточный запас исторических сведений; за ним появляются и вполне русские хронографы, представляющие собою переработку первого. Вместе с ними возникают в XVI в. летописные своды, составленные по древним летописям, но представляющие не сборники механически сопоставленных фактов, а произведения, связанные одной общей идеей. Первым таким произведением была *«Степенная книга»,* получившая такое название потому, что она разделялась на «поколения» или на «степени», как их тогда называли. Она передавала в хронологическом, последовательном, т. е. «постепенном» порядке деятельность русских митрополитов и князей, начиная с Рюрика. Автором этой книги ошибочно

считали митрополита Киприана; она была обработана митрополитами Макарием и его преемником Афанасием при Иване Грозном, т. е. в XVI в. В основании «Степенной книги» лежит тенденция и общая и частная. Общая проглядывает в желании показать, что власть московских князей есть не случайная, а преемственная, с одной стороны, от южнорусских, киевских князей, с другой — от византийских царей. Частная же тенденция сказалась в том уважении, с каким неизменно повествуется о духовной власти. «Степенная книга» может быть названа историческим трудом в силу известной системы изложения. В начале XVI в. был составлен другой исторический труд — *«Воскресенская летопись»,* более интересная по обилию материала. В основание ее легли все прежние летописи, «Софийский временник» и иные, так что фактов в этой летописи действительно много, но скреплены они чисто механически. Тем не менее «Воскресенская летопись» представляется нам самым ценным историческим произведением из всех, ей современных или более ранних, так как она составлена без всякой тенденции и заключает в себе много сведений, которых нигде более не находим. Своею простотою она могла не нравиться, безыскусственность изложения могла казаться убогою знатокам риторических приемов, и вот ее подвергли переработке и дополнениям и составили, к середине XVI же века, новый свод, называемый *«Никоновской летописью».* В этом своде мы видим много сведений, заимствованных из греческих хронографов, по истории греческих и славянских стран, летопись же о русских событиях, особенно о веках позднейших, хотя и подробная, но не совсем надежная,— точность изложения пострадала от литературной переработки: поправляя бесхитростный слог прежних летописей, невольно искажали и смысл некоторых событий.

В 1674 г. появился в Киеве и первый учебник русской истории — *«Синопсис» Иннокентия Гизеля,* очень распространившийся в эпоху Петра Великого (он часто встречается и теперь). Если рядом со всеми этими переработками летописей помянем ряд литературно написанных сказаний об отдельных исторических фактах и эпохах (напр., Сказание кн. Курбского, повести о смутном времени), то обнимем весь тот запас исторических трудов, с которым Русь дожила до эпохи Петра Великого, до учреждения Академии наук в Петербурге. Петр очень заботился о составлении истории России и поручал это дело различным лицам. Но только после его смерти началась ученая разработка исторического материала и первыми деятелями на этом поприще явились ученые немцы, члены петербургской Академии; из них прежде всего следует назвать *Готлиба Зигфрида Байера* (1694—1738). Он начал с изучения племен, населявших Россию в древности, особенно варягов, но далее этого не пошел. Байер оставил после себя много трудов, из которых два довольно капитальных произведения написаны на латинском языке и теперь уже не

имеют большого значения для истории России,— это *«Северная География»* и *«Исследования о Варягах»* (их перевели на русский язык только в 1767 г.). Гораздо плодотворнее были труды *Герарда Фридриха Миллера* (1705—1783), который жил в России при императрицах Анне, Елизавете и Екатерине II и уже настолько хорошо владел русским языком, что писал свои произведения по-русски. Он много путешествовал по России (прожил 10 лет, с 1733 по 1743 г., в Сибири) и хорошо изучил ее. На литературном историческом поприще он выступил как издатель русского журнала *«Ежемесячные сочинения»* (1755—1765) и сборника на немецком языке «Sammlung Russischer Geschichte». Главною заслугою Миллера было собирание материалов по русской истории; его рукописи (так наз. Миллеровские портфели) служили и служат богатым источником для издателей и исследователей. И исследования Миллера имели значение,— он был одним из первых ученых, заинтересовавшихся позднейшими эпохами нашей истории, им посвящены его труды: «Опыт новейшей истории России» и «Известие о дворянах Российских». Наконец, он был первым ученым архивариусом в России и привел в порядок московский архив Иностранной коллегии, директором которого и умер (1783). Среди академиков XVIII в. видное место трудами по русской истории занял и [М. В.] *Ломоносов,* написавший учебную книгу русской истории и один том «Древней Русской истории» (1766). Его труды по истории были обусловлены полемикой с академиками — немцами. Последние выводили Русь Варягов от норманнов и норманскому влиянию приписывали происхождение гражданственности на Руси, которую до пришествия варягов представляли страною дикою; Ломоносов же варягов признавал за славян и таким образом русскую культуру считал самобытною.

Названные академики, собирая материалы и исследуя отдельные вопросы нашей истории, не успели дать общего ее обзора, необходимость которого чувствовалась русскими образованными людьми. Попытки дать такой обзор появились вне академической среды.

Первая попытка принадлежит *В. Н. Татищеву* (1686—1750). Занимаясь собственно вопросами географическими, он увидел, что разрешить их невозможно без знания истории, и, будучи человеком всесторонне образованным, стал сам собирать сведения по русской истории и занялся ее составлением. В течение многих лет писал он свой исторический труд, перерабатывал его не один раз, но только по его смерти, в 1768 г., началось его издание. В течение 6 лет вышло 4 тома, 5-й том был случайно найден уже в нашем веке и издан «Московским обществом истории и древностей Российских». В этих 5-ти томах Татищев довел свою историю до смутной эпохи XVII в. В первом томе мы знакомимся со взглядами самого автора на русскую историю и с источниками, которыми он пользовался при ее составлении;

мы находим целый ряд научных эскизов о древних народах — варягах, славянах и др. Татищев нередко прибегал к чужим трудам; так, напр., он воспользовался исследованием «О Варягах» Байера и прямо включил его в свой труд. История эта теперь, конечно, устарела, но научного значения она не потеряла, так как (в XVIII в.) Татищев обладал такими источниками, которых теперь нет, и следовательно, многие из фактов, им приведенных, восстановить уже нельзя. Это возбудило подозрение, существовали ли некоторые источники, на которые он ссылался, и Татищева стали обвинять в недобросовестности. Особенно не доверяли приводимой им «Иоакимовской Летописи». Однако исследование этой летописи показало, что Татищев только не сумел отнестись к ней критически и включил ее целиком, со всеми ее баснями, в свою историю. Строго говоря, труд Татищева есть не что иное, как подробный сборник летописных данных, изложенных в хронологическом порядке; тяжелый его язык и отсутствие литературной обработки делали его неинтересным для современников.

Первая популярная книга по русской истории принадлежала перу *Екатерины II,* но труд ее *«Записки касательно Русской истории»,* доведенный до конца XIII в., научного значения не имеет и интересен только как первая попытка рассказать обществу легким языком его прошлое. Гораздо важнее в научном отношении была «История Российская» князя *М.* [М.] *Щербатова* (1733—1790), которою впоследствии пользовался и Карамзин. Щербатов был человек не сильного философского ума, но начитавшийся просветительной литературы XVIII в. и всецело сложившийся под ее влиянием, что отразилось и на его труде, в который внесено много предвзятых мыслей. В исторических сведениях он до такой степени не успевал разбираться, что заставлял иногда своих героев умирать по 2 раза. Но, несмотря на такие крупные недостатки, история Щербатова имеет научное значение благодаря многим приложениям, заключающим в себе исторические документы. Особенно интересны дипломатические бумаги XVI и XVII вв. Доведен его труд до смутной эпохи.

Случилось, что при Екатерине II некто француз *Леклерк,* совершенно не знавший ни русского государственного строя, ни народа, ни его быта, написал ничтожную «L'histoire de la Russie», причем в ней было так много клевет, что она возбудила всеобщее негодование. *И. Н. Болтин* (1735—1792), любитель русской истории, составил ряд заметок, в которых обнаружил невежество Леклерка и которые издал в двух томах. В них он отчасти задел и Щербатова. Щербатов обиделся и написал *Возражение.* Болтин отвечал печатными письмами и приступил к критике на «Историю» Щербатова. Труды Болтина, обнаруживающие в нем исторический талант, интересны по новизне взглядов. Болтина не совсем точно зовут иногда «первым славянофилом», потому что он отмечал много темных сторон в слепом подражании Западу, подражании, которое заметно стало у нас после Петра, и желал,

чтобы Россия крепче хранила добрые начала прошлого века. Сам Болтин интересен, как историческое явление. Он служил лучшим доказательством того, что в XVIII в. в обществе, даже у неспециалистов по истории, был живой интерес к прошлому своей родины. Взгляды и интересы Болтина разделял *Н. И. Новиков* (1744—1818), известный ревнитель русского просвещения, собравший «Древнюю Российскую Вивлиофику» (20 томов), обширный сборник исторических документов и исследований (1788—1791). Одновременно с ним, как собиратель исторических материалов, выступил купец [И. И.] *Голиков* (1735—1801), издавший сборник исторических данных о Петре Великом под названием *«Деяния Петра Великого»* (1-е изд. 1788—1790, 2-е 1837 г.). Таким образом, рядом с попытками дать общую историю России зарождается и стремление подготовить материалы для такой истории. Помимо инициативы частной, в этом направлении работает и сама Академия наук, издавая летописи для общего с ними ознакомления.

Но во всем том, что нами перечислено, еще мало было научности в нашем смысле: не существовало строгих критических приемов, не говоря уже об отсутствии цельных исторических представлений.

Впервые ряд научно-критических приемов в изучение русской истории внес ученый иностранец *Шлёцер* (1735—1809). Познакомившись с русскими летописями, он пришел от них в восторг: ни у одного народа не встречал он такого богатства сведений, такого поэтического языка. Уже выехав из России и будучи профессором Гёттингенского университета, он неустанно работал над теми выписками из летописей, которые ему удалось вывезти из России. Результатом этой работы был знаменитый труд, напечатанный под заглавием *«Нестор»* (1805 г. по-немецки, 1809—1819 гг. по-русски). Это целый ряд исторических этюдов о русской летописи. В предисловии автор дает краткий обзор того, что сделано по русской истории. Он находит положение науки в России печальным, к историкам русским относится с пренебрежением, считает свою книгу почти единственным годным трудом по русской истории. И действительно, труд его далеко оставлял за собою все прочие по степени научного сознания и приемов автора. Эти приемы создали у нас как бы школу учеников Шлёцера, первых ученых исследователей, вроде М. П. Погодина. После Шлёцера стали возможны у нас строгие исторические изыскания, для которых, правда, создавались благоприятные условия и в другой среде, во главе которой стоял *Миллер*. Среди собранных им в Архиве Иностранной Коллегии людей особенно выдавались Штриттер, Малиновский, Бантыш-Каменский. Они создали первую школу ученых архивариусов, которыми Архив был приведен в полный порядок и которые, кроме внешней группировки архивного материала, производили ряд серьезных ученых изысканий на основании этого материала.

Так, мало-помалу созревали условия, создавшие у нас возможность серьезной истории.

В начале XIX в. создался, наконец, и первый цельный взгляд на русское историческое прошлое в известной «Истории государства Российского» *Н. М. Карамзина* (1766—1826). Обладая цельным мировоззрением, литературным талантом и приемами хорошего ученого критика, Карамзин во всей русской исторической жизни видел один главнейший процесс — создание национального государственного могущества. К этому могуществу привел Русь ряд талантливых деятелей, из которых два главных — Иван III и Петр Великий — своею деятельностью ознаменовали переходные моменты в нашей истории и стали на рубежах основных ее эпох — древней (до Ивана III), средней (до Петра Великого) и новой (до начала XIX в.). Свою систему русской истории Карамзин изложил увлекательным для своего времени языком, а свой рассказ он основал на многочисленных изысканиях, которые и до нашего времени сохраняют за его Историей важное ученое значение.

Но односторонность основного взгляда Карамзина, ограничивавшая задачу историка изображением только судеб государства, а не общества с его культурой, юридическими и экономическими отношениями, была вскоре замечена уже его современниками. Журналист 30-х годов XIX в. *Н. А. Полевой* (1796—1846) упрекал его за то, что он, назвав свое произведение «Историей государства Российского», оставил без внимания «Историю Русского народа». Именно этими словами Полевой озаглавил свой труд, в котором думал изобразить судьбу русского общества. На смену системы Карамзина он ставил свою систему, но не совсем удачную, так как был дилетант в сфере исторического ведения. Увлекаясь историческими трудами Запада, он пробовал чисто механически прикладывать их выводы и термины к русским фактам, так, например,— отыскать феодальную систему в древней Руси. Отсюда понятна слабость его попытки, понятно, что труд Полевого не мог заменить труда Карамзина: в нем вовсе не было цельной системы.

Менее резко и с большею осторожностью выступил против Карамзина петербургский профессор [Н. Г.] *Устрялов* (1805—1870), в 1836 г. написавший *«Рассуждение о системе прагматической русской истории»*. Он требовал, чтобы история была картиной постепенного развития *общественной* жизни, изображением переходов гражданственности из одного состояния в другое. Но и он еще верит в могущество личности в истории и, наряду с изображением народной жизни, требует и биографий ее героев. Сам Устрялов, однако, отказался дать определенную общую точку зрения на нашу историю и замечал, что для этого еще не наступило время.

Таким образом, недовольство трудом Карамзина, сказавшееся и в ученом мире, и в обществе, не исправило карамзинской

системы и не заменило ее другою. Над явлениями русской истории, как их связующее начало, оставалась художественная картина Карамзина и не создалось научной системы. Устрялов был прав, говоря, что для такой системы еще не наступило время. Лучшие профессора русской истории, жившие в эпоху, близкую к Карамзину, *Погодин и [М. Т.] Каченовский* (1775—1842), еще были далеки от одной общей точки зрения; последняя сложилась лишь тогда, когда русской историей стали деятельно интересоваться образованные кружки нашего общества. Погодин и Каченовский воспитывались на ученых приемах Шлёцера и под его влиянием, которое особенно сильно сказывалось на Погодине. Погодин во многом продолжал исследования Шлёцера и, изучая древнейшие периоды нашей истории, не шел далее частных выводов и мелких обобщений, которыми, однако, умел иногда увлекать своих слушателей, не привыкших к строго научному и самостоятельному изложению предмета. Каченовский за русскую историю принялся тогда, когда приобрел уже много знаний и опыта в занятиях другими отраслями исторического ведения. Следя за развитием классической истории на Западе, которую в то время вывели на новый путь изыскания Нибура, Каченовский увлекался тем отрицанием, с каким стали относиться к древнейшим данным по истории, например, Рима. Это отрицание Каченовский перенес и на русскую историю: все сведения, относящиеся к первым векам русской истории, он считал недостоверными; достоверные же факты, по его мнению, начались лишь с того времени, как появились у нас письменные документы гражданской жизни. Скептицизм Каченовского имел последователей: под его влиянием основалась так называемая *скептическая школа,* не богатая выводами, но сильная новым, скептическим приемом отношения к научному материалу. Этой школе принадлежало несколько статей, составленных под руководством Каченовского. При несомненной талантливости Погодина и Каченовского, оба они разрабатывали хотя и крупные, но частные вопросы русской истории; оба они сильны были критическими методами, но ни тот, ни другой не возвышались еще до дельного исторического мировоззрения: давая метод, они не давали результатов, к которым можно было прийти с помощью этого метода.

Только в 30-х годах XIX столетия в русском обществе сложилось цельное историческое мировоззрение, но развилось оно не на научной, а на метафизической почве. В первой половине XIX в. русские образованные люди все с большим и большим интересом обращались к истории, как отечественной, так и западноевропейской. Заграничные походы 1813—1814 гг. познакомили нашу молодежь с философией и политической жизнью Западной Европы. Изучение жизни и идей Запада породило, с одной стороны, политическое движение декабристов, с другой—кружок лиц, увлекавшихся более отвлеченной философией, чем политикой.

Кружок этот вырос всецело на почве германской метафизической философии начала нашего века. Эта философия отличалась стройностью логических построений и оптимизмом выводов. В германской метафизике, как и в германском романтизме, сказался протест против сухого рационализма французской философии XVIII в. Революционному космополитизму Франции Германия противополагала начало народности и выяснила его в привлекательных образах народной поэзии и в ряде метафизических систем. Эти системы стали известны образованным русским людям и увлекали их. В германской философии русские образованные люди видели целое откровение. Германия была для них «Иерусалимом новейшего человечества» — как назвал ее Белинский. Изучение главнейших метафизических систем Шеллинга и Гегеля соединило в тесный кружок несколько талантливых представителей русского общества и заставило их обратиться к изучению своего (русского) национального прошлого. Результатом этого изучения были две совершенно противоположные системы русской истории, построенные на одинаковой метафизической основе. В Германии в это время господствующими философскими системами были системы Шеллинга и Гегеля. По мнению Шеллинга, каждый исторический народ должен осуществлять какую-нибудь абсолютную идею добра, правды, красоты. Раскрыть эту идею миру — историческое призвание народа. Исполняя его, народ делает шаг вперед на поприще всемирной цивилизации; исполнив его, он сходит с исторической сцены. Те народы, бытие которых не одухотворено идеей безусловного, суть народы неисторические, они осуждены на духовное рабство у других наций. Такое же деление народов на исторические и неисторические дает и Гегель, но он, развивая почти тот же принцип, пошел еще далее. Он дал общую картину мирового прогресса. Вся мировая жизнь, по мнению Гегеля, была развитием абсолютного духа, который стремится с самопознанию в истории различных народов, но достигает его окончательно в германо-романской цивилизации. Культурные народы Древнего Востока, античного мира и романской Европы были поставлены Гегелем в известный порядок, представлявший собою лестницу, по которой восходил мировой дух. На верху этой лестницы стояли германцы, и им Гегель пророчил вечное мировое главенство. Славян же на этой лестнице не было совсем. Их он считал за неисторическую расу и тем осуждал на духовное рабство у германской цивилизации. Таким образом, Шеллинг требовал для своего народа только всемирного гражданства, а Гегель — всемирного главенства. Но, несмотря на такое различие взглядов, оба философа одинаково повлияли на русские умы в том смысле, что возбуждали стремление оглянуться на *русскую* историческую жизнь, отыскать ту абсолютную идею, которая раскрывалась в русской жизни, определить место и назначение русского народа в ходе мирового прогресса. И тут-то, в приложении начал германской метафизики

к русской действительности, русские люди разошлись между собою. Одни из них, западники, поверили тому, что германо-протестантская цивилизация есть последнее слово мирового прогресса. Для них древняя Русь, не знавшая западной, германской цивилизации и не имевшая своей, была страной неисторической, лишенной прогресса, осужденной на вечный застой, страной «азиатской», как назвал ее Белинский (в статье о Котошихине). Из вековой азиатской косности вывел ее Петр, который, приобщив Россию к германской цивилизации, создал ей возможность прогресса и истории. Во всей русской истории, стало быть, только эпоха Петра В[еликого] может иметь историческое значение. Она главный момент в русской жизни; она отделяет Русь азиатскую от Руси европейской. До Петра полная пустыня, полное ничто; в древней русской истории нет никакого смысла, так как в древней Руси нет своей культуры.

Но не все русские люди 30-х и 40-х годов думали так; некоторые не соглашались с тем, что германская цивилизация есть верхняя ступень прогресса, что славянское племя есть племя неисторическое. Они не видели причины, почему мировое развитие должно остановиться на германцах. Из русской истории вынесли они убеждение, что славянство было далеко от застоя, что оно могло гордиться многими драматическими моментами в своем прошлом и что оно, наконец, имело свою культуру. Это учение было хорошо изложено *И. В. Киреевским* (1806—1856). Он говорит, что славянская культура в основаниях своих была самостоятельна и отлична от германской. Во-первых, славяне получили христианство из Византии (а германцы — из Рима) и их *религиозный* быт получил иные формы, чем те, которые сложились у германцев под влиянием католичества. Во-вторых, славяне и германцы выросли на *различной культуре:* первые — на греческой, вторые — на римской. В то время, как германская культура выработала свободу личности, славянские общины совершенно поработили ее. В-третьих, *государственный строй* был создан различно. Германия сложилась на римской почве. Германцы были народ пришлый; побеждая туземное население, они порабощали его. Борьба между побежденными и победителями, которая легла в основание государственного строя Западной Европы, перешла впоследствии в антагонизм сословий; у славян государство создалось путем мирного договора, добровольного признания власти. Вот различие между Россией и Зап. Европой, различие религии, культуры, государственного строя. Так думали *славянофилы,* более самостоятельные последователи германских философских учений. Они были убеждены, что самостоятельная русская жизнь достигла наибольшего развития своих начал в эпоху Московского государства. Петр В. грубо нарушил это развитие, насильственною реформою внес к нам чуждые, даже противоположные начала германской цивилизации. Он повернул правильное течение народной жизни

на ложный путь заимствования, потому что не понимал заветов прошлого, не понимал нашего национального духа. Цель славянофилов — вернуться на путь естественного развития, сгладив следы насильственной петровской реформы.

Общая точка зрения западников и славянофилов служила им основанием для толкования не только смысла нашей истории, но и отдельных ее фактов: можно насчитать много исторических трудов, написанных западниками и особенно славянофилами (из славянофилов историков следует упомянуть *Константина Сергеевича Аксакова,* 1817—1860). Но их труды были гораздо более философскими или публицистическими, чем собственно историческими, а отношение к истории гораздо более философским, чем научным.

Строго научная цельность исторических воззрений впервые создана была у нас только в 40-х годах XIX в. Первыми носителями новых исторических идей были два молодые профессора Московского университета: *Сергей Михайлович Соловьев* (1820—1879) и *Константин Дмитриевич Кавелин* (1818—1885). Их воззрения на русскую историю в то время назывались «теорией родового быта», а впоследствии они и другие ученые их направления стали известны под названием историко-юридической школы. Воспитывались они под влиянием германской исторической школы. В начале XIX в. историческая наука в Германии сделала большие успехи. Деятели так называемой германской исторической школы внесли в изучение истории чрезвычайно плодотворные руководящие идеи и новые методы исследования. Главною мыслью германских историков была мысль о том, что развитие человеческих общин не есть результат случайностей или единичной воли отдельных лиц: развитие общества совершается, как развитие организма, по строгим законам, ниспровергнуть которые не может ни историческая случайность, ни личность, как бы гениальна она ни была. Первый шаг к такому воззрению сделал еще в конце XVIII столетия *Фридрих Август Вольф* в произведении «Prologomena ad Homerum», в котором он занимался исследованием происхождения и состава греческого эпоса «Одиссеи» и «Илиады». Давая в своем труде редкий образец исторической критики, он утверждал, что гомеровский эпос не мог быть произведением отдельной личности, а был постепенно, органически созданным произведением поэтического гения целого народа. После труда Вольфа такое органическое развитие стали искать не только в памятниках поэтического творчества, но и во всех сферах общественной жизни, искали и в истории и в праве. Признаки органического роста античных общин наблюдали *Нибур* в римской истории, *Карл Готфрид Миллер* в греческой. Органическое развитие правового сознания изучили историки-юристы *Эйхгорн* (Deutsche Staatsung Rechtsgeschichte, в пяти томах, 1808) и *Савиньи* (Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter, в шести томах, 1815—1831). Эти труды, носившие на себе печать

нового направления, к половине XIX в. создали в Германии блестящую школу историков, которая и до сих пор еще не пережила вполне своих идей.

В идеях и приемах ее выросли наши ученые историко-юридической школы. Одни усвоили их путем чтения, как, напр., Кавелин; другие — прямо слушанием лекций, как, напр., Соловьев, который был учеником Ранке. Они усвоили себе все содержание немецкого исторического направления. Некоторые из них увлекались и германской философией Гегеля. В Германии точная и строго фактическая историческая школа не всегда жила в ладу с метафизическими учениями гегелианства; тем не менее и историки, и Гегель сходились в основном воззрении на историю, как на закономерное развитие человеческих обществ. И историки и Гегель одинаково отрицали в ней случайность, поэтому их воззрения могли ужиться в одной и той же личности. Эти воззрения и были впервые приложены к русской истории нашими учеными *Соловьевым* и *Кавелиным,* думавшими показать в ней органическое развитие тех начал, которые были даны первоначальным бытом нашего племени и которые коренились в природе нашего народа. На быт культурный и экономический они обращали меньше внимания, чем на внешние формы общественных союзов, так как имели убеждение, что главным содержанием русской исторической жизни была именно естественная смена одних законов общежития другими. Они надеялись подметить порядок этой смены и в нем найти закон нашего исторического развития. Вот почему их исторические трактаты носят несколько односторонний историко-юридический характер. Такая односторонность не составляла индивидуальности наших ученых, а была занесена ими от их германских наставников. Немецкая историография считала главной своей задачей исследование именно юридических форм в истории; корень этого взгляда кроется в идеях *Канта,* который понимал историю, «как путь человечества» к созданию государственных форм. Таковы были те основания, на которых строилось первое научно-философское воззрение на русский исторический быт. Это не было простое заимствование чужих выводов, не было только механическое приложение чужих идей к плохо понятому материалу,— нет, это было самостоятельное научное движение, в котором взгляды и научные приемы были тождественны с германскими, но выводы отнюдь не предрешались и зависели от материала. Это было научное творчество, шедшее в направлении своей эпохи, но самостоятельно. Вот почему каждый деятель этого движения сохранял свою индивидуальность и оставил по себе ценные монографии, а вся историко-юридическая школа создала такую схему нашего исторического развития, под влиянием которой до сих пор живет русская историография.

Исходя из мысли, что отличительные черты истории каждого народа создаются его природой и его первоначальной обстановкой,

они и обратили внимание на первоначальную форму русского общественного быта, которая, по их мнению, определялась началом *родового быта.* Всю русскую историю представляли они, как последовательный органически стройный переход от кровных общественных союзов, от родового быта — к быту государственному. Между эпохою кровных союзов и государственною лежит промежуточный период, в котором происходила борьба начала кровного с началом государственным. В первый период личность безусловно подчинялась роду, и положение ее определялось не индивидуальной деятельностью или способностями, а местом в роде; кровное начало господствовало не только в княжеских, но и во всех прочих отношениях, оно определяло собою всю политическую жизнь России. Россия в первой стадии своего развития считалась родовой собственностью князей; она делилась на волости, соответственно числу членов княжеского дома. Порядок владения обусловливался родовыми счетами. Положение каждого князя определялось его местом в роде. Нарушение старшинства порождало междоусобицы, которые, с точки зрения Соловьева, ведутся не за волости, не за нечто конкретное, а за нарушение старшинства, за идею. С течением времени изменились обстоятельства княжеской жизни и деятельности. На северо-востоке Руси князья явились полными хозяевами земли, сами призывали население, сами строили города. Чувствуя себя создателем новой области, князь предъявляет к ней новые требования; в силу того, что он сам ее создал, он не считает ее родовой, а свободно распоряжается ею и передает ее своей семье. Отсюда возникает понятие о собственности семейной, понятие, вызвавшее окончательную гибель родового быта. Семья, а не род, стала главным принципом; князья даже начали смотреть на своих дальних родственников, как на людей чужих, врагов своей семьи. Наступает новая эпоха, когда одно начало разложилось, другого еще не создалось. Наступает хаос, борьба всех против всех. Из этого хаоса вырастает случайно усилившаяся семья московских князей, которые свою вотчину ставят выше других по силе и богатству. В этой вотчине мало-помалу вырабатывается начало единонаследия — первый признак нового *государственного* порядка, который и водворяется окончательно реформами Петра Великого.

Таков, в самых общих чертах, взгляд С. М. Соловьева на ход нашей истории, взгляд, разработанный им в двух его диссертациях: 1) «Об отношениях Новгорода к великим князьям» и 2) «История отношений между князьями Рюрикова дома». Система Соловьева была талантливо поддержана К. Д. Кавелиным в нескольких его исторических статьях (см. том 1 «Собрания Сочинений Кавелина» изд. 1897 г.). В одной лишь существенной частности расходился Кавелин с Соловьевым: он думал, что и без случайного стечения благоприятных обстоятельств на севере Руси родовой быт княжеский должен был разложиться и перейти в семейный, а затем в государственный. Неизбежную и последовательную смену начал в нашей истории он изображал в такой

краткой формуле: «Род и общее владение; семья и вотчина или отдельная собственность; лицо и государство».

Толчок, данный талантливыми трудами Соловьева и Кавелина русской историографии, был очень велик. Стройная научная система, впервые данная нашей истории, увлекла многих и вызвала оживленное научное движение. Много монографий было написано прямо в духе историко-юридической школы. Но много и возражений, с течением времени все более и более сильных, раздалось против учения этой новой школы. Ряд горячих научных споров, в конце концов, окончательно расшатал стройное теоретическое воззрение Соловьева и Кавелина в том его виде, в каком оно появилось в их первых трудах. Первое возражение против школы родового быта принадлежало славянофилам. В лице *К. С. Аксакова* (1817—1860) они обратились к изучению исторических фактов (к ним отчасти примкнули московские профессора [В. Н.] *Лешков* и [И. Д.] *Беляев,* 1810—1873); на первой ступени нашей истории они увидели не родовой быт, а *общинный* и мало-помалу создали свое учение об общине. Оно встретило некоторую поддержку в трудах одесского профессора [Ф. И.] *Леонтовича,* который постарался определить точнее примитивный характер древней славянской общины; эта община, по его мнению, очень походит на существующую еще сербскую *«задругу»,* основанную отчасти на родственных, отчасти же на территориальных отношениях. На месте рода, точно определенного школой родового быта, стала не менее точно определенная община, и, таким образом, первая часть общеисторической схемы Соловьева и Кавелина потеряла свою непреложность. Второе возражение против частной этой схемы сделано было ученым, близким по общему своему направлению к Соловьеву и Кавелину. *Борис Николаевич Чичерин* (1828—1904), воспитывавшийся в той же научной обстановке, как Соловьев и Кавелин, отодвинул за пределы истории эпоху кровных родовых союзов на Руси. На первых страницах нашего исторического бытия он видел уже разложение древних родовых начал. Первая форма нашей общественности, какую знает история, по его взгляду, была построена не на кровных связях, а на началах гражданского права. В древнерусском быту личность не ограничивалась ничем, ни кровным союзом, ни государственными порядками. Все общественные отношения определялись гражданскими сделками — *договорами.* Из этого-то договорного порядка естественным путем выросло впоследствии государство. Теория Чичерина, изложенная в его труде «О духовных и договорных грамотах князей великих и удельных», получила дальнейшее развитие в трудах проф. *В. И. Сергеевича* и в этой последней форме уже совсем отошла от первоначальной схемы, данной школою родового быта. Вся история общественного быта у Сергеевича делится на два периода: первый — с преобладанием частной и личной воли над началом государственным, второй — с преобладанием государственного интереса над личной волей.

Если первое, славянофильское возражение явилось на почве соображений об *общекультурной* самостоятельности славянства, если второе выросло на почве изучения *правовых* институтов, то третье возражение школе родового быта сделано скорее всего с точки зрения *историко-экономической*. Древнейшая Киевская Русь не есть страна патриархальная; ее общественные отношения довольно сложны и построены на тимократической основе. В ней преобладает аристократия капитала, представители которой сидят в княжеской думе. Таков взгляд проф. *В. О. Ключевского* (1841—1911) в его трудах «Боярская дума древней Руси» и «Курс русской истории»).

Все эти возражения уничтожили стройную систему родового быта, но не создали какой-либо новой исторической схемы. Славянофильство оставалось верно своей метафизической основе, а в позднейших представителях отошло от исторических разысканий. Система Чичерина и Сергеевича сознательно считает себя системой только истории права. А точка зрения историко-экономическая пока не приложена к объяснению всего хода нашей истории. Наконец, в трудах других историков мы не встречаем сколько-нибудь удачной попытки дать основания для самостоятельного и цельного исторического мировоззрения.

Чем же живет теперь наша историография? Вместе с К. [С.] Аксаковым мы можем сказать, что у нас теперь нет «истории», что «у нас теперь пора исторических исследований, не более». Но, отмечая этим отсутствие одной господствующей в историографии доктрины, мы не отрицаем существования у наших современных историков общих взглядов, новизной и плодотворностью которых обусловливаются последние усилия нашей историографии. Эти общие взгляды возникали у нас одновременно с тем, как появлялись в европейской науке; касались они и научных методов, и исторических представлений вообще. Возникшее на Западе стремление приложить к изучению истории приемы естественных наук сказалось у нас в трудах известного [А. П.] *Щапова* (1831—1876). Сравнительный исторический метод, выработанный английскими учеными [(Фриман) и др.] и требующий, чтобы каждое историческое явление изучалось в связи с подобными же явлениями других народов и эпох,— прилагался и у нас многими учеными (например, *В. И. Сергеевичем*). Развитие этнографии вызвало стремление создать историческую этнографию и с точки зрения этнографической рассмотреть вообще явления нашей древнейшей истории (*Н. И. Костомаров,* 1817—1885). Интерес к истории экономического быта, выросший на Западе, сказался и у нас многими попытками изучения народнохозяйственной жизни в разные эпохи (*В. О. Ключевский* и другие). Так называемый эволюционизм имеет и у нас своих представителей в лице современных университетских преподавателей.

Не только то, что вновь вносилось в научное сознание, двигало вперед нашу историографию. Пересмотр старых уже раз-

работанных вопросов давал новые выводы, ложившиеся в основание новых и новых изысканий. Уже в 70-х годах С. М. Соловьев в своих «Публичных чтениях о Петре Великом» яснее и доказательнее высказал свою старую мысль о том, что Петр Великий был традиционным деятелем и в своей работе реформатора руководился идеалами старых московских людей XVII в. и пользовался теми средствами, которые были подготовлены раньше него. Едва ли не под влиянием трудов именно Соловьева началась деятельная разработка истории Московской Руси, показывающая теперь, что допетровская Москва не была азиатски косным государством и действительно шла к реформе еще до Петра, который сам воспринял идею реформы из окружавшей его московской среды. Пересмотр старейшего из вопросов русской историографии — варяжского вопроса [в трудах В. Гр. Васильевского (1838—1899), А. А. Куника (1814—1899), С. А. Гедеонова и других] освещает новым светом начало нашей истории. Новые исследования по истории западной Руси открыли перед нами любопытные и важные данные по истории и быту литовско-русского государства [В. Б. Антонович (1834—1908), Дашкевич (р. в 1852 г.) и другие]. Указанными примерами не исчерпывается, конечно, содержание новейших работ по нашему предмету; но эти примеры показывают, что современная историография трудится над темами весьма крупными. До попыток исторического синтеза, поэтому, может быть и недалеко.

В заключение историографического обзора следует назвать те труды по русской историографии, в которых изображается постепенное развитие и современное состояние нашей науки и которые поэтому должны служить предпочтительными руководствами для знакомства с нашей историографией: 1) *К. Н. Бестужев-Рюмин* «Русская История» (2 т., конспективное изложение фактов и ученых мнений с очень ценным введением об источниках и историографии); 2) *К. Н. Бестужев-Рюмин* «Биографии и характеристики» (Татищев, Шлёцер, Карамзин, Погодин, Соловьев и др.). СПб., 1882; 3) *С. М. Соловьев,* статьи по историографии, изданные Товариществом «Общественная польза» в книге «Собрание сочинений С. М. Соловьева». СПб.; 4) *О. М. Коялович* «История русского самосознания». СПб., 1884; 5) В. С. Иконников «Опыт русской историографии» (том первый, книга первая и вторая). Киев, 1891; 6) *П. Н. Милюков* «Главные течения русской исторической мысли» — в «Русской мысли» за 1893 год (и отдельно).

Обзор источников русской истории

В обширном смысле слова исторический источник есть всякий остаток старины, будет ли это сооружение, предмет искусства, вещь житейского обихода, печатная книга, рукопись или, наконец, устное предание. Но в узком смысле источником мы

называем печатный или письменный остаток старины, иначе говоря, той эпохи, которую изучает историк. Нашему ведению подлежат лишь остатки последнего рода.

Обзор источников может быть веден двумя путями: во-первых, он может быть простым логически-систематичным перечнем различных видов исторического материала, с указанием главнейших его изданий; во-вторых, обзор источников может быть построен исторически и совместит в себе перечень материала с обзором движения у нас археографических трудов. Второй путь ознакомления с источниками для нас гораздо интереснее, во-первых, потому, что здесь мы можем наблюдать появление археографических трудов в связи с тем, как в обществе развивался интерес к рукописной старине, и, во-вторых, потому еще, что здесь мы познакомимся с теми деятелями, которые собиранием материалов для родной истории составили себе вечное имя в нашей науке.

В эпоху допетровскую отношение к рукописям в грамотных слоях Московского общества было самым внимательным, потому что в то время рукопись заменяла книгу, была источником и знаний и эстетических наслаждений и составляла ценный предмет обладания; рукописи постоянно переписывались с большой тщательностью и часто жертвовались перед смертью владельцами в монастыри «по душе»: жертвователь за свой дар просит монастырь или церковь о вечном поминовении его грешной души. Акты законодательные и вообще все рукописи юридического характера, т. е. то, что мы назвали бы теперь официальными и деловыми бумагами, тоже ревниво сберегались. Печатных законоположений, кроме Уложения царя Алексея Михайловича, тогда не существовало, и этот рукописный материал был как бы кодексом действовавшего права, руководством тогдашних администраторов и судей. Законодательство тогда было письменным, как теперь оно печатное. Кроме того, на рукописных же грамотах монастыри и частные лица основывали свои льготы и различного рода права. Понятно, что весь этот письменный материал был дорог в обиходе тогдашней жизни и что его должны были ценить и хранить.

В XVIII в. под влиянием новых культурных вкусов, с распространением печатной книги и печатных законоположений отношение к старым рукописям очень изменяется: упадок чувства их ценности замечается у нас в продолжение всего XVIII века. В XVII в. рукопись очень ценилась тогдашним культурным классом, а теперь в XVIII в. этот класс уступил место новым культурным слоям, которые к рукописным источникам старины относились презрительно, как к старому негодному хламу. Духовенство также переставало понимать историческую и духовную ценность своих богатых рукописных собраний и относилось к ним небрежно. Обилие рукописей, перешедших из XVII в. в XVIII в., способствовало тому, что их не ценили. Рукопись была

еще, так сказать, вещью житейской, а не исторической и мало-помалу с культурных верхов общества, где прежде вращалась, переходила в нижние его слои, между прочим и к раскольникам, которых наш археограф П. М. Строев называл «попечителями наших рукописей». Старые же архивы и монастырские книгохранилища, заключавшие в себе массу драгоценностей, оставались без всякого внимания, в полном пренебрежении и упадке. Вот примеры из уже XIX в., которые показывают, как невежественно обращались с рукописной стариной ее владельцы и хранители. «В одной обители благочестия, к которой в исходе XVII в. было приписано более 15 других монастырей,— писал П. М. Строев в 1823 г.,— старый ее архив помещался в башне, где в окнах не было рам. Снег покрывал на пол-аршина кучу книг и столбцов, наваленных без разбору, и я рылся в ней, как в развалинах Геркулана. Этому шесть лет. Следовательно, снег шесть раз покрывал эти рукописи и столько же на них таял, теперь верно осталась одна ржавая пыль...» Тот же Строев в 1829 г. доносил Академии наук, что архив старинного города Кевроля, по упразднении последнего перенесенный в Пинегу, «сгнил там в ветхом сарае и, как мне сказывали, последние остатки его не задолго перед сим (т. е. до 1829 г.) брошены в воду».

Известный любитель и исследователь старины митрополит Киевский Евгений (Болховитинов, 1767—1837), будучи архиереем во Пскове, пожелал осмотреть богатый Новгородский-Юрьев монастырь. «Вперед он дал знать о своем приезде,— пишет биограф митр[ополита] Евгения Ивановский,— и этим разумеется заставил начальство обители несколько посуетиться и привести некоторые из монастырских помещений в более благовидный порядок. Ехать в монастырь он мог одной из двух дорог: или верхней, более проезжей, но скучной, или нижней, близ Волхова, менее удобной, но более приятной. Он поехал нижней. Близ самого монастыря он встретился с возом, ехавшим к Волхову в сопровождении инока. Желая узнать, что везет инок к реке, он спросил. Инок отвечал, что он везет разный сор и хлам, который просто кинуть в навозную кучу нельзя, а надобно бросить в реку. Это возбудило любопытство Евгения. Он подошел к возу, велел приподнять рогожу, увидел порванные книжки и рукописные листы и затем велел иноку возвратиться в монастырь. В этом возу оказались драгоценные остатки письменности даже XI в.» (*Ивановский* «Митр. Евгений», стр. 41—42).

Таково было у нас отношение к памятникам старины даже в XIX в. В XVIII в. оно было, конечно, не лучше, хотя нужно отметить, что рядом с этим с начала уже XVIII ст. являются отдельные личности, сознательно относившиеся к старине. Сам Петр I собирал старинные монеты, медали и другие остатки старины, по западноевропейскому обычаю, как необыкновенные и курьезные предметы, как своего рода «монстры». Но, собирая любопытные вещественные остатки старины, Петр желал вместе

с тем «ведать государства Российского историю» и полагал, что «о сем первее трудиться надобно, а не о начале света и других государствах, понеже о сем много писано». С 1708 г. по приказу Петра над сочинением русской истории (XVI и XVII вв.) трудился тогдашний ученый деятель Славяно-греко-латинской академии *Федор Поликарпов*, но труд его не удовлетворил Петра, а нам остался неизвестен. Несмотря, однако, на такую неудачу, Петр до конца своего царствования не оставлял мысли о полной русской истории и заботился о собрании для нее материала; в 1720 г. он приказал губернаторам пересмотреть все замечательные исторические документы и летописные книги во всех монастырях, епархиях и соборах, составить им описи и доставить эти описи в Сенат. А в 1722 г. Синоду было указано по этим описям отобрать все исторические рукописи из епархий в Синод и сделать с них списки. Но Синоду не удалось привести это в исполнение: большинство епархиальных начальств отвечало на запросы Синода, что у них нет таких рукописей, а всего в Синоде было прислано до 40 рукописей, как можно судить по некоторым данным, и из них только 8 собственно исторических, остальные же духовного содержания. Так желание Петра иметь историческое повествование о России и собрать для этого материал разбилось о невежество и небрежность его современников.

Историческая наука родилась у нас позже Петра, и научная обработка исторического материала началась вместе с появлением у нас ученых немцев; тогда стало выясняться мало-помалу и значение рукописного материала для нашей истории. В этом последнем отношении неоценимые услуги нашей науке оказал известный уже нам *Герард Фридрих Миллер* (1705—1785). Добросовестный и трудолюбивый ученый, осторожный критик-исследователь и в то же время неутомимый собиратель исторических материалов, Миллер своей разнообразной деятельностью вполне заслуживает имя «отца русской исторической науки», какое ему дают наши историографы. Наша наука еще до сих пор пользуется собранным им материалом. В так называемых «портфелях» Миллера, хранящихся в Академии наук и в Московском главном архиве Министерства иностранных дел, заключается более 900 номеров разного рода исторических бумаг. Эти портфели и теперь еще для исследователя составляют целое сокровище, и новые исторические труды часто черпают из них свои материалы; так, археографическая комиссия до последнего времени наполняла его материалом некоторые из своих изданий (Сибирские дела в дополнениях к «Актам историческим»). Миллер собирал письменные памятники не в одной только Европейской России, но и в Сибири, где он провел около 10 лет (1733—1743). Эти изыскания в Сибири дали важные результаты, потому что только здесь Миллеру удалось найти массу ценных документов о смуте, которые были потом напечатаны в Собрании Государственных грамот и Договоров во II томе. При императрице

Екатерине II Миллер был назначен начальником Архива Коллегии Иностранных Дел и имел от императрицы поручение составить собрание дипломатических документов по примеру Амстердамского издания Дюмона (Corps universel diplomatique du droit des Gens, 8 т., 1726—1731). Но Миллер был уже стар для такого грандиозного труда и, как начальник архива, успел только начать разбор и упорядочение архивного материала и приготовить целую школу своих учеников, которые по смерти учителя продолжали работать в этом архиве и вполне развернули свои силы позднее в так называемую «Румянцевскую эпоху». Рядом с Миллером действовал *Василий Никитич Татищев* (1686—1750). Он намеревался писать географию России, но понимал, что география без истории невозможна и потому решил сперва написать историю и обратился к собиранию и изучению рукописного материала. Собирая материалы, он нашел и первый оценил «Русскую Правду» и «Царский Судебник». Эти памятники, как и самая «История Российская» Татищева, изданы были уже после его смерти Миллером. Кроме собственно исторических трудов Татищев составил инструкцию для собирания этнографических, географических и археологических сведений о России. Эта инструкция была принята Академией наук.

Со времени Екатерины II дело собирания и издания исторического материала очень развилось. Сама Екатерина находила досуг для занятий русской историей, живо интересовалась русской стариной, поощряла и вызывала исторические труды. При таком настроении императрицы русское общество стало больше интересоваться своим прошлым и сознательнее относиться к остаткам этого прошлого. При Екатерине как собиратель исторического материала действует, между прочим, граф *А. Н. Мусин-Пушкин*, нашедший «Слово о полку Игореве» и старавшийся собрать из монастырских библиотек в столицу все рукописные летописи в видах их лучшего хранения и издания. При Екатерине начинаются многочисленные *издания летописей* в Академии наук и при Синоде, издания, впрочем, еще несовершенные и не научные. И в обществе начинается то же движение в пользу изучения старины.

В этом деле первое место занимает *Николай Иванович Новиков* (1744—1818), больше известный нашему обществу изданием сатирических журналов, масонством и заботами о распространении образования. По своим личным качествам и гуманным идеям это редкий в своем веке человек, светлое явление своего времени. Он нам уже известен как собиратель и издатель «Древней Российской Вивлиофики» — обширного сборника старых актов разного рода, летописцев, старинных литературных произведений и исторических статей. Издание свое он начал в 1773 г. и в 3 года издал 10 частей. В предисловии к Вивлиофике Новиков определяет свое издание как «начертание нравов и обычаев предков» с целью познать «великость духа их, украшенного простотою». (Надо

заметить, что идеализация старины уже сильна́ была и в первом сатирическом журнале *Новикова* «Трутень», 1769—1770 г.) Первое издание «Вивлиофики» теперь уже забыто ради второго, более полного, в 20 томах (1788—1791). *Новикова* в этом его издании поддерживала сама Екатерина II и деньгами, и тем, что допустила его к занятиям в архиве Иностранной коллегии, где ему очень радушно помогал старик *Миллер*. По содержанию своему, «Древняя Российская Вивлиофика» была случайным сводом под руку попавшегося материала, изданного почти без всякой критики и без всяких научных приемов, как мы их понимаем теперь.

В этом отношении еще ниже стоят «Деяния Петра Великого» курского купца *Ив. Ив. Голикова* (1735—1801), который с детства восторгался деяниями Петра, имел несчастье попасть под суд, но был освобожден по манифесту по случаю открытия памятника Петру. По этому поводу Голиков решил всю свою жизнь посвятить работе над биографией Петра. Он собирал все известия, какие только мог достать, без разбора их достоинств, письма Петра, анекдоты о нем и т. п. В начале своего собрания он поместил краткий обзор XVI и XVII вв. На труд Голикова обратила внимание Екатерина и открыла ему архивы, но этот труд лишен всякого научного значения, хотя по недостатку лучших материалов им пользуются и теперь. Для своего же времени он был крупным археографическим фактом (I-е издание в 30 т. 1778—1798. II-е издание в 15 т. 1838).

Кроме Академии и частных лиц, к памятникам старины обратилась деятельность и «Вольного Российского собрания», ученого общества, основанного при Московском университете в 1771 г. Это общество было очень деятельно в помощи отдельным ученым, открывая им доступ в архивы, сооружая ученые этнографические экспедиции и т. д., но само издавало немного памятников старины: в 10 лет оно выпустило только 6 книг своих «Трудов».

Такова, в самых общих чертах, деятельность второй половины прошлого века по собиранию и изданию материалов. Эта деятельность отличалась случайным характером, захватывала только тот материал, который, если можно так выразиться, сам шел в руки: забот о тех памятниках, которые были в провинции, не проявлялось. Сибирская экспедиция Миллера и собрание летописей, по мысли Мусина-Пушкина, были отдельными эпизодами исключительного характера, и историческое богатство провинции оставалось пока без оценки и внимания. Что же касается исторических изданий прошлого столетия, то они не выдерживают и самой снисходительной критики. Кроме разных технических подробностей, мы требуем теперь от ученого издателя, чтобы он пересмотрел по возможности все известные списки издаваемого памятника, выбрал из них древнейшие и лучшие, т. е. с исправнейшим текстом, один из лучших положил в основу издания

и печатал его текст, приводя к нему все варианты других исправных списков, избегая малейших неточностей и опечаток в тексте. Изданию должна предшествовать проверка исторической ценности памятника; если памятник окажется простой компиляцией, то лучше издать его источники, чем самую компиляцию. Но в XVIII в. на дело смотрели не так; считали возможным издавать, например, летопись по одному ее списку со всеми ошибками, так что теперь, по нужде, пользуясь некоторыми из изданий за неимением лучших, историк постоянно в опасности сделать ошибку, допустить неточность и т. под. Только Шлёцер теоретически устанавливал приемы ученой критики, да Миллер в издании «Степенной книги» (1775 г.) соблюдал некоторые из основных правил ученого издания. В предисловии к этой летописи он говорит о своих приемах издания: они у него научны, хотя еще не выработаны; но в этом его нельзя упрекать,— полная разработка критических приемов явилась у нас только в XIX столетии, и ей более всего способствовали ученики Миллера.

Старея, Миллер просил императрицу Екатерину назначить после его смерти начальником Архива Иностранной Коллегии кого-нибудь из его учеников. Просьба его была уважена, и после Миллера Архивом заведовали его ученики: сперва *И. Стриттер,* потом *Н. Н. Бантыш-Каменский* (1739—1814). Этот последний, составляя описание дел своего архива, на основании этих дел занимался и исследованиями, которые, к сожалению, далеко не все напечатаны. Они очень много помогали Карамзину при составлении «Истории государства Российского».

Когда в первые годы XIX столетия архив Иностранной Коллегии поступил в главное ведение графа *Николая Петровича Румянцева* (1754—1826), в архиве воспиталась уже целая семья археографов, и для Румянцева были готовы достойные помощники. Именем Румянцева означают целую эпоху в ходе нашего народного самопознания, и справедливо. Граф Н. П. Румянцев явился в ту самую пору, когда приготовлялась «История государства Российского» Карамзина, когда назревало сознание, что необходимо собирать и спасать остатки старой народной жизни, когда, наконец, явились и деятели по этой части с научными приемами. Граф Румянцев стал выразителем сознательного отношения к старине и, благодаря своему положению и средствам, явился центром нового историко-археологического движения, таким почтенным меценатом, пред памятью которого должны преклоняться и мы, и все грядущие поколения.

Родился Румянцев в 1754 г.; отцом его был знаменитый граф Румянцев-Задунайский. Начал свою службу Николай Петрович в среде русских дипломатов Екатерининского века и более 15 лет был чрезвычайным посланником и полномочным министром во Франкфурте-на-Майне. При имп. Павле I хотя Румянцев и был в милости у императора, но не занимал никаких должностей и оставался не у дел. При Александре I ему был дан портфель

министра коммерции, а затем в 1809 г. поручено Министерство иностранных дел с сохранением поста министра коммерции. С течением времени он был возведен в звание Государственного Канцлера и назначен председателем Государственного совета. Во время управления Министерством иностранных дел и его Архивом сказалась любовь Румянцева к старине, хотя почвы для нее по-видимому не было никакой. Уже в 1810 г. граф Николай Петрович предлагает Бантыш-Каменскому составить план издания *Сборника государственных грамот и договоров*. Этот план был скоро готов, и гр. Румянцев ходатайствовал пред Государем об учреждении, при Архиве иностранной коллегии, Комиссии для напечатания «Государственных грамот и договоров». Все издержки по изданию он принимал на свой счет, но с условием, что комиссия останется в его ведении и тогда, когда он оставит управление ведомством иностранных дел. Желание его было исполнено, и 3 мая 1811 года комиссия была учреждена. Двенадцатый год задержал выпуск 1-го тома, но Бантыш-Каменский успел спасти вместе с архивом и напечатанные листы этого первого тома, и первый том вышел к 1813 г. под заглавием «Собрание Государственных Грамот и Договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных Дел». На заглавном листе красовался герб Румянцева, как и на всех его прочих изданиях. Во вступлении к первому тому главный его редактор Бантыш-Каменский так объяснял потребности, вызвавшие издание, и цели, какие оно преследовало: «Испытатели древностей Российских и желавшие приобрести познание в дипломатике отечественной не могли довольствоваться неисправными и противоречащими отрывками грамот, в Древней Вивлиофике помещенных, ибо потребно было полное собрание коренных постановлений и договоров, которое бы объясняло постепенность возвышения России. Не имев сего путеводства, они принуждены были допытываться о происшествиях и союзах своего государства у иностранных писателей и сочинениями их руководствоваться» (СГГ и Д, т. 1, стр. II). Слова эти справедливы, потому что издание гр. Румянцева было первым систематическим сводом-документом, с которым не могло соперничать ни одно предшествовавшее издание. В выпущенном (первом) томе были собраны замечательные грамоты времени 1229—1613 гг. С их появлением входила в научный оборот масса ценного материала, изданного добросовестно и роскошно.

Второй том Румянцевского собрания вышел в 1819 г. и заключает в себе грамоты до XVI в. и документы смутного времени. Бантыш-Каменский умер до выхода 2-го тома (1814 г.), и вместо него работал над изданием Малиновский. Под его редакцией вышел в 1822 г. третий том, а в 1828-м, когда Румянцева уже не стало в живых, и четвертый. Оба эти тома заключают в себе документы XVII в. В предисловии к 2-му тому Малиновский объявил, что издание грамот переходит в ведение Коллегии

иностранных дел и зависит от ее распоряжений; однако и до сей поры дело не пошло далее начала пятого тома, который с недавнего времени обращается в продаже и заключает в себе дипломатические бумаги. Если бы деятельность Румянцева ограничилась только этим изданием (на которое он затратил до 40 000 р.), то и тогда бы память его жила вечно в нашей науке,— такое значение имеет этот сборник документов. Как историческое явление, это первый научный сборник актов, ознаменовавший собою начало у нас научного отношения к старине, а как исторический источник, это и до сих пор один из важнейших сводов материала, имеющий значение для основных вопросов общей истории нашего государства.

Стремясь так старательно к извлечению на свет архивного материала, граф Румянцев не был простым дилетантом, но обладал большой эрудицией в русских древностях и не переставал жалеть, что в нем поздно пробудились вкусы к старине, хотя их позднее появление не помешало ему потратить массу труда и материальных жертв на отыскание и спасение памятников. Общая сумма его издержек на научные цели доходила до 300 000 руб. сер[ебром]. Он не раз на свой счет отправлял научные экспедиции, сам совершал экскурсии в окрестностях Москвы, тщательно разыскивая всевозможные остатки старины, и щедро платил за каждую находку. Из его переписки видно, между прочим, что за одну рукопись он отпустил на волю целую крестьянскую семью. Высокое служебное положение Румянцева облегчало ему любимое дело и помогало вести его в самых широких размерах: так, он обращался ко многим губернаторам и архиереям, прося их указаний о местных древностях, и посылал им в руководство свои программы для собирания памятников старины. Мало того, он руководил изысканиями в заграничных книгохранилищах по части русской истории и, кроме русских памятников, хотел предпринять обширное издание иностранных писателей о России: им было отмечено до 70 иностранных сказаний о России, был составлен и план издания, но к сожалению это дело не состоялось. Но не одно дело собирания памятников интересовало канцлера; часто он оказывал поддержку и исследователям старины, поощряя их труд, а часто и сам вызывал молодые силы на исследования, ставя им научные вопросы и оказывая материальную поддержку. Перед смертью граф Румянцев завещал для общего пользования соотечественников свое богатое собрание книг, рукописей и других древностей. Император Николай I открыл это собрание для публики, под названием «Румянцевского музея», первоначально в Петербурге; но при императоре Александре II музей переведен был в Москву, где и соединен с так называемым публичным музеем в знаменитом Пашковом доме. Эти музеи — драгоценные хранилища нашей древней письменности. Так широка была деятельность графа Румянцева на поле нашей исторической науки. Стимулы ее заключались в высоком

образовании этого человека и в его патриотическом направлении. У него было много ума и материальных средств для достижения его научных целей, но надо сознаться, что он не сделал бы многого из того, что сделал, если бы за ним не стояли в качестве его помощников замечательные люди того времени. Помощниками его были деятели Архива Коллегии иностранных дел. Начальниками Архива при Румянцеве были *Н. Н. Бантыш-Каменский* (1739—1814) и *А. Ф. Малиновский*, советами и трудами которых пользовался Н. М. Карамзин и которые очень много сделали для благоустройства своего Архива. А из молодых ученых, начавших свою деятельность в этом Архиве при Румянцеве, упомянем только самых видных: *Константина Федоровича Калайдовича и Павла Михайловича Строева*. Оба они замечательно много сделали по числу и по значению их работ, трудясь над научным изданием памятников, собирая и описывая рукописи во всеоружии прекрасных критических приемов.

Биография *Калайдовича* малоизвестна. Родился он в 1792 г., жил немного — всего 40 лет и кончил умопомешательством и почти нищетой. В 1829 г. Погодин писал о нем Строеву: «Калайдовича сумасшествие прошло, но осталась такая слабость, такая ипохондрия, что нельзя смотреть на него без горести. Он в нужде...» В своей деятельности Калайдович почти всецело принадлежал к Румянцевскому кружку и был любимым сотрудником Румянцева. Он участвовал в издании «Собрания Государственных Грамот и Договоров»; вместе с Строевым совершил в 1817 г. поездку по Московской и Калужской губерниям для разыскания старых рукописей. Это была первая по времени научная экспедиция в провинцию с исключительной целью — палеографической. Создалась она по почину гр. Румянцева и увенчалась большим успехом. Строев и Калайдович нашли *Изборник Святослава* 1073 г., Илларионову *Похвалу Когану Владимиру* и между прочим в Волоколамском монастыре *Судебник Ивана III*. Эта была тогда полная новинка: Княжеского Судебника не знал никто в *русской* редакции, и Карамзин пользовался им в *латинском* переводе Герберштейна. Граф приветствовал находки и благодарил молодых ученых за их труды. Судебник был издан на его средства Строевым и Калайдовичем в 1819 г. («Законы Великого Князя Иоанна Васильевича и внука его Царя Иоанна Васильевича». Москва 1819 г., второе издание, Москва 1878 г.).— Кроме своих издательских трудов и палеографических разысканий, Калайдович известен и своими филологическими исследованиями («Иоанн, Экзарх Болгарский»). Ранняя смерть и печальная жизнь не дали этому таланту возможности вполне развернуть свои богатые силы.

В близком общении с Калайдовичем во дни юности был *П. М. Строев*. Строев, происходя из небогатой дворянской семьи, родился в Москве в 1796 г. В 1812 г. он должен был поступить в университет, но военные события, прервавшие ход университетского преподавания, помешали этому, так что только в августе 1813 г. стал он студентом. Замечательнейшими из учи-

телей его здесь были *Р. Ф. Тимковский* (ум. 1820 г.), профессор римской словесности, знаменитый изданием летописи Нестора (вышла в 1824 г., к изданию ее он применил приемы издания древних классиков) и *М. Т. Каченовский* (ум. 1842 г.) — основатель так называемой скептической школы. Тотчас по поступлении в университет, т. е. 17 лет, Строев уже составил краткую Российскую Историю, которая издана была в 1814 г., стала общепринятым учебником и через пять лет потребовала нового издания. В 1815 г. Строев выступает уже со своим собственным журналом «Современный наблюдатель Российской Словесности», который он думал сделать еженедельным и который выходил только с марта по июль. В конце того же 1815 года Павел Михайлович выходит из университета, не окончив курса, и поступает по предложению Румянцева в Комиссию печатания Государственных Грамот и Договоров. Румянцев высоко ценил его и, как увидим, был прав. Кроме удачных кабинетных работ, Строев с 1817 по 1820 г. на средства Румянцева объезжает вместе с Калайдовичем книгохранилища Московской и Калужской епархий. Мы уже знаем, какие важные памятники были тогда найдены. Кроме находок, было описано до 2000 рукописей, и Строев в этих поездках приобрел большое знание рукописного материала, которым он много помог Карамзину. И после своих экспедиций, до конца 1822 г., Строев продолжает работать при Румянцеве. В 1828 г. Строев был избран действительным членом Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете (это Общество учреждено было в 1804 г. для издания древних летописей). В заседании Общества 14 июля 1823 г. Строев выступил с грандиозным проектом. По поводу своего выбора он сказал блестящую речь, в которой благодарил за избрание, указал, что цель Общества — издание летописей — слишком узка, и предложил заменить ее разбором и изданием всех вообще исторических памятников, какими Общество будет иметь возможность располагать: «Общество должно,— говорил Строев,— извлечь, привести в известность и, если не само обработать, то доставить другим средства обрабатывать все письменные памятники нашей истории и древней словесности...» «Пусть целая Россия,— говорил он,— превратится в одну библиотеку, нам доступную. Не сотнями известных рукописей должны мы ограничить наши занятия, но бесчисленным множеством их в монастырях и соборных хранилищах, никем не хранимых и никем не описанных, в архивах, кои нещадно опустошают время и нерадивое невежество, в кладовых и подвалах, не доступных лучам солнца, куда груды древних книг и свитков, кажется, снесены для того, чтобы грызущие животные, черви, ржа и тля могли истребить их удобнее и скорее!..» Строев, словом, предлагал Обществу привести в наличность всю письменную старину, какою располагали провинциальные библиотеки, и предлагал для достижения этой цели послать ученую экспедицию, чтобы описать

провинциальные книгохранилища. Пробная поездка этой экспедиции должна была быть совершена по проекту Строева в Новгороде, где следовало разобрать находившуюся в Софийском соборе библиотеку. Далее, экспедиция должна была совершить свою первую или *северную* поездку, в район которой входили по плану Строева 10 губерний (Новгородская, Петербургская, Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Вятская, Пермская, Костромская, Ярославская и Тверская). Эта поездка должна была занять два с лишним года и дать, как надеялся Строев, блестящие результаты, «богатую жатву», потому что на севере много монастырей с библиотеками; там жили и живут старообрядцы, которые очень внимательно относятся к рукописной старине; а затем, на севере меньше всего было неприятельских погромов. Вторая или *средняя* поездка, по проекту Строева, должна была занять два года времени и охватить среднюю полосу России (губернии: Московскую, Владимирскую, Нижегородскую, Тамбовскую, Тульскую, Калужскую, Смоленскую и Псковскую). Третья или *западная* поездка должна была направиться в юго-западную Россию (9 губерний: Витебскую, Могилевскую, Минскую, Волынскую, Киевскую, Харьковскую, Черниговскую, Курскую и Орловскую) и потребовала бы год времени. Этими поездками Строев надеялся достичь систематического описания всего исторического материала в провинции, преимущественно в духовных библиотеках. Издержки он определял в сумме 7000 р. в год. Все составленные экспедицией описания он предполагал слить в одну общую роспись летописного и историко-юридического материала и предлагал Обществу издавать потом исторические памятники по лучшим из описанных экспедицией редакциям, а не по случайным спискам, как это делалось до того времени. Рисуя такие привлекательные перспективы, Строев искусно доказывал возможность исполнения своего проекта и настаивал на его принятии. Речь свою он закончил хвалой Румянцеву, благодаря которому он мог приобрести навык и опыт в археографическом деле. Конечно, Румянцевская экспедиция 1817—1820 гг. заставила Строева размечтаться о той грандиозной экспедиции, какую он предлагал.

Общество, в своем большинстве, приняло речь Строева за смелую мечту молодого ума и дало Строеву средства для обозрения одной лишь Новгородской Софийской библиотеки, которая и была им описана. Речь Строева даже не была напечатана в журнале Общества, а появилась в «Северном Архиве». Ее прочли и забыли. Сам Строев занимался в то время историей донского казачества и составил свой известный «Ключ к истории Государства Российского» Карамзина, писал в журналах, поступил библиотекарем к графу Ф. А. Толстому, вместе с Калайдовичем составил и издал в свет каталог богатого собрания рукописей графа Ф. А. Толстого, ныне находящихся в Императорской Публичной Библиотеке. Труды Строева были замечены Академией наук, и она в 1826 г. дала ему звание своего корреспон-

дента. Среди своих последних трудов Строев как будто забыл о своей речи: на самом же деле оказалось не так. По преданию, великая княгиня Мария Павловна с большим участием отнеслась к речи Строева, которую прочитала в «Северном Архиве», и это участие, как говорят, побудило Строева обратиться с письмом к президенту Академии наук *графу С. С. Уварову*. В этом письме он развивает те же планы, которые развивал и в Обществе, предлагает себя, как опытного археографа, для археографических поездок и сообщает подробный план практического исполнения предлагаемого им дела. Уваров передал письмо Строева в Академию, Академия же — своему члену Кругу поручила его разбор и оценку. 21 мая 1828 г. благодаря прекрасному отзыву Круга, важное дело было решено. Академия, признавая, что археографическая экспедиция есть «священная обязанность, от которой первое ученое заведение Империи не может уклониться, не подвергаясь справедливым упрекам в равнодушии», решила отправить Строева в путешествие, ассигновав 10 тыс. руб. ассигнациями. Археографическая экспедиция была таким образом учреждена. Выбор помощников для археографической экспедиции был предоставлен самому Строеву. Он выбрал двух чиновников Архива Министерства иностранных дел и заключил с ними очень любопытное условие, где, между прочим, писал следующее: «Экспедицию ожидают не забавы различные, но труды, трудности и лишения всякого рода. Поэтому спутники мои должны одушевиться терпением и готовностью переносить все тяжкое и неприятное, да не овладеют ими малодушие, нерешительность, ропот!»... Далее он предупреждает своих помощников, что им часто придется иметь дурную квартиру, телегу, вместо рессорного экипажа, не всегда чай и т. п. Строев, очевидно, знал, в какой обстановке будет он трудиться, и сознательно шел навстречу лишениям. Первые же его спутники, испытав трудности дела, через полгода от него отказались.

Приготовив все для поездки, запасшись официальными бумагами, которые должны были открыть ему вход во все архивы, Строев в мае 1829 г. выехал из Москвы к берегам Белого моря. Слишком долго было бы излагать любопытнейшие подробности этой экспедиции. Лишения, трудности сообщений и самой работы, убийственные гигиенические условия жизни и труда, болезни, подчас недоброжелательство и подозрительность невежественных хранителей архивов и библиотек,— все это стоически вынес Строев. Всего себя отдавал он работе, часто удивительно трудной и сухой, и лишь изредка, пользуясь отпусками для отдыха на какой-нибудь месяц, возвращался к своей семье. Утешительно то, что в этих трудах он нашел себе достойного помощника в лице *Як. Ив. Бередникова* (1793—1854), которым он в 1830 г. и заменил прежних чиновников. Энергия этих двух тружеников достигла чудесных результатов; пять с половиной лет трудились они, изъездив всю северную и среднюю Россию, осмотрели более 200 библиотек и архивов, списали до 3000 историко-юридических

документов, относящихся в XIV, XV, XVI и XVII вв., обследовали массу памятников летописного и литературного характера. Собранный ими материал, будучи переписан, занял 10 огромных фолиантов, а в их черновых портфелях осталась масса справок, выписок и указаний, которые позволили Строеву составить два замечательных труда, появившихся в печати уже после его смерти. (Это «*Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви*», всех, которых помнит история, и «*Библиологический словарь или алфавитный перечень всех рукописей исторического и литературного содержания*», какие только Строев видел на своем веку.)

За путешествием Строева следила вся образованная Россия. Ученые обращались к нему, прося выписок, указаний и справок. *Сперанский*, готовя тогда в печать «Полное Собрание Законов Российской Империи», обращался к Строеву за помощью в собирании указов. Ежегодно, 29 декабря, в день годичного заседания Академии наук, между прочим, читались отчеты и о действиях археографической экспедиции. Сведения о ней помещались в журналах. Император Николай прочитывал «от доски до доски» большие томы переписанных набело актов, собранных экспедицией.

В конце 1834 г. Строев был близок к окончанию своего дела. Северная и средняя поездки его были окончены. Оставалась самая меньшая — западная, т. е. Малороссия, Волынь, Литва и Белоруссия. В своем отчете Академии за 1834 г. Строев с торжеством заявлял об этом и, перечисляя результаты археографической экспедиции за все время ее существования, говорил: «От благоусмотрения Императорской Академии наук зависит: а) продолжать археографическую экспедицию в остальных областях Империи, дабы утвердить решительно: более сего нет, т. е. нет неизвестного материала, или б) начать печатание актов историко-юридических, почти приготовленных, и собрание разных писаний (т. е. летописных) по моим указаниям...» Этот отчет Строева читался в торжественном собрании Академии 29 декабря 1834 г., и почти в тот же день Строев узнал, что волей начальства (не Академии) археографическая экспедиция прекратила свое существование, что для разбора и издания добытых Строевым актов при Министерстве народного просвещения учреждена *Археографическая комиссия*. Строев был назначен простым членом этой комиссии наравне с своим прежним помощником Бередниковым и еще двумя лицами, к экспедиции вовсе не причастными *. Учреждением комиссии, скоро превратившейся в посто-

* Тяжело было Строеву видеть дорогое дело в чужом распоряжении; поэтому он скоро выходит из комиссии, поселяется в Москве, но невольно сохраняет с членами комиссии живые сношения. На первых порах комиссия много зависела от него в своей научной деятельности; для нее он продолжает работать и до конца жизни, разрабатывая московские архивы. Здесь под его руководством начинают свои труды всем известные И. Е. Забелин и Н. В. Калачев. В то же время Строев продолжал трудиться и для Общества истории и древностей, описывая, между прочим, библиотеку Общества. Скончался он 5 января 1876 г., восьмидесяти лет.

янную (она существует и до сих пор), начинается новая эра в издании памятников нашей старины.

Археографическая комиссия, которая была учреждена сначала с временной целью издания найденных Строевым актов, стала с 1837 г., как мы упомянули, *постоянной* комиссией для разбора и издания исторического материала вообще. Деятельность ее выразилась за все время ее существования многочисленными изданиями, из которых необходимо указать главнейшие. В 1836 г. издала она четыре первых своих фолианта под заглавиями: *«Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук»*. (В просторечии издание это носит название «Актов Экспедиции», а в ученых ссылках означается буквами АЭ.) В 1838 г. явились *«Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства»* (один том). В этом издании помещены акты частного быта до XVIII в. В 1841 и 1842 гг. вышли пять томов *«Актов исторических, собранных и изданных Археографической комиссией»* (I т. [содержит] акты до XVII в., от II до V тома — акты XVII в.). Затем стали выходить *«Дополнения к актам историческим»* (всего XII томов, заключающих документы XII—XVII вв.). С 1846 г. комиссия принялась за систематическое издание *«Полного Собрания Русских Летописей»*. Довольно скоро успела она выпустить восемь томов (I том — *Лаврентьевская летопись*. II — *Ипатьевская летопись*. III и IV — *Новгородская летопись*, конец IV и V — *Псковская, VI — Софийский Временник*, VII и VIII — *Воскресенская летопись*). Затем издание несколько замедлилось, и лишь через много лет вышли тома IX—XIV (заключающие в себе текст *Никоновской летописи*), а затем XV том (заключающий *Тверскую летопись*), XVI том *(Летопись Аврамки)*, XVII *(Западнорусские летописи)*, XIX *(Казанский летописец)*, XX *(Львовская летопись)*, XXI *(Степенная Книга)*, XXII *(Русский Хронограф)*, *XXIII (Ермолинская летопись)* и др.

Весь этот материал, громадный по числу и по важности документов, оживил нашу науку. Почти исключительно на нем основывались многие монографии (напр., прекрасные труды *Соловьева и Чичерина*), были уяснены вопросы древнего общественного быта, стала возможна разработка многих частностей древней жизни.

После своих первых монументальных трудов комиссия продолжала деятельно работать. До сих пор ею выпущено более сорока изданий. Наибольшее значение, сверх уже названных, имеют: 1) *«Акты, относящиеся к истории Западной России»* (5 томов), 2) *«Акты, относящиеся к истории Западной и Южной России»* (15 томов), 3) *«Акты, относящиеся до юридического быта древней России»* (3 тома), 4) *«Русская Историческая библиотека»* (28 томов), 5) *«Великие Минеи Четьи митрополита Макария»* (до 20 выпусков), 6) *«Писцовые книги»* Новгородские и Ижорские

XVII в., 7) *«Акты на иностранных языках, относящиеся к России»* (3 тома с дополнением), 8) *«Сказания иностранных писателей о России»* (Rerum Rossicarum scriptores exteri) 2 тома и т. д.

По образцу Императорской Археографической комиссии возникли такие же комиссии в *Киеве* и *Вильне* — как раз в тех местах, где не успел побывать Строев. Они занимаются изданиями и исследованиями местного материала и сделали уже очень много. Особенно успешно идет дело в Киеве.

Помимо изданий археографических комиссий, мы располагаем еще целым рядом правительственных изданий. Второе отделение Канцелярии Его Величества не ограничилось изданием *«Полного Собрания Законов Российской империи»* (Законы от 1649 г. до настоящего времени), оно издало еще *«Памятники дипломатических сношений Московского государства с Европой»* (10 томов), *«Дворцовые разряды»* (5 томов) и *«Книги разрядные»* (2 тома). Рядом с правительственной развернулась и частная деятельность по изданию древних памятников. Московское Общество Истории и Древностей Российских, которое во времена Строева едва влачило свое существование, ожило и постоянно заявляет о себе новыми изданиями. После «Чтений в Московском Обществе Истории и Древностей», редактированных *О. М. Бодянским,* оно издало под редакцией *И. Д. Беляева:* «Временник Императорского Московского Общества Истории и Древностей» (25 книг, заключающих богатый материал, исследования и целый ряд документов). В 1858 г. секретарем Общества был вновь избран Бодянский, который стал издавать по-прежнему «Чтения» вместо «Временника» Беляева. После Бодянского секретарем был избран в 1871 г. *А. Н. Попов,* а после смерти его в 1881 г. *Е. В. Барсов,* при которых и продолжаются те же «Чтения». Издавали и издают свои труды и археологические общества: *Петербургское,* называемое «Русским» (основано в 1846 г.), и *Московское* (основано в 1864 г.). Занималось и занимается археологией и историей Географическое Общество (в Петербурге с 1846 г.). Из его изданий для нас интересны в особенности *«Писцовые книги»* (2 тома под редакцией Н. В. Калачева). С 1866 г. работает (преимущественно над историей XVIII в.) Императорское *Русское Историческое Общество,* которое успело издать уже до 150 томов своего «Сборника». Ученые Исторические Общества начинают основываться и в провинции, например: Одесское Общество Истории и Древностей, губернские ученые архивные комиссии. Проявляется и деятельность отдельных лиц: частные собрания *Муханова, кн. Оболенского, Федотова-Чеховского, Н. П. Лихачева* и др. заключают в себе очень ценные материалы. С 30-х и 40-х годов в наших журналах начинают печататься материалы для истории, являются даже журналы, специально посвященные русской истории, например: *Русский Архив, Русская Старина* и др.

Перейдем к характеристике отдельных видов исторического материала и прежде всего остановимся на источниках *летописного типа,* и в частности на *летописи,* так как ей, главным образом, мы обязаны знакомством с древнейшей историей Руси. Но для того, чтобы изучать летописную литературу, надобно знать употребительные в ней термины. В науке «летописью» называется погодный рассказ о событиях, местами краткий, местами более подробный, всегда с точным указанием лет. Летописи наши сохранились в огромном количестве экземпляров или *списков* XIV—XVIII вв. По месту и времени составления и по содержанию летописи делятся на *разряды* (есть Новгородские, Суздальские, Киевские, Московские). Списки летописи одного разряда разнятся между собою не только в словах и выражениях, но даже и в самом выборе известий, и часто в одном из списков известного разряда есть событие, которого нет в другом; вследствие этого списки делятся на *редакции* или *изводы.* Различия в списках одного разряда и навели наших историков на мысль, что летописи наши суть сборники и что их первоначальные источники не дошли до нас в чистом виде. Впервые эта мысль была выражена П. М. Строевым еще в 20-х годах в его предисловии к «Софийскому Временнику». Дальнейшее знакомство с летописями привело окончательно к убеждению, что летописи, которые нам известны, представляют *своды* известий и сказаний, компиляции из нескольких трудов. И теперь в науке господствует мнение, что даже древнейшие летописи суть компилятивные своды. Так, летопись Нестора есть *свод* XII в., Суздальская летопись — *свод* XIV века, Московские — *своды* XVI и XVII вв. и т. д.

Знакомство с летописной литературой начнем с так называемой летописи Нестора, которая начинается рассказом о расселении племен после потопа, а кончается около 1110 г.; заглавие ее таково: *«Се повести временных лет* (в иных списках прибавлено: *черноризца Федосьева Печерского монастыря*) *откуда есть пошла Русская земля, кто в Киев пача первые княжити, и откуда Русская земля стала есть».* Таким образом по заглавию мы видим, что автор обещает сказать только следующее: кто первый стал княжить в Киеве и откуда произошла русская земля. Самая история этой земли не обещана и между тем она ведется до 1110 г. После этого года мы читаем в летописи следующую приписку: *Игумен Селивестр Святого Михаила, написав книги си летописец, надеяся от Бога милость приняти, при князе Володимире княжащю ему в Киеве, а мне то время игуменящу у Св. Михаила в 6624, индикта 9 лета* (т. е. в 1116 г.). Таким образом выходит, что автором летописного свода был Сильвестр, по другим же данным не Сильвестр, игумен Выдубицкого монастыря, написал летопись, известную под названием «Повести временных лет», а монах Печерского монастыря *Нестор;* еще Татищев приписывал ее Нестору. В древнем «Патерике Печерском» мы читаем рассказ о том, что Нестор пришел в монастырь,

к Феодосию, 17 лет был им пострижен, писал летопись и умер в монастыре. В летописи же под 1051 г. в рассказе о Феодосии летописец говорит о себе: «К нему же (Феодосию) *и аз приидох* худый и прият мя лет ми сущу семнадцати». Далее, под 1074 г. летописец передает рассказ о великих подвижниках *Печерских* и по поводу их подвигов говорит, что многое он слышал от монахов, а другое «и самовидец бых». Под 1091 г. летописец от своего лица рассказывает о том, как при нем и даже с его участием печерская братия перенесла на новое место мощи св. Феодосия; в рассказе этом летописец называет себя «рабом и учеником» Феодосия. Под 1093 г. следует рассказ о нападении половцев на Киев и о взятии ими Печерского монастыря, рассказ целиком веденный в 1-м лице; затем под 1110 г. мы находим вышеприведенную приписку Сильвестра игумена не Печерского, а Выдубицкого монастыря.

На том основании, что автор летописи говорит о себе, как о печерском монахе, и ввиду того, что известия, посторонние летописи, называют в Печерском монастыре летописцем монаха Нестора, Татищев так уверенно приписывал летопись до 1110 г. Нестору,— а Сильвестра считал только переписчиком ее. Мнение Татищева встретило поддержку в *Карамзине,* но с тою лишь разницею, что первый думал, что Нестор довел летопись только до 1093 г., а второй — до 1110-го. Таким образом вполне установилось мнение, что летопись принадлежала перу одного лица из Печерской братии, составлявшего ее вполне самостоятельно. Но Строев, при описании рукописей графа Толстого, открыл греческую хронику Георгия Мниха (Амартола), которая местами оказалась дословно схожею с введением к летописи Нестора. Такой факт осветил этот вопрос с совершенно новой стороны, явилась возможность указать и изучить *источники* летописи. Строев первый и намекнул, что *летопись есть не что иное, как свод разного историко-литературного материала.* Автор ее действительно сводил и греческие хроники и русский материал: краткие монастырские записи, народные предания и т. д. Мысль, что летопись есть компилятивный сборник, должна была вызвать новые изыскания. Многие историки занялись исследованием достоверности и состава летописи. Этому вопросу посвящал свои ученые статьи и *Каченовский.* Он пришел к тому выводу, что первоначальная летопись составлена не Нестором и вообще нам не известна. Известные нам летописи, по словам Каченовского, суть «сборники XIII или даже XIV столетия, коих источники большею частью нам неизвестны». Нестор, по своему образованию, живя в эпоху общей грубости, не мог составить ничего подобного дошедшей до нас обширной летописи; ему могли принадлежать только те вставленные в летопись «монастырские записки», в которых он, как очевидец, повествует о жизни своего монастыря в XI в. и говорит о самом себе. Мнение Каченовского вызвало основательные возражения со стороны *Погодина.* (См. «Исследования,

замечания и лекции» Погодина, т. I, М. 1846.) Погодин утверждает, что если мы не сомневаемся в достоверности летописи начиная с XIV в., то не имеем основания сомневаться и в показаниях летописи о первых веках. Идя от достоверности позднейшего рассказа летописи, Погодин восходит все в большую и большую древность и доказывает, что и в древнейшие века летопись совершенно верно изображает события и состояния гражданственности. Скептические взгляды на летопись Каченовского и его учеников вызвали в защиту летописи книгу *Буткова* («Оборона летописи русской», М. 1840) и статьи *Кубарева* («Нестор» и о «Патерике Печерском»). Трудами этих трех лиц, Погодина, Буткова и Кубарева, утвердилась в 40-х годах мысль, что именно Нестору, жившему в XI в., принадлежит древнейший летописный свод. Но в 50-х годах это убеждение стало колебаться. Трудами *П. С. Казанского* (статьи во Временнике Московского Общества Истории и Древностей), *Срезневского* («Чтения о древн. русск. летописях»), *Сухомлинова* («О древн. русской летописи, как памятнике литературном»), *Бестужева-Рюмина* («О составе древнерусских летописей до XIV в.»), *А. А. Шахматова* (статьи в научных журналах и громадное по объему и очень важное по ученому значению исследование «Розыскания о древнейших русских летописных сводах», вышедшее в 1908 г.) вопрос о летописи был поставлен иначе: к исследованию ее были привлечены новые историко-литературные материалы (несомненно принадлежащие Нестору жития и проч.) и приложены новые приемы. Компилятивный, сводный характер летописи был установлен вполне, источники свода были указаны очень определенно; сличение трудов Нестора с показаниями летописи обнаружило противоречия. Вопрос о роли Сильвестра, как собирателя летописного свода, стал серьезнее и сложнее, чем был раньше. В настоящее время первоначальную летопись ученые представляют себе, как свод нескольких литературных произведений, составленных разными лицами, в разное время, из разнообразных источников. Эти отдельные произведения в начале XII в. были не раз соединяемы в один литературный памятник, между прочим, тем самым Сильвестром, который подписал свое имя. Внимательное изучение первоначальной летописи и позволило наметить в ней весьма многие составные части, или точнее, самостоятельные литературные произведения. Из них всего заметнее и важнее: во-первых, собственно «Повесть временных лет» — рассказ о расселении племен после потопа, о происхождении и расселении племен славянских, о делении славян русских на племена, о первоначальном быте русских славян и о водворении на Руси варяжских князей (только к этой первой части летописного свода и может относиться заглавие свода, приведенное выше: «Се повести временных лет и проч.»); во-вторых, обширный рассказ о крещении Руси, составленный неизвестным автором, вероятно, в начале XI в., и, в-третьих, летопись о событиях

XI в., которую приличнее всего назвать *Киевской* первоначальной летописью. В составе этих трех произведений, образовавших свод, и особенно в составе первого и третьего из них, можно заметить следы других, более мелких литературных произведений, «отдельных сказаний», и, таким образом, можно сказать, что наш древний летописный свод есть компиляция, составленная из компиляций,— настолько сложен его внутренний состав.

Знакомясь с известиями *Лаврентьевского* списка, древнейшего из тех, которые содержат в себе так называемую Несторову летопись (он написан монахом Лаврентием в Суздале в 1377 г.), мы замечаем, что за 1110 г., за летописью первоначальной, в Лаврентьевском списке идут известия, по преимуществу относящиеся к северо-восточной *Суздальской* Руси; значит, здесь мы имеем дело с *летописью* местной. *Ипатьевский список* (XIV—XV вв.) за первоначальной летописью дает нам очень подробный рассказ о событиях *киевских,* а затем внимание летописи сосредоточивается на событиях *в Галиче* и *Волынской земле;* и здесь, стало быть, мы имеем дело с *местными* же летописями. Этих местных областных летописей дошло до нас очень много. Виднейшее место между ними занимают летописи *Новгородские* (их несколько редакций и есть очень ценные) и *Псковские,* доводящие свой рассказ до XVI, даже XVII в. Немалое значение имеют и летописи *Литовские,* дошедшие в разных редакциях и освещающие историю Литвы и соединенной с ней Руси в XIV и XV вв.

С XV в. являются попытки собрать в одно целое исторический материал, разбросанный в этих местных летописях. Так как эти попытки совершались в эпоху Московского государства и часто официальными средствами правительства, то они слывут под именем *Московских сводов* или *Московских летописей,* тем более, что дают обильный материал именно для Московской истории. Из этих попыток более ранняя — *Софийский Временник* (две редакции), который соединяет известия *Новгородских* летописей с известиями *Киевской, Суздальской* и других местных летописей, дополняя этот материал отдельными сказаниями исторического характера. Софийский временник относится к XV в. и представляет собою чисто внешнее соединение нескольких летописей, соединение под определенным годом всех относящихся к последнему данных безо всякой их переработки. Такой же характер простого соединения материала из всех доступных составителю летописей имеет *Воскресенская летопись,* возникшая в начале XVI в. Воскресенский свод сохранил до нас в чистом виде массу ценных известий по истории удельной и московской эпох, почему и может быть назван самым богатым и надежным источником для изучения XIV—XV вв. Иной характер имеют *Степенная книга* (составленная лицами, близкими к митрополиту Макарию, XVI в.) и *Никоновская летопись с Новым Летописцем* (XVI—XVII вв.). Пользуясь тем же материалом, как и прежде названные своды, эти памятники дают нам этот материал в переработанном

виде, с риторикой в языке, с известными тенденциями в освещении фактов. Это первые попытки *обработки* исторического материала, вводящие нас уже в историографию. Позднейшее русское летописание пошло в Московском государстве двумя путями. С одной стороны, оно стало официальным делом,— при дворе московском записывались погодно дворцовые и политические события (летописи времени Грозного, напр.: *Александро-Невская, Царственная книга* и вообще последние части Московских сводов,— *Никоновского, Воскресенского, Львовского*), а с течением времени и самый тип летописей стал изменяться, они стали заменяться так называемыми разрядными книгами. С другой стороны, в разных местностях Руси стали являться летописи строго местного, областного, даже городского характера, в большинстве лишенные значения для политической истории (таковы *Нижегородская, Двинская, Угличская* и др.; таковы до некоторой степени и *Сибирские*).

С XVI в., рядом с летописями, возникает новый вид исторических произведений: это — *Хронографы* или обзоры истории всемирной (точнее, библейской, византийской, славянской и русской). *Первая редакция хронографа* была составлена в 1512 г., преимущественно на основании греческих источников с дополнительными сведениями по русской истории. Она принадлежала псковскому «старцу Филофею». В 1616—1617 гг. был составлен *хронограф 2-й редакции*. Это произведение интересно в том отношении, что более древние события изображает на основании первой редакции хронографа, а русские — начиная с XVI, XVII вв. — описывает заново, самостоятельно. Автор его несомненно обладает литературным талантом и, кто хочет ознакомиться с древнерусской риторикой в ее удачных образцах, должен прочитать статьи по русской истории в этом хронографе. В XVII в. московское общество начинает проявлять особенную склонность к хронографам, которые растут в большом количестве. Погодин в свою библиотеку собрал их до 50 экземпляров; нет сколько-нибудь крупного собрания рукописей, где бы их не считали десятками. Распространенность хронографов легко объяснить: краткие по системе изложения, написанные литературным языком, они давали русским людям те же сведения, что и летописи, но в более удобном виде.

Кроме собственно летописей, в древнерусской письменности можно найти много литературных произведений, служащих источниками для историка. Можно даже сказать, что вся древнерусская литературная письменность должна рассматриваться как исторический источник, и часто трудно бывает предугадать, из какого литературного труда историк почерпнет лучшее разъяснение интересующего вопроса. Так, например, смысл *сословного* наименования Киевской Руси «огнищанин» толкуется в историографии не только из памятников законодательства, но и из древнего славянского текста поучений св. Григория Богослова,

в котором встречаем архаическое речение «огнище» в смысле «рабы», «челядь» («гредящеися многы огнищи и стады»). Переводы священных книг, сделанные кн. А. М. Курбским, дают материал для биографии и характеристики этого знаменитого деятеля XVI в. Но при таком значении всего историко-литературного материала некоторые его виды имеют все-таки особенный интерес для историка; таковы *отдельные сказания* о лицах и фактах, носящие на себе характер то *исторический,* то *публицистический.* Ряд исторических сказаний целиком занесен в наши летописные своды: таковы, например, сказания о *крещении Руси, об ослеплении князя Василька, о битве на Липице, о Батыевом нашествии, о Куликовской битве* и много других. В отдельных списках или также сборниках дошли до нас любопытные публицистические произведения древней Руси, которыми особенно богат был XVI век; из них видное место занимает «История», написанная *кн. А. М. Курбским* о Грозном; памфлетические произведения так называемого *Ивашки Пересветова,* защитника правительственной системы Грозного; «*Повесть некоего боголюбивого мужа*», бывшего противником этой системы; «*Беседа Валаамских чудотворцев*», в которой видят произведение боярской среды, недовольной московскими порядками, и т. п. Рядом с публицистикой в XVI—XVII вв. продолжала существовать и развиваться историческая письменность, выражаясь рядом любопытных повестей и сказаний, принимавших часто крупные внешние объемы. Такова, например, составленная в XVI в. *«История о Казанском царстве»,* излагающая историю Казани и падение ее в 1552 г. В XIII томе «Русской исторической Библиотеки» издана целая серия русских *повестей о смутном времени,* из которых многие давно уже стали известны исследователям смуты. Среди десятков этих повестей выдаются: 1) так называемое *Иное сказание,* представляющее собою политический памфлет, вышедший из партии Шуйских в 1606 г.; 2) *Сказание* келаря Троице-Сергиевой Лавры *Авраамия Палицына,* написанное в окончательном виде в 1620 г.; 3) *Временник Ивана Тимофеева,* очень любопытная хроника смуты; 4) *Повесть князя И. Мих. Катырева Ростовского,* отмеченная печатью большого литературного таланта; 5) *Новый Летописец* — попытки фактического обзора смутной эпохи и т. д. К более поздней эпохе относятся сказания *о взятии Азова казаками, описание Московского государства,* сделанное *Г. К. Котошихиным* в 60-х годах XVII в., и, наконец, целый ряд записок русских людей (*кн. С. И. Шаховского, Баима Болтина, А. А. Матвеева, С. Медведева, Желябужского* и др.) о времени Петра Великого. Этими записками открывается бесконечный ряд *мемуаров* русских деятелей, принимавших участие в правительственной деятельности и общественной жизни XVIII и XIX столетий. Общеизвестность некоторых мемуаров (Болотова, Дашковой) избавляет от необходимости перечислять виднейшие из них.

Рядом с историческими сказаниями в качестве исторического источника стоят сказания *агиографические* или *жития святых и повествования о чудесах*. Не только самое житие святого дает иногда ценные исторические показания об эпохе, в которую жил и действовал святой, но и в «чудесах» святого, приписанных к житию, историк находит важные указания об обстоятельствах того времени, когда совершались чудеса. Так, в житии *Стефана Сурожского* одно из повествований о чуде святого дает возможность установить существование народа *Русь* и его действия в Крыму ранее 862 г., когда, по летописи, Русь была призвана в Новгород с Рюриком. Безыскусственная форма древнейших житий дает особенную ценность их показаниям, но с XV в. вырабатываются особые приемы писания житий, заменяющие риторикой фактическую содержательность и искажающие смысл факта в угоду литературной моде. Жития (св. Сергия Радонежского, Стефана Пермского), составленные в XV в. *Епифанием Премудрым,* уже страдают риторикой, хотя и отмечены литературным талантом и силою искреннего чувства. Больше риторики и холодной условности в житиях, составленных учеными сербами, жившими на Руси в XV в.: *митр. Киприяном* и монахом *Пахомием Логофетом*. Сочинения их создали на Руси условную форму житийного творчества, распространение которой заметно на житиях XVI и XVII вв. Эта условная форма, подчиняя себе содержание житий, лишает их показания свежести и точности.

Мы закончим перечень исторических источников литературного типа, если упомянем о большом числе тех записок о России, которые были в разные века составлены иностранцами, посещавшими Русь. Из *сказаний иностранцев* заметнее труды: католика-монаха *Плано Карпини* (XIII в.), *Сигизмунда Герберштейна* (начало XVI в.), *Павла Иовия* (XVI в.), *Иеронима Горсея* (XVI в.), *Гейденштейна* (XVI в.), *Флетчера* (1591), *Маржерета* (XVII в.), *Конрада Буссова* (XVII в.), *Жолкевского* (XVII в.), *Олеария* (XVII в.), *фон-Мейерберга* (XVII в.), *Гордона* (конец XVII в.), *Корба* (конец XVII в.). Для истории XVIII в. большое значение имеют дипломатические депеши западноевропейских послов при русском дворе и бесконечный ряд мемуаров иностранцев, знакомых с русскими делами. Наряду с сочинениями иностранных писателей, знавших Россию, следует помянуть и тот иноземный материал, которым пользуются историки при изучении первых страниц истории славян и Руси. Начало нашей исторической жизни нельзя, например, изучать без знакомства с *арабскими писателями* (IX—X вв. и позднее), знавшими хазар, русь и вообще народы, обитавшие на нашей равнине; одинаково необходимо пользоваться сочинениями и *византийских писателей,* хорошее знакомство с которыми в последнее время дает особенные результаты в трудах В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского и других наших византинистов. Наконец, сведения о славянах и руссах находятся у средневековых писателей западноевропейских

и польских: готского историка *Иорнанда* [правильно — Иордана.— *Ред.*] (VI в.), польских *Мартина Галла* (XII в.), *Яна Длугоша* (XV в.) и других.

Перейдем к *памятникам юридического характера,* к памятникам правительственной деятельности и гражданского общежития. Этот материал обыкновенно зовется *актами* и *грамотами* и во множестве хранится в правительственных *архивах* (из которых замечательны: в Москве — Архив Министерства иностранных дел и Архив Министерства юстиции, в Петрограде — Архивы Государственный и Сенатский, наконец, Архивы в Вильне, в Витебске и Киеве). Чтобы освоиться с архивным материалом, следует его по возможности точно классифицировать, но памятников юридического характера до нас дошло так много и они так разнообразны, что это довольно трудно сделать. Мы можем отметить только главные виды: 1) *Государственные акты,* т. е. все документы, которые касаются важнейших сторон государственной жизни, например, *договоры.* Памятники этого рода сохранились у нас от самого начала нашей истории, это замечательные договоры с греками Олега и последующих князей. Далее, ряд междукняжеских договоров дошел до нас от XIV—XVI вв. В этих договорах определяются политические отношения древнерусских князей. Рядом с договорными грамотами надо поставить грамоты *душевные,* т. е. духовные завещания князей. До нас, например, дошли два духовных завещания Ивана Калиты. Первое написано перед поездкой в орду, второе перед смертью. В них он делит все имущество между сыновьями и поэтому перечисляет его. Таким образом, душевная грамота является подробнейшим перечнем земельных владений и имущества русских князей и с этой точки зрения представляет весьма ценный исторический и географический материал. За душевными грамотами упомянем *грамоты избирательные.* Первая из них относится к избранию Бориса Годунова на московский престол (ее составление приписывают патриарху Иову); вторая — к избранию Михаила Феодоровича Романова. Наконец, к государственным актам должны быть отнесены *памятники древнерусского законодательства.* К ним прежде всего следует отнести *Русскую Правду,* поскольку ее можно признавать актом *правительственной деятельности,* а не частным сборником. Затем сюда же относятся *Судные грамоты* Новгорода и Пскова, утвержденные вечем; они заключают ряд установлений по судебным делам. Таким же характером отличается и *Судебник Ивана III* 1497 г. (называемый *первым* или *княжеским*). В 1550 г. за этим судебником последовал второй или *царский Судебник Ивана Грозного,* более полный, а через 100 лет после него в 1648—1649 гг. было составлено *Соборное Уложение* царя Алексея Михайловича, которое было сравнительно уже очень полным кодексом действовавшего тогда права. Рядом со сборниками светского законодательства действовали в сфере церковного суда и администрации сборники законодательства цер-

ковного (*Кормчая книга* или Номоканон и др.); эти сборники составлены были в Византии, но в течение веков понемногу приноравливались к особенностям русской жизни. 2) Вторым видом историко-юридического материала являются *административные грамоты*: это отдельные правительственные распоряжения, даваемые или на частные случаи административной практики, или отдельным лицам и общинам для того, чтобы определить отношения этих лиц и общин к власти. Из таких грамот некоторые имели довольно широкое содержание — например, грамоты *уставные* и *губные,* определявшие порядок самоуправления целых волостей. В большинстве же это отдельные распоряжения правительства по текущим делам. В Московском государстве законодательство развивалось именно путем накопления отдельных законоположений, из которых каждое, возникая по поводу частного случая, обращалось затем в прецедент для всех подобных случаев, становилось постоянным законом. Такой казуистический характер законодательства создал в Москве так называемые *Указные книги Приказов* или отдельных ведомств,— каждое ведомство записывало у себя в хронологическом порядке царские указы, которые его касались, и возникала «Указная книга», становившаяся руководством для всей административной или судебной практики ведомства. 3) Третьим видом юридического материала можно считать *челобитья,* т. е. те просьбы, которые по разным делам подавались правительству. Право челобитий ничем не было стеснено в древней Руси до середины XVII в., и законодательная деятельность правительства зачастую была прямым ответом на челобитья; отсюда ясно большое историческое значение челобитий,— они не только знакомят с нуждами и бытом населения, но объясняют и направление законодательства. 4) На четвертом месте помянем *грамоты частного гражданского быта,* в которых отражались личные и имущественные отношения частных лиц,— кабальные записи, купчие и т. п. 5) Далее, особым видом памятников можно считать *памятники судопроизводства,* в которых находим много данных для истории не только суда, но и тех гражданских отношений, той реальной жизни, которых касался суд. 6) Наконец, особое место в ряду источников занимают так называемые *Приказные книги* (один вид их — Указные книги — уже упомянут). Приказных книг было много видов, и нам следует ознакомиться только с важнейшими в историческом отношении. Любопытнее всех *книги писцовые,* содержащие в себе поземельную опись уездов Московского государства, производившуюся с податными целями; *книги переписные,* содержащие в себе перепись людей податных классов населения; *книги кормленные и десятни,* заключающие в себе переписи придворных и служилых людей с указаниями на их имущественное положение; *книги разрядные* (и так называемые *дворцовые разряды*), в которых записывалось все, что относилось к придворной и государственной службе боярства и дворянства (иначе

говоря, это дневники придворной жизни и служебных назначений).

Если мы упомянем о материалах для истории дипломатических сношений («наказы», т. е. инструкции послам, «статейные списки», т. е. дневники переговоров, отчеты послов и т. п.), то историко-юридические памятники будут нами перечислены с достаточною полнотою. Что касается до этого рода памятников Петровской Руси, то их терминология и классификация в XVIII в. в главных чертах настолько мало разнится от современной нам, что не требует пояснений.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Предварительные исторические сведения.— Киевская Русь.— Колонизация Суздальско-Владимирской Руси.— Влияние татарской власти на удельную Русь.— Удельный быт Суздальско-Владимирской Руси.— Новгород.— Псков.— Литва.— Московское княжество до середины XV века.— Время великого князя Ивана III

Предварительные исторические сведения

Древнейшая история нашей страны

В настоящее время нет нужды указывать на то, что природа страны влияет на быт народа, обусловливает особенности народного хозяйства, налагает свой отпечаток и на весь ход исторического развития общества. Тот, кто хотел бы познакомиться с вопросом о влиянии нашей страны на расселение, быт и историю русского племени, найдет прекрасный материал в 1-м томе «Истории России» С. М. Соловьева и в «Курсе русской истории» проф. Ключевского: эти историки с особенным вниманием останавливаются на объяснении того значения, какое имела наша равнина в качестве исторического фактора. В нашем курсе мы можем дать лишь намеки на главнейшие стороны вопроса. Прежде всего мы отметим, что равнинность страны и обилие речных путей, идущих в разные стороны, должны были содействовать широкому расселению славян, должны были облегчать и даже вызывать тот грандиозный процесс колонизации, которым славянское племя осваивало громадные пространства земель. Факт колонизации — один из самых важных фактов нашей истории, многое объясняющий историку в сфере народного хозяйства и в сфере народного права. Далее, плодородная почва страны и обилие лесов должны были развить земледельческий и лесной промыслы, тогда как реки, вытекавшие из центра равнины во все четыре окраинных моря, должны были содействовать зарождению и развитию торговли и внутри страны, и с соседними странами. Так, *особенности страны предопределяли разнообразие хозяйственной деятельности народа.*

Но, давая широкий простор для передвижения жителей, содействуя сложению их в крупные общества, природа страны в то

же время не охраняла эти общества от чуждых вторжений. Ничем не защищенные со стороны Азии, наши предки не раз делались жертвами диких азиатских кочевников и в природе не имели верного союзника против этих врагов. В первые века нашей истории, как мы знаем, киевские князья искусственной границей, цепью укреплений обороняли свою землю от степных кочевников; позднее московские государи создали такую же искусственно укрепленную границу («черту», «берег») от татар. Так, рядом с условиями, содействующими успехам народной жизни, *страна создала и условия, противодействующие этим успехам.*

Условия русского юга, благоприятные для развития человеческой деятельности, очень рано привлекали туда разноплеменное население. На всем пространстве южной России находится громадное количество «древностей», т. е. памятников, оставшихся от древнейшего населения, в виде отдельных погребальных насыпей (курганов), целых кладбищ (могильников), развалин городов и укрепленных мест (городищ), различных предметов быта (посуды, монет, драгоценных украшений) и т. п. Наука об этих древностях (археология) успела определить, каким именно народностям принадлежат те или другие предметы древности. Древнейшие из них и самые замечательные суть памятники *греческие* и *скифские*. Из истории древней Эллады известно, что на северных берегах Черного моря (или Евксинского Понта, как называли его греки) возникло много греческих колоний, по преимуществу, на устьях больших рек и при удобных морских бухтах. Из этих колоний наиболее известны: Ольвия при устье р. Буга, Херсонес (по-старорусски Корсунь) в окрестностях нынешнего Севастополя, Фанагория на Таманском полуострове, Пантикапей на месте нынешней Керчи, Танаис в устьях р. Дона. Колонизуя морское побережье, древние греки обыкновенно не удалялись от морского берега в глубь страны, а предпочитали привлекать туземцев на свои береговые рынки. На черноморских берегах было то же самое: названные города не распространили своих владений внутрь материка, но тем не менее подчинили местных жителей своему культурному влиянию и привлекли их к оживленному торговому обмену. От туземцев варваров, которых греки называли *скифами,* они приобретали местные продукты, главным образом хлеб и рыбу, и отправляли в Элладу, а взамен продавали туземцам предметы греческого производства (ткани, вино, масло, предметы роскоши). Торговля сблизила греков с туземцами настолько, что образовались смешанные, так называемые «эллино-скифские» поселения, а в Пантикапее в V в. до Р[ождества] Хр[истова] возникло даже значительное государство, называемое Боспорским (от имени пролива Боспора Киммерийского). Под властью Боспорских царей то греческого, то местного происхождения объединились некоторые греческие города побережья и туземные племена, жившие у моря от Крыма до предгорий Кавказа.

Боспорское царство и города Херсонес и Ольвия достигли значительного процветания и оставили после себя ряд замечательных памятников. Раскопки, предпринятые в Керчи на месте древнего Пантикапея, в Херсонесе и Ольвии, открыли остатки городских укреплений и улиц, отдельных жилищ и храмов (языческой и позднейшей христианской поры). В погребальных склепах обнаружено много предметов греческого искусства иногда громадной художественной ценности. Золотые украшения тончайшей работы и роскошные вазы, добытые этими раскопками, составляют единственное в мире, по художественному значению и по количеству предметов, собрание императорского Эрмитажа в Петрограде, расположенное в его нижних залах. Рядом с типичными вещами афинской работы (например, росписные вазы с рисунками на чисто греческие темы) встречаются в этом собрании предметы, сработанные греческими мастерами на местный фасон, по-видимому, по заказу местных «варваров». Так, золотые ножны, сделанные для скифского меча, непохожего на греческие мечи, украшались чисто греческим орнаментом по вкусу мастера-грека. Металлические или глиняные вазы, сделанные по греческим образцам, снабжались иногда рисунками не греческого характера, а скифского,«варварского»: на них изображались фигуры туземцев и сцены из скифского быта. Две такие вазы пользуются мировою известностью. Одна из них, золотая, вырыта из склепа в кургане Куль-Оба около г. Керчи; другая, серебряная, оказалась в большом кургане близ села Никополя на нижнем Днепре у речки Чертомлыка. На обеих вазах художественно представлены целые группы скифов в их национальной одежде и вооружении. Такая же серебряная ваза с фигурами скифов была найдена недавно в Воронежской губернии. В 1913 г. профессору Н. И. Веселовскому посчастливилось найти ряд замечательнейших предметов греческого искусства в кургане Солоха на нижнем Днепре. Между ними первое место принадлежит золотому гребешку с литыми изображениями пеших и конных воинов, греков и скифов, в момент их боя. Столь же замечательно серебряное налучье (колчан) с рельефными фигурами сражающихся скифов.

Таким образом, греческое искусство служило вкусам местных «варваров». Для нас это обстоятельство важно потому, что мы получаем возможность непосредственно познакомиться с внешним видом тех скифов, с которыми имели дело греки на Черноморском побережье. В превосходно изваянных или нарисованных греческими мастерами фигурах скифских воинов и наездников мы отчетливо различаем черты арийского племени и всего скорее иранской его ветви. Из описаний скифского быта, оставленных греческими писателями, и из скифских погребений, раскопанных археологами, можно сделать тот же вывод. Греческий историк Геродот (V в. до Р. Хр.), рассказывая о скифах, делит их на много племен и различает между ними кочевников и земледельцев. Первых он помещает ближе к морю в степях, а вторых —

западнее и севернее — примерно на среднем течении Днепра. Земледелие было настолько развито у некоторых скифских племен, что они торговали зерном, доставляя его в громадном количестве в греческие города для отправки в Элладу. Известно, например, что Аттика получала половину необходимого ей количества хлеба именно от скифов через Боспорское царство. Тех скифов, которые торговали с греками, и тех, которые кочевали вблизи от моря, греки более или менее знали, и Геродот дает о них любопытные и основательные сведения. Те же племена, которые жили в глубине нынешней России, грекам не были известны, и у Геродота мы читаем о них баснословные рассказы, которым невозможно верить.

Ко времени Рождества Христова вместо скифов в соседстве греческих колоний в южной Руси оказываются *сарматы,* затем *роксаланы* и *аланы.* О них известно очень мало; но, по-видимому, все эти племена принадлежали к тому же самому иранскому корню, к которому принадлежали и более ранние скифы. Уступив со временем свои места другим племенам, эти иранцы удержались лишь в Кавказских горах, где и теперь слывут под именем осетин. На северных же берегах Черного моря вместо них утвердились со II—III в. по Р. Хр. германские племена, известные под общим названием *готов.* Они пришли с низовьев Вислы, с южного побережья Балтийского моря, овладели всем Черноморьем от Дуная до Дона и Кубани и держали в страхе жителей восточной Римской Империи своими набегами по морю и суше на Малую Азию и Балканский полуостров. В VI столетии готы сравнительно успокоились под влиянием христианского учения, проповеданного у них епископом их Вульфилою (или Ульфилою). В то время они делились на два главных племени: *вестготов* (тервинги) на Дунае и Днепре и *остготов* (грейтунги) на Днепре и на Дону. Из среды остготов вышел в середине IV в. вождь, объединивший в одно «царство» не только готские племена, но и соседние с ним народы (вероятно, финские и славянские). Это был Германрих, при котором готам пришлось испытать нашествие гуннов и затем начать переселение на запад.

Нашествием *гуннов* открывается ряд последовательных азиатских вторжений в Россию и Европу. Монгольская орда гуннов, постепенно придвигаясь с востока к Дону, в 375 г. обрушилась на остготов, разгромила готское королевство и увлекла с собою готские племена в движении на запад. Гонимые гуннами готы вступили в пределы Римской империи, а гунны, овладев Черноморьем и кочуя между Волгой и Дунаем, образовали пространное государство, в котором соединилось много покоренных ими племен. Позднее, в V в., гунны продвинулись еще более на запад и основались в нынешней Венгрии, откуда доходили в своих набегах до Константинополя и до теперешней Франции. После их знаменитого вождя Аттилы во второй половине V в. сила гуннов была сломлена междоусобиями в их среде и восстаниями подчи-

ненных им европейских племен. Гунны были отброшены на восток за Днепр, и самое их государство исчезло. Но вместо гуннов из Азии в VI в. появилось новое монгольское племя аваров. Оно заняло те же места, на которых сидели ранее гунны, и до конца VIII в. держалось в Черноморье и на Венгерской равнине, угнетая покоренные европейские племена, пока, в свою очередь, его не истребили германцы и славяне. Падение аварского могущества совершилось так быстро и решительно, что у славян послужило предметом особой поговорки: русский летописец, называвший аваров *обрами,* говорит, что из них в живых не осталось ни одного, «и есть притча в Руси и до сего дня: погибоша аки обри». Но обры погибли, а на их месте появились с востока еще новые орды все того же монгольского корня, именно — угров (или венгров) и хазар. Угры, после некоторых передвижений в южной России, заняли нынешнюю Венгрию, а *хазары* основали обширное государство от Кавказских гор до Волги и до среднего Днепра. Однако движение народов с востока не остановилось и после образования хазарской державы: за хазарами в южнорусских степях появились новые азиатские народы тюрко-татарского племени; это были печенеги, торки [тюрки.— *Ред.*], половцы и, позднее *всех,* татары (в XIII в.).

Так последовательно в продолжение почти целого тысячелетия южные степи нынешней России были предметом спора пришлых племен: готы сменялись гуннами, гунны — аварами, авары — уграми и хазарами, хазары — печенегами, печенеги — половцами, половцы — татарами. Начиная с гуннов, Азия посылала на Европу одно кочевое племя за другим. Проникая через Урал или Кавказ в Черноморье, кочевники держались вблизи от Черноморских берегов, в степной полосе, удобной для кочевья, и не заходили далеко на север, в лесные пространства нынешней средней России. Леса спасали здесь от окончательного разгрома пришлых орд постоянное местное население, состоявшее главным образом из славян и финнов.

Русские славяне и их соседи

Что касается до славян, то древнейшим местом их жительства в Европе были, по-видимому, северные склоны Карпатских гор, где славяне под именем венедов, антов и склавен были известны еще в римские, готские и гуннские времена. Отсюда славяне разошлись в разные стороны: на юг (балканские славяне), на запад (чехи, моравы, поляки) и на восток (русские славяне). Восточная ветвь славян пришла на Днепр вероятно еще в VII в. и, постепенно расселяясь, дошла до озера Ильменя и до верхней Оки. Из русских славян вблизи Карпат остались *хорваты* и *волыняне* (дулебы, бужане). *Поляне, древляне* и *дреговичи* основались на правом берегу Днепра и на его правых притоках. *Северяне, радимичи* и *вятичи* перевалили за Днепр и сели на его левых

притоках, причем вятичи успели продвинуться даже на Оку. *Кривичи* тоже вышли из системы Днепра на север, на верховья Волги и Зап. Двины, а их отрасль *словене* заняли речную систему озера Ильменя. В своем движении вверх по Днепру, на северных и северо-восточных окраинах своих новых поселений, славяне приходили в непосредственную близость с *финскими племенами* и постепенно оттесняли их все далее на север и северо-восток. В то же время на северо-западе соседями славян оказывались *литовские племена,* понемногу отступавшие к Балтийскому морю перед напором славянской колонизации. На восточных же окраинах, со стороны степей, славяне, в свою очередь, много терпели от кочевых азиатских пришельцев. Как мы уже знаем, славяне особенно «примучили» обры (авары). Позднее же поляне, северяне, радимичи и вятичи, жившие восточнее прочих родичей, в большей близости к степям, были покорены *хазарами,* можно сказать, вошли в состав хазарской державы. Так определилось первоначальное соседство русских славян.

Самым диким из всех соседивших со славянами племен было *финское племя,* составляющее одну из отраслей монгольской расы. В пределах нынешней России финны жили с незапамятной поры, подчиняясь воздействию как скифов с сарматами, так позднее готов, тюрков, литовцев и славян. Делясь на много маленьких народцев (чудь, весь, емь, эсты, меря, мордва, черемисы, вотяки, зыряне и многие другие), финны занимали своими редкими поселениями громадные лесные пространства всего русского севера. Разрозненные и не имевшие никакого внутреннего устройства слабые финские народцы оставались в первобытной дикости и простоте, легко поддаваясь всякому вторжению в их земли. Они быстро подчинялись более культурным пришельцам и ассимилировались с ними, или же без заметной борьбы уступали им свои земли и уходили от них на север или восток. Таким образом с постепенным расселением славян в средней и северной России масса финских земель переходила к славянам, и в славянское население мирным путем вливался обруселый финский элемент. Лишь изредка там, где финские жрецы-шаманы (по старому русскому названию «волхвы» и «кудесники») поднимали свой народ на борьбу, финны становились против русских. Но эта борьба кончалась неизменной победой славянства, и начавшееся в VIII—X вв. обрусение финнов продолжалось неуклонно и продолжается еще до наших дней. Одновременно со славянским воздействием на финнов началось сильное воздействие на них со стороны тюркского народа *болгар волжских* (названных так в отличие от болгар дунайских). Пришедшие с низовьев Волги к устьям Камы кочевые болгары основались здесь и, не ограничиваясь кочевьями, построили города, в которых началась оживленная торговля. Арабские и хазарские купцы привозили сюда с юга по Волге свои товары (между прочим, серебряную утварь, блюда, чаши и проч.); здесь они выменивали их на ценные

меха, доставляемые с севера Камою и верхнею Волгою. Сношения с арабами и хазарами распространили между болгарами магометанство и некоторую образованность. Болгарские города (в особенности Болгар или Булгар на самой Волге) стали очень влиятельными центрами для всей области верхней Волги и Камы, населенной финскими племенами. Влияние болгарских городов сказывалось и на русских славянах, торговавших с болгарами, а впоследствии враждовавших с ними. В политическом отношении волжские болгары не были сильным народом. Завися первоначально от хазар, они имели, однако, особого хана и многих подчиненных ему царьков или князей. С падением хазарского царства, болгары существовали самостоятельно, но много терпели от русских набегов и были окончательно разорены в XIII в. татарами. Их потомки чуваши представляют теперь слабое и мало развитое племя.

Литовские племена (литва, жмудь, латыши, пруссы, ятвяги и др.), составляющие особую ветвь арийского племени, уже в глубокой древности (во II в. по Р. Хр.) заселяли те места, на которых их позднее застали славяне. Поселения литовцев занимали бассейны рек Неман и Зап. Двины и от Балтийского моря доходили до р. Припяти и истоков Днепра и Волги. Отступая постепенно перед славянами, литовцы сосредоточились по Неману и Зап. Двине в дремучих лесах ближайшей к морю полосы и там надолго сохранили свой первоначальный быт. Племена их не были объединены, они делились на отдельные роды и взаимно враждовали. Религия литовцев заключалась в обожествлении сил природы (Перкунь — бог грома), в почитании умерших предков и вообще находилась на низком уровне развития. Вопреки старым рассказам о литовских жрецах и различных святилищах, теперь доказано, что у литовцев не было ни влиятельного жреческого сословия, ни торжественных религиозных церемоний. Каждая семья приносила жертвы богам и божкам, почитала животных и священные дубы, угощала души умерших и занималась гаданиями. Грубый и суровый быт литовцев, их бедность и дикость ставили их ниже славян и заставляли литву уступать славянам те свои земли, на которые направлялась русская колонизация. Там же, где литовцы непосредственно соседили с русскими, они заметно поддавались культурному их влиянию.

По отношению к финским и литовским своим соседям русские славяне чувствовали свое превосходство и держались наступательно. Иначе было дело с *хазарами*. Кочевое тюркское племя хазар прочно осело на Кавказе и в южнорусских степях и стало заниматься земледелием, разведением винограда, рыболовством и торговлей. Зиму хазары проводили в городах, а на лето выселялись в степь к своим лугам, садам и полевых работам. Так как через земли хазар пролегали торговые пути из Европы в Азию, то хазарские города, стоявшие на этих путях, получили большое торговое значение и влияние. Особенно стали известны

столичный город Итиль на нижней Волге и крепость Саркел (по-русски Белая Вежа) на Дону близ Волги. Они были громадными рынками, на которых торговали азиатские купцы с европейскими и одновременно сходились магометане, евреи, язычники и христиане. Влияние ислама и еврейства было особенно сильно среди хазар; хазарский хан («каган» или «хакан») со своим двором исповедовал иудейскую веру; в народе же всего более было распространено магометанство, но держались и христианская вера и язычество. Такое разноверие вело к веротерпимости и привлекло к хазарам поселенцев из многих стран. Когда в VIII столетии некоторые русские племена (поляне, северяне, радимичи, вятичи) были покорены хазарами, это хазарское иго не было тяжелым для славян. Оно открыло для славян легкий доступ на хазарские рынки и втянуло русских в торговлю с Востоком. Многочисленные клады арабских монет (диргемов), находимые в разных местностях России, свидетельствуют о развитии восточной торговли именно в VIII и IX вв., когда Русь находилась под прямой хазарской властью, а затем под значительным хазарским влиянием. Позднее, в X в., когда хазары ослабели от упорной борьбы с новым кочевым племенем — печенегами, русские сами стали нападать на хазар и много способствовали падению Хазарского государства.

Перечень соседей русских славян необходимо дополнить указанием на *варягов,* которые не были прямыми соседями славян, но жили «за морем» и приходили к славянам «из-за моря». Именем «варягов» («варангов», «вэрингов») не только славяне, но и другие народы (греки, арабы, скандинавы) называли норманнов, выходивших из Скандинавии в другие страны. Такие выходцы стали появляться с IX в. среди славянских племен на Волхове и Днепре, на Черном море и в Греции в виде военных или торговых дружин. Они торговали или нанимались на русскую и византийскую военную службу или же просто искали добычи и грабили, где могли. Трудно сказать, что именно заставляло варягов так часто покидать свою родину и бродить по чужбине; в ту эпоху вообще было очень велико выселение норманнов из Скандинавских стран в среднюю и даже южную Европу: они нападали на Англию, Францию, Испанию, даже Италию. Среди же русских славян с середины IX столетия варягов было так много и к ним славяне так привыкли, что варягов можно назвать прямыми сожителями русских славян. Они вместе торговали с греками и арабами, вместе воевали против общих врагов, иногда ссорились и враждовали, причем то варяги подчиняли себе славян, то славяне прогоняли варягов «за море» на их родину. При тесном общении славян с варягами можно было бы ожидать большого влияния варягов на славянский быт. Но такого влияния вообще незаметно — знак, что в культурном отношении варяги не были выше славянского населения той эпохи.

Первоначальный быт русских славян

Мы познакомились с теми известиями о славянах, которые позволяют нам сказать, что русские до начала самобытного политического существования имели несколько веков примитивной жизни. Древние писатели византийские (Прокопий и Маврикий) и германские (гот Иордан) раскрывают нам и черты первоначального быта славян, с которыми интересно познакомиться, чтобы уяснить себе, в каком положении, на какой степени общественного развития застает славян история. Придя в пределы теперешней России, в Поднепровье, славяне не нашли здесь такой культуры и цивилизации, как германские племена, вторгшиеся в Западно-Римскую империю. Последние сами должны были подняться до той высоты, на которой стояли туземцы; славяне же предстают перед нами в достаточной чистоте примитивного быта. Об этом быте еще в XVIII в. сложились два воззрения. Представителем первого был известный *Шлёцер*; другая же теория получила окончательное развитие в «Истории русской жизни» недавно умершего ученого *И. Е. Забелина*. Шлёцер представлял себе первоначальный быт славян не выше быта дикарей ирокезцев. Еще летописец говорил, что славяне «живяху звериньским образом»; так думал и Шлёцер. Первые семена гражданственности и культуры, по его мнению, были брошены варягами, которые вызвали славян за собой на историческую арену. Это взгляд, очевидно, крайний. Забелин же («История русской жизни», 2 тома. М., 1876—1879) рисует нам быт славян русских в IX—X вв. очень сложным и высоко развитым и впадает поэтому в иную крайность. Отрешимся от этих двух точек зрения и рассмотрим, какие несомненные данные для выяснения этого вопроса можем мы найти у древних источников.

Прежде всего — славяне народ не кочевой, а оседлый. Уже Тацит, который сближает их с сарматами, отмечает, что они были диким народом, но отличались от сарматов тем, что жили оседло и строили дома. Оседлость славян надо понимать в том смысле, что главный капитал их состоял не в стадах и табунах, а в земле, и хозяйство было основано на эксплуатации земли. Но эта оседлость была не прочна, так как, истощив пашню на одном месте, славяне легко покидали свое жилище и искали другого. Таким образом, поселки славян имели первоначально очень подвижный характер. Об этом согласно свидетельствуют и греческие писатели и летописец, который говорит о древлянах и вятичах так, что можно понять, что они только что принялись за обработку земли. Древляне, которые, по словам летописца, «живяху звериньским образом», уже ко времени летописца «делают нивы своя и земля своя». Области, в которых приходилось жить и пахать славянам, были лесные, поэтому рядом с земледелием возникла и эксплуатация лесов, развиты лесные промыслы, бортничество и охота с целью промышленною. Воск, мед и шкуры

были искони предметами торговли, которыми славилась Русь на Дунае. Святослав, например, желая остаться на Дунае, говорит: «Хочу жити в Переяславце на Дунае, яко то есть середа в земли моей, яко ту вся благая сходятся»; и далее он перечисляет, что привозят туда из Греции и Рима, а о Руси говорит: «Из Руси же скора и мед, воск и челядь». Охота на пушного зверя составляла один из основных промыслов славян, точно так же, как изделия из дерева (лодки и т. п.).

В оборот хозяйственной жизни славян издавна входила и торговля. На пространстве от южного побережья Балтийского моря до Урала и Волги находят клады с арабскими (куфическими) монетами, относящимися к VIII, даже и к VII в. Если принять во внимание, что у арабов был обычай при каждом халифе перечеканивать монеты, то можно приблизительно точно определить время, по крайней мере, век, в котором зарыт клад. На основании этого и делают вывод, что в VIII, IX и X вв. те народы, которые жили на Руси, вели торговлю с арабами. Эти археологические предположения совпадают с рассказами арабских писателей, которые передают нам, что арабы торговали в пределах нынешней России и, между прочим, с народом Росс. Велась торговля, вероятно, речными путями, по крайней мере, клады своим местонахождением намекают на это. О размерах торговых оборотов мы можем судить, напр., по тому, что у Великих Лук и недавно у Твери найдены клады в несколько тысяч рублей. Возможность зарыть в одном кладе столько ценностей показывает, что торговля велась большими капиталами. В торговле с Востоком для славян, как мы уже видели, большое значение имели хазары, открывшие им безопасный путь к Каспийскому морю. Под покровительством этих же хазар славяне проникли и в Азию. Это было одно направление торговли славян-русских. Второе вело в Грецию на юг. Древний договор Олега с греками показывает, что подобные торговые договоры писались уже и раньше и что в X в. сложились уже определенные формы и традиции торговых сношений. Указывают и еще торговый путь, который шел из Руси в Западную Европу. Профессор Васильевский, основываясь на хороших данных, говорит, что славяне в глубокой древности под именем «ругов» постоянно торговали на верхнем Дунае. Таким образом, сведения, которые мы имеем от древнейшей поры, показывают, что рядом с земледелием славяне занимались и торговлею; а при таком условии мы можем предположить у славян раннее существование городов как торгово-промышленных центров. Этот вывод — вывод несомненный — проливает яркий свет на некоторые явления древней киевской жизни. Хотя Иордан и утверждал, что у славян не было городов, тем не менее с первого же времени исторической жизни славян мы видим у них признаки развития городской жизни. Скандинавские саги, знакомые с Русью, зовут ее «Гардарик», т. е. страна городов. Летопись уже не помнит времени возникновения на Руси многих городов:

они были «изначала». Главнейшие города древней Руси (Новгород, Полоцк, Ростов, Смоленск, Киев, Чернигов) все расположены на речных торговых путях и имели значение именно торговое, а не были только пунктами племенной обороны.

Вот те несомненные данные о первоначальном быте славян, которые показывают, что последние были далеко не диким народом, что летописец впал в неточность, говоря, что в большинстве своем они «живяху звериньским образом»; но, с другой стороны, у нас нет никакой возможности доказать, что этот быт достигал высоких степеней общественной культуры.

Какую же внутреннюю организацию имели славяне? Разрешение этого вопроса вводит нас в интересную полемику.

Быт славян вначале был несомненно *племенной.* На первых страницах летописец постоянно называет их по племенам; но, читая летопись далее, мы видим, что имена полян, древлян, вятичей и т. п. постепенно исчезают и заменяются рассказами о волостях: «Новгородци бо изначала и Смоляне и Кыяне и Полочане и вся *власти* (то есть *волости*), якоже на думу, на веча сходятся»,— говорит летописец и под именем этих «властей» разумеет не членов какого-либо племени, а жителей городов и волостей. Таким образом, быт племенной, очевидно, перешел в быт волостной. Это не подлежит сомнению, нужно только понять, какое общественное устройство действовало внутри крупных племен и волостей. Из каких мелких союзов состояли сперва племена, а затем волости? Какая связь скрепляла людей: родовая, или соседственная, территориальная? Дерптский профессор Эверс в 1826 г. издал книгу «Das aelteste Recht der Russen», в которой впервые попробовал дать научный ответ на эти вопросы (его книга переведена и на русский язык). Во-первых, он отмечает у славян факт *общего* владения при отсутствии личной собственности; во-вторых, в летописи постоянно упоминается о роде: «живяху *родом*», «возста *род* на *род*». Святослав «имаше за убиенные глаголы: яко *род* его возьмет»; и в-третьих, «Русская Правда» умалчивает о личной поземельной собственности. На основании этих данных и возникла теория, по которой славяне, на первых ступенях жизни, жили родом, по образцу рода римского, т. е. жили обществами, построенными на родовых началах; во главе рода стояла власть родовладыки — авторитет патриархальный. Со смертью родовладыки родовая собственность не делилась, а движимое и недвижимое имущество все находилось во владении рода. Родовой быт действительно исключал возможность личного владения. Теория Эверса была принята нашей «школой родового быта»: *Соловьев* и *Кавелин* развили ее и перенесли в сферу политической истории. Но когда родовая теория легла в основание всей нашей истории, она встретила беспощадного критика в лице известного славянофила *К. С. Аксакова,* выступившего со статьею «О древнем быте у Славян вообще и у Русских в особенности», и историков-

юристов *Беляева* и *Лешкова.* Они утверждают, что слово «род» в летописи употребляется не как римское «genus», что оно имеет несколько значений, так как иногда под ним подразумевается семья (в сказаниях о Кие, Щеке и Хориве), иногда род (в призвании князей); стало быть, народ, а с ним и летописец под этим словом понимали различные вещи. Общее же владение и отсутствие личного землевладения могут доказывать не родовые формы быта, а общинную организацию. Под ударами критики родовое учение потеряло свою непреложность; стали говорить, что родовой быт существовал лишь во времена глубокой древности, быть может, доисторические, а затем заменился общинным. Учение об общине было развито Аксаковым и Беляевым. По их мнению, славяне жили общиною, не на основании физиологических, кровных начал, а в силу совместного жительства на одних и тех же местах и единства хозяйственных, материальных интересов. Общины управлялись властью избранных старшин, так называемым *вечем.* Мелкие общины или *верви* сливались в *волости,* которые уже были общинами политическими. В первоначальных рассуждениях об общине было много неопределенного. Гораздо удачнее, конкретнее поставил вопрос о первоначальном быте славян профессор *Леонтович* (его поддержал *Бестужев-Рюмин*). Взгляды Леонтовича известны под названием теории *задружно-общинного быта.* По этой теории родственные славянские семьи не принимали строгой родовой организации, но жили, не забывая своего физического родства, уже на началах территориальных, соседственных. Образцом подобного рода общин была сербская задруга. В трудах позднейших этнографов (г-жи А. Я. Ефименко и др.) указано было на *существование своеобразных общин архаического склада и у русских людей* в историческое уже время. Эти труды окончательно позволяют утверждать, что у славян на первой стадии исторической жизни существовал своеобразный общинный, а не родовой быт.

Если же славяне не держались исключительно кровного быта и легко соединялись в общины по интересам хозяйственным, то можно объяснить, как и почему племенной быт скоро распался и заменился волостным. В первое время своей жизни на Ильмене и Днепре наши предки жили «каждый своим родом и на своих местах, владея каждый родом своим». Родовые старейшины, по этому определению летописца, имели большую власть в своем роде; а сойдясь вместе на совет (*вече*), они решали дела за все свое племя. Но так бывало только в особо важных случаях, например, в минуты общей опасности, грозившей всему племени. С течением же времени, когда племена и роды расселились на больших пространствах, не только ослабела связь между родами, но распадались и самые роды, поделившись на самостоятельные семьи. Каждая отдельная семья на просторе заводила свою особую пашню, имела свои особые покосы, особо охотилась и промышляла в лесах. Общая родовая собственность переста-

вала существовать, когда расходились семьи, составлявшие род. Она заменялась собственностью семейною. Точно так же переставала действовать и власть родовладыки: он не мог управлять сразу всеми хозяйствами родичей, потому что эти хозяйства были разбросаны на больших расстояниях. Власть родовладыки переходила к отцу каждой отдельной семьи, к домовладыке. С распадением родовых связей родичи перестали чувствовать свое взаимное родство и в случае нужды соединялись для общих дел уже не по родству, а по соседству. На общий совет (*вече*) сходились домохозяева известной округи, и родные друг другу и неродные одинаково. Соединенные одним каким-нибудь общим интересом, они составляли общину (задругу, вервь) и избирали для ведения общих дел выборных старейшин. Так древнейшее родовое устройство заменялось постепенно общинным, причем в состав общин могли входить семьи, принадлежащие не только к разным родам, но даже к разным племенам. Так бывало в тех местах, где соседили друг с другом различные племена, или же в тех местах, куда одновременно шла колонизация от нескольких племен (например, в верхнем Поволжье, которое заселялось и от кривичей и от вятичей).

С развитием по русским рекам торгового движения к черноморским и каспийским рынкам в земле славян стали возникать большие города. Такими были: Киев — у полян, Чернигов — у северян, Любеч —у радимичей, Смоленск и Полоцк — у кривичей, Новгород — у ильменских славян и др. Подобные города служили сборными пунктами для купцов и складочными местами для товаров. В них встречались торговые иноземцы, варяги по преимуществу, с русскими промышленниками и торговцами; происходил торг, составлялись торговые караваны и направлялись по торговым путям на хазарские и греческие рынки. Охрана товаров в складах и на путях требовала вооруженной силы, поэтому в городах образовались военные *дружины* или товарищества, в состав которых входили свободные и сильные люди (витязи) разных народностей, всего чаще варяги. Во главе таких дружин стояли обыкновенно варяжские предводители — *конунги* (по-славянски конунг — князь). Они или сами торговали, охраняя оружием свои товары, или нанимались на службу в городах и оберегали города и городские торговые караваны, или же, наконец, конунги захватывали власть в городах и становились городскими владетельными *князьями*. А так как городу обыкновенно подчинялась окружавшая его волость, то в таком случае образовывалось целое княжество, более или менее значительное по своему пространству. Такие варяжские княжества были основаны, например, Аскольдом и Диром в Киеве, Рюриком в Новгороде, Рогволодом в Полоцке. Иногда княжеская власть возникала у славянских племен и независимо от варяжских конунгов: так, у древлян был свой местный князь по имени Мал («бе бо имя ему Мал, князю Деревьску»,— говорит современник).

Появление городов, а с ними торговых иноземцев и военных дружин на Руси колебало старый племенной быт русских племен еще больше, чем расселение на новых местах. Люди, собиравшиеся в города из разных мест, выходили из своих родовых союзов и соединялись по своим делам и занятиям в иные сообщества: становились воинами-дружинниками, вступали в торговые компании, обращались в городских промышленников. Вместо патриархального соединения родичей нарождались общественные классы в нашем смысле слова: людей военных, торговых, промышленных, которые зависели уже не от родовладык, а от городских властей — князей и хозяев. И те люди, которые оставались в волостях на своих пашнях и лесных угодьях, тоже чувствовали на себе влияние городов с их торговлею и промыслами. В прежнее патриархальное время каждый род и даже каждая семья, жившая особым двором, имела свое обособленное хозяйство. Каждый для себя пахал землю и охотился, сам себя обстраивал своим лесом, одевался и обувался в ткани и кожи своего собственного изделия; каждый сам для себя изготовлял все необходимые орудия. Со стороны ничего не покупалось и на сторону ничего не продавалось. Запасалось и готовилось впрок только то, что необходимо было для своей семьи или рода. Такое хозяйство, не зависимое от других и не знающее торгового обмена продуктов, называется «натуральным». Когда на Руси развилась торговля и выросли города, на городские рынки стал требоваться товар, всего более мед, воск и меха, бывшие главными предметами русского вывоза. Эти предметы добывались в лесах деревенским людом. Под влиянием спроса из городов их стали добывать уже не только для себя, но и на продажу: из предмета домашнего потребления их обратили в товар и меняли на другие ценности или продавали на деньги, которых раньше не знали. Там, где прежде всего производили сами для себя и сами же все потребляли, понемногу начали многое покупать со стороны и запасать товары для продажи, или копить доходы за проданные товары, иначе говоря, образовывали капиталы. Вместо натурального хозяйства начиналось денежное.

Так постепенно изменялся тип жизни наших предков. Из патриархального родового и племенного быта славяне понемногу переходили к общинному устройству и соединялись под влиянием главных «старейших» городов в волости или княжества, в которых объединяли людей уже не родственные отношения, а гражданские и государственные. С течением времени отдельные городские и племенные волости и княжества собрались вместе и объединились под одною государственною властью. Тогда началось единое Русское государство; но оно вначале не отличалось внутренней сплоченностью и однородностью. Когда знаменитый князь Олег брал дань на греках, то брал ее не только для себя, но и на города: «По тем бо городом *седяху велиций князи,* под Олгом суще». Киевский князь еще терпел других, себе подобных.

Киевская Русь

Образование Киевского княжества

Вопрос об образовании одного на Руси великого княжения (Киевского) приводит нас к вопросу о варягах-руси, которым приписывается водворение на Руси политического единства и порядка.

Кто же были эти варяги-русь, покорившие сперва Новгород, а затем и Киев? Вопрос этот возник в русской историографии уже давно, но исследования за 150 лет настолько осложнили его, что и теперь разрешать его нужно очень осторожно.

Остановимся прежде всего на двух местах летописи, местах важных, которые, в сущности, и породили варяжский вопрос: 1) летописец, перечисляя племена, жившие по берегам Балтийского моря, говорит: «По сему же морю Варяжскому (т. е. Балтийскому) седят Варязи»... «и то Варязи: Свеи, Урмане (норвежцы), Готе, Русь, Англяне». Все это северогерманские племена, и варяги поставлены среди них, как их родовое имя среди видовых названий. 2) Далее в рассказе летописца о призвании князей читаем: «Идоша за море к варягам-руси, сице бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзи зовутся Свеи, друзии же Англяне, Урмяне, друзии Готе тако и си». Таким образом, по словам летописи, из варягов одни назывались русью, другие англянами, урманами и т. д.; летописец, очевидно, думает, что русь есть одно из многих варяжских племен. На основании этих и других показаний летописей ученые стали искать более точных сведений и увидали, что варягов знал не только наш летописец, но и греки. Слово «варяг» писалось с юсом и, стало быть, произносилось как «варенг». Такое слово встречается и у греческих писателей и служит совершенно определенным понятием — у греков под именем βάραγγοι (варанги) разумелись наемные дружины северных людей, норманнов, служивших в Византии. С тем же значением северных дружин встречается слово *Waeringer* (варанги) и в скандинавских сагах; арабские писатели также знают варангов как норманнов. Следовательно «варанги» представляют собою нечто вполне определенное в смысле этнографическом — дружину норманского происхождения. В последнее время удалось, как кажется, определить точно и родину варягов, т. е. страну Варангию, благодаря одному известию, найденному и напечатанному профессором Васильевским в его статье «Советы и ответы Византийского боярина XI века». Этот византийский боярин, пересказывая известную скандинавскую сагу о Гаральде, прямо называет Гаральда сыном короля Варангии, а известно, что Гаральд был из Норвегии. Так отождествляются Норвегия и Варангия, норвежцы и варяги. Этот вывод очень важен в том отношении, что раньше была тенденция

толковать слово варанги, как техническое название бродячего наемного войска (варяг — враг — хищник — бродячий); на основании такого понимания Соловьев нашел возможным утверждать, что варяги не представляли отдельного племени, а только сбродную дружину и не могли иметь племенного влияния на славян.

Итак варяги — норманны. Но этот вывод еще не решает так называемого «варяго-русского» вопроса, потому что не говорит нам, кто назывался именем *русь*. Летописец отождествил варягов и русь; теперь же ученые их различают и для этого имеют свои основания. У иностранных писателей *русь* не смешивается с варягами и делается известной раньше варягов. Древние арабские писатели не раз говорят о народе *русь* и жилища его помещают у Черного моря, на побережье которого указывают и город *Русию*. В соседстве с печенегами помещают *русь* в Черноморье и некоторые греческие писатели (Константин Багрянородный и Зонара). Два греческих жития (Стефана Сурожского и Георгия Амастридского), разработанные В. Г. Васильевским, удостоверяют присутствие народа *русь* на Черном море в начале IX в., стало быть, ранее призвания варягов в Новгород. Ряд других известий также свидетельствует о том, что варяги и русь действуют отдельно друг от друга, что они не тождественны. Естественно было бы заключить отсюда, что имя руси принадлежало не варягам, а славянам и всегда обозначало то же, что оно значило в XII в., т. е. *Киевскую область* с ее населением. Так и склонен решать дело Д. И. Иловайский. Есть, однако, известия, по которым считать *русь* славянским племенным названием нельзя.

Первые из этих известий — Бертинские летописи, составлявшиеся в монархии Карла Великого. В них говорится,что в 829 г. цареградский император Феофил отправил послов к Людовику Благочестивому, а с ними людей: «Rhos vocari dicebant» — т. е. людей, назвавших себя россами и посланных в Византию их царем, называемым Хаканом («rex illorum Chacanus vocabulo»). Людовик спросил у них о цели их прихода; они отвечали, что желают вернуться к себе на родину через его, Людовика, землю. Людовик заподозрил их в шпионстве и стал разузнавать, кто они и откуда. Оказалось, что они принадлежат к шведскому племени (eos gentis esse Sueonum). Таким образом в 839 г. русь относят к шведскому племени, чему в то же время как будто противоречит имя их царя — «Chacanus» — Хакан, вызвавшее много различных толкований. Под этим именем одни разумеют германское, скандинавское имя «Гакон», другие же прямо переводят это «Chacanus» словом «каган», разумея здесь хазарского хана, который назывался титулом «казан». Во всяком случае известие Бертинских летописей сбивает до сих пор все теории. Не лучше и следующее известие: писатель X в. *Лиутпранд Кремонский* говорит, что «греки зовут Russos тот народ, который мы зовем Nordmannos — по месту жительства (a position loci)», и тут же

перечисляет народы «печенеги, хазары, руссы, которых мы зовем норманнами». Очевидно, автор запутался: вначале он говорит, что русь — это норманны потому, что они живут на севере, а вслед за тем помещает их с печенегами и хазарами на юге России.

Таким образом, определяя варягов как скандинавов, мы не можем определить руси. По одним известиям, русь — те же скандинавы, по другим — русь живет у Черного, а не у Балтийского моря, в соседстве с хазарами и печенегами. Самый надежный материал для определения национальности *руси* — остатки ее языка — очень скуден. Но на нем-то главным образом и держится так называемая норманнская школа. Она указывает, что собственные имена князей руси — норманнские,— Рюрик (Hrurikr), Аскольд (Осколд, Höskuldr), Трувор (Трувар, Торвард), Игорь (Ингвар), Олег, Ольга (Helgi, Helga; у Константина Багрянородного наша Ольга называется Ελγα), Рогволод (Рагнвальд); все эти слова звучат по-германски. Название Днепровских порогов у Константина Багрянородного (в сочинении «Об управлении империей») приведено *по-русски* и *по-славянски*; имена *русские* звучат не по-славянски и объясняются из германских корней (Юссупи, Ульворси, Генадри, Ейфар, Варуфорос, Леанти, Струвун); напротив, те имена, которые Константин Багрянородный называет славянскими, действительно славянские (Островунипрах, Неясит, Вулнипрах, Веруци, Напрези). В последнее время некоторые представители норманнской школы, настаивая на различии руси и славян, ищут Руси не на скандинавском севере, а в остатках тех германских племен, которые жили в первые века нашей эры у Черного моря; так, профессор Будилович находит возможность настаивать на готском происхождении Руси, а самое слово Русь или Рос производит от названия готского племени (произносится «рос»). Ценные исследования Васильевского давно шли в том же направлении и от их продолжателей можно ждать больших результатов.

К норманнской школе примыкает и оригинальное мнение А. А. Шахматова: «Русь — это те же норманны, те же скандинавы; русь — это древнейший слой варягов, первые выходцы из Скандинавии, осевшие на юге России раньше, чем потомки их стали оседать на менее привлекательном лесистом и болотистом славянском севере». И в самом деле, кажется, всего правильнее будет представлять дело так, что русью звали в древности не отдельное варяжское племя, ибо такого не было, а варяжские дружины вообще. Как славянское название сумь означало тех финнов, которые сами себя звали suomi, так у славян название русь означало прежде всего тех заморских варягов — скандинавов, которых финны звали ruotsi. Это название русь ходило среди славян одинаково с названием *варяг*, чем и объясняется их соединение и смешение у летописца. Имя *русь* переходило и на славянские дружины, действовавшие вместе с варяжской русью, и мало-помалу закрепилось за славянским Поднепровьем.

В таком состоянии находится ныне варяго-русский вопрос (доступнейшее его изложение в труде датского ученого *Вильгельма Томсена*, русский перевод которого «Начало русского государства» издан отдельной книгой и в «Чтениях Московского Общества Истории и Древностей» за 1891 г., книга 1). Наиболее авторитетные силы нашей научной среды все держатся воззрений той норманнской школы, которая основана еще в XVIII в. Байером и совершенствовалась в трудах позднейших ученых (Шлёцера, Погодина, Круга, Куника, Васильевского). Рядом с учением, господствующим давно, существовали и другие, из которых большую пользу для дела принесла так называемая *славянская школа*. Представители ее, начиная с Ломоносова, продолжая Венелиным и Морошкиным, далее Гедеоновым и, наконец, Иловайским, пытались доказать, что Русь всегда была славянской. Оспаривая доводы школы норманнской, эта славянская школа заставила не раз пересматривать вопрос и привлекать к делу новые материалы. Книга Гедеонова «Варяги и Русь» (два тома: Пг., 1876) заставила многих норманнистов отказаться от смешения варягов и руси и тем самым сослужила большую службу делу. Что касается до иных точек зрения на разбираемый вопрос, то о существовании их можно упомянуть лишь для полноты обзора (*Костомаров* одно время настаивал на литовском происхождении руси, *Щеглов* — на происхождении финском).

Знать положение варяго-русского вопроса для нас важно в одном отношении. Даже не решая вопроса, к какому племени принадлежали первые русские князья с их дружиною, мы должны признать, что частые известия летописи о варягах на Руси указывают на сожительство славян с людьми чуждых, именно германских племен. Каковы же были отношения между ними, и сильно ли было влияние варягов на жизнь наших предков? Вопрос этот не раз поднимался, и в настоящее время может считаться решенным в том смысле, *что варяги не повлияли на основные формы общественного быта наших предков-славян*. Водворение варяжских князей в Новгороде, затем в Киеве не принесло с собой ощутительного чуждого влияния на жизнь славян, и сами пришельцы, князья и их дружины, подверглись на Руси быстрой славянизации.

Итак, вопрос о начале государства на Руси, связанный с вопросом о появлении чуждых князей, вызвал ряд изысканий, не позволяющих вполне верить той летописной легенде, которая повествует о новгородцах, что они, наскучив внутренними раздорами и неурядицами, послали за море к варягам-руси с знаменитым приглашением: «Земля наша велика и обилна, а наряда (в некоторых рукописях: нарядник) в ней нету, до поидете княжить и владеть нами»; и пришел к ним Рюрик и два его брата «с роды своими», «пояша по себе всю русь». Эпический характер этого рассказа ясен из сравнения с другими подобными: известно сказание английского летописца Видукинда о таком же точно призва-

нии бриттами англосаксов, причем и свою землю бритты хвалили теми же словами, как новгородцы свою: «terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam».

Сквозь красивый туман народного сказания историческая действительность становится видна лишь со времени новгородского правителя или князя *Олега* (879—912) *, который, перейдя с Ильменя (882) на Днепр, покорил Смоленск, Любеч и, основавшись в Киеве на житье, сделал его столицею своего княжества, говоря, что Киев будет «матерью городов русских». Олегу удалось объединить в своих руках все главнейшие города по великому водному пути. Это была его первая цель. Из Киева он продолжал свою объединительную деятельность: ходил на древлян, затем на северян и покорил их, далее подчинил себе радимичей. Под его рукою собрались, таким образом, все главнейшие племена русских славян, кроме окраинных, и все важнейшие русские города. Киев стал средоточием большого государства и освободил русские племена от хазарской зависимости. Сбросив хазарское иго, Олег старался укрепить свою страну крепостями со стороны восточных кочевников (как хазар, так и печенегов) и строил города по границе степи.

Но объединением славян Олег не ограничился. По примеру своих киевских предшественников Аскольда и Дира, сделавших набег на Византию, Олег задумал поход на греков. С большим войском «на конях и на кораблях» подошел он к Константинополю (907), опустошил его окрестности и осадил город. Греки завели переговоры, дали Олегу «дань», т. е. откупились от разорения, и заключили с Русью договор, вторично подтвержденный в 912 г. Удача Олега произвела глубокое впечатление на Русь: Олега воспевали в песнях и его подвиги изукрасили сказочными чертами. Из песен летописец занес в свою летопись рассказ о том, как Олег поставил свои суда на колеса и по суху на парусах «через поля» пошел к Царюграду. Из песни же, конечно, взята в летопись подробность о том, что Олег, «показуя победу», повесил свой щит в вратах Царяграда. Олегу дали прозвание «вещего» (мудрого, знающего то, что другим не дано знать). Деятельность Олега в самом деле имела исключительное значение: он создал из разобщенных городов и племен большое государство, вывел славян из подчинения хазарам и устроил, путем договоров, правильные торговые сношения Руси с Византией; словом, он был создателем русско-славянской независимости и силы.

По смерти Олега вступил во власть *Игорь* (912—945), повидимому, не имевший таланта ни воина, ни правителя. Он сделал два набега в греческие владения: на Малую Азию и на Константинополь. В первый раз он понес жестокое поражение в морском бою, в котором греки применили особые суда с огнем и пускали «трубами огнь на ладьи русских». Во второй раз Игорь

---

* Здесь и далее указаны годы правления князей.— *Ред.*

не дошел до Царяграда и помирился с греками на условиях, изложенных в договоре 945 г. Этот договор считается менее выгодным для Руси, чем договор Олега. В кампании Игоря против греков принимали участие и печенеги, впервые при Игоре напавшие на Русскую землю, а затем помирившиеся с Игорем. Игорь погиб в стране древлян, с которых он хотел собрать двойную дань. Его смерть, сватовство древлянского князя Мала, желавшего взять за себя вдову Игоря Ольгу, и месть Ольги древлянам за смерть мужа составляют предмет поэтического предания, подробно рассказанного в летописи.

Ольга (по-древнескандинавски и по-гречески Helga) осталась после Игоря с малолетним сыном Святославом и взяла на себя правление княжеством (945—957). По древнему славянскому обычаю вдовы пользовались гражданскою самостоятельностью и полноправием и вообще положение женщины у славян было лучше, чем у других европейских народов. Поэтому не было ничего удивительного в том, что княгиня Ольга стала правительницей. Отношение к ней летописца — самое сочувственное: он считает ее «мудрейши всех человек» и приписывает ей большие заботы об устроении земли. Объезжая свои владения, она везде устанавливала порядок и везде оставляла по себе добрую память. Главным же ее делом было принятие христианской веры и благочестивое путешествие в Царьград (957). По рассказу летописи Ольгу крестили «царь с патриархом» в Царьграде, хотя вероятнее, что она крестилась дома на Руси, ранее своей поездки в Грецию. Император Константин Багрянородный, с честью принявший Ольгу в своем дворце и описавший ее прием в сочинении «Об обрядах Византийского двора», повествует о русской княгине сдержанно и спокойно. Предание же, сложившееся на Руси о путешествии княгини, рассказывает, что император был поражен красотой и умом Ольги настолько, что даже хотел на ней жениться; однако Ольга уклонилась от этой чести. Она держала себя почтительно по отношению к патриарху, но вполне независимо по отношению к императору. Летописец даже уверен, что ей удалось дважды перехитрить императора: во-первых, она ловко сумела отказаться от его сватовства, а во-вторых, она отказала ему в дани или дарах, на которые он, будто бы, легковерно рассчитывал. Таково было наивное предание, усвоившее Ольге исключительную мудрость и хитрость. С торжеством христианства на Руси память княгини Ольги, во святом крещении Елены, стала почитаться и православною церковью: княгиня Ольга была причтена к лику святых.

Сын Ольги *Святослав* (957—972) носил уже славянское имя, но нравом был еще типичный варяг-воин, дружинник. Едва успел он возмужать, как составил себе большую и храбрую дружину и с ней стал искать себе славы и добычи. Он рано вышел из-под влияния матери и «гневался на мать», когда она убеждала его креститься: «Как мне одному переменить веру? Дружина начнет

смеяться надо мною»,— говорил он. С дружиною он сжился крепко, вел с нею суровую походную жизнь и поэтому двигался необыкновенно легко: «легко ходя, аки пардус (барс)»,— по выражению летописи.

Еще при жизни матери, оставив на попечении Ольги Киевское княжество, Святослав совершил свои первые блестящие походы. Он пошел на Оку и подчинил вятичей, которые тогда платили дань хазарам; затем обратился на хазар и разгромил Хазарское царство, взяв главные города хазар (Саркел и Итиль). Заодно Святослав победил племена ясов и касогов (черкесов) на р. Кубани и овладел местностью в устьях Кубани и на Азовском побережье под названием Таматарха (позднее Тмутаракань). Наконец, Святослав проникнул на Волгу, разорил землю камских болгар и взял их город Болгар. Словом, Святослав победил и разорил всех восточных соседей Руси, входивших в систему Хазарской державы. Главной силой в Черноморье становилась теперь Русь. Но падение Хазарского государства усиливало кочевых печенегов. В их распоряжение попадали теперь все южнорусские степи, занятые раньше хазарами; и самой Руси скоро пришлось испытать большие беды от этих кочевников.

Возвратясь в Киев после своих завоеваний на Востоке, Святослав получил приглашение от греков помочь Византии в ее борьбе с дунайскими болгарами. Собрав большую рать, он завоевал Болгарию и остался там жить в г. Переяславце на Дунае, так как считал Болгарию своей собственностью. «Хочу жить в Переяславце Дунайском,— говорил он: — там середина (центр) моей земли, там собираются всякие блага: от греков золото, ткани, вина и плоды, от чехов и угров — серебро и кони, из Руси меха, воск и мед и рабы». Но ему пришлось на время вернуться из Болгарии в Киев, потому что на Русь в его отсутствие напали печенеги и осадили Киев. Киевляне с княгиней Ольгой и детьми Святослава едва отсиделись от грозного врага и послали к Святославу с упреками и с просьбой о помощи. Святослав пришел и прогнал печенегов в степь, но в Киеве не остался. Умиравшая Ольга просила его подождать на Руси до ее кончины. Он исполнил ее желание, но, похоронив мать, сейчас же ушел в Болгарию, оставив князьями на Руси своих сыновей. Однако греки не желали допустить господства русских над болгарами и потребовали удаления Святослава назад на Русь. Святослав отказался покинуть берега Дуная. Началась война, и византийский император Иоанн Цимисхий одолел Святослава. После ряда тяжелых усилий он запер русских в крепости Доростол (теперь Силистрия) и вынудил Святослава заключить мир и очистить Болгарию. Войско Святослава, истомленное войной, на пути домой было захвачено в днепровских порогах печенегами и рассеяно, а сам Святослав убит (972). Так печенеги довершили поражение русского князя, начатое греками.

После смерти Святослава на Руси между его сыновьями (Ярополком, Олегом и Владимиром) произошли междоусобия,

в которых погибли Ярополк и Олег, и Владимир остался единодержавным. Потрясенное усобицами государство являло признаки внутреннего разложения, и Владимиру пришлось потратить много сил, чтобы дисциплинировать варягов, у него служивших, и усмирить отложившиеся племена (вятичей, радимичей). Пошатнулось после неудачи Святослава и внешнее могущество Руси. Владимир вел много войн с разными соседями за пограничные волости, воевал также с камскими болгарами. Втянулся он и в войну с греками, в результате которой принял христианство по греческому обряду. Этим важнейшим событием окончился первый период власти варяжской династии на Руси.

Так образовалось и крепло Киевское княжество, объединившее политически большую часть племен русских славян.

Общие замечания о первых временах Киевского княжества

Образование государств совершается различно. Может произойти так, что известное общество складывается естественно: под влиянием мирной деятельности, хозяйственных заимок постепенно обозначаются те или другие границы занятой племенем территории; слагаются определенные общественные связи и затем в обществе выделяется правящий класс, господствующий обыкновенно в силу знатности происхождения или своего экономического преобладания. Всеобщая история показывает нам развившееся таким образом кельтское общество, в котором создался ряд вполне определенных отношений экономического характера, и в силу этих отношений во главе общества, как его вожди, стали лица, имеющие большее количество земли и рабочего скота. Это и была аристократия, господствующий класс, который мало-помалу приобрел полное преобладание. Таков был рост общества, совершавшийся в силу кровных и экономических связей. Но бывает и иначе. Известное общество уже сложилось, в нем образовалась или образуется политическая власть, как вдруг является неприятель, захватывает в свои руки путем открытого насилия политическое преобладание и власть, а вместе с этим перерабатывает и все прежние общественные отношения. Так было в Западной Римской Империи, когда в нее вторглись германцы, заняли первое место в старом обществе и захватили себе земли. Экономический порядок, который существовал здесь раньше, перестроился к выгодам господствующего класса.

Который же из этих порядков имел место в Киеве? Мы видим, что племенной быт славян естественно изменился в волостной, и в этом уже сложившемся организме общественной жизни возникла власть варяжских князей. Чрезвычайно важно определить: отразилось ли влияние этих князей с их дружинами на общественных отношениях славян или нет? Судя по историческим данным, мы скорее можем сказать — нет. Влияние варягов было крайне

ничтожно; они не нарушили общего порядка прежней общественной жизни. Какую же роль играли варяжские князья, в чем заключалась их деятельность и какова была их власть? Власть эта была настолько неопределенна и своеобразна, что ее чрезвычайно трудно уложить в готовые формулы. Вообще говоря, теория государственного права различает три главных вида политической власти. Первый вырастает на основании кровных связей: постепенно развивается аристократический (господствующий) род, и его родовладыка признается владыкой и вместе политической властью всего племени. Такой власти присвоено название власти *патриархальной*, она является у народов кочевых и полукочевых. Второй вид есть так называемая *вотчинная*, или *патримониальная*, власть: известное лицо считает своей собственностью всю территорию племени, а в силу этого и людей, живущих на территории, признает подвластными себе. Такой тип власти наблюдается у нас в удельный период XIII, XIV, XV вв. и притом в очень чистой форме. Третий вид власти зиждется уже не на кровных родовых началах и не на территориальной основе, а на основании более сложном. Современная нам политическая власть возникает на почве национального самосознания, когда племя, сознавая свое единство племенное и вероисповедное, сознает и свое историческое прошлое, обращается в нацию с национальным самосознанием. И такой момент был в истории Руси впервые в XVI в. Что же касается до власти варяжских князей, то она, в сущности, не подходит ни к одному из указанных типов: во-первых, варяжские князья не могли у нас господствовать в силу кровного начала, во-вторых, они не считали землю своей собственностью и, в-третьих, самое понятие земли русской впервые слагается на глазах истории в устах прежде всего князя Святослава, который говорил своим воинам: «Не посрамим земли Русской!» Киевские князья в сущности представляют собой защитников страны, которые за известную плату охраняют общество от неприятеля. Читая скудные свидетельства летописи, мы видим, что главная деятельность князей направлялась на то, чтобы: 1) объединить русские племена и создать на Руси единое государство; 2) устроить как можно выгоднее торговые сношения с соседями и обезопасить торговое движение к иноземным рынкам и 3) оборонить Русь от внешних врагов.

1. Завладев сначала всем великим водным путем «из варяг в греки», от Ладоги до Киева, киевские князья старались затем покорить себе и те славянские племена, которые жили в стороне от этого пути (древляне, вятичи). В подчиненных областях они или лично устраивали порядок, или посылали туда для управления своих сыновей и дружинников в качестве своих наместников («посадников»), или же, наконец, оставляли там местных князей «под рукою своею». Главной задачей управления был тогда сбор «дани». Константин Багрянородный сообщает

любопытные подробности о том, как сам князь или его посадники объезжали волости, творя суд и расправу и собирая дань деньгами или натурою. Такой объезд назывался «полюдьем» и совершался по зимнему пути. К весне собранная князем дань свозилась на речные пристани, грузилась на суда и весной сплавлялась в Киев. В то же время «везли повоз», т. е. доставляли дань в Киев из тех мест, где не успели побывать сами князья с дружинниками. В руках киевских князей сосредоточивались таким образом большие запасы различных товаров, которыми князья и торговали, посылая их от себя в Грецию или к хазарам, или (как Святослав) на Дунай.

2. Весною в Киеве составлялись большие торговые караваны из лодок, которые по-славянски назывались «ладьями», а по-гречески «моноксилами», т. е. однодеревками. Такое название дано было ладьям потому, что их днище (киль) состояло из одного дерева; подобные ладьи подымали несколько сот пудов груза и до 40—50 человек экипажа. К ладьям княжеским присоединялись ладьи княжеской дружины и купцов («гостей»); весь караван охранялся княжеской стражей и вооруженными дружинами гостей. Устроившись, караваны отправлялись вниз по Днепру. Вот как рассказывают современники о том караване, который шел в Константинополь: собравшись окончательно верстах в 50 ниже Киева, в Витичеве, караван оттуда двигался «в греческий путь». Плывя по Днепру, он достигал «порогов», т. е. скалистых гранитных гряд, пересекающих течение Днепра в нескольких местах недалеко от нынешнего города Екатеринослава. В порогах нельзя было плыть меж камней с полным грузом; иногда же и вовсе не было хода ладьям. Тогда русь приставала к берегу, разгружала суда, выводила скованных невольников, которых везла на продажу, тащила товары в обход порога по берегу, иногда даже перетаскивала посуху и сами ладьи. В то время как одни обходили порог, другие охраняли их и сторожили берег, боясь нападения печенегов на караван. Пройдя пороги, русь выходила в Черное море и, держась болгарских берегов, достигала Константинополя. Огромный русский караван греки не пускали в стены своей столицы. Русь помещалась в предместье св. Мамы и жила там с полгода, пока не кончала своих торговых дел. Прибывших русских послов и купцов греки переписывали и по списку доставляли им съестные припасы от казны. Из предместья в самый Царьград греки допускали русских сразу не более 50 человек, без оружия и с провожатым: оставаться на зиму в Греции не позволяли никому. Таким образом греки разрешали Руси устраивать под Константинополем как бы свою ярмарку с их покровительством, но под надзором и с предосторожностями. Правила, которые устанавливали порядок торговли русских в Греции и определяли все возникавшие между Русью и греками во время торга отношения, обыкновенно вносились в договоры и составляли главное их содержание; вот почему эти договоры

и называются торговыми. Для того, чтобы устроить общий для всей Руси ежегодный караван в Грецию и такие же караваны в другие места (в хазарский Итиль, в дунайские области), киевские князья должны были тратить много труда и сил. На них лежала забота о том, чтобы своевременно стянуть к Киеву свои товары, полученные в виде дани, и всякий купеческий товар, затем снабдить караваны сильной охраною и проводить их до места назначения; наконец, путем мирных отношений или оружием подготовить выгодные условия торговли в чужих странах. Походы киевских князей на Грецию, походы Святослава на Дон и Волгу были тесно связаны с торговыми делами Киева. Таким образом, торговля страны направляла собой внешнюю политику киевских князей.

3. Кроме того, на князьях лежала забота об обороне государства от внешних врагов. Степняки нападали не только на границы Руси, но и на самую столицу ее — Киев. Этот город лежал слишком близко к степному пространству и был открыт со стороны степи. Поэтому киевские князья понемногу окружают его крепостями, «рубят города» на границах степи и укрепляют самую границу валами и другими сооружениями. Чтобы степняки, печенеги, не мешали торговому движению через степь, князья нападают на них в степи или же вступают с ними в дружбу и даже в союз, увлекая их вместе с собой на греков. Но такая дружба была все же исключением: обыкновенно Русь бывала в острой вражде с печенегами.

Из того, что было сказано о торговле Руси, можно заключить, в чем именно заключалось значение Киева и почему Олег дал ему имя «матери русских городов». Киев был самым южным городом на Днепре и соседил со степью. Поэтому в Киеве, естественно, собирались все те купцы, которые везли из Руси товары на юг и восток. Здесь устраивали главный склад вывозимых товаров; здесь был главный рынок и для тех товаров, которые привозились на Русь своими и чужими купцами от хазар и греков. Словом, Киев был торговым центром всей тогдашней Руси; прочие торговые русские города зависели от него в своих торговых оборотах. Понятно, почему сильнейшие русские князья предпочитали Киев всякому иному городу и почему именно Киев стал столицей образованного этими князьями государства.

Вот все, что можно сказать несомненного о характере деятельности и власти первых русских князей. Историческое значение их деятельности нетрудно уловить. Будучи первой общей властью среди многих разрозненных раньше миров, варяжские князья с их дружинами были первыми представителями *племенного единства.* Передвигаясь с места на место по русской земле, соединяя племена и города в общих военных и торговых предприятиях, князья создавали этим почву для национального объединения и национального самосознания. Сплотив государство внешним образом, они создавали и возможность внутреннего сплочения.

Крещение Руси

Другим еще более могучим фактором объединения для Руси послужило христианство. Выше сказано, что киевский князь Владимир Святославич принял христианство. За крещением князя тотчас же последовало принятие христианства всею Русью и торжественное упразднение языческого культа на Руси.

Языческие верования наших предков вообще малоизвестны. Как и все арийцы, русские славяне поклонялись силам видимой природы и почитали предков. Силы природы воплощались у них в личные божества. Первое место среди них занимало божество солнца — Дажьбог или Даждь бог, Хорс, Велес или Волос. Трудно сказать, почему ему давались различные имена: Дажьбога почитали, как источник тепла и света, как подателя всех благ; Велеса — как покровителя стад или «скотьяго бога»; «великим Хорсом» по-видимому называли самое солнечное светило, свершающее путь по небу. Другим божеством был Перун, в котором олицетворялась гроза с страшным громом и смертоносною молниею. Ветер имел свое божество — Стрибога. Небо, в котором пребывал Дажьбог, звалось Сварогом и считалось отцом солнца, почему Дажьбогу было усвоено отчество Сварожича. Божество земли носило имя Мать-Земля сырая; почитая землю, как свою мать, славяне чтили Дажьбога и Велеса, как дедов человеческих. Но все эти образы богов не получили у славян той ясности и определенности, как, например, в более развитой греческой мифологии. Внешний культ у славян также не был развит: не было ни храмов, ни особого сословия жрецов. Кое-где на открытых местах ставились грубые изображения богов, «идолы». Им приносились жертвы, иногда даже человеческие; этим и ограничивалось идолослужение. Замечательно, что варяжская (германская) мифология не оказала никакого влияния на славянскую, несмотря на политическое господство варягов; так было по той причине, что языческие верования варягов не были ни яснее, ни крепче славянских: варяги очень легко меняли свое язычество на славянский культ, если не принимали греческого христианства. Князь Игорь, варяг по происхождению, и его варяжская дружина уже клялись славянским Перуном и поклонялись его идолу.

Более культа видимой природы у русских славян был развит культ предков, связанный с родовым бытом. Родоначальник, давно умерший, обоготворялся и считался как бы живым покровителем своего потомства. Его звали *родом*, *щуром* (отсюда наше слово *пращур*) и приносили ему жертвы. Прародительницы рода назывались *рожаницами* и так же почитались, как и *род*. С падением родовых связей, когда семьи обособлялись в отдельных дворах, место *рода* заступил семейный предок — *дедушка домовой*, покровитель своего двора, невидимо управляющий ходом его хозяйства. Вера в загробную жизнь, проникавшая весь этот культ предков, сказывалась и в том веровании, что души

умерших будто бы бродили по земле и населяли поля, леса и воды *(русалки)*. Веря в существование таинственных хозяев человеческих жилищ, славянин искал таких же хозяев и вне жилищ, в лесу *(леший)*, в воде *(водяные)*. Вся природа казалась ему одухотворенной и живой. Он вступал с ней в общение, хотел участвовать в тех переменах, которые совершались в природе, и сопровождал эти перемены различными обрядами. Так создался круг языческих праздников, связанных с почитанием природы и с культом предков.

Наблюдая правильную смену лета зимою, а зимы летом, видя как бы уход солнца и тепла к зиме и их возвращение к лету, славяне приветствовали «поворот солнца на лето» особым праздником — колядою (от латинского calendae; другое название этого праздника «овсень» — от «о-весень»). За этим праздником следовали другие в честь того же солнца — проводы зимы, встреча весны («красная горка»), проводы лета (праздник «купалы»). Одновременно шли праздники и в воспоминание об умерших, носившие общее название тризн. Была весенняя тризна по предкам — «радуница», был летний праздник «русалий», такого же поминального характера. Обряды, сопровождавшие языческие праздники, пережили самое язычество. Они удержались в народе даже до нашего времени и были приурочены к праздникам христианского календаря: коляда — к Святкам, проводы зимы — к масленице, красная горка и радуница — к Святой и Фоминой неделям, «купала» и русалий — к Иванову дню.

Христианство на Руси до крещения князя Владимира. Не достигшее большого развития и не имевшее внутренней крепости языческое миросозерцание наших предков должно было легко уступать посторонним религиозным влияниям. Если славяне легко примешивали к своим суевериям суеверия диких финнов и подпадали влиянию финских шаманов — «волхвов» и «кудесников»,— то тем более должна была влиять христианская вера на тех из славян, которые могли ее узнать. Торговые сношения с Грецией облегчали для Руси знакомство с Христовою верою. Варяжские купцы и дружинники, раньше и чаще славян ходившие в Царьград, прежде славян стали там обращаться в христианство и приносили на Русь новое учение, передавая его славянам. В княжение Игоря в Киеве была уже христианская церковь св. Илии, так как, по словам летописца, в Киеве «мнози бо беша варязи христиани». В дружине самого князя Игоря было очень много христиан. Жена князя св. Ольга также была христианкой. Словом, христианская вера стала хорошо знакома киевлянам еще при первых варяжских князьях. Правда, Святослав был холоден к греческой вере, а при сыне его Владимире в Киеве еще стояли языческие «кумиры» (идолы) и еще бывали пред ними человеческие «требы» или жертвы. Летописец рассказывает, как при Владимире языческая толпа киевлян однажды (983) убила двух варягов-христиан, отца и сына, за отказ отца добровольно отдать

своего сына в жертву «богам». Но все же несмотря на мучение христиан, христианство в Киеве продолжало распространяться и в общем делало большие успехи. Князь Владимир принял новую веру, имея полную возможность познакомиться с ней и узнать ее превосходство и внутреннюю силу.

Летописное предание о крещении князя Владимира. О том, как крестился князь Владимир и как он крестил свой народ, на Руси существовало много преданий. Не помня точных обстоятельств дела, одни рассказывали, что князь крестился в Киеве; другие указывали место его крещения в городе Василеве (в 35 верстах от Киева); третьи говорили, что он принял крещение в Крыму, в греческом городе Корсуне (Херсонесе), после того, как взял этот город у греков. Лет сто спустя после крещения Руси летописец занес в свою летопись такие предания об этом событии:

Пришли (говорит он [летописец]) к Владимиру (986) сначала волжские болгары, похваляя свое магометанство, затем немцы от римского папы, затем хазарские евреи с проповедью своего закона и, наконец, греческий философ с православным учением. Все они хотели привлечь Владимира к своей вере. Он же выслушал их и всех отослал прочь, кроме грека. С греком он беседовал долго, отпустил его с дарами и почестями, но пока не крестился. В следующем году (987) созвал Владимир своих советников и рассказал им о приходе к нему проповедников, прибавив, что более всего его поразили рассказы греческого философа о православной вере. Советники дали мысль князю послать в разные страны своих послов посмотреть: «кто как служит Богу?» Побывав и на востоке, и на западе, послы попали в Царьград и были поражены там несказанным благолепием греческого богослужения. Они так и сказали Владимиру, прибавив, что сами не хотят оставаться более в язычестве, познав православие. Это испытание вер через послов решило дело. Владимир прямо спросил своих советников: «Где крещение примем?» А они согласно ответили: «Где тебе любо». И вот в следующем, 988 году Владимир пошел с войском на Корсунь и осадил его. Город упорно сопротивлялся. Владимир дал обет креститься, если возьмет Корсунь, и действительно взял его. Не крестясь еще, он послал в Царьград к царям-братьям Василию и Константину, грозя идти на них и требуя за себя замуж их сестру Анну. Цари сказали ему, что не могут выдать царевну замуж за «поганого», т. е. за язычника. Владимир ответил, что готов креститься. Тогда цари прислали в Корсунь сестру свою и с ней духовенство, которое крестило русского князя и венчало его с царевной. Перед крещением Владимир заболел и ослеп, но чудесно исцелился во время самого таинства крещения. Помирясь с греками, он возвратился с православным духовенством в Киев и крестил всю Русь в православную греческую веру.

Таково сказание летописи. В нем, по-видимому, соединились в одну повесть разные предания: во-первых, предание о том, что

Владимиру предлагали свою веру болгары, хазары, немцы и греки, пришедшие в Киев и жившие в нем; во-вторых, предание о том, что Владимир, не только пребывавший во тьме язычества, но пораженный и физической слепотой, чудесно во время крещения прозрел сразу и духовными и телесными очами, и, в-третьих, предание о том, что для принятия греческой веры Владимир счел нужным осадить греческий город Корсунь, чтобы вместе с ним как бы завоевать и греческую веру, приняв ее рукою победителя.

Последнее предание было основано на действительном походе Владимира на Корсунь. В то время в Византийской империи произошло восстание войска под предводительством полководца Варды-Фоки. Греческое правительство, не располагая силами, искало помощи у киевского князя Владимира. Союз был заключен (987): Владимир соглашался послать свои войска в помощь Византии, за что получал руку греческой царевны Анны, а сам обязался принять христианство. Благодаря русскому вмешательству мятеж был подавлен и Варда-Фока погиб (988). Но византийцы после победы не исполнили своих обещаний, данных Владимиру. Тогда Владимир начал войну с греками, осадил и взял Корсунь — главный греческий город в Крыму — и настоял на исполнении греками договора. Он принял христианство и получил в супружество царевну (989). Где именно был он крещен и когда именно состоялось крещение — в 988 или в 989 г., — точно неизвестно.

Возвратившись из корсунского похода в Киев с греческим духовенством, Владимир начал обращать киевлян и всю Русь к новой вере. Он крестил в Киеве народ на берегу Днепра и его притока Почайны. Кумиры старых богов были повергнуты наземь и брошены в реку. На их местах были поставлены церкви. Так было и в других городах, где христианство водворяли княжеские наместники. По преданию, новая вера распространялась мирно, за исключением немногих мест. Так, в Новгороде пришлось применить силу. В глухих углах (например, у вятичей) язычество держалось, не уступая христианской проповеди, еще целые века; да и по всей стране старые верования не сразу были забыты народом и сплетались с новым вероучением в пеструю смесь веры и суеверия.

Последствия принятия Русью христианства

Внешнее устройство церкви в древней Руси. Крещение Руси не следует представлять себе как простую перемену верований. Христианство, став господствующей религией на Руси, выразилось не только в проповеди и богослужении, но и в целом ряде новых установлений и учреждений. Из Греции пришла на Русь *иерархия*: в Киеве стал жить русский митрополит, поставляемый Константинопольским патриархом; в других городах были поставлены подчиненные митрополиту епископы (на первых порах их было

пять, потом число их дошло до пятнадцати). В Киеве и во всех епархиях строились *церкви* и устраивались *монастыри*; причты церквей и братия монастырей подчинялись своему епископу, а через него митрополиту. Таким образом власть митрополита простиралась на всю Русь и объединяла все духовенство страны. Вместе с христианством на Русь пришла *письменность*, а с нею книжное просвещение. Как ни слабо оно было на первых порах, оно все же оказывало могучее влияние на познавших его людей. Богослужебные и священные книги принесены были на Русь на доступном для всех языке — славянском, том самом, на котором изложили их славянские первоучители св. Кирилл и Мефодий и их болгарские ученики. Язык этих книг был вполне понятен русским, и «книжное учение» было поэтому не затруднено. Тотчас по крещении на Руси возникают *школы* с учителями священниками и появляются книжники-любители просвещения, собиравшие и переписывавшие книги. Митрополит и вообще духовенство управляли и судили подчиненных им людей так, как это делалось в греческой церкви, на основании особого сборника законов *Номоканона*, получившего на Руси в болгарском переводе название *Кормчей книги*. В этом сборнике заключались церковные правила Апостольские и вселенских соборов, также гражданские законы православных византийских императоров. Церкви принадлежали земли, на которых духовенство и монастыри вели *хозяйство* по-своему, руководствуясь византийскими обычаями и законами, устанавливая такие юридические отношения к земледельцам, какие были приняты в Греции.

Таким образом на Руси вместе с новым вероучением появились новые власти, новое просвещение, новые законы и суды, новые землевладельцы и новые землевладельческие обычаи. Так как Русь приняла веру из Византии, то все новое, что пришло вместе с верою, имело византийский характер и служило проводником византийского влияния на Русь. Для того чтобы понять, как именно сказывалось это влияние, необходимо несколько ознакомиться с теми чертами общественного быта Руси в дохристианское время, которые наиболее характеризуют первобытность тогдашних общественных отношений.

Черты дохристианского быта русских славян. По нашим понятиям, государство, в котором мы живем, имеет право и в то же время обязанность карать виновных за преступления и проступки и по возможности предупреждать всякое нарушение порядка и права. Вор или убийца отыскивается и наказывается независимо от того, просят об этом или не просят потерпевшие от него люди. В древнейшее дохристианское время было не так. Князья не имели ни склонности, ни возможности вмешиваться в общественную жизнь и поддерживать порядок, когда к ним не обращалось за этим само население. Преступление тогда считалось «обидою», за которую должен был отплатить, «отомстить» сам обиженный или его род. Человека защищал не князь, а свои

близкие ему люди; за убитого «мстили» отец, братья, дяди, племянники. Обычай «кровной мести» и вообще «мести» был так широко распространен, что признавался даже законом, как нормальное правило. Иначе и быть не могло в таком обществе, где княжеская власть только что возникла, где князь был иноплеменником и был окружен дружиной таких же иноплеменников-варягов. Наподобие того, как варяжская дружина со своим конунгом-князем составляла особое сообщество среди славян, и самые славяне имели такие же особые союзы и сообщества. Они жили или родами, или общинами; в других случаях они сами устраивали дружины и торговые товарищества в городах. Каждый человек, принадлежавший к какому-нибудь союзу или входивший в какое-нибудь сообщество, пользовался защитою рода, общины, дружины, товарищества, и мало надеялся на князя, потому что княжеская власть была еще слаба. Лишенный покровительства своих близких, прогнанный из какого-либо сообщества человек становился беззащитным, потому что никто не шел к нему на помощь; его можно было, по старому выражению, «убити во пса место» — и остаться без всякого наказания и возмездия. Такие беспризорные и беззащитные люди назывались изгоями (от того же корня, как и слово «гой»: «гой еси» значило: будь здрав, будь жив); изгои были как бы «изжитые», выкинутые из жизни вон люди. В одном церковном уставе XII в. дается такое определение изгоям: «Изгои — трои: попов сын грамоте не умеет, холоп из холопства выкупится, купец одолжает; а се четвертое изгойство о себе приложим: аще князь осиротеет».

Родовой быт первоначально вел людей к обособлению. Роды жили замкнуто, чуждались один другого и враждовали один с другим. А между тем каждому роду было необходимо со стороны добывать невест для браков своих родичей. Отсюда возник обычай добывать их насилием и хитростью, посредством «умычки» или увоза. Впоследствии этот обычай смягчился: если невесту «умыкали», то по предварительному с ней уговору. В то же время возникли и другие способы заключения брака: жених мирно приходил за невестой и выкупал ее у рода, уплачивая за нее «вено». Кое-где, там, где нравы были мягче, брак заключался ближе к нашим обычаям: невеста приезжала в дом жениха и за ней привозили ее приданое. Но так бывало, по словам летописца, только у полян. В прочих же местах семейный быт отличался грубостью, тем более, что везде существовал обычай многоженства. Предание говорит, что сам князь Владимир до крещения своего держался этого обычая. Положение женщины в семье, особенно при многоженстве, было очень тяжело, о чем свидетельствуют народные песни. В них горько оплакивается судьба девушки, отдаваемой или продаваемой в чужой род.

В языческое время на Руси было лишь одно сословное различие: люди делились на свободных и несвободных, или рабов. Свободные назывались *мужами*, рабы носили название *челядь* (в

единственном числе холоп, роба). Положение рабов, очень многочисленных, было тяжко: они рассматривались как рабочий скот в хозяйстве своего господина. Они не могли иметь собственного имущества, не могли быть свидетелями в суде, не отвечали за свои преступления. За них ответствовал господин, который имел право жизни и смерти над своим холопом и наказывал его сам, как хотел. Свободные люди находили себе защиту в своих родах и сообществах; холоп мог найти себе защиту только у господина; когда же господин его отпускал на волю или прогонял, раб становился изгоем и лишался всякого покровительства и пристанища.

Таким образом в языческом обществе княжеская власть не имела той силы и значения, какое имеет государственная власть теперь. Общество делилось на самостоятельные союзы, которые одни лишь своими силами охраняли и защищали своих членов. Вышедший из своего союза человек оказывался бесправным и беззащитным изгоем. Семья, при обычае многоженства, умычки и покупки невест, имела грубый языческий характер. Рабство было очень распространено и притом в тяжелой форме. Грубая сила господствовала в обществе, и человеческая личность сама по себе в нем не имела никакого значения.

Влияние церкви на гражданский быт. Христианская церковь, основанная на Руси князем Владимиром, не могла примириться с таким порядком. Вместе с Христовым учением о любви и милости церковь принесла на Русь и начала византийской культуры. Уча язычников вере, она стремилась улучшить их житейские порядки. Под влиянием христианства отдельные лица из языческой среды изменяли к лучшему свои взгляды и права, шли вслед Христу и являли высокие примеры нравственной христианской жизни и даже подвижничества. О самом князе Владимире предание говорит, что он смягчился под влиянием новой веры, стал милостив и ласков. Среди дружины и земских людей появилось много благочестивых христиан, почитавших церковь, любивших книги и иногда уходивших от мирских соблазнов в монастыри и в пустынное житье. Через свою иерархию и примеров ревнителей новой веры церковь действовала на нравы и учреждения Руси. Проповедью и церковною практикой она показывала, как надо жить и действовать в делах личных и общественных.

Церковь старалась поднять значение княжеской власти. Князей она учила, как они должны управлять: «воспрещать злым и казнить разбойников». «Ты поставлен от Бога на казнь злым, а добрым на милование»,— говорило духовенство князю Владимиру, указывая ему, что князь не может оставаться безучастным к насилию и злу в своей земле, что он должен блюсти в ней порядок. Такой взгляд духовенство основывало на убеждении, что княжеская власть, как и всякая земная власть, учинена от Бога и должна творить Божью волю. Но так как «всяка власть от Бога» и так как князь «есть Божий слуга», то ему надлежит

повиноваться и его надлежит чтить. Церковь требовала от подданных князя, чтобы они «имели приязнь» к князю, не мыслили на него зла и смотрели на него как на избранника Божия. Очень грубо было воззрение языческой Руси на князей, как на дружинных конунгов, которые берут дань за свои военные услуги земле и которых можно прогонять, если они не угодны, и даже убивать (как древляне Игоря). Церковь всячески боролась с таким взглядом и поддерживала авторитет князей, смотря на них, как на прирожденных и богоданных государей. Когда князья сами роняли свое достоинство в грубых ссорах и междоусобиях («которах» и «коромолах»), духовенство старалось мирить их и учить, чтобы они «чтили старейших» и «не переступали чужого предела». Так духовенство проводило в жизнь идеи правильного государственного порядка, имея пред собою пример Византии, где царская власть стояла очень высоко.

Найдя на Руси ряд союзов, родовых и племенных, дружинных и городских, церковь образовала собою особый союз — церковное общество. В состав его вошло духовенство, затем люди, которых церковь опекала и питала, и, наконец, люди, которые служили церкви и от нее зависели. Церковь опекала и питала тех, кто не мог сам себя кормить: нищих, больных, убогих. Церковь давала приют и покровительство всем изгоям, потерявшим защиту мирских обществ и союзов. Церковь получала в свое владение села, населенные рабами. И изгои, и рабы становились под защиту церкви и делались ее работниками. Всех своих людей одинаково церковь судила и рядила по своему закону (по Кормчей книге) и по церковным обычаям; все эти люди выходили из подчинения князю и становились подданными церкви. И как бы ни был слаб или ничтожен церковный человек, церковь смотрела на него по-христиански — как на свободного человека. Для церковного сознания все были братья во Христе, и не было пред Господом ни раба, ни господина. В церкви не существовало рабства: рабы, подаренные церкви, обращались в людей, лично свободных; они были только прикреплены к церковной земле, жили на ней и работали на пользу церкви. Таким образом, церковь давала светскому обществу пример нового, более совершенного и гуманного устройства, в котором могли найти себе защиту и помощь все немощные и беззащитные.

Церковь затем влияла на улучшение семейных отношений и вообще нравственности в русском обществе. На основании греческого церковного закона, принятого и подтвержденного первыми русскими князьями в их «церковных уставах», все проступки и преступления против веры и нравственности подлежали суду не княжескому, а церковному. Церковные суды, во-первых, судили за святотатство, еретичество, волшебство, языческие моления. Церковные суды, во-вторых, ведали все семейные дела, возникавшие между мужьями и женами, родителями и детьми. Церковь старалась искоренить языческие

обычаи и нравы в семейном быту: многоженство, умыкание и покупку жен, изгнание жены мужем, жестокости над женами и детьми и т. п. Применяя в своих судах византийские законы, более развитые, чем грубые юридические обычаи языческого общества, духовенство воспитывало лучшие нравы на Руси, насаждало лучшие порядки.

В особенности восставало духовенство против грубых форм рабства на Руси. В поучениях и проповедях, в беседах и разговорах представители духовенства деятельно учили господ быть милосердными с рабами и помнить, что раб — такой же человек и христианин, как и сам его господин. В поучениях запрещалось не только убивать, но и истязать раба. В некоторых случаях церковь прямо требовала у господ отпуска рабов и рабынь на свободу. Получая рабов в дар, церковь давала им права свободных людей и селила их на своих землях; по примеру церкви иногда то же делали и светские землевладельцы. Хотя такие примеры были редки, хотя увещания благочестивых поучений и не искореняли рабства, однако изменялся и смягчался самый взгляд на раба, и дурное обращение с рабами стало почитаться «грехом». Оно еще не каралось законом, но уже осуждалось церковью и становилось предосудительным.

Так широко было влияние церкви на гражданский быт языческого общества. Оно охватывало все стороны общественного устройства и подчиняло себе одинаково как политическую деятельность князей, так и частную жизнь всякой семьи. Это влияние было особенно деятельно и сильно благодаря одному обстоятельству. В то время, как княжеская власть на Руси была еще слаба и киевские князья, когда их становилось много, сами стремились к разделению государства,— церковь была едина и власть митрополита простиралась одинаково на всю Русскую землю. Настоящее единовластие на Руси явилось прежде всего в церкви, и это сообщало церковному влиянию внутреннее единство и силу.

Христианское просвещение на Руси. Рядом с воздействием церкви на гражданский быт Руси мы видим и просветительскую деятельность церкви. Она была многообразна. Прежде всего просветительное значение имели те практические примеры новой христианской жизни, которые давали русским людям отдельные подвижники и целые общины подвижников — монастыри. Затем просветительное влияние оказывала письменность, как переводная греческая, так и оригинальная русская. Наконец, просветительное значение имели те предметы и памятники искусства, которые церковь создала на Руси с помощью греческих художников.

Практические примеры христианской жизни являли как мирские, так и церковные люди. Летописец говорит, что сам князь Владимир после крещения стал добрым и милостивым, заботился об убогих и нищих, думал о книжном просвещении. Среди его

сыновей были также благочестивые князья. В среде простых людей, на первых же порах после принятия новой веры, являются христиане в самом высоком смысле слова. Таков, например, Иларион, из священников села Берестова (около Киева), поставленный в сан русского митрополита за свое благочестие, ученость и удивительный ораторский талант. Таков инок св. Феодосий, игумен Печерского киевского монастыря, с детства проникнутый Христовым учением, оставивший зажиточный дом для монашеской убогой жизни и стяжавший себе славу подвижника, писателя и проповедника. Влияние подобных людей в русском обществе было очень велико и благотворно. Вокруг них собирались их последователи и ученики и образовывали целые общины, называемые монастырями. Древние монастыри не всегда были похожи на нынешние. Удалясь из городов в лесную глушь, тогдашние монахи составляли свое особое поселение, как бы в пустыне, не имея до времени ни храма, ни монастырских стен. Их община кормилась своими трудами и терпела нужду даже во всем необходимом до той поры, пока не получала известности и не привлекала благочестивых поклонников. Строгая жизнь и трогательное братство иноков, способ хозяйства их, совершенно новый для языческой среды, основанный на личном бескорыстии иноков и на их неустанном труде на пользу братии,— все это очень сильно действовало на умы тогдашних людей. Они желали помочь благочестивой братии, чем могли: строили в монастыре храмы, дарили монастырю земли и рабов, жертвовали золото и драгоценности. Скромная община монахов превращалась в богатый и благоустроенный монастырь и делалась религиозным и просветительным средоточием для своей области. Монастырь учил не только вере, но и «книжному почитанию», и хозяйственным приемам. В монастырях образовывались целые библиотеки и процветала грамотность; почти все знаменитые писатели Киевской Руси вышли из монастырей. Хозяйство монастырей устраивалось по византийским образцам и руководилось византийскими законами и правилами. В этом хозяйстве не было рабов, потому что церковь не допускала у себя рабства. Рабочий люд был лично свободен, но прикреплен к церковной земле и управлялся церковными властями. На обширных землях монастырей все хозяйственные порядки устанавливались сообразно указаниям греческого закона и отличались правильностью и стройностью. Поэтому монастырское (и вообще церковное) землевладение становилось образцом не только для частных, но даже и для княжеских земельных хозяйств.

В первое время христианская письменность на Руси не была обширна. Книги, принесенные на Русь вместе с крещением, представляли собой болгарские переводы библии, богослужебных книг, поучений, исторических книг, Кормчей книги и т. п. Под влиянием этой болгарской письменности создалась и собственная русская письменность, в которой главное место

занимали летописи и жития святых, поучения и молитвы. Эта письменность, за немногими исключениями, не отличалась ни ученостью, ни литературным искусством. Первые киевские писатели были просто грамотными людьми, обладавшими некоторою начитанностью. Они подражали переводным образцам так, как умели, без школьной учености и риторического искусства. Тем не менее их произведения оказывали заметное влияние на духовную жизнь наших предков и содействовали смягчению нравов на Руси.

Наконец, христианская вера на Руси совершила переворот в области пластического искусства. Языческая Русь не имела храмов и довольствовалась изваяниями идолов. Христианство повело к созданию громадных каменных храмов в главнейших городах. Киевский храм Успения Богоматери, получивший название Десятинной церкви потому, что Владимир уделил на его содержание «десятину» (т. е. десятую часть) княжеских доходов, был древнейшим каменным храмом в Киеве. Киевская церковь св. Софии, новгородская церковь св. Софии и другие храмы в главнейших городах Руси были созданы вслед за Десятинною церковью. Они строились по византийским образцам и украшались богатейшими мозаиками и фресками. Архитектурное дело и живопись под влиянием церковного строительства достигли в Киеве значительного развития. А с ними вместе развились и прочие искусства и художественные ремесла, в особенности же ювелирное дело и производство эмали. Первыми мастерами во всех отраслях художественного производства были, конечно, греки. Позднее под их руководством появились и русские мастера. Развилось, таким образом, национальное искусство. Но оно в Киевской Руси отличалось резко выраженным византийским характером, и поэтому известно в науке под именем русско-византийского.

Киевская Русь в XI—XII веках

Принятие христианства с его многообразными последствиями представляет собой в истории Киевской Руси тот рубеж, который отделяет древнейшую эпоху от эпохи XI и XII вв. Изучая период дохристианский, мы приходим к тому заключению, что единодержавия в то время не было; Русь несколько раз дробилась на княжества (после Святослава, Владимира Св.). При жизни князя-отца сыновья сидели наместниками в главных городах и платили отцу дань. По смерти отца земля дробилась на части по числу сыновей, и лишь политическая случайность приводила к тому, что в конце концов восстанавливалось единодержавие. Братья, враждуя из-за наследства, обыкновенно истребляли друг друга. После такой борьбы между сыновьями Св. Владимира Русь разделилась на две части: левою стороною Днепра владел Мстислав, правою — Ярослав. По смерти же Мстислава Ярослав

владел всей землей; умирая (1054), он разделил землю таким образом: старшему сыну Изяславу дал Киев и Новгород, т. е. оба конца водного торгового пути (очевидно, что Изяслав был самый богатый, самый могущественный князь), второму сыну Святославу — Чернигов, третьему — Всеволоду — Переяславль (недалеко от Киева), четвертому — Вячеславу — Смоленск, пятому — Игорю — Владимир-Волынский; но у Ярослава был еще внук от старшего сына, Владимира Ярославича, доблестный Ростислав, о котором сложилось много легенд; ему Ярослав ничего не дал. Ростислав бросился сам на Тмутаракань, захватил ее и оставил за собою. Ярослав велел почитать Изяслава, как старейшего, но Изяслав не сумел поддержать свой авторитет, восстановил против себя киевлян, которые его изгнали. Возвратясь затем в Киев, Изяслав был вторично изгнан оттуда братьями; он бежал в Польшу; киевский стол занял Святослав и княжил там до смерти. Затем Киев опять переходит к Изяславу, а Чернигов в это время достается Всеволоду. После смерти Изяслава, киевский престол занял Всеволод, а второй город — Чернигов — Всеволод отдал своему старшему сыну Владимиру. Детей Святослава он совсем вычеркнул из общего наследия, как *изгоев*, которые не имели права на великокняжеский престол, ибо отец их не мог бы стать великим князем, если бы соблюдал старшинство и не прогнал с престола старшего брата своего, который его пережил. В 1093 г. умер Всеволод, оставив после себя сына Владимира, прозванного Мономахом по имени своего деда со стороны матери. Владимир не встретил бы препятствий со стороны киевлян, если бы захотел занять отцовский великокняжеский престол, но, не желая новых усобиц и соблюдая родовое старшинство, Мономах предоставляет киевский стол старшему из своих двоюродных братьев, Святополку Изяславичу, который, как старший в роде, имел на великокняжеский стол все права. Этот князь, однако, не умел поддержать спокойствие в русской земле и потому не пользовался народным расположением; во время его княжения Святославичи, признанные *изгоями* со стороны своих дядей Изяслава и Всеволода, стали добиваться полноправности и заявили притязание на черниговский стол, занятый Мономахом. После долгих смут Любечским съездом 1097 г. права Святославичей на Чернигов были восстановлены и вместе с тем съезд поделил все русские волости между князьями на началах справедливости, утвердив правило: «каждо да держит отчину свою». Но справедливость была вскоре попрана главным ее блюстителем Святополком, который, действуя заодно с Давидом Игоревичем, ослепил одного из князей изгоев Василька. Это насилие повлекло за собой новые усобицы, для прекращения которых был назначен новый съезд. В 1100 г. в городе Уветичах, или Витичеве, Святополк, Мономах и Святославичи заключили между собой союз для восстановления мира на Руси. Когда Витичевским съездом был водворен порядок

во внутренних делах, тогда стало возможно подумать и о делах внешних — о борьбе с половцами. Владимир и Святополк съехались на берегу Долобского озера (1103) и решили двинуться общими силами на половцев. Эти съезды — Любечский, Витичевский и Долобский — показывают нам, что в важных спорных вопросах князья — внуки Ярослава — прибегают к съездам, как к высшему учреждению, имеющему право безапелляционного решения. События же, их вызвавшие, свидетельствуют, что Русь во время княжения Святополка не пользовалась спокойствием и что нарушителем этого спокойствия часто был сам великий князь. Понятно, почему по смерти Святополка (1113) даже летописец, всегда готовый хвалить покойного князя, хранит о нем полное молчание.

После смерти нелюбимого князя киевляне посылают звать на великокняжеский престол Владимира Мономаха, но Мономах, не желая нарушать раз признанные права Святославичей, отказывается от великого княжения. Однако киевляне, не любившие Святославичей, не принимают ни Святославичей, ни отказа Мономаха и отправляют к нему новое посольство с тем же предложением, угрожая возмущением в случае его упорства; тогда Владимир вынужден был согласиться и принять Киев. Так воля граждан нарушила права старшинства, передав их в руки достойнейшему помимо старейшего. Однако это нарушение старшинства, хотя и вынужденное, должно было вызвать новые усобицы, и если при жизни сильного и всеми любимого Мономаха Святославичи должны были затаить свою ненависть к невольному нарушителю их прав, то они передали эту ненависть своим детям; она-то и послужила причиной кровавых усобиц между потомством Святослава и потомством Всеволода. Эти усобицы произошли значительно позднее. Потомки Святослава Черниговского не препятствовали тому, чтобы после смерти Мономаха (1125) занял киевский стол сын его Мстислав. Да и нелегко было оспаривать у него великокняжеский стол: Святославичи, по тогдашним понятиям, потеряли свои права на Киев, оттого что не противились занятию киевского стола Мономахом; этим они понизили свой род перед родом Мономаха и утратили, не только в настоящем, но и в будущем всякое право на великокняжеский стол. Со стороны черниговских князей также не последовало возобновления притязаний на Киев и тогда, когда (1132) Мстислав умер и старшинство перешло в руки брата его Ярополка Владимировича, что вполне согласовалось с желанием киевлян, никого не желавших, кроме Мономаховичей. Черниговские князья не могли протестовать, ибо они были бессильны, пока мир господствовал в роде Мономаха. В княжение Ярополка, однако, этот мир был нарушен. Перед смертью Мстислав обязал своего брата и преемника Ярополка отдать Переяславль его старшему сыну Всеволоду Мстиславовичу. Вступив на великокняжеский престол, Ярополк исполнил предсмертную волю брата, но это вызвало неудо-

вольствие со стороны младших сыновей Мономаха — Юрия Ростовского и Андрея Владимиро-Волынского. Узнав о перемещении племянника в Переяславль, они сочли это шагом к старшинству помимо их и поспешили выгнать Всеволода из Переяславля. Тогда Ярополк водворил туда второго Мстиславича — Изяслава, княжившего в Полоцке. Но и это распоряжение не успокоило младших князей: в каждом племяннике, который сидел в Переяславле, они видели наследника старшинства, будущего князя киевского. Чтобы успокоить братьев, Ярополк вывел и Изяслава из Переяславля и послал туда брата своего Вячеслава, но тот скоро сам оставил эту область, и она была уступлена Юрию Ростовскому.

Враждой между дядями и племянниками в потомстве Мономаха не замедлили воспользоваться Святославичи и предъявляли свои права на великое княжение. Обстоятельства сложились благоприятно для Святославичей: Ярополк Владимирович скончался в 1139 г. и место его заступил брат его Вячеслав, человек бесхарактерный и неспособный. Таким ничтожеством великого князя воспользовались Святославичи в лице Всеволода Ольговича; он подступил к Киеву и занял его. Вячеслав не оспаривал у него великого княжения, и Всеволод не только сам остался в Киеве до своей кончины, но укрепил там после себя брата своего Игоря. Но едва Игорь вокняжился, как киевляне отправили посольство звать на киевский стол Изяслава Мстиславича. Последний немедленно двинулся к Киеву, объявив, что терпел на старшем столе Всеволода, как мужа старшей сестры своей, но что других Ольговичей на киевском столе не потерпит. Киевляне перешли на его сторону. Игорь был взят в плен и погиб, а Изяслав занял великокняжеский стол.

В лице Изяслава род Мономаха снова восторжествовал над родом Святослава. Но самовольный захват Изяславом киевского стола вооружил против него двух старших Мономаховичей, двух его дядей — Вячеслава, который был изгнан Всеволодом Ольговичем, и Юрия, князя Ростовского. Юрий, недовольный тем, что старшинство досталось его племяннику, а не брату, начал с Изяславом борьбу и одержал верх. Изяслав удалился во Владимир-Волынский, а в Киеве стал княжить Юрий. Но и он недолго удержал за собой киевский стол; Изяславу удалось изгнать его и снова вернуть себе Киев, а чтобы обеспечить себя от обвинений в беззаконном захвате престола, он пригласил в Киев старшего дядю Вячеслава, который, довольствуясь почетом, предоставил всю власть племяннику. Однако Юрий не оставил своих притязаний на Киев, несмотря на то, что Изяслав обставил дело вполне законно, воспользовался первой удобной минутой и подступил к Киеву. Изяслав и Вячеслав оставили город, и Юрий вторично завладел им, опять-таки ненадолго. Киевские граждане любили Изяслава и при первом его появлении перешли на его сторону. Юрий снова уехал из Киева, а Изяслав,

верный прежнему намерению, стал княжить именем Вячеслава. В 1154 г. Изяслав умер; престарелый Вячеслав вызвал другого своего племянника — Ростислава Смоленского, и киевляне присягнули ему, заключив, однако, договор, что он будет чтить своего дядю Вячеслава, как делал это его покойный брат. После же смерти Вячеслава киевляне приняли Изяслава Давидовича, представителя Святославичей, но тут снова явился Юрий, и престол, в третий раз перейдя к нему, остается за ним до его смерти. В 1157 г. Юрий умирает, и киевляне, не любившие этого князя, хотя он и был Мономахович, снова зовут на киевский стол Изяслава Давидовича. Тогда один из младших Мономаховичей, Мстислав Изяславич Владимиро-Волынский, опасаясь, что киевский стол уйдет из рук Мономаховичей, изгнал Изяслава из Киева и водворил там своего дядю Ростислава, а после смерти его в 1168 г. сам занял великокняжеский престол. В то же время претендентом на Киев является сын Юрия — Андрей (которого Мстислав обошел, как раньше отец его Изяслав обошел дядю своего Юрия). Победа в борьбе осталась на стороне Андрея: в 1169 г. Киев был им взят, а Мстислав удалился в свою Волынскую область. Киев был ограблен и сожжен, а сам победитель не остался в нем и ушел на север.

Таковы факты политической жизни так называемого Киевского периода. Из всего сказанного мы можем сделать вывод, что в данное время признавался правильным порядок наследования и владения *родовой* — от брата к брату и от дяди к племяннику, и что этот порядок в первое же время своего существования терпел нарушения. События времени внуков и правнуков Ярослава ясно показывают, что эти нарушения были чрезвычайно часты и что наследование столов запутывалось до чрезвычайности. Вопрос о политическом устройстве Киевской Руси поэтому представляет много трудностей; он вызывал массу исследований и споров между историками. Научная полемика вращалась здесь около двух вопросов: 1) что породило и поддерживало раздробление на княжества древней Руси? 2) на каком принципе, при таком положении дел, держалось единство Русской земли?

Ответ на первый вопрос сначала казался очень простым. Историки прошлого века, и отчасти *Карамзин*, объясняли его тем, что князья не желали обижать сыновей и всем им давали землю; но впоследствии поняли, что личный княжеский произвол не может раздробить государство, которое обладает национальным единством, и стали искать причину в других явлениях, в обычаях и отвлеченных воззрениях племен. Одни думали, что политическое дробление вообще в нравах и обычаях славян (впервые эта мысль была высказана *Надеждиным*). Другие (как *Погодин*) видели причину образования многих княжеских столов в том, что князья, как собственники земли, считали себя вправе, по обычаю славянскому, владеть землею сообща. Наконец, третьи (школа родового быта) удачно подметили *родовой* порядок

наследования столов и думали, что родовой быт князей в одно время и поддерживал земское единство, и делил землю на части по числу родичей, имеющих право на владение родовым имуществом. В последующее время исследователи искали причины раздробления Руси в реальных условиях общественной жизни: *Пассек* находил эти причины в стремлении городских общин к автономии; *Костомаров* полагал, что причины эти вытекали из стремления к обособлению не городских общин, а племен, входивших в состав Киевского княжества (он насчитывал 6 племен); *Ключевский*, в сущности, поддерживал взгляд *Пассека*, говоря таким образом: «Русская земля первоначально сложилась из самостоятельных городовых областей помощью тесного союза двух аристократий — военной и торговой. Когда этот союз земских сил распался (благодаря подвижности, бродячести князей), составные части земли стали также возвращаться к прежнему политическому обособлению, тогда знать торгового капитала осталась во главе местных миров и аристократии оружия со своими князьями поверх этих миров» («Боярская Дума»).

Второй вопрос — на чем держалось единство земли? — разрешался также различно. Прежние историки и даже *Карамзин* не останавливались над ним долго: они говорили, что единство земли основывалось на чувстве княжеского родства, которое связывало князей в одно целое. Школа родового быта первая дала научное построение вопросу, основываясь на понятии родового владения. Род князей, представляя одно неразрывное целое, соединяет в своем владении землю. Землею сразу владеют все князья, помня, что сами они «одного деда внуки». Русь была, таким образом, единым государством, потому что она была владением одного рода. Иного мнения были представители федеративной теории, во главе которой стоял *Костомаров*: он видел в древней Руси федерацию, основанную на единстве происхождения и языка, единстве веры и церкви и, наконец, на единстве династии, правящей страной. Но федерация предполагает существование некоторых постоянных учреждений, общих для всей федерации, между тем на Руси таких учреждений указать нельзя; княжеские съезды, например, не представляют ничего юридически определенного. Вот почему федеративную теорию сменила новая, договорная, принадлежащая *Сергеевичу*. Еще Чичерин говорил, что древняя Русь не знала государственного порядка и жила на праве частном, на порядке договорном. Исходя из этой мысли, *Сергеевич* пришел к тому выводу, что древняя Русь не имела политического единства, и единственным движущим началом жизни было начало личного интереса. Князья не знают сдержки личному произволу, они не наследуют столов по праву, а «добывают» их силой или искусством, формулируя свои отношения к другим князьям и к земщине условиям «рядов», т. е. договоров; о единстве государства не может быть и речи. *Ключевский* говорит, что в основании единства русской земли лежат

две связи: 1-я родственная, связывающая князей, 2-я экономическая, связывающая области. Своеобразное сочетание условий, вытекающих из экономической жизни волостей, с условиями родового быта князей породило постоянное движение князей по городам и постоянное взаимодействие земских миров. В этом и выражалось единство Русской земли.

Все приведенные учения были правы, потому что все освещали правильно одну какую-нибудь сторону вопроса: одни уловили формулу законного владения, собственно идею порядка (это школа родового быта); другие занимались не столько изучением норм, хотя бы и идеальных, сколько исследованием их нарушений (Сергеевич); третьи отметили роль общества в древней Руси, причем принимали ее различно (Костомаров и Пассек). Каждый вносил свой взгляд, и взгляд этот возбуждал возражения других. При всех разногласиях, существующих в вопросе, можно, однако, сказать, что вопрос теперь достаточно освещен в основных своих чертах. Родовой порядок наследования столов, как идеальная законная норма, несомненно существовал. Но рядом с ним существовали и условия, подрывавшие правильность этого порядка. Так, княжеские съезды нередко постановляли решения, противные законному течению наследования. Любечский съезд князей (1097) поставил решение о князьях, чтобы каждый из них «держал отчину свою». Этот принцип отчинности, т. е. семейного наследования от отца к сыну, бесспорно начинал слагаться в умах этой эпохи, разлагая родовое начало. (Очень хорошо раскрыто это в новой книге «Княжое право в древней Руси» *А. Е. Преснякова*.) Произвол князей, или не признававших законного порядка и авторитета старших, или же нарушавших, благодаря силе и старшинству, интересы младших князей,— тоже препятствовал правильности политической жизни. Изгойство, исключение князей из прав их состояния создавало по краям Русской земли такие области изгоев, которыми они владели уже прямо по семейному, а не по родовому порядку; владетель-изгой не мог претендовать на иные волости, но и на его волость не должны были претендовать другие князья. Наконец, если мы вспомним вмешательство в политические дела и в вопросы наследования городских веч, которые иногда не признавали для себя обязательными счеты княжеского старшинства и звали в города князей по своему выбору, то мы укажем все важнейшие условия, разлагавшие правильный порядок политической жизни.

Наличность этих условий служит ясным доказательством того, что политическое устройство Киевского княжества было неустойчиво. Составленное из многих племенных и городских миров это княжество не могло сложиться в единое *государство* в нашем смысле слова и в XI в. распалось. Поэтому точнее всего будет определить Киевскую Русь как совокупность многих княжений, объединенных одною династией, единством религии, племени, языка и народного самосознания. Это самосознание до-

стоверно существовало: с его высоты народ осуждал свое политическое неустройство, осуждал князей за то, что они «несли землю розно» своими «которами», т. е. распрями, и убеждал их быть в единстве ради единой «земли Русской».

Политическая связь киевского общества была слабее всех других его связей, что и было одной из самых видных причин падения Киевской Руси.

От общей формы политического быта перейдем к его частностям. Мы заметили, что первой политической формой, которая зародилась на Руси, был быт городской или областной. Когда областная и городская жизнь уже сложилась, в города и области явилась княжеская династия, объединившая все эти области в одно княжество. Рядом с властями городскими стала власть княжеская. Этим и обусловливается тот факт, что в XI—XII вв. наблюдаются на Руси два политических авторитета: 1) княжеский и 2) городской, или вечевой. Вече старше князя, но зато князь часто виднее веча; последнее иногда на время уступает ему свое значение.

Князья Киевской Руси, старшие или младшие, были все политически друг от друга независимы, на них лежали только нравственные обязанности: князья волостные должны были почитать старшего, великого князя, «в отца место», вместе с ним должны были охранять «от поганых» свою волость, сообща с ним думать-гадать о русской земле и решать важные вопросы русской жизни. Мы отличаем три главные функции деятельности древнекиевских князей. Во-первых, князь законодательствовал, и древний закон, «Русская Правда», несколькими из своих статей прямо подтверждает это. В «Правде» читаем, например, что сыновья Ярослава, Изяслав, Святослав и Всеволод, совместно постановили заменить месть за убийство денежным штрафом. Заглавия некоторых статей «Правды» свидетельствуют, что эти статьи были «судом» княжеским, т. е. были установлены князьями. Таким образом законодательная функция князей засвидетельствована древним памятником. Вторая функция их власти — военная. Князья явились в первый раз в русскую землю, как защитники ее границ, и в этом отношении последующие князья не отличались от первых. Припомним, что Владимир Мономах едва ли не главной своей задачей считал оборону границ от половцев; к борьбе с половцами склонял он и других князей на съездах и предпринимал вместе с ними общие походы на кочевников. Третья функция есть функция судебная и административная. «Русская Правда» свидетельствует, что князья сами судили уголовные дела. По «Русской Правде» за убиение княжеского конюшего взимался штраф в 80 гривен «яко уставил Изяслав в своем конюсе, его же убили Дорогобужьци». Здесь «Правда» указывает действительный судебный случай. Относительно административ-

ной деятельности князей мы можем сказать, что они с давнишних пор несли на себе обязанности управления, устанавливали «погосты и дани». Еще на самых первых страницах летописи мы читаем, как Ольга «устави по Месте погосты и дани и по Лузе оброки и дани». (Погосты представляли собой административные округа.) Вот главные обязанности князя киевской эпохи: он законодательствует, он военный вождь, он верховный судья и верховный администратор. Эти признаки всегда характеризуют высшую политическую власть. Сообразно с характером своей деятельности князья имеют и слуг, так называемую дружину, своих ближайших советников, с помощью которых управляют страною. В летописи можно найти много свидетельств, даже с поэтическим характером, о близком отношении дружины к князю. Еще Владимир Святой, по летописному преданию, высказал мысль, что серебром и золотом дружины нельзя приобрести, а с дружиною можно достать и золото, и серебро. Такой взгляд на дружину, как на нечто неподкупное, стоящее к князю в отношениях нравственного порядка, проходит через всю летопись. Дружина в древней Руси пользовалась большим влиянием на дела; она требовала, чтобы князь без нее ничего не предпринимал, и когда один молодой киевский князь решил поход, не посоветовавшись с ней, она отказала ему в помощи, а без нее не пошли с ним и союзники князя. Солидарность князя с дружиною вытекала из самых реальных жизненных условий, хотя и не определялась никаким законом. Дружина скрывалась за княжеским авторитетом, но она поддерживала его; князь с большой дружиной был силен, с малой — слаб. Дружина делилась на старшую и младшую. Старшая называлась «мужами» и «боярами» (происхождение этого слова толкуют различно, между прочим, существует предположение, что оно произошло от слова «болий», больший). Бояре были влиятельными советниками князя, они в дружине бесспорно составляли самый высший слой и нередко имели свою собственную дружину. За ними следовали так называемые «мужи» или «княжи мужи» — воины и княжеские чиновники. Младшая дружина называется «гриди»; иногда их называют «отроками», причем это слово нужно понимать лишь как термин общественного быта, который мог относиться, может быть, и к очень старому человеку. Вот каким образом делилась дружина. Вся она, за исключением княжеских рабов — холопов, одинаково относится к князю; она приходила к последнему и заключала с ним «ряды», в которых обозначала свои обязанности и права. Князь должен был относиться к дружиннику и «мужу» как к человеку, вполне независимому, потому что дружинник всегда мог покинуть князя и искать другой службы. Из дружины князь брал своих администраторов, с помощью которых он управляет землею и охраняет ее. Эти помощники назывались «вирниками» и «тиунами»; обязанность их состояла в суде и взыскании виры т. е. судебной пошлины, в управлении землею

и в сборе дани. Дань и вира кормили князя и дружину. Князь собирал дань иногда с помощью чиновников, а иногда и лично. Собиралась дань натурой и деньгами, и точно так же не одной натурой, но и деньгами давалась дружине. Один летописец начала XIII в. пишет о времени более раннем, что князь «еже будяше права вира, и ту возма,— даяше дружине на оружие. А дружина его... не жадаху: маломи есть, княже, 200 гривен, не кладаху на свои жены златых обручей, но хожаху их жены в серебре». Оклад в 200 гривен каждому дружиннику очень велик по тогдашним понятиям и несомненно свидетельствует о богатстве киевских князей (если в гривне считать $^1/_2$ фунта серебра, то ее весовая стоимость около 10 рублей). Откуда же появилось это богатство, какими источниками доходов пользовались князья? Во-первых, средства князьям давала их судебная деятельность. Во-вторых, князья получали дань, о которой уже говорилось. В-третьих, в пользу князей шла военная добыча. Наконец, последний вид княжеских доходов — частные доходы. Пользуясь своим привилегированным положением, князья приобретают себе частные земли (села), которые они строго различают от владений политических. Князь не может завещать политическое владение женщине, а только сыну или брату, а между тем мы видим, что свои частные земли он дает жене или дочери, или в монастыри.

Вече было старее князя. У летописца мы читаем: «Новгородцы бо изначала и смольняне и кыяне, и полочане и вся власти яко же на думу на вече сходятся, и на что же старшие думают, на том и пригороды станут». Смысл этих слов такой: изначала города и волости («власти») управлялись вечами и вече старшего города управляло не только городом, но и всею его волостью. Рядом с этими вечами, на которых правом голоса пользовались все главы семейств, появилась власть князей, но князья не упразднили веча, а правили землею иногда при содействии, а иногда и с противодействием последнего. Отношения князя к вечу и, наоборот, веча к князю многие историки пытались определить с точки зрения наших политических понятий, но это приводило только к натяжкам. Факты вечевой деятельности, собранные в книге В. И. Сергеевича «Князь и вече», прежде всего не позволяют установить самой формы веча, которое очень легко спутать с простыми народными сходками, и неопределенность формы часто заставляла исследователей различать вече законное и незаконное. Законным называлось вече, созванное князем; вече же, собранное против воли князя, мятежнически, считалось незаконным. Следствием юридической неопределенности положения веча было то, что последнее было в большой зависимости от условий чисто местных или временных: политическое значение его понижалось при сильном князе, имевшем большую дружину, и, наоборот, усиливалось при слабом; кроме того, в больших городах оно имело большее политическое значение, чем в малых. Изучение этого вопроса заставляет нас убедиться в том, что

отношения между князем и вечем постоянно колеблются. Так, при Ярославе и его сыновьях вече далеко не имело той силы, как при его внуках и правнуках. Когда власть князей усилилась и определилась, вече от политической деятельности перешло к хозяйственной — стало заниматься делами внутреннего быта города. Но когда род Рюриковичей размножился и наследственные счеты запутались,— городские веча стремились возвратить себе политическое значение. Пользуясь смутой, они сами призывали к себе того князя, которого хотели, и заключали с ним «ряды». Мало-помалу вече почувствовало себя настолько сильным, что решалось спорить с князем: случалось, что князь стоял за одно, а вече за другое, и тогда вече зачастую «указывает князю путь», т. е. изгоняет его.

Перейдем к общественному делению древнекиевской Руси. Нужно заметить, что общество, стоящее на первой ступени развития, всегда имеет одно и то же общественное деление: у всех народов арийского племени мы встречаем следующие три группы: 1) основная масса (в Киевской Руси *люди*), 2) привилегированный слой (*старцы, бояре*) и 3) лишенные прав рабы (или на древнекиевском языке *холопы*). Таким образом, первоначальное общественное деление создавалось не каким-нибудь исключительным местным историческим условием, а природою племени, если можно так выразиться. Уже на глазах истории сложились и росли местные условия. Свидетельством этого роста служит «Русская Правда» — почти единственный источник наших суждений о социальном строе Киевской Руси. Она дошла до нас в двух редакциях: краткой и пространной. Краткая состоит из 43 статей, из которых первые 17 следуют друг за другом в логической системе. Новгородская летопись, содержащая в себе этот текст «Правды», выдает ее за законы, изданные Ярославом. Краткая редакция «Правды» многим отличается от нескольких пространных редакций этого памятника. Она, несомненно, древнее их и отражает в себе киевское общество в древнейшую пору его жизни. Пространные редакции «Правды», состоящие уже более чем из 100 статей, заключают в своем тексте указания на то, что возникли они в целом составе в XII в., не ранее; они заключают в себе законоположения князей именно XII в. (Владимира Мономаха) и рисуют нам общество Киевской Руси в полном его развитии. Разнообразие текста разных редакций «Правды» затрудняет решение вопроса о происхождении этого памятника. Старые историки (*Карамзин, Погодин*) признавали «Русскую Правду» за официальный сборник законов, составленный Ярославом Мудрым и дополнявшийся его преемниками. В позднейшее время такого же мнения держится исследователь «Правды» *Ланге*. Но большинство ученых (*Калачев, Дювернуа, Сергеевич, Бестужев-*

Рюмин и др.) думают, что «Правда» есть сборник, составленный частными лицами, желавшими для личных надобностей иметь свод действовавших тогда законодательных правил. По мнению *В. О. Ключевского,* «Русская Правда» возникла в сфере церковной, где была нужда знать мирской закон; здесь и записали этот закон. Частное происхождение «Русской Правды» всего вероятнее потому, что, во-первых, в тексте ее можно указать статьи не юридического, а хозяйственного содержания, имевшие значение только для частного быта, и, во-вторых, внешняя форма отдельных статей и целых редакций «Правды» имеет характер частных записей, составленных как бы посторонними зрителями княжеской правообразовательной деятельности.

Изучая по «Русской Правде» и по летописи *состав древнего киевского общества,* мы можем отметить три древнейших его слоя: 1) высший, называемый старцами «градскими», «старцами людскими»; это земская аристократия, к которой некоторые исследователи причисляют и *огнищан.* О старцах мы уже говорили; что же касается до *огнищан,* то о них много мнений. Старые ученые считали их домовладельцами или землевладельцами, производя термин от слова *огнище* (в областных говорах оно означает очаг или пашню на изгари, т. е. на месте сожженного леса); Владимирский-Буданов говорит в своем «Обзоре истории русского права», что старшие дружинники именовались сначала «огнищанами», но тут же прибавляет, что чешский памятник «Mater verborum» толкует слово огнищанин, как «вольноотпущенный» («libertus, cui post servitium accedit libertas»); видимое противоречие автор думает скрыть тем соображением, что старшие дружинники могли происходить из младших, *невольных* слуг князя. Слово *огнище* в древности значило действительно *раб, челядь;* в таком смысле встречается оно в древнем, XI в., переводе Слов Григория Богослова; поэтому некоторые исследователи (Ключевский) в огнищанах видят рабовладельцев, иначе говоря, богатых людей в ту древнейшую пору жизни общества, когда не земля, а рабы были главным видом собственности. Если же обратить внимание на статьи пространной «Русской Правды», которые, вместо «огнищанина» краткой «Русской Правды», говорят о «княжем муже» или «тиуне огнищном», то можно огнищанина счесть именно за княжа мужа, и в частности за тиуна, заведующего княжескими холопами, т. е. за лицо, предшествующее позднейшим *дворским* или *дворецким.* Положение последних было очень высоко при княжеских дворах, и в то же время они могли быть сами холопами. В Новгороде же, как кажется, огнищанами звали не одних дворецких, а весь княжеский двор (позднее *дворяне*). Так, стало быть, возможно принимать огнищан за знатных княжеских мужей; но сомнительно, чтобы огнищане были высшим классом земского общества. 2) Средний класс составляли *люди* (ед. числ. *людин*), *мужи,* соединенные в общины, *верви.*

3) *Холопы* или *челядь* — рабы и притом безусловные, *полные, обельные* (облый — круглый) были третьим слоем.

С течением времени это общественное деление усложняется. На верху общества находится уже княжеская *дружина,* с которой сливается прежний высший земский класс. Дружина состоит из старшей («*бояр* думающих и *мужей* храборствующих») и младшей (*отроков, гридей*), в которую входят и рабы князя. Из рядов дружины назначается княжеская администрация и судьи (*посадник, тиун, вирники* и др.). Класс *людей* делится определенно на *горожан* (купцы, ремесленники) и *сельчан,* из которых свободные люди называются *смердами,* а зависимые — *закупами* (закупом *ролейным,* например, называется сельский земледельческий батрак). Закупы не рабы, но ими начинается на Руси класс *условно* зависимых людей, класс, с течением времени сменивший собой полных рабов. *Дружина* и *люди* не суть замкнутые общественные классы: из одного можно было перейти в другой. Основное различие в положении их заключалось, с одной стороны, в отношении к князю (одни князю *служили,* другие ему *платили;* что же касается до *холопов,* то они имели своим «господином» хозяина, а не князя, который их вовсе не касался), а с другой стороны — в хозяйственном и имущественном отношении общественных классов между собой.

Мы допустили бы большой пробел, если бы не упомянули о совершенно особом классе лиц киевского общества, классе, который повиновался не князю, а церкви. Это *церковное общество,* состоящее из: 1) иерархии, священства и монашества; 2) лиц, служивших церкви, церковнослужителей; 3) лиц, призреваемых церковью,— старых, увечных, больных; 4) лиц, поступивших под опеку церкви,— изгоев, и 5) лиц, зависимых от церкви,— «челядь» (холопов), перешедшую в дар церкви от светских владельцев. Церковные уставы князей так описывают состав церковного общества: «А се церковныи люди: игумен, игуменья, поп, диакон и дети их, а се кто в крылосе: попадья, чернец, черница, проскурница, паломник, свещегас, сторожник, слепец, хромец, вдовица, пущенник (т. е. получивший чудесное исцеление), задушный человек (т. е. вольноотпущенный по духовному завещанию), изгои (т. е. лица, потерявшие права гражданского состояния); ...монастыреве, больницы, гостинницы, страннопри-имницы, то люди церковныя, богадельныя». Всех этих людей церковная иерархия ведает администрацией и судом: «Или митрополит, или епископ тыи ведают, между ими суд или обиду». Изгоям и холопам и всем своим людям церковь создает твердое общественное положение, сообщает права гражданства, но вместе с тем выводит их вовсе из светского общества.

Настолько развито и сложно стало общественное деление киевского общества к XII в. Раньше, как мы видели, общество было проще по составу и расчленилось уже на глазах истории.

Закончим наш обзор Киевской Руси общей характеристикой ее культурного состояния. Первое же знакомство с киевским бытом покажет нам существование древних и сильных городских общин на Руси и обилие вообще городских поселений; это обстоятельство — лучший признак того, что торговые обороты страны были значительны. Любопытен тот факт, что в скандинавских сагах Киев называли «страной городов», следовательно, городская жизнь была в глазах иноземцев отличительной чертой Руси. По летописи насчитываются сотни городов, тянувших к «старейшим» городским центрам на Руси. Конечно, такая многочисленность городов обусловливалась не одними административными и военными потребностями, но и развитием торговли, которая придавала городу значение рынка. Несомненно, что главным занятием городских жителей была торговля и что масса городского населения состояла из торговых и промышленных людей. О развитии торговли в Киевской Руси говорят нам многие древние авторы. Русские купцы ездили в Грецию, Болгарию, Германию, Чехию и на Восток. В Киеве и Новгороде было постоянное стечение купцов. В Новгороде жили немецкие купцы и имели свою церковь — «Варяжскую божницу»; немецкие же купцы через Польшу ездили в Киев. В Киеве был еврейский и, кажется, польский квартал; жили постоянно купцы католического вероисповедания, которых называли «Латиною»; есть известие и об армянах. Киев был торговой станцией не только между севером и югом, т. е. между варягами и Грецией, но и между Западом и Востоком; т. е. между Европой и Азией; отсюда понятно торговое значение Киева и всей южной Руси. Тихий земледельческий труд мешался здесь с бойким и шумным торговым движением; жизнь отличалась многообразием функций; торговля, вызывая знакомство со многими народами, способствовала накоплению богатств и знаний. Много условий создавалось здесь для культурного развития, и это развитие начиналось и зацветало ярким цветом. Просвещение, принесенное христианством, нашло приют в русских монастырях и приобрело себе много поборников. Мы знаем, что христианская мораль успешно боролась с грубыми воззрениями языческой старины; мы видим князей, читающих и собирающих книги, князей, заказывающих переводы благочестивых произведений церковной литературы на русский язык; мы видим распространение грамотности, видим школы при церквах и епископских дворах; мы любуемся фресками, которые писаны по греческим образцам русскими художниками; мы читаем произведения богословски образованных русских людей. Словом, в отношении просвещения Киевская Русь стояла не ниже прочих молодых государств и своих ближайших соседей, славян. Исследователи первоначальных сношений Руси и Польши прямо признают культурное превосходство первой. И материальная культура киевского общества стояла, сравнительно с прочей Европой, не низко. Внешность Киева

вызывала панегирики писателей XI в. Западным иностранцам Киев казался соперником Константинополя. Впечатление, которое он производил на иноземцев, вело к невольным гиперболам с их стороны: они, например, считали в Киеве 400 церквей, чего на самом деле не было. Но во всяком случае Киев был крупным торговым городом восточной Европы, городом с разноплеменным населением, высшие классы которого знакомы были с лучшими произведениями окрестных стран и вызывали со стороны нашего летописца даже упреки в роскоши. И если, за исключением Киева и других городов, вся прочая страна была еще в младенческих формах общественного и хозяйственного быта, то все-таки мы не имеем права назвать Киевскую Русь некультурною страною, если возьмем во внимание быт древних городов, отмеченный явно культурными чертами.

Мы видели, что еще в глубокой древности Русь стала терять черты патриархального племенного строя, хотя и не отлилась еще в окончательные формы государственного быта. Долгое совместное жительство, единство племени, языка и религии делали из Руси одну страну, из русских славян — один народ. И это единство чувствовалось и ярко сознавалось нашими предками. Певец «Слова о полку Игореве», который помнил много такой старины, какая и для его времени была уже седой стариной, мыслил русскую землю единую от южного Галича и Карпат до верхней Волги. Всех князей, и северных и южных, одинаково зовет он помочь беде Игоря и стать «за землю Русскую». В его глазах беда Игоря — беда всей земли русской, а не только Игорева княжества: «Тоска разлилась по Русской земле, обильна печаль потекла среди земли Русския!» — говорит он об этом. В XI в. летописец пишет свою «Повесть» не о том или другом княжестве, а о всей Русской земле. Так вырастало постепенно твердое национальное самосознание, вырастало и в сказаниях, и в летописях, и в самой жизни. В XII в. окончательно определилась русская национальность.

Тем более непонятным должен казаться упадок Киевской Руси к XIII в. Какая же была тому причина? Первая и главная причина заключалась в том, что в единой земле, в едином обществе не было единой политической власти,— владел Русью многочисленный княжеский род; при спутанности родовых и семейных счетов из-за старшинства или из-за каких-нибудь обид, князья часто затевали усобицы и втягивали население в междоусобную войну; от этих усобиц страдали люди, страдало развитие народного быта. Из 170 лет (1055—1224) Погодин насчитывает 80 лет, прошедших в усобицах, и 90 лет мирных; и хотя тот же Погодин говорит, что для массы они не имели важного значения, но в действительности они были несчастьем для страны, как бы легко ни переносилось населением каждое отдельное разорение. Вторым несчастьем Киевской Руси было усиление, с половины

XII в. ее степных врагов. В южных степях появились половцы и в течение двух столетий 40 раз опустошали русскую землю значительными набегами, а мелких набегов и не перечесть. Торговля с югом стала замирать благодаря тем же половцам; они грабили купцов на нижнем Днепре и Днестре, и торговые караваны бывали вне опасности только под сильным военным прикрытием. В 1170 г. у юных русских князей, по почину Мстислава Изяславича, был съезд, на котором обсуждались средства борьбы с половцами и говорилось, что половцы «уже у нас и Гречьский путь (в Царьград) отнимают, и Соляный (Крымский или же Чешский), и Залозный (на нижний Дунай)». Это было большим бедствием для страны. Из-за половецкой грозы наши предки не замечали, что торговля их падает еще и по другой причине, именно потому, что крестовыми походами был создан новый путь сообщения Зап[адной] Европы с Азией, мимо Киева,— чрез восточные побережья Средиземного моря. К XIII в. жизнь Киевской Руси стала бедней и утратила последнюю безопасность; чем далее, тем труднее становилось жить на юге; вот почему целые города и волости начинают пустеть, тем более, что князья, как прежде ссорились из-за старшинства, так теперь стали ссориться из-за людей, за «полон». Они стали делать набеги на соседние княжества и уводили народ толпами, население не могло жить спокойно, потому что свои же князья отрывали его от земли, от хозяйства.

Эти обстоятельства — усобицы князей, отсутствие внешней безопасности, падение торговли и бегство населения — были главными причинами упадка южнорусской общественной жизни. Появление же татар нанесло ей лишь окончательный удар. После нашествия татар Киев превратился в маленький городок в 200 домов; торговля вовсе заглохла, и мало-помалу Киевскую Русь по частям захватили ее враги. А в то же время на окраинах Русской земли зарождалась новая жизнь, возникали новые общественные центры, слагались новые общественные отношения. Возникновение и развитие Суздальской Руси, Новгорода и Галича начинают уже собою иной период русской истории *.

Колонизация Суздальско-Владимирской Руси

В XII в., когда вследствие княжеских усобиц и половецких опустошений начинается упадок Киевской Руси, неурядицы киевской жизни вызывают передвижение населения от среднего Днепра на юго-запад и северо-восток, от центра тогдашней Руси, Киева, к ее окраинам.

---

* История Киевской Руси стала в последнее время предметом специального изложения ученых, держащихся того взгляда, что историческая традиция древней Киевщины не прервалась, а продолжала жить в украинском народе и в учреждениях Литовского княжества ([М. С.] Грушевский, А. Я. Ефименко).

На северо-востоке русские переселенцы попадают на новые места, в страну с иным географическим характером, чем Поднепровье. Особенности этой страны создают постепенно и новые черты в физическом типе колонистов, и новые социальные и экономические порядки в их быту. Занятая русскими на северо-востоке местность — это страна между верхним течением Волги и Окой. Природа здесь очень рознится от днепровской: ровная плодородная почва здесь сменяется суглинком, болотами и первобытным лесом. Хотя обилие речных вод замечается и здесь, но свойства рек различны: южная Русь имеет большие реки, текущие, в громадном большинстве, к одному центру, к Днепру; в северной Руси — масса мелких речек, не имеющих общего центра, текущих по самым различным направлениям. Климат северо-восточной Руси вследствие обилия воды и леса суровее, почва требует больших трудов для обработки. Первоначальными жителями северо-восточной окраины были финские племена *меря* и *мурома,* о быте которых история не знает ничего достоверного. Исследователь древнейшей истории Суздальской Руси, проф. Корсаков («Меря и Ростовское княжество», 1872) пробует восстановить быт мери: 1) по указаниям разных источников,— так как летопись говорит о первоначальных жителях этой страны очень мало; 2) по сравнению быта теперешнего населения губерний Московской, Владимирской, Костромской и Ярославской с бытом жителей других великорусских губерний: особенности этого быта могут быть объясняемы бытом первоначальных обитателей названных губерний; 3) по сравнению данных летописи о быте мери и муромы с бытом соседних им ныне существующих финских племен: мордвы и черемис; этнография их несколько разработана, и жизнь этих племен может с некоторой вероятностью дать основания для заключений о жизни исчезнувшей их родни; 4) по указаниям, добытым из раскопок, на местах поселения мери и муромы; эти раскопки, произведенные здесь археологами Савельевым и графом Уваровым, дают ряд отрывочных, правда, указаний на особенности мери и муромы. Тщательные изыскания Корсакова не привели к большим результатам: он указывает, что меря и мурома — племена финского происхождения, близкие по быту к мордве; религия их была не развита; политической организации не существовало, не было и городов; культура была на очень низкой ступени развития; первенствующее значение принадлежало жрецам.

Колонизационное движение Руси по Волге — явление очень древнее: на первых уже страницах летописи мы встречаемся с городами Суздалем и Ростовом, появившимися неизвестно когда. Откуда, т. е. из каких мест Руси, первоначально шла колонизация в суздальском крае, можно догадываться по тому, что Ростов в древности политически тянул к Новгороду, составляя как бы часть Новгородского княжества. Это давало повод предположить, что первыми колонистами на Волге были нов-

городцы, шедшие на Восток, как и все русские колонизаторы, по рекам. Против такого предположения возражали, что Новгород от Волги и рек ее бассейна отделяется водоразделами (препятствия для свободного передвижения), и указывали на различие наречий суздальского и новгородского. Но против первого положения можно сказать, что водоразделы никогда не могут задержать переселения; а второе объясняется историческими причинами: под влиянием новых природных условий, встречи с чуждым народом и языком в языке колонистов могли выработаться известные особенности. Во всяком случае, нет достаточных оснований отрицать, что первыми русскими колонистами в Суздальской Руси могли быть новгородцы. В последнее время ученые (Шахматов, Спицын, Соболевский и др.) заново подняли вопрос о заселении среднего Поволжья славянами и, не сходясь в деталях, однако согласно представляют нам дело так, что славянский народный поток непрерывно стремился на северо-восток от области кривичей и, может быть, вятичей, заполняя Поволжье многими путями и изо многих мест, между которыми Новгород играл в свое время важнейшую, но, вероятно, не исключительную роль. Позднее, с упадком Киева, в XII в. главные массы колонистов в эту область стали двигаться с юга, от Киева. Сообщение Киева с Суздальской землей в первые века русской жизни совершалось кругом — по Днепру и верхней Волге, потому что непроходимые леса вятичей мешали от Днепра прямо проходить на Оку, и только в XII в. являются попытки установить безопасный путь из Киева к Оке; эти попытки и трудности самого пути остались в памяти народа в рассказе былины о путешествии Ильи Муромца из родного села Карачарова в Киев. Со второй половины XII в. этот путь, сквозь вятичей, устанавливается и начинается заметное оживление Суздальского княжества,— туда приливает население, строятся города, и в этой позднейшей поре колонизации замечается любопытное явление: появляются на севере географические имена юга (Переяславль, Стародуб, Галич, Трубеж, Почайна), верный признак, что население пришло с юга и занесло сюда южную номенклатуру. Занесло оно и свой южный эпос,— факт, что былины южнорусского цикла сохранились до наших дней на *севере,* также ясно показывает, что на север перешли и люди, сложившие их.

Страна, в которую шли поселенцы, своими особенностями влияла на расселение колонистов. Речки, по которым селились колонисты, не стягивали поселения в густые массы, а располагали их отдельными группами. Городов было мало, господствующим типом селений были деревни, и таким образом городской быт юга здесь заменился сельским. Новые поселенцы, сидя на почве не вполне плодородной, должны были заниматься, кроме земледелия, еще лесными промыслами: угольничеством, лыкодерством, бортничеством и пр.; на это указывают и названия местностей: Угольники, Смолотечье, Дёготино и т. д. В общем

характере Суздальской Руси лежали крупные различия, сравнительно с жизнью Киевской Руси: из городской, торговой она превратилась в сельскую, земледельческую. Переселяясь в Суздальский край, русские, как мы сказали, встретились с туземцами финского происхождения. Следствием этой встречи для финнов было их полное обрусение. Мы не находим их теперь на старых местах, не знаем об их выселении из Суздальской Руси, а знаем только, что славяне не истребляли их и что, следовательно, оставаясь на старых местах, они потеряли национальность, ассимилировавшись совершенно с русскими поселенцами, как расой, более цивилизованной. Но вместе с тем и для славянских переселенцев поселение в новой обстановке и смешение с финнами не осталось и не могло бы остаться без последствий: во-первых, изменился их говор; во-вторых, совершилось некоторое изменение физиологического типа; в-третьих, видоизменился умственный и нравственный склад поселенцев. Словом, в результате явились в северорусском населении некоторые особенности, выделившие его в самостоятельную великорусскую народность.

Со времени Любечского съезда, с начала XII в., судьба Суздальского края связывается с родом Мономаха. Из Ростова и Суздаля образуется особое княжество, и первым самостоятельным князем суздальским делается сын Мономаха, Юрий Владимирович Долгорукий. Очень скоро это вновь населяемое княжество становится сильнейшим среди других старых. В конце того же XII в. владимиро-суздальский князь, сын Юрия Долгорукого, Всеволод III уже считается могущественным князем, который, по словам певца «Слова о полку Игореве», может «Волгу веслы раскропити и Дон шеломами выльяти». Одновременно с внешним усилением Суздальского княжества мы наблюдаем внутри самого княжества следы созидающего процесса: здесь слагается иной, чем на юге, общественный строй. В XI и даже в XII в. в Суздальской Руси, как и на юге, мы видим развитие городских общин (Ростов, Суздаль) с их вечевым бытом. Новые же города в этой стране возникают с иным типом. «Разница между старыми и новыми городами та,— говорит Соловьев,— что старые города, считая себя старее князей, смотрели на них, как на пришельцев, а новые, обязанные им своим существованием, естественно, видят в них своих строителей и ставят себя относительно них в подчиненное положение». В самом деле, на севере князь часто первый занимал местность и искусственно привлекал в нее новых посельников, ставя им город или указывая пашню. В старину на юге было иначе: пришельцем в известном городе был князь, исконным же владельцем городской земли вече; теперь на севере пришельцем оказывалось население, а первым владельцем земли — князь. Роли переменились, должны были измениться и отношения. Как политический владелец, князь на севере по старому обычаю управлял и законодательствовал; как первый заимщик земель, он считал себя и свою семью сверх того вотчинниками —

хозяевами данного места. В лице князя произошло соединение двух категорий прав на землю: прав политического владельца и прав частного собственника. Власть князя стала шире и полнее. С этим новым явлением не могли примириться старые вечевые города. Между ними и князем произошла борьба; руководителями городов в этой борьбе были, по мнению Беляева и Корсакова, «земские бояре». И в южной Руси, по «Русской Правде» и летописи, мелькают следы земской аристократии, которая состояла из земских, а не княжеских бояр — градских старцев. На севере в городах должна была быть такая же аристократия с земледельческим характером. В самом деле, можно допустить, что «бояре» новгородские, колонизуя восток, скупали себе в Ростовской и Суздальской земле владения, вызывали туда на свои земли работников и составляли собою класс более или менее крупных землевладельцев. В их руках, независимо от князя, сосредоточивалось влияние на вече, и вот с этой-то землевладельческой аристократией, с этой силой, сидевшей в старых городах, приходилось бороться князьям; в новых построенных князьями городах такой аристократии, понятно, не было. Борьба князей со старыми городами влечет за собою неминуемо и борьбу новых городов со старыми. Эта борьба оканчивается победой князей, которые подчиняют себе старые города и возвышают над ними новые. Полнота власти князя становится признанным фактом. Князь не только носитель верховной власти в стране, он ее наследственный владелец, «вотчинник». На этом принципе вотчинности (патримониальности) власти строятся все общественные отношения, известные под общим названием «удельного порядка» и весьма несходные с порядком Киевской Руси.

Влияние татарской власти на удельную Русь

Новый порядок едва обозначился в Суздальской Руси, когда над этой Русью стала тяготеть татарская власть. Эта случайность в нашей истории недостаточно изучена для того, чтобы с уверенностью ясно и определенно указать степень исторического влияния татарского ига. Одни ученые придают этому влиянию большое значение, другие его вовсе отрицают. В татарском влиянии прежде всего надо различать две стороны: 1) влияние на государственное и общественное устройство древней Руси и 2) влияние на ее культуру. В настоящем курсе нас главным образом должен занимать вопрос о степени влияния татар на политический и социальный строй. Эта степень может быть нами угадана по изменениям: во-первых, в порядке княжеского престолонаследия; во-вторых, в отношениях князей между собой; в-третьих, в отношениях князей к населению. В первом отношении замечаем, что порядок наследования великокняжеского престола при татарах, в первое столетие их власти (1240—1340), оставался тем же,

каким был до татар; это — родовой порядок с нередкими ограничениями и нарушениями. Великое княжение оставалось неизменно в потомстве Всеволода Большого Гнезда, в линии его сына Ярослава. В течение немногим более 100 лет (с 1212 по 1328) пятнадцать князей из четырех поколений было на великокняжеском столе и из них только три князя захватили престол с явным беззаконием, мимо дядей или старших братьев (сыновья Всеволода: 1) Юрий, 2) Константин, затем опять Юрий, ранее сидевший не по старшинству, 3) Ярослав, 4) Святослав; сыновья Ярослава Всеволодовича: 5) Михаил Хоробрит, захвативший силой престол у дяди Святослава мимо своих старших братьев, 6) Андрей, 7) Александр Невский, который был старше Андрея и со временем сверг его, 8) Ярослав Тверской, 9) Василий Костромской; сыновья Александра Невского: 10) Дмитрий, 11) Андрей; 12) сын Ярослава Тверского Михаил; 13) внук Александра Невского Юрий Данилович; 14) внук Ярослава Тверского Александр Михайлович; 15) внук Александра Невского Иван Данилович Калита). Если мы обратимся к дотатарскому периоду, в так называемую Киевскую Русь, то увидим там однородный порядок и однородные правонарушения. Очевидно, татарская власть ничего не изменила в старом проявлении этого обычая. Мало того, и этим правом своим она как будто не дорожила и не всегда спешила его осуществлять: самоуправство князей оставалось подолгу ненаказанным. Михаил Хоробрит умер, владея великокняжеским столом и не быв наказан за узурпацию власти. Попранные им права дяди Святослава, санкционированные ранее татарами, не были им восстановлены даже и тогда, когда после смерти Хоробрита власть и стольные города — Владимир и Киев — выпросили себе племянники Святослава, Андрей и Александр. В поколении внуков и правнуков Всеволода Большого Гнезда образовалась даже таковая повадка, которая явно изобличает слабость татарского авторитета и влияния; удельные князья неизменно враждовали с утвержденным татарами великим князем и старались, в одиночку или все сообща, ослабить его. Александр Невский враждовал с великим князем Ярославом Тверским, Дмитрий Александрович — с великим князем Василием Костромским, Андрей Александрович — с великим князем Димитрием Александровичем и т. д. Татары видели все эти свары и усобицы и не думали, что их существование подрывает на Руси значение татарской власти; напротив, не следуя никакому определенному принципу в этом деле, они смотрели на ссоры князей как на лишний источник дохода и цинично говорили князю: будешь великим, «оже ты даси выход (т. е. дань), больши», т. е. если будешь платить больше соперника. Зная это, князья прямо торговались в Орде даже друг с другом. Искали, например, великого княжения Михаил Тверской и Юрий Московский, и Михаил посулил больше «выхода», чем Юрий; тогда Юрий «шед к нему рече: отче и брате, аз слышу, яку хощеши большую дань

поступити и землю Русскую погубити, сего ради аз ти уступаю отчины моя, да не гибнет земля Русская нас ради,— и шедше к хану, объявиша ему о сем; тогда даде хан ярлык Михаилу на великое княжение и отпусти я». Таким образом, татарская власть не могла здесь что-либо установить или отменить, так как не руководилась никаким сознательным мотивом. Татары застали на Руси распад родового наследования и зародыши семейно-вотчинного владения; при них продолжался распад, и развивались и крепли зародыши семейно-вотчинного владения. Нарушений этого процесса, давно и глубоко изменявшего основы общественной организации, мы не замечаем.

Во взаимных отношениях севернорусских князей в XIII и XIV вв. несомненно происходят изменения, и, по сравнению их с более древним порядком, мы замечаем, некоторые резкие особенности, которые многие ученые приписывают татарскому игу; но, всматриваясь внимательнее, мы убеждаемся, что причины, вызывавшие эти особенности, действовали в русской земле и раньше татар. К этим особенностям принадлежат: 1) полное пренебрежение родовым единством; 2) передача владений от отца к сыну, иначе — начало вотчинного наследования; 3) оседание княжеских линий по волостям; князья северо-восточной Руси (первые: Ярослав Тверской и Василий Костромской Ярославичи), добившись великокняжеского престола, не идут из удела княжить во Владимир, а присоединяют его к своему княжеству и управляют им из своих уделов; 4) определение междукняжеских отношений договорами, в которых подробно объясняются все частности совместной деятельности и степень зависимости одного князя от другого. Все исчисленные особенности суть прямое следствие того вотчинного характера, какой усвоила себе княжеская власть с самого начала своей деятельности в Суздальской земле. Доверяя надзор за порядком в Русской земле старшему, великому князю, татары без призыва самих князей не имели ни повода, ни желания вмешиваться в княжеские дела. Наконец, 5) и отношение князей к населению не подвергалось постоянному надзору и регламентации татарской власти, определяясь тем же принципом вотчинности. Полнота княжеского авторитета могла, конечно, вырасти от того, что он опирался на татар, но существо княжеской власти оставалось то же.

Да и как татарское влияние на русскую жизнь могло быть значительно, если, завоевав Русь, татары не остались жить в русских областях, богатых неудобными для них лесами, а отошли на юг, в открытые степи? На Руси они оставили, для наблюдения, своих наместников «баскаков» с военными отрядами. Особые татарские чиновники, «численники» или «писцы», изочли и переписали все население Руси, кроме церковных людей, и наложили на него дань, получившую название «выхода». Сбором этой дани и вообще татарским управлением на Руси заведовали в Золотой Орде особые чиновники — «даруги» или

«дороги», посылавшие на Русь «данщиков» для дани и «послов» для других поручений. Русские князья у себя дома должны были иметь дело с баскаками и послами; когда же князей для поклона или дел вызывали в Орду, то там их «брали к себе в улус» дороги, заведовавшие их княжествами. Редко появляясь массами в покоренной стране в начале своего господства, татары впоследствии еще реже появлялись там — исключительно для сбора дани или в виде войска, приводимого большей частью русскими князьями для их личной цели. Этот обычай брать дружину у соседних народов — обычай стародавний; еще в X и XI вв. князья нанимали себе в помощь варягов, половцев и т. д. При таких условиях если и находятся следы влияния татар в администрации, во внешних приемах управления, то они невелики и носят характер частных отрывочных заимствований; такие заимствования были и от варягов, и из Византии. Поэтому мы можем далее рассматривать внутреннюю жизнь русского общества в XIII в., не обращая внимания на факт татарского ига и следуя, таким образом, мысли С. М. Соловьева, который с особым ударением говорил: «Историк не имеет права с половины XIII в. прерывать естественную нить событий, именно, постепенный переход родовых княжеских отношений в государственные, вставлять татарский период и выдвигать на первый план татар, татарские отношения, вследствие чего необходимо закрываются главные явления, главные причины этих явлений» (История России, т. 1).

Ощутительно сказалось не влияние татар, а сказался самый факт их господства над русской землей только в том отношении, что содействовал окончательному разделению Руси на две половины: на северо-восточную и юго-западную, центром которой на время является Галич. Опасным соседом южной и западной Руси с XIII в. становится вместе с поляками и Литва. Возвышение Литвы начинается с княжения Миндовга, который, соединив под своей властью мелкие литовские племена, увеличил свое княжество присоединением к нему некоторых соседних слабых княжеств западной Руси. Одновременно с этими врагами северо-западной Руси являются немецкие рыцари, основавшие на берегах Балтийского моря два ордена: меченосцев и тевтонов, соединившихся затем в один. Придя сюда для обращения Литвы в христианство [с] помощью меча и путем ее порабощения, немцы очень скоро столкнулись здесь и с Русью. Они стали тревожить земли Псковскую и Новгородскую, однако получили сильный отпор. Героями борьбы с немцами являются во Пскове князь Довмонт, прибежавший во Псков из Литвы, в Новгороде — Александр Невский. Наблюдая одновременно с появлением татар на Руси наступательные действия против Руси новых пришельцев — рыцарей и старого врага — Литвы, мы можем сказать, что XIII век в русской истории — время создания той внешней обстановки, в которой впоследствии многие века действовало русское племя;

в XIII в. являются те враги, с которыми Русь сравнительно только недавно кончила борьбу. При таком значении века его героями становятся именно те люди, которые выдвинулись в этой борьбе с врагами: Александр Невский, Довмонт Псковский и Даниил Галицкий.

Удельный быт Суздальско-Владимирской Руси

Определив наше отношение к вопросу о татарском влиянии, мы можем обратиться к изучению основных отличий общественного быта в период удельный. Это — период, в который северо-восточная Русь раздробилась в политическом отношении на независимые один от другого уделы. За начало периода мы можем принять тот момент, когда князья начинают усваивать привычку, даже и владея Владимиром, жить в своих уделах, а окончанием периода можем считать княжение Ивана III, когда все крупные уделы уже объединились под властью Москвы. Таким образом, удельный период обнимает время от XIII до конца XV в., когда уже устанавливается единодержавие. Что же такое удел?

По литературным трудам вы составите себе понятие об уделе, как о территории, находящейся в потомственном владении какой-либо княжеской семьи. Такое определение наши исследователи дают уделам только с XIII в., с того времени, когда князья уже не переходят с удела на удел, а оседают в одной какой-нибудь местности и передают свои территории не в род, а по завещанию своему личному потомству. До XIII в. на юге мы видим волости, а не уделы. Однако необходимо оговориться, что термины «удельный», «удельно-вечевой» прилагаются иногда и к разным явлениям южнорусской жизни XI и XII вв., хотя и совсем неправильно. Под уделами и удельным периодом в своем изложении мы будем разуметь княжеские владения и все особенности древней жизни только в XIII и более поздних веках. Отличиями этого удельного периода являются: ослабление (а по взгляду некоторых, и полное отсутствие) государственного единства и господство частноправовых начал во всех сферах тогдашней жизни. Такая характеристика периода создалась на основании исследования трех преимущественно сторон удельного быта, отличных от быта Киевской Руси: 1) отношений князей к подвластной территории и населению, 2) отношений князей между собой и 3) положения общественных классов.

Исследование этого периода, именно его особенностей, сравнительно с более ранним и более поздним временем, началось не так давно. Прежде не выделяли в самостоятельный период русскую историческую жизнь с XIII до XV в. Так, Шлёцер брал для характеристики этого времени чисто внешний факт порабощения татарами и называл Русь в это время «Russia opressa». По представлению Карамзина, до Ивана III была одна эпоха —

«древнейшая», и «система уделов была ее характером». Особенности удельной эпохи первый указал С. М. Соловьев в своей диссертации «Об отношениях Новгорода к великим князьям» (М., 1845) и еще больше развил свой взгляд в своем исследовании «Об отношениях князей Рюрикова дома».

Схема русской истории, данная Соловьевым, нам известна. По его взгляду, Киевская Русь — родовая собственность князей, находящаяся в общем их владении. Порядок владения волостями там обусловлен родовыми счетами. Политическое положение каждого князя определяется его положением в роде, и нарушение этого положения другими князьями ведет к усобицам. Усобицы идут не за волости, потому что волости не принадлежат одному какому-либо князю, а за порядок владения волостями. Но в XII в. начинается разложение родового порядка благодаря младшим городам северной Руси, которые, получая особого князя, более ему подчиняются, чем старые, старшие города, что и позволяет князьям усилить свою власть. Князья, возвышая эти города в ущерб старым, смотрят на них, как на собственность, устроенную их личным трудом, и стараются как личное владение передать их в семью, а не в род. Благодаря этому родовое владение падает, родовое старшинство теряет значение, и сила князя зависит не от родового значения, а от материальных средств. Каждый стремится умножить свою силу и средства увеличением своей земли, своего удела. Усобицы идут уже за землю, и князья основывают свои притязания не на чувстве родового старшинства, а на своей фактической силе. Прежде единство земли поддерживалось личностью старшего в роде князя. Теперь единства нет, потому что кровная связь рушилась, а государство еще не создалось. Есть только уделы, враждующие за материальное преобладание,— идет «борьба материальных сил», и из этой борьбы, путем преобладания Москвы, рождается государственная связь. Итак, род, распадение рода и борьба материальных сил, государство — вот схема нашей истории. В ней три части. Средний период есть период *удельный*. По Соловьеву, это переходный период: в нем нет государственного единства,— каждый князь — хозяин своего хозяйства, его политика руководится видами «личных целей с презрением чужих прав и своих обязанностей». В этом периоде конец кровных связей, в нем зарождение связи государственной.

Иначе смотрит на дело К. Д. Кавелин. В своих трудах (Сочинения, т. I и II) Кавелин вносит поправки к историческим воззрениям Соловьева и именно к периоду удельному. По его мнению, возвышение младших городов — факт случайный, который не мог иметь влияния на изменения в гражданском быте. Князь-член рода естественно должен был замениться князем-хозяином вотчины. Крайнее развитие княжеского рода на Руси повело к его разложению и утрате родственных связей. Родовой быт сменился, естественно, семейным, родовое владение перешло, естествен-

но, в личное. При дробности уделов князья стали простыми вотчинниками-землевладельцами: «наследственными господами отцовских имений», а уделы — простыми вотчинами. Князья начали завещать эти вотчины как простое имущество, а не как государственную территорию; стало быть, род и родовое владение естественно заменялись семьей и частной собственностью; результатом же этой смены было падение политического единства и частный характер всей жизни и управления. Потом, при этом господстве частного быта, естественно развивается личное начало и, воплощаясь в личности московского князя, создает государственный порядок. Таковы черты удельного периода, из которого вышло государство московское: в этом периоде — полное господство частных начал.

Б. Н. Чичерин в статье «Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных» исходит из теоретических понятий права; желая определить физиономию удельного периода, он задает вопрос: на каком праве создалась удельная жизнь? «Исходная точка гражданского права,— говорит он,— есть лицо с его частными отношениями; исходная точка государственного права — общество, как единое целое». Изучение фактов удельной поры убеждает его, что в удельной жизни господствовало право частное. Князья в своих уделах не различали оснований, на которых владели городами и всей территорией удела, с одной стороны, и каким-нибудь мелким предметом своего обихода, вроде одежды и утвари,— с другой. В своих частных духовных завещаниях они одинаково распоряжались самыми различными предметами своего владения. Междукняжеские отношения регулировались договорами, а договор — факт частного права. Стало быть, ни в отдельных уделах, ни во всей русской земле не существовало ни государственной власти, ни государственных понятий и отношений в среде князей; не было их и в отношениях князей к населению. Сословий тогда не было, и каждый член общества связан с князем не государственными узами, а договорными отношениями. Одним словом, удельное общество есть «общество, основанное на частном праве». Впоследствии, путем фактического преобладания одного князя, образуется единовластие и государственный порядок.

Таким образом, все помянутые исследователи историко-юридической школы в сущности одинаково характеризовали удельный быт, как быт гражданский, частный, лишенный государственных установлений и понятий. Факты были собраны ими добросовестно, анализ фактов был талантлив, но точка зрения вызвала возражения со многих сторон от людей разных направлений.

Относительно удельного быта первый представил веские возражения профессор государственного права А. Д. Градовский («История местного управления в России», т. I). По его мнению, удельные князья, завещая по духовным грамотам волости

и рядом села, в сущности, передают своим наследникам разные предметы владения в волостях (т. е. административных округах) и селах. Села они передают целиком, как полную собственность, а в волостях завещаются ими потомству только доходы и права управления. Князья сознавали различие своего владения селом и волостью, и это служит для Градовского доказательством, что в удельном периоде существовали понятия, выходившие из сферы гражданского права и имевшие характер понятий государственных. Эти замечания Градовского вполне разделяет К. Н. Бестужев-Рюмин («Русская История», т. I). Он признает существование двух категорий владения, но думает, что логика людей XIV—XV вв. не могла их ясно различать и формулировать.

Между указанными мнениями становится В. О. Ключевский. В своем «Курсе» и в труде «Боярская Дума» он проводит резкую грань между Русью Киевской и Суздальской, северо-восточной. На северо-востоке иная почва и природа, чем на юге; иной физиологический и духовный склад народности (великоруссы), иные экономические условия жизни,— поэтому иными становятся и формы общественного быта. Общество северо-восточной Руси имеет характер преимущественно сельский, а князья приближаются к типу простых сельских хозяев. «Приближение княжеского владения к вотчинному владению частного собственника» видно из двух признаков: уделы 1) завещаются женщинам и 2) управляются княжескими холопами. Это признаки боярского землевладения в древней Киевской Руси. Но, сделавшись вотчинником, князь оставался и политической властью в уделе; он сохранял такие права, каких не имели другие, простые вотчинники. Впрочем, эти верховные права он понимал не в государственном смысле, а как важные статьи дохода, которые иногда уступал и другим лицам в виде льготы. Поэтому северо-восточный удельный князь может быть определен, как «вотчинник с правами государя, государь с привычками вотчинника». Князь вполне различал села от волостей по праву владения, но вполне их смешивал по способу эксплуатации.

Оригинальная попытка характеристики удельного периода сделана И. Е. Забелиным (см. в «Историческом Вестнике» за 1881 г. его статью «Взгляд на развитие московского единодержавия»). Характеристика эта совершенно лишена черт юридического определения. Единственной связью Русской земли в удельном периоде, по мнению Забелина, было чувство национального единства, жившее в народе. Князья совершенно забыли это единство и заботились о своем только уделе, и лучшим князем считался тот, кто лучше хозяйничал, лучше устраивал свой удел, «собирал его». Князьями-собирателями назывались не те князья, которые стремились к единодержавию, а те, которые лучше устраивали свое хозяйство; хозяйственные же и экономические наклонности князей зависели от наклонностей всего народонасе-

ления, по преимуществу, «посадского», «рабочего и промышленного». Тех князей, которые лучше хозяйничали (т. е. князей московских), народные симпатии постепенно поднимали на высоту национального государя.

Таковы главнейшие оценки удельного быта, существующие в нашей литературе. К чему же все они сводятся? Историко-юридическая школа дала нам картину частного быта в удельном периоде, понимая этот быт, как подготовительный или переходный к государственному бытию. На основании воззрений этой школы об уделе мы можем сказать, что *удел есть территория, подчиненная князю на праве гражданском, как частная земельная собственность, т. е. вотчина.* Однако некоторые исследователи находили в удельное время явления и понятия государственного порядка и поэтому отрицали исключительное господство в уделе частноправовых начал. На основании их воззрений мы можем сказать, что *удел есть территория, подчиненная князю наследственно и управляемая им на основании начал и государственного, и частного права, причем различие этих начал князьями чувствуется, но в практике не проводится.* В мнении Ключевского перевес на стороне явлений частного права. Хотя он признает политическое значение за княжеской властью, но проявления этой власти считает хозяйственно-административными приемами, а не государственною деятельностью. На основании его воззрений, мы можем сказать, что *удел есть вотчина с чертами государственного владения или государственное владение с вотчинным управлением и бытом.* Наконец, Забелин, с национально-экономической (если можно так выразиться) точки зрения на удельную жизнь, берет старое определение удела, но этому определению дает новую, не юридическую форму. По его представлению, *удел есть личное хозяйство князя, составляющее часть земли, населенной великорусским племенем.* Знакомясь со всеми существующими взглядами на удел, нетрудно заметить, что у всех исследователей принят один термин для обозначения существа удела. Этот термин — вотчина. Все признают, что этот термин возможен, но все разно определяют ценность этого термина. Одни видят тождество удела и вотчины, другие — только сходство (и то в разной степени). Нетрудно понять также, почему термин «вотчина» привился и имеет право на существование: с развитием удельного порядка, при постоянном дроблении уделов между наследниками многие уделы измельчали и фактически перешли в простые вотчины (как, например, многие уделы ярославской линии князей, в которых не бывало ни одного городка и было очень мало земли). Это обстоятельство измельчания уделов имеет значение, между прочим, и потому, что указывает на слабую сторону всех рассмотренных нами теорий об удельной эпохе. Все они как бы забывают, что княжеские удельные владения были крайне разнообразны по размерам: одни из них

были незначительны настолько, что ничем не могли отличиться от частного владения, а другие вырастали в громадные области (московский удел в XV в.). Эти-то последние уделы по своим размерам уже заставляют предполагать, что власть их владетелей должна отличаться некоторыми государственными чертами.

Принимая это во внимание, мы должны поставить определение удела так, чтобы избегнуть некоторой неточности и неполноты и в то же время не впасть в противоречие с установленными наукою взглядами. Кажется, мы достигнем этого, если скажем, что *удел северо-восточного князя есть наследственная земельная собственность князя, как политического владетеля* (как частный землевладелец, он владел селами), *собственность, по типу управления и быта подходящая к простой вотчине, а иногда и совсем в нее переходящая*.

Раз старинная княжеская «волость» заменилась «уделом», которым князь владеет как собственностью,— всякое основание политического единства исчезает, князья уже не имеют привычки вспоминать, что они «одного деда внуки» и что у них должен быть старший, который бы «думал-гадал» о русской земле. Только единство зависимости от татар оставалось у различных княжеских семей, а в остальном эти семьи жили особно. Каждая из них, разрастаясь, превращалась в род и, пока родичи помнили о своем родстве, имела одного «великого князя». Рядом с великим князем Владимирским были такие же князья в Твери, Рязани и т. д. И отношения между этими княжескими родами и семьями уже не имели ничего родственного, а определились *договорами*. Когда же дробление княжеских родов и земель достигало полного развития, договорами стали определяться даже отношения родных братьев. И нетрудно указать причины, по которым князья нуждались в договорах. Как личные землевладельцы-собственники, интерес которых заключался в увеличении личной, семейной собственности, князья заботились о *примыслах*, т. е. об увеличении своего имущества, движимого и недвижимого, на счет других князей. Они покупали и захватывали земли, они сберегали для себя ту дань, которая собиралась на татар, и иногда или вовсе, или частью не была им передаваема. Эти заботы о примыслах превращали князей в хищников, от которых страдали интересы их соседей. Для этих соседей договор являлся средством оградить свои интересы от насилия смелого и сильного князя или привлечения его в союз, или уступкой ему некоторых прав и выдачей обязательств. Договорами определялись и взаимные отношения заключивших их князей и единство их политики по отношению к прочим князьям и внешним врагам Руси. Если князья договаривались как равноправные владетели, они называли себя «братьями»; если один князь признавал другого сильнейшим или становился под его покровительство, он называл сильнейшего «отцом» или «братом старейшим», а сам назывался

«братом молодшим». Владимирский-Буданов склонен думать, что междукняжеские договоры, определяя точно взаимные отношения северо-русских княжеств, превращали эти княжества в «северно-русский союз». В XIV и XV вв. является в договорах понятие княжеской *службы*: служебный князь XV в., не теряя фактически распоряжения вотчиной, становится мало-помалу из государя простым вотчинником и слугой другого князя. По договорам можно проследить, как мелкие князья входят все в бо́льшую и бо́льшую зависимость от сильных, и, наконец, все впадают в полную зависимость от одного московского князя, причем удельные князья, передавая свои вотчины великому князю, сознательно передают ему верховные права на их вотчины, сохраняя в то же время в этих вотчинах права державного собственника. Эта зависимость одних князей от других любопытна в том отношении, что дает многие параллели с феодальным порядком Зап[адной] Европы. Совокупность князей северо-восточной Руси как бы делит между собой верховную власть, сливая ее права с правом простого землевладения. Будучи все «государями» в своих уделах, князья в то же время зависят один от другого, как вассалы от сюзерена. По земле устанавливаются разные виды зависимости, изучение которых в последнее время привлекает силы многих ученых. В особенности много работал над исследованием «феодализма на Руси» покойный П. Н. Павлов-Сильванский. Обзор же сделанного до сих пор по этому вопросу можно найти в книге проф. Кареева «Поместье — государство» (СПб., 1906. Приложение I).

Смешение начал государственного и частного, с преобладанием последнего, мы встречаем и в устройстве самого удельного общества и в отношении его к князьям. В отношении к князьям население делится на людей *служилых*, которые князю служат, и *тяглых*, которые ему платят. (Это термины позднейших времен, эпоха Московского государства, но они могут быть употреблены в данном случае, так как в XIII и XIV вв. для обозначения общественных групп не существовало определенных названий.) Во главе служилых людей стояли те лица, которые участвовали в княжеской администрации. Первым лицом финансового управления считался *дворский* (дворецкий), управитель княжеского двора. В попытках точно определить значение должности дворского ученые расходятся. Одни говорят, что дворский управлял вообще княжеским двором; другие — что он управлял только княжеским земледельческим хозяйством. В зависимости от дворского находились «казначей», «ключники», «тиуны», «посельские» (сельские приказчики). Должность казначея с течением времени становилась почетнее, и впоследствии она сделалась «боярскою»; в эпоху более древнюю и казначеи, и ключники часто выбирались из холопов. Все эти лица ведали дворцовое, т. е. частное княжеское хозяйство; во главе же правительственной администрации находились бояре. Им давались в управление города и волости.

Управляющие городом носили название «наместников», а управляющие волостью — название «волостеля». Из городов и волостей непосредственно бояре извлекали не только доходы для князя, но и средства на свое содержание, или «кормились» от населения; отсюда самая их должность носила название «кормлений», и таким образом провинциальное управление имело целью скорее содержание княжеских слуг, чем государственные потребности. Что же касается до участия бояр в *дворцовом* управлении, то здесь мы встречаемся с термином «путные бояре». «Путем» называлась статья княжеского дохода. Лицо, которому князь доверял управление «путем», называлось «путным боярином», если это был боярин, или «путником», если это не был боярин. Кроме «путных бояр», мы встречаем еще «введенных» и «больших» бояр. Что значили эти термины, точно до сих пор не объяснено. Бояре составляли думу князя и в ней пользовались большим значением, не меньшим, чем в Киевской Руси. Люди, занимавшие низшие ступени княжеской администрации, известны под именем «слуг» и «детей боярских» и «слуг под дворским»; последние не могли переходить, как бояре и слуги вольные, на службу от одного князя к другому, не теряя при этом своей земли. Вообще же княжеские слуги находились в двояком отношении к князю: они были или холопы князя, или же вольные его слуги, которые имели право перехода на службу от одного князя к другому, сохраняя при этом за собой свои земли (*вотчины*) в том уделе, откуда уходили. Только в одном случае бояре были безусловно обязаны службой тому князю, в уделе которого находились их земли, — если город, в области которого лежала *вотчина* боярина, был в осаде, то боярин был обязан помочь осажденному городу. Князь, имея таких вольных слуг, должен был им давать вознаграждение или «*жалованьем*» (деньгами и вотчинами) или «кормлением» (т. е. посылкою на должности «наместника» и «волостеля»). Кроме этих средств обеспечения вошло в обычай обеспечение «поместьем». *Поместьем называлась земля, данная во владение князем его слуге условно, т. е. до тех пор, пока продолжалась его служба.* Вопрос о времени и порядке возникновения поместий не решен. Известно, что в XIV в. поместья уже были, что видно, между прочим, из завещания Ивана Калиты. О происхождении системы поместий существуют различные мнения. Старые ученые (Неволин) смешивали *кормления* и *поместья* в один вид условного владения и говорили, что поместья произошли от кормления; но между тем и другим существует громадная разница: в кормление давались области на праве публичном, т. е. давалось право сбора дани за обязанность управления. Поместье же давалось на частном праве, как владение за службу лица, из сел, принадлежавших лично князю.

Люди, не принадлежавшие к служилому сословию, т. е. люди «тяглые», разделились на *купцов*, или *гостей*, и людей «черных», «численных», позднее «крестьян». Купцов в северо-восточной Ру-

си было немного, так как торговля не была особенно развита, и они не были особым сословием с известными юридическими признаками: купцом мог быть всякий по желанию. Люди черные или численные жили или на своих собственных землях, или на землях владельческих (т. е. монастырских, боярских), или же на княжеских землях, так называемых «черных». Крестьяне на черных землях платили за пользование ею князю дань и оброк; крестьяне на владельческих землях, платя подати князю, в то же время платили оброк и землевладельцу деньгами, натурой или барщиной и пользовались правом перехода от одного землевладельца к другому.

Новгород

Центром исторической жизни северной Руси в удельный период, кроме Суздальско-Владимирского княжества, был Новгород. Он представлял собой целое государство, возникшее и жившее своеобразно и пришедшее в упадок благодаря внутренним неурядицам. Вследствие оригинальных особенностей своей жизни, которыми он так отличался от других русских областей, Новгород обращает на себя внимание многих исследователей, так что мы имеем обширную литературу, посвященную его истории. Важнее прочих труды: *Беляева «История Новгорода Великого»* в его «Рассказах по Русской Истории», кн. 2-я; *Костомарова «Севернорусская народоправства»* в его «Исторических монографиях и исследованиях», т. VI и VIII; *Пассека «Новгород сам в себе»* в «Чтениях Имп. Общ. Истории и Древностей», 1869, кн. IV, и в сборнике Пассека «Исследования в области Русской Истории». М., 1870; *Никитского,* а) «Очерк внутренней истории Пскова». СПб., 1873, б) «Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде». СПб., 1879, и в) «История экономического быта Великого Новгорода». М., 1893.

О племени, издревле населявшем Новгород, существует много различных мнений. Некоторые ученые, как, например, Беляев и Иловайский, считают новгородских славян тождественными с кривичами, жившими в областях Полоцкой и Смоленской. Костомаров считает их южноруссами, так как говор новгородских жителей схож с южнорусским; Гильфердинг сближал новгородских славян с балтийскими. Местность, заселенная новгородскими славянами, была болотиста, лесиста и малоплодородна, вследствие чего в этом крае особенно развились торговля, промышленность и колонизация; этому много способствовал и энергичный, смелый и предприимчивый характер населения, близость судоходных рек и положение Новгорода на главном торговом пути «из Варяг в Греки». Главным городом новгородских славян был Новгород. Вопрос о времени его происхождения очень темен. В «Повести временных лет» есть известие о том, что

Новгород стоял во главе племен, признавших варягов, следовательно, в IX в. он уже достиг большой влиятельности и силы. Существует мнение, что Новгород вырос из старых отдельных поселений, которые потом получили названия «концов». Город был расположен по обеим сторонам реки Волхова, недалеко от озера Ильменя. Волховом Новгород делился на две «стороны»: одна из них, восточная, носила название «Торговой» от находящегося здесь рынка, другая — «Софийской» — от храма во имя святой Софии. Новгородская крепость называлась «детинец», или кремль. Стороны делились на пять «концов». Концы, по всей вероятности, были первоначально отдельными слободами, а так как население постепенно двигалось к центру, то место, которое было слободой, становилось концом. То, что концы были отдельными самостоятельными слободами, подтверждается их особым управлением, частыми враждебными столкновениями между ними. Кругом Новгорода лежали громадные пространства земли, принадлежавшие Новгороду и называвшиеся «землей св. Софии». Эта земля делилась на пятины и области. Число пятин соответствовало числу концов. К северо-востоку от Новгорода, по обеим сторонам Онежского озера, лежала пятина *Обонежская*; к северо-западу, между Волховом и Лугой,— *Водьская;* к юго-востоку, между Мстой и Ловатью,— пятина *Деревская;* к юго-западу, по обеим сторонам реки Шелони,— *Шелонская;* наконец, на юго-востоке простиралась пятина *Бежецкая*. В пятинах находились пригороды Новгорода: Псков, Изборск, Великие Луки, Старая Русса, Ладога и др. Пригороды были в зависимости от Новгорода, принимали участие в его делах и призывались на новгородские веча; из них только Псков в XIV в. достиг государственной независимости и стал называться «младшим братом Новгорода». За пятинами находились новгородские «волости» или «земли», имевшие отличное от пятин устройство; число их в разное время было различно. Среди них самое видное место занимали *Заволочье* и *Двинская* земля, лежащие за водоразделом бассейна Онеги, З[ападной] Двины и Волги. К востоку простиралась *Пермская* земля, лежащая по рекам Вычегде и Каме; к северо-востоку от Заволочья и Пермской земли находилась волость *Печора*, расположенная по реке Печоре; по другую сторону Уральского хребта земли *Югра*, а на берегах Белого моря земля *Терская*, или «Тре», и др.

Ход обособления Новгорода и условия, создавшие особенности новгородской жизни. Если мы всмотримся в историю Новгорода, то заметим такие особенности новгородской жизни, которых нет в южной Руси. Первоначально Новгород был в таком же отношении к великому князю, как и другие города. При переселении из Новгорода в Киев Олег обложил его данью в триста гривен и назначил ему посадника; при следующих князьях положение Новгорода было одинаково с положением прочих городов древней Руси, и это продолжается до XII в. С половины же XII в. мы

встречаем в новгородской жизни ряд явлений, существенно отличающих ее от жизни других областей. Отдаленность от Киева заставляет князей считать Новгород в числе не самых важных волостей, и таким образом Новгород, не будучи предметом княжеских распрей, мало-помалу освободился от давления князя и дружин и мог на просторе развивать свой быт. Неплодородие почвы заставило новгородцев искать занятий помимо земледелия, вследствие чего, как уже выше было сказано, в Новгороде сильно была развита промышленность и торговля, обогатившая его. О торговом значении Новгорода мы имеем многочисленные известия в летописи. Об обширности торговых сношений Новгорода свидетельствуют восточные монеты, находимые в большом количестве в бывших новгородских землях. Новгород торговал и с Грецией и с Западом. Когда торговое значение балтийских славян перешло к острову Готланду, тогда Новгород вел с ним торговлю, а в XII в., когда торговое преобладание перешло к ганзейскому городу Любеку, новгородцы помимо Готланда завели торговые сношения с немцами, на что указывают дошедшие до нас договоры, в которых определяются отношения немецких, готландских и русских купцов. При постоянно возрастающем торговом могуществе Новгорода распри князей из-за уделов и их частая смена в Новгороде уронили их авторитет перед новгородцами и дали возможность окрепнуть и узакониться двум особенностям новгородской жизни, помогшим политическому обособлению Новгорода: *договорам с князьями и особому характеру выборной администрации.* «Ряды» с князьями, имевшие целью определить отношение князя к Новгороду, скрепляемые обыкновенно крестным целованием, мы встречаем уже в XII в., хотя условий этих договоров до второй половины XIII в. не знаем. Так, например, до нас дошло известие о ряде Всеволода-Гавриила в 1132 г. В 1218 г., когда новгородцы на место Мстислава Удалого, князя торопецкого, призвали Святослава Смоленского, то последний потребовал смены посадника Твердислава «без вины», как он объявил. Тогда новгородцы заметили ему, что он *целовал крест* без вины мужа должности не лишать. Из дошедших до нас древнейших договорных грамот с Ярославом Тверским в 1264—1265 и 1270 гг. мы можем вполне определить отношение князя к Новгороду, степень его власти и круг его деятельности. Князь не мог управлять иначе, как под контролем посадника, получая определенный доход; он и его дружина не имели права приобретать в собственность земли и людей. Право суда было тоже точно определено: князь должен был судить в *Новгороде и с содействием посадника.* Кроме того, князь обязан был не только дать льготы для торговли новгородским купцам в своем уделе, но и вообще покровительствовать ей. Фактическое положение князя зависело от силы партии, которая его призвала, от отсутствия сильных соперников и от личности самого князя. Помощник князя в управлении, «посадник», при первых князьях

назначался князем и служил представителем его интересов перед новгородцами. С половины XII в. мы замечаем обратное: посадник уже избирается новгородцами и служит представителем Новгорода перед князем. Около этого времени и должность тысяцкого становится выборной. В управлении Новгорода большое значение имеет епископ (позднее архиепископ) — высшее духовное лицо. До XII в. епископ назначался митрополитом из Киева, так как Новгород в это время находился в зависимости от Киева, а в 1156 г. новгородцы сами избрали себе в епископы Аркадия и через два года послали его в Киев для посвящения. После этого новгородцы всегда сами избирали епископов (впрочем, Аркадий *назначил* себе преемника). Вскоре установился порядок выбора епископа из 3 кандидатов (назначаемых вечем), причем три жребия с именами трех намеченных в иерархи лиц клали на престол в храм св. Софии и давали мальчику или слепому взять два из них; чей жребий оставался, тот считался избранным Божьей волею и посылался на утверждение киевского митрополита. Таким образом, путем рядов и установлением выборных властей Новгород выделился политическим устройством из ряда других областей. Высшим политическим органом в Новгороде стало с этих пор вече, а не княжеская власть, как это было в то время в северо-восточной Руси.

Устройство и управление. Новгородское вече, по своему происхождению, было учреждением однородным с вечами других городов, только сложившимся в более выработанные формы; но оно тем не менее не было вполне благоустроенным, постоянно действующим политическим органом. Вече созывалось не периодически, а тогда, когда в нем была надобность, князем, посадником или тысяцким на Торговой стороне города, на Ярославском дворе, или же звонили вече по воле народа, на Торговой или на Софийской стороне. Состояло оно из жителей как Новгорода, так и его пригородов; ограничений в среде новгородских граждан не было, всякий свободный и самостоятельный человек мог идти на вече. Вече призывает князей, изгоняет их и судит, избирает посадников и владык (архиепископов), решает вопросы о войне и мире и законодательствует. Решения постановлялись единогласно; в случае несогласия вече разделялось на партии, и сильнейшая силой заставляла согласиться слабейшую. Иногда, как результат распри, созывались два веча; одно на Торговой, другое на Софийской стороне; раздор кончался тем, что оба веча сходились на Волховском мосту, и только вмешательство духовенства предупреждало кровопролитие. При таком устройстве веча ясно, что оно не могло ни правильно обсуждать стоящие на очереди вопросы, ни создавать законопроекты; нужно было особое учреждение, которое предварительно разрабатывало бы важнейшие вопросы, подлежащие решению веча. Таким учреждением был в Новгороде особый *правительственный совет,* называемый немцами «Herren», «совет господ», так как этот правительственный совет

состоял из старых и степенных посадников, тысяцких и сотских и носил аристократический характер; число его членов в XV в. доходило до пятидесяти. Указания на существование такого совета в научной литературе появились не особенно давно; долгое время историки и не подозревали о его существовании, так как это учреждение никогда не получало правильного юридического устройства. Честь его исследования принадлежит Никитскому.

Главной исполнительной властью в Новгороде был «посадник», пользовавшийся большим значением; как представитель города, он охранял интересы его перед князем. Без него князь не мог судить новгородцев и раздавать волости; а в отсутствие князя он управлял городом, часто предводительствовал войсками и вел дипломатические переговоры от имени Новгорода. Определенного срока службы для посадника не было: он правил, пока его не отставляло вече, и его отставка значила, что партия, представителем которой он был, потерпела поражение на вече. В посадники мог быть избран каждый полноправный гражданин Новгорода, но по летописи видно, что должность посадника сосредоточивалась в небольшом числе известных боярских фамилий,— так, в XIII и XIV вв. из одного рода Михаила Степановича избрано было 12 посадников. Посадник не получал определенного жалованья, но пользовался известным доходом с волостей, называемых «поралье». Рядом с посадником видим другого важного новгородского сановника — «тысяцкого». Характер власти тысяцкого темен; немцы называют его «Herzog», стало быть, эта власть военная, на это намекает и русское название «тысяцкий», т. е. начальник городского полка, называемого тысячей. Он, насколько можно судить, является представителем низших классов новгородского общества, в противоположность посаднику. У тысяцкого был свой суд; городская тысяча делилась на сотни, с сотским во главе, которые подчинялись тысяцкому. Кроме посадника, тысяцкого и сотских, в Новгороде замечаем еще территориальные власти — это старосты концов и улиц, а концы и улицы представляли из себя автономные административные единицы. Что касается до областной жизни Новгорода, то вопрос об управлении областей очень смутен. Все пятины Новгорода, за исключением Бежецкой, своими пределами доходят до Новгорода; на основании этого можно предположить, что новгородские пятины первоначально были маленькие области, примыкавшие к концам и управлявшиеся кончанскими старостами. С распространением новгородских завоеваний каждая завоеванная область приписывалась к тому или другому концу, так что увеличение новгородской территории шло вдаль от Новгорода по радиусам окружности. Но нельзя скрыть, что это предположение гадательное, основанное на совпадении числа пятин и концов и на аналогии со Псковом, где все пригороды были приписаны к городским концам. Что касается до документальных свидетельств, то они заключаются лишь в одном темном месте записок Герберштейна

о России: Герберштейн говорит о Новгороде, что Новгород имел обширную область, разделенную на пять частей (Latissimam ditionem, in quinque partes distributam habebat); далее он говорит, что каждая из них ведалась у своего начальника, и житель мог заключать сделки только в своей части (in sua dumtaxat civitatis regione). Здесь являются два труднопереводимых места: во-первых, каким словом надо перевести «ditio»? место, занимаемое городом? территория, занимаемая государством? или государственная власть, как это слово понималось в классической латыни? и, во-вторых, что надо понимать под словом «civitas», город или государство? Что касается до толкования этого места Герберштейна в русской науке, то мнения расходятся. Неволин, Беляев, Бестужев-Рюмин под ним понимают только город, а Ключевский и Замысловский склонны видеть здесь всю новгородскую территорию. Таким образом, вопрос об управлении пятин остается нерешенным. Что касается до новгородских пригородов и волостей, то известно, что Новгород предоставляет им полную внутреннюю самостоятельность,— так, Псков имел своего князя и право суда, а пример Двинской земли с ее собственными князьями говорит о малой зависимости от Новгорода и его властей. Таким образом, политической формой новгородской жизни была демократическая республика,— демократическая потому, что верховная власть принадлежала вечу, куда имел доступ всякий свободный новгородский гражданин. Но хотя все свободное население Новгорода принимало участие в управлении и суде, тем не менее оно, при полном политическом равенстве, представляется нам разделенным на разные слои и классы. В основе этого деления легло экономическое неравенство. Оно, создав сильную аристократию, имело важное влияние на развитие и падение Новгорода, при нем не осуществлялось должным образом и политическое равенство.

Новгородское население делилось на *лучших* и *меньших* людей. Меньшие не были меньшими по политическим правам, а лишь по экономическому положению и фактическому значению. Экономическим неравенством, при полном равенстве юридическом, и обусловливаются новгородские смуты, начиная с XIV столетия; под экономическим давлением высших слоев масса не могла пользоваться своими политическими правами — являлось противоречие права и факта, что дразнило народ и побуждало его к смутам. В более раннюю пору новгородской жизни, как это видно по летописям, смуты возникали из-за призвания князей: князья, призываемые в Новгород, должны были открыть новгородцам, по замечанию Пассека, торговлю в других частях Руси, и при призвании князя принималось в расчет — какая область всего удобнее для новгородской торговли, при этом сталкивались интересы разных кружков новгородской аристократии, крупных новгородских торговцев. Таким образом, до XIV в. смуты возникали из-за торговых интересов и происходили в вы-

сших классах. Но с XIV в. обстоятельства переменились. Усиление Москвы, с одной стороны, и Литвы, с другой, уменьшив число князей, упростило вопрос о призвании их, и он перестал быть источником смут: но вместе с тем в XIV в. сильно увеличилась в Новгороде разница состояний, вследствие чего смуты не уменьшились, а только приняли другой характер,— мотивы торгово-политические сменились экономическими. Эти-то смуты и содействовали полному упадку Новгородского государства.

Кроме общего разделения на «лучших и меньших» людей встречаем деление новгородского населения на три класса: *высший класс — бояре, средний — житьи люди* и *купцы* и *низший — черные люди.* Во главе новгородского общества стояли *бояре*: это были крупные капиталисты и землевладельцы. Обладая большими капиталами, они не принимали, насколько можно судить, прямого участия в торговле, но, ссужая своими капиталами купцов, торговали через других и таким образом стояли во главе торговых оборотов Новгорода. Многих ученых занимал вопрос, каким образом явилось боярство, которое в древней Руси обыкновенно создавалось службой князю, в том краю, где княжеская власть была всегда слаба. *Беляев* объясняет его происхождение развитием личного землевладения, образование больших боярских вотчин он относит еще к тому времени, когда Новгород не обособился от остальной Руси; *Ключевский* же говорит, что новгородское боярство вышло из того же источника, как и в других областях; этим источником была служба князю, занятие высших правительственных должностей по назначению князя,— князья, приезжая в Новгород, назначали тысяцких и посадников, по его мнению, из туземцев, которые приобретали сан боярина, сохраняли его за собою и передавали потомству. Следует отдать предпочтение первому мнению. Следующий класс составляли «*житьи люди*». По мнению одних, это — новгородские землевладельцы, по мнению других — средние капиталисты, живущие процентами со своих капиталов. За ними следовали *купцы,* главным занятием которых была торговля. Купцы делились на сотни и основывали купеческие компании, куда принимали внесших 50 гривен серебра; каждый член такого купеческого общества в своих торговых оборотах пользовался поддержкой своей общины. Вся остальная масса народа носила название «*черных людей*». К ним принадлежали жившие в городах ремесленники, рабочие и жившие в погостах смерды и земцы. Под земцами, как кажется, следует подразумевать мелких землевладельцев, а что касается до смердов, то, по мнению Костомарова, это были безземельные люди, а по мнению Бестужева-Рюмина, все сельское население Новгородской области. Противоречие экономического устройства новгородской жизни политическому, как сказано выше, было причиною смут Новгорода и ускорило падение его вечевой жизни. В XV в. управление фактически перешло в руки немногих бояр, вече превратилось в игрушку немногих боярских фамилий,

которые подкупали и своим влиянием составляли себе большие партии на вече из так называемых «худых мужиков вечников», заставляя их действовать в свою пользу; таким образом, с течением времени новгородское устройство выродилось в охлократию, которая прикрывала собой олигархию. Другой причиной политической слабости Новгорода, кроме внутреннего сословного разлада, было равнодушие областей к судьбе главного города, вследствие чего, когда Москва стала думать о подчинении Новгородской области, она незаметно достигла этого подчинения и не встретила крепкого отпора со стороны новгородского населения. Таким образом, причина падения Новгорода была не только внешняя — усиление Московского государства, но и внутренняя; если бы не было Москвы, Новгород стал бы жертвою иного соседа, его падение было неизбежно, потому что он сам в себе растил семена разложения.

Псков

Псков, один из пригородов Новгорода, расположенный на конце новгородских владений, на границе Руси и Литвы, по соседству с немцами, играл роль передового русского поста на Западе и добросовестно исполнял свою задачу — задержать немцев в их движении на русские земли. Псков, по своему внутреннему устройству, подходил к Новгороду — то же вече, как господствующий орган правления, та же посадничья власть (два посадника), подобные новгородским сословные деления. Только Псков был централизованнее и демократичнее. А это, наряду с местными особенностями жизни, дало другое содержание истории Пскова. Псков, как город с малой территорией, достиг централизации в управлении, которой не мог достигнуть Новгород. Пригороды Пскова были или административные или военные посты, которые выставлял Псков на литовской и ливонской границе, но эти пригороды не имели самостоятельности. Псков настолько владел ими, что переносил их с места на место и налагал на них наказания. Благодаря малой территории, боярские владения не достигли во Псковской земле таких размеров, как в Новгороде, вследствие чего не было большой разницы состояний; низшие классы не находились в такой зависимости от высших, и боярский класс не был таким замкнутым, как в Новгороде. С другой стороны, бояре не держали в своих руках политическую судьбу Пскова, как это было в Новгороде. Вече, которое во Пскове было мирным, избирало обыкновенно двух посадников (в Новгороде же вече избирало только одного), часто их сменяло и успешнее контролировало. Все общество имело более демократический склад с преобладанием средних классов над высшими. Того внутреннего разлада, какой губил Новгород, не было. Самостоятельность Пскова пала не от внутренних его болезней, а от внешних

причин,— от усиления Москвы, которым выражалось стремление великорусского племени к государственному объединению.

Литва

Рядом с расцветом политической жизни в Новгороде и Суздальско-Владимирской Руси мы замечаем оживление и усиление Волыни и особенно Галича. «Центр жизни перешел в Руси южной от Днепра к Карпатам,— говорит проф. Бестужев-Рюмин;— это перенесение средоточия исторической жизни становилось заметным уже давно, хотя князья продолжали добиваться Киева и перед самым почти взятием его татарами велись из-за него распри... но несмотря на эти распри Киев уже пал еще после взятия его войсками Боголюбского» (1169)... Жизнь историческая нашла себе новое русло: руслом этим была земля галицкая. Но Мономаховичам, утвердившимся на Волыни и в Галиче, пришлось бороться за власть с могучим галицким боярством, которое выросло там в независимую от князя политическую силу и выносит большое давление иноземных соседей: татар, поляков, угров и литвы. Открытая война и дипломатическая игра с этими соседями окончилась победой не Галича. Волынь перешла под власть Литвы в середине XIV в., а за обладание Галичем та же Литва спорила с 1340 г. с Польшей. Галичу выпала недолгая слава, и та миссия соединения южной и западной Руси, которая, казалось, была суждена именно Галичу, перешла от него к Литве.

Благодаря тому, что Литовское государство составилось преимущественно из *русских* областей, жило общей политической жизнью с *Польшей* и имело постоянные, хотя и враждебные сношения с *немцами*, оно заинтересовало своей судьбой не только русских, но и польских и немецких историков; в немецкой и польской литературах есть очень серьезные труды по литовской этнографии и истории. Немецкая литература располагает такими солидными сочинениями, как *Voigt*, Geschichte Preussens (1827—1837) *Röppel* und *Caro*, Geschichte Polens (1840—1869). В польской литературе после старых баснословий, вроде Нарбута (Dzieje starozytne narodu Litewskiego и др.) и Лелевиля (Dzieje Litwy i Russi и др.) явились очень хорошие монографии по литовской истории, например: Стадницкого (ряд монографий о литовских князьях: Sunowie Gedumina и др.), Вольфа (*Wolff*, Ród Gedumina), Смольки (*Smolka Szkice historyczne* и др.), Прохаски (*Prochazka*, Ostatni lata Witolda, 1882; Szkice historyczne z XV weku, 1884) и ряд прекрасных изданий памятников в сборнике «Monumenta medii aevi historica, res gestas Poloniae illustrantia» (в котором принимают участие и другие ученые: Соколовский, Шуйский, Левицкий). Что касается русских ученых, то они прежде мало обращали внимания на историю Литвы, и только в последнее время развилось сознание, что Литва была государством по

населению русским и что изучение ее, с точки зрения этнографической и исторической, составляет интерес первостепенной важности для русского историка. В Литве, история которой шла иным путем, чем история Москвы, сохранились чище и яснее некоторые черты древнерусской жизни, и русское общество в Литве осталось в своей массе верным своей народности, хотя и поставлено было в тяжелые условия жизни и развития. Из старых историков Карамзин в своей «Истории Государства Российского» почти ничего не говорит о Литве; Соловьев, хотя и отмечает литовские события, но отдел о Литве у него менее обработан, чем история Московской Руси. В трудах ученых позднейшего времени история Литвы выступает в более полном виде. Отметим из более ранних монографий: *Владимирского-Буданова*, «Немецкое право в Литве и Польше» и др.; *Васильевского* «Очерк истории города Вильны» и др.; *Антоновича* «Очерк истории Великого княжества Литовского» (в «Монографиях по истории западной и юго-западной России», т. I, 1885 г.; *Дашкевича* «Заметки по истории Литовско-Русского княжества». Для первоначального руководства следует взять только что названный труд Антоновича, у которого находится свод достоверных известий о Литве с начала ее истории до уний с Польшей; обстоятельный критический обзор этого труда составлен Дашкевичем в его «Заметках»; Антонович и Дашкевич взаимно дополняют один другого, и в их трудах мы имеем первую научно-достоверную историю Литвы. Затем в «Истории России» *Иловайского* история Литвы излагается на разных правах с историей Москвы. Подробные обзоры литовской истории находим также в «Русской Истории» *Бестужева-Рюмина.* Наконец, в позднейшие годы появились монографии: *Владимирского-Буданова*: «Поместья Литовского Государства», «Формы крестьянского землевладения в Литве» и др.; *Любавского* «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства» и «Литовско-русский сейм»; *Леонтовича* «Очерки истории литовско-русского права»; *Максимейко* «Сеймы Литовско-Русского государства до 1569 г.»; *Лаппо* «Великое княжество Литовское» во 2-й половине XVI в. (два тома); *Довнар-Запольского* «Государственное хозяйство вел. княжества Литовского» и «Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI в.». Из популярных изложений литовской и западнорусской истории следует упомянуть: *Беляева* «Рассказы из русской истории», т. IV; *Кояловича* «Чтения по истории Западной России» и превосходный курс проф. *М. К. Любавского* «Очерк по истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» (М. 1910).

Племя, известное под названием литовского, является рассеянным с давних пор на Балтийском поморье, между Западной Двиной и Вислой; на востоке оно распространяется на весь почти бассейн реки Немана и своими крайними южными поселениями достигает до среднего течения Западного Буга. Литовцы, как

можно заключить по остаткам литовского языка, составляли самостоятельную ветвь арийского племени, близкую славянам. По немногочисленным сведениям, дошедшим до нас о первоначальном быте литовцев, мы можем указать в X и XI вв. следующие народности или племена, на которые распалось литовское племя: на севере литовской территории, на правой стороне Двины жило племя, называемое летгола; к югу от него по левому берегу Двины — жемгола или семигола; на полуострове между Балтийским морем и Рижским заливом — корс или куроны; к западу между устьем Немана и Вислы — пруссы. Они разделялись на десять колен; название двух прусских колен «судинов» и «галиндов» находим у Птоломея, писателя II в. по Р. X. Он помещает их на тех же местах, где они были позже, на основании чего ученые склонны думать, что литовское племя поселилось у Балтийского моря очень рано. По бассейну Немана жили: жмудь по нижнему течению и литва по среднему течению. Наконец, по реке Нареву простирались поселения последнего литовского народа ятвягов. Что касается до быта литовцев в древности, то, как замечено было выше, сведения о нем скудны. Религия их состояла, вероятно, в поклонении силам природы. Исторические известия об именах литовских божеств (за исключением разве Перкуна) и религиозных обрядах (за исключением немногих) подвергаются сильному подозрению со стороны позднейших ученых и часто опускаются в ученых трудах. По дошедшим до нас сведениям можем заключить, что у них существовал очень влиятельный класс жрецов, находящихся в подчинении у главного жреца Криве или Криво-Кривейто, который пользовался громадным уважением. Характерной чертой быта литовцев было отсутствие первых начал государственности, которые, например, у славян выражались основанием городов. В древнейших летописях, описывающих походы русских на Литву, не упоминается о городах на литовской территории. Время их возникновения Антонович относит лишь к XIII в., ссылаясь на летописи, которые впервые под 1252 г. упоминают о литовских городах: «Ворута» и «Твереметь» (Ворута был расположен в местности, занятой племенем литвой, а Твереметь — в местности, занятой жмудью). Дашкевич говорит, что летописи под 1252 г. упоминают не об основании городов, а об их существовании; основаны они были, по его мнению, немного раньше. Наряду с отсутствием в древнейшей Литве городов, как объединяющих центров, заметно и полное отсутствие политической власти. До половины XIII в. польские и немецкие летописи, описывая столкновения литовцев с соседними народами, не только не называют литовских вождей, но не упоминают о существовании каких бы то ни было правителей; до половины XIV в. упоминаются лишь вожди, но власть их простиралась на незначительные округа; в летописях на незначительном пространстве территории обыкновенно указывают на целую группу таких начальников. Это были скорее представители

отдельных родов, чем племенные правители. Таким образом, литовское племя до половины XIV в. не только не составляло государства, но даже сплоченных племен, а представляло массу небольших волостей, управляемых независимыми вождями без всякой политической связи между ними. Только тождество происхождения, быта, языка, преданий и религиозного культа объединяло отдельные части этого племени. Но опасность со стороны внешних врагов заставила литовцев ускорить процесс своей политической организации и заменить опиравшуюся на нравственное влияние власть жрецов властью князей. Этими врагами были немецкие рыцари, которые с начала XIII в. появились на окраинах литовской земли с целью обращения литовцев в христианство и вместе с тем в крепостную зависимость от победителей. К концу XIII в. немцы подчинили себе пруссов, земли летголы и жемголы и приблизились к поселениям собственно литвы и жмуди; но эти народы, в то время как их современники боролись с немцами, успели уже создать довольно крепкий государственный строй и оказали сильное сопротивление последним; этому помогли те отношения, в какие стали литва и жмудь в XIII в. к русским. Одновременно с возвышением Владимирской Руси (в XIII в.) русские западные княжества, соседние литовскому государству,— Смоленское, Полоцкое и другие,— вследствие нападений внешних врагов и внутренних неурядиц, слабеют и делятся на мелкие части. Междоусобиями русских князей пользуются литовцы, которых сами русские призывают на помощь и вмешивают в свои распри. Они, помогая той или другой стороне, вторгаются в жизнь русских и пользуются этим для своих собственных целей. Раньше всего литовцы вмешиваются во внутренние дела Полоцкой земли, знакомятся с ее положением, свыкаются с мыслью о ее слабости и внутреннем устройстве. С конца XII в. литовцы уже не ограничиваются участием в полоцких междоусобиях, но начинают предпринимать походы с целью территориального захвата. С XIII в. литовцы начинают вторгаться и в другие русские княжества, так, например, в Новгородскую землю, в Смоленское и Киевское княжества. Кто были первые литовские князья, неизвестно; самые ранние известия о них, и то легендарные, дошли до нас только от XIII в. В XIII в., по литовским преданиям, Эрдивил, современник Батыя, предпринял поход на русские земли и завладел Городном; в то же время другой литовский князь — Мингайло предпринял будто бы поход на Полоцк и основал в нем второе литовское княжество. Эти известия о первых литовских княжествах на русской почве, однако, недостоверны. Первое достоверное княжение — княжение Миндовга. Миндовг, сын Ромгольда, около 1235 г. завладел русским городом Новгородском (Новогрудеком) и основал там полурусское, полулитовское княжество. Расширяя свои владения на счет русских и литовцев, он действовал с помощью русских против литовцев и с помощью литовцев против русских. В стремлении

к расширению своего княжества он встретился с двумя врагами: с возвышавшимся на юге Галицким княжеством и с Ливонским орденом. Миндовгу (точнее, его сыну Войшелку) удалось заключить договор с галицким князем Даниилом, под условием уступки Роману, сыну Даниила Галицкого, русских земель, занятых Миндовгом Литовским, но с признанием верховной власти Миндовга над этими землями. Этот договор, выгодный для Миндовга, был скреплен брачным союзом дочери Миндовга с сыном Даниила Шварном. Что касается Ливонского ордена, то Миндовг умиротворил его, приняв крещение в 1250 г. и выдав ордену грамоты на литовские земли, ему прямо не принадлежащие. Так завязывалось и формировалось первое Литовское княжество, распавшееся, однако, после Миндовга, убитого вследствие заговора против него удельных князей.

После его смерти в Литве произошли междоусобия, вследствие которых Литовское княжество в значительной степени потеряло приобретенную при Миндовге силу и внутреннюю связь; однако оно уже настолько окрепло при Миндовге, что не могло окончательно разложиться после его смерти. Основателем же могущества Литовского княжества считается *Гедимин*, хотя и предшественник его Витень много сделал в этом отношении.

О происхождении Витеня и Гедимина и времени их вокняжения летописи не дают точных сведений. В рассказах летописцев мы встречаем известия о военной деятельности Витеня (1293—1316) и Гедимина (1316—1341), причем характер их военных действий указывает на новый переворот, происшедший во внутреннем строе Литовского княжества. У Витеня и Гедимина были уже дисциплинированные войска вместо прежних нестройных ополчений. Войска эти предпринимают осаду городов, умеют брать приступом укрепления, им знакомо употребление осадных орудий. Литва защищена не только дремучими лесами и болотами, но укреплениями, замками и городами, жители которых несут правильно распределенные государственные повинности и главным образом обязаны защищать свои города и крепости. Перемена в организации военных сил государства произошла от прилива русской народности, на которую главным образом опирались литовские князья; доказательством этого служат известия летописей, в которых постоянно встречаются названия ополчений Витеня и Гедимина не литовских только, а литовско-русских. Участие русских не ограничивалось только военной помощью литовским князьям; они участвуют в дипломатических делах, правят посольства от литовских князей, имеют влияние и на внутреннее управление Литвы. Так, главным сподвижником Гедимина был русский человек *Давид* — воевода Гродненский. По дошедшим о нем сведениям, он занимал высокое положение в стране, пользовался большим влиянием на внутреннее управление Литвой; по словам литовских источников, он занимал первое место после великого князя; кроме того, ему была поручена

охрана одной из важнейших крепостей, Гродны, и начальство над армиями в тех походах, в которых Гедимин лично не принимал участия; в одном из таких походов Давид был изменническим образом убит одним мазовецким князем Андреем.

Гедимин, как и его предшественники, держался завоевательной политики; однако летописи и предания часто приписывают ему завоевание таких областей, которые или были покорены Литвой уже после его смерти, или же были присоединены к Литве мирным образом. (Так, например, мы находим в летописях известия о походе Гедимина на Волынь и Киев в 1320 г., причем летописцы передают это, как достаточно верный факт; изображают битвы, результатом которых якобы явилось подчинение Волыни и Киева; между тем из более подробного изучения этих рассказов и сличения с более достоверными источниками видно, что это вымысел.) При таких недостоверных источниках историческая критика может только указать на некоторые земли, присоединенные Гедимином к Литве: Киевскую, Полоцкую, Минскую, Туровскую, Пинскую и Витебскую. Когда мы сообразим количественное отношение территорий, населенных русскими и литовцами, то увидим, что около *двух третей территории* было занято русскими, так что в первой четверти XIV в. Литовское княжество приобрело значение сильного центра, около которого группировались более слабые русские области. Московское государство находилось в таком же положении; политика как московских, так и литовских князей была одинакова: те и другие стремились стягивать более слабые русские области вокруг сильного политического центра.

Между Москвой и Литвой в XIV в. находилась целая полоса княжеств, которые служили предметом споров между этими двумя державами; Гедимин соперничал с Москвой из-за влияния на дела Пскова и Новгорода и затем из-за влияния на смоленских князей. Известно, например, что во время несогласий в Новгородской земле, происходивших из-за стремления Пскова отделиться от Новгорода, псковитян поддерживала Литва, а Новгород — московские князья. Из-за этой полосы слабейших земель и развилась постоянная и непрерывная борьба Москвы с Литвой в XIV и XV вв.

Гедимин оставил *семь* сыновей, между которыми и поделил литовские земли. Из них *Ольгерд* получил Крево и Витебск, *Кейстут* — Троки, Гродно и Жмудь, а младший, *Явнутий,* — столицу Вильно. *В. Б. Антонович,* вопреки старому мнению, что после Гедимина великим князем стал считаться Явнутий, высказывается в том смысле, что Явнутий, как самый младший и неопытный в делах правления, не мог быть назначен отцом на великое княжение; он поддерживает свое мнение тем, что в источниках о влиянии Явнутия как великого князя на события того времени не упоминается; напротив, каждый удельный князь действует вполне самостоятельно: заключает договоры с иностран-

цами, предпринимает походы. Поэтому Антонович и предполагает, что в данный промежуток времени скорей никто не наследовал старшего стола, пока Ольгерд и Кейстут не вступили в союз с целью восстановить в Литве великокняжескую власть. По мнению же *Бестужева-Рюмина,* великокняжеский престол достался именно младшему Явнутию, как и позднее Ольгерд тоже отдал великокняжеский престол своему младшему сыну Ягайло. Это говорит Бестужев, указывая на известный обычай, схожий со старым гражданским обычаем: по «Русской Правде» отцовский дом доставался младшему сыну. Однако Явнутий недолго оставался на великокняжеском престоле. Кейстут в союзе с Ольгердом сверг Явнутия, и Ольгерд был провозглашен великим князем. Другие князья должны были признать его власть и обязались повиноваться ему, как великому князю и верховному распорядителю их уделов.

Антонович дает нам следующую ма́стерскую характеристику Ольгерда: «Ольгерд, по свидетельству современников, отличался по преимуществу глубокими политическими дарованиями; он умел пользоваться обстоятельствами, верно намечал цели своих политических стремлений, выгодно располагал союзы и удачно выбирал время для осуществления своих политических замыслов. Крайне сдержанный и предусмотрительный, Ольгерд отличался умением в непроницаемой тайне сохранять свои политические и военные планы. Русские летописи, не расположенные вообще к Ольгерду вследствие его столкновений с северо-восточной Русью, называют его «зловерным», «безбожным» и «льстивым»; однако признают в нем умение пользоваться обстоятельствами, сдержанность, хитрость,— словом, все качества, нужные для усиления своей власти в государстве и для расширения его пределов. По отношению к различным национальностям, можно сказать, что все симпатии и внимание Ольгерда сосредоточивались на русской народности; Ольгерд, по взглядам, привычкам и семейным связям, принадлежал к русской народности и служил в Литве ее представителем». В то самое время, когда Ольгерд усиливал Литву присоединением русских областей, Кейстут является ее защитником перед крестоносцами и заслуживает славу народного богатыря. Кейстут — язычник, но даже его враги, крестоносцы, признают в нем качества образцового христианина-рыцаря. Такие же качества признавали в нем поляки.

Оба князя так точно разделили управление Литвой, что русские летописи знают только Ольгерда, а немецкие — только Кейстута. О характере борьбы Кейстута с немцами мы находим блестящую страницу в уже указанной книге *Антоновича* (с. 99). Крестоносцы делали ежегодно на Литву набеги, называемые «рейзами». Литовцы платили ордену тем же, но так как литовские нападения требовали больших приготовлений, то они бывали вдвое реже. Таким способом шли войны из года в год, составляя главное занятие литовцев и русских в течение всего княжения

Ольгерда. Эти набеги, более или менее опустошительные и кровопролитные, обыкновенно не приводили к окончательному результату, и больших и решительных битв было мало; в княжение Ольгерда их насчитывают две: на реке *Страве* (1348) и у замка *Рудавы* (1370). Они не имели никаких последствий, хотя немецкие летописцы придают этим битвам решительный характер и преувеличивают размеры побед. По отношению к Руси Ольгерд продолжает политику своего отца. Он старается влиять на Новгород, Псков, Смоленск; поддерживает тверских князей против Москвы, хотя его вмешательство в этом случае и неудачно. Соперничество Ольгерда с Москвой в стремлении подчинить русские земли, пограничные с Литвой, и в Новгороде и Пскове склонялось в пользу Москвы, но зато Ольгерд умел захватить северную Русь: Брянск, Новгород-Северский и др.

После смерти Ольгерда на престол вступил *Ягайло,* и наступило время династического соединения Литвы с Польшей в унии 1386 г. Соединение это было предложено Польшей с целью направить силы обоих государств на общего врага, на немцев. Успех был достигнут. Соединенные литовско-русские и польские войска нанесли немцам роковой удар под Грюнвальдом (Танненбергом, 1410), и сила немецкого ордена была сломлена навсегда. Но были и другие результаты унии, неблагоприятные для Литвы. Литва была вполне русским государством с русской культурой, с господством русского князя и православия. А между тем уния политическая, по мнению Ягайло и католиков, должна была вести к унии и религиозной. Поляки стремились окатоличить «языческую» Литву и ввести в ней «культуру», т. е. польские обычаи. Языческая Литва была давно уже очень слаба, и борьба, направленная против нее, скоро перешла в борьбу с православием. Именно таким образом в новом государстве создались обстоятельства, которые должны были дурно отозваться на его политическом могуществе, и вследствие национального и вероисповедного внутреннего разлада Литва начинает клониться к погибели в то самое время, когда она достигает, казалось бы, полного расцвета своих сил. Это было при Витовте. В *русской* части Литвы уния и в особенности принятие католичества официальными лицами не могло обойтись без протеста: русские с той поры, как Ягайло стал польским королем, захотели иметь своего особого князя, что заставило их сгруппироваться сначала вокруг Андрея Ольгердовича, попытка которого захватить власть, однако, окончилась неудачей. Тем не менее в Литве неудовольствие против унии все росло, чем и воспользовался сын Кейстута — *Витовт.* Заручившись союзниками, он вступил в борьбу с Ягайло, и тот в конце концов должен был уступить Литву Витовту и признать последнего князем литовским.

Литовскому государю предстояла теперь задача охранять независимость своего государства от Польши, но ум Витовта на этот раз не подсказал ему, на какое начало должен он опереться

в этом деле. *Каро* говорит, что Витовта считали своим и католики, и православные; язычники же думали, что в нем не угас дух предков. В этом была и его сила, и его слабость. Действительно, сближаясь со всеми, будучи нерешителен, меняя несколько раз свою религию, Витовт не мог твердо и прочно опереться на сильнейший в Литве элемент, на русскую народность, как мог бы сделать чисто православный князь. Русские в конце концов отнеслись к Витовту, как к врагу Руси вообще: «Был убо князь Витовт прежде христианин (говорит летописец), и имя ему Александр, и отвержеся православныя веры и христианства и приня Лядскую... а помыслил тако, хотел пленити русскую землю, Новгород и Псков». Раз образовался такой взгляд, Витовт лишен был надежнейшей опоры для его политики, клонившейся к образованию из Литвы единого независимого государства, но окончившейся тесным сближением с Польшей. Все княжение Витовта наполнено блестящими делами, но вместе с тем Польша все больше и больше приобретала влияние на Литву. В 1413 г. в городе *Городле* собрался польско-литовский сейм, на котором торжественным актом был скреплен союз Польши с Литвой. На основании Городельского акта подданные великого князя литовского, принимая католичество, получали те права и привилегии, какие имели в Польше лица соответствующего сословия; двор и администрация в Литве устраивались по польскому образцу, причем должности в них предоставлялись только католикам. Укрепляя польское влияние в Литовском государстве, Городельская уния отчуждала от литовской династии русскую православную народность и послужила началом окончательного разделения и вражды Литвы и Руси. Литва же с этого момента, все более и более подпадая под влияние Польши, наконец окончательно сливается с ней в нераздельное государство.

Московское княжество до середины XV века

Начало Москвы. Во второй половине XIII и начале XIV в. на северо-востоке Руси начинает возвышаться до сих пор незаметное княжество Московское. Прежде чем перейти к определению причин и хода возвышения этого княжества, скажем несколько слов об его главном городе — Москве. Начнем с первых известий о Москве и не будем касаться басен о начале Москвы, приведенных у Карамзина (т. II, примеч. 301). Первые упоминания о Москве мы встречаем в летописи не ранее XII в. В ней рассказывается, что в 1147 г. Юрий Долгорукий пригласил своего союзника, князя Святослава Ольговича Черниговского, на свидание в Москву, где они пировали (учинили «обед») и обменялись подарками. При этом не говорится, что Москва была «городом», так что можно подумать, что в 1147 г. она была селом, вотчиной князя. Это представляется вероятным тем более, что есть известие

о построении Москвы-*города* в 1156 г. Известие это таково: «Того же лета (6664) князь великий Юрий Володимерич заложил град Москву на устниже Неглинны выше реки Аузы». Прямой смысл этих слов, действительно, говорит, что город Москва был основан на девять лет позже княжеского обеда в Москве-вотчине. Но этому не все верят: истолковать и объяснить последнее известие очень трудно. Во-первых, оно дошло до нас в позднем (XVI в.) летописном Тверском сборнике, автор которого имел обычаи изменять литературную форму своих более старых источников. Нельзя поэтому быть уверенным в том, что в данном случае составитель сборника не изменил первоначальной формы разбираемого известия; его редакция отличается большой обстоятельностью и точностью географических указаний, что намекает на ее позднее происхождение. Таким образом, уже общие свойства источника заставляют заподозрить доброкачественность его сообщений. Во-вторых, автор Тверской летописи, заявив об основании Москвы в 1156 г., сам же повествует о Москве ранее: он сокращает известие Ипатьевской летописи о свидании князей в Москве в 1147 г. и ничем не оговаривает возникающего противоречия, не объясняет, что следует разуметь под его Москвой 1147 г. Это прямо приводит к мысли, что автор в данном случае или сам плохо понимал свой разноречивый материал, или же в известии о построении города Москвы хотел сказать не совсем то, что можно прочесть у него по первому впечатлению. И в том, и в другом случае обязательна особенная осторожность при пользовании данным известием. В-третьих, наконец, сопоставление известия с текстом других летописей убеждает, что автор Тверского сборника заставил князя Юрия «заложить град Москву» в то время, когда этот князь окончательно перешел на юг и когда вся семья его уже переехала из Суздаля в Киев через Смоленск. По всем этим соображениям невозможно ни принять известия на веру целиком, ни внести в него какие-либо поправки.

Так, из двух наиболее ранних известий о Москве одно настолько неопределенно, что само по себе не доказывает существования города Москвы в 1147 г., а другое, хотя и очень определенно, но не может быть принято за доказательство того, что *город* Москва был основан в 1156 г. Поэтому трудно разделять тот взгляд, что время возникновения Москвы-города нам точно известно. Правильнее в этом деле опираться на иные свидетельства, с помощью которых можно достоверно указать существование Москвы только в семидесятых годах XII в. При описании событий, последовавших в Суздальской Руси за смертью Андрея Боголюбского, летописи впервые говорят о Москве, как о городе, и о «Москьвлянах», как его жителях. Ипатьевская летопись под 1176 г. (6684) рассказывает, что больной князь Михалко, направляясь с юга в Суздальскую Русь, был принесен на носилках «до Куцкова, рекше до Москвы»; там он узнал о приближении своего врага Ярополка и поспешил во Владимир «Из Москве» в сопровожде-

нии москвичей. «Москьвляне же,—продолжает летописец,—слышавше, оже идет на не Ярополк, и взвратишася вспять, блюдуче домов своих». В следующем 1177 г. (6685) летописец прямо называет Москву городом в рассказе о нападении Глеба Рязанского на князя Всеволода. «Глеб же на ту осень приеха на Москвь (в других списках: в Москву) и пожже город весь и села». Эти известия, не оставляя уже никаких сомнений в существовании города Москвы, в то же время дают один любопытный намек. В них еще не установлено однообразное наименование города: город называется то—«Москвь», то—«Кучково», то—«Москва»; не доказывает ли это, что летописцы имели дело с новым пунктом поселения, к имени которого их ухо еще не привыкло? Имея это в виду, возможно и не связывать возникновения Москвы непременно с именем князя Юрия. Легенды о начале Москвы, собранные Карамзиным, не уничтожают такой возможности,—их нельзя эксплуатировать, как исторический материал для изучения событий XII в.

Так, оставаясь в пределах летописных данных, мы приходим к мысли о том, что факт основания Москвы-города в первой половине или даже середине XII в. не может считаться прочно установленным. С другой стороны, и торговое значение Москвы в первую пору ее существования не выясняется текстом летописей. Если вдуматься в известие летописей о Москве до половины XIII в. (даже и позже), то ясна становится не торговая, а пограничво-военная роль Москвы. Нет сомнения, что Москва была самым южным укрепленным пунктом Суздальско-Владимирского княжества. С юга, из Черниговского княжества, дорога во Владимир шла через Москву, и именно Москва была первым городом, который встречали приходящие из юго-западной Руси в Суздальско-Владимирскую Русь. Когда, по смерти Боголюбского, князь Михалко Юрьевич и Ярополк Ростиславич пошли на север из Чернигова,—именно в Москве, на границах княжения Андрея Боголюбского встретили их ростовцы. Они звали Ярополка дальше, а Михалку, которого не желали пускать внутрь княжества, они указали: «Пожди мало на Москве». Ярополк отправился «к дружине Переяславлю», а Михалко, не слушая ростовцев, поехал во Владимир. Москва здесь рисуется, как перекресток, от которого можно было держать путь и в Ростов, на север, и во Владимир, на северо-восток. Внутренние пути Суздальской Руси сходились в Москве в один, шедший на юг, в Черниговскую землю. Через год Михалко, выбитый из Владимира, опять идет из Чернигова на север по зову владимирцев. Навстречу ему выходят и владимирцы, его друзья, и племянник Ярополк—его враг. Первые хотят его встретить и охранить, второй желает не допустить его в занятую Ростиславичами землю. При разных целях враги спешат в один и тот же пункт—в Москву. Очевидно, в данном случае встречать Михалка всего удобнее было на границе княжества, с какой бы целью его ни

встречали. Когда, наконец, Михалко и брат его Всеволод укрепились прочно во Владимире, князь черниговский, Святослав Всеволодович, отправил к ним их жен, «приставя к ним сына своего Олга проводить е до Москве». Проводив княгинь, Олег вернулся «во свою волость в Лопасну». Здесь опять не требует доказательств пограничное положение Москвы: княгинь проводили до первого пункта владений их мужей. Все приведенные указания относятся к 1175—1176 гг. Не менее любопытен и позднейший факт. Князь Всеволод Юрьевич, затеяв в 1207 (6715) г. поход на юг, на Ольговичей («хочу поити к Чернигову»,— говорит он), послал в Новгород, требуя, чтобы сын его Константин с войском пришел оттуда на соединение с ним; Константин послушался и «дождася отца на Москве». На Москву пришел и сам Всеволод и, соединясь там со своими сыновьями, «поиди с Москвы... и придоша до Окы», которая была тогда вне пределов Суздальского княжества. В этом случае Москва ясно представляется последним, самым южным городом во владениях Всеволода, откуда князь прямо вступает в чужую землю, во владения черниговских князей. Пограничное положение Москвы естественно должно было обратить ее на этот раз в сборное место дружин Всеволода, в операционный базис предпринятого похода.

Но не только по отношению к Черниговской земле Москва играла роль пограничного города,— с тем же самым значением являлась она иногда и в отношениях Суздальской или Рязанской земель. В 1177 (6685) г. князь рязанский Глеб, нападая на владения Всеволода, обратился именно на Москву, как это указано выше. То же повторилось и в 1208 (6716) г.; рязанские князья «начаста воевати волость Всеволожю великого князя около Москвы». Москва по отношению к Рязани представляется нам первым доступным для рязанцев пунктом Суздальской земли, к которому у них был удобный путь по Москве-реке. Этим путем так или иначе воспользовались и татары Батыя, пришедшие из рязанской земли, от Коломны, прежде всего к Москве.

Итак, следуя по летописям за первыми судьбами Москвы, мы прежде всего встречаем ее имя в рассказах о военных событиях эпохи. Москва — пункт, в котором встречают друзей и отражают врагов, идущих с юга. Москва — пункт, на который, прежде всего, нападают враги суздальско-владимирских князей. Москва, наконец,— исходный пункт военных операций суздальско-владимирского князя, сборное место его войск в действиях против юга. Очевидно, что этот город был построен в видах ограждения Суздальско-Владимирской земли со стороны черниговского порубежья. По крайней мере об этом скорее всего позволяет говорить письменный материал.

Как маленький и новый городок, Москва довольно поздно стала стольным городом особого княжества. Наиболее заметным из первых московских князей был Михаил Ярославич Хоробрит, прозванный так за то, что он без всякого права, благодаря одной

своей смелости, сверг князя Святослава и захватил в свои руки великое княжение. Вскоре за Хоробритом московский стол достался князю Даниилу Александровичу, умершему в 1303 г., который сделался родоначальником московского княжеского дома. С тех пор Москва стала особым княжеством с постоянным князем.

Причины возвышения Москвы и Московского княжества. Припомним обстоятельства политической жизни Суздальско-Владимирской Руси. Вся она была в обладании потомства Всеволода Большое Гнездо; его потомки образовали княжеские линии: в Твери Ярослав Ярославич — внук Всеволода, брат Александра Невского; в Суздале Андрей Ярославич — внук Всеволода; затем около 1279 г. Андрей Александрович, сын Александра Невского; в Ростове Константин Всеволодович и в Москве — Даниил, сын Александра Невского, правнук Всеволода. Только земля Рязанская, политически и географически притянутая к совместной жизни с Суздальской Русью, находилась во владении не Мономаховичей, а младших Святославичей, потомков Святослава Ярославича. Из этих княжеств сильнейшими в XIV в. становятся Тверское, Рязанское и Московское. В каждом из этих княжеств был свой «великий» князь и свои «удельные» князья. Владимирское княжение существует без особой династии, его присоединяют великие князья к личным уделам. Последним из великих князей, княжившим по старинному обычаю в самом Владимире, был Александр Невский; братья его — Ярослав Тверской и Василий Костромской, получив владимирское великое княжение, живут не во Владимире, а в своих уделах. Добиться владимирского княжения для князей теперь значит добиться материального обогащения и авторитета «великого» князя. Средства добыть великое княжение уже не нравственные, не только право старшинства как прежде, но и сила удельного князя, поэтому за обладание Владимиром происходит борьба только между сильными удельными князьями. И вот в 1304 г. начинается борьба за великое княжение между тверскими и московскими князьями,— многолетняя кровавая распря, окончившаяся победой московского князя Ивана Калиты, утвердившегося в 1328 г. с помощью Орды на великокняжеском престоле. С этих пор великое княжение не разлучалось с Москвой, а между тем за какие-нибудь тридцать лет до 1328 г. Москва была ничтожным уделом: Даниил еще не владел ни Можайском, ни Клином, ни Дмитровом, ни Коломной, и владел лишь ничтожным пространством между этими пунктами, по течению Москвы-реки. Калита же в 1328 г. владел только Москвой, Можайском, Звенигородом, Серпуховым и Переяславлем, т. е. пространством меньше нынешней Московской губернии. Что же дало возможность Москве получить великое княжение и увеличиться, и каким путем шло это возвышение?

На этот вопрос мы находим много ответов в исторической литературе. *Карамзин,* например, в пятом томе «Истории

Государства Российского» упоминает и таланты московских князей, и содействие бояр и духовенства, и влияние татарского завоевания. Татарское иго, которое, по его мнению, начало «новый порядок вещей» в исторической жизни русского народа, изменило отношение князей к населению и отношение князей друг к другу, поставило князей в зависимость от хана и этим имело влияние на ход возвышения Московского княжества. Карамзин находит, что «Москва обязана своим величием ханам». *Погодин,* возражая Карамзину, поражается счастливыми совпадениями «случайностей», которые слагались всегда как раз в пользу возвышения и усиления Московского княжества. Блестящую характеристику усиления Московского княжества дает нам *Соловьев.* В I и IV томах своей «Истории России» он не раз, говоря вообще о важном влиянии географических условий, отмечает выгодное положение Москвы — на дороге переселенцев с юга, на середине между Киевской землей — с одной стороны и Владимирской и Суздальской — с другой. По бассейну Москвы-реки переселенцы, идя с юга, оседали густыми массами и делали Московское княжество одним из самых населенных. Кроме переселенцев с юга, в Москву шли переселенцы из других областей Руси северной, вследствие отсутствия в Московском княжестве междоусобиц и бедствий от татар. Население приносило князю доход; давало ему большие средства; мы знаем, что московские князья употребляли эти большие денежные средства на покупку городов и выкуп из Орды пленных, которых и селили в Московском княжестве. Срединное положение Москвы-реки между Новгородом и востоком (Рязанью) имело также весьма важное значение. Если мы всмотримся в географическую карту, то увидим, что Москва-река сокращала водный путь между Новгородом и Окой, следовательно, Москва лежала на торговом пути Новгорода и Рязани. Срединное положение Москвы было важно и для церковного управления. Митрополиты переселились из Владимира в Москву, потому что считали необходимым находиться в центральном пункте между областями севера и юга Руси. Таким образом, главное условие возвышения Москвы, по мнению Соловьева,— это срединность ее положения, дававшая политические, торговые и церковные преимущества. В разных местах своего труда Соловьев указывает и на другие условия, содействовавшие успеху Москвы,— личность князей, деятельность бояр, сочувствие общества и так далее, но в оценке разных фактов он кладет видимое различие, одно — первая причина усиления и возвышения Москвы, другое — благоприятные условия, помогавшие этому усилению. *Костомаров,* излагая ход возвышения Московского княжества, объясняет усиление Москвы главным образом помощью татар и даже самую идею самодержавия и единодержавия трактует, как заимствованную от татар. *Бестужев-Рюмин* находит, что по-

ложение князей, при зависимости великого княжения от хана, должно было развивать в князьях политическую ловкость и дипломатический такт, чтобы этим путем привлечь милость хана и захватить великокняжеский престол. Такой ловкостью и таким тактом обладали именно московские князья. Кроме того, усилению Москвы помогало духовенство, которому, при владении большими вотчинами, было выгодно отсутствие междоусобий в Московском княжестве, и сверх того полнота власти московского князя соответствовала их высоким представлениям об единодержавной власти государя, вынесенным из Византии. Далее деятельность бояр была направлена также на помощь московским государям. Что же касается до срединности положения Москвы, то К. Н. Бестужев-Рюмин считает это причиной второстепенной. С оригинальным взглядом на этот вопрос выступает *Забелин.* Он главное условие возвышения Московского княжества видит в национальном сочувствии, вызванном хозяйственной деятельностью московских князей. Народ, отягченный и татарским погромом, и междоусобными распрями князей, естественно, относился сочувственно к московским князьям. Эклектическим характером отличается мнение *Иловайского,* который главной причиной роста Москвы, как политического центра, считает пробуждение народного инстинкта: народ, который чувствовал опасность от татар, должен был сплотиться. Кроме того, Иловайский находит следующие причины, способствовавшие усилению Московского княжества: 1) географическое положение, дающее политические и торговые выгоды; 2) личность князей и их политику (князья самих татар сделали орудием для возвышения власти, что видно из борьбы между Тверью и Москвой); 3) определенная в пользу Москвы политика татар; 4) сочувствие боярства и духовенства; 5) правильность престолонаследия в Москве.

Разбираясь в указанных мнениях, мы видим, что вопрос о причинах возвышения Московского княжества не развивается, и последнее по времени мнение не есть самое удовлетворительное. Мы должны различать те условия, которые были причиной того, что незначительное Московское княжество могло бороться с сильным Тверским княжеством, от тех, которые поддерживали Московское княжество в том положении, на которое оно встало, благодаря первым, и помогли его усилению. В числе первых причин надо отметить: 1) географическое положение, давшее Московскому княжеству население и средства, 2) личные способности первых московских князей, их политическую ловкость и хозяйственность, умение пользоваться обстоятельствами, чего не имели тверские князья, несмотря на одинаковое выгодное положение Тверского княжества и Московского. К причинам, способствовавшим усилению княжества, надо отнести: 1) сочувствие духовенства, выраженное в перемене пребывания митрополии; 2) политическую близорукость татар, которые не могли своевременно

заметить опасное для них усиление княжества; 3) отсутствие сильных врагов, так как Новгород не был силен, а в Твери происходили постоянно междоусобия князей; 4) сочувствие бояр и сочувствие населения.

Свежую постановку вопроса о коренной причине возвышения Москвы дал в последнее время проф. *М. К. Любавский* в замечательной статье «Возвышение Москвы» (сборник «Москва в ее прошлом и настоящем», ч. I). По его толкованию, после татарского погрома «под влиянием опустошений и разорений, произведенных татарами в восточных и частью северных княжениях Суздальской земли», произошел «перелив населения с востока на запад Суздальской земли и обусловил естественно возвышение княжеств, лежавших на западе этой земли, Тверского и Московского». «Итак (заключает Любавский), главной и основной причиной, обусловившей возвышение Москвы и все ее политические успехи, было выгодное географическое положение в отношении татарских погромов и происшедшее благодаря этому скопление населения в ее области».

Внешняя история Московского княжества в XIV и XV вв. Первые московские князья. Первые два московских князя, *Даниил Александрович* и сын его *Юрий,* успели «примыслить» себе все течение Москвы-реки, отняв от рязанского князя город Коломну на устье р. Москвы и от смоленского князя город Можайск на верховьях р. Москвы. Кроме того, князь Даниил получил город Переяславль-Залесский по завещанию бездетного переяславского князя. Земли и богатства Юрия Даниловича выросли настолько, что он, как представитель старшей линии в потомстве Ярослава Всеволодовича, решился искать в Орде ярлыка на великое княжение Владимирское и вступил в борьбу за Владимир с тверским князем Михаилом Ярославичем (этот князь Михаил был племянником князя Александра Невского и приходился младшим двоюродным братом Даниилу Московскому и, стало быть, дядей князю Юрию Даниловичу). Борьба велась в Орде путем интриг и насилий. Оба князя, и московский и тверской, в Орде были убиты. Великокняжеский стол тогда достался сыну Михаила, Александру Тверскому; а в Москве вокняжился брат Юрия, Иван, по прозвищу Калита (т. е. кошель). Улучив минуту, Калита снова начал борьбу с Тверью и, наконец, в 1328 г. добился великого княжения, которое с той поры уже и не выходило из рук московской династии.

О деятельности великого князя *Ивана Даниловича Калиты* известно немного. Но то, что известно, говорит о его уме и таланте. Сел он на великом княжении,—и, по словам летописца, «бысть оттоле тишина велика по всей Русской земле на сорок лет и престаше татарове воевати Русскую землю». Именно этому князю приписывается та важная заслуга, что он исхлопотал себе разрешение доставлять «выход» в Орду своими средствами, без участия татарских сборщиков дани. Таким образом был унич-

тожен главный повод для въезда татар в Русские земли и было достигнуто внутреннее спокойствие и безопасность на Руси. По преданию, Иван Калита очистил свою землю от «татей», т. е. внутренних разбойников и воров. Тишина и порядок во владениях Калиты привлекали туда население: к Калите приходили на службу и на житье как простые люди, так и знатные бояре с толпами своей челяди. Самым же главным политическим успехом Калиты было привлечение в Москву русского митрополита.

С упадком Киева, когда его покинули старшие князья, должен был возникнуть вопрос и о том, где быть митрополиту всея Руси: оставаться ли ему в заглохшем Киеве или искать нового места жительства? Около 1300 г. митрополит Максим решил этот вопрос, переселившись во Владимир-на-Клязьме после одного из татарских погромов в Киеве. Уход владыки на север побудил галичских князей просить цареградского патриарха устроить особую митрополию в юго-западной Руси. Но патриарх не согласился разделить русскую церковь. После смерти Максима он поставил на Русь митрополитом игумена Петра, волынца родом; а Петр, осмотревшись в Киеве, поступил так же, как Максим, и переехал на север. Официальным местопребыванием его стал стольный город Владимир; но так как в этом городе великие князья уже не жили, и за Владимир спорили Москва с Тверью, то Петр решительно склонился в пользу Москвы, во всем поддерживал московского князя Ивана Калиту, подолгу живал у него в Москве и основал там знаменитый Успенский собор, наподобие Успенского собора Владимирского. В этом соборе он и был погребен, когда кончина застигла его в Москве. Его преемник, грек Феогност, уже окончательно утвердился в Москве, и таким образом Москва стала церковной столицей всей Русской земли. Ясна вся важность этого события: в одно и то же время в Москве образовалось средоточие и политической, и церковной власти и, таким образом, прежде малый город Москва стал центром «всея Руси». Предание говорит, что, создавая Успенский собор в Москве как главную святыню зарождавшегося государства, святитель Петр предсказал славное будущее Москвы Ивану Калите, тогда еще не получившему великого княжения. Благодарные москвичи необыкновенно чтили память Петра митрополита и причли его к лику святых, как «всея России чудотворца», вскоре же по его кончине.

Таковы были первые успехи, достигнутые московскими князьями благодаря их ловкости и выгодному положению их удела. Немедленно же стали сказываться и последствия этих успехов. При самом Калите (1328—1340) и при его двух сыновьях *Семене Гордом* (1341—1353) и *Иване Красном* (1353—1359), которые так же, как и отец их, были великими князьями всея Руси, Москва начала решительно брать верх над прочими княжествами. Иван Калита распоряжался самовластно в побежденной им Твери,

в Новгороде и в слабом Ростове. Сыну его Семену, по словам летописца, «все князья русские даны были под руки»: самое прозвище Семена «Гордый» показывает, как он держал себя со своими подручниками. Опираясь на свою силу и богатство, имея поддержку в Орде, московские князья явились действительной властью, способной поддержать порядок и тишину не только в своем уделе, но и во всей Владимиро-Суздальской области. Это было так важно и так желанно для измученного татарами и внутренними неурядицами народа, что он охотно шел под власть Москвы и поддерживал московских князей. К московским князьям приезжало много знатных слуг, бояр со своими дружинами, с юга и из других уделов Суздальских. Поступая на службу к московским князьям, эти слуги усиливали собой рать московскую, но и сами, служа сильному князю, улучшали свое положение и становились еще знатнее. Быть слугой и боярином великого князя было лучше, чем служить в простом уделе; поэтому слуги московских князей старались, чтобы великое княжение всегда принадлежало Москве. Бояре московские были верными слугами своих князей даже и тогда, когда сами князья были слабы или же недееспособны. Так было при великом князе Иване Ивановиче Красном, который был «кроткий и тихий», по выражению летописи, и при его сыне Димитрии, который остался после отца всего девяти лет.

Вместе с боярством и духовенство проявляло особое сочувствие и содействие московским князьям. После того как митрополит Феогност окончательно поселился в Москве, он подготовил себе преемника — московского инока, москвича родом, Алексия, происходившего из знатной боярской семьи Плещеевых. Посвященный в митрополиты, Алексий при слабом Иване Красном и в малолетство сына его Димитрия стоял во главе Московского княжества, был, можно сказать, его правителем. Обладая исключительным умом и способностями, митрополит Алексий пользовался большой благосклонностью в Орде (где он вылечил болевшую глазами ханшу Тайдулу) и содействовал тому, что великое княжение укрепилось окончательно за московскими князьями. На Руси он являлся неизменным сторонником московских князей и действовал своим авторитетом всегда в их пользу. Заслуги св. Алексия пред Москвой были так велики и личность его была так высока, что память его в Москве чтилась необычайно. Спустя 50 лет после его кончины (он умер в 1378 г.) были обретены в основанном им Чудовом монастыре в Москве его мощи и было установлено празднование его памяти. Руководимое св. Алексием русское духовенство держалось его направления и всегда поддерживало московских князей в их стремлении установить на Руси сильную власть и твердый порядок. Как мы знаем, духовенство изначала вело на Руси проповедь богоустановленности власти и необходимости правильного государственного порядка. С большой чуткостью передовые представители

духовенства угадали в Москве возможный государственный центр и стали содействовать именно ей. Вслед за митрополитом Алексием в этом отношении должен быть упомянут его сотрудник, преподобный инок Сергий, основатель знаменитого Троицкого монастыря. Вместе с митрополитом Алексием и самостоятельно, сам по себе, этот знаменитый подвижник выступал на помощь Москве во все трудные минуты народной жизни и поддерживал своим громадным нравственным авторитетом начинания московских князей.

За знатными боярами и высшим духовенством тянулось к Москве и все народное множество. Московское княжество отличалось внутренним спокойствием; оно было заслонено от пограничных нападений окраинными княжествами (Рязанским, Нижегородским, Смоленским и др.); оно было в дружбе с Ордой. Этого было достаточно, чтобы внушить желание поселиться поближе к Москве, под ее защиту. Народ шел на московские земли, и московские князья строили для него города, слободы, села. Они сами покупали себе целые уделы у обедневших князей (ярославских, белозерских, ростовских) и простые села у мелких владельцев. Они выкупали в Орде русский «полон», выводили его на свои земли и заселяли этими пленниками, «ордынцами», целые слободы. Так множилось население в московских волостях, а вместе с тем вырастали силы и средства у московских князей.

Таким образом, первые успехи московских князей, давшие им великокняжеский сан, имели своим последствием решительное преобладание Москвы над другими уделами, а это, в свою очередь, вызвало сочувствие и поддержку Москве со стороны боярства, духовенства и народной массы. До конца XIV столетия, при Калите и его сыновьях, рост московских сил имел характер только внешнего усиления путем счастливых «примыслов». Позже, когда московские князья явились во главе всей Руси борцами за Русскую землю против Орды и Литвы, Москва стала центром народного объединения, а московские князья — национальными государями.

Князь Дмитрий Иванович Донской и Куликовская битва. Сыновья Ивана Калиты умирали в молодых годах и княжили недолго. Семен Гордый умер от моровой язвы (чумы), обошедшей тогда всю Европу; Иван Красный скончался от неизвестной причины, имея всего 31 год. После Семена детей не осталось вовсе, а после Ивана осталось всего два сына. Семья московских князей, таким образом, не умножалась, и московские удельные земли не дробились, как то бывало в других уделах. Поэтому сила Московского княжества не ослабела и московские князья один за другим получали в Орде великое княжение и крепко держали его за собой. Только после смерти Ивана Красного, когда в Москве не осталось взрослых князей, ярлык на великое княжение был отдан суздальским князьям. Однако десятилетний московский князь Дмитрий Иванович, направляемый митрополитом Алексием

и боярами, начал борьбу с соперниками, успел привлечь на свою сторону хана и снова овладел великим княжением владимирским. Суздальский князь Дмитрий Константинович был великим князем всего около двух лет.

Так началось замечательное княжение *Дмитрия Ивановича.* Первые его годы руководство делами принадлежало митрополиту Алексию и боярам; потом, когда Дмитрий возмужал, он вел дела сам. Во все время одинаково политика Москвы при Дмитрии отличалась энергией и смелостью.

Во-первых, в вопросе о великом княжении московский князь прямо и решительно стал на такую точку зрения, что великокняжеский сан и город Владимир составляют «вотчину», т. е. наследственную собственность московских князей, и никому другому принадлежать не могут. Так Дмитрий говорил в договоре с тверским князем и так же писал в своей духовной грамоте, в которой прямо завещал великое княжение, вотчину свою, старшему своему сыну.

Во-вторых, в отношении прочих князей Владимиро-Суздальской Руси, а также в отношении Рязани и Новгорода Дмитрий держался властно и повелительно. По выражению летописца, он «всех князей русских привожаше под свою волю, а которые не повиновахуся воле его, а на тех нача посягати». Он вмешивался в дела других княжеств: утвердил свое влияние в семье суздальско-нижегородских князей, победил рязанского князя Олега и после долгой борьбы привел в зависимость от Москвы Тверь. Борьба с Тверью была особенно упорна и продолжительна. Тверской великий князь Михаил Александрович обратился за помощью к литовским князьям, которые в то время обладали уже большими силами. Литовский князь Ольгерд осадил самую Москву, только что обнесенную новой каменной стеной, но взять ее не мог и ушел в Литву. А московские войска затем осадили Тверь. В 1375 г. между Тверью и Москвой был заключен, наконец, мир, по которому тверской князь признавал себя «младшим братом» московского князя и отказывался от всяких притязаний на Владимирское великое княжение. Но с Литвой осталась у Москвы вражда и после мира с Тверью. Наконец, в отношении Новгорода Дмитрий держал себя властно; когда же, в конце его княжения, новгородцы ослушались его, он пошел на Новгород войной и смирил его, наложив на новгородцев «окуп» (контрибуцию) в 8000 рублей. Так выросло при Дмитрии значение Москвы в северной Руси: она окончательно торжествовала над всеми своими соперниками и врагами.

В-третьих, при Дмитрии Русь впервые отважилась на открытую борьбу с татарами. Мечта об освобождении Руси от татарского ига жила и раньше среди русских князей. В своих завещаниях и договорах они нередко выражали надежду, что «Бог свободит от орды», что «Бог Орду переменит». Семен Гордый в своей душевной грамоте увещевал братьев жить в мире по отцову

завету, «чтобы не перестала память родителей наших и наша, чтобы свеча не угасла». Под этой свечой разумелась неугасимая мысль о народном освобождении. Но пока Орда оставалась сильной и грозной, иго ее по-прежнему тяготело над Русью. Борьба с татарами стала возможна и необходима лишь тогда, когда в Орде началась «замятня многа», иначе говоря, длительное междоусобие. Там один хан убивал другого, властители сменялись с необыкновенной быстротой, кровь лилась постоянно, и, наконец, Орда разделилась надвое и терзалась постоянной враждой. Можно было уменьшить дань Орде и держать себя независимее. Мало того: явилась необходимость взяться за оружие против отдельных татарских шаек. Во время междоусобий из Орды выбегали на север изгнанники татарские и неудачники, которым в Орде грозила гибель. Они сбирались в большие военные отряды под предводительством своих князьков и жили грабежом русских и мордовских поселений в области рек Оки и Суры. Считая их за простых разбойников, русские люди без стеснений гоняли их и били. Князья рязанские, нижегородские и сам великий князь Дмитрий посылали против них свои рати. Сопротивление Руси озлобляло татар и заставляло их, в свою очередь, собирать против Руси все большие и большие силы. Они собрались под начальством царевича Арапши (Араб-шаха), нанесли русским войскам сильное поражение на р. Пьяне (приток Суры), разорили Рязань и Нижний Новгород (1377). За это москвичи и нижегородцы разорили мордовские места, в которых держались татары, на р. Суре. Борьба становилась открытой и ожесточенной. Тогда овладевший Ордой и затем провозгласивший себя ханом князь Мамай отправил на Русь свое войско для наказания строптивых князей; Нижний Новгород был сожжен; пострадала Рязань. Но Дмитрий Иванович московский не пустил татар в свои земли и разбил их в Рязанской области на р. Воже (1378). Обе стороны понимали, что предстоит новое столкновение. Отбивая разбойничьи шайки, русские князья постепенно втянулись в борьбу с ханскими войсками, которые поддерживали разбойников; победа над ними давала русским мужество для дальнейшей борьбы. Испытав неповиновение со стороны Руси, Мамай должен был или отказаться от власти над Русью, или же идти снова покорять Русь, поднявшую оружие против него. Через два года после битвы на Воже Мамай предпринял поход на Русь.

Понимая, что Русь окажет ему стойкое сопротивление, Мамай собрал большую рать и, кроме того, вошел в сношение с Литвой, которая, как мы знаем, была тогда враждебна Москве. Литовский князь Ягайло обещал Мамаю соединиться с ним 1 сентября 1380 г. Узнав о приготовлениях Мамая, рязанский князь Олег также вошел в сношение с Мамаем и Ягайлом, стараясь уберечь свою украинскую землю от нового неизбежного разорения татарами. Не укрылись приготовления татар к походу и от московского князя. Он собрал вокруг себя всех своих подручных князей

(ростовских, ярославских, белозерских). Послал он также за помощью к прочим великим князьям и в Новгород, но ни от кого из них не успел получить значительных вспомогательных войск и остался при одних своих силах. Силы эти, правда, были велики, и современники удивлялись как количеству, так и качеству московской рати. По вестям о движении Мамая князь Дмитрий выступил в поход в августе 1380 г. Перед началом похода был он у преподобного Сергия в его монастыре и получил его благословение на брань. Знаменитый игумен дал великому князю из братии своего монастыря двух богатырей по имени Пересвета и Ослебя *, как видимый знак своего сочувствия к подвигу князя Дмитрия. Первоначально московское войско двинулось на Коломну, к границам Рязани, так как думали, что Мамай пойдет на Москву через Рязань. Когда же узнали, что татары идут западнее, чтобы соединиться с Литвой, то великий князь двинулся тоже на запад, к Серпухову, и решил не ждать Мамая на своих границах, а идти к нему навстречу в «дикое поле» и встретить его раньше, чем он успеет там сойтись с литовской ратью. Не дать соединиться врагам и бить их порознь — обычное военное правило. Дмитрий переправился через Оку на юг, пошел к верховьям Дона, перешел и Дон, и на Куликовом поле, при устье речки Непрядвы (впадающей в Дон справа) встретил Мамаеву рать. Литовский князь не успел соединиться с ней и был, как говорили тогда, всего на один день пути от места встречи русских и татар. Боясь дурного исхода предстоящей битвы, великий князь поставил в скрытном месте, в дубраве у Дона, особый засадный полк под начальством своего двоюродного брата князя Владимира Андреевича и боярина Боброка, волынца родом. Опасения Дмитрия оправдались; в жесточайшей сече татары одолели и потеснили русских; пало много князей и бояр: сам великий князь пропал безвестно; сбитый с ног, он без чувств лежал под деревом. В критическую минуту засадный полк ударил на татар, смял их и погнал. Не ожидавшие удара татары бросили свой лагерь и бежали без оглядки. Сам Мамай убежал с поля битвы с малой свитой. Русские преследовали татар несколько десятков верст и забрали богатую добычу. Возвращение великого князя в Москву было торжественно, но и печально. Велика была победа, но велики и потери. Когда, спустя два года (1382), новый ордынский хан, свергший Мамая, Тохтамыш внезапно пришел с войском на Русь, у великого князя не было под руками достаточно людей, чтобы встретить врага, и он не смог их скоро собрать. Татары подошли к Москве, а Дмитрий ушел на север. Москва была взята татарами, ограблена и сожжена; разорены были и другие города. Татары удалились с большой добычей

---

* Слово Ослéбя (Ослáбя) склонялось как *осля, щеня, теля:* Ослебяти и т. д. От этого имени произошла фамилия *Ослебятевых*. Оба богатыря троицких погибли в бою с татарами; могилы их сохранились в Симоновом монастыре в Москве.

и с полоном, а Дмитрий должен был признать себя снова данником татар и дать хану заложником своего сына Василия. Таким образом, иго не было свергнуто, а северная Русь была обессилена безуспешной борьбой за освобождение.

Тем не менее Куликовская битва имела громадное значение для северной Руси и для Москвы. Современники считали ее величайшим событием, и победителю татар, великому князю Дмитрию, дали почетное прозвище «Донского» за победу на Дону. Военное значение Куликовской победы заключалось в том, что она уничтожила прежнее убеждение в непобедимости Орды и показала, что Русь окрепла для борьбы за независимость. Набег Тохтамыша не уменьшил этого значения Мамаева побоища: татары одолели в 1382 г. только потому, что пришли «изгоном», внезапно и крадучись, а Москва их проглядела и не уберeглась. Все понимали, что теперь Русь не поддастся, как прежде, нашествиям Орды и что татарам можно действовать против Руси только нечаянными набегами. Политическое же и национальное значение Куликовской битвы заключалось в том, что она дала толчок к решительному народному объединению под властью одного государя, московского князя. С точки зрения тогдашних русских людей, события 1380 г. имели такой смысл: Мамаева нашествия со страхом ждала вся северная Русь. Рязанский князь, боясь за себя, «изменил», войдя в покорное соглашение с врагом. Другие крупные князья (суздальско-нижегородские, тверской) притаились, выжидая событий. Великий Новгород не спешил со своей помощью. Один московский князь, собрав свои силы, решился дать отпор Мамаю и притом не на своем рубеже, а в диком поле, где он заслонил собой не один свой удел, а всю Русь. Приняв на себя татарский натиск, Дмитрий явился добрым страдальцем за всю землю Русскую; а отразив этот натиск, он явил такую мощь, которая ставила его естественно во главе всего народа, выше всех других князей. К нему, как к своему единому государю, потянулся весь народ. Москва стала очевидным для всех центром народного объединения, и московским князьям оставалось только пользоваться плодами политики Донского и собирать в одно целое шедшие в их руки земли.

Преемники Донского. Донской умер всего 39 лет и оставил после себя несколько сыновей. Старшего, Василия, он благословил великим княжением Владимирским и оставил ему часть в Московском уделе; остальным сыновьям он поделил прочие города и волости своего московского удела. При этом в своем завещании он выразился так: «а по грехом отыметь Бог сына моего князя Василья, а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему княжь Васильев удел». На основании этих слов второй сын Дмитрия, Юрий, считал себя наследником своего старшего брата как в московских землях, так и в великом княжении. В этом он был неправ, потому что Дмитрий имел в виду только тот случай, если бы Василий умер бездетным; вообще же московские князья держались в своих завещаниях начала семей-

ного наследования, а не родового, и сами звали себя «вотчинниками» великокняжеских и своих удельных земель.

Великий князь *Василий Дмитриевич* (1389—1425) был человек безличный и осторожный. При нем Москва захватила Нижний Новгород у суздальских князей в виде обычного в то время примысла. Великий князь опирался в этом деле на хана Тохтамыша, который дал ему ярлык на Нижний сверх ярлыка на великое княжение. Но когда Тохтамыш был свергнут азиатским ханом Тимур-Ленком или Тамерланом, то отношения с татарами у Василия испортились. Русь ожидала страшного татарского нашествия и готовилась к обороне. Великий князь собрал большое войско и стал на своем рубеже, на берегу Оки, решившись отразить врага. Москва была готова к осаде. Митрополит Киприан, для того, чтобы поддержать бодрость в народе, подал мысль принести в Москву главную святыню всего великого княжения — Владимирскую Икону Богоматери, привезенную во Владимир с юга князем Андреем Боголюбским. (С тех пор эта икона остается в московском Успенском соборе.) Но Тамерлан не дошел до Оки и от города Ельца повернул назад (1395). Повидимому, внезапное отступление страшного татарского завоевателя было истолковано Русью как знак татарской слабости. Великий князь прекратил уплату выхода и не оказывал никакого почтения ханским послам. Орда тогда замыслила набег на Русь. Татарский князь Едигей внезапно и скрытно, обманом, вторгся в Русскую землю и осадил Москву. Великий князь ушел на север, а Едигей разорил почти все его области и, взяв «окуп» с Москвы, безнаказанно вернулся в Орду. Таковы были отношения к татарам. С Литвой у Василия также шла вражда, как и у его отца. Постоянно усиливаясь, литовские князья подчиняли себе русские области на верховьях Днепра и Зап. Двины. Но к тому же стремилась и Москва, собиравшая к себе русские земли. Несмотря на то, что великий князь московский был женат на дочери великого князя литовского Витовта (Софии), между ними дело доходило до открытых войн. Столкновения закончились тем, что границей владений Литвы и Москвы была признана р. Угра, левый приток Оки. Примирившись с тестем, Василий Дмитриевич вверил Витовту попечительство над своим сыном, а его внуком, великим князем Василием Васильевичем. Это была минута наибольшего превосходства Литвы над Московской Русью.

Великий князь *Василий Васильевич,* по прозвищу Темный (т. е. слепой), остался после своего отца всего 10-ти лет. Его княжение (1425—1462) было очень беспокойно и несчастливо. Дядя великого князя, Юрий Дмитриевич, не желал признавать малолетнего племянника великим князем, желал себе старшинства и по смерти Витовта (1430) начал открытую борьбу с племянником за Москву и Владимир. В борьбе приняли участие и сыновья Юрия: Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Юрий опирался на свой богатый галичский удел (Галич Мерский на верховьях р. Костромы). За

Василия же Васильевича стояли большинство населения, духовенство и боярство. Москва много раз переходила из рук в руки. Юрий умер, обладая Москвой, на великом княжении. После него особенно действовал против Василия Васильевича Василий Косой; но был пойман и ослеплен по приказанию великого князя. За то Дмитрий Шемяка, когда взял верх над Василием Васильевичем, ослепил его самого (1446). Борьба шла почти все княжение Темного и окончилась полной победой великого князя над Шемякой и другими удельными князьями, державшими его сторону. В 1450 г. Шемяка был разбит в большом сражении при Галиче, бежал в Новгород и там вскоре погиб, говорят, от отравы. Земли его были взяты на великого князя, так же как и земли его союзников. В борьбе галичских князей с великим князем в последний раз в северной Руси выступает старый принцип родового наследования и старшинства дядей над племянниками. Московский обычай вотчинного наследования от отца к сыну восторжествовал здесь над старым порядком решительно и бесповоротно благодаря всеобщему сочувствию: народ уже оценил преимущества семейного наследования, ведшего к установлению единовластия, желаемого страной.

Во время московской усобицы татары беспокоили русские земли, как и в прежнее время, воровскими набегами. Распадение Золотой Орды выражалось, между прочим, в том, что татарские князья все в большем числе изгонялись из Орды во время междоусобий и должны были искать себе пристанища. Одни из них мирно просились и поступали на службу к московским князьям, другие же начинали разорять русские земли и сами попадали под удары русских. Из таких изгнанников особенно заметен в это время был хан Улу-Махмет. Разорив русские волости по Оке, он пошел на Волгу и устроил себе город Казань на р. Казанке, близ впадения ее в Волгу. Основав там особое Казанское царство, он оттуда стал громить Русь, доходя в своих набегах до самой Москвы. Великий князь Василий Васильевич вышел против татар, но под Суздалем был разбит и взят татарами в плен (1445). В Москве началась паника, ждали татар; но татары не пришли. Они выпустили великого князя за большой выкуп, который был собран с народа и пришелся ему тяжко. Неудовольствие народа усилилось еще и оттого, что с великим князем, когда он вернулся из плена, приехало в Москву много татар на службу. Москвичам казалось, что великий князь «татар и речь их любит сверх меры, а христиан томит без милости». Тогда-то Шемяка, воспользовавшись настроением народа, захватил великого князя и осмелился его ослепить.

При многострадальном князе Василии Васильевиче произошло важное событие в жизни русской церкви. Как известно, в 1439 г. на соборе православного и котолического духовенства во Флоренции была совершена уния церквей восточной и западной. Император и патриарх константинопольские искали этой

унии, надеясь, что когда будет уничтожена церковная распря востока и запада, тогда папа и западные государи помогут грекам в их борьбе с турками. Погибая от турок, греческие власти готовы были на всякие уступки папе, и уния поэтому была устроена так, что греки сохраняли свой церковный обряд, но признавали все католические догматы и главенство пап. В то самое время, когда в Царьграде готовились к собору, надо было назначить на Русь митрополита. Назначили ученого грека, очень склонного к унии, Исидора. Приехав в Москву, он сейчас же стал собираться на собор в Италию, отправился туда с большой свитой и там стал одним из самых ревностных поборников соединения с латинством. Обласканный папой, возвратился он в 1441 г. в Москву и объявил о состоявшемся соглашении с Римом. Но в Москве соглашения не приняли, так как сами же греки целыми столетиями воспитывали в русских ненависть к католичеству. Исидор был взят под стражу и ухитрился бежать, «изшел бездверием», скрылся в Литву и оттуда перебрался в Италию. А в Москве решились отделиться от константинопольского патриархата, который предал православие папе, и впредь самим ставить себе митрополита по избранию собора русских архиереев. Новым порядком и был поставлен в митрополиты московские рязанский епископ Иона. В то же время в юго-западной Руси, на старой киевской митрополии, водворились особые митрополиты, по-прежнему назначаемые из Константинополя.

Время великого князя Ивана III

Значение эпохи. Преемником Василия Темного был его старший сын Иван Васильевич. Историки смотрят на него различно. *Соловьев* говорит, что только счастливое положение Ивана III после целого ряда умных предшественников дало ему возможность смело вести обширные предприятия. *Костомаров* судит Ивана еще строже,— он отрицает всякие политические способности в Иване, отрицает в нем и человеческие достоинства. *Карамзин* же оценивает деятельность Ивана III совсем иначе: не сочувствуя насильственному характеру преобразований Петра, он ставит Ивана III выше даже Петра Великого. Гораздо справедливее и спокойнее относится к Ивану III *Бестужев-Рюмин.* Он говорит, что хотя и много было сделано предшественниками Ивана и что поэтому Ивану было легче работать, тем не менее он велик потому, что умел завершить старые задачи и поставить новые.

Слепой отец сделал Ивана своим соправителем и еще при своей жизни дал ему титул великого князя. Выросши в тяжелое время междоусобий и смут, Иван рано приобрел житейский опыт и привычку к делам. Одаренный большим умом и сильной волей, он блестяще повел свои дела и, можно сказать, закончил собира-

ние великорусских земель под властью Москвы, образовав из своих владений единое Великорусское государство. Когда он начал княжить, его княжество было окружено почти отовсюду русскими владениями: господина Великого Новгорода, князей тверских, ростовских, ярославских, рязанских. Иван Васильевич подчинил себе все эти земли или силой, или мирными соглашениями. В конце своего княжения он имел лишь иноверных и иноплеменных соседей: шведов, немцев, литву, татар. Одно это обстоятельство должно было изменить его политику. Ранее, окруженный такими же, как он сам, владетелями, Иван был одним из многих удельных князей, хотя бы и самым сильным; теперь, уничтожив этих князей, он превратился в единого государя целой народности. В начале своего княжения он мечтал о примыслах, как мечтали о них его удельные предки; в конце же он должен был думать о защите целого народа от иноверных и иноземных его врагов. Коротко говоря, сначала его политика была удельной, а затем эта *политика стала национальной.*

Приобретя такое значение, Иван III не мог, разумеется, делиться своей властью с другими князьями московского дома. Уничтожая чужие уделы (в Твери, Ярославле, Ростове), он не мог оставлять удельных порядков в своей собственной родне. Для изучения этих порядков мы имеем большое количество духовных завещаний московских князей XIV и XV вв. и по ним видим, что постоянных правил, которыми бы устанавливался однообразный порядок владения и наследования, не было; все это определялось каждый раз завещанием князя, который мог передать свои владения кому хотел. Так, например, князь Семен, сын Ивана Калиты, умирая бездетным, завещал свой личный удел жене, помимо братьев. Князья смотрели на свои земельные владения, как на статьи своего хозяйства, и совершенно одинаково делили и движимое имущество, и частные земельные владения, и государственную территорию. Последняя обыкновенно делилась на уезды и волости по их хозяйственному значению или по историческому происхождению. Каждый наследник получал свою долю в этих землях, точно так же как получал свою долю и в каждой статье движимого имущества. Самая форма духовных грамот князей была та же, что и форма духовных завещаний лиц; точно так же грамоты совершались при свидетелях и по благословению духовных отцов. По завещаниям можно хорошо проследить отношения князей друг к другу. Каждый удельный князь владел своим уделом независимо; младшие удельные князья должны были слушаться старшего, как отца, а старший должен был заботиться о младших; но это были скорее нравственные, нежели политические обязанности. Значение старшего брата обусловливалось чисто материальным количественным преобладанием, а не излишком прав и власти. Так, например, Дмитрий Донской дал старшему из пяти сыновей треть всего имущества, а Василий Темный — половину. Иван III уже не хотел довольствоваться

избытком одних материальных средств и желал полного господства над братьями. При первой возможности он отнимал уделы у своих братьев и ограничивал их старые права. Он требовал от них повиновения себе, как государю от подданных. Составляя свое завещание, он сильно обделил своих младших сыновей в пользу старшего их брата, великого князя Василия и, кроме того, лишил их всяких державных прав, подчинив великому князю, как простых служебных князей. Словом, везде и во всем Иван проводил взгляд на великого князя, как на единодержавного и самодержавного монарха, которому одинаково подчинены как его служилые князья, так и простые слуги. Новая мысль о народном единодержавном государе вела к переменам в дворцовой жизни, к установлению придворного этикета («чина»), к большей пышности и торжественности обычаев, к усвоению разных эмблем и знаков, выражавших понятие о высоком достоинстве великокняжеской власти. Так, вместе с объединением северной Руси *совершалось превращение московского удельного князя в государя-самодержца всей Руси.*

Наконец, став национальным государем, Иван III усвоил себе *новое направление во внешних отношениях Руси.* Он сбросил с себя последние остатки зависимости от золотоордынского хана. Он начал наступательные действия против Литвы, от которой Москва до тех пор только оборонялась. Он даже заявил притязания на все те русские области, которыми со времен Гедимина владели литовские князья: называя себя государем «всея Руси», он под этими словами разумел не только северную, но и южную, и западную Русь. Твердую наступательную политику вел Иван III и относительно Ливонского ордена. Он умело и решительно пользовался теми силами и средствами, которые накопили его предки и которые он сам создал в объединенном государстве.

В этом и заключается важное историческое значение княжения Ивана III. Объединение северной Руси вокруг Москвы началось давно: при Дмитрии Донском обнаружились первые его признаки; совершилось же оно при Иване III. С полным правом поэтому Ивана III можно назвать создателем Московского государства.

Подчинение Великого Новгорода. Мы знаем, что в последнее время самостоятельной новгородской жизни в Новгороде шла постоянная вражда между лучшими и меньшими людьми. Часто переходя в открытые усобицы, эта вражда ослабляла Новгород и делала его легкой добычей для сильных соседей — Москвы и Литвы. Все великие московские князья старались взять Новгород под свою руку и держать там своих служилых князей в качестве московских наместников. Не раз за неповиновение новгородцев великим князьям москвичи ходили войной на Новгород, брали с него окуп (контрибуцию) и обязывали новгородцев к послушанию. После победы над Шемякой, который скрылся в Новгороде, Василий Темный разгромил новгородцев, взял с них 10 000 рублей и заставил присягнуть на том, что Новгород

будет ему послушен и не будет принимать никого из враждебных ему князей. Притязания Москвы на Новгород заставляли новгородцев искать союза и защиты у литовских великих князей; а те, со своей стороны, при всякой возможности старались подчинить себе новгородцев и брали с них такие же окупы, как Москва, но в общем плохо помогали против Москвы. Поставленные между двух страшных врагов, новгородцы пришли к убеждению в том, что они сами не могут охранить и поддержать свою независимость и что только постоянный союз с кем-либо из соседей может продлить существование Новгородского государства. В Новгороде образовались две партии: одна — за соглашение с Москвой, другая — за соглашение с Литвой. За Москву стояло по преимуществу простонародье, за Литву — бояре. Простые новгородцы видели в московском князе православного и русского государя, а в литовском — католика и чужака. Передаться из подчинения Москве в подчинение Литве значило для них изменить своей вере и народности. Бояре же новгородские, с семьей Борецких во главе, ожидали от Москвы полного разрушения старого новгородского строя и мечтали сохранить его именно в союзе с Литвой. После разгрома Новгорода при Василии Темном литовская партия в Новгороде взяла верх и стала подготовлять освобождение от московской зависимости, установленной при Темном,— путем перехода под покровительство литовского князя. В 1471 г. Новгород, руководимый партией Борецких, заключил с литовским великим князем и королем польским Казимиром Ягайловичем (иначе: Ягеллончиком) союзный договор, по которому король обязался защищать Новгород от Москвы, дать новгородцам своего наместника и соблюдать все вольности новгородские и старину.

Когда в Москве узнали о переходе Новгорода к Литве, то взглянули на это, как на измену не только великому князю, но и вере и русскому народу. В этом смысле великий князь Иван писал в Новгород, убеждая новгородцев отстать от Литвы и короля-католика. Великий князь собрал у себя большой совет из своих военачальников и чиновников вместе с духовенством, объявил на совете все новгородские неправды и измену и спрашивал у совета мнения о том, начать ли немедля войну с Новгородом или ждать зимы, когда замерзнут новгородские реки, озера и болота. Решено было воевать немедля. Походу на новгородцев придан был вид похода за веру на отступников: как Дмитрий Донской вооружился на безбожного Мамая, так, по словам летописца, благоверный великий князь Иоанн пошел на этих отступников от православия к латинству. Московская рать разными дорогами вошла в новгородскую землю. Под начальством князя Даниила Холмского она скоро победила новгородцев: сначала один московский отряд на южных берегах озера Ильменя разбил новгородское войско, а затем в новой битве на р. Шелони главные силы

новгородцев потерпели страшное поражение. Посадник Борецкий попал в плен и был казнен. Дорога на Новгород была открыта, а Литва не помогла Новгороду. Пришлось новгородцам смириться пред Иваном и просить пощады. Они отказались от всяких сношений с Литвой и обязались быть неотступными от Москвы; сверх того они заплатили великому князю огромный окуп в $15\frac{1}{2}$ тыс. рублей. Иван возвратился в Москву, а в Новгороде возобновились внутренние смуты. Обижаемые своими насильниками, новгородцы жаловались великому князю на обидчиков, и Иван лично отправился в 1475 г. в Новгород для суда и управы. Правосудие московского князя, не пощадившего на своем суде сильных бояр, повело к тому, что новгородцы, терпевшие обиды у себя дома, стали ездить из года в год в Москву просить суда у Ивана. Во время одного из таких приездов два чиновника новгородских титуловали великого князя «государем», тогда как раньше новгородцы звали московского князя «господином». Разница была большая: слово «государь» в то время значило то же, что теперь значит слово «хозяин»; государем тогда называли своего хозяина рабы и слуги. Для вольных же новгородцев князь не был «государем», и они его звали почетным титулом «господин», так же точно, как звали и свой вольный город «господином Великим Новгородом». Естественно, что Иван мог схватиться за этот повод, чтобы покончить с новгородской вольностью. Его послы спросили в Новгороде: на каком основании новгородцы называют его государем и какого хотят государства? Когда же новгородцы отреклись от нового титула и сказали, что никого не уполномочивали называть Ивана государем, то Иван пошел походом на Новгород за их ложь и запирательство. Новгород не имел сил бороться с Москвой, Иван осадил город и начал переговоры с новгородским владыкой Феофилом и боярами. Он потребовал безусловной покорности и объявил, что хочет в Новгороде такого же государства, как в Москве: вечу не быть, посаднику не быть, а быть московскому обычаю, как государи великие князья держат свое государство у себя в московской земле. Долго думали новгородцы и, наконец, смирились: в январе 1478 г. согласились они на требование великого князя и целовали ему крест. Новгородское государство перестало существовать; вечевой колокол был увезен в Москву. Туда же была отправлена семья бояр Борецких, во главе которой стояла вдова посадника Марфа (ее считали руководительницей противомосковской партии в Новгороде). Вслед за Великим Новгородом были подчинены Москвой и все новгородские земли. Из них Вятка оказала некоторое сопротивление. В 1489 г. московские войска (под начальством князя Даниила Щеняти) силой покорили Вятку.

В первый год после подчинения Новгорода великий князь Иван не налагал своей опалы на новгородцев и не принимал

крутых мер против них. Когда же в Новгороде попробовали восстать и вернуться к старине,— всего через год после сдачи великому князю,— тогда Иван начал с новгородцами крутую расправу. Владыка новгородский Феофил был взят и отправлен в Москву, а взамен его был прислан в Новгород архиепископ Сергий. Много новгородских бояр было казнено, еще больше было переселено на восток, в московские земли. Исподволь все лучшие люди новгородские были выведены из Новгорода, а земли их взяты на государя и розданы московским служилым людям, которых великий князь в большом числе поселил в новгородских пятинах. Таким образом исчезла совсем новгородская знать, а с ней исчезла и память о новгородской вольности. Меньшие люди новгородские, смерды и половники, были избавлены от боярского гнета; из них были образованы крестьянские податные общины на московский образец. В общем, их положение улучшилось, и они не имели побуждения жалеть о новгородской старине. С уничтожением новгородской знати пала и новгородская торговля с Западом, тем более что Иван III выселил из Новгорода немецких купцов. Так была уничтожена самостоятельность Великого Новгорода. Псков пока сохранил свое самоуправление, ни в чем не выходя из воли великого князя.

Подчинение удельных княжеств. При Иване III деятельно продолжалось подчинение и присоединение удельных земель. Те из мелких ярославских и ростовских князей, которые до Ивана III сохранили еще свою независимость, при Иване все передали свои земли Москве и били челом великому князю, чтобы он принял их к себе в службу. Становясь московскими слугами и обращаясь в бояр московского князя, эти князья сохраняли за собой свои родовые земли, но уже не в качестве уделов, а как простые вотчины. Они были их частными собственностями, а «государем» их земель почитался уже московский великий князь. Таким образом все мелкие уделы были собраны Москвой; оставались только Тверь и Рязань. Эти «великие княжения», когда-то боровшиеся с Москвой, теперь были слабы и сохраняли только тень своей независимости. Последние рязанские князья, два брата — Иван и Федор, были родными племянниками Ивана III (сыновьями его сестры Анны). Как мать их, так и сами они не выходили из воли Ивана, и великий князь, можно сказать, сам правил за них Рязанью. Один из братьев (князь Федор) скончался бездетным и завещал свой удел дяде великому князю, отдав, таким образом, добровольно половину Рязани Москве. Другой брат (Иван) умер также молодым, оставив малютку сына по имени Иван, за которого правила его бабушка и брат ее Иван III. Рязань оказалась в полной власти Москвы. Повиновался Ивану III и тверской князь Михаил Борисович. Тверская рать ходила даже с москвичами покорять Новгород. Но позднее, в 1484— 1485 гг., отношения испортились. Тверской князь завел дружбу с Литвой, думая от литовского великого князя получить помощь против Москвы. Иван III, узнав об этом, начал

войну с Тверью и, конечно, победил. Михаил Борисович убежал в Литву, а Тверь была присоединена к Москве (1485). Так совершилось окончательное объединение северной Руси.

Мало того, объединительная национальная политика Москвы влекла к московскому государю и таких служилых князей, которые принадлежали не северной Руси, а Литовско-Русскому княжеству. Князья вяземские, одоевские, новосильские, воротынские и многие другие, сидевшие на восточных окраинах Литовского государства, бросали своего великого князя и переходили на службу московскую, подчиняя московскому князю и свои земли. Именно переход старых русских князей от католического государя Литвы к православному князю северной Руси и давал повод московским князьям считать себя государями всей Русской земли, даже и той, которая находилась под литовским владычеством и хотя еще не соединялась с Москвой, но должна была, по их мнению, соединиться по единству веры, народности и старой династии Св. Владимира.

Семейные и придворные дела. Необыкновенно быстрые успехи великого князя Ивана III в собирании русских земель сопровождались существенными переменами в московском придворном быту. Первая жена Ивана III, тверская княжна Мария Борисовна, умерла рано, в 1467 г., когда Ивану не было еще и 30 лет. После нее у Ивана остался сын — князь Иван Иванович «Молодой», как его обыкновенно называли. В ту пору уже завязывались сношения Москвы с западными странами. По разным причинам, римский папа был заинтересован тем, чтобы установить сношения с Москвой и подчинить ее своему влиянию. От папы и вышло предположение устроить брак молодого московского князя с племянницей последнего константинопольского императора Зоей-Софией Палеолог. После взятия Царьграда турками (1453) брат убитого императора Константина Палеолога, по имени Фома, бежал с семейством в Италию и там умер, оставив детей на попечение папы. Дети были воспитаны в духе Флорентийской унии, и папа имел основания надеяться, что, выдав Софью за московского князя, он получит возможность ввести унию в Москву. Иван III согласился начать сватовство и отправил в Италию послов за невестой. В 1472 г. она приехала в Москву и брак состоялся. Однако надеждам папы не было суждено осуществиться: папский легат, сопровождавший Софью, не имел никакого успеха в Москве; сама Софья ничем не содействовала торжеству унии, и, таким образом, брак московского князя не повлек за собой никаких видимых последствий для Европы и католичества *.

Но он имел некоторые последствия для московского двора.

Во-первых, он содействовал оживлению и укреплению завязавшихся в ту эпоху сношений Москвы с Западом, с Италией

* Роль Софьи Палеолог основательно исследована проф. *В. И. Саввою* («Московские цари и Византийские василевсы», 1901).

в особенности. Вместе с Софьей прибыли в Москву греки и итальянцы; приезжали они и впоследствии. Великий князь держал их у себя, как «мастеров», поручая им строение крепостей, церквей и палат, литье пушек, чеканку монеты. Иногда этим мастерам вверялись дипломатические дела, и они ездили в Италию с поручениями от великого князя. Выезжих итальянцев в Москве называли общим именем «фрязин» (от «фряг», «франк»); таким образом действовали в Москве Иван Фрязин, Марк Фрязин, Антоний Фрязин и т. п. Из итальянских мастеров особой известностью пользовался Аристотель Фиоравенти, построивший в Московском Кремле знаменитые Успенский собор и Грановитую палату. Вообще трудами итальянцев при Иване III Кремль был обстроен и украшен заново. Рядом с «фряжскими» мастерами у Ивана III работали и немецкие, хотя в его пору они не играли первой роли; выдавались только лекаря-«немчины». Кроме мастеров, в Москве появлялись иноземцы гости (например, греческая родня Софьи) и послы от западноевропейских государей. (Между прочим, посольство от римского императора предлагало Ивану III титул короля, от которого Иван отказался.) Для приема гостей и послов при московском дворе был выработан определенный «чин» (церемониал), совсем отличный от того чина, который соблюдался прежде при приемах татарских посольств. И вообще порядок придворной жизни при новых обстоятельствах изменился, стал сложнее и церемоннее.

Во-вторых, появлению в Москве Софьи московские люди приписывали большие перемены в характере Ивана III и замешательства в княжеской семье. Они говорили, что, как пришла Софья с греками, так земля замешалася, и пришли нестроения великие. Великий князь изменил свое обращение с окружающими: стал держать себя не так просто и доступно, как прежде, требовал знаков почтения к себе, стал взыскателен и легко опалялся (налагал немилость) на бояр. Он стал обнаруживать новое, непривычно высокое представление о своей власти. Женившись на греческой царевне, он как будто считал себя преемником исчезнувших греческих императоров и намекал на это преемство тем, что усвоил себе византийский герб — двуглавого орла. Словом, после брака с Софьей Иван III проявил большое властолюбие, которое потом испытала на себе и сама великая княгиня. В конце своей жизни Иван совсем было поссорился с Софьей и отдалил ее от себя. Ссора их произошла по вопросу о престолонаследии. Сын Ивана III от первого брака, Иван Молодой, умер в 1490 г., оставив великому князю маленького внука Дмитрия. Но у великого князя был другой сын от брака с Софьей — Василий. Кому было наследовать престол московский: внуку Дмитрию или же сыну Василию? Сначала Иван III решил дело в пользу Дмитрия и при этом наложил свою опалу на Софью и Василия. Дмитрия он при своей жизни венчал на царство (именно на *царство,* а не на великое княжение). Но через год

отношения переменились: Дмитрий был отстранен, а Софья с Василием снова вошли в милость. Василий получил титул великого князя и стал соправителем отца. При этих переменах терпели придворные Ивана III: с опалой на Софью попали в немилость ее приближенные, причем несколько человек было даже казнено смертью; с опалой на Дмитрия великий князь также воздвиг гонение на некоторых бояр и одного из них казнил.

Вспоминая все то, что происходило при дворе Ивана III после его женитьбы на Софье, московские люди высказывали осуждение Софье и считали ее влияние на мужа скорее вредным, чем полезным. Ей они приписывали падение старых обычаев и разные новизны в московском быту, а также и порчу характера ее мужа и сына, ставших властными и грозными монархами. Не следует, однако, преувеличивать значение личности Софьи: если бы ее и вовсе не было при московском дворе, все равно московский великий князь сознал бы свою силу и полновластие, и сношения с Западом все равно завязались бы. К этому вел весь ход московской истории, в силу которого московский великий князь стал единым государем могучей великорусской народности и соседом нескольких европейских государств.

Внешняя политика Ивана III. Во время Ивана III существовали уже три самостоятельных татарских орды в пределах нынешней России. Золотая Орда, истощенная усобицами, доживала свой век. Рядом с ней в XV в. образовалась в Черноморье Крымская Орда, в которой утвердилась династия Гиреев (потомков Ази-Гирея). В Казани золотоордынские выходцы основали, также в середине XV в., особую орду, объединив под татарской властью финских инородцев: мордву, черемису, вотяков. Пользуясь несогласиями и постоянными междоусобиями среди татар, Иван III исподволь добился того, что подчинил Казань своему влиянию и сделал своим подручником казанского хана или «царя» (тогда ханов москвичи называли царями). С крымским царем у Ивана III образовалась прочная дружба, так как оба они имели общего врага — Золотую Орду, против которой и действовали вместе. Что же касается до Золотой Орды, то Иван III прекратил всякие зависимые к ней отношения: не давал дани, не ехал в Орду, не оказывал почтения хану. Рассказывали, что однажды Иван III даже бросил на землю и топтал ногой ханскую «басму», т. е. тот знак (по всей вероятности, золотую пластину, «жетон» с надписью), который хан вручил своим послам к Ивану, как доказательство их полномочий и власти. Слабый золотоордынский хан Ахмат пытался действовать против Москвы в союзе с Литвой; но так как Литва не давала ему верной помощи, то он ограничивался набегами на московские границы. В 1472 г. он пришел к берегам Оки и, пограбив, ушел назад, не смея идти на саму Москву. В 1480 г. он повторил свой набег. Оставив вправо от себя верховья Оки, Ахмат пришел на р. Угру, в пограничные между Москвой и Литвой места. Но и здесь он не получил

никакой помощи от Литвы, а Москва встретила его сильной ратью. На Угре и стали друг против друга Ахмат и Иван III — оба в нерешимости начать прямой бой. Иван III велел готовить столицу к осаде, отправил свою жену Софью из Москвы на север и сам приезжал с Угры к Москве, боясь как татар, так и своих родных братьев (это прекрасно показано в статье *А. Е. Преснякова* «Иван III на Угре»). Они были с ним в ссоре и внушали ему подозрение в том, что изменят в решительную минуту. Осмотрительность Ивана и медлительность его показались народу трусостью, и простые люди, готовясь в Москве к осаде, открыто негодовали на Ивана. Духовный отец великого князя, архиепископ ростовский Вассиан, и словом и письменным «посланием», увещевал Ивана не быть «бегуном», а храбро стать против врага. Однако Иван так и не решился напасть на татар. В свою очередь и Ахмат, простояв на Угре с лета до ноября месяца, дождался снегов и морозов и должен был уйти домой. Сам он скоро был убит в усобице, а его сыновья погибли в борьбе с Крымской Ордой, и самая Золотая Орда окончательно распалась (1502). Так окончилось для Москвы «татарское иго», спадавшее постепенно и в последнюю свою пору бывшее номинальным. Но не окончились для Руси беды от татар. Как крымцы, так и казанцы, и нагаи, и все мелкие кочевые татарские орды, близкие к русским границам и «украйнам», постоянно нападали на эти украйны, жгли, разоряли жилища и имущество, уводили с собой людей и скот. С этим постоянным татарским разбоем русским людям пришлось бороться еще около трех столетий.

Отношения Ивана III к Литве при великом князе Казимире Ягайловиче не были мирными. Не желая усиления Москвы, Литва стремилась поддерживать против Москвы Великий Новгород и Тверь, поднимала на Ивана III татар. Но у Казимира не было достаточно сил, чтобы вести с Москвой открытую войну. После Витовта внутренние осложнения в Литве ослабили ее. Усиление польского влияния и католической пропаганды создало в Литве много недовольных князей; они, как мы знаем, уходили в московское подданство со своими вотчинами. Это еще более умаляло литовские силы и делало для Литвы очень рискованным открытое столкновение с Москвой. Однако оно стало неизбежным по смерти Казимира (1492), когда Литва избрала себе великого князя особо от Польши. В то время как королем Польши стал сын Казимира Ян Альбрехт, в Литве вокняжился его брат Александр Казимирович. Воспользовавшись этим разделением, Иван III начал войну против Александра и добился того, что Литва формально уступила ему земли князей, перешедших в Москву (вяземских, новосильских, одоевских, воротынских, белевских), и кроме того, признала за ним титул «государя всея Руси». Заключение мира было закреплено тем, что Иван III выдал свою дочь Елену замуж за Александра Казимировича. Александр был сам католик,

но обещал не принуждать к католичеству своей православной супруги. Однако ему трудно было сдержать это обещание из-за внушений своих католических советников. Судьба великой княгини Елены Ивановны была очень печальна, и ее отец напрасно требовал от Александра лучшего с ней обращения. С другой стороны, и Александр обижался на московского великого князя. К Ивану III на службу продолжали проситься православные князья из Литвы, объясняя свое нежелание оставаться под властью Литвы гонением на их веру. Так, Иван III принял к себе князя бельского и князей новгород-северского и черниговского с громадными вотчинами по Днепру и Десне. Война между Москвой и Литвой стала неизбежна. Она шла с 1500 по 1503 г., причем сторону Литвы принял Ливонский орден, а сторону Москвы — крымский хан. Окончилось дело перемирием, по которому Иван III удержал за собой все приобретенные им княжества. Было очевидно, что Москва в ту минуту была сильнее Литвы, точно так же как она была сильнее и ордена. Орден, несмотря на отдельные военные удачи, заключил с Москвой также не особенно почетное перемирие. До Ивана III, под напором с запада, Московское княжество уступало и проигрывало; теперь московский великий князь сам начинает наступать на своих соседей и, увеличивая с запада свои владения, открыто высказывает притязание на присоединение к Москве всех вообще русских земель.

Воюя со своими западными соседями, Иван III искал дружбы и союзов в Европе. Москва при нем вступила в дипломатические сношения с Данией, с императором, с Венгрией, с Венецией, с Турцией. Окрепшее русское государство входило понемногу в круг европейских международных отношений и начинало свое общение с культурными странами Запада.

Великий князь Василий III Иванович. Иван III, по примеру своих предков, составил завещание, в котором поделил свои владения между своими пятью сыновьями. По форме это завещание было похоже на старые княжеские душевные грамоты, но по сути своей оно окончательно устанавливало новый порядок единодержавия в Московском государстве. Старшего своего сына Василия Иван III делал прямо государем над братьями и ему одному давал державные права. Василий получил один 66 городов, а четверо его братьев — только тридцать, и притом мелких. Василий один имел право бить монету, сноситься с другими государствами; он наследовал все выморочные уделы бездетных родственников; только его детям принадлежало великое княжение, от которого отказались заранее его братья. Таким образом Василий был государем, а его братья и прочая родня — подданными. Такова основная мысль завещания Ивана III.

Василий III наследовал властолюбие своего отца, но не имел его талантов. Вся его деятельность была продолжением того, что делал его отец. Чего не успел довершить Иван III, то доканчивал

Василий. Покорив Новгород, Иван оставил прежнее самоуправление в Пскове. Внутренняя жизнь Пскова не давала тогда поводов к вмешательству в его дела. Во Пскове не было внутренних усобиц. Находясь на окраине Русской земли, в постоянном страхе от литвы и немцев, Псков крепко держался Москвы, был ей послушен и всегда имел у себя, вместо самостоятельного князя, московского наместника. При таких условиях псковское вече не могло сохранить за собой прежнего самостоятельного политического значения; оно стало органом местного самоуправления под главенством московского государя. Однако послушание псковичей великому князю не обеспечивало их от притеснений со стороны московских наместников. Псковичи жаловались на своих «князей» в Москву, а наместники жаловались на псковичей. В 1510 г., после одной из таких ссор, Василий III уничтожил вече во Пскове, взял в Москву вечевой колокол и вывел из Пскова на жительство в московские волости 300 семей псковичей, а на их место прислал столько же семей из московских городов. Псков не оказал великому князю никакого сопротивления: псковичи только слезами оплакивали потерю своей вековой вольности и жаловались, что город их поруган и разорен, «а псковичи бедные не ведали правды московские».

То же было сделано и с Рязанью. Иван III, овладев одной половиной Рязани, другую оставил за малолетним рязанским князем Иваном, но управлял Рязанью за него, как его дед. Московская опека продолжалась и при Василии III. Однако, возмужав, рязанский князь стал тяготиться зависимостью от Москвы и мечтать о самостоятельности. Заметив это, Василий арестовал князя Ивана, а его волость присоединил к Москве (1517). Как и во Пскове, рязанцев толпами выводили в московские волости, а на их место селили москвичей. Такой «вывод» из покоренных земель делали для того чтобы уничтожить в них возможность восстаний и отпадений от Москвы.

Наконец, оставались еще князья Северной земли, перешедшие к Ивану III от литовского великого князя со своими волостями. Василий III, воспользовавшись их распрями, выгнал этих князей из их городов и взял их владения к Москве (1523). Таким образом, все так называемые «уделы» были упразднены, и в Московском государстве остались только простые служилые князья, которые в своих вотчинах не имели уже никаких державных прав и служили великому князю, как простые бояре.

Внешняя политика Василия была продолжением политики предшествующего княжения. Москва по-прежнему притягивала к себе выходцев из Литвы (князья Глинские), а Литва, как и ранее, не могла примириться с уходом князей из литовского подданства. Дважды вспыхивала война между Василием III и литовским великим князем Сигизмундом Казимировичем. Василий III овладел в 1514 г. Смоленском, имевшим важное военное значение. Как ни старались литовцы, эта крепость осталась в московских

руках, и Литва была вынуждена заключить (в 1522 г.) перемирие с уступкой Смоленска Москве до «вечного мира» или «докончания». Но этого «докончания» так и не было достигнуто в течение более чем столетия, ибо Литва и Москва никак не могли размежевать между собой спорные промежуточные между ними русские волости.

Татарские отношения после падения Золотой Орды не стали легче для Москвы. Дружба с Крымом при Василии III прекратилась, а влияние Москвы в Казани не было прочно. И со стороны Крыма, и со стороны Казани на русские области совершались постоянные набеги. На южных границах Московского государства грабили крымцы; в местах нижегородских, костромских и галицких — казанские татары и подчиненная им мордва и черемиса. От татарской и черемисской «войны» русские люди не могли жить спокойно у себя дома и не имели возможности колонизовать ни плодородной черноземной полосы на юге от Оки (так называемого «дикого поля»), ни лесных пространств за Волгой по рр. Унже и Ветлуге. Вся восточная и южная окраина государства была в постоянном страхе татарских набегов. Мало того, если татарам удавалось не встретить на границах Руси московской сторожевой рати, они устремлялись в центральные русские волости и добирались даже до самой Москвы. Василию III оставалось только сторожить свои границы и при случае вмешиваться во внутренние дела татар и укреплять среди них свое влияние. В Казани это и удавалось. Крым же, к сожалению, был так далек от Москвы, что нельзя было хорошо следить за крымцами и влиять на них. Московское правительство ограничивалось тем, что посылало в Крым посольство с «поминками», т. е. подарками, которыми думало задобрить и замирить врага; а в то же время ежегодно летом на южной границе государства (шедшей по берегу средней Оки и потому называвшейся тогда «берегом») ставились войска, чтобы стеречь «берег» от внезапных набегов. Сверх того, в наиболее опасных местах строили на Оке и за Окой недоступные для татар каменные крепости (Калуга, Тула, Зарайск) и помещали в них войска.

Василий III был женат на Соломонии из боярского рода Сабуровых и не имел детей. Он, однако, никак не хотел оставить великого княжения своим братьям (Юрию и Андрею), так как, по его мнению, они и своих уделов не умели устроить. Поэтому, с разрешения митрополита (Даниила), он заставил свою жену постричься в монахини (с именем Софии) и отправил ее на житье в Суздальский женский Покровский монастырь. Сам же женился вторично, взяв за себя княжну Елену Васильевну Глинскую, из рода литовских выходцев. В этом браке у него было два сына. Иван и Юрий. Старшему из них было всего 3 года, когда Василий III заболел случайным нарывом и умер, не дожив до 60 лет.

Отношения к боярству. Властный, требовательный и строгий, Василий не обладал достоинствами Ивана III, но зато еще более

его любил власть и умел показать свое могущество и самовластие всем его окружавшим. При нем простые удельные отношения подданных к государю исчезают. Герберштейн, германский посол, бывший в ту пору в Москве, замечает, что Василий III имел власть, какой не обладал ни один монарх, и затем добавляет, что когда спрашивают москвичей о неизвестном им деле, они говорят, равняя князя с Богом: «Мы этого не знаем, знает Бог да государь». Такой казалась власть государя иноземцам; но пойманные ими фразы назначались не только для того, чтобы политически возвысить государя в дипломатических сношениях с иноземцами; внутренние отношения действительно менялись, и власть московского государя росла не только по отношению к удельным князьям как власть единого властителя сильного государства, но и в отношениях подданных. Эта перемена отношений к подданным резче всего сказалась изменениями в быте боярства.

В Москве издавна, благодаря богатству московских князей и другим причинам, собралось многочисленное боярство: со времени Ивана Калиты с юга и с запада приезжали сюда именитые бояре и мало-помалу около московского великокняжеского стола столпилось больше слуг, чем у кого бы то ни было из других русских князей. Основанием отношений между князем и боярами до половины XV в. в Москве был договор; боярин приходил «служить князю», а князь за это должен был его «кормить»,— вот главное условие договора. Сообразно с этим каждый служилый боярин имел право на «кормление» по заслугам и вместе с тем право отъезда и участия в совете князя. До половины XV в. интересы боярства были тесно связаны с интересами князя: боярин должен был стараться об усилении своего князя, так как чем сильнее князь, тем лучше служить боярину и тем безопаснее его вотчина. Князья в свою очередь признавали заслуги бояр, что видим из завещания Дмитрия Донского, в котором он советует детям во всем держаться совета бояр. Словом, московские князья и бояре составляли одну дружную политическую силу. Но с половины XV в. изменяется состав московского боярства и изменяется отношение боярства к государю. С этого времени в княжение Ивана III и Василия III, в эпоху окончательного подчинения и присоединения уделов, замечается прилив новых слуг к московскому двору: во-первых, это удельные князья, потерявшие или уступившие свои уделы московскому князю; во-вторых, это удельные князья, которые ранее потеряли свою самостоятельность и служили другим удельным князьям; наконец, это бояре — слуги удельных князей, перешедшие вместе со своими князьями на службу к московскому князю. Толпа княжеских слуг увеличивалась еще новыми пришельцами из Литвы,— это были литовские и русские князья, державшиеся православия под властью литовских владетелей и после унии 1386 г. стремившиеся перейти со своими уделами под власть православного

государя. Все перечисленные пришельцы скоро стали в определенные отношения к старым московским боярам и друг к другу. Эти отношения выразились в обычаях *местничества*. Так называется порядок служебных отношений боярских фамилий, сложившийся в Москве в XV и XVI вв. и основанный на «отечестве», т. е. на унаследованных от предков отношениях служилого лица и рода по службе к другим лицам и родам. Каждый князь или боярин, принимая служебное назначение, справлялся, не станет ли он в равноправные или подчиненные отношения к лицу, менее его родовитому по происхождению, и отказывался от таких назначений, как от бесчестящих не только его, но и весь его род. Такой обычай «местничаться» разместил мало-помалу все московские боярские роды в определенный порядок по знатности происхождения, и на этом аристократическом основании большие роды княжеские, как самые знатные, стали выше других; они занимали высшие должности и являлись главными помощниками и сотрудниками московских государей. Но бывшие удельные князья, пришедшие на службу к московскому государю и ставшие к нему в отношения бояр, в большинстве сохранили за собой свои удельные земли на частном праве, как боярские вотчины. Перестав быть самостоятельными владельцами своих уделов, они оставались в них простыми вотчинниками-землевладельцами, сохраняя иногда в управлении землями некоторые черты своей прежней правительственной власти. Таким образом, их положение в их вотчинах переменилось очень мало: они остались в тех же суверенных отношениях к населению своих вотчин, сохраняли свои прежние понятия и привычки. Делаясь боярами, эти княжата приносили в Москву не боярские мысли и чувства; делаясь из самостоятельных людей людьми подчиненными, они, понятно, не могли питать хороших чувств к московскому князю, лишившему их самостоятельности. Они не довольствуются положением прежних бояр при князе, а стараются достигнуть новых прав, воспользоваться всеми выгодами своего нового положения. Помня свое происхождение, зная, что они — потомки прежних правителей русской земли, они смотрят на себя и теперь, как на «хозяев» русской земли, с той только разницей, что предки их правили русской землей поодиночке, по частям, а они, собравшись в одном месте, около московского князя, должны править *все* вместе *всей* землей. Основываясь на этом представлении, они склонны требовать участия в управлении страной, требуют, чтобы князья московские советовались с ними о всех делах, грозя, в противном случае, отъездом. Но служилые князья не могли отъехать, как отъезжали бояре удельных князей, т. е. не могли переехать на службу от одного удельного князя к другому; теперь уделов не было и можно было отъехать только в Литву или к немцам под иноверную власть, но и то и другое считалось изменой русскому государству. В конце концов, их положение определялось так; допуская местничество, московские князья не

спорили до поры до времени против права совета, но старались прекратить отъезд; вместе с тем самый ход исторических событий все более и более мешал отъезду, а право совета иногда не осуществлялось. С царствования Ивана III, именно со времени его брака с Софьей Фоминишной, которую не любили бояре за ее властолюбивые стремления, начинают раздаваться жалобы со стороны бояр, что государь их не слушает. Время Василия III было еще хуже для бояр в этом отношении, еще более увеличивалось их неудовольствие против князя. Выразителем боярского настроения может служить Берсень-Беклемишев, типичный представитель боярства начала XVI в., человек очень умный, очень начитанный. Он часто ходил к Максиму Греку и беседовал с ним о положении дел на Руси, причем высказывал откровенно свои взгляды. Он говорил, что все переменилось на Руси, как «пришла Софья», что она переставила все порядки, и потому государству стоять недолго; князь московский не любит, как бывало прежде, советоваться с боярами и решает дела «сам третей у постели», т. е. в своем домашнем совете, состоявшем из двух неродовитых людей. Эти речи Беклемишева были обнаружены следствием, и за них ему отрезали язык.

Так, в начале XVI в. стали друг против друга государь, шедший к полновластию, и боярство, которое приняло вид замкнутой и точно расположенной по степеням родовитости аристократии. Великий князь двигался, куда вела его история; боярский класс действовал во имя отживших политических форм и старался как бы остановить историю. В этом историческом процессе столкнулись, таким образом, две силы, далеко не равные. За московского государя стоят симпатии всего населения, весь склад государственной жизни, как она тогда слагалась; а боярство, не имея ни союзников, ни влияния в стране, представляло собой замкнутый аристократический круг, опиравшийся при своем высоком служебном и общественном положении лишь на одни родословные предания и не имевший реальных сил отстоять свое положение и свои притязания. Однако, несмотря на неравенство сил, факт борьбы московского боярства с государем несомненен. Жалобы со стороны бояр начались с Ивана III, при Василии раздавались сильнее, и при обоих этих князьях мы видим опалы и казни бояр; но с особенной силой эта борьба разыгралась при *Иване Грозном,* когда в крови погибла добрая половина бояр.

Москва — третий Рим. Такова фактическая сторона превращения Московского удела в национальное великорусское государство. Была и идейная сторона в этом быстром историческом движении. Простое накопление сил и средств путем безразборчивых «примыслов» характеризует московскую политику до конца XIV в.; с этого же времени в усилении Москвы заметно становятся мотивы высшего порядка. Толчком к такому перелому послужила знаменитая Куликовская битва. Подготовленный исподволь разрыв с Ордой поставил Русь перед опасностью всеобщего

разорения. Рязань думала отвратить разгром покорностью, Москва приготовилась к защите, остальные «великие княжества» и «господин Великий Новгород» выжидали. Под «высокою рукою» Дмитрия Донского собрались только его служебные князья да удельная мелкота с выезжими литовскими князьями. Со своей ратью Дмитрий по стратегическим соображениям — чтобы не дать соединиться татарам с Литвой — выдвинулся не только за пределы своих земель, но и за пределы русской оседлости вообще, в «дикое поле», и встретил татар на верховьях Дона, в местности, носившей название Куликова поля. Битва, принятая русскими в дурных условиях, окончилась, однако, их победой. Татары и литва ушли, и таким образом Донской заслонил собой и спас не только Москву, но и всю Русь. И вся Русь почувствовала, кто именно оказался ее спасителем. Только московский князь имел силу и желание стать за общенародное дело в то время, когда Новгород и прочие княжества притаились в ожидании беды. С этих пор Дмитрий из князя московского превратился в «царя Русского», как стали называть его в тогдашних литературных произведениях, а его княжество выросло в национальное государство Московское. «Оно родилось на Куликовом поле, а не в скопидомном сундуке Ивана Калиты»,— метко и красиво сказал о нем В. О. Ключевский. Древнерусская письменность в XV в. отметила нам и эту перемену в фактах, и перелом в народном сознании. Многочисленные редакции повестей о Куликовской битве представляют ее, как национальный подвиг («Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть» о нем, «Слово о Задонщине»). «Слово о житии Димитрия Донского» проникнуто национальным сознанием; церковные проповеди конца XIV и начала XV вв. на московских князей указывают как на национальных государей. Мало того, что народность сознала свое единство, она вскоре затем почувствовала свою силу, оценила, быть может, даже выше меры свои политические успехи и стала смотреть на себя, как на Богом избранный народ, «новый Израиль», которому суждено играть первенствующую роль среди других православных народов и в этом отношении занять место отживающей, теснимой турками, подчинившейся папам (на Флорентийском соборе) Византии. Такие тенденции начинают проглядывать в письменности того времени, в рассказах (Серапиона) о Флорентийском соборе, в повествовании о пребывании на Руси апостола Андрея Первозванного, в легенде о происхождении московских князей от Пруса, брата императора Августа, в преданиях о передаче на Русь из Греции «белаго клобука», который носили новгородские архиепископы, Мономахова венца и прочих «царских утварей» и других святынь, увозимых из Византии и обретаемых на Руси.

Все эти сказания о святынях церковных и о символах политического главенства имели целью доказать, что политическое первенство в православном мире, ранее принадлежавшее старому

Риму и «Риму новому» (Roma nova — Византия), Божьим смотрением перешло на Русь, в Москву, которая и стала «третьим Римом». В то время, когда турки уничтожили все православные монархии Востока и пленили все патриархаты, Москва сбрасывала с себя ордынское иго и объединяла Русь в сильное государство. Ей принадлежала теперь забота хранить и поддерживать православие и у себя, и на всем Востоке. Московский князь становится теперь главой всего православного мира — «царем православия». Псковский монах («старец») Филофей первый высказал ясно эту мысль о всемирном значении Москвы и ее «царства» в послании к великому князю Василию: «Блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царства снидошася в твое едино, яко два Рима падоша, а третий (Москва) стоит, а четвертому не быти».

Эта пышная литературно-политическая фикция в XVI в. овладела умами московских патриотов, стала предметом национального верования и освещала москвичам высокие, мировые задачи их национального существования. Как идеал, она стала руководить московской политикой и привела московскую власть к решимости сделать Московское княжество «царством» через официальное усвоение московскому князю титула «цезаря» — «царя» (1547 г.). Немного позднее (1589) и московский митрополит получил высший церковный титул патриарха, и таким образом московская церковь стала на ту же высоту, как и старейшие восточные церкви.

Наблюдая развитие национального сознания и рост народной гордости в московском обществе, некоторые историки (Милюков) склонны думать, что литературные формы, в каких выразилось умственное возбуждение москвичей, составляют плод литературного заимствования от Византии через посредство балканских славян, а самая конструкция московских политических теорий не что иное, как перенесение на Москву национально-политических стремлений южных славян, совершенное юго-славянскими выходцами в Москву. Глубже и правильнее взгляд И. Н. Жданова, хорошо изучившего состав патриотических сказаний Московской Руси. «Содержание сказаний,— говорит он,— объясняется кру́гом тех историко-политических представлений, которые стали обращаться в нашей литературе после Флорентийской унии и особенно после падения Константинополя. Какое же значение имели все эти памятники старомосковской публицистики, в которых повторялось на разные лады, что истинное благоверие удержалось только в Москве, что Москва — третий Рим, а московский князь — наследник власти римских императоров и т. п.? В этой публицистике нужно различать ее живой исторический смысл и условную литературную оболочку. Смысл сказаний об Августе и Прусе, о византийском венце, о третьем Риме представится нам вполне ясным, если припомнить то значение, которое получает Московское княжество

при Иване III и Василии Ивановиче. Рядом с московским князем не стало на Руси таких представителей власти, которые могли бы считать себя равными ему, не зависимыми от него. Силы, которые стояли выше московского князя, исчезали: пала власть византийских царей, пало «иго» Золотой Орды. Московский князь поднимался на какую-то неведомую высоту. Нарождалось в Москве что-то новое и небывалое. Книжные люди позаботились дать этому новому и небывалому определенную форму, стиль которой отвечал историческому кругозору и литературному вкусу их времени. Придавать этой форме самостоятельное значение, видеть в этих сказаниях о Прусе и о третьем Риме указание на византийское начало, вносившееся в русскую государственную жизнь, утверждать, что московский князь действительно преобразовывался в «кафолического царя», значило бы придавать слишком мало цены русским историческим преданиям — государственным и церковным. Можно ли думать, что среди русских людей откроется какое-то особенное увлечение византийскими идеалами как раз в то время, когда государственный строй, их воплощавший, терпел крушение, когда византийскому «царству» пришлось выслушать суровый исторический приговор? Наши предки долго и пристально наблюдали процесс медленного умирания Византии. Это наблюдение могло давать уроки отрицательного значения, а не вызывать на подражание, могло возбуждать отвращение, а не увлечение. И мы видим, действительно, что как раз с той поры, когда будто бы утверждаются у нас византийские идеалы, наша государственная и общественная жизнь медленно, но бесповоротно вступает на тот действительно новый путь, который привел к «реформе Петра».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Время Ивана Грозного.— Московское государство перед смутой.— Смута в Московском государстве.— Время царя Михаила Федоровича.— Время царя Алексея Михайловича.— Главные моменты в истории Южной и Западной Руси в XVI и XVII веках.— Время царя Федора Алексеевича

Время Ивана Грозного

Время Ивана Грозного давно привлекает к себе внимание ученых и беллетристов необычным в русской истории драматизмом положений и яркостью характеров. В эпохе Грозного много содержания: бурное детство великого князя; период светлых реформ и счастливых войн на востоке; ссора с советниками и опалы на них; опричнина, которая была, в сущности, глубоким государственным переворотом; сложный общественный кризис, приведший к опустению государственного центра; тяжелая и неудачная борьба за балтийский берег — вот главнейшие факты, подлежащие нашему вниманию в царствование Ивана Грозного. Но нельзя сказать, чтобы мы хорошо знали эти факты. Материалы для истории Грозного далеко не полны, и люди, не имевшие с ним прямого знакомства, могут удивиться, если узнают, что в биографии Грозного есть годы, даже целые ряды лет без малейших сведений о его личной жизни и делах.

Первые годы. Таково прежде всего время его детства и юности. По восьмому году он остался круглым сиротой и с младшим братом Юрием попал на попечение бояр, которые питали их «яко иностранных или яко убожайшую чадь», так что Грозный, по его словам, много пострадал «во одеянии и во алкании». Внешние лишения сопровождались моральными обидами. Грозный с негодованием вспоминал, как Шуйские вели себя: «Нам бо во юности детства играюще, а князь И. В. Шуйский сидит на лавке, локтем опершися, отца нашего о постелю ногу положив, к нам же не преклоняяся». А в официальной обстановке, при народе, те же Шуйские по «чину» низко преклонялися перед маленьким великим князем и тем учили его двуличию и притворству. Растащив многое из великокняжеского имущества, бояре явились перед мальчиком-государем грабителями и «изменниками». Ссорясь

и «приходя ратью» друг на друга, бояре не стеснялись оскорблять самого государя, вламываясь ночью в его палаты и силой вытаскивая от него своих врагов. Шуйских сменял князь Бельский с друзьями, Бельского опять сменяли Шуйские, Шуйских сменяли Глинские, а маленький государь смотрел на эту борьбу боярских семей и партий до тех пор, пока не научился сам насильничать и опаляться,—и «от тех мест почали бояре от государя страх имети и послушание». Они льстили его дурным инстинктам, хвалили жестокость его забав, говоря, что из него выйдет храбрый и мужественный царь,—и из мальчика вышел испорченный и распущенный юноша, возбуждавший против себя ропот населения. Однако в конце 1546 и начале 1547 г. этот юноша выступает перед нами с чертами некоторой начитанности и политической сознательности. В литературно отделанных речах, обращенных к митрополиту и боярам, он заявляет о желании жениться и принять царский венец: «Хочу аз поискати прежних своих прородителей чинов — и на *царство* на великое княжение хочу сести». Грозный, принимая венец (1547), является носителем того идеала, которым, как мы видели, определяла свою миссию его народность; он ищет царства, а не только великого княжения, и официально достигает его в утвердительной грамоте цареградского патриарха (1561). И не только в деле о царском венце, но и во всех своих выступлениях пред духовенством и боярами молодой царь обнаруживает начитанность и умственную развитость: для своего времени это образованный человек. Раздумывая над тем, откуда могли прийти к распущенному морально юноше его знания и высшие умственные интересы, мы можем открыть лишь один источник благотворного влияния на Грозного. Это — круг того митрополита Макария, который в 1542 г. был переведен на московскую митрополию с новгородской архиепископии. С Макарием в Москву перешли его сотрудники по литературному делу — собирания «великих миней-четьих» — и в их числе знаменитый священник Сильвестр. Сам Макарий пользовался неизменным почитанием Грозного и имел на него хорошее влияние; а Сильвестр прямо стал временщиком при Грозном и «владяше обема властми и святительскими и царскими, яко же царь и святитель». Воздействие этих лиц обратило Грозного от забав к чтению, к вопросам богословского знания и политических теорий. Способный и впечатлительный от природы, Грозный скоро усвоил себе все то, чем питался ум и возбуждалось чувство передовых москвичей, и сам стал (по выражению одного из ближайших потомков — князя И. М. Катырева-Ростовского) «муж чюднаго рассуждения, в науке книжнаго поучения доволен и многоречив зело». Таким образом, моральное воспитание Грозного не соответствовало умственному образованию: душа Грозного была всегда ниже его ума.

Годы 1550—1564. С совершеннолетием Грозного начинается лучший период его деятельности. Влияние Сильвестра вырази-

лось, между прочим, в том, что он собрал около царя особый круг советников, называемый обыкновенно «избранной радой» (так именовал его в своем сочинении о Грозном кн. Курбский). Это не была ни «ближняя дума», ни дума вообще, а особая компания бояр, объединившихся в одной цели овладеть московской политикой и направить ее по-своему. Вспоминая об этой компании, Грозный раздраженно говорил, что эти бояре «ни единые власти не оставиша, идеже свои угодники не поставиша». Нет сомнения, что «избранная рада» пыталась захватить правление в свои руки и укрепить свое влияние на дела рядом постановлений и обычаев, неудобных для московских самодержцев. Состоя, по-видимому, из потомков удельных князей, «княжат», рада вела политику именно княжескую и поэтому должна была рано или поздно прийти в острое столкновение с государем, сознающим свое полновластие. Столкновения и начались с 1553 г., во время тяжкой болезни Грозного, обнаружилось, что рада желала воцарения не маленького сына Грозного, Димитрия, а двоюродного брата его (Грозного) — князя Владимира Андреевича: «Оттоле бысть вражда велия государю с князем Владимиром Андреевичем (говорит летопись), а в боярях смута и мятеж, а царству почала быти во всем скудость». Полный разрыв царя с радою произошел около 1560 г., когда удалены были из Москвы Сильвестр и другой царский любимец А. Адашев. До тех же пор, в продолжение 12—13 лет, правительственная деятельность Грозного шла под влиянием «избранной рады» и отличалась добрыми свойствами. В это время была завоевана Казань (1552), занята Астрахань (1556) и были проведены серьезные реформы.

Завоевание Казани имело громадное значение для народной жизни. Казанская татарская орда связала под своей властью в одно сильное целое сложный инородческий мир: мордву, черемису, чувашей, вотяков, башкир. Черемисы за Волгой, на р. Унже и Ветлуге, и мордва за Окой задерживали колонизационное движение Руси на восток; а набеги татар и прочих «язык» на русские поселения страшно вредили им, разоряя хозяйства и уводя в «полон» много русских людей. Казань была хронической язвой московской жизни, и потому ее взятие стало народным торжеством, воспетым народной песней. После взятия Казани, в течение всего 20 лет, она была превращена в большой русский город; в разных пунктах инородческого Поволжья были поставлены укрепленные города как опора русской власти и русского поселения. Народная масса потянулась, не медля, на богатые земли Поволжья и в лесные районы среднего Урала. Громадные пространства ценных земель были замирены московской властью и освоены народным трудом. В этом заключалось значение «Казанского взятия», чутко угаданное народным умом. Занятие нижней Волги и Западной Сибири было естественным последствием уничтожения того барьера, которым было для русской колонизации Казанское царство.

Одновременно с казанскими походами Грозного шла его внутренняя реформа. Начало ее связано с торжественным «собором», заседавшим в Москве в 1550—1551 гг. Это не был земский собор в обычном смысле этого термина. Предание о том, будто бы в 1550 г. Грозный созвал в Москве представительное собрание «всякого чина» из городов, признается теперь недостоверным. Как показал впервые И. Н. Жданов, в Москве заседал тогда собор духовенства и боярства по церковным делам и «земским». На этом соборе или с его одобрения в 1550 г. был «исправлен» Судебник 1497 г., а в 1551 г. был составлен «Стоглав», сборник постановлений канонического характера. Вчитываясь в эти памятники и вообще в документы правительственной деятельности тех лет, мы приходим к мысли, что тогда в Москве был создан целый план перестройки местного управления. «Этот план,— говорит В. О. Ключевский,— начинался срочной ликвидацией тяжб земства с кормленщиками, продолжался пересмотром Судебника с обязательным повсеместным введением в суд кормленщиков, выборных старост и целовальников и завершался уставными грамотами, отменявшими кормления». Так как примитивная система кормлений не могла удовлетворять требованиям времени, росту государства и усложнению общественного порядка, то ее решено было заменить иными формами управления. До отмены кормления в данном месте кормленщиков ставили под контроль общественных выборных, а затем и совсем заменяли их органами самоуправления. Самоуправление при этом получало два вида: 1) Ведению выборных людей передавались *суд* и *полиция* в округе («губе»). Так бывало обыкновенно в тех местах, где население имело разносословный характер. В *губные старосты* выбирались обыкновенно служилые люди, и им в помощь давались выборные же целовальники (т. е. присяжные) и дьяк, составлявшие особое присутствие, «губную избу». Избирали вместе все классы населения. 2) Ведению выборных людей передавались не только *суд* и *полиция,* но и *финансовое управление:* сбор податей и ведение общинного хозяйства. Так бывало обыкновенно в уездах и волостях со сплошным тяглым населением, где издавна для податного самоуправления существовали *земские старосты.* Когда этим старостам передавались функции и губного института (или, что то же, наместничьи), то получалась наиболее полная форма самоуправления, обнимавшая все стороны земской жизни. Представители такого самоуправления назывались разно: *излюбленные старосты, излюбленные головы, земские судьи.* Отмена кормлений в принципе была решена около 1555 г., и всем волостям и городам предоставлено было переходить к новому порядку самоуправления. «Кормленщики» должны были впредь оставаться без «кормов», и правительству надобны были средства, чтобы чем-либо заменить кормы. Для получения таких средств было установлено, что города и волости должны за право самоуправления вносить в государеву казну особый оброк, получивший

название «кормленаго окупа». Он поступал в особые кассы, «казны», получившие наименование «четвертей» или «четей», а бывшие кормленщики получили право на ежегодные «уроки» или жалованье «из чети» и стали называться «четвертчиками».

В связи с реформой местного управления и одновременно с ней шли меры, направленные к организации служилого класса. Служилые люди делились на «статьи», или разряды. Из общей их массы в 1550 г. была выделена избранная *тысяча* лучших детей боярских и наделена поместными землями в окрестностях Москвы («подмосковные»). Так образовался разряд «дворян московских», служивших по «московскому списку». Остальные служили «с городов» и назывались детьми боярскими «дворными» и «городовыми» (позднее «дворянами» и «детьми боярскими»). В 1550-х гг. был установлен порядок дворянской службы (устроены «сотни» под начальством «голов»); была определена норма службы с вотчин и поместий (с каждых 100 четвертей или полудесятин «доброй» земли «человек на коне в доспехе»); было регламентировано местничество. Словом, был внесен известный порядок в жизнь, службу и хозяйство служилого класса, представлявшего собой до тех пор малодисциплинированную массу.

Если рядом с этими мерами припомним меры, приведенные в «Стоглаве», относительно улучшения церковной администрации, поддержания церковного благочиния и исправления нравов,— то поймем, что задуманный Грозным и его «радой» круг реформ был очень широк и по замыслу должен был обновить все стороны московской жизни. Но правительство Грозного не могло вполне успешно вести преобразовательное дело по той причине, что в нем самом не было согласия и единодушия. Уже в 1552—1553 гг. Грозный в официальной летописи жалуется на бояр, что они «Казанское строение поотложиша», так как занялись внутренней реформой, и что они не хотели служить его сыну, а передались на сторону князя Владимира Андреевича. В 1557—1558 гг. у Грозного вышло столкновение с боярами из-за Ливонской войны, которой, по-видимому, боярская рада не желала. А в 1560 г., с кончиной жены Грозного Анастасии Романовны, у Грозного с его советниками произошел прямой разрыв. Сильвестр и Адашев были сосланы, попытки бояр их вернуть повели к репрессиям; однако эти репрессии еще не доходили до кровавых казней. Гонения получили решительный и жестокий характер только в связи с отъездами («изменой») бояр. Заметив наклонность недовольных к отъездам, Грозный брал с бояр, подозреваемых в желании отъехать в Литву, обязательства не отъезжать за поручительством нескольких лиц; такими «поручными грамотами» он связал все боярство. Но отъезды недовольных все-таки бывали, и в 1564 г. успел бежать в Литву князь Андрей Михайлович Курбский, бросив вверенные ему на театре войны войска и крепость. Принадлежа к составу «избранной рады», он пытался объяснить и оправдать свой побег

«нестерпимою яростию и горчайшею ненавистью» Грозного к боярам его стороны. Грозный ответил Курбскому обличительным письмом, в котором противополагал обвинениям боярина свои обвинения против бояр. Обе стороны — монарх, стремившийся «сам править», и князь-боярин, представлявший принцип боярской олигархии,— обменялись мыслями с редкой откровенностью и резкостью. Бестужев-Рюмин в своей «Русской Истории» первый выяснил, что в этом вопросе о царской власти и притязаниях бояр-княжат основа была династическая. Потомки старой русской династии, «княжата», превратившись в служилых бояр своего сородича московского царя, требовали себе участия во власти; а царь мнил их за простых подданных, которых у него «не одно сто», и потому отрицал все их притязания. В полемике Грозного с Курбским вскрывался истинный характер «избранной рады», которая, очевидно, служила орудием не бюрократически-боярской, а удельно-княжеской политики, и делала ограничения царской власти не в пользу учреждений (думы), а в пользу известной общественной среды (княжат).

Опричнина. Такой характер оппозиции привел Грозного к решимости уничтожить радикальными мерами значение княжат, пожалуй, даже и совсем их погубить. Совокупность этих мер, направленных на родовую аристократию, называется *опричниной*. Суть опричнины состояла в том, что Грозный применил к территории старых удельных княжеств, где находились вотчины служилых князей-бояр, тот порядок, какой обыкновенно применялся Москвой в завоеванных землях. И отец, и дед Грозного, следуя московской правительственной традиции, при покорении Новгорода, Пскова и иных мест выводили оттуда наиболее видных и для Москвы опасных людей в свои внутренние области, а в завоеванный край посылали поселенцев из коренных московских мест. Это был испытанный прием ассимиляции, которой московский государственный организм усваивал себе новые общественные элементы. В особенности ясен и действителен был этот прием в Великом Новгороде при Иване III и в Казани при самом Иване IV. Лишаемый местной руководящей среды завоеванный край немедля получал такую же среду из Москвы и начинал вместе с ней тяготеть к общему центру — Москве. То, что удавалось с врагом внешним, Грозный задумал испытать с врагом внутренним. Он решил вывести из удельных наследственных вотчин их владельцев — княжат и поселить их в отдаленных от их прежней оседлости местах, там, где не было удельных воспоминаний и удобных для оппозиции условий; на место же выселенной знати он селил служебную мелкоту на мелкопоместных участках, образованных из старых больших вотчин. Исполнение этого плана Грозный обставил такими подробностями, которые возбудили недоумение современников. Он начал с того, что в декабре 1564 г. покинул Москву безвестно и только в январе 1565 г. дал о себе весть из Александровской слободы. Он грозил оставить

свое царство из-за боярской измены и остался во власти, по молению москвичей, только под условием, что ему на изменников «опала своя класти, а иных казнити, и животы их и статки (имущество) имати, а учинити ему на своем государстве себе опришнину: двор ему себе и на весь свой обиход учинити особной». Борьба с «изменою» была целью; опричнина же была средством. Новый двор Грозного состоял из бояр и дворян, новой «тысячи голов», которую отобрали так же, как в 1550 г. отобрали тысячу лучших дворян для службы по Москве. Первой тысяче дали тогда подмосковные поместья; второй — Грозный дает поместья в тех городах, «которые городы поимал в опришнину»; это и были опричники, предназначенные сменить опальных княжат на их удельных землях. Число опричников росло, потому что росло количество земель, забираемых в опричнину. Грозный на всем пространстве старой удельной Руси, по его собственному выражению, «перебирал людишек», иных «отсылал», а других «принимал». В течение 20 последних лет царствования Грозного опричнина охватила полгосударства и разорила все удельные гнезда, разорвав связь «княженецких родов» с их удельными территориями и сокрушив княжеское землевладение. Княжата были выброшены на окраины государства, остававшиеся в старом порядке управления и носившие названия «земщины», или «земского». Так как управление опричнинскими землями требовало сложной организации, то в новом «дворе» Грозного мы видим особых бояр (думу), особых «дворовых», дьяков, приказы, словом, весь правительственный механизм, параллельный государственному: видим особую казну, в которую поступают податные платежи с опричнинских земель. Для усиления средств опричнины Грозный «поимал» в опричнину весь московский север. Мало-помалу опричнина разрослась до громадных размеров и разделила государство на две враждебных одна другой половины. Ниже будут указаны последствия этой своеобразной «реформы» Грозного, обратившего на свою землю приемы покорения чужих земель; здесь же заметим, что прямая цель опричнины была достигнута, и всякая оппозиция сломлена. Достигалось это не только системой принудительных переселений ненадежных людей, но и мерами террора. Опалы, ссылки и казни заподозренных лиц, насилия опричников над «изменниками», чрезвычайная распущенность Грозного, жестоко истязавшего своих подданных во время оргий,— все это приводило Москву в трепет и робкое смирение перед тираном. Тогда еще никто не понимал, что этот террор больше всего подрывал силы самого правительства и готовил ему жестокие неудачи вне и кризис внутри государства. До каких причуд и странностей могли доходить эксцессы Грозного, свидетельствует, с одной стороны, новгородский погром, а с другой, вокняжение Симеона Бекбулатовича. В 1570 г. по какому-то подозрению Грозный устроил целый поход на Новгород, по дороге разорил Тверской уезд, а в самом Новгороде из 6000

дворов (круглым счетом) запустошил около 5000 и навсегда ослабил Новгород. За то он «пожаловал», тогда же взял в опричнину половину разоренного города и две новгородские пятины; а вернувшись в Москву, опалился на тех, кто внушил ему злобу на новгородцев. В 1575 г. он сделал «великим князем всея Руси» крещеного татарского «царя» (т. е. хана) Симеона Бекбулатовича, а сам стал звать себя «князем московским». Царский титул как бы исчез совсем, и опричнина стала «двором» московского князя, а «земское» стало великим княжением всея Руси. Менее чем через год татарский «царь» был сведен с Москвы на Тверь, а в Москве все стало по-прежнему. Можно не верить вполне тем россказням о казнях и жестокостях Грозного, которыми занимали Европу западные авантюристы, побывавшие в Москве; но нельзя не признать, что террор, устроенный Грозным, был вообще ужасен и подготовлял страну к смуте и междоусобию. Это понимали и современники Грозного; например, Иван Тимофеев в своем «Временнике» говорит, что Грозный, «божиими людьми играя», разделением своей земли сам «прообразовал розгласие» ее, т. е. смуту.

Ливонская война. Параллельно внутренней ломке и борьбе с 1558 г. шла у Грозного упорная борьба за балтийский берег. Балтийский вопрос был в то время одной из самых сложных международных проблем. За преобладание на Балтике спорили многие прибалтийские государства, и старание Москвы стать на морском берегу твердой ногой поднимало против «московитов» и Швецию, и Польшу, и Германию. Надобно признать, что Грозный выбрал удачную минуту для вмешательства в борьбу. Ливония, на которую он направил свой удар, представляла в ту пору, по удачному выражению, страну антагонизмов. В ней шла вековая племенная борьба между немцами и аборигенами края — латышами, ливами и эстами. Эта борьба принимала нередко вид острого социального столкновения между пришлыми феодальными господами и крепостной туземной массой. С развитием реформации в Германии религиозное брожение перешло и в Ливонию, подготовляя секуляризацию орденских владений. Наконец, ко всем прочим антагонизмам присоединялся и политический: между властями Ордена и архиепископом рижским была хроническая распря за главенство, а вместе с тем шла постоянная борьба с ними городов за самостоятельность. Ливония, по выражению Бестужева-Рюмина, «представляла собой миниатюрное повторение Империи без объединяющей власти цезаря». Разложение Ливонии не укрылось от Грозного. Москва требовала от Ливонии признания зависимости и грозила завоеванием. Был поднят вопрос о так называемой Юрьевской (Дерптской) дани. Из местного обязательства г. Дерпта платить за что-то великому князю «пошлину» или дань Москва сделала повод к установлению своего патроната над Ливонией, а затем и для войны. В два года (1558—1560) Ливония была разгромлена московскими вой-

ками и распалась. Чтобы не отдаваться ненавистным московитам, Ливония по частям поддалась другим соседям: Лифляндия была присоединена к Литве, Эстляндия — к Швеции, о. Эзель — к Дании, а Курляндия была секуляризирована в ленной зависимости от польского короля. Литва и Швеция потребовали от Грозного, чтобы он очистил их новые владения. Грозный не пожелал, и, таким образом, война Ливонская с 1560 г. переходит в войну Литовскую и Шведскую.

Эта война затянулась надолго. Вначале Грозный имел большой успех в Литве: в 1563 г. он взял Полоцк, и его войска доходили до самой Вильны. В 1565—1566 гг. Литва готова была на почетный для Грозного мир и уступала Москве все ее приобретения. Но земский собор 1566 г. высказался за продолжение войны с целью дальнейших земельных приобретений: желали всей Ливонии и Полоцкого повета к г. Полоцку. Война продолжалась вяло. Со смертью последнего Ягеллона (1572), когда Москва и Литва были в перемирии, возникла даже кандидатура Грозного на престол Литвы и Польши, объединенных в Речь Посполитую. Но кандидатура эта не имела удачи: избран был сперва Генрих Валуа, а затем (1576) — семиградский князь Стефан Баторий (по-московски «Обатур»). С появлением Батория картина войны изменилась. Литва из обороны перешла в наступление. Баторий взял у Грозного Полоцк (1579), затем Великие Луки (1580) и, внеся войну в пределы Московского государства, осадил Псков (1581). Грозный был побежден не потому только, что Баторий имел воинский талант и хорошее войско, но и потому еще, что к данному времени у Грозного иссякли средства ведения войны. Вследствие внутреннего кризиса, поразившего в то время Московское государство и общество, страна, по современному выражению, «в пустошь изнурилась и в запустение пришла». О свойствах и значении этого кризиса будет речь ниже; теперь же заметим, что тот же недостаток сил и средств парализовал успех Грозного и против шведов в Эстляндии. Неудача Батория под Псковом, который геройски защищался, дозволила Грозному, при посредстве папского посла иезуита Поссевина (Antonius Possevinus), начать переговоры о мире. В 1582 г. был заключен мир (точнее, перемирие на 10 лет) с Баторием, которому Грозный уступил все свои завоевания в Лифляндии и Литве, а в 1583 г. Грозный помирился и со Швецией на том, что уступил ей Эстляндию и сверх того свои земли от Наровы до Ладожского озера по берегу Финского залива (Иван-город, Ям, Копорье, Орешек, Корелу). Таким образом борьба, тянувшаяся четверть века, окончилась полной неудачей. Причины неудачи находятся, конечно, в несоответствии сил Москвы с поставленной Грозным целью. Но это несоответствие обнаружилось позднее, чем Грозный начал борьбу: Москва стала клониться к упадку только с 70-х годов XVI в. До тех же пор ее силы казались громадными не только московским патриотам, но и врагам

Москвы. Выступление Грозного в борьбе за Балтийское поморье, появление русских войск у Рижского и Финского заливов и наемных московских каперских судов на Балтийских водах поразило среднюю Европу. В Германии «московиты» представлялись страшным врагом; опасность их нашествия расписывалась не только в официальных сношениях властей, но и в обширной летучей литературе листков и брошюр. Принимались меры к тому, чтобы не допускать ни московитов к морю, ни европейцев в Москву и, разобщив Москву с центрами европейской культуры, воспрепятствовать ее политическому усилению. В этой агитации против Москвы и Грозного измышлялось много недостоверного о московских нравах и деспотизме Грозного, и серьезный историк должен всегда иметь в виду опасность повторить политическую клевету, принять ее за объективный исторический источник.

К тому, что сказано о политике Грозного и событиях его времени, необходимо прибавить упоминание о весьма известном факте появления английских кораблей в устьях С. Двины и о начале торговых сношений с Англией (1553—1554), а также о завоевании Сибирского царства отрядом строгановских казаков с Ермаком во главе (1582—1584). И то и другое для Грозного было случайностью; но и тем и другим московское правительство сумело воспользоваться. В 1584 г. на устьях С. Двины был устроен Архангельск, как морской порт для ярмарочного торга с англичанами, и англичанам была открыта возможность торговых операций на всем русском севере, который они очень быстро и отчетливо изучили. В те же годы началось занятие Западной Сибири уже силами правительства, а не одних Строгановых, а в Сибири были поставлены многие города со «стольным» Тобольском во главе.

Южная граница. В самое мрачное и жестокое время правления Грозного, в 70-х годах XVI столетия, московское правительство поставило себе большую и сложную задачу — устроить заново охрану от татар южной границы государства, носившей название «берега», потому что долго эта граница совпадала на деле с берегом средней Оки. В середине XVI в. на восток и на запад от этого берега средней Оки, под прикрытием старинных крепостей на верхней Оке, «верховских» и рязанских, население чувствовало себя более или менее в безопасности; но между верхней Окой и верхним Доном и на реках Упе, Проне и Осетре русские люди до последней трети XVI в. были предоставлены собственному мужеству и счастью. Алексин, Одоев, Тула, Зарайск и Михайлов не могли дать приют и опору поселенцу, который стремился поставить свою соху на тульском и пронском черноземе. Не могли эти крепости и задерживать шайки татар в их быстром и скрытом движении к берегам средней Оки. Надо было защитить надежным образом население окраины и дороги внутрь страны, в Замосковье. Московское правительство берется за эту задачу. Оно сначала укрепляет места по верховьям Оки и Дона,

затем укрепляет линию реки Быстрой Сосны, переходит на линию верхнего Сейма и, наконец, занимает крепостями течение реки Оскола и верховье Северного (или Северского) Донца. Все это делается в течение всего четырех десятилетий, с энергической быстротой и по известному плану, который легко открывается позднейшему наблюдателю, несмотря на скудость исторического материала для изучения этого дела.

Порядок обороны южной границы Московского государства был таков. Для отражения врага строились крепости и устраивалась укрепленная пограничная черта из валов и засек, а за укреплениями ставились войска. Для наблюдения же за врагом и для предупреждения его нечаянных набегов выдвигались в «поле» за линию укреплений наблюдательные посты — «сторожи» и разъезды — «станицы». Вся эта сеть укреплений и наблюдательных пунктов мало-помалу спускалась с севера на юг, следуя по тем полевым дорогам, которые служили и отрядам татар. Преграждая эти дороги засеками и валами, затрудняли доступы к бродам через реки и ручьи и замыкали ту или иную дорогу крепостью, место для которой выбиралось с большой осмотрительностью, иногда даже в стороне от татарской дороги, но так, чтобы крепость командовала над этой дорогой. Каждый шаг на юг, конечно, опирался на уже существовавшую цепь укреплений; каждый город, возникавший на «поле», строился трудами людей, взятых из других «украинских» и «польских» (полевых) городов, неселялся ими же и становился по службе в тесную связь со всей сетью прочих городов. Связь эта поддерживалась не одними военно-административными распоряжениями, но и всем складом боевой порубежной жизни. Весь юг Московского государства представлял собой один хорошо организованный военный округ.

В этом военном округе все правительственные действия и весь склад общественной жизни определялись военными потребностями и имели одну цель — народную оборону. Необычная планомерность и согласованность мероприятий в этом отношении являлась результатом «общего совета» — съезда знатоков южной окраины, созванных в Москву в 1571 г. и работавших под руководством бояр, кн. М. И. Воротынского и Н. Р. Юрьева. Этим советом и был выработан план защиты границ, приноровленный к местным условиям и систематически затем исполненный на деле. Свойства врага, которого надлежало здесь остерегаться и с которым приходилось бороться, были своеобразны: это был степной хищник, подвижной и дерзкий, но в то же время нестойкий и неуловимый. Он «искрадывал» русскую украйну, а не воевал ее открытой войной; он полонил, грабил и пустошил страну, но не завоевывал ее; он держал московских людей в постоянном страхе своего набега, но в то же время не пытался отнять навсегда или даже временно присвоить земли, на которые налетал внезапно, но короткой грозой. Поэтому столь же своеобразны были и формы украинной организации, предназначенной

на борьбу с таким врагом. Ряд крепостей стоял на границе; в них жил постоянный гарнизон и было приготовлено место для окрестного населения, на тот случай, если ему при нашествии врага будет необходимо и возможно, по времени, укрыться за стены крепости. Из крепостей рассылаются разведочные отряды для наблюдения за появлением татар, а в определенное время года в главнейших крепостях собираются большие массы войск в ожидании крупного набега крымского «царя». Все мелочи крепостной жизни, все маршруты разведочных партий, вся «береговая» или «польная» служба, как ее называли,—словом, вся совокупность оборонительных мер определена наказами и «росписями». Самым мелочным образом заботятся о том, чтобы быть «усторожливее», и предписывают крайнюю осмотрительность. А между тем, несмотря на опасности, на всем пространстве укрепленной границы живет и подвигается вперед, все южнее, земледельческое и промышленное население; оно не только без разрешения, но и без ведома власти оседает на новых землицах, в своих «юртах», пашенных заимках и зверопромышленных угодьях. Стремление московского населения на юг из центра государства было так энергично, что выбрасывало наиболее предприимчивые элементы даже вовсе за границу крепостей, где защитой поселенца была уже не засека или городской вал, а природные «крепости»: лесная чаща и течение лесной же речки. Недоступный конному степнику-грабителю, лес для русского поселенца был и убежищем и кормильцем. Рыболовство в лесных озерах и реках, охота и бортничество привлекло поселенцев именно в леса. Один из исследователей заселения нашего «поля» (Миклашевский), отмечая расположение поселков на украине по рекам и лесам, справедливо говорит, что «русский человек, передвигавшийся из северных областей государства, не поселялся в безлесных местностях; не лес, а степь останавливала его движение». Таким образом, рядом с правительственной заимкой «поля» происходила и частная. И та и другая, изучив свойства врага и средства борьбы с ним, шли смело вперед; и та и другая держались рек и пользовались лесными пространствами для обороны дорог и жилищ: тем чаще должны были встречаться и влиять друг на друга оба колонизаторских движения. И действительно, правительство часто настигало поселенцев на их «юртах», оно налагало свою руку на частнозаимочные земли, оставляло их в пользовании владельцев уже на поместном праве и привлекало население вновь занятых мест к официальному участию в обороне границы. Оно в данном случае опиралось на ранее сложившуюся здесь хозяйственную деятельность и пользовалось уже существовавшими здесь общественными силами. Но, в свою очередь, вновь занимаемая правительством позиция становилась базисом дальнейшего народного движения в «поле»: от новых крепостей шли далее новые заимки. Подобным взаимодействием всего лучше можно объяснить тот изумительно быстрый успех в движении на

юг московского правительства, с которым мы ознакомились на предшествующих страницах. Остерегаясь общего врага, обе силы, и общество и правительство, в то же время как бы наперерыв идут ему навстречу и взаимной поддержкой умножают свои силы и энергию. Знакомясь с делом быстрой и систематической заимки «дикого поля», мы удивляемся тому, что и это широкое предприятие организовалось и выполнялось в те годы, когда, по привычным представлениям, в Москве существовал лишь террор «умалишенного тирана».

Оценка Грозного. Таков краткий обзор фактов деятельности Грозного. Эти факты не всегда нам известны точно; не всегда ясна в них личная роль и личное значение самого Грозного. Мы не можем определить ни черт его характера, ни его правительственных способностей с той ясностью и положительностью, какой требует научное знание. Отсюда — ученая разноголосица в оценке Грозного. Старые историки здесь были в полной зависимости от разноречивых источников. Кн. Щербатов сознается в этом, говоря, что Грозный представляется ему «в столь разных видах», что «часто не единым человеком является». Карамзин разноречие источников относит к двойственности самого Грозного и думает, что Грозный пережил глубокий внутренний перелом и падение. «Характер Иоанна, героя добродетели в юности, неистового кровопийцы в летах мужества и старости, есть для ума загадка»,— говорит он. Позже было выяснено пристрастие отзывов о Грозном, как шедших с его стороны, от официальной московской письменности, так и враждебных ему, своих и иноземных. Историки пытались, учтя это одностороннее пристрастие современников, освободиться от него и дать свое освещение личности Грозного. Одни стремились к психологической характеристике Ивана. Они рисовали его или с чертами идеализации, как передовую непонятую веком личность (Кавелин), или как человека малоумного (Костомаров) и даже помешанного (М. Ковалевский). Более тонкие характеристики были даны Ю. Самариным, подчеркнувшим несоответствие умственных сил Грозного с слабостью его воли, и И. Н. Ждановым, который считал Грозного умным и талантливым, но «неудавшимся» и потому болезненно раздраженным человеком. Все такого рода характеристики, даже тогда, когда они остроумны, красивы и вероподобны, все-таки произвольны: личный характер Грозного остается загадкой. Тверже стоят те отзывы о Грозном, которые имеют в виду определить его политические способности и понять его государственное значение. После оценки, данной Грозному Соловьевым, Бестужевым-Рюминым и др., ясно, что мы имеем дело с крупным дельцом, понимавшим политическую обстановку и способным на широкую постановку правительственных задач. Одинаково и тогда, когда с «избранной радой» Грозный вел свои первые войны и реформы, и тогда, когда позднее, без «рады», он совершал свой государственный переворот в опричнине, брал Ливонию и По-

лоцк и колонизовал «дикое поле»,— он выступает перед нами с широкой программой и значительной энергией. Сам ли он ведет свое правительство или только умеет выбрать вожаков,— все равно: это правительство всегда обладает необходимыми политическими качествами, хотя не всегда имеет успех и удачу. Недаром шведский король Иоанн, в противоположность Грозному, называл его преемника московским словом «durak», отмечая, что со смертью Грозного в Москве не стало умного и сильного государя.

Московское государство перед смутой

Политическое противоречие в московской жизни XVI века

Обратимся теперь к характеристике тех основных явлений московской государственной и общественной жизни, которыми определилось содержание труднейшего кризиса, пережитого Московским государством на рубеже XVI и XVII столетий.

В основании московского государственного и общественного порядка заложены были два внутренних противоречия, которые чем дальше, тем больше давали себя чувствовать московским людям. Первое из этих противоречий можно назвать *политическим* и определить словами В. О. Ключевского: «Это противоречие состояло в том, что московский государь, которого ход истории привел к демократическому полновластию, должен был действовать посредством очень аристократической администрации». Такой порядок вещей привел к открытому столкновению московской власти с родовитым боярством во второй половине XVI в. Второе противоречие было *социальным* и состояло в том, что под давлением военных нужд, вызванных необходимостью лучшего устройства государственной обороны, интересы промышленного и земледельческого класса, труд которого служил основанием народного хозяйства, систематически приносились в жертву интересам служилых землевладельцев, не участвовавших непосредственно в производительной деятельности страны. Последствием такого порядка вещей было недовольство тяглой массы и стремление ее к выходу с «тяглых жеребьев» на черных и частновладельческих землях, а этот выход, в свою очередь, вызвал ряд других осложнений общественной жизни. Оба противоречия в своем развитии во вторую половину XVI в. создали государственный кризис, последним выражением которого и было так называемое смутное время. Нельзя, по нашему разумению, приступить к изложению этого времени, не ознакомясь с условиями, его создавшими, и не сделав хотя краткого отступления об эпохе сложения московского государственного и общественного строя.

В понятие власти московского государя входили два признака, одинаково существенных и характерных для нее. Во-первых, власть московского государя имела патримониальный характер. Происходя из удельной старины, она была прямой преемницей вотчинных прав и понятий, отличавших власть московских князей XIV—XV вв. Как в старое время, всякий удел был наследственной собственностью, вотчиной своего «государя», удельного князя, так и все Московское государство, ставшее на месте старых уделов, признавалось «вотчиной» царя и великого князя. С Московского государства это понятие вотчины переносилось даже на всю Русскую землю, на те ее части, которыми московские государи не владели, но надеялись владеть. «Не то одно наша вотчина,—говорили московские князья литовским,—кои городы и волости ныне за нами, а вся Русская земля... из старины от наших прародителей наша вотчина». Вся полнота владельческих прав князя на наследованный удел была усвоена московскими государями и распространена на все государство. На почве этой удельной преемственности и выросли те понятия и привычки, которые Грозный выражал словами: «Жаловати есмы своих холопей вольны, а и казнити вольны же есмы». И сам Грозный считал себя собственником своей земли, и люди его времени смотрели на государство, как на «дом» или хозяйство государя. Любопытно, что один из самых впечатлительных и непосредственных, несмотря на вычурность слога, писателей конца XVI и начала XVII в., Иван Тимофеев, обсуждая последствия прекращения московской династии, всегда прибегал к сравнению государства с «домом сильножителя»: очевидно, такая аналогия жила в умах той эпохи. Во-вторых, власть московского государя отличалась национальным характером. Московские великие князья, распространяя свои удельные владения и став сильнейшими среди севернорусских владетелей, были призваны историей к деятельности высшего порядка, чем их прославленное удельное «скопидомство». Им, как наиболее сильным и влиятельным, пришлось взять на себя задачу народного освобождения от татар. Рано стали они копить силы для борьбы с татарами и гадать о том, когда «Бог переменит Орду». Во второй половине XIV в. борьба с Ордой началась, и на Куликовом поле московский князь впервые выступил борцом не только за свой удельный интерес, но и за общее народное дело. С той поры значение московских великих князей стало изменяться: народное чувство превратило их из удельных владетелей в народных вождей, и уже Дмитрий Донской заслужил от книжников эпитет «царя русского». Приобретение Москвой новых земель перестало быть простым собиранием «примыслов» и приобрело характер объединения великорусских земель под единой национальной властью. Трудно решить, что шло впереди: политическая ли прозорливость московского владетельного рода или же самосознание народных масс; но только во второй половине XV в. национальное государство уже

сложилось и вело сознательную политику; ко времени же Грозного готовы были и все те политические теории, которые провозгласили Москву «новым Израилем», а московского государя — «царем православия». Обе указанные черты — вотчинное происхождение и национальный характер — самым решительным образом повлияли на положение царской власти в XVI в. Если государь был вотчинником своего царства, то оно ему принадлежало, как собственность, со всей безусловностью владельческих прав. Это и выражал Грозный, говоря, что он «родителей своих благословением *свое* взял, а не чужое восхитил». Если власть государя опиралась на сознание народной массы, которая видела в царе и великом князе всея Руси выразителя народного единства и символ национальной независимости, то очевиден демократический склад этой власти и очевидна ее независимость от каких бы то ни было частных авторитетов и сил в стране. Таким образом, *московская власть была властью абсолютной и демократической*.

Рядом же с этой властью в XV — XVI вв. во главе административного и социального московского порядка находилось московское боярство, история которого с таким интересом и успехом изучалась в последние десятилетия. Однако это изучение не привело еще исследователей к единомыслию. Не все одинаково смотрят на положение боярства в XVI в. Одним оно представляется слабой политически средой, которая вне служебных отношений не имела ни внешнего устройства, ни внутреннего согласия, ни влияния на массы и, стало быть, не могла выступить на борьбу с властью за какой-либо сословный интерес. С этой точки зрения гонение Грозного на бояр объясняется проявлением ничем не оправдываемого тиранства. Другим наблюдателям, напротив, боярство представляется как олигархический организованный в партии круг знатнейших фамилий, которые стремятся к господству в государстве и готовы на явную и тайную борьбу за влияние и власть. Такая точка зрения освещает политику Грозного относительно бояр совершенно иначе. Грозный только оборонялся от направленных на него козней, «за себя стал», по его собственному выражению. Наконец, третьи не считают возможным ни отрицать политические притязания боярства, ни преувеличивать значение происходивших между властью и боярами столкновений до размеров правильной политической борьбы. Боярство, по этому последнему взгляду, было родовой аристократией, которая притязала на первенствующее положение при дворе и в государстве именно в силу своего происхождения. Но эти притязания не имели в виду ограничить державную власть или вообще изменить государственный порядок. В свою очередь, и власть до середины XVI в. не противопоставляла ничего определенного боярским притязаниям, не подавляла их систематично и круто, но вместе с тем не считала для себя обязательным их удовлетворять или даже признавать. Неопределенность стремле-

ний и взглядов вела к отдельным, иногда очень крупным недоразумениям между государем и слугами; но принципиально вопрос о взаимном отношении власти и боярства не поднимался ни разу до того времени, пока дело не разрешилось опричниной и казнями Грозного. Это последнее мнение кажется нам более вероятным, чем прочие.

В XVI в. московское боярство состояло из двух слоев. Один, более древний, но не высший, состоял из лучших семей старинного класса «вольных слуг» московского княжеского дома, издавна несших придворную службу и призываемых в государеву думу. Другой слой, позднейший и знатнейший, образовался из служилого потомства владетельных удельных князей, которое перешло на московскую службу с уделов северо-восточной Руси и из-за литовского рубежа. Такую сложность состав высшего служилого класса в Москве получил с середины XV в., когда политическое торжество Москвы окончательно сломило удельные дворы и стянуло к московскому двору не только самих подчиненных князей, но и слуг их — боярство удельных дворов. Понятно, что в Москве именно с этого времени должно было приобрести особую силу и важность местничество, так как оно одно могло поддержать известный порядок и создать более или менее определенные отношения в этой массе служилого люда, среди новой для него служебной обстановки. Местничество и повело к тому, что основанием всех служебных и житейских отношений при московском дворе XVI в. стало «отечество» лиц, составлявших этот двор. Выше прочих по «отечеству», разумеется, стали титулованные семьи, ветви старых удельных династий, успевшие с честью перейти со своих уделов в Москву, сохранив за собой и свои удельные вотчины. Это, бесспорно, был высший слой московского боярства; до него лишь в исключительных случаях служебных отличий или дворцового фавора поднимались отдельные представители старых не-княжеских боярских фамилий, которые были «искони вечные государские, ни у кого не служивали, окромя своих государей» — московских князей. Эта-то избранная среда перворазрядных слуг московского государя занимала первые места везде, где ей приходилось быть и действовать: во дворце и на службе, на пирах и в полках. Так следовало по «отечеству», потому что вообще, выражаясь словами царя В. Шуйского, «обыкли большая братья на большая места седати». Так «повелось», и такой обычай господствовал над умами настолько, что его признавали решительно все: и сами бояре, и государь, и все московское общество. Быть советниками государя и его воеводами, руководить политическими отношениями страны и управлять ее областями, окружать особу государя постоянным «синклитом царским»,— это считалось как бы прирожденным правом княжеско-боярской среды. Она сплошь состояла из лиц княжеского происхождения, о которых справедливо заметил В. О. Ключевский, что «то все старинные привычные

власти Русской земли, те же власти, какие правили землей прежде по уделам; только прежде оне правили ею по частям и поодиночке, а теперь, собравшись в Москву, оне правят всею землею и все вместе». Поэтому правительственное значение этой среды представлялось независимым от пожалования или выслуги: оно боярам принадлежало «Божиею милостию», как завещанное предками родовое право. В «государеве родословце» прежде всего искали князья-бояре опоры для занятой ими в Москве высокой позиции, потому что рассматривали себя как родовую аристократию. Милость московских государей и правительственные предания, шедшие из первых эпох московской истории, держали по старине близко к престолу некоторые семьи вековых московских слуг не-княжеской «породы», в роде Вельяминовых и Кошкиных. Но княжата не считали этих бояр равными себе по «породе», так как, по их словам, те пошли «не от великих и не от удельных князей». Когда Грозный женился на Анастасии, не бывшей княжной, то этим он, по мнению некоторых княжат, их «изтеснил, тем изтеснил, что женился у боярина своего дочерь взял, понял робу свою». Хотя говорившие так князья «полоумы» и называли царицу-рабу «своею сестрою», тем не менее с очень ясной брезгливостью относились к ее нетитулованному роду. В их глазах боярский род Кошкиных не только не шел в сравнение с Палеологами, с которыми умел породниться Иван III, но не мог равняться и с княжеским родом Глинской, на которой был женат отец Грозного. Грозный, конечно, сделал менее блестящий выбор, чем его отец и дед; на это-то и указывали князья, называя рабой его жену, взятую из простого боярского рода. Этому простому роду они прямо и резко отказались повиноваться в 1553 г., когда не захотели целовать крест маленькому сыну Грозного — Димитрию: «А Захарьиным нам,— говорили они,— не служивать». Такая манера князей-бояр XVI в. свысока относиться к тому, что пошло не от великих и не от удельных князей, дает основание думать, что в среде высшего московского боярства господствовал именно княжеский элемент с его родословным гонором и удельными воспоминаниями.

Но, кроме родословца государева, который давал опору притязаниям бояр-князей на общественное и служебное первенство, у них был и еще один устой, поддерживающий княжат наверху общественного порядка,— это их землевладение. Родословная московская была и земельной знатью. Все вообще старые и служилые князья Московской Руси владели наследственными земельными имуществами; нововыезжим князьям и слугам, если они приезжали в Москву на службу без земель, жаловались земли. Малоземельным давали поместья, которые нередко, за службу, обращались в вотчины. Можно считать бесспорным, что в сфере частного светского землевладения московское боярство первенствовало и, заметим,— не только количественно, но и качественно. В XVI в. еще существовали, как наследие

более ранней поры, исключительные льготы знатных землевладельцев. Представляя собой соединение некоторых правительственных прав с вотчинными, эти льготы сообщались простым боярам пожалованием от государя. Но у княжат-землевладельцев льготы и преимущества вытекали не из пожалования, а представляли остаток удельной старины. Приходя на службу к московским государям со своими вотчинами, в которых они пользовались державными правами, удельные князья и их потомство обыкновенно не теряли этих вотчин и на московской службе. Они переставали быть самостоятельными политическими владетелями, но оставались господами своих земель и людей со всей полнотой прежней власти. По отношению к московскому государю они становились слугами, а по отношению к населению своих вотчин были по-прежнему «государями». Зная это, Иосиф Волоцкий и говорил о московском великом князе, что он «всеа Русскиа земли государям государь», такой государь, «которого суд не посужается». Подобное сохранение старинных владетельных прав за княжатами — факт бесспорный и важный, хотя и малоизученный. Нет сомнения, что в своих вотчинах они имели все атрибуты государствования: у них был свой двор, свое «воинство», которое они выводили на службу великого князя московского; они были свободны от поземельных налогов; юрисдикция их была почти не ограничена; свои земли они «жаловали» монастырям в вотчины и своим служилым людям в поместья. Приобретая к старым вотчинам новые, они и в них водворяли те же порядки, хотя их новые земли не были их родовыми и не могли сами по себе питать владельческих традиций. Когда, например, Ф. М. Мстиславский получил от великого князя Василия Ивановича выморочную волость Юхоть, то немедленно же стал жаловать земли церквам и служилым людям. Так, в 1538 г., он «пожаловал своего сына боярского» в поместье несколькими деревнями: дал деревню священнику «в доме Леонтия чудотворца», «в препитание и в вечное одержание» и т. д. Естественно было, вслед за князьями, и простым боярам водворять на своих землях те же вотчинные порядки и «пожалованием великого государя» усваивать себе такие же льготы и преимущества. Уже в самом исходе XVI в. (1598) Иван Григорьевич Нагой, например, «пожаловал дал человеку своему Богдану Сидорову за его к себе службу и за терпенье старинную свою вотчину в Бельском уезде, в Селехове слободе, сельцо Онофреево с деревнями и с починки», и прибавлял, что до той его вотчины его жене и детям, роду и племени «дела нет никому ни в чем некоторыми делы». Но в то же время он ни в жалованной грамоте на вотчину, ни в своей духовной не объявлял, что отпускает своего старого слугу на свободу: напротив, он обязывал его дальнейшей службой жене и сыновьям своим. Знаменитая семья Романовых, Федор Никитич с братьями, также имела у себя холопа-землевладельца, — второго

Никитина сына Бартенева. В 1589 г. Второй Бартенев, будучи «человеком» Федора Никитича, искал деревни на властях Троице-Сергиева монастыря, «отчины своей, отца своего по купчей»; а на одиннадцать лет позже, служа в казначеях у Александра Никитича, этот же самый «раб довел царю Борису на «государей» своих Романовых». Что землевладельцы-холопы, «помещики своих государей», были явлением гласным и законным в XVI в., доказывается, между прочим, тем, что в 1565 г. сам царь велел своему сыну боярскому Казарину Трегубову, бывшему в приставах у литовского гонца, «сказыватися княжь Ивановым человеком Дмитриевича Бельского» и говорить гонцу, что он, Казарин, никаких служебных вестей не знает по той причине, что он у своего государя князя Ивана в его жалованье был, в «поместье».

Таким образом, создался в Московском государстве особый тип привилегированного землевладения — «боярское» землевладение. Самыми резкими чертами оно было ограничено от других менее льготных видов владения. Тяглый землевладелец севера, служилый помещик центра, запада и юга, мелкий вотчинник на своей купле или выслуженной вотчине — весь этот мелкий московский люд, отбывавший всю меру государева тягла и службы со своей земли, стоял неизмеримо ниже землевладельца боярина, ведавшего свои земли судом и данью, окруженного дворней «из детей боярских» или — что то же — «боярских холопей», для которых он был «государем», гордого своим удельным «отечеством»: близкого ко двору великого государя и живущего в государевой думе. Общественное расстояние было громадно, настолько громадно, что прямо обращало эту земледельческую княжеско-боярскую среду в особый правящий класс, который вместе с государем стоял высоко над всем московским обществом, руководя его судьбами.

Это были «государи» Русской земли, суд которых «посужался» только «великим государем»; это были «удельнии великие русские князи», которые окружили «московского великого князя» в качестве его сотрудников-соправителей. С первого взгляда кажется, что этот правящий класс поставлен в политическом отношении очень хорошо. Первенство в администрации и в правительстве обеспечено ему его происхождением, «отечеством»; влияние на общество могло находить твердую опору в его землевладении. На самом деле в XVI в. княжата-бояре очень недовольны своим положением в государстве. Прежде всего, московские государи, признавая безусловно взаимные отношения бояр так, как их определял родословец, сами себя, однако, ничем не желали стеснять в отношении своих бояр, ни родословцем, ни преданиями удельного времени. Видя в самих себе самодержавных государей всея Руси, а в княжатах своих «лукавых и прегордых рабов», московские государи не считали нужным стесняться их мнениями и руководиться их советами. Великий князь Василий

Иванович обзывал бояр «смердами», а Грозный говорил им, что «под повелительми и приставники нам быти не пригоже», «како же и самодержец наречется, аще не сам строит?» — спрашивал он себя о себе же самом. Очень известны эти столкновения московских государей с боярами-княжатами, и нам нет нужды повторять рассказы о них; напомним только, что высокое мнение государей московских о существе их власти поддерживалось не только их собственным сознанием, но и учением тогдашнего духовенства. В первой половине XVI в. для княжат-бояр уже совершенно стало ясно, что их политическое значение отрицается не одними монархами, но и той церковной интеллигенцией, которая господствовала в литературе того времени. Затем, одновременно с политическим авторитетом боярства, стало колебаться и боярское землевладение, во-первых, под тяжестью ратных служб и повинностей, которые на него ложились с особенной силой во время войн Грозного, а во-вторых, от недостатка рабочих рук, вследствие того, что рабочее население стало с середины XVI в. уходить со старых мест на новые земли. Продавая и закладывая часть земель капиталистам того времени — монастырям, бояре одновременно должны были принимать меры против того, чтобы не запустошить остальных своих земель и не выпустить с них крестьян за те же монастыри. Таким образом, сверху, от государей, боярство не встречало полного признания того, что считало своим неотъемлемым правом; снизу, от своих «работных» оно видело подрыв своему хозяйственному благосостоянию; в духовенстве же оно находило в одно и то же время и политического недоброхота, который стоял на стороне государева «самодержавства», и хозяйственного соперника, который отовсюду перетягивал в свои руки и земли и земледельцев. Таковы вкратце обстоятельства, вызвавшие среди бояр-князей XVI в. тревогу и раздражение.

Бояре-князья не таили своего недовольства. Они высказывали его и литературным путем, и практически. Против духовенства вооружались они с особенным пылом и свободой, нападая одинаково и на политические тенденции, и на землевладельческую практику монашества известного «осифлянского» направления. Боярскими взглядами и чувствами проникнуто несколько замечательных публицистических памятников XVI столетия, обличающих политическую угодливость и сребролюбие «осифлян» или «жидовлян», как их иногда обзывали в глаза. Разрешение вопроса об ограничении права монастырей приобретать вотчины было подготовлено в значительной мере литературной полемикой, в которой монастырское землевладение получило полную и беспощадную нравственную и практическую оценку. Крестьянский вопрос XVI в. также занимал видное место в этой литературе, хотя по сложности своей и не получил в ней достаточного освещения и разработки. Зато над политическим вопросом об отношении государственной власти к правительственному классу

писатели боярского направления задумывались сравнительно мало. Этому политическому вопросу суждено было прежде других выплыть на поверхность практической жизни и вызвать в государстве чрезвычайно важные явления, роковые для политических судеб боярско-княжеского класса.

Отношения князей-бояр к государям определялись в Москве не отвлеченными теоретическими рассуждениями, а чисто житейским путем. И полнота государевой власти, и аристократический состав боярства были фактами, которые сложились исподволь, исторически и отрицать которые было невозможно. Князья-бояре до середины XVI в. совершенно признавали «самодержавство» государево, а государь вполне разделял их понятие о родовой чести. Но бояре иногда держали себя не так, как хотелось их монарху, а монарх действовал не всегда так, как приятно было боярам. Возникали временные и частные недоразумения, исход которых, однако, не изменял установившегося порядка. Боярство роптало и пробовало «отъезжать», государи «опалялись», наказывали за ропот и отъезд, но ни та, ни другая сторона не думала о коренной реформе отношений. Первая мысль об этом, как кажется, возникла только при Грозном. Тогда образовался кружок боярский, известный под названием «избранной рады», и покусился на власть под руководством попа Сильвестра и Алексея Адашева. Сам Грозный в послании к Курбскому ясно намекает на то, что хотели достигнуть эти люди. Они, по его выражению, начали совещаться о мирских, т. е. государственных, делах тайно от него, а с него стали «снимать власть», «приводя в противословие» ему бояр. Они раздавали саны и вотчины самовольно и противозаконно, возвращая князьям те их вотчины, «грады и села», которые были у них взяты на государя «уложением» великого князя Ивана III; в то же время они разрешали отчуждение боярско-княжеских земель, свободное обращение которых запрещалось неоднократно при Иване Васильевиче, Василии Ивановиче и, наконец, в 1551 г. «Которым вотчинам еще несть потреба от вас даятися,— писал Грозный о боярах Курбскому,— и те вотчины ветру подобно раздал» Сильвестр. Этим Сильвестр «примирил к себе многих людей», т. е. привлек к себе новых сторонников, которыми и наполнил всю администрацию; «ни единые власти не оставиша, идеже своя угодники не поставиша»,— говорит Грозный. Наконец, бояре отобрали у государя право жаловать боярство, «от прародителей наших данную нам власть от нас отъяша,— писал Грозный,— еже вам бояром нашим по нашему жалованью честью председания почтенным быти». Они усвоили это право себе. Сильвестр таким способом образовал свою партию, с которой и думал править, «ничто же от нас пытая», по словам царя. Обратив внимание на это место в послании Ивана IV к Курбскому, проф. Сергеевич находит полное ему подтверждение и в «Истории» Курбского. Он даже думает, что Сильвестр с «угодниками» провел и в судебник

ограничение царской власти. Осторожнее на этом не настаивать, но возможно и необходимо признать, что для самого Грозного боярская политика представилась самым решительным покушением на его власть. И он дал столь же решительный отпор этому покушению. В его уме вопрос о боярской политике вызывал усиленную работу мысли. Не одну личную или династическую опасность судило ему боярско-княжеское своеволие и противословие: он понимал и ясно выражал, что последствия своеволия могут быть шире и сложнее. «Аще убо царю не повинуются подовластные,— писал он,— никогда же от междоусобных браней престанут». Вступив в борьбу с «изменниками», он думал, что наставляет их «на истину и на свет», чтобы они престали от междоусобных браней и строптивнаго жития «ими же царствия растлеваются». Он ядовито смеется над Курбским за то, что тот хвалится бранной храбростью, а не подумает, что эта добродетель имеет смысл и цену только при внутренней государственной крепости, «аще строения в царстве благая будут». Для Грозного не может быть доблести в таком человеке, как Курбский, который был «в дому изменник» и не имел рассуждения о важности государственного порядка. Таким образом, не только собственный интерес, но и заботы о царстве руководили Грозным. Он отстаивал не право на личный произвол, а принцип единовластия как основание государственной силы и порядка. Сначала он, кажется, боролся мягкими мерами: «казнию конечною ни единому коснухомся»,— говорил он сам. Разорвав со своими назойливыми советниками, он велел всем прочим «от них отлучитися и к ним не престояти» и взял в том со всех крестное целование. Когда же, несмотря на крестное целование, связи у бояр с опальными не порвались, тогда Грозный начал гонения; гонения вызвали отъезды бояр, а отъезды, в свою очередь, вызвали новые репрессии. Так мало-помалу обострялось политическое положение, пока, наконец, Грозный не решился на государственный переворот, называемый опричниной.

Над вопросом о том, что такое опричнина царя Ивана Васильевича, много трудились ученые. Один из них справедливо и не без юмора заметил, что «учреждение это всегда казалось очень странным, как тем, кто страдал от него, так и тем, кто его исследовал». В самом деле, подлинных документов по делу учреждения опричнины не сохранилось; официальная летопись повествует об этом кратко и не раскрывает смысла учреждения; русские же люди XVI в., говорившие об опричнине, не объясняют ее хорошо и как будто не умеют ее описать. И дьяку Ивану Тимофееву, и знатному князю И. М. Катыреву-Ростовскому дело представляется так: в ярости на своих подданных Грозный разделил государство на две части,— одну он дал царю Симеону, другую взял себе и заповедал своей части «оную часть людей насиловати и смерти предавати». К этому Тимофеев прибавляет, что вместо «добромыслимых вельмож», избитых и изгнанных,

Иван приблизил к себе иностранцев и подпал под их влияние до такой степени, что «вся внутренняя его в руку варвар быша». Но мы знаем, что правление Симеона было кратковременным и позднейшим эпизодом в истории опричнины, что иностранцы хотя и ведались в опричнине, однако не имели в ней никакого значения и что показная цель учреждения заключалась вовсе не в том, чтобы насиловать и избивать подданных государя, а в том, чтобы «двор ему (государю) себе и на весь свой обиход учинити особной». Таким образом, у нас нет ничего надежного для суждения о деле, кроме краткой записи летописца о начале опричнины, да отдельных упоминаний о ней в документах, прямо к ее учреждению не относящихся. Остается широкое поле для догадок и домыслов.

Конечно, легче всего объявить «нелепым» разделение государства на опричнину и земщину и объяснить его причудами робкого тирана; так некоторые и делают. Но не всех удовлетворяет столь простой взгляд на дело. С. М. Соловьев объяснял опричнину как попытку Грозного формально отделиться от ненадежного в его глазах боярского правительственного класса; устроенный с такой целью новый двор царя на деле выродился в орудие террора, исказился в сыскное учреждение по делам боярской и всякой иной измены. Таким именно сыскным учреждением, «высшей полицией по делам государственной измены» представляет нам опричнину В. О. Ключевский. И другие историки видят в ней орудие борьбы с боярством, и притом странное и неудачное. Только К. Н. Бестужев-Рюмин, Е. А. Белов и С. М. Середонин склонны придавать опричнине большой политический смысл: они думают, что опричнина направлялась против потомства удельных князей и имела целью сломить их традиционные права и преимущества. Однако такой, по нашему мнению, близкий к истине взгляд не раскрыт с желаемой полнотой, и это заставляет нас остановиться на опричнине для того, чтобы показать, какими своими последствиями и почему опричнина повлияла на развитие смуты в московском обществе.

До нашего времени не сохранился подлинный указ об учреждении опричнины; но мы знаем о его существовании из описи царского архива XVI в. и думаем, что в летописи находится не вполне удачное и вразумительное его сокращение. По летописи мы получаем лишь приблизительное понятие о том, что представляла собой опричнина в своем начале. Это не был только «набор особого корпуса телохранителей, в роде турецких янычар», как выразился один из позднейших историков, а было нечто более сложное. Учреждался особый государев двор, отдельно от старого московского двора. В нем должен был быть особый дворецкий, особые казначеи и дьяки, особые бояре и окольничьи, придворные и служилые люди, наконец, особая дворня на всякого рода «дворцах»: сытном, кормовом, хлебном и т. д. Для содержания всего этого люда взяты были города и волости из

разных мест Московского государства. Они образовали территорию опричнины чересполосно с землями, оставленными в старом порядке управления и получившими имя «земщины». Первоначальный объем этой территории, определенный в 1565 г., был в последующие годы увеличен настолько, что охватил добрую половину государства.

Для каких же надобностей давали этой территории такие большие размеры? Некоторый ответ на это предлагает сама летопись в рассказе о начале опричнины.

Во-первых, царь заводил новое хозяйство в опричном дворце и брал к нему, по обычаю, дворцовые села и волости. Для самого дворца первоначально выбрано было место в Кремле, снесены дворцовые службы и взяты на государя погоревшие в 1565 г. усадьбы митрополита и князя Владимира Андреевича. Но почему-то Грозный стал жить не в Кремле, а на Воздвиженке, в новом дворце, куда перешел в 1567 г. К новому опричному дворцу приписаны были в самой Москве некоторые улицы и слободы, а сверх того дворцовые волости и села под Москвой и вдали от нее. Мы не знаем, чем был обусловлен выбор в опричнину тех, а не иных местностей из общего запаса собственно дворцовых земель, мы не можем представить даже приблизительно перечня волостей, взятых в новый опричный дворец, но думаем, что такой перечень, если бы и был возможен, не имел бы особой важности. Во дворце, как об этом можно догадываться, брали земли собственно дворцовые в меру хозяйственной надобности, для устройства различных служб и для жилищ придворного штата, находящегося при исполнении дворцовых обязанностей.

Но так как этот придворный и вообще служилый штат требовал обеспечения и земельного испомещения, то, во-вторых, кроме собственно дворцовых земель, опричнине нужны были земли вотчинные и поместья. Грозный в данном случае повторил то, что было сделано им же самим за 15 лет перед тем. В 1550 г. он разом испоместил кругом Москвы «помещиков детей боярских лучших слуг тысячу человек». Теперь он также выбирает себе «князей и дворян детей боярских, дворовых и городовых тысячу голов»; но испомещает их не кругом Москвы, а в других, по преимуществу «Замосковных», уездах: Галицком, Костромском, Суздальском, также в Заоцких городах, а с 1571 г., вероятно, и в Новгородских пятинах. В этих местах, по словам летописи, он производит мену земель: «Вотчинников и помещиков, которым не быти в опричнине, велел из тех городов вывести и подавати земли велел в то место в иных городех». Надобно заметить, что некоторые грамоты безусловно подтверждают это летописное показание; вотчинники и помещики действительно лишались своих земель в опричных уездах и притом сразу всем уездом или, по их словам, «с городом вместе, а не в опале — как государь взял город в опричнину». За взятые земли служилые люди вознаграждались другими, где государь пожалует, или где сами приищут.

Таким образом, всякий уезд, взятый в опричнину со служилыми землями, был осужден на коренную ломку. Землевладение в нем подвергалось пересмотру, и земли меняли владельцев, если только владельцы сами не становились опричниками. Можно, кажется, не сомневаться в том, что такой пересмотр вызван был соображениями политического порядка. В центральных областях государства для опричнины были отделены как раз те местности, где еще существовало на старинных удельных территориях землевладение княжат, потомков владетельных князей. Опричнина действовала среди родовых вотчин князей ярославских, белозерских и ростовских (от Ростова до Чаронды), князей стародубских и суздальских (от Суздаля до Юрьева и Балахны), князей черниговских и иных юго-западных на верхней Оке. Эти вотчины постепенно входили в опричнину: если сравним перечни княжеских вотчин в известных указах о них — царском 1562 г. и «земском» 1572 г. то увидим, что в 1572 г. в ведении «земского» правительства остались только вотчины ярославские и ростовские, оболенские и мосальские, тверские и рязанские; все же остальные, названные в «старом государеве уложении» 1562 г., уже отошли в опричнину. А после 1572 г. и вотчины ярославские и ростовские, как мы уже указывали, взяты были в государев «двор». Таким образом мало-помалу почти сполна собрались в опричном управлении старые удельные земли, исконные владельцы которых возбуждали гнев и подозрение Грозного. На этих-то владельцев и должен был пасть всей тяжестью затеянный Грозным пересмотр землевладения. Одних Грозный сорвал со старых мест и развеял по новым далеким и чуждым местам, других ввел в новую опричную службу и поставил под строгий непосредственный свой надзор. В завещании Грозного находим многочисленные указания на то, что государь брал «за себя» земли служилых князей; но все эти и им подобные указания, к сожалению, слишком мимолетны и кратки, чтобы дать нам точную и полную картину потрясений, пережитых в опричнине княжеским землевладением. Сравнительно лучше мы можем судить о положении дел в Заоцких городах по верхней Оке. Там были на исконных своих владениях потомки удельных князей, князья Одоевские, Воротынские, Трубецкие и другие; «еще те княжата были на своих уделах и велия отчины под собой имели», — говорит о них известная фраза Курбского. Когда в это гнездо княжат вторгся с опричниной Грозный, он некоторых из княжат взял в опричную «тысячу голов»; в числе «воевод из опришнины» действовали, например, князья Федор Михайлович Трубецкой и Никита Иванович Одоевский. Других он исподволь сводил на новые места; так князю Михаилу Ивановичу Воротынскому уже несколько спустя после учреждения опричнины дан был Стародуб Ряполовский вместо его старой вотчины (Одоева и других городов); другие князья

с верхней Оки получают земли в уездах Московском, Коломенском, Дмитровском, Звенигородском и других. Результаты таких мероприятий были многообразны и важны. Если мы будем помнить, что в опричное управление были введены, за немногими и незначительными исключениями, все те места, в которых ранее существовали старые удельные княжества, то поймем, что опричнина подвергла систематической ломке вотчинное землевладение служивых княжат вообще, на всем его пространстве. Зная истинные размеры опричнины, мы уверимся в полной справедливости слов Флетчера о княжатах (в IX главе), что Грозный, учредив опричнину, захватил их наследственные земли, за исключением весьма незначительной доли, и дал княжатам другие земли в виде поместий, которыми они владеют, пока угодно царю, в областях столь отдаленных, что там они не имеют ни любви народной, ни влияния, ибо они не там родились и не были там известны. Теперь, прибавляет Флетчер, высшая знать, называемая удельными князьями, сравнена с остальными; только лишь в сознании и чувстве народном сохраняет она некоторое значение и до сих пор пользуется внешним почетом в торжественных собраниях. По нашему мнению, это очень точное определение одного из последствий опричнины. Другое последствие, вытекавшее из тех же мероприятий, было не менее важно. На территории старых удельных владений еще жили старинные порядки, и рядом с властью московского государя еще действовали старые авторитеты. «Служилые» люди в XVI в. здесь служили со своих земель не одному «великому государю», но и частным «государям». В середине столетия в Тверском уезде, например, из 272 вотчин не менее чем в 53-х владельцы служили не государю, а князю Владимиру Андреевичу Старицкому, князьям Оболенским, Микулинским, Мстиславскому, Ростовскому, Голицыну, Курлятеву, даже простым боярам; с некоторых же вотчин и вовсе не было службы. Понятно, что этот порядок не мог удержаться при переменах землевладения, какие внесла опричнина. Частные авторитеты поникли под грозой опричнины и были удалены; их служилые люди становились в непосредственную зависимость от великого государя, а общий пересмотр землевладения привлекал их всех на опричную государеву службу или же выводил их за пределы опричнины. С опричниной должны были исчезнуть «воинства» в несколько тысяч слуг, с которыми княжата раньше приходили на государеву службу, как должны были искорениться и все прочие следы старых удельных обычаев и вольности в области служебных отношений. Так, захватывая в опричнину старинные удельные территории для испомещения своих новых слуг, Грозный производил в них коренные перемены, заменяя остатки удельных переживаний новыми порядками, такими, которые равняли всех перед лицом государя в его

«особом обиходе», где уже не могло быть удельных воспоминаний и аристократических традиций. Любопытно, что этот пересмотр предков и людей продолжался много лет спустя после начала опричнины. Очень изобразительно описывает его сам Грозный в своей известной челобитной 30-го октября 1575 г. на имя великого князя Симеона Бекбулатовича: «Чтобы еси, государь, милость показал, ослободил людишок перебрать, бояр и дворян и детей боярских и дворовых людишок: иных бы еси ослободил отослать, а иных бы еси пожаловал ослободил принять; ...а ослободил бы еси пожаловал изо всяких людей выбирать и приимать, и которые нам не надобны, и нам бы тех пожаловал еси, государь, ослободил прочь отсылати...; и которые похотят к нам, и ты б, государь, милость показал ослободил их быти у нас безопально и от нас их имати не велел; а которые от нас поедут и учнут тебе государю, бити челом; и ты б... тех наших людишок, которые учнут от нас отходити, пожаловал не принимал». Под притворным самоуничижением царя «Иванца Васильева» в его обращении к только что поставленному «великому князю» Симеону скрывается один из обычных для того времени указов о пересмотре служилых людей при введении опричного порядка.

В-третьих, кроме дворцовых вотчинных и поместных земель, многие волости, по словам летописи, «государь поимал кормленым окупом, с которых волостей имати всякие доходы на его государьской обиход, жаловати бояр и дворян и всяких его государевых дворовых людей, которые будут у него в опришнине». Это — верное, но не полное указание летописи на доход с опричных земель. Кормленый окуп — специальный сбор, своего рода выкупной платеж волостей за право самоуправления, установленный с 1555—1556 г. Мы знаем, что им не ограничивались доходы опричнины. В опричнину поступали, с одной стороны, прямые подати вообще, а с другой — и разного рода косвенные налоги. Когда был взят в опричнину Симонов монастырь, ему было велено платить в опричнину «всякие подати» («и ямские и приметные деньги и за городовое и за засечное и за ямчужное дело» — обычная формула того времени). Когда в опричнину была взята Торговая сторона Великого Новгорода, то опричные дьяки стали на ней ведать все таможенные сборы, определенные особой таможенной грамотой 1571 г. Таким образом, некоторые города и волости были введены в опричнину по соображениям финансовым: назначением их было доставлять опричнине отдельные от «земских» доходы. Разумеется, вся территория опричнины платила искони существовавшие на Руси «дани и оброки», особенно же волости промышленного Поморья, где не было помещиков; но главнейший интерес и значение для опричной царской казны представляли крупные городские посады, так как с их населения и рынков поступали многообразные и богатейшие сборы. Интересно посмотреть, как были подобраны для оприч-

нины эти торгово-промышленные центры. К некоторым, кажется, бесспорным и не лишенным значений выводам может привести в данном случае простое знакомство с картой Московского государства. Нанеся на карту важнейшие пути от Москвы к рубежам государства и отметив на карте места, взятые в опричнину, убедимся, что в опричнину попали все главные пути с большой частью городов, на них стоящих. Можно даже, не рискуя впасть в преувеличение, сказать, что опричнина распоряжалась на всем пространстве этих путей, исключая, разве, самых порубежных мест. Из всех дорог, связывавших Москву с рубежами, разве, только дороги на юг, на Тулу и Рязань оставлены опричниной без внимания, думаем, потому, что их таможенная и всякая иная доходность была невелика, а все их протяжение было в беспокойных местах южной украйны.

Изложенные нами наблюдения над составом земель, взятых в опричнину, можно теперь свести к одному заключению. Территория опричнины, слагавшаяся постепенно, в 70-х годах XVI в. составлена была из городов и волостей, лежавших в центральных и северных местностях государства — в Поморье, замосковных и заоцких городах, в пятинах Обонежской и Бежецкой. Опираясь на севере на «великое море окиан», опричные земли врезывались в «земщину», разделяя ее надвое. На востоке за земщиной оставались пермские и вятские города, Понизовье и Рязань; на западе города порубежные: «от немецкой украйны» (псковские и новгородские), «от литовской украйны» (Великие Луки, Смоленск и др.) и города Северские. На юге эти две полосы «Земщины» связывались украинными городами да «диким полем». Московским севером, Поморьем и двумя Новгородскими пятинами опричнина владела безраздельно; в центральных же областях ее земли перемешивались с земскими в такой чересполосице, которую нельзя не только объяснить, но и просто изобразить. За земщиной оставались здесь из больших городов, кажется, только Тверь, Владимир, Калуга. Города Ярославль и Переяславль Залесский, как кажется, были взяты из «земщины» только в середине 70-х годов. Во всяком случае, огромное большинство городов и волостей в московском центре отошло от земщины, и мы имеем право сказать, что земщине, в конце концов, оставлены были окраины государства. Получалось нечто обратное тому, что мы видим в императорских и сенатских провинциях древнего Рима: там императорская власть берет в непосредственное ведение военные окраины и кольцом легионов сковывает старый центр; здесь царская власть, наоборот, отделяет себе в опричнину внутренние области, оставляя старому управлению военные окраины государства.

Вот к каким результатам привело нас изучение территориального состава опричнины. Учрежденный в 1565 г. новый двор московского государя в десять лет охватил все внутренние области государства, произвел существенные перемены в служилом землевладении этих областей, завладев путями внешних сообще-

ний и почти всеми важнейшими рынками страны и количественно сравнялся с земщиной, если только не перерос ее. В 70-х годах XVI в. это далеко не «отряд царских телохранителей» и даже не «опричнина» в смысле удельного двора. Новый двор Грозного царя до такой степени разросся и осложнился, что перестал быть опричниной не только по существу, но и по официальному наименованию: около 1572 г. слово «опришнина» в разрядах исчезает и заменяется словом «двор». Думаем, что это не случайность, а достаточно ясный признак того, что в сознании творцов опричнины она изменила свой первоначальный вид.

Ряд наблюдений, изложенных выше, ставит нас на такую точку зрения, с которой существующие объяснения опричнины представляются не вполне соответствующими исторической действительности. Мы видим, что, вопреки обычному мнению, опричнина вовсе не стояла «вне» государства. В учреждении опричнины вовсе не было «удаления главы государства от государства», как выражался С. М. Соловьев; напротив, опричнина забирала в свои руки все государство в его коренной части, оставив «земскому» управлению рубежи, и даже стремилась к государственным преобразованиям, ибо вносила существенные перемены в состав служилого землевладения. Уничтожая его аристократический строй, опричнина была направлена, в сущности, против тех сторон государственного порядка, которые терпели и поддерживали такой строй. Она действовала не «против лиц», как говорит В. О. Ключевский, а именно против порядка, и потому была гораздо более орудием государственной реформы, чем простым полицейским средством пресечения и предупреждения государственных преступлений. Говоря так, мы совсем не отрицаем тех отвратительно жестоких гонений, которым подвергал в опричнине Грозный царь своих воображаемых и действительных врагов. И Курбский, и иностранцы говорят о них много и вероподобно. Но нам кажется, что сцены зверства и разврата, всех ужасавшие и вместе с тем занимавшие, были как бы грязной пеной, которая кипела на поверхности опричной жизни, закрывая будничную работу, происходящую в ее глубинах. Непонятное ожесточение Грозного, грубый произвол его «кромешников» гораздо более затрагивали интерес современников, чем обыденная деятельность опричнины, направленная на то, чтобы «людишек перебрать, бояр и дворян и детей боярских и дворовых людишек». Современники заметили только результаты этой деятельности — разгром княжеского землевладения; Курбский страстно упрекал за него Грозного, говоря, что царь губил княжат ради вотчин, стяжаний и скарбов; Флетчер спокойно указывал на унижение «удельных князей» после того, как Грозный захватил их вотчины. Но ни тот, ни другой из них, да и вообще никто не оставил нам полной картины того, как царь Иван Васильевич сосредоточил в своих руках, помимо «земских» бояр, распоряжение доходнейшими местами государства и его торговыми путями

и, располагая своей опричной казной и опричными слугами, постепенно «перебирал» служилых людишек, отрывал их от той почвы, которая питала их неудобные политические воспоминания и притязания, и сажал на новые места или же совсем губил их в припадках своей подозрительной ярости.

Может быть, это неумение современников рассмотреть за вспышками царского гнева и за самоуправством его опричной дружины определенный план и систему в действиях опричнины было причиной того, что смысл опричнины стал скрыт и от глаз потомства. Но есть этому и другая причина. Как первый период реформ царя Ивана IV оставил по себе мало следов в бумажном делопроизводстве московских приказов, так и опричнина с ее реформой служилого землевладения почти не отразилась в актах и приказных делах XVI в. Переводя области в опричнину, Грозный не выдумывал для управления ими ни новых форм, ни нового типа учреждений; он только поручал их управление особым лицам — «из двора», и эти лица из двора действовали рядом и вместе с лицами «из земского». Вот почему иногда одно только имя дьяка, скрепившего ту или другую грамоту, показывает нам, где дана грамота, в опричнине или в земщине, или же только по местности, к которой относится тот или другой акт, можем судить, с чем имеем дело, с опричным ли распоряжением или с земским. Далеко не всегда в самом акте указывается точно, какой орган управления в данном случае надо разуметь, земский или дворовый; просто говорится: «Большой дворец», «Большой приход», «Разряд» и лишь иногда прибавляется пояснительное слово, вроде: «из земского Дворца», «дворовый Разряд», «в дворовый Большой Приход». Равно и должности не всегда упоминались с означением, к какому порядку, опричному или земскому, они относились; иногда говорилось, например, «с государем бояре из опришнины», «Дворецкий Большого земского Дворца», «дворовые воеводы», «дьяк Розряду дворового» и т. д., иногда же лица, заведомо принадлежащие к опричнине и «к двору», именуются в документах без всякого на то указания. Поэтому нет никакой возможности дать определенное изображение административного устройства опричнины. Весьма соблазнительна мысль, что отдельных от «земщины» административных учреждений опричнина и вовсе не имела. Был, кажется, только, один Разряд, один Большой приход, но и в этих и других присутственных местах разным дьякам поручались дела и местности земские и дворовые порознь, и неодинаков был порядок доклада и решения тех и других дел. Исследователям еще предстоит решить вопрос, как размежевывались дела и люди в таком близком и странном соседстве. Нам теперь представляется неизбежной и непримиримой вражда между земскими и опричными людьми, потому что мы верим, будто бы Грозный заповедал опричникам насиловать и убивать земских людей.

А между тем не видно, чтобы правительство XVI в. считало дворовых и земских людей врагами; напротив, оно предписывало им совместные и согласные действия. Так, в 1570 г., в мае, «приказал государь о (литовских) рубежах говорити всем бояром, земским и из опришнины... и бояре обои, земские и из опришнины, о тех рубежах говорили» и пришли к одному общему решению. Через месяц такое же общее решение «обои» бояре постановили по поводу необычного «слова» в титуле литовского государя и «за то слово велели стояти крепко». В том же 1570 и 1571 гг. на «берегу» и украйне против татар были земские и «опришнинские» отряды, и им было велено действовать вместе, «где случится сойтись» земским воеводам с опришнинскими воеводами. Все подобные факты наводят на мысль, что отношения между двумя частями своего царства Грозный строил не на принципе взаимной вражды, и если от опричнины, по словам Ивана Тимофеева, произошел «земли всей велик раскол», то причины этого лежали не в намерениях Грозного, а в способах их осуществления. Один только эпизод с вокняжением в земщине Симеона Бекбулатовича мог бы противоречить этому, если бы ему можно было придавать серьезное значение и если бы он ясно указывал на намерение отделить «земщину» в особое «великое княжение». Но, кажется, это была кратковременная и совсем не выдержанная проба разделения власти. Симеону довелось сидеть в звании великого князя на Москве всего несколько месяцев. При этом так как он не носил царского титула, то не мог быть и венчан на царство; его просто, по словам одной разрядной книги, государь «посадил на великое княжение на Москве», может быть и с некоторым обрядом, но, конечно, не с чином царского венчания. Симеону принадлежала одна тень власти, потому что в его княжение рядом с его грамотами писались и грамоты от настоящего «царя и великого князя всея Руси», а на грамоты «великого князя Симеона Бекбулатовича всея Руси» дьяки даже не отписывались, предпочитая отвечать одному «государю князю Ивану Васильевичу Московскому». Словом, это была какая-то игра или причуда, смысл которой не ясен, а политическое значение ничтожно. Иностранцам Симеона не показывали и о нем говорили сбивчиво и уклончиво; если бы ему дана была действительная власть, вряд ли возможно было бы скрыть этого нового повелителя «земщины».

Итак, опричнина была первой попыткой разрешить одно из противоречий московского государственного строя. Она сокрушила землевладение знати в том его виде, как оно существовало из старины. Посредством принудительной и систематически произведенной мены земель она уничтожила старые связи удельных княжат с их родовыми вотчинами везде, где считала это необходимым, и раскидала подозрительных в глазах Грозного княжат по разным местам государства, преимущественно по его окра-

инам, где они превратились в рядовых служилых землевладельцев. Если вспомним, что рядом с этим земельным перемещением шли опалы, ссылки и казни, обращенные прежде всего на тех же княжат, то уверимся, что в опричнине Грозного произошел полный разгром удельной аристократии. Правда, она не была истреблена «всеродно», поголовно: вряд ли это и входило в политику Грозного, как склонны думать некоторые ученые; но состав ее значительно поредел, и спаслись от погибели только те, которые умели показаться Грозному политически безвредными, как Мстиславский с его зятем «великим князем» Симеоном Бекбулатовичем, или же умели, как некоторые князья — Скопины, Шуйские, Пронские, Сицкие, Трубецкие, Темкины,— заслужить честь быть принятыми на службу в опричнину. Политическое значение класса было бесповоротно уничтожено, и в этом заключался успех политики Грозного. Тотчас после его смерти сбылось то, чего при нем так боялись бояре-княжата: ими стали владеть Захарьины да Годуновы. К этим простым боярским семьям перешло первенство во дворце от круга людей высшей породы, разбитого опричниной.

Но это было лишь одно из последствий опричнины. Другое заключалось в необыкновенно энергичной мобилизации землевладения, руководимой правительством. Опричнина массами передвигала служилых людей с одних земель на другие; земли меняли хозяев не только в том смысле, что вместо одного помещика приходил другой, но и в том, что дворцовая или монастырская земля обращалась в поместную раздачу, а вотчина князя или поместье сына боярского отписывалось на государя. Происходил как бы общий пересмотр и общая перетасовка владельческих прав. Результаты этой операции имели бесспорную важность для правительства, хотя были неудобны и тяжелы для населения. Ликвидируя в опричнине старые поземельные отношения, завещанные удельным временем, правительство Грозного взамен их везде водворяло однообразные порядки, крепко связывавшие право землевладения с обязательной службой. Это требовали и политические виды самого Грозного и интересы, более общие, государственной обороны. Стараясь о том, чтобы разместить на землях, взятых в опричнину, «опришнинских» служилых людей, Грозный сводил с этих земель их старых служилых владельцев, не попавших в опричнину, но в то же время он должен был подумать и о том, чтобы не оставить без земель и этих последних. Они устраивались в «земщине» и размещались в таких местностях, которые нуждались в военном населении. Политические соображения Грозного прогоняли их с их старых мест, стратегические надобности определяли места их нового поселения. Нагляднейший пример того, что испомещение служилых людей зависело одновременно и от введения опричнины и от обстоятельств военного характера, находится в так называемых Полоцких писцовых книгах 1571 г. Они заключают в себе данные

о детях боярских, которые были выведены на литовский рубеж из Обонежской и Бежецкой пятин тотчас после взятия этих двух пятин в опричнину. В пограничных местах, в Себеже, Нещерде, Озерищах и Усвяте, новгородским служилым людям были розданы земли каждому сполна в его оклад 400—500 четей. Таким образом, не принятые в число опричников, эти люди совсем потеряли земли в новгородских пятинах и получили новую оседлость на той пограничной полосе, которую надо было укрепить для литовской войны. У нас мало столь выразительных образчиков того влияния, какое оказывала опричнина на оборот земель в служилом центре и на военных окраинах государства. Но нельзя сомневаться, что это влияние было очень велико. Оно усилило земельную мобилизацию и сделало ее тревожной и беспорядочной. Массовая конфискация и секуляризация вотчин в опричнине, массовое передвижение служилых землевладельцев, обращение в частное владение дворцовых и черных земель — все это имело характер бурного переворота в области земельных отношений и неизбежно должно было вызвать очень определенное чувство неудовольствия и страха в населении. Страх государевой опалы и казни смешивался с боязнью выселения из родного гнезда на пограничную пустошь без всякой вины, «с городом вместе, а не в опале». От невольных, внезапных передвижений страдали не только землевладельцы, которые обязаны были менять свою вотчину или поместную оседлость и бросать одно хозяйство, чтобы начинать другое в чуждой обстановке, в новых условиях, с новым рабочим населением. В одинаковой степени страдало от перемены хозяев и это рабочее население, страдало особенно тогда, когда ему вместе с дворцовой или черной землей, на которой оно сидело, приходилось попадать в частную зависимость. Отношения между владельцами земель и их крестьянским населением были в ту пору уже достаточно запутаны; опричнина должна была еще более их осложнить и замутить.

Но вопрос о поземельных отношениях XVI в. переводит нас уже в иную область московских общественных затруднений. К раскрытию их теперь и обратимся.

Социальное противоречие в московской жизни XVI века

Рядом с политическим противоречием московской жизни, получившим первое свое разрешение в опричнине, выше мы отметили и другое — социальное. Мы определили его как систематическое подчинение интересов рабочей массы интересам служилых землевладельцев, живших на счет этой массы. К такому подчинению московское правительство было вынуждено неотложными потребностями государственной обороны. Оно действовало очень решительно в данном направлении потому, что не вполне отчетливо представляло себе последствия своей политики. Борьба с соседями на окраинах немецкой, литовской

и татарской в XV—XVI вв. заставляла во что бы то ни стало увеличивать боевые силы государства. На границах протягивались линии новых и возобновленных крепостей. В этих крепостях водворялись гарнизоны, в состав которых поступали люди из низших слоев населения, менявшие посадский или крестьянский двор на двор в стрелецкой, пушкарской или иной «приборной» слободе. Этот вновь поверстанный в государеву службу мелкий люд в большинстве своем извлекался из уездов, которые тем самым теряли часть своего трудоспособного населения. На смену ушедшим в уездах водворялись иного рода «жильцы»; они не входили в состав тяглых миров уезда и не принадлежали к трудовой массе земледельческо-промышленного населения, а становились выше этой массы, в качестве ее господ. То были служилые помещики и вотчинники, которым щедро раздавались черные и дворцовые земли с тяглым их населением. В течение всего XVI века можно наблюдать распространение этих форм служилого землевладения, поместья и мелкой вотчины, на всем юге и западе Московского государства в Замосковье, в городах от украйн западных и южных, в Понизовье. Нуждаясь в людях, годных к боевой службе, сверх старинного класса своих слуг, вольных и невольных, знатных и незнатных, правительство подбирает необходимых ему людей, сажая на поместья, отовсюду, изо всех слоев московского общества, в каких только существовали отвечающие военным нуждам элементы. В новгородских и псковских местах оно пользуется тем, например, классом мелких землевладельцев, который существовал еще при вечевом укладе,— так называемыми «земцами» или «своеземцами». Оно отбирает часть их в служилый класс, заставляя этих «детей боярских земцев» служить с их маленьких вотчин и давая к этим вотчинам поместья. Остальная же часть «земцев» уходит в тяглые слои населения. В других случаях, если у правительства не хватало своих слуг, оно брало их в частных домах. Известен случай, когда государев писец Д. В. Китаев «поместил» на государеву службу несколько десятков семей боярских холопов. Верстали в службу и татар «новокрещенов», даже татар, оставшихся в исламе; этих последних устраивали на службе особыми отрядами и на землях особыми гнездами; так, за татарами всегда бывали земли в Касимове и Елатьме на Оке, бывал и городок Романов на Волге. Наконец, правительство пользовалось услугами и той темной по происхождению казачьей силы, которая выросла в XVI в. на «диком поле» и южных реках. Не справляясь о казачьем прошлом, казаков или нанимали для временной службы, как это было, например, в 1572 г., или же верстали на постоянную службу, возводя в чин «детей боярских», как это было, например, в Епифани в 1585 г. Словом, служилый класс складывался из лиц самых разнообразных состояний и потому рос с чрезвычайной быстротой. Только в самом исходе XVI в., когда в центральных областях численность служилых

чинов достигла желаемой степени, появилась мысль, что в государеву службу следует принимать с разбором, не допуская в число детей боярских «поповых и мужичьих детей, холопей боярских и слуг монастырских». Но столь разборчивы стали только в коренных областях государства, а на южной окраине, где по-прежнему была нужда в сильных и храбрых людях, благоразумно воздерживались от расспроса и сыска про отечество тех, кого верстали поместьем.

Итак, численность служилого класса в XVI в. росла с чрезвычайной скоростью, а вместе с тем росла и площадь, охваченная служилым землевладением, которым тогда обеспечивалась исправность служб. Следует отметить те последствия, какими сопровождалось для коренного городского населения водворение в города и посады служилого люда. Военные слободы и осадные дворы губительно действовали на посадские миры. Служилый люд отнимал у горожан их усадьбы и огороды, их рынок и промыслы. Он выживал посадских людей из их посада, и посад пустел и падал. Из центра народнохозяйственной жизни город превращался в центр административно-военный, а старое городское население разбредалось или же, оставаясь на месте, разными способами выходило из государева тягла. Нечто подобное происходило и с водворением служилых людей в уездах.

Раздача земель служилым людям производилась обыкновенно с таким соображением, чтобы поместить военную силу поближе к тем рубежам, охрана которых на нее возлагалась. В Поморье не было удобно размещать помещиков, так как поморские уезды были далеки от всякого возможного театра войны. Служилый люд получал поэтому свои земли в южной половине государства, скучиваясь к украйнам «польской» и западной. Чем ограниченнее был район обычного размещения служилых землевладельцев, тем быстрее переходили в этом районе в частное обладание бояр и детей боярских земли государственные (черные) и государевы (дворцовые). Когда этот процесс передачи правительственных земель служилому классу был осложнен пересмотром земель в опричнине и последствием этого пересмотра — массовым перемещением служилых землевладельцев, то он получил еще более быстрый ход и пришел к некоторой развязке: земель, составлявших поместный фонд, ко второй половине XVI столетия уже не хватало, и помещать служилых людей в центральной и южной полосе государства стало трудно. Не считая прямого указания на недостаток земель, находящегося в сочинении Флетчера, о том же свидетельствует хроническое несоответствие поместного «оклада» служилых людей с их «дачей»: действительная дача помещиков постоянно была меньше номинального их оклада, хотя за ними и сохранялось право «приискать» самим то количество земли, какое «не дошло» в их оклад. В поместную раздачу, по недостатку земель, обращались не только дворцовые и черные земли, но даже вотчинные владения, светские и церковные, взя-

тые на государя именно с целью передать их в поместный оборот. То обстоятельство, что в центральных частях государства в то же самое время существовало большое количество заброшенных «порожних» земель, не только не опровергает факта недостачи поместной земли, но служит к его лучшему освещению. Этих пустошей не брали «за пустом», их нельзя было обратить в раздачу, и потому-то приходилось пополнять поместный фонд, взамен опустелых дач, новыми участками из вотчинных и мирских земель, не бывших до тех пор за помещиками.

Таким образом, к исходу XVI в. в уездах южной половины Московского государства служилое землевладение достигло своего крайнего развития в том смысле, что захватило в свой оборот все земли, не принадлежавшие монастырям и дворцу государеву. Тяглое население южных и западных областей оказалось при этом сплошь на частновладельческих, служилых и монастырских землях, за исключением небольшого, сравнительно, количества дворцовых волостей. Тяглая община в том виде, как мы ее знаем на московском севере, могла уцелеть лишь там, где черная или дворцовая волость целиком попадала в состав частного земельного хозяйства. Так было, например, с Юхотской волостью при пожаловании ее кн. Ф. М. Мстиславскому и во всех других случаях образования крупных, в одной меже, боярских и монастырских хозяев. В этих крупных владениях крестьянский мир не только мог сохранить внутреннюю целость мирского устройства и мирских отношений, как они сложились под давлением податного оклада и круговой ответственности, но он приобретал сверх тяглой и государственной еще и вотчинно-хозяйственную организацию под влиянием частновладельческих интересов вотчинника. Эта организация могла тяготить различными своими сторонами тяглого человека, но она давала ему и выгоды: жить «за хребтом» сильного и богатого владельца в «тарханной» вотчине было выгоднее, безопаснее и спокойнее; тянуть свои дани и оброки с привычным миром было легче. Когда же черная или дворцовая волость шла «в раздачу» рядовым детям боярским мелкими участками, тогда ее тяглое население терпело горькую участь. Межи мелкопоместных владений дробили волость, прежде единую, на много частных разобщенных хозяйств, и старое тяглое устройство исчезало. Служилый владелец становился между крестьянами своего поместья и государственной властью. Получая право облагать и оброчить крестьян сборами и повинностями в свою пользу, он в то же время был обязан собирать с них государевы подати. По официальным выражениям XVI в., не крестьяне, а их служилый владелец «тянул во всякие государевы подати» и получал «льготы во всяких государевых податях». Вот как, например, выражалась писцовая книга 1572 г. о четырехлетней льготе, данной помещику: «А в те ему урочные лета, с того его поместья крестьянам его государевых всяких податей не давати до тех урочных лет,

а как отсидит льготу, и ему с того поместья потянути во всякие государевы подати». Пользуясь правом «называть» крестьян на пустые дворы, владелец обязывал их договором не со «старожильцами» своего поместья или вотчины, а с самим собой. Таким образом, функции выборных властей тяглого мира переходили на землевладельца и в его руках обращались в одно из средств прикрепления крестьян.

Нет сомнения, что описанное выше развитие служилого и вообще частного землевладения было одним из решительных условий крестьянского прикрепления. Неизбежным последствием возникновения привилегированных земельных хозяйств на правительственных землях был переход крестьян от податного самоуправления и хозяйственной самостоятельности в землевладельческую опеку и в зависимость от господского хозяйства. Этот переход в отдельных случаях мог быть легким и выгодным, но вообще он равнялся потере гражданской самостоятельности. Коренное население тяглой черной волости — крестьяне старожильцы, «застаревшие» на своих тяглых жеребьях, с которых они не могли уходить, не получали права выхода и от землевладельца, когда попадали со своей землей в частное обладание. Прикрепление к тяглу в самостоятельной податной общине заменялось для них прикреплением к владельцу, за которым они записывались при отводе ему земли. Эта «крепость» старожильцев, выражавшаяся в потере права передвижения, была общепризнанным положением в XVI в.: возникшая в практике правительственно-податной, она легко была усвоена и частновладельческой практикой. Охраняя свой интерес, правительство разрешало частным владельцам «называть» на свои земли не всех вообще крестьян, а лишь не сидевших на тягле: «От отцов детей, и от братей братью, и от дядь племянников и от сусед захребетников, а не с тяглых черных мест; а с тяглых черных мест на льготу крестьян не называти». И частные землевладельцы не отпускали от себя тех, кого получали вместе с землей, кто обжился и застарел в их владении; таких «старожильцев» они считали уже крепкими себе и в случае их ухода возвращали, ссылаясь на писцовую книгу или иной документ, в котором ушедшие тяглецы были записаны за ними. За такой порядок стояли не только сами землевладельцы,— его держалось и правительство. С точки зрения правительственной, он был удобен и необходим. Крепкое владельцу рабочее население служило надежным основанием и служебной исправности служилого землевладельца, и податной исправности частновладельческих хозяйств.

Но для рабочего населения переход в частную зависимость был таким житейским осложнением, с которым оно не могло примириться легко. В данном же случае дело обострялось еще тем, что передача правительственных земель частным лицам происходила не с правильной постепенностью. Мы видим, что она была осложнена опричниной. Обращение земель подгоня-

лось политическими обстоятельствами и принимало характер тревожный и беспорядочный. Пересмотр «служилых людишек» с необыкновенной быстротой и в большом количестве перебрасывал их с земель на земли, разрушая старинные хозяйства в одних местах и создавая новые в других. Все роды земель, от черных до монастырских, были втянуты в этот пересмотр и меняли владельцев,— то отбирались на государя, то снова шли в частные руки. К этому именно времени более всего приурочивается замечание В. О. Ключевского, что в Московском государстве XVI в. «населенные имения переходили из рук в руки чуть не с быстротой ценных бумаг на нынешней бирже». Только эта «игра в крестьян и в землю» доведена была до такого напряжения не одними иноками богатых монастырей, как говорит Ключевский, но прежде всего самим правительством Грозного. Монастыри лишь пользовались, и притом умело пользовались, земельной катастрофой и удачно подбирали в свою пользу обломки разбитого Грозным вотчинного землевладения царских слуг. Крестьяне, таким образом, переживали разом две беды: с одной стороны, государевы земли, которыми они владели, быстро и всей массой переходили в служилые руки ради нужд государственной обороны; с другой стороны, этот переход земель благодаря опричнине стал насильственно-беспорядочным. На малопонятные для крестьянства ограничения его прав и притеснения оно отвечало усиленным выходом с земель, взятых из непосредственного крестьянского распоряжения. В то самое время, когда крестьянский труд стали полагать в основание имущественного обеспечения вновь образованного служилого класса, крестьянство попыталось возвратить своему труду свободу — через переселение.

Вот в чем мы видим главную причину усиления во второй половине XVI в. крестьянского выхода из местностей, занятых служилым землевладением. Писцовые книги и летописи того времени объясняли сильное запустение центральных южных областей государства главным образом татарским набегом 1571 г., когда хан дошел до самой Москвы, а отчасти «моровым поветрием» и «хлебным недородом». Но это были второстепенные и позднейшие причины: главная заключалась в потере земли.

Развитию крестьянского населения способствовали многие условия московской политической жизни XVI в. Благодаря этим условиям, в крестьянской массе рождалась самая мысль о выселении, ими же облегчалось и передвижение землевладельцев на новые земли. Первое из этих условий надо искать в громадных земельных приобретениях Москвы. В половине XVI в. торжество над татарами на востоке и юге передало в полную власть Москвы среднюю и нижнюю Волгу и места на юге от Оки. В новых областях от верховьев Оки до Камского устья залегал почти сплошной, с небольшими островами песка и суглинка, тучный

пласт чернозема. Этот чернозем давно манил к себе великоросса-земледельца. Задолго до Казанского взятия и до занятия крепостями верховий Оки и Дона, еще в XV в., возникли здесь русские поселения. Когда же по взятии Казани правительство московское утвердилось на новых местах, и жизнь на этих окраинах стала безопаснее, сюда по известным уже путям массой потянулось земледельческое население, ища новых землиц взамен старой земли, отходившей в служилые руки. Успехи колонизации этих новых земель так же, как и успехи колонизации в понизовых и украйных городах, обусловливались тем, что свободное движение народных масс соединялось в одном стремлении с правительственной деятельностью по занятию и укреплению вновь занятых пространств.

Если перелом в земельных отношениях крестьянства был главным побуждением к выселению, если приобретение плодородных земель обусловливало направление переселенческого движения, то первоначальный способ отношения правительства к переселенцам содействовал решимости переселяться. На новых землях правительство, спеша закрепить их за собой, строило города, водворяло в них временные отряды «жильцов» и вербовало постоянные гарнизоны. Оно иногда сажало в них вместе с военными людьми и людей торговых, имея в виду передать им местный рынок; так в Казань, после ее завоевания, были переведены из Пскова несколько семей псковских «гостей», и, несмотря на то, что на родине эти «переведенцы» были опальными людьми, им создали льготную обстановку на новоселье. Таким образом, в новозавоеванный край правительство само посылало «жильцов» на временную службу и на постоянное житье. В меру своих потребностей оно поощряло переселение и не служилых людей, давая «приходцам» податные льготы, пока они обживутся на новых хозяйствах. Подобное отношение могло только возбуждать народ к выселению на окраины и подавать надежды на хозяйственную независимость и облегчение податного бремени.

Однако к последней четверти XVI столетия уменьшение населения в замосковных и западных уездах достигло больших размеров и вызвало перемену в настроении правительства, возбудив в нем большую тревогу. Опустение земель лишало правительство сил и средств для продолжения борьбы за Ливонию. С опустелых служилых земель не было ни службы, ни платежей, а лучшие населенные церковные земли были «в тарханех» и не несли служебного и податного бремени. Успехи Стефана Батория были так легки и велики не только потому, что у него был военный талант и хорошее войско, но и потому, что он бил врага, уже обессиленного тяжким внутренним недугом. Вялость и нерешительность Грозного в последний период борьбы порождалась, думаем, не простыми припадками личной трусости, а сознанием, что у него исчезли средства для войны, что его земля «в пустошь изнури-

лась» и «в запустение пришла». Стремлением поправить дело вызвано было в 1572 и 1580 гг. запрещение передавать служилые земли во владение духовенства, в 1584 г. отмена податных льгот (тарханов) в церковных вотчинах. Важность этих мер легко себе представить, если вспомнить, что кругом Москвы две пятых (37%) всей пашенной земли принадлежали духовенству и что на поместных и вотчинных землях, составлявших остальные три пятых, хозяйство поддерживалось только на одной третьей части (23%), остальное же (40%) было запустошено служилыми владельцами. Если данные о подмосковном пространстве можно распространять на весь вообще центр государства, то позволительно сказать, что более половины всех возделанных земель было «в тарханах», а нельготные служилые земли на две трети пустели. Из соборного приговора 1584 г. видно, что правительство в то время уже вполне отчетливо представляло себе такое положение дела. Постановляя отмену тарханов на церковных землях, соборный акт говорит, что владельцы «с тех (земель) никакия царския дани и земских розметов не платят, а воинство, служилые люди, те их земли оплачивают, и сего ради многое запустение за воинскими людьми в вотчинах их и в поместьях, платячи за тарханы, а крестьяне, вышед из-за служилых людей, живут за тарханы во льготе». Таково было правительственное признание землевладельческого кризиса, признание несколько позднее, сделанное уже тогда, когда кризис был в полном развитии и когда частные землевладельцы испробовали много средств для борьбы с ним. Правительство вступилось в дело для охраны своих и владельческих интересов только в исходе XVI в. и действовало посредством лишь временных и частных мероприятий, колеблясь в окончательном выборе направления и средств. Оно не решалось сразу прикрепить к месту всю массу тяглого населения, но создало ряд препятствий к его передвижению. Такими препятствиями должны были служить: временное уничтожение тарханов, запрещение принимать закладчиков и держать слуг без крепостей, явленных определенным порядком, ограничение крестьянского перевоза, перепись крестьянского населения в книгах 7101 (1592—1593) г. Этими мерами думали сохранить для государства необходимое ему количество службы и подати, а для служилых землевладельцев—остатки рабочего населения их земель.

Но гораздо ранее правительственного вмешательства землевладельческий класс применил к делу для борьбы с кризисом ряд средств, указанных ему условиями хозяйственной деятельности и особенностями общественных отношений того времени. К энергической борьбе с кризисом землевладельцев вынуждали сами обстоятельства, рокового значения которых нельзя было не понять. Отклик населения создал недостаток рабочих рук в частных земельных хозяйствах и довел до громадных размеров хозяйственную «пустоту». Писцовые книги второй половины XVI в.

насчитывают очень много пустошей: вотчин пустых и поросших лесом; сел, брошенных населением, с церквами «без пения»; порозжих земель, которые «за пустом не в роздаче» и которые из оброка кое-где пашут крестьяне «наездом». Местами еще жива память об ушедших хозяевах и пустоши еще хранят их имена, а местами и хозяева уже забыты, и «имян их сыскати некем». От пустоты совсем погибало хозяйство мелкого малопоместного служилого человека; ему было не с чего явиться на службу и «вперед служити нечем», он сам шел «бродить меж двор», бросая опустелое хозяйство, пока не попадал на новый поместный участок или не находил приюта в боярском дворе. Крупные землевладельцы — равно служилые и церковные — имели гораздо больше экономической устойчивости. Льготы, которыми они умели запастись, сами по себе влекли на их земли трудовое население. Возможность сохранить мирское устройство в большой боярской или монастырской вотчине была второй причиной тяготения крестьянства к крупным земельным хозяйствам. Наконец, и выход крестьянина от крупного владельца был не так легок; администрация крупных вотчин в борьбе за крестьян имела достаточно искусства, влияния и средств, чтобы не только удерживать за собой своих крестьян, но еще и «называть» на свои земли чужих. Таким образом, когда мелкие землевладельцы разорялись вконец, более крупные и знатные держались и даже пытались возобновлять хозяйство на случайно запустевших и обезлюдевших участках.

Первое средство для этого заключалось в привлечении крестьян с других земель, частных и правительственных. Землевладельцы выпрашивали у государя на свои пустые вотчины «льготу», т. е. освобождение земли на несколько лет от государственных податей с тем, чтобы им «в те льготные лета, в той своей вотчине на пусте дворы поставити и крестьян назвати и пашня розпахати». Опираясь на уцелевшее в других участках хозяйство, действуя посредством свободного денежного капитала, пользуясь льготами, выпрошенными у правительства, эти владельцы действительно успевали обновлять упавшее хозяйство. Имея право «называть» и сажать у себя крестьян только свободных от тягла, а не «с тяглых черных мест» они на самом деле перезывали и перевозили к себе всех без разбора, кого только могли вытянуть из-за других землевладельцев. Очень известно, какие большие размеры и какие грубые формы принимал этот перевоз крестьян через особых агентов «откачников», какие горькие жалобы он вызывал со стороны тех, кто терял работников. Ряд насилий, сопровождавших эту операцию, давал большую работу судам и озабочивал правительство. Еще при Грозном были приняты какие-то меры относительно крестьянского вывоза: в 1584 г. соседи по рязанским землям дьяка А. Шерефдинова жаловались на этого самоуправца царю Федору, говоря, что дьяк «твои государевы поместные земли к вотчине пашет и крестьян

насильством твоих государевых сел и из-за детей боярских возит мимо отца твоего, а нашего государя, уложенья». Что это за «уложение», сказать трудно; во всяком случае московское правительство пришло к необходимости вмешаться в дело крестьянского перевоза для охраны своего интереса и интересов мелких служилых владельцев. Перевоз крестьян, сидевших на тягле, лишал правительство правильного дохода с тяглой земли, а уход крестьян от служилого человека лишал его доходов и возможности служить. Указы 1601 и 1602 гг. были первым законом, поставившим определенные границы передвижению крестьян. Переход крестьян с мелких земельных хозяйств на крупные был вовсе остановлен: крупным землевладельцам было запрещено возить крестьян «промеж себя и у сторонних людей». В мелких же служилых владениях дозволено было меняться крестьянами полюбовно — без зацепок и задоров, боев и грабежей, которыми обыкновенно сопровождался в те годы крестьянский «отказ». Очевидно, что целью подобных ограничений была охрана мелкого служилого землевладения, наиболее страдавшего от кризиса. Ради этой цели правительство отказалось от обычного покровительства крупным земельным собственникам, которые, казалось бы, с пользой для государственного порядка работали над восстановлением хозяйственной культуры на опустелых пространствах. Разрушительные следствия этой своекорыстной работы были, наконец, поняты руководителями московской политики.

Другое средство для борьбы с кризисом землевладельцы находили в экономическом закабалении своего крестьянства. Принимало ли это закабаление юридически определенные формы или нет,— все равно оно было очень действительным препятствием к выходу крестьянина из-за владельца. Хотя расчеты по земельной аренде, определенные порядными, по закону не связывались с расчетами крестьян по иным обязательствам, однако прекращение арендных отношений с землевладельцем естественно вело к ликвидации всех прочих денежных с ним расчетов. Крестьян не выпускали без окончательной расплаты, и чем более был опутан крестьянин, тем крепче сидел он на месте. Его, правда, мог выкупить через своего «отказчика» другой землевладелец, но это требовало ловкости и было не всегда возможно: право выхода не признавалось за старожильцами, да и крестьян, живших с порядными, владельцы не всегда выпускали даже по «отказу». Они прибегали ко всяким средствам, чтобы предупредить уход работника или ему воспрепятствовать. Одним из таких средств, и притом довольно обычным, были «поручныя» записи, выдаваемые несколькими поручителями по крестьянине в том, что ему за порукою там-то жить, «земля пахати и двор строити, новыя хоромы ставити, а старые починивати, а не збежати». В случае же побега поручители «порущики», отвечали условленной суммой, размеры которой иногда вырастали до неимоверности. В 1584 г. в Кириллове монастыре можно было видеть «запись поручную

на прилуцкаго христьянина на Автонома на Якушева сына в тысяче во сте рублях». Иногда выходу, даже законному, препятствовали прямым насилием: крестьян мучили, грабили и в железо ковали. Полученная от землевладельца хозяйственная подмога, «ссуда» или сделанный крестьянином у владельца долг — «серебро», как тогда называли, рассматривались землевладельцем как условие личной крепости крестьянина-должника хозяину-кредитору. Хотя бы эта ссуда и не влекла за собой служилой кабалы, хотя бы и не превращала крестьянина формально в холопа, все-таки она давала лишние поводы к самоуправному задержанию крестьянина и тяготела над сознанием земледельца-должника, как бы обязывая его держаться того господина, который помог ему в минуту нужды. Конечно, только удобствами для землевладельцев помещать свои капиталы в крестьянское «серебро» следует объяснить чрезвычайное развитие крестьянской задолженности. Не раз указан был для второй половины XVI в. разительный факт, что из полутора тысяч вытей земли, арендуемой у Кириллова монастыря его же крестьянами, 1,075 вытей засевались семенами, взятыми у монастыря; таким образом 70% пашни, снятой у монастыря, находилось в пользовании «людей, без помощи вотчинника не имевших чем засеять свои участки». Если допустить, что таково же было положение дела и на других владельческих землях, то возможно совершенно удовлетворительно объяснить себе перерождение крестьянского «выхода» в крестьянский «вывоз». Охудалая и задолженная крестьянская масса неизбежно должна была отказаться от самостоятельного передвижения; для выхода у нее не было средств. Крестьянам, задолжавшим хозяину и желавшим уйти от него, оставалось или «выбежать» без расчета с владельцем, или ждать отказчика, который бы их выкупил и вывез. Около 1580 г. в тверских дворцовых землях великого князя Симеона Бекбулатовича считали 2,060 жилых и 332 пустых дворов, а в дворах 2,217 крестьян. На всю эту массу писцовая книга отметила 333 крестьянских перехода за несколько предшествовавших переписи лет. Вышло из-за «великого князя» на земли других владельцев и перешло в пределах его владений из волости в волость всего 300 человек; пришло «ново» к Симеону Бекбулатовичу 27 человек и скиталось без оседлости 6 человек. Из общего числа трехсот ушедших крестьян перешло самостоятельно всего 53, убежало незаконно 55 и было «вывезено» 188. Стало быть, 63% ушедших оставило свои места с чужим посредничеством и помощью, а 18% просто сбежало без расчета. Только одна шестая часть могла «выйти» сама, и то в большинстве случаев не покидая земли своего гоподина, а переходя из одной его волости в другую, стало быть, не меняя своих отношений к хозяину. Такой подсчет, как бы ни был он несовершенен, дает очень определенное впечатление: *как правило, крестьянский выход не существует; существует вывоз и побег*. Не закон отменил старый порядок выхода, а крестьянская нужда,

искусственно осложненная владельческим «серебром», привязывала крестьян, имевших право на переход, к известной оседлости.

Экономическая зависимость задолженного крестьянина, таким образом, могла и не переходить в юридическое ограничение права выхода и все-таки была действительным житейским средством держать земледельца на владельческой пашне. Но эта зависимость могла получить и юридический характер, превратив крестьянина в холопа, полного или кабального. Судебник 1550 г. допускает, в статье 88-й, возможность того, что «крестьянин с пашни продастся в полную в холопи». По записным книгам служилых кабал конца XVI в. можно установить десятки случаев, когда в число кабальных людей вступали бобыли и крестьянские дети. Выход из крестьянского состояния в рабство законом не был закрыт или ограничен до самого конца XVI в., чем и пользовалась практика. Законодательство московское терпело даже такой порядок, по которому выдача служилой кабалы могла совершаться без явки правительству. Только с 1586 г. записка кабал в особые книги стала обязательной; до тех же пор, несмотря на указание статьи 78-й Судебника, можно было обходиться и без этого. Понятно, какой простор оставался для подобного рода сделок, раз они могли происходить с полной свободой и бесконтрольно. Землевладельцы вымогали кабалу у тех, кому давали приют в своем дворе и на чей труд рассчитывали. Большой процент малолетних и инородцев, которые, по новгородским записным книгам, «били челом волею» в холопство, указывает на то, что такая «воля» не всегда бывала сознательной даже при совершении договора формальным порядком. А вне этого порядка закабаление могло принимать еще более откровенные и грубые формы. В погоне за лишним работником и слугой, при общем в них недостатке, кабала была хорошим средством привязать к месту тех, кого не было расчета сажать прямо на пашню. По записным книгам видно, что в кабалу идут в большинстве одинокие бездомовные люди, сироты и бродячая крестьянская молодежь; их еще не станет на ведение крестьянского хозяйства, но они уже полезны в качестве дворовых слуг и батраков. В других случаях службу «во дворе» могли предпочитать крестьянству и сами работники: маломочному бобылю и бродячему мастеровому человеку, портному или сапожнику в чужом дворе могло быть лучше, чем на своем нищем хозяйстве и бедном бродячем мастерстве. Вот приблизительно те условия, в которых создавалась кабальная или вообще холопья зависимость. Она отрывала людей от пашни и тягла, но не выводила их из экономии землевладельца. Она содействовала тому, чтобы за землевладельцами закреплялись и те элементы крестьянского мира, которые не имели прямого отношения к тяглой пашне и отличались наибольшей подвижностью. Чем заметнее становилась эта подвижность и наклонность к выходу на государственные окраины и в «поле», тем деятельнее

перетягивали владельцы к себе во двор на кабальную службу бродившие силы. В этих условиях не мы первые видим главную причину чрезвычайного развития в XVI в. кабальной службы.

Но служба во дворе могла и не быть кабальной. При отсутствии контроля, который приводил бы к необходимости укреплять за собой дворню формальным порядком, через записку крепостных документов владельцы держали у себя людей вовсе без крепостей. Такие «добровольные» люди или «вольные холопи», как их назвал закон 1597 г., на деле ничем не отличались от крепостных слуг, что признал и закон в 1597 г., указав брать на них крепости даже против их воли. И ранее московское правительство не покровительствовало такой «добровольной службе», осуждая тех, кто «добровольному человеку верит и у себя его держит без крепости». В самом деле, с точки зрения государственного порядка, «добровольные» слуги могли представляться нежелательными. Господам своим они не были крепки, потому что могли их покинуть с полной безнаказанностью; для государства они были бесполезны, ибо не несли его тягот, и очень неудобны своей неуловимостью. В рядах таких «вольных» слуг легко могли скрываться люди, ушедшие с государевой службы и тягла и «заложившиеся» за частное лицо, способное их укрыть как от частной обиды, так и от государственных повинностей.

Но именно эта возможность переманить способного к работе человека с тягла и службы в частный двор или в частную вотчину поддерживала обычай «добровольной» службы без крепости. Людей, записанных в тягло или в служилую десятню, нельзя было формально укрепить в холопстве, потому что правительство запрещало выход с черных тяглых мест и с государевой службы. А между тем много таких людей укрывалось на частных землях привилегированных владельцев, где и жило «во льготе», разорвав свои связи с государством. Их держали там без крепостей и звали чаще всего именем «закладчиков». Отношения их к землевладельцам были чрезвычайно разнообразны. При крайней юридической неопределенности, они представляют большой бытовой интерес. Мы видим закладчиков везде: на монастырских землях они зовутся «вкладчиками», «дворниками» и просто «закладчиками»; на землях боярских их зовут «дворниками», «вольными холопами», просто «людьми» и тоже «закладчиками». В одних случаях это арендаторы владельческих земель и дворов, в других — сторожа осадных дворов и дворов «для приезду», в третьих — дворовые слуги, в четвертых — это обитатели их собственных дворов и усадеб, когда-то тяглых, а затем фиктивно проданных привилегированному землевладельцу и потому «обеленных», т. е. освобожденных от тягла. Вся эта среда представляла собой внезаконное явление, с которым правительство долго не находило средств бороться. Оно не раз запрещало держать закладчиков, оно требовало крепости на всякого служившего

в частном хозяйстве человека, но это не вело к цели, и закладничество жило, как известно, во всей силе до Уложения 1649 г.

Мы представили перечень тех способов, какими частные земельные хозяйства осваивали и укрепляли за собой рабочую силу. Все эти способы одинаково вели к ограничению свободы и прав крестьянской и вообще тяглой массы, а некоторые из них клонились и к нарушению правительственных интересов. Когда землевладельцы сажали на пустоши новых работников и их трудом переводили эти пустоши «из пуста в жило», правительство выигрывало во всех отношениях: населенная и обработанная вотчина прямо увеличивала средства и силы самого правительства. Но когда этих новых работников хищнически вырывали из чужого хозяйства, терпело не только это последнее, но терпело и правительство: оно должно было разбирать тяжбу о крестьянах и лишалось дохода и службы с потерпевшего хозяйства. Когда владелец ссудой и серебром кабалил своего крестьянина, правительство могло оставаться спокойным; за разоренного мужика платил подати его владелец, а над общим вопросом о последствиях обнищания земледельческого класса тогда еще не задумывались. Но когда разоренный крестьянин превращался в непашенного бобыля или продавался с пашни в холопы, оставаясь в руках прежнего владельца, правительство теряло: крестьянская деревня обращалась в пустошь и не давала податей. И так бывало во многих случаях: одно и то же действие, смотря по его обстановке, обращалось то в пользу, то во вред действовавшему порядку. Этим обстоятельством прежде всего должно объяснить ту нерешительность и осторожность, какую мы видим в действиях правительства. Жизнь заставляла его в одно и то же время служить различным целям: поддерживать землевладельцев, особенно служилых, в их усилиях привязать трудовое население к месту; но вместе с тем охранять свой собственный интерес, часто нарушаемый земледельческой политикой, и интересы крестьянства, когда они сближались и совпадали с правительственными. Не будучи в состоянии примирить и согласить разные и в существе непримиримые стремления, правительство до самого конца войны не могло выработать определенного и решительного образа действий в постигшем его кризисе и этим еще более осложняло дело.

Оно без сомнения желало укрепления крестьян на местах, стремилось оставить их выход из-за владельцев или, по крайней мере, думало направлять их брожение сообразно своим видам: но оно не дошло до полного и категорического провозглашения крестьянской крепости. Предприняв общую «перепись 7101 года», как ее обыкновенно принято называть, правительство записывало в книгах крестьян за владельцами и затем сделало писцовую книгу своего рода крепостным актом, которым землевладелец мог доказывать свое право на записанного в книгу крестьянина. Но вместе с тем оно как бы понимало, что книги не могли

исчислить всей наличности крестьянского населения, и спокойно смотрело на выход из тяглых хозяйств сыновей, племянников, захребетников и тому подобного не записанного в тягло люда; оно иногда выпускало и дворохозяев-тяглецов, если они передавали свой тяглый жеребий новому «жильцу». Таким образом, на право передвижения крестьян правительство не налагало безусловного и общего запрета: оно только его ограничивало условиями государственного порядка и владельческого интереса. В этом собственно и заключались первые меры к укреплению крестьян. Действуя в таком смысле, правительство стояло на стороне владельческих стремлений. Допуская обращение в холопство лиц, происходящих из крестьянских семей, оно также удовлетворяло владельческим вожделениям. Но, с другой стороны, и в конце века оно продолжало заселение вновь приобретенных окраин и Сибири, причем тяглых «приходцев» из центральных областей водворяло там в служилых слободах и просто на пашне, не возвращая их в прежнюю владельческую зависимость. Чтобы наполнить, по словам А. Палицына, «предел земли своей воинственным чином», Грозный и Борис Годунов извлекали людей из коренных частей государства, всячески содействуя заселению рубежей. Такая политика, в сущности, поддерживала то самое народное брожение, с которым боролись в центре страны, и шла совершенно против землевладельческой политики.

Но вряд ли это противоречие было плодом политического двуличия; скорее в нем отразилось бессилие подняться над двумя порядками явлений и подчинить их своему распоряжению. Когда на новозанятых местах укрепилось московское население и под охраной новых крепостей возможна стала правильная хозяйственная деятельность, здесь повторялись те же самые явления, которыми сопровождался кризис в старом центре. Появившиеся на окраинах, на юге от Оки, привилегированные землевладельцы, в громадном большинстве служилые, пользовались всяческим покровительством правительства в ущерб тяглым классам. В городах служилые слободки уничтожали посады, а в уездах служилые вотчины и поместья уничтожали крестьянское мирское устройство. Условия, вызвавшие кризис в центральных волостях, перешли на юг и вызвали дальнейшее расселение населения. Оно уходило за рубежи и наполняло собой казачьи городки и становища на южных реках. Там питалось и росло неудовольствие на тот государственный порядок, который лишал крестьянство его земли и предпочитал выгоды служилого человека, жившего чужим трудом, интересам тяглого работника.

Так обстоятельства разделили московское общество на враждебные один другому слои. Предметом вражды служила земля, главный капитал страны. Причина вражды лежала в том, что земледельческий класс не только систематически устранялся от обладания этим капиталом, но и порабощался теми землевладельцами, к которым переходила его земля. Отметим здесь с осо-

бым ударением, что московский север — Поморье в широком смысле этого термина — не переживал этого кризиса. Там земля принадлежала тяглому миру, и он был ее действительным хозяином: лишь в некоторых местах монастырю удавалось овладеть черной волостью и обратить ее в монастырскую вотчину, но это еще не вносило в общественную жизнь той розни и вражды, в которых теряло свои моральные и материальные силы население южной половины государства.

Таковы были обстоятельства московской жизни перед кончиной Грозного. Высший служилый класс, частью взятый в опричнину, частью уничтоженный и разогнанный, запуганный и разоренный, переживал тяжелый нравственный и материальный кризис. Гроза опалы, страх за целость хозяйства, из которого уходили крестьяне, служебные тягости, вгонявшие в долги, успехи давнишнего соперника по землевладению — монастыря — все это угнетало и раздражало московское боярство, питало в нем недовольство и приготовляло его к участию в смуте. Мелкий служилый люд, дети боярские, дворовые и городовые, сидевшие на обезлюдевших поместьях и вотчинах, были прямо в ужасном положении. На них лежала всей тяжестью война Ливонская и охрана границ от Литвы и татар. Военные повинности не давали им и короткого отдыха, а в то же время последние средства для отбывания этих повинностей иссякали, благодаря крестьянскому выходу и перевозу и постоянному передвижению самих служилых людей. Лишенные прочной оседлости и правильного обеспечения, не располагая не только свободными, но и необходимыми средствами, эти люди прямо нуждались в правительственной помощи и поддержке, в охране их людей и земель от перевода за монастыри и бояр. Тяглое население государства также терпело от войны, от физических бедствий и от особенностей правления Грозного. Но судьба его была глубоко различна в северной и южной половинах государства. Бодрые и деятельные, зажиточные и хорошо организованные податные общины севера оставались самостоятельными и сохраняли непосредственные отношения к правительству через выборных своих властей в то самое время, когда в южной половине государства тяглое население черных и дворцовых волостей было обращено в частную зависимость, а посадская община исчезала и изнурялась от наплыва в города ратных людей и детей боярских с их дворней и крестьянами. В северных волостях население держалось на местах, тогда как на юге оно стало бродить, уходя из государства с государева тягла, с боярского двора и господской пашни. Оно уносило с родины чувство глубокого недовольства и вражды к тому общественному строю, который постепенно лишал его земли и свободы. Можно сказать, что в срединных и южных областях государства не было ни одной общественной группы, которая была бы довольна ходом дел. Здесь все было потрясено

внутренним кризисом и военными неудачами Грозного, все потеряло устойчивость и бродило, бродило пока скрытым, внутренним брожением, зловещие признаки которого, однако, мог ловить глаз внимательного наблюдателя. Посторонний Москве человек видел в этом брожении опасность междоусобия и смут, и он был прав.

Смута в Московском государстве

Итак, начальный факт XVII в.— смута — в своем происхождении есть дело предыдущего XVI века, и изучение смутной эпохи вне связи с предыдущими явлениями нашей жизни невозможно. К сожалению, историография долго не разбиралась в обстоятельствах смутного времени настолько, чтобы точно показать, в какой мере неизбежность смуты определялась условиями внутренней жизни народа и насколько она была вызвана и поддержана случайностями и посторонним влиянием. Когда мы обращаемся к изучению другой европейской смуты, французской революции, можно удивиться тому, как ясен этот сложный факт и со стороны своего происхождения, и со стороны развития. Мы легко можем следить за развитием этого факта, отлично видеть, что там факт смуты — неизбежное следствие того государственного кризиса, к которому Францию привел ее феодальный строй; мы видим там и результат многолетнего брожения, выражавшийся в том, что преобладание феодального дворянства сменилось преобладанием буржуазии. У нас совсем не то. Наша смута вовсе не революция и не кажется исторически необходимым явлением, по крайней мере на первый взгляд. Началась она явлением совсем случайным — прекращением династии; в значительной степени поддерживалась вмешательством поляков и шведов, закончилась восстановлением прежних форм государственного и общественного строя и в своих перипетиях представляет массу случайного и труднообъяснимого. Благодаря такому характеру нашей государственной «разрухи» и являлось у нас так много различных мнений и теорий об ее происхождении и причинах. Одну из таких теорий представляет в своей «Истории России» С. М. Соловьев. Он считает первой причиной смуты дурное состояние народной нравственности, явившееся результатом столкновения новых государственных начал со старыми дружинными. Это столкновение, по его теории, выразилось в борьбе московских государей с боярством. Другой причиной смуты он считает чрезмерное развитие казачества с его противогосударственными стремлениями. Смутное время, таким образом, он понимает, как время борьбы общественного и противообщественного элемента в молодом Московском государстве, где государственный порядок встречал противодействие со стороны старых дружинных начал и противообщественного настроения много-

людной казацкой среды (Ист. России, VIII, гл. II). Другого воззрения держится К. С. Аксаков. Аксаков признает смуту фактом случайным, не имеющим глубоких исторических причин. Смута была к тому же делом «государства», а не «земли». Земля в смуте до 1612 г. была совсем пассивным лицом. Над ней спорили и метались люди государства, а не земские. Во время междуцарствия разрушалось и наконец рассыпалось вдребезги государственное здание России, говорит Аксаков: «Под этим развалившимся зданием открылось крепкое земское устройство... в 1612—13 гг. земля встала и подняла развалившееся государство». Нетрудно заметить, что это осмысление смуты сделано в духе общих исторических воззрений К. Аксакова и что оно в корне противоположно воззрениям Соловьева. Третья теория выдвинута И. Е. Забелиным («Минин и Пожарский»); она в своем генезисе является сочетанием первых двух теорий, но сочетанием очень своеобразным. Причины смуты он видит, как и Аксаков, не в народе, а в «правительстве», иначе в «боярской дружинной среде» (эти термины у него равнозначащи). Боярская и вообще служилая среда во имя отживших дружинных традиций (здесь Забелин становится на точку зрения Соловьева) давно уже крамольничала и готовила смуту. Столетием раньше смуты для нее созидалась почва в стремлениях дружины править землей и кормиться на ее счет. Сирота-народ в деле смуты играл пассивную роль и спас государство в критическую минуту. Народ, таким образом, в смуте ничем не повинен, а виновниками были «боярство и служилый класс». Н. И. Костомаров (в разных статьях и в своем «Смутном времени») высказал иные взгляды. По его мнению, в смуте виновны все классы русского общества, но причины этого бурного переворота следует искать не внутри, а вне России. Внутри для смуты были лишь благоприятные условия. Причина же лежит в папской власти, в работе иезуитов и в видах польского правительства. Указывая на постоянные стремления папства к подчинению себе восточной церкви и на искусные действия иезуитов в Польше и Литве в конце XVI в., Костомаров полагает, что они, как и польское правительство, ухватились за самозванца с целями политического ослабления России и ее подчинения папству. Их вмешательство придало нашей смуте такой тяжелый характер и такую продолжительность.

Это последнее мнение уже слишком одностороннее: причины смуты несомненно лежали столько же в самом московском обществе, сколько и вне его. В значительной степени наша смута зависела и от случайных обстоятельств, но что она совсем не была неожиданным для современников фактом, говорят нам некоторые показания Флетчера: в 1591 г. издал он в Лондоне свою книгу о России (On the Russian Common Wealth), в которой предсказывает вещи, казалось бы, совсем случайные. В V главе своей книги он говорит: «Младший брат

царя (Феодора Ивановича), дитя лет шести или семи, содержится в отдаленном месте от Москвы (т. е. в Угличе) под надзором матери и родственников из дома Нагих. Но, как слышно, жизнь его находится в опасности от покушения тех, которые простирают свои виды на престол в случае бездетной смерти царя». Написано и издано было это до смерти царевича Дмитрия. В этой же главе говорит Флетчер, что «царский род в России, по-видимому, скоро пресечется со смертью особ, ныне живущих, и произойдет переворот в русском царстве». Это известие напечатано было за семь лет до прекращения династии. В главе IX он говорит, что жестокая политика и жестокие поступки Ивана IV, хотя и прекратившиеся теперь, так потрясли все государство и до того возбудили общий ропот и непримиримую ненависть, что, по-видимому, это должно окончиться не иначе как всеобщим восстанием. Это было напечатано, по крайней мере, лет за 10 до первого самозванца. Таким образом, в уме образованного и наблюдательного англичанина за много лет до смуты сложилось представление о ненормальности общественного быта в России и возможном результате этого — беспорядках. Мало того, Флетчер в состоянии даже предсказать, что наступающая смута окончится победой не удельной знати, а простого дворянства. Это одно должно убеждать нас, что действительно в конце XVI в. в русском обществе были уже ясны те болезненные процессы, которые сообщили смуте такой острый характер общего кризиса.

Первый период смуты: борьба за московский престол

Прекращение династии. Начальным фактом и ближайшей причиной смуты послужило прекращение царской династии. Совершилось это прекращение смертью трех сыновей Ивана Грозного: Ивана, Федора и Дмитрия. Старший из них, Иван, был уже взрослым и женатым, когда был убит отцом. Характером он вполне походил на отца, участвовал во всех его делах и потехах и, говорят, проявлял такую же жестокость, какая отличала Грозного. Иван занимался литературой и был начитанным человеком. Существует его литературный труд «Житие Антония Сийского». (Впрочем, надо заметить, что это «Житие» представляет просто переработку его первоначальной редакции, принадлежащей некоему иноку Ионе. Оно написано по существующему тогда риторическому шаблону и особенных литературных достоинств не имеет.) Неизвестно, почему у него с отцом произошла ссора, в которой сын получил от отца удар жезлом настолько сильный, что от него (в 1582 г.) скончался. После смерти самого Грозного в живых остались два сына: Федор и, ребенок еще, Дмитрий, рожденный в седьмом браке Грозного с Марией Нагой.

В первое время по смерти Ивана Грозного произошли какие-то, нам точно неизвестные, беспорядки, которые окончились

ссылкой боярина Бельского и удалением Марии Нагой с Дмитрием в Углич. Царем сделался Федор. Иностранные послы Флетчер и Сапега рисуют нам Федора довольно определенными чертами. Царь ростом был низок, с опухлым лицом и нетвердой походкой и притом постоянно улыбался. Сапега, увидав царя во время аудиенции, говорит, что получил от него впечатление полного слабоумия. Говорят, Федор любил звонить на колокольне, за что еще от отца получил прозвище звонаря, но вместе с тем он любил забавляться шутами и травлей медведей. Настроение духа у него было всегда религиозное, и эта религиозность проявлялась в строгом соблюдении внешней обрядности. От забот государственных он устранялся и передал их в руки своих ближних бояр. В начале его царствования из боярской среды особенно выдавались значением: Борис Годунов и Никита Романович Захарьин-Юрьев. Так шло до 1585 г., когда Никита Романович неожиданно был поражен параличом и умер. Власть сосредоточилась в руках Бориса Годунова, но ему пришлось бороться с сильными противниками — князьями Мстиславским и Шуйскими. Борьба эта принимала иногда очень резкий характер и кончилась полным торжеством Годунова. Мстиславский был пострижен, а Шуйские со многими родственниками подверглись ссылке.

Пока все это происходило в Москве, Мария Нагая с сыном и со своей родней продолжала жить в Угличе в почетной ссылке. Понятно, как должна была относиться она и все Нагие к боярам, бывшим у власти, и к Годунову, как влиятельнейшему из них. Нагая была жена Ивана Грозного, пользовалась его симпатией и общим почетом, и вдруг ее, царицу, выслали в далекий удел — Углич и держали под постоянным надзором.

Таким надзирателем от правительства был в Угличе Битяговский. Относиться к Битяговскому хорошо Нагие не могли, видя в нем агента от тех, которые послали их в ссылку. Мы очень мало знаем о настроении Нагих, но если вдуматься в некоторые свидетельства о Дмитрии, то можно убедиться, какую сильную ненависть питала эта семья к боярам, правящим и близким к Федору; про Дмитрия в Москве ходило, конечно, много слухов. Между прочим, по этим слухам, иностранцы (Флетчер, Буссов) сообщают, что Дмитрий характером похож на отца: жесток и любит смотреть на мучения животных. Рядом с такой характеристикой Буссов сообщает рассказ о том, что Дмитрий сделал однажды из снега чучела, называл их именами знатнейших московских вельмож, затем саблей сшибал им головы, приговаривая, что так он будет поступать со своими врагами — боярами. И русский писатель Авраамий Палицын пишет, что в Москву часто доносили о Дмитрии, будто он враждебно и нелепо относится к боярам, приближенным своего брата и особенно к Борису Годунову. Палицын объясняет такое настроение царевича тем, что он был «смущаем ближними своими». И действительно, если мальчик высказывал такие мысли, то очевидно, что сам он их выдумать

не мог, а внушались они окружающими его. Понятно и то, что злоба Нагих должна была обратиться не на Федора, а на Бориса Годунова, как главного правителя. Ясно также, что и бояре, слыша о настроении Дмитрия, который считался наследником престола, могли опасаться, что взрослый Дмитрий напомнит им о временах отца своего, и могли желать его смерти, как говорят иностранцы. Таким образом,немногие показания современников с ясностью вскрывают нам взаимные отношения Углича и Москвы. В Угличе ненавидят московских бояр, а в Москве получаются из Углича доносы и опасаются Нагих. Помня эту скрытую вражду и существование толков о Дмитрии, мы можем объяснить себе, как весьма возможную сплетню, тот слух, который ходил задолго до убиения Дмитрия,— о яде, данном Дмитрию сторонниками Годунова; яд этот будто бы чудом не подействовал.

15 мая 1591 г. царевич Дмитрий был найден на дворе своих угличских хором с перерезанным горлом. Созванный церковным набатом народ застал над телом сына царицу Марию и ее братьев Нагих. Царица била мамку царевича Василису Волохову и кричала, что убийство — дело дьяка Битяговского. Его в это время не было во дворе; услышав набат, он тоже прибежал сюда, но едва успел прийти, как на него кинулись и убили. Тут же убили его сына Данилу и племянника Никиту Качалова. С ними вместе побили каких-то посадских людей и сына Волоховой Осипа. Дня через два была убита еще какая-то «юродивая женка», будто бы портившая царевича. 17 мая узнали об этом событии в Москве и прислали в Углич следственную комиссию, состоявшую из следующих лиц: князя В. Шуйского, окольничего Андрея Клешнина, дьяка Вылузгина и Крутицкого митрополита Геласия. Их следственное дело (оно напечатано в Сбор. Гос. Грам. и Дог., т. II) выяснило: 1) что царевич сам себя зарезал в припадке падучей болезни в то время, когда играл ножом в «тычку» (вроде нынешней свайки) вместе со своими сверстниками, маленькими жильцами, и 2) что Нагие без всякого основания побудили народ к напрасному убийству невинных лиц. По донесению следственной комиссии, дело было отдано на суждение патриарха и других духовных лиц. Они обвинили Нагих и «углицких мужиков», но окончательный суд передали в руки светской власти. Царицу Марию сослали в далекий монастырь на Выксу (близ Череповца) и там постригли. Братьев Нагих разослали по разным городам. Виновных в беспорядке угличан казнили и сослали в Пелым, где из угличан будто бы составилось целое поселение; Углич, по преданию, совсем запустел.

Несмотря на то что правительство отрицало убийство и признало смерть царевича нечаянным самоубийством, в обществе распространился слух, будто царевич Дмитрий убит приверженцами Бориса (Годунова) по Борисову поручению. Слух этот, сначала записанный некоторыми иностранцами, передается затем в виде неоспоримого уже факта, и в нашей письменности

являются особые сказания об убиении Дмитрия; составлять их начали во время Василия Шуйского, не ранее того момента, когда была совершена канонизация Дмитрия и мощи его были перенесены в 1606 г. из Углича в Москву. Есть несколько видов этих сказаний, и все они имеют одни и те же черты: рассказывают об убийстве очень правдоподобно и в то же время содержат в себе исторические неточности и несообразности. Затем каждая редакция этих сказаний отличается от прочих не только способом изложения, но и разными подробностями, часто исключающими друг друга. Наиболее распространенным видом является отдельное сказание, включенное в общий летописный свод. В этом сказании рассказывается, что сперва Борис пытался отравить Дмитрия, но видя, что Бог не позволяет яду подействовать, он стал подыскивать через приятеля своего Клешнина таких людей, которые согласились бы убить царевича. Сперва это предложено было Чепчугову и Загряжскому, но они отказались. Согласился один только Битяговский. Самое убийство, по этому сказанию, произошло таким образом: когда сообщница Битяговского, мамка Волохова, вероломно вывела царевича гулять на крыльцо, убийца Волохов подошел к нему и спросил его: «Это у тебя, государь, новое ожерельице?» «Нет, старое»,— отвечал ребенок и, чтобы показать ожерелье, поднял головку. В это время Волохов ударил царевича ножом по горлу, но «не захватил ему гортани», ударил неудачно. Кормилица (Жданова), бывшая здесь, бросилась защищать ребенка, но ее Битяговский и Качалов избили, а затем окончательно зарезали ребенка. Составленное лет через 15 или 20 после смерти Дмитрия, это сказание и другие рассказы крайне спутанно и сбивчиво передавали слухи об убийстве, какие ходили тогда в московском обществе. На них поэтому так и нужно смотреть, как на записанные понаслышке. Это не показания очевидцев, а слухи, и свидетельствуют они неоспоримо об одном только, что московское общество твердо верило в насильственную смерть царевича.

Такое убеждение общества или известной его части идет вразрез с официальным документом о самоубийстве царевича. Историку невозможно помирить официальных данных в этом деле с единогласным показанием сказаний об убийстве, и он должен стать на сторону или того, или других. Уже давно наши историки (еще Щербатов) стали на сторону сказаний. Карамзин в особенности постарался сделать Бориса Годунова очень картинным «злодеем». Но в науке давно были голоса и за то, что справедливо следственное дело, а не сказания (Арцыбашев, Погодин, Е. Белов). Подробное изложение всех данных и полемики по вопросу о царевиче можно найти в обстоятельной статье А. И. Тюменева «Пересмотр известий о смерти цар. Дмитрия» (в «Журнале Министерства Нар. Просвещения», 1908, май и июнь).

В нашем изложении мы так подробно остановились на вопросе о смерти Дмитрия для того, чтобы составить об этом факте

определенное мнение, так как от взгляда на это событие зависит взгляд на личность Бориса; здесь ключ к пониманию Бориса. Если Борис — убийца, то он злодей, каким рисует его Карамзин; если нет, то он один из симпатичнейших московских царей. Посмотрим же, насколько мы имеем основание обвинять Бориса в смерти царевича и подозревать достоверность официального следствия. Официальное следствие далеко, конечно, от обвинения Бориса. В этом деле иностранцы, обвиняющие Бориса, должны быть на втором плане, как источник второстепенный, потому что о деле Дмитрия они только повторяют русские слухи. Остается один род источников — рассмотренные нами сказания и повести XVII в. На них-то и опираются враждебные Борису историки. Остановимся на этом материале. Большинство летописателей, настроенных против Бориса, говоря о нем, или сознаются, что пишут по слуху, или как человека хвалят Бориса. Осуждая Бориса как убийцу, они, во-первых, не умеют согласно передать обстоятельства убийства Дмитрия, как мы это видели, и, кроме того, допускают внутренние противоречия. Составлялись их сказания много спустя после события, когда Дмитрий был уже канонизирован и когда царь Василий, отрекшись от своего же следствия по делу Дмитрия, всенародно взвел на память Бориса вину в убийстве царевича и оно стало официально признанным фактом. Противоречить этому факту было тогда делом невозможным. Во-вторых, все вообще сказания о смуте сводятся к очень небольшому числу самостоятельных редакций, которые позднейшими компиляторами очень много перерабатывались. Одна из этих самостоятельных редакций (так называемое «Иное сказание»), очень влиявшая на разные компиляции, вышла целиком из лагеря врагов Годунова — Шуйских. Если мы не примем во внимание и не будем брать в расчет компиляций, то окажется, что далеко не все самостоятельные авторы сказаний против Бориса; большинство их очень сочувственно отзывается о нем, а о смерти Дмитрия часто просто молчат. Далее, враждебные Борису сказания настолько к нему пристрастны в своих отзывах, что явно на него клевещут, и их клеветы на Бориса далеко не всегда принимаются даже его противниками учеными; например, Борису приписываются: поджог Москвы в 1591 г., отравление царя Федора и дочери его Феодосии.

Эти сказания отражают в себе настроение общества, их создавшего; их клеветы — клеветы житейские, которые могли явиться прямо из житейских отношений: Борису приходилось действовать при Федоре в среде враждебных ему бояр (Шуйских и др.), которые его ненавидели и вместе с тем боялись, как неродовитую силу. Сперва они старались уничтожить Бориса открытой борьбой, но не могли; весьма естественно, что они стали для той же цели подрывать его нравственный кредит, и это им лучше удалось. Прославить Бориса убийцей было легко. В то смутное время, еще до смерти Дмитрия, можно было чуять эту смерть,

как чуял ее Флетчер. Он говорит, что Дмитрию грозит смерть «от покушения тех, которые простирают свои виды на обладание престолом в случае бездетной смерти царя». Но Флетчер не называет здесь Бориса, и его показание может быть распространено и на всех более родовитых бояр, так как они тоже могли явиться претендентами на престол. Буссов говорит, что «многие бояре» хотели смерти Дмитрия, а больше всех Борис. Нагие могли стоять на такой же точке зрения. Ненавидя все тогдашнее боярское правительство, они ненавидели Бориса только как его главу, и царица Мария, мать Дмитрия, по весьма естественной связи идей, в минуту глубокого горя могла самоубийству сына придать характер убийства со стороны правительства, иначе говоря, Бориса, а этой случайно брошенной мыслью противная Борису боярская среда могла воспользоваться, развить эту мысль и пустить в ход в московском обществе для своих целей. Попав в литературу, эта политическая клевета стала общим достоянием не только людей XVII в., но и позднейших поколений, даже науки.

Помня возможность происхождения обвинений против Бориса и соображая все сбивчивые подробности дела, нужно в результате сказать, что трудно и пока рискованно настаивать на факте самоубийства Дмитрия, но в то же время нельзя принять господствующего мнения об убийстве Дмитрия Борисом. Если признать это последнее мнение требующим новых оправданий, а его именно таким и следует считать,— то надо объяснить выбор в цари Бориса без связи с его «злодейством». А что касается до этого господствующего мнения о виновности Бориса, то для его надлежащего подтверждения нужны, строго говоря, три исследования: 1) нужно доказать в деле Дмитрия невозможность самоубийства и, стало быть, подложность следственного дела. Белов, доказывая подлинность этого дела, исследовал с медицинской точки зрения возможность самоубийства в эпилепсии: медики говорили ему, что подобное самоубийство возможно. Что касается до самого следственного дела, то оно представляет нам подробности, отличающиеся такой наивностью, что подделать их в то время было бы просто невозможно, так как требовалось бы уже слишком много психологического чутья, недоступного людям XVII в. Далее: 2) если и была бы доказана невозможность самоубийства, то следует еще доказать, что убийство было своевременно, что в 1591 г. можно было предвидеть бездетную смерть Федора и с ней связывать какие-нибудь расчеты. Этот вопрос очень спорный. Да, наконец, 3) если бы такие расчеты и были возможны, то один ли Годунов мог их тогда иметь? Разве никто, кроме Годунова, не имел интереса в смерти Дмитрия и не мог рискнуть на убийство?

Вот сколько темных и неразрешимых вопросов заключается в обстоятельствах смерти Дмитрия. Пока все они не будут разрешены, до тех пор обвинение Бориса будет стоять на очень

шаткой почве, и он перед нашим судом будет не обвиняемым, а только подозреваемым; против него очень мало улик и вместе с тем есть обстоятельства, убедительно говорящие в пользу этой умной и симпатичной личности.

Царствование Бориса Годунова. Умирая, Федор не назначил себе преемника, а только оставил на всех «своих великих государствах» жену свою Ирину Федоровну. Тотчас после его смерти Москва присягнула царице; ее просили править с помощью брата Бориса Федоровича. Но от царства Ирина наотрез отказалась, съехала из дворца в Новодевичий монастырь и постриглась там под именем Александры. Вместе с сестрой поселился и Борис, а царством правил патриарх и бояре именем царицы. Все понимали, что управление временное и что необходимо избрать преемника покойному царю. Но кто же мог ему наследовать? По общему складу понятий того времени, наследовать должен был родовитейший в государстве человек: но родовые счеты бояр успели к этому времени так уже перепутаться и осложниться, что разобраться в них было не так легко. Род Рюриковичей был очень многочислен, и относительное старшинство его членов определить вряд ли можно было с точностью. К тому же многие из очень родовитых членов были затерты при дворе менее родовитыми, но более счастливыми по службе родичами, а с другой стороны, среди московского боярства было много очень родовитых людей не Рюриковичей. В то время из Рюриковичей особым значением пользовалась родовитая семья князей Шуйских. Она была старше даже князей московских, а рядом с ней стояли во главе боярства очень знатные князья чужого рода — Гедиминовичи, Мстиславские и Голицыны. Наиболее талантливой из этих княжеских фамилий была фамилия Шуйских: не раз давала она государству выдающихся деятелей, отмеченных крупным воинским или административным талантом. Менее блестящи были Мстиславские и Голицыны, но они, как и Шуйские, всегда занимали первые места в рядах московского боярства. По понятиям этого боярства, право быть выбранным на престол принадлежало одному из этих княжеских родов более чем кому-либо другому. А между тем были в Москве два рода не княжеского происхождения, которые пользовались громадным значением при последних царях и по влиянию своему ничем не уступали знатнейшим Рюриковичам и Гедиминовичам, раздавленным и загнанным опричниной. Это старые слуги князей московских: Романовы и Годуновы. Предок Романовых, по преданию, выехал в XIV в. из «Прусс», как выражаются древние родословные. Его потомки были впоследствии известны под именем Кошкиных, Захарьиных и, с половины XIV в., Романовых (от имени Романа Юрьевича Захарьина). Дочь этого Романа Юрьевича в 1547 г. вышла замуж за Ивана IV и таким образом Романовы стали в родстве с царем. С той поры род Романовых пользовался большой симпатией со стороны народа. В минуту смерти царя Федора было несколько

Романовых, сыновей Никиты Юрьевича Романова. Из них самым выдающимся слыл Федор Никитич Романов. И он, и все его братья в это время были известны под именем Никитичей.

Род Годунова был не из первостепенных родов и выдвинулся не родовой честью, а случайно только в XVI в., хотя и восходил к XIV в. Предок Годуновых, татарин Мурза-Чет, приехал, как говорит предание, в XIV в. на службу к московскому князю. Как его потомки успели выдвинуться из массы подобной им второстепенной знати, неизвестно. Пользуясь постоянным расположением Грозного царя, Борис участвовал в его опричнине. Но и в Александровской слободе держал он себя с большим тактом; народная память никогда не связывала имени Бориса с подвигами опричнины. Особенно близки стали Годуновы к царской семье с того времени, как сестра Годунова, Ирина, вышла замуж за царевича Федора. Расположение Грозного к Годуновым все росло. В минуту смерти Ивана IV Борис был одним из ближайших к престолу и влиятельнейших бояр, а в царствование Федора влияние на дела всецело перешло к Борису. Он не только был фаворитом, но стал и формальным правителем государства. Это-то значение Годунова и обусловливало ненависть к нему бояр; несколько раз они пробовали с ним бороться, но были им побеждены. Влияние его поколебать было нельзя, и это было тем горше для боярства, что оно предугадывало события. Оно понимало, что бездетность Федора может открыть путь к престолу тому из бояр, кто будет сильнее своим положением и влиянием. А сила Годунова была беспримерна. Он располагал большим имуществом (Флетчер считает его ежегодный доход в 100 000 р. и говорит, что Борис мог со своих земель поставить в поле целую армию). Положение Бориса при дворе было так высоко, что иностранные посольства искали аудиенции у Бориса; слово Бориса было законом. Федор царствовал, Борис управлял; это знали все и на Руси, и за границей. У этого-то придворного временщика и было более всех шансов по смерти Федора занять престол, а он отказался и ушел за сестрой жить в монастырь.

Видя, что Ирина постриглась и царствовать не хочет, бояре задумали, как говорит предание, сделать Боярскую думу временным правительством и выслали дьяка Щелкалова к народу на площадь с предложением присягнуть боярам. Но народ отвечал, что он «знает только царицу». На заявление об отказе и пострижении царицы из народа раздались голоса: «Да здравствует Борис Федорович». Тогда патриарх с народом отправился в Новодевичий монастырь и предложил Борису Годунову престол. Борис наотрез отказался, говоря, что прежде надо успокоить душу Федора. Тогда решили подождать выбора царя до тех пор, пока пройдет сорок дней со смерти Федора и соберутся в Москву земские люди для царского избрания. По свидетельству Маржерета, Борис сам потребовал созвания по восьми или десяти человек выборных из каждого города, чтобы весь народ решил,

кого надо избрать царем. Это показание Маржерета прекрасно объясняется известием из бумаг Татищева, что бояре хотели ограничить власть нового царя в свою пользу, а Борис, не желая этого, ждал земского собора в надежде, что на соборе «простой народ выбрать его без договора бояр принудит». Если это известие верно, то можно сказать, что в этом деле умный Борис оказался дальновиднее боярства.

В феврале 1598 г. съехались соборные люди и открылся собор. Любопытен его состав. Лиц, участвовавших в этом соборе, считают обыкновенно несколько более 450, но вероятнее, что на соборе присутствовало более 500 человек. Из них духовных лиц было до 100 человек, бояр до 15, придворных чинов до 200, горожан и московских дворян до 150 человек и тяглых людей (но не крестьян) до 50 человек. Соображая численное отношение разных московских групп на соборе, мы имеем возможность сделать следующие выводы: 1) собор 1598 г. состоял преимущественно из лиц служилых чинов, был собором служилым. 2) В состав его входили преимущественно московские люди, а из других городов выборных служилых и тяглых людей было не более 50 человек. Таким образом, на соборе 1598 г. была хорошо представлена Москва и очень неполно вся остальная земля. Но полноты представительства московские люди никогда не достигали. Они стали к ней приближаться только в XVII в., и то далеко не всегда. Поэтому неполнота собора 1598 г. и преобладание на нем московских людей должны считаться естественным делом, а не следствием интриг Бориса, как многие думают. Далее, вглядываясь в состав этого собора, мы заметим, что на соборе было очень мало представителей этого многочисленного класса рядовых дворян, в котором привыкли видеть главную опору Бориса, его доброхотов. И наоборот, придворные чины и московские дворяне, т. е. более аристократические слои дворянства, на соборе были во множестве. А из этих-то слоев и являлись, по нашим представлениям, враги Бориса. Стало быть, на соборе не прошли друзья Бориса и могли пройти в большом числе его противники. Так заставляет думать состав собора — аристократического и московского, и это отнимает у нас возможность предполагать, как делают некоторые исследователи, что собор 1598 г. был подтасован Борисом и потому представлял из себя игрушку в руках опытного лицемера. После статей В. О. Ключевского «О составе представительства на московских соборах» в правильности состава и законности собора 1598 г. едва ли можно сомневаться.

17 февраля собор избрал царем Бориса. Его предложил сам патриарх. Три дня служили молебны, чтобы Бог помог смягчить сердце Бориса Федоровича, и 20 февраля отправились опять просить его на царство, но он снова отказался; отказалась и Ирина благословить его. Тогда 21-го патриарх взял чудотворную икону Божией Матери и при огромном стечении народа отправился с крестным ходом в Новодевичий монастырь, причем

было решено, что если Борис опять будет отказываться, то его отлучат от церкви, духовенство прекратит совершение литургий, а грех весь падет на душу упорствующего. После совершения в монастыре литургии патриарх с боярством пошел в келью Ирины, где был Борис, и начал уговаривать его, а в монастырской ограде и за монастырем стояли толпы народа и криком просили Бориса на престол. Тогда, наконец, Ирина согласилась благословить брата на престол, а затем дал согласие и Борис.

Так повествует об избрании официальный документ — «Избирательная грамота» Бориса, но иначе передают дело некоторые неофициальные памятники. Они говорят, что Годунов добивался престола всеми силами и старался заранее обеспечить свое избрание угрозами, просьбами, подкупами, перед лицом же боярства и народа носил маску лицемерного смирения и отказывался от высокой чести быть царем. О подкупах и агитации Бориса говорит, между прочим, и Буссов: в своем рассказе об избрании Бориса, очень баснословном вообще, он повествует, что Ирина, сестра Бориса, призвала каких-то сотников и пятидесятников (вероятно, стрелецких) и подкупила их содействовать избранию ее брата, а сам Борис своими агентами избрал монахов, вдов и сирот, которые его славословили и выхваляли народу. Этот оригинальный прием избирательной агитации Борис усилил еще другим: он подкупал будто бы бояр. Но боярство и было врагом Бориса, против которого он должен был агитировать и, если агитировал, то, конечно, не одной сиротской и вдовьей помощью. Что же касается до загадочных сотников и пятидесятников, то, если разуметь под ними стрельцов, они не могли принести пользы Борису, ибо на соборе 1598 г. их почти не было, а агитировать вне собора они могли только в низших слоях московского населения, а эти слои слабо были представлены на соборе. По таким и другим несообразностям рассказ Буссова об избрании Бориса следует заподозрить. Он писал, вероятно, по русским слухам. Эти слухи несколько определеннее высказаны в русских сказаниях. Там тоже встречаются известия о безнравственных поступках Бориса при его избрании. И с первого взгляда многочисленность этих известий заставляет верить в их правоту, но более близкое с ними знакомство разрушает доверие к ним. Некоторые хронографы и отдельные сказания обвиняют Бориса в следующем: он лестью и угрозами склонял народ избрать его на царство, рассылая своих приверженцев по Москве и в города; он силой, под страхом большого штрафа, сгонял народ к Новодевичьему монастырю и заставлял его слезно вопить и просить, чтобы Борис принял престол. Но все сказания, где находятся эти данные, имеют характер компиляций, и компиляций позднейших, причем в обвинениях Бориса следуют все одинаково одному сказанию, составленному в самом начале XVII в. («Иное сказание»).

Таким образом, многочисленность сказаний, направленных против Бориса, теряет свое значение, и мы имеем дело с одним

памятником, ему враждебным. Это враждебное Борису сказание вышло из-под пера слепого поклонника Шуйских и смотрит на события партийно, ценит их неверно, относится с ним пристрастно. Можно ли полагаться на этот источник в деле обвинения Бориса, когда мы знаем, что Борис имел много прав на престол и пользовался популярностью; когда, наконец, мы имеем такие показания, которые дают полное основание предполагать, что собор не был запуган Борисом, не был искусственно настроен к тому, чтобы избрать именно его, Бориса, а совершил это вполне сознательно и добровольно?

При открытии собора патриархом Иовом была сказана искусная и риторически красноречивая речь, в которой он перечислял заслуги Бориса и его права на престол и, со своей стороны, как представитель и выразитель мнений духовенства, высказал, что он не желал бы лучшего царя, чем Борис Федорович. Эта речь, в которой видят обыкновенно давление на собор, не допускавшее возражений, может быть легко понятна и без таких обвинений. Она, бесспорно, должна была произвести сильное впечатление на членов собора, но не исключала возможности свободных прений. Они и были, как можно судить по летописному описанию собора 1598 г. В этих прениях «князи Шуйские единые его нехотяху на царство: узнаху его, что быти от него людем и к себе гонению; оне же от него потом многия беды и скорби и тесноты прияша». До сих пор было принято верить буквально этим строкам «Нового летописца», хотя, быть может, было бы основательнее думать, что этот летописец, вышедший, по всей видимости, из дворца патриарха Филарета, поставил здесь имя Шуйских, так сказать, для отвода глаз. Ведь Шуйские не терпели от царя Бориса «потом» скорбей и теснот и с этой стороны вряд ли могли его «узнать». Не к ним должна быть отнесена эта фраза летописца, а всего скорее к Романовым, которые действительно претерпели в царствование Бориса. Никакой другой источник не говорит об участии Шуйских в борьбе против Годунова; напротив, о Романовых есть интересные известия как о соперниках Бориса. Есть даже намеки на прямое столкновение из-за царства Федора Романова с Годуновым в 1598 г. Но как бы то ни было, большинство на соборе было за Бориса, и он был избран в цари собором совершенно сознательно и свободно, по нашему мнению. Собор стал на сторону патриарха, потому что предложенный патриархом Борис в глазах русского общества имел определенную репутацию хорошего правителя, потому что его любили московские люди (как об этом говорит Маржерет), знали при царе Федоре Ивановиче его праведное и крепкое правление, «разум его и правосудие», как выражаются летописцы. Борис был вообще популярен и ценим народом. На память его было по многим причинам воздвигнуто гонение при Лжедмитрии и Шуйском. Когда же смута смела и Шуйских, и самозванцев, и старое московское боярство, боровшееся с Годуновым,— то несмотря на

официально установленную преступность Годунова в деле смерти царевича Дмитрия, писатели XVII в. оценили личность и деятельность Бориса иначе, чем ценили ее современники-враги, над ним восторжествовавшие, и их литературные последователи. Князь Ив. Мих. Катырев-Ростовский в своем сочинении о смуте, написанном по личным воспоминаниям в первой половине XVII в., сочувственно относится к Борису и в следующих чертах рисует нам этот симпатичный образ: «Муж зело чуден, в разсуждении ума доволен и сладкоречив, весьма благоверен и нищелюбив и строителен зело, и державе своей много попечения имел и многое дивное о себе творяще»; но в то же время, отдавая дань общим воззрениям этой эпохи, писатель прибавляет, что одно «ко властолюбию ненасытное желание» погубило душу Бориса. Такой же симпатичный отзыв дает нам и знаменитый деятель и писатель, друживший с Вас. Ив. Шуйским, Авраамий Палицын: «Царь же Борис о всяком благочестии и о исправлении всех нужных царству вещей зело печашеся, о бедных и нищих промышляше и милость таковым великая от него бываше; злых же людей люте изгубляше и таковых ради строений всенародных всем любезен бысть». Наиболее независимый в своих отзывах о Борисе автор, Ив. Тимофеев, признает в нем высокие достоинства человека и общественного деятеля. В некоторых хронографах также находим похвалы Борису. В одном из них находится следующее замечательное суждение о Борисе: после общей благосклонной Борису характеристики автор хронографа говорит, что «Борис от клеветников изветы на невинных в ярости суетно принимал и поэтому навлек на себя негодование чиноначальников всей русской земли; отсюда много напастных зол на него восстали и доброцветущую царства его красоту внезапно низложили».

Если внимательно разобрать первоначальные отзывы писателей о Борисе, то окажется, что хорошие мнения о нем в литературе положительно преобладали. Более раннее потомство ценило Бориса, пожалуй, более, чем мы. Оно опиралось на свежую еще память о счастливом управлении Бориса, о его привлекательной личности. Современники же Бориса, конечно, живее его потомков чувствовали обаяние этого человека, и собор 1598 г. выбирал его вполне сознательно и лучше нас, разумеется, знал, за что выбирает.

Между тем ученые долго были настроены против Бориса, как в деле избрания его на престол, так и в деле смерти царевича Дмитрия: Карамзин смотрел на него как на человека, страстно желавшего царства во что бы то ни стало и перед избранием своим игравшего низкую комедию. Того же мнения держался Костомаров и отчасти С. М. Соловьев. Костомаров не находит в Годунове ни одной симпатичной черты и даже хорошие его поступки готов объяснить дурными мотивами. К тому же направлению принадлежат Павлов («Историческое

значение царствования Бориса Годунова») и Беляев (в своей статье о земских соборах). Иного взгляда на личность Бориса держались до сих пор только Погодин, Аксаков и Е. А. Белов. Такая антипатия к Годунову, ставшая своего рода традицией, происходит от того, что к оценке его личности по обычаю подходят чрез сомнительный факт убийства царевича Дмитрия. Если же мы отрешимся от этого далеко не вполне достоверного факта, то у нас не хватит оснований видеть в Борисе безнравственного злодея, интригана, а в его избрании — ловко сыгранную комедию.

Разбор этих двух исторических актов конца XVI в.— смерти царевича Дмитрия и избрания Годунова в цари — показал нам, что обычные обвинения, которые раздаются против Бориса, допускают много возражений и установлены настолько непрочно, что верить их достоверности очень трудно. Если, таким образом, отказаться от обычных точек зрения на Бориса, то о нем придется говорить немного и оценку этого талантливого государственного деятеля сделать нетрудно.

Историческая роль Бориса чрезвычайно симпатична: судьбы страны очутились в его руках тотчас же почти по смерти Грозного, при котором Русь пришла к нравственному и экономическому упадку. Особенностям царствования Грозного в этом деле много помогли и общественные неурядицы XVI в., как мы об этом говорили выше, и разного рода случайные обстоятельства. (Так, например, по объяснению современников, внешняя торговля при Иване IV чрезвычайно упала благодаря потере Нарвской гавани, через которую успешно вывозились наши товары, и вследствие того, что в долгих Польско-Литовских войнах оставались закрытыми пути за границу.) После Грозного Московское государство, утомленное бесконечными войнами и страшной неурядицей, нуждалось в умиротворении. Желанным умиротворителем явился именно Борис, и в этом его громадная заслуга. В конце концов, умиротворить русское общество ему не удалось, но на это были свои глубокие причины и в этом винить Бориса было бы несправедливо. Мы должны отметить лишь то, что умная политика правителя в начале его государственной деятельности сопровождалась явным успехом. Об этом мы имеем определенные свидетельства. Во-первых, все иностранцы-современники и наши древние сказатели очень согласно говорят, что после смерти Грозного, во время Федора, на Руси настала тишина и сравнительное благополучие. Такая перемена в общественной жизни, очевидно, очень резко бросилась в глаза наблюдателям, и они спешили с одинаковым чувством удовольствия засвидетельствовать эту перемену. Вот пример отзыва о времени Федора со стороны сказателя, писавшего по свежей памяти: «Умилосердися Господь Бог на люди своя и возвеличи царя и люди и повели ему державствовати тихо и безмятежно... и дарова всяко изобилие и немятежное на земле русской пребывание и возрасташе

велиею славою; начальницы же Московского государства, князе и бояре и воеводы и все православное христианство начаша от скорби бывшия утешатися и тихо и безмятежно жити». Во-вторых, замечая это «тихое и безмятежное житие», современники не ошибались в том, кто был его виновником. Наступившую тишину они приписывали умелому правлению, которое вызвало к нему народную симпатию. Не принадлежащий к поклонникам Годунова Буссов в своей «Московской хронике» говорит, что народ «был изумлен» *правлением Бориса* и прочил его в цари, если, конечно, естественным путем прекратится царская династия. Чрезвычайно благосклонные характеристики Годунова как правителя легко можно видеть и у других иностранцев (например, у Маржерета). А живший в России восемь лет (1601—1609) голландец Исаак Масса, который очень не любил Годунова и взвел на него много небылиц, дает о времени Федора Ивановича следующий характерный отзыв: «Состояние всего Московского государства улучшалось и народонаселение увеличивалось. Московия, совершенно опустошенная и разоренная вследствие страшной тирании покойного великого князя Ивана и его чиновников... теперь, благодаря преимущественно доброте и кротости князя Федора, а также благодаря необыкновенным способностям Годунова, снова начала оправляться и богатеть». Это показание подкрепляется цифровой данной у Флетчера, который говорит, что при Иване IV продажа излишка податей, доставляемых натурой, приносила Приказу (Большого Дворца) не более 60 тыс. ежегодно, а при Федоре — до 230 тыс. рублей. К таким отзывам иностранцев нелишне будет добавить раз уже приведенные слова А. Палицына, что Борис «о исправлении всех нужных царству вещей зело печашеся... и таковых ради строений всенародных всем любезен бысть».

Итак, миролюбивое направление и успешность Борисовой политики — факт, утверждаемый современниками; этот факт найдет себе еще большее подтверждение, если мы обратимся хотя бы к простому перечню правительственных мер Бориса. Мы оставим в стороне внешние дела правления и царствования Бориса, где политика его отличалась умом, миролюбием и большой осторожностью. Эту осторожность в международных отношениях многие считают просто трусостью; нельзя осудить политику Бориса, если взять во внимание общее расстройство страны в то время, расстройство, которое требовало большой дипломатической осторожности, чтобы не втянуть слабое государство в непосильную ему войну. Во внутренней политике Бориса, когда вы читаете о ней показания русских и иностранных современников, вы раньше всего заметите один мотив, одну крайне гуманную черту. Это, выражаясь языком того времени, «защита вдов и сирот», забота «о нищих», широкая благотворительность во время голода и пожаров. В то тяжелое время гуманность и благотворительность были особенно уместны, и Борис благотворил

щедрой рукой. Во время венчания Бориса на царство особенно заставили говорить о себе его финансовые милости и богатые подарки. Кроме разнообразных льгот, он облегчал и даже освобождал от податей многие местности на три, на пять и более лет. Эта широкая благотворительность, служившая, конечно, лишь паллиативом в народных нуждах, представляла собой только один вид многообразных забот Бориса, направленных к поднятию экономического благосостояния Московского государства.

Другой вид этих забот представляют меры, направленные к оживлению упавшей торговли и промышленности. Упадок же промышленности и торговли действительно доходит в то время до страшных размеров, в чем убеждают нас цифры Флетчера. Он говорит, что в начале царствования Ивана IV лен и пенька вывозились через Нарвскую гавань ежегодно на ста судах, а в начале царствования Федора — только на пяти, стало быть, размеры вывоза уменьшились в 20 раз. Сала вывозилось при Иване IV втрое или вчетверо больше, чем в начале царствования Федора. Для оживления промышленности и торговли, для увеличения производительности, Годунов дает торговые льготы иностранцам, привлекает на Русь знающих дело промышленных людей (особенно настоятельно он требует рудознатцев). Он заботится также об устранении косвенных помех к развитию промышленности и безопасности сообщений, об улучшении полицейского порядка, об устранении разного рода административных злоупотреблений. Заботы о последнем были в то время особенно необходимы, потому что произвол в управлении был очень велик: без посулов и взяток ничего нельзя было добиться, совершались постоянные насилия. И все распоряжения Бориса в этом отношении остались безуспешны, как и распоряжения позднейших государей московских в XVII в. О Борисе, между прочим, сохранились известия, что он заботился даже об урегулировании отношений крестьян к землевладельцам. Говорят, будто он старался установить для крестьян определенное число рабочих дней на землевладельца (два дня в неделю). Это известие вполне согласуется с духом указов Бориса о крестьянстве; эти указы надо понимать как направленные не против свободы крестьян, а против злоупотребления их перевозом.

Таким симпатичным характером отличалась государственная деятельность Годунова. История поставила ему задачей умиротворение взволнованной страны, и он талантливо решал эту задачу. В этом именно и заключается историческое значение личности Бориса как царя-правителя. Решая, однако, свою задачу, он ее не разрешил удовлетворительно, не достиг своей цели: за ним последовал не мир и покой, а смута, но в этом была не его вина. Боярская среда, в которой ему приходилось вращаться, с которой он должен был и работать и бороться, общее глубокое потрясение государственного организма, несчастное совпадение исторических случайностей — все слагалось против Бориса и со

всем этим сладить было не по силам даже его большому уму. В этой борьбе Борис и был побежден.

Внешняя политика времени Бориса не отличалась какими-либо крупными предприятиями и не всегда была вполне удачна. С Польшей шли долгие переговоры и пререкания по поводу избрания в польские короли царя Федора, а позднее — по поводу взаимных отношений Швеции и Польши (известна их вражда того времени, вызванная династическими обстоятельствами). На западе цель Бориса была вернуть Ливонию путем переговоров; но войной со Швецией ему удалось вернуть лишь те города, какие были потеряны Грозным. Гораздо важнее была политика Бориса по отношению к православному Востоку.

С падением Константинополя (в 1453 г.), как мы уже видели, в московском обществе возникает убеждение, что под властью турок-магометан греки не могут сохранить православия во всей первоначальной его чистоте. Между тем Россия, свергнув к этому времени татарское иго, почувствовала себя вполне самостоятельным государством. Мысль русских книжников, двигаясь в новом направлении, приходит и к новым воззрениям. Эти новые воззрения впервые выразились в послании старца Филофея к дьяку Мунехину, где мы читаем: «Все христианския царства преидоша в конец и спадошася во едино царство нашего государя по пророческим книгам; два убо Рима падоша, а третий (т. е. Москва) стоит, а четвертому не быть». Здесь, таким образом, мы встречаемся с мыслью, что Рим пал вследствие ереси; Константинополь, второй Рим, пал по той же причине, и осталась одна Москва, которой и назначено вовеки быть хранительницей православия, ибо четвертому Риму не бывать. Итак, значение Константинополя, по убеждению книжников, должно быть перенесено на Москву. Но эта уверенность искала для себя доказательств. И вот в русской литературе в половине XVI в. появляется ряд сказаний, которые должны были удовлетворить религиозному и национальному чувству русского общества. Легенда о том, что апостол Андрей Первозванный совершил путешествие в русскую землю и был там, где построен Киев, получает теперь иной смысл, иную окраску. Прежде довольствовались одним фактом; теперь из факта делают уже выводы: христианство на Руси столь же древне, как и в Византии. В этом смысле и высказался Иван Грозный, когда сказал Поссевину: «Мы веруем не в греческую веру, а в истинную христианскую, принесенную Андреем Первозванным». Затем мы находим любопытное сказание о белом клобуке, который сначала был в Риме, потом был перенесен в Константинополь, а оттуда в Москву. Это странствование клобука, конечно, чисто апокрифическое, имело целью доказать, что высокий иерархический сан должен с Востока перейти в Россию. Далее сохранилось сказание об иконе Тихвинской Божьей Матери, которая покинула Константинополь и перешла на Русь, ибо в Греции православие должно было пасть. Известно предание

о передаче на Русь царских регалий, хотя мы не можем наверно сказать, когда и при каких обстоятельствах регалии появились. Итак, русские люди думали, что Московское государство есть единственное, которое может хранить заветы старины. Так работала мысль наших книжников. Они чувствовали себя в религиозном отношении выше греков, но факты не соответствовали такому убеждению. На Руси не было еще ни царя, ни патриарха. Русская церковь не считалась первой православной церковью и даже не пользовалась независимостью. Следовательно, мысль витала выше фактов, опережала их. Теперь стараются догнать их. Старец Филофей уже называет Василия III «царем». «Вся царства православныя христианския веры,— говорит он,— снидошася в твое едино царство: един ты во всей поднебесной христианам царь». Иван Грозный, приняв титул царя, осуществил часть этой задачи. Он искал признания этого титула на востоке, и греческие иерархи прислали ему утвердительную грамоту (1561). Но оставалась еще неосуществленной другая часть — учреждение патриаршества. Относительно последнего на Москве знали, что греческие иерархи отнесутся несочувственно к стремлению русского духовенства получить полную самостоятельность. До сих пор некоторая зависимость русской церкви от греков выразилась в платоническом уважении, которое выказывали московские митрополиты восточным патриархам, и в различных им пособиях; восточные иерархи придавали этому факту большое значение, полагая, что русская церковь подчинена восточной. С падением Константинополя московский митрополит стал средствами богаче и властью выше всех восточных патриархов. На востоке же жизнь была стеснена, материальные средства сильно оскудели, и вот восточные патриархи стали считать себя вправе обращаться в Москву, как в город, подчиненный им в церковном отношении, за пособиями. Начинаются частые поездки в Москву за милостыней, но это еще больше возвысило московского митрополита в глазах русского общества. Стали полагать, что главный вселенский константинопольский патриарх должен быть заменен московским вселенским патриархом. Греческие же патриархи держались, разумеется, того мнения, что сан этот может быть только у них, ибо составляет исконную их принадлежность. Несмотря на это, Москва пожелала иметь у себя патриарха и для осуществления своего желания избрала практический путь; она принялась за это в правление Бориса Годунова. Летом 1586 г. приехал в Москву антиохийский патриарх Иоаким. Ему дали знать о желании царя Федора учредить в Москве патриарший престол. Иоаким отвечал уклончиво, однако взялся пропагандировать эту мысль на востоке. Русский подьячий Огарков отправлен был вслед за Иоакимом, чтобы наблюдать, как пойдет это дело; но он привез неутешительные вести. Так прошло два года в неопределенном положении. Вдруг летом 1588 г. разнеслась весть, что в Смоленск приехал старший из патриархов,

цареградский Иеремия. В Москве все были взволнованы, делались различные предположения, зачем и с какой стати он приехал. Пристав, отправленный встречать и провожать патриарха до Москвы, получил наказ разведать, «есть ли с ним от всех патриархов с соборного приговора к государю приказ». По приезде в Москву Иеремия был помещен на дворе рязанского владыки. К нему приставили таких людей, которые были «покрепче», причем им было приказано не допускать к патриарху никого из иностранцев. Вообще его держали, как в тюрьме. Разговоры велись с ним по преимуществу такие, которые клонились к учреждению патриаршества. Иеремии, наконец, предложили перенести свое патриаршество из Константинополя в Москву. Он согласился. Того только и ждали. Но сам Иеремия был неудобен; в Москве это понимали хорошо. Это значило бы допустить новогреческие ереси в русскую церковь. Поэтому говорили, что на Москве Иеремии оставаться неудобно, так как там есть уже свой митрополит Иов. Вместо столичной Москвы Иеремии предложили поселиться во Владимире, городе, не имевшем никакого политического значения. Греки поняли это так, что москвитяне их обманули, что они вовсе не хотели иметь своим патриархом Иеремию, и Иеремия отказался от Владимира. Однако вопрос принципиально был решен: если Иеремия сам не хочет быть патриархом, то должен вместо себя поставить другого. Но теперь уже, конечно, не могло быть и речи о том, чтобы перенести патриаршество во Владимир, так что Иеремия поставил Иова на московское и на владимирское патриаршество. Иеремия знал, что его согласие на поставление Иова будет встречено несочувственно на востоке. Действительно, там известие об учреждении на Москве нового патриаршества было принято холодно. Там были уверены, что Иеремию обманули, и не хотели санкционировать совершившийся факт. Но противиться долго было нельзя, ибо Москва была сильна и, в случае отказа, могла отказать в пособиях. И вот состоялся собор, где, хотя и согласились признать вновь учрежденное патриаршество на Москве, но московский патриарх должен был занимать младшее место. В Москве на первый раз были довольны и этим. С этого времени русская церковь стала вполне независимой; Русь стала царством, а Москва сделалась патриаршим городом, и этот последний шаг к патриаршеству был плодом дипломатического умения Бориса Годунова, который в то время руководил всей деятельностью московского правительства и прямо гордился этим успехом.

Что касается до личных свойств Бориса, то они способны были подкупить многих в его пользу. От природы одаренный редким умом, способный на хитрость, Борис рос при опальчивом и капризном Грозном и в придворной среде того времени, в высшей степени, конечно, усвоил привычку сдерживать себя, управлять собой; он являлся всегда со светлым, приветливым и мягким обращением, даже на высоте власти никогда не

давал чувствовать своего могущества. Обычаи опричнины, где безнравственность доходила до последних пределов цинизма и людская жизнь ценилась очень дешево, ни во что, не могли не отразиться на Борисе, но отразились слабее, чем можно было ожидать. Правда, Борис легко смотрел на жизнь и свободу с нашей точки зрения, но в XVI в. одинаковой жестокостью отличались и темная Русь при Иване IV, и просвещенная политика Екатерины Медичи, и благочестивые экстазы Филиппа II. По мерке того времени, Борис был очень гуманной личностью, даже в минуты самой жаркой его борьбы с боярством: «лишней крови» он никогда не проливал, лишних жестокостей не делал и сосланных врагов приказывал держать в достатке, «не обижая». Не отступая перед ссылкой, пострижением и казнью, не отступал он в последние свои годы и перед доносами, поощрял их; но эти годы были, как увидим, ужасным временем в жизни Бориса, когда ему приходилось бороться на жизнь и смерть. Не будучи безнравственнее своих современников в сфере политики, Борис остался нравственным человеком и в частной жизни. Сохранились предания, что он был хороший семьянин и очень нежный отец. Как личность, он был способен на высокие движения: можно назвать самоотверженным его поступок, когда он во время ссоры Грозного с его сыном Иваном закрыл собой Ивана от ударов отца. Благотворительность и «нищелюбие» стали всем известными свойствами Бориса. Близость к образованному Ивану развила и в Борисе вкус к образованности, а его ясный ум определенно подсказал ему стремление к общению с цивилизованным западом. Борис призывал на Русь и ласкал иностранцев, посылал русскую молодежь за границу учиться (любопытно, что ни один из них не вернулся назад в Россию) и своему горячо любимому сыну дал прекрасное, по тому времени, образование. Есть известия, что при Борисе в Москве начали распространяться западные обычаи. Патриарх Иов даже терпел упреки за то, что он не противодействовал этим новшествам; очень горьки были ему эти упреки, но он боялся открыто обличать эту новизну, потому что в самом царе видел сильную ей поддержку.

Борис в своей деятельности был преимущественно умным администратором и искусным дипломатом. Одаренный мягкой натурой, он не любил военного дела, по возможности избегал войны и почти никогда сам не предводительствовал войском.

Такой представляется личность Бориса тому, кто, не предубежденный обычными ходячими обвинениями, пробует собрать воедино ее отдельные черты. Для этих обвинений мало почвы: улики против Бориса слишком шатки. И это, конечно, чувствовал Карамзин, когда писал в своем «Вестнике Европы» (1803) о Борисе Годунове: «Пепел мертвых не имеет заступника, кроме нашей совести: все безмолвствует вокруг древняго гроба... Что, если мы клевещем на сей пепел, если несправедливо терзаем

память человека, веря ложным мнением, принятым в летопись бессмыслием или враждой?» Но через несколько лет Карамзин уже верил этим мнениям, и Борис стал для него (и этим самым для многих) не человеком «деятельным и советолюбивым», но «преступником», возникшим из личности рабской до высоты самодержца усилиями неутомимыми, хитростью неусыпной, коварством, происками, злодействами.

Первый Самозванец. Первые два года своего царствования Борис, по общему отзыву, был образцовым правителем, и страна продолжала оправляться от своего упадка. Но далее пошло иначе: поднялись на Русь и на царя Бориса тяжелые беды. В 1601 г. начался баснословный голод вследствие большого неурожая, так как от постоянных дождей хлеб пророс, а потом сильными морозами его погубило на корню. Первый год неурожая еще кое-как жили впроголодь, старым хлебом, но когда в следующем году посевы погибли в земле, тогда уже настал настоящий голод со всеми его ужасами. Народ питался Бог знает чем: травой, сеном и даже трупами животных и людей; для этого даже нарочно убивали людей. Чтобы облегчить положение голодавших, Борис объявил даровую раздачу в Москве денег и хлеба, но эта благая по цели мера принесла вред: надеясь на даровое пропитание, в Москву шли толпы народа, даже и такого, который мог бы с грехом пополам прокормиться дома; в Москве царской милостыни не хватало и много народа умерло. К тому же и милостыню давали недобросовестно: те, кто раздавал деньги и хлеб, ухитрялись раздавать своим друзьям и родственникам, а народу приходилось оставаться голодным. Открылись эпидемии, и в одной Москве, говорят, погибло народа более 127 тыс. Царь стал употреблять более действительные меры: он велел скупать хлеб в местах, где его было больше, и развозить в особенно нуждавшиеся местности, в Москве стал давать голодным работу.

Урожай 1604 г. прекратил голод, но продолжалось другое зло. В голодные годы толпы народа для спасения себя от смерти составляли шайки и добывали себе пропитание разбоем. Главную роль в этих шайках играли прогнанные своими господами во время голода холопы. Богатые люди этим путем избавлялись от лишних нахлебников, но не давали им отпускных грамот, чтобы при удобном случае иметь право вернуть их обратно на законном основании как своих холопов. Борис приказывал таким холопам выдавать из Холопьего Приказа отпускные, освобождавшие их от холопства, но и это немного помогало, потому что и в свободном состоянии они не могли нигде пристроиться. Число этих голодных и беглых холопов пополнялось свободными голодавшими людьми, которых бескормица заставляла примыкать к холопьим шайкам и разбойничать. Ни одна область Руси не была свободна от разбойников. Они бродили даже около Москвы, и против одной такой шайки Хлопка Борису пришлось выставить крупную военную силу, и то с трудом удалось одолеть эту толпу разбойников.

С 1601 г. замутился и политический горизонт. Еще в 1600 или 1601 г., как сообщает Маржерет, явился слух, что царевич Дмитрий жив. Все историки более или менее согласились в том, что в деле появления самозванца активную роль сыграло московское боярство, враждебное Борису. На это есть намеки и в наших сказаниях: в одном из них прямо говорится, что Борис «навел на себя негодование чиноначальников», что и «погубило доброцветущую царства его красоту». Буссов несколько раз повторяет, что Лжедмитрий был поставлен боярами, что об этом знал сам Годунов и прямо в лицо говорил это боярам. В соединении с этими известиями получает цену и указание летописцев на то, что Григорий Отрепьев бывал и жил во дворце у Романовых и Черкасских, а также рассказ о том, что Василий Иванович Шуйский впоследствии не обинуясь говорил, что признали самозванца только для того, чтобы избавиться от Бориса. В том, что самозванец был плодом *русской* интриги, убеждают нас и следующие обстоятельства: во-первых, по сказаниям очевидцев, названный Дмитрий был великороссиянин и грамотей, бойко объяснявшийся по-русски, тогда как польская цивилизация ему давалась плохо; во-вторых, иезуиты, которые должны были стоять в центре интриги, если бы она была польской, за Лжедмитрия ухватились только тогда, когда он уже был готов, и, как видно из послания папы Павла V к сандомирскому воеводе, даже в католичество обратили его не иезуиты, а францисканцы, и, в-третьих, наконец, польское общество относилось с недоверием к царскому происхождению самозванца, презрительно о нем отзывалось, а к делу его относилось с сомнением.

На основании этих данных возможно понимать дело так, что в лице самозванца московское боярство еще раз попробовало напасть на Бориса. При Федоре Ивановиче, нападая открыто, оно постоянно терпело поражения, и Борис все усиливался и возвышался. Боярство не могло помешать ему занять престол, потому что, помимо популярности Бориса, права его на царство были в глазах народа серьезнее прав всякого другого лица благодаря родству Бориса с угасшей династией. С Борисом-царем нельзя было открыто бороться боярству потому, что он был сильнее боярства; сильнее же и выше Бориса для народа была лишь династия Калиты. Свергнуть Бориса можно было только во имя ее. С этой точки зрения вполне целесообразно было популяризировать слух об убийстве Дмитрия, совершенном Борисом, и воскресить этого Дмитрия. Перед этим боярство и не остановилось.

О замысле бояр, должно быть, Борис узнал еще в 1600 г., и в связи с этим, вероятно, стоят опалы Бориса. Первая опала постигла Богдана Бельского. Он был сослан при Федоре, но потом прощен, так что ему позволили было вернуться в Москву. Около 1600 г. Борис отправил его в степь строить на реке Сев. Донце городок Царев-Борисов. Бельский очень ласкал там

рабочих людей, кормил их, искал их расположения и показался опасным Борису. О том, за что он именно пострадал, передают различно, но его внезапно постигла опала, мучения и ссылка. Вообще это дело Бельского очень темно. Несколько больше мы знаем о деле Романовых. После Бельского пришел их черед. Романовых было пять братьев Никитичей: Федор, Александр, Михаил, Иван и Василий. Из них особенной любовью и популярностью в Москве пользовался красивый и приветливый Федор Никитич. Он был первым московским щеголем и удальцом. (Примеряя кому-либо платье, если хотели сказать комплимент платью и хозяину его, выражались, что оно сидит, «как на Федоре Никитиче».) В 1601 г. все Романовы были сосланы со своими семьями в разные места и только двое из них (Федор и Иван) пережили свою ссылку, остальные же в ней умерли, хотя и не по вине Бориса. Вместе с Романовыми были сосланы и их родственники: князья Черкасские, Сицкие, Шестуновы, Репнины, Карповы. Летописец повествует, что Романовы пострадали из-за ложного доноса их человека Второго Бартенева, который по уговору с Семеном Годуновым обвинил их в том, что у них было на Бориса «коренье». До нас дошло любопытное дело о ссылке Романовых; в нем имеются инструкции царя, чтобы со ссыльными боярами обращались мягко и не притесняли их. Этот документ отлично оправдывает Бориса от излишних обвинений в жестокости во время его царствования, хотя необходимо сознаться, что при его опалах было много пыток, пострадало много людей и развелись доносы, многочисленные даже в сравнении с эпохой Грозного. В опалах, следовавших за ссылкой Романовых, Борис почти не прибегал к казни, хотя для него дело стояло и очень серьезно: преследуя бояр, не пропуская никого за польскую границу, он, очевидно, с тревогой искал нитей того заговора, который мог его погубить призраком Дмитрия, и не находил этих нитей. Они от него ускользают, а через несколько времени в Польше является человек, который выдает себя за спасенного царевича Дмитрия.

Неизвестно, кто он был на самом деле, хотя о его личности делалось много разысканий и высказано много догадок. Московское правительство объявило его галицким боярским сыном Гришкой Отрепьевым только в январе 1605 г. Раньше в Москве, вероятно, не знали, кем счесть и как назвать самозванца. Достоверность этого официального показания принимали на веру все старые наши историки, принимал и *С. М. Соловьев,* который держался, однако, того убеждения, что обман самозванца с его стороны был неумышленный и что Отрепьев сам верил в свое царственное происхождение. В 1864 г. явилось прекрасное исследование *Костомарова* относительно личности первого самозванца. В этом труде он доказывает, во-первых, что Лжедмитрий и Отрепьев два разных лица, во-вторых, что названный Дмитрий не был царевичем, но верил в свое царское происхождение, и,

в-третьих, что самозванец был делом боярских рук. Виднейшим деятелем этой интриги он считает Богдана Бельского. В том же 1864 году появилась статья *Бицына* («День», 1864, № 51 и 52, и «Русский Архив» 1886 г.: «Правда о Лжедмитрии»). Бицын (псевдоним Павлова) старается доказать, что в Москве к самозванству готовили именно Григория Отрепьева, но что царствовал будто бы не он: в Польше Отрепьева заменили каким-то другим неизвестным лицом, подставленным иезуитами. Но в статье Бицына есть один недостаток: в ней нет второй половины биографии Отрепьева (после его бегства в Литву) и первой половины биографии неизвестного самозванца (до его вступления в роль царевича). В 1865 г. появился еще труд о Лжедмитрии *В. С. Иконникова*. В своей статье «Кто был первый Лжедмитрий» («Киевские Университетские Известия», февр. 1864 г.) Иконников берет в основу своего исследования точку зрения Маржерета и некоторых других современников, что Лжедмитрий есть истинный царевич, спасенный вовремя от убийц. Затем является в 1866 г. статья *Добротворского* («Вестник Западной России» 1865—1866, кн. 6 и 7), которому удалось найти документ, гласящий, по его мнению, что Лжедмитрий был не кто иной, как Отрепьев. Документ этот — надпись на одной из книг библиотеки Загоровского монастыря (Волынской губернии). В книге «Василия Великого о постничестве» внизу по листам отмечено: «Лета от сотворения мира 7110 (1602), месяца августа в четырнадцатый день, сию книгу... дал нам, иноку Григорию, царевичу московскому с братией, с Варлаамом да Мисаилом, Константин Константинович... княже Острожское, воевода Киевский». Из этой надписи видно, что Отрепьев с Варлаамом и Мисаилом был в Киеве и получил эту книгу от князя Острожского. Часть надписи, однако, со словами «иноку Григорию», сделана иной рукой, чем остальная надпись. Добротворский сличал этот почерк с документом, на котором была подпись Лжедмитрия, и почерки ему показались тождественными. Из позднейшей литературы о самозванце упомянем: «Исследование о личности первого Лжедмитрия», принадлежащее г. *Казанскому* и помещенное в «Русском Вестнике» за 1877 г. (Казанский видит в самозванце Отрепьева); затем ряд изысканий отца *Павла Пирлинга* («Rome et Démètrius» и др.), который воздерживается от категорических заключений о происхождении самозванца, но всего скорее думает об Отрепьеве; далее «Смутное время Московского государства» г. *Иловайского*, суждения которого, напротив, более категоричны, чем вероятны; затем труд *Александра Гиршберга* во Львове «Dymitr Sazwaniec» и *Е. Н. Щепкина* «Wer war Pseudo-Demetrius I?» (в Archiv'e Ягича). Особенно ценно изданное о. Пирлингом facsimile письма самозванца к папе. Знатоки польских рукописей XVI—XVII вв., гг. И. А. Бодуэн де Куртенэ и С. Л. Пташицкий, склонны думать, что манускрипт писан по-польски русским (и даже московским) человеком.

При разногласии исследователей и неполноте исторических данных составить себе определенное мнение о личности названного Дмитрия трудно. Большинство историков признает в нем Григория Отрепьева; Костомаров прямо говорит, что ничего не знает о его личности, а В. С. Иконников и граф С. Д. Шереметев признают в нем настоящего царевича. Бесспорно, однако, то, что Отрепьев участвовал в этом замысле: легко может быть, что роль его ограничивалась пропагандой в пользу самозванца. (Есть известия, что Отрепьев приехал в Москву вместе с Лжедмитрием, а потом был сослан им за пьянство.) За наиболее верное можно также принять и то, что Лжедмитрий — затея московская, что это подставное лицо верило в свое царственное происхождение и свое восшествие на престол считало делом вполне справедливым и честным.

Но остановимся подробно на обычных рассказах о странствованиях самозванца на Руси и Польше; в них трудно отличить быль от сказки. Обыкновенно об Отрепьеве повествуют так: в молодости он живал во дворе у Романовых и у князей Черкасских, странствовал по разным монастырям, приютился в Чудове монастыре и был взят к патриарху Иову для книжного письма. Потом он бежал в Литву, пропадал несколько времени безвестно и вновь выплыл, явившись слугой у кн. Вишневецкого; там, во время болезни, открыл свое царское происхождение. Вишневецкие и Мнишек первые пустили в ход самозванца в польском обществе. Как только самозванец стал известен и основался у Мнишков в их замке Самборе, около него явились францисканцы и овладели его умом, склонив его в латинство; иезуиты продолжали их дело, а ловкая панна Марина Мнишек завладела сердцем молодого царевича.

Будучи представлен к польскому двору и признан им в качестве царевича, самозванец получает поддержку, во-первых, в Римской курии, в глазах которой он служил прекрасным предлогом к открытию латинской пропаганды в Московской Руси, во-вторых, в польском правительстве, для которого самозванец казался очень удобным средством или приобрести влияние в Москве (в случае удачи самозванца), или произвести смуту и этим ослабить сильную соседку; в-третьих, в бродячем населении южных степей и в известной части польского общества, деморализованной и склонной к авантюризму. При этом нужно, однако, заметить, что взятое в целом польское общество сдержанно относилось к делу самозванца и не увлекалось его личностью и рассказами. О приключениях московского царевича канцлер и гетман Ян Замойский выражался с полным недоверием: «Это комедия Плавта или Теренция, что ли» (Czy to Plavti, czy Terentiuszova comaedia). Не верили самозванцу лучшие части польского общества, не верил ему и польский сейм 1605 г., который запретил полякам поддерживать самозванца и решил их за это наказывать. Хотя король Сигизмунд III и не держался

этих постановлений сейма, однако он и сам не решался открыто и официально поддерживать самозванца и ограничился тем, что давал ему денежную субсидию и позволял вербовать в свою дружину охочих людей. Яснее выражала свои симпатии к «несчастному царевичу» Римская курия. С такой поддержкой, с войском из поляков, а главным образом казаков, Дмитрий выступил на Русь и имел успех в южных областях ее: там его охотно признавали. Некоторые отдельные стычки самозванца с московскими войсками ясно показали, что с его жалкими отрядами он никогда бы не достиг Москвы, если бы Борисово войско не было в каком-то странном состоянии моральной растерянности. Имя царевича Дмитрия, последней ветви великого царского рода, лишало московские войска всякой нравственной опоры: не будучи в состоянии проверить слухи о подлинности этого воскресшего царевича, московские люди готовы были верить в него и по своим религиозным и политическим взглядам не могли драться против законного царя. А боярство, в известной своей части, было просто радо успехам самозванца и давало ему возможность торжествовать над царскими войсками, в успехе Лжедмитрия предвидя гибель ненавистных Годуновых.

А гибель Годуновых была близка. В то время, когда положение дел в Северском крае было очень неопределенно, когда слабый Лжедмитрий, усиливаясь час от часу от бездействия царских воевод, становился все опаснее и опаснее, умирает царь Борис с горьким сознанием, что он и его семья лишены всякой почвы под ногами и побеждены призраком законного царя. При сыне Бориса, когда не стало обаяния сильной личности Бориса, дела самозванца пошли и скорее, и лучше. Боярство начало себя держать более определенно: новый воевода Басманов со всем войском прямо передался на сторону Дмитрия. Самозванца признали настоящим царем все высшие боярские роды, и он триумфальным шествием двинулся к Москве.

Настроение умов в самой Москве было очень шатко. 1 июня 1605 г. в Москву явились от самозванца Плещеев и Пушкин, остановились в одной из московских слобод и читали там грамоту самозванца, адресованную москвичам. В грамоте описывалась вся история царевича, его спасение, военные успехи; грамота кончалась обещанием всевозможных льгот народу. Плещеева и Пушкина народ повлек в Китай-город, где снова читали грамоту на Красной площади. Толпа не знала, чему верить в этом деле, и решила спросить Василия Шуйского, который вел следственное дело об убийстве царевича Дмитрия и лучше других знал все обстоятельства смерти этого последнего. Шуйский вышел, говорят, к народу, совершенно отрекся от своих прежних показаний и уверил, что Борис послал убить царевича, но царевича спасли, а был убит поповский сын. Тогда народ бросился в Кремль, схватил царя Федора с матерью и сестрой и перевел их в прежний Борисов боярский дом, а затем начал грабить иноземцев, «Бори-

совых приятелей». Вскоре затем приехали от самозванца в Москву князь Голицын и Масальский, чтобы «покончить» с Годуновыми. Они сослали патриарха Иова в Старицу, убили царя Федора и его мать, а его родню подвергли ссылке и заточению. Так кончилось время Годуновых.

20 июня 1605 г. Дмитрий с торжеством въехал в Москву при общем восторге уверовавших в него москвичей. Через четыре дня (24 июня) был поставлен новый патриарх, грек Игнатий, одним из первых признавший самозванца. Скоро были возвращены из ссылки Нагие и Романовы. Старший из Романовых, монах Филарет, был поставлен митрополитом Ростовским. За инокиней Марфой Нагой, матерью Дмитрия, ездил знаменитый впоследствии князь М. В. Скопин-Шуйский. Признание самозванца со стороны Марфы сыном и царевичем должно было окончательно утвердить его на московском престоле, и она признала его. В июле ее привезли в Москву и произошло первое трогательное свидание с ней Лжедмитрия. Инокиня Марфа прекрасно представилась нежной матерью; Дмитрий обращался с ней, как любящий сын. При Дмитрии мы имеем много свидетельств, доказывающих, что он верил в свое царское происхождение и должен был считать Марфу действительно своей матерью, так что его нежность при встрече с ней могла быть вполне искренна. Но совершенно иначе представляется поведение Марфы. Внешность самозванца была так исключительна, что, кажется, и самая слабая память не могла бы смешать его с покойным Дмитрием. Для Марфы это тем более немыслимо, что она не разлучалась со своим сыном, присутствовала при его смерти, горько его оплакивала. В нем были надежды всей ее жизни, она его берегла, как зеницу ока, и ей ли было его не знать? Ясно, что нежность ее к самозванцу проистекала из того, что этот человек, воскрешая в себе ее сына, воскрешал для нее то положение царской матери, о котором она мечтала в угличском заточении. Для этого положения она решилась на всенародное притворство, малодушно опасаясь возможности новой опалы в том случае, если бы оттолкнула от себя самозванного сына.

В то самое время, как инокиня Марфа, признавая подлинность самозванца, способствовала его окончательному торжеству и утверждала его на престоле, Василий Шуйский ему уже изменил. Этот человек не стеснялся менять свои показания в деле Дмитрия: в 1591 г. он установил факт самоубийства Дмитрия и невиновность Бориса; после смерти Годунова перед народом обвинял его в убийстве, признал самозванца подлинным Дмитрием и этим вызвал свержение Годуновых. Но едва Лжедмитрий был признан Москвой, как Шуйский начал против него интригу, объявляя его самозванцем. Интрига была вовремя открыта новым царем, и он отдал Шуйского с братьями на суд выборным людям, земскому собору. На соборе, вероятно, составленном из одних москвичей, никто «не пособствовал» Шуйским, как

выражается летопись, но «все на них кричали» — и духовенство, и «бояре, и простые люди». Шуйские были осуждены и отправлены в ссылку, но очень скоро прощены Лжедмитрием. Это прощение в таком щекотливом для самозванца деле, как вопрос об его подлинности, равно и то обстоятельство, что такое дело было отдано на суд народу, ясно показывает, что самозванец верил, что он «прирожденный», истинный царевич; иначе он не рискнул бы поставить такой вопрос на рассмотрение народа, знавшего и уважавшего Шуйских за их постоянную близость к московским царям.

Москвичи мало-помалу знакомились с личностью нового царя. Характер и поведение царя Дмитрия производили различное впечатление — перед москвичами, по воззрениям того времени, был человек образованный, но невоспитанный, или воспитанный, да не по московскому складу. Он не умел держать себя сообразно своему царскому сану, не признавал необходимости того этикета, «чина», какой окружал московских царей; любил молодечествовать, не спал после обеда, а вместо этого запросто бродил по Москве. Не умел он держать себя и по православному обычаю, не посещал храмов, любил одеваться по-польски, по-польски же одевал свою стражу, водился с поляками и очень их жаловал; от него пахло ненавистным Москве латинством и Польшей.

Но и с польской точки зрения это был невоспитанный человек. Он был необразован, плохо владел польским языком, еще плоше — латинским, писал «in perator» вместо «imperator». Такую особу, какой была Марина Мнишек, личными достоинствами он, конечно, прельстить не мог. Он был очень некрасив: разной длины руки, большая бородавка на лице, некрасивый большой нос, волосы торчком, несимпатичное выражение лица, лишенная талии неизящная фигура — вот какова была его внешность. Брошенный судьбой в Польшу, умный и переимчивый, без тени расчета в своих поступках, он понахватался в Польше внешней «цивилизации», кое-чему научился и, попав на престол, проявил на нем любовь и к Польше, и к науке, и к широким политическим замыслам вместе со вкусами степного гуляки. В своей сумасбродной, лишенной всяческих традиций голове он питал утопические планы завоевания Турции, готовился к этому завоеванию и искал союзников в Европе. Но в этой странной натуре заметен был некоторый ум. Этот ум проявлялся и во внутренних делах, и во внешней политике. Следя за ходом дел в Боярской думе, самозванец, по преданию, удивлял бояр замечательной остротой смысла и соображения. Он легко решал те дела, о которых долго думали и долго спорили бояре. В дипломатических сношениях он проявлял много политического такта. Чрезвычайно многим обязанный римскому папе и королю Сигизмунду, он был с ними, по-видимому, в очень хороших отношениях, уверял их в неизменных чувствах преданности, но вовсе не спешил подчинить русскую церковь папству, а русскую политику — влиянию

польской дипломатии. Будучи в Польше, он принял католичество и надавал много самых широких обещаний королю и папе, но в Москве забыл и католичество, и свои обязательства, а когда ему о них напоминали, отвечал на это предложением союза против турок: он мечтал об изгнании их из Европы.

Но для его увлекающейся натуры гораздо важнее всех политических дел было его влечение к Марине; оно отражалось даже на его дипломатических делах. Марину он ждал в Москву с полным нетерпением. В ноябре 1605 г. был совершен в Кракове обряд их обручения, причем место жениха занимал царский посол Власьев. (Этот Власьев во время обручения поразил и насмешил поляков своеобразием манер. Так, во время обручения, когда по обряду спросили, не давал ли Дмитрий кому-нибудь обещания, кроме Марины, он отвечал: «А мне как знать? О том мне ничего не наказано!») В Москву, однако, Марина приехала только 2 мая 1606 г., а 8-го происходила свадьба. Обряд был совершен по старому русскому обычаю, но русских неприятно поразило здесь присутствие на свадьбе поляков и несоблюдение некоторых, хотя и мелких, обрядностей. Не нравилось народу и поведение польской свиты Мнишков, наглое и высокомерное. Царь Дмитрий с его польскими симпатиями не производил уже прежнего обаяния на народ; хотя против него и не было общего определенного возбуждения, но народ был недоволен и им, и его приятелями-поляками; однако это неудовольствие пока не высказывалось открыто.

Лжедмитрий сослужил свою службу, к которой предназначался своими творцами, уже в момент своего воцарения, когда умер последний Годунов — Федор Борисович. С минуты его торжества в нем боярство уже не нуждалось. Он стал как бы орудием, отслужившим свою службу и никому более не нужным, даже лишней обузой, устранить которую было бы желательно, ибо, если ее устранить, путь к престолу будет свободен достойнейшим в царстве. И устранить это препятствие бояре стараются, по-видимому, с первых же дней царствования самозванца. Как интриговали они против Бориса, так теперь открывают поход на Лжедмитрия. Во главе их стал Шуйский, как прежде, по мнению некоторых, стоял Богдан Бельский. Но на первый раз Шуйские слишком поторопились, чуть было не погибли и, как мы видели, были сосланы. Урок этот не пропал им даром; весной 1606 г. В. И. Шуйский вместе с Голицыным начал действовать гораздо осторожнее; они успели привлечь на свою сторону войска, стоящие около Москвы; в ночь с 16 на 17 мая отряд их был введен в Москву, а там у Шуйского было уже достаточно сочувствующих. Однако заговорщики, зная, что далеко не все в Москве непримиримо настроены против самозванца, сочли нужным обмануть народ и бунт подняли якобы за царя, против поляков, его обижавших. Но дело скоро объяснилось. Царь был объявлен самозванцем и убит 17 мая утром.

«Истинный царевич», которого еще так недавно трогательно встречали и спасению которого так радовались, сделался «расстригой», «еретиком» и «польским свистуном». Во время этого переворота был свергнут патриарх Игнатий и убито от 2000 до 3000 русских и поляков. Московская чернь начинала уже приобретать вкус к подобного рода делам.

Второй период смуты: разрушение государственного порядка

Воцарение кн. В. И. Шуйского. Москва осталась без царя. По удачному выражению Костомарова, «Дмитрий уничтожил Годуновых и сам исчез, как призрак, оставив за собой страшную пропасть, чуть было не поглотившую Московское государство». («Кто был первый Лжедмитрий», с. 62). Действительно, после смерти Федора хозяином была Ирина, а еще более Борис, по смерти Годуновых — Дмитрий, а после него не было никого или, вернее, готовилась хозяйничать боярская среда: на поле битвы она осталась единой победительницей. Сохранилось известие, что еще до свержения Дмитрия бояре, восставшие на самозванца, сделали уговор, что тот из них, кому Бог даст быть царем, не будет мстить за прежние «досады», а должен управлять государством «по общему совету». Очевидно, мысль об ограничении, в первый раз всплывшая при Борисе к 1598 г., теперь была снова вспомянута. Так как царь и из своей братии мог быть «не сладок» боярству, как не сладок был ему Борис с 1601 г., то боярство желало, с одной стороны, оформления своего положения, а с другой, участия в управлении. Но тот же факт избрания Бориса должен был привести на память боярам, кроме приятных им гарантий, и то еще, что Борис был избран на царство собором всей земли. А это соборное избрание было в данную минуту совсем нежелательным прецедентом для боярства, как среды, получившей всю власть в свои руки. Поэтому обошлись без собора.

Москва после переворота не скоро пришла в себя. И 17 и 18 мая настроение в городе было необычное. Ранним утром 19 мая народ собрался на Красной площади; духовенство и бояре предложили ему избрать патриарха, который бы разослал грамоты для созвания «советных людей» на избрание царя, но в толпе закричали, что нужнее царь и царем должен быть В. И. Шуйский. Такому заявлению из толпы никто не спешил противоречить, и Шуйский был избран царем. Впрочем, трудно здесь сказать «избран»: Шуйский, по счастливому выражению современников, просто был «выкрикнут» своими «доброхотами», и это не прошло в народе незамеченным, хотя правительство Шуйского и хотело представить его избрание делом всей земли.

С нескрываемым чувством неудовольствия говорит об избрании Шуйского летопись, что не только в других городах не знали,

«да и на Москве не ведали многие люди», как выбирали Шуйского. И рядом с этим известием встречается у того же летописца очень любопытная заметка, что Шуйский при своем венчании на царство в Успенском соборе вздумал присягать всенародно в том, «чтобы ни над кем не сделать без собору никакого дурна», т. е. чтобы суд творить и управлять при участии земского собора, по прямому смыслу летописи. Но бояре и другие люди, бывшие в церкви, стали будто бы говорить Шуйскому, что этого на Руси не повелось и чтобы он новизны не вводил. Сопоставляя это летописное сообщение с дошедшей до нас крестоцеловальной записью Шуйского, на которой он присягал в соборе, мы замечаем между этими двумя документами существенную разницу в смысле их показаний. В записи дело представляется иначе: о соборе там не упоминается ни словом, а новый царь говорит: «Позволил есми яз ... целовати крест на том, что мне, великому государю, всякого человека, не осудя истинным судом с бояры своими смерти, не предати, и вотчин и дворов и животов у братии их и у жен и у детей не отымати, будет, которые с ними в мысли не были, также у гостей и у торговых и у черных людей, хотя который по суду и по сыску дойдет и до смертныя вины, и после их у жен и у детей дворов и лавок и животов не отымати, будет с ними он в той вине невинны. Да и доводов ложных мне, великому государю, не слушати, а сыскивати всякими сыски накрепко и ставяти с очей на очи, чтобы в том православное христианство безвинно не гибло; а кто на кого солжет, и сыскав того казнити, смотря по вине его».

В этих словах обыкновенно видят подлинные условия ограничений, которые предложены были Шуйскому боярством. Если точнее формулировать эту присягу Шуйского, то мы можем свести ее к трем пунктам: 1) Царь Шуйский не имеет власти никого лишать жизни без приговора думы. Как мы уже знаем, существует известие, что бояре условились еще до избрания царя «общим советом... царством управлять». Но если летописец не ошибся, и в Успенском соборе Шуйский действительно присягал на имя собора, а не боярской думы, то мы имеем право предполагать, что это с его стороны было попыткой заменить боярское ограничение ограничением всей земли. Однако эта попытка, если она была, оказалась неудачной. Народ отверг ограничение, добровольно на себя налагаемое Шуйским, а бояре от своего уговора не отказались, и в грамотах Шуйского ограничительное значение придается именно боярской думе. 2) Далее В. И. Шуйский целовал крест на том, что он, вместе с виновными в каком-либо преступлении, не будет подвергать гонению их невинную родню. Это обязательство Шуйского одинаково относится как к боярству, так и к прочим чинам, служилым и тяглым. Обычай преследования целого рода за проступок одного его члена в делах политических существовал в Москве; его держались и Борис, и другие государи. Теперь постарались об отмене этого обычая

и приняли во внимание интересы не только боярства, но и прочих людей. 3) Наконец, В. И. Шуйский обязывался не давать веры доносам, не проверив их тщательным следствием; если донос окажется несправедливым, то доносчик должен быть наказан. В этом пункте присяги нового царя слышится нам намек на доносы времени Годунова, когда они были возведены в систему и явились величайшим злом. Этими тремя условиями исчерпываются все обещания Шуйского. Во всей только что разобранной записи трудно найти действительное ограничение царского полновластия, а можно видеть только отказ этого полновластия от недостойных способов его проявления; царь обещает лишь воздерживаться от причуд личного произвола и действовать посредством суда бояр, который существовал одинаково во все времена Московского государства и был всегда правоохранительным и правообразовательным учреждением, не ограничивающим, однако, формально власти царя.

Итак, Шуйский вступил на престол не законным избранием земли, а умыслом бояр, от которых и должен был стать в зависимость. Переворот 17—19 мая 1606 г. случился так неожиданно для всей страны и произошел так быстро, что для земли должны были казаться совсем необъяснимой новостью и самозванство Дмитрия, и его свержение, и выбор Шуйского. Все эти происшествия упали, как снег на голову, и стране необходимо было показать законность замены царя Дмитрия царем Василием. Это и старался сделать Шуйский со своим правительством, разослав в города тотчас по воцарении окружные грамоты от своего имени, от имени бояр и от имени царицы Марии Нагой, т. е. инокини Марфы. В этих грамотах царь Василий старается доказать народу: 1) что свергнутый царь был самозванец, 2) что он, Шуйский, имеет действительные права на престол и 3) что избран он законно, а не сам пожаловал себя в цари.

Что Дмитрий был самозванец, объявлял в своих грамотах сам В. И. Шуйский. Свергнутого царя Дмитрия он называл Гришкой Отрепьевым и доказывал это подбором фактов, не особенно строгим, как можно в этом убедиться теперь. То же доказывали в своих грамотах бояре и другие московские люди, причем в подборе фактов и они не особенно стеснялись; доказывала это в особой грамоте и Марфа Нагая. Она сознается тут, что Гришка Отрепьев устрашил ее угрозами и что признала она его страха ради, но в то же время пишет (а вернее, за нее пишут другие), что тайно она говорила боярам о его самозванстве, а теперь свидетельствует об этом всенародно.

Но, слушая все эти грамоты, русские люди знали, что Шуйский постоянно переметывался со стороны на сторону в этом деле, что сам же он заставил Москву уверовать в подлинность царя Дмитрия, что Марфа (достойная сотрудница Шуйского и такой же, как и он, образец политической безнравственности того времени) когда-то с восторгом принимала ласки самозванца и очень

тепло на них отвечала. При таких обстоятельствах много оставалось места недоразумениям и сомнениям и их нельзя было рассеять двумя-тремя грамотами. Это, конечно, понимал и сам Шуйский. Он в июне 1606 г., тотчас же по вступлении на престол, помимо всяких других доказательств самозванства прежнего царя, канонизирует царевича Дмитрия и 3 июня торжественно переносит его мощи из Углича в Москву в Архангельский собор, обращая таким образом это религиозное торжество в средство политического убеждения.

Второе, что старался доказать Шуйский,— это прирожденные свои права на престол. Здесь он не только опирается на простое родство с угасшей династией, но и старается доказать свое старшинство перед родом московских царей Даниловичей. Род Шуйских, как и род князей московских, принадлежал к прямому потомству Александра Ярославича Невского, и Шуйские действительно производили себя от старшей, сравнительно с московскими Даниловичами, линии суздальских князей. Но это отдаленное старшинство мало теперь значило в глазах народа, и одно, само по себе, не могло оправдать воцарения Шуйского. Для этого необходимо было участие воли народной, санкция земского собора, а этим-то новый царь и пренебрег.

Однако, несмотря на это, в грамотах к народу царь Василий, кроме самозванства Дмитрия и своих прав на престол, старается доказать еще правильность и законность своего выбора. Он пишет, что «учинился на отчине прародителей своих избранием всех людей *Московского государства*». В XVI и XVII вв. наши предки «государствами» называли те области, которые когда-то были самостоятельными политическими единицами и затем вошли в состав Московского государства. С этой точки зрения, тогда существовали «Новгородское государство», «Казанское государство», а «Московское государство» часто означало собственно Москву с ее уездом. Если же хотели выразить понятие всего государства в нашем смысле, то говорили: «все великие государства Российского царствия» или просто «Российское царство». Любопытно, что Шуйский совсем не употреблял этих последних выражений, говоря об избрании своем; выбирали его «всякие люди Московского государства», а не «все люди всех государств Российского царствия», как бы следовало ему сказать и как писали и говорили при избрании Михаила Федоровича в 1613 г. В этом, пожалуй, можно видеть осторожность со стороны Шуйского. Он как будто хотел обмануть наполовину и не хотел обманывать совсем. Но обмануть законностью своего избрания Шуйскому не удалось. Для народа, конечно, не могла остаться тайной настоящая обстановка избрания Шуйского: вся Москва вплоть до малого ребенка знала, что посажен Василий не всем народом, а своей «кликой», и что его не избрали, а выкрикнули. В избрании и поведении Шуйского была непозволительная фальшь, и эту фальшь не могли не чувствовать московские люди.

Много было обстоятельств, мешающих народу относиться доверчиво к новому правительству. Личность нового царя далеко не была так популярна, как личность Бориса. Новый царь захватил престол, не дожидаясь земского собора, а многие помнили, что Борис ожидал этого собора шесть недель. Новый царь очень сбивчиво и темно говорил как о самозванстве, так и о свержении Дмитрия, про которого сам же прежде свидетельствовал, что это истинный царевич. Наконец, необычайность самых событий, разыгравшихся в Москве, способна была возбудить много толков и сомнений. Все это смущало народ и лишало новое правительство твердой опоры в населении. Силой самих обстоятельств Шуйский должен был при своем воцарении опереться на боярскую партию и не мог опереться на весь народ, в этом и заключалось его несчастье. Народ, признавая Шуйского царем, не был соединен с ним той нравственной связью, той симпатией, которая одна в состоянии сообщить власти несокрушимую силу. Шуйский не был народом посажен на царство, а сел на него сам, и народная масса, смотря на него косо, чуждалась его, давала возможность свободно бродить всем дурным общественным сокам. Это брожение, направляясь против порядка вообще, тем самым направлялось против Шуйского, как представителя этого порядка, хотя, может быть, представителя и неудачного.

А дурных соков было много во всех общественных слоях и во всех местах Русской земли. Та часть боярства, которая с Шуйским была во власти, проявляла олигархические вкусы, ссылая на дальние воеводства не угодных ей, не приставших к заговору и верных Лжедмитрию бояр (М. Салтыков, Шаховской, Масальский, Бельский), давала волю своим противообщественным личным стремлениям. Современники говорят, что при Шуйском бояре имели больше власти, чем сам царь, ссорились с ними,— словом, делали, что хотели. Другая часть боярства, не попавшая во власть, не имевшая влияния на деле и недовольная вновь установившимся порядком, стала, по своему обыкновению, в скрытую оппозицию. Во имя кого и чего могла быть эта оппозиция? Конечно, во имя своих личных выгод и раз уже испытанного самозванца. Не говоря уже о казачестве, которое жило в лихорадке и сильно бродило, раз проводив самозванца до Москвы,— и «русский материк», как выражается И. Е. Забелин, т. е. средние сословия народа, на которых держался государственный порядок, были смущены происшедшими событиями и кое-где просто не признали Шуйского во имя того же Дмитрия, о котором ничего достоверного не знали, в еретичество и погибель которого не верили, а Шуйского на царство не хотели. И верх и низ общества или потеряли чувство правды во всех политических событиях и не знали, во имя чего противостать смуте, или были сами готовы на смуту во имя самых разнообразных мотивов.

Смута в умах очень скоро перешла в смуту на деле. С первого же дня царствования Шуйского началась эта смута и смела царя,

как раньше смела Бориса и Лжедмитрия. Но теперь, во время Шуйского, смута имеет иной характер, чем имела она прежде. Прежде она была, так сказать, дворцовой, боярской смутой. Люди, стоявшие у власти, спорили за исключительное обладание ею еще при Федоре, чувствуя, как будет важно это обладание в момент прекращения династии. В этот момент победителем остался Борис и завладел престолом. Но затем и его уничтожила придворная боярская интрига, действовавшая, впрочем, средствами не одной придворной жизни, а вынесенная наружу, возбудившая народ. В этой интриге, результатом которой явился самозванец, таким образом, участвовали народные массы, но направлялись и руководились они, как неразумная сила, из той же дворцовой боярской среды. Заговор, уничтоживший самозванца, равным образом имел характер олигархического замысла, а не народного движения. Но далее дело пошло иначе. Когда олигархия осуществилась, то олигархи с Шуйским во главе вдруг очутились лицом к лицу с народной массой. Они не раз для своих целей поднимали эту массу; теперь, как будто приучась к движению, эта масса заколыхалась, и уже не в качестве простого орудия, а как стихийная сила, преследуя какие-то свои цели. Олигархи почувствовали, что нити движений, которые они привыкли держать в своих руках, выскользнули из их рук, и почва под их ногами заколебалась. В тот момент, когда они думали почить на лаврах в роли властей Русской земли, эта Русская земля начала против них подниматься. Таким образом, воцарение Шуйского может считаться поворотным пунктом в истории нашей смуты: с этого момента из смуты в высшем классе она окончательно принимает характер смуты народной, которая побеждает и Шуйского, и олигархию.

Если следить хронологически, постепенно за развитием смуты в этот новый период, то невольно теряешься в массе подробностей, но, внимательно к ним присматриваясь, получаешь возможность различить здесь три основных факта: 1) первоначальное движение против Шуйского, в котором первая роль принадлежит Болотникову; 2) появление тушинского вора и борьба Москвы с Тушином и 3) иноземное вмешательство в смуту. Эти факты, однако, не сменяются постепенно один другим, а развиваются часто параллельно, рядом. Когда Болотников, потеряв шансы на успех, сидит еще крепко в осаде от Шуйского, является тушинский вор; в разгаре борьбы Шуйского с вором являются на Руси шведы и поляки.

Обратимся сначала к первому из указанных фактов — к движению Шаховского и Болотникова. Еще не успели убрать с Красной площади труп Лжедмитрия, как разнесся слух, даже в самой Москве, как это ни кажется странным, что убили во дворце не Дмитрия, а кого-то другого. Еще ранее, в самый день переворота, один из приверженцев самозванца, Михаил Молчанов, бежал из Москвы, пробрался к литовской границе и явился в Самбор

распространять слухи о спасении царя. На себя брать роль самозванца Молчанов вовсе не желал, а подыскивал кого-нибудь другого, кто решился бы выступить в такой роли и был бы к ней способен.

Слухи о Дмитрии сделали положение Шуйского сразу очень шатким. Недовольных было очень много, и они хватались за имя Дмитрия; одни потому, что искренно верили в спасение его при перевороте, другие потому, что кроме его имени не было другого такого, которое могло бы их соединить и придать восстанию характер законной борьбы за правду. Одновременно со слухами, распускаемыми Молчановым, такие же слухи появились в северских городах и там всего раньше вызвали действительную смуту. Князь Григорий Шаховской, приверженец Лжедмитрия, сосланный за это на воеводство в Путивль, немедленно показал Шуйскому неудобство такого рода наказания. Он объявил в Путивле, что Дмитрий жив, и сразу поднял против Шуйского весь город во имя этого Дмитрия. По примеру Путивля очень скоро поднимаются и другие северские города, между прочим Елец и Чернигов. В Чернигове начальствовал князь Андрей Телятевский, который год тому назад долго не хотел перейти на сторону Лжедмитрия, а теперь, когда Лжедмитрий был убит, сразу переходит на сторону его призрака, не зная еще, когда и где этот призрак воплотится. Это его, быть может, и не особенно интересовало, потому что поднялся он за Дмитрия исключительно по неприязни к Шуйскому. Когда затем царские войска, посланные усмирить мятежные города, были мятежниками разбиты, то к движению против Шуйского на юг примкнули и другие города, в числе их Тула и Рязань. Дальше возникли беспорядки в поволжских городах. В Перми явилась смута между войсками, набранными для царя; они начали побивать друг друга и разбежались со службы. В Вятке открыто бранили Шуйского и сочувствовали Дмитрию, которого считали живым. Во многих местностях поднимались крестьяне и холопы. Смутами пользовались инородцы, обрадованные случаем сбросить с себя подчинение русским. Они действовали заодно с крестьянскими шайками. Мордва, соединясь с холопами и крестьянами, осадила Нижний Новгород. В далекой Астрахани поднялся на царя народ и казаки. В самой Москве было заметно брожение в народе, хотя не доходившее до возмущения, но очень беспокоившее Шуйского.

Все эти волнения, происходя в разных местностях без всякой связи одно с другим, различаются и мотивами, и деятелями: в них участвуют люди разных сословий и положений, и преследуются очень разнообразные цели. Всех серьезнее было движение на юге, в Северской земле. В центре его стоял первоначально Шаховской. Поднял он движение во имя Дмитрия, но не находил человека, который взял бы на себя его роль, а такой человек был ему необходим, иначе движение в народе могло заглохнуть.

Боясь этого и узнав, что Молчанов выдавал себя за Дмитрия, Шаховской звал его к себе, но Молчанов не ехал, и поднятое дело

грозило неудачей. В это время случай послал Шаховскому выдающуюся энергией и способностями, любопытную личность Ивана Болотникова. Жизнь этого человека полна приключений: он был холопом князя Телятевского, как-то попал в плен к татарам, был продан туркам и несколько лет работал в Турции на галерах. Затем неизвестно как освободился оттуда и попал в Венецию. Из Венеции он пробрался через Польшу на Русь, но в Польше его задержали. Там он встретился с Молчановым, и тот нашел его пригодным для своих дел человеком, сблизился с ним и послал его в Путивль к Шаховскому. Шаховской принял Болотникова хорошо и поручил ему целый отряд. Болотников скоро нашел легкое средство увеличить свой отряд. Он призывает под свои знамена скопившихся на Украйне подонков: гулящих людей, разбойников, беглых крестьян, холопей,— обещает им именем несуществующего Дмитрия прощение и льготы. Рассылая своих агентов и свои грамоты, он везде, где может, поднимает низшие классы не только против Шуйского и не только за Дмитрия, но и против высших классов и этим самым сообщает смуте до некоторой степени характер социального движения.

При первой встрече Болотникова с царскими войсками у Ельца и Кром победа осталась на его стороне, и это очень подействовало на успех восстания в южной половине государства. Поднялись Тула, Венев, Кашира, Орел, Калуга, Вязьма, некоторые тверские города, хотя сама Тверь и осталась верна Василию Шуйскому. С особенной силой и энергией проявилось движение в Рязани, где во главе этого движения стали: Григорий Сунбулов и дворяне, два брата Ляпуновых — Прокопий и Захар. Рязанское население отличалось, по отзывам сказателей того времени, особенно храбрым и дерзким характером. Благодаря своему географическому положению, Рязанской земле приходилось чаще других подвергаться татарским нашествиям и быть оплотом Руси от татар. Немудрено, что сложился у рязанцев такой суровый и воинственный характер и что летописцы отзываются о них, как о народе удивительном по дерзости и «высоким речам». Братья Ляпуновы были весьма типичными представителями своего края, отличались замечательной энергией, действовали очень решительно и смело, и действовали порывом, жили впечатлением, а не спокойной трезвой жизнью. По своим выдающимся личным способностям Ляпуновы (особенно Прокопий) могли стать во главе восстания в Рязани и сделать его опасным для Шуйского. И действительно, в Рязани очень скоро составилось ополчение против Шуйского. То же произошло и в Туле, где во главе восстания стал сын боярский Истома Пашков. Как тульское, так и рязанское ополчение были, по преимуществу, дворянскими и направлялись против боярского правительства Шуйского за Дмитрия. На своем пути к Москве эти дворянские ополчения соединились с шайками Болотникова, которые несли с собой общее разорение и вражду не вполне политического характера.

Они шли не только против правительства Шуйского, но и против существовавшего тогда общественного строя. И немного надо проницательности, чтобы понять, что в данном случае во имя Дмитрия соединились социальные враги. Стремления холопей и гулящего люда, шедшего с Болотниковым, были совершенно противоположны стремлениям дворянства, бывшего тогда тем высшим классом, против которого возбуждал Болотников Украину. Заранее можно было видеть, что этот союз Ляпуновых с Болотниковым должен был прерваться, как только союзники ознакомятся друг с другом. Так и случилось. Соединенные ополчения мятежников, подойдя к Москве, остановились в подмосковном селе Коломенском. Положение Шуйского стало крайне опасным: вся южная половина государства была против него и мятежные войска осаждали его в Москве. Не только для подавления восстания, но даже для защиты Москвы у него не было войска. В самой Москве недоставало хлеба, так как подвоз его был прекращен мятежниками; открылся голод. «А кто же хотел терпеть голод для Шуйского»,— метко замечает Соловьев (VIII, с. 163). Но на этот раз Шуйский уцелел, благодаря тому что у его врагов очень скоро открылась рознь: дворянское ополчение узнало симпатии и цели своих союзников по их разбойничьему поведению. Болотников и не скрывал своих намерений: он посылал в Москву грамоты и в них открыто поднимал чернь на высшие классы. Об этом мы узнаем из грамот избранного при Шуйском патриарха Гермогена, который говорит, что воры из Коломенского «пишут к Москве проклятые свои листы и велят боярским холопам побивати своих бояр и жен их и вотчины и поместья им сулят и шпыням и безыменником вором (т. е. черни) велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити, и призывают их воров к себе и хотят им давати боярство и воеводство и окольничество и дьячество».

Такое поведение и направление Болотникова и его шаек заставило рязанских и тульских дворян отшатнуться от дальнейшего единения с ними и перейти на сторону Шуйского, который был все-таки охранителем и представителем государственного порядка, хотя, может быть, и несимпатичным. Первые заводчики мятежа против Шуйского, Сунбулов и Ляпунов, первые же явились к нему с повинной. За ними стали переходить и другие рязанские и тульские дворяне. Тогда же на помощь Шуйскому подоспели дворянские ополчения из Твери, из Смоленска; и дело Шуйского было выиграно. Он стал уговаривать Болотникова «отстать от воровства», но Болотников бежал на юг, подошел к Серпухову и, узнав, что там мало запасов на случай осады, ушел в Калугу, где запасов было много. Оттуда он перешел в Тулу и засел в ней вместе с казачьим самозванцем Петром, которого призвал к себе, не дождавшись Дмитрия. Этот Петр был оригинальным самозванцем. Он явился при жизни Лжедмитрия среди терских казаков и выдавал себя за сына царя Федора, родившегося будто бы

в 1592 г. и в действительности никогда не существовавшего. Он начал свои действия с того, что послал известить о себе царя Дмитрия, который желал вызвать к себе поближе этого проходимца с его шайкой, чтобы лучше и вернее его захватить. Но на дороге в Москву Лжепетр узнал о погибели Дмитрия, обратился назад, сошелся с Шаховским и вместе с ним пошел к Болотникову в Тулу. Таким образом Тула стала центром движения против Шуйского. Однако ни Шаховской, ни Болотников не удовольствовались Лжепетром и, как прежде, хлопотали о самозванце, способном заменить убитого Лжедмитрия. Такой наконец явился, хотя и не успел соединиться с ними. Весной 1607 г. Шуйский решился действовать энергично, осадить Тулу. Стоял под ней целое лето, устроил плотину на р. Упе, затопил весь город и выморил мятежников голодом. В октябре 1607 г. Тула сдалась царю Василию. Болотников был сослан в Каргополь и утоплен, Шаховского сослали в пустыню на Кубенское озеро, а Лжепетра повесили. Шуйский с торжеством вернулся в Москву, но недолго ему пришлось праздновать победу.

Появление второго самозванца. В то время, когда Шуйский запер Болотникова в Туле, явился второй Дмитрий самозванец, прозвищем Вор. Кто он был — неизвестно. Толковали о нем разно: одни говорили, что это попов сын из Северской стороны, другие называли его дьячком, третьи — царским дьяком и т. д. Впервые его след появился в Пропойске (порубежном литовском городе), где он сидел в тюрьме. Чтобы выбраться оттуда, он объявил себя родней Нагих и просил, чтобы его отпустили на Русь, в Стародуб. Добравшись до Стародуба, он посылает оттуда какого-то своего приятеля по Северской стороне объявлять, что Дмитрий жив и находится в Стародубе. Стародубцы уверовали в самозванца и стали помогать ему деньгами и рассылать о нем грамоты другим городам. Вокруг Вора скоро собралась дружина, но не земская: составилась она из польских авантюристов, казачества и всяких проходимцев. Никто из этого сброда не верил в действительность царя, которому служил. Поляки обращались с самозванцем дурно, казаки тоже относились к нему так, как к своим собственным самозванцам, которых они в то время научились фабриковать во множестве: у них одновременно существовали десятками разные царевичи: Савелий, Еремка, Мартынка, Гаврилка и др. Для казачества и для польских выходцев самозванцы были простым предлогом для прикрытия их личных видов на незаконную поживу, «на воровство», говоря языком времени. Служа самозванцу, они и не думали ни о каких политических или династических целях. В лице стародубского вора явился поэтому не представитель династии или известного государственного порядка, а простой вожак хищных шаек двух национальностей, русской и польской, — шаек, которых манила к себе Русь своей политической слабостью и шаткостью русского общества. Поэтому-то второй Лжедмитрий, как продукт обществен-

ного недуга того времени, получил меткое прозвище Вора. Русский народ этим прозвищем резко различал двух Лжедмитриев, и, действительно, первый из них, несмотря на всю свою легкомысленность и неустойчивость, был гораздо серьезнее, выше и даже симпатичнее второго. Первый восстановлял династию, а второй ничего не восстановлял, он просто «воровал».

Набрав достаточно народа, Вор выступил в поход на Русь; при Болхове разбил царское войско, подошел к самой Москве и в подмосковном селе Тушине основал свой укрепленный стан. Его успех привлекал к нему новые силы: одна за другой приходили к нему казацкие шайки, один за другим приводили польские шляхтичи свои дружины, несмотря на запрещение короля. Охотно шли к Лжедмитрию всякие искатели приключений, и во главе их всех по дерзости и бесцеремонности нельзя не поставить князя Рожинского, Лисовского и Яна Петра Сапегу.

Тревожно было положение Москвы и всего Московского государства; народ решительно не знал, верить ли новому самозванцу, которого признала даже Марина Мнишек, или же остаться при Шуйском, которого не за что было любить. У самого Шуйского было мало средств и людей для борьбы. Южная часть государства была уже разорена, в ней хозяйничали враги его; в северной они хотя еще не укрепились, но уже бродили и имели на нее виды. Но северные области могли помочь Шуйскому, Шуйский должен их был защищать, а на это у него не было сил. Эти области государства были лучшей частью государства. По словам Соловьева, они были сравнительно с южными в цветущем состоянии: здесь мирные промыслы не были прерываемы татарскими нашествиями, здесь сосредоточивалась торговая деятельность, особенно с тех пор, когда открылся Беломорский торговый путь, одним словом, северные области были самые богатые, в их населении преобладали земские люди, преданные мирным занятиям, желающие охранить свой труд и его плоды, желающие порядка и спокойствия.

В Тушине, где над политическими преобладали задачи хищнические, отлично понимали, что на лучшую добычу можно рассчитывать именно на севере, и делали туда от Москвы постоянные рекогносцировки. Шуйский думал преградить им путь, но брат его Иван был разбит Сапегой и дорога на север стала открытой. Там оставался пункт, имевший большое стратегическое значение, взять который для тушинцев было необходимо уже потому, что, не овладев им, невозможно было овладеть другими городами на севере; этот пункт был Троицкий монастырь (Троице-Сергиева лавра). Тушинцы и обратились прежде всего на него. Положение монастыря было тогда небезопасно, потому что защитников у него имелось мало и опорой ему служили лишь крепкие стены да личная храбрость гарнизона. Число защитников состояло всего из 15 000 человек, считая в этом числе и способных к бою монахов. Этому отряду сборного войска пришлось

бороться с целой армией Сапеги и Лисовского, которые осадили монастырь в сентябре 1608 г. и имели у себя до 20, даже до 30 тыс. человек. Первые приступы тушинцев были отбиты, тогда они решились на осаду обители, но монастырь мог сопротивляться очень долго, в нем были большие запасы продовольствия, и осада Троицкого монастыря, продлившись почти полтора года (с сентября 1608 до начала 1610 г.), окончилась ничем: изнемогший от голода и болезней гарнизон все-таки не сдался и своим сопротивлением задержал очень много тушинских сил.

Однако это не могло помешать другим тушинским шайкам наводнить север. Более двадцати северных городов должны были признать власть Вора и в том числе Суздаль, Владимир, Ярославль, Вологда; но тут-то и сказался весь характер этой воровской власти. На севере, в том крае, где менее всего отзывались события смуты, где еще не знали, что за человек был Вор, где доверия и особой любви к Шуйскому не питали, там на Вора смотрели не как на разбойника, а как на человека, ищущего престола, быть может, и настоящего царевича. Часто его признавали при первом появлении его шаек, но тотчас же убеждались, что эти шайки не царево войско, а разбойничий сброд. Слушая одновременно увещательные грамоты Шуйского и воззвания Вора, не зная, кто из них имеет более законных прав на престол, русские люди о том и другом могли судить только по поведению их приверженцев. Воеводы Шуйского были охранителями порядка в том смысле, как тогда понимали порядок, а Вор, много обещая, ничего не исполнял и не держал порядка. От него исходили только требования денег, его люди грабили и бесчинствовали, к тому же они были поляки. Земцы видели, что «тушинцы, которые города возьмут за щитом (т. е. силой) или хотя эти города и волей крест поцелуют (самозванцу), то все города отдают панам на жалованье и вотчины, как прежде уделы бывали». Это в глазах русских не было порядком, и вот северные города один за другим восстают против тушинцев не по симпатии к Шуйскому и не по уверенности, что тушинский Дмитрий самозванец и вор (этот вопрос они решают так: «не спешите креста целовать, не угадать, на чем свершится»... «еще до нас далеко, успеем с повинною послать»),— восстают они за порядок против нарушителей его.

Это движение городов началось, кажется, с Устюга, который вступил в переписку с Вологдой, убеждая ее не целовать креста Вору. Города пересылались между собой, посылали друг другу свои дружины, вместе били тушинцев. Во главе восстания становились или находившиеся на севере воеводы Шуйского или выборные предводители. Участвовали в этом движении и известные Строгановы. Выгнав тушинцев от себя, города спешили на помощь другим городам или Москве. Таким образом, против Тушина восстали Нижний Новгород, Владимир, Галич, Вологда,— словом, почти все города по средней Волге и на север от нее.

Эти города находили достаточно силы, чтобы избавиться от врагов, но этой силы не хватило у Шуйского и у Москвы. Во взаимной борьбе ни Москва, ни Тушино пересилить друг друга не могли: у Тушина было мало сил, еще меньше дисциплины, да и в Москве положение дел было не лучше. Как все государство мало слушало Шуйского и мало о нем заботилось, так и в Москве он не был хозяином. В Москве, благодаря Тушину, все сословия дошли до глубокого политического разврата.

Москвичи служили и тому, и другому государю: и царю Василию, и Вору. Они то ходили в Тушино за разными подачками, чинами и «деревнишками», то возвращались в Москву и, сохраняя тушинское жалованье, ждали награды от Шуйского за то, что возвратились, «отстали от измены». Они открыто торговали с Тушином, смотрели на него не как на вражий стан, а как на очень удобное подспорье для служебной карьеры и денежных дел. Так относились к Тушину не отдельные лица, а массы лиц в московском обществе, и при таком положении дел власть Шуйского, конечно, не могла быть крепка и сильна: но и Вор не мог извлечь много пользы для своих конечных целей, так как не возбуждал искренней симпатии народа. Оба соперника были слабы, не могли победить друг друга, но своим совместным существованием влияли растлевающим образом на народ, развращали его.

Шуйский хорошо сознал свою слабость и стал искать средств для борьбы с Вором во внешней помощи, хотя, преувеличивая свои собственные силы, он сначала не допускал и мысли о ней. В 1608 г. он посылает своего племянника князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского для переговоров со шведами о союзе. В феврале 1609 г. переговоры эти закончились; с королем Карлом IX был заключен союз на следующих условиях: король должен был послать русским помощь из трех тысяч конницы и трех тысяч пехоты, взамен этого Шуйский отказывался от всяких притязаний на Ливонию, уступал шведам город Корелу с уездом и обязался вечным союзом против Польши,— условия тяжелые для Московского государства.

Шведы выполнили свое обещание и дали М. В. Скопину-Шуйскому вспомогательный отряд под начальством Делагарди. Скопин со шведами в 1609 г. двинулся от Новгорода к Москве, очищая северо-запад Руси от тушинских шаек. Под Тверью встретил он значительные силы Вора, разбил их и заставил тушинцев снять осаду Троицкого монастыря. Успех сопровождал его всюду, несмотря на то что шведы, не получая обусловленного содержания, часто отказывались ему помогать.

Посылая за помощью к шведам, Шуйский в то же время старался собрать против Вора все свои войска, какими мог располагать. В 1608 г. вызывает он из Астрахани к Москве Ф. И. Шереметева, где тот подавлял мятеж. Шереметев, двинувшись вверх по Волге, шел по необходимости медленно, очищая край от

воров, иногда терпел от них поражения, но в конце концов успел приблизиться к Москве и соединиться осенью 1609 г. со Скопиным в знаменитой Александровской слободе. Соединенные силы шведов и русских были бы в состоянии разгромить Тушино, если бы оно уцелело до их прихода под Москву, но Тушино уже исчезло: временный воровской городок, образовавшийся в Тушине, был оставлен Вором и сожжен до появления Скопина в Москве. Не одни опасения движения Скопина и Делагарди заставили Тушино исчезнуть: опаснее для него оказался другой поход — поход на Русь Сигизмунда, короля польского.

Поход этот был ответом на союз Шуйского со шведами. Как известно, Сигизмунд Польский, происходивший из дома Вазы и наследовавший шведский престол после своего отца Иоанна, был свергнут с этого престола. Шведы избрали королем его дядю Карла IX, но Сигизмунд не мог с этим помириться и объявил Швеции войну. Когда же Карл заключил против него союз с Шуйским, то Сигизмунд и Шуйского стал считать врагом. Убедив сенат и сейм, что война с Москвой необходима в интересах Польши и что он, Сигизмунд, этой войной будет преследовать только пользы государства, а не личные, король выступил в поход и в сентябре 1609 г. осадил Смоленск. Сигизмунд отовсюду получал вести, что в Московском государстве он не встретит серьезного сопротивления, что москвичи с радостью заменят непопулярного царя Василия королевичем Владиславом, что Смоленск готов сдаться и т. п. Но все это оказалось ложью: Смоленск, первоклассная крепость того времени, надолго удержал Сигизмунда, а Шуйский продолжал царствовать, и даже тушинский Вор был популярнее на Руси, чем королевич Владислав.

1609 год, таким образом, ознаменовался иноземным вмешательством в московские дела. Шведов Москва позвала сама и этим навлекла на себя войну с Польшей. Вмешательство иноземцев явилось новым и очень существенным элементом смуты: его влияние не замедлило отозваться на общем ходе дела, и прежде всего оно отозвалось на Тушине, как это ни кажется странным на первый взгляд. Осада Смоленска затянулась надолго. Со времен глубокой древности Смоленск был стратегическим «ключом к Днепровской Руси». И Москва, и Литва отлично понимали всю важность обладания этим городом и целые века за него боролись. В 1596 г., чтобы прочнее владеть Смоленском, московское правительство укрепило его каменными стенами. Кроме сильного гарнизона и крепости стен искусство смоленского воеводы Шеина создавало много трудностей Сигизмунду, и осада с самого начала потребовала много военных сил, а у Сигизмунда их не хватало. И вот Сигизмунд отправляет в Тушино посольство сказать тушинским полякам, что им приличнее служить своему королю, чем самозванцу. Но тушинцы не все сочувственно отнеслись к этому: тушинские паны привыкли уже

смотреть на Московское государство как на свою законную, кровью освященную добычу, и один слух о походе короля возмутил их. Они говорили еще в то время, как только услыхали о походе Сигизмунда под Смоленск, что король идет в Москву загребать жар чужими, т. е. их, руками, и были не согласны идти на соединение с королем. Но Сапега, осаждавший Троицкий монастырь, и простые поляки, бывшие в Тушине, склонялись на сторону короля — последние потому, что надеялись от него получить жалованье, которого давно не видали в Тушине. В Тушине, таким образом, произошел раскол. Авторитет Вора совсем упал, над ним смеялись и его поносили в глаза и за глаза, особенно влиятельный в Тушине пан, гетман Рожинский. При таких обстоятельствах Вор с 400 донских казаков пробовал уйти из Тушина, чтобы избавиться от унизительного положения, но Рожинский воротил его и стал держать, как пленника, под надзором. Вор, однако, убежал (в конце 1609 г.) и переодетый отправился в Калугу, где вокруг него стало собираться казачество; к нему пришел Шаховской с казаками, хотя и не любивший Тушина, но сохранивший верность самозванцу.

С удалением Вора Тушино стало разлагаться на свои составные части. Этому способствовал и Вор, озлобленный на поляков: он старался перессорить оставшихся в Тушине и успел в этом. Поляки частью отправились к королю, частью составили шайки, никому не служившие и только грабившие. Казаки переходили к Вору; земские русские люди, бывшие при Воре, шли в Калугу или ехали с повинной к царю Василию. Очень многие, впрочем, из таких русских избрали особый выход — обратились к королю Сигизмунду. Изверившись в Вора, не желая обращаться к Шуйскому, они решают вступить в переговоры с королем о том, чтобы он дал им в цари своего сына Владислава. Не владея ни Москвой, ни страной, они избирают царя государству. Кто же были эти русские по своему общественному положению?

Собравшись вместе на думу в Тушине, эти лица, духовные и светские, отправляют к королю от себя посольство просить на царство Владислава. В число послов попадают, конечно, люди известные, имевшие в Тушине вес и значение, понимавшие дело. И вот среди них мы не видим ни особенно родовитого боярства (которого и не было у Вора), ни представителей той черни, которая сообщила Тушину разбойничью физиономию. Во главе посольства стоят Салтыковы, князья Масальский и Хворостинин, Плещеев, Вельяминов, т. е. все «добрые дворяне»; в посольстве участвовали дьяки Грамотин и другие; рядом с ними были и люди низкого происхождения: Федор Андронов, Молчанов и т. д., но это не «голытьба», не гулящие люди. Таким образом, представителями русских тушинцев являются люди среднего состояния и разных классов. Они обращаются к королю, желая достичь осуществления своих надежд, уже не с помощью тушинского царька, который их обманул, а посредством избрания Владислава и договора с ним.

Этот договор, заключенный 4 февраля 1610 г. под Смоленском, чрезвычайно любопытен. Им и следует пользоваться для того, чтобы определить, кто за ним стоял, какие русские люди его создали и выразили в нем свои надежды и желания. Хотя первым очень метко оценил этот договор С. М. Соловьев в своей «Истории России», но никто из исследователей не останавливался на нем так внимательно, не комментировал его так обстоятельно, как В. О. Ключевский. Прежде всего надо заметить, что договор этот отличается вообще национально-консервативным направлением. Он стремится охранить московскую жизнь от всяких воздействий со стороны польско-литовского правительства и общества, обязывая Владислава блюсти неизменно православие, прежний административный порядок и сословный строй Москвы. Договор состоит из 18 статей; главнейшие его постановления таковы: 1) Владислав венчается на царство от русского патриарха. 2) Православие в Московском государстве должно быть почитаемо и оберегаемо по-прежнему. 3) Имущество и права как духовенства, так и светских чинов пребудут неприкосновенными. 4) Суд должен совершаться по старине, изменения в законах не зависят от воли одного только Владислава: «то вольно будет боярам и всей земле». Таким образом, в законодательстве участвует не одна дума боярская, но и земский собор. 5) Владислав никого не может казнить без ведома думы и без суда и следствия, родню виновных лиц он не должен лишать имущества. 6) Великих чинов людей Владислав обязан не понижать невинно, а меньших должен повышать по заслугам. Для науки будет дозволен свободный выезд в христианские земли. 7) Подати собираются «по старине», назначение новых податей не может произойти без согласия боярской думы. Крестьяне не могут переходить ни в пределах Московского государства, ни из Руси в Литву и Польшу. Этот пункт нельзя еще считать доказательством того, что в 1610 г. переходы крестьянские были в Москве уже уничтожены. В этом требовании могло выразиться только желание договаривавшихся уничтожить переход, а не отмечался совершившийся факт. 8) Холопы должны оставаться в прежнем состоянии, и вольности им король давать не будет.

Остальные статьи договора устанавливают внешний союз и внутреннюю независимость и автономию Московского и Польского государств. В своем изложении этот договор представляется договором с русскими не Владислава, а Сигизмунда; личность Сигизмунда совершенно заслоняет в нем личность Владислава, тогда как по-настоящему договор своей сущностью почти совсем и не касается короля, а имеет в виду королевича.

Рассматривая договор 4 февраля по отношению к выразившимся в нем стремлениям русских людей, мы замечаем прежде всего, что это не «воровской» договор. Он очень далек от преобладающих в Тушине противогосударственных вкусов и воззрений. На казачество договор смотрит как на нечто постороннее, не

свое. Интересы религии и национальности охраняются в нем очень определенно и искренне. Говорят, что Салтыков плакал, когда просил короля о защите веры и церкви в Москве. Далее договор имеет в виду интересы не одного класса, а общегосударственные; он заботится о людях всех чинов Московского государства, всем предоставляет большие или меньшие обеспечения их состояния и прав, хотя в нем, как и в самом Московском государстве, выше всех стоят интересы служилых людей. На это указывают статьи о крестьянах, холопах и казаках. Устанавливая государственный порядок, договор 4 февраля очень недалеко отходит в своих положениях от существовавшего тогда в Москве порядка. Он не предполагает никаких реформ, не знакомых московской жизни и не вошедших в сознание московских людей. Ограничение единоличной власти Владислава думой и судом бояр и советом «всея земли» вытекало в договоре не из какой-либо политической теории, а из обстоятельств минуты, приводивших на московский престол иноземного и иноверного государя. Это ограничение имело целью не перестройку прежнего политического порядка, а, напротив, охрану и укрепление «обычаев всех давних добрых» от возможных нарушений со стороны непривычной к московским отношениям власти.

Действительно новинкой, хотя и малозаметной на первый взгляд, является в договоре мысль о повышении «меньших людей» сообразно их выслуге, «заслугам» и требование свободы выезда за границу для науки. О последнем требовании Соловьев говорит, что оно внесено приверженцами первого Лжедмитрия, который, как известно, хотел дозволить русским выезд за границу. Что же касается повышения «меньших людей», то в этой статье Соловьев видит влияние дьяков и неродовитых людей, выхваченных бурями смутного времени снизу наверх; их в Тушине было много, и они хотят долее удержать свое выслуженное положение. Сильнее и полнее толкует эту статью Ключевский; она-то и помогает ему вскрыть общественное положение людей, стоявших за договором. Сопоставляя эту статью с рядом других своих наблюдений над высшим слоем московских служилых людей в начале XVII в. и с общественным положением тушинских послов (Салтыков и другие), выработавших этот договор вместе с польскими сенаторами, Ключевский приходит к тому выводу, что договор 4 февраля был выражением стремлений «довольно посредственной знати и выслужившихся дельцов». Среди таких людей Ключевский замечает еще в XVI в. стремление подняться до боярства, достигнуть высшего положения в государстве. Но боярство занимало высшие места благодаря своей «высокой породе», чего не было за этими сравнительно незнатными людьми. Они могли подниматься по службе, благодаря только своим личным заслугам. Им хотелось этими заслугами, «выслугой», заменить то аристократическое начало, на котором созидало свое положение знатное боярство. Они иногда и высказывали,

что «велик и мал живет государевым жалованьем», т. е., что без «государева жалованья», благоволения, одной породой человек жить и держаться не может, а государь может жаловать и знатного и незнатного. Стремясь к высшему положению, эти люди думали достичь его службой первому самозванцу, а когда в Москве образовалось боярское правительство Шуйского, ушли в Тушино достигать высшего положения там. Обманутые Вором, они не возвратились в Москву к боярам, а обратились к Сигизмунду. Ими-то, по мнению Ключевского, и был создан договор 4 февраля,— догадка остроумная, которую нельзя не принять. Действительно, не боярство первое обратилось к Владиславу, а обратились к нему люди низших родов, но люди не совсем простые.

Падение тушинского и московского правительств. Несмотря на обращение тушинцев к королю, в Тушине продолжались смуты. Оно пустело, ему грозили и войска Скопина-Шуйского, подошедшие тогда к Москве, и Вор из Калуги. Наконец Рожинский, не имея возможности держаться в Тушине, ушел к Волоколамску и сжег знаменитый тушинский стан, а его шайка скоро распалась, так как сам он умер в Волоколамске.

Тушино уничтожилось, в Москву пришли войска, приехал Скопин-Шуйский; эти события хорошо повлияли на москвичей: они ликовали. Их радости не мешало то, что один сильный враг был у Смоленска, другой сидел в Калуге, что общее положение было так же сложно и серьезно, как и раньше. Шуйский праздновал падение Тушина, народ — прибытие Скопина. Молодой, блестящий воевода (Скопину было тогда 24 года), Михаил Васильевич Скопин-Шуйский пользовался замечательной любовью народа. По замечанию Соловьева, он был единственной связью, соединявшей русских с В. И. Шуйским. В Скопине народ видел преемника царю Василию; он терпел дядю ради племянника, надеясь видеть этого племянника своим царем. Есть слухи, что Ляпунов еще при жизни царя Василия предлагал престол Скопину, когда тот был в Александровской слободе, и что это способствовало будто бы охлаждению Шуйского к Скопину, хотя Скопин и отказался от этого предложения. Восстановить личность Скопина-Шуйского и определить мотивы народной любви к нему мы не можем, потому что мало сохранилось известий об этом человеке и личность его оставила после себя мало следов. Говорят, что это был очень умный, зрелый не по летам человек, осторожный полководец, ловкий дипломат. Но эту замечательную личность рано унесла смерть, и судьба таким образом очень скоро разрушила связь Шуйского с народом. Скопин умер в апреле 1610 г., и народная молва приписала вину в этом Шуйским, хотя, может быть, и несправедливо.

Над войском Скопина-Шуйского стал после его смерти воеводой брат царя Василия, Дмитрий Шуйский, надменный, неспособный, пустой и мелочный человек, изнеженный щеголь. Он двинулся на освобождение Смоленска, встретился у деревеньки

Клушина с шедшим к нему навстречу искусным и талантливым польским гетманом Жолкевским и был им разбит наголову (в конце июня 1610 г.). Это клушинское поражение решило судьбу Шуйского. Жолкевский от Клушина быстро шел к Москве, завладевая русскими городами и приводя их с большой дипломатической ловкостью к присяге Владиславу. В то же время, прослышав об исходе клушинской битвы, двинулся к Москве и Вор со своими толпами, опередил Жолкевского, и когда тот был еще в Можайске (верст за 100 от Москвы), Вор уже стоял под самой Москвой, в селе Коломенском. Положение Шуйского вдруг стало так плохо, что он даже думал вступить в переговоры с Жолкевским о мире, но не успел: не прошло и месяца с клушинской битвы, как царь Василий Иванович уже был сведен с царства.

Тотчас после кончины Скопина-Шуйского Прокопий Ляпунов явно восстает против царя Василия, думает о том, как бы «ссадить» его с престола, засылает своих приятелей в Москву, чтобы агитировать там о свержении царя. Но в Москве все оставалось спокойным до тех пор, пока москвичи не узнали об исходе клушинского сражения. Когда же возвратился в Москву Дмитрий Иванович Шуйский, Москва взволновалась,— был «мятеж велик во всех людях», повествует летописец: «подвигошася на царя». Москвичи поняли, что Клушино поставило их в безвыходное положение, и всю вину в этом возлагали на Шуйских, больше же всего на царя Василия. В народе стали говорить, что он государь несчастливый, что «из-за него кровь многая льется». И прежде не особенно народ любил Шуйского, а теперь прямо вооружился против него, не желая более терпеть его и его родню, из которой только Михаил Васильевич Скопин и пользовался народной симпатией. Когда подошел к Москве Вор и пришли вести, что Жолкевский идет на Москву, волнение еще более возросло. Московские люди у Данилова монастыря съезжались с воровскими людьми из Коломенского, беседовали с ними о делах и убеждали оставить своего тушинского царька, говоря, что тогда и они оставят Шуйского, соединятся в одно, вместе выберут царя и вместе будут стоять против врагов Русской земли — ляхов. Хотя этим широким планам не суждено было сбыться и хотя воры не отстали от своего Лжедмитрия, тем не менее москвичи от слов против царя Василия очень скоро перешли к делу против него же.

Настроением москвичей воспользовались приятели Ляпунова. 7 июля 1610 г. Захар Ляпунов с толпой своих единомышленников пришел во дворец к Шуйскому и просил его оставить царство, потому что из-за него кровь льется, земля опустела, люди в погибель приходят. Шуйский ответил твердым отказом. Тогда Ляпунов и прочие, бывшие с ним, ушли из дворца на Красную площадь, где уже собрался народ, узнав, что в Кремле происходят какие-то необычайные вещи. Скоро Красная площадь не могла вместить всего народа, прибывшего туда. Все сборище поэтому перешло на более просторное место, за Арбатские воро-

та, к Девичьему монастырю. Туда приехали патриарх Гермоген и много бояр, говорили о свержении Шуйского и, несмотря на протесты Гермогена и некоторых бояр, решили «осадить царя». Во дворец отправился князь Воротынский и от лица народа просил Шуйского оставить царство. Шуйский покорился, уехал из дворца в свой старый боярский дом и тотчас же стал хлопотать о возвращении престола, устраивать интриги; чтобы окончательно отнять у него возможность достигнуть власти, его постригли в монахи «насильством», так что патриарх не хотел и признавать его пострижения.

Третий период смуты: попытки восстановления порядка

Москва лишилась правительства в такую минуту, когда крепкая и деятельная власть была ей очень необходима. Враги подходили к стенам самой Москвы, владели западным рубежом государства, занимали города в центральных и южных областях страны. С этими врагами необходимо было бороться не только за целость государственной территории, но и за независимость самого государства, потому что их успехи угрожали ему полным завоеванием. Нужно было скорее восстановить правительство; это была такая очевидная истина, против которой никто не спорил в Московском государстве. Но большое разногласие вызвал вопрос о том, как восстановить власть и кого к ней призвать. Разные круги общества имели на это разные взгляды и высказывали разные желания. От слов они переходили к действию и возбуждали или открытое народное движение, или тайную кружковую интригу. Ряд таких явных и скрытых попыток овладеть властью и создать правительство составляет главное содержание последнего периода смуты и подлежит теперь нашему изучению.

Среди многих попыток этого рода три в особенности останавливают внимание. В первую минуту после свержения Шуйского московское население думало восстановить порядок признанием унии с Речью Посполитой и поэтому призвало на московский престол королевича Владислава. Когда власть Владислава выродилась в военную диктатуру Сигизмунда, московские люди пытались создать национальное правительство в лагере Ляпунова. Когда же и это правительство извратилось и, потеряв общеземский характер, стало казачьим — последовала новая, уже третья попытка создания земской власти в ополчении князя Пожарского. Этой земской власти удалось наконец превратиться в действительную государственную власть и восстановить государственный порядок.

Избрание Владислава. Шуйского москвичи удалили, не имея никого в виду, кем бы могли его заместить, и положение Москвы, очень трудное в ту минуту, осложнилось от этого еще более.

Присягнули временно Боярской думе, ибо помимо ее некому было присягнуть. Но это новое правительство имело так же мало сил и средств, как и Шуйский. А около Москвы стояли по-прежнему два врага, и по-прежнему «Московскому государству с обеих сторон было тесно». Сперва Москва полагала, что ей возможно будет избрать царя правильным выбором, «согласившись с всеми городами, всею землею». Но правильного выбора невозможно было устроить, потому что для созвания собора надо было время, а враги — поляки и воры — не стали бы ждать этого собора и завладели бы бессильной Москвой. Было невозможно выбирать того, кого захотелось бы выбрать, а надо было выбирать одного из двух врагов претендентов: Владислава или Вора, иначе Москва погибла бы непременно. Находясь перед такой дилеммой, москвичи не знали, что делать, и рознь появилась между ними. У разных общественных слоев ясно проявились в этом деле разные вкусы. Патриарх и духовенство хотели русского царя; но Гермоген указывал на молодого Михаила Федоровича Романова, а прочие духовные более других хотели князя Василия Васильевича Голицына. Мелкий московский люд, служилый и тяглый, как и патриарх, стояли за Романова; знать желала Владислава, отчасти потому, что не хотела пустить на престол боярина, помня неудачные в разных отношениях опыты бояр-царей Бориса и Шуйского, отчасти потому, что ожидала от Владислава льгот и милостей, а главнее всего потому, что привыкшая уже к переворотам московская чернь не скрывала своих симпатий к Вору, который был врагом московского общественного порядка вообще и боярства в частности. Торжество Вора было бы горше для боярства не в одном только политическом отношении,— поэтому оно и боялось больше всего переворота в его пользу, а произвести такой переворот в ту минуту чернь была в состоянии.

Во избежание такой развязки, не имея возможности обдумать хорошо вопрос об избрании царя, бояре, пользуясь властью, торопят Жолкевского из Можайска к Москве, и он идет «освобождать Москву от Вора», как сам выражается. Таким поступком бояре передали Москву в руки поляков и предрешили вопрос об избрании Владислава. Подойдя к Москве, Жолкевский прежде всего начинает дело об избрании Владислава в цари, потому что иначе в его глазах помогать Москве не имело смысла. Страх перед самозванцем и польской военной силой заставил московские власти, а за ними и население склониться на избрание в цари поляка: 27 августа Москва присягнула Владиславу.

Этой присяге, впрочем, предшествовали долгие переговоры. В основу их был положен знакомый нам договор 4 февраля. В него бояре внесли некоторые изменения: они решительно настаивали на том, что Владислав должен принять православие и (что очень интересно) вычеркнули статьи о свободе выезда за границу для науки, а также статьи о повышении меньших людей.

Тотчас же по заключении договора и принесении присяги Жолкевский прогнал Вора от Москвы, и Вор убежал опять в Калугу. Таким образом Москва избавилась от одного врага ценой подчинения другому.

Договор об избрании Владислава был отправлен на утверждение Сигизмунду с «великим посольством», в состав которого вошло более тысячи человек. Во главе посольства стояли митрополит Филарет и князь В. В. Голицын. Оба они были представителями знатнейших московских родов, таких, которые могли выступить соперниками Владислава. Удаление их из Москвы приписывается необыкновенной ловкости Жолкевского, и это более чем вероятно. Жолкевский был очень умный человек и горячий патриот. Явясь в Москву, он быстро ознакомился с настроением московского общества (в его записках мы находим любопытнейшие заметки о Москве 1610 года), умел воспользоваться всем, что могло служить к пользе Владислава и Польши. Зная, что Москва выбирает Владислава царем не совсем охотно, видя, что у народа есть свои излюбленные кандидаты — Голицын и сын Филарета,— чувствуя, что при перемене обстоятельств дело Владислава может повернуться в пользу этих кандидатов, Жолкевский успевает удалить из Москвы опасных для Владислава лиц. В то же время он, прогнав Вора, пользуется страхом его имени и ставит дело так, что бояре допускают, даже сами просят его занять Москву польским гарнизоном во избежание бунта в пользу Вора. И вот маленькое войско Жолкевского, которое подвергалось опасности быть истребленным, стоя под Москвой, в открытом поле, становится большой силой в стенах московских крепостей. Устроив так блестяще дела Владислава в Москве, Жолкевский сдает команду одному из своих подчиненных, Гонсевскому и, уезжая из Москвы, увозит с собой, по приказу Сигизмунда, Василия Шуйского с братьями. Чем объяснить такой отъезд Жолкевского? Поведением Сигизмунда.

Этот король, не совсем твердо носивший корону в Польше, имел еще претензии на престолы шведский и московский. Прикрываясь именем сына, он сам хотел стать московским царем. Жолкевский, еще до заключения договора с Москвой, получал королевские инструкции — действовать так, чтобы заменить для Москвы Владислава Сигизмундом. Но талантливый гетман, понимая всю невозможность желаний короля, не решался заговорить с русскими о присяге на имя Сигизмунда; он видел, как ненавистен москвичам король, притеснитель православных, добившийся унии в 1596 г. Однако чем дальше шло время, тем труднее становилось Жолкевскому скрывать от русских цели Сигизмунда, а Сигизмунд все определеннее и определеннее их высказывал. Присягой Владиславу Москва упростила свое положение, нашла себе выход из затруднений, доставила Сигизмунду и полякам важную победу. Дело, казалось, шло к развязке, а Сигизмунд своими личными стремлениями его

запутывал, давал завязку новой драме. Стоило Жолкевскому вскрыть игру Сигизмунда в Москве, и Москва восстала бы против поляков и уничтожила все плоды трудов Жолкевского, и Жолкевский молчал. Он различал польское дело от личного Сигизмундова, сочувствовал первому, честно работал для польских интересов, вовсе не желая трудиться и работать для Сигизмунда. Вот почему увидав, что Сигизмунд не оставит своих притязаний, он отказался от продолжения дела и уехал из Москвы.

Притязания Сигизмунда действительно завязали новую драму и стали известны в Москве. Уже вскоре по отъезде Жолкевского великое посольство писало (с дороги к Смоленску) в Москву, что многие русские люди под Смоленском целуют крест не Владиславу, а самому Сигизмунду. Великому посольству первому и пришлось считаться с затеями короля.

По приезде посольства к королю под Смоленск там начались переговоры по поводу избрания Владислава. Договор, заключенный под Москвой, не нравился, конечно, Сигизмунду, не нравился и сенаторам польским. В совете короля было решено не отпускать королевича в Москву по причине его малолетства, а московские послы требовали немедленного приезда Владислава, говоря, что это необходимо для успокоения Московского государства. В ответ на это поляки заявили им, что Сигизмунд сам успокоит Москву и потом уже даст москвичам своего сына, но для этого надо, чтобы Смоленск сдался на имя короля, иначе сказать, стал польской крепостью. Кроме того, поляки не хотели, чтобы королевич принимал православие. Такие требования не могли удовлетворить московских послов: Москва не желала иметь короля-католика и отдаться во власть Сигизмунда. Время шло в бесполезных пререканиях; напрасно послы заявили, что король нарушает своими требованиями договор, заключенный Жолкевским; сенаторы объявили им, что этот договор не обязателен для Польши. Однако послы держались договора и не уступали ничего. Тогда Сигизмунд увидел, что ему не осуществить своих желаний законным путем и стал действовать иначе: в посольстве старались произвести раскол, стали разными способами склонять его второстепенных участников признать желание Сигизмунда и отпускали таких передавшихся лиц в Москву, чтобы они приготовили москвичей к принятию условий Сигизмунда. Король, таким образом, повел свое дело мимо посольства. В числе лиц, принявших его милости, находился и троицкий келарь (управитель) Авраамий Палицын, который, получив от короля подачки, уехал в Москву. Его защитники говорят, что признал он Сигизмунда для того, чтобы освободиться из-под Смоленска и на свободе тем лучше служить родине. Но можно ли оправдывать такой иезуитский патриотизм рядом с патриотизмом главных лиц посольства (например, дьяка Томилы Луговского), которые честно исполняли порученное им дело посольства, не бежали от него, а терпели горькие неприятности?

Но и раньше приезда соблазненных Сигизмундом участников посольства в Москве стали известны планы короля. Как только совершился выбор Владислава, и Москва была занята поляками, в ней стали появляться преданные Сигизмунду люди (в числе их оказываются Салтыковы). Они проводили в московском обществе мысль о подчинении Сигизмунду, а Сигизмунд требовал от бояр их награждения за верную службу. Бояре награждали их, сами били челом Сигизмунду о жаловании и «деревнишках», видя возможность от него поживиться, хотя сами и косились на тех неродовитых людей, которых присылал в Москву Сигизмунд и которые распоряжались в Москве именем короля (напр., Федор Андронов). Все эти вмешательства Сигизмунда в московские дела имели бы смысл, если бы производились от имени царя московского Владислава, но Сигизмунд действовал за себя: от своего лица писал он такие грамоты и делал такие распоряжения, какие писать и давать могли только *московские государи.* Допуская это, боярство признало, таким образом, то, чего не хотело признать посольство под Смоленском. Явилась даже мысль призвать короля в Москву и, как говорят, прямо присягнуть ему. Но против этого восстал патриарх Гермоген, единственный из московских начальных людей, кого не коснулось растлевающее влияние поляков и смуты. Заботясь об охранении православия, он тем самым являлся твердым охранителем и национальности. Неохотно соглашаясь на избрание в цари поляка, он ревниво оберегал Москву от усиления польского влияния и был главной помехой для королевских креатур, которые хотели передать Москву Сигизмунду.

От народа во всем Московском государстве такое положение дел не осталось тайной. Он знал, что королевич не едет в Москву, что Москвой распоряжается Сигизмунд, что в то же время поляки воюют Русь, грабят и бьют русских людей в Смоленской области,— об этом писали в Москву смольняне. Все это не могло нравиться, не могло казаться нормальным и вызывало ропот во всем государстве. Неудовольствие усилилось еще тем, что с отъездом Жолкевского польский гарнизон в Москве потерял дисциплину и держал себя как в завоеванной стране. Народ, и прежде не любивший поляков, теперь не скрывал своих антипатий к ним, отшатнулся от Владислава и стал желать другого царя. Это движение против поляков очень скоро приняло серьезные размеры и обратилось в пользу Вора, который продолжал сидеть в Калуге. Значение его быстро возрастало: Вор снова становился силой. Восточная половина царства стала присягать ему, она присягала только потому, что не могла опереться на лучшего кандидата. Полякам и Сигизмунду создавалось таким образом новое затруднение в народном движении, затруднение, которое не только не уменьшилось, а, напротив, увеличилось со смертью Вора. В то время, когда дела Вора улучшились, он был убит (в декабре 1610 г.) одним из своих же приверженцев из-за личных счетов. Русские люди присягали мертвецу.

Первое земское ополчение. Со смертью Вора русские люди получили возможность соединиться для отпора полякам, и с этих пор смута в дальнейшем своем развитии получает преимущественно характер *национальной борьбы*, в которой русские стремятся освободиться от польского гнета, ими же в значительной степени допущенного.

Прежде чем перейти к обзору движения Ляпунова и движения нижегородского, составляющих содержание дальнейшего изложения, бросим общий взгляд на положение Московского государства в минуту смерти Вора. По всей стране бродят казаки, везде грабят и жгут, опустошают и убивают. Это казаки, или вышедшие из Тушина после его разорения, или действовавшие самостоятельными маленькими шайками безо всякого отношения к тушинцам, ради одного грабежа. Северо-западная часть государства находится в руках шведов. Их войско после Клушина отступило на север и с того времени, как Москва признала Владислава, открыло враждебные действия против русских, стало забирать города, ибо Москва, соединяясь с Польшей, тем самым делалась врагом Швеции. Но и Польша не прекращала военных действий против Руси. Поляки осаждали Смоленск и разоряли юго-западные области. Сама Москва занята польским гарнизоном, вся московская администрация — под польским влиянием. Король враждебного государства, Сигизмунд, из-под Смоленска распоряжается Русью своим именем, как государь, без всякого права держит в то же время, как бы в плену, великое московское посольство, притесняет его и не соглашается с самыми существенными, на московский взгляд, условиями договора Москвы с Владиславом. Таково было положение дел.

Одно только существование Вора сдерживало негодование «лучших» русских людей против поляков. Вор и тот общественный порядок или, вернее, беспорядок, который он воплощал собой, страшил их более, нежели возмущали поляки: сопротивляться же и тому, и другому врагу вместе не было сил. Однако во многих частях Русской земли, в тех, откуда Вор был дальше и где его знали меньше, стали передаваться ему, не ожидая добра от поляков. Но Вор умер, и ожили московские люди: одним врагом стало меньше. Шайка Вора без предводителя становилась простыми разбойниками и теряла политическую силу. В качестве политических врагов оставались только поляки, и против них теперь можно было соединиться без боязни, что в тылу останется худший враг. Движение против поляков стало проявляться яснее, определеннее, сильнее. Во главе его стоял «начальный человек Московского государства» — патриарх.

Патриарх действовал в этом случае как пастырь церкви. Он прекрасно видел, что влияние католической Польши на православную Москву не ограничится сферой государственной, но непременно перейдет и в церковную. В Москве знали унию 1596 г., понимали значение и самой унии, и того, что ей предше-

ствовало в Польско-Литовском государстве. С трудом допустив выбор на царство католика (с непременным условием принятия им православия), видя затем, как ведет себя Сигизмунд, и в будущем ожидая постоянных злоупотреблений со стороны поляков относительно Москвы, патриарх Гермоген, как православный иерарх, не мог допускать дальнейшего господства поляков в видах охранения чистоты православной веры. С этой точки зрения он и действовал против Сигизмунда.

Верные слуги Сигизмунда, Салтыков и Андронов, доносили королю, что после смерти Вора патриарх «явно» говорил и писал народу против поляков, что если поляки не отпустят королевича в Московское государство и королевич не крестится в православие, то он русским не государь. Москвичи разделяли мнение патриарха и готовы были стать против поляков. И патриарх, и светские люди писали об этом грамоты в города; москвичи рассылали повсюду грамоты, полученные ими от смольнян о бедствиях смоленского края от поляков. Все эти грамоты возбуждали землю против польских и литовских людей, против «Жигимонта короля». Города заволновались и стали переписываться между собой «о совете и единении против поляков». Нижегородцы (в январе 1611 г.) присылали в Москву проведать, что там делается. Посланные видели, как хозяйничают в Москве поляки, были у патриарха, и патриарх благословил их на восстание против врагов. Нижегородцы писали об этом по другим городам, и восстание против поляков поднималось повсюду: восставали, надо заметить, не против Владислава, а против Сигизмунда и поляков, нарушавших московский договор о Владиславе. Страна вся была в возбуждении, была готова действовать и смотрела на Гермогена как на своего нравственного вождя.

Но, руководя народным движением, патриарх не указал народу ратного предводителя, который мог бы стать во главе восставших. Такой предводитель явился сам в Рязанской земле. Это был известный нам Прокопий Ляпунов. Он признавал Владислава до смерти Вора, но уже в январе 1611 г. стал собирать войска на поляков и двинулся с ними на Москву. Туда же к Ляпунову шли земские дружины со всех концов государства (из земли Рязанской, Северской, Муромской, Суздальской, из северных областей, из Поволжских низовых). Сила национального движения была так велика, что захватила и Тушинское казачество. Оно также двигалось к Москве под начальством тушинских бояр, князя Дм. Тим. Трубецкого и [донского ата́мана] Заруцкого. С севера шли казачьи шайки с Просовецким, и даже знаменитый Сапега, осаждавший когда-то Лавру, теперь соглашался сражаться за Русь и православие против поляков, но потом раздумал.

Когда такое разнохарактерное ополчение приближалось к Москве, она переживала трудные дни. Бояре и поляки смотрели на движение в земле как на беззаконный мятеж; народ видел в нем святое дело и с нетерпением ожидал освободителей.

Отношения между поляками и московским населением давно уже обострились; теперь же дело дошло до того, что со дня на день ожидали вооруженного столкновения. Предполагали, что в Вербное воскресенье (17 марта 1611 г.) произойдет бой на улицах, и поляки приготовились к обороне; но дело обошлось мирно. Тем не менее Салтыков предсказывал полякам, что во вторник, т. е. 19 марта, их будут бить. К этому дню ожидались под Москву первые земские дружины. И действительно, во вторник 19 марта, в Москве, в Китай-городе, начался бой. Из Китай-города поляки бросились к слободам, но в Белом городе были задержаны народом. На помощь москвичам подоспели передовые отряды земского ополчения с князем Дм. Мих. Пожарским (который здесь и был ранен), и поляки были отброшены назад, заперлись в Кремле и Китай-городе и постарались сжечь Москву и Замоскворечье (для удобств дальнейшей обороны). Москва сгорела почти вся. Несколько дней еще продолжались вылазки поляков и стычки их с народом. Наконец, на второй день Пасхи, в благовещенье, подошла к Москве стотысячная русская рать и к апрелю обложила Кремль и Китай-город. Поляки засели в осаду, а вместе с ними и московское боярство, служившее Сигизмунду и смотревшее на ополчение всей земли как на мятежное скопище. Припасов у осажденных было мало, гарнизон польский был невелик, всего около 3000 человек. Положение гарнизона, таким образом, было очень серьезно, но Сигизмунд не думал помочь Москве; его сил не хватило и на взятие Смоленска.

Обратимся теперь к тому ополчению, которое собралось под Москвой; познакомимся с его историей. Это ополчение по справедливости можно назвать политическим союзом социальных врагов: в нем соединилась земщина с казачеством, общество — с врагом общественного порядка. Apriori можно было предвидеть, что в этом ополчении должна проявиться рознь, должно произойти междоусобие. Можно, пожалуй, предсказать даже его гибель и разложение, если сообразить, что во время долгой осады было много времени и поводов для столкновения двух миров — земского и казачьего. Ополчение действительно и погибло.

Тотчас по приходе его под Москву оно выбирает себе военачальниками Пр. Ляпунова, князя Трубецкого и Заруцкого. Так пишут летописцы, но они же говорят, что между этими воеводами, как и во всем ополчении, стала «рознь великая». Ляпунов, представитель служащего земского элемента в ополчении, старался дать преобладание своим. Заруцкий мирволил казачеству, а Трубецкому от них двоих было «мало чести»: он не пользовался влиянием. Тем не менее эти военачальники правили не только ополчением, но и землей. Возле запертых в Кремле бояр создалось волей земщины другое правительство: бояре же, которым год тому назад присягала земля, потеряли всякое значение.

Военачальники делали распоряжение о сборе денег и ратных людей по областям, сменяли воевод в городах, заботились о защите Новгорода от шведов, раздавали поместья,— словом, были не только военной, но и земской властью, играли роль правительства. Этот знаменательный факт показывает нам, каким большим кредитом пользовалось в стране ополчение: ему верила и его слушалась страна.

Но еще знаменательнее то обстоятельство, что воеводы, управлявшие землей и ратью, не были бесконтрольны и зависели в своей деятельности от общего совета рати. Хотя мы не знаем достоверно внутреннего устройства ополчения, но имеем полное основание думать, что, во-первых, подмосковная рать считала себя выразительницей воли «всей земли» и себя ставила выше воевод в отношении власти; во-вторых, ополчение имело свою думу, свой совет. Этот совет называл свои постановления «приговорами всей земли» и, стало быть, считал себя тем, что мы называем земским собором. От этого ратного совета сохранился до нас один из таких «приговоров всей земли». На него как-то мало обращалось внимания нашими историками, и только профессор Коялович в своих трудах дал ему обстоятельную, хотя, может быть, и не всегда верную оценку. Напечатан этот приговор у Карамзина (Ист., т. XII, прил. 793 и 794), и то не полно (впрочем, Карамзин сам имел не полный и поздний список этого приговора и напечатал все, что имел; карамзинский текст перепечатал Забелин). Между тем этот приговор вскрывает нам любопытнейшие черты из истории первого ополчения.

В июне 1611 г. ополчение обратилось к своим вождям, прося общим советом подумать о прекращении беспорядков и злоупотреблений, какие совершались в войске. Об этих беспорядках летописец роняет лишь несколько слов: он говорит, что в войске одни попрекали других прошлой службой тушинскому Вору или ополяченной Москве, людей ратных «жаловали не по достоянию», а «лицеприятно», не знали, наконец, что делать и как обращаться с теми холопами, которые убежали от своих господ и теперь служили в войске казаками, уже как вольные люди. Сначала этих беглых людей воеводы ополчения призывали под свои знамена, обещая считать их вольными казаками. Но служилый элемент в ополчении не мог относиться сочувственно к такой мере: она создавала очень неприятный для служилого люда порядок в будущем, им могли воспользоваться и другие холопы и убегать от господ в надежде потом вернуться на Русь свободными. Поэтому положение беглых в ополчении составляло очень важный вопрос.

И вот, по просьбе ополчения, Ляпунов и другие воеводы согласились созвать собор всей рати, чтобы обдумать и решить все заботившие последнюю вопросы. 29 и 30 июня 1611 г. сошлись на соборе выборные от войска: от всяких чинов служилые люди «всех городов» и представители казачества — атаманы и казаки (от этого

собора и дошел до нас упомянутый приговор). Оба элемента (и служилый, и казачий) приняли, таким образом, участие в обсуждении дел и составлении приговора. Дальше будет видно, какой элемент взял верх в этом приговоре.

Приговор 30 июня очень обширен и касается не только войска, но и всего государства: очевидно, выборные из войска считали себя вправе решать общеземские дела. Прежде всего они «приговорили и выбрали всей землей» или, лучше сказать, утвердили раньше уже выбранных троих начальников — Ляпунова, Трубецкого и Заруцкого — и определили границы их власти: «воеводы должны были строить землю и всяким, и ратным делом промышлять», т. е. управлять не только войском, но и государством. В то же время они не могли «смертной казнью без земского и всей земли приговора... не по вине... казнити и ссылати», казнить же действительно виновных они должны были, «поговоря со всею землею». А кто кого убьет без земского приговора, и того самого казнити смертию, прибавляет приговор 30 июня. Таким образом, высшая власть, по приговору, принадлежит «всей земле», иначе говоря, войсковому совету, который, по представлению войска, олицетворял собой «всю землю»; воеводы же — только исполнительные органы земли. Их земля может сменить, когда найдет это нужным. Если главные или второстепенные воеводы дурно будут вести дела или не станут слушать земского приговора, то вместо них земля может выбирать других, таких, «кто будет бою и земскому делу пригодиться». Так были решены приговором 30 июня основные вопросы: управление рати и земли.

Вторая группа постановлений войскового собора касается устройства в войске приказов, которые ведали бы управление, вместо московских приказов, осадой осужденных бездействовать, да и не признаваемых более за власть со стороны земли. (Решено было учредить приказы: Большой Разряд и Поместный, которые ведали бы службу и средства содержания служилых людей — поместья; затем Большой Приход, который должен был ведать финансы; приказы Разбойный и Земский, ведавшие уголовные дела и имевшие судебный характер.)

Третья группа постановлений собора касается поместий. Смута внесла беспорядок в поместные дела: одни незаконно захватили себе лишние земли, а у других была отнята и последняя земля; нужно было распутать происшедшую путаницу и водворить порядок. В этих видах решили отобрать: 1) все те поместные земли, владельцы которых не служили в войске, и 2) все те лишние земли, какие окажутся у помещиков сверх их нормального поместного оклада, хотя бы владельцы и находились на службе. Отобранные земли решено было отдать в поместья неимущим и разоренным служилым людям, служащим в войске. Но не все земли, с каких не было службы, решили отобрать; оставлены были поместья: 1) у жен и детей тех дворян, которые были

в великом посольстве и которых вместе с главными послами задержал Сигизмунд; 2) у вдов и детей дворян, убитых на службе; 3) у тех дворян, которым поместья, хотя бы и лишние, сверх оклада даны М. В. Скопиным-Шуйским за поход от Новгорода к Москве. (Чем, кроме уважения к памяти Скопина, можно объяснить это любопытное постановление?) Далее позволено было и казакам получать поместья и входить таким путем в ряды служилых людей. Это позволение можно рассматривать как единственную уступку приговора казачеству. В остальном же приговор, как сейчас увидим, направлен против него.

Последнюю группу постановлений составляют постановления о казаках и о тех, кто к ним тянул, т. е. о беглых. Во избежание грабежей, приговорили воротить под Москву в войско всех казаков, разосланных на службу и ушедших в города; впредь за припасами для войска не посылать одних казаков, а с ними командировать служилых людей. Этим стеснялась казачья вольность, над казаками учреждался контроль, отнималась у них возможность поживиться грабежом где-нибудь в стороне от войска. Еще больший удар наносился казачеству тем, что постановили беглых крестьян и холопей, до сих пор считавшихся казаками, возвращать их прежним господам и обращать в прежнее состояние.

Ряд последних постановлений о казачестве, как и весь склад приговора, стремившегося восстановить общественный порядок в его старых формах, показывает нам очень определенно, что на соборе 3 июня служилые люди решительно преобладали над вольными казаками,— элемент общественный взял верх над элементом противообщественным. Хотя под приговором рядом с подписями служилых представителей 25 городов находятся утвердившие приговор и казачьи рукоприкладства, тем не менее казачество много терпело от его постановлений. Хозяевами дел и в лагере подмосковном и во всей стране становились служилые люди, люди исстари установленного общественного порядка и во главе их, конечно, «всего московского воинства властитель» Прокопий Ляпунов. Недаром ошибся летописец, когда, рассказывая об этом приговоре, он написал, что Ляпунов «приказал» его составить; своей ошибкой он точно отметил степень власти Ляпунова, созданную приговором 30 июня.

Второе земское ополчение и его торжество. Познакомясь с данными о первом подмосковном ополчении, мы можем теперь сказать, что, сойдясь под Москву, земские и казачьи дружины не могли ужиться мирно между собой по разности стремлений и вкусов. Постоянная их рознь привела к необходимости уяснить точнее их взаимные отношения, и уяснились они в пользу служилых людей. Но преобладание служилых людей было недолго и непрочно. Приговор, давший перевес служилым людям и Ляпунову, был «не люб» казакам и их вождям Заруцкому и Трубецкому, «и с той поры начали над Прокофьем думати, как бы его

убить», говорит летописец, и, действительно, через месяц Ляпунов был убит. Его смерть стоит в прямой связи с тем положением дел, какое настало в подмосковной рати после приговора 30 июня; казаки и холопы не могли помириться с этим приговором, и Ляпунов пал от руки их, как представитель служилых людей, правивший делами и доставивший преобладание своим. В убийстве Ляпунова замешаны и поляки, осажденные в Москве; они желали и смут в лагере осаждавших, и смерти талантливого воеводы и достигли того и другого интригой. Но и без их подстрекательства «старые заводчики всякому злу, атаманы и казаки, холопи боярские» (так называет убийц Ляпунова князь Д. М. Пожарский) не остановились бы перед убийством: в нем они видели средство поправить свое положение под Москвой, увеличить свое влияние, взять верх над служилыми людьми. И они достигли своего; потеряв предводителя, служилые люди утратили и силу. Не нашлось человека, который мог бы заменить Ляпунова; делами стали заправлять казачьи вожди, казачество подняло голову, и теснимое им дворянство стало брести «розно», разъезжаться по домам. Ополчение разлагалось, и государственный порядок потерпел в нем новое поражение. Но казачьи остатки первого ополчения продолжали стоять под Москвой, и в 1611, и в 1612 г. Сигизмунд не шел на помощь московскому гарнизону, а своими силами московский гарнизон не мог прогнать осаждавших. Осада Москвы таким образом продолжалась, но смерть Ляпунова была большим горем для русских людей, они теряли веру в успех ополчения. В то же приблизительно время совершались одно за другим такие события, которые способны были отнять у русских всякую надежду на лучшее будущее родины.

Сигизмунд перестал стесняться с великим посольством. Сожжение Москвы подало ему надежду, что послы будут уступчивее. Но они стояли на том, что король не должен отступать от договора, заключенного Жолкевским, и должен снять осаду Смоленска; в таком только случае Владислав может стать московским царем. Видя, что дальнейшие переговоры будут бесплодны, король прибегнул к насилию: московские послы были ограблены и пленниками отвезены в Польшу (в апреле 1611 г.).

3 июня 1611 г. удалось королю, наконец, взять Смоленск приступом. В городе было в начале осады, как говорят, до 80000 жителей, большие запасы и прекрасные укрепления. Когда Смоленск был взят, в нем не осталось и 8000 человек, они терпели голод и болезни и не могли отбить врага, потому что укрепления были разбиты и разрушены. Воевода смоленский Шеин, один из самых светлых русских деятелей того времени, подвергся пытке: хотели узнать, для чего он не сдавал города и какими средствами мог так долго держаться.

16 июля шведы обманом взяли Новгород; митрополит Исидор и воевода князь Одоевский во главе новгородцев заключили

со шведами договор, по которому Новгород представлялся особым государством, выбирал себе в цари одного из сыновей шведского короля и, сохраняя свое государственное устройство, навсегда соединял себя с шведской династией, если бы даже Московское государство и выбрало себе другого царя не из шведского дома. Такой договор, очевидно, был продиктован победителями-шведами: в нем даже не было требований, чтобы новгородский государь был православным.

Во Пскове в то же время появился самозванец Сидорка, которого зовут иногда третьим Лжедмитрием. Еще при Шуйском начались во Пскове внутренние усобицы, борьба «лучших» и «меньших» людей, высших и низших классов. Эта борьба как-то совсем оторвала Псков от государства и создала в нем свою особую историю смуты. Неурядицы внутренние дали возможность полякам и казачеству разорять безнаказанно псковскую землю и дали в ней силу третьему самозванцу.

Итак, во второй половине 1611 г., со взятием Смоленска и Новгорода, с усилением самозванщины во Пскове, вся западная часть Московского государства попала в руки его врагов. Сама Москва оставалась в их власти, а ополчение, собранное для ее освобождения, распадалось, побежденное не врагами, а внутренней рознью. Земская власть, создавшаяся в этом ополчении и сильная по своему существу лишь настолько, насколько ей верила земля, теперь, со смертью Ляпунова, теряла для земли всякое значение. Русские люди оставались без руководителей против сильных торжествовавших врагов государства и общества. Время настало настолько критическое, что, казалось, Русское государство переживало последние дни.

Опаснее всех других были, конечно, поляки, но они же своей оплошностью и помогли оправиться русским людям. После взятия Смоленска король Сигизмунд отправился в Польшу на сейм торжествовать свои победы вместо того, чтобы идти на помощь польскому гарнизону в Москве. К Москве он послал только слабый отряд конницы с гетманом Ходкевичем. В октябре 1611 г. Ходкевич был отбит подмосковными казаками и ушел от Москвы. Если не считать этой незначительной рекогносцировки под Москву, то можно сказать, что внешние враги Московского государства, нанеся ему взятием Смоленска и Новгорода сильнейшие удары, затем совершенно бездействовали, отчего и потеряли все плоды победы.

Русские же еще не считали себя побежденными, а свое дело потерянным. В восточной части государства под влиянием известий о повсеместных неудачах и общих страданиях снова усилилось движение, оживились сношения городов. Из города в город сообщали известия о событиях, пересылали грамоты, полученные из Москвы или из других мест, из города в город писали (напр., Казань писала в Пермь) о том, как следует держаться и поступать русским людям в их тяжелом положении. В этих посланиях

заключались целые политические программы. Все поволжские города, горные и луговые, согласились в том, чтобы им «быть в совете и единении», охранять общественный порядок, не допускать грабежей, не заводить усобиц, не принимать новой администрации, кто бы ее не назначал, а сохранять свою старую, которой они верят, с казаками не знаться и не заводить сношений. Можно без конца удивляться той энергии, которую проявляют эти мелкие поместные миры, предоставленные своим силам, той цепкости, с какой они держатся друг за друга, и той самостоятельности, какой отличаются многие из этих мирков. Весь север и северо-восток Руси находились тогда в состоянии какого-то духовного напряжения и просветления, какое является в массах в моменты великих исторических кризисов. С необыкновенной ясностью и простотой во всех грамотах сказывается одна мысль, долго не дававшаяся земщине, а теперь ставшая достоянием всех и каждого: за веру, родину и общественный порядок необходимо бороться всем и бороться не с одной «Литвой», но и со всеми теми, кто не сознает этой необходимости,— с казачеством. Оседлая земщина теперь отделяла от себя казаков и окончательно сознала, что и они — ее враг, а не помощник; сознала после смерти Пр. Ляпунова, когда увидела, что казаки убийством расстроили общее земское дело, враждовали с землей, несмотря на то что служили одному делу. Понимая теперь весь ужас своего положения, стараясь опознаться в своих бедах и сообразить, что делать и как делать, русские люди начинают с того, что ищут общего «совета» и «соединения» и общим советом, по примеру Нижнего Новгорода, постановляют первое единодушное решение — налагают на всю землю пост, чтобы очистить себя от прошлых грехов.

То,что массы чувствовали и высказывали просто, развивалось лучшими людьми того времени с большей полнотой мысли и с большей определенностью чувства. Эти люди глубоко влияли на массу, направляли ее на общее дело, помогали ее соединению. Во главе таких людей должен быть поставлен патриарх Гермоген, человек с чрезвычайной нравственной силой, как личность, и с громадным политическим влиянием, как деятель. Он раньше всех и яснее всех сознал (мы уже видели, с какой точки зрения), что иноземный, и более всего польский, царь невозможен в Москве. Поэтому он был в постоянной вражде с боярами, державшимися Сигизмунда и называвшими себя его «государственными верными подданными». Поэтому же он и не стеснялся благословлять народ на восстание против поляков. Теперь, сидя уже в заключении, он успевал тем не менее рассылать грамоты по всей земле, направленные против тех же поляков и против казаков. В августе 1611 г., когда он услышал, что подмосковное казачье ополчение думает присягнуть Воренку (сыну тушинского Вора и Марины Мнишек), он наспех отправил в Нижний грамоту, прося, чтобы казанский митрополит и земские люди отговорили

казаков от этого проклятого дела. Эта грамота, резко направленная против казаков, должна была возбудить против них города еще более, чем они до того были возбуждены. Нижний этой грамотой патриарха был поставлен в центр движения *против казаков*; раньше других городов узнал он об их дальнейшем, после Ляпунова, «воровстве под Москвой», раньше понял, в каком трудном положении находится Москва и от поляков, и от казаков; не мудрено, что он раньше всех городов поднялся и на освобождение Москвы.

Забелин первый указал на то, что Нижний ближе других городов был к патриарху, что если объяснить движение Нижнего и прочих городов на освобождение Москвы влиянием из центра государства, то это движение нужно приписать именно *Гермогенову посланию* в Нижний, а не тем патриотическим грамотам, которые рассылались из Троицкого монастыря («Минин и Пожарский», 1883 г.). До исследования Забелина говорили и писали со слов «Сказания» Авр. Палицына, что второе освободительное движение городов началось в Нижнем благодаря *грамотам Троице-Сергиевских* властей. Забелин же указал, что та Троицкая грамота, которой можно было приписывать такое влияние, пришла в Нижний уже тогда, когда движение там началось, и, стало быть, создать этого движения не могла.

Но, отнимая у Троицкого монастыря честь этого влияния, почтенный историк наш склонен и вовсе отрицать высокое значение монастыря в то время, указывая на его связи с подмосковными казаками и некоторую подчиненность монастыря этим казакам. Сношения с казачьим войском и властями достаточно объясняются и даже оправдываются тем, что монастырь был очень близок к Москве и фактически не мог уклониться от этих сношений: под Москвой у казаков были единственные в том краю гражданские власти, без которых монастырь не мог обойтись. В то же время во главе монастырской братии стояла замечательная личность — архимандрит *Дионисий,* человек добродушного и открытого нрава, очень умный, высоко религиозный и очень нравственный, любимец Гермогена. Он умел так направлять деятельность монастыря, что она получила высокое и плодотворное значение. Пользуясь громадными средствами монастыря (он имел в XVII в., около 1620 г., до 1000 сел и деревень и был едва ли не самым крупным земельным собственником в государстве), архимандрит Дионисий употреблял монастырские доходы на дело благотворения, тысячами призревая обнищалых, больных и раненых людей, пострадавших в смуте. В то же время монастырь время от времени рассылал в города свои грамоты, призывавшие землю соединиться против поляков. Пускай в этих грамотах казаки представлены защитниками веры и порядка и рекомендуется земщине *союз с казачеством,* — все-таки деятельность Троицкого монастыря остается нравственной и патриотической деятельностью, и руководитель монастыря Дионисий должен

быть поставлен в ряду лучших деятелей той эпохи, тех деятелей, которых Забелин своеобразно называет «прямыми людьми».

Такие люди, как Гермоген и Дионисий, стояли в центре и руководили настроением всей земли. В городах были свои вожаки, люди, более других воодушевленные, яснее и дальше других смотревшие. Много можно насчитать в то время таких деятелей, которые руководили местными мирами, поддерживали сношения между городами и влияли патриотически на своих сограждан. Одному из таких местных деятелей — Минину — суждена была главная роль и в общеземском движении; другому местному предводителю, князю Дмитрию Пожарскому, пришлось стать затем всей земли воеводой.

О личности Пожарского и Минина много писали и спорили. О Пожарском Н. И. Костомаров думает, что это была весьма честная посредственность, которой выпало на долю сделать много потому, что другие умело направляли этого человека. Споря против такого взгляда, Забелин следит за действиями Пожарского с 1608 г., отмечает постоянную успешность его военных действий, находит в нем достаточно личной самостоятельности и инициативы и приходит к заключению, что Пожарский был талантливый воевода, высоко честный и самостоятельно думавший гражданин. В древнерусском обществе было вообще мало простора личности; личность мало высказывалась и мало оставляла после себя следов; Пожарский оставил их даже менее, чем другие современные ему деятели, но за всем тем в Пожарском не может не остановить нашего внимания одна черта — определенное сознательное отношение к совершавшимся событиям чрезвычайного характера. Он никогда не теряется и постоянно знает, что должно делать; при смене властей в Москве он служит им, насколько они законны, а не переметывается, не поддается «ворам», у него есть определенные взгляды, своя политическая философия, которая дает ему возможность точно и твердо определять свое отношение к тому или другому факту и оберегает его от авантюризма и «шатости»; у него свой «царь в голове». Пожарского нельзя направить чужой мыслью и волей в ту или другую сторону. Несмотря на то, что Пожарский был не очень родовит и невысок чином, его личность и военные способности доставили ему почетную известность и раньше 1612 г. Современники ценили его высоко, он был популярен — иначе не выбрали бы его нижегородцы своим воеводой, имея двух воевод в самом Нижнем Новгороде.

О Пожарском не было бы разных мнений, если бы, к его невыгоде, ему не пришлось действовать рядом с Мининым, человеком еще более крупным и ярким. По нашему мнению, Кузьма Минин гениальный человек; с большим самостоятельным умом он соединял способность глубоко чувствовать, проникаться идеей до забвения себя и вместе с тем оставаться практическим человеком, умеющим начать дело, организовать его,

воодушевить им толпу. Его главная заслуга в том, что он сумел дать всеми владевшей идее конкретную жизнь; каждый в то время думал, что надо спасать веру и царство, а Минин первый указал, как надо спасать, и указал не только своими воззваниями в Нижнем, но и всей своей деятельностью, давшей обширному делу организацию покрепче, чем дал ему перед тем Ляпунов. На это надобен был исключительный ум, исключительная натура.

Минин не был простым мужиком нижегородским. Он торговал и был одним из видных людей в городе. Нижегородцы избрали его в число земских старост, стало быть, ему верили. Управляя делами нижегородской податной общины, он должен был привыкнуть вести большое хозяйство города и обращаться с большими деньгами, какие собирались с мира земскими старостами в уплату податей. Мимо него, как излюбленного человека, представителя нижегородских людей, не проходила неизвестной ни одна грамота, адресованная нижегородцами, ни одна политическая новость. Он следил за положением дел и обсуждал дела в городских сходках, которые вошли в обычай в городах, благодаря обстоятельствам смутного времени, напоминали собой древние веча.

На одном из таких собраний (в октябре или сентябре 1611 г.), под влиянием грамот и вестей от патриарха, Минин поднял посадских тяглых людей на то, чтобы собрать деньги для ополчения и сформировать самое ополчение. Составили приговор о мирском сборе и предъявили его нижегородскому воеводе, князю Звенигородскому, и соборному протопопу Савве, которые созвали в городской собор нижегородцев и, воспользовавшись пришедшей тогда в Нижний патриотической грамотой, подняли вопрос об ополчении. В соборе читали и обсуждали нижегородцы пришедшую грамоту. В ней говорилось о необходимости стать на защиту веры и отечества. (Для дела безразлично, от Гермогена или от Троицы была эта последняя грамота.) При чтении грамоты нижегородский протопоп Савва сказал слово, убеждая народ стать за веру. После Саввы заговорил Минин; страстно говорил он о том же, указывая, каким образом нужно действовать: «Захотим помочь Московскому государству, так не жалеть нам имения своего, не жалеть ничего, дворы продавать, жен и детей закладывать и бить челом, кто бы вступился за истинную православную веру и был у нас начальником». Слова Минина произвели большое впечатление. С каждым днем росло его влияние, нижегородцы увлекались предложениями Минина и, наконец, всем городом решили образовать ополчение, созывать служилых людей и собирать на них деньги.

Раньше всего занялись денежным вопросом. Стали собирать добровольные приношения, потому что иных средств не было. Давали нижегородцы много: «третью деньгу», т. е. третью часть имущества; так давать порешил мир, и кто давал меньше, утаивая размеры имущества, с того брали силой. Были люди,

жертвовавшие почти все, что имели. На первые нужды денег оказалось довольно.

Второй заботой было сыскать воеводу. По предложению Минина, избрали Пожарского; кн. Дм. Мих. Пожарский жил в то время верстах в 100 от Нижнего, в своей вотчине, и лечился от ран, полученных полгода тому назад под Москвой. К нему-то и обратились нижегородцы, минуя своих воевод, князя Звенигородского и Алябьева.

Когда депутация от Нижнего пришла [к] князю и изложила ему желание народа избрать его на такой высокий подвиг, Пожарский сперва долго отказывался, затем наконец изъявил свое согласие, но под условием избрания кого-нибудь из посадских людей, который ведал бы в ополчении хозяйственной частью и с ним, Пожарским, «у того великого дела был и казну собирал». При этом он указал на Минина, как на лучшего себе помощника в этом деле. Весть о приготовлениях нижегородцев скоро распространилась в ближайших городах, и первые на эту весть откликнулись бездомные смольняне, вязьмичи и дорогобужцы, те самые дворяне, которые, лишившись поместий в своей области, вследствие завоевания ее поляками, желали получить земли в Арзамасском уезде, но и оттуда были выгнаны мордвой. Все они были приняты в войско. Недостаточность военных сил и денег скоро заставила нижегородцев обратиться с окружной грамотой к другим городам. В этой грамоте была изложена Гермогенова программа действий, основным правилом которой было действовать *отдельно от казаков и против казаков*. «А вам бы,— писали нижегородцы другим городам,— с нами быти в одном совете и ратным людям на польских и литовских людей идти вместе, чтобы казаки по-прежнему низовой рати своим воровством, грабежи и иными воровскими заводы и Маринкиным сыном не разгонили» (т. е. не разогнали). На этот призыв, возвестивший земле начало второго восстания на поляков, откликнулось много городов и первым — Коломна.

Вышеупомянутая грамота предостерегала народ против Марины Мнишек с ее сыном Воренком и против псковского самозванца Сидорки-Дмитрия. Дела их, и особенно дела псковского Вора, неожиданно улучшились: к Вору начало было тянуть все подмосковное казачье ополчение. Видя это, московское боярство, сидя взаперти, обращается с грамотами в Кострому, Ярославль и другие города, увещевая народ отказаться от всех воров и быть верным Владиславу. Лишенные доверия, силы и власти в стране, бояре все еще думали руководить ею во имя того, против кого была вся земля, и не чувствовали, что около них вырастает новая власть, созданная и поддержанная земскими силами, власть еще сильнейшая той, которая создалась в первой рати под Москвой.

Когда ополчение было несколько устроено, оно выступило из Нижнего в марте 1612 г. и двинулось по дороге в Ярославль. Сюда оно пришло в начале апреля и пробыло здесь до августа,

т. е. в течение трех месяцев. Эта долгая стоянка вызвала много обвинений на Пожарского (напр., со стороны Палицына), но его можно вполне оправдать тем, что ведь нужно было еще устроить и обеспечить войско, достигнуть нейтралитета со стороны шведов, которые могли угрожать с тылу, и очистить северный край от казачьих шаек, с которыми пришлось много сражаться. Главное же оправдание Пожарского в том, что он не один управлял войском, поэтому и ответственность лежит не на нем одном. В его войске была высшая власть, которой князь повиновался по мотивам чисто нравственным. В его войске был земский собор. Несмотря на довольно ясные признаки этого собора, до последнего времени он не замечался учеными. Дело в том, что вообще организация управления в войске Пожарского очень темна для нас, по скудности сведений; ясно только одно, что князь с «товарищами» управлял не только ополчением, но и всей землей, как это было и в первом ополчении. Пожарский принимал челобитные, давал тарханные и жалованные грамоты монастырям, делал постройки в городах, давал льготы разоренным, назначал денежные сборы на ратное дело, но все это он делал «по совету всей земли», «по указу всей земли». Всякий, кто сколько-нибудь знаком с древними актами, поймет, что термином «земля» наши предки обозначали не что иное, как земский собор. Стало быть, соборное начало уважалось в войске Пожарского, чего не было в рати Ляпунова и Заруцкого, где воеводы действовали одним своим именем. Но был ли на самом деле собор во втором ополчении? Первый намек на существование земского собора около Пожарского мы видим в грамоте от 7 апреля в города: он просит прислать ему выборных «для царского обирания» и для совета о дипломатических и государственных делах. Выборных этого собора мы не знаем и не имеем о нем точных сведений; известно только, что города присылали своих выборных еще тогда, когда ополчение было в Нижнем. Но одно желание Пожарского иметь собор еще не позволяло бы нам делать вывод о действительном существовании этого собора, если бы не сохранились другие данные, сопоставление которых приводит к мысли, что собор действительно был. Летописец говорит, что в войске многие дела решались «всею ратью», даже и дела дипломатические, неудобные для общего обсуждения по необходимости держать их в тайне... Ясно, что не вся рать собиралась для обсуждения этих дел, а только представители или рати, или земли. Далее в одной грамоте земского собора 1613 г. выборные пишут, что до их приезда на собор, до начала собора 1613 г. из Москвы были посланы «по совету всей земли» особые лица для отписки в казну «на государя» дворцовых сел, захваченных в смуту разными лицами. Тут мы видим ясный уже намек на один из приговоров собора 1612 г. и можем поэтому заключить, что собор при Пожарском действительно был, хотя не оставил после себя ясных следов. Есть возможность думать, что на этом соборе

были представители трех сословий: духовного, служилого и тяглого.

Около 20 августа 1612 г. ополчение из Ярославля двинулось под Москву, и здесь между ополченцами и казаками установились сперва враждебные, потом холодные отношения, как этого и надо было ожидать; ополчение стало особым станом и этим навлекло на себя неприязнь казаков. Польский гарнизон в Кремле и Китай-городе, окруженный со всех сторон и лишенный всякой серьезной помощи, мужественно защищался и дошел до крайней нужды. Но, несмотря на его мужество, Китай-город 22 октября 1612 г. был взят, а затем сдался русским и Кремль. По взятии Москвы Пожарский грамотой от 15 ноября звал по десяти человек от городов для выбора царя.

Делу избрания царя помешал было поход Сигизмунда на Москву. Сигизмунд дошел до Волоколамска; три раза подступал к Волоку, три раза был отброшен и ушел обратно. Вот тогда на первом, так сказать, досуге, по взятии Москвы, русские поспешили [с] избранием царя. Дело это, как они совершенно верно понимали, было настоятельно нужно. Они говорили, что им без государя «ни малое время быти не можно; пещися о государстве и людьми Божьими промышлять некому». Но, думая о государе, вовсе и не думали признать им Владислава или кого-нибудь из самозванцев. Действительно, ни Владислав, ни жалкие самозванцы, до подлинности которых не было дела никому даже из их приверженцев, не могли быть сколько-нибудь серьезными кандидатами в цари: они лишились всякого кредита, как «всей крови заводчики». Царя нужно избрать другого, чтобы его имя могло быть знаменем для всех друзей порядка. И это знамя нужно было водрузить скорее, пока земщина была сильнее поляков и казачества, пока элементы беспорядка не возобладали снова и не выдвинули какого-нибудь нового претендента.

Избрание на царство Михаила Федоровича Романова. Выборные люди съехались в Москву в январе 1613 г. Из Москвы просили города прислать для царского выбора людей «лучших, крепких и разумных». Города, между прочим, должны были подумать не только об избрании царя, но и о том, как «строить» государство и как вести дело до избрания, и об этом дать выборным «договоры», т. е. инструкции, которыми те должны были руководствоваться. Для более полного освещения и понимания собора 1613 г. следует обратиться к разбору его состава, который может быть определен лишь по подписям на избирательной грамоте Михаила Федоровича, написанной летом 1613 г. На ней мы видим всего 277 подписей, но участников собора, очевидно, было больше, так как не все соборные люди подписывали соборную грамоту. Доказательством этого служит, например, следующее: за Нижний Новгород на грамоте подписались 4 человека (протопоп Савва, 1 посадский, 2 стрельца), а достовер-

но известно, что нижегородских выборных было 19 человек (3 попа, 13 посадских, дьякон и 2 стрельца). Если бы каждый город удовольствовался десятью человеками выборных, как определил их число кн. Дм. Мих. Пожарский, то выборных в Москве собралось бы до 500 человек, так как на соборе участвовали представители 50 городов (северных, восточных и южных); а вместе с московскими людьми и духовенством число участников собора простиралось бы до 700 человек. Собор был действительно многолюден. Собирался он часто в Успенском соборе, быть может, именно потому, что из других московских зданий ни одно не могло бы его вместить. Теперь является вопрос, какие классы общества были представлены на соборе и полон ли был собор по своему сословному составу. Из 277 упомянутых подписей 57 принадлежат духовенству (частью «выборному» из городов), 136 — высшим служилым чинам (боярам — 17), 84 — городским выборным. Выше уже сказано, что этим цифровым данным далеко нельзя верить. По ним провинциальных выборных на соборе было мало, а на деле эти выборные несомненно составляли большинство, и, хотя с точностью нельзя определить ни их количества, ни того, сколько было из них тяглых и сколько служилых людей, тем не менее можно сказать, что служилых было, кажется, более, чем посадских, но и посадских был очень большой процент, что на соборах редко бывало. И, кроме того, есть следы участия «уездных» людей (12 подписей). Это были, во-первых, крестьяне не владельческих, а черных государевых земель, представители свободных северных крестьянских общин, а во-вторых, мелкие служилые люди из южных уездов. Таким образом, представительство на соборе 1613 г. было исключительно полным.

О том, что происходило на этом соборе, мы ничего точного не знаем, потому что в актах и литературных трудах того времени остались только отрывки преданий, намеки и легенды, так что историк здесь находится как бы среди бессвязных обломков древнего здания, восстановить облик которого он не имеет сил. Официальные документы ничего не говорят о ходе заседаний. Сохранилась, правда, избирательная грамота, но она нам мало может помочь, так как написана далеко не самостоятельно и притом не заключает в себе сведений о самом ходе избрания. Что же касается до неофициальных документов, то они представляют собой или легенды, или скудные, темные и риторические рассказы, из которых ничего нельзя извлечь определенного.

Однако попробуем восстановить не картину заседаний — это невозможно,— а общий ход прений, общую последовательность избирательной мысли, как она пришла к личности Михаила Федоровича. Избирательные заседания собора начались в январе. От этого месяца до нас дошел первый по времени документ собора — именно грамота, данная кн. Трубецкому на область Вагу. Эта область, целое государство по пространству и богатству,

в XVI и XVII столетиях обыкновенно давалась во владение человеку, близкому к царю; при Федоре Ивановиче она принадлежала Годунову, при Вас. Ив. Шуйском — Дмитрию Шуйскому, теперь же переходила к знатному Трубецкому, по своему боярскому чину занявшему тогда одно из первых мест в Москве. Затем стали решать вопрос об избрании, и первым постановлением собора было *не выбирать царя из иностранцев*. К такому решению пришли, конечно, не сразу, да и вообще заседания собора были далеко не мирного свойства. Летописец об этом говорит, что «по многи дни бысть собрании людям, дела же утвердити не могут и всуе мятутся семо и овамо»; другой летописец также свидетельствует, что «многое было волнение всяким людям, кийждо бо хотяше по своей мысли деяти». Царь из иностранцев многим казался тогда возможным. Незадолго перед собором Пожарский ссылался со шведами об избрании Филиппа, сына Карла IX; точно так же начал он дело об избрании сына германского императора Рудольфа. Но это был только дипломатический маневр, употребленный им с целью приобрести нейтралитет одних и союз других. Тем не менее мысль об иноземном царе была в Москве, и была именно у боярства: такого царя хотели «начальницы», говорит псковский летописец. «Народы же ратные не восхотели ему быти»,— прибавляет он дальше. Но желание боярства, надеявшегося лучше устроиться при иноземце, чем при русском царе из их же боярской среды, встретилось с противоположным ему и сильнейшим желанием народа избрать царя из своих. Да это и понятно: разве мог народ симпатизировать иностранцу, когда ему так часто приходилось видеть, какими насилиями и грабежами сопровождалось на Руси появление иноземной власти? По мнению народа, иноземцы повинны были в смуте, губившей Московское государство.

Порешив один трудный вопрос, стали намечать кандидатов из московских родов. «Говорили на соборах о царевичах, которые служат в Московском государстве, и о великих родех, кому из них Бог даст... быть государем». Но тут-то и пришла главная смута. «Много избирающи искаху» не могли ни на ком остановиться: одни предлагали того, другие — другого, и все говорили разно, желая настоять на своей мысли. «И тако препроводиша не малые дни», по описанию летописца.

Каждый участник собора стремился указать на тот боярский род, которому он сам более симпатизировал, в силу ли его нравственных качеств, или высокого положения, или же просто руководясь личными выгодами. Да и многие бояре сами надеялись сесть на московский престол. И вот наступила избирательная горячка со всеми ее атрибутами — агитацией и подкупами. Откровенный летописец указывает нам, что избиратели действовали не совсем бескорыстно. «Многие же от вельмож, желающи царем быти, подкупахуся многим и дающи и обещающи многие дары». Кто выступал тогда кандидатами, кого предполагали

в цари, прямых указаний на это мы не имеем; предание же в числе кандидатов называет В. И. Шуйского, Воротынского, Трубецкого. Ф. И. Шереметев хлопотал за родню свою М. Ф. Романова. Современники, местничаясь с Пожарским, обвиняли его в том, что он, желая царствовать, истратил 20 тыс. рублей на подкупы. Нечего и говорить, что подобное предположение о 20 000 просто невероятно уже потому, что даже казна государева тогда не могла сосредоточить у себя такой суммы, не говоря о частном лице.

Споры о том, кого избрать, шли не только в одной Москве: сохранилось, мало впрочем вероятное, предание, что Ф. И. Шереметев был в переписке с Филаретом [Федором] Никитичем Романовым и В. В. Голицыным, что Филарет говорил в письмах о необходимости ограничительных условий для нового царя, а что Ф. И. Шереметев писал Голицыну о выгоде для бояр избрать Михаила Федоровича в следующих выражениях: «Выберем Мишу Романова, он молод и нам будет поваден». Эта переписка была найдена Ундольским в одном из московских монастырей, но в печать до сих пор не попала и где находится — неизвестно. Лично мы не верим в ее существование. Есть предание, тоже малодостоверное, и о переписке Шереметева с инокиней Марфой (Ксенией Ивановной Романовой), в которой последняя заявляла о своем нежелании видеть сына на престоле. Если бы действительно существовали сношения Романовых с Шереметевым, то в таком случае Шереметев знал бы о местопребывании своей корреспондентки, а он, как можно думать, этого не знал.

Наконец, 7 февраля 1613 г. пришли к решению избрать Михаила Федоровича Романова. По одной легенде (у Забелина), первый на соборе заговорил о Михаиле Федоровиче какой-то дворянин из Галича, принесший на собор письменное заявление о правах Михаила на престол. То же самое сделал какой-то донской атаман. Далее, Палицын в своем «Сказании» смиренным тоном заявляет, что к нему пришли люди многих городов и просили передать царскому синклиту «свою мысль об избрании Романова»; и по представительству этого святого отца будто бы «синклит» избрал Михаила. Во всех этих легендах и сообщениях особенно любопытна та черта, что почин в деле избрания Михаила принадлежит не высшим, а мелким людям. Казачество, говорят, также стояло за Михаила.

С 7-го числа окончательный выбор был отложен до 21-го, и посланы были в города люди, кажется, участники собора, узнать в городах мнение народа о деле. И города высказались за Михаила. К этому времени надо относить рассказы А. Палицына о том, что к нему явился какой-то «гость Смирный» из Калуги с известием, что все северские города желают именно Михаила. Стало быть, против Михаила, насколько можно думать, были голоса только на севере, народная же масса была за него. Она была за него еще в 1610 г. когда и Гермоген, при избрании

Владислава, и народ высказывались именно за Михаила. Поэтому возможна мысль о том, что собор приведен к избранию Михаила Федоровича давлением народной массы. У Костомарова («Смутное время») эта мысль мелькает, но очень слабо и неопределенно. Ниже мы будем иметь повод на ней остановиться.

Когда Мстиславские и другие бояре, а также запоздавшие выборные люди и посланные по областям собрались в Москву, то 21 февраля состоялось торжественное заседание в Успенском соборе. Здесь выбор Михаила был решен уже единогласно, вслед за чем последовали молебны о здравии царя и присяга ему. Известясь об избрании царя, города еще до получения согласия Михаила присягали ему и подписывали крестоцеловальные записи. По общему представлению, государя сам Бог избрал, и вся земля Русская радовалась и ликовала. Дело теперь оставалось только за согласием Михаила, получить которое стоило немалого труда. В Москве не знали даже, где он находится: посольство к нему от 2 марта отправлено было в «Ярославль или где он, государь, будет». А Михаил Федорович после московской осады уехал в свою костромскую вотчину, Домнино, где чуть было не подвергся нападению польской шайки, от которой спасен был, по преданию, крестьянином Иваном Сусаниным. Что Сусанин действительно существовал, доказательством этого служит царская грамота Михаила, которой семье Сусанина даются различные льготы. Однако между историками велась долгая полемика по поводу этой личности: так, Костомаров, разобрав легенду о Сусанине, свел все к тому, что личность Сусанина есть миф, созданный народным воображением. Такого рода заявлением он возбудил в 60-х годах целое движение в защиту этой личности: явились против Костомарова статьи Соловьева, Домнинского, Погодина. В 1882 г. вышло исследование Самарянова «Памяти Ивана Сусанина». Автор, прилагая карту местности, подробно знакомит нас с путем, по которому Сусанин вел поляков. Из его труда мы узнаем, что Сусанин был доверенным лицом у Романовых, и вообще эта книга представляет богатый материал о Сусанине. Из Домнина Михаил Федорович с матерью переехал в Кострому, в Ипатьевский монастырь, построенный в XIV столетии мурзой Четом, предком Годунова. Этот монастырь поддерживался вкладами Бориса и при Лжедмитрии был подарен последним Романовым, как предполагают, за все перенесенное ими от Бориса.

Посольство, состоявшее из Феодорита, архиепископа Рязанского и Муромского, Авраамия Палицына, Шереметева и др., приехало вечером 13 марта в Кострому. Марфа назначила ему явиться на другой день. И вот 14 марта посольство, сопровождаемое крестным ходом, при огромном стечении народа, отправилось просить Михаила на царство. Источником для ознакомления с действиями посольства служат нам его донесения в Москву.

Из них мы узнаем, что как Михаил, так и инокиня мать сперва безусловно отвергли предложение послов. Последняя говорила, что московские люди «измалодушествовались», что на таком великом государстве и не ребенку править не под силу, и т. д. Долго послам пришлось уговаривать и мать, и сына; они употребили все свое красноречие, грозили даже небесной карой; наконец усилия их увенчались успехом — Михаил дал свое согласие, а мать благословила его. Обо всем этом мы знаем, кроме посольских донесений в Москву, еще из избирательной грамоты Михаила, которая, впрочем, в силу ее малой самостоятельности, как мы уже говорили выше, не может иметь особенной ценности: она составлена по образцу избирательной грамоты Бориса Годунова; так, сцена плача народного в Ипатьевском монастыре списана с подобной же сцены, происходившей в Новодевичьем монастыре, описанной в Борисовой грамоте (оттуда взял ее Пушкин для своего «Бориса Годунова»).

Как только согласие Михаила Федоровича было получено, послы стали торопить его ехать в Москву; царь отправился, но путешествие это было чрезвычайно медленно, так как разоренные дороги далеко не могли служить удобным путем.

Значение новой династии. Такова внешняя сторона воцарения Михаила Федоровича Романова. Но есть и внутренний смысл в событиях этого важного исторического момента, сокрытый от нас ходячим преданием и восстановляемый детальным изучением эпохи.

Посмотрим на эту, так сказать, интимную сторону московских отношений, приведших к образованию новой и притом прочной династии.

В настоящее время можно считать совершенно выясненным, что руководители земского ополчения 1611—1612 гг. ставили своей задачей не только «идти на очищение» Москвы от поляков, но и сломить казаков, захвативших в свои руки центральные учреждения в подмосковных «таборах», а вместе с ними и правительственную власть. Как ни слаба была на деле эта власть, она становилась поперек дороги всякой иной попытке создать центр народного единения; она покрывала своим авторитетом «всея земли» казачьи бесчинства, терзавшие земщину, она грозила, наконец, опасностью социального переворота и водворения в стране «воровского» порядка или, вернее, беспорядка. Обстоятельства поставили для князя Пожарского войну с казаками в первую очередь: казаки сами открыли военные действия против нижегородцев. Междоусобная война русских людей шла без помехи со стороны поляков и литвы почти весь 1612 год. Сначала Пожарский выбил казаков из Поморья и Поволжья и отбросил их к Москве. Там, под Москвой, они были не только не вредны, но даже полезны для целей Пожарского тем, что парализовали польский гарнизон столицы. Предоставляя обоим своим врагам истощать себя взаимной борьбой, Пожарский не спешил из

Яроославля к Москве. Ярославские власти думали даже и государя избрать в Ярославле и собирали в этом городе совет всей земли не только для временного управления государством, но и для государева «обиранья». Однако приближение к Москве вспомогательного польско-литовского отряда вынудило Пожарского выступить к Москве,—и там, после победы над этим отрядом, разыгрался последний акт междоусобной борьбы земцев и казаков. Приближение земского ополчения к Москве заставило меньшую половину казачества отложиться от прочей массы и вместе с Заруцким, ее атаманом и «бояриком», уйти на юг. Другая, большая половина казаков, чувствуя себя слабее земцев, долго не решалась ни бороться с ними, ни подчиниться им. Надобен был целый месяц смут и колебаний, чтобы предводитель этой части казачества, тушинский боярин кн. Д. Т. Трубецкой, мог вступить в соглашение с Пожарским и Мининым и соединил свои «приказы» с земскими в одно «правительство». Как старший по своему отчету и чину, Трубецкой занял в этом правительстве первое место; но фактическое преобладание принадлежало другой стороне, и казачество, в сущности, капитулировало перед земским ополчением, поступив как бы на службу и в подчинение земским властям. Разумеется, это подчинение не могло сразу стать прочным, и летописец не раз отмечал казачье своеволие, доводившее рать почти «до крови», однако дело стало ясно в том отношении, что казачество отказалось от прежней борьбы с основами земского порядка и от первенства во власти. Казачество распалось и отчаялось в своем торжестве над земщиной.

Такое поражение казачества было очень важным событием во внутренней истории московского общества, не менее важным, чем «очищение» Москвы. Если с пленом польского гарнизона падала всякая тень власти Владислава на Руси, то с поражением казачества исчезла всякая возможность дальнейших самозванческих авантюр. Желавшее себе царя «от иноверных» московское боярство навсегда сошло с политической арены, разбитое бурями смутной поры. Одновременно с ним проиграла свою игру и казачья вольница с ее тушинскими вожаками, измышлявшими самозванцев. К делам становились «последние» московские люди, пришедшие с Кузьмой Мининым и Пожарским городские мужики и рядовые служилые люди. У них была определенная мысль «иных некоторых земель людей на Московское государство не обирать и Маринки с сыном не хотеть», а хотеть и обирать кого-нибудь из своих «великих родов». Так само собой намечалось главное условие предстоявшего в Москве царского избрания; оно вытекало из реальной обстановки данной минуты, как следствие действительного взаимоотношения общественных сил.

Сложившаяся в ополчении 1611—1612 гг. правительственная власть была создана усилиями средних слоев московского населения и была их верной выразительницей. Она овладела государ-

ством, очистила столицу, сломила казачьи таборы и подчинила себе большинство организованной казачьей массы. Ей оставалось оформить свое торжество и царским избранием возвратить стране правильный правительственный порядок. Недели через три после взятия Москвы, т. е. в середине ноября 1612 г., временное правительство уже посылает в города приглашения прислать в Москву выборных и с ними о государском избрании «совет и договор крепкой». Этим как бы открывался избирательный период, завершенный в феврале избранием царя Михаила. Толки о возможных кандидатах на престол должны были начаться немедля. Хотя мы вообще и очень мало знаем о таких толках, однако можем — из того, что знаем,— извлечь несколько ценнейших наблюдений над взаимоотношениями существовавших тогда общественных групп.

Недавно стало известно (в издании А. Гиршберга) одно важное показание о том, что делалось в Москве в самом конце ноября 1612 г. В эти дни польский король послал свой авангард под самую Москву, а в авангарде находились и русские «послы» от Сигизмунда и Владислава к московским людям, именно: князь Данило Мезецкий и дьяк Иван Грамотин. Они должны были «зговаривати Москвы, чтобы приняли королевича на царство». Однако все их посылки в Москву не привели к добру, и Москва начала с польским авангардом «задор и бой». В бою поляки взяли в плен бывшего в Москве смоленского сына боярского Ивана Философова и сняли с него допрос. То, что показал им Философов, было давно известно из московской летописной записи. Его спрашивали: «хотят ли взять королевича на царство? и Москва ныне людна ли и запасы в ней есть ли?» По выражению летописца, Философову «даде Бог слово, что глаголати», он сказал будто бы полякам: «Москва людна и хлебна, и на то все обещахомся, что всем помереть за православную веру, а королевича на царство не имати». Из слов Философова, думает летописец, король вывел заключение, что в Москве много сил и единодушия, и потому ушел из Московского государства. Не так давно напечатанный документ освещает иным светом показание Философова. В изданных А. Гиршбергом материалах по истории московско-польских отношений мы читаем подлинный отчет королю и королевичу князя Д. Мезецкого и Ив. Грамотина о допросе Философова. Они, между прочим, пишут: «А в роспросе, господари, нам и полковником сын боярской (именно Иван Философов) сказал, что на Москве у бояр, которые вам, великим господарям, служили, и у лучших людей хотение есть, чтоб просити на господарство вас, великаго господаря королевича Владислава Жигимонтовича, а именно де о том говорити не смеют, боясь казаков, а говорят, чтобы обрать на государство чужеземца; а казаки де, господари, говорят чтоб обрать кого из русских бояр, а примеривают Филаретова сына и Воровского Колужскаго. И во всем де и казаки бояром и дворяном сильны, делают что хотят;

а дворяне де и дети боярские разъехалися по поместьям, а на Москве осталось дворян и детей боярских всего тысячи с две, да казаков полпяты тысячи человек (т. е.—4500), да стрельцов с тысячу человек, да мужики чернь. А бояр де, господари, и князя Федора Ивановича Мстиславскаго с товарищи, которые на Москве сидели, в Думу не припускают, а писали об них в городы ко всяким людям: пускать их в Думу, или нет? А делает всякие дела князь Дмитрий Трубецкой да князь Дмитрий Пожарский, да Куземка Минин. А кому вперед быти на господарстве, того еще не постановили на мере». Очевидно, что из этих слов отчета о показании Философова польский король извлек не совсем те выводы, какие предположил московский летописец. Что в Москве большой гарнизон, король мог не сомневаться: семь с половиной тысяч ратных людей, кроме черни, годной по тем временам для обороны стен, составляли внушительную силу. Среди гарнизона не было единодушия, но Сигизмунд видел, что в Москве преобладают, и притом решительно преобладают, враждебные ему элементы. Не питая надежд на успех, он и решился повернуть назад.

Такова обстановка, в какой известно нам показание Философова. Обе воевавшие стороны придавали ему большое значение. Москва знала его не в деловой, а, так сказать, в эпической редакции; отступление Сигизмунда, бывшее или казавшееся последствием речей Философова, придало им ореол патриотического подвига, и самые речи редактировались летописцем под впечатлением этого подвига, слишком благородно и красиво. Король же узнал показание Философова в деловой передаче такого умного дельца, каков был дьяк Ив. Грамотин. Сжато и метко очерчивается в отчете кн. Мезецкого и Грамотина положение Москвы, и мы в интересах научной правды можем смело положиться на этот отчет.

Становится ясно, что через месяц по очищении Москвы главные силы земского ополчения были уже демобилизованы. По обычному московскому порядку, с окончанием похода служилые отряды получали разрешение возвращаться в свои уезды «по домам». Взятие Москвы было тогда понято как конец похода. Содержать многочисленное войско в разоренной Москве было трудно; еще труднее было служилым людям кормиться там самим. Не было и основания для того, чтобы держать в столице большие массы полевого войска — дворянской конницы и даточных людей. Оставив в Москве необходимый гарнизон, остальных сочли возможным отпустить домой. Это-то и разумеет летописец, когда говорит о конце ноября: «Людие ж с Москвы все розъехалися». В составе гарнизона, опять-таки по обычному порядку, были московские дворяне, некоторые группы провинциальных, «городовых», дворян (сам Иван Философов, например, был не москвич, а «смолянин», т. е. из смоленских дворян), далее стрельцы (число которых уменьшилось в смуту) и, наконец,

казаки. Философов точно определяет число дворян в 2000, число стрельцов в 1000 и число казаков в 4500 человек. Получилось такое положение, которое вряд ли могло нравиться московским властям. С роспуском городских дружин служилых и тяглых людей казаки получили численный перевес в Москве. Их некуда было распустить по их бездомовности и их нельзя было разослать на службу в города по их ненадежности. Начиная с приговора 30 июня 1611 г., земская власть, как только получала преобладание над казачеством, стремилась выводить казаков из городов и собирать их у себя под рукой в целях надзора, и Пожарский в свое время, в первой половине 1612 г., стягивал служилых подчинившихся ему казаков в Ярославль и затем вел их с собой под Москву. Поэтому-то в Москве и оказалось так много казаков. Насколько мы располагаем цифровыми данными для того времени, можно сказать, что указанное Философовым число казаков «полпяты тысячи» очень велико, но вполне вероятно. По некоторым соображениям приходится думать, что в 1612 г. под Москвой с кн. Трубецким и Заруцким сидело около 5000 казаков; из них Заруцкий увел около 2000, а остальные поддались земскому ополчению Пожарского. Не знаем точно, сколько пришло в Москву казаков с Пожарским из Ярославля; но знаем, что немногим позднее того времени, о котором идет теперь речь, а именно в марте и апреле 1613 г., казачья масса в Москве была столь значительна, что упоминаются отряды казаков в 2323 и 1140 человек и ими не исчерпывается еще вся наличность казаков в Москве. Таким образом, надобно верить цифре Философова и признать, что в исходе 1612 г. казачьи войска в Москве числом более, чем вдвое, превосходили дворян и раза в полтора превосходили дворян и стрельцов, вместе взятых. Эту массу надобно было обеспечить кормами и держать в повиновении и в порядке. По-видимому, московская власть этого не достигала, и побежденное земцами казачество снова поднимало голову, пытаясь овладеть положением дел в столице. Такое настроение казаков и отметил Философов словами: «И во всем казаки бояром и дворяном сильны, делают, что хотят».

С одной стороны, казаки настойчиво и беззастенчиво требовали «кормов» и всякого жалованья, а с другой — они «примеривали» на царство своих кандидатов. О кормах и жалованье летописец говорит кратко, но сильно: он сообщает, что казаки после взятия Кремля «начаша прошати жалованья безпрестанно», они «всю казну московскую взяша, и едва у них немного государевы казны отняша»; из-за казны они однажды пришли в Кремль и хотели «побить» начальников (т. е. Пожарского и Трубецкого), но дворяне не допустили до этого и меж ними «едва без крови проиде». По словам Философова, московские власти «что у кого казны сыщут, и то все отдают казаком в жалованье; а что (при сдаче Москвы) взяли в Москве у польских и русских людей, и то все поимали казаки ж».

Наконец, архиепископ Арсений Елассонский согласно с Философовым сообщает некоторые подробности о розысках царской казны после московского очищения и о раздаче ее «воинам и казакам», после чего «весь народ успокоился». Очевидно, вопрос об обеспечении казаков составлял тогда тяжелую заботу московского правительства и постоянно грозил властям насилиями с их стороны. Сознавая свое численное превосходство в Москве, казаки шли далее «жалованья» и «кормов»: они, очевидно, возвращались к мысли о политическом преобладании, утерянном ими вследствие успехов Пожарского. После московского очищения во главе временного правительства почитался казачий начальник боярин князь Трубецкой, главную силу московского гарнизона составляли казаки: очевидна мысль, что казакам может и должно принадлежать и решение вопроса о том, кому вручить московский престол. Стоя на этой мысли, казаки заранее «примеривали» на престол наиболее достойных, по их мнению, лиц. Такими оказались сын бывшего тушинского и калужского царя «Вора», увезенный Заруцким, и сын бывшего тушинского патриарха Филарета Романова.

Московским властям приходилось до времени терпеть все казачьи выходки и притязания, потому что привести казаков в полное смирение можно было или силой, собрав в Москву новое земское ополчение, или авторитетом всей земли, создав Земский собор. Торопясь с созывом собора, правительство, конечно, понимало, что произвести мобилизацию земских ополчений после только что оконченного похода под Москву было бы чрезвычайно трудно. Других средств воздействия на казачество в распоряжении правительства не было. Терпеть приходилось еще и потому, что в казачестве правительство видело действительную опору против вожделений королевских приверженцев. Философов недаром говорил, что «бояре и лучшие люди» в Москве таили свое желание пригласить Владислава, «боясь казаков». Против поляков и их московских друзей казаки могли оказать существенную помощь, и Сигизмунд повернул назад от Москвы в конце 1612 г. скорее всего именно ввиду «полупяты тысячи» казаков и их противопольского настроения. Счеты с агентами и сторонниками Сигизмунда тогда в Москве еще не были закончены, и отношения к царю Владиславу Жигимонтовичу еще не были ликвидированы. Философов сообщал, что в Москве арестовано «за приставы русских людей, которые сидели в осаде: Иван Безобразов, Иван Чичерин, Федор Андронов, Степан Соловецкий, Бажен Замочников; и Федора де и Бажена пытали на пытце в казне». Согласно с этим и архиепископ Арсений Елассонский говорит, что по очищении Москвы «врагов государства и возлюбленных друзей великого короля, Ф. Андронова и Ив. Безобразова, подвергли многим пыткам, чтобы разузнать о царской казне, о сосудах и о сокровищах... Во время наказания их (т. е. друзей короля) и пытки умерли из них трое: великий дьяк цар-

ского судилища Тимофей Савинов, Степан Соловецкий и Бажен Замочников, присланные великим королем довереннейшие казначеи его к царской казне». По обычаю той эпохи, «худых людей, торговых мужиков, молодых детишек боярских», служивших королю, держали за приставами и пытали до смерти, а великих бояр, виновных в той же службе королю, только «в думу не припускали» и, самое большое, держали под домашним арестом, пока земский совет в городах не решит вопроса: «пускать их в думу, или нет?» До нас не дошли грамоты, которые были, по словам Философова, посланы в города о том, можно ли бояр князя Мстиславского «с товарищи» пускать в думу. Но есть полное основание считать, что на этот вопрос в Москве в конце концов ответили отрицательно, так как выслали Мстиславского «с товарищи» из Москвы куда-то «в городы» и произвели государево избрание без них. Все эти меры против московского боярства и московской администрации, служивших королю, временное московское правительство кн. Д. Т. Трубецкого, кн. Д. М. Пожарского и «Куземки» Минина могло принимать главным образом с сочувствием казачества, ибо в боярах и лучших «людях» еще жива была тенденция в сторону Владислава.

Таковы были обстоятельства московской политической жизни в конце 1612 г. Из рассмотренных здесь данных ясен тот вывод, что победа, одержанная земским ополчением над королем и казаками, требовала дальнейшего упрочения. Враги были побеждены, но не уничтожены. Они пытались, как могли, вернуть себе утраченное положение, и если имя Владислава произносилось в Москве негромко, то громко раздавались имена «Филаретова сына и Воровского Калужского». Земщине предстояла еще забота — на Земском соборе настоять, чтобы не прошли на престол ни иноземцы, ни самозванцы, о которых, как видим, еще смели мечтать побежденные элементы. Успеху земских стремлений в особенности могло мешать то обстоятельство, что Земскому собору предстояло действовать в столице, занятой в большинстве казачьим гарнизоном. Преобладание казачьей массы в городе могло оказать некоторое давление и на представительное собрание, направив его так или иначе в сторону казачьих вожделений.

Насколько мы можем судить, нечто подобное и случилось на избирательном соборе 1613 г. Иностранцы после избрания на престол царя Михаила Федоровича получили такое впечатление, что это избрание было делом именно казаков. В официальных, стало быть ответственных, беседах литовско-польских дипломатов с московскими в первые месяцы после выбора Михаила русским людям приходилось выслушивать «непригожие речи»: Лев Сапега грубо высказал самому Филарету в присутствии московского посла Желябужского, что «посадили сына его на Московское государство государем одни казаки донцы»; Александр Гонсевский говорил князю Воротынскому, что Михаила «выбирали одни казаки». Со своей стороны, шведы высказывали

мнение, что в пору царского избрания в Москве были «казаки в московских столпех сильнейшии». Эти впечатления посторонних лиц встречают некоторое подтверждение и в московских исторических воспоминаниях. Разумеется, нечего искать таких подтверждений в официальных московских текстах: они представляли дело так, что царя Михаила сам Бог дал и всей землей обрали. Эту же идеальную точку зрения усвоили себе и все русские литературные сказания XVII в. Царское избрание, замирившее смуту и успокоившее страну, казалось особым благодеянием Господним, и приписывать казакам избрание того, кого «сам Бог объявил», было в глазах земских людей неприличной бессмыслицей. Но все-таки в московском обществе осталась некоторая память о том, что в счастливом избрании законного государя приняли участие и проявили почин даже и склонные ко всякому беззаконию казаки. Авраамий Палицын рассказывает, что к нему на монастырское подворье в Москве во время Земского собора приходили вместе с дворянами и казаки с мыслью именно о Михаиле Федоровиче Романове и просили его довести их мысль до собора. Изданный И. Е. Забелиным поздний и в общем недостоверный рассказ о царском избрании 1613 г. заключает в себе одну любопытнейшую подробность о том, что права Михаила на избрание объяснил собору, между прочим, «славного Дону атаман». Эти упоминания о заслугах казаков в деле объявления и укрепления кандидатуры М. Ф. Романова имеют очень большую цену: они свидетельствуют, что роль казачества в царском избрании не была скрыта и от московских людей, хотя им она представлялась, конечно, иначе, чем иноземцам.

Руководясь приведенными намеками источников, мы можем себе ясно представить, какой смысл имела кандидатура М. Ф. Романова и каковы были условия ее успеха на Земском соборе 1613 г.

Собравшись в Москву в исходе 1612 или в самом начале 1613 г., земские выборные хорошо представили собой «всю землю». Окрепшая в эпоху смуты практика выборного представительства позволила избирательному собору на самом деле представить собой не одну Москву, а Московское государство в нашем смысле этого термина. В Москве оказались представители не менее 50 городов и уездов; представлены были и служилый и тяглый класс населения; были и представители казаков. В своей массе собор оказался органом тех слоев московского населения, которые участвовали в очищении Москвы и восстановлении земского порядка; он не мог служить ни сторонникам Сигизмунда, ни казачьей политике. Но он мог и неизбежно должен был стать предметом воздействий со стороны тех, кто еще надеялся на восстановление королевской власти или же казачьего режима. И вот, отнимая надежду как на то, так и на другое, собор прежде всякого иного решения торжественно укрепился в мысли: «А литовского и свийского короля и их детей, за их многия неправ-

ды, и иных никоторых земель людей на Московское государство не обирать, и Маринки с сыном не хотеть». В этом решении заключалось окончательное поражение тех, кто думал еще бороться с результатами московского очищения и с торжеством средних консервативно настроенных слоев московского населения. Исчезло навсегда «хотение» бояр и «лучших людей», которые «служили» королю, по выражению Философова, и желали бы снова «просити на государство» Владислава. Невозможно было долее «примеривать» на царство и «Воровского Калужского», а стало быть, мечтать о соединении с Заруцким, который держал у себя «Маринку» и ее «Воровского Калужского» сына.

Победа над боярами, желавшими Владислава, досталась собору, думается, очень легко: вся партия короля в Москве, как мы видели, была разгромлена временным правительством тотчас по взятии столицы, и даже знатнейшие бояре, «которые на Москве сидели», вынуждены были уехать из Москвы и не были на соборе вплоть до той поры, когда новый царь был уже избран: их вернули в Москву только между 7 и 21 февраля. Если до собора сторонники приглашения Владислава «именно о том говорити не смели, боясь казаков», то на соборе им надобно было беречься еще более, боясь не одних казаков, но и «всей земли», которая одинаково с казаками не жаловала короля и королевича. Другое дело было земщине одолеть казаков: они были сильны своим многолюдством и дерзки сознанием своей силы. Чем решительнее земщина становилась против Маринки и против ее сына, тем внимательнее должна была она отнестись к другому кандидату, выдвинутому казаками,— «к Филаретову сыну». Он был не чета «Воренку». Нет сомнения, что казаки выдвигали его по тушинским воспоминаниям, потому что имя его отца Филарета было связано с тушинским табором. Но имя Романовых было связано и с иным рядом московских воспоминаний. Романовы были популярным боярским родом, известность которого шла с первых времен царствования Грозного. Незадолго до избирательного собора 1613 г., именно в 1610 г., совсем независимо от казаков, М. Ф. Романова в Москве считали возможным кандидатом на царство, одним из соперников Владислава. Когда собор настоял на уничтожении кандидатуры иноземцев и Маринкина сына и «говорили на соборах о царевичах, которые служат в Московском государстве, и о великих родех, кому из них Бог даст на московском государстве быть государем»,— то из всех великих родов естественно возобладал род, указанный мнением казачества. На Романовых могли сойтись и казаки и земщина — и сошлись: предлагаемый казачеством кандидат легко был принят земщиной. Кандидатура М. Ф. Романова имела тот смысл, что мирила в самом щекотливом пункте две еще не вполне примиренные общественные силы и давала им возможность дальнейшей солидарной работы. Радость обеих сторон по случаю достигнутого соглашения, вероятно, была искренна и велика, и Михаил

был избран действительно «единомышленным и нерозвратным советом» его будущих подданных.

Заключение. Результаты смуты. Освобождением Москвы и избранием царя историки обыкновенно кончают повесть о смуте,— они правы. Хотя первые годы царствования Михаила — тоже смутные годы, но дело в том, что причины, питавшие, так сказать, смуту и заключавшиеся в нравственной шаткости и недоумении здоровых слоев московского общества и в их политическом ослаблении, эти причины были уже устранены. Когда этим слоям удалось сплотиться, овладеть Москвой и избрать себе царя, все прочие элементы, действовавшие в смуте, потеряли силу и мало-помалу успокаивались. Выражаясь образно, момент избрания Михаила — момент прекращения ветра в буре; море еще волнуется, еще опасно, но оно движется по инерции и должно успокоиться.

Так колебалось Русское государство, встревоженное смутой; много хлопот выпало на долю Михаила, и все его царствование можно назвать эпилогом драмы, но самая драма уже кончалась, развязка уже последовала, результаты смуты уже выяснились.

Обратимся теперь к этим результатам. Посмотрим, как понимают важнейшие представители нашей науки факт смуты в его последствиях. Первое место дадим здесь, как и всегда, С. М. Соловьеву. Он (и в «Истории», и во многих своих отдельных статьях) видит в смуте испытание, из которого государственное начало, боровшееся в XVI в. с родовым началом, выходит победителем. Это чрезвычайно глубокое, хотя, может быть, и не совсем верное историческое воззрение. К. С. Аксаков, человек с большим непосредственным пониманием русской жизни, видит в смуте торжество «земли» и последствием смуты считает укрепление союза «земли» и «государства» (под государством он понимает то, что мы зовем правительством). Во время смуты «земля» встала как единое целое и восстановила государственную власть, спасла государство и скрепила свой союз с ним. В этом воззрении, как и у С. М. Соловьева, нет толкований относительно реальных последствий смуты. Это — общая историческая оценка смуты со стороны результатов. Но даже такой общей оценки нет у И. Е. Забелина; он результатами смуты как-то вовсе не интересуется, и о нем здесь мало приходится говорить. Много зато можно сказать о мнении Костомарова, который считает смутное время безрезультатной эпохой. Чтобы яснее представить себе воззрение этого историка, приведем выдержку из заключительной главы его «Смутного времени Московского государства»: «Неурядицы продолжались и после, в царствование Михаила Федоровича, как последствие смутного времени, но эти неурядицы уже не имели тех определенных стремлений — ниспровергнуть порядок государства и поднять с этой целью знамя каких-нибудь воровских царей; а таков именно был в начале XVII в. характер самой эпохи смутного времени, не

представляющей ничего себе подобного в таких эпохах, какие случались и в других европейских государствах. Чаще всего за потрясениями этого рода следовали важные изменения в политическом строе той страны, которая их испытывала; наша смутная эпоха ничего не изменила, ничего не внесла нового в государственный механизм, в строй понятий, в быт общественной жизни, в нравы и стремления, ничего такого, что, истекая из ее явлений, двинуло бы течение русской жизни на новый путь, в благоприятном или неблагоприятном для нее смысле. Страшная встряска перебуровила все вверх дном, нанесла народу несчетные бедствия; не так скоро можно было поправиться после того Руси,— и до сих пор после четверти тысячелетия, не читающий своих летописей народ говорит, что давно-де было «литейное разорение»; Литва находила на Русь, и такая беда была наслана, что малость людей в живых осталось и то оттого, что Господь на Литву слепоту наводил. Но в строе жизни нашей нет следов этой страшной кары Божьей: если в Руси XVII в., во время, последующее за смутной эпохой, мы замечаем различие от Руси XVI в., то эти различия произошли не из событий этой эпохи, а явились вследствие причин, существовавших до нее или возникших после нее. Русская история вообще идет чрезвычайно последовательно, но ее разумный ход будто перескакивает через смутное время и далее продолжает свое течение тем же путем, тем же способом, с теми же приемами, как прежде. В тяжелый период смуты были явления новые и чуждые порядку вещей, господствовавшему в предшествовавшем периоде, однако они не повторялись впоследствии, и то, что, казалось, в это время сеялось, не возрастало после».

Можно ли согласиться с таким воззрением Костомарова? Думаем, что нет. Смута наша богата реальными последствиями, отозвавшимися на нашем общественном строе, на экономической жизни ее потомков. Если Московское государство кажется нам таким же в основных своих очертаниях, каким было до смуты, то это потому, что в смуте победителем остался тот же государственный порядок, какой формировался в Московском государстве в XVI в., а не тот, какой принесли бы нам его враги — католическая и аристократическая Польша и казачество, жившее интересами хищничества и разрушения, отлившееся в форму безобразного «круга». Смута произошла, как мы старались показать, не случайно, а была обнаружением и развитием давней болезни, которой прежде страдала Русь. Эта болезнь окончилась выздоровлением государственного организма. Мы видим после кризиса смуты тот же организм, тот же государственный порядок. Поэтому мы и склонны думать, что все осталось по-прежнему без изменений, что смута была только неприятным случаем без особенных последствий. Пошаталось государство и стало опять крепко, что же тут может выйти нового? А между тем вышло много нового. Болезнь оставила на уцелевшем организме резкие

следы, которые оказывали глубокое влияние на дальнейшую жизнь этого организма. Общество переболело, оправилось, снова стало жить и не заменилось другим, но само стало иным, изменилось.

В смуте шла борьба не только политическая и национальная, но и общественная. Не только воевали между собой претенденты на престол московский и сражались русские с поляками и шведами, но и одни слои населения враждовали с другими: казачество боролось с оседлой частью общества, старалось возобладать над ней, построить землю по-своему — и не могло. Борьба привела к торжеству оседлых слоев, признаком которого было избрание царя Михаила. Эти слои и выдвинулись вперед, поддерживая спасенный ими государственный порядок. Но главным деятелем в этом военном торжестве было городское дворянство, которое и выиграло больше всех. Смута много принесла ему пользы и укрепила его положение. Служилый человек и прежде стоял наверху общества, владел (вместе с духовенством) главным капиталом страны — землей — и завладевал земледельческим трудом крестьянина. Смута помогла его успехам. Служилые люди не только сохранили то, что имели, но благодаря обстоятельствам смуты приобрели гораздо больше. Смута ускорила подчинение им крестьянства, содействовала более прочному приобретению ими поместий, давала им возможность с разрушением боярства (которое в смуту потеряло много своих представителей) подниматься по службе и получать больше и больше участия в государственном управлении. Смута, словом, ускорила процесс возвышения московского дворянства, который без нее совершился бы несравненно медленнее.

Что касается до боярства, то оно, наоборот, много потерпело от смуты. Его нравственный кредит должен был понизиться. Исчезновение во время смуты многих высоких родов и экономический упадок других содействовали пополнению рядов боярства сравнительно незначительными людьми, а этим понижалось значение рода. Для московской аристократии время смуты было тем же, чем были войны Алой и Белой Роз для аристократии Англии: она потерпела такую убыль, что должна была воспринять в себя новые, демократические, сравнительно, элементы, чтобы не истощиться совсем. Таким образом, и здесь смута не прошла бесследно.

Но вышесказанным не исчерпываются результаты смуты. Знакомясь с внутренней историей Руси в XVII в., мы каждую крупную реформу XVII в. должны будем возводить к смуте, обусловливать ею. В корень подорвав экономическое благосостояние страны, шатавшееся еще в XVI в., смута создала для московского правительства ряд финансовых затруднений, которые обусловливали собой всю его внутреннюю политику, вызвали окончательное прикрепление посадского и сельского населения, поставили московскую торговлю и промышленность на время в полную зависимость от иностранцев. Если к этому мы прибавим те

войны XVII в., необходимость которых вытекала прямо из обстоятельств, созданных смутой, то поймем, что смута была очень богата результатами и отнюдь не составляла такого эпизода в нашей истории, который случайно явился и бесследно прошел. Не рискуя много ошибиться, можно сказать, что смута обусловила почти всю нашу историю в XVII в.

Так обильны были реальные, видимые последствия смуты. Но события смутной поры, необычайные по своей новизне для русских людей и тяжелые по своим последствиям, заставляли наших предков болеть не одними личными печалями и размышлять не об одном личном спасении и успокоении. Видя страдания и гибель всей земли, наблюдая быструю смену старых политических порядков под рукой и своих и чужих распорядителей, привыкая к самостоятельности местных миров и всей земщины, лишенный руководства из центра государства русский человек усвоил себе новые чувства и понятия: в обществе крепло чувство национального и религиозного единства, слагалось более отчетливое представление о государстве. В XVI в. оно еще не мыслилось как форма народного общежития, оно казалось вотчиной государевой, а в XVII в., по представлению московских людей,—это уже «земля», т. е. государство. Общая польза, понятие, не совсем свойственное XVI веку, теперь у всех русских людей сознательно стоит на первом плане: своеобразным языком выражают они это, когда в безгосударственное время заботятся о спасении государства и думают о том, «что земскому делу пригодится» и «как бы земскому делу было прибыльнее». Новая, «землею» установленная власть Михаила Федоровича вполне усваивает себе это понятие общей земской пользы и является властью вполне государственного характера. Она советуется с «землею» об общих затруднениях и говорит иностранцам по поводу важных для Московского государства дел, что «такого дела теперь решить без совета всего государства нельзя ни по одной статье». При прежнем господстве частноправных понятий, еще и в XVI в., неясно отличали государя как хозяина-вотчинника и государя как носителя верховной власти, как главу государства. В XVI в. управление государством считали личным делом хозяина страны да его советников; теперь, в XVII в., очень ясно сознается, что государственное дело не только «государево дело», но и «земское», так и говорят о важных государственных делах, что это «великое государство и земское» дело.

Эти новые, в смуту приобретенные, понятия о государстве и народности не изменили сразу и видимым образом политического быта наших предков, но отзывались во всем строе жизни XVII в. и сообщали ей очень отличный от старых порядков колорит. Поэтому для историка и важно отметить появление этих понятий. Если, изучая Московское государство XVI в., мы еще спорим о том, можно ли назвать его быт вполне государственным, то о XVII в. такого спора быть не может, потому уже, что сами русские люди XVII в. сознали свое государство, усвоили

государственные представления, и усвоили именно за время смуты, благодаря новизне и важности ее событий. Не нужно и объяснять, насколько следует признавать существенными последствия смуты в этой сфере общественной мысли и самосознания.

Время царя Михаила Федоровича (1613—1645)

Вступление во власть. Дав свое согласие на престол, Михаил Федорович выехал вместе с матерью из Костромы в Ярославль. Здесь к нему стал стекаться народ большими толпами, выражая свою симпатию молодому царю. Таким образом, после 1612 г. Ярославль вторично делается центром патриотического движения. В этом городе Михаил Федорович оставался месяц, а потом, в середине апреля, когда прошел лед и сбыла вода, двинулся дальше. В Москве между тем Земский собор еще не расходился: он управлял всеми делами государства и деятельно переписывался с царем. Часто между собором и царем возникали недоразумения, потому что казацкие грабежи и беспорядки в стране еще продолжались. Земский собор, принимая против них меры, вместе с тем заботился и об устройстве царского двора, отбирая дворцовые земли у тех, кто ими завладел, и собирая запасы для дворца. Вести о беспорядках доходили и до Михаила Федоровича, в Ярославль; к нему приходили жаловаться на грабежи, бежали с жалобой и те, у кого были отняты дворцовые земли. Все просили управы и помощи, а у царя не было средств ни на то, ни на другое. На вопрос царя о разбоях и беспорядках собор отвечал, что он старается, насколько можно, об устройстве земли, и докладывал о своих мероприятиях, но эти последствия казались Михаилу (или вернее, тому, кто за ним стоял) очень неудовлетворительными. В Ярославле думали, что можно скорее и лучше водворить порядок, чем то делал собор. И вот, видя, что порядок не сразу устанавливается, слыша постоянные жалобы и просьбы о кормах и жалованье, не умея их удовлетворить или прекратить, Михаил Федорович «кручинился» и с некоторым раздражением писал собору: «Вам самим ведомо, учинились мы царем по вашему прошению, а не своим хотением: крест нам целовали вы своею волею; так вам бы всем, помня свое крестное целование, нам служить и во всяком деле радеть»... Царь требовал этими словами, чтобы собор избавил его от хлопот с челобитчиками, и просил «те докуки от него отвести», как он выражался.

Несмотря на неудовольствия, 16 апреля царь «пошел» к Москве из Ярославля, требуя, чтобы к его приезду приготовили ему помещение, и даже прямо указывал палаты дворца; а у собора не было ни материала для их поправки, ни мастеров, почему и были

приготовлены другие палаты, что вызвало гнев со стороны царя. Когда царь был уже около Троице-Сергиева монастыря, к нему стали сбегаться дворяне и крестьяне, ограбленные и избитые казачьими шайками, бродившими около самой Москвы. Тогда Михаил Федорович в присутствии послов от собора заявил, что он с матерью не пойдет дальше, и сказал послам: «Вы нам челом били и говорили, что все люди пришли в чувство, от воровства отстали, так вы били челом и говорили ложно». А в Москву Михаил Федорович писал боярам и собору: «Можно вам и самим знать, если на Москве и под Москвою грабежи и убийства не уймутся, то какой от Бога милости надеяться?» Собор, конечно, всеми силами рад был окончить все беспорядки, но он знал свое бессилие: он держался и повелевал только нравственным авторитетом, который не мог простираться на все элементы смуты. Как бы то ни было, несмотря на неудовольствие, Михаил Федорович прибыл 2 мая в Москву, а 11 июля венчался на царство. Этим моментом кончается смутная эпоха и начинается новое царствование.

Первые годы правления царя Михаила Федоровича до сих пор представляют собой такой исторический момент, в котором не все доступно научному наблюдению и не все понятно из того, что уже удалось наблюсти. Неясны ни самая личность молодого государя, ни те влияния, под которыми жила и действовала эта личность, ни те силы, какими направлялась в то время политическая жизнь страны. Болезненный и слабый, царь Михаил всего тридцати с небольшим лет так «скорбел ножками», что иногда, по его собственным словам (в июне 1627 г.), его «до возка и из возка в креслах носят». Около царя заметен кружок дворцовой знати — царских родственников, которые вместе с государевой матерью тянулись к влиянию и власти. Хотя один современник и выразился так, что мать государя, «инока великая старица Марфа, правя под ним и поддерживая царство со своим родом», однако очевидно, что старица правила только дворцом и поддерживала не царство, а свой «род». Течение политической жизни шло мимо ее кельи и направлялось какой-то иной силой, каким-то правительством, состав которого, однако, не совсем ясен. Это не был Земский собор или, как тогда говорили, «вся земля». «Вся земля» была как бы совещательным органом при каком-то ином правительстве, во главе которого стоял царь и в составе которого находились истинные руководители московской политики. Конечно, это не была Боярская дума во всем ее составе; но мы не знаем, кто именно это был. Просматривая список думных людей тех лет, мы не можем точно сказать, кого из думцев надлежит считать только высшим чиновником и в ком из думцев надлежит видеть влиятельного советника и даже руководителя власти.

Всего вероятнее, что за царем стоял им самим составленный придворный кружок, а не ограничивающее его власть учреждение с определенным составом и формальными полномочиями. Царь

Михаил ограничен во власти не был,и никаких ограничительных документов от его времени до нас не дошло.

Вопрос об ограничениях. Между тем об ограничениях царя Михаила существует ряд частных показаний, большинство которых относятся к XVIII в., именно ко времени около 1730 г. Таковы свидетельства русского историка В. Н. Татищева (кратко говорящего, что Михаила Федоровича избрали всенародно, но с ограничительной записью) и трех иностранцев. Из них два, Страленберг и Фокеродт, дают подробное изложение ограничений, составленное в духе их эпохи, а третий, Шмидт-Физельдек, кратко говорит о каких-то документах, содержащих ограничения и будто бы хранимых в XVIII в. в государственных хранилищах. Чтобы понять эти известия в их истинном значении, надобно знать, что в последние годы царствования Петра Великого среди его сотрудников обсуждался вопрос о необходимости устройства какого-либо органа власти, который бы сообщил верховному управлению, будто бы расстроенному Петром Великим, правильную организацию. Постепенно в умах некоторых сановников (кн. Д. М. Голицын) рождается мысль о полезности и возможности такой реформы, которая бы, устроив законодательную власть в стране, ограничила бы личный авторитет монарха. В учреждении Верховного тайного совета в начале 1726 г. многие готовы были видеть первый шаг именно в этом направлении, а в 1730 г. «верховники» пытались сделать и второй, более определенный и решительный шаг в сторону шведских олигархических порядков. Таким образом на пространстве двух десятилетий мы наблюдаем в высших кругах бюрократии известное течение политической мысли: оно отправляется от заботы восстановить нарушенную так называемой реформой правильность правительственных функций и приводит к попытке коренного государственного переворота. Сначала думают создать что-нибудь соответствующее старой «думе государевой», а затем приходят к решимости упразднить исконную полноту власти государя. И в том, и в другом фазисе размышлений и разговоров лица, причастные к данному делу, неизбежно должны были обращаться за справками и сравнениями к прошлому, именно к тем его моментам, когда в старой Москве ставились и решались те же самые вопросы о формах и способах управления. Ища ответа на свои вопросы в прошлом, они вспоминали — по устным преданиям — то, что было в старину, и по-своему освещали то, что вспоминали. Их воспоминания и толкования получали широкое распространение в кругу их близких и знакомых, — и вот почему около 1720—1730 гг. иностранцы, жившие в России и писавшие о ней, располагали такими сведениями о смутном времени и о начале царствования Михаила, какими не располагала ни печатная, ни рукописная историческая наша литература того времени. Приводя свои данные, эти лица ссылались иногда на частные архивы и частные рассказы. Страленберг, например, упоминает о письме, «которое, как гово-

рят, можно еще было видеть в оригинале у недавно умершего фельдмаршала Шереметева и из коего некто, его читавший, сообщил мне (т. е. Страленбергу) несколько данных». Шмидт-Физельдек, живший в доме графа Миниха, не иначе, как только путем слухов, ходивших в кругу его патрона, мог быть осведомлен о документах, хранимых, по его сообщению, в Успенском соборе и каком-то «архиве». Исторический материал, добытый таким путем, не мог быть, конечно, точен и полон. Предание знало, что в смутное время избрание на престол В. Шуйского было сопряжено с обещаниями царя подданным. В хронографах и рукописных сборниках можно было найти и самую запись, на которой Шуйский «поволил» целовать крест. Таким образом, при желании и старании факт «ограничений» Шуйского мог быть установлен твердо. Знало предание и о том, что Владислава избрали на условиях; могли даже быть известны и самые условия тем, кто имел тогда доступ в архивы. Но условий, предложенных, как предполагали, царю Михаилу, никто не знал; между тем предание помнило, что царь Михаил Федорович правил не один, не по-старому, а с участием земщины. Не зная действительных отношений царя и Земского собора, представляли их себе в том виде, какой считали нормальным по понятиям своей эпохи. Так и явились, думается нам, условия, изложенные у Страленберга и повторенные у Фокеродта и гр. Миниха. Они воспроизводили положение, не действительно бывшее в 1613 г., а такое, какое предполагалось для того времени естественным: царская власть ограничена бюрократической олигархией и связана рядом точно формулированных условий в административных, судебных и финансовых ее функциях. Словом, предание о начале XVII в. строилось на данных начала XVIII в., и его детали в наших глазах должны характеризовать не первый, а второй из этих моментов. Таков будет, по нашему разумению, единственно правильный научный прием в оценке баснословного рассказа Страленберга и зависимых от него показаний Фокеродта и Миниха. Что же касается до остальных двух свидетельств XVIII столетия, именно упоминаний Шмидта-Физельдека и Татищева, то это только упоминания, не более. Один говорит, что в 1613 г. существовала «eine förmliche Kapitulation», а другой — что царя Михаила избрали «с такой же записью», как и В. Шуйского. Оба эти известия доказывают только то, что их авторы верили в справедливость ходивших в их время рассказов о существовании ограничительной записи царя Михаила Федоровича и что самой записи они не видели и не знали.

Итак, если бы об ограничениях 1613 г. существовали только известия XVIII в., мы не дали бы им веры и воспользовались бы ими только для характеристики политического умонастроения тех кругов русского общества, которые подготовили «затейку» с пунктами 1730 г., а также ее падение. Возникновение предания о записи царя Михаила мы в таком случае объясняли

бы неумением деятелей петровской эпохи понять соправительство Михаила с Земским собором иначе, как результат формального ограничения верховной власти, и притом ограничения по известному образцу. Но в данном случае вопрос осложняется тем, что о боярском ограничении власти М. Ф. Романова говорят два его современника — анонимный автор псковского сказания о смуте и известный Котошихин. Над тем, что они говорят, стоит остановиться.

Псковское сказание «о бедах и скорбех и напастех» давно уже оценено С. М. Соловьевым и А. И. Маркевичем. Однако и теперь физиономия этого памятника недостаточно ясна. Автор сказания неизвестен; не поддается определению и самая среда, к которой он принадлежал. Сделано лишь то наблюдение, что он не тяготел к высшим кругам, псковским или московским, и писал «в духе меньших людей, в духе собственно псковском, с сильным нерасположением к Москве, ко всему, что там делалось, преимущественно к боярам, их поведению и распоряжениям». К этим словам С. М. Соловьева следует добавить, что местная «собственно псковская» тенденция сказателя не была политической и не переходила в сепаратизм. Его протест был направлен против московских бояр как представителей высшего социального слоя, политически и экономически вредного одинаково для Пскова и Москвы — для всего русского народа. Демократическое настроение автора ведет его к крайностям и несправедливости. Раз дело касается «владущих», он готов на всякие обвинения и подозрения. Бояре Шуйские, по его мнению, злодейски погубили кн. М. В. Скопина-Шуйского; затем другие «от боярского роду» возненавидели «своего христианского царя» и стали желать царя «от поганых иноверных», чем и погубили Москву; при освобождении Москвы от поляков «древняя гордость» боярина кн. Д. Т. Трубецкого, не желавшего помочь Пожарскому, чуть было не помешала успеху дела. Стоявшие с Трубецким под Москвой «рустии бояре и князи», несмотря на горький опыт с Владиславом, снова умыслили призвать иноземного царя и дважды посылали за ним в Швецию, «и не сбысться их злый боярской совет», потому что «избрали ратные люди и все православные на Московское государство царем» М. Ф. Романова. Когда, не ожидая результата посольства в Швецию, тотчас по взятии Москвы собрались русские и стали говорить: «Не возможно нам пребыти без царя ни единого часа», — то владущие и на соборе завели речь об иноземце: «И восхотеша начальницы паки себе царя от иноверных, народи же и ратнии не восхотеша сему быти». Таким образом, до воцарения Михаила Федоровича бояре, руководившие властью, приводили народ к бедам и гибели. При Михаиле пагубная деятельность владущих продолжалась, но из сферы политической она перешла в сферу административно-хозяйственную. Вот как представляет ее себе автор: так как новый государь был молод и не имел «еще

толика разума, еже управляти землею», то «не без мятежа сотвори ему державу враг дьявол, возвыся паки владущих на мздоимание». Владущие снова стали кабалить себе народ, «емлюще в работу сильно собе» трудовое население, возвращавшееся из плена и бегов: они уже забыли прежнее «безвремяние», когда «от своих раб разорени быша». Не боясь царя, они «его царьская села себе поимаша», так как государь не знал своих земель вследствие пропажи писцовых книг, «яко земские книги преписания в разорение погибоша»*. В то же время, умалив хищничеством государевы доходы, они понудили царя к увеличению податных тягот: «На государевы и государственные расходы брали со всей земли как обычные оброки и дани, так и экстренную пятую деньгу, пятую часть имения у тяглых людей»; на «царскую потребу и расходы» шли даже и те доходы, из которых прежде «государь царь оброки жаловаше», т. е. давал жалованье служилым людям (предполагаем, «четвертчикам»). Своекорыстно отнеслись бояре и к тому случаю, когда под Москву явились «нецыи вои, в Поморьи суще, бяху грабяще люди». Отстав от грабежа и сознав свою вину, эти вои-казаки пожелали идти на помощь Пскову, будто бы осажденному тогда шведами,—«и приидоша к царствующему граду и послаша к царю о собе». И вот, «слышав бояре, начаша советовати собе, как сии волныя люди собе поработити, понеже наши рабы прежде быша, а ныне нам сильны быша и не покоряхуся; и призваше во град голов их, яко до треисот... и переимаша их и перевязаша, а на прочих ратию изыдоша и разгромиша их и многих переимаша, а достальных 15 000 в Литву отъехаша». В этом рассказе дело идет, очевидно, об известном походе воровских казаков к Москве и о поражении их князем Лыковым на реке Луже, причем событие излагается с точки зрения казачьей, «воровской», т. е. так, как изложил бы его участник воровского похода, желавший его оправдать и даже идеализировать. Не говоря уже о том, что казачий приход под Москву произошел за несколько месяцев ранее шведской осады Пскова, самые обстоятельства похода и правительственной репрессии переданы совсем неверно, с наивной тенденциозностью, идущей во что

---

* Дворцовые села и земли действительно были расхищаемы в смутное время, но уже в начале 1613 г. началось их обратное движение во дворец. Собор 1612—1613 гг. постановил «отписывать дворцовых сел пашенных и посошных и оброчных», и «отпищики посланы». Таким образом, хищениям полагали конец. Но при царе Михаиле законным порядком, и преимущественно в мелкую раздачу, стали снова, и притом усиленно, тратить дворцовый земельный фонд (см.: *Готье Ю. В.* «Замосковный край в XVII веке». М., 1906. С. 320—326). Это обстоятельство по-своему и освещает автор псковского сказания. Надобно заметить, что и в других псковских летописях бояре обличаются в присвоении земель: «А селы государевы розданы боярам в поместья, чем прежде кормили ратных»,—говорится под 1618 г. в первой псковской летописи. Интересно, что здесь князь И. Ф. Троекуров представляется злодеем, тогда как в разбираемом псковском сказании ему высказывается похвала: так мало знали во Пскове московских бояр.

бы то ни стало против владущих бояр. Бояре, жадно и злобно хватающие себе царские земли и рабочих людей, разоряющие царя, государство и народ, представляются автору главным, даже единственным, пожалуй, злом его современности, на которое направлена вся сила его обличения. Мы готовы, поэтому, вспомнив казачьи речи смутной эпохи против «лихих бояр», счесть казаком и самого автора сказания. Но это не будет верно, так как наш автор не с казаками, а против казаков. Говоря о казачьем восстании при В. Шуйском, он характеризует восставших как «не хотящих жити в законе божии и во блазей вере и в тишине, но в буйстве и во объядении и во упоминании и в разбойничестве живуще, желающе чюжаго имения и приступльших к литовским и немецким людем». Для него казаки — «яко полстии зверие от пустыня»: вот почему пскович, вооруженный против бояр, не может быть поставлен в казачьи ряды. Он — земский, только глубоко простонародный человек. Он видит в царе Богом избранную для воссоздания старого порядка власть, в которой «Бог воздвиже рог спасения людей своих»,— и, когда около «блаженного», «зело кроткаго, тихаго» царя совершается зло и неправда, автор может объяснить это только боярским умыслом. Отозвали хороших воевод от Смоленска, а послали плохих и проиграли дело,— это вина бояр: они это сделали, они скрывали от царя неудачу, они не допускали к царю вестников: «Сицево бе попечение боярско о земли Русской!». Осадили шведы Псков, во Пскове стал голод, к царю «много посылаша из града о испоручении»,— бояре скрывали от царя вести и вестников, «людские печали и гладу не поведаху ему», и Псков не получил помощи: «Сицево бе попечение боярско о граде!» Расстроился брак царя с Хлоповой, затем умерла его первая жена,— во всем виноваты бояре: «Все то зло сотворится от злых чаровников и зверообразных человек»,— которые «гнушахуся своего государя и гордяхуся». Кого именно из бояр разуметь виновниками зла на Руси, автор сказания, по-видимому, точно не знал. Таков для него и князь Д. Т. Трубецкой, надменный «древнею гордостью» боярин; таковы же для него «царевы матери племянники», Салтыковы, которые «гнушались» своего государя и не хотели «в покорении и в послушании пребывати»; таковы же «под Москвою князи и бояре», призывавшие шведского королевича на московский престол; таковы же думцы царя Михаила Федоровича, не пославшие помощи под Смоленск и Псков. Для нас Трубецкой, Салтыковы, Пожарский с «князьями и боярами» под Москвой и в Ярославле князь Мстиславский с «товарищи», бывшие в думе царя Михаила с начала его царствования,— все это разные круги, направления и репутации. Для автора псковского сказания все эти люди — один «окаянный и злый совет», в котором он не различает партий и направлений. Всякий, кто в данное время пользуется, по выражению Грозного, «честию председания», тот для нашего

автора и есть «владущий», стоящий у власти и злоупотребляющий ею. С демократических низов своего псковского мира автор готов был во всем подозревать всякого «владущего» в далекой Москве.

Такова обстановка, в которой находится краткое сообщение псковского автора о присяге царя Михаила. Оно дословно таково: владущие, захватывая себе людей и земли, «царя нивочтоже вмениша и не бояшеся его, понеже детеск сый, еще же и лестию уловивше: первие егда его на царство посадиша и к роте приведоша, еще от их вельможска роду и болярска, аще и вина будет преступлению их, не казнити их, но разсылати в затоки; сице окаяннии умыслиша; а в затоце коему случится быти, и оне друг о друге ходатайствуют ко царю и увещают и на милость паки обратитися. Сего ради и всю землю Русскую разделивше по своей воли» и т. д. Точный смысл этого показания состоит в том, что владущие бояре своевольничают, не боясь государя, во-первых, потому, что он молод, а во-вторых, потому, что им удалось его склонить, «уловить лестью», на то, чтобы не казнить, а только ссылать виновных людей «вельможска роду и болярска». Как это удалось владущим, не совсем ясно из фраз нашего автора: его слова можно понять и так, что бояре взяли с царя одно только это обещание под клятвой, когда его на «царство посадиша»: а можно понять и так, что, когда нового государя посадили на царство и взяли с него общую ограничительную «роту», присягу, то бояре склонили его и на особое в их пользу обязательство. Во всяком случае речь идет о какой-то «роте» и обязательстве в пользу бояр и по почину бояр. Ничего точного и определенного о форме и содержании ограничений автор, очевидно, не знал. Но он верил в «роту», потому что иначе не мог себе объяснить и безнаказанности «владущих», и самый предмет этой роты он свел в своем представлении только к обязательству не казнить владущих, а рассылать «в затоки». Не знание политического факта, а желание объяснить непонятные факты исходя из слуха или своего домысла о царской «роте» — вот что лежит в основании наивного сообщения псковского писателя о московских делах и отношениях. Ознакомясь поближе с псковским известием, мы не придадим ему значения компетентного свидетельства. Глубоко простонародное воззрение на ход политической жизни, соединенное с незнанием действительной ее обстановки и проникнутое слепой ненавистью к сильным мира сего, сообщает псковскому сказанию известный историко-литературный интерес, но отнимает у него значение исторического «источника» в специальном смысле этого термина. Если бы об ограничениях царя Михаила сохранилось одно только псковское сообщение, разумеется, ему никто бы не поверил.

Иного рода сообщение известного Котошихина. Вот его существеннейшее содержание: «Как прежние цари после царя Ивана Васильевича обираны на царство, и на них были иманы письма...

А нынешнего царя (Алексея) обрали на царство, а письма он на себя не дал никакого, что прежние цари давывали; и не спрашивали... А отец его блаженныя памяти царь Михаил Федорович хотя самодержцем писался, однако без боярского совету не мог делати ничего». Опущенные нами пока фразы говорят о содержании «писем» и компетенции царя и бояр; в приведенных же словах вот что устанавливается категорически: во-первых, всех московских царей после Ивана Грозного «обирали на царство», во-вторых, с них брали ограничительные «письма», и в-третьих, ограничение царя Михаила имело действительную силу, и он правил с боярским советом. Котошихин знал московское прошлое, по выражению А. И. Маркевича, «плоховато», и его былевые показания необходимо тщательно поверять. Сам А. И. Маркевич в результате такой поверки выяснил, что под термином «обирание» у Котошихина надо разуметь не только избрание в нашем смысле слова, но и особый чин венчания на царство с участием «всей земли». Летописец, современный Котошихину, о царском венчании повествует даже так, что самый почин венчания усвояется земским людям. О венчании царя Федора Ивановича он, например, говорит: «Придоша к Москве изо всех городов Московского государства и молили со слезами царевича Федора Ивановича, чтобы не мешкал, сел на Московское государство и венчался царским венцом; он же, государь, не презре моления всех православных христиан и венчался царским венцом». О венчании же царя Михаила летописец говорит, что по приезде избранного царя в Москву, «приидоша ко государю всею землею со слезами бити челом, чтобы государь венчался своим царским венцом: он же не презри их моление и венчался своим царским венцом». Тот же почин земщины разумеет и Котошихин, когда рассказывает о царе Алексее Михайловиче, что по смерти его отца все чины «соборовали» и «обрали» его и «учинили коронование». Роль земских чинов на этом «короновании», по представлению Котошихина, ограничивается тем, что представители сословий присутствуют при церковном торжестве, поздравляют государя и подносят ему подарки; «а было тех дворян и детей боярских и посадских людей для того обрания человека по два из города». Таким образом сообщения Котошихина о том, что русские цари после Грозного были «обираны», никак не может быть понято в смысле установления в Москве принципа избирательной монархии. Терминология нашего автора оказывается здесь не столь определенной и надежной, как представляется с первого взгляда. Равным образом и свидетельство Котошихина о «письмах» надобно надлежащим способом уяснить и проверить. Какие избранные на московский престол государи и каким именно порядком давали на себя письма, мы знаем без Котошихина; знаем и самые тексты «писем». Все эти «письма», по Котошихину, имеют одинаковое содержание: «быть нежестоким и непалчивым, без суда и без вины никого не казнити ни за что

и мыслити о всяких делах з бояре и з думными людьми сопча, а без ведомости их тайно и явно никаких дел не делати». Мы знаем, что этими условиями исчерпывалось содержание только записи Шуйского; договоры же с иноземными избранниками имели более широкое содержание. Шуйский давал подданным обещание не злоупотреблять властью, а править по старому закону и обычаю. А договоры с польским и шведским королевичами имели целью установить форму и пределы возникавшей династической унии с соседним государством и постановку в Москве власти чуждого происхождения. Иначе говоря, запись Шуйского гарантировала только интересы отдельных лиц и семей, другие же «письма» охраняли прежде всего целость, независимость и самобытность всего государства. В этом глубокое различие известных нам «писем», различие, оставшееся вне сознания Котошихина. Отсюда и неточность его в передаче самых ограничительных условий. У Котошихина власть государя ограничивается Боярской думой («боярами и думными людьми») во всех случаях безразлично. На деле Шуйский говорил только о боярском суде и налагал на себя ограничения лишь в сфере сыска, суда и конфискаций; по договору же с Владиславом администрация, суд и финансы обязательно входили в компетенцию Боярской думы, а законодательствовать могла лишь «вся земля». Зная это, отнесемся к сообщению Котошихина как к такому, которое лишь слегка и слишком поверхностно касается излагаемого факта. Как во всем прочем былевом материале, Котошихин и здесь оказывается мало обстоятельным и ненадежным историком. А раз это так, наше отношение к последней частности в рассказе Котошихина — к ограничениям царя Михаила — должно стать весьма осторожным. Кому именно царь Михаил дал на себя письмо, Котошихин не объясняет: он и вообще не говорит, кем были иманы на царях письма. По его представлению, царь Михаил не мог ничего делать «без боярского совету»; а так как боярский совет Котошихин дважды в данном своем отрывке отождествляет «з бояре з думными людьми», то ясно, что под боярским советом мы должны разуметь Боярскую думу, как учреждение, а не сословный круг бояр, как политическую среду. Сама Боярская дума в момент избрания Михаила, можно сказать, не существовала и ограничивать в свою пользу никого не могла. Органом контроля над личной деятельностью государя и его соправительницей она могла быть сделана лишь по воле тех, кто в начале 1613 г. владел политическим положением на Руси и мог заставить молодого царя дать «на себя письмо». Но кто тогда имел силу это сделать, Котошихин не говорит и не знает, и если мы захотим придать вес его сообщению о факте ограничения Михаила, то характер и способ этого ограничения должны попытаться определить сами. В этом отношении показание Котошихина совершенно невразумительно.

Таковы известия об ограничении власти царя Михаила Федоровича. Ни одно из них не передает точно и вероподобно текста предполагаемой записи или «письма», и все они в различных отношениях возбуждают недоверие или же недоумение. Из материала, который они дают, нет возможности составить научно правильное представление о действительном историческом факте. Дело усложняется еще и тем, что до нас не дошел подлинный текст (если только он когда-либо существовал) ограничительной грамоты 1613 г. и не наблюдается ни одного фактического указания на то, что личный авторитет государя был чем-либо стеснен даже в самое первое время его правления. При таком положении дела нет возможности безусловно верить показаниям об ограничениях, сколько бы ни нашлось таких показаний. Мы видели ранее, что в момент избрания Михаила положение великих бояр, представлявших собой все боярство, совершенно скомпрометировано. Их рассматривали как изменников и не пускали в думу, в которой сидело временное правительство — «начальники» боярского и небоярского чина с Трубецким, Пожарским и «Куземкою» во главе; их отдали на суд земщины, написав о них в города, и выслали затем из Москвы, не позвав на государево избрание; их вернули в столицу только тогда, когда царь был выбран, и допустили 21 февраля участвовать в торжественном провозглашении избранного без них, но и ими признанного кандидата на царство. Возможно ли допустить, чтобы эти недавние узники польские, а затем казачьи и земские, только что получившие свободу и амнистию от «всея земли», могли предложить не ими избранному царю какие бы то ни было условия от своего лица или от имени их разбитого смутой сословия? Разумеется, нет. Такое ограничение власти в 1613 г. прямо немыслимо, сколько бы о нем ни говорили современники (псковское сказание) или ближайшие потомки (эпохи верховников).

Первые годы правления. По приезде в Москву Михаил Федорович не отпустил выборных земских людей, которые и оставались в Москве до 1615 г., когда они были заменены другими. И так дело шло до 1622 г.; один состав собора сменялся другим, одни выборные уезжали из Москвы к своим делам и хозяйствам и заменялись другими. Относительно десятилетней (1613—1622) продолжительности Земского собора делались только предположения, так как не было ясных указаний присутствия собора в Москве для всех десяти лет, но мало-помалу эти указания находились, и, наконец, вопрос окончательно разрешил проф. Дитятин (Русская Мысль, дек., 1883 г.), найдя указания и для неизвестного доселе собора 1620 г. Таким образом, в течение десяти лет Москва имела постоянный Земский собор (и после этого времени соборы бывали очень часто и длились долго, но постоянных больше не было). В этом видна мудрая политика, подсказанная правительству самой жизнью: смута еще не прекра-

щалась, и беспорядки продолжались. Нам издали теперь ясно, что смута должна была прекратиться, так как люди порядка стали с 1612—1613 гг. сильнее своих противников; но для современника, который видел общее разорение, казачьи грабежи и бессилие против них Москвы, не мог взвесить всех событий, не понимал отношений действующих одна против другой сил,— для современника смута еще не кончилась, на его взгляд, снова могли одолеть и поляки, и казаки. Вот против них-то и надо было сплотиться сторонникам порядка. Они и сплотились, выражая свое единодушие Земским собором при своем царе. И царь понимал всю важность действовать заодно с избравшими его и охотно опирался на Земский собор как на средство лучшего управления. Никаких вопросов между избравшими царя и их избранником о взаимных правовых отношениях не могло быть в ту минуту. Власть и «земля» были в союзе и боролись против общего врага за существование, за свои «животы», как тогда говорили. Минута была слишком трудная, чтобы заниматься правовой метафизикой, да и не было налицо той вражды, которая всегда к ней располагает.

Действительно, время было трудное. Казаки продолжали бродить и грабить даже под Москвой, а часть их под начальством Заруцкого, захватившего с собой и Марину Мнишек, сперва грабила русские области, потом, разбитая царскими войсками, ушла в Астрахань. Иногда грабили и служилые люди, не обеспеченные содержанием: грабила порой и сама администрация, вызывая смуту слишком тяжелыми поборами и крутыми мерами; да и земские люди затевали по временам смуту, как было на Белоозере, где земщина отказалась платить подати. У правительства в это тяжелое время не было ни денег, ни людей, а между тем война с Польшей все еще продолжалась, выражаясь тем, что летучие польские отряды грабили и разоряли русские области.

И вот московское правительство прежде всего заботится о сборе денег для содержания ратных людей и удовлетворения прочих важных нужд. В первые же дни по приезде царя собором приговорили: собрать недоимки, а затем просить у кого можно взаймы (просили даже у торговых иностранцев); особая грамота от царя и особая от собора были отправлены к Строгановым с просьбой о помощи разоренному государству. И Строгановы скоро откликнулись: они прислали 3000 р., сумму довольно крупную для тогдашнего времени. Год спустя собор признал необходимость сбора пятой деньги и даже не с доходов, а с каждого имущества по городам, с уездов же — по 120 р. с сохи. На Строгановых по разверстке приходилось 16 000 р.; но на них наложили 40 000, и царь уговаривал их «не пожалеть животов своих».

Далее, правительство заботилось и о защите государства от врагов. Главное внимание сначала привлекал Заруцкий, засевший в Астрахани и старавшийся привлечь на свою сторону казаков с Волги, Дона и Терека, обещая им выгодный поход на Самару

и Казань. У донских казаков он встретил мало симпатий, а часть волжских, именно молодежь, которой все равно было, где бы ни «добыть себе зипунов», склонялась на его сторону; терские же казаки сперва все поголовно поддались ему. Московское правительство точно так же, как и Заруцкий, хорошо понимало, что казаки представляют силу, и старалось их отвлечь от Заруцкого к себе. Москва шлет им жалованье, подарки и даже до некоторой степени им льстит. Казачество, однако, в большинстве теперь понимает, что выгоднее дружить с Москвой, которая окрепла и могла справиться с Заруцким и потому не идет к последнему, хотя Марина Мнишек с сыном находится еще у него. Этим объясняется, что Заруцкий, опасный постольку, поскольку его поддерживали казаки, кончил очень скоро и очень печально: Астрахань возмутилась против него, и небольшой стрелецкий отряд (700 человек), выгнав Заруцкого из Астраханского кремля, где он заперся, разбил его и взял в плен с Мариной Мнишек и ее сыном. Привезенный после этого в Москву, Заруцкий и сын Марины были казнены; Марина же в тюрьме окончила свое бурное, полное приключений существование, оставив по себе темную память в русском народе: все воспоминания его об этой «еретице» дышат злобой, и в литературе XVII в. мы не встречаем ни одной нотки сожаления, ни даже слабого сочувствия к ней.

Уничтожен был Заруцкий, умиротворены Волга и Дон, оставалось покончить с казачьими шайками внутри страны и на севере. 1 сентября 1614 г. Земский собор, рассуждая об этих последних, решил послать к ним для увещания архиепископа Герасима и князя Лыкова. Лыков, отправленный по решению собора, извещал, что казаки то соглашались оставить грабежи и служить Москве, то снова отказывались и бунтовали. Особенно буйствовал атаман Баловень, шайка которого жестоко мучила и грабила население, а затем после переговоров с Лыковым порешила идти к Москве. Подойдя к ней, казаки стали по Троицкой дороге в селе Ростокине и прислали к государю бить челом, что хотят ему служить; когда же начали их переписывать, они снова упорствовали и стали угрожать Москве. Но в то время пришел к Москве с севера кн. Лыков с отрядом войска, а из Москвы — окольничий Измайлов и напали на казаков. Казаки несколько раз были разбиты, после чего и разбежались. Часть их была переловлена и разослана по тюрьмам, а Баловень казнен.

При таких-то тяжелых обстоятельствах приходилось еще считаться с Польшей. Находясь в крайних финансовых затруднениях, Сигизмунд не мог предпринять похода на Москву; но польские шайки (иррегулярные) делали постоянно набеги на русские, даже северные, области, воюя Русскую землю «проходом», как метко выражается летопись; точно так же поступали и малороссийские казаки, или черкасы. Против них энергично действовали и жители областей, и сама Москва. Правильной войны, таким образом, не было, но и по избрании Михаила

Федоровича Владислав все еще считался кандидатом на московский престол, мир формально не был заключен, и отец царя, Филарет Никитич, находился в плену. Еще в 1613 г. (в марте) из Москвы для размена пленных отправлен был Земским собором дворянин Аладьин. Чтобы не затянуть освобождения Филарета, Аладьину запрещено было говорить об избрании Михаила, в случае же, если об этом спросят, утверждать, что это неправда. Аладьин виделся с Филаретом и узнал также, что Польша, к выгоде Москвы, теперь совсем не готова к войне. Это так обнадежило Москву, что было приказано воеводам кн. Черкасскому и Бутурлину осадить Смоленск, но здесь им пришлось простоять без всякого действия до июня 1615 г. В конце 1614 г. опять начались дипломатические переговоры с Польшей. Она сама начала их и предлагала съехаться послам на рубеже и начать переговоры о мире. Из Москвы была отправлена с Желябужским ответная грамота с согласием на съезд, и съезд состоялся в сентябре 1615 г. недалеко от Смоленска. Со стороны русских в нем принимали участие кн. Воротынский, Сицкий и окольничий Измайлов; со стороны поляков — Ходкевич, Лев Сапега и Гонсевский (все знакомые русским людям). Посредником же служил императорский посол Эразм Ганзелиус. Но переговоры эти, длившиеся до января 1616 г., ничем не кончились, отношения двух держав продолжали оставаться неопределенными.

Это было тем более тяжело, что так же неопределенны были и отношения к Швеции. Последняя тоже имела своего кандидата в русские цари, королевича Филиппа, и вместе с тем состояла в войне с Москвой. Как в переговорах России с Польшей посредником был немец Ганзелиус, так здесь ту же роль играл англичанин — Джон Мерик. Только Швеция раньше начала серьезную войну (осенью 1614 г.), хотя Густав Адольф нуждался в средствах, как и Сигизмунд. Несмотря на то что он довольно удачно вел войну и взял несколько городов, он в то же время с удовольствием согласился на мирные переговоры, продолжавшиеся целый год, с января 1616 по февраль 1617 г., сначала в Дедерине, а потом в Столбове. По Столбовскому договору 1617 г. решено было следующее: Густав Адольф уступал русским все свои завоевания, не исключая Новгорода, брал 20 000 руб. и оставлял за собой южный берег Финского залива с Невой и городами: Ямом, Иван-городом, Копорьем и Орешком — теми самыми городами, которые в 1595 г. Борисом Годуновым были возвращены Москве. Миром Густав-Адольф остался доволен: действительно, он избавился от одного врага (их оставалось теперь только два: Дания и Польша), кроме того, он сильно нуждался в деньгах и получил их. Да и дипломатические цели его были достигнуты: он не раз хвастливо говорил на сейме про Москву, что теперь этот враг без его позволения не может ни одного корабля спустить на Балтийское море: «Большие озера — Ладожское и Пейпус, Нарвская область, тридцать миль обширных болот и сильные крепости отделяют нас от него; у России отнято море и, даст Бог, теперь

русским трудно будет перепрыгнуть через этот ручеек». Но Столбовским миром и Москва достигла своей цели: во-первых, к ней вернулась имеющая большое для нее значение Новгородская область: во-вторых, одним претендентом, как и одним врагом, стало меньше. Теперь можно было смелее обращаться с Польшей.

И вот еще летом 1616 г. Москва начала наступательную войну против поляков, которая, впрочем, никаких серьезных последствий не имела. И в это же время Варшавский сейм решил отправить Владислава добывать Москву, но действовать поляки не спешили и много сил не тратили. Королевич выступил только через год с маленьким войском, всего в 11 000. Но теперь Москва не была готова выступить даже против незначительного войска Владислава. Она расположила по городам сильные гарнизоны и ограничивалась одной обороной. Между тем славное войско Владислава, шедшее «навести заблудших на путь мира», не получало жалованья, а потому бунтовало и грабило, а Владислав тщетно просил помощи из Польши, «его питавшей; только в 1618 г. сейм ассигновал ему небольшую сумму денег с обязательством окончить войну в тот же год. Тогда летом 1618 г. королевич стал действовать под Можайском, чтобы при движении к Москве не оставить у себя в тылу Лыкова с войском, который сидел в Можайске; он несколько раз пытался овладеть городом, но все усилия его были тщетны. В этой осаде прошло семь месяцев, так что Владиславу для приобретения славы оставалось их только пять; из Варшавы же шли одни обещания, войско, не получая жалованья, опять начало бунтовать, а потому в сентябре 1618 г. Владислав решился идти на Москву, не взяв Можайска; туда же шел с юга и гетман Сагайдачный. Соединившись, они сделали приступ, но взять Москву не могли, потому что москвичи успели приготовиться к осаде. Тогда Владислав отступил к Троицкой Лавре и требовал ее сдачи, но также безуспешно. Наконец, он вступил в переговоры, и заключено было в деревне Деулине (около Лавры) так называемое Деулинское перемирие. Решили разменяться пленниками; Польша удержала свои завоевания (Смоленск и Северскую землю), а Владислав не отказался от претензий на московский престол. Тяжелы были условия для Москвы, но невелика и слава королевича. И вот 1 июля 1619 г. на реке Поляновке (около Вязьмы) произошел размен пленных; вследствие этого Филарет Никитич и те члены великого посольства, которые дожили до этого дня, вернулись на родину. Увидали родную землю Томило Луговской, твердый и честный деятель посольства, Шеин, защитник Смоленска; но умер в чужой стране «столп» русского боярства В. В. Голицын. В середине июня, через две недели после освобождения, Филарет Никитич приехал в Москву, а 24 июня он был поставлен в патриархи. Со смерти Гермогена (1612) в Москве не было патриарха, потому что патриаршество назначалось уже давно государеву отцу.

С приездом его началось так называемое *двоевластие*: Михаил стал управлять государством с помощью отца — патриарха. Чтобы понять разницу, от этого происшедшую, посмотрим, что делалось в Москве ранее возвращения патриарха. Михаил Федорович вступил на престол шестнадцатилетним мальчиком; понятно, что мы должны искать влияний на него. Но среди бояр нельзя различить такого преобладающего лица, каким был Годунов при Федоре Ивановиче; да и вообще о придворной жизни того времени можно лишь догадываться за неимением определенных сведений. Сам Михаил Федорович был человек умный, мягкий, но бесхарактерный; может быть, за неимением данных, а может быть, так было и в действительности, но перед нами он является заурядным человеком, не имеющим «личности». В детстве он воспитывался под ферулой (опекой.—*Ред.*) своей матери, Ксении Ивановны, урожденной Шестовой. Филарет Никитич был человек крутого и жесткого нрава, но жена его в этом отношении, пожалуй, еще превосходила его. Достаточно взглянуть на ее портрет, на низко опущенные брови, суровые глаза, крупный, с горбиной, нос, а всего более на насмешливые и вместе с тем повелительные губы, чтобы составить себе понятие об ее уме, сильном характере и воле, но эти признаки мало говорят о мягкости и доброте. Все пережитое ею до 1613 г. — постоянные лишения, ссылка и монастырь, вынужденное смирение, столь несходное с ее характером, затем разлука с мужем и сыном, беспрестанное беспокойство за их жизнь — все это еще более закалило ее характер и глубже заставило почувствовать всю силу доставшихся ей свободы и власти. Понятно, какое давление должна была оказывать такая энергичная мать на мягкий характер сына, который, вероятно, как в детстве, так и теперь не выходил из ее воли, не противоречил ей,— она-то и действовала за ним, когда он стал царем. Сделавшись царицей, Марфа взяла весь скарб прежних цариц в свои руки, дарила им боярынь, стала жить совершенно по-царски и занималась больше всего религией и благочестивыми делами как царственная монахиня; но имела также громадное влияние на дворцовую жизнь, направляла ее, выдвигала наверх свою родню, ставила ее у дел и тем самым давала ей возможность, пользуясь покровительством всесильной старицы-царицы, делать вопиющие злоупотребления и оставаться без наказания. В числе ее любимой родни были и Салтыковы, знаменитые своими интригами в первые годы царствования Михаила Федоровича. Но изо всех креатур старицы Марфы, умевших устраивать свои дела, ни одного не являлось такого, который мог бы устраивать дела государственные и дал бы твердое направление внутренней и внешней политике. Московская политика того времени не имела определенного пути и шла туда, куда толкали случайности. Земские соборы решали те дела, которые давались им на рассмотрение администрацией. Но не было в администрации человека, который бы знал, что нужнее дать на суждение собору, и часто

собору передавалось рядом с важными делами и обсуждение таких дел, которые давно в принципе были решены и требовали лишь исполнительных мер (дело о казаках в сентябре 1614 г.).

Так стояли дела до 1619 г. Молодой царь не имел хороших советников, зато вокруг него были люди, способные на дворцовые интриги и административные злоупотребления, на обман и «мздоимание», как выражается псковский летописец. Но дела в Москве переменились, когда приехал государев отец, личность умная, способная и привыкшая к делам.

Филарет Никитич — в молодости первый красавец и щеголь в Москве — в лучшие годы был пострижен в монахи «неволею»; ему пришлось затем испытать и тюрьму, и жизнь в Тушине, и польский плен, одним словом, пережить очень много, но это еще более закалило его и без того сильный характер. В смуте он стоял лицом к лицу с важнейшими государственными вопросами и приобрел к ним навык — стал государственным человеком. Но та же жизненная школа, которая воспитала в нем волю и энергию и образовала ум, сообщила жестокую неровность, суровость, даже деспотический склад его характеру. Когда Филарет был поставлен в патриархи, ему присвоен был, как и царю, титул «великого государя». В новом великом государе Москва сделала большое приобретение, она получила то, в чем более всего нуждалась: умного администратора с определенными целями. Даже в сфере церковной Филарет был скорее администратором, чем учителем и наставником церкви. У нас сохранились отзывы современников о нем: один из них говорит, что Филарет «божественное писание отчасти разумел, нравом опальчив и мнителен, а владителен таков был (т. е. взял такую власть), яко и самому царю бояться его; бояр же всякого чина людей царского синклита зело томляше заключениями... и иными наказаниями; до духовного же чину милостив был и не сребролюбив, всякими же царскими делами и ратными владел». Действительно, приехав в Москву, Филарет завладел ратными и всякими царскими делами и сумел, не нарушив семейного мира, очень скоро разогнать тех, кого выдвинуло родство с его женой. Первыми из подвергшихся опале были Салтыковы, отправленные им в ссылку по делу Хлоповой. Последнее в высшей степени интересно.

Еще ранее 1616 г. чадолюбивая Марфа позаботилась приискать сыну невесту, причем выбор ее пал на Марию Хлопову из преданного Романовым рода Желябужских; она жила при Марфе и в 1616 г. была объявлена формально невестой царя. Но браку царя помешала вражда Салтыковых к Хлоповым,— в них царская родня увидела себе соперников по влиянию. Поводом к вражде послужил ничтожный спор отца царской невесты с одним из Салтыковых. Незадолго перед свадьбой произошла неожиданная болезнь невесты, пустая сама по себе, но получившая другой вид благодаря интригам Салтыковых. Они воспользовались этой болезнью, Хлопова была сочтена «испорченной» и сослана вместе с родными, обвиненными в обмане, в Тобольск. По возвраще-

нии Филарета интрига царской родни была открыта и Хлопову решено воротить из ссылки, особенно потому, что Михаил, этот мягкий и безличный на вид юноша, все еще продолжал горячо любить свою бывшую невесту и, беспрекословно уступая матери во всем остальном, решительно воспротивился ее желанию женить его на другой. Но Марфа, стоявшая за Салтыковых, не пожелала возвращения Марии во дворец и настояла на том, чтобы Хлопову оставили в Нижнем Новгороде, поселив на прежнем дворе умершего Кузьмы Минина. Салтыковы же были отправлены на житье в свои вотчины. Не сразу отказавшись от Хлоповой, Михаил Федорович женился только на 29 году своей жизни (случай крайне редкий, потому что браки тогда обыкновенно совершались рано) на Марии Владимировне Долгоруковой, скоро умершей, а затем, во второй раз, на Евдокии Лукьяновне Стрешневой.

Правительственная деятельность за годы 1619—1645. Итак, с приездом Филарета Никитича временщики должны были отказаться от власти и уступить влияние ему. Иначе и быть не могло: Филарет, по праву отца, ближе всех стал к Михаилу и руководил им, как отец сыном. Таким образом началось двоевластие, и началось официально: все грамоты писались от лица обоих великих государей. Имя Михаила стояло в них впереди имени патриарха, но, зная волю и энергию Филарета, нетрудно отгадать, кому принадлежало первенство фактически.

И вот началась энергичная и умелой рукой направленная работа над водворением порядка в стране. Все стороны государственной жизни обратили на себя внимание правительства. С участием Филарета начались заботы о финансах, об улучшении администрации и суда и об устройстве сословий. Когда в 1633 г. Филарет сошел в могилу, государство Московское было уже совсем иным в отношении благоустройства — не все, конечно, но очень много для него сделал Филарет. И современники отдают справедливость его уму и делам. Филарет, говорит одна летопись, «не только слово Божие исправлял, но и земскими делами всеми правил; многих освободил от насилия, при нем никого не было сильных людей, кроме самих государей; кто служил государю и в безгосударное время и был не пожалован, тех всех Филарет взыскал, пожаловал, держал у себя в милости и никому не выдавал». В этом панегирике современника много справедливого; вновь возникший государственный порядок в самом деле многим был обязан Филарету, и этого мы не можем не признать, хотя, может быть, наши симпатии к властительной личности патриарха могут быть и меньше, чем к ее государственным заслугам. Но должно признаться, что историк, чувствуя общее благотворное влияние Филарета в деле устройства страны, не может точно указать границы этого влияния, отличить то, что принадлежит лично Филарету и что другим. В жизни наших предков личности было мало простора показать себя, она всегда скрывалась массой. Здесь мы можем

только указать на общее значение Филарета в деле успокоения государства. Из общего очерка государственной деятельности Михаилова правительства это значение выглянет яснее.

Нельзя сказать, чтобы до Филарета не старались об устройстве земли: Земские соборы постоянно были заняты этим делом; но без опытного руководителя оно шло без системы; к тому же приходилось бороться с проявлениями смуты и устраиваться кое-как для того лишь, чтобы обеспечить мир. Насколько можно судить по источникам, до Филарета у московского правительства было два главных интереса в отношении внутреннего устройства, две задачи: во-первых, собрать в казну как можно более средств и, во-вторых, устроить служилых людей, другими словами, устроить войско. Для этих-то целей собор назначал два раза — в 1615 и 1616 гг.— сбор пятой деньги, т. е. 20% с годового дохода плательщика, и посошное — в 1616 г.— по 120 р. с каждой сохи. Разница между той и другой повинностями состояла в том, что 20% платилось с «двора», посошное же взималось с меры пахотной земли, с «сохи». Кроме того, своим чередом платились обычные подати. Между тем при таких громадных сборах, при займах, к которым сверх того прибегало правительство, у него все-таки не хватало средств и оно не могло давать льготы податному сословию, не желало даже допускать недоимок. Подати собирались с обычной в то время жестокостью и, конечно, очень большим бременем ложились на народ. Для второй же цели правительство посылало не раз в разные местности бояр «разбирать» служилых людей, «верстать», т. е. принимать в службу, детей дворян, годных к службе, и наделять их поместной землей. И для первой, и для второй цели необходимо было знать положение частной земельной собственности в государстве, и вот посылались «писцы» и «дозорщики» для описи и податной оценки земли. Но благодаря отсутствию, так сказать, хозяйского глаза, каким позже явился Филарет, все намерения правительства исполнялись небрежно, с массой злоупотреблений со стороны и администрации, и населения: писцы и дозорщики одним мирволили, других теснили, брали взятки; да и население, стремясь избавиться от податей, часто обманывало писцов, скрывало свое имущество и этим достигало льготной для себя неправильной оценки.

Как только Филарет был поставлен в партриархи, недели через две после приезда в Москву он возбуждает уже важнейшие государственные вопросы и ставит их на разрешение собора. Первое, что обратило его внимание, была именно путаница в финансовых делах, в деле взимания податей. И вот в июне 1619 г. Земский собор постановляет замечательный приговор, преимущественно по финансовым делам. Собору были поставлены на вид указания, сделанные царю патриархом: 1) с разоренной земли подати взимаются неравномерно, одни из разоренных земель облагаются податью по дозорным книгам; с других же, не

менее разоренных, берется подать по писцовым книгам *; 2) при переписи земель допускаются постоянные злоупотребления дозорщиков и писцов; 3) бывают постоянные злоупотребления и со стороны тяглых людей, которые массами или закладывались за кого-нибудь (т. е. входили в особого рода долговую зависимость и тем самым освобождались от тягла и выходили из общины), или просто убегали из своей общины, предоставляя ей, в силу круговой поруки, платить за выбывших членов; 4) кроме этих податных злоупотреблений многие просят от «сильных людей их оборонить», ибо сильные люди (т. е. администрация, влиятельное боярство и т. д.) «чинят им насильства и обиды». Вот об этих-то злоупотреблениях государь и говорил на соборе «как бы то исправить и землю устроить». Собор постановил следующее: 1) произвести снова перепись в местностях неразоренных, писцов и дозорщиков выбрать из надежных людей, привести их к присяге, взяв обещание писать без взяток и работать «вправду»; 2) тяглых людей, выбежавших и «заложившихся» за бояр и монастыри, сыскать и возвратить назад в общины, а на тех, кто их держал, наложить штрафы; 3) составить роспись государственных расходов и доходов: сколько «по окладам» (т. е. по частным росписям) числится тех и других, сколько убыло доходов от разорения, сколько поступает денег, куда их расходовали, сколько их осталось и куда они предназначаются; 4) относительно жалоб на сильных людей состоялся царский указ, соборный приговор: боярам кн. Черкасскому и Мезецкому поручить сыскивать про обиды «сильных людей» в особом сыскном приказе; наконец, 5) решили обновить состав Земского собора, заменив выборных людей новыми.

В этом приговоре собора резко выделяются две черты: прямо рисуется неудовлетворительное экономическое положение податных классов и уклонение от податей, а затем неудовлетворительное же состояние администрации с ее злоупотреблениями, о которых свидетельствовали столь частые челобитные про «обиды сильных людей». Все последующие внутренние распоряжения правительства Михаила Федоровича и клонились именно к тому, чтобы 1) *улучшить администрацию* и 2) *поднять платежные и служебные силы страны.*

1. Что касается до *администрации,* то, пользуясь слабостью надзора сверху, для которого у правительства просто не было средств, и отсутствием крепких местных союзов внизу, в областях, воеводы и приказные дельцы позволяли себе ряд насилий и беззаконий. До смуты местное управление не имело однообразного типа. При царе Иване IV, как мы видели, желая ограничить злоупотребления областных

---

* Дозор — это податная оценка имуществ сообразно их благоустроенности: здесь принимаются в расчет обстоятельства, могущие дать льготы по уплате податей (долги, пожары, разорение от врагов и т. д.). Перепись — это простая податная оценка имуществ, при которой не обращается внимания на благосостояние плательщиков.

правителей — наместников и волостелей, — правительство разрешило городским и сельским общинам самим выбирать себе судей и правителей, причем новые выборные власти получали название губных старост, излюбленных голов, земских судей и пр. Но это самоуправление на деле было введено не везде: в некоторых местностях наряду с выборными, или даже и исключительно, управляли наместники. Во время смуты самоуправление как-то повсюду исчезает; смута, как военное время, выдвигает и военную власть — воевод в роли областных правителей; в их руках в начале XVII в. сосредоточиваются все отрасли управления и суда; пользуясь этим, они обращали управление и суд в дело личной выгоды. По словам одной царской грамоты, «в городах воеводы и приказные люди (их помощники) всякия дела делают не по нашему (царскому) указу, монастырям, служилым, посадским, уездным, проезжим всяким людям чинят насильства, убытки всякие; посулы, поминки и кормы берут многие». Стоит только просмотреть ряд челобитий того времени, в которых ярко описываются все «насильства и убытки», чтобы заключить о силе злоупотреблений местной администрации. Для примера упомянем о действиях мангазейских (в Сибири) воевод Григория Кокорева и Андрея Палицына. Палицын доносил на Кокорева, что этот последний, когда самоеды привозят ясак (подать), спаивал их, и таким путем и ясак, и деньги переходили в руки ловкого воеводы. Затем он часто устраивал пиры, на которых яства должно было приносить население, а в случае, если кто-либо мало приносил, приношение бросалось в лицо приносителю и его прогоняли толчками. Если кто из богатых людей не угождал воеводе, его неожиданно посылали на службу в тундры, и только дав за себя выкуп, можно было избегнуть такого рода ссылки. Мало того, Кокорев часто разыгрывал из себя невинность и ни за что не хотел брать взятки. Но тут на помощь являлся кто-нибудь из приятелей воеводы и предлагал просителю обратиться «ко всемирной заступнице» (так называл он жену Кокорева); последняя улаживала дело и принимала взятку. Кокорев, в свою очередь, писал доносы на товарища, что тот держит корчму и спаивает всех водкой. Мало-помалу распря воевод разгорелась чуть ли не в целую войну: между представителями администрации произошла прямая стычка, в которой было убито несколько человек посадских. Не имея сил избегнуть такого рода явлений, прекратить общий произвол, завещанный смутой, правительство, карая отдельных лиц, в то же время облегчало возможность челобитья на администрацию, учреждая в 1619 г. для того Сыскной приказ, а в 1621 г. обращаясь ко всей земле с грамотой, в которой оно запрещало общинам давать воеводам взятки, на них работать и вообще исполнять их незаконные требования. В случае же неисполнения вышеуказанного правительство грозило земским людям наказанием. Но последующая практика показала недействительность такого рода оригинального обращения к земле.

Воеводы продолжали злоупотреблять властью, и земские люди говорят на соборе 1642 г., стало быть, спустя лет двадцать после указанных мер: «В городах всякие люди обнищали и оскудели до конца от твоих государевых воевод». Воеводы слишком близко стояли к народу; неудовольствие воеводы слишком ощутительно отзывалось на городском человеке и невольно заставляло его давать взятку и работать на воеводу, а управы на него искать было все-таки трудно: за управой необходимо было ехать в Москву.

В 1627 г. правительство пришло к мысли восстановить повсеместно губных старост, предписывая выбирать их из лучших дворян, т. е. из более состоятельных. Эта мера ограничивала круг влияния воевод; многие города воспользовались ею и просили, чтобы у них не было воевод, а были только губные старосты, и это разрешалось. Таким образом, губной староста сосредоточивал в своих руках не одни уголовные дела, а все областное управление, становился и земским судьей. Но с другой стороны, города иногда оставались недовольны губными старостами и просили назначить им воевод; так, город Дмитров, просивший в 1639 г. губного старосту, в 1644 г. уже хлопочет о назначении ему воеводы. Город Кашин в 1644 г. также просил себе воеводу (и даже указывал на Дементия Лазарева, как на лицо, желаемое для этой должности), потому что кашинский губной староста «срамен и увечен», а прежде в Кашине были воеводы, а такого «воровства не было». И другие города поступаются точно так же губным правом из-за непригодности известной личности. Очевидно, что губной институт, это по-нашему — «право», тогда не мыслился таковым: в уездах было очень мало людей, годных для дела, ибо все такие люди правительством «выволочены на службу». Некоторые общины, однако, сохранили и в то время полное самоуправление: это было большей частью в так называемых черных землях, преимущественно на севере.

Таково было при Михаиле Федоровиче положение *местного* управления, носившего, следовательно, смешанный характер.

Что касается до *центрального* управления при Михаиле Федоровиче, то оно восстановлялось в Москве по старым образцам, завещанным XVI веком в форме старых приказов, и только потребностями времени вызывались к жизни новые приказы. Их было много учреждено при Михаиле, но устраивались они опять-таки по старым досмутным образцам, специализируя одну какую-нибудь отрасль владения какого-нибудь старого приказа. В центре всего управления по-прежнему стояла и всем руководила государева Боярская дума.

2. Кроме забот об администрации в Москве очень заботились *о поднятии после смуты общего благосостояния,* стремление к которому было, конечно, присуще и XVI веку; благосостояние земли было необходимо правительству и для хорошего устройства службы и тягот. В эту именно рамку отливались все заботы правительства, которые мы назвали заботами о благосостоянии.

Благосостояние народа смешивалось тогда с благоустройством государственных повинностей.

Это приводит нас к вопросу об устройстве сословий при Михаиле Федоровиче, так как государственные повинности в Московском государстве носили сословный характер. Начнем со служилого сословия. Заботы правительства о нем были двоякого рода: 1) заботы об обеспечении служилых людей землями, или иначе — *вопрос поместный* — и 2) заботы об отношении служилых людей к крестьянству, или иначе — *вопрос крестьянский*. Как уже известно, главным средством содержания военного дворянского класса была земля, а на земле — крестьянский труд. Смута должна была, конечно, поколебать и замутить правильность поместного землевладения: масса дворян была согнана с поместий, масса поместных земель пустовала и вместе с тем множество дворцовых и черных земель перешло в поместья. Наряду с беспоместными помещиками были такие, которым поместья попали незаконно или неизвестно как. Ни наличного числа дворян, годных к службе, ни степени обеспеченности их правительство в первые годы не знало. В горячее время первых войн оно старалось кое-как привести в известность все это, отбирало незаконно захваченные казенные земли *, разбирало и «испомещало» служилых людей и, не прибегая к строгой поверке прав на землю того или другого помещика, давало разоренным денежное жалованье, а для увеличения служилого класса верстало в службу казаков, «которые от воровства отстали». Словом, оно приводило в ясность свой служилый класс и в поместных делах руководилось старыми обычаями, издавало при случае частные указы о поместных делах и, наконец, в 1636 г. составило целый свод из этих указов — «поместное уложение». Но эта лихорадочная деятельность не могла сразу привести к полному благоустройству. Положение служилых фактически было чрезвычайно тяжело. Вследствие этого многие из них «воровали», «оставались в нетях», т. е. не являлись по призыву на службу, и это сходило с рук по слабости надзора. Другие же добросовестно служили, а служить им между тем, как тогда говорили, было «не с чего». И вот в 1633 г. московские дворяне, т. е. высший разряд дворянства **, били челом, что на войну идти не могут; у одних нет земель, а у других и есть, да пусты,— крестьян нет, а если и есть, то 3, 4, 5 или 6 душ всего, а это для службы слишком мало. Правительст-

---

* О редукции есть два мнения: одни совершенно отрицают ее существование и говорят, что московское правительство укрепило землю за тем, за кем она находилась в момент ревизии (Бестужев-Рюмин); другие допускают редукцию, как в Швеции, где, когда борьба правительства с дворянами окончилась победой абсолютизма, она проводилась с неумолимой суровостью. Хотя такой редукции у нас не было, однако нельзя согласиться и с первым мнением, так как мы находим ясные и несомненные признаки ее.

** Назначенные в поход против поляков с князьями Черкасским и Пожарским.

во велело разобрать их челобитья, причем признало, что служить помещик может только с 15-ти крестьян. Любопытно, что на соборе 1642 г. это число самими дворянами определяется не 15-ю, а 50-ю. Но если положение лучшего дворянства было таково, то еще хуже было положение низших его слоев, это мы видим из многих документов того времени и, между прочим, из челобитья, которое в 1641 г. дворяне разных городов, бывшие на Москве, подали об улучшении их быта. Они, описывая свое печальное положение, между прочим, указывали на то, что много дворян «не хотят с ними государевы службы служити и бедности терпети и — *идут в холопство*». Уже Судебник 1550 г. запрещает находящимся на службе, «верстаным» дворянам идти в холопы, а теперь, в 1642 г., в ответе на челобитье правительство запретило это всем дворянам вообще. Переход дворян в холопы, предпочтение зависимого холопьего состояния свободному состоянию землевладельца, конечно, резкий признак тяжелого экономического положения. Сами дворяне склонны были видеть причины своего расстройства в тяжести службы и злоупотреблениях по службе, именно в неравномерном распределении служебных тягот между дворянами (на что они указывали на соборе 1642 г.), а затем в малой устойчивости крестьянского труда, которым они только и могли держаться. О таком-то положении крестьянского труда говорит замечательное челобитье 1646 г.; оно в значительной степени посвящено незаконному переходу и переводу крестьян и кабальных людей. Та борьба за крестьянина, которая шла в XVI в., продолжается и в XVII в.

В нашей беседе о крестьянстве XVI в. мы пришли к тому выводу, что под так называемым прикреплением крестьян в конце XVI в. нельзя разуметь общей государственной меры, закреплявшей целое сословие, а нужно видеть только ограничение перехода некоторой части крестьянства и ограничение территории для перехода (указы Бориса Годунова). В XVII в. крестьяне переходят от одного землевладельца к другому и заключают с ними такие же порядные, как в XVI в., но рядом с этим есть разряд крестьян, которые переходить по закону уже не могут, а бегут и вывозятся беззаконно. Трудно объяснить, что за разница была между двумя разрядами крестьян в XVII в., на чем одни из них основывали свое право свободного выхода и на каком основании другие были лишены этого права. В положении крестьян времени Михаила Федоровича для нас еще очень много неясного, но вероятнее всего, что в основе такого деления крестьянства лежали экономические обстоятельства, денежные их отношения к землевладельцам. Беглым крестьянином становится тот, кто должен был уйти с расчетом, а ушел без него. Таких искали и возвращали к старым землевладельцам в XVI в. без срока, потом — в течение 5 лет после побега (по указу 1597 г.), после чего бежавший был свободен. Но так как дворяне желали и просили увеличения этого срока, то Михаил Федорович в 1615

и 1637 гг. в виде частных льгот для некоторых землевладельцев изменяет эту давность на десятилетнюю. А в 1642 г. благодаря дворянскому челобитью 1641 г., в котором дворяне просили решительной отмены срока, десятилетний срок становится уже общим правилом для беглых крестьян, а пятнадцатилетний — для крестьян, вывезенных насильно другим землевладельцем. Это увеличение сроков шло, конечно, в пользу помещиков для лучшего их обеспечения, в видах лучшего исполнения ими службы. Здесь интересы крестьян принесены в жертву интересам служилого сословия.

В XVII в. встречаются уже уступка и продажа крестьян без земель. Это делалось, например, так: если крестьянин одного помещика был убит крестьянином другого, то второй владелец вознаграждал потерпевшего одним из своих крестьян. А бывали и прямые уступки крестьян по гласным сделкам между землевладельцами. Отсюда видно, что помещики владели крестьянами крепко. Однако не все крестьяне были прикреплены к земле. Те, которые не были вписаны в писцовые книги, а жили при своих родных, могли еще переходить с одной земли на другую и заключать порядные. Но мы видим, что такой порядок продолжается недолго, ибо, переходя, крестьяне заключают свои новые договоры на вечные времена, а не на сроки. Вот то средство, которым помещики и остальную часть крестьянства закрепили за собой.

Перейдем теперь к посадским людям. В первой половине XVII в. между крестьянином, пахавшим в уезде, и посадским человеком, сидевшим на посаде, не было никаких почти различий по праву: посадский мог перейти в уезд на пашню, а крестьянин — сесть в посаде и торговать или промышлять. Разница была только в том, что крестьянин платил подать с земли, а посадский — с «двора». Руководясь этим только признаком, мы не можем говорить об особом классе посадских людей. Малочисленность этих последних была просто поразительна. Во многих городах в XVII в. совсем не было посадских людей: в Алексине, напр., около 1650 г. «был посадский человек», пишет воевода, «и тот умер». «На Крапивне», пишет другой воевода, «посадских людей только три человека и те худы» (т. е. бедны). В самой Москве число посадских после смуты стало втрое меньше, чем было до нее. Малочисленность торгового и промышленного класса указывает на слабое развитие промышленности и торговли в Московском государстве в XVII в. Упадок торговли и промышленности в XVI в. мы уже имели случай отметить в своем месте. Что же обусловливало продолжение этого упадка и теперь, в первой половине XVII в.? Конечно, смута и печальные последствия этой эпохи — всеобщее разорение, далее — тяжелые подати, сборы пятой и десятой деньги, насилия администрации; затем сюда надо присоединить монополии казны, откупа, наконец, отсутствие частных капиталов (исключение составляли толь-

ко знаменитые северные промышленники Строгановы). Далее не последним фактом, мешавшим поднятию русской торговли, была конкуренция иностранцев: англичан, которые в самом начале царствования Михаила Федоровича получили право беспошлинной торговли внутри государства, и голландцев, которым с 1614 г. дозволено было также торговать внутри страны с половинной пошлиной. И вот с 1613 и до 1649 г. мы видим ряд челобитий русских торговых людей об отнятии торговых льгот у иностранцев. Жалуясь на плохое состояние своих дел, они во всем винят иностранную конкуренцию. Хотя и не одна эта конкуренция вызывала упадок русской торговли, однако действительно в XVII в. русские рынки попали в иностранные руки, и это отзывалось плохо на оборотах русского торгового класса. Почему в льготном положении иностранных купцов правительство видело пользу страны — решить трудно.

Гораздо понятнее и правильнее поступало московское правительство, призывая на льготных условиях промышленников-иностранцев: оно руководилось стремлением привить в России разные промыслы, до тех пор неизвестные. Среди промышленных иностранцев на Руси мы встречаем прежде всего так называемых «рудознатцев» — оружейников и литейщиков. Так, в 1640 г. англичанин *Картрейт* взялся искать в окрест[ност]ях Москвы золотую и серебряную руду, но, конечно, ничего не нашел и должен был заплатить по своему обязательству все издержки, сделанные по этому поиску. Через два года *Борис Репнин* с рудознатцами ездил в Тверь для отыскания золотой руды, но его предприятие тоже не увенчалось успехом. Отыскивая руды, правительство заботилось тоже об оружейном и литейном деле — еще с XVI в. Тула была известна выделкой оружия, а в 1632 г. голландский купец *Виниус* получил позволение построить там завод для литья пушек, ядер и т. п.; в товарищество к нему впоследствии вступил Марселис. Затем, несколько позже, были посланы за границу переводчик Захар Николаев и золотых дел мастер Павел Эльрендоф для найма мастеров, знающих литейное дело. Торговые льготы и вообще гостеприимное отношение к иностранцам московского правительства, ожидавшего от них экономической пользы для страны, привлекало в страну много иноземцев. По отзыву бывшего в Москве при Михаиле Федоровиче гольштинца Олеария, до 1000 протестантских семейств жили тогда в Москве (с протестантами наши предки уживались как-то легче, чем с католиками). К иностранцам-промышленникам русские люди относились гораздо лучше, чем к иностранцам-купцам, находили, что у них есть чему поучиться.

Вот краткий обзор того, чем думало правительство Михаила Федоровича достигнуть поднятия экономического быта государства и улучшения своих финансов.

Итак, повторяем, в правительственной деятельности времени Михаила Федоровича главной целью было успокоение взвол-

нованного смутой государства, и этой цели правительство думало достигнуть двумя путями: 1) истреблением административных злоупотреблений и 2) мерами, направленными к поднятию общего благосостояния.

Надо заметить, что при этом московскими правительственными людьми руководил, может быть, сознательно, а может быть, и бессознательно, один принцип: все должно быть по старине — так, как было при прежних царях. Руководясь этим, они ничего не хотели реформировать и вновь учреждать: восстановляя государство после смуты, они шли к старым образцам и действовали старыми средствами.

Но московское правительство ни целей своих не достигло вполне, ни принципа своего не провело строго. Возвращаясь к старине, восстановляя весь старый механизм управления, московские люди не думали что-либо менять и вместе с тем изменили многое. Такого рода перемены произошли, например, в областном управлении, где правительство более или менее систематически вводило воевод, так что воеводская власть из власти временной становится постоянной и вместе с тем гражданской властью. Далее, держась по-старому поместной системы, торопясь привести в порядок поместные дела, упорядочить службу, правительство все более и более прикрепляет крестьян, «чего при старых великих государях не было». С другой стороны, давая первенствующее значение служилому классу, все более и более обеспечивая его положение, мало-помалу приходят к сознанию неудобства и несостоятельности дворянских ополчений, ввиду чего и заводится иноземный ратный строй, солдатские и рейтарские полки. В войске Шеина в 1632 г. под Смоленском было уже 15 000 регулярного войска, устроенного по иноземному образцу. Этих примеров совершенно достаточно для доказательства того, что деятельность правительства Михаила Федоровича, будучи по идее консервативной, на деле, по своим результатам, была, если только уместно это слово, реформационной. Таким образом, результаты противоречили намерениям; случилось же это потому, что смута внесла в общественную жизнь и ее отношения много таких перемен, которые делали невозможным поворот к старому, хотя это, может быть, и не сознавалось современниками. Так, смута создала для русского общества совсем исключительное положение в государственных делах: Земский собор при Михаиле Федоровиче признавался существенным элементом государственного управления, а в этом факте никак нельзя усмотреть консервативной тенденции, ибо в XVI в. верховная власть не могла так смотреть на соборы, как смотрел на них Михаил Федорович. И никто не противоречил этому факту общественного участия в делах государства, пока новые условия жизни не упразднили его. С 1613 г. во все время царствования Михаила Федоровича власть государя стояла наряду с властью Русской земли; все важные государственные дела решались по

царскому указу и соборному приговору, о чем постоянно свидетельствуют окружные грамоты, посылаемые от имени собора.

Итоги царствования. Итак, правительству Михаила Федоровича не удалось быть верным старине, не удалось ему добиться своей цели, т. е. исправить администрацию и устроить благосостояние. Несмотря на это, оно сделало много, даже чрезвычайно много; внешние недруги Руси, Польша и Швеция, снова стали видеть в Москве сильного врага; казачество смирилось.

Московские государи решились даже возобновить войну с Речью Посполитой за Смоленск. Поводом послужила смерть короля Сигизмунда (1632) и наступившее в Польше «бескоролевье»: до избрания нового короля поляки и литовцы не могли воевать. Московское войско, состоявшее из новых полков иноземного строя и из старых дворянских ополчений численностью всего в 32000 человек, пошло к Смоленску, взяло много мелких городов на границе и осадило Смоленск. Так как Смоленск был чрезвычайно сильной крепостью, то осада затянулась надолго, несмотря даже на то, что во главе московских войск стоял тот самый боярин Шеин, который в смутное время был воеводой в Смоленске, геройски защищал его от короля Сигизмунда и знал хорошо как город, так и его окрестности. Через восемь месяцев осады на помощь Смоленску успел явиться вновь избранный король польский Владислав Сигизмундович. Он не только отбил русских от крепости, но окружил их самих в их лагере. Утомленные долгой войной московские войска не могли выдержать натиска свежих войск Владислава, и Шеин вступил в переговоры с королем. Он согласился отдать полякам все свои пушки и обоз и уйти в Москву (1634). За это бесславное отступление он был в Москве казнен как изменник вместе со своим товарищем, вторым воеводой Измайловым. Война продолжалась, но без всякого нового успеха для Владислава. Поэтому летом 1634 г. он начал переговоры о мире. На пограничной речке Поляновке съехались московские и польские послы и заключили «вечный мир». Смоленск и прочие города, захваченные Сигизмундом в смуту, остались за Речью Посполитой. Но Владислав отказался от всяких прав на московский престол и признал Михаила Федоровича царем всея Руси. Это было очень важно.

Но утомленное войной и еще не забывшее смутных потрясений Московское государство экономически было так расшатано, что и в конце царствования Михаила Федоровича на Земских соборах в 1632—1634 гг. (по поводу польской войны) и 1637 г. (о турецких делах) обсуждался недостаток средств и даже людей у правительства. В 1632—1633 гг. по земскому приговору снова собирается пятая, или «пятинная», деньга (такого рода сбор производится уже третий раз при Михаиле Федоровиче), и она дает в сумме менее, чем давала прежде. На соборе же 1642 г. (по поводу азовского вопроса) перед правительством очень ясно вскрылись нужды и желания сословий. До нас дошли письменные

мнения, или «сказки», представителей этого собора относительно азовского дела. Особенно интересны «сказки» низших служилых и тяглых людей. Первые в своих сказках обнаружили замечательный, по тому времени, политический смысл и представляли целые военные и финансовые проекты. Собору было предложено два вопроса по поводу Азова: 1) принять ли Азов от донских казаков? 2) если принять, то какими средствами держать его? На первый вопрос духовенство и меньшинство выборных не дало своего определенного мнения, предоставляя решение воле государя. «А в приемке города Азова, в том его государева воля»,— говорят они. Остальное же большинство выборных прямо высказалось за принятие Азова и, следовательно, за разрыв с турецким султаном. Второй вопрос был разработан членами собора, особенно мелким дворянством, очень обстоятельно. Но в данную минуту для нас всего интереснее те мнения выборных, которые, наряду с проектами защиты Азова, указывают правительству на всеобщую разоренность и на злоупотребления администрации, единого класса, которому жилось хорошо в те тяжелые времена. Вот что говорят, между прочим, городские дворяне о дьяках: «Твои государевы дьяки и подьячие пожалованы твоим денежным жалованьем, поместьями и вотчинами, а будучи беспрестанно у твоих дел и обогатели многим богатством неправедным от своего мздоимства, покупили многие вотчины и дома свои построили многие, палаты каменныя такия, что неудобь сказаемыя: блаженной памяти при прежних государях у великородных людей таких домов не бывало, кому было достойно в таких домах жить». Далее вот как рисуется положение торгового класса: «Мы холопи твои, гостишки и гостинной и суконной сотни торговые людишки городовые, питаемся на городах от своих промыслишков, а поместий и вотчин за нами нет никаких, службы твои государевы служим на Москве и в иных городах ежегод беспрестанно и от беспрестанных служб и от пятинныя деньги, что мы давали тебе в смоленскую службу ратным и всяким служилым людям на подмогу, многие из нас оскудели и обнищали до конца. А будучи мы на твоих службах в Москве и в иных городах сбираем твою государеву казну за крестным целованием с великою прибылью,— где сбиралось при прежних государях и при тебе в прежние годы сот по пяти и по шести, теперь сбирается с нас и со всей земли нами же тысяч по пяти и по шести и больше, а торжишки у нас стали гораздо худы, потому что всякие наши торжишки на Москве и в других городах отняли многие иноземцы немцы и кизильбашцы (персияне)». Одинаково интересна и «сказка» самых мелких — черных сотен людей: «Мы, сироты твои, черных сотен и слобод сотские и старостишки и все тяглые людишки, ныне грехом своим оскудели и обнищали от великих пожаров и от пятинных денег и от даточных людей, от подвод, что мы, сироты твои, давали тебе государю в смоленскую службу (в 1632—33гг.) и от поворотных (с ворот двора) денег от городо-

вого землянаго дела и от твоих государевых великих податей, и от многих целовальнич (выборных) служб, которыя мы, сироты, в твоих государевых, в разных службах на Москве служим с гостьми и опричь гостей. И от тое великия бедности многие тяглые людишки из сотен и из слобод разбрелися розно и дворишки свои мечут» (Собр. гос. гр. и дог. III, № 113). Такие картины были недалеки от правды и не составляли большой новости для правительства. Жить было действительно трудно: государство требовало очень больших жертв, обстоятельства не дозволяли сколько-нибудь разживиться, разбогатеть. Недовольное своим экономическим положением общество ищет причин своего разорения и, находя их в том или другом, бьет челом государю об их устранении.

Рассматривая массу частных и коллективных челобитий середины XVII в., мы узнаем, чем особенно тяготилась, против чего вооружилась земщина. Служилые люди жаловались на тяжесть и неравномерность распределения служебных обязанностей между московскими и городскими людьми. Кроме того, они были недовольны своим отношением к крестьянству: крестьяне продолжали выбегать из-за них, и отыскивать их было трудно, несмотря на то что при Михаиле Федоровиче была установлена для беглых десятилетняя давность; крупные землевладельцы часто переманивали к себе крестьян, результатом чего являлось неудовольствие дворянства против бояр и духовенства. Одним из пунктов недовольства дворян против духовенства было еще то, что последнее прибирало к рукам земли служилых людей, несмотря за запрещение 1584 г., а между тем с выходом этих земель из службы последняя падала все тяжелее и тяжелее на остальную массу служилых земель. Итак, облегчение служб и более верное обеспечение за собой крестьянского труда — вот заботы служилого сословия.

Тяглые люди жаловались на тяжесть податей, которые действительно большим бременем ложились на них; особенно плохо приходилось им от сбора пятинной деньги, которая их вконец разоряла. Такого рода тяжелые подати вызвали бегство тяглецов из общины, последняя же, в силу круговой поруки, должна была платить и за выбывших членов. Для подобных беглых людей всегда был готов приют в боярских и монастырских владениях, где существовали целые промышленные слободы,— и беглые закладывались за беломестцев и, обходя таким путем закон, освобождались от податей и повинностей. Вышеназванные слободы, конкурируя в торговле и промыслах с тяглыми общинами, еще более подрывали благосостояние последних. Не ограничиваясь этим, беломестцы вторгались даже в самые слободы и посады, покупая там дворы и таким образом обеляя их (т. е. освобождая их от платежа податей). Итак, тяжесть податей и конкуренция в промыслах были главным злом для посада, который и стремился замкнуться так, чтобы выход из общины и вход в нее были закрыты, а затем желал облегчить свою податную тягость. Мы уже видели, что собственно торговые люди имели еще новую неприятность в виде конкуренции иностранцев.

Вообще же все классы страдали одинаково от воеводских насилий и приказной волокиты.

Таково было к тому времени, когда умер Михаил Федорович, положение общества, поборовшего смуту и успевшего избавить государство от распада.

Время царя Алексея Михайловича (1645—1676)

В 1645 г. скончался царь Михаил Федорович, а через месяц умерла и жена его, так что Алексей Михайлович остался сиротой. Ему было всего 16 лет, и, конечно, он не самостоятельно начал свое замечательное царствование; первые три года государством правил его воспитатель Борис Иванович Морозов. Морозов был человек несомненно способный, но, как умно выразился Соловьев, «не умевший возвыситься до того, чтобы не быть временщиком». Три года продолжалось его «время», время лучшее, чем при Салтыковых, но все-таки темное.

На бедную, еще слабую средствами Русь при Алексее Михайловиче обстоятельства наложили столько государственных задач, поставили столько вопросов, требовавших немедленно ответа, что невольно удивляешься исторической содержательности царствования Алексея Михайловича.

Прежде всего внутреннее неудовлетворительное положение государства ставило правительству много задач *юридических и экономических*; выражаясь в челобитьях и волнениях (т. е. пользуясь как законными, так и незаконными путями),— причем волнения доходили до размеров разинского бунта,— они вызвали усиленную *законодательную деятельность*, напряженность которой нас положительно удивляет. Эта деятельность выразилась в Уложении, в Новоторговом уставе, в издании Кормчей книги и, наконец, в массе частных законоположений.

Рядом с крупными вопросами юридическими и экономическими поднялись *вопросы религиозно-нравственные;* вопрос об исправлении книг и обрядов, перейдя на почву догмата, окончился, как известно, расколом и вместе с тем сплелся с вопросом о культурных заимствованиях. Рядом с этим встал вопрос об отношении церкви к государству, ясно проглядывавший в деле Никона, в отношениях последнего к царю.

Кроме внутренних вопросов назрел и *внешний политический вопрос*, исторически очень важный,— вопрос о Малороссии. С ее присоединением начался процесс присоединения к Руси отпавших от нее волостей, и присоединение Малороссии, таким образом, было первым шагом со стороны Москвы в деле ее исторической миссии, к тому же шагом удачным. До сих пор Литва и Польша играли в отношении Руси наступательную роль; с этих пор она переходит к Москве.

Со всеми этими задачами Москва, еще слабая, еще не готовая к их решению, однако, справлялась: государство, на долю которого приходилось столько труда, не падало, а росло и крепло, и в 1676 г. оно было совсем иным, чем в 1645 г.: оно стало гораздо крепче как в отношении политического строя, так и в отношении благосостояния.

Только признанием за Московским государством способности к исторической жизни и развитию можно объяснить общие причины этого явления. Это был здоровый организм, имевший свои исторические традиции и упорно преследовавший сотнями лет свои цели.

Внутренняя деятельность правительства Алексея Михайловича

Первые годы царствования и Соборное Уложение. Князь Яков Долгорукий, человек, помнивший время Алексея Михайловича, говорил Петру Великому: «Государь, в ином отец твой, в ином ты больше хвалы и благодарения достоин. Главные дела государей — три: первое — внутренняя расправа и главное дело ваше есть правосудие; *в сем отец твой больше нежели ты сделал*». Эти слова показывают, какое высокое мнение сложилось у ближайших потомков «гораздо тихаго» царя о его законодательной деятельности: его ставили даже выше Петра, хотя последний в наших глазах своими реформами и перерос отца.

К сожалению, вышеприведенные слова Долгорукого не могут быть относимы к первым трем годам царствования Алексея Михайловича, когда дела государства находились в руках вышеупомянутого Морозова: будучи опытным администратором, Морозов не любил забывать себя и свою родню и часто общие интересы приносил в жертву своим выгодам. Как дядька Алексея Михайловича, он пользовался большим влиянием на него и большой его любовью. Имея в виду обеспечить свое положение, он отстраняет родню покойной царицы и окружает молодого царя «своими». Далее, в 1648 г., временщик роднится с царем, женясь на Милославской, сестре государевой жены. В свою очередь, опираясь на родство с царем и на расположение Морозова, царский тесть Илья Данилович Милославский, человек в высшей степени корыстный, старался заместить важнейшие государственные должности своими не менее корыстолюбивыми, чем он, родственниками. Между последними особую ненависть народа навлекли на себя своим лихоимством начальник Пушкарского приказа Траханиотов и судья Земского приказа Леонтий Плещеев, действовавшие во имя одной и той же цели слишком уже явно и грубо. В начале июня 1648 г. это вызвало общий ропот в Москве, случайно перешедший в открытое волнение. Царь лично успокоил народ, обещая ему правосудие, и вместе с тем нашел нужным отослать Морозова из Москвы в Кириллов монастырь,

а Траханиотов и Плещеев были казнены. В связи с московскими волнениями летом, в июле, произошли беспорядки в Сольвычегодске, в Устюге и во многих других городах; везде они направлялись против администрации.

Вскоре после московских беспорядков правительство решило приступить к составлению законодательного кодекса. Это решение невольно связывается в нашем представлении с беспорядками: такой давно не виданный факт, как открытый беспорядок в Москве, конечно, настойчивее и яснее всего показал необходимость улучшений в деле суда и законодательства. Так понимал дело и патриарх Никон; он говорил, между прочим, следующее: «Всем ведомо, что собор был (об Уложении) не по воле, боязни ради и междоусобия от всех черных людей, а не истинныя правды ради». Что в то время, т. е. в 1648—1649 гг., в Москве действительно чувствовали себя неспокойно, есть много намеков. В начале 1649 г. один из московских посадских, Савинка Корепин, осмелился даже утверждать, что Морозов и Милославский не сослали князя Черкасского, «боясь нас (т. е. народа), для того, что *весь мир качается*».

Необходимость улучшений в деле суда и законодательства чувствовалась на каждом шагу, каждую минуту—и правительством и народом. О ней говорила вся жизнь, и вопросом праздного любопытства кажется вопрос о том, когда было подано челобитье о составлении кодекса, о котором (челобитье) упоминается в предисловии к Уложению (этим вопросом много занимается Загоскин, один из видных исследователей Уложения). Причины, заставлявшие желать пересмотра законодательства, были двояки. Прежде всего, была потребность кодификации законодательного материала, чрезвычайно беспорядочного и случайного. С конца XV в. (1497 г.) Московское государство управлялось Судебником Ивана III, частными царскими указами и, наконец, обычаем, «пошлиною» государственной и земской. Судебник был преимущественно законодательством о суде и лишь мимоходом касался вопросов государственного устройства и управления. Пробелы в нем постоянно пополнялись частными указами. Накопление их после Судебника повело к составлению второго Судебника, «царского» (1550 г.). Но и царский Судебник очень скоро стал нуждаться в дополнениях и потому дополнялся частными указами на разные случаи. Эти указы называются часто «дополнительными статьями к Судебнику». Они собирались в приказах (каждый приказ собирал статьи по своему роду дел) и затем записывались в «Указных книгах». Указной книгой приказные люди руководились в своей административной или судебной практике; для них указ, данный на какой-нибудь отдельный случай, становился прецедентом во всех подобных случаях и таким образом обращался в закон. Такого рода отдельных законоположений, иногда противоречащих друг другу, к половине XVII в. набралось огромное число. Отсутствие системы и противоречия,

с одной стороны, затрудняли администрацию, а с другой — позволяли ей злоупотреблять законом. Народ же, лишенный возможности знать закон, много терпел от произвола и «неправедных судов». В XVII столетии в общественном сознании ясна уже потребность свести законодательство в одно целое, дать ему ясные формулы, освободить его от балласта и вместо массы отдельных законов иметь *один кодекс*.

Но не только кодекс был тогда нужен. Мы видели, что после смуты при Михаиле Федоровиче борьба с результатами этой смуты — экономическим расстройством и деморализацией — была неудачна. В XVII в. все обстоятельства общественной жизни вызывали общую неудовлетворенность: каждый слой населения имел свои pia desideria и ни один из них не был доволен своим положением. Масса челобитий того времени ясно показывает нам, что не частные факты беспокоили просителей, а что чувствовалась нужда в пересоздании общих руководящих норм общественной жизни. Просили не подтверждения и свода старых законов, которые не облегчали жизни, а их пересмотра и исправления сообразно новым требованиям жизни,— была необходимость *реформ*.

К делу составления кодекса были привлечены выборные люди, съехавшиеся на собор из 130 (если не более) городов. Среди выборных насчитывалось до 150 служилых и до 100 тяглых людей. Московских же дворян и придворных чинов на соборе было сравнительно мало, потому что от них теперь потребовали также выборных, а не допустили их, как прежде допускали, поголовно. Дума и освященный собор участвовали в полном своем составе. По полноте представительства этот собор можно назвать одним из удачнейших. (Мы помним, что на соборе 1613 г. участвовали представители только 50 городов.) Этим выборным людям новое Уложение было «чтено», как выражается предисловие нового кодекса.

Рассматривая этот кодекс или, как его называли, «Уложение», мы замечаем, что это, во-первых, не Судебник, т. е. не законодательство исключительно о суде, а кодекс всех законодательных норм, выражение действующего права государственного, гражданского и уголовного. Состоя из 25 глав и почти тысячи статей, Уложение обнимает собой все сферы государственной жизни. Это был *свод законов*, составленный из старых русских постановлений с помощью права византийского и литовского.

Во-вторых, Уложение представляет собой не механический свод старого материала, а его переработку; оно содержит в себе многие новые законоположения, и когда мы всматриваемся в характер их и соображаем их с положением тогдашнего общества, то замечаем, что новые статьи Уложения не всегда служат дополнением или исправлением частностей прежнего законодательства; они, напротив, часто имеют характер крупных общественных реформ и служат ответом на общественные нужды того времени.

Так, Уложение *отменяет урочные лета* для сыска беглых крестьян и тем окончательно прикрепляет их к земле. Отвечая этим настоятельной нужде служилого сословия, Уложение проводит тем самым крупную реформу одной из сторон общественной жизни.

Далее, оно *запрещает духовенству приобретать вотчины*. Еще в XVI в. шла борба против права духовенства приобретать земли и владеть вотчинами. На это право боярство да и все служилые люди смотрели с большим удовольствием. И вот сперва в 1580 г. было запрещено вотчинникам передавать свои вотчины во владение духовенства по завещанию «на помин души», а в 1584 г. были запрещены и прочие виды приобретения духовенством земель. Но духовенство, обходя эти постановления, продолжало собирать значительные земли в своих руках. Неудовольствие на это служилого сословия прорывается в XVII в. массой челобитных, направленных против землевладельческих привилегий и злоупотреблений духовенства вообще и монастырей в частности. Уложение удовлетворяет этим челобитьям, запрещая как духовным лицам, так и духовным учреждениям приобретать вотчины вновь (но прежде приобретенные отобраны не были). Вторым пунктом неудовольствия против духовенства были различные судебные привилегии. И здесь новый законодательный сборник удовлетворил желанию населения: им *учреждается Монастырский приказ*, которому с этих пор делается подсудным в общем порядке духовное сословие, и ограничиваются прочие судебные льготы духовенства.

Далее, Уложение впервые со всей последовательностью *закрепляет и обособляет посадское население*, обращая его в замкнутый класс: так посадские становятся прикрепленными к посаду. Из посада теперь нельзя уйти, зато и в посад нельзя войти никому постороннему и чуждому тяглой общине.

Исследователи замечали, конечно, тесную связь между всеми этими реформами и обычными жалобами земщины в первой половине XVII столетия, но недавно только в научное сознание вошла идея о том, что выборным людям пришлось не только «слушать» Уложение, но и самим выработать его. По ближайшему рассмотрению оказывается, что все крупнейшие новизны Уложения возникли по коллективным челобитьям выборных людей, по их инициативе, что выборные принимали участие в составлении и таких частей Уложения, которые существенно их интересов не касались. Словом, оказывается, что, во-первых, работы по Уложению вышли за пределы простой кодификации, и, во-вторых, что реформы, проведенные в Уложении, основывались на челобитьях выборных и проведены к тому же согласно с духом челобитий.

Здесь-то и кроется значение Земского собора 1648—1649 гг.: насколько Уложение было реформой общественной, настолько оно в своей программе и направлении вышло из земских челоби-

тий и программ. В нем служилые классы достигли большего, чем прежде, обладания крестьянским трудом и успели остановить дальнейший выход вотчин из служилого оборота. Тяглые посадские общины успели добиться обособления и защитили себя от вторжения в посад высших классов и от уклонений от тягла со стороны своих членов. Посадские люди этим самым достигли облегчения тягла, по крайней мере в будущем. Вообще же вся земщина достигла некоторых улучшений в деле суда с боярством и духовенством и в отношениях к администрации. Торговые люди на том же соборе значительно ослабили конкуренцию иностранных купцов через уничтожение некоторых их льгот. Таким образом, велико ли было значение выборных 1648 г., решить нетрудно: если судить по результатам их деятельности, оно было очень велико.

Политическое значение момента. Такова была победа средних классов на соборе 1648 г. От нового закона они выигрывали, а проигрывали их житейские соперники, стоявшие наверху и внизу тогдашней социальной лестницы. Как в 1612—1613 гг. средние слои общества возобладали благодаря своей внутренней солидарности и превосходству сил, так в 1648 г. они достигли успеха благодаря единству настроения и действия и численному преобладанию на соборе. И все участники «великого земского дела», каким было составление Уложения, понимали важность минуты. Одних она радовала: те, в чью пользу совершалась реформа, находили, что наступает торжество справедливости. «Нынеча государь милостив, сильных из царства выводит,— писал один дворянин другому,— и ты, государь, насильства не заводи, чтобы мир не проведал!» Некоторые даже находили, что следует идти далее по намеченному пути перемен. Так, курские служилые люди были недовольны своим выборным на соборе Малышевым и «шумели» на него, по одному выражению, за то, что «у государева у Соборного уложенья по челобитью земских людей не против всех статей государев указ учинен», а по другому выражению, за то, что «он на Москве розных их прихотей в Уложенье не исполнил». Но если одни хотели еще больше, чем получили, то другим и то, что было сделано, казалось дурным и зловещим. Закладчики, взятые из льготной частной зависимости в тяжелое государево тягло, мрачно говорили, что «ходить нам по колено в крови». По их мнению, общество переживало прямую смуту («мир весь качается»), и обездоленной Уложением массе можно было покуситься на открытое насилие против угнетателей, потому что этой массы будто бы все боялись. Не одно простонародье думало таким образом. Патриарх Никон подвергал резкой критике Уложение, называя его «проклятою» и беззаконною книгой. По его взгляду, оно составлено «человеком прегордым», князем Одоевским несоответственно царскому указанию и передано Земскому собору из боязни пред мятежным «миром». Он писал: «То всем ведомо, что собор был не по воли,

боязни ради и междоусобия от всех черных людей, а не истинныя правды ради». Разумеется, Никона волновали иные чувства, чем боярских закладчиков, в большой записке он доказывал, что первоначальные намерения государя заключались в том, чтобы просто собрать старые законы «ни в чем же отменно» и преподать их светскому обществу, а не патриарху и не церковным людям. Обманом же «ложнаго законодавца» Одоевского и междоусобием от всех черных людей вышел «указ тот же патриарху со стрельцом и с мужиком» и были допущены вопиющие нарушения имущественных и судебных льгот духовенства в новых законах, испрошенных земскими людьми. Поэтому Никон не признавал законности Уложения и не раз просил государя Уложение «отставить», т. е. отменить. Таково было отношение к собору и его Уложенной книге у самого яркого представителя тогдашней иерархии. Можем быть уверены, что ему сочувствовали и прочие; реформа Уложения колебала самый принцип независимости и особенности церковного строя и подчиняла церковные лица и владения общегосударственному суду; мало того, она больно затрагивала хозяйственные интересы церковных землевладельцев. Сочувствия к ней в духовенстве быть не могло, как не могло быть и сочувствия к самому Земскому собору, который провел реформу. Боярство также не имело основания одобрять соборную практику 1648 г. В середине XVII столетия из рассеянных смутой остатков старого боярства как княжеского происхождения, так и с более простым «отечеством» успела сложиться новая аристократия придворно-бюрократического характера. Не питая никаких политических притязаний, это боярство приняло «приказный» характер, обратилось в чиновничество и, как мы видели, повело управление мимо соборов. Хотя новые бояре и их помощники, дьяки, сами происходили из рядового дворянства, а иногда и ниже, тем не менее у них был свой гонор и большое стремление наследовать не только земли старого боярства, но и землевладельческие льготы старого типа, когда-то характеризовавшие собой удельно-княжеские владения. Обработанные И. Е. Забелиным документы вотчин знаменитого Б. И. Морозова вводят нас в точное разумение тех чисто государственных приемов управления, какие существовали во «дворе» и в «приказах» Морозова. Вот эта-то широта хозяйственного размаха, поддерживаемая льготами и фактической безответственностью во всем, и послужила предметом жалоб со стороны мелкопоместного служилого люда и горожан. Уложение проводило начало общего равенства перед законом и властью («чтобы Московскаго государства всяких чинов людям, от большаго и до меньшаго чину, суд и расправа была во всяких делех всем ровна») и этим становилось против московского боярства и дьячества за мелкую сошку провинциальных миров. Притязания этой сошки охранить себя посредством соборных челобитий от обид насильников московская администрация свысока называла «шумом» и «разными прихоть-

ми», а шумевших — «озорниками». Тенденция Уложения и челобитья соборных людей никак не могли нравиться московской боярской и дьяческой бюрократии.

Так, с ясностью обнаруживается, что созванный для умирения страны собор 1648 г. повел к разладу и неудовольствиям в московском обществе. Достигшие своей цели соборные представители провинциального общества восстановили против себя сильных людей и крепостную массу. Если последняя, не мирясь с прикреплением к тяглу и к помещику, стала протестовать «гилем» (т. е. беспорядками) и выходом на Дон, подготовляя там разиновщину,— то общественная вершина избрала легальный путь действий и привела правительство к полному прекращению Земских соборов.

Земский собор 1648 г. был самым полным, самым деятельным и самым влиятельным из соборов при новой династии. Почетно поставленные и обеспеченные казной на все времена работ в Москве, выборные люди привлекались иногда в ряды московской администрации не только для отдельных поручений, но и на должности по местному и центральному управлению. Им вместе с внешним почетом оказывалось и доверие. Но в то же время в обстоятельствах собора 1648 г. крылись уже причины быстрой развязки, конца соборов. Конец этот пришел так нежданно, что позднейшему наблюдателю он может показаться как бы переворотом в правительственной системе.

После собора об Уложении в Москве были еще соборы в 1650, 1651 и 1653 гг. Первый из них занимался вопросом об умиротворении Пскова, где тогда шло очень острое брожение. Два последних были посвящены вопросу о присоединении Малороссии. Последнее заседание собора 1653 г. происходило 1 октября, и более соборы в Москве не созывались. Можно думать, что от них московское правительство отказалось сознательно. После 1653 г., в тех случаях, когда признавалось необходимым обратиться к мнениям сведущих людей, в Москве созывали на совет уже не «всех чинов выборных людей», а представителей только того сословия, которое было всего ближе к данному делу. Так, в 1660, 1662—1663 гг. шли совещания бояр с гостями и тяглыми людьми г. Москвы по поводу денежного и экономического кризиса. В 1672 г. в Посольском приказе высшее московское купечество было привлечено к обсуждению армянского торга шелком; в 1676 г. тот же вопрос был предложен гостям в Ответной палате. В 1681—1882 гг. в Москве были две односословные комиссии: одна, служилая, занималась вопросами военной организации, другая, тяглая,— вопросами податного обложения; обе были под руководством одного представителя, князя В. В. Голицына, но ни разу не соединились в одну палату выборных. Только однажды члены служилой комиссии вместе с освященным собором и думой составили общее заседание для торжественной отмены местничества; но это, конечно, не был Земский собор в том смысле,

как мы условились понимать этот термин. Прибегая к совету с экспертами в тех делах, где требовались специальные сведения, московская власть в общих делах, хотя бы и большой государственной важности, довольствовалась «собором» властей и бояр. Так, в 1673 и 1679 гг. экстренные денежные сборы ввиду войны с турками были назначены приговорами освященного собора и думы. Ранее же такие сборы назначались неизменно Земскими соборами. Словом, после 1653 г. московское правительство систематически стало заменять соборы другими видами совещаний, на которые ему указывала традиция. Мы видели, что и комиссия сведущих людей при Боярской думе, и «соборы» властей и бояр существовали еще до смутного времени и были освящены еще большей давностью, чем выборные «советы всей земли». Признав последние нежелательными, легко обратились к первым, видя в них не меньше смысла, но больше удобств и безопасности.

Однако земские люди, заметив перемену в отношении власти к Земским соборам, не скрыли при случае, что со своей стороны они дорожат опальным учреждением. Когда в 1662 г. в смутную пору тяжелого денежного кризиса московское правительство неоднократно звало на совет московских гостей, людей гостиной и суконной сотен и черных сотен и слобод, то все эти люди в числе мер к пресечению кризиса предлагали созвать собор: «То дело всего государства, всех городов и всех чинов,— говорили гости и торговые люди,— и о том у великаго государя милости просим, чтобы пожаловал великий государь, указал для того дела взять изо всех чинов на Москве и из городов лучших людей по 5 человек, а без них нам одним того великаго дела на мере поставить невозможно». Черные люди просили того же: «О том великаго государя милости просим, чтобы великий государь указал взять изо всяких чинов и из городов лучших людей, а без городовых людей о медных деньгах сказать не уметь, потому что то дело всего государства и всех городов и всяких чинов людей». Но судьба соборов была уже решена, и великий государь соборов более не созывал.

После сказанного нами нет надобности много говорить о причинах прекращения соборов. Служа в XVII в. политическим органом средних классов московского общества, соборы были сначала в тесном единении с монархом, который в момент избрания своего сам был излюбленным вождем тех же средних классов. Дружное соправительство двух родственных политических авторитетов, царя и собора, продолжалось до того времени, пока верховная власть не эмансипировалась от сословных влияний и пока вокруг нее не сложилась придворно-аристократическая бюрократия. При первых же признаках разлада между земским представительством и «сильными людьми», между нижней и верхней палатами Земского собора 1648 г., правительственная среда перестает пользоваться помощью собора и прибегает

к другим видам совещаний, существовавшим издавна в московском обиходе. Земскому собору перестают доверять, потому что связывают его деятельность с тем «в миру великим смятением», которое колебало государство в 1648—1650 гг. Власть ищет дальнейшей опоры уже не в соборах, а в собственных исполнительных органах: начинается бюрократизация управления, торжествует «приказное» начало, которому Петр Великий дал полное выражение в своих учреждениях.

Такова была внутренняя причина падения соборов. Не сомневаемся, что главным виновником перемены правительственного взгляда на соборы был патриарх Никон. Присутствуя на соборе 1648 г. в сане архимандрита, он сам видел знаменитый собор; много позднее он выразил свое отрицательное к нему отношение в очень резкой записке. Во второй половине 1652 г. стал Никон патриархом. В это время малороссийский вопрос был уже передан на суждение соборов. Когда же в 1653 г. собор покончил с этим вопросом, новые дела уже соборам не передавались. Временщик и иерарх в одно и то же время, Никон не только пас церковь, но ведал и все государство. При его-то власти пришел конец Земским соборам.

Внутренние затруднения. В деле составления Уложения интересна, между прочим, та частность, что готовые статьи его обнародовались в виде отдельных законоположений и приводились в исполнение ранее выхода в свет самого Уложения, напечатанного только в мае 1649 г. Таким образом, в Москве знали о результатах законодательных трудов раньше 1649 г. и на многие реформы смотрели с неодобрением. Те люди, против интересов которых шли реформы, позволяли себе тихомолком говорить непристойные речи. Но вместе с тем волнение в Москве было заметно настолько, что на 6 января 1649 г. москвичи ждали беспорядков. Однако их не было. Любопытно при этом, что недовольные реформами (много было недовольных прикреплением посадских) считали виновниками нововведений «старых неприятелей» Морозова и Милославского. Про них со злобой говорили, что царь Алексей «глядит все изо рта бояр Морозова и Милославскаго; они всем владеют».

В Москве, однако, дело обошлось благополучно. Но через год (в начале 1650 г.) начались беспорядки во Пскове, а за Псковом взволновался и Новгород. Бунтовали против бояр (т. е. администрации) и против Морозова с его «приятелями-немцами». В это время по договору со Швецией правительство отпускало в Швецию крупные суммы денег и большие запасы хлеба. Вывоз денег и хлеба за границу народ счел за измену со стороны бояр. «Бояре шлют хлеб и деньги немцам, а государь того не ведает»,— говорил народ и задерживал «до государева указу» шведских гонцов с деньгами, а также не давал везти хлеб. В Новгороде мятеж окончился скоро, но псковские жители волновались гораздо упорнее. Замечательно, что во всех волнениях начала царствования

Алексея Михайловича преимущественно участвовали промышленные слои населения, посадские люди. Причину этого, конечно, надо искать в очень тяжелом положении этих классов в половине XVII в. Во Пскове мятеж принял обширные размеры и очень острый характер. Местные власти потеряли всякий авторитет. Псковичи творили насилия и над посланными из Москвы для расследования дела думными людьми. Тогда в Москве решили в виде острастки употребить против Пскова военную силу. Кн. Хованский с небольшим отрядом осадил город, но псковичи не сдавались. В июле 1650 г. озабоченное мятежом московское правительство решается отправить из Москвы епископа Рафаила Коломенского с выборными москвичами для увещания мятежников, и это увещание подействовало лучше войск Хованского. Псковичи послушались и принесли повинную. Как серьезно смотрело на этот мятеж московское правительство, видно уже из одного факта созвания по поводу мятежа Земского собора в июле 1650 г., постановления которого, впрочем, неизвестны. Вероятно, они отличались мягкостью. Правительство вообще избегало тогда крутых мер, может быть, потому, что в то время была везде наклонность к волнениям; ни в одно царствование не было их так много, как в царствование Алексея Михайловича. Что волнения тогда были не в одном Пскове и что в Москве было не совсем спокойно, видно из того, что после собора в Посольский приказ были призваны московские тяглецы, которые получили здесь инструкции «извещать государя о всяких людях, которые станут воровские речи говорить».

В таком положении находились дела, когда назревал малороссийский вопрос. Из-за Малороссии Россия с 1654 г. втянулась в войну с Польшей. Несмотря на удачу войны, недостаток средств у правительства и плохое экономическое положение народа скоро дали себя знать. Правительству приходилось прибегать к экстренным сборам (в 1662 и 1663 гг. собиралась «пятая» деньга, как бывало при Михаиле Федоровиче), но и их не хватало, и правительство пробовало сокращать свои расходы. Однако, видя, что все такие попытки далеко не удовлетворяют желаемой цели, оно попробовало извернуться из затруднительного положения, произвольно увеличивая ценность ходившей монеты. В то время своих золотых у нас еще не было, а в обращении были голландские и немецкие червонцы, причем голландский червонец имел ценность одного рубля, а серебряный ефимок (талер) ходил от 42 до 50 коп., и, перечеканивая его в русскую серебряную монету, правительство из ефимка чеканило 21 алтын и 2 деньги, т. е. около 64 коп., и таким образом на каждом ефимке выгадывало 15—20 коп. (по словам Котошихина).

В этом, конечно, заключалась уже значительная выгода казне. Но ее хотели еще увеличить и стали ефимкам придавать ценность рубля; с этой целью клеймили их; клейменный ефимок везде принимался за рубль, неклейменные же ефимки ходили по

обычной цене 42—50 коп. Такая мера правительства неминуемо повела к подделкам клейма на ефимках, а это последнее обстоятельство вызвало, в свою очередь, вздорожание припасов вместе с недоверием к новой монете. Тогда в 1656 г. боярин Ртищев предложил проект, состоявший в том, чтобы пустить в оборот, так сказать, металлические ассигнации,—чеканить медные деньги одинаковой формы и величины с серебряными и выпускать их по одной цене с ними. Это шло довольно удачно до 1659 г., за 100 серебряных коп. давали 104 медных. Затем серебро стало исчезать из обращения, и дело пошло хуже, так что в 1662 г. за 100 серебряных давали 300—900 медных, а в 1663 г. за 100 серебряных не брали и 1500 медных. Одним словом, здесь произошла история, аналогичная той, которая 80 лет спустя случилась с Джоном Ло во Франции. Почему же смелый проект Ртищева, который мог бы оказать большую помощь московскому правительству, так скоро привел его к кризису?

Беда заключалась не в самом проекте, смелом, но выполнимом, а в неумении воспользоваться им и в громадных злоупотреблениях. Во-первых, само правительство слишком щедро выпускало медные деньги и уже тем содействовало их обесцениванию. По словам Мейерберга, в пять лет выпущено было 20 млн. рублей—громадная для того времени сумма. Во-вторых, успеху дела помешали огромные злоупотребления. Тесть царя, Милославский, без стеснения чеканил медные деньги и, говорят, начеканил их до 100 тыс. Лица, заведовавшие чеканкой монеты, из своей меди делали деньги себе и даже позволяли, за взятки, делать это посторонним людям. Наказания мало помогли делу, потому что главные виновники и попустители (вроде Милославского) оставались целы. Рядом с этими злоупотреблениями должностных лиц развилась и тайная подделка монеты в народе, хотя подделывателей жестоко казнили. Мейерберг говорит, что, когда он был в Москве, до 400 человек сидело в тюрьме за подделку монеты (1661 г.); а по свидетельству Котошихина, всего «за те деньги» были «казнены в те годы смертной казнью больше 7000 человек». Сослано было еще больше, но зло не прекращалось; даже, говорят, из-за границы везли фальшивые деньги.

Таковы были причины, обусловившие неудачу московской финансовой операции. Прежде всего открытое недоверие к медным деньгам появилось в новоприсоединенной Малороссии, где от московских войск, получавших жалованье медными деньгами, вовсе не стали брать их. И на Руси проявилось то же самое: кредиторы, например, требовали от должников уплаты долга серебром и не хотели брать меди. Появилась с обесценением медных денег страшная дороговизна, так что многие умирали с голода, как говорит Котошихин, а в то же время подати увеличивались платежом «пятой деньги» на польскую войну. При таких обстоятельствах в Москве и других местах заметно стало волнение. Приписывая вину своего тяжелого положения

нелюбимым боярам и обвиняя их в измене и в дружбе с поляками, в июле 1662 г. народ, знавший о злоупотреблениях при чеканке монеты, поднял открытый бунт в Москве против бояр и толпой пошел к царю в Коломенское просить управы на бояр. «Тишайший царь» Алексей Михайлович лаской успел было успокоить толпу, но ничтожные случайные обстоятельства раздули волнения снова, и тогда бунтовщики были усмирены военной силой.

Видя неудачный исход своего предприятия, и без мятежных протестов правительство решило в 1663 г. отменить медные деньги, стало выдавать войску жалованье серебром и запретило частным лицам не только производить расчеты на медные деньги, но даже и держать их у себя; представлялось на выбор: или самим сливать медные деньги, или в известный срок представить в казну и получить за каждый рубль медный только десять денег серебряных, т. е. $^1/_{20}$ часть первоначального курса. Эта неудачно окончившаяся операция тяжело отозвалась на благосостоянии народа, очень и очень многих приведя к полному разорению.

Все волнения середины XVII в., имевшие в основе своей экономическую неудовлетворенность населения, питали чувство протеста в массах, способствовали их брожению и подготовили исподволь то громадное движение, которым завершилась общественная жизнь времени царя Алексея. Мы говорим о бунте Стеньки Разина. Бунт этот был чрезвычайно силен и серьезен и, кроме того, значительно отличался от предыдущих волнений. Те имели характер местный, между тем как бунт Разина имеет уже характер общегосударственной смуты. Он явился результатом не только неудовлетворительности экономического положения, как то было в прежних беспорядках, но и результатом недовольства всем общественным строем. Прежние волнения, как мы знаем, не имели определенных программ, они просто направлялись против лиц и их административных злоупотреблений, между тем как разинцы, хотя и не имели *ясно* сознанной программы, но шли против «боярства» не только как администрации, но и как верхнего общественного слоя; государственному строю они противопоставляли казачий. Точно так же и люди, участвовавшие в восстании, были не прежней среды: здесь уже не было, как раньше, на первом плане городское тяглое население. Движение началось в казачестве, затем передалось крестьянству и, только отчасти, городским людям — посадским и низшим служилым людям.

В объяснение причин этого крупного движения мы имеем два мнения, прекрасно дополняющих друг друга. Это мнения Соловьева и Костомарова (позднее появился очерк проф. Фирсова).

Во время Алексея Михайловича, говорит Соловьев, не только не прекратился выход в казаки известной части народонаселения, но, напротив, число беглых крестьян и холопей, искавших этим путем улучшить свое положение, еще увеличилось вследствие

тяжелого экономического положения народа. С присоединением Малороссии беглецы направились было туда, но московское правительство, не желая признавать Украину казацкой страной, требовало оттуда выдачи бежавших. Таким образом вольной «сиротскою дорогою» оставалась только дорога на Дон, откуда не было выдачи. Народа на Дону поэтому все прибывало, а средства пропитания сокращались; в половине XVII в. выходы из Дона и Днепра, т. е. в Азовское и Черное моря, были закрыты Польшей и татарами: воевать казакам и «зипунов доставать» стало негде. Впрочем, оставались еще Волга и Каспийское море, но устье Волги находится в руках Московского государства, там стоит Астрахань. Однако казачество потянулось к Волге; но сначала образуются мелкие разбойничьи шайки, приблизительно с 1659 г. Скоро у этих шаек находится способный вождь, и движение, начавшееся в малых размерах, все расширяется, и из мелких разбойничьих отрядов образуется огромная шайка, которая прорывается в Каспийское море и там добывает себе «богатые зипуны». Но возвращение из Каспийского моря на Дон было возможно только хитростью: надо было мнимой покорностью достать себе пропуск домой, обязавшись вторично не ходить на море. Этот пропуск дан, но казаки понимают, что другой раз похода на Каспий им безнаказанно не сделать: после их первой проделки дорога с Волги в море закрыта для них крепко. Лишась таким образом последнего выхода, голытьба казацкая опрокидывается тогда внутрь государства и поднимает с собой низшие слои населения против высших. «Таков смысл явления, известного в нашей истории под именем бунта Стеньки Разина»,— заключает Соловьев (см.: Ист. Росс., т. XI, гл. I). Надо, однако, заметить, что его объяснения касаются только казачества и не выясняют тех причин, по которым казачье движение передавалось и земским людям.

Что касается Костомарова, то последний видит в бунте эпизод исконной борьбы «двух коренных укладов русского быта, удельно-вечевого и единодержавного» (в XVII в. их приличнее назвать государственным и казачьим). Нашествие Стеньки Разина не удалось, потому что казачество выдохлось, оно не могло стать «новым началом», внести в жизнь что-либо свежее, не могло, потому что само по себе было «старым укладом» и подверглось старческому разложению. Надо при этом заметить, что Костомаров не считает здесь казачество чем-то отдельно существующим,— для него казачество не есть общество, образовавшееся вне государственной территории; для него оно совокупность всех недовольных общественным строем и уходящих из этого строя на окраины государства. И таких в XVII в. было очень много. Мастерским, хотя и односторонним обзором внутреннего состояния Московского государства Костомаров показывает, «что причины побегов, шатаний и вообще недовольства обычным ходом жизни (т. е. вообще причины появления казачества)

лежали во внутреннем организме гражданского порядка», и его исследование достаточно объясняет нам, каким образом казачий бунт стал земским (см.: Костомаров. «Монографии и исследования», т. II).

Вообще в деле Стеньки Разина необходимо различать эти две стороны: казачью и земскую. Движение было сперва чисто казачьим и носило характер «добывания зипунов», т. е. простого, хотя и крупного, разбоя, направленного против русских и персиян. Вожаком этого движения был Степан Разин, составивший себе шайку из так называемой «голытьбы». Это были новые казаки, люди беспокойные, всегда искавшие случая погулять на чужой счет. Число такого рода «голутвенных» людей на Дону все увеличивалось от прилива беглых холопей — крестьян и частью посадских людей из Московского государства. Вот с такой-то шайкой и стал разбойничать Стенька, сперва на Волге и затем на берегах Каспийского моря. Разгромив берега Персии, казаки с богатой добычей воротились в 1669 г. на Волгу, а оттуда направились к Дону, где Разин стал пользоваться громадным значением, так как слава о его подвигах и богатствах награбленных казаками, все более и более распространялась и все сильнее привлекала к нему голутвенных людей. Перезимовав на Дону, Разин стал разглашать, что идет против московских бояр, и, действительно, набрав шайку, летом 1670 г. двинулся на Волгу, уже не с разбоем, а с бунтом. Взяв почти без боя Астрахань и устроив город по образцу казачьих кругов, атаман двинулся вверх по Волге и таким образом дошел до Симбирска. Здесь-то стала подниматься и земщина, повсюду примыкая к казакам на их пути, восставая против высших классов «за царя против бояр». Крестьяне грабили и убивали своих помещиков, соединялись в шайки и примыкали к казакам. Возмутились и приволжские инородцы, так что силы Разина достигли огромных размеров; казалось, все благоприятствовало его планам взять Нижний и Казань и идти на Москву, как вдруг его постигла неудача под Симбирском. Стенька потерпел поражение от князя Барятинского, у которого часть войска была обучена европейскому строю. Тогда, оставив крестьянские шайки на произвол судьбы, Разин бежал с казаками на юг и попытался поднять весь Дон, но здесь был схвачен старыми казаками, всегда бывшими против него, свезен в Москву и казнен (в 1671 г.). Вскоре было подавлено и земское восстание внутри государства, хотя крестьяне и холопы продолжали еще некоторое время волноваться, да в Астрахани еще свирепствовала казацкая шайка под начальством Васьки Уса. Но и Астрахань сдалась наконец боярину Милославскому, и главные мятежники были казнены.

Напряжение законодательной деятельности. Теперь уместно будет возвратиться к обзору законодательной деятельности Алексея Михайловича, который мы начали оценкой Уложения 1648—1649 гг.

Мы уже говорили о значении этого Уложения, бывшего не только сводом законов, но и реформой, давшей чрезвычайно добросовестный ответ на нужды и запросы того времени. Оно одно составило бы славу царствования Алексея Михайловича, но законодательство того времени не остановилось на нем. Отношения между законодательством и жизнью таковы, что последняя всегда опережает первое, общественная жизнь всегда ускользает из рамок известного кодекса. Закон обыкновенно выражает и закрепляет собой один момент в течении государственной жизни и общественных отношений, между тем как жизнь непрестанно развивается и усложняется, с каждой новой минутой требует новых законодательных определений и упраздняет частности в законодательстве, словом, отражается на нем. Чем содержательнее жизнь, чем быстрее она прогрессирует, тем скорее и глубже совершаются изменения в законодательстве, и наоборот, чем больше застоя в жизни, тем неподвижнее законодательство. XVII век далеко не был временем застоя. Со времени Алексея Михайловича уже резкими чертами отмечается начало преобразовательного периода в жизни Московского государства, является сознательное стремление к преобразованию начал нашей жизни, чего не было еще при Михаиле Федоровиче, когда правительство строило государство по старым досмутным образцам. Общество жило напряженно, и эта напряженность жизни очень скоро отозвалась на Уложении тем, что оно стало отставать от жизни и требовало изменений и дополнений. И вот, начиная с 1649 г. и вплоть до эпохи Петра Великого, появляется множество так называемых Новоуказных статей, вносивших в Уложение необходимые поправки и дополнения. Полное собрание законов, составленное Сперанским, задавшимся мыслью вместить в него все указы правительства, но не достигшим этой цели, за время с 1649 по 1675 г. вмещает 600 с лишком указных статей, за время Федора Алексеевича — около 300, а с 1682 по 1690 г. (т. е. до единодержавия Петра) — до 625. В сумме это составляет до 1535 указов, дополняющих Уложение.

Большинство их имело характер частных указов — указов на случай, возникших путем дьячих докладов в Боярскую думу, но среди этих частных постановлений встречаются часто, уже при Алексее Михайловиче, довольно обширные и развитые законоположения общего характера, которые служат несомненным свидетельством быстрого государственного роста.

Из таких общих законоположений, носящих характер отдельного кодекса постановлений относительно одной какой-нибудь сферы народной жизни, замечательны следующие:

1) *Указ о таможенных пошлинах с товаров*, возникший из челобитья торговых людей. Надо сказать, что в Московском государстве было замечательное разнообразие торговых пошлин. Товары при их передвижении много раз подвергались подробной оценке и оплачивались пошлинами. Купец платил повсюду: с него

брали явочную пошлину, езжую, мыт и т. п. И вот в XVII в. правительство стремится свести эти пошлины к немногим видам. Значительная соляная пошлина 1646 г., обязанная своим происхождением любимцу царя Алексея — Морозову, является подобной попыткой, имевшей своим результатом неудовольствие народа против ее виновника. Попыткой, аналогичной вышеупомянутой, представляется указ 1653 г. о «взимании таможенных пошлин с товаров в Москве и городах с показаниями, по сколько взять и с каких товаров» (Полн. собр. зак., т. I, № 107).

2) Такое стремление к упрощению пошлин сказалось и в «*Уставной грамоте» 30 апреля 1654 г.*, трактующей об откупных злоупотреблениях, и в ограничении некоторых пошлин, особенно приезжей, причем последняя заменялась известным процентом с каждого рубля оценки товара (Полн. собр. зак., I, № 122).

3) В известном *«Новоторговом уставе» 1667 г.* (Полн. собр. зак., I, № 408), заменившем все торговые сборы прежнего времени одним сбором десяти денег с рубля, с особенной ясностью отражается вышеупомянутое желание правительства: вновь учрежденную пошлину в 10 денег постановлено было взимать с продавца при продаже товара; но в случае, если он заплатил часть ее раньше при покупке товара, он уплачивал при продаже его только то, что оставалось до 10 денег. Новоторговый устав, состоящий из 101 статьи (94 ст. + 7 дополнительных), представляет собой целое законодательство о торговле. В нем очень подробно разработаны правила относительно торговли русских купцов с другими государствами и торговли иностранцев в Московском государстве. Иностранцам была запрещена, между прочим, розничная торговля, продавать же оптом они могли только московским купцам и купцам тех городов, где они сами торговали. Этим, конечно, старались провести товар через возможно большее количество рук и тем способствовать таможенным выгодам казны. Кроме положений собственно о торговле Новоторговый устав старается обеспечить торговых людей от судебной волокиты и вообще от злоупотреблений администрации.

Все вышеприведенные новоуказные статьи имели в виду торговое и промышленное население и были, весьма вероятно, в некоторой связи с волнениями первой половины царствования Алексея Михайловича.

4) Более общим значением обладают *«Новоуказные статьи о татебных, разбойных и убийственных делах»* (ПСЗ, I, № 431), изданные в январе 1669 г. и представляющие собой переработку и дополнение XXI и XXII глав Уложения (XXI гл. «О разбойных и татебных делах» и XXII гл. «О смертной казни и наказаниях»). Уголовное законодательство Московского государства сказало здесь свое последнее слово. К 130 статьям Уложения уголовного характера здесь оно прибавило 128 статей, из которых часть есть не что иное, как повторение предыдущего, другая же часть представляет переработку и дополнение действовавшего кодекса.

В обзоре законодательной деятельности Алексея Михайловича необходимо упомянуть еще об изданиях так называемой *Кормчей книги*, или *Номоканона*. Этим именем называются памятники греческого церковного права, заключающие в себе постановления византийских императоров и церкви относительно церковного управления и суда. Греческие Номоканоны, возникавшие в Греции с XI в., очень рано (по мнению А. С. Павлова, еще в XI в.) перешли в славянских переводах на Русь и получили у нас силу закона в церковных делах. На Руси они дополнялись позднейшими церковными постановлениями и светскими русскими законами (например, к ним прибавлялась в полном составе «Русская Правда»). Эти последние дополнения светского характера вызывались необходимостью для духовенства следить за развитием нашего законодательства по делам уголовным и особенно государственным, так как духовенство имело право судить население, жившее на его землях, и часто призывалось на совет к государям по делам светским.

В свою очередь, и светская власть нуждалась в знании Номоканона благодаря тому, что вошедшие в Номоканон постановления византийских императоров имели на Руси силу действующего права. Известные под именем *градских законов*, эти постановления применялись у нас в сфере светского суда и были приняты как источник при составлении Уложения. В 1654 г. царь Алексей Михайлович разослал для руководства воеводам выписки из этих градских законов, находящихся в Кормчей книге. Таково было значение Номоканона в древней Руси.

При Алексее Михайловиче в первый раз Кормчая была издана патриархом Иосифом в 1650 г.; но в 1653 г. это издание было исправлено Никоном, который нашел нужным прибавить к прежней Кормчей некоторые статьи, которых ранее не было; между прочим, им была прибавлена так называемая «*Donatio Constantini*», та самая подложная грамота Константина Великого, которой папы старались оправдать свою светскую власть. Подобная прибавка была сделана Никоном, конечно, в видах большего возвышения патриаршей власти.

Из нашего беглого обзора видно, какой плодовитостью отличалась законодательная деятельность времени Алексея Михайловича. Хотя эта деятельность и была одушевлена искренним желанием народной пользы и, постоянно прислушиваясь к земским челобитьям, давала по мере возможности благоприятные ответы на них, тем не менее она не успокаивала государства, прямым доказательством чего служат частые бунты и беспорядки в продолжение всего царствования.

Церковные дела при Алексее Михайловиче

Никон. Обратимся теперь к делам времени царя Алексея в сфере церковной. Значение тогдашних церковных событий было очень велико: тогда начался раскол, остающийся и теперь еще

вопросом не только истории, но и жизни; тогда же возник вопрос об отношениях церковной и светской властей. И тот и другой вопросы связаны с деятельностью Никона. Поэтому прежде всего обратимся к самой личности замечательного патриарха.

Партиарх Никон, в миру Никита, один из самых крупных могучих русских деятелей XVII в., родился в мае 1605 г. в крестьянской семье, в селе Вельеманове близ Нижнего Новгорода. Мать Никиты умерла вскоре после его рождения, и ему, еще ребенком, пришлось много вытерпеть от мачехи, женщины очень злого нрава. Уже тут Никита выказал присутствие сильной воли, хотя постоянное гонение и не могло не оказать дурного влияния на его характер. Никита обнаружил необыкновенные способности, быстро выучился грамоте, и книга увлекла его. Он захотел уразуметь всю глубину божественного писания и удалился в монастырь Макария Желтоводского, где и занялся прилежным чтением священных книг. Но родня вызвала его из монастыря обратно. Никита женился, на двадцатом году был поставлен в священники и священствовал в одном селе. Оттуда по просьбе московских купцов, узнавших о его начитанности, Никита перешел в Москву. Но тут он был недолго: потрясенный смертью всех своих детей, умиравших один за другим, он ушел в Белое море и постригся в Анзерском скиту под именем Никона. Поссорившись там с начальным старцем Елеазаром, Никон удалился в Кожеозерскую пустынь, где и был игуменом с 1642 по 1646 г. На третий год после своего поставления он отправился по делам пустыни в Москву и здесь явился с поклоном к молодому царю Алексею Михайловичу, как вообще в то время являлись с поклоном к царю настоятели монастырей. Царю до такой степени понравился Кожеозерский игумен, что патриарх Иосиф, по царскому желанию, посвятил Никона в сан архимандрита Новоспасского монастыря в Москве, где была родовая усыпальница Романовых. В силу последнего обстоятельства набожный царь часто ездил туда молиться за упокой души своих предков и много беседовал с Никоном. Алексей Михайлович был из таких сердечных людей, которые не могут жить без дружбы, всей душой привязываются к людям, если те им нравятся по своему складу, —и вот он приказал архимандриту приезжать для беседы каждую пятницу во дворец. Пользуясь расположением царя, Никон стал «печаловаться» царю за всех обиженных и утесненных и, таким образом, приобрел в народе славу доброго защитника и ходатая. Вскоре в его судьбе произошла новая перемена: в 1648 г. скончался Новгородский митрополит Афанасий, и царь предпочел всем своего любимца. Иерусалимский патриарх Паисий рукоположил Новоспасского архимандрита в сан митрополита Новгородского. В Новгороде Никон стал известен своими прекрасными проповедями. Когда в Новгородской земле начался голод, он много помогал народу и хлебом и деньгами, да, кроме того, устроил в Новгороде четыре богадельни. В 1650 г. вспых-

нул народный мятеж, и в образе действий Никона во время этих волнений мы уже видим проявление того крупного и решительного характера, который увидим и в деле раскола: он сразу наложил на всех коноводов мятежа проклятие и раздражил этим народ настолько, что подвергся даже насилию со стороны бунтовщиков. Но вместе с тем Никон ходатайствовал перед царем за новгородцев.

Будучи Новгородским митрополитом, Никон следил, чтобы богослужение совершалось с большей точностью, правильностью и торжественностью. А в то время, надо сказать, несмотря на набожность наших предков, богослужение велось в высшей степени неблаголепно, потому что для скорости разом читали и пели разное, так что молящиеся вряд ли что могли разобрать. Для благочиния митрополит уничтожил это «многогласие» и заимствовал киевское пение вместо так называемого «раздельноречнаго» очень неблагозвучного пения. В 1651 г., приехав в Москву, Никон посоветовал царю перенести мощи митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря в столицу и этим загладить давний грех Ивана Грозного перед святителем. Царь послал (1652) в Соловки за мощами самого Никона.

В то время, когда Никон ездил в Соловки за мощами, скончался московский патриарх Иосиф (1652). На престол патриарший был избран Никон; он отвечал отказом на это избрание; тогда в Успенском соборе царь и окружавшие его со слезами стали умолять митрополита не отказываться. Наконец Никон согласился, но под условием, если царь, бояре, освященный собор и все православные дадут торжественный обет перед Богом, что они будут сохранять «евангельские Христовы догматы и правила св. апостолов и св. отец, и благочестивых царей законы» и будут слушаться его, Никона, во всем, «яко начальника и пастыря и отца краснейшаго». Царь, за ним власти духовные и бояре поклялись в этом, и 25 июля 1652 г. Никон был поставлен патриархом.

Книжное исправление и раскол. Одной из первейших забот Никона было исправление книг, т. е. дело, которое привело к расколу.

Мы знаем, что в богослужебных книгах было много неправильностей. Еще Иван IV на Стоглавом соборе поставил вопрос *«о божественных книгах»*; он говорил собору, что *«писцы пишут книги с неправильных переводов, а написав, не правят».* Хотя Стоглавый собор и обратил большое внимание на неправильности в рукописных книгах, тем не менее в своих постановлениях он сам впал в погрешность, узаконив, например, двоеперстие и сугубую аллилуйю. Об этих вопросах спорили на Руси еще в XV в., не зная, «двумя или тремя перстами креститься», «петь аллилуйя дважды или трижды» («Псковские споры» в «Опытах» В. О. Ключевского). В первых печатных богослужебных книгах при Иване IV допущено было много ошибок; то же самое было

и в книгах, напечатанных при Шуйском. Когда же после смуты был восстановлен Печатный двор, то прежде всего решили исправить книги. И вот в 1616 г. это дело было поручено Дионисию, известному нам архимандриту Троицкого монастыря, и монахам того же монастыря, Логгину, Филарету и другим «духовным и разумным старцам». Относительно Дионисия мы знаем, что это была за личность; добродушная и высокая его натура, умевшая будить в массах патриотизм в бедственное время смуты, оказалась неспособной к практической обыденной деятельности; архимандрит не мог держать в строгом повиновении себе братию. Бóльшим, чем архимандрит, влиянием пользовались в монастыре певчие-монахи Логгин и Филарет, оба с удивительными голосами. Филарет был так невежественен, что искажал не только смысл духовных стихов, но и православное учение (например, Божество он почитал человекообразным). Оба они ненавидели Дионисия, и вот с такими-то личностями пришлось архимандриту приняться за дело исправления книг. Уже из одного того факта, что никто из «справщиков» книг не знал по-гречески, видно, что дело исправления не могло идти удовлетворительно. Да и мысль о проверке исправляемых книг по старым и русским и греческим рукописям никому не приходила в голову... Как бы то ни было, принялись за исправление. Между справщиками дело не обошлось без распрей. Вначале возник спор по следующему случаю: Дионисий вычеркнул в молитве водоосвящения ненужное слово «и огнем». Пользуясь этим, Логгин, Филарет и ризничий дьякон Маркелл отправили в Москву на Дионисия донос, обвинявший его в еретичестве.

В то время в Москве еще дожидались Филарета Никитича, и делами патриаршества управлял Крутицкий митрополит Иона — человек, не способный, как следует, рассудить это дело. Он стал на сторону врагов Дионисия. Кроме того, вооружили против Дионисия и царскую мать старицу Марфу, да и в народе распустили слух, что явились такие еретики, которые «огонь от мира хотят вывести». Дело кончилось осуждением Дионисия на заключение в Кириллов-Белозерский монастырь; но это заточение не было продолжительно. Вскоре в Москву приехал Иерусалимский патриарх Феофан, при котором возвратился и Филарет Никитич и был поставлен в патриархи. Снова произвели дознание о деле Дионисия и оправдали его; но в Москве все-таки продолжался спор о прилоге «и огнем». Филарет, не успокоенный доказательствами Феофана, просил его приехать в Грецию, хорошенько разузнать об этом прилоге. Феофан исполнил его просьбу и вместе с Александрийским патриархом прислал в Москву грамоты, подтверждавшие, что прибавка «и огнем» должна быть исключена. Таким образом, решено было уничтожить прилог.

Исправление книг не прекращалось и при патриархах Филарете (1619—1633) и Иосифе (1634—1640); но на исправление смотрели как на дело домашнее, ограничиваясь исправлением «ошибок

пера», исправляя домашними средствами, т. е. не считая нужным прибегать к сличению наших книг с древнейшими греческими. Мысль о необходимости этих сличений, однако, проскользнула еще при Филарете: в 1632 г. приехал с Востока архимандрит Иосиф и был определен для перевода на славянский язык греческих книг, необходимых для церковных нужд, и книг на «латинские ереси», да и, кроме того, его обязали «учити на учительном дворе малых ребят греческого языка и грамоте». Но в начале 1634 г. Иосиф умер, и школа его заглохла.

И при патриархе Иосифе (1642—1652) исправление шло все тем же путем, т. е. исправляли русские люди, не обращаясь к греческим книгам. На дело исправления много влияли при Иосифе некоторые люди, ставшие потом во главе раскола; таковы протопопы Иван Неронов, Аввакум Петров и дьякон Благовещенского собора Федор,— из кружка Степана Вонифатьева, близкого к патриарху Благовещенского протопопа и царского духовника. Может быть, их влиянием и было внесено и распространено при Иосифе много ошибок и неправильных мнений в новых книгах, как, например, двоеперстие, которое стало с тех пор считаться единственным правым крестным знамением.

Но вместе с тем со времени Иосифа замечается поворот к лучшему. В 1640 г. пришло предложение Петра Могилы, киевского митрополита, устроить в Москве монастырь и школу по образцу коллегий западнорусского края. Затем, в 1645 г., приходит предложение Цареградского патриарха Парфения через митрополита Феофана об устройстве в Москве для печатания греческих и русских богослужебных книг типографии, а также и школы для русских детей. Но при Михаиле Федоровиче как то, так и другое предложение не встретило сочувствия. С воцарением Алексея Михайловича дела пошли иначе. Тишайший царь писал (в 1649 г.) преемнику Петра Могилы киевскому митрополиту Сильвестру Коссову, прося его прислать ученых монахов, и, согласно царскому желанию, в Москву приехали Арсений Сатановский и Епифаний Славинецкий, сделавшийся впоследствии первым ученым авторитетом в Москве. Они приняли участие в исправлении наших богослужебных книг. Одновременно с этим постельничий Федор Михайлович Ртищев устраивает под Москвой Андреевский монастырь, а в нем общежитие ученых киевских монахов, вызванных им с юга. Таким образом впервые входила к нам киевская наука.

В том же 1649 году в Москву приехал Иерусалимский патриарх Паисий и, присмотревшись к нашим богослужебным обрядам, указал царю и патриарху на многие «новшества». Это произвело огромное впечатление, так как по понятиям того времени дело шло об «ереси»; и вот возможность неумышленно впасть в ересь побудила правительство обратить большое внимание на эти «новшества» в обрядах и в книгах. Результатом этого была посылка монаха Арсения Суханова на Афон и в другие

места с целью изучения греческих обрядов. Через несколько времени Суханов прислал в Москву известие, еще более взволновавшее всех,— известие о сожжении на Афоне тамошними монахами богослужебных книг русской печати, как признанных еретическими. В то же время московская иерархия решила обратиться за советом к цареградскому духовенству по поводу различных, с нашей точки зрения, не особенно важных, церковных вопросов, которые, однако, казались тогда «великими церковными потребами», главным же образом по поводу вопроса о знакомом уже нам «многогласии», об уничтожении коего сильно хлопотали, между прочим, Ртищев и протопоп Неронов. По совету с греками решились, наконец, в 1651—1652 гг. ввести в церковных службах единогласие. Таким образом, в русских церковных делах приобретал значение пример и совет Восточной греческой церкви.

С таким привлечением киевлян и греков к исправлению обрядов и книг в этом деле появился новый элемент—«чужой», и понемногу перешли от исправления незначительных ошибок к исправлению более существенных, которым, по понятиям того времени, присваивалось название ересей. Раз дело принимало характер исправления ересей и к нему привлекалась чужая помощь, исправление теряло прежнее значение домашнего дела и становилось делом *междуцерковным*.

Но вмешательство в это дело чужих людей вызвало во многих русских людях неудовольствие и вражду против них. Враждебное отношение проявилось не только к грекам, но и к киевским ученым, к киевской латинской науке. Такая неприязнь в отношении к киевлянам обусловливалась фактом Брестской унии 1596 г.; начиная с того времени в Москве юго-западное духовенство стали подозревать в латинстве; много помогал этому и самый характер Киевской академии, устроенной Петром Могилой по образцу иезуитских коллегий запада. В ней, как мы знаем, важную роль играл латинский язык, а русские смотрели очень косо на изучение латыни, языка Римской церкви, подозревая, что изучающий латынь непременно совратится в «латинство». На всю южнорусскую интеллигенцию в Москве смотрели, как на «латинскую». Знакомый нам протопоп Неронов говорил как-то Никону: «А мы прежде всего у тебя слышали, что многажды ты говорил нам: гречане де, да и малые россияне потеряли веру и крепости добрых нравов у них нет». Но этими словами могло тогда выражаться враждебное отношение к латинству не одного Никона или Неронова, а очень и очень многих московских людей. К таким людям принадлежал и влиятельный кружок протопопа Вонифатьева; идеи этого кружка распространялись за его пределы и отозвались, например, в деле маленького московского человека Голосова, который не хотел учиться у киевских монахов, чтобы не впасть в ересь, и так говорил о Ртищеве: «Учится у киевлян Федор Ртищев грамоте, а в той грамоте и еретичество

есть. Кто по латыни научится, тот с праваго пути совратится». Такие люди, как Голосов, не только самих киевлян считали еретиками, но и на тех людей, которые благоволили к киевлянам и их науке, смотрели как на еретиков. «Борис Иванович Морозов,— говорили москвичи,— начал жаловать киевлян, а это уже явное дело, что туда уклонился, к таким же ересям».

Такое же неприязненное отношение как к людям, отступившим от православия, было и к грекам,— здесь оно обусловливалось Флорентийской унией и подданством Греции туркам; для характеристики такого отношения приведем слова одного из образованных русских людей того времени, Арсения Суханова, о греческом духовенстве: «И папа не глава церкви и греки не источник, а если и были источником, то ныне он пересох»; «вы и сами,— говорил он грекам,— страдаете от жажды, как же вам напоять весь свет из своего источника?» На Руси уже давно выработалось неприязненное и несколько высокомерное отношение к грекам. Когда пал Константинополь и подпавшее турецкому игу греческое духовенство стало являться на Русь за «милостыней» от московских государей, в русском обществе и литературе появилась и крепла мысль о том, что теперь значение Константинополя как первого православного центра должно перейти к Москве, столице единственного свободного и сильного православного государства. С чувством национальной гордости думали наши предки, что одна независимая Москва может сохранить и сохраняет чистоту православия и что Восток в XV в. уже не мог удержать этой чистоты и покусился на соединение с папой. Стесненное положение восточного духовенства при турецком господстве служило в глазах москвичей достаточным ручательством в том, что греки не могут веровать право, как не могут право веровать русские люди в Литве и Польше, находясь под постоянным давлением католичества. К православным иноземцам у очень многих московских людей было недоверчивое и вместе гордое отношение. На них смотрели сверху вниз, с высоты самолюбивого сознания своего превосходства в делах веры.

И вдруг эти православные иноземцы, греческие иерархи и малороссийские ученые, становятся руководителями в деле исправления обрядов и книг Московской церкви. Понятно, что такая роль их не могла понравиться московскому духовенству и вызвала в самолюбивых москвичах раздражение. Людям, имевшим высокое представление о церковном первенстве Москвы, казалось, что привлечение иноземцев к церковным исправлениям необходимо должно было выйти из признания русского духовенства невежественным в делах веры, а московских обрядов — еретическими. А это шло вразрез с их высокими представлениями о чистоте православия в Москве. Этим оскорблялась их национальная гордость, и они протестовали против исправлений, исходя именно из этого оскорбленного национального чувства.

Никон, став патриархом, повел дело исправления более систематично, занялся исправлением не только ошибок, руководясь

древними греческими списками, но и обрядов. По поводу последних он постоянно советовался с Востоком. Исправление обрядов было уже, по понятиям того времени, вторжением в область веры, т. е. непростительным посягательством. В деле исправления киевляне и Восток стали играть активную, даже первенствующую роль. Исправление стало окончательно делом междуцерковным. Появился и резкий *протест*.

Но прежде чем перейти к изложению того, как пошло исправление книг и обрядов при Никоне и как появились против него первые протесты, посмотрим, каковы были те неправильности в книгах, которые пришлось исправлять Никону:

1. *В тексте церковных книг* была масса описок и опечаток, мелких недосмотров и разногласий в переводах одних и тех же молитв. Так, в одной и той же книге одна и та же молитва читается разно: то «смертию смерть наступи», то «смертию смерть поправ». Из этой массы несущественных погрешностей более вызывали споров и более значительными считались следующие: 1) лишнее слово в VIII члене Симв. Веры,—«и в Духа Св. Господа *истиннаго* и животворящаго». 2) Начертание и произношение имени Иисус — *Исус*. 3) Искажение церковных отпусков на Богородичные и другие праздники: «Христос истинный бог наш», говорил священник, «молитвами Пречистыя Его Матери *честнаго и славнаго Ея рождества* и всех святых помилует и спасет нас». Или: Христос молитвами его Матери, «*честнаго и славнаго Ея введения или благовещения*» и т. д. На празднование честных вериг Апостола Петра (16 января) говорили: «Христос... молитвами всехвальнаго Ап. Петра, *честных его вериг*»... и т. д.

2. Наиболее выдающиеся отступления нашей церкви от Восточной *в обрядах* были таковы: 1) проскомидия совершалась на 7 просфорах вместо 5; 2) пели *сугубую* аллилуйя, т. е. два раза вместо трех, вместо трегубой; 3) совершали хождение *по-солон,* вместо того, чтобы ходить против солнца; 4) отпуск после часов священник говорил из *царских врат,* что теперь не делается; 5) крестились *двумя* перстами, а не тремя, как крестились на Востоке, и т. д.

Из этого перечня видно, что все отступления Русской церкви от Восточной не восходили к догматам, были внешними, обрядными; но в глазах наших предков обряд играл большую роль, и всем этим отступлениям они придавали огромное значение, смотря на них, как на «ереси».

Перейдем теперь к Никоновым реформам. Еще в 1649 г., до вступления Никона на патриарший престол, приехавший в Москву патриарх Паисий Иерусалимский указал, о чем сказано выше, на некоторые новшества в Русской церкви. Когда он отправился домой, то с ним был отправлен на Восток Арсений Суханов для изучения восточных обрядов и для сбора старинных церковных книг. В 1651 г. был в Москве митрополит Назаретский Гавриил и тоже указал на отступление обрядов Русской церкви от Восточ-

ной. То же в 1652 г. сделал и патриарх Константинопольский Афанасий. Тогда же (1652 г.) пришло известие с Афона, что там старцы объявили еретическими и сожгли московские печатные книги с двоеперстием. В 1653 г. возвратился Суханов с Востока и в своем отчете, который носит название «Проскинитарий», констатировал разницу обрядов в Москве и на Востоке, хотя сам относился скептически ко всему Востоку. Такая многочисленность указаний о различиях Московской церкви от Восточной показала московской иерархии необходимость проверки церковных обрядов и их исправления, если бы они оказались неправильными.

Ко времени вступления на патриарший престол у Никона созрела мысль о необходимости такой проверки и исправления. Став патриархом и разбирая патриаршую библиотеку, он нашел в ней грамоту об утверждении патриаршества, в коей говорилось о необходимости полного согласия православных церквей и о строжайшем соблюдении догматов. Это побудило его к исследованию, не отступила ли русская церковь от православного греческого закона. Как в Символе Веры, так и в других книгах он сам увидел отступления. Но решиться сразу на гласную систематическую проверку всех этих отступлений было трудно по важности самого дела, и Никон начал свои реформы частными мерами. Он в 1653 г. вместо 12 указал 4 земных поклона во время чтения молитвы «Господи и Владыко живота моего». Эта реформа, весьма некрупная, тем не менее показалась нестерпимой многим московским священникам, именно, кружку Иосифовскому, в центре которого был Стефан Вонифатьев, Благовещенский протопоп, и Ив. Неронов, священник московского Казанского собора. К этому же кружку примыкали Юрьевский протопоп Аввакум и др. К этому кружку в былое время принадлежал и сам Никон. Вместе с прочими членами кружка он отличался национально-охранительным настроением, которое, однако, утратил, когда стал во главе церкви и получил более широкий кругозор. Перемена его взглядов не осталась неизвестной его старым приятелям. Эти лица, недовольные утратой того влияния, каким они пользовались при Иосифе, недовольные постоянными толками об исправлениях и присутствием греков и киевлян, собрались обсуждать новую меру Никона и нашли ее еретической. «Задумалися, сошедшися между собою,— говорил Аввакум,— видим яко зима хочет быти: сердце озябло и ноги задрожали».

Увидели они, что толки об исправлениях начинают переходить в дело и, не сочувствуя этому, составили и подали царю челобитную на Никона. В челобитной говорилось не только о новой мере Никона, но и о двоеперстии, о котором тогда еще не было решено; Никон обвинялся в ереси. Очевидно, что московские попы знали о намерениях Никона, о готовящейся реформе и уже заранее протестовали против нее. Челобитная их была

безуспешна. Из-за нее, однако, между Никоном и этим кружком начались неудовольствия и произошел окончательный разрыв, который привел к ссылке некоторых членов кружка.

На духовном соборе в 1653 г. разбиралось дело Логгина, судившегося по доносу воеводы Муромского за оскорбление святыни; на соборе протопоп Неронов, вступившийся за Логгина, высказал много горького и дерзкого Никону и за это собором был послан в монастырь на смирение. Аввакум, поссорясь после ссылки Неронова с другими священниками Казанского собора, устроил всенощную в сарае на том основании, как он говорил, что в «некоторое время и конюшня де иные церкви лучше». Он был арестован и осужден вместе с Логгином как за это бесчинство, так и за то, что они подали царю на патриарха жалобу по поводу осуждения Неронова. Аввакум был сослан в Тобольск. Это столкновение Никона с влиятельным кружком московских попов при самом первом шаге задуманных им исправлений показало ему всю невозможность действовать при церковных исправлениях одному. Его личные распоряжения и в будущем могли вызвать такое же противоречие. Необходимо было поэтому *созвать собор*, который своим авторитетом поддержал бы и узаконил дело исправления. И вот весной 1654 г. патриарх с государем созывают церковный собор; на нем было: 5 митрополитов, 5 архиепископов и епископов, 11 архимандритов и игуменов и 13 протопопов. Собор начался речью Никона, в которой он указал на неисправность наших книг и обрядов и доказывал необходимость их исправления. Собор признал, что исправление необходимо, и постановил, что книги все надо исправить, сверяясь с древними и греческими книгами. Только епископ Павел Коломенский подал особое мнение; против реформ он ничего не имел, но, в частности, был против вновь положенного количества поклонов за молитвой «Господи и Владыко живота моего». Это противоречие собору не прошло Павлу Коломенскому даром: он был скоро Никоном сослан.

Но это самое противоречие показывало, что определение *Русского собора* может быть некоторыми не признано, что в таком важном деле, как исправление, нужен высший авторитет. Никону стало ясно, что для более успешного действия ему необходимо заручиться авторитетом всей Восточной церкви. Поэтому, начиная приводить в исполнение постановления собора 1654 г., патриарх и царь посылают (1654) в Константинополь свои грамоты, заключающие 26 вопросов по делу исправления, и просят Константинопольского патриарха Паисия ответить на эти вопросы. Паисий созвал собор константинопольского духовенства и «*деяния*» этого собора, вполне одобряющие планы Никона и постановления Московского собора 1654 г., послал в Москву. Таким образом Греческая церковь официально была привлечена к делу исправления русских книг.

Еще раньше, собирая в Москву древние славянские книги, Никон теперь (1654 г.) вторично посылает Арсения Суханова на

Восток собирать древние греческие книги. Благодаря сочувствию и содействию афонских монахов, Суханову удается вывезти с Афона до 500 книг. С таким же сочувствием к Никону отнеслись и патриархи Антиохийский и Александрийский; они со своей стороны присылали древние книги в Москву.

Одновременно с собиранием новых материалов для работ по исправлению книг, во главе исправлений были поставлены новые лица — киевский иеромонах Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и греки: Дионисий, «святогорец» с Афона, и Арсений-Грек, учившийся в Риме и Венеции. Последнего, когда он был в Малороссии и Греции, греки и южане считали за еретика-католика, а потому, по прибытии в Москву, он был послан на три года в Соловки на испытание. Когда соловецкие монахи признали его православным, Никон взял его к себе в справщики. Но молва о его еретичестве продолжала ходить по Москве, и его присутствие соблазняло многих приверженцев старины (например, Неронова).

Первая исправленная книга, «Служебник», труд новых справщиков, была наконец выпущена в 1655 г. Эта книга предварительно была прочтена на духовном соборе, нарочно для того созванном, и одобрена присутствовавшими на нем греческими иерархами: патриархом Антиохийским Макарием и автокефальным митрополитом Сербским Гавриилом.

Одновременно с исправлением книг совещались и об исправлении обрядов, для чего созывались соборы, и на соборе 1656 г. впервые занялись вопросом о двоеперстии. Между тем в народе проявлялся ропот на новшества: новых книг местами не хотели принимать, считая их испорченными. Но людей, могущих стать во главе протестующих, пока не было. Только Иван Неронов, который был в ссылке в Спасо-Каменском монастыре, стал как бы центром движения против Никона на севере, где он восстановлял народ на патриарха. Затем ему удалось бежать из ссылки в самую Москву, здесь он долго скрывался от Никона и энергично пропагандировал против него. На соборе 1656 г. Неронов (хотя и не был сыскан) был осужден и предан анафеме вместе с своими единомышленниками. Хотя потом Неронов сам явился к Никону и был Никоном прощен, хотя эта распря окончилась примирением, тем не менее некоторые исследователи (митрополит Макарий) это анафематствование считают за начальный момент раскола.

Так дело шло до оставления Никоном патриаршего престола в 1658 г. Соображая все обстоятельства исправления книг и обрядов и протесты против этих исправлений за время 1653—1658 гг. (с начала их до удаления Никона), мы можем сказать, что, с одной стороны, Никон вполне сознательно приступил к делу исправления и был в нем активным деятелем, но он не решался своей властью делать много и почти на все свои меры требовал санкции соборов, и не только русских, но и восточных.

Эта санкция всей католической церкви касательно частных дел Русской церкви придавала делу особую торжественность и сообщала ему характер общецерковного искоренения ересей в Русской церкви. Взгляд на старые русские обрядности как на ереси несомненно существовал в то время и сказался на соборе 1656 г. (против Неронова).

Гораздо легче относился к отступлениям Русской церкви Константинопольский собор 1654—1655 гг.

В свою очередь, в глазах поклонников старинной обрядности поправки Никона прямо были ересями, и протестовали эти люди против Никона именно потому, что он вводил «еретические» новшества.

Но, обращаясь к протестам против Никона, мы должны заметить, с другой стороны, что в промежуток времени с 1653 г. по 1658 г. противодействие Никону не выражалось резко и в больших размерах. Только Неронов со своими резкостями явился определенным протестантом. Замечательно, что противодействие исправлению проявлялось раньше, чем принимались меры исправления: протестовали тогда, когда еще существовали лишь проекты реформ (мы видели, что московские священники подали царю еще в 1653 г. челобитье против Никона в защиту двоеперстия, хотя двоеперстие стало возбраняться лишь с 1655—1656 гг.). Это противодействие Никону исходило первоначально из одного кружка священников, которые были влиятельны при Иосифе и потеряли вес при Никоне; явилось оно частью по личной неприязни к Никону, частью из чувства национальной гордости, оскорбленной тем, что дело исправления переходило в нерусские руки. Далее это противодействие патриарху, повторяем, не перешло до 1658 г. в открытый раскол, не проявлялось резко, хотя протестовавшему кружку тайно сочувствовали многие (об этом свидетельствует, между прочим, Павел Алеппский, дьякон патриарха Макария Антиохийского, бывший с патриархом в 50-х годах XVII в. в Москве и оставивший любопытные записки).

Так стояло дело в момент удаления Никона с патриаршего престола в 1658 г. После же удаления Никона противодействие реформам церковным быстро разрастается.

По удалении Никона во главе Русской церкви стал Крутицкий митрополит Питирим. В деле исправления первое место занимали те же справщики, оно велось в том же направлении, но без Никона не было прежней энергии. Протест против исправления, значительно подавляемый личными свойствами, громадной властью и влиянием Никона, становится с его удалением все яснее, смелее и настойчивее. Во главе его, как и прежде, стоит Неронов, человек неглупый и резкий, интриган, способный на донос; он был прежде избалован московскими властями и был влиятелен по своему положению (протопоп московского Казанского собора). В деле противодействия иерархии он то приносит ей раская-

ние, то от нее отпадает; нужно сказать, что он играл роль между протестующими больше благодаря своему положению, нежели личным достоинством. Другой вожак — протопоп Аввакум. Это был крупный самородок, очень умный от природы, но необразованный человек. «Аще я и не смыслен гораздо, неученый человек,— говорил он сам про себя,— не учен диалектики и риторики и философии, разум Христов в себе имам, яко же и апостол глаголет аще и невежда словом, но не разумом». Подобная самоуверенность речи вызывалась в Аввакуме не самомнением. Аввакум — фанатик (он видит видения и верит в свое непосредственное общение с Богом); но он честен и неподкупен, он способен слепо проникаться одним каким-нибудь чувством, готов на мучения. Он спокойно говорит в одной из своих челобитных царю: «Вем, яко скорбно тебе, государь, от докуки нашей... Не сладко и нам, егда ребра наши ломают и, развязав нас, кнутьем мучат и томят на морозе гладом... А все церкви ради Божия страждем»,— добавляет он и дальше повествует о всех своих страданиях за веру. Он и умер, верный себе, мученической смертью. В его чрезвычайно интересных сочинениях проглядывают иногда нетерпимость, изуверство, но есть в них и очень симпатичные и вызывающие к нему уважение черты. Из новых вожаков, выдвинувшихся уже после удаления Никона, известны следующие лица: епископ Вятский Александр, прежде произносивший анафемы против Неронова, а потом приставший к протестующим; поп Лазарь, сосланный в 1661 г. за обличение новшеств, личность очень несимпатичная (известный серб Юрий Крижанич, знавший Лазаря, рисует его очень неприглядными чертами); Никита, по прозвищу Пустосвят, личность мелкая, самолюбивая и крайне непоследовательная. Рядом с этими вожаками раскола стоят: дьякон Федор, довольно образованный богословски человек сравнительно с прочими расколоучителями; далее, ученик Неронова Феоктист, московский игумен, тайно преданный расколу и не выступивший в роли учителя, как другие, но тем не менее много помогавший делу раскола. За этими лицами следует целый ряд других деятелей, менее заметных. Некоторые из них, действуя в 50-х и 60-х годах XVII столетия в Москве, пользовались большой поддержкой в обществе и даже в царском тереме находили сочувствующих себе лиц.

Сама царица Мария Ильинична (Милославская) сочувствовала некоторым из них, а ее родня, боярыни Феодосия Прокопьевна Морозова и кн. Евдокия Прокопьевна Урусова, были прямыми раскольницами и пострадали за свою приверженность старой обрядности (подробную биографию Ф. П. Морозовой см. у Забелина в «Быте русских цариц» и в «Собрании сочинений» Тихонравова).

Поддерживаемые сочувствием в обществе и бездействием властей, которые сквозь пальцы смотрели на деятельность расколоучителей, противники церковной реформы за время от 1658 до

1666 г. действовали в Москве очень свободно и многим успели привить свои воззрения. Первоначальный кружок противников Никона в это время перешел в целую партию противников церковных новшеств; личные мотивы, много значившие в начале церковной распри, теперь исчезли и заменились чисто принципиальным протестом против изменений в обрядности, против новых ересей. Словом, начинался раскол в Русской церкви.

И не в одной Москве он проявлялся. Оппозиция церковным исправлениям была во всем государстве; она являлась, например, во Владимире, в Нижнем Новгороде, в Муроме; на крайнем севере, в Соловецком монастыре, еще с 1657 г. обнаруживается резкое движение против «новин» и переходит в открытый бунт, в известное соловецкое возмущение, подавленное только в 1676 г. Огромное нравственное влияние Соловков на севере Руси приводит к тому, что раскол распространяется по всему северу. И нужно заметить, что в этом движении за церковную старину принимают участие не только образованные люди того времени (например, духовенство), но и народные массы. Писания расколоучителей расходятся быстро и читаются всеми. Исследователей удивляет изумительно быстрое распространение раскола; замечая, что он, с одной стороны, самостоятельно возникает сразу во многих местностях без влияния расколоучителей из Москвы, а с другой стороны, очень легко прививается их пропагандой, где бы она ни появилась,— исследователи вместе с тем не могут удовлетворительно объяснить причин такого быстрого роста церковной оппозиции. Первоначальная история раскола и ход его распространения не настолько еще изучены, чтобы можно было в объяснении причин раскола идти далее предположений.

Однако в научных трудах по истории раскола вопрос о причинах появления раскола не раз обсуждался; существуют в объяснении этих причин две тенденции: одна понимает раскол как явление исключительно церковное; другая видит в расколе общественное движение не исключительно религиозного содержания, но вылившееся в форму церковного протеста (Щапов). Различая в этом деле вопрос о причинах возникновения раскола от вопроса о его быстром распространении, можно сказать, что протест, приведший к расколу, возник исключительно в сфере церковной по причине особенностей реформы Никона, что доктрина раскола, высказанная расколоучителями в их сочинениях, есть исключительно церковная доктрина, так что мы не имеем оснований рассматривать раскол иначе, как явление *исключительно* церковное. Что же касается до вопроса о быстром распространении раскола, то здесь, кроме причин, лежавших в религиозном сознании наших предков, косвенным образом могли действовать и условия общественной жизни того времени; жизнь шла очень тревожно, как мы видели, и могла будить в обществе чувство неудовлетворенности, которое делало людей восприимчивее и в делах веры. Таким образом, только, как кажется нам, условия

общественной жизни могли отразиться на быстром распространении раскола.

В 60-х годах XVII в. благодаря отсутствию энергии у лиц, ведших после Никона дело исправления, и благодаря тому, что власть терпимо относилась к протестам, раскол явно креп в Москве; к нему открыто примыкали некоторые иерархи (напр., Александр Вятский), и «соблазн» становился смелее год от году. В таком положении в 1666 г. в Москве решили созвать о расколе церковный собор. Он состоялся весной в 1666 г. Прежде всего на соборе занялись обсуждением предварительных вопросов: православны ли греческие патриархи? Праведны ли и достоверны ли греческие богослужебные книги? Праведен ли Московский собор 1654 г., решивший исправление книг и обрядов? При обсуждении собор на эти вопросы ответил утвердительно и тем самым признал правильную реформу Никона, утвердил ее и осудил принципиально раскол. Затем собор судил известных нам расколоучителей и присудил их к лишению священных санов и к ссылке. Все они (кроме Аввакума и дьякона Федора) принесли после собора покаяние и были приняты в церковное общение. После суда собор составил окружную грамоту духовенству с наставлением следовать церковной реформе, а затем рассмотрел и одобрил к изданию ученую апологию церковной реформы, книгу известного киевлянина Симеона Полоцкого «Жезл правления» (Москва, 1666), которая направлена была против раскольничьих писаний и начинает собой ряд последующих полемических сочинений о расколе.

Тотчас после собора 1666 г. состоялся в Москве в 1666—1667 гг. «*великий собор*» церковный с участием патриархов Александрийского и Антиохийского. Собор был созван о деле патриарха Никона, но занялся и расколом. Он одобрил все частности Никоновой реформы (хотя осудил Никона, как увидим ниже) и изрек анафему на тех, кто ослушается его постановлений и не примет нововведений Никона. Эта анафема в истории нашего раскола получила большое значение. Ею все последователи старой обрядности поставлены были в положение еретиков; она до сих пор служит камнем преткновения для сближения старообрядцев с православием, даже в единоверии. Тогда же эта анафема еще бесформенное движение — хотя сильную, но шедшую вразброд оппозицию — сразу превратила в формальный раскол и вместо того, чтобы уничтожить смуту, как надеялся собор 1667 г., только усилила и обострила ее. С той поры, с 1667 г., мы наблюдаем, с одной стороны, дальнейшее распространение раскола и внутреннее развитие его доктрин (в конце XVII в. в расколе стала формироваться двоякая организация: поповщинская и беспоповщинская), с другой стороны — ряд мер, принимаемых против раскола церковью и государством, пришедшим на помощь церкви. Эти меры были двух родов: увещательные и карательные. Первые создали у нас обширную полемическую литературу

о расколе, вторые же поставили раскольников в исключительное положение в государстве. До 50-х годов XIX в. о расколе знали только по догматически-полемическим сочинениям, направленным против раскольников. Научное же исследование раскола как исторического явления стало возможно, по чисто внешним условиям, только со второй половины XIX столетия. В 60-х и частью 50-х годах исследование раскола пошло очень оживленно, стали издавать памятники раскольничьей литературы, писать очерки раскольничьего быта, исследовать историю раскола. Длинный ряд исторических трудов о расколе открывается «Историей Русского раскола» (СПб., 1855) Макария, епископа Винницкого, затем митрополита Московского. Из прочих трудов назовем труд А. П. Щапова «Русский раскол старообрядчества», труды П. И. Мельникова «Письма о расколе» и «Исторические очерки поповщины» *. Начальная история раскола прекрасно рассмотрена в XII томе «Истории Русской церкви» митрополита Макария, а особенно в книгах проф. Каптерева «Патриарх Никон и его противники» и «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович» (2 тома). В массе прочих трудов, к сожалению, весьма много несолидных произведений. Писали историю и сами раскольники. Из их исторических трудов стоит упомянуть: «Виноград Российский» Семена Денисова (XVIII в.), где заключаются сведения о начале и распространении раскола, и «Хронологическое ядро старообрядческой церкви» Павла Любопытного (перечень событий с 1650 по 1819 г.). Но оба эти труда не научны. В последнее время появился замечательный труд *В. Гр. Дружинина* «Писания русских старообрядцев» (СПб., 1912), содержащий в себе полный перечень произведений старообрядческой письменности.

Дело патриарха Никона. Другим выдающимся фактом в церковной сфере при Алексее Михайловиче было так называемое «дело патриарха Никона». Под этим названием разумеется обыкновенно распря патриарха с царем в 1658—1666 гг. и лишение Никона патриаршества. Ссора Никона с царем, его удаление с патриаршего престола и суд над Никоном — сами по себе события крупные, а для историка они получают особый интерес еще и потому, что к личной ссоре и церковному затруднению здесь примешался вопрос об отношениях светской и церковной властей на Руси. Вероятно, в силу таких обстоятельств это дело и вызвало к себе большое внимание в науке и много исследований; очень значительное место делу Никона, например, уделил С. М. Соловьев в XI т. «Истории России». Он относится к Никону далеко не с симпатией и винит его в том, что благодаря особенностям его неприятного характера и неразумному поведению дело приняло такой острый оборот и привело к таким печальным результатам, как низложение и ссылка патриарха.

---

* Он же дал превосходные бытовые очерки раскола в своих своеобразных романах «В лесах» и «На горах» и в отдельных повестях.

Против взгляда, высказанного Соловьевым, выступил Субботин в своем сочинении «Дело патриарха Никона» (М., 1862). Он группирует в этом деле черты, ведущие к оправданию Никона, и всю вину печального исхода распри царя с патриархом возлагает на бояр, врагов Никона, и на греков, впутавшихся в это дело. Во всех общих трудах по русской истории много найдется страниц о Никоне; мы упомянем здесь труд митрополита Макария («История Русской церкви», т. XII, СПб., 1883 г.), где вопрос о Никоне рассмотрен по источникам и высказывается отношение к Никону такое же почти, как у Соловьева, и труд Гюббенета «Историческое исследование дела патриарха Никона» (2 т., СПб., 1882 и 1884 гг.), объективно написанное и стремящееся восстановить в строгом порядке немного спутанную связь фактов. Значение всех прежних трудов, однако, пало с появлением капитальных работ проф. Каптерева, названных выше. Из сочинений иностранных нужно упомянуть английского богослова Пальмера, который в своем труде «The Patriarch and the Tzar» (London, 1871—1876 гг.) сделал замечательный свод данных о деле Никона, переведя на английский язык отрывки из трудов русских ученых о Никоне и массу материала, как изданного, так и не изданного еще в России (он пользовался документами московской синодальной библиотеки).

Обстоятельства оставления Никоном патриаршего престола и низложения Никона мы изложим кратко ввиду того, что все дело Никона слагается из массы мелочных фактов, подробный отчет о которых занял бы слишком много места. Мы уже видели, как Никон достиг патриаршества. Нужно заметить, что он был почти на 25 лет старше Алексея Михайловича; эта разница лет облегчала ему влияние на царя. Это не была дружба сверстников, а влияние очень умного, деятельного и замечательно красноречивого человека почтенных лет на мягкую впечатлительную душу юного царя. С одной стороны была любовь и глубокое уважение мальчика, с другой — желание руководить этим мальчиком. Энергичная, но черствая натура Никона не могла отвечать царю на его идеальную симпатию таким же чувством. Никон был практик, Алексей Михайлович — идеалист. Когда Никон стал патриархом с условием, что царь не будет вмешиваться в церковные дела, значение Никона было очень велико; мало-помалу он становится в центре не только церковного, но и государственного управления. Царь и другие по примеру царя стали звать Никона не «великим господином», как обыкновенно величали патриарха, а «великим государем», каковым титулом пользовался только патриарх Филарет как отец государя. Никон стоял очень близко ко двору, чаще прежних патриархов участвовал в царских трапезах, и сам царь часто бывал у него. Бояре в деловых сношениях с патриархом называли себя перед ним, как перед царем, полуименем (например, в грамоте: «Великому государю святейшему Никону патриарху...

Мишка Пронский с товарищами челом бьют»). И сам Никон величает себя «великим государем», в грамотах пишет свое имя рядом с царским, как писалось имя патриарха Филарета; а в новоизданном Служебнике 1655 г. Никон помещает даже следующие слова: «Да даст же Господь им государям (т. е. царю Алексею Михайловичу и патриарху Никону)... желание сердец их; да возрадуются все, живущие под державою их... яко да под единым государским повелением вси повсюду православнии народы живущи... славити имут истиннаго Бога нашего». Таким образом, Никон свое правление называл державой и свою власть равнял открыто с государевой. По современному выражению, Никон, став патриархом, «возлюбил стоять высоко, ездить широко». Его упрекали, таким образом, в том, что он забылся, возгордился. Он действительно держал себя гордо, как «великий государь», и было основание для этого: Никон достиг того, что правил всем государством в 1654 г., когда царь был на войне, и дума Боярская слушала его, как царя. Политическое влияние Никона возросло до того, что современники готовы были считать его власть даже большей, чем власть царя. Неронов говаривал Никону: «Какая тебе честь, владыко святый, что всякому ты страшен, и друг другу говорят грозя: знаешь ли кто он, зверь ли лютый — лев или медведь, или волк? Дивлюсь: государевы царевы власти уже не слыхать, от тебя всем страх и твои посланники пуще царских всем страшны; никто с ними не смеет говорить, затверждено у них: знаете ли патриарха?» И сам Никон склонен был считать себя равным царю по власти, если даже не сильнейшим. Раз на соборе (летом 1653 г.) в споре с Нероновым Никон опрометчиво произнес, что присутствие на соборе царя, как это требовал Неронов, не нужно. «Мне и царская помощь не годна и не надобна», — крикнул он и с полным презрением отозвался об этой помощи.

Но влияние Никона основывалось не на законе и не на обычае, а единственно на личном расположении к Никону царя (будь Никон не патриарх, мы бы назвали его временщиком). Такое положение Никона вместе с его поведением, гордым и самоуверенным, вызвало к нему вражду в придворной среде, в боярах, потерявших благодаря его возвышению часть своего влияния (Милославские и Стрешневы); есть свидетельство (у Мейерберга), что и царская семья была настроена против Никона. При дворе на Никона смотрели, как на непрошеного деспота, держащегося единственно расположением царя. Если отнять это расположение, влияние Никона исчезнет и власть его уменьшится.

Не так, однако, думал сам Никон. Он иначе и не представлял себе патриаршей власти, как в тех размерах, в каких ему удавалось ее осуществлять. По его понятию, власть патриарха чрезвычайно высока, она даже выше верховной власти светской:

Никон требовал полного невмешательства светской власти в духовные дела и вместе с тем оставлял за патриархом право на широкое участие и влияние в политических делах; в сфере же церковного управления Никон считал себя единым и полновластным владыкой. С подчиненным ему духовенством он обращался сурово, держал себя гордо и недоступно, словом, был настоящим деспотом в управлении клиром и паствой. Он был очень скор на тяжкие наказания, легко произносил проклятия на провинившихся и вообще не останавливался перед крутыми мерами. По энергии характера и по стремлению к власти Никона охотно сравнивают с папой Григорием VII Гильдебрантом. Однако во время своего управления церковью Никон не истребил тех злоупотреблений и тягостей, которые легли на духовенство при его предшественнике Иосифе и вызывали жалобы. В 1653 г. порядки, удержанные и вновь заведенные Никоном, вызвали любопытное челобитье царю на патриарха. Хотя оно было подано противниками новшеств, однако касается не только реформ Никона, но и его административных привычек и очень обстоятельно рисует Никона как администратора, с несимпатичной стороны. По этому челобитью видно, что против него и в среде духовенства был большой ропот. Про Никона надо вообще заметить, что его любили отдельные лица, но личность его не возбуждала *общей* симпатии, хотя нравственная его мощь покоряла ему толпу.

До польской войны 1654 г. симпатии юноши царя к Никону не колебались. Уезжая на войну, Алексей Михайлович отдал на попечение Никона и семью, и государство. Влияние Никона, казалось, все росло и росло, хотя царю были известны многие выходки Никона — и то, как Никон отзывался о царской помощи, что она ему не «надобна», и то, что Никон не жаловал Уложения, называя его «проклятою книгою», исполненной «беззаконий». Но во время войны царь возмужал, много увидел нового, развился и приобрел большую самостоятельность. Этому способствовали самые обстоятельства военной жизни, имевшей влияние на впечатлительную натуру царя, и то, что Алексей Михайлович в походах освободился от московских влияний и однообразной житейской обстановки в Москве; но, изменяясь сам, царь еще не изменял своих прежних отношений к старым друзьям. Он был очень хорош с Никоном, по-прежнему называл его своим другом. Однако между ними стали происходить размолвки. Одна такая размолвка случилась на Страстной неделе в 1656 г. по поводу церковного вопроса (о порядке Богоявленского водоосвящения). Уличая Никона в том, что он слукавил, царь очень рассердился и в споре назвал Никона «мужиком и глупым человеком». Но дружба их все еще продолжалась до июля 1658 г., до всем известного столкновения окольничего Хитрово с князем Мещерским на приеме грузинского царевича Теймураза. В июле 1658 г. последовал внезапный разрыв.

В объяснении причины разрыва Никона с Алексеем Михайловичем исследователи несколько расходятся благодаря

неполноте фактических данных об этом событии. Одни (Соловьев, митрополит Макарий) объясняют разрыв возмущением царя, с одной стороны, и резкостями в поведении Никона, с другой; у них дело представляется так, что охлаждение между царем и патриархом происходило постепенно и само по себе, незаметно привело к разрыву. Другие (Субботин, Гюббенет и покойный профессор Дерптского университета П. Е. Медовиков, написавший «Историческое значение царствования Алексея Михайловича». М., 1854 г.) полагают, что к разрыву привели наветы и козни бояр, которым они склонны придавать в деле Никона очень существенное значение. Надо заметить, что С. М. Соловьев также не отрицает участия бояр в этом деле, но их интриги и «шептания», как фактор второстепенный, стоят у него на втором плане.

Когда царь не дал должной, по мнению Никона, расправы на Хитрово, обидевшего патриаршего боярина при въезде Теймураза, и перестал посещать патриаршее служение, Никон уехал в свой Воскресенский монастырь, отказавшись от патриаршества «на Москве» и не дождавшись объяснения с царем. Через несколько дней царь послал двух придворных спросить у патриарха, как понимать его поведение — совсем ли он отказался от патриаршества или нет? Никон отвечал царю очень сдержанно, что он не считает себя патриархом «на Москве», и дал свое благословение на выборы нового патриарха и на передачу патриарших дел во временное заведование Питирима, митрополита Крутицкого. Никон затем просил прощения у Алексея Михайловича за свое удаление, и царь простил его. Поселясь в Воскресенском монастыре (от Москвы верстах в 40 на северо-западе), принадлежавшем Никону лично, он занялся хозяйством и постройками и просил Алексея Михайловича не оставлять его обители государевой милостыней. Царь, со своей стороны, милостиво обращался с Никоном, и отношения между ними не походили на ссору. Царю доносили, что Никон решительно не хотел «быть в патриархах», и царь заботился об избрании нового патриарха на место Никона. В избрании патриарха тогда и заключался весь вопрос: дело обещало уладиться мирно, но скоро начались неудовольствия. Никон узнал, что светские люди разбирают патриаршие бумаги, оставленные в Москве, обиделся на это и написал по этому поводу государю письмо с массой упреков, жалуясь и на то, между прочим, что из Москвы к Никону никому не позволяют ездить. Затем он стал жаловаться, что его не считают патриархом, и очень рассердился на митрополита Питирима за то, что тот решился заменить собой патриарха в известной церемонии — шествии на осляти (весной 1659). По этому поводу Никон заявил, что он не желает оставаться патриархом «на Москве», но что не сложил с себя патриаршего сана. Выходило так, что Никон, не будучи патриархом Московским, был все же патриархом Русской церкви и считал себя вправе вмешиваться в церковные дела; если

бы на Москве избрали нового патриарха, то в Русской церкви настало бы двупатриаршество. В Москве не знали, что делать, и не решались избирать нового пастыря.

Летом 1659 г. Никон неожиданно приехал в Москву, недолго там пробыл, был принят царем с большой честью, но объяснений и примирения между ними не произошло, отношения оставались неопределенными, и дело не распутывалось. Осенью того же 1659 г. Никон, с позволения царя, поехал навестить два других своих монастыря: Иверский (на Валдайском озере) и Крестный (близ Онеги). Только теперь, в долгое отсутствие Никона, решился царь собрать духовный собор, чтобы обдумать положение дел и решить, что делать. В феврале 1660 г. начало свои заседания русское духовенство и по рассмотрении дел определило, что Никон должен быть лишен патриаршества и священства по правилам св. апостолов и соборов, как пастырь, своей волей оставивший паству. Царь, не вполне доверяя правильности приговора, пригласил на собор и греческих иерархов, бывших тогда в Москве. Греки подтвердили правильность соборного приговора и нашли ему новые оправдания в церковных правилах. Но ученый киевлянин Епифаний Славинецкий не согласился с приговором собора и подал царю особое мнение, уличая собор в неверном толковании церковных правил и доказывая, что у Никона нельзя отнять священства, хотя и должно лишить его патриаршества. Авторитет греков был, таким образом, поколеблен в глазах царя, он медлил приводить в исполнение соборный приговор, тем более что многие члены собора (греки) склонны были оказать Никону снисхождение и просили об этом государя. Итак, попытка распутать дело с помощью собора не удалась, и Москва осталась без патриарха.

Никон же продолжал считать себя патриархом и высказывал, что в Москве новый патриарх должен быть поставлен им самим. Он воротился в Воскресенский монастырь, узнал, конечно, о приговоре собора по поводу его низложения и понял, что теперь ему нелегко возвратить утраченную власть. Удаляясь из Москвы, он рассчитывал, что его будут умолять о возвращении на патриарший престол, но этого не случилось, а собор 1660 г. показал ему окончательно, что в Москву его просить не будут. Что влияние Никона пало совсем, это увидели и другие: сосед Никона по земле, окольничий Боборыкин, вступил с ним в тяжбу, не уступая куска земли когда-то всесильному патриарху. Недовольный тем, что Боборыкину дали суд на патриарха, Никон пишет царю письмо, полное укоризн и тяжелых обвинений. В то же время он не ладит с Питиримом, мало обращавшим внимания на бывшего патриарха, и даже предает его анафеме. Вообще Никон, не ожидавший невыгодного для себя оборота дела, теряет самообладание и слишком волнуется от тех неприятностей и уколов, какие постигают его, как всякого павшего видного деятеля. Но до 1662 г. против Никона не предпринимают ничего решительного, хотя резкие выходки его все больше и больше вооружают против него прежнего его друга царя Алексея.

В 1662 г. приехал в Москву отставленный от своей должности Газский митрополит Паисий Лигарид, очень образованный грек, много скитавшийся по Востоку и приехавший в Москву с целью лучше себя обеспечить. В XVII в. греческое духовенство очень охотно посещало Москву с подобными намерениями. Ловкий дипломат, Паисий скоро успел приобрести в Москве друзей и влияние. Всмотревшись в отношения царя и патриарха, он без труда заметил, что звезда Никона уже померкла, понял, на чью сторону ему должно стать: он стал против Никона, хотя сам приехал в Москву по его милостивому и любезному письму. Сперва, по приезде своем, вступил он в переписку с Никоном, обещал ему награду на небесах за его «неповинныя страдания», но уговаривал вместе с тем Никона смириться перед царем. Но уже с первых дней он советовал царю не медлить с патриархом, требовать от него покорности и низложить его, если не покорится и не «воздержится от дел патриарших». Как ученейшему человеку, Лигариду предложили в Москве от имени боярина Стрешнева (врага Никона) до 30 вопросов о поведении Никона с тем, чтобы Паисий решил, правильно ли поступал патриарх. И Лигарид все вопросы решил не в пользу Никона. Узнав его ответы, Никон около года трудился над возражениями и написал в ответе Лигариду целую книгу страстных и очень метких оправданий.

Очевидно, под влиянием Лигарида царь Алексей Михайлович в конце 1662 г. решился созвать второй собор о Никоне. Он велел архиепископу Рязанскому Иллариону составить для собора как бы обвинительный акт — «всякие вины» Никона собрать — и приказал звать на собор восточных патриархов.

Никон, подавленный отношением царя к нему, и раньше искал мира, посылая к царю письма и прося его перемениться к нему «Господа ради»; теперь же он решил тайком приехать в Москву и приехал ночью (на Рождество 1662 г.), чтобы примириться с государем и предотвратить собор, но той же ночью уехал обратно, извещенный, вероятно, своими московскими друзьями, что его попытка будет напрасной. Видя, что примирение невозможно, Никон снова переменил поведение. Летом 1663 г. он произнес на упомянутого Боборыкина (дело с которым у него продолжалось) такую двумысленную анафему, что Боборыкин мог ее применить к самому царю с царским семейством, что он и сделал, не преминув донести в Москву. Царь чрезвычайно огорчился этим событием и тем, что на следствии по этому делу Никон вел себя очень заносчиво и наговорил много непристойных речей на царя. Об этом, впрочем, постарались сами следователи, выводя патриарха из себя своими вопросами и своим недоверием к нему. Если царь Алексей Михайлович сохранил еще какое-нибудь расположение к Никону, то после этого случая оно должно было исчезнуть вовсе.

Восточные патриархи, приглашение которым было послано в декабре 1662 г., прислали свои ответы только в мае 1664 г.

Сами они не поехали в Москву, но очень обстоятельно ответили царю на те вопросы, какие царь послал им о деле Никона одновременно со своим приглашением. Они осудили поведение Никона и признали, что патриарха может судить и поместный (русский) собор, почему присутствие их в Москве представлялось им излишним. Но царь Алексей Михайлович непременно желал, чтобы в Москву приехали сами патриархи, и отправил им вторичное приглашение. Очень понятно это желание царя разобрать дело Никона с помощью высших авторитетов церкви; он хотел, чтобы в будущем уже не оставалось места сомнениям и не было возможности для Никона протестовать против собора.

Но Никон не желал собора, понимая, что собор обратится против него, он показывал вид, что собор для него не страшен, но в то же время сделал открыто и гласно первый шаг к примирению, чтобы этим уничтожить надобность собора; он решился с помощью, и может быть по мысли, некоторых своих друзей (боярина Н. И. Зюзина) приехать в Москву патриархом, так, как когда-то уехал из нее. Ночью на 1 декабря 1664 г. он неожиданно явился на утреню в Успенский собор, принял участие в богослужении как патриарх и послал известить государя о своем приходе, говоря: «Сшел я с престола никем не гоним, теперь пришел на престол никем незванный». Однако государь, посоветовавшись с духовенством и боярами, собранными тотчас же во дворец, не пошел к Никону и приказал ему уехать из Москвы. Еще до рассвета уехал Никон, отрясая прах от ног своих, понимая окончательное свое падение. Дело о приезде его было расследовано, и Зюзин поплатился ссылкой. Никону приходилось ожидать патриаршего суда над собой. В 1665 г. он тайком отправил патриархам послание, оправдывая в нем свое поведение, чтобы патриархи могли правильнее судить о его деле; но это послание было перехвачено и на суде служило веской уликой против Никона, потому что было резко написано.

Только осенью 1666 г. приехали в Москву патриархи Александрийский Паисий и Антиохийский Макарий (Константинопольский и Иерусалимский сами не приехали, но прислали свое согласие на приезд двух первых и на суд над Никоном). В ноябре 1666 г. начался собор, на который был вызван и Никон. Он держал себя как обиженный, но признал собор правильным; оправдывался он гордо и заносчиво, но повиновался собору. Обвинял его сам царь, со слезами перечисляя «обиды» Никона. В декабре постановили приговор Никону, сняли с него патриаршество и священство и отправили в ссылку в Ферапонтов Белозерский монастырь. Так окончилось «дело патриарха Никона».

Неспокойно выслушал Никон свой приговор; он стал жестоко бранить греческое духовенство, называя греков «бродягами». «Ходите всюду за милостынею»,— говорил он им и с иронией советовал поделить между собой золото и жемчуги с его патриаршего клобука и панагии. Ирония Никона многим была тогда

близка и понятна. Греки действительно «всюду ходили за милостынею»; потрудившись над осуждением Никона в угоду могущественнейшему монарху и радуясь совершению правосудия, не забывали они при этом высказывать надежду, что теперь не оскудеет к ним милость царская. В видах этой милости они и до собора и на соборе 1666 г. старались возвеличить царскую власть и утвердить ее авторитет даже в делах церкви, ставя в вину Никону его стремление к самостоятельности в сфере церковной. Никон, заносчивый, непоследовательный и много погрешивший,— симпатичнее для нас в своем падении, чем греки с своими заботами о царской милости.

Собор единогласно осудил Никона, но когда стали формулировать приговор над ним, то произошло на соборе крупное разногласие по вопросу об отношениях властей, светской и духовной. В приговоре, редактированном греками, слишком явно и резко проводились тенденции в пользу первой: греки ставили светскую власть авторитетом в делах церкви и веры, и против этого восстали некоторые русские иерархи (как раз бывшие враги Никона), за что они и подверглись церковному наказанию. Таким образом, вопрос об отношении властей принципиально был поднят на соборе 1666—1667 гг. и был решен собором не в пользу церковной власти.

Этот вопрос необходимо должен был возбудиться на этом соборе: он был весьма существенным в деле Никона и проглядывал гораздо раньше собора 1666 г. Никон боролся и пал не только из-за личной ссоры, но из-за принципа, который проводил. Во всех речах и посланиях Никона прямо высказывается этот принцип, и его чувствовал сам царь Алексей Михайлович, когда (в 1662 г. в вопросах Стрешнева Лигариду и в 1664 г. в вопросах патриархам) ставил вопросы о пространстве власти царской и архипастырской. Никон крепко отстаивал то положение, что церковное управление должно быть свободно от всякого вмешательства светской власти, а церковная власть должна иметь влияние в политических делах. Это воззрение рождалось в Никоне из высокого представления о церкви как о руководительнице высших интересов общества; представители церкви, по мысли Никона, тем самым должны стоять выше прочих властей. Но такие взгляды ставили Никона в полный разлад с действительностью: в его время, как он думал, государство возобладало над церковью, и необходимо было возвратить церкви ее должное положение, к этому и шла его деятельность (см.: Иконников «Опыт исследования о культурном значении Византии в Русской Истории», Киев, 1869 г.). По этому самому распря Никона с царем не была только личной ссорой друзей, но вышла за ее пределы; в этой распре царь и патриарх являлись представителями двух противоположных начал. Никон потому и пал, что историческое течение нашей жизни не давало места его мечтам, и осуществлял он их, будучи патриархом, лишь постольку, по-

скольку ему это позволяло расположение царя. В нашей истории церковь никогда не подавляла и не становилась выше государства, и представители ее и сам митрополит Филипп Колычев (которого так чтил Никон) пользовались только нравственной силой. А теперь, в 1666—1667 гг., собор православных иерархов сознательно поставил государство выше церкви.

Культурный перелом при Алексее Михайловиче

В царствование Алексея Михайловича важно отметить еще несколько фактов, которые отчасти характеризуют нам настроения общества того времени. При Алексее Михайловиче несомненно существовало сильное общественное движение: с ним, в некоторых его проявлениях, мы уже познакомились; мы видели, например, какие протесты вызвали экономические и церковные меры того времени. Но меры не касались одной стороны этого движения—движения культурного. Замечая это последнее, один исследователь говорит о времени Алексея Михайловича, что тогда боролись два общественных направления, и борьба велась «во имя самых задушевных интересов и стремлений и потому отличалась полным трагизмом». Культурные новшества спорили тогда с неприкосновенностью старых идеалов; они касались всех сторон жизни и кое-где побеждали. Но исследователь, который захотел бы нам представить полную картину борьбы старого с новым, оказался бы в затруднительном положении, так как борьба эта оставила мало литературных следов. Нам приходится только отрывочно познакомиться с разными течениями общественной жизни и наметить только главных ее представителей.

До XV в. Русь в церковном отношении была подчинена Константинопольскому патриарху, а на греческого императора (цезаря, царя) смотрела как на верховного государя православного. Флорентийская уния 1439 г. греков с католичеством заронила в русских сомнение в чистоте греческого исповедания. Падение Константинополя (в 1453 г.) русские рассматривали как Божье наказание грекам за потерю православия. В XV в. исчез таким образом православный греческий царь, померкло греческое православие от унии и господства неверных турок. А в это время Московское княжество объединило Русь, государь московский достиг большого могущества, митрополит московский был пастырем свободной и сильной страны. Для русских патриотов было ясно, что Москва должна наследовать Константинополю, должна иметь и царя (цезаря), и патриарха. Высказанная на рубеже XV и XVI вв. мысль овладела умами и была осуществлена правительством: в 1547 г. Иван IV стал царем, а в 1589 г. московский митрополит—патриархом. Но, вызвав прогрессивное движение, та же мысль в дальнейшем своем развитии повела к консервативным взглядам. Если могущественная Греция пала благодаря ереси, то падет и Москва, когда потеряет чистоту

веры. Стало быть, необходимо беречь эту чистоту и не допускать перемен, могущих ее нарушить. Отсюда, естественно, возникло старание сохранить благочестивую старину. Необразованный ум тогдашних мыслителей не умел отличить догмата от внешнего обряда, и обряд, даже мелкий, стали ревниво оберегать, как залог вечного правоверия и национального благоденствия. С обрядом смешивали обычай, берегли обычаи светские как обряды церковные. Это охранительное направление мысли владело многими передовыми людьми и глубоко проникало в массу. Такое направление мысли многие и считают характерной чертой московского общества, даже единственным содержанием его умственной жизни до Петра.

Стремление к самобытности и довольство косностью развивалось на Руси как-то параллельно с некоторым стремлением к подражанию чужому. Влияние западноевропейской образованности возникло на Руси из практических потребностей страны, которых не могли удовлетворить своими средствами.

Нужда заставляла правительство звать иноземцев. Но, призывая их и даже лаская, правительство в то же время ревниво оберегало от них чистоту национальных верований и жизни. Однако знакомство с иностранцами все же было источником «новшеств». Превосходство их культуры неотразимо влияло на наших предков, и образовательное движение проявилось на Руси еще в XVI в., хотя и на отдельных личностях (Вассиан Патрикеев и др.). Сам Грозный не мог не чувствовать нужды в образовании; за образование крепко стоит и политический его противник князь Курбский. Борис Годунов представляется нам уже прямым другом европейской культуры. Лжедмитрий и смута гораздо ближе, чем прежде, познакомили Русь «с латынниками и лютерами», и в XVII в. в Москве появилось и осело очень много военных, торговых и промышленных иностранцев, пользовавшихся большими торговыми привилегиями и громадным экономическим влиянием в стране. С ними москвичи ближе познакомились, и иностранное влияние, таким образом, усилилось. Хотя в нашей литературе и существует мнение, будто бы насилия иностранцев во время смуты окончательно отвратили русских от духовного общения с ними (см.: Коялович. «История русского народного самосознания», СПб., 1884 г.), однако никогда прежде московские люди не сближались так с западными европейцами, не перенимали у них так часто различных мелочей быта, не переводили столько иностранных книг, как в XVII в. Общеизвестные факты того времени ясно говорят нам не только о практической помощи со стороны иноземцев московскому правительству, но и об умственном культурном влиянии западного люда, осевшего в Москве, на московскую среду. Это влияние, уже заметное при царе Алексее в середине XVII в., конечно, образовалось исподволь, не сразу и существовало ранее царя Алексея, при его отце. Типичным носителем чуждых влияний в их раннюю пору был

князь Ив. Андр. Хворостинин (умер в 1625 г.) — «еретик», подпавший влиянию сначала католичества, потом какой-то крайней секты, а затем раскаявшийся и даже постригшийся в монахи. Но это была первая ласточка культурной весны.

В половине же XVII в. рядом с культурными западноевропейцами появляются в Москве киевские схоластики и оседают византийские ученые монахи. С той поры три чуждых московскому складу влияния действуют на москвичей: влияние русских киевлян, более чужих греков и совсем чужих немцев. Их близкое присутствие сказывалось все более и более и при Алексее Михайловиче стало вопросом дня. Все они несомненно влияли на русских, заставляли их присматриваться к себе все пристальнее и пристальнее и делили русское общество на два лагеря: людей старозаветных и новых. Одни отворачивались от новых веяний, как от «прелести бесовской», другие же всей душой шли навстречу образованию и культуре, мечтали «прелесть бесовскую» ввести в жизнь, думали *о реформе*. Но оба лагеря не представляли в себе цельные направления, а дробились на много групп, и поставить эти группы хотя в какой-нибудь порядок очень трудно. Легко определить каждую отдельную личность XVII в., старый это или новый человек, но трудно соединить их pia desideria в цельную программу. Каждый думал совсем по-своему, и нельзя заметить в хаосе мнений, какой тогда был, сколько-нибудь определенных общественных течений.

Мы знаем, что время Алексея Михайловича богато было и гражданскими, и церковными реформами. В этих реформах многие видели новшества и ополчались против них; конечно, эти многие были старозаветными людьми. Против *церковных новшеств*, против киевлян и греков шли знакомые нам расколоучители, и их поддерживала значительная часть общества; этим создавалось, если уместно так выразиться, консервативно-национальное направление в сфере религиозной. Его деятели, люди по преимуществу религиозные, со своей точки зрения, осуждали и подражание Западу, и брадобритие, и прочие «ереси». Рядом с ними были люди, недовольные *гражданскими* реформами, опять-таки с точки зрения религиозной. Таков сам Никон, который относился замечательно враждебно к Уложению и очень мрачными красками рисовал экономическое положение Руси в своих писаниях: «Ныне неведомо, кто не постится,— писал он,— во многих местах и до смерти постятся, потому что есть нечего, и нет никого, кто был бы помилован. Нищие, маломощные, слепые, хромые, вдовицы, черницы и чернецы, все обложены тяжкими данями. Нет никого веселящагося в наши дни...» Причину такого бедственного положения он видит в Уложении и в тех новых порядках, которые шли за Уложением; за них-то Бог и посылает беды на Русь, ибо порядки эти еретичны, как думает Никон. Тот же граждански весьма консервативный Никон не любил и немцев и проповедовал против подражания им. За

такими сознательными консерваторами, гражданскими и церковными, стояла масса московского общества, косная, невежественная и гордая близоруким чувством своего национального превосходства над всеми. В этой массе мы видим и мелкого приказного Голосова с его компанией, рассуждающих о том, что «в греческой грамоте и еретичество есть», и многое множество прочего люда, недовольного реформами.

Против них стоят очень определенные фигуры их противников — «западников» XVII в., теоретиков и практиков, наукой и опытом познавших сладость и превосходство европейской цивилизации. Эта сторона дала нам двух писателей: Крижанича и Котошихина. Знаем мы многих ее практических деятелей: Ртищева, Ордина-Нащокина, Матвеева. К ней же принадлежало своей деятельностью и киевское монашество (Симеон Полоцкий и др.).

Самым полным теоретиком и самой любопытной личностью этого направления без сомнения был Крижанич. Родом хорват, он печальным положением своей родины был приведен к мысли о необходимости единения славян против их утеснителей — немцев. Питая панславистские мечты и в то же время служа католичеству, он видел в Московском государстве единую славянскую державу, способную воплотить его мечтания в дело. Но, приехав в Москву, он увидел, как невежественна и расстроена эта держава, и понял, что Москве нужны реформы для того, чтобы стать на должную высоту и быть достойной своей исторической миссии — объединения славянства. Он и стал проповедовать эти реформы, советуя русским учиться у немцев, но учиться, не ограничиваясь подражанием внешним формам жизни (это, по его мнению, лишнее), а заимствуя то, что может поднять умственную культуру и внешнее благосостояние страны. В политических трактатах, написанных Крижаничем частью в Москве, частью в ссылке в Сибири, куда он попал за неправоверие, мы находим большие похвалы природным способностям русского народа, изображение его дурных свойств и невежества и вместе с тем полный план экономических преимущественно реформ, какие были необходимы для Руси, по мнению Крижанича. В некоторых частях этого плана практик Петр Великий сошелся с теоретиком Крижаничем: оба, например, придавали громадное значение в государственном хозяйстве развитию промышленности.

Совсем иного склада человек был другой писатель, Григорий Карпович Котошихин. Он знал вообще немного, но служба в Посольском приказе, который ставил своих деятелей близко к иностранцам, развила в нем культурные вкусы. Еще более увлекся он немецкими обычаями, когда эмигрировал в Швецию. Вспоминая в своих сочинениях московские порядки, к очень многому московскому он относится отрицательно, но это отрицание вытекает у него только из сравнения московских обычаев с западноевропейскими и не является результатом каких-либо определенных

общественно-культурных стремлений. Вряд ли их и имел Котошихин.

Из названных нами практических деятелей, поборников образования, первое место принадлежит Афанасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину (о нем см. ст. Иконникова в «Русск. Старине» за 1883 г., X и XI). Это был чрезвычайно даровитый человек, дельный дипломат и администратор. Его светлый государственный ум соединялся с редким в то время образованием: он знал латинский, немецкий и польский языки и был очень начитан. Его дипломатическая служба дала ему возможность и практически познакомиться с иностранной культурой, и он являлся в Москве очень определенным западником, таким его рисуют сами иностранцы (Мейерберг, Коллинс), дающие о нем хорошие отзывы. Но западная культура не ослепила Нащокина: он глядел далее подражания внешности, даже вооружался против тех, кто перенимал одну внешность.

Гораздо более Нащокина увлекся Западом Артамон Сергеевич Матвеев, друг царя Алексея и тоже дипломат XVII в. В православной Москве решился он завести домашний театр и обучал своих дворовых людей «комедийному искусству». В доме его была западноевропейская обстановка и появлялись западноевропейские обычаи: знакомые съезжались к нему не для пира и попойки, а для беседы, и встречал гостей не один хозяин, но и хозяйка, чего в Москве еще не водилось. Матвеев и царя убедил выписать из-за границы актеров, и Алексей Михайлович привык забавляться театральными представлениями. В доме Матвеева росла мать Петра Великого Наталья Кирилловна Нарышкина, внесшая в царскую семью привычки «преобразованного», как выражается С. М. Соловьев, дома Матвеева.

Но рядом с «немецким» влиянием развивалось влияние греческого и киевско-богословского образования. Ученые киевляне во второй половине XVII в. стали очень влиятельными при дворе (из них виднее всех сперва был Епифаний Славинецкий, затем Симеон Полоцкий). Всецело под влиянием их находился царский постельничий Федор Михайлович Ртищев, очень друживший с киевлянами. Написанное каким-то его другом «житие» его интересно тем, что отмечает в Ртищеве черты религиозности и высокой гуманности, преимущественно перед его другими качествами. Действительно, Ртищев мало оставил по себе следов в сфере государственной деятельности, хотя предание приписывает ему проект знаменитой операции с медными деньгами. Он нам рисуется более как любитель духовного просвещения, весь отдавшийся богословской науке, благочестивым делам и размышлениям. Это натура созерцательная.

За этими выдающимися по способностям или по положению поклонниками западной жизни и просвещения стояли другие, более мелкие люди, которые проникались уважением к науке и Западу или через непосредственное знакомство с Западом, или

под влиянием других знакомясь с наукой. В числе таких можно, например, упомянуть сына Ордина-Нащокина, который до того увлекся Западом, что бежал из России, и сына русского резидента в Польше Тяпкина, который получил образование в Польше и благодарил короля польского за науку в высокопарных фразах на латинском языке.

Москва не только присматривалась к обычаям западноевропейской жизни, но в XVII в. начала интересоваться и западной литературой, впрочем, с точки зрения практических нужд. В Посольском приказе, самом образованном учреждении того времени, переводили вместе с политическими известиями из западных газет для государя и целые книги, по большей части руководства прикладных знаний. Любовь к чтению несомненно росла в русском обществе в XVII в.—об этом говорит нам обилие дошедших до нас от того времени рукописных книг, содержащих в себе как произведения московской письменности духовного и мирского характера, так и переводные произведения. Подмечая подобные факты, исследователь готов думать, что культурный перелом начала XVIII в. и культурной своей стороной далеко не был совсем уже неожиданной новинкой для наших предков.

Итак, мы наметили два основных течения общественной мысли при Алексее Михайловиче: одно — национально-консервативное, направленное против реформ как в церковной сфере, так и в гражданской и одинаково неприязненно относившееся и к грекам, и к немцам как к иноземному, чужому элементу. Другое направление было западническое, шедшее навстречу греческой и киевской науке и западной культуре. Затем мы видели, что столкновение двух начал — самодовольного застоя и подражательного движения — создало много борцов, но тем не менее не успело еще соединить их в определенные группы, не успело выработать определенных мировоззрений и законченных систем, особенно же среди новаторов. Из западников только один Крижанич был ясен в своих идеалах, надеждах и стремлениях; остальные личности малоопределенны: видно только, кто из них больше тянет к грекам и киевлянам, как Ртищев, или кто дружит больше с немцами, как Ордин-Нащокин.

Личность царя Алексея Михайловича

Среди западников и старозаветных людей, не принадлежа всецело ни к тем, ни к другим, стоит личность самого царя Алексея Михайловича. Известна мысль, что если бы в период культурного брожения в Московском государстве середины XVII в. московское общество имело такого вождя, каким был Петр Великий, то культурная реформа могла бы совершиться раньше, чем это произошло на самом деле. Но таким вождем царь Алексей быть не мог. Это был прекрасный и благородный, но слишком мягкий и нерешительный человек.

Не такова натура была у царя Алексея Михайловича, чтобы, проникнувшись одной какой-нибудь идеей, он мог энергично осуществлять эту идею, страстно бороться, преодолевать неудачи, всего себя отдать практической деятельности, как отдал себя ей Петр. Сын и отец совсем несходны по характеру; в царе Алексее не было той инициативы, какая отличала характер Петра. Стремление Петра всякую мысль претворить в дело совсем чуждо личности Алексея Михайловича, мирной и созерцательной. Боевая, железная натура Петра вполне противоположна живой, но мягкой натуре его отца.

Негде было царю Алексею выработать в себе такую крепость духа и воли, какая дана Петру, помимо природы, еще впечатлениями детства и юности. Царь Алексей рос тихо в тереме московского дворца, до пятилетнего возраста окруженный многочисленным штатом мам, а затем, с пятилетнего возраста, переданный на попечение дядьки, известного Бориса Ивановича Морозова. С пяти лет стали его учить грамоте по букварю, перевели затем на Часослов, Псалтирь и Апостольские Деяния; семи лет научили писать, а девяти лет стали учить церковному пению. Этим собственно и закончилось образование. С ним рядом шли забавы: царевичу покупали игрушки: был у него, между прочим, конь «немецкого дела», были латы, музыкальные инструменты и санки потешные, словом, все обычные предметы детского развлечения. Но была и любопытная для того времени новинка — «немецкие печатные листы», т. е. гравированные в Германии картинки, которыми Морозов пользовался, говорят, как подспорьем при обучении царевича. Дарили царевичу и книги; из них составилась у него библиотека числом в 13 томов. На 14-м году царевича торжественно объявили народу, а 16-ти лет царевич осиротел (потерял и отца и мать) и вступил на московский престол, не видев ничего в жизни, кроме семьи и дворца. Понятно, как сильно было влияние боярина Морозова на молодого царя: он заменял ему отца.

Дальнейшие годы жизни царя Алексея дали ему много впечатлений и значительный житейский опыт. Первое знакомство с делом государственного управления, необычные волнения в Москве в 1648 г., когда «государь царь к Спасову образу прикладывался», обещая восставшему «миру» убрать Морозова от дел, «чтобы миром утолилися»; путешествия в Литву и Ливонию в 1654—1655 гг., на театр военных действий, где царь видел у ног своих Смоленск и Вильну и был свидетелем военной неудачи под Ригой,— все это развивающим образом подействовало на личность Алексея Михайловича, определило эту личность, сложило характер. Царь возмужал, из неопытного юноши стал очень определенным человеком, с оригинальной умственной и нравственной физиономией.

Современники искренно любили царя Алексея Михайловича. Самая наружность царя сразу говорила в его пользу и влекла к нему. В его живых голубых глазах светилась редкая доброта;

взгляд этих глаз, по отзыву современника, никого не пугал, но ободрял и обнадеживал. Лицо государя, полное и румяное, с русой бородой, было благодушно-приветливо и в то же время серьезно и важно, а полная (потом даже чересчур полная) фигура его сохраняла величавую и чинную осанку. Однако царственный вид Алексея Михайловича ни в ком не будил страха: понимали, что не личная гордость царя создала эту осанку, а сознание важности и святости сана, который Бог на него возложил.

Привлекательная внешность отражала в себе, по общему мнению, прекрасную душу. Достоинства царя Алексея с некоторым восторгом описывали лица, вовсе от него независимые,— именно далекие от царя и от Москвы иностранцы. Один из них, например, сказал, что Алексей Михайлович «такой государь», какого желали бы иметь все христианские народы, но немногие имеют» (Рейтенфельс). Другой поставил царя «наряду с добрейшими и мудрейшими государями» (Коллинс). Третий отозвался, что «царь одарен необыкновенными талантами, имеет прекрасные качества и украшен редкими добродетелями»; «он покорил себе сердца всех своих подданных, которые столько же любят его, сколько и благоговеют перед ним» (Лизек). Четвертый отметил, что при неограниченной власти своей в рабском обществе царь Алексей не посягнул ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь (Мейерберг). Эти отзывы получат еще большую цену в наших глазах, если мы вспомним, что их авторы вовсе не были друзьями и поклонниками Москвы и москвичей. Совсем согласно с иноземцами и русский эмигрант Котошихин, сбросивший с себя не только московское подданство, но даже и московское имя, по-своему очень хорошо говорит о царе Алексее, называя его «гораздо тихим».

По-видимому Алексей Михайлович всем, кто имел случай его узнать, казался светлой личностью и всех удивлял своими достоинствами и приятностью. Такое впечатление современников, к счастью, может быть проверено материалом, более прочным и точным, чем мнения и отзывы отдельных лиц,— именно письмами и сочинениями самого царя Алексея. Он очень любил писать и в этом отношении был редким явлением своего времени, очень небогатого мемуарами и памятниками частной корреспонденции. Царь Алексей с необыкновенной охотой сам брался за перо или же начинал диктовать свои мысли дьякам. Его личные литературные попытки не ограничивались составлением пространных, литературно написанных писем и посланий*. Он про-

---

* Много писаний царя Алексея издано: 1) *И. П. Бартенев* «Собрание писем ц. Алекс. Мих.». М., 1856; 2) «Записки Отделения славянской и русск. археологии имп. Русск. археол. общества», т. II; 3) «Сборник Моск. архива и М. Ин. Дел», т. V; 4) *Соловьев* «История России», т. XI и XII. Не раз эти писания вызывали ученых на характеристики Алексея Михайловича. Отметим характеристики С. М. Соловьева (в конце XII т. «Истории России»), И. Е. Забелина (в «Опытах изучения русских древностей и истории»), Н. И. Костомарова (в «Русской истории в жизнеописаниях»), В. О. Ключевского (в «Курсе русской истории», т. III).

бовал сочинять даже вирши (несколько строк, «которые могли казаться автору стихами», по выражению В. О. Ключевского). Он составил «Уложение сокольничья пути», т. е. подробный наказ своим сокольникам. Он начинал писать записки о польской войне. Он писал деловые бумаги, имел привычку собственноручно поправлять текст и делать прибавки в официальных грамотах, причем не всегда попадал в тень приказного изложения. Значительная часть его литературных попыток дошла до нас, и притом дошло по большей части то, что писал он во времена своей молодости, когда был свежее и откровеннее и когда жил полнее. Этот литературный материал замечательно ясно рисует нам личность государя и вполне позволяет понять, насколько симпатична и интересна была эта личность. Царь Алексей высказывался очень легко, говорил почти всегда без обычной в те времена риторики, любил, что называется, поговорить и пофилософствовать в своих произведениях.

При чтении этих произведений прежде всего бросается в глаза необыкновенная восприимчивость и впечатлительность Алексея Михайловича. Он жадно впитывает в себя, «яко губа напояема», впечатления от окружающей его действительности. Его занимает и волнует все одинаково: и вопросы политики, и военные реляции, и смерть патриарха, и садоводство, и вопрос о том, как петь и служить в церкви, и соколиная охота, и театральные представления, и убийство пьяного монаха в его любимом монастыре... Ко всему он относится одинаково живо, все действует на него одинаково сильно: он плачет после смерти патриарха и доходит до слез от выходок монастырского казначея. «До слез стало! видит чюдотворец (Савва), что во мгле хожу»,— пишет он этому ничтожному казначею Саввина монастыря. В увлечении тем или иным предметом царь не делает видимого различия между важным и неважным. О поражении своих войск и о монастырской драке пишет он с равным одушевлением и вниманием. Описывая своему двоюродному брату (по матери) Аф. Ив. Матюшкину бой при г. Валке 19 июня 1657 г., царь пишет: «Брат! буди тебе ведомо: у Матвея Шереметева был бой с немецкими людьми. И дворяне издрогали и побежали все, а Матвей остался в отводе и сорвал немецких людей. Да навстречю иные пришли роты, и Матвей напустил и на тех с небольшими людми, да лошадь повалилась, так его и взяли! А людей наших всяких чинов 51 человек убит да ранено 35 человек. И то благодарю Бога, что от трех тысяч столько побито, а то все целы, потому, что побежали; а сами плачют, что так грех учинился!... А с кем бой был, и тех немец всего было две тысячи; наших и больше было, да так грех пришел. А о Матвее не тужи: будет здоров, вперед ему к чести! Радуйся, что люди целы, а Матвей будет по-прежнему». Царь сочувствует храброму Шереметеву и радуется, что целы благодаря бегству его «издрогавшие» люди. Позор поражения он готов объяснить

«грехом» и не только не держит гнева на виновных, но душевно жалеет их. Ту же степень внимания, только не сочувственного, царь уделяет и подвигам помянутого саввинского казначея Никиты, который стрелецкого десятника, поставленного в монастыре, зашиб посохом в голову, а оружие, седла и зипуны стрелецкие велел выметать вон за двор. Царь составил Никите послание (вместо простой приказной грамоты) «От царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси врагу Божию, богоненавистцу и христопродавцу и разорителю чюдотворцова дома (т. е. Саввина монастыря) и единомысленнику сатанину, врагу проклятому, ненадобному шпыню и злому пронырливому злодею казначею Никите». В этом послании Алексей Михайлович спрашивал Никиту: «Кто тебя, сиротину, спрашивал над домом чюдотворцовым да и надо мною, грешным, властвовать? кто тебе сию власть мимо архимандрита дал, что тебе без его ведома стрельцов и мужиков моих михайловских бить?» Так как Никита счел себе бесчестием, что стрельцы расположились у его кельи, то царь обвинил монаха в сатанинской гордости и восклицал: «Дорого добре, что у тебя, скота, стрельцы стоят! лучше тебя и честнее тебя и у митрополитов стоят стрельцы по нашему указу!... дороги ль мы пред Богом с тобою и дороги ль наши высокосердечныя мысли, доколе отвращаемся, доколе не всею душою и не всем сердцем заповеди Его творим?!» За самоуправство царь налагал на монаха позорное наказание: с цепью на шее и в кандалах Никиту стрельцы должны были свести в его келью после того, как ему «пред всем собором» прочтут царскую грамоту. А за «роптание спесивое» царь грозил монаху жаловаться на него чудотворцу и просить суда и обороны пред Богом.

Так живо и сильно, доходя до слез и до «мглы» душевной, переживал царь Алексей Михайлович все то, что забирало его за сердце. И не только исключительные события его личной и государственной жизни, но и самые обыкновенные частности повседневного быта легко поднимали его впечатлительность, доводя ее порою до восторга, до гнева, до живой жалости. Среди серьезных писем к Аф. Ив. Матюшкину есть одно — все сплошь посвященное двум молодым соколам и их пробе на охоте. Алексей Михайлович с восторгом описывает, как он «отведывал» этих «дикомытов» и как один из них и «безмерно каково хорошо летел» и «милостию Божией и твоими (Матюшкина) молитвами и счастием» отлично «заразил» утку: «Как ее мякнет по шее, так она десятью перекинулась» (т. е. десять раз перевернулась при падении)! В деловой переписке с Матюшкиным царь не упускает сообщать ему и такую малую, например, новость: «Да на нашем стану в селе Таинском новый сокольник Мишка Семенов сидел у огня да, вздремав, упал в огонь, и ево из огня вытащили, немного не сгорел, а как в огонь упал, и того он не слыхал». Во время морового поветрия 1654—1655 гг. царь уезжал от своей

семьи на войну и очень беспокоился о своих родных. «Да для Христа, государыни мои, оберегайтесь от заморнова ото всякой вещи,— писал он своим сестрам,— не презрите прошения нашего!» Но в то самое время, когда война и мор, казалось, сполна занимали ум Алексея Михайловича и он своим близким с тоскою в письмах «от мору велел опасатца», он не удержался, чтобы не описать им поразившее его в Смоленске весеннее половодье. «Да буди нам ведомо,— пишет он,— на Днепре был мост 7 сажен над водою; и на Фоминой неделе прибыло столько, что уже с мосту черпают воду; а чаю, и поиметь (мост)»... Рассказывают, будто бы однажды в докладе царю из кормового дворца было указано, что квасы, которые там варили на царский обиход, не удались: один сорт кваса вышел так плох, что разве только стрельцам споить. Алексей Михайлович обиделся за своих стрельцов и на докладе раздраженно указал докладчику: «Сам выпей!»

Мудрено ли, что такой живой и восприимчивый человек, как царь Алексей, мог быть очень вспыльчив и подвижен на гнев. Несмотря на внешнее добродушие и действительную доброту, Алексей Михайлович по живости духа нередко давал волю своему неудовольствию, гневался, бранился и даже дирался. Мы видели, как он бранил «сиротину» монаха за его грубые претензии. Почти так же доставалось от «гораздо тихаго» царя и людям высших чинов и более высокой породы. В 1658 г., недовольный князем Ив. Ан. Хованским за его местническое высокомерие и за ссору с Аф. Лавр. Ординым-Нащокиным, Алексей Михайлович послал сказать ему царский выговор с такими, между прочим, выражениями: «Тебя, князя Ивана, взыскал и выбирал за эту службу великий государь, а то тебя всяк называл дураком, и тебе своею службою возноситься не надобно; ...великий государь велел тебе сказать имянно, что за непослушание и за Афанасия (Ордина-Нащокина) тебе и всему роду твоему быть разорену». В другой раз (1660 г.), сообщая Матюшкину о поражении этого своего «избранника» князя Хованского-Тараруя, царь виною поражения выставлял «ево беспутную дерзость» и с горем признавался, что из-за военных тревог сам он «не ходил на поле тешиться июня с 15 числа июля по 5 число, и птичей промысл поизмешался»*. Несмотря, однако, на беспутную дерзость и «дурость» князя Хованского, Алексей Михайлович продолжал его держать у дел до самой своей кончины: вероятно, «тарaруй» (т. е. болтун) и «дурак» обладал и положительными деловыми качествами. (Надобно вспомнить, что в ужасные дни стрелецкого бунта 1682 г. правительство решилось поставить именно этого тараруя во главе Стрелецкого приказа.) Еще крепче, чем Хованскому, писал однажды царь Алексей Михайлович «врагу креста Христова и новому Ахитофелу князь Григорью Ромодановскому». За малую, по-видимому, вину (не отпустил

---

* *Бартенев*, стр. 65.

вовремя солдат к воеводе С. Змееву) царь послал ему такие укоры: «Воздаст тебе Господь Бог за твою к нам, великому государю, прямую сатанинскую службу!... И ты дело Божие и наше государево потерял, потеряет тебя самого Господь Бог!... И сам ты, треокаянный и бесславный ненавистник рода христианского — для того, что людей не послал,— и нам верный изменник и самого истинного сатаны сын и друг диаволов, впадешь в бездну преисподнюю из неяже никто не возвращался... Вконец ведаем, завистниче и верный наш непослушниче, как то дело ухищренным и злопронырливым умыслом учинил; а товарища твоего, дурака и худого князишка, пытать велим, а страдника Климку велим повесить. Бог благословил и предал нам, государю, править и рассуждать люди свои на востоке и на западе и на юге и на севере вправду; и мы Божии дела и наши государевы на всех странах полагаем — смотря по человеку, а не всех стран дела тебе одному, ненавистнику, делать, для того: невозможно естеству человеческому на все страны делать, один бес на все страны мещется!...» Но, отругав на этот раз князя Гр. Гр. Ромодановского, царь в другое время шлет ему милостивое «повеление» в виде виршей:

«Рабе Божий! дерзай о имени Божии
И уповай всем сердцем: подаст Бог победу!
И любовь и совет великой имеей с Брюховецким.
А себя и людей Божиих и наших береги крепко» и т. д.

Стало быть, и Ромодановский, как Хованский, не всегда казался царю достойным хулы и гнева. Вспыльчивый и бранчливый, Алексей Михайлович был, как видим, в своем гневе непостоянен и отходчив, легко и искренно переходя от брани к ласке. Даже тогда, когда раздражение государя достигало высшего предела, оно скоро сменялось раскаянием и желанием мира и покоя. В одном заседании Боярской думы, вспыхнув от бестактной выходки своего тестя боярина И. Д. Милославского, царь изругал его, побил и пинками вытолкал из комнаты. Гнев царя принял такой крутой оборот, конечно, потому, что Милославского по его свойствам и вообще нельзя было уважать. Однако добрые отношения между тестем и зятем от того не испортились: оба они легко забыли происшедшее. Серьезнее был случай со старым придворным человеком, родственником царя по матери, Родионом Матвеевичем Стрешневым, о котором Алексей Михайлович был высокого мнения. Старик отказался, по старости, от того, чтобы вместе с царем «отворить» себе кровь. Алексей Михайлович вспылил, потому что отказ представился ему высокоумием и гордостью,— и ударил Стрешнева. А потом он не знал, как задобрить и утешить почитаемого им человека, просил мира и слал ему богатые подарки.

Но не только тем, что царь легко прощал и мирился, доказывается его душевная доброта. Общий голос современников

называет его очень добрым человеком. Царь любил благотворить. В его дворце, в особых палатах, на полном царском иждивении жили так называемые «верховые (т. е. дворцовые) богомольцы», «верховые нищие» и «юродивые». «Богомольцы были древние старики, почитаемые за старость и житейский опыт, за благочестие и мудрость. Царь в зимние вечера слушал их рассказы про старое время о том, что было «за тридцать и за сорок лет и больши». Он покоил их старость так же, как чтил безумие, Христа ради, юродивых, делавшее их неумытными и бесстрашными обличителями и пророками в глазах всего общества того времени. Один из таких юродивых, именно, Василий Босой, или «Уродивый», играл большую роль при царе Алексее как его советник и наставник. О «брате нашем Василии» не раз встречаются почитательные упоминания в царской переписке. Опекая подобный люд при жизни, царь устраивал «богомольцам» и «нищим» торжественные похороны после их кончины и в их память учреждал «кормы» и раздавал милостыню по церквам и тюрьмам. Такая же милостыня шла от царя и по большим праздникам; иногда он сам обходил тюрьмы, раздавая подаяние «несчастным». В особенности перед «великим» или «светлым» днем Св. Пасхи, на «страшной» неделе, посещал царь тюрьмы и богадельни, оделял милостыней и нередко освобождал тюремных «сидельцев», выкупал неоплатных должников, помогал неимущим и больным. В обычные для той эпохи рутинные формы «подачи» и «корма» нищим Алексей Михайлович умел внести сознательную стихию любви к добру и людям.

Не одна нищета и физические страдания трогали царя Алексея Михайловича. Всякое горе, всякая беда находили в его душе отклик и сочувствие. Он был способен и склонен к самым теплым и деликатным дружеским утешениям, лучше всего рисующим его глубокую душевную доброту. В этом отношении замечательны его знаменитые письма к двум огорченным отцам: князю Никите Ивановичу Одоевскому и Афанасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину об их сыновьях. У кн. Одоевского умер внезапно его «первенец», взрослый сын князь Михаил, в то время, когда его отец был в Казани. Царь Алексей сам особым письмом известил отца о горькой потере. Он начал письмо похвалами почившему, причем выразил эти похвалы косвенно — в виде рассказа о том, как чинно и хорошо обходились князь Михаил и его младший брат князь Федор с ним, государем, когда государь был у них в селе Вешнякове. Затем царь описал легкую и благочестивую кончину князя Михаила: после причастия он «как есть уснул; отнюдь рыдания не было, ни терзания». Светлые тоны описания здесь взяты были, разумеется, нарочно, чтобы смягчить первую печаль отца. А потом следовали слова утешения, пространные, порой прямо нежные слова. В основе их положена та мысль, что светлая кончина человека без страданий, «в добродетели и в покаянии добре», есть милость Господня,

которой следует радоваться даже и в минуты естественного горя. «Радуйся и веселися, что Бог совсем свершил, изволил взять с милостию своею; и ты принимай с радостию сию печаль, а не в кручину себе и не в оскорбление». «Нельзя, что не поскорбеть и не прослезиться,— и прослезиться надобно, да в меру, чтоб Бога наипаче не прогневать!» Не довольствуясь словесным утешением, Алексей Михайлович пришел на помощь Одоевским и самым делом: принял на себя и похороны. «На все погребальные я послал,— пишет он,— сколько Бог изволил, потому что впрямь узнал и проведал про вас, что опричь Бога на небеси, а на земли опричь меня, ни у ково у вас нет» *. В конце утешительного послания царь своеручно прописал последние ласковые слова: «Князь Никита Иванович! не оскорбляйся, токмо уповай на Бога и на нас будь надежен!»

Горе А. Л. Ордина-Нащокина, по мнению Алексея Михайловича, было горше, чем утрата кн. Н. И. Одоевского. По словам царя, «тебе, думному дворянину, больше этой беды вперед уже не будет: больше этой беды на свете не бывает!» У Ордина-Нащокина убежал за границу сын, по имени Воин, и убежал, как изменник, во время служебной поездки с казенными деньгами, «со многими указами о делах и с ведомостями». На просьбу пораженного отца об отставке царь послал ему «от нас, великаго государя, милостивое слово». Это слово было не только милостиво, но и трогательно. После многих похвальных эпитетов «христолюбцу и миролюбцу, нищелюбцу и трудолюбцу» Афанасию Лаврентьевичу царь тепло говорит о своем сочувствии не только ему, Афанасию, но и его супруге в «их великой скорби и туге». Об отставке своего «добраго ходатая и желателя» он не хочет и слышать, потому что не считает отца виновным в измене сына. Царь и сам доверял изменнику, как доверял ему отец: «Будет тебе, верному рабу Христову и нашему, сына твоего дурость ставить в ведомство и соглашение твое ему! и он, простец, и у нас, великаго государя, тайно был, и не по одно время, и о многих делах с ним к тебе приказывали, а такова простоумышленнаго яда под языком его не видали!» Царь даже пытается утешить отца надеждой на возвращение не изменившего якобы, а только увлекшегося юноши. «А тому мы, великий государь, не подивляемся, что сын твой сплутал: знатно то, что с малодушия то учинил. Он человек молодой, хощет создания Владычня и творения руку Его видеть на сем свете; якоже и птица летает семо и овамо и, полетав довольно, паки ко гнезду своему прилетает: так и сын ваш вспомянет гнездо свое телесное, наипаче же душевное привязание от Святого Духа во святой купели, и к вам вскоре возвратится!» Какая доброта и какой такт диктовали эти золотые слова утешения в беде, больше которой «на

---

* Это место письма имеет, по-видимому, какой-то особый смысл. Семья этих князей Одоевских далеко не была бедна.

свете не бывает!» И царь оказался прав: Афанасьев «сынишка Войка» скоро вернулся из дальних стран во Псков, а оттуда в Москву, и Алексей Михайлович имел утешение написать Аф. Л. Ордину-Нащокину, что за его верную и радетельную службу он пожаловал сына его, вины отдал, велел свои очи видеть и написать по московскому списку с отпуском на житье в отцовские деревни.

Живая, впечатлительная, чуткая и добрая натура Алексея Михайловича делала его очень способным к добродушному веселью и смеху. Склонностью к юмору он напоминает своего гениального сына Петра; оба они любили пошутить и словом и делом. Среди писем к Матюшкину есть одно, написанное «тарабарски», нелегким для чтения шифром и сочиненное только затем, чтобы подразнить Матюшкина шутливым замечанием, что когда его нет, то некому царя покормить плохим хлебом «с закалою». «А потом буди здрав»,— милостиво заключает царь свой намек на какую-то кулинарную оплошность его любимца. Другое письмо к Матюшкину все сплошь игриво. Царь пишет из «похода» и начинает поручением устроить маленький обман его сестер-царевен: «Нарядись в ездовое (дорожное) платье да съезди к сестрам, будто ты от меня приехал, да спрошай о здоровьи». Матюшкину, стало быть, приказано просто лгать царевнам, что он лично прибыл в Москву из того подмосковного «потешного» села, где тогда жил государь. Вслед за этйм поручением царь Алексей сообщает Матюшкину: «Тем утешаюся, что столников беспрестани купаю ежеутрь в пруде... за то: кто не поспеет к моему смотру, так того и купаю!» Очевидно, эта утеха не была жестокой, так как стольники на нее видимо напрашивались сами. Государь после купанья в отличие звал их к своему столу: «У меня купальщики те ядят вдоволь,— продолжает царь Алексей,— а иные говорят: мы де нароком не поспеем, так де и нас выкупают да и за стол посадят. Многие нароком не поспевают». Так тешился «гораздо тихий» царь, как бы преобразуя этим невинным купаньем стольников жестокие издевательства его сына Петра над вольными и невольными собутыльниками. Само собой приходит на ум и сравнение известной «книги, глаголемой Урядник сокольничья пути» царя Алексея с не менее известными церемониалами «всешутейшего собора» Петра Великого. Насколько «потеха» отца благороднее «шутовства» сына, и насколько острый цинизм последнего ниже целомудренной шутки Алексея Михайловича! Свой шутливый охотничий обряд, «чин» производства рядового сокольника в начальные, царь Алексей обставил нехитрыми символическими действиями и тарабарскими формулами, которые по наивности и простоте немногого стоят, но в основе которых лежит молодой и здоровый охотничий энтузиазм и трогательная любовь к красоте птичьей природы. Тогда как у царя Петра служение Бахусу и Ивашке Хмельницкому приобретало характер культа, в «Уряднике» царя Алексея

«пьянство» сокольника было показано в числе вин, за которые «безо всякие пощады быть сосланы на Лену». Разработав свой «потешный» чин производства в сокольники и отдав в нем дань своему веселью, царь Алексей своеручно написал на нем характерную оговорку: «Правды же и суда и милостивыя любви и ратнаго строя николиже позабывайте: делу время и потехе час!» Уменье соединять дело и потеху заметно у царя Алексея и в том отношении, что он охотно вводил шутку в деловую сферу. В его переписке не раз встречаем юмор там, где его не ждем. Так, сообщая в 1655 г. своему любимцу «верному и избранному» стрелецкому голове А. С. Матвееву разного рода деловые вести, Алексей Михайлович, между прочим, пишет: «Посланник приходил от шведскаго Карла короля, думный человек, а имя ему Уддеудла. Таков смышлен: и купить его, то дорого дать что полтина, хотя думный человек; мы, великий государь, в десять лет впервые видим такого глупца посланника!» Насмешливо отозвавшись вообще о ходах шведской дипломатии, царь продолжает: «Тако нам, великому государю, то честь, что король прислал обвестить посланника, а и думнаго человека. Хотя и глуп, да что же делать? така нам честь!» В 1656 г. в очень серьезном письме сестрам из Кокенгаузена царь сообщал им подробности счастливого взятия этого крепкого города и не удержался от шутливо-образного выражения: «А крепок безмерно: ров глубокой — меншей брат нашему Кремлевскому рву; а крепостию — сын Смоленску граду: ей, чрез меру крепок!» Частная, неделовая переписка Алексея Михайловича изобилует такого рода шутками и замечаниями. В них нет особого остроумия и меткости, но много веселого благодушия и наклонности посмеяться.

Такова была природа царя Алексея Михайловича, впечатлительная и чуткая, живая и мягкая, общительная и веселая. Эти богатые свойства были в духе того времени обработаны воспитанием. Алексея Михайловича приучили к книге и разбудили в нем умственные запросы. Склонность к чтению и размышлению развила светлые стороны натуры Алексея Михайловича и создала из него чрезвычайно привлекательную личность. Он был один из самых образованных людей московского общества того времени: следы его разносторонней начитанности, библейской, церковной и светской, разбросаны во всех его произведениях. Видно, что он вполне овладел тогдашней литературой и усвоил себе до тонкости книжный язык. В серьезных письмах и сочинениях он любит пускать в ход цветистые книжные обороты, но, вместе с тем, он не похож на тогдашних книжников-риторов, для красоты формы жертвовавших ясностью и даже смыслом. У царя Алексея продуман каждый его цветистый афоризм, из каждой книжной фразы смотрит живая и ясная мысль. У него нет пустословия: все, что он прочел, он продумал; он, видимо, привык размышлять, привык свободно и легко высказывать то, что надумал, и говорил

притом только то, что думал. Поэтому его речь всегда искренна и полна содержания. Высказывался он чрезвычайно охотно, и потому его умственный облик вполне ясен.

Чтение образовало в Алексее Михайловиче очень глубокую и сознательную религиозность. Религиозным чувством он был проникнут весь. Он много молился, строго держал посты и прекрасно знал все церковные уставы. Его главным духовным интересом было спасение души. С этой точки зрения он судил и других. Всякому виновному царь при выговоре непременно указывал, что он своим проступком губит свою душу и служит сатане. По представлению, общему в то время, средство ко спасению души царь видел в строгом последовании обрядности и поэтому сам очень строго соблюдал все обряды. Любопытно прочесть записки дьякона Павла Алеппского, который был в России в 1655 г. с патриархом Макарием Антиохийским и описал нам Алексея Михайловича в церкви среди клира. Из этих записок всего лучше видно, какое значение придавал царь обрядам и как заботливо следил за точным их исполнением. Но обряд и аскетическое воздержание, к которому стремились наши предки, не исчерпывали религиозного сознания Алексея Михайловича. Религия для него была не только обрядом, но и высокой нравственной дисциплиной: будучи глубоко религиозным, царь думал вместе с тем, что не грешит, смотря комедию и лаская немцев. В глазах Алексея Михайловича театральное представление и общение с иностранцами не были грехом и преступлением против религии, но совершенно позволительным новшеством, и приятным, и полезным. Однако при этом он ревниво оберегал чистоту религии и, без сомнения, был одним из православнейших москвичей; только его ум и начитанность позволяли ему гораздо шире понимать православие, чем понимало его большинство его современников. Его религиозное сознание шло, несомненно, дальше обряда: он был философ-моралист, и его философское мировоззрение было строго-религиозным. Ко всему окружающему он относился с высоты своей религиозной морали, и эта мораль, исходя из светлой, мягкой и доброй души царя, была не сухим кодексом отвлеченных нравственных правил, суровых и безжизненных, а звучала мягким, прочувственным, любящим словом, сказывалась полным ясного житейского смысла теплым отношением к людям. Склонность к размышлению и наблюдению, вместе с добродушием и мягкостью природы, выработали в Алексее Михайловиче замечательную для того времени тонкость чувства, поэтому и его мораль высказывалась иногда поразительно хорошо, тепло и симпатично, особенно тогда, когда ему приходилось кого-нибудь утешать. Высокий образец этой трогательной морали представляет упомянутое выше письмо царя к князю Ник. Ив. Одоевскому о смерти его старшего сына, князя Михаила. В этом письме ясно виден человек чрезвычайно деликатный, умеющий

любить и понимать нравственный мир других, умеющий и говорить, и думать, и чувствовать очень тонко. Та же тонкость понимания и способность дать нравственную оценку своему положению и своим обязанностям сказывается в замечательном «статейном списке», или письме Алексея Михайловича к Никону, митрополиту Новгородскому, с описанием смерти патриарха Иосифа. Вряд ли Иосиф пользовался действительно любовью царя и имел в его глазах большой нравственный авторитет. Но царь считал своей обязанностью чтить святителя и относиться к нему с должным вниманием, поэтому он окружил больного патриарха своими заботами, посещал его, присутствовал даже при его агонии, участвовал в чине его погребения и лично самым старательным образом переписал «келейную казну» патриарха, «с полторы недели ежедень ходил» в патриаршие покои как душеприказчик. Во всем этом Алексей Михайлович и дает добровольный отчет Никону, предназначенному уже в патриархи всея Руси. Надобно прочитать сплошь весь царский «статейный список», чтобы в полной мере усвоить его своеобразную прелесть. Описание последней болезни патриарха сделано чрезвычайно ярко с полной реальностью, причем царь сокрушается, что упустил случай по московскому обычаю напомнить Иосифу о необходимости предсмертных распоряжений. «И ты меня, грешнаго, прости (пишет он Никону), что яз ему не воспомянул о духовной и кому душу свою прикажет». Царь пожалел пугать Иосифа, не думая, что он уже так плох: «Мне молвить про духовную-то, и помнит: вот де меня избывает!» Здесь личная деликатность заставила царя Алексея отступить от жестокого обычая старины, когда и самим царям в болезни их дьяки поминали «о духовной». Умершего патриарха вынесли в церковь, и царь пришел к его гробу в пустую церковь в ту минуту, когда можно было глазом видеть процесс разложения в трупе («безмерно пухнет», «лицо розно пухнет»). Царь Алексей испугался: «И мне прииде,— пишет он,— помышление такое от врага: побеги де ты вон, тотчас де тебя, вскоча, удавит!.. И я, перекрестясь, да взял за руку его, света, и стал целовать, а во уме держу то слово: от земли создан, и в землю идет; чего боятися?.. Тем себя и оживил, что за руку-то его с молитвой взял!» Во время погребения патриарха случился грех: «Да такой грех, владыка святый: погребли без звону!.. а прежних патриархов с звоном погребали». Лишь сам царь вспомнил, что надо звонить, так уже стали звонить после срока. Похоронив патриарха, Алексей Михайлович принялся за разбор личного имущества патриаршего с целью его благотворительного распределения; кое-что из этого имущества царь и распродал. Самому царю нравились серебряные «суды» (посуда) патриарха, и он, разумеется, мог бы их приобрести для себя: было бы у него столько денег, «что и вчетверо цену-то дать», по его словам. Но государя удержало очень благородное соображение: «Да и в том меня, владыко святый, прости (пишет

царь Никону): немного и я не покусился иным судам, да милостию Божиею воздержался и вашими молитвами святыми. Ей-ей, владыко святый, се от Бога грех, се от людей зазорно, а се какой я буду прикащик: самому мне (суды) имать, а деньги мне платить себе ж?!» Вот с какими чертами душевной деликатности, нравственной щекотливости и совестливости выступает перед нами самодержец XVII в., боящийся греха от Бога и зазора от людей и подчиняющий христианскому чувству свой суеверный страх!

То же чувство деликатности, основанной на нравственной вдумчивости, сказывается в любопытнейшем выговоре царя воеводе князю Юрию Алексеевичу Долгорукому. Долгорукий в 1658 г. удачно действовал против Литвы и взял в плен гетмана Гонсевского. Но его успех был следствием его личной инициативы: он действовал по соображению с обстановкой, без спроса и ведома царского. Мало того, он почему-то не известил царя вовремя о своих действиях и главным образом об отступлении от Вильны, которое в Москве не одобрили. Выходило так, что за одно надлежало Долгорукого хвалить, а за другое порицать. Царь Алексей находил нужным официально выказать недовольство поведением Долгорукого, а неофициально послал ему письмо с мягким и милостивым выговором. «Похваляем тебя без вести (т. е. без реляции Долгорукого) и жаловать обещаемся»,— писал государь, но тут же добавлял, что эта похвала частная и негласная: «И хотим с милостивым словом послать и с иною нашею государевою милостию, да нельзя послать: отписки от тебя нет, неведомо, против чего писать тебе!» Объяснив, что Долгорукий сам себе устроил «бесчестье», царь обращается к интимным упрекам: «Ты за мою, просто молвить, милостивую любовь ни одной строки не писывал ни о чем! Писал к друзьям своим, а те — ей, ей! — про тебя же переговаривают да смеются, как ты торопишься, как и иное делаешь ... Чаю, что князь Никита Иванович (Одоевский) тебя подбил; и его было слушать напрасно: ведаешь сам, какой он промышленник! послушаешь, как про него поют на Москве»... Но одновременно с горькими укоризнами царь говорит Долгорукому и ласковые слова: «Тебе бы о сей грамоте не печалиться: любя тебя пишу, а не кручинясь; а сверх того сын твой скажет, какая немилость моя к тебе и к нему! ... Жаль конечно тебя: впрямь Бог хотел тобою всякое дело в совершение не во многие дни привести... да сам ты от себя потерял!» В заключение царь жалует Долгорукого тем, что велит оставить свой выговор втайне: «А прочтя сию нашу грамоту и запечатав, прислать ее к нам с тем же, кто к тебе с нею приедет». Очень продуманно, деликатно и тактично это желание царя Алексея добрым интимным внушением смягчить и объяснить официальное взыскание с человека, хотя и заслуженного, но формально провинившегося.

Во всех посланиях царя Алексея Михайловича, подобных приведенному, где царю приходилось обсуждать, а иногда

и осуждать поступки разных лиц, бросается в глаза одна любопытная черта. Царь не только обнаруживает в себе большую нравственную чуткость, но он умеет и любит анализировать: он всегда очень пространно доказывает вину, объясняет, против кого и против чего именно погрешил виновный и насколько сильно и тяжко его прегрешение. Характернейший образец подобных рассуждений находим в его обращении к князю Григорию Семеновичу Куракину с выговором за то, что он (в 1668 г.) не поспешил на выручку гарнизонам Нежина и Чернигова. Царь упрекнул Куракина в недомыслии, в том, что он «притчею не промыслит, что будет» вследствие его промедления. «То будет (объясняет царь воеводе): первое — Бога прогневает... и кровь напрасно многую прольет; второе — людей потеряет и страх на людей наведет и торопость, третье — от великаго государя гнев примет; четвертое — от людей стыд и срам, что даром людей потерял; пятое — славу и честь, на свете Богом дарованную, непристойным делом... отгонит от себя и вместо славы укоризны всякия и неудобные переговоры восприимет. И то все писано к нему, боярину (заключает Алексей Михайлович), хотя добра святой и восточной церкви и чтобы дело Божие и его государево свершалось в добром полководстве, а его, боярина, жалуя и хотя ему чести и жалея его старости!» Наблюдения над такими словесными упражнениями приводят к мысли, что царь Алексей много и основательно размышлял. И это размышление состояло не в том только, что в уме Алексея Михайловича послушно и живо припоминались им читанные тексты и чужие мысли, подходящие внешним образом к данному времени и случаю. Умственная работа приводила его к образованию собственных взглядов на мир и людей, а равно и общих нравственных понятий, которые составляли его собственное философско-нравственное достояние. Конечно, это не была система мировоззрения в современном смысле; тем не менее в сознании Алексея Михайловича был такой отчетливый моральный строй и порядок, что всякий частный случай ему легко было подвести под его общие понятия и дать ему категорическую оценку. Нет возможности восстановить в общем содержании и системе этот душевный строй, прежде всего потому, что и сам его обладатель никогда не заботился об этом. Однако для примера укажем хотя бы на то, что, исходя из религиозно-нравственных оснований, Алексей Михайлович имел ясное и твердое понятие о происхождении и значении царской власти в Московском государстве как власти богоустановленной и назначенной для того, чтобы «рассуждать людей вправду» и «беспомощным помогать». Уже были выше приведены слова царя Алексея князю Гр. Гр. Ромодановскому: «Бог благословил и предал нам, государю, править и рассуждать люди своя на востоке и на западе и на юге и на севере вправду». Для царя Алексея

это была не случайная красивая фраза, а постоянная твердая формула его власти, которую он сознательно повторял всегда, когда его мысль обращалась на объяснение смысла и цели его державных полномочий. В письме к князю Н. И. Одоевскому, например, царь однажды помянул о том, «как жить мне, государю, и вам, боярам», и на эту тему писал: «А мы, великий государь, ежедневно просим у Создателя ... чтобы Господь Бог... даровал нам, великому государю, и вам, боярам, с нами единодушно люди Его, Световы, рассудити вправду, всем равно». Взятый здесь пример имеет цену в особенности потому, что для историка в данном случае ясен источник тех фраз царя Алексея, в которых столь категорически нашла себе определение, впервые в Московском государстве, идея державной власти. Свои мысли о существе царского суждения Алексей Михайлович черпал, по-видимому, из чина царского венчания или же непосредственно из главы 9-й Книги Премудрости Соломона. Не менее знаменательным кажется и отношение царя к вопросу о внешнем принуждении в делах веры. С заметной твердостью и смелостью мысли, хотя и в очень сдержанных фразах, царь пишет по этому вопросу митрополиту Никону, которого авторитет он ставил в те годы необыкновенно высоко. Он просит Никона не томить в походе монашеским послушанием сопровождавших его светских людей, «не заставливай у правила стоять: добро, государь владыко святый, учить премудра — премудрее будет, а безумному — мозолие ему есть!». Он ставит Никону на вид слова одного из его спутников, что Никон «никого де силою не заставит Богу веровать». При всем почтении к митрополиту, «не в пример святу мужу», Алексей Михайлович видимо разделяет мысли не согласных с Никоном и терпевших от него подневольных постников и молитвенников. Нельзя силой заставить Богу веровать — это по всей видимости убеждение самого Алексея Михайловича.

При постоянном религиозном настроении и напряженной моральной вдумчивости Алексей Михайлович обладал одной симпатичной чертой, которая, казалось бы, мало могла уживаться с его аскетизмом и наклонностью к отвлеченному наставительному резонерству. Царь Алексей был весьма эстетичен — в том смысле, что любил и понимал красоту. Его эстетическое чувство сказывалось ярче всего в страсти к соколиной охоте, а позже — к сельскому хозяйству. Кроме прямых ощущений охотника и обычных удовольствий охоты с ее азартом и шумным движением, соколиная потеха удовлетворяла в царе Алексее и чувству красоты. В «Уряднике сокольничья пути» он очень тонко рассуждает о красоте разных охотничьих птиц, о прелести птичьего лета и удара, о внешнем изяществе своей охоты. Для него «его государевы *красныя* и славные птичьи охоты» урядство или порядок «уставляет и объявляет красоту и удивление»; высокого сокола лет — «*красносмотрителен* и радостен»; копцова (т. е. копчика)

добыча и лет — *«добровиден».* Он следит за красотой сокольничьего наряда и оговаривает, чтобы нашивка на кафтанах была «золотная» или серебряная: «к какому цвету какая пристанет»; требует, чтобы сокольник держал птицу «подъявительно к видению человеческому и ко *красоте* кречатьей», т. е. так, чтобы ее рассмотреть было удобно и красиво. Элемент красоты и изящества вообще играет не последнюю роль в «урядстве» всего охотничьего чина царя Алексея. То же чувство красоты заставляло царя увлекаться внешним благочестием церковного служения и строго следить за ним, иногда даже нарушая его внутреннюю чинность для внешней красоты. В записках Павла Алеппского можно видеть много примеров тому, как царь распоряжался в церкви, наводя порядок и красоту в такие минуты, когда, по нашим понятиям, ему надлежало бы хранить молчание и благоговение. Не только церковные церемонии, но и парады придворные и военные необыкновенно занимали Алексея Михайловича с точки зрения «чина» и «урядства», т. е. внешнего порядка, красоты и великолепия. Он, например, с чрезвычайным усердием устраивал смотры и проводы своим войскам перед первым литовским походом, обставлял их торжественным и красивым церемониалом. Большой эстетический вкус царя сказывался в выборе любимых мест: кто знает положение Саввина-Сторожевского монастыря в Звенигороде, излюбленного царем Алексеем Михайловичем, тот согласится, что это одно из красивейших мест всей Московской губернии; кто был в селе Коломенском, тот помнит, конечно, тамошние прекрасные виды с высокого берега Москвы-реки. Мирная красота этих мест — обычный тип великорусского пейзажа — так соответствует характеру «гораздо тихаго» царя.

Соединение глубокой религиозности и аскетизма с охотничьими наслаждениями и светлым взглядом на жизнь не было противоречием в натуре и философии Алексея Михайловича. В нем религия и молитва не исключали удовольствий и потех. Он сознательно позволял себе свои охотничьи и комедийные развлечения, не считал их преступными, не каялся после них. У него и на удовольствия был свой особый взгляд. «И зело потеха сия полевая утешает сердца печальныя,— пишет он в наставлении сокольникам.— Будите охочи, забавляйтеся, утешайтеся сею доброю потехою... да не одолеют вас кручины и печали всякия». Таким образом, в сознании Алексея Михайловича охотничья потеха есть противодействие печали, и подобный взгляд на удовольствия не случайно соскользнул с его пера: по мнению царя, жизнь не есть печаль, и от печали нужно лечиться, нужно гнать ее — так и Бог велел. Он просит Одоевского не плакать о смерти сына: «Нельзя, что не поскорбеть и не прослезиться, и прослезиться надобно — да в меру, чтобы Бога наипаче не прогневать». Но если жизнь — не тяжелое, мрачное испытание, то она для царя Алексея и не сплошное наслаждение. Цель жизни — спасение

души, и достигается эта цель хорошей благочестивой жизнью; а хорошая жизнь, по мнению царя, должна проходить в строгом порядке: в ней все должно иметь свое место и время; царь, говоря о потехе, напоминает своим сокольникам: «Правды же и суда и милостивые любве и ратнаго строя николиже позабывайте: делу время и потехе час». Таким образом, страстно любимая царем Алексеем забава для него все-таки только забава и не должна мешать делу. Он убежден, что во все, что бы ни делал человек, нужно вносить порядок, «чин». «Хотя и мала вещь, а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна,— никто же зазрит, никто же похулит, всякий похвалит, всякий прославит и удивится, что в малой вещи честь и чин и образец положен по мере». Чин и благоустройство для Алексея Михайловича — залог успеха во всем. «Без чина же всякая вещь не утвердится и не укрепится; бесстройство же теряет дело и восставляет безделье»,— говорит он. Поэтому царь Алексей Михайлович очень заботится о порядке во всяком большом и малом деле. Он только тогда бывал счастлив, когда на душе у него было светло и ясно, и кругом все было светло и спокойно, все на месте, все по чину. Об этом-то внутреннем равновесии и внешнем порядке более всего заботился царь Алексей, мешая дело с потехой и соединяя подвиги строгого аскетизма с чистыми и мирными наслаждениями. Такая непрерывно владевшая царем Алексеем забота позволяет сравнить его (хотя аналогия здесь может быть лишь очень отдаленная) с первыми эпикурейцами, искавшими своей «атараксии», безмятежного душевного равновесия, в разумном и сдержанном наслаждении.

До сих пор царь Алексей Михайлович был обращен к нам своими светлыми сторонами, и мы ими любовались. Но были же и тени. Конечно, надо счесть показным и неискренним «смирением паче гордости» тот отзыв, какой однажды дал сам о себе царь Никону: «А про нас, изволишь ведать, и мы, по милости Божии и по вашему святительскому благословению, как есть истинный царь христианский наричюся, а по своим злым мерзким делам недостоин и во псы — не токмо в цари!» Злых и мерзких дел за царем Алексеем современники не знают; однако иногда они бывали им недовольны. В годы его молодости, в эпоху законодательных работ над Уложением (1649 г.), настроение народных масс было настолько неспокойно, что многие давали волю языку. Один из озлобленных реформами уличных озорников Савинка Корепин болтал на Москве про юного государя, что царь «глядит все изо рта у бояр Морозова и Милославскаго: они всем владеют, и сам государь все это знает да молчит». Мысль, что царь «глядит изо рта» у других, мелькает и позднее. В поведении Коломенского архиепископа Иосифа (1660—1670 гг.) вскрывались не раз его беспощадные отзывы о царе Алексее и боярах. Иосиф говаривал про великого государя, что «не умеет в царстве никакой расправы сам собою чинить, люди им владеют», а про

бояр — что «бояре — Хамов род, государь того и не знает, что они делают». В минуты большого раздражения Иосиф обзывал Алексея Михайловича весьма презрительными бранными словами, которых общий смысл обличал царя в полной неспособности к делам. Встречаясь с такими отзывами, не знаешь, как следует их истолковать и как их можно примирить со многими свидетельствами о разуме и широких интересах Алексея Михайловича. «Гораздо тихий» царь был ведь тих добротой, а не смыслом; это ясно для всех, знакомых с историческим материалом. Только пристальное наблюдение открывает в натуре царя Алексея две такие черты, которые могут осветить и объяснить существовавшее недовольство им.

При всей своей живости, при всем своем уме царь Алексей Михайлович был безвольный и временами малодушный человек. Пользуясь его добротой и безволием, окружавшие не только своевольничали, но забирали власть и над самим «тихим» государем. В письмах царя есть удивительные этому доказательства. В 1652 г. он пишет Никону, что дворецкий князь Алексей Мих. Львов «бил челом об отставке». Это был возмутительный самоуправец, много лет безнаказанно сидевший в приказе Большого дворца. Царь обрадовался, что можно избавиться от Львова, и «во дворец посадил Василия Бутурлина». С наивной похвальбой он сообщает Никону: «а слово мое ныне во Дворце добре страшно, и (все) делается без замотчанья!» Стало быть, такова была наглость князя Львова, что ему не страшно казалось и царское слово, и так велика была слабость государя, что он не мог сам избавиться от своего дворецкого! После этого примера становится понятным, что около того же времени и ничтожный приказный человек Л. Плещеев мог цинично похваляться, что «про меня де ведает государь, что я зернщик (т. е. игрок)!... у меня де Москва была в руке вся, я де и боярам указывал!». В упоминании государя Плещеевым мелькает тот же намек на отсутствие страха перед государевым именем и, словом, как и в наивном письме самого государя. Любопытно, что придворные и приказные люди не только за глазами у доброго царя давали себе волю, но и в глаза ему осмеливались показывать свои настроения. В походе 1654 г. окружавшие Алексея Михайловича, по его словам в письме кн. Трубецкому, «едут с нами отнюдь не единодушием, наипаче двоедушием, как есть облака: иногда благопотребным воздухом и благонадежным и уповательным явится; иногда зноем и яростию и ненастьем всяким злохитренным и обычаем московским явятся; иногда злым отчаянием и погибель прорицают; иногда тихостью и бедностью лица своего отходят лукавым сердцем... А мне уже, Бог свидетель, каково становится от двоедушия того, отнюдь упования нет!» При отсутствии твердой воли в характере царя Алексея он не мог взять в свои руки настроение окружающих, не мог круто разделаться с виновными, прогнать самоуправца. Он мог вспыхнуть,

выбранить, даже ударить, но затем быстро сдавался и искал примирения. Он терпел князя Львова у дел, держал около себя своего плохого тестя Милославского, давал волю безмерному властолюбию Никона — потому, что не имел в себе силы бороться ни с служебными злоупотреблениями, ни с придворными влияниями, ни с сильными характерами. Не истребить зло с корнем, не убрать непригодного человека, а найти компромисс и паллиатив, закрыть глаза и спрятать, как страус, голову в куст — вот обычный прием Алексея Михайловича, результат его маловолия и малодушия. Хуже всего он чувствовал себя тогда, когда видел неизбежность вступить открыто в какое-либо неприятное дело. Малодушно он убегал от ответственных объяснений и спешил заслониться другими людьми. Сообщив Никону в письме о неудовольствиях на него, существующих среди его окружающих, царь сейчас же оговаривается: «И тебе бы, владыко святый, пожаловать — сие писание сохранить и скрыть втайне!... да будет и изволишь ему (жалобщику) говорить, и ты, владыко святый, говори от своего лица, будто к тебе мимо меня писали (о его жалобах)». Желание стать в стороне стыдит, по-видимому, самого Алексея Михайловича, и он предлагает Никону отложить объяснение с недовольным на него боярином до Москвы. «Здесь бы передо мною вы с очей на очи переведались»,— предлагает он, разумеется, в надежде, что время уничтожит остроту неудовольствий и смягчит врагов до очной ставки. Душевным малодушием доброго государя следует объяснить его вкус к письменным выговорам: за глаза можно было написать много и сильно, грозно и красиво; а в глаза бранить трудно и жалко. В глаза бранить кого-либо царю Алексею было можно только в минуты кратковременных вспышек горячего гнева, когда у него вместе с языком развязывались и руки.

Итак, слабость характера была одним из теневых свойств царя Алексея Михайловича. Другое его отрицательное свойство легче описать, чем назвать. Царь Алексей не умел и не думал работать. Он не знал поэзии и радостей труда и в этом отношении был совершенной противоположностью своему сыну Петру. Жить и наслаждаться он мог среди «малой вещи», как он называл свою охоту и как можно назвать все его иные потехи. Вся его энергия уходила в отправление того «чина», который он видел в вековом церковном и дворцовом обиходе. Вся его инициатива ограничивалась кругом приятных «новшеств», которые в его время, но независимо от него стали проникать в жизнь московской знати. Управление же государством не было таким делом, которое царь Алексей желал бы принять непосредственно на себя. Для того существовали бояре и приказные люди. Сначала за царя Алексея правил Борис Ив. Морозов, потом настала пора кн. Никиты Ив. Одоевского, за ним стал временщиком патриарх Никон, правивший не только святительские дела, но и царские; за Никоном следовали Ордин-Нащокин и Матвеев. Во всякую ми-

нуту деятельности царя Алексея мы видим около него доверенных лиц, которые правят. Царь же, так сказать, присутствует при их работе, хвалит их или спорит с ними, хлопочет о внешнем «урядстве», пишет письма о событиях — словом, суетится кругом действительных работников и деятелей. Но ни работать с ними, ни увлекать их властной волей боевого вождя он не может.

Добродушный и маловольный, подвижной, но не энергичный и не рабочий, царь Алексей не мог быть бойцом и реформатором. Между тем течение исторической жизни поставило царю Алексею много чрезвычайно трудных и жгучих задач и внутри, и вне государства: вопросы экономической жизни, законодательные и церковные, борьба за Малороссию, бесконечно трудная,— все это требовало чрезвычайных усилий правительственной власти и народных сил. Много критических минут пришлось тогда пережить нашим предкам, и все-таки бедная силами и средствами Русь успела выйти победительницей из внешней борьбы, успевала кое-как справляться и с домашними затруднениями. Правительство Алексея Михайловича стояло на известной высоте во всем том, что ему приходилось делать: являлись способные люди, отыскивались средства, неудачи не отнимали энергии у деятелей; если не удавалось одно средство — для достижения цели искали новых путей. Шла, словом, горячая, напряженная деятельность, и за всеми деятелями эпохи, во всех сферах государственной жизни видна нам добродушная и живая личность царя Алексея. Чувствуется, что ни одно дело не проходит мимо него: он знает ход войны; он желает руководить работой дипломатии; он в думу Боярскую несет ряд вопросов и указаний по внутренним делам; он следит за церковной реформой; он в деле патриарха Никона принимает деятельное участие. Он везде, постоянно с разумением дела, постоянно добродушный, искренний и ласковый. Но нигде он не сделает ни одного решительного движения, ни одного резкого шага вперед. На всякий вопрос он откликнется с полным его пониманием, не устранится от его разрешения; но от него совершенно нельзя ждать той страстной энергии, какой отмечена деятельность его гениального сына, той смелой инициативы, какой отличался Петр.

Главные моменты в истории Южной и Западной Руси в XVI—XVII веках

Западные и южные русские области, как известно, в XIII и XIV вв. стали достоянием литовских великих князей. Внешняя опасность сплотила литовское племя, подняла в нем воинственный дух и создала Литовское государство, в котором стали жить совместно и Литва, и Русь. Но это государство, созданное Литвой, становилось русским, потому что Русь преобладала над Литвой не только числом, но и культурой. Русский язык стал

господствующим в Литве, употреблялся при дворе и в законодательстве. Православие вытесняло древнюю религию Литвы безо всякой острой борьбы; женатые на русских княжнах, литовские князья были полурусскими по крови, русскими по языку и верованиям. Созданная православием и долгой исторической жизнью русская культура делала быстрые успехи среди полудиких литовцев. Словом, более образованная русская народность успешно ассимилировала себе менее образованное литовское племя.

Но Литва, вошедшая в историческую жизнь позднее всех своих соседей, поляков, немцев и Руси, чувствовала на себе не одно русское влияние. Немцы с двух сторон (тевтоны и меченосцы) крестили ее в католичество и обращали в своих рабов. Поляки, сперва враждебные, старались затем стать в союзные отношения к Литве, своему прежнему недругу, чтобы с помощью Литвы действовать против немцев, одинаково ненавистных им обоим. Средством для сближения Польши с Литвой могли служить браки литовских и польских владетелей: они и заключались. Польский король Казимир III женился на дочери Гедемина, но этот брак не имел политических последствий, зато имел их брак литовского великого князя Ягайла на королеве польской Ядвиге. Он был заключен с условием *династической унии* Литвы с Польшей под властью Ягеллонов. Инициатива этого брака и самой унии вышла не из Литвы, а из Польши. Польским панам страшны были и немцы, и Литва; от Литвы они желали получить некоторые области и союз против немцев. Династическая уния давала возможность постоянного и крепкого союза, давала надежду провести в Литву польское влияние. На этих возможностях и надеждах и была построена в польше политическая комбинация, увенчавшаяся полным успехом для Польши. В 1386 г. Ягайло стал не только королем польским, но и католиком.

Уния Литвы с Польшей заключена была на двух главных условиях: 1) внутреннее устройство и управление государств остается прежним, не зависимым от союзного государства; 2) дипломатические сношения ведутся обоими государствами сообща. Таким образом, внутренняя автономия Литвы была сохранена. И, однако, литовско-русское общество было страшно недовольно унией. Перемена религии Ягайлом, дозволение его обращать в католичество языческую Литву и другие уступки Польше вызвали резкий протест Литвы и Руси. Оскорбленное народное чувство поддержало притязания Витовта, сильнейшего удельного князя в Литве, и доставило ему полное господство над Литвой и титул великого князя литовского еще при жизни Ягайло.

Витовт довел могущество Литовского государства до высшего развития и вместе с тем положил начало его упадку. Он был весьма популярен в Литве, и католики, и православные, и язычники считали его своим. Это помогло Витовту совершить ряд подвигов, поднявших значение его государства. Но желание ладить со всеми, отсутствие ясного взгляда на значение в судьбе

Литвы католичества и Польши привели Витовта к тому, что он не смог дать отпор польскому влиянию, не сумел отгадать, на кого он должен был опираться, и в конце концов оттолкнул от себя русское население Литвы. Это обстоятельство поработило Литву Польше и обусловило падение Литвы.

В 1410 г. в Грюнвальдской битве соединенные силы Литвы и Польши сломили могущество немцев, чем и был оправдан союз этих государств. Но в 1413 г. на общем сейме Литвы и поляков в Городле решено было уже не только династическое, но и *реальное* соединение Польши с Литвой, причем особенности польского государственного строя переносились на Литву. Литовское дворянство, принявшее католицизм, получило устройство и права польской шляхты, в Литве учреждались сеймы и должности наподобие польских. Этот Городельский акт, подчинив Литву польским порядкам, не был вызван никакой политической необходимостью, не оправдывался историей. Витовт, сближаясь с Польшей, искал опоры против немцев и Руси; покровительствуя католичеству, он был прельщен королевским титулом, который мог прийти к нему только с католического Запада. Но он чувствовал, что в своем государстве, о славе которого он так заботился, он создавал почву для религиозного междоусобия, тем более опасного, что за религиозной рознью стояла рознь национальная.

После Витовта (1430) в XV и XVI вв., несмотря на Городельский акт, Литва строго оберегала свою независимость и автономию в политическом отношении. Полякам не удавалось добиться признания реальной унии от литовско-русского общества; в Литве на поляков смотрели как на иностранцев, старались иметь отдельного от них князя и неохотно допускали поляков в Литву. Католичество распространялось далеко не с той быстротой, как желали бы поляки. За русские земли — Волынь и Подолию — Литва держалась крепко и не хотела уступать их Польше. Словом, государственная уния не удавалась полякам, несмотря на то что в 1501 г. литовский князь и польский король Александр сделали решительную попытку настоять на унии. Лучше удавалось полякам культурное влияние на литовское общество. С городельского сейма в Литве привились некоторые черты польского общественного порядка. До 1413 г. устройство Литвы близко подходило к русскому: под великим князем правили удельные, вокруг них группировалась дружина, города имели вечевое устройство, крестьянство свободно передвигалось. С введением польских порядков, с 1413 г., в Литве начинает образовываться шляхта на манер польской, и среди нее распространяются католичество и польские нравы; города получают «Магдебургское право польских городов», крестьянство близится к крепостной зависимости. В Литве являются сеймы и сеймики (местные сеймы), как были они в Польше, появляются и пожизненные должности по польскому образцу: гетман (Hauptmann) — начальник войска и судья военных людей, которому были подчинены ма-

лые, или польные, гетманы; канцлер — хранитель государственной печати, государственный секретарь; подскарбий земский — министр финансов и надворный — княжеский казначей. Областями управляли воеводы, во власти которых находились все местные управители: старосты, кастеляны, державцы. Представителями шляхты и ее сеймов были маршалки: земский (представитель шляхты всего княжества), поветовый (областной) и дворной (представитель придворных княжеских дворян). Представителями городского самоуправления были войт и бурмистры: первый назначался королем из дворян, вторые избирались гражданами (мещанами) из их среды. Необходимо заметить, что рядом с городами свободными, княжескими было много городов, принадлежавших на частном праве литовской аристократии. Таким образом, с развитием польского строя в Литве дворянство получило преобладающее значение; оно постепенно закрепило за собой крестьянство и часть мещанства, над другой же его частью являлось управителем.

До второй половины XVI в. изложенное нами общественное устройство только формировалось, мало-помалу вытесняя старые русские формы быта. Более всего польскому влиянию поддавалось литовское дворянство, стремившееся занять в Литве то же положение, какое польская шляхта занимала в Польше. Но для получения польских прав дворянам нужно было стать католиками, а принятие латинства вело за собой полное ополячение. Отступление от веры возбуждало протест со стороны тех, кто оставался верен православию; стремление завладеть крестьянским трудом открывало бездну между католиком-дворянином и православным крестьянином; желание получить политические права в стране возбуждало против литовской шляхты литовскую аристократию, потомков удельных князей литовско-русских. Так польское влияние вносило в жизнь Литовско-Русского государства ряд острых антагонизмов, и могучая партия, верх и низ литовского общества, сильно противилась великому сближению с Польшей.

С первой половины XVI в. Московское государство резко поставило Литве вопрос о возвращении Москве старинных русских «отчин» — западных русских земель. Много сочувствия возбудила Москва в Литве, много западнорусских владетелей охотно переходило под власть Москвы (князья Чернигово-Северские, Новосильские, Белевские, Одоевские, Воротынские, Глинские и т. д.). Москва счастливо добывала себе земли войнами и простым принятием подданства со стороны литовской знати, уходившей от католичества и Польши. Существование Литвы подвергалось опасности; литовцы, тянувшие к Польше, крепче стали держаться польского союза. Но до унии с Польшей было еще далеко, если бы не наступили в Москве времена Грозного и не началось обратное движение княжат из Москвы в Литву.

В Москве в XVI в. развивался порядок демократический и строго монархический, и литовская знать оказалась в таком

положении, что должна была выбирать или потерю политического влияния с присоединением к Москве, или потерю религиозно-нравственной самостоятельности с присоединением к Польше. Середины не было, потому что и Польша, и Русь наступательно шли на Литву. В середине XVI в., в 60-х годах, московские войска взяли Полоцк и хозяйничали в Литве, а последний Ягеллон Сигизмунд II Август настаивал на унии с Польшей. На протест Литвы Польша отвечала угрозой оставить Литву на жертву Грозному царю. Сейм 1569 г. в Люблине полгода рассуждал об унии. Литовские послы уехали даже с сейма, но важнейшие западнорусские вельможи (князь Острожский и др.) стали за унию, и она состоялась. Власти Ивана Грозного была предпочтена потеря национальной самостоятельности.

Условия реальной унии 1569 г. были таковы: Литва и Польша сливались в одно нераздельное государство, имели одного монарха, общий сейм, общий сенат (по-литовски: рада), но особые законы, особых правительственных лиц и отдельные войска. Часть западнорусских земель (Волынь, Украйна, Подляхия) присоединялась от Литвы к Малой Польше. Поляки не считались иностранцами в Литве и имели право занимать там должности, приобретать земли. При таких условиях польские формы быта быстро переходили в Литву, литовская шляхта, не имевшая еще большого политического влияния, под давлением сильной литовской аристократии быстро достигала его на общих сеймах с поляками; крестьяне были формально закрепощены, города резче замыкались в узкие мещанские корпорации и наводнялись иноземцами, особенно евреями. Зато Польша помогла Литве против Москвы и воспрепятствовала присоединению западных русских областей к восточной Руси.

Трудно передать отчаяние части западнорусского общества, которая не сочувствовала Польше и понимала всю опасность польского гнета; говорят, что представители Литвы на коленях со слезами просили Сигизмунда Августа не губить Литвы присоединением к Польше. Однако это соединение совершилось волей короля и согласием вельмож и имело два роковых последствия для Литвы и Литовско-Польской Руси: во-первых, острую религиозную борьбу, во-вторых, острую общественную борьбу. Первая породила религиозную унию, вторая — ряд крестьянско-казацких восстаний. Обратимся к рассмотрению этих последствий.

I. Хотя актом Люблинской унии предоставлена была свобода веры, но польско-литовские государи не сочувствовали этой свободе; пока западная Русь была православной, она не могла прочно слиться с Польшей. Для слияния народностей необходимо было единство религии, и потому польское правительство желало искоренения православия. Но в его владениях развился протестантизм, зашедший из Германии и особенно радушно принятый в Литве. Для борьбы с ним в Польшу и Литву явились в 1565 г. иезуиты и с помощью правительства скоро задушили

протестантство, не успевшее еще пустить прочных корней. Когда иезуиты сладили с протестантами, они обратили свои силы на «схизматиков» — православных. Трудно решить, они ли натолкнули Стефана Батория на мысль извести греческую схизму или Стефан Баторий указал эту цель из политических видов. Интересы Польши в этом вопросе совпадали с желанием папской курии. Стефан Баторий был одновременно и дальновидным польским политиком, и верным союзником папы, желая распространения католичества на Руси.

Дело в том, что у папства в эту эпоху была вековая идея, которую папы желали ввести в общее сознание Европы,— идея крестового похода для изгнания турок из Европы. Эта идея владела и недюжинным умом Стефана Батория. План борьбы с турками одинаково прилежно разрабатывался и в Риме, и в Польше. И там, и тут полагали, что для успеха дела необходимо привлечь к нему в качестве орудия Москву, а чтобы удобнее пользоваться этим орудием, нужно было его подчинить папе. Иван Грозный высказался сочувственно о борьбе с турками, но не хотел и слышать об унии с католиками, а это делало союз его для Римской церкви ненадежным. Москве нужно было навязать католика-государя — так думали Стефан Баторий и Поссевин, считая это лучшим средством окатоличить Москву и заручиться ее помощью. Православие же в западной Руси можно, как предполагали, легко истребить и прямо.

Так широкая политическая утопия сплеталась с реальными интересами Польши и католичества в западной Руси и вызвала в ней оживленную пропаганду католичества. Иезуиты принялись за истребление православной схизмы, сперва выступив с печатным словом: появилась книга «О единстве Церкви Божьей» Петра Скарги, который проводил мысль о необходимости церковной унии с католическими догматами и православной обрядностью. Потом настала очередь и практической пропаганды. Народное образование переходило в руки иезуитов, и православное юношество воспитывалось в католических взглядах. Создавалась масса неприятностей православным во всех сферах их жизни и деятельности, от запрещения крестных ходов до простых уличных побоев. Много лиц из высшего дворянского класса прямо совращалось в католичество, и это совращение шло так успешно, что скоро в православии осталось меньшинство западнорусского дворянства.

Православные люди почувствовали опасность и поняли необходимость энергического отпора. На правительство они не могли надеяться: и в Стефане Батории, и в его преемнике Сигизмунде III они видели гонителей своей веры. Православная иерархия в западной Руси не стояла на высоте своего положения по распущенности нравов, чисто светским стремлениям и разладу в своей среде; к тому же она не имела политического значения в стране. Общество, таким образом, было представлено собственным силам.

Сперва его поддерживала западнорусская аристократия: кн. Константин Острожский, например, заводил школы и типографии для печатания православных книг и всячески заботился о поддержании православия. Но аристократия вследствие пропаганды иезуитов мало-помалу переходила в католицизм, благодаря чему получила большие политические права. С изменой аристократии борьба всей тяжестью легла на мелкий западнорусский люд. Он и вынес ее на своих плечах, пользуясь для борьбы теми средствами, какие давала ему церковная организация. Городское население западной Руси имело свои *братства* — рачителей и покровителей церкви. Они создались в условиях городского самоуправления (на «Магдебургском праве») и получили большое развитие в некоторых городах (Львов, Киев и др.). Заботясь о благосостоянии церквей, братства приняли на себя и заботу о целости и чистоте православия и привлекли к этому делу не только горожан, но и дворян, уцелевших от принятия латинства. В борьбе своей с католиками, стараясь о сохранении своей веры и развитии просвещения, об исправлении нравов, братства не могли не заметить недостатков своих иерархов. Виднейшие западнорусские братства в видах исправления иерархии получили от восточных патриархов право контроля и суда над своими архиереями (в конце XVI в.). Обороняясь от латинства, они преследовали свою иерархию и этим невольно создавали антагонизм в среде православных.

Преследование со стороны паствы сделало положение православных пастырей невозможным: их теснили и свои люди, и католики, и правительство. Не желая переделывать свою жизнь на более строгий лад, но желая приобрести лучшее положение в государстве, некоторые православные епископы задумали добиться этого путем унии с католичеством. Мысль об унии созрела в голове Луцкого епископа Кирилла Терлецкого, понравилась многим епископам и встретила поддержку у Брестского епископа Ипатия Поцея и Киевского митрополита Михаила Рагозы. Готовность к унии была заявлена королю Сигизмунду под строгой тайной, а затем Терлецкий и Поцей поехали в 1595 г. в Рим и от имени всех западнорусских епископов заявили папе готовность подчиниться его авторитету.

Когда западная Русь узнала о деле своих епископов, она не пристала к нему и готова была оружием противиться введению унии. На Варшавском сейме русские вельможи потребовали свержения епископов за самовольную унию. В западнорусской церкви произошел, таким образом, открытый раскол, который думали потушить церковным собором в Бресте осенью 1596 г.; здесь этот раскол был только оформлен: православные лишили епископов-униатов их сана, униаты же наложили проклятие на духовенство, верное православию. Уния так и не состоялась.

Но папство имело право считать и считало унию состоявшейся, потому что имело в своих руках грамоту на унию от лица всей

западнорусской иерархии. На эту точку зрения стало и польское правительство: оно рассматривало теперь православных как еретиков, ослушников своей иерархии, а также и польского правительства.

Полноправная литовско-русская религия обратилась в «презренную хлопскую схизму» (ибо исповедовалась по преимуществу низшими классами) и подлежала преследованию, которое тотчас же и началось. Православные не имели священников, богослужение совершалось в полях, ибо в городах было запрещено, детей возили крестить за 100 верст, в иных местах церкви отдавались на откуп евреям, которые облагали богослужение в них и требы произвольными поборами. Униат епископ Полоцкий Иосафат Кунцевич выбрасывал из могил православных на съедение собакам. Но и при таких условиях православные держались и отстояли за собой Киево-Печерскую лавру и митрополичью кафедру в Киеве, духовную академию (трудами Петра Могилы); добиваясь некоторых постановлений, благоприятных для православия, на сеймах, заводили школы и благотворительные учреждения. Все это были легальные способы борьбы с польско-католическим гнетом. Но были и нелегальные — восстания, в которых главная роль принадлежала казачеству.

II. Казачество на окраинах Литовско-Польского государства формировалось довольно давно. С появлением Крымской Орды на степных границах литовско-польских стали появляться вольные общины казаков, как бы пограничная милиция для борьбы с татарами. Казаки не только отбивали татарские набеги на Литву и Польшу, но и сами нападали на Крым и Турцию. Они считались подданными Литвы и Польши, но не повиновались своему государству. Их борьба с татарами вообще была полезна для государства, но их разбои на Черном море вели к крупным неприятностям для Польши со стороны Турции и Крыма. И то и другое обстоятельство заставляли польское правительство в XVI в. серьезно думать о том, чтобы забрать казаков под надзор и контроль государства. Польские власти старались образовать из казаков свои правительственные отряды и с их помощью понемногу водворить порядок на степной окраине. В то же время они поощряли шляхетскую колонизацию Украины, благодаря которой свободное население Украины — «казаки» — обращалось в «хлопов» или крепостных крестьян, и на Украине водворялся обычный для Польши общественный порядок. Благодаря мероприятиям королей XVI в., у казаков, поверстанных на службу, развилось к концу XVI столетия известное самоуправление: они выбирали гетмана, войсковую старшину (судья, писарь, полковники и др.) и разделялись на полки (округи), но в полках было лишь определенное число (600) полноправных казаков, называемых реестровыми, т. е. занесенными в списки (реестры). Остальное население Поднепровья считалось как бы простыми крестьянами. В 1590 г. против него были

приняты особые стеснительные меры с целью обуздать его своеволие; нереестровых казаков включили в хлопство и начали вместе с землями отдавать польской шляхте, селившейся в казачьей Украине. А между тем от этого самого хлопства, от усилившегося гнета Польши и панов крестьянство спасалось именно на Днепре, выходя из Польши и Литвы.

Особенности польского строя водворились в Украине после Люблинской унии в 1569 г., когда она стала польской областью. Но в то же время эти особенности стали торжествовать и во всем Литовском государстве, а в самой Польше аристократический дворянский порядок обозначался все более и более резкими чертами. Эти обстоятельства вызывали усиленное выселение недовольных людей из середины государства в южную степь, а польское правительство усиленно старалось завладеть этой степью. Таким образом, Украина переставала быть убежищем недовольных как раз тогда, когда число их возросло, и это вызвало крупные общественные беспорядки. Нереестровые казаки от панских рук уходили все южнее, ближе к татарам и образовали за порогами Днепра своеобразный оплот казачества — *Сечь Запорожскую*. Там окрепла казаческая традиция, продолжалась борьба с магометанским миром, туда стремились все недовольные государственными порядками в Польше и Украине. Когда же Польша задумала наложить руку и на Запорожье, поднялся ряд известных казачьих восстаний. Под предводительством своих гетманов (Косинский, Лобода, Наливайко, Тарас, Павлюк, Остраница) казаки бросались на Польшу, действуя во имя религиозной и гражданской независимости русской народности. Эти восстания не удавались, и поляки разоряли даже Сечь, забирали крепче и крепче Украину, больше и больше давили народ. После усмирения возмущения обыкновенно усиливался прилив польского элемента — панов и ксендзов — в Украину, и казачество обращалось в холопов этих пришельцев. Такой порядок, конечно, не мог удовлетворить жителей Украины, общая беда теснее связывала казаков с хлопами; восстания принимали характер не исключительно казачьих, а земских, и поддерживались крестьянами всей западной Руси.

К половине XVII в. недовольство не только за порогами, но и во всей Украине возросло до крайней степени. Когда в 1648 г. с помощью крымских татар войсковой писарь Богдан Хмельницкий поднял новое восстание казачества, на его сторону стала вся Украина — и казачья, и крестьянская. Поднялась вся народность за народную свободу и веру. Сказались, словом, результаты религиозного и общественного польского режима. С помощью татар Хмельницкий победил поляков и под Зборовом заставил короля Яна Казимира согласиться на возвращение казачеству его прежних вольностей. Число реестровых казаков было доведено до 40 000. Но это не могло удовлетворить Украину, потому что восстала вся Украина, а улучшилось положение одних казаков,

остальные же русские и православные люди должны были снова стать под власть поляков. Поэтому восстание поднялось снова, и во главе опять был Хмельницкий. Союзник казаков, крымский хан, изменил Хмельницкому, и под Белой Церковью был заключен с поляками невыгодный для казачества договор, уменьшивший число казаков на 20 000. Для Хмельницкого было ясно, что этим дело не кончится: но ясно было и то, что у Украины нет сил одной бороться против Польши. Естественнее всего было искать помощи в единоверной Москве.

В 1651 г. Хмельницкий обратился к царю Алексею с просьбой принять «Малороссию под свою руку». В Москве не решились сразу на присоединение этой польской области и, стало быть, на войну с Польшей. Царь Алексей дипломатическим путем заступился за Малороссию, но это не привело ни к чему. Хмельницкий был вынужден снова воевать и снова просил Москву о подданстве. Тогда Земский собор в Москве решил в 1653 г. принять Малороссию, и 8 января 1654 г. Украина присягнула царю Алексею. Число реестровых казаков определено было в 60 000. Малороссии оставлено было ее общественное устройство и самоуправление, гетману — право дипломатических сношений (кроме польских и турецких). Соединенные силы Украины и Москвы нанесли полякам в 1654—1656 гг. ряд сильных поражений, поставивших Польшу на край погибели, тем более что на нее одновременно наступали и шведы. Но Польша была спасена раздором России и Швеции и добилась перемирия с Россией, уступив малорусские и белорусские земли.

Так приобрела Москва русские земли, давно утерянные Русью. Но удержать эти земли было нелегко при тех затруднениях, какие создавались и самой Малороссией, и ее соседями. В Малороссии вся вторая половина XVII в. была временем смуты; в этой прежде неустроенной казачьей Украине в XVI и XVII вв. под влиянием Польско-Литовского государства сложился известный общественный порядок; рядом с казачеством, вольным, записанным в реестры, появляется польское панство, закабалявшее себе казаков, не записанных в реестры; умножается городское население, получавшее особые права из среды самого казачества, выделяется класс более зажиточных и влиятельных людей — «старши́на», которая стремится отождествить себя с дворянством. Когда произошло отделение Украины от Польши и исчезло польско-литовское дворянство из Малороссии, новые владетели дворянских земель («старши́на») стремятся выделиться из казачества «или в виде шляхты Польской, или в виде дворянства Московского», по выражению С. М. Соловьева. Такое стремление их к преобладанию в стране встречает отпор в остальной массе освободившегося от панства казачества. Между казачеством демократическим и старши́ной идет глухая борьба. Города малороссийские заботятся лишь об утверждении Москвой их прав, и там, где их интересы сталкиваются с казачьими, не

жалеют последних. Духовенство поступает, как города. В Малороссии все идет врозь и каждая общественная группа добивается у Москвы лучшего обеспечения исключительно своих интересов в ущерб другим. В этой «войне всех против всех» Москве приходилось играть роль примирительницы и умиротворительницы, удовлетворяя одних и возбуждая недовольство других. Медленно справлялась Москва со своей задачей в Малороссии, не имея твердой опоры в стране и утверждая свое влияние лишь на симпатии демократических слоев, тогда как верхние слои населения большей частью тянули к Польше с ее аристократическим складом. Несмотря на постоянные смуты — «измену» малороссиян Москве, Москва крепко держится за Малороссию и все крепче и крепче привязывает ее к себе (особенно левый берег Днепра).

Уже и в 1657 г. казачья старши́на стала давать себя знать Москве. По смерти Богдана Хмельницкого гетманство было захвачено писарем Иваном Выговским, человеком польских симпатий, представителем казачьей старшины. Но против него встал полтавский полковник Мартын Пушкарь, простое казачество и Запорожье. Началось междоусобие, в котором погиб Пушкарь и восторжествовал Выговский. В 1658 г. Выговский передался Польше и нанес в 1659 г. страшное поражение московским войскам под Конотопом. Но он был свергнут самими казаками, и гетманом стал Юрий Хмельницкий (сын Богдана), который присягнул Москве, но, когда началась вторая война у Москвы с Польшей, передался полякам. Однако левая сторона Днепра осталась верной Москве и избрала в 1662 г. особого гетмана, запорожца Брюховецкого.

По *Андрусовскому перемирию* в 1667 г. между Польшей и Московским государством, левобережная Украина осталась навеки за Москвой. Брюховецкий явился покорным подданным и сам хлопотал об уменьшении малороссийской автономии. Но это вызвало общее недовольство на Украине, которое увлекло самого Брюховецкого в 1668 г. к отпадению от Москвы. Не имея твердой политики, Брюховецкий скоро погиб в смутах,и население левого берега снова потянуло к Москве, не желая польских порядков. Представителем этих демократических симпатий явился гетман Многогрешный, которого старшина успел свергнуть, оклеветав в Москве. Только с 1672 г., с гетманством Ивана Самойловича, наступило внутреннее спокойствие на левом берегу Днепра. Зато явилась внешняя опасность. Правая польская сторона Днепра от Польши передалась Турции. Турецкий султан Магомет IV в 1672 г. предпринял поход для покорения всей Украины, таким образом началась война Москвы с турками, продолжавшаяся до 1681 г.; театром ее был правый берег Днепра, который Москве не удалось приобрести, зато она крепко завладела левым берегом. И в этом заключался уже громадный успех. Присоединение Малороссии было первым важным наступательным шагом Московского государства относительно

Польши. До сих пор Москва почти всегда оборонялась и перевес сил был по большей части на стороне Польши; с этого же момента отношения соседок окончательно меняются. Москва, ясно, сильнее Польши и наступает на нее, мстя за прежние обиды и возвращая старинные свои земли. Вместе с тем, еще недавно обессиленная смутой, она теперь с каждым годом вырастает в глазах прочих своих соседей и получает все больший и больший дипломатический вес, несмотря на внутренние свои затруднения. Московские дипломаты, действовавшие в то время, могли быть вполне довольны своей деятельностью.

Время царя Федора Алексеевича (1676—1682)

В борьбе старого и нового порядка победа скоро склонилась на сторону новшеств, получивших право гражданства в умах и перешедших в жизнь при сыновьях Алексея Михайловича. Для того чтобы узаконить новшества, необходимо было, чтобы московский государь склонился на сторону нового порядка, стал за него сам,—и мы видим, что оба сына Алексея Михайловича, Федор и Петр, стояли очень определенно на его стороне. Но история культурной реформы при Федоре Алексеевиче очень отличается от последующей преобразовательной эпохи.

При Федоре Алексеевиче реформа не выходила из Москвы и придворного мира, она касалась только верхних слоев московского общества и только в них развивалась. В глазах народа в это время государственные мероприятия еще не были реформацией.

Затем, при Федоре Алексеевиче, и характер реформы был иной, чем при Петре. При первом мы наблюдаем влияние киевское и греческое, и культурные новшества служат преимущественно интересам церкви, а заимствование с запада идет, как прежде при Алексее Михайловиче, еще без системы, удовлетворяя лишь частным практическим нуждам государства, что мы видим, например, в устройстве войска по европейскому образцу. При Петре Великом действует не только киевское влияние, но и западное; в то же время и область реформы расширяется, не ограничиваясь одной церковной сферой и высшим классом, новшества систематически охватывают все стороны жизни, весь государственный организм.

Но и при Федоре, и при Петре, как уже замечено, для успеха новшеств необходима была не одна санкция, но и почин верховной власти. Хотя само русское общество в значительной своей части и понимало необходимость реформы, тем не менее своими силами оно не могло идти ей навстречу, так как не представляло в себе никаких крепких и самостоятельных общественных союзов, которые могли бы осуществить реформу; местные же союзы, установленные государством, все существовали в инте-

ресах последнего, не проявляя самостоятельной деятельности. Только отдельные лица в пределах своей частной жизни могли вводить новшества, но это так и оставалось личным делом (как это и было при Алексее Михайловиче) и не развивалось далее, если правительство не сочувствовало этому делу. Поэтому осуществить реформу могло одно только правительство своим авторитетом.

Слабый и больной Федор Алексеевич немного сделал в этом направлении, но драгоценно и то, что он личными симпатиями определеннее своего отца стал на сторону реформы. Воспитанник Симеона Полоцкого, знавший польский и латинский языки, слагавший вирши, Федор сам стал киевлянином по духу и дал простор киевскому влиянию, которое вносило к нам с собой и некоторые, мало, впрочем, заметные, польские черты.

Федор Алексеевич вступил на престол четырнадцати лет. Еще мальчиком был он чрезвычайно хилым и болезненным. В царской семье господствовал раздор, происходила борьба между двумя партиями: с одной стороны, стояла партия Наталии Кирилловны Нарышкиной, мачехи Федора, с другой — сестер и теток царя, около которых группировалась родня первой жены царя Алексея, Марии Ильинишны,— Милославские. Последние одержали верх, результатом чего было падение Артамона Сергеевича Матвеева. За приверженность к западной науке он был обвинен в чернокнижии и отправлен в ссылку в город Пустозерск. Но влияние Милославских, погубивших Матвеева, недолго длилось: их заменили любимцы царя Федора, постельничий Языков и стольник Лихачев, люди образованные, способные и добросовестные. Близость их к царю и влияние на дела были очень велики. Немногим меньше было значение князя В. В. Голицына. В наиболее важных внутренних делах времени Федора Алексеевича непременно нужно искать почина этих именно лиц, как руководивших тогда всем в Москве.

В первое время царствования Федора московское правительство всецело было поглощено внешними делами — вмешательством турок в малороссийские дела и беспорядками в самой Малороссии. С большими только усилиями удалось (в 1681 г.) удержать за собой новоприсоединенный край. И благодаря таким внешним осложнениям во внутренней деятельности правительства при Федоре незаметно никакого почти движения до последних лет его царствования. Зато в самом его конце под влиянием новых любимцев царя оживилась эта внутренняя деятельность и оставила по себе несколько любопытных мер и проектов.

В самые последние дни царствования Федора Алексеевича был, например, составлен проект высшего училища, или так называемой Греко-Латинской академии (этот проект напечатан в VII томе Древней Российской Вивлиофики). Он возник таким образом: с Востока в Москву приехал монах Тимофей, сильно тронувший царя рассказом о бедствиях Греческой церкви и о пе-

чальном состоянии в ней науки, так необходимой для поддержания на Востоке православия. Это подало повод учредить в Москве духовное училище на 30 человек, начальником которого был сделан сам Тимофей, а учителями — два грека. Целью этого предприятия было, таким образом, поддержание православия. Но этим небольшим училищем не довольствуются,— и вот появляется проект академии, характер которой выходит далеко за пределы простой школы. В ней должны были преподаваться грамматика, пиитика, риторика, диалектика и философия «разумительная», «естественная» и «правая». Учителя академии должны были все быть с Востока и, кроме того, с ручательством патриархов. Но этим еще не исчерпывалась задача академии,— академия должна была следить за чистотой веры, быть орудием борьбы против иноверцев, из нее должны были выходить апологеты православия, ей присваивалось право суждения о православии всякого, и иноземца, и русского. «Московская академия, по проекту царя Федора, — говорит Соловьев,— это цитадель, которую хотела устроить для себя православная церковь при необходимом столкновении своем с иноверным западом; это не училище только, это страшный инквизиционный трибунал. Произнесут блюститель с учителями слова *виновен в неправославии,*— и костер запылает для преступника» (Ист. России, XIII, гл. II). Нужно заметить, что академия была учреждена после смерти Федора, и первыми ее учителями были вызванные с Востока ученые братья Лихуды (Иоаникий и Сафроний).

Другим замечательным актом царствования Федора было уничтожение местничества. В конце 1681 г. в Москве были собраны две комиссии: одна состояла из выборных от служилого сословия и была призвана с целью обсуждения лучшего устройства военных сил или, как сказано в указе, «для устроения и управления ратного дела», а другая состояла из выборных от тяглых людей и занималась выработкой новой системы податей. Обе действовали под руководством князя В. В. Голицына. Этот съезд выборных давал полный состав Земского собора, но комиссии тем не менее не соединились в соборе ни разу и заседали в разное время. Тяглая комиссия кончилась ничем, хотя показала лишний раз неудовлетворительность податной системы Московского государства и дала собой лишний прецедент Петру Великому при замене поземельной подати подушным окладом. Служилая комиссия, напротив, имела важные последствия: кроме того, что ею были проектированы различные реформы в военном устройстве, выборные люди в своих работах пришли к мысли подать государю челобитье об уничтожении местничества. По этому поводу 12 января 1682 г. государь созвал торжественное собрание духовенства, думы и выборных придворных чинов для обсуждения челобитья и уничтожения «мест». Может показаться странным с первого раза, почему в заседании участвовала не служилая комиссия, а только выборные высших чинов, но дело

в том, что, во-первых, государь знал из самого челобитья мнение комиссии относительно этого вопроса, а, во-вторых, именно в высших слоях местничество и было крепко; высшие слои преимущественно практиковали его и были наиболее заинтересованы в вопросе об уничтожении этого обычая. На вопрос царя духовенству о местничестве патриарх отвечал: «Аз же и со всем освященным собором не имеем никоея достойныя похвалы принести великому вашему царскому намерению за премудрое ваше царское благоволение». Бояре же и придворное дворянство сами просили уничтожить «места» — «для того: в прошлые годы во многих ратных посольствах и всяких делах чинились от тех случаев великия пакости, нестроения, разрушения, неприятелям радование, а между нами (служилыми) богопротивное дело — великия, продолжительныя вражды». Руководствуясь подобными ответами, царь указал сжечь разрядные книги, в которых записывались местнические дела, и отныне всем быть без мест. На это собрание единодушно отвечало: «Да погибнет в огне оное богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее местничество и впредь — во веки». Так передает «Соборное уложение» 1682 г. об уничтожении местничества. Но еще за 70—80 лет перед тем боярство очень крепко держалось за право местничества, а бояре говорили: «То им смерть, что им без мест быть». По какой же причине нарушился старый обычай без малейшего сопротивления со стороны тех, которые шли когда-то под опалу и в тюрьму, отстаивая родовую честь? Дело в том, что места были относительны; само по себе низкое место не бесчестило родовитого человека, если только такие же места занимали с ним одинаково родовитые люди. Поэтому, чтобы считаться местами, надо было помнить относительную честь стародавних честных родов. Но в XVII в. родовитое боярство или повымерло (одними из знатнейших в то время считались князья Одоевские, которые в XVI в. далеко не были такими), или же упало экономически (у некоторых из тех же Одоевских не было ни поместий, ни вотчин). Вследствие этого при частных пробелах в рядах боярства и при многих захудалых линиях считаться местами было очень трудно. Далее, в счеты родовитой знати в XVII в. впутывается постоянно неродовитое дворянство, поднявшееся по службе благодаря упадку старого боярства. (В 1668 г., например, из 62 бояр и думных людей только 28 принадлежали к тем старым родам, которых предки в XVI в. были в думе.) Но хотя это новое дворянство и местничалось, однако оно вряд ли могло дорожить этим обычаем: для него было выгоднее заменить повышение помощью местничества началом выслуги. Старое же боярство, затрудненное в своих счетах убылью и понижением своих членов, проигравшее на службе при столкновении с новыми передовыми чинами московской администрации, равнодушно смотрело на частые отмены «мест», которые постоянно были в XVII в. Местничество практически становилось неудоб-

ным вследствие распадения старого боярства и именно поэтому теряло свою ценность для этого боярства, не приобретая живого смысла для новой служебной аристократии. Проф. Ключевский по этому поводу справедливо отмечает, что «не боярство умерло, потому что осталось без *мест,* чего оно боялось в XVI в., а места исчезли, потому что *умерло боярство,* и некому стало сидеть на них». В связи с уничтожением местничества тот же ученый ставит возникший при Федоре так называемый «Проект устава о служебном старшинстве бояр». Этот проект впервые ясно выразил необычную в Московском государстве мысль о полном разделении гражданских и военных властей. С другой стороны, этот проект предлагал учреждение постоянных наместничеств (Владимирского, Новгородского и др.) и устанавливал строго старшинство одного наместника над другим. Однако все эти предначертания не были осуществлены, и замены родового старшинства (в местничестве) старшинством служебным (по должности) не последовало.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Взгляды науки и русского общества на Петра Великого.— Положение московской политики и жизни в конце XVII века.— Время Петра Великого.— Время от смерти Петра Великого до вступления на престол Елизаветы.— Время Елизаветы Петровны.— Петр III и переворот 1762 года.— Время Екатерины II.— Время Павла I.— Время Александра I.— Время Николая I.— Краткий обзор времени императора Александра II и великих реформ

Взгляды науки и русского общества на Петра Великого

В научных трудах очень часто XVIII и XIX вв. представляются особым периодом в историческом развитии нашей государственной жизни. Этому периоду усвоено несколько названий: одни зовут его «Императорским», другие «Петербургским», третьи просто называют это время новой русской историей.

Новую русскую историю обыкновенно начинают с так называемой эпохи преобразований нашего общественного быта. Главным деятелем этих преобразований был Петр Великий. Поэтому время его царствования представляется нашему сознанию той гранью, которая отделяет старую Русь от преобразованной России. С этой грани нам и должно начать свое изучение последней и прежде всего, стало быть, познакомиться с сущностью преобразований и с преобразовательной деятельностью Петра.

Но деятельность Петра до сих пор не имеет в нашем общественном сознании одной твердо установленной оценки. На преобразования Петра смотрели разно его современники, смотрим разно и мы, люди XIX и начала XX в. Одни старались объяснить себе значение реформы для последующей русской жизни, другие занимались вопросом об отношении этой реформы к явлениям предшествовавшей эпохи, третьи судили личность и деятельность Петра с нравственной точки зрения.

Ведению историка подлежат, строго говоря, только две первые категории мнений, как исторические по своему существу. Знакомясь с ними, мы замечаем, что эти мнения иногда резко противоречат друг другу. Происходят такие несогласия от многих причин: во-первых, преобразования Петра, захватывая в большей или меньшей степени все стороны древнерусской жизни, представляют собой такой сложный исторический факт,

что всестороннее понимание его трудно дается отдельному уму. Во-вторых, не все мнения о реформах Петра выходят из одинаковых оснований. В то время как одни исследователи изучают время Петра с целью достичь объективного исторического вывода о его значении в развитии народной жизни, другие стремятся в преобразовательной деятельности начала XVIII в. найти оправдания тех или иных своих воззрений на современные общественные вопросы. Если первый прием изучения следует назвать научным, то второму всего приличнее название публицистического. В-третьих, общее развитие науки русской истории всегда оказывало и будет оказывать влияние на представления наши о Петре. Чем больше мы будем знать нашу историю, тем лучше мы будем понимать смысл преобразований. Нет сомнения, что мы находимся в лучшем положении, чем наши предки, и знаем больше, чем они, но наши потомки то же скажут и о нас. Мы откинули много прежних исторических заблуждений, но не имеем права сказать, что знаем прошлое безошибочно — наши потомки будут знать и больше, и лучше нас.

Но говоря так, я не хочу сказать, что мы не имеем права изучать исторические явления и обсуждать их. Повинуясь присущему нашему духу стремлению не только знать факты, но и логически связывать их, мы строим наши выводы и знаем, что самые наши ошибки облегчат работу последующим поколениям и помогут им приблизиться к истине, так же как для нас самих поучительны и труды, и ошибки наших предков.

Не мы первые начали рассуждать о Петре Великом. Его деятельность уже обсуждали его современники. Их взгляды сменялись взглядами ближайшего потомства, судившего по преданию, понаслышке, а не по личным впечатлением. Затем место преданий заняли исторические документы. Петр стал предметом научного ведения. Каждое поколение несло с собой свое особое мировоззрение и относилось к Петру по-своему. Для нас очень важно знать, как в различное время видоизменялось это отношение к Петру нашего общества.

Современники Петра считали его одного причиной и двигателем той новизны, какую вносили в жизнь его реформы. Эта новизна для одних была приятна, потому что они видели в ней осуществление своих желаний и симпатий, для других она была ужасным делом, ибо, как им казалось, подрывались основы старого быта, освященные старинным московским правоверием. Равнодушного отношения к реформам не было ни у кого, так как реформы задевали всех. Но не все одинаково резко выражали свои взгляды. Пылкая, смелая преданность Петру и его делу отличает многих его помощников; страшная ненависть слышится в отзывах о Петре у многих поборников старины. Первые доходят до того, что зовут Петра «земным богом», вторые не страшатся называть его антихристом. И те, и другие признают в Петре страшную силу и мощь, и ни те, ни другие не могут

спокойно отнестись к нему, потому что находятся под влиянием его деятельности. И преданный Петру Нартов, двадцать лет ему служивший, и какой-нибудь изувер-раскольник, ненавидевший Петра всем своим существом, одинаково поражены Петром и одинаково не способны судить его беспристрастно. Когда умер Петр и кончилась его реформационная деятельность, когда преемники, не понимая его, часто останавливали и портили начатое им, дело Петра не умерло и Россия не могла вернуться в прежнее состояние. Плоды его деятельности — внешняя сила России и новый порядок внутри страны — были на глазах у каждого, а жгучая вражда недовольных стала воспоминанием. Но многие сознательно жившие люди и долго спустя после смерти Петра продолжали ему удивляться не меньше современников. Они жили в созданной им гражданской обстановке и пользовались культурой, которую он так старательно насаждал. Все, что они видели вокруг себя в общественной сфере, вело начало от Петра. О Петре осталось много воспоминаний; о том же, что было до него, стали забывать. Если Петр внес в Россию свет просвещения и создал ее политическую силу, то до него, как думали, была «тьма и ничтожество». Так приблизительно характеризовал допетровскую Русь канцлер граф Головкин, поднося Петру титул императора в 1721 г. Он выразился еще резче, говоря, что гением Петра мы «из небытия в бытие произведены». В последующее время эта точка зрения замечательно привилась: Ломоносов называл Петра «богом», ходячее стихотворение звало его «светом» России. Петра считали творцом всего, что находили хорошего вокруг себя. Видя во всех сферах общественной жизни начинания Петра, его силы преувеличивали до сверхъестественных размеров. Так было в первой половине XVIII в. Вспомним, что тогда не существовало еще исторической науки, что возможность просвещения, данная Петром, создала еще лишь немногих просвещенных людей. Эти немногие люди судили Петра по тому преданию, какое сохранилось в обществе о времени преобразований.

Но не все, что было в России после Петра, было хорошо. Не всем, по крайней мере, оставались довольны мыслящие люди XVIII в. Они видели, например, что усвоение западноевропейской образованности, начатое при Петре, превращалось часто в простое переименование культурной внешности. Они видели, что знакомство с Западом с пользой приносило к нам часто и пороки западноевропейского общества. Далеко не все русские люди оказывались способными воспринять с Запада здоровые начала его жизни и оставались грубыми варварами, соединяя, однако, с глубоким невежеством изящную внешность европейских щеголей. Во всех сатирических журналах второй половины XVIII в. мы постоянно встречаем нападки на этот разлад внешности и внутреннего содержания. Раздаются голоса против бестолкового заимствования западных форм. Вместе с тем развитие историчес-

ких знаний позволяет уже людям XVIII в. оглянуться назад, на допетровское время. И вот многие передовые люди (князь Щербатов, Болтин, Новиков) темным сторонам своей эпохи противопоставляют светлые стороны допетровской поры. Они не развенчивают деятельности Петра, но и не боготворят его личности. Они решаются критиковать его реформу и находят, что она была односторонней, привила нам много хорошего со стороны, но отняла от нас много своего хорошего. К такому выводу они приходят путем изучения прошлого, но это изучение далеко не спокойно; оно вызвано недостатками настоящего и идеализирует прошлую жизнь. Однако эта идеализация направлена не против самого Петра, а против некоторых последствий его реформы. Личность Петра и в конце XVIII в. окружена таким же ореолом, как и в начале столетия. Императрица Екатерина относится к нему с глубоким уважением. Находятся люди, посвящающие всю свою жизнь собранию исторического материала, служащего к прославлению Петра,— таков купец Голиков.

Во второй половине XVIII в. зарождается уже наука русской истории. Но историки того времени или усердно собирают материалы для истории (как Миллер), или заняты исследованием древнейших эпох русской жизни (Ломоносов, Байер, Штритер, Татищев, Щербатов, Шлёцер). Петр еще вне пределов их ведения. Первую научную оценку получает он от Карамзина. Но Карамзин как историк принадлежит уже XIX веку. Ученый по критическим приемам, художник по натуре и моралист по мировоззрению, он представлял себе русскую историческую жизнь как постепенное развитие национально-государственного могущества. К этому могуществу вел Россию ряд талантливых деятелей. Среди них Петру принадлежало одно из самых первых мест: но, читая «Историю государства Российского» в связи с другими историческими трудами Карамзина, вы замечаете, что Петру как деятелю Карамзин предпочитал другого исторического деятеля — Ивана III. Этот последний сделал свое княжество сильным государством и познакомил Русь с западной Европой безо всякой ломки и насильственных мер. Петр же насиловал русскую природу и резко ломал старый быт. Карамзин думал, что можно было бы обойтись и без этого. Своими взглядами Карамзин стал в некоторую связь с критическими воззрениями на Петра упомянутых нами людей XVIII в. Так же, как они, он не показал исторической необходимости петровских реформ, но он уже намекал, что необходимость реформы чувствовалась и ранее Петра. В XVII в., говорил он, сознавали, что нужно заимствовать с Запада; «явился Петр» — и заимствование стало главным средством реформы. Но почему именно «явился Петр», Карамзин еще не мог сказать.

В эпоху Карамзина началось уже вполне научное исследование нашей старины (Карамзину помогали целые кружки ученых людей, умевших не только собирать, но и исследовать

исторический материал). Вместе с тем в первой половине XIX в. в русском обществе пробуждалась сознательная общественная жизнь, распространялось философское образование, рождался интерес к нашему прошлому, желание знать общий ход нашего исторического развития. Не будучи историком, Пушкин мечтал поработать над историей Петра. Не будучи историком, Чаадаев принялся размышлять над русской историей и пришел к печальному выводу, что у нас нет ни истории, ни культуры.

Обращаясь к прошлому, русские образованные люди не имели специальных исторических знаний и вносили в толкование прошлого те точки зрения, какие почерпали в занятиях немецкой философией. Германская метафизика XIX в. очень влияла на русскую образованную молодежь, и особенно метафизическая система Гегеля. Под влиянием его философии в 30-х и 40-х годах в России образовались философские кружки, выработавшие цельное мировоззрение и имевшие большое влияние на умственную жизнь русского общества середины XIX в. В этих кружках принципы германской философии применялись к явлениям русской жизни и вырабатывалось, таким образом, историческое миросозерцание. Самостоятельная мысль этих «людей 40-х годов», отправляясь от данных германской философии, приходила к своим особым выводам, у разных лиц не одинаковым. Все последователи Гегеля между прочими философскими положениями выносили из его учения две мысли, которые в простом изложении выразятся так: первая мысль — все народы делятся на исторические и неисторические, первые участвуют в общем мировом прогрессе, вторые стоят вне его и осуждены на вечное духовное рабство; другая мысль — высшим выразителем мирового прогресса, его верхней (последней) ступенью, является германская нация с ее протестантской церковью. Германско-протестантская цивилизация есть, таким образом, последнее слово мирового прогресса. Одни из русских последователей Гегеля вполне разделяли эти воззрения; для них поэтому древняя Русь, не знавшая западной германской цивилизации и не имевшая своей, была страной неисторической, лишенной прогресса, осужденной на вечный застой. Эту «азиатскую страну» (так называл ее Белинский) Петр Великий своей реформой приобщил к гуманной цивилизации, создал ей возможность прогресса. До Петра у нас не было истории, не было разумной жизни. Петр дал нам эту жизнь, и потому его значение бесконечно важно и высоко. Он не мог иметь никакой связи с предыдущей русской жизнью, ибо действовал совсем противоположно ее основным началам. Люди, думавшие так, получили название «западников». Они, как легко заметить, сошлись с теми современниками Петра, которые считали его земным богом, произведшим Россию из небытия в бытие.

Но не все люди 40-х годов думали так. Некоторые, принимая теорию мирового прогресса Гегеля, по чувству патриотизма воз-

мущались его мнением, что германская цивилизация есть последняя ступень прогресса и что славянское племя есть неисторическое племя. Они не видели причины, почему прогресс должен остановиться на германцах; из истории они выносили убеждение, что славянство было далеко от застоя, имело свое историческое развитие, свою культуру. Эта культура была самостоятельна и отличалась от германской в трех отношениях: 1) На Западе, у германцев, христианство явилось в форме католичества и затем протестантства; на Востоке, у славян,— в форме православия. 2) Древнеклассическую культуру германцы восприняли из Рима в форме латинской, славяне — из Византии в форме греческой. Между той и другой культурой есть существенные различия. 3) Наконец, государственный быт в древнегерманских государствах сложился путем завоевания, у славян, и у русских в частности,— путем мирным; поэтому в основании общественных отношений на Западе лежит вековая вражда, а у нас ее нет. Самостоятельное развитие этих трех начал составляло содержание древнерусской жизни. Так думали некоторые более самостоятельные последователи германской философии, получившие название «славянофилов». Наибольшего развития самостоятельная русская жизнь достигла в эпоху Московского государства. Петр нарушил это развитие. Он своей насильственной реформой внес к нам чуждые, даже противоположные начала западной германской цивилизации. Он повернул правильное течение народной жизни на ложную дорогу заимствований. Он не понимал заветов прошлого, не понимал нашего «национального духа». Чтобы остаться верным этому национальному духу, мы должны отречься от чуждых западноевропейских начал и возвратиться к самобытной старине. Тогда, сознательно развивая национальные наши начала, мы своей цивилизацией можем сменить германскую и станем в общем мировом развитии выше германцев.

Таковы воззрения славянофилов. Петр, по их мнению, изменил прошлому, действовал против него. Славянофилы ставили высоко личность Петра, признавали пользу некоторых его дел, но считали его реформу не национальной и вредной в самом ее существе. У них, как и у западников, Петр был лишен всякой внутренней связи с предшествовавшей ему исторической жизнью.

Вы, конечно, уже заметили, что ни одно из рассмотренных нами воззрений на Петра не было в состоянии указать и объяснить внутреннюю связь его преобразований с предыдущей историей. Даже Карамзин не шел далее смутного намека. Эту связь Петра с прошлым уловил чутьем в 40-х годах Погодин, но не ранее как в 1863 г. он мог высказать об этом свои мысли. Причиной этому был отчасти недостаток исторического материала, отчасти отсутствие у Погодина цельного исторического миросозерцания.

Такое миросозерцание было внесено в наши университеты в конце 40-х годов, когда Погодин уже кончил свою профессорскую

деятельность. Носителями новых исторических идей были молодые ученые, воззрения которых на нашу историю в то время назывались «теорией родового быта». Впоследствии же эти ученые стали известны под собирательным именем «историко-юридической школы». Они первые установили мысль о том, что реформы Петра явились необходимым следствием всего исторического развития русской жизни. Мы уже знаем, что воспитались эти ученые под влиянием германской философии и исторической науки. В начале нашего века историческая наука в Германии сделала большие успехи. Деятели так называемой германской исторической школы внесли в изучение истории чрезвычайно плодотворные руководящие идеи и новые, точные методы исследования исторического материала. Главной мыслью германских историков была мысль о том, что развитие человеческих обществ не есть результат случайностей и единоличной воли отдельных лиц, напротив, что это развитие совершается, как развитие организма, по строгим законам, ниспровергнуть которые не может сила человека. Первый шаг к такому воззрению сделал еще в конце XVIII в. Фр. Авг. Вольф в своем труде. За ним последовали историки — Нибур и Готфрид Миллер, занимавшиеся историей Рима и Греции, историки-юристы Эйхгорн (историк древнегерманского права) и Савиньи (историк римского права). Их направление создало в Германии в половине XIX в. блестящее положение исторической науки, под влиянием которой сложились и наши ученые. Они усвоили себе все выводы и воззрения немецкой исторической школы. Некоторые из них увлекались и философией Гегеля. Хотя в Германии точная и строго фактическая историческая школа не всегда жила в ладу с метафизическими умствованиями Гегеля и его последователей, тем не менее историки и Гегель сходились в основном воззрении на историю как на закономерное развитие человеческих обществ. И историки, и Гегель отрицали случайность, и их воззрения поэтому могли ужиться в одной личности.

Эти воззрения и были приложены к русской истории нашими учеными. Первыми сделали это в своих лекциях и печатных трудах профессора Московского университета С. М. Соловьев и К. Д. Кавелин. Они думали показать в русской исторической жизни органическое развитие тех начал, которые были даны первоначальным бытом нашего племени. Они полагали, что главным содержанием нашей исторической жизни была естественная смена одних форм жизни другими. Подметив порядок этой смены, они надеялись найти законы нашего исторического развития. По их мнению, государственный порядок окончательно установлен у нас деятельностью Петра Великого. Петр Великий своими реформами отвечал на требования национальной жизни, которая к его времени развилась уже до государственных форм бытия. Стало быть, деятельность Петра вытекла из исторической необходимости и была вполне национальна.

Так, в первый раз была установлена органическая связь преобразований Петра с общим ходом русской истории. Нетрудно

заметить, что эта связь — чисто логическая, лишенная пока фактического содержания. Непосредственного исторического преемства между Русью XVII в. и эпохой Петра в первых трудах Соловьева и Кавелина указано не было. Это преемство вообще долго не давалось нашему ученому сознанию.

Стараясь сыскать это непосредственное преемство, как сами Соловьев и Кавелин, так и их последователи историки-юристы, обращаясь к изучению допетровской эпохи, склонны были думать, что Россия в XVII в. дожила до государственного кризиса. «Древняя русская жизнь,— говорит Кавелин,— исчерпала себя вполне. Она развила все начала, которые в ней скрывались, все типы, в которых непосредственно воплощались эти начала. Она сделала все, что могла, и, окончив свое призвание, прекратилась». Петр вывел Россию из этого кризиса на новый путь. По мнению Соловьева, в XVII в. наше государство дошло до полной несостоятельности, нравственной, экономической и административной, и могло выйти на правильную дорогу только путем резкой реформы («История», т. XIII). Эта реформа пришла с Петром. Так судили о XVII в. и многие другие исследователи. В обществе распространился взгляд на Московскую Русь как на страну застоя, не имевшую сил для прогрессивного развития. Эта страна дожила до полного разложения, надо было крайнее усилие для ее спасения, и оно было сделано Петром. Таким образом, преобразования Петра представлялись естественной исторической необходимостью, они были тесно связаны с предыдущей эпохой, однако только с темными, отрицательными ее сторонами, только с кризисом старого строя.

Но такое понимание исторического преемства между старой Русью и реформой в последние десятилетия заменилось другим. Новую точку зрения внес в науку тот же Соловьев. Необходимо заметить, что его взгляды на реформу Петра с самого начала его научной деятельности отличались некоторой двойственностью. В одной из ранних своих статей («Взгляд на историю установления государственного порядка в России», 1851 г.), говоря о критическом положении Московского государства в XVII в., Соловьев не ограничивается только указанием на явление этого кризиса, но замечает, что государи XVII в. для удовлетворения новых нужд государства начали ряд *преобразований.* «В течение XVII в.,— говорит он,— явно обозначились новые потребности государства, и призваны были те же средства для их удовлетворения, которые были употреблены в XVIII в. в так называемую эпоху преобразований». Таким образом Петр не только получил от старого порядка одно сознание необходимости реформ, но имел предшественников в этом деле, действовал ранее намеченными путями. Словом, он решал старую, не им поставленную задачу, и решал ранее известным способом. Позднее Соловьев блистательно развил такой взгляд в своих «Чтениях о Петре Великом» в 1872 г. Здесь он прямо называет Петра «сыном своего

народа», выразителем народных стремлений. Бросая общий взгляд на весь ход нашей истории, он следит за тем, как естественно развивалось у наших предков сознание бессилия, как постепенно делались попытки исправить свое положение, как постоянно стремились лучшие люди к общению с Западом, как крепло в русском обществе сознание необходимости перемен. «Народ собрался в дорогу,— заканчивает он,— и ждал вождя»; этот вождь явился в лице Петра Великого.

Высказанный после долгого и пристального изучения фактов, этот взгляд Соловьева поражает и глубокой внутренней правдой, и мастерством изложения. Не один Соловьев в 60-х и 70-х годах думал так об историческом значении реформы (вспомним Погодина), но одному Соловьеву удалось так убедительно и сильно формулировать свой взгляд. Петр — подражатель старого движения, знакомого древней Руси. В его реформе и направление, и средства не новы — они даны предшествовавшей эпохой. Нова в его реформе только страшная энергия Петра, быстрота и резкость преобразовательного движения, беззаветная преданность идее, бескорыстное служение делу до самозабвения. Ново только то, что внес в реформу личный гений, личный характер Петра. Такая точка зрения дала теперь полное историческое содержание мысли об органической связи реформы Петра с общим ходом русской жизни. Эта мысль, как я указал, явилась у нас чисто логическим путем, как априорный вывод из общего исторического созерцания некоторых ученых. В трудах Соловьева этот исторический вывод получил твердое основание; реформа Петра, так сказать, конкретно связалась с предыдущими эпохами.

Развивая общее наше историческое сознание, идея Соловьева дала направление и многим частным историческим исследованиям. Исторические монографии о XVII в. и времени Петра констатируют теперь связь преобразований с предыдущими эпохами и в отдельных сферах древнерусской жизни. В результате таких монографий является всегда одинаковый вывод, что Петр непосредственно продолжал начинания XVII в. и оставался всегда верен основным началам нашего государственного быта, как он сложился в XVII в. Понимание этого века стало иным. Недалеко то время, когда эпоха первых царей Романовых представлялась временем общего кризиса и разложения, последними минутами тупого застоя. Теперь представления изменились: XVII век представляется веком сильного общественного брожения, когда сознавали потребность перемен, пробовали вводить перемены, спорили о них, искали нового пути, угадывали, что этот путь в сближении с Западом, и уже тянулись к Западу. Теперь ясно, что XVII век подготовил почву для реформы и самого Петра воспитал в идее реформы. Увлекаясь этой точкой зрения, некоторые исследователи склонны даже преуменьшать значение самого Петра в преобразованиях его эпохи и представлять эти преобразования как «стихийный» процесс, в котором сам Петр играл пассивную

роль бессознательного фактора. У П. Н. Милюкова в его трудах о петровской реформе («Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра В.» и «Очерки по истории русской культуры») находим ту мысль, что реформа часто «из вторых рук попадала в сознание преобразователя», бессильного удержать ход дела в своем распоряжении и даже понять направление событий. Нечего и говорить, что такого рода взгляд есть крайность, не разделяемая последующими исследователями преобразований (Н. П. Павлов-Сильванский, «Проекты реформ в записках современников Петра В.»).

Итак, научное понимание Петра Великого основывается на мысли, полнее и справедливее всего высказанной Соловьевым. Наша наука успела связать Петра с прошлым и объяснить необходимость его реформ. Факты его деятельности собраны и обследованы в нескольких ученых трудах. Исторические результаты деятельности Петра, политической и преобразовательной, тоже не один раз указаны. Теперь мы можем изучить Петра вполне научно.

Но если наша историческая наука пришла к воззрению на Петра, более или менее определенному и обоснованному, то в нашем обществе еще не выработалось однообразного и прочного отношения к его преобразованиям. В текущей литературе и в обществе до сих пор крайне разнообразно судят о Петре. Продолжаются время от времени немного запоздалые споры о степени национальности и необходимости Петровых реформ; подымается довольно праздный вопрос о том, полезна или вредна была реформа Петра в ее целом. Все эти мнения, в сущности, являются видоизмененными отголосками исторически слагавшихся воззрений на Петра, которые я старался изложить в хронологической последовательности.

Если мы еще раз мысленно переберем все старые и новые взгляды на Петра, то легко заметить, как разнообразны они не только по содержанию, но и по тем основаниям, из которых вытекали. Современники и ближайшее потомство Петра, лично задетые реформой, судили о нем неспокойно: в основании их отзывов лежало чувство или крайней любви, или ненависти. Чувство столько же руководило и теми людьми XVIII в., которые, как Щербатов, грустно смотрели на развращение современных нравов и считали его плохим результатом резкой реформы. Все это — оценки скорее всего публицистического характера. Но в основе карамзинского взгляда лежало уже отвлеченное моральное чувство: ставя Ивана III выше Петра, он насильственные приемы Петра при проведении преобразований осуждал с высоты моральной философии. В воззрениях западников и славянофилов наблюдаем опять новое основание — отвлеченное мышление, метафизический синтез. Для них Петр менее — историческое лицо и более — отвлеченное понятие. Петр — как бы логическая посылка, от которой можно идти к тем или другим философским

заключениям о русской истории. От влияния метафизики не свободны и первые шаги исследователей историко-юридической школы; но фактическое изучение нашей истории, которое производилось ими очень добросовестно, дало нашим ученым возможность избавиться от предвзятых доктрин. Руководимые фактами, стремясь к строго научному выводу, они создали научное отношение к эпохе Петра Великого. Это научное отношение будет, конечно, далее развиваться в нашей науке. Но уже теперь плодом его является возможность основательно и свободно судить о Петре. Его личность не оторвана от родной его почвы, он для нас уже не Бог и не антихрист, он — определенное лицо, с громадными силами, с высокими достоинствами, с человеческими слабостями и недостатками. Мы теперь вполне понимаем, что его личность и пороки — продукт его времени, а его деятельность и исторические заслуги — дело вечности.

Положение московской политики и жизни в конце XVII века

Теперь нам следует уяснить себе, что застал и с чего должен был начать Петр Великий. Иначе говоря, следует ознакомиться с положением московской политики и жизни в конце XVII в. Однако общий обзор этого положения завлек бы нас очень далеко. Не все подробности допетровской эпохи имеют для нас к тому же одинаковую важность: мы интересуемся лишь тем, что относится к государственной реформе Петра. Поэтому наш обзор XVII в. мы должны приноровить к таким рубрикам, на какие мы потом поделим различные факты деятельности Петра. Нетрудно заметить, что главных сторон его деятельности две: 1) он дал России новое политическое положение в среде европейских государств и 2) реформировал в большей или меньшей степени государственное устройство и управление. По этим рубрикам и рассмотрим кратко факты XVII в.

1) *Внешняя политика Москвы до Петра* руководилась не случаем, а весьма древней исторической традицией. Еще в XIII в. создались те обстоятельства, которые направляли в течение многих веков и внешние стремления русского племени и государства, и их внутреннюю организацию. В начале XIII в. на восточных берегах Балтийского моря появляются немцы; они теснят литовские племена, а вместе с тем становятся врагами и для Руси (Псков и Новгород). В то же время начинается и движение шведов на Русь. Под влиянием опасности от немцев племена литовские организуются политически и, соединенные Миндовгом, выступают на сцену истории как враждебное Руси княжество. Литва подчиняет себе юго-запад Руси и грозит ее северо-востоку. На юго-востоке в то же время образуется Золотая Орда,

и ее иго начинает тяготеть над северо-восточной Русью. Таким образом, почти одновременно, с трех сторон, великорусское племя было окружено врагами, действовавшими наступательно. Главной задачей племени стала поэтому самозащита, борьба не за свободу (она была отнята татарами), а за историческое существование, за целость племени и религии. Эта борьба продолжалась сотни лет. Благодаря ей племя должно было принять чисто военную государственную организацию и постоянно воевать «на три фронта», как выразился один исследователь.

Эта борьба и направляла всю внешнюю политику Московского государства, с его начала до конца, до Петра Великого. Можно сказать, что много содержания эта политика не имела: с ближайшими соседями Москва ведет постоянную традиционную борьбу, в сношениях же с дальними европейскими странами ищет увеличения средств для этой борьбы. Ко времени Петра борьба эта привела уже Русь к громадным политическим успехам, но задача — достижение полной безопасности и естественных границ — еще не была выполнена. По отношению к различным врагам достигнуты были неодинаковые успехи.

Татары с XIII в. в качестве полных господ владели северо-восточной Русью. Но их отношение к покоренной Руси и явное отсутствие (вопреки мнению некоторых ученых) сильного непосредственного гнета позволяли Руси крепнуть и сливаться в одно могущественное государство. Впервые это государство попробовало восстать на татар на Куликовом поле (1380), и попытка, будучи удачной, подняла национальное самосознание Руси и содействовала дальнейшему усилению Москвы. Параллельно этому усилению шло внутреннее разложение Орды. Она слабела, и Москве не нужно было второй Куликовской битвы, чтобы свергнуть иго (1480). Орда распалась, ига не стало; но борьба с татарами за целость границ и безопасность жителей продолжалась. Вместо одной Орды появилось несколько, хотя и более слабых, чем прежняя. Москве нужно было их покорить, чтобы достичь своей безопасности. И вот Иван Грозный покоряет Казанскую и Астраханскую орды (1552—1556). Его советники желают, чтобы он покорил и Крымскую. Но ум Грозного понимал, что Москве не сладить с Крымом (так же думал и талантливый Стефан Баторий, когда стал королем Польши). Москву от Крыма отделяли труднопроходимые степи; кроме того, Крым был подчинен сильной тогда Турции, с которой воевать боялась не одна Москва. Вот почему Крымская Орда жила до конца XVIII в. В XVII в., после Грозного, Москва вела с Крымом беспрерывную пограничную войну (подробности ее очень любопытны) и каждое лето готовила войска на южных своих границах для защиты от татарских набегов. Но кроме оборонительных мер Москва действовала против Крыма и тем, что все более и более занимала южную степь своими крепостями и людьми. Она, таким образом, наступала на татар. Развитие

казачества на нижнем Дону в XVII в. создало для Москвы новую боевую силу; уже в первой половине XVII в. казаки взяли турецко-татарскую крепость Азов, но не смогли удержать ее за собой. Присоединение Малороссии еще более подвинуло Москву к Крыму, и в самом конце XVII в. (1687—1689) московские войска впервые предпринимают походы на самый Крым. Однако удачи еще не было — мешала степь. На этом и остановилась московская политика перед Петром. Стефан Баторий в XVI в. думал, а казаки в XVII в. делом доказали, что Азов был слабейшим пунктом татар и турок, их повелителей, на юге нынешней России; Петр, своими глазами уже видевший неудачный исход походов на Крым князя В. В. Голицына, направил свои силы не на Крым, а на Азов. Стало быть, Петр продолжал традиционную политику Москвы. В отношении татар Москва достигла больших успехов до Петра. Петр же ими воспользовался.

Литва в первые два века своего существования (до смерти Витовта) энергично наступала на Русь и завладела массой русских земель, отчего и сама получила характер государства, по населению и культуре более всего русского. В исходе XIV в. она была династически соединена с Польшей, и результатом соединения явилось сильное польско-католическое влияние. Протест против него русско-православного населения повел к внутренней борьбе в Литве. Эта борьба ослабила Литву, но не устранила польского влияния, которое в XVI в. восторжествовало: Литва стала нераздельной частью Польши (1569 г.). До Витовта Москва уступала Литве, а после него вскоре роли переменились: сильные московские государи Иван III и Василий III начинают отбирать от Литвы русские области и заявляют притязание на все русские земли, которые принадлежали Литве. Москва, таким образом, не без успеха перешла в наступление против Литвы. Но окончательное соединение в XVI в. Литвы с Польшей поставило против Москвы и Польшу. Соединенным их силам Москва при Иване Грозном должна была уступить: борьба Ивана против Стефана Батория была неудачна. Еще хуже для Москвы было время московской смуты начала XVII в., когда поляки владели самой Москвой. Но когда их оттуда вытеснили и Московское государство оправилось от смуты, оно в половине XVII в. (с 1654 г.) начинает старую борьбу за русские, подчиненные Польше земли; царь Алексей Михайлович принимает в подданство Малороссию, ведет необыкновенно трудную войну за нее и оканчивает блестящей победой. Ослабевшая Польша и после царя Алексея продолжает уступать Москве: миром 1686 г. она отдает Москве навеки то, что временно уступила царю Алексею Михайловичу. Отношения, созданные этим миром 1686 г., унаследовал Петр; при нем ясно политическое преобладание России над Польшей, но историческая задача — освобождение от Польши русских земель — не закончена ни до него, ни при нем. Она передана XVIII веку.

Немцы и шведы отняли от Литвы и Руси восточные берега Балтийского моря. Хотя Новгород и владел берегом Финского залива, но, не имея удобных гаваней, зависел в своей западной торговле от немцев. Подчинив Новгород и наследовав все его политические отношения, Москва почувствовала зависимость от немцев: хотя она прогнала ганзейских купцов и уничтожила их торговлю на Руси, однако зависимость осталась, торговое влияние перешло к ливонским купцам. Преследуя свои торговые выгоды, Ливония враждебно относилась к русской торговле. Враждебна она была вообще к Руси как к сильной и опасной соседке. Она старалась поставить крепкую стену между Русью и Западной Европой, зная, что усвоение Русью образованности удвоит ее политические силы. Но и Русь понимала это значение западной образованности и знала, что лучший путь для сближения с Западом — Балтийское море (Белое море лишено большого значения в этом отношении благодаря географическим условиям). В XVI в. Иван Грозный, пользуясь внутренней слабостью Ливонии, объявил ей войну с ясной целью завладеть берегами моря.

Ливония не выдержала войны и распалась, часть ее отдалась Польше, часть Швеции. Иван Грозный не мог вынести борьбы с этими державами и потерял не только завоевания, но и свои города (1582—1583). Эти города вернул Борис Годунов, но в смутное время они снова были заняты шведами и, по договору со шведами 1617 г., Московское государство было совершенно отрезано от Балтийского моря. Этим, как сказано выше, очень гордился король Густав Адольф. В XVII в. сперва слабая, а потом занятая войнами с Польшей Русь не могла сделать решительного шага к Балтийскому морю. Однако мысль о необходимости этого шага не умирала, а была передана Петру, который и воплотил ее в дело. В этом отношении Петр считал себя прямым преемником Грозного.

Наш краткий обзор внешней политики Московского государства показывает, что, преследуя исконные свои задачи, эта политика ко времени Петра сделала большие, но неравномерные успехи. Более успешно направлялась она против татар, но менее успешно — против шведов, наследовавших немцам на берегах Балтийского моря. Конечного разрешения своих задач Москва не достигла. А так как эти задачи были не случайными затеями того или другого политического деятеля, а насущными потребностями нашего племени, вытекшими из вековых условий его жизни, то они и при Петре требовали своего конечного решения с такой же силой, как и до него. Вот почему Петр и обратил большое внимание на эти задачи. Далее мы увидим, что наибольшее усилие он употребил именно там, где наименее успешно действовали до него, т. е. в борьбе за Балтийское море.

2. В *государственное устройство и управление XVII в.* Петр, по общепринятому мнению, внес своей деятельностью сущест-

венные изменения. При ознакомлении с особенностями этого устройства до Петра вы выносите представление о Московском государстве как о таком, в котором единодержавная власть государя достигла неограниченной полноты прав. Группируя все отрасли управления непосредственно вокруг себя, эта власть создала весьма сильную централизацию управления, возлагая все важнейшие его функции на московские учреждения (приказы и думу Боярскую). Однако при такой централизации управление не было приведено в стройную систему прочных учреждений и не совершалось на основании каких-либо неизменных законоположений. Применяясь к удобствам чисто случайным и внешним, государи управляли Московским государством по так называемой «системе поручений». Они передавали какой-либо круг дел непосредственно в ведение доверенного лица; степень их доверия определяла степень полномочий этого лица; смотря по своим способностям, это лицо могло совместить под своей властью несколько ведомств. Самое ведомство создавалось случайно: в одном ведомстве сталкивались самые разнородные дела, с другой стороны, разные ведомства, друг другу не подчиненные, ведали один и тот же предмет управления. Такое смешение ведомств сложилось исторически и было обусловлено именно этой системой поручений. Не будучи связаны в стройную систему, все ведомства очень легко поддавались изменениям и часто их вызывали (очерк московского управления см. у Владимирского-Буданова «Обзор истории русского права» и у А. Д. Градовского «Высшая администрация в России и генерал-прокуроры»). Строгого разграничения функций не было и в отношениях церкви и государства: государственная власть часто действовала в сфере церковного управления как помощница иерархии; в свою очередь, церковная администрация ведала некоторые разряды светских лиц, а церковный суд часто ведал дела светского характера. Однако такая путаница ведомств и отсутствие цельных и прочных учреждений не может считаться признаком государственного разложения: «Система централизационная может обойтись без прочных институтов; она может, подобно Москве, держаться системой поручений. В государственном управлении не будет единства, контроля, отношения будут запутаны, но она будет существовать, сильная своей близостью к верховной власти» (А. Д. Градовский, «Высш. адм. в России», 14).

Таково было положение управления. Всматриваясь в основные черты общественного строя XVII в., мы заметим, что при полном отсутствии воинственных вкусов общество московское тем не менее усвоило себе воинскую организацию. Высшие классы его представляли собой государственное ополчение: каждый дворянин был обязан участвовать в нем. Средние слои общества — посадские люди — несли некоторые военные повинности, но главнее всего — денежную повинность, «тягло», предназначаемое на покрытие военных издержек государства. Низшие клас-

сы — крестьянство — частью участвовали в тягле, частью личным трудом обеспечивали экономическое положение дворянства и тем давали ему возможность нести государственную службу. Каждое сословие, таким образом, определяло свое государственное положение тем или другим видом государственной повинности, а не составом своих прав (отсюда и вопрос о том, можно ли древнерусские общественные классы считать сословиями). Гарантий исправного отбывания повинностей государственная власть искала в целом ряде стеснительных мер по отношению к тому или другому сословию. Эти меры известны под общим термином «крепости», или «прикрепления». Дворянство было прикреплено к службе, а по службе — к тому городу, в уезде которого находилась земля дворянина. Посадское городское население было прикреплено к тяглу (подати), а по тяглу — к той общине, вместе с которой посадскому приходилось платить. Крестьяне были прикреплены к земле, с которой платили подать, и к лицу землевладельца, которому служили личным трудом. Благодаря этому прикреплению к государственным повинностям организация сословий направлена была в государственных интересах. Местные сословные союзы, городские и сельские податные общины имели финансовый характер: весь смысл их существования сводился к разверстке податей между членами общин и к круговой поруке в их уплате. Дворянство же в своих местных городских обществах не имело почти совсем внутренней организации. Лишь изредка, как остатки учреждений XVI в., встречались общины с полным самоуправлением. Таким образом, можно сказать, что в XVII в. в Московском государстве не было самостоятельных общественных союзов, не обусловленных государственными повинностями.

Таковы те отличительные черты, которые выступают при первом знакомстве с Московским государством в XVII в. Если мы в системе ознакомимся с фактами государственного устройства и управления того времени, то получим такую схему: во главе государства стоит государь, лицо которого является источником всякой власти — законодательной, судебной и исполнительной. Он считается и верховным покровителем церкви. Церковный собор 1666—1667 гг. прямо признал главенство власти государевой над властью патриаршей. Если иногда и кажется, что власть патриарха стоит рядом с верховной, как было при патриархе Филарете и патриархе Никоне, то это историческая случайность и следствие благоволения государя к патриарху. На деле московские государи пользуются безусловным самодержавием, но законодательство еще не определяет существа их власти до самой эпохи Петра.

Рядом с верховной властью до второй половины XVII в. стояли Земские соборы, являвшие собой совет представителей всей земли. Исторические условия русской жизни ставили государственную власть в XVII в. в тесное единение с представителями

земщины. Патриархальный оттенок государственного строя, сохранявшийся в XVII в., лишает возможности точно определить юридический характер наших представительных собраний: они одинаково далеки и от ограничительных, и от совещательных собраний на Западе. Авторитет их постановлений вполне сливался с авторитетом верховной власти; их постановления в безгосударное время (начало XVII в.) имели силу закона, а при государях получали такую силу согласием государя. Необходимо только заметить, что название Земских соборов «общеземскими» или «всесословными» не всегда точно: они и составом, и деятельностью не отражали в себе всех классов общества. Крестьянство бывало на них чрезвычайно редким гостем, податные классы представлялись менее полно, чем высшие служилые. Деятельность соборов никогда не преследовала узких сословных интересов и не была эгоистична, но силой исторических обстоятельств приводила к лучшему обеспечению интересов средних слоев общества (дворян и посадских), которые составляли в тот момент главную политическую силу страны. Соборы прекратились задолго до Петра (с 1653 г. их не видно; в 1682 г. были две сословных комиссии земских представителей, но они не соединились в собор). Стало быть, нельзя причины их прекращения видеть в Петре, как это делают некоторые писатели.

Земские соборы были случайным, экстренным органом, помогавшим верховной власти в деле управления. Таким же, но постоянным органом была Боярская дума. Историки этого учреждения отмечают несколько моментов в историческом развитии Боярской думы. В XV и XVI вв., как доказывает В. О. Ключевский, дума стала оплотом политических притязаний, возникших в московском боярстве в то время, когда в это боярство вошла масса удельных князей, перешедших на службу к московскому князю. Эти князья полагали, что в силу своего происхождения и прежних прав самостоятельной власти они могут соправительствовать с московскими государями. Однако эти последние не стояли на такой точке зрения и понимали служилых князей, как своих простых слуг. Вследствие этого между боярством и московскими государями произошел в XVI в. ряд недоразумений, завершившихся казнями Ивана Грозного. Однако и при Грозном боярство составляло строго аристократический класс, наполнявший думу почти исключительно своими членами. Но вследствие гонения Ивана IV и последующего смутного времени княжеское боярство вымерло (Мстиславские, Шуйские, Бельские и др.), частью же обеднело и сошло в низшие слои придворной знати (Хованские, отчасти Голицыны, Ростовские и др.). Вместе с тем стали по личным заслугам и качествам возвышаться и неродовитые люди. В XVII в., таким образом, правящий класс стал более демократическим. И дума Боярская в это время не наполнена только родовитейшими людьми, но состоит, по выражению Ключевского, «из старших членов боярских фамилий и из выслужившихся

приказных дельцов». В XVI в. дума была политическим органом притязательного боярства, в XVII в. она стала главным правительственным учреждением, простым советом государя. Этот боярский совет ведал все стороны государственной жизни: вырабатывал законодательные формы, являлся высшей инстанцией судебной и центральным административным учреждением, наконец, ведал все дипломатические сношения. В XVII в. судебная деятельность думы была сосредоточена в особой думской комиссии, которая носила название Расправной палаты и состояла из членов думы. Кроме этой палаты, других постоянных комиссий или департаментов дума не имела, а все дела решала в общих заседаниях. Как ни изменялся сословный состав думы в XVI и XVII вв., ее чиновный состав был неизменен. Члены думы делились на два разряда лиц: более аристократический, или боярство, и более демократический, или думных людей. Боярство делилось на два чина — бояр и окольничьих, думные люди тоже на два — думных дворян и думных дьяков. Эти четыре чина были высшими чинами Московского государства. С таким составом и характером деятельности дума дожила до времени Петра и действовала как главная пружина управления еще в первые годы его царствования.

Думе были подчинены органы центрального управления — приказы. Число их не было постоянным (от 40 до 50), системы в распределении ведомств не соблюдалось, поэтому однородные дела ведались различными приказами, и редкие приказы простирали свою деятельность на все государство. Ведомство каждого приказа создавалось довольно случайно вследствие исторически создавшейся потребности в новом органе. В основании ведомства приказа полагались поэтому разнообразные предметы управления. Одни приказы ведали во всех отношениях известную местность государства (Сибирский приказ, Костромская четь и др.); другие ведали известный разряд лиц (Приказ холопий — холопов, Стрелецкий — стрелецкое войско и т. д.); третьи, наконец, заведовали определенным родом дел (Разбойный — уголовной юстицией, приказ Большой казны — финансами, Разрядный — военными делами, Посольский — дипломатическими сношениями и т. д.). Рядом с крупными приказами (вроде упомянутых) стояли мелкие, вроде Аптекарского — ведавшего придворно-медицинскую часть, Каменного — наблюдавшего за каменными постройками. Наконец, одинаковым устройством с приказами пользовались те дворцовые учреждения, которые носили характер домашних хозяйственных контор государевой семьи (мастерские палаты, панихидный приказ). Вся эта масса разнородных спутанных приказов тяготила уже в XVII в. московское правительство. Оно стремилось упорядочить и упростить свое центральное управление и достигало этого отчасти двумя путями: соединением однородных приказов и подчинением нескольких мелких одному крупному. При этих соединениях отдельные приказы, однако, сохранили

свою особую внутреннюю организацию, и соединение имело, таким образом, внешний характер. Организация всех приказов была приблизительно одинакова. Они состояли из присутствия и канцелярии. Присутствие состояло из начальника приказа (часто члена думы) и «товарищей». Они назывались судьями и были подчиненными по отношению к начальнику, поэтому, будучи по форме коллегиальным, приказное присутствие на деле таковым не было: дела решались не большинством присутствующих, а по усмотрению старшего. В мелких приказах не было и коллегиальной формы: дела ведал один начальник, без товарища. Канцелярия состояла из подьячих под начальством дьяков; численность и тех и других зависела от размеров приказной деятельности.

В зависимости от приказов была вся волостная администрация. В XVII в. выработался, наконец, в Московском государстве однообразный тип местного управления — воеводское управление. В городах и их уездах назначаемые из московских приказов (почему местное управление и называлось приказным) воеводы совмещали в своем лице и военную, и гражданскую власть. Они являлись, как гражданская власть, и администраторами, и судьями. Все стороны местной жизни подлежали их ведению.

Воеводы имели свою канцелярию («Приказная изба») и, если ведали большой город и уезд, то имели «товарищей» в виде «меньших», «вторых» воевод или дьяков. Руководствуясь инструкцией приказа, воевода пользовался большой властью в своем городе и в то же время вполне зависел от приказа. Следя за деятельностью воевод в XVII в., можно сказать, что к концу века их власть росла по отношению к населению, и круг деятельности увеличивался. Правительственный элемент в областях, таким образом, приобретал все больше значения; установленное же в XVI в. самоуправление суживалось все более и более; но отношения приказного управления и земских властей в течение всего XVII века оставались неупорядоченными, и эта задача внесения порядка выпала на долю уже Петра.

Население принимало участие в местном управлении следующим образом. Во-первых, оно из тяглых слоев своих поставляло выборных людей в полное распоряжение администрации в качестве ее помощников для сбора казенных доходов (голова и целовальники таможенные, кабацкие и др.). Во-вторых, все классы населения известного уезда выбирали «губного старосту» и его помощников для ограждения безопасности и преследования уголовных преступлений в уезде. Выбранный и обеспечиваемый земщиной, губной староста поступал под начальство какого-либо московского приказа, исполнял его инструкции, был обязан отчетом и ответственностью приказу, а не избирателям. Все это делало его из власти земской властью правительственной, сообщало ему одинаковый характер с воеводой. Московское правительство даже заменяло иногда воевод губными старостами, воз-

лагая на них все обязанности воеводы (1661—1679). Институт губных старост распространен был во всем государстве, существуя рядом с воеводским управлением, и дожил до времени Петра. В-третьих, податные общины Московского государства для сбора податей и для заведования своими хозяйственными делами выбирали земских «старост». Это самоуправление существовало во всех общинах на пространстве всего XVII века. Сначала оно соединяло вместе и городских и сельских податных людей, но к концу XVII в. заметно отделение городских (посадских) общин от сельских (крестьянских). Это финансовое самоуправление находилось под контролем и воевод, и приказов. В-четвертых, наконец, со времени Ивана IV и до конца XVII в. в некоторых местностях (северных, по преимуществу) отсутствовало приказное управление и заменялось полным самоуправлением. Во главе управления в этих местностях стояли «излюбленные головы», иначе «земские судьи» с помощниками (сотскими, пятидесятскими и т. д.); их ведению подлежали суд, администрация и финансы в округе. Таких самоуправляющихся округов в XVII в. было очень немного, а в конце века они стали и совсем редкими архаизмами. Приказное управление вытеснило эту форму самоуправления из уездов и кое-где терпело в мелких общинах на так называемых черных землях.

В таком виде представляются нам формы московского управления перед началом реформы Петра. Для того чтобы закончить обзор государственного устройства и управления, следует еще сказать несколько слов о сословиях XVII в.

Дворянство допетровской эпохи представляется обыкновенно как класс лиц, обязанных государству личной (по преимуществу, военной) службой и обеспеченных за это государственной землей в виде больших или малых поместий. Земельное хозяйство дворянина было построено на труде зависимых от него крестьян. Находясь в такой политической и экономической обстановке, дворянство в XVII в. достигает ряда улучшений в своем быте. С одной стороны, с вымиранием и упадком старого боярства верхним слоям дворянства открывается доступ к высшим государственным должностям. Во второй половине XVII в. многие первостепенные правительственные лица выходят из рядов простого дворянства (Ордин-Нащокин). С другой стороны, экономическое положение дворянства лучше обеспечивается: законодательным путем крестьянство окончательно прикрепляется к земле и лицу землевладельца. (Уложением крестьяне прикрепляются окончательно к земле; в 60-х годах XVII в. побег крестьянина считается преступлением и за него назначается законная кара, а практика в течение всего XVII века развивает обычай, показывающий, что крестьянин прикреплен не только к земле, но и к лицу владельца; этот обычай — продажа крестьян без земли.) Вместе с тем права дворян на поместья постоянно растут, расширяется право распоряжения поместьем, поместье

делается наследственным владением и очень сближается с наследственной собственностью дворян — вотчиной. Наконец, военная служба перестает быть исключительно повинностью дворян, образуется солдатское войско (рейтарские, драгунские и солдатские полки), состоящее из иностранцев и русских людей низших классов; в этом войске дворяне являются офицерами, и этим войском часто заменяются дворянские ополчения. Петр Великий уже застает дворянство в качестве высшего класса русского общества, из которого выходит весь состав высшей и низшей администрации. Прежний же высший класс — боярство — не дожил до Петра в старом родовитом составе и правительственном значении.

Городское население, в качестве особого замкнутого общественного класса, было сформировано только Уложением. Состоя из торговых и промышленных людей, этот класс возбуждал правительственные заботы во второй половине XVII в. Правительство старалось о развитии русской торговли и промыслов. Идеи меркантилизма, господствовавшие в то время на Западе, появились у нас: Ордин-Нащокин без сомнения был знаком с ними, и это отразилось в Новоторговом уставе 1667 г., который, заключая в себе законодательство о торговле и торговом классе, выказывал высокое понятие о торговле как факторе общественного благосостояния. Но развитию русской внешней торговли мешало отсутствие собственных гаваней, удобных сухопутных дорог и конкуренция иностранных купцов, которой не могли выдерживать русские. Промышленность же и внутренняя торговля в русских городах не могла развиваться успешно, потому что главные потребители — достаточные дворянские классы — или группировались в центре государства, в Москве, или были рассеяны по своим усадьбам и там сами производили все необходимое трудом и умением своих крестьян и холопов. Поэтому городская жизнь не могла быть развита, городское население не могло быть многочисленно. Только на севере государства (на Волге и на дороге к Архангельскому порту) встречаем богатые города как исключение.

Крестьянство, как уже было сказано, к концу XVII в. стало в полную зависимость от лица землевладельца. По отношению к последним оно мало чем отличалось от холопов в смысле подчиненности, но государство продолжало видеть в крестьянах общественный класс и облагало их податью. В то же время государство стремилось и холопов ввести в государственное тягло и на некоторые их разряды налагало государственные платежи. А владельцы холопов стали устраивать своих холопов на пашне и давали им во владение дворы. На деле в конце XVII в. и крестьяне владельческие, и холопы представляли из себя зависимость землевладельцев, обложенных государственной податью. Разница была только в юридической форме зависимости тех и других от их владельцев. Так, еще до Петра произошло

полное сближение крестьянства с холопством. Но крестьяне, жившие на дворцовых (государевых) и черных (государственных) землях, были далеки от такого сближения: они составляли класс полноправных граждан, хотя и у них каждый был прикреплен к своей общине.

Время Петра Великого

Детство и отрочество Петра (1672—1689)

Первые годы. Изучение первых лет жизни Петра имеет большую важность в том отношении, что позволяет нам понять, в какой обстановке развивался его характер, какие впечатления вынес Петр из своего детства, как шла его умственная жизнь, какое отношение сложилось в нем к среде, его воспитавшей. Существует мнение, что бурное детство было причиной всех дальнейших резкостей в поведении Петра и вызвало в нем жгучее озлобление против старины, стоявшей помехой на его дороге. Далее мы увидим, что в этом мнении много правды. Сам Петр иногда с горечью отзывался о своих детских годах.

Петр был младшим сыном царя Алексея Михайловича. Царь Алексей был женат два раза: в первый раз на Марье Ильиничне Милославской (1648—1669), во второй—на Наталье Кирилловне Нарышкиной (с 1671 г.). От первого брака у него было 13 детей. Многие из них умерли еще при жизни отца, и из сыновей только Федор и Иван его пережили. Оба они были болезненными: у Федора была цинга, Иван страдал глазами, заикался, был слаб телом и рассудком. Быть может, мысль остаться без наследников побудила царя Алексея спешить вторым браком. Свою вторую жену Наталью Кирилловну царь встретил в доме Артамона Сергеевича Матвеева, где она росла и воспитывалась в обстановке реформационной. Увлекшись красивой и умной девушкой, царь обещал найти ей жениха и скоро сам присватался к ней. В 1672 г. 30 мая у них родился крепкий и здоровый мальчик, нареченный Петром. Рождение его окружено роем легенд, неизвестно когда развившихся. Говорили, что Симеон Полоцкий предсказывал еще до рождения Петра его великую будущность; что юродивый заранее определил, сколько он проживет; что в церкви дьякон, не зная еще о рождении Петра, в минуту его рождения возгласил о его здравии и т. д.

Царь Алексей был очень рад рождению сына. Рады были и родственники его молодой жены, Матвеев и семья Нарышкиных. Незнатные до тех пор дворяне (про Наталью Кирилловну ее враги говорили, что прежде, чем стать царицей, она «в лаптях ходила»), Нарышкины с женитьбой царя приблизились ко двору и стали играть немалую роль в придворной

жизни. Их возвышение было враждебно встречено родственниками царя по первой его жене — Милославскими. Рождение Петра увеличило эту вражду первой и второй семей царя и сообщило ей новый характер. Для Милославских рождение Петра не могло быть праздником, и вот почему: хотя наследником престола всегда считался, а с 1674 г. официально был объявлен царевич Федор, тем не менее при болезненности его и Ивана Петр мог иметь надежду на престол. Если бы царствовал Федор или Иван, политическое влияние всецело принадлежало бы их родне — Милославским; если бы престол перешел к Петру, опека над ним и влияние на дела принадлежали бы матери Петра и Нарышкиным. Благодаря такому положению обстоятельств с рождением Петра семейный разлад Милославских и Нарышкиных терял узкий семейный характер и получил более широкое политическое значение.

Отсутствие родственной любви и неприязнь между Милославскими и Нарышкиными существовала и при жизни царя Алексея; но он сдерживал эту неприязнь своим личным авторитетом, хотя уверенно можно сказать, что и его авторитет не мог примирить враждующие стороны. При полной противоположности интересов родня царя расходилась и взглядами, и воспитанием. Старшие дети царя (особенно Федор и четвертая дочь Софья) получили блестящее по тому времени воспитание под руководством С. Полоцкого. В этом воспитании силен был элемент церковный, действовало польское влияние, заметное на южнорусских монахах. Напротив, Нарышкина вышла из такой среды (Матвеевы), которая при отсутствии богословского направления впитала в себя влияние западноевропейской культуры. Это различие направлений могло только усиливать вражду. Столкновение было неизбежно.

В январе 1676 г. умер царь Алексей. Ему было только 47 лет; его ранней смерти нельзя было предусмотреть. Поэтому обе семейные партии были застигнуты катастрофой врасплох. На престол вступил 14-летний Федор, но дела некоторое время оставались в руках Матвеева: царствовал представитель одной семейной партии, управлял представитель другой. Так случилось потому, что в последние годы царя Алексея родственники его второй жены были ближе к царю и делам, чем Милославские. Однако скоро Милославские взяли верх; интригами способнейшего из Милославских, Ивана Михайловича, и влиятельного боярина Богдана Матвеевича Хитрово Матвеев был удален в далекую ссылку (Пустозерск). Делами завладели Милославские; но при дворе кроме Милославских и Нарышкиных образовалась третья партия. Под руководством старых бояр Хитрово и Юрия Алексеевича Долгорукого некоторые лица с боярином Иваном Максимовичем Языковым во главе завладели симпатией царя Федора и отстранили от него все другие влияния. Потеряв надежду видеть потомство у царя и понимая приближение господства (в

случае смерти Федора) или Нарышкиных, или Милославских, партия Языкова впоследствии стала искать сближения с Нарышкиными. Вот почему в конце царствования Федора был возвращен из ссылки Матвеев. Вот почему, когда умер Федор (27 апреля 1682 г.), восторжествовали Нарышкины, а не Милославские. Сложная игра придворных партий, соединившая интересы стороны Языкова со стороной Нарышкиных, повела к тому, что помимо старшего, больного и неспособного Ивана царем был избран младший брат, царевич Петр.

После смерти Федора царя приходилось избирать, потому что не было законом установленного престолонаследия. По действовавшему обычаю отцу наследовал сын, но у Федора не было детей. В давно прошедших веках, случалось, наследовали и брат брату (сыновья Ивана Калиты), но это была уже ветхая, потерявшая обязательную силу старина, на ней трудно было основать права Ивана. Патриарх Иоаким, Языков с прочим боярством и Нарышкины хотели Петра. Десятилетний здоровый Петр и в самом деле своей личностью представлялся более способным занять престол, чем полумертвый и тоже малолетний Иван (ему было 15 лет). Петр был избран в цари. Но обычаем была в Московском государстве узаконена форма царского избрания — посредством Земского собора. Собором избрали Бориса Годунова и Михаила Федоровича, за отсутствие собора упрекали царя В. И. Шуйского его современники. В данном случае, при избрании Петра, к созыву собора не прибегли. Решили дело патриарх с Боярской думой, после того как толпа народа (московское вече, если уместно это архаическое выражение) криком решила, что желает в цари Петра. Такая форма избрания мало давала гарантий для будущего, тем более что время было очень смутное. Милославские не могли помириться с неудачей, их сторонники открыто кричали на площади в пользу Ивана, а не Петра; не все стрельцы с одинаковой охотой присягали Петру; во дворце боялись резких партийных столкновений, бояре носили кольчуги под одеждой.

Тем не менее Петр стал царем. Опека над ним, по московскому обычаю, принадлежала его матери. Царица Наталья Кирилловна стала центром правительства. Но подле нее не было искренно преданных помощников и руководителей: Матвеев еще не вернулся в Москву из ссылки, братья царицы не отличались необходимыми для правления способностями и опытом. Таким образом, новое правительство было слабо. Этим и воспользовалась сторона Милославских, среди которых было много выдающихся лиц.

Главным представителем этой партии была царевна Софья, ученица Симеона Полоцкого, личность безусловно умная и энергичная, которой душно было в тесной полумонашеской обстановке, окружавшей московских царевен; образование расширило ее умственный кругозор, выработало в ней широкие запросы жизни,

а отсутствие стесняющего внешнего авторитета родительской власти позволило Софье искать ответы на эти вопросы вне терема. Она тесной сердечной связью сблизилась с замечательнейшей личностью того времени, князем В. В. Голицыным, и вмешивалась в общественную жизнь. Кровными узами привязанная к дворцовой партии Милославских, Софья прониклась ее интересами. Как сильная и страстная натура, она лучше и сильнее всех чувствовала эти интересы и стала руководительницей этой партии. Противники (т. е. Нарышкины, и более всех Наталья Кирилловна) были ей ненавистны, как обидчики ее и ее родных. В то же время очень развитое честолюбие Софьи показывало ей возможность в случае воцарения Ивана стать во главе государства опекуншей неспособного брата, заменить ему мать, управлять государством. С воцарением Петра место это было занято Натальей Кирилловной, которая видела, конечно, в Софье свою соперницу; отсюда взаимная ненависть мачехи и падчерицы. Кроме Софьи у Милославских был другой способный человек, И. М. Милославский, падкий на интригу, изворотливый и лишенный твердых нравственных понятий. За Иваном Милославским стоял родовитый князь И. А. Хованский, который не столько дружил с Милославскими, сколько не любил их противников. Но Хованский и Голицын не были деятельными участниками той политической интриги, которая была ведена в мае 1682 г. преимущественно Софьей и Милославскими против Нарышкиных.

В последние дни царя Федора и в первые дни царствования Петра московские стрельцы пришли в некоторое движение. Стрелецкое войско было сформировано в полки, носившие название по фамилиям полковников. Жило оно отдельно от прочего населения Москвы, в особых «стрелецких слободах» в разных частях города. И сами стрельцы, и их семьи помимо службы занимались промыслами и мелкой торговлей. Поэтому стрельцы, имея военную организацию, в то же время не были замкнуто живущим военным сословием, а сохраняли живые связи с остальным московским населением. В начале 1682 г. главным начальником стрелецкого войска был князь Юрий Алексеевич Долгорукий, «развалина от старости и паралича», как характеризует его С. М. Соловьев. Он не мог поддержать должной дисциплины. Полковники стрелецкие начали притеснять стрельцов, стрельцы на злоупотребления властью отвечали нарушением порядка. В грубой форме заявляют они протест против притеснений, подавая с ругательствами челобитья на начальников и употребляя силу для освобождения наказанных товарищей. Это движение началось еще при Федоре, а при новом правительстве выразилось довольно резко: сразу от 16 полков подана была во дворец челобитная на полковников с угрозой, если не накажут полковников, расправиться с ними самосудом. Правительство Натальи Кирилловны сделало промах: вместо спокойного расследования дела оно с испуга уступило стрельцам и, уволив

полковников, взыскало с них все денежные к ним претензии стрельцов. Уступка разнуздала стрельцов окончательно, дисциплины не стало, самосудом расправлялись они со всеми неприятными им начальниками. Полный беспорядок царил в слободах. С переменой правительства стрельцы почувствовали, что они — сила, которой боятся даже во дворце.

Всеми этими обстоятельствами воспользовалась партия Милославских, чтобы направить движение в свою пользу, сообщить ему политический характер, которого оно до сих пор не имело. Через преданных себе стрельцов эта партия постаралась возбудить неудовольствие полков против правительства Петра, перенести их внимание от своих стрелецких дел на политическое положение. Стрельцы усердно рассказывали, что за малолетним Петром стоят бояре «изменники», которые не хотят ему добра и государством управляют в свою пользу, а другим во вред; эти изменники злоумышляют на царскую семью, т. е. на царя Ивана и на Милославских. Стрельцы верили всем этим слухам и главными изменниками считали (конечно, по наущению Милославских) Матвеева, Нарышкиных и Языкова. Они явно грозили «свернуть шею» этим лицам и готовы были стать за царя и за благополучие царской семьи. Милославским, таким образом, удалось настроить стрельцов против своих политических противников. Между стрельцами был распространен список изменников, которых следовало истребить, но Милославские ждали еще приезда в Москву опаснейшего своего противника Матвеева, чтобы истребить и его, и потому удерживали стрельцов от решительных действий. Матвеев приехал 11 мая и хотя был предупрежден о волнениях стрельцов, но не придал им большого значения и не принял предосторожностей.

15 мая произошел так называемый стрелецкий бунт. Милославские дали знать утром этого дня в стрелецкие слободы, что изменники задушили царя Ивана. Стрельцов звали в Кремль. В боевом порядке выступили стрелецкие полки в Кремль, успели занять кремлевские ворота, прекратили сношения Кремля с остальным городом и подошли ко дворцу. Во дворце собрались, услыша о приближении стрельцов, бояре, бывшие в Кремле, и патриарх. Из криков стрельцов они знали, зачем явилось стрелецкое войско, знали, что они считали царя Ивана убитым. Поэтому на дворцовом совете было решено показать стрельцам и Ивана, и Петра, чтобы сразу убедить их в полном отсутствии всякой измены и смуты во дворце. Царица Наталья вывела обоих братьев на Красное крыльцо, и стрельцы, вступив на разговор с самим Иваном, услышали от него, что «его никто не изводит, и жаловаться ему не на кого». Эти слова показали стрельцам, что они жертва чьего-то обмана, что изменников нет и истреблять некого. Старик Матвеев умелой и сдержанной речью успел успокоить стрельцов настолько, что они хотели разойтись. Но Михаил Юрьевич Долгорукий испортил дело. Будучи, после отца

своего Юрия, вторым начальником Стрелецкого приказа и думая, что теперь стрельцы смирились совсем, он отнесся к толпе с бранью и грубо приказывал ей расходиться. Стрельцы, рассердясь и подстрекаемые людьми из партии Милославских, бросились на него, убили его и, опьяненные первым убийством, бросились во дворец искать других «изменников». Матвеева они схватили на глазах царицы Натальи и Петра (некоторые рассказывали, что даже выхватили из их рук) и рассекли на части; за Матвеевым были схвачены и убиты бояре князь Ромодановский, Аф. Кир. Нарышкин и другие лица. Особенно искали стрельцы ненавистного Милославским Ив. Кир. Нарышкина, способнейшего брата царицы, но не нашли, хотя обыскали весь дворец. Убийства совершались и вне дворца. В своем доме был убит князь Юрий Долгорукий. На улице схвачен и потом убит Ив. Макс. Языков, представитель третьей дворцовой партии. Над трупами убитых стрельцы ругались до позднего вечера и, оставив караул в Кремле, разошлись по домам.

16 мая возобновились сцены убийства. Стрельцы истребили всех тех, кого сторона Милославских считала изменниками. Но желаемого Ив. Кир. Нарышкина не нашли и в этот день — он искусно прятался во дворце. 17 мая утром стрельцы настоятельно потребовали его выдачи, как последнего уцелевшего изменника. Чтобы прекратить мятеж, во дворце нашли необходимым выдать Ивана Кирилловича. Он причастился и предался стрельцам, его пытали и убили. Этим окончился мятеж.

Петр и его мать были потрясены смертью родных, ужасами резни, которая совершалась на их глазах, и оскорблениями, которые получали они от грубых стрельцов. Около них не осталось ни одного помощника и советника: все их сторонники были истреблены, а уцелевшие попрятались. У Милославских, таким образом, исчезли их политические противники. Хозяевами дел становились теперь они, Милославские; представительницей власти стала Софья, потому что Наталья Кирилловна удалилась от дел. В те дни ее грозили даже «выгнать из дворца». Вступление во власть со стороны Милославских выразилось тотчас же после бунта тем, что места, занятые прежде в высшей московской администрации людьми, близкими к Нарышкиным, еще до окончания бунта перешли к сторонникам Софьи. Князь В. В. Голицын получил начальство над Посольским приказом; князь Ив. Андр. Хованский с сыном Андреем стали начальниками Стрелецкого приказа (т. е. всех стрелецких войск). Иноземский и Рейтарский приказы подчинены были Ив. Мих. Милославскому.

Но, завладев фактически властью, уничтожив одних и устранив от дел других своих врагов, Софья и ее сторонники не заручились еще никаким юридическим основанием своего господствующего положения. Таким юридическим основанием могло быть воцарение царя Ивана и передача опеки над ним какому-

нибудь лицу его семьи. Этого Софья достигла помощью тех же стрельцов. Конечно, по наущению ее сторонников, стрельцы били челом о том, чтобы царствовал не один Петр, а оба брата. Боярская дума и высшее духовенство, боясь повторения стрелецкого бунта, 26 мая провозгласили первым царем Ивана, а Петра — вторым. Немедленно затем стрельцы били челом о том, чтобы правление поручено было, по молодости царей, Софье. 29 мая Софья согласилась править. Мятежных, но верных ей стрельцов Софья угощала во дворце. Таким образом, партия Софьи достигла официального признания своего политического главенства.

Однако все население Москвы и сами стрельцы сознавали, что стрелецкое движение, хотя и вознаграждалось правительством, было все-таки незаконным делом, бунтом. Сами стрельцы поэтому боялись наказания в будущем, когда правительство усилится и найдет помимо них опору в обществе и внешнюю силу. Стараясь избежать этого, стрельцы требуют гарантий своей безопасности, официального признания своей правоты. Правительство не отказывает и в этом. Оно признает, что стрельцы не бунтовали, а только искореняли измену. Такое признание и было засвидетельствовано всенародно в виде особых надписей на каменном столбе, который стрельцы соорудили на Красной площади в память майских событий.

Постройка такого памятника, прославлявшего мятежные подвиги, еще более показала народу, что положение дел в Москве ненормально и что стрельцы, до поры до времени, единственная сила, внушающая боязнь даже дворцу. Этой грозной силой задумали воспользоваться некоторые расколоучители. Находясь под церковным проклятием (церковный собор 1666—1667 г. изрек анафему на раскольников), раскольники задумали избавиться от проклятия и восстановить «старое благочестие» в русской церкви тем же путем, каким Милославские достигли власти, т. е. [с] помощью стрельцов. Расколоучители повели в стрелецких слободах деятельную и успешную агитацию для этой цели. Результатом ее было новое волнение значительной части только что успокоившихся стрельцов. Через своего начальника И. А. Хованского стрельцы требовали пересмотра вероисповедного вопроса. Хованский, несколько сочувствовавший раскольникам, дал ход этому требованию, и правительство, опасаясь отказом раздражить стрельцов, назначило на 5 июля в Грановитой палате дворца диспут между православной иерархией и расколоучителями. Этот диспут вызвал уличные беспорядки, на самом диспуте спорили долго и благодаря отсутствию определенного плана прений не пришли ни к какому результату. Тем не менее раскольники провозгласили победу. Масса московского населения, с напряженным вниманием ожидавшая исхода диспута, была введена в немалый соблазн рядом скандалов и отсутствием твердой власти, не смогшей поддержать порядка, и неизвестностью — где

же церковная истина? Правительство же было смущено тем, что в этот день ясно увидело, как ненадежно стрелецкое войско; стрельцы оскорбляли Софью, когда она вмешивалась в диспут, поддерживали раскольников («променяли государство на шестерых чернецов», как выразилась Софья) и слушались обожаемого ими Хованского гораздо более, чем повиновались правительству. После диспута у Софьи стало две заботы: лишить раскольников стрелецкой поддержки и обуздать Хованского, который мог злоупотреблять привязанностью стрельцов. Первого Софья скоро достигла. Увещаниями и подачками она склонила стрельцов отстать от расколоучителей. Одного из них казнила (Никиту Пустосвята), других сослала. Не так легко было свести счеты с Хованским.

Прямо сместить Хованского Софья боялась, потому что это могло раздражать стрельцов и повести к новым беспорядкам. Терпеть же его во главе военной силы казалось невозможным. Помимо того бестактного поведения, каким он отличался во время раскольничьего движения, Хованский вел себя дурно и в последующее время: он льстил стрельцам, уронил дисциплину; ходили слухи, что он грозил устранить Милославских от власти, во дворце даже говорили, что Хованский хочет завладеть царством для себя и для сына. И. М. Милославский так был напуган, что не жил в Москве, боялась и Софья. 20 августа вся царская семья уехала из Москвы, считая себя небезопасной в Кремле. После многих переездов из села в село, из монастыря в монастырь, Софья в селе Воздвиженском праздновала свои именины 17 сентября. Туда к этому дню съехалось много московской знати, и вот 17-го, после обедни и приема поздравлений, цари с боярами «сидели» о деле Хованского. Боярская дума выслушала «доклад», или обвинительный акт, в котором Хованский был обвиняем в преступлениях по службе и в умысле на жизнь государей. Последний пункт обвинений был основан на подметном письме, которое брошено было на имя государей у дворцовых ворот, а написано было, говорят, И. М. Милославским. Дума приговорила Хованского и сына его Андрея к смертной казни. Их арестовали недалеко от села Воздвиженского, доставили туда и в тот же день казнили. Суд, приговор и казнь последовали в один и тот же день, внезапно, неожиданно. Очевидно, Софья боялась помехи со стороны стрельцов; боясь их волнения, она 17-го же сентября известила их грамотой, что Хованские казнены, и прибавляла, что на самих стрельцах царского гнева нет.

Но стрельцы не поверили. Они думали, что за Хованским наказание постигнет и их. Поэтому они подняли бунт; по слухам, ожидая нападения на Москву царских войск, они привели город в осадное положение и приготовились к вооруженной защите. Это заставило правительство удалиться в Троицкую Лавру (бывшую первоклассной крепостью того времени) и собирать дво-

рянское ополчение из городов. Военные приготовления правительства показали стрельцам их собственную слабость, невозможность сопротивления и необходимость покориться. Через посредство оставшегося в Москве патриарха просят они прощения у Софьи. Софья дает им прощение с одним условием: стрельцы вполне должны повиноваться начальству и не мешаться не в свои дела; 8 октября стрельцы дают в этом клятву. Они просят позволения сломать тот почетный столб, который был поставлен в память майских подвигов. Теперь в глазах их самих и правительства майские подвиги не заслуга, а бунт.

Так кончилось смутное время, тянувшееся с мая по октябрь 1682 г. В начале ноября двор возвратился в Москву; настало так называемое «правление царевны Софьи» (1682—1689).

Таковы были придворные и политические обстоятельства, в которых родился и провел годы детства Петр. С началом правления Софьи началось его отрочество. Посмотрим, что мы знаем достоверного о детстве Петра.

О первых днях жизни царевича сохранилось много любопытных сведений. Его рождение вызвало ряд придворных праздников. Крестили царевича только 29 июня в Чудовом монастыре, и крестным отцом был царевич Федор Алексеевич. По древнему обычаю, с новорожденного «сняли меру» и в ее величину написали икону апостола Петра. Новорожденного окружили целым штатом мам и нянь; кормила его кормилица. По некоторым отзывам, Петр с детства был очень крепок физически, «возрастен и красен и крепок телом». Очень рано его стали забавлять игрушки, и эти игрушки почти исключительно имели военный характер. По расходным дворцовым книгам мы знаем, что Петру постоянно делали в придворных мастерских и покупали на рынках луки, деревянные ружья и пистолеты, барабаны, игрушечные знамена и т. д. Этим оружием царевич и сам тешился, и вооружал «потешных ребяток», т. е. своих сверстников из семей придворной знати, всегда окружавших малолетних царевичей. Если бы царь Алексей жил более, можно было бы ручаться, что Петр получил бы такое же прекрасное, по тому времени, образование, как его брат Федор. Но царь Алексей умер, когда Петру не исполнилось и четырех лет. Вот почему Петр остался без правильного образования. Некоторые (И. Е. Забелин) думают, что начало обучения Петра положил еще его отец. Такое мнение основывается на том, что 1 декабря 1675 г. начали кого-то учить грамоте в царской семье, как это ясно из книг Тайного приказа. Но в царской семье не начинали учить детей раньше 5 лет, а Петру тогда было только $3^1/_2$ года. С другой стороны, первый известный нам учитель Петра, Никита Моисеевич Зотов, был определен к нему уже царем Федором. Поэтому такое мнение о раннем обучении Петра сомнительно. Достовернее, что Петр впервые сел за азбуку под руководством Зотова пяти лет от роду. Этого Зотова назначил к Петру его крестный отец, царь Федор,

очень любивший своего крестника и брата. Зотов раньше был приказным дьяком и при назначении к Петру подвергся экзамену: читал и писал в присутствии царя и был одобрен как самим царем, так и известным Симеоном Полоцким. Курс учения в древней Руси начинался азбукой, продолжался чтением и изучением Часослова, Псалтиря, Апостольских деяний и Евангелия. Обучение письму шло позже чтения. Петр начал учиться письму, кажется, в начале 1680 г. и никогда не умел писать порядочным почерком. Кроме письма и чтения Зотов ничему не учил Петра (ошибиться здесь можно только относительно арифметики, которую Петр узнал довольно рано неизвестно от кого). Но Зотов как пособие при обучении употреблял иллюстрации, привозимые в Москву из-за границы и известные под именем «потешных фряжских», или «немецких листов». Эти листы, изображая исторические и этнографические сцены, могли дать много умственной пищи ребенку. Кроме того, Зотов ознакомил Петра с событиями русской истории, показывая и поясняя ему летописи, украшенные рисунками. Что Зотов и при отсутствии широкого образования и ума вел свое дело добросовестно и тепло, доказывается неизменным расположением к нему Петра, не забывшего своего учителя.

Чем больше становился Петр, тем хуже складывалась окружающая его обстановка. При отце любимый и ласкаемый, Петр при Федоре вместе с матерью разделял ее опалу. Хотя Федор его и любил, но борьба придворных партий отстраняла его и его мать от царя. Начиная понимать разговоры окружающих, Петр узнал от них, конечно, о семейной вражде, о гонениях на его мать и на близких ей людей. Он учился не любить Милославских, видел в них врагов и притеснителей. Десяти лет избранный царем, он в 1682 г. пережил ряд тяжелых минут. Он видел бунт стрельцов; старика Матвеева, говорят, стрельцы вырвали из его рук; дядя Иван Нарышкин был им выдан на его глазах; он видел реки крови; его матери и ему самому грозила опасность ежеминутной смерти. Петр так был потрясен «майскими днями» 1682 г., что от испуга у него явились и остались на всю жизнь конвульсивные движения головы и лица («sa tête branle continuellement, bien qu'il ne soit âgé que de vingt ans»,— пишет о нем видевший его современник). Чувство неприязни к Милославским, воспитанное уже раньше, перешло в ненависть, когда Петр узнал, сколь они виноваты в стрелецких движениях. С ненавистью относился он и к стрельцам, называя их «семенем Ивана Михайловича» (т. е. Милославского), потому что с представлением о стрельцах у него соединялось воспоминание об их бунтах 1682 г.

Так неспокойно кончилось детство Петра. В нем — начало его военных забав, в нем — тяжелые, даже ужасные минуты, повлиявшие на всю жизнь Петра. В детстве Петра, наконец, нет начатков правильного образования: его учат «грамоте», прочие сведения приходят случайно, усваиваются мимоходом.

Время царевны Софьи. Обратимся к правлению царевны Софьи. При ней главными деятелями являются боярин князь В. В. Голицын и думный дьяк Шакловитый. Первый был начальником Посольского приказа, главным правительственным деятелем во внешних сношениях Москвы и во внутреннем управлении. Второй был начальником стрелецкого войска и главным стражем интересов Софьи, оберегателем господствовавшей партии. Шакловитый был верным слугой Софьи, а Голицын не только служил царевне, но был ее любимым. Личность князя В. В. Голицына — одна из самых замечательных личностей XVII в. Иностранцы, знавшие его, говорят о нем с чрезвычайным сочувствием, как об очень образованном и гуманном человеке. Действительно, Голицын был очень образованным человеком, следовал во всех мелочах жизни западноевропейским образцам, дом его был устроен на европейский лад. По характеру своего образования он близок был к малорусскому образованному монашеству и находился до некоторой степени под влиянием польско-католическим. Гуманность Голицына обращала на себя внимание современников, ему приписывали широкие проекты освобождения крестьян от частной зависимости. Внутренняя правительственная деятельность времени Софьи отмечена мягкостью некоторых мероприятий, быть может, благодаря влиянию Голицына. При Софье было смягчено законодательство о несостоятельных должниках, ослаблены некоторые уголовные кары, отменена варварская казнь — закапывание в землю живого. Однако в той сфере, где сильно было влияние не Голицына, а патриарха,— в отношении к раскольникам — незаметно было большой гуманности: раскол преследовался по-прежнему строго.

Но главным поприщем Голицына была дипломатическая деятельность. Враждебные отношения Москвы к Турции и татарам не прекращались, хотя в 1681 г. и было заключено перемирие на 20 лет. Турция в то время была в войне с Австрией и Польшей, и Польша искала союза с Россией против Турции. Польский король Ян Собесский, деятельный враг турок, очень рассчитывал на русскую помощь и очень желал привлечь Москву к австро-польскому союзу. Но Москва, с самой Польшей находясь только в перемирии, соглашалась подать помощь лишь по заключении вечного мира. В 1686 г. Ян Собесский согласился на *вечный мир*, по которому навеки уступил Москве все, что она завоевала у Польши в XVII в. (важнее всего Киев). Этот мир 1686 г. был очень крупной дипломатической победой, которой Москва обязана была В. В. Голицыну. Но по этому миру Москва должна была начать войну с Турцией и Крымом, ей подчиненным. Решено было идти походом на Крым. Поневоле принял Голицын начальство над войсками и сделал на Крым два похода (1687—1689). Оба они были неудачны (только во второй раз, в 1689 г., русские успели дойти через степь до Перекопа, но не могли проникнуть далее). Не имея военных способностей, Голицын не

мог справиться с трудностями степных походов, потерял много людей, возбудил ропот войска и навлек со стороны Петра обвинение в нерадении. Впрочем, до низвержения Софьи ее правительство старалось скрыть неудачу, торжествовало переход через степи к Перекопу как победу и осыпало наградами Голицына и войска. Но неудача была ясна для всех: ниже увидим, что Петр воспользовался ею и оставил в покое Крым в своем наступлении на юг.

Такова была внешняя деятельность правительства Софьи. Государственные вопросы развивались своим чередом; семейная вражда в то же время шла своим чередом и сплеталась с другими обстоятельствами общественной жизни в очень сложные комбинации общественного движения в Москве.

Правила делами одна часть царской семьи, власть которой воплощала в себе Софья. Она знала, что в другой части царской семьи первым человеком была царица Наталья. Обе женщины враждовали друг против друга, сильно и сознательно вдохновляли ненависть к врагу и своих близких. Одна (Софья) жила настоящим, знала, что власть ее падет скоро, с совершеннолетием Петра, и не желала этого. Другая (Наталья Кирилловна) была лишена власти, была в опале и знала, что скоро сын возвратит ей надлежащее место во дворце; все ее надежды были в будущем. Семейная вражда породила две враждебные партии людей, связавших себя с той или другой частью царской семьи и враждовавших из-за влияния, из-за карьеры и личного возвышения. Эта борьба была уже не семейной, но политической враждой. Личное чувство любви поставило Голицына около Софьи; он не чувствовал ненависти к Нарышкиным, но сознание, что они считают его своим врагом и в будущем не пощадят, заставляло его в отчаянии желать вслух смерти царицы Натальи. Но с начала и до конца он не был активным участником борьбы, стоял далеко не в центре политических интриг. Вел интригу Шакловитый, человек безнравственный и злобный, службой Софье строивший свою личную карьеру. Шакловитый спокойно выражал сожаление, что не все Нарышкины побиты в 1682 г.; он старательно стремился поправить такую ошибку и при случае уничтожить врагов, укрепить Софью на престоле, а себя — на службе. И много лиц мечтали, как он, помогая Софье, устроиться самим. На противоположной стороне, у Натальи Кирилловны, было не меньше друзей. Во главе ее партии стояли два человека: брат царицы Лев Кир. Нарышкин, сдержанный, умный, но малообразованный и не привыкший к широкой деятельности человек, и князь Борис Алексеевич Голицын, «дядька» (т. е. воспитатель) Петра. Это был человек, по образованию мало уступавший своему двоюродному брату, князю В. В. Голицыну. Не уступал он ему и умом, и общей нравственной высотой, но был жертвой грустной привычки — пьянства. Бояре в ссоре упрекали его, что он «весь налит вином», в народе шел говор, что князь Борис «и

государя (т. е. Петра) пить научил». Слабость эта много мешала ему и в жизни, и в службе; однако, охраняя интересы Петра против Софьи, князь Борис явился боевым руководителем партии Нарышкиных и доставил Петру победу в последнем столкновении 1689 г. Партия Нарышкиных, как и партия Софьи, имела многих приверженцев во всех слоях общества, даже среди бывших помощников Милославских — стрельцов. И чем ближе подходило время совершеннолетия Петра, тем более примыкало к партии Нарышкиных дальновидных людей, предвидевших, в чью пользу разрешится семейно-политическая борьба.

Но рядом с политической борьбой в Москве в то время шла борьба религиозная: стало распространяться мнение, что пресуществление Св. Даров совершается за литургией не во время молитвы Иерея, призывающей св. Духа, а во время произнесения слов И. Христа («Приимите, ядите...»). Это католическое мнение, появившееся в Малороссии под польским влиянием, было принесено в Москву известным С. Полоцким; затем поддерживалось его учеником, русским ученым монахом Сильвестром Медведевым и теми русскими, которые получили образование в южнорусских школах. Шумные споры, шедшие в Москве об этом предмете при патриархе Иоакиме (1674—1690 гг.), перешли и в литературу. С. Медведев написал в защиту своей «хлебопоклоннической ереси» книгу «Манна». В ответ на нее представители православия, греки братья Лихуды, написали книгу «Акос». За этими трудами явились и другие. Богословский спор окончился только в 1690 г. церковным собором, осудившим ересь, и гонением на малорусских ученых, которые спешили уехать из Москвы. Следя за развитием этого богословского спора, мы замечаем, что представители ереси (С. Медведев и др.) очень близки к царевне Софье, воспитанной в их же духе, к В. В. Голицыну и другим лицам стороны Милославских. Близость к правительству даже помогает еретикам распространять свои взгляды. Напротив, православный патриарх стремится опереться в борьбе с ними на сторону Петра. Ересь только тогда подвергается церковному осуждению, когда власть с 1689 г. переходит к Нарышкиным. Таким образом, различные религиозные направления примкнули в своей борьбе к готовым политическим партиям и в них искали себе опоры. С. Медведев поэтому пострадал одновременно и как еретик, и как политический преступник, приверженец Софьи. Спор о пресуществлении привлек внимание не только русского общества, но и католической иерархии. Желая торжества ереси, католичество послало в Москву своих представителей иезуитов, которые высматривали положение дела, готовясь воспользоваться в своих целях всяким удобным случаем. В Москве, вероятно, их стараниями, появились католические книги. Князь В. В. Голицын дружил с иезуитами и старался добыть им позволение жить постоянно в Москве. Трудно сказать в точности, каковы были надежды католичества,

но нет сомнения, что католическая пропаганда цеплялась за сильнейшую партию 80-х годов XVII в., имея виды на Россию. В то же время юноша Петр подпал иноземному влиянию совсем иного сорта. Далекий от богословских тонкостей, он был враждебен католичеству, не интересовался протестантским богослужением, но увлекался западноевропейской культурой в том ее складе, какой установился в протестантских государствах. С падением Софьи католические попытки пропаганды на Руси прекратились, иезуиты были прогнаны из Москвы, а с реформой Петра протестантская культура стала широко влиять на Русь.

Так, рядом с борьбой семейной, политической и церковной в конце XVII в. разрешился вопрос о форме воздействия на Москву западноевропейской культуры. Разрешили его те влияния, под которыми Петр находился в годы отрочества и юности. Посмотрим на первые шаги этих влияний.

«Потехи» Петра. В детстве, как мы видим, Петр не получил никакого образования, кроме простой грамотности и кое-каких исторических сведений. Забавы его носили ребячески-военный характер. Обстановка жизни сообщила ему несколько тяжелых впечатлений. Будучи царем, он в то же время находился под опалой с 10 лет и с матерью должен был жить в потешных подмосковных селах, а не в Кремлевском дворце. Такое грустное положение лишало его возможности получить правильное дальнейшее образование и в то же время освобождало от пут придворного этикета. Не имея духовной пищи, но имея много времени и свободы, Петр сам должен был искать занятий и развлечений. Можно думать, что мать никогда не стесняла любимого единственного сына и что воспитатель Петра, князь Борис Голицын, не следил за каждым его шагом. Мы не видим, чтобы Петр особенно подчинялся материнскому авторитету в своих вкусах и занятиях, чтобы Петра занимали другие. Он сам выбирает себе товарищей из тесного круга придворных и дворовых служителей царицына двора и сам с этими товарищами ищет себе потех. Отрочество Петра отмечено самодеятельностью, и эта самодеятельность шла в двух направлениях: 1) Петр предавался по-прежнему военным забавам, 2) Петр стремился к самообразованию.

С 1683 г. вместо «потешных ребяток» около Петра видим «потешные полки» («потешные», ибо стояли в потешных селах, а не потому, что служили только для потехи). В ноябре 1683 г. Петр начинает формировать Преображенский полк из охочих людей (до последних лет своих Петр помнил, что первым охотником был придворный конюх Сергей Бухвостов). В отношении этого потешного полка Петр был не государем, а товарищем-соратником, учившимся наравне с прочими солдатами военному делу. С разрешения, конечно, матери и с одобрения, быть может, Б. Голицына (даже, быть может, с некоторым его содействием) Петр, как говорится, и днюет, и ночует со своими потешными. Предпринимаются маневры и небольшие походы, на Яузе стро-

ится потешная крепость (1685 г.), названная Пресбургом, словом, практически изучается военное дело не по старым русским образцам, а по тому порядку регулярной солдатской службы, какой в XVII в. был заимствован Москвой с Запада. Эти военные «потехи» требуют военных припасов и денежных средств, которые и отпускаются Петру из московских приказов. Правительство Софьи не видит для себя никакой опасности в таких «потехах марсовых» и не мешает развитию потешных войск. Оно испугалось этих войск позже, когда из потешных выросла солидная военная сила. Но растил Петр эту силу беспрепятственно. Не следует думать, что Петр забавлялся с одной дворовой челядью. Вместе с ним в рядах потешных были и товарищи его из высших слоев общества. Стоявший вне придворного этикета, Петр мешал родовитых людей и простолюдинов в одну «дружину», по выражению С. М. Соловьева, и из этой дружины бессознательно готовил себе круг преданных сотрудников в будущем. Военное дело и личность Петра сплачивали разнородные аристократические и демократические элементы в одно общество с одним направлением. Пока это общество забавлялось,— позже оно стало работать с Петром.

Несколько позднее, чем организовались военные игры Петра, пробудилось в нем сознательное стремление учиться. Самообучение несколько отвлекло Петра от исключительно военных забав, сделало шире его умственный кругозор и практическую деятельность. Лишенный правильного образования, Петр, однако, рос в кругу, далеко не вполне невежественном. Нарышкины из дома Матвеева вынесли некоторое знакомство с западной культурой. Сын А. С. Матвеева, близкий к Петру, был образованным на европейский лад. У Петра был немец-доктор. Словом, не только не было национальной замкнутости, но была некоторая привычка к немцам, знакомство с ними, симпатия к Западу. Эта привычка и симпатия перешли и к Петру и облегчили ему сближение с иноземцами и их наукой. Сближение это произошло около 1687 г. таким образом: в предисловии к Морскому Регламенту сам Петр рассказывает, что кн. Я. Долгорукий привез ему в подарок из-за границы астролябию, и никто не знал, как сладить с иностранным инструментом; тогда нашли Петру знающего человека, голландца Франца Тиммермана, который объяснил, что для употребления астролябии нужно знать геометрию и иные науки. У этого-то Тиммермана Петр «гораздо с охотою пристал учиться геометрии и фортификации». В то же время он нашел в селе Измайлове старый английский бот, валявшийся в амбаре. Тиммерман объяснил Петру, что на этом боте можно ходить против ветра, лавировать (чего русские не умели). Петр заинтересовался и нашел человека (как и Тиммермана — из Немецкой слободы), голландца Карштен-Бранта, который стал учить Петра управлению парусами. Сперва учились на узенькой Яузе, а потом — в селе Измайлове на пруде.

Искусство навигации так увлекло Петра, что стало в нем страстью. К изучению этого дела он отнесся очень серьезно.

В 1688 г. недовольный тем, что негде плавать под Москвой, он переносит свою забаву на Переяславское озеро (в 100 с лишком верстах от Москвы на север). Мать согласилась на отъезд Петра, и Петр принялся в Переяславле строить суда с помощью мастеров-голландцев. В это время он ничего не хотел знать, кроме математики, военного дела и корабельных забав. Но ему уже шел 17-й год, он был очень развит и физически, и умственно. Его мать вправе была ждать, что достигший совершеннолетия сын обратит внимание на государственные дела и устранит от них ненавистных Милославских. Но Петр не интересовался этим и не думал бросать свое ученье и забавы для политики. Чтобы остепенить его, мать его женила (27 января 1689 г.) на Евдокии Федоровне Лопухиной, к которой Петр не имел влечения. Подчиняясь воле матери, Петр женился, однако через какой-нибудь месяц после свадьбы уехал в Переяславль от матери и жены к кораблям. Но летом этого 1689 г. он был вызван матерью в Москву, потому что неизбежна была борьба с Милославскими.

Разрыв с Софьей. Переяславскими потехами и женитьбой окончился период отроческой жизни Петра. Теперь он — взрослый юноша, привыкший к военному делу, привыкающий к кораблестроению, сам себя образовывающий, не богословски, как были образованы его отец и братья, а полупрактически, полутеоретически, преимущественно в области точных и прикладных знаний. У него нет привычки к этикету, есть привычка к иноземцам — его учителям, у него демократический круг товарищества. Он привык к занятиям и труду, но не дорос еще до общественной деятельности; много обещая, как способная личность, он возбуждает неудовольствие и беспокойство близких, потому что занят только забавами, и странными для царя забавами. Его интересы как государя берегут другие: другие выбирают минуты для последней борьбы с узурпаторами его власти, другие руководят действиями Петра в этой борьбе.

Эти другие были: Наталья Кирилловна, ее брат Лев Нарышкин и, кажется, больше всего «дядька» Петра, князь Б. Голицын. В 1689 г., когда Петру минуло 17 лет, он мог уже, как взрослый, упразднить регентство Софьи. Неудача второго Крымского похода 1689 г. возбудила общее недовольство и дала удобный повод к действиям против нее. Соображая эти обстоятельства, партия Петра приготовилась действовать; руководителем в этих приготовлениях, по довольно распространенному мнению, был князь Б. Голицын.

Но прямо начать дело против Софьи не решались. В то же время и Софья, понимая, что время близится к развязке, что следует отдать власть Петру, и не желая этого, не решалась на какие-нибудь резкие меры для укрепления себя на престоле. Ей очень хотелось из правительницы стать «самодержицей», иначе говоря, венчаться на царство. Еще с 1687 г. она и Шакловитый думали достигнуть этой цели помощью стрелецкого войска. Но стрельцы не хотели поднимать новый бунт против Нарышкиных и требовать незаконного восшествия на престол Софьи. Лишен-

ная в этом деле сочувствия стрельцов, Софья отказывается от мысли о венчании, но решается самозванно именовать себя «самодержицей» в официальных актах. Узнав об этом, Нарышкины громко протестуют: раздается ропот и в народе против этого нововведения. Чтобы удержать власть, Софье остается одно: привлечь к себе народную симпатию и в то же время возбудить народ против Петра и Нарышкиных. Вот почему и Софья, и ее верный слуга Шакловитый жалуются народу на своих противников и употребляют все средства, чтобы поссорить с ними народ, особенно стрельцов. Но стрельцы весьма мало поддавались речам Софьи, и это лишало ее храбрости. Со страхом следила она за поведением Нарышкиных и ждала от них нападения. Отношения двух сторон с часу на час обострялись.

Петр, вызванный матерью из Переяславля в Москву летом 1689 г., начал показывать Софье свою власть. В июле он запретил Софье участвовать в крестном ходе, а когда она не послушалась, сам уехал, устроив таким образом сестре гласную неприятность. В конце июля он едва согласился на выдачу наград участникам Крымского похода и не принял московских военачальников, когда они явились к нему благодарить за награды. Когда Софья, напуганная выходками Петра, стала возбуждать стрельцов с надеждой найти в них поддержку и защиту, Петр не задумался арестовать на время стрелецкого начальника Шакловитого.

Петр или, вернее, руководившие им лица опасались стрелецкого движения в пользу Софьи. Находясь в Преображенском, они внимательно следили за положением дел и настроением стрельцов в Москве через преданных им лиц. В то же время и Софья боялась дальнейших неприятностей со стороны Петра и посылала в Преображенское своих лазутчиков. Отношения к началу августа 1689 г. стали до того натянуты, что все ждали открытого разрыва; но ни та, ни другая сторона не хотели быть начинающей, зато обе старательно приготовлялись к обороне.

Разрыв произошел таким образом: 7 августа вечером Софья собрала в Кремле значительную вооруженную силу. Говорят, что ее напугал слух о том, что в ночь с 7 на 8 августа Петр с потешными явится в Москву и лишит Софью власти. Стрельцов, призванных в Кремль, волновали в пользу Софьи и против Петра несколько преданных правительнице лиц. Видя военные приготовления в Кремле, слыша зажигательные речи против Петра, приверженцы царя (в числе их были и стрельцы) дали ему знать об опасности. Но они преувеличили опасность и сообщили Петру, что на него с матерью стрельцы «идут бунтом» и замышляют на них смертное «убийство». Петр прямо с постели бросился на лошадь и с тремя провожатыми ускакал из Преображенского в Троицкую Лавру. В следующие дни, начиная с 8 августа, в Лавру съехались все Нарышкины, все бывшие на стороне Петра знатные и чиновные лица; явилась и вооруженная сила — потешные и Сухарев стрелецкий полк. С отъездом Петра и его двора в Лавру настал открытый разрыв.

Из Лавры Петр и руководящие им лица потребовали от Софьи отчета в вооружениях 7 августа и присылки депутаций от всех стрелецких полков. Не отпустив стрельцов, Софья отправила к Петру патриарха Иоакима как посредника для перемирия. Но преданный Петру патриарх не вернулся в Москву. Петр вторично потребовал представителей от стрельцов и от тяглых людей Москвы. На этот раз они явились в Лавру наперекор желаниям Софьи. Видя, что сопротивляться Петру невозможно, что в стрельцах нет поддержки, Софья сама едет к Троице мириться с Петром. Но ее возвращают с дороги именем Петра и угрозой, если она приедет к Троице, обойтись с нею «нечестно». Возвратясь в Москву, Софья пробует поднять стрельцов и народ на Петра, но терпит неудачу. Стрельцы сами заставляют Софью выдать Петру Шакловитого, которого он потребовал. Лишается Софья и князя В. В. Голицына; после выдачи Шакловитого Голицын добровольно явился в Лавру и ему от Петра была объявлена ссылка в Каргополь (позднее в Пинегу) за самоуправство в управлении и за нерадение в Крымском походе. Шакловитый подвергся допросу и пытке, повинился во многих умыслах против Петра в пользу Софьи, выдал много единомышленников, но не признался в умысле на жизнь Петра. С некоторыми близкими ему стрельцами он был казнен (11 сентября). Не избег казни и преданный Софье Сильвестр Медведев. Обвиненный как еретик и государственный преступник, он сперва был приговорен к ссылке, но позднее (1691), вследствие новых на него обвинений, казнен.

Вместе с участью друзей Софьи решилась и ее участь. Расправляясь с этими друзьями, Петр написал своему брату Ивану письмо о своих намерениях: «Теперь, государь братец, настает время нашим обоим особам Богом врученное нам царство править самим, понеже пришли есмы в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей, с нашими двумя мужескими особами, в титлах и в расправе дел быти не изволяем... Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте, тому зазорному лицу государством владеть мимо нас». Так высказывал Петр свое желание отстранить Софью и вступить во власть; а немного позднее этого письма Софья получила от Петра прямое приказание — идти в монастырь. Повинуясь необходимости, она переехала на житье в Новодевичий монастырь (под Москвой), но в монахини не постриглась.

Так, осенью 1689 г. кончилось правление Софьи. Цари стали править без опеки или, точнее, при больном и слабоумном Иване правил один Петр со своими близкими *.

---

* О первых годах жизни Петра см.: 1) *Погодин* «17 первых лет в жизни имп. Петра В.». М., 1875; 2) *Шмурло* «Критические заметки по истории Петра В.» и «Петр В. в оценке современников и потомства» (оба труда — в журнале М. Н. Просв. за 1900 и 1911 гг.); 3) *Забелин* «Опыты изучения русских древностей и истории», I. М., 1872; 4) *Соловьев* «Ист. Рос.», XIII и XIV; 5) *Щебальский* «Чтения из русск. ист. с исхода XVII в.». М., 1864—1868; 6) *Аристов* «Моск. смуты в правление цар. Софьи Алексеевны». Варшава, 1871.

Годы 1689—1699

Продолжение «потех». С 1689 г. Петр стал самостоятельным правителем безо всякой видимой опеки над ним. Однако сам он не чувствует никакого вкуса к власти и отдает ее другим. С падением Софьи главными лицами в правительстве стали царица Наталья и патриарх Иоаким. Иностранные сношения (Посольский приказ) были поручены Льву Кирилловичу Нарышкину. Прежде влиятельный, Борис Голицын потерял теперь свое влияние, благодаря тому что его заподозрили в желании смягчить участь кн. В. В. Голицына. Сам Петр, оставив дела на руки матери и родных, возвратился к потехам и кораблестроению. Если же иногда он и вмешивался в жизнь двора и государства, то при столкновениях со взглядами своей матери и патриарха должен был им уступать. Так, новое правительство обнаруживало резкое нерасположение к иноземцам (вероятно, под влиянием патриарха), несмотря на то что Петр лично к ним благоволил. По смерти же патриарха Иоакима (1690 г.) на его место был избран Адриан положительно против воли Петра, предлагавшего другое лицо.

Петр зато совершенно самостоятельно устраивал свою личную жизнь. В эти годы он окончательно сблизился с иноземцами. Прежде они являлись около него как учителя и мастера, необходимые для устройства потех, и только. Теперь же мы видим около Петра иностранцев — друзей, сотрудников и наставников в деле, товарищей в пирушках и веселье. Заметнее прочих из таких иностранцев были шотландец Патрик Гордон, в то время уже генерал русской службы, и швейцарец Франц Лефорт, полковник русской службы. Первый был очень умным и образованным инженером и артиллеристом. Всегда серьезный, но любезный и остроумный, всегда следящий за наукой и политикой, Гордон был слишком стар, чтобы стать товарищем Петру (в 1689 г., когда с ним познакомился Петр, ему было 54 года); но Гордон привлек к себе Петра своим умением обходиться с людьми и по своим знаниям и уму стал его руководителем во всех серьезных начинаниях. Петр до самой смерти Гордона выказывал ему свое уважение и привязанность. Но ближе и сердечнее сошелся Петр около того же 1689 г. с Лефортом. Это был не совсем уже молодой человек (род. в 1653 г.), но живость характера и редкая веселость и общительность позволили Лефорту стать другом юноши-царя. Далекий от серьезной науки, Лефорт, однако же, имел некоторое образование и мог действовать на Петра развивающим образом. Ему именно приписывают некоторые исследователи наибольшую роль в развитии у Петра стремления к Западу. Думают, что Лефорт, доказывая царю превосходство западноевропейской культуры, развил в нем слишком пренебрежительное отношение ко всему родному. Но и без Лефорта, по своей страстности, Петр мог воспитать в себе это пренебрежение.

Преимущественно через Гордона и Лефорта Петр ознакомился с бытом Немецкой слободы. Иноземцы в XVII в. были

выселены из Москвы в подгородную слободу, которая и получила название Немецкой. Ко времени Петра слобода эта успела обстроиться и смотрела нарядным западноевропейским городком. Иноземцы жили в ней, конечно, на западный лад. В эту-то европейскую обстановку и попал Петр, ездя в гости к своим знакомым иностранцам. Лефорт, который пользовался в слободе большой известностью и любовью, ввел Петра запросто во многие дома, и Петр без церемонии гостил и веселился у «немцев». Слобода оказала на него большое влияние, он увлекся новыми для него формами жизни и отношений, отбросил этикет, которым была окружена личность государя, щеголял в «немецком» платье, танцевал «немецкие» танцы, шумно пировал в «немецких» домах. Он даже присутствовал на католическом богослужении в слободе, что, по древнерусским понятиям, было для него вовсе неприлично. Сделавшись в слободе обычным гостем, Петр нашел там и предмет сердечного увлечения — дочь виноторговца Анну Монс. Мало-помалу Петр, не выезжая из России, в слободе ознакомился с бытом западноевропейцев и воспитал в себе привычку к западным формам жизни. Вот почему историки придают важное значение влиянию на Петра Немецкой слободы. Она явилась для Петра первым уголком Европы и завлекла его к дальнейшему знакомству с ней.

Но с увлечением слободой не прекратились прежние увлечения Петра — воинские потехи и кораблестроение. В 1690 г. мы видим большие маневры в селе Семеновском, в 1691 г.— большие маневры под Пресбургом, потешной крепостью на Яузе. Все лето 1692 г. Петр проводит в Переяславле, куда приезжает и весь московский двор на спуск корабля. В 1693 г. Петр с разрешения матери едет в Архангельск, с увлечением катается по морю и основывает в Архангельске верфь для постройки кораблей. Море, первый раз виденное Петром, влечет его к себе. Он возвращается и в следующем году в Архангельск. Мать его, царица Наталья, умерла в начале 1694 г., и Петр стал теперь вполне самостоятелен. Но он еще не принимается за дела,— все лето проводит на Белом море и чуть не гибнет во время бури по дороге в Соловки. В Архангельске с ним теперь значительная свита; Петр строит большой корабль, Гордон носит название контр-адмирала будущего флота; словом, затевается серьезный флот на Белом море. В том же 1694 году мы видим последние потешные маневры под деревней Кожуховом, которые нескольким участникам стоили жизни.

Так кончил Петр свои потехи. Постепенно охота к лодкам довела его до мысли о флоте на Белом море; постепенно игра в солдаты привела к сформированию регулярных полков и к серьезным военным маневрам. Потехи теряли потешный характер, царь уже не только тешился, но и работал. Мало-помалу складывались в нем и политические планы — борьба с турками и татарами.

В свои 20—22 года Петр многое знал и многое умел сравнительно с окружающими. Самоучкой или под случайным руководством он познакомился с военными и математическими науками, с кораблестроением и военным делом. Руки его были в мозолях от топора и пилы, физическая деятельность и подвижность укрепили и без того сильное тело. Напряженные физические и умственные работы вызывали, как реакцию, стремление отдохнуть и повеселиться. Нравы этой эпохи и особенности окружавшей Петра среды обусловили несколько грубоватый характер веселых отдохновений Петра. Не довольствуясь семейными вечеринками в Немецкой слободе, Петр любил кутнуть в холостой компании. Эта компания даже получила некоторую постоянную организацию и называлась «всешутейшим собором»; председателем ее был бывший учитель Петра Никита Зотов, носивший звание «Ианикита, всешутейшаго пресбургскаго, яузскаго и кокуйскаго патриарха». Служила эта компания, как сама выражалась, «Бахусу и Ивашке Хмельницкому». С этой компанией Петр устраивал иногда сумасбродные забавы (например, публично в 1694 г. отпраздновал свадьбу шута Тургенева с шутовским церемониалом). На святках с ней Петр ездил веселиться в дома своих придворных. Но жестокой ошибкой было бы думать, что эти забавы и компания отвлекали Петра от дела. И сам Петр, и его окружающие умели работать и «делу отдавали время, а потехе час».

Однако дружба Петра с иноземцами, эксцентричность его поведения и забав, равнодушие и презрение к старым обычаям и этикету дворца вызывали у многих москвичей осуждение — в Петре видели большого греховодника. И не только поведение Петра, но и самый его характер не всем мог понравиться. В природе Петра, богатой и страстной, события детства развили долю зла и жестокости. Воспитание не могло сдержать эти темные стороны характера, потому что воспитания у Петра не было. Вот отчего Петр был скор на слово и руку. Он страшно вспыхивал, иногда от пустяков, и давал волю гневу, причем иногда бывал жесток. Его современники оставили нам свидетельства, что Петр многих пугал одним своим видом, огнем своих глаз. Примеры его жестокости увидим на судьбе стрельцов. Петр вообще казался грозным царем уже в своей молодости.

Азов. Таков был царь Петр, когда постоянные нападения татар на Русь и обязательства, принятые в отношении союзников, вызвали в московском правительстве мысль о необходимости возобновить военные действия против турок и татар. В 1695. г война началась походом Петра на крепость Азов. Мы уже видели причины, по которым в Москве отказались от мысли вести нападения на Крым. Видели также, что еще в XVI и XVII вв. Азов считался удобным пунктом нападения. Но мы не знаем, когда и у кого явилась мысль об Азовском походе. В народе считали виновником похода Лефорта, но насколько это

справедливо, сказать трудно. Еще в 1694 г., во время «Кожуховского похода», австрийский дипломатический агент доносил из Москвы цесарю, что Петр готовится к войне с Турцией. Но сам Петр писал в своих письмах, что у него под Кожуховом «ничего более, кроме игры, на уме не было». Во всяком случае мысль о походе явилась очень скоро после кожуховских маневров: уже с самого начала 1695 г. готовили дворянское войско к походу на Крым (этот мнимый поход на Крым должен был отвлечь внимание неприятеля от Азова). Весной же регулярные московские войска в числе 30 тыс. реками Окой и Волгой на судах дошли до Царицына, оттуда перешли на Дон и явились под Азовом. Но сильный Азов, получая провиант и подкрепления с моря, не сдался. Штурмы не удавались; русское войско страдало от недостатка провианта и от многовластия (им командовали Гордон, Лефорт и Головин). Петр, бывший сам в войске в качестве бомбардира Преображенского полка, убедился, что Азова не взять без флота, который бы отрезал крепость от помощи с моря. Русские отступили в сентябре 1695 г.

Неудача, несмотря на попытки ее скрыть, огласилась. Потери Петра были не меньше потерь Голицына в 1687 и 1689 гг. Недовольство в народе против иноземцев, которым приписывали неудачу, было очень велико. Петр не падал духом, не прогнал иноземцев и не оставил предприятия. Впервые показал он здесь всю силу своей энергии и в одну зиму, с помощью иноземцев, построил на Дону, в устье реки Воронежа, целый флот морских и речных судов. Части галер и стругов строили плотники и солдаты в Москве и в лесных местах, близких к Дону. Эти части свозились в Воронеж и из них собирались уже целые суда. Много препятствий и неудач преодолел царь, ставший в это время единодержавным государем (брат Петра, царь Иван, умер 29 января 1696 г.). На Пасху 1696 г. в Воронеже уже были готовы 30 морских судов и более 1000 речных барок для перевозки войск. В мае из Воронежа Доном двинулось русское войско к Азову и вторично осадило его. На этот раз осада была полной, ибо флот Петра не допускал к Азову турецких кораблей. На суше под единоличным начальством боярина Шеина дела шли счастливо. Петр сам присутствовал в войске (в чине капитана) и, наконец, дождался счастливой минуты: 18 июля Азов сдался на капитуляцию.

Как тяжела была раньше неудача, так велика была радость в Москве при получении известия о победе. Радовался и сам Петр: в успехе он видел оправдание своей предшествовавшей деятельности, своих «потех». Победа была отпразднована торжественным вступлением войск в Москву, празднествами и большими наградами. Торжественно были извещены и союзники о русской победе. В Польше и на Западе не ждали такого успеха Петра и были им поражены. Слух о взятии Азова прошел по всей Европе. Польские дипломаты плохо скрывали свой страх, внуша-

емый им политическими успехами соседки — Москвы. Сами москвичи со времени царя Алексея не видали таких побед и находились под обаянием взятия Азова.

И после победы, как после неудачи, Петр не опустил рук. Зима 1696/97 г. прошла в заботах об укреплении Азова и о построении флота для Азовского моря. В Азов решено переселить 3000 семей из волжских городов и 3000 стрелецкого войска. Построение флота решено было совершить силами и средствами всего государства; таким образом создалась своеобразная земская повинность: с каждых 10 000 крестьянских дворов, принадлежавших светским владельцам, правительство желало получить снаряженный корабль; с каждых 8000 крестьянских дворов духовных владельцев — то же самое. Городское сословие всего государства должно было снарядить 12 кораблей. Для этой цели землевладельцы должны были съехаться в Москву, образовать компании («кумпанства»), разверстать издержки и повинности и готовить корабли в 1698 г. Правительство же снабжало кумпанства инструкциями и необходимыми чертежами.

Заботясь о привлечении в Россию техников-иностранцев, Петр решился, для лучшего утверждения в России морского дела, создать и русских техников, для чего послал за границу знатную молодежь «учиться архитектуры и управления корабельнаго». Пятьдесят молодых придворных были посланы в Италию, Англию и Голландию, т. е. в страны, знаменитые тогда развитием мореплавания.

Высшее московское общество было неприятно поражено этим новшеством; Петр не только сам сдружился с немцами, но желает, как видно, сдружить и других. Еще больше поражены были русские люди, когда узнали, что сам Петр едет за границу.

Но раньше, чем царь успел собраться в дорогу, произошел ряд тревожных событий. В 1697 г. простой монах Аврамий подал царю рукопись, наполненную упреками. Аврамий писал, что Петр ведет себя «печально и плачевно», уклонился в потехи, а государством правят дьяки-мздоимцы. На эти упреки Петр ответил строгим следствием и ссылкой Аврамия с его друзьями. Еще ранее Петр за что-то пытал дядю своей жены П. А. Лопухина; другие Лопухины были разосланы из Москвы. Очевидно, и они были недовольны за что-то Петром. Так, ко времени возмужалости Петра возрастало и недовольство им в разных слоях общества. В некоторых же кружках недовольство перешло в определенный умысел убить Петра. Следствие, произведенное перед самым отъездом его за границу, выяснило, что главными заговорщиками на жизнь государя были бояре Соковнин и Пушкин, и стрелецкий полковник Циклер. Мотивами покушения они выставляли жестокости и новшества Петра и желали возмутить стрельцов. Циклер оговорил в соучастии и Софью. По этому делу виновные подверглись казни. Поверив соучастию Софьи и видя в заговоре против себя семя, посеянное

Ив. Мих. Милославским, Петр отомстил и Софье, и Милославскому (уже умершему в 1685 г.) тем, что велел с бесчестием вырыть гроб Милославского и подставить его под плаху так, чтобы при казни заговорщиков на него текла кровь казненных.

После этой свирепой мести, устранив из Москвы подозрительных лиц для государственной и своей безопасности, Петр отправился за границу.

Путешествие. Петр ехал инкогнито, в свите «великого посольства», под именем Петра Алексеевича Михайлова, урядника Преображенского полка. Отправление великого посольства к западным державам (Германии, Англии, Голландии, Дании, Бранденбургу, также к Римскому папе и в Венецию) решено было еще в 1696 г. Цель посольства состояла «в подтверждении древней дружбы и любви» с европейскими монархами и «в ослаблении врагов Креста Господня», т. е. в достижении союза против турок. Во главе посольства стояли генералы Франц Лефорт и Федор Алексеевич Головин. При них состояло 50 человек свиты. Мы не знаем, как тогда Петр объяснял цели своего собственного путешествия. Современники судили о небывалой поездке русского царя в чужие земли самым различным образом. Одни говорили, что Петр едет в Рим молиться ап. Петру и Павлу; другие — что он просто хочет развлечься; некоторые думали, что Петра за границу увлек Лефорт. Сам Петр впоследствии, вспоминая свою поездку, писал, что поехал учиться морскому делу. Это объяснение, конечно, всего вернее, но оно слишком узко. Не одному морскому делу хотел учиться Петр, как мы увидим ниже.

Москву и государство Петр оставил на руки Боярской думы. Это не было при нем неизведанной новизной: царь и раньше подолгу не бывал в Москве, уезжая в Архангельск и под Азов. Официально считалось, что государь не уезжал; дела решались его именем, бояре не получали никаких особых полномочий. Некоторые исследователи замечают, что единственной экстренной мерой при отъезде Петра было удаление из Москвы подозрительных лиц (вроде Лопухиных).

Для достижения цели союза против турок посольство должно было отправиться прежде всего в Вену. Но так как русский резидент в Вене как раз в это время успел продолжить союз с императором на три года, то посольство, минуя Вену, отправилось в Северную Германию морем через Ригу и Либаву. В Риге, принадлежавшей шведам, Петр получил ряд неприятных впечатлений и от населения (которое дорого продавало продукты русским), и от шведской администрации. Губернатор Риги (Дальберг) не допустил русских к осмотру укреплений города, и Петр посмотрел на это как на оскорбление. В Курляндии зато прием был радушнее, а в Пруссии (тогда еще в Бранденбургском курфюршестве) курфюрст Фридрих встретил русское посольство чрезвычайно приветливо. В Кенигсберге для Петра и послов дан был ряд праздников. Между весельем Петр серьезно занимался

изучением артиллерии и получил от прусских специалистов диплом, признавший его за «искуснаго огнестрельнаго художника». Русское посольство между тем вело с бранденбургским правительством оживленные переговоры о союзе; но русские желали союза против турок, а пруссаки — против шведов, и дело кончилось ничем. После некоторых экскурсий по Германии Петр отправился в Голландию ранее своих спутников. На дороге туда встретился он с двумя курфюрстинами (Ганноверской и Бранденбургской), которые оставили нам его характеристику. «У него прекрасныя черты лица и благородная осанка,— пишет одна из них; — он обладает большою живостью ума; ответы его быстры и верны. Но при всех достоинствах, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтобы в нем было поменьше грубости. Это государь очень хороший и вместе очень дурной; в нравственном отношении он полный представитель своей страны. Если бы он получил лучшее воспитание, то из него вышел бы человек совершенный, потому что у него много достоинств и необыкновенный ум». Грубость Петра выражалась в отсутствии той светской выдержки, к какой привыкли германские принцессы. При начале беседы с принцессами Петр очень конфузился, закрывал лицо руками. «Видно также, что его не выучили есть опрятно»,— заметила другая курфюрстина. Этой светской выдержкой Петр не овладел вполне, кажется, никогда, но впоследствии он потерял свою робость и застенчивость.

В Голландии Петр прежде всего направился в городок Саардам (Саандам); там были знаменитые корабельные верфи, о которых он слышал еще в России. В Саардаме принялся он плотничать и на досуге кататься по морю. Но его инкогнито, плохо соблюдавшееся и в Германии, было нарушено и здесь; в Петре Михайлове узнали царя Петра, и весь город стремился посмотреть на диковинного гостя. Петр сердился, жаловался, даже бил назойливых зевак, но ему толпа не давала ни спокойно работать на верфи, ни отдыхать в его скромном домике (этот домик в ноябре 1886 г. передан Нидерландами в дар России и принят нашим правительством). Рассерженный Петр, пробыв в Саардаме всего неделю, переехал в Амстердам, где оставался с половины августа 1697 до января 1698 г., лишь на короткое время выезжая в Гаагу и другие города. В Амстердаме он учился кораблестроению на Ост-Индской верфи и достиг значительных успехов, но остался недоволен голландским кораблестроением. Уже в России он научился плотничать, в Голландии же искал изучить теорию кораблестроения. Но голландцы строили суда навыком, не умея составлять корабельных чертежей, не зная теории корабельного искусства. Это-то и сердило Петра. «Зело ему стало противно,— писал он сам о себе,— что такой дальний путь для сего восприял, а желаемаго конца не достиг». Случайно узнал он, что теория судостроения выработана у англичан, и решился поехать в Англию; в Москву же послал приказ подчинить

голландских мастеров на Воронежской верфи мастерам венецианским и датским.

Неудачу потерпел Петр в занятиях морским делом, неудачу потерпело и посольство русское в Гааге: Голландия отклонила от себя всякое участие в войне против турок. С чувством неудовольствия оставлял Петр Голландию, но в ней тем не менее он многому научился. Одновременно с работами на верфи он занимался математикой, астрономией, рисованием и гравированием, он посещал разные музеи, слушал лекции медицины, интересовался всеми отраслями положительных знаний, присматривался к различным механическим усовершенствованиям, знакомился с морскими промыслами (например, китоловными). Привыкая к особенностям блестящей, зажиточной и просвещенной голландской жизни, Петр приобретал массу новых культурных впечатлений, развивался и образовывался.

В Англии, куда Петр переехал без посольства в начале 1698 г., повторилось то же самое, что и в Голландии. Петр учился теории судостроения и военному делу, катался по Темзе и присматривался к английской жизни, вращаясь в самых разнообразных сферах. Английские инженеры, техники, моряки производили на Петра лучшее впечатление, чем голландские, и он усердно приглашал их в Россию. Зато политическая и придворная жизнь в Англии мало интересовала Петра (то же было и в Голландии), и высшее английское общество имело основание считать Петра «мизантропом» и «моряком». Избегая придворных церемоний, Петр держал себя так свободно и странно для монарха, что встретил осуждение со стороны английского двора, которому «надоели причуды царя», как писал один дипломат.

В апреле 1698 г. Петр вернулся в Голландию, к посольству, чтобы с ним ехать в Вену. До Вены он доехал только в июне и прожил там около месяца. Встреченный императором Леопольдом очень радушно, он осматривал Вену, а между тем деятельно шли переговоры русских и венских дипломатов о войне с турками. С удивлением и досадой видел Петр, что австрийские политики не только не разделяют его завоевательных видов на Турцию, но даже не желают продолжения и той вялой войны, какую вели до тех пор. Русские говорили, что если уже император желает мира, то следует заключить его в интересах не одной Австрии, а всех союзников. Но и эта мысль не находила в Вене сочувствия. Петр убедился, что коалиция против турок, о которой он мечтал, невозможна, что следует и России мириться с Турцией, если она не хочет воевать с нею один на один.

В июле царь думал ехать из Вены в Италию, но получил известия из Москвы о новом бунте стрельцов. Хотя скоро пришло донесение, что бунт подавлен, однако Петр поспешил домой. По дороге в Москву, проезжая через Польшу, Петр виделся с новым польским королем Августом II (в то же время и курфюрстом саксонским); встреча их была очень дружественная

(Россия сильно поддерживала Августа при выборах на польский престол). Август предложил Петру союз против Швеции, и Петр, наученный неудачей своих противотурецких планов, не ответил таким отказом, как ответил раньше Пруссии. Он в принципе согласился на союз. Так, за границу повез он мысль об изгнании из Европы турок, а из-за границы привез мысль о борьбе со Швецией за Балтийское море.

Что же дало Петру заграничное путешествие? Результаты его очень велики: во-первых, оно послужило для сближения Московского государства с Западной Европой, во-вторых, окончательно выработало личность и направление самого Петра.

Пользуясь пребыванием за границей царя, европейские правительства спешили извлечь из сношений с ним всевозможные выгоды для своих стран. Дипломатические отношения России с Западом пошли гораздо живее со времени путешествия Петра. Русские дипломаты и учащаяся молодежь, явившаяся на Запад вместе с посольством и отдельно от него, знакомили европейцев с Россией. В свою очередь, иностранцы толпами потянулись на Русь вследствие приглашения самого Петра и его уполномоченных. Необычайный факт путешествия московского царя возбудил любопытство всего западноевропейского общества и к личности царя, и к его народу. В германских университетах темой диспутов ставили поездку Петра и будущее просвещение России как результат этой поездки. Философ Лейбниц составлял просветительные проекты преобразования Руси. Европа, видя поведение Петра, догадывалась, что результатом просвещения самого Петра будет просвещение его государства. Поэтому поездка Петра стала весьма популярным предметом для политических и культурных рассуждений.

Для самого Петра путешествие было последним актом самообразования. Он желал получить сведения по судостроению, а получил сверх того массу впечатлений, массу знаний. Более года пробыл он за границей, всегда в толпе, среди разнообразных лиц, среди разных национальных культур. Он не только увидел культурное и материальное превосходство богатейших стран Запада над своей бедной Русью, но и сжился с обычаями этих стран, стал в них как бы своим человеком и не мог вернуться к старому мировоззрению. Сознавая превосходство Запада, он решился приблизить к нему свое государство путем реформы. Смело можно сказать, что Петр как реформатор созрел за границей. Но все воспитание Петра, вся его жизнь в Москве обусловили собой некоторую односторонность в его заграничном самообразовании: покоритель Азова и создатель русского флота, Петр далеко стоял от вопросов внутреннего управления Московского государства. И за границей Петра завлекали морское и военное дело, культура и промышленность, но сравнительно весьма мало занимало общественное устройство и управление Запада. По возвращении в Москву, Петр немедленно начинает

«рефоры», окончательно порывает со старыми традициями; но его первые шаги на пути реформ не касаются еще государственного быта. Он является с культурными новшествами по преимуществу и с большой резкостью проводит их в жизнь. К реформе государственного устройства и управления он переходит гораздо позднее.

Годы 1698 и 1699. 25 августа 1698 г. вернулся Петр в Москву из путешествия. В этот день он не был во дворце, не видел жены; вечер провел в Немецкой слободе, оттуда уехал в свое Преображенское. На следующий день на торжественном приеме боярства в Преображенском он начал резать боярские бороды и окорачивать длинные кафтаны. Брадобритие и ношение немецкого платья были объявлены обязательными. Не желавшие брить бород скоро стали платить за них ежегодную пошлину, относительно же ношения немецкого платья не существовало никаких послаблений для лиц дворянского и городского сословия, в старом наряде осталось одно крестьянство да духовные лица. Старые русские воззрения не одобряли брадобрития и перемены одежды, в бороде видели внешний знак внутреннего благочестия, безбородого человека считали неблагочестивым и развратным. Московские патриархи, даже последний — Адриан — запрещали брадобритие; московский же царь Петр делал его обязательным, не стесняясь авторитетом церковных властей. Резкое противоречие меры царя с давними привычками народа и проповедью русской ирархии придало этой мере характер важного и крутого переворота и возбудило народное неудовольствие и глухое противодействие в массе. Но и более резкие поступки молодого монарха не замедлили явиться глазам народа. Не медля по возвращении из-за границы, Петр возобновил следствие о том бунте стрельцов, который заставил его прервать путешествие.

Бунт этот возник таким образом. Стрелецкие полки по взятии Азова были посланы туда для гарнизонной службы. Не привыкнув к долгим отлучкам из Москвы, оставив там семьи и промыслы, стрельцы тяготились дальней и долгой службой и ждали возвращения в Москву. Но из Азова их перевели к польской границе, а в Азов на место ушедших двинули из Москвы всех тех стрельцов, которые еще оставались там. В Москве не осталось ни одного стрелецкого полка, и вот среди стрельцов на польской границе разнесся слух, что их навсегда вывезли из столицы и что стрелецкому войску грозит опасность уничтожения. Этот слух волнует стрельцов; виновниками такого несчастья они считают бояр и иностранцев, завладевших делами. Они решаются силой противозаконно возвратиться в Москву и на дороге (под Воскресенским монастырем) сталкиваются с регулярными войсками, высланными против них. Дело дошло до битвы, которой стрельцы не выдержали и сдались. Боярин Шеин произвел розыск о бунте, многих повесил, остальных бросил в тюрьмы.

Петр остался недоволен розыском Шеина и начал новое следствие. В Преображенском начались ужасающие пытки стрельцов.

От стрельцов добились новых показаний о целях бунта: некоторые признались, что в их деле замешана царевна Софья, что это в ее пользу стрельцы желали произвести переворот. Трудно сказать, насколько это обвинение Софьи было справедливо, а не вымучено пытками, но Петр ему поверил и страшно мстил сестре и карал бунтовщиков. Софья, по показанию современника, была предана суду народных представителей. Приговора суда мы не знаем, но знаем дальнейшую судьбу царевны. Она была пострижена в монахини и заключена в том же Новодевичьем монастыре, где жила с 1689 г. Перед самыми ее окнами Петр повесил стрельцов. Всего же в Москве и Преображенском было казнено далеко за тысячу человек. Петр сам рубил головы стрельцам и заставлял то же делать своих приближенных и придворных. Ужасы, пережитые тогда Москвой, трудно рассказать: С. М. Соловьев характеризует осенние дни 1698 г. как время «террора».

Рядом с казнями стрельцов и уничтожением стрелецкого войска Петр переживал и семейную драму. Еще будучи за границей, Петр уговаривал свою жену постричься добровольно. Она не согласилась. Теперь Петр отправил ее в Суздаль, где она, спустя несколько месяцев, была пострижена в монахини под именем Елены (июнь 1699 г.). Царевич Алексей остался на руках у тетки Натальи Алексеевны.

Ряд ошеломляющих событий 1698 г. страшно подействовал и на московское общество, и на самого Петра. В обществе слышался ропот на жестокости, на новшества Петра, на иностранцев, сбивших Петра с пути. На голос общественного неудовольствия Петр отвечал репрессиями: он не уступал ни шагу на новом пути, без пощады рвал всякую связь с прошлым, жил сам и других заставлял жить по-новому. И эта борьба с общественным мнением оставляла в нем глубокие следы: от пытки и серьезного труда переходя к пиру и отдыху, Петр чувствовал себя неспокойно, раздражался, терял самообладание. Если бы он высказывался легче и обнаруживал яснее свой внутренний мир, он рассказал бы, конечно, каких душевных мук стоила ему вторая половина 1698 г., когда он впервые рассчитался со старым порядком и стал проводить свои культурные новшества.

А политические события и внутренняя жизнь государства шли своим чередом. Обращаясь к управлению государством, Петр в январе 1699 г. проводит довольно крупную общественную реформу: он дает право самоуправления тяглым общинам посредством выборных Бурмистерских палат. Эти палаты (а за ними и все тяглые люди) изъяты из ведения воевод и подчинены московской Бурмистерской палате, также выборной. В конце того же 1699 года Петр изменяет способ летосчисления. Наши предки вели счет лет от сотворения мира, а начало года — с 1 сентября (по старому счету 1 сент. 1699 г. было 1 сент. 7208 г.). Петр предписал 1 января этого 7208 года отпраздновать как Новый год и этот январь считать первым месяцем 1700 г. от

Рожд. Христова. В перемене календаря Петр опирался на пример православных славян и греков, чувствуя, что отмена старого обычая многим не понравится.

Так в виде отдельных мер Петр начинал свои реформы. Одновременно с этим намечал он и новое направление своей внешней политики. Подготовительный к деятельности период кончился. Петр сформировался и принимался за тяжелое бремя самостоятельного управления, самостоятельной политики. Рождалась великая эпоха нашей исторической жизни.

Внешняя политика Петра с 1700 года

С 1700 г. Петр начал шведскую войну (главное дело его внешней политики). С 1700 г. Петр является уже вполне созревшим правителем-реформатором. Хронологический обзор его жизни, имевший целью проследить развитие личности и взглядов Петра и обстановку этого развития, мы можем теперь заменить систематическим обзором деятельности преобразователя. Общеизвестность событий времени Петра избавляет нас от необходимости излагать подробности этих событий: мы будем следить лишь за общим ходом, смыслом и связью их, обращая внимание преимущественно на результаты, достигнутые Петром. Это даст нам возможность в целом отметить сущность преобразовательной деятельности Петра.

Первоначально обратимся к внешней политике, затем рассмотрим внутренние реформы и, наконец, попробуем дать характеристику самого преобразователя и ту степень успеха и общественного сочувствия, какой пользовалась его деятельность.

Выше было сказано, что заграничное путешествие показало Петру невозможность коалиции против турок и необходимость коалиции против шведов. Сильно занятый до своего путешествия мыслью об изгнании турок из Европы, Петр затем постоянно мечтает о приобретении берегов Балтийского моря (мечта эта привела Ивана Грозного к тяжелой неудаче). Соблазнительным показалось Петру предложение Августа о союзе против шведов, но он соглашался на него только принципиально, потому что не вполне надеялся на мир с турками, а турецкая война исключала возможность всякой иной.

Возвратясь в Москву, Петр хлопочет о мире с турками, чтобы не быть покинутым немцами-союзниками. В конце 1698 г. думный дьяк Возницын заключает с турками перемирие, а летом 1699 г. другой думный дьяк Украинцев на русском корабле отправлен в Константинополь для заключения мира. Но переговоры о мире затянулись почти на целый год, и это обстоятельство связывало Петру руки. Во время препирательств Украинцева с турками в Москву явились послы от Августа Саксонско-Польского, чтобы окончательно выработать условия коалиции против Швеции. Инициатором коалиции был Август, искавший

союза не с одним Петром, но и с Данией. Соседние со Швецией державы желали лишить ее преобладания на Балтийском море и земель, занятых шведами на восток и юг от Балтики. Эти желания держав вдохновили шведского эмигранта Паткуля к возбуждению коалиции против его бывшего правительства. Будучи жертвой «редукции», т. е. конфискации дворянских земель, предпринятой шведскими королями с целью добить ослабевшую аристократию, Паткуль эмигрировал и желал отомстить шведскому правительству отнятием Лифляндии (родины Паткуля). Думая не без основания найти поддержку у Августа, Паткуль к нему обратился со своим планом союза против Швеции. Август ухватился за этот план, привлек к союзу Данию и отправил Паткуля в Москву привлекать Петра.

В Преображенском осенью 1699 г. происходили в глубокой тайне переговоры о союзе. Результатом их явился союзный договор Петра с Августом, по которому Петр обязывался вступить в войну со Швецией, но оставлял за собой право начать военные действия не ранее заключения мира с турками. Такое направление дал Петр своей дальнейшей политике. Можно с достоверностью сказать, что при самом начале войны со Швецией у Петра была единственная цель — завладеть берегом Финского залива, приобрести море с удобной гаванью. Союзники Петра думали эксплуатировать силы России в свою пользу, получить русские войска в свое распоряжение и направить их для завоевания южных шведских областей на восточном берегу Балтийского моря; они не желали усиления России и боялись, что Петр будет действовать на севере в своих исключительно видах. Боязнь их была основательной; верный традициям родины, Петр немедленно после заключения договора начинает военные разведки в окрестностях Нарвы, важнейшей шведской крепости на Финском заливе (с этой целью в марте 1700 г. послан в Нарву Кормчин). Очевидно, Петр думает о приобретении ближайших к Руси балтийских берегов, а не о простой помощи союзникам.

Но, готовясь к войне, московское правительство и сам Петр настолько искусно скрывают свои планы, что участие России в союзе против Швеции долго остается тайной. Германская и шведская дипломатия могла ловить только смутные слухи о намерении Петра объявить шведам войну, а шведский резидент в Москве (Книперкрон) усердно доносил своему правительству о миролюбии и дружеских чувствах Петра. Петр ласкал Книперкрона, обещал ему, если Август возьмет у шведов Ригу, «вырвать» ее у короля (не договаривая, в чью пользу); в то же время Петр отправил в Швецию посла кн. Хилкова с дружественными уверениями. Это было в июне 1700 г.; мир с турками еще не был заключен.

Между тем Дания и Август начали военные действия; датские войска заняли герцогство Голштейн-Готторпское, союзное Швеции; Август осаждал Ригу. На шведском престоле был молодой,

18-летний государь Карл XII, проявлявший признаки государственных способностей в меньшей степени, чем охоту к шумным забавам. Для врагов Швеции одна личность Карла представлялась уже хорошим шансом успеха. Но, узнав о нападении врагов, Карл неожиданно оставил свои мальчишества, тайно приехал к войску, переправился с ними к Копенгагену и заставил датчан заключить мир (в Травендале 8 августа 1700 г.). Дания отпала от коалиции. Август не имел успеха под Ригой. В эту-то минуту Петр начал войну, не зная еще о Травендальском мире и о том огромном впечатлении, какое произвели военные способности Карла.

18 августа Петр узнал о мире с Турцией, 19-го объявил войну и 22-го выступил с войсками из Москвы к Нарве. Петр решил трудиться для себя, а не помогать войсками союзникам. Нарва была осаждена сильным русским войском (35—40 тыс. человек). Но Петр начал кампанию под осень, погода мешала военным операциям, бездорожье оставляло войско без хлеба и фуража. Недостатки военной организации давали себя знать: хотя войска, стоявшие под Нарвой, были регулярные, нового строя, но сам Петр сознавался, что они были «не обучены», т. е. плохи. Кроме того, офицерами в большинстве были иностранцы, не любимые солдатами, плохо знавшие русский язык, а над всей армией не было одной власти. Петр поручил команду русскому генералу Головину и рекомендованному немцами французу, герцогу де Кроа. И сам Петр не отказался от распоряжений военными действиями. Было, таким образом, многоначалие. При всех этих условиях среди русских войск естественно возникала боязнь столкновения с армией Карла, покрытой лаврами недавних побед в Дании.

А Карл после разгрома Дании шел на Петра. Русские под Нарвой узнали о приближении шведов уже тогда, когда Карл был всего в 20—25 верстах. Петр немедленно уехал из войска, оставив команду де Кроа. Зная мужество и личную отвагу Петра, мы не можем объяснить его отъезд малодушием; вернее думать, что Петр считал дело под Нарвой проигранным и уехал готовить государство к обороне от шведского нашествия. 20 ноября 1700 г. Карл действительно разбил русскую армию, отнял артиллерию и захватил генералов. Петр спешил укрепить Новгород и Псков, поручил Репнину собрать остатки возвратившейся разбитой армии и ждал Карла на границах Московского государства.

Но ошибка Карла спасла Петра от дальнейших бед. Карл не воспользовался своей победой и не пошел на Москву. Часть голосов в его военном совете высказалась за поход в Россию, но Карл близоруко смотрел на силы Петра, считал его слабым врагом — и отправился на Августа. Петр мог вздохнуть свободней. Но положение все-таки было тяжелое: армия была расстроена, артиллерии не было, поражение дурно повлияло на настроение духа внутри государства и уничтожило престиж России за

границей. Рядом с дифирамбами Карлу западноевропейская публицистика разразилась градом насмешек над слабостью Москвы и Петра. Была пущена в обращение медаль, изображавшая с одной стороны осаду Нарвы и Петра, греющегося при пушечном огне (подпись взята из Библии: «бе же Петр стоя и греяся»), а с другой стороны — Петра и русских, позорно бегущих от Нарвы (подпись оттуда же: «исшед вон плакася горько»).

Под свежим впечатлением поражения у Петра мелькнула мысль искать мира, но Петр не нашел ни у кого за границей охоты помочь России и взять на себя посредничество между ней и Швецией. Однако и сам Петр недолго останавливался на мысли о прекращении войны. Он деятельно готовил новые войска; рекрутские наборы (со всех сословий) дали ему много людей, страшная энергия помогла ему устроить из них армию. Обрусевшему немцу Виниусу Петр поручил изготовление новых пушек. Медь, которою Московское государство было далеко не богато, доставали, между прочим, из церковных колоколов, взятых в казну. В течение года Виниус успел изготовить 300 пушек. К лету 1701 г. у Петра, таким образом, снова явились средства продолжить войну.

В феврале 1701 г. Петр близ Динабурга в м[естечке] Биржах виделся с королем Августом, на которого теперь обратился Карл XII. Петр и Август условились продолжать борьбу со Швецией, причем Петр обязался помогать Августу войсками, отдавал ему в случае успеха Эстляндию и Лифляндию, но оставлял себе свободу действий в Ингрии и Карелии и в завоевании этих областей полагал свою конечную цель. Летом 1701 г. начались военные действия у Финского залива и в Польше. В продолжение нескольких лет Петр делил свои силы надвое: на севере он действовал за себя, в Польше помогал Августу.

На севере у Финского залива дела шли удачно для Петра. Слабые силы, оставленные Карлом для защиты Эстляндии и Лифляндии, не могли отразить русских войск. В 1701 и 1702 гг. Шереметев с большой армией опустошил эти области и два раза разбил шведского генерала Шлиппенбаха (при Эрестфере в декабре 1701 и Гуммельсгофе в июле 1702 г.). Первые победы очень радовали Петра. Сам он не принимал постоянного участия в военных действиях против шведов. Он оставил на свою долю трудное дело организации государственной защиты и военных сил. Он ездил из конца в конец по России: в Архангельске принимал меры против нападения шведов с моря; в Москве следил за общим ходом военных приготовлений; в Воронеже удостоверялся, годен ли недавно сооруженный флот для защиты южных областей в случае нападения турок. Ежегодно появлялся он и на театре войны. В 1702 г. Петр из Архангельска без дорог, через леса и болота прошел до Ладожского озера и протащил с собой две яхты (следы рубленых им просек видны до сих пор). Явившись к истокам Невы и действуя с корпусом Апраксина, Петр

взял здесь шведскую крепость Нотебург (древние новгородцы владели им и звали его Орешком; Петр назвал его Шлиссельбургом, т. е. ключом к морю). Весной 1703 г., после поездки в Воронеж, Петр снова явился на Неве с войсками Шереметева, взял укрепление Ниеншанц (вблизи от устьев Невы) и основал при море укрепленную гавань Петербург (в мае 1703 г.). Место было выбрано для первой русской гавани не без расчета: во-первых — восточный берег Финского залива есть ближайший к Руси пункт Балтийского поморья (о Риге Петр тогда еще не мог мечтать), а во-вторых — Нева, на которой основан был порт, представляет конец естественной системы водных путей, лежащих внутри России. Петр очень дорожил новой гаванью и все дальнейшие военные операции на севере направлялись к тому, чтобы обеспечить обладание Петербургом. С этой целью шло систематическое завоевание южного берега Финского залива: были взяты Копорье, Ям (Ямбург), Нарва. В 1704 г. был взят самим Петром Дерпт. На Финском заливе Петр немедленно завел флот, а в новый порт приглашались иностранные корабли, чтобы тотчас начать и торговлю с Западом новым путем.

На другом театре войны, в Польше, дела шли не так удачно. Летом 1701 г. соединенные русско-саксонские войска были разбиты Карлом, который, тесня Августа в Польше, добился «детронизации» Августа и возвел на польский престол познанского воеводу Станислава Лещинского. Но многие паны держались Августа, и в Польше настало междоусобие. В 1705 г. Петр, после успехов своих на Балтийском побережье, решился поддержать Августа серьезно, чтобы не потерять с его падением и последнего союзника. Русская армия в 60 000 человек вошла в Курляндию и Польшу. Но после некоторых успехов русских Карл принудил главные силы русской армии отступить от Гродно к Киеву, и только военный талант Меншикова, берегшего солдат по приказу Петра, дал возможность русским сохранить артиллерию и боевой порядок. Саксонские же войска (с вспомогательным русским корпусом) были разбиты Карлом в Силезии. В 1706 г. неудачи продолжались: Карл напал на Августа в самой Саксонии и принудил его к заключению мира (в Альтранштадте), по которому Август отказался от польской короны и от союза с Петром (при этом Паткуль был выдан Карлу). Петр остался без союзников, в единоборстве с таким королем, который приобрел в Европе славу непобедимого.

Положение Петра представлялось ему самому крайне тяжелым: в письмах своих в то время он подписывался «печали исполненный Петр». Но и с печалью в сердце он не потерял своей энергии. Ожидая врага с юго-запада, Петр укреплял границы и в то же время старался в самой Польше найти опору против Карла и его союзника короля Станислава. Петр вошел в сношение с панами, недовольными Станиславом, и искал человека, которого можно было бы противопоставить Лещинскому в каче-

стве претендента в короли польские. Но эти старания не увенчались успехом. После Альтранштадтского мира Карл в 1707 г. перешел в Польшу и распоряжался ею.

Только в декабре 1707 г. начал он наступление против Петра и занял Гродно (через два часа после отъезда из Гродно Петра). Русские отступали. Ясно было, что наступал кризис войны, подходили решительные минуты. Карл из Гродно мог двинуться или на север, чтобы отнять у Петра завоевания на берегах Балтийского моря, или на северо-восток, на Москву, с целью в корне подорвать силы Петра. Петр не знал, чего ждать. Москву укрепляли под руководством царевича Алексея Петровича, южная армия была поручена Меншикову, заботы о завоеванном Прибалтийском крае взял на себя Петр. Он удалился с юга в Петербург в тяжелом, угнетенном настроении духа. Болея телом и духом, тревожно ожидая развязки войны, он просил Меншикова не вызывать его из Петербурга без крайней надобности и требовал, чтобы Меншиков держался против Карла с полной осторожностью. Однако Петр скоро сам оставил Петербург и принял деятельное участие в кампании 1708 г.

Эта кампания 1708 г. далеко не была проигрышем для русских. Карл начал наступление к Москве, с боя завладел переправой через Березину (при Головчине), дошел до Могилева и ждал соединения с вспомогательным корпусом Левенгаупта, который из Лифляндии шел на помощь к королю с большими запасами продовольствия. Но благодаря стратегическим оплошностям Карла, часть его войска была поражена при м. Добром кн. М. М. Голицыным, а весь корпус Левенгаупта был наголову разбит Петром при деревне Лесной 28 сентября 1708 г. Все запасы попали в руки русских. Теперь вся надежда Карла была на Малороссию, где он рассчитывал найти запасы и союзника в лице гетмана Мазепы. Победа при Лесной была большим успехом Петра: он называл день 28 сентября «начальным днем нашего добра», и это была правда; перевес военного счастья стал склоняться заметно на сторону Петра с этого 1708 года.

Карл и в Малороссии потерпел неудачу. Малороссия, во второй половине XVII в. присоединенная к Москве, жила до времени Петра неспокойной внутренней жизнью; в ней постоянно шло брожение, была рознь общественных классов. Задачей Москвы было уничтожение этой розни, но московские меры не всех удовлетворяли: если низшие классы малороссиян были довольны сменой польского господства на московское, то высший класс — казачья старши́на — скорее желал занять место польского панства в Малороссии и сочувствовал польскому строю жизни. Вместе с тем стремление Москвы крепче взять в руки Малороссию и получить больший контроль в малорусских делах не нравилось многим малороссиянам. Малороссийские гетманы всегда были в трудном положении: с одной стороны — Москва, требующая строгого подчинения, с другой стороны —

малорусское общество, требующее автономии; с одной стороны — Москва, требующая порядка, с другой — внутренний раздор, партии, стремящиеся к господству в стране. Эти обстоятельства делали гетманов жертвой самых разнообразных и противоположных влияний, происков, интриг,— и в результате «после Богдана Хмельницкого,— как говорит С. М. Соловьев,— не было ни одного гетмана в Малороссии, который бы спокойно кончил жизнь свою в гетманском достоинстве». В течение десятилетнего гетманства Мазепа не только умел держать в руках малорусское общество, но успел и в Москве заслужить редкое доверие Петра. Петр не верил многочисленным доносам на Мазепу, а сам Мазепа умел убедительно оправдываться от обвинений. Когда Карл в 1707 г. решил идти на Россию, то Мазепа был убежден, что Петру не справиться с врагом, и рассчитывал, что если Малороссия останется верной побежденной Москве, то победители Карл и Станислав Лещинский не пощадят ни Мазепу, ни Малороссию. Если же Малороссия перейдет ранее на ту сторону, чья победа вероятнее, то такой переход обеспечит в будущем и самостоятельность внутренней жизни Малороссии, и высокое положение гетмана. По этим соображениям, как объясняют наши историки, Мазепа решил отложиться от Московского государства и стал союзником Карла. При таком шаге он надеялся на сочувствие всех тех, кто был недоволен режимом Москвы. Гетман думал, что за ним пойдет вся Малороссия.

Долго вел он тайные переговоры об отпадении с польским двором и Карлом. Хотя в Москву и шли доносы об измене гетмана, но Петр им не верил, потому что верил Мазепе. Известный донос Кочубея (генерального судьи) и Искры (полтавского полковника) кончился пыткой и казнью их обоих в 1708 г. Но осенью того же 1708 года, когда Карл с войсками пошел в Малороссию, Мазепа принужден был открыть свою игру и прямо примкнуть к одному из противников. Боясь неудачи задуманного шага, Мазепа долго колебался и сказывался больным, когда получал приказания от Петра действовать против шведов. Наконец, когда притворяться было уже нельзя, он уехал из своей столицы Батурина и с отрядом казаков пристал к шведскому войску. Его измена для Петра была неожиданна, и не только для Петра, но и для массы малороссиян. Никто не мог сказать, пойдет ли Малороссия за гетманом или останется верной Руси. В таких обстоятельствах русский главнокомандующий Меншиков проявил замечательную ловкость: 29 октября 1708 г. Мазепа соединился с Карлом, а уже 31-го преданный Мазепе Батурин был взят русскими штурмом и сожжен. Центр предполагаемого восстания был уничтожен, вся Малороссия почувствовала энергию и силу русских. Через неделю в Глухове казаки избрали нового гетмана (Ивана Скоропадского); Мазепа, как изменник, был предан анафеме духовенством. Малороссия фактически оказалась в руках Петра, а малороссийские крестьяне начали народ-

ную войну против наступавших шведов. Так неудачно окончился для Карла 1708 год.

Но шведы сохраняли престиж непобедимости и казались грозным врагом. Петр боялся, что турки воспользуются пребыванием этого грозного врага на юге Руси и начнут войну со своей стороны; на это твердо надеялся и Карл. Поэтому Петр зимой 1708/09 г. принял все меры обороны от турок, лично побывал в Воронеже и Азове, а к лету 1709 г. прибыл к армии Меншикова. Хотя в действиях против шведов Петр держался крайне осторожно, не рискуя вступать в открытые столкновения с Карлом, однако он решился открытым боем выручить осажденный шведами город Полтаву; 27 июня 1709 г. произошло знаменитое сражение при Полтаве. Эта генеральная битва кончилась полным бегством шведов на юг, к Днепру. Сам Карл успел переправиться через Днепр и уйти в Бендеры, в турецкие владения, но вся его армия у Днепра (у Переволочны) положила оружие и была взята в плен.

Полтавская победа совершенно сломила могущество Швеции: у нее не осталось армии, у Карла не стало прежнего обаяния; раньше торжествовавший над всеми врагами, а теперь разбитый Петром, он сразу передал Петру и Московскому государству то политическое значение, которым до тех пор пользовалась Швеция. И Петр сумел воспользоваться плодами победы. Естественным образом, он перенес военные операции к Балтийскому морю и в 1710 г. взял Выборг, Ригу и Ревель. Русские стали твердой ногой на Балтийском побережье, существование Петербурга обеспечивалось. В то же время вместе с военными успехами Петр сделал и большие политические успехи. Поражение Карла подняло против Швеции всех ее врагов: Дания и Саксония снова объявили Швеции открытую войну; северогерманские владетели тоже стали принимать живое дипломатическое участие в великой Северной войне, не вступая пока открыто в борьбу со Швецией. Среди всех союзников первое место теперь стало принадлежать России и Петру. Петр сделался гегемоном Северной Европы и сам чувствовал, что он сильнейший и влиятельнейший монарх Севера. Ниже мы увидим, что тревожный для союзников Петра вопрос о его неожиданной гегемонии повел к охлаждению между Петром и остальными членами коалиции. Но политическое преобладание России оставалось неизменным с 1709 г., несмотря даже на неудачи Петра в Прутском походе.

Прутский поход 1711 г. получил свое название оттого, что развязка русско-турецкой войны 1710—1711 гг. произошла на берегах реки Прут. Эта русско-турецкая война была результатом дипломатической деятельности Карла XII и дружественного ему французского двора. Карл жил в Турции после полтавского поражения, и ему не раз грозила выдача в руки Петра. Россия требовала выдачи Карла, а он доказывал туркам своевременность и необходимость для турок воевать с Петром. Результатом

его настояний был дипломатический разрыв Турции с Россией. Петр объявил Турции (в ноябре 1710 г.) войну и задумал вести ее наступательно. Он рассчитывал на помощь турецких славян, на союз с вассальными турецкими владетелями (господарями) Молдавии и Валахии и на поддержку Польши. Весной 1711 г. Петр поспешил в поход, думая раньше турок завладеть Молдавией, Валахией и переправами через Дунай. Но никто из союзников не явился на помощь вовремя. Присоединение к Петру молдавского господаря Кантемира не спасло русскую армию от голода, переход через степи истомил людей. К довершению всего турки ранее перешли Дунай и на берегу Прута окружили громадными силами армию Петра. По недостатку провианта и воды (русские были отрезаны от Прута) нельзя было держаться на месте, а по сравнительной малочисленности войска невозможно было с успехом пробиваться сквозь турок. Петр вступил в переговоры о мире с великим визирем. Отправляя к нему доверенных лиц, Петр дал им полномочие для освобождения войска и заключения мира уступить Азов, все завоевания на Балтийском море (если турки потребуют этого для Карла), даже Псков; но Петр желал, чтобы Петербург и восточный берег Финского залива оставался во что бы то ни стало в руках русских. Однако уступлено было гораздо меньше того, на что готов был Петр. Случилось так благодаря тому, что турки сами желали окончить войну, в которую были втянуты посторонними влияниями. Кроме того, делу пособили ловкость русского дипломата Шафирова и богатые подарки, посланные Петром визирю. Мир был заключен, и русская армия освобождена на таких условиях: Петр отдавал Турции Азов и некоторые укрепленные пункты близ Черного моря, отказывался от вмешательства в дела Польши (необходимо заметить, что тогда уже были проекты раздела Польши, пользовавшиеся сочувствием Петра); наконец, Петр давал Карлу свободный проезд в Швецию. Хотя Петр возвратился в Россию «не без печали», по его собственным словам, но его избавление от плена и сравнительно легкие условия мира с Турцией могли казаться даже удачей. Он дешево отделался от турок и продолжал удерживать то высокое политическое положение в кругу европейских государств, какое дала ему Полтавская победа.

После кампании 1709 г. война со шведами в общем шла вяло. Для Петра существовало два театра войны со Швецией: как сильнейший член коалиции против Карла, он участвовал в общих союзнических предприятиях на южном берегу Балтийского моря, где были шведские провинции (Померания), в то же время действовал и особо от союзников, завоевывая Финляндию.

Приобретение Финляндии для Петра казалось важным делом «двух ради причин главнейших (так писал он адмиралу Апраксину): первое — было бы что при мире уступить... другое, что сия провинция есть матка Швеции, как сам ведаешь: не только что мясо и прочее, но и дрова оттоль». В 1713—1715 гг. русские

войска и флот овладели Финляндией и стали грозить самой Швеции. Таким образом, на этом театре войны Петр имел положительный успех.

Менее удачно шли дела с союзниками. Военные действия против шведов на юге от Балтийского моря были, правда, не без удач: шведы теряли свои северогерманские владения. Но дипломатические недоразумения и столкновения мешали единству союзных действий. Когда, после Прутского похода, Петр в 1711 и 1712 гг. приезжал в Германию, ему удалось теснее сблизиться с Пруссией; но прочими своими союзниками он уже был недоволен за их неискренность и неумение согласно вести войну. Но в то же самое время и дипломатия, и западноевропейская публицистика были, в свою очередь, недовольны Петром. Они ему приписывали завоевательные виды на Германию, в его дипломатах видели диктаторские замашки и боялись вступления русских вспомогательных войск в Германию. И после неудачи на Пруте Петр своим могуществом был страшен Европе.

От союза с Петром, однако, не отказывались. При участии русских союзники вытеснили шведов окончательно из их германских владений в 1715 и 1717 гг. Не помогло шведам и присутствие самого Карла, который в 1714 г. вернулся из Турции. Одновременно со взятием у шведов последней крепости в Германии (Висмара) союзники задумали высадку в самую Швецию и отдали союзные флоты под личное начальство Петра, но высадка не состоялась благодаря крупным недоразумениям между Петром и союзниками. Петр думал занять Висмар своими войсками, желая передать его герцогу Мекленбургскому, за которого выдал замуж свою племянницу Екатерину Иоанновну. Но датская и германская дипломатии воспротивились занятию Висмара, ибо видели в этом желание русских овладеть и Мекленбургом, и Висмаром. В то время (1716 г.) страх перед Петром на Западе достиг своего апогея. Петр действительно держал себя с большим чувством собственного достоинства и давал понять союзникам свои силы. Благодаря этому он стал любимым предметом политических памфлетов, которые приписывали ему самые чудовищные завоевательные планы.

Опасения прессы разделяла и дипломатия: английские дипломаты делали представления германскому императору о необходимости удалить русских из Германии; датчане желали, чтобы Петр со своими войсками оставил Данию, где он был в 1716 г.; в Германии требовали выхода русских из Мекленбурга. Петр всюду видел страх и недоброжелательство, то скрытое, то явное. Понимая, что при таких условиях нет возможности действовать против Швеции решительно, и рассерженный недопущением русских в Висмар, Петр пришел к мысли действовать отдельно от союзников. Голштинский дипломат барон Герц взялся быть посредником между Петром и Карлом, но, пока это посредничество не привело еще к определенным результатам, Петр вступил

в оживленные сношения с Францией, которая до тех пор держала сторону Швеции, а к России была враждебна, потому что Москва дружила с ее врагом — германским императором. В 1717 г. Петр предпринял даже поездку через Голландию во Францию с надеждой заключить и политический, и брачный союз с французским королем (малолетним Людовиком XV). Но пребывание Петра в Париже, представляющее любопытный эпизод в личной жизни Петра, не привело ни к чему. Он добился только обещания Франции отступить от дружеских договоров со Швецией. Возвратившись в Голландию, Петр возобновил переговоры с Герцем об отдельном мире между Швецией и Россией. На 1718 год был назначен русско-шведский конгресс на Аландских островах.

Конгресс этот состоялся (с нашей стороны были на конгрессе Брюс и Остерман). Обе стороны желали мира, но об условиях его не могли сговориться очень долго. Когда же пришли к соглашению, смерть Карла XII помешала делу. После Карла на престол Швеции была избрана его сестра Ульрика-Элеонора, и правление перешло в руки аристократии. Переговоры о мире были прерваны, и возобновилась война. Но теперь Петр стал действовать крайне решительно. Несмотря на поддержку Англии, оказанную Швеции, Петр ежегодно — в 1719, 1720 и 1721 гг.— посылал русские корпуса в самую Швецию и этим принудил шведское правительство возобновить мирные переговоры. В 1721 г. состоялся съезд русских и шведских дипломатов в Ништадте (недалеко от Або), и 30 августа 1721 г. мир был заключен. Условия Ништадтского мира были таковы: Петр получил Лифляндию, Эстляндию, Ингрию и Карелию, возвращал Швеции Финляндию, уплачивал два миллиона ефимков (голландских талеров) в четыре года и не принимал на себя никаких обязательств против прежних союзников. Петр был чрезвычайно доволен этим миром и торжественно праздновал заключение его.

Значение этого мира для Московского государства определяется кратко: Россия становилась главной державой на севере Европы, окончательно входила в круг европейских государств, связывала себя с ними общими политическими интересами и получала возможность свободного сообщения со всем Западом посредством новоприобретенных границ. Усиление политического могущества Руси и новые условия политической жизни, созданные миром, были поняты и Петром, и его сотрудниками. Во время торжественного празднования мира 22 октября 1721 г. Сенат поднес Петру титул Императора, Отца отечества и Великого. Петр принял титул Императора. Московское государство, таким образом, стало Всероссийской Империей, и эта перемена послужила внешним знаком перелома, совершившегося в исторической жизни Руси.

Русский государь, по сознанию русских современников, имел право именоваться Императором. Но западноевропейские исторические традиции, вам, конечно, известные, признавали этот

титул за одним лишь Императором Священной Римской Империи (германским). Поэтому на Западе новый титул Петра не был признан сразу. Только Пруссия и Нидерланды признали его немедленно; в 1723 г. его признала Швеция; Австрия и Англия стали его признавать только с 1742 г.; Франция и Испания — и того позже, с 1745 г.

Чтобы окончить обзор внешней политики Петра Великого, следует упомянуть об его отношениях к Востоку. Всем известно, какое важное значение играл Восток в экономическом развитии Европы, как упорно стремились европейцы узнать пути к конечной цели торговых вожделений — Индии. В XVI и XVII вв. в Москве являлись иноземцы, искавшие путей на Восток. Отчасти благодаря им, отчасти благодаря собственному торговому опыту в Москве умели ценить значение Востока и путей, туда ведущих. Петр, высоко ставивший торговлю как рычаг общественного благосостояния, не упустил из виду и торговли с Востоком. С 1715 г. он старался производить разведки о водных путях в Азии, которые вели бы к Индии (с подобными целями были посланы в 1715 г. Волынский в Персию, в 1716 г. Бекович-Черкасский в Хиву). В конце концов Петр остановился на мысли о приобретении берегов Каспийского моря как базиса для азиатской торговли. С этой целью, как только окончена была шведская война, Петр объявил войну Персии. В 1722—1723 гг. русские взяли Дербент и Баку. В начале кампании Петр сам был на театре войны, но в 1723 г. вернулся в Петербург, где и заключен был осенью того же года мирный договор с Персией, по которому Россия приобрела взятые города и все западное побережье Каспийского моря.

Внутренняя деятельность Петра с 1700 года

Эта деятельность выразилась в ряде общественных реформ, значительно изменивших древнерусский общественный быт, но, как мы уже говорили выше, не изменивших главнейших оснований государственного строя, созданного до Петра. Изложить систематически внутренние реформы Петра Великого несравненно легче, чем в стройной хронологической картине представить их постепенный ход; Петр реформировал общественное устройство и управление не по строгому, заранее составленному плану преобразований, а отрывочными постановлениями, отдельными мерами, между походами и военными заботами. Лишь в последние годы царствования, когда война уже не требовала чрезмерных усилий и средств, Петр пристальнее взглянул на внутреннее устройство и стремился привести в систему ряд разновременных отдельных мероприятий.

Невозможно, впрочем, было и ждать от Петра заранее составленного и теоретически разработанного плана преобразовательной деятельности. Его воспитание и жизнь не могли выработать

в нем наклонности к отвлеченному мышлению: по всему своему складу он был практическим деятелем, не любившим ничего абстрактного. И среди его сотрудников, запечатленных таким же практическим направлением, мы не видим человека, который мог бы стать автором плана общих преобразований. Правда, из-за границы предлагались Петру отвлеченные теории общественного переустройства: Лейбниц сочинил для царя проект преобразований, были и другие усердные доктринеры. Но здравый смысл преобразователя удержал его от пересадки на русскую почву совершенно чуждых ей доктрин. Если Петр и перенес на Русь коллегиальное устройство административных органов, то это потому, что везде на Западе он видел эту форму управления и считал ее единственной нормальной и пригодной где бы то ни было. Но если бы даже и была в голове Петра какая-нибудь предрешенная система преобразований, он вряд ли бы мог выполнить ее последовательно. Нужно помнить, что война со Швецией поглощала все силы царя и народа. Можно ли было при этом условии предаться систематической реформе, когда военные нужды обусловливали собой всю внутреннюю деятельность правительства?

Таким образом, Петр вел свои реформы без заранее составленного плана и сообразуясь с военными потребностями в своей деятельности. Идея общего народного блага обусловливала всю деятельность преобразователя. Войну со Швецией он предпринял с глубоким пониманием национальных интересов и в победах искал не личной славы, а лучших условий для культурного и экономического преуспеяния Руси,—и внутреннюю деятельность свою Петр направлял к достижению народного блага. Но когда шведская война стала главным делом Петра и потребовала громадных усилий, тогда Петр поневоле отдался ей, и внутренняя деятельность его сама собой стала в зависимость от военных потребностей. Война требовала войск: Петр искал средств для лучшей организации военных сил, и это повело к реформе военной и к реформе дворянских служб. Война требовала средств: Петр искал путей, которыми бы можно было поднять платежные силы (иначе говоря, экономическое состояние) государства, и это повело к податной реформе, к поощрению промышленности и торговли, в которых Петр всегда видел могущественный источник народного благосостояния. Так, под влиянием военных нужд Петр совершил ряд нововведений; одни нововведения вызвали необходимость других, и уже тогда, когда война стала менее тяжела, Петр мог все совершенное им внутри государства привести в одну систему, закончить новое административное устройство и дать своему делу стройный вид. Таков был ход внутренней деятельности Петра. Понятно, как трудно сделать изложение его реформы в связном хронологическом перечне: этот перечень обратится в нестройный каталог отдельных указов, в несвязное описание отдельных постановлений. Для нашей цели — изучить

общее содержание общественных преобразований Петра — гораздо удобнее систематический обзор реформ. Мы рассмотрим их в таком порядке: 1) меры относительно сословий; 2) меры относительно управления; 3) военное устройство; 4) меры для развития народного хозяйства и, наконец, 5) меры относительно церковного управления.

1. **Меры относительно сословий.** Проведенные Петром Великим меры относительно сословий многим кажутся полной реформой всего общественного строя; на самом же деле Петр не изменил основного положения сословий в государстве и не снял с них прежних сословных повинностей. Он дал только новую организацию государственным повинностям разных сословий, почему несколько изменилась и организация самих сословий, получив большую определенность. Одно только малочисленное на Руси городское сословие существенно изменило свое положение благодаря исключительным заботам Петра о его развитии. Рассмотрение законодательных мер по отдельным сословиям покажет нам справедливость высказанного положения.

Дворянство в XVII в., как мы уже имели случай показать, являлось высшим общественным классом; оно было повинно государству личной, преимущественно военной службой и в воздаяние за нее пользовалось правом личного землевладения (вотчинного и поместного); с вымиранием старого боярства дворянство получало все большее и большее административное значение; из него выходила почти вся московская администрация. Таким образом, дворяне были до Петра классом военным, административным и землевладельческим. Но как военный класс дворянство в XVII в. не удовлетворяло уже потребностям времени, потому что нестройные дворянские ополчения не могли бороться с регулярными войсками европейскими; в то же время дворянские войска отличались плохой подвижностью, медленно собирались; с успехом они могли нести только местную оборонительную службу на границах. Московское правительство поэтому стало заводить в XVII в. регулярные полки, набирая в них солдат вербовкой из «гулящих людей» (но и эти полки имели свои недостатки). В них дворянство являлось уже в качестве офицеров. Таким образом, военная повинность дворянства уже до Петра нуждалась в переустройстве. В качестве администраторов допетровские дворяне не обладали никакой специальной подготовкой и не оставались постоянно в гражданских должностях, потому что не существовало тогда и разделения должностей военных и гражданских. Если, таким образом, дворянские повинности государству организованы были неудовлетворительно, то дворянское землевладение, напротив, чем далее, тем более развивалось. Дворяне в конце XVII в. (1676 г.) достигли права наследовать поместья по закону, как прежде наследовали их по обычаю; с другой стороны, власть помещиков над крестьянами росла более и более, — дворяне совершенно

сравняли своих крестьян с холопами, посаженными на пашню («задворные люди»).

Петр задался мыслью дать лучшую организацию службе дворян и достиг этого таким образом: он со страшной строгостью привлекал дворян к отбыванию государственной службы и, как прежде, требовал бессрочной службы, пока хватало сил. Дворяне должны были служить в армии и флоте; не более одной трети от каждой «фамилии» допускалось к гражданской службе, которая при Петре обособилась от военной. Подраставших дворян требовали на смотры, которые производил часто сам государь в Москве или Петербурге. На смотрах или определяли в тот или другой род службы, или посылали учиться в русские и заграничные школы. Первоначальное же образование сделано было обязательным для всех молодых дворян (по указам 1714 и 1723 гг.). Они должны были до 15 лет обучиться грамоте, цифири и геометрии в нарочно для того устроенных школах при монастырях и архиерейских домах. Уклонявшийся от обязательного обучения терял право жениться. Поступая на службу, дворянин делался солдатом гвардии или даже армии. Он служил вместе с людьми из низших классов общества, которые поступали по рекрутским наборам. От его личных способностей и усердия зависело выбиться в офицеры; личная заслуга выдвигала в офицеры и простого крестьянина-солдата. Ни один дворянин не мог стать офицером, если не был солдатом; но всякий офицер, кто бы он ни был по происхождению, становился дворянином. Так вполне сознательно Петр поставил основанием службы личную выслугу вместо старого основания — родовитости. Но это не было новостью, личная выслуга признавалась уже и в XVII в.; Петр дал ей только окончательный перевес, и это пополнило ряды дворянства новыми дворянскими родами. Вся масса служилых дворян была поставлена в прямое подчинение Сенату вместо прежнего Разрядного приказа, и Сенат ведал дворянство через особого чиновника «герольдмейстера». Прежние дворянские «чины» были уничтожены (прежде они были сословными группами: дворяне московские, городовые, дети боярские); вместо них появилась лестница служебных чинов (собственно, должностей), определенная известной «Табелью о рангах» 1722 г. Прежде принадлежность к известному чину обусловливалась происхождением человека, при Петре стала обусловливаться личными заслугами. Вне служебных должностей все дворяне слились в одну сплошную массу и получили общее название шляхетства (кажется, с 1712 г.).

Таким образом, служба дворян стала правильнее и тяжелее; поступая в полки, они отрывались от местности, были регулярным войском, служили без перерывов, с редкими отпусками домой, и не могли укрываться легко от службы. Изменилась, словом, организация государственной повинности дворян, но существо повинности (военной и административной) осталось прежним.

Зато прочнее стало вознаграждение за службу. При Петре уже не видим раздачи поместий служилым людям; если кому-нибудь дается земля, то в вотчину, т. е. в наследственную собственность. Мало того, законодательство Петра превратило и старые поместья в вотчины, расширив право распоряжения ими. При Петре закон уже не знает различия между поместным и вотчинным владением: оно различается только по происхождению. Кто может доказать право собственности на землю, тот вотчинник; кто помнит, что его наследственная земля принадлежит государству и отдана его предкам во владение, тот помещик. Но, превратив законом поместья в вотчины, Петр на вотчины смотрел как на поместья, считая их владениями, существующими в интересах государства. Прежде для государственной пользы не дозволялось дробить поместья при передаче их в потомство. Теперь Петр в тех же видах распространил это правило и на вотчины. Указом 1714 г. (марта 23-го) он запретил дворянам дробить земельные владения при завещании сыновьям. «Кто имеет несколько сыновей, может отдать недвижимое одному из них, кому хочет»,— говорил указ. Лишь тогда, когда не было завещания, наследовал старший сын; поэтому некоторые исследователи несколько неправильно называют закон Петра о единонаследии законом о майорате. Этот закон, соблюдавшийся дворянством относительно поместий, вызвал сильное противодействие, когда был перенесен на вотчины. Начались злоупотребления, обход закона, «ненависти и ссоры» в дворянских семьях,— и в 1731 г. императрица Анна отменила закон Петра и вместе уничтожила всякое различие вотчин и поместий. Но этим последним распоряжением она докончила лишь то, что признал Петр, за трудности службы давший дворянству больше прав на поместья.

Но помимо расширения землевладельческих прав, сделавших более прочным обладание поместьями, дворянство при Петре крепче завладело и крестьянами. Этот вопрос об отношении дворян к крестьянам приводит нас к общему вопросу о положении последних при Петре.

Мы уже видели, что созданное в XVII в. прикрепление крестьян к земле на практике в конце века перешло в личную зависимость крестьян от землевладельцев. Крестьяне, как холопы, продавались без земли. В то же время лично зависимые люди — холопы — по воле господ садились на пашню и своей жизнью и хозяйством ничем не отличались от крестьян. Правительство еще до Петра заметило таких холопов («задворных людей») и облагало их наравне с крестьянами государственными податями. Выходило так, что землевладельцы стремились сравнять крестьян с холопами, а правительство — холопов с крестьянами. Результатом этого было то обстоятельство, что и крестьяне, и холопы чрезвычайно сблизились между собой на деле, хотя строго различались по закону. Петр застал это положение и смешал крестьянство с холопством в один податной и зависимый от

землевладельцев класс. На этом основании многие думают, что Петр вместо бывшего прикрепления к земле создал крепостное право на крестьян. Но предыдущее изложение показывает, что это неверно: на деле крестьянин становился в личную крепость от землевладельца еще до Петра. С другой стороны, в законодательстве Петра нет ни одного указа, отменяющего прикрепление к земле и устанавливающего крепостную зависимость личную; крестьянин и при Петре оставался гражданином.

Смешение крестьян и холопов произошло не на основании прямого об этом закона, а как следствие податной реформы Петра. До Петра прямые подати взимались или с обработанной земли, или со двора. Петр вместо поземельной и подворной подати ввел подушную. По новейшим исследованиям, это произошло так: Петр желал разместить армию на постоянные квартиры в различных губерниях и содержание полков возложить на население того округа, где стоял полк. Для этого признано было нужным высчитать сумму, необходимую для содержания полка, перечислить всех податных лиц в округе и рассчитать, сколько каждое лицо повинно было внести денег на содержание войска. С 1718 по 1722 г. производилась перепись податного населения и ее поверка — «ревизия»: сперва писали крестьян и холопей пахотных, потом стали писать в «сказки» и непахотных зависимых людей; наконец, стали записывать и «гулящих» (не приписанных к сословиям) людей. Эта перепись получила официально название ревизии, а переписанные люди носили название «ревизских душ». Всякая ревизская душа облагалась одинаковой податью, а ответственность в исправном поступлении подати возлагалась на землевладельца. *Таким образом землевладелец получал совершенно равную власть и над крестьянином, и над холопом.* Здесь и заключалось основание последовавшего за этим фактического уравнения крестьян с холопами. Но по закону крестьянин рабом не становился; владельческие крестьяне сохраняли гражданские права: за ними закон признавал гражданскую правоспособность и дееспособность, они могли даже вступать с казной в подряды и договоры. В глазах законодателя и холопы уравнивались с крестьянами. Но на практике податная ответственность землевладельца за крестьян и право суда над крестьянами, оба эти явления, существовавшие помимо закона, по обычаю, давали помещикам такую власть над крестьянином, что в их глазах крестьянин становился равным холопу. Уже при Петре началась продажа крестьян без земли не только семьями, но и в розницу, и Петр напрасно прилагал старания прекратить этот обычай.

Таким образом, при Петре, как и ранее, закон понимал крестьян как граждан и в то же время холопов стремился привести в одно положение с крестьянами под общим термином «подданных» шляхетства. Но шляхетство, получая от правительства власть над «подданными», смотрело на крестьян, как на холопов,

и на практике обращалось со всеми своими «подданными», как с холопами. Стало быть, новых начал в положение крестьян владельческих при Петре внесено не было. Новостью являлась при Петре лишь система подушной подати, заменявшая древнее прикрепление к земле началом личной (податной) зависимости крестьянина от землевладельца. Но эта личная зависимость существовала и в XVII в. уже до Петра.

Не одни владельческие крестьяне составляли крестьянское сословие. Кроме них в качестве податного класса граждан при Петре существовали: 1) крестьяне черные или черносошные, жившие на государственных черных землях и оставшиеся при Петре в том же свободном состоянии, в каком были ранее; 2) крестьяне монастырские, при Петре изъятые из управления монастырей и переданные в казенное управление, а потом в ведение Синода (впоследствии они получили название экономических, потому что были переданы в коллегию экономии); 3) крестьяне дворцовые, обязанные различными повинностями ведомству двора государева; 4) крестьяне, приписанные к фабрикам и заводам; этот разряд крестьян создан был указом Петра 1721 г., которым разрешалось владельцам фабрик (и дворянам, и недворянам) покупать деревни и людей к фабрикам; наконец, 5) однодворцы — класс измельчавших служилых землевладельцев, когда-то поселенных по южным, преимущественно, границам Московского государства для их защиты. При Петре они были записаны в ревизские «сказки», платили подушные подати, но сохраняли право личного землевладения и владения крестьянами.

Городское сословие, состоявшее в XVII в. из торговых людей (купечества) и посадских (городских податных обывателей), было замкнуто лишь в половине XVII в. и было ничтожно своей численностью и промышленной деятельностью. Петр же в городском торгово-промышленном классе видел, по примеру западных меркантилистов, главный фактор народного богатства. Понятно, какие старания должен был он приложить к тому, чтобы поднять городской класс до желаемой степени развития. Его меры для поднятия русской промышленности и торговли мы увидим в своем месте; в глазах Петра к такому поднятию должна была вести и правильная организация городского сословия, которая позволила бы городам преуспевать в торговле и промышленности. Еще в 1699 г. он дал городам самоуправление, но Бурмистерские палаты не создали никакой организации сословию, их избиравшему. Этой организации города достигли лишь в конце царствования Петра.

Руководясь западноевропейскими формами городского устройства, Петр в начале 1720 г. учредил в Петербурге Главный Магистрат, которому поручил ведать городское сословие повсеместно, и дал Магистрату в следующем году регламент, в котором изложены были основания городского устройства. Города разделялись по числу жителей на 5 классов; граждане каждого

города — на два основных класса: граждан регулярных и нерегулярных.

Регулярные граждане делились на две гильдии: к первой гильдии принадлежали банкиры, купцы, доктора и аптекари, шкиперы, живописцы и ювелиры, художники и ученые. Вторую гильдию составляли мелочные торговцы и ремесленники, объединенные в цехи.

Нерегулярными гражданами были «подлые», т. е. низкого происхождения люди (чернорабочие, наймиты, поденщики).

Лица иных сословий (духовные, дворяне, крестьяне), живущие постоянно в городе, в число граждан не входили, только «числились в гражданстве» и не участвовали в городском самоуправлении.

Городом управляла выборная коллегия — магистрат. Ее избирали из своей среды только регулярные граждане. Подлые же люди избирали своих старост, представлявших их интересы в магистрате. Магистрат, подчиненный Главному Магистрату, ведал хозяйство города, смотрел за порядком. Главной его целью было развитие торговли и промыслов; в его руках находилась большая власть. Под ведением магистрата было цеховое управление: во главе каждого ремесленного цеха стоял старшина (альдерман), выбранный из мастеров; на его руках было управление цеховыми делами. На звание мастера-ремесленника нужно было сдавать экзамен; без экзамена нельзя было открыть никакого производства.

Дав городскому сословию стройную организацию, Петр не только оставил ему все старые льготы, какими пользовались горожане до него, но дал и новые. Регулярные граждане хотя и сохранили характер тяглого сословия, но были избавлены от обязательной рекрутской повинности; в 1722 г. Петр снял с горожан и личную службу по казенным надобностям, которой горожане тяготились до Петра; наконец, горожане получили право владеть крепостными людьми и землей наравне с дворянством, если были фабрикантами или заводчиками. Таким образом, Петр создал городскому сословию довольно привилегированное положение. Он внес в городской быт совершенно новую организацию. Но новы были и здесь только формы; благосклонное же отношение правительства к горожанам заметно и в XVII в., особенно во второй его половине.

Итак, обзор сословных реформ показывает нам, что Петр многое изменил в сословной жизни и отношениях. Шляхетство стало правильнее служить и получило лучшее обеспечение за свою службу; крестьянство слилось с холопством в одну податную категорию и, не теряя гражданской личности, стало под личную власть помещика; горожане получили организацию, право самоуправления и некоторые привилегии. Внешние формы общественных отношений очень изменились; но в существе общественный строй остался старым; государство сохранило свой

земледельческий и военный характер, дворянство — свое высокое административное и экономическое положение, крестьяне по-прежнему относились к государству через землевладельца, а городскому сословию по-прежнему принадлежала далеко не главная роль в развитии народного хозяйства.

2. **Меры относительно управления.** Административные реформы Петра развивались так же, как и сословные меры, без строгой системы, путем частных нововведений в центральном и местном управлении. Однако легко можно заметить, что сперва внимание Петра было занято преимущественно переустройством областных учреждений, а затем перешло на организацию центрального управления. Это видно уже из простого хронологического перечня крупных установлений Петра в сфере администрации. В 1702 г. произошло уничтожение старых губных старост и замена их воеводами, управлявшими совместно с присутствием из выборных (от уезда) дворян; в 1708 г. последовало разделение России на губернии (губернии делились на уезды), во главе которых были поставлены губернаторы. При них в качестве советников и помощников были учреждены с 1713 г. ландраты (выборные от дворян); кроме ландратов дворяне в каждом уезде для управления уездом избирали земского комиссара. В 1719 г. ландраты были уничтожены, но земские комиссары остались; государство было поделено вновь на 12 губерний, губернии — на провинции, а провинции — на уезды. Таким образом, если мы вспомним знакомые нам Бурмистерские палаты 1699 г. и городские магистраты 1720 г., то скажем, что Петр во все время своей деятельности трудился над переустройством местного управления. Крупные же реформы в центральном управлении начались лишь с 1711 г. В этом году был учрежден Сенат. В 1718 г. устроены коллегии; в 1721 г. окончательно установлена должность генерал-прокурора. Так, заботы о местной администрации шли впереди забот о центральной администрации. Существует поэтому мнение, что Петр желал всю тяжесть управления перенести из центра государства в области, но, потерпев неудачу вследствие недостатка в областях способных людей, обратился к устройству центральных органов администрации, которым подчинил все местные учреждения и передал все стороны государственного управления.

В систематическом изложении созданная Петром администрация представится в таком виде.

Во главе всего управления с 1711 г. стоит Сенат. Около 1700 г. старая Боярская дума исчезает как постоянное учреждение и заменяется ближней канцелярией государя, в которой, как в старину, происходит иногда совещание бояр. Во время своих беспрестанных поездок ведение государственных дел в Москве Петр поручал не учреждению, а нескольким доверенным лицам из старых думных чинов (Петр никому не давал этих чинов, но и не отнимал их у имевших) и лицам новых чинов и званий. Но

в 1711 г., отправляясь в Прутский поход, Петр вверяет государство не лицам, а вновь основанному учреждению. Это учреждение — Сенат. Его существование, как объявлял сам Петр, вызвано именно «отлучками» государя, и Петр повелевал всем слушаться Сената, как его самого. Таким образом, миссия Сената первоначально была временной. Он заменял собой: 1) старые думские комиссии, назначаемые для того, чтобы в отсутствие государя «Москву ведать», и 2) постоянную «Расправную палату», бывшую как бы судебным департаментом Боярской думы. Но с возвращением Петра к делам Сенат не был упразднен, а стал постоянным учреждением, в организации которого при Петре замечают три фазиса. С 1711 до 1718 г. Сенат был собранием лиц, назначенных специально для присутствования в нем; с 1718 по 1722 г. Сенат делается собранием президентов коллегий; с 1722 г. Сенат получает смешанный состав, в него входят некоторые президенты коллегий (военной, морской, иностранной) и в то же время в нем есть сенаторы, чуждые коллегиям.

Ведомство Сената состояло в контроле над администрацией, в разрешении дел, выходящих из компетенции коллегий, и в общем направлении административного механизма. Сенат был, таким образом, высшим административным органом в государстве. Ему, в последние годы Петра, присвоена была и судебная функция: Сенат стал высшей судебной инстанцией. Относительно того, присуща ли была Сенату законодательная деятельность, существуют разные оттенки взглядов. Одни (Петровский «О Сенате в царствование Петра Великого») полагают, что Сенат в первое время имел законодательную власть и иногда даже отменял указы самого Петра. Другие (Владимирский-Буданов в критической статье «Учреждение Правит[ельствующего] Сената») доказывают, что законодательная функция никогда Сенату не принадлежала. Но все признают, что Петр, видоизменяя положение Сената в 1722 г., лишил его законодательной власти; ясно, что Петр рядом с собою, как с единственным источником законодательной власти в государстве, не мог поставить собрания с законодательными правами. Поэтому, если и признавать за Сенатом законодательную функцию, то следует считать ее случайным и исключительным явлением.

От разницы представлений о компетенции Сената зависит и разница в представлениях о государственном значении его. Одни считают Сенат безусловно высшим учреждением в государстве, объединяющим и направляющим всю администрацию и не знающим над собой иной власти, кроме государевой (Градовский, Петровский). Другие полагают, что, контролируя и направляя администрацию, Сенат сам подвергался контролю и зависел от «верховных господ министров» (т. е. приближенных к Петру лиц, управляющих войсками, флотом и иностранными делами) и от генерал-прокурора, представителя особы государя в Сенате (Владим.-Буданов, Дмитриев).

Должность генерал-прокурора, учрежденная в 1722 г., должна была, по мысли Петра, служить связью между верховной властью и центральными органами управления и средством для контроля над Сенатом. Петр испытал много средств контроля: сперва за Сенатом смотрел генерал-ревизор (1715), затем в Сенате дежурили, с целью ускорения дел и охранения порядка в заседаниях, штаб-офицеры гвардии (1721); средством контроля были и обязательные протоколы заседаний; наконец, была учреждена прокуратура. Генерал-прокурор докладывал государю дела Сената, а Сенату передавал волю государя; он мог остановить решение Сената; указы Сената получали силу только с его согласия; он следил за исполнением этих указов (иначе говоря, за всей администрацией); он, наконец, начальствовал над канцелярией Сената. Под его прямым начальством действовали и другие агенты правительственного надзора: обер-прокуроры и прокуроры при коллегиях и в губерниях (параллельно с ними действовали и лица тайного надзора — обер-фискал и фискалы). Такое значение генерал-прокурора сделало его самым властным лицом во всей администрации, тем более что первый генерал-прокурор Ягужинский, человек способный и деятельный, умел сообщить своей должности необыкновенный престиж. Современники считали генерал-прокурора начальником Сената и первым лицом в империи после монарха. Такой взгляд разделяется и теперь теми, кто склонен принижать значение Сената. Напротив, некоторые (Градовский в своей книге «Высшая администрация России XVIII в. и генерал-прокуроры») думают, что, сливаясь с Сенатом в органическое целое и вне Сената не имея никакого значения, генерал-прокурор только поднимал еще выше государственное значение самого Сената.

Под ведением Сената стоял ряд центральных учреждений, известных под названием коллегий; они были учреждены в 1718 г. и окончательно сформированы в 1720 г. Коллегии заменили собой старые приказы. С учреждением Сената, мало-помалу усваивавшего себе функции главнейших приказов, эти последние (напр., Разряд) заменялись «столами» Сената; мелкие же приказы превращались в канцелярию и конторы разных наименований и сохраняли прежнюю организацию. Приблизительно с 1711 г. Петр задумал устроить центральное управление по западноевропейским образцам. Вполне сознательно он желал перенести на Русь шведское коллегиальное устройство. Коллегиальную систему рекомендовал ему и теоретик Лейбниц. За границу были посланы люди для изучения бюрократических форм и канцелярской практики; из-за границы выписывали опытных канцеляристов, чтобы организовать с их помощью новые учреждения. Но этим иностранцам Петр не давал в коллегиях начальнического положения, и они не поднимались выше вице-президентов; президентами же коллегий назначались русские люди.

С 1719 г. коллегии начали свою деятельность, и каждая сама для себя составляла устав, определявший ее ведомство

и делопроизводство (эти уставы получили название регламентов). Всех коллегий учреждено было двенадцать: 1) Коллегия иностранных дел, 2) Коллегия военная, 3) Коллегия адмиралтейская (морская), 4) Штатс-коллегия (ведомство расходов), 5) Камер-коллегия (ведомство доходов), 6) Юстиц-коллегия (судебная), 7) Ревизион-коллегия (финансовый контроль), 8) Коммерц-коллегия (торговая), 9) Мануфактур-коллегия (промышленность), 10) Берг-коллегия (горное дело), 11) Вотчинная коллегия (промышленность), 12) Главный Магистрат (городское управление). Последние три коллегии образованы были позже остальных. Вновь основанные учреждения не заменили, однако, всех старых приказов. Приказы продолжали существовать или под именем канцелярий, или под прежним именем приказов (Медицинская канцелярия, Сибирский приказ).

Коллегии были подчинены Сенату, который посылал им свои указы; в свою очередь, местные органы управления были ниже коллегий и повиновались им. Но, с одной стороны, не все коллегии одинаково подчинялись Сенату (военная и морская были самостоятельнее прочих); с другой стороны, не все коллегии имели отношение к областным органам управления. Над провинциальными властями, в качестве прямой высшей инстанции, стояли только Камер- и Юстиц- коллегии и Главный Магистрат. Таким образом, и центральные, и местные органы управления не представляли строгой и стройной иерархии.

Каждая коллегия состояла, как и приказ XVII в., из присутствия и канцелярии. Присутствие состояло из президента, вице-президента, советников, асессоров и 2 секретарей, которые были начальниками канцелярии. Всего в присутствии было не более 13 человек, и дела решались большинством голосов.

Всматриваясь в различия между коллегиями и старыми приказами, мы видим, что система коллегий значительно упростила прежнюю путаницу ведомств, но не уничтожила того смешения личного начала с коллегиальным, которое лежало в основании прежнего центрального управления. Как в приказах при их коллегиальной форме личное начало выражалось деятельностью властного председателя,так и в коллегиях влиятельные президенты и приставленные к коллегиям для общего контроля прокуроры нарушали коллегиальный строй своим личным влиянием и на деле заменяли иногда коллегиальную деятельность единоличной.

Областное управление, много раз изменяясь в своих частностях, приняло в 1719 г. следующие окончательные формы. Вся Россия была поделена на губернии, губернии — на провинции, провинции — на уезды. Во главе губернии стоит губернатор; во главе провинции, по общему правилу,— воевода или вице-губернатор; в уездах финансовое и полицейское управление возложено на земских комиссаров, которые отчасти назначались Камер-коллегией, отчасти же избирались дворянами-землевладельцами в уездах. При Петре Великом были попытки отделить суд от

администрации (мысль для этой эпохи замечательная); но эти попытки не увенчались успехом, и с 1722 г. администрация снова участвует в деле суда. В каждой губернии был надворный суд под председательством губернатора; в каждой провинции действовал провинциальный суд под председательством воеводы.

Все эти местные учреждения, бывшие в большинстве единоличной, а не коллегиальной властью, касались лишь дворян и через их посредство — подчиненных им крестьян; стало быть, земское представительство, введенное в областную администрацию в виде ландратов и комиссаров, не было общеземским, а было сословным; в уезде оно было дворянским, в городах — гильдейским и цеховым, как мы это видели в обзоре городского устройства. Такой же характер единоличного управления с участием сословного представительства носила администрация и до Петра, как мы это уже видели.

Вся масса вновь созданных при Петре учреждений не стояла в такой строгой иерархической системе, как учреждения древней Руси. Прежде, в XVII в., все в уезде было в зависимости от воеводы, воевода был в зависимости от приказа, приказ — от Боярской думы. В петровских учреждениях такого цельного иерархического порядка нет: губернаторы, завися от коллегий, в то же время находятся в непосредственных отношениях к Сенату; городские магистраты хотя и находятся в некоторой зависимости от губернаторов, но подчинены Главному Магистрату. С достаточным основанием можно считать, что в прямом подчинении Сенату находились не одни коллегии, но и вся областная администрация, городская и губернская. Таким образом Сенат объединял и контролировал различные отрасли управления. Элементами, связавшими всю администрацию и служившими для контроля, были фискалы (контролеры финансовые и отчасти судебные) и прокуроры (органы открытого надзора); они состояли при всех учреждениях и были подчинены генерал-прокурору, бывшему как бы связью между государем и Сенатом, а также органом верховного контроля. Такова была в общих чертах система петровской администрации.

В ней новы все учреждения и по именам, и по внешней организации; ново стремление законодателя разграничить ведомства, ввести деятельный контроль; новым представлялась Петру и коллегиальная система, о введении которой он так старался. Но исследователи замечают, что при всей новости форм и при том условии, что новые формы администрации были явно не национальны и пахли иноземным духом, учреждения Петра все-таки стали очень популярны на Руси в XVIII в. Объясняют это тем, что в администрации Петра «старая Россия вся сказалась в преобразовательных учреждениях». И в самом деле, основания административной системы остались прежние: Петр оставил все управление России в руках почти исключительно дворянских, а дворянство и в XVII в. несло на себе всю администрацию; Петр

смешал в администрации коллегиальное начало с единоличным, как было и раньше; Петр, как прежде, управлял «системою поручений», приказав администрацию Сенату, с генерал-прокурором. Так при новых формах осталась старая сущность (см. Градовского «Высшая администрация России в XVIII в. и генерал-прокуроры»).

3. **Военное устройство.** Московское правительство XVII в. располагало сотнями тысяч вооруженного люда и вместе с тем ясно сознавало отсутствие правильной организации и боевой готовности своих войск. О недостатках дворянского ополчения, малоподвижного и лишенного правильной военной подготовки, мы уже говорили. Упоминали мы и о том, что уже в XVII в. в Москве старались устроить правильные войска, увеличивая число стрелецких полков и образуя полки «иноземного строя» (солдатские, рейтарские, драгунские) из людей разных общественных состояний. С помощью иностранных офицеров достигнуты были большие результаты; солдатские полки ко времени Петра выросли уже до размеров внушительной военной силы. Однако и у стрелецких, и у регулярных полков был один крупный, с военной точки зрения, недостаток: и стрельцы (в большей степени), и солдаты (в меньшей степени) были не только военными людьми, занимались не одной службой. Поселенные на казенных землях, имея право жениться и заниматься промыслами, солдаты, и особенно стрельцы, стали полувоенным, полупромышленным сословием. При таких условиях их боевая готовность и военные качества не могли быть высокими.

Петр видоизменил организацию войск. Воспользовавшись старым военным материалом, он сделал регулярные полки господствующим, даже исключительным типом военной организации (только малороссийские и донские казаки сохранили старое устройство). Кроме того, изменив быт солдат, он иначе, чем прежде, стал пополнять войска. Только в этом отношении он и может считаться творцом новой русской армии. Давая ему такое название, мы должны помнить, что регулярная армия (совершенная или нет, другой вопрос) создалась уже в XVII в.

Петр привязал солдата исключительно к службе, оторвав его от дома и промысла. Воинская повинность при нем перестала быть повинностью одних дворян, стрелецких и солдатских детей, да «гулящих» охотников. Повинность эта легла теперь на все классы общества, кроме духовенства и граждан, принадлежащих к гильдиям. Дворяне все обязаны были служить бессрочно солдатами и офицерами, кроме немощных и командированных в гражданскую службу. С крестьян же и горожан производились правильные рекрутские наборы, которые в начале шведской войны были очень часты и давали Петру громадные контингенты рекрут. В 1715 г. Сенат постановил, как норму для наборов, брать одного рекрута с 75 дворов владельческих крестьян и холопов. Вероятно, такая же приблизительно норма была и для

казенных крестьян и горожан. Рекруты из податных классов в войсках становились на одинаковом положении с солдатами-дворянами, усваивали одинаковую военную технику, и вся масса служащего люда составляла однородное войско, не уступавшее своими боевыми качествами лучшим европейским войскам.

Результаты, достигнутые в этом отношении крайне энергичною деятельностью Петра, были блестящи: в конце его царствования русская регулярная армия состояла из 210 000 человек. Кроме того, было около 100 000 казачьих войск. Во флоте числилось 48 линейных кораблей, 787 галер и мелких судов и 28 000 человек.

4. **Меры для развития народного хозяйства.** Заботы о народном хозяйстве в деятельности Петра Великого всегда занимали очень видное место. Признаки таких забот мы замечаем и в XVII в. И предшественники Петра были озабочены поднятием экономического благосостояния Руси, расшатанного смутой. Но до Петра не было достигнуто никаких результатов в этом отношении. Государственные финансы, бывшие для московского правительства верным показателем народного благосостояния, и до Петра, и в первое время его царствования были в неудовлетворительном положении. Петр нуждался в деньгах и должен был изыскивать новые источники государственных доходов. Забота о пополнении государственной казны постоянным бременем лежала на нем и привела Петра к той мысли, что поднять финансы страны возможно только путем коренных улучшений народного хозяйства. Путь к таким улучшениям Петр видел в развитии национальной промышленности и торговли. К развитию торговли и промышленности он и направлял всю свою экономическую политику. В этом отношении он отдавал дань идеям своего века, создавшим на Западе известную меркантильно-покровительственную систему. В стремлении Петра создать на Руси торговлю и промышленность и этим указать народу новый источник богатства заключалась новизна экономических мер Петра. До него в XVII в. только немногие личности (Крижанич, Ордин-Нащокин) мечтали под влиянием западноевропейской жизни об экономических реформах на Руси. Само правительство, издавая Новоторговый устав 1667 г., высказывало мысль о важном значении торговли в государственной жизни. Но сознанная потребность не повела за собой почти никаких практических мер к ее удовлетворению до времени преобразований.

Трудно сказать, когда именно явилась у Петра мысль о необходимости развивать на Руси промышленно-торговую деятельность. Всего вероятнее, что он усвоил ее уже в первое заграничное путешествие. Уже в 1699 г. он заботился о торговом и промышленном классе (Бурмистерские палаты), а в замечательном манифесте 1702 г., которым Петр вызывал в Россию иностранцев, ясно выражена уже мысль о громадном значении в государственной жизни торговли и промышленности. С течением времени

Петр все определеннее и энергичнее шел к поставленной цели, сделав ее одной из главных задач своей внутренней деятельности. Мы видим ряд многообразных мер преобразователя, направленных к развитию экономической жизни. Изложение их заняло бы слишком много времени, и мы ограничимся перечислением важнейших из них:

а) Петр постоянно предпринимал разведки с целью узнать лучше те природные богатства, которыми обладала Россия. При нем было найдено много таких богатств: серебряные и другие руды, вызвавшие развитие горнозаводского промысла; селитра, торф, каменный уголь и т. д. Так Петр создавал новые виды промышленно-торгового труда.

б) Петр всячески поощрял развитие промышленности. Он вызывал иностранцев-техников, ставил их в превосходное положение в России, давал массу льгот с одним непременным условием: учить русских своему производству. Он посылал русских за границу для изучения разных отраслей западной промышленности. И до́ма, в цехах, мастера должны были правильно обучать своих учеников. Пользу технического образования и самой промышленности Петр усиленно доказывал в своих указах. Предпринимателям он давал всякие льготы; между прочим, право владеть землей и крестьянами. Иногда же правительство само являлось инициатором в том или другом роде производства и, основав промышленное дело, сдавало его в эксплуатацию частному лицу. Но, создавая льготное положение для промышленников, Петр надо всей промышленностью учредил строгий надзор и следил как за добросовестностью производства, так и за тем, чтобы оно согласовалось с видами правительства. Такой надзор нередко переходил в мелочную регламентацию производства (точно была определена, например, обязательная ширина холста и сукон), но клонился в общем к пользе промышленности. Результаты мер Петра в отношении промышленности выразились в том, что в России при Петре основалось более 200 фабрик и заводов и положено было начало многим отраслям производства, существующим в наши дни (горное дело и пр.).

в) Петр поощрял всеми мерами русскую торговлю. Как в отношении к промышленности, так и в отношении к торговле Петр держался покровительственной системы, стремясь развить торговлю настолько, чтобы вывоз из России товаров превышал ввоз их из других стран. Как Петр стремился путем указов объяснить подданным пользу развития промыслов, так старался он возбудить в них и торговую предприимчивость. По выражению одного исследователя, при Петре «престол часто обращался в кафедру», с которой монарх объяснял народу начала общественного прогресса. Такую же регламентацию, какая прилагалась к промышленному делу, Петр прилагал и к делу торговли. Он настойчиво рекомендовал торгующему люду составлять торговые компании на манер западноевропейских. Построив Петер-

бург, он искусственно отвлекал товары от Архангельского порта к Петербургскому. Заботясь о том, чтобы русские купцы сами торговали за границей, Петр стремился завести русский торговый флот. Не надеясь на скорые торговые успехи малочисленного городского сословия, представлявшегося Петру «рассыпанной храминой», он привлекал к торговле и прочие классы населения. Он доказывал, что и дворянину можно без позора заниматься торговыми и промышленными делами. Понимая значение путей сообщения для торговли, Петр спешил соединить свою новую гавань Петербург с центром государства водными путями, устроил (в 1711 г.). Вышневолоцкий канал, а после Ладожский.

Однако Петр не дождался результатов своей торговой политики. Оживилась внутренняя торговля, устроились кое-какие внутренние торговые компании, явился даже русский купец (Соловьев), торговавший в Амстердаме; но в общем дело внешней русской торговли не изменилось заметно, и русский вывоз оставался преимущественно в руках иноземцев. Не было заметных успехов и в торговле с Востоком, которая очень занимала Петра. Однако при отсутствии резких изменений в торговой жизни Руси оживление торговли произошло уже на глазах Петра, и он до конца не бросал своих надежд.

Но, заботясь об увеличении народного благосостояния, Петр не мог выжидать, пока улучшение народного хозяйства естественным путем увеличит государственные доходы. Война требовала больших средств. Потребности государственной казны становились, таким образом, в коллизию с интересами народного хозяйства. Петр против желания был вынужден увеличивать доходы казны и все более экслуатировал платежные силы народа, создавая новые налоги и строже взыскивая старые подати. Поэтому, несмотря на постоянные заботы Петра об увеличении народного благосостояния, экономическое положение народа очень терпело от финансовых мер правительства. По мнению податного народа, при Петре стало тяжелее жить: «Тягота на мир, рубли да полтины, да подводы». И по соображениям исследователей, при Петре подати были увеличены значительно. К увеличению податных тягостей присоединились злоупотребления администрации, взимавшей подати. Хотя Петр жестоко карал за эти злоупотребления, однако совсем прекратить их не мог. Народ от государственных тягот или уходил в казаки, или брел в пределы Польши, и побеги при Петре приняли большие размеры.

Но государственные доходы Петру все-таки удалось значительно увеличить. Это было достигнуто путем увеличения косвенных налогов и реформы прямой подати. Что касается до косвенных налогов, то Петр не только не уменьшил старых платежей, но нашел еще и новые предметы обложения. После 1700 г. соляные промыслы, пчельники, рыбные ловли, мельницы стали оброчными статьями государственной казны. Система казенных

монополий (например, питейной и табачной) процветала при Петре и была связана с системой откупов. Нуждаясь в средствах, Петр изобретал иногда странные, с нашей точки зрения, налоги: пошлиной были обложены бороды «бородачей», которые не желали бриться; пошлины брали с бань; очень высокую цену брали за дубовые гробы, продажа которых стала казенной монополией. Раскольники должны были нести двойной податный оклад; таким образом, не только реальные потребности, но и предметы нравственного порядка стали источником казенного дохода. При Петре была создана особенная должность «прибыльщиков», на обязанности которых лежало наблюдение за правильным поступлением в казну доходов и взыскание новых предметов обложения (из таких прибыльщиков особенно заметен Курбатов, впоследствии бывший Архангельским вице-губернатором: он предложил ввести гербовую бумагу). В 1710 г. у Петра явилась мысль даже об общем и постоянном подоходном налоге, не приведенная, однако, в дело. Косвенные налоги при Петре, насколько можно судить по некоторым данным, составляли больше половины доходов государства.

Другую половину (около 5 млн. руб.) доставляла прямая подушная подать. Ее установление мы уже рассмотрели. В первую податную ревизию было записано около 6 000 000 душ. Из них каждый помещичий крестьянин платил 70 коп. в год, крестьянин государственный — 114 коп., горожанин — 120 коп. По расчету (который можно произвести лишь приблизительно) подушная подать была гораздо тяжелее прежних подворных и поземельных податей и давала правительству гораздо большую, сравнительно со сборами XVII в., сумму.

Благодаря своим финансовым мерам Петр увеличил значительно сумму государственного дохода. В самом конце XVII в. доходы государства немного превосходили 2 000 000 руб.; в 1710 г. казна получила 3 134 000 руб. По исчислению 1722 г., доходы возросли уже до 7 850 000 руб., по исчислению же 1725 г.— до 10 186 000 руб.* Громадные дефициты первых лет XVIII в. уменьшились к концу царствования Петра, хотя и на склоне своих лет он все еще не переставал нуждаться в деньгах.

Итак, экономическая и финансовая политика Петра привела к различным результатам. Руководимый мыслью улучшить обстановку и расширить сферу деятельности народного труда, Петр был поставлен в трудное положение: финансовые интересы страны прямо противоречили экономическим потребностям населе-

---

* Чтобы правильно понять соотношение этих цифр, надобно знать, что в первые годы XVIII в. Петр «испортил» монету — с целью увеличения правительственных средств. Ранее «ефимок» (талер) равнялся в среднем русской полтине; Петр из талера чеканил целый рубль (с надписью «монета новая» или «монета добрая» — «цена рубль»), а полтину чеканил в полталера. Таким образом, количество серебра в рубле уменьшилось вдвое, а соответственно понизилось и достоинство рубля.

ния. Стараясь поднять экономическое благосостояние народа, Петр в то же время был вынужден сурово эксплуатировать его платежную способность. Военные и другие нужды государства требовали немедленного удовлетворения, немедленных и усиленных сборов, а экономическое положение народа можно было поднять лишь продолжительными усилиями. Вот почему Петр добился более осязательного результата в том, что требовало скорого решения,— в финансах; между тем как в деле экономических реформ он успел посеять только семена плодотворных начинаний и почти не видел их всходов, напротив, чувствовал, что его финансовые меры иногда еще более расстраивают то самое народное хозяйство, процветания которого он искренно и сильно желал.

При всех неудачах в этой сфере Петр сделал, однако, большой шаг вперед сравнительно со своими предшественниками; в XVII в. только смутно чувствовали необходимость экономической реформы и лишь немногие люди сознавали, по какому пути она должна идти. Петр сделал эту реформу одной из главных задач правительственной деятельности, ясно поставил вопрос и указал, где и как надо искать его разрешения. В этом его большая заслуга.

5. **Меры относительно церковного управления.** Эпоха Петра Великого в жизни русской церкви полна историческим содержанием. Во-первых, уяснилось и приняло новые формы как отношение церкви к государству, так и церковное управление. Во-вторых, внутренняя церковная жизнь была отмечена борьбой богословских взглядов (например, знакомый нам спор о пресуществлении между великорусским и малорусским духовенством и другие несогласия). В-третьих, оживилась литературная деятельность представителей церкви. В своем изложении мы коснемся только первого из указанных пунктов, потому что второй имеет специальной церковно-исторический интерес, а третий рассматривается в истории литературы.

Рассмотрим сперва те меры Петра, которыми устанавливались отношения церкви к государству и общий порядок церковного управления; затем перейдем к частным мерам относительно церковных дел и духовенства.

Отношение церкви к государству до Петра в Московском государстве не было точно определено, хотя на церковном соборе 1666—1667 гг. греками было принципиально признано главенство светской власти и отрицалось право иерархов вмешиваться в светские дела. Московский государь считался верховным покровителем церкви и принимал активное участие в церковных делах. Но и церковные власти призывались к участию в государственном управлении и влияли на него. Борьбы церковной и светской властей, знакомой Западу, Русь не знала (не было ее, строго говоря, и при Никоне). Громадный нравственный авторитет московских патриархов не стремился заменить собой авто-

ритет государственной власти, и если раздавался со стороны русского иерарха голос протеста (например, митрополита Филиппа против Ивана IV), то он не сходил никогда с нравственной почвы.

Петр вырос не под таким сильным влиянием богословской науки и не в такой благочестивой обстановке, как росли его братья и сестры. С первых же шагов своей сознательной жизни он сошелся с «еретиками немцами» и, хотя остался православным по убеждениям человеком, однако свободнее относился ко многим обрядностям, чем обыкновенные московские люди, и казался зараженным «ересью» в глазах старозаветных ревнителей благочестия. Можно с уверенностью сказать, что Петр от своей матери и от консервативного патриарха Иоакима (ум. 1690) не раз встречал осуждение за свои привычки и знакомство с еретиками. При патриархе Адриане (1690—1700), слабом и несмелом человеке, Петр встретил не более сочувствия своим новшествам, вслед за Иоакимом и Адриан запрещал брадобритие, а Петр думал сделать его обязательным. При первых решительных нововведениях Петра все протестующие против них, видя в них ересь, искали нравственной опоры в авторитете церкви и негодовали на Адриана, который малодушно молчал, по их мнению, тогда, когда бы следовало стать за правоверие. Адриан действительно не мешал Петру и молчал, но он не сочувствовал реформам, и его молчание, в сущности, было пассивной формой оппозиции. Незначительный сам по себе, патриарх становился неудобен для Петра, как центр и объединяющее начало всех протестов, как естественный представитель не только церковного, но и общественного консерватизма. Патриарх же, крепкий волею и духом, мог бы явиться могучим противником Петра, если бы стал на сторону консервативного московского мировоззрения, осуждавшего на неподвижность всю общественную жизнь.

Понимая эту опасность, Петр после смерти Адриана не спешил избранием нового патриарха, а «местоблюстителем патриаршего престола» назначил Рязанского митрополита Стефана Яворского, ученого малоросса. Управление же патриаршим хозяйством перешло в руки особо назначенных светских лиц. Нет нужды предполагать, как делают некоторые, что уже тотчас после смерти Адриана Петр решился упразднить патриаршество. Вернее думать, что Петр просто не знал, что делать с избранием патриарха. К великорусскому духовенству Петр относился с некоторым недоверием, потому что много раз убеждался, как сильно не сочувствует оно реформам. Даже лучшие представители древней русской иерархии, которые сумели понять всю национальность внешней политики Петра и помогали ему как могли (Митрофаний Воронежский, Тихон Казанский, Иов Новгородский),—и те были против культурных новшеств Петра. Выбрать патриарха из среды великорусов для Петра значило

рисковать создать себе грозного противника. Малорусское духовенство держало себя иначе: оно само подверглось влиянию западной культуры и науки и сочувствовало новшествам Петра. Но поставить малоросса патриархом было невозможно потому, что во время патриарха Иоакима малорусские богословы были скомпрометированы в глазах московского общества, как люди с латинскими заблуждениями; за это на них было воздвигнуто даже гонение. Возведение малоросса на патриарший престол повело бы поэтому к общему соблазну. В таких обстоятельствах Петр и решил остаться без патриарха.

Установился временно такой порядок церковного управления: во главе церковной администрации стояли местоблюститель Стефан Яворский и особое учреждение, Монастырский приказ, со светскими лицами во главе; верховным авторитетом в делах религии признавался собор иерархов; сам Петр, как и прежние государи, был покровителем церкви и принимал живое участие в ее управлении. Это участие Петра привело к тому, что в церковной жизни важную роль стали играть архиереи малороссы, прежде гонимые. Несмотря на протесты и на Руси, и на православном Востоке, Петр постоянно выдвигал на архиерейские кафедры малорусских ученых монахов. Великорусское малообразованное и враждебное реформе духовенство не могло явиться помощником Петру, тогда как малороссияне, имевшие более широкий умственный кругозор и выросшие в стране, где православие вынуждено было к деятельной борьбе с католицизмом, воспитали в себе лучшее понимание задач духовенства и привычку к широкой деятельности. В своих епархиях они не сидели сложа руки, а обращали в православие инородцев, действовали против раскола, заводили школы, заботились о быте и нравственности духовенства, находили время и для литературной деятельности. Понятно, что они более отвечали желаниям преобразователя, и Петр ценил их более, чем тех духовных лиц из великорусов, узкие взгляды которых часто становились ему на дороге. Можно привести длинный ряд имен малороссов архиереев, занявших видные места в русской иерархии. Но особенно замечательны из них: помянутый выше Стефан Яворский, св. Дмитрий, митрополит Ростовский и, наконец, Феофан Прокопович, при Петре — епископ Псковский, впоследствии архиепископ Новгородский. Это был очень способный, живой и энергичный человек, склонный к практической деятельности гораздо более, чем к отвлеченной науке, однако весьма образованный и изучивший богословскую науку не только в Киевской академии, но и в католических коллегиях Львова, Кракова и даже Рима. Схоластическое богословие католических школ не повлияло на живой ум Феофана, напротив,— поселило в нем неприязнь к схоластике и католичеству. Не получая удовлетворения в православной богословской науке, тогда плохо и мало разработанной, Феофан от католических доктрин обратился к изучению протестантского богословия

и, увлекаясь им, усвоил некоторые протестантские воззрения, хотя был православным монахом. Эта наклонность к протестантскому мировоззрению, с одной стороны, отразилась на богословских трактатах Феофана, а с другой стороны — помогла ему сблизиться с Петром во взглядах на реформу. Царь, воспитавшийся на протестантской культуре, и монах, закончивший свое образование на протестантском богословии, прекрасно поняли друг друга. Познакомясь с Феофаном впервые в Киеве в 1706 г., Петр в 1716 г. вызвал его в Петербург, сделал его своей правой рукой в деле церковного управления и защищал от всех нападков со стороны прочего духовенства, заметившего в любимце Петра протестантский дух. Феофан же в своих знаменитых проповедях явился истолкователем и апологетом реформ Петра, а в своей практической деятельности был искренним и способным его помощником.

Феофану и принадлежит разработка и, может быть, даже самая мысль того нового плана церковного управления, на котором остановился Петр. Более двадцати лет (1700—1721) продолжался временный порядок, при котором русская церковь управлялась без патриарха. Наконец, 14 февраля 1721 г. совершилось открытие «Святейшего Правительствующего Синода». Эта духовная коллегия навсегда заменила собой патриаршую власть. В руководство ей был дан Духовный регламент, составленный Феофаном и редактированный самим Петром. В регламенте откровенно указывалось на несовершенство единоличного управления патриарха и на политические неудобства, проистекающие от преувеличения авторитета патриаршей власти в делах государственных. Коллегиальная форма церковного управления рекомендовалась как наилучшая во всех отношениях. Состав Синода по регламенту определяется так: президент, два вице-президента, четыре советника и четыре асессора (в число их входили представители черного и белого духовенства). Заметим, что состав Синода был аналогичен с составом светских коллегий. Лица, состоявшие при Синоде, были таковы же, как и при коллегиях; представителем особы государя в Синоде был обер-прокурор, при Синоде было и целое ведомство фискалов, или инквизиторов. Внешняя организация Синода была, словом, взята с общего типа организации коллегии.

Говоря о положении Синода в государстве, следует строго различать роль его в сфере церкви от роли в общей системе государственного управления. Значение Синода в церковной жизни ясно определяет Духовный регламент, по выражению которого Синод имеет «силу и власть патриаршую». Все сферы ведения и вся полнота церковной власти патриарха присущи Синоду. Ему передана и епархия патриарха, бывшая под его личным управлением. Этой епархией Синод управлял через особую коллегию, получившую название дикастерии, или консистории. (По образцу этой консистории были постепенно устроены консистории

и в епархиях всех архиереев.) Так, в церковных делах Синод вполне заменил патриарха.

Но в сфере государственного управления Синод не вполне наследовал патриарший авторитет. О значении Синода в общем составе администрации при Петре существуют у нас разнообразные мнения. Одни полагают, что «Синод во всем был сравнен с Сенатом и наряду с ним непосредственно подчинен государю» (такого мнения держится, например, П. Знаменский в своем «Руководстве к Русской церковной истории»). Другие же думают, что при Петре, на практике, государственное значение Синода стало ниже значения Сената. Хотя Синод и стремится стать независимо от Сената, однако последний, рассматривая Синод как обыкновенную коллегию по духовным делам, считал его себе подчиненным. Такой взгляд Сената оправдывался общей мыслью преобразователя, положенной в основу церковной реформы: с учреждением Синода церковь становилась в зависимость не от лица государя, как прежде, а от государства, управление ею было введено в общий административный порядок и Сенат, управлявший делами церкви до учреждения Синода, мог считать себя выше Духовной коллегии, как верховный административный орган в государстве (такой взгляд высказан в одной из статей проф. Владимирского-Буданова). Трудно решить, какое мнение справедливее. Ясно одно, что политическое значение Синода никогда не поднималось так высоко, как высоко стоял авторитет патриархов (о начале Синода см. П. В. Верховского «Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент», два тома. 1916; также Г. С. Рункевича «Учреждение и первоначальное устройство Св. Пр. Синода», 1900).

Так учреждением Синода Петр вышел из того затруднения, в каком стоял много лет. Его церковно-административная реформа сохранила в русской церкви авторитетную власть, но лишила эту власть того политического влияния, с каким могли действовать патриархи. Вопрос об отношении церкви и государства был решен в пользу последнего, и восточные иерархи признали вполне законной смену патриарха Синодом. Но эти же восточные греческие иерархи при царе Алексее уже решили в принципе тот же вопрос и в том же направлении. Поэтому церковные преобразования Петра, являясь резкой новинкой по своей форме, были построены на старом принципе, завещанном Петру Московской Русью. И здесь, как и в других реформах Петра, мы встречаемся с непрерываемостью исторических традиций.

Что касается до *частных мероприятий по делам церкви и веры* в эпоху Петра, то мы можем лишь кратко упомянуть о главнейших из них, именно: о церковном суде и землевладении, о духовенстве черном и белом, об отношении к иноверцам и расколу.

Церковная юрисдикция была при Петре очень ограничена: масса дел от церковных судов отошла в суды светские (даже суд о преступлениях против веры и церкви не мог совершаться без

участия светской власти). Для суда над церковными людьми, по искам светских лиц, был в 1701 г. восстановлен (закрытый в 1677 г.) Монастырский приказ со светскими судами. В таком ограничении судебной функции духовенства можно видеть тесную связь с мероприятиями Уложения 1649 г., в которых сказалась та же тенденция.

Такую же тесную связь с древней Русью можно видеть и в мерах Петра относительно недвижимых церковных имуществ. Земельные вотчины духовенства при Петре сперва подверглись строгому контролю государственной власти, а впоследствии были изъяты из хозяйственного ведения духовенства. Управление ими было передано Монастырскому приказу; они обратились как бы в государственное имущество, часть доходов с которого шла на содержание монастырей и владык. Так пробовал Петр разрешить вековой вопрос о земельных владениях духовенства на Руси. На рубеже XV и XVI вв. право монастырей владеть вотчинами отрицалось частью самого монашества (Нил Сорский); к концу XVI в. правительство обратило внимание на быстрое отчуждение земель из рук служилых людей в руки духовенства и стремилось если не вовсе прекратить, то ограничить это отчуждение. В XVII в. земские челобитья настойчиво указывали на вред такого отчуждения для государства и дворянского класса; государство теряло земли и повинности с них; дворяне становились безземельными. В 1649 г. в Уложении явился, наконец, закон, запрещавший духовенству дальнейшее приобретение земель. Но Уложение еще не решилось возвратить государству те земли, которыми владело духовенство.

Заботясь о поднятии нравственности и благосостояния в среде духовенства, Петр с особым вниманием относился к быту белого духовенства, бедного и малообразованного, «ничем от пахотных мужиков неотменного», по выражению современника. Рядом указов Петр старался очистить среду духовенства тем, что насильно отвлекал лишних его членов к другим сословиям и занятиям и преследовал дурные его элементы (бродячее духовенство). Вместе с тем Петр старался лучше обеспечить приходское духовенство уменьшением его числа и увеличением района приходов. Нравственность духовенства он думал поднять образованием и строгим контролем. Однако все эти меры не дали больших результатов.

К монашеству Петр относился не только с меньшей заботой, но даже с некоторой враждой. Она исходила из того убеждения Петра, что монахи были одной из причин народного недовольства реформой и стояли в оппозиции. Человек с практическим направлением, Петр плохо понимал смысл современного ему монашества и думал, что в монахи большинство идет «от податей и от лености, чтобы даром хлеб есть». Не работая, монахи, по мнению Петра, «поедают чужие труды» и в бездействии плодят ереси и суеверия и занимаются не своим делом: возбуждают народ против новшеств. При таком взгляде Петра понятно стремление его к сокращению числа монастырей и монахов, к строгому надзору над ними и ограничению их прав и льгот.

У монастырей были отняты их земли, их доходы, и число монахов было ограничено штатами; не только бродяжничество, но и переход из одного монастыря в другой запрещался, личность каждого монаха была поставлена под строгий контроль настоятелей: занятия в кельях письмом запрещены, общение монахов с мирянами затруднено. В конце царствования Петр высказал свой взгляд на общественное значение монастырей в «Объявлении о монашестве» (1724). По этому взгляду, монастыри должны иметь назначение благотворительное (в монастыри помещались на призрение нищие, больные, инвалиды и раненые), а кроме того, монастыри должны были служить к приготовлению людей к высшим духовным должностям и для приюта людям, которые склонны к благочестивой созерцательной жизни. Всей своей деятельностью относительно монастырей Петр и стремился поставить их в соответствие с указанными целями.

В эпоху Петра отношение правительства и церкви к иноверцам стало мягче, чем было в XVII в. К западноевропейцам относились с терпимостью, но и при Петре к протестантам благоволили более, чем к католикам. Отношение Петра к последним обусловливалось не одними религиозными мотивами, но и политическими: на притеснения православных в Польше Петр отвечал угрозами воздвигнуть гонение на католиков. Но в 1721 г. Синод издал важное постановление о допущении браков православных с неправославными — и с протестантами и католиками одинаково.

Политическими мотивами руководился отчасти Петр и по отношению к русскому расколу. Пока он видел в расколе исключительно религиозную секту, он относился к нему довольно мягко, не трогая верований раскольников (хотя с 1714 г. и велел с них брать двойной податной оклад). Но когда он увидел, что религиозный консерватизм раскольников ведет к консерватизму гражданскому и что раскольники являются резкими противниками его гражданской деятельности, тогда Петр изменил свое отношение к расколу. Во вторую половину царствования Петра репрессии шли рядом с веротерпимостью: раскольников преследовали как гражданских противников господствующей церкви; в конце же царствования и религиозная терпимость как будто бы уменьшилась и последовало ограничение гражданских прав всех без исключения раскольников, замешанных и не замешанных в политические дела. В 1722 г. раскольникам дан был даже определенный наряд, в особенностях которого видна была как бы насмешка над расколом.

Отношение современников к деятельности Петра

Мы окончили наш обзор преобразовательной деятельности Петра. Она касалась всех сторон общественной жизни и всех классов московского общества. Поэтому люди всех направлений и положений почувствовали реформу Петра и, задетые ею, так или иначе высказывали свое отношение и к преобразованию,

и к преобразователю. Отношение это было разнообразно. Не все понимали, к чему стремился Петр, не все могли сознательно отнестись к преобразованиям. Массе реформы казались странным, ненужным и непонятным делом. Народ не мог уловить в деятельности Петра исторической традиции, какую видим теперь мы, и поэтому считал реформу не национальной и приписывал ее личному капризу своего царя. Однако много отдельных лиц, не только из высших слоев общества, но и из народной массы, умели сочувствовать Петру вполне или отчасти. Эти люди являлись деятельными сотрудниками государя и апологетами его преобразований. Так, в эпоху Петра образовалось в его государстве две стороны людей: противников и сторонников реформы.

Противников реформы мы уже отметили, когда говорили о первых шагах преобразований. В 1698 г. стрелецкий розыск и резкие нововведения Петра по возвращении из-за границы сразу возбудили внимание народа, который был удивлен и жестокостью государя, и его немецкими еретическими замашками. В обществе пошли оживленные толки, о которых мы знаем довольно из дел Тайного приказа (Преображенского), занимавшегося следствиями политического характера. В Москве и в областях роптали на Петра за то, что «бороды бреет и с немцами водится и вера стала немецкая». По мнению многих, Петр обасурманился, «ожидовился»; за близость к немцам и расположение Петра к девице Монс, знакомой ему через Лефорта, в народе звали Петра «Лефортовым зятем». Соображая, «чего ждать от басурмана», не удивлялись, что Петр оказался жестоким в стрелецком розыске. Однако проявление этой жестокости поражало народное воображение; даже бабы говорили между собой, что «котораго дня государь и князь Ромодановский крови изопьют, того дня и те часы они веселы, а котораго дня не изопьют, и того дня им хлеб не естся». Позже, когда с началом шведской войны очень усилились подати и повинности, происходили частые рекрутские наборы и служба дворян стала тяжелей, это напряжение государственных сил объяснили не политическими потребностями, а личным капризом и жестокостью Петра. Ему желали смерти, потому что думали: «Как бы Петра убили, так бы и служба минула и черни бы легче было». Но Петр жил и требовал от народа усиленного труда. Не привыкшие к такому труду с отчаянием восклицали: «Мироед, весь мир переел. На него, кутилку, переводу нет, только переводит добрыя головы». Петр казался врагом; «он дворян всех выволок на службу, крестьян разорил с домами», побрал их в солдаты, а жен их «осиротил и заставил плакать век». «Если он станет долго жить, он и всех нас переведет»,— говорили в народе.

Таким образом, личность Петра и его культурные вкусы и политическая деятельность были не поняты массой и возбуждали неудовольствие. Не понимая происходящего, все недовольные с недоумением ставили себе вопрос о Петре: «Какой он царь?» —

и не находили сразу ответа. Поведение Петра, для массы загадочное, ничем не похожее на старый традиционный чин жизни московских государей, приводило к другому вопросу: «Никак в нашем царстве государя нет?» И многие решались утверждать о Петре, что «это не государь, что ныне владеет». Дойдя до этой страшной догадки, народная фантазия принялась усиленно работать, чтобы ответить себе, кто же такой Петр или тот, «кто ныне владеет»?

Уже в первые годы XVIII в. появилось несколько ответов. Заграничная поездка Петра дала предлог к одному ответу; «немецкие» привычки Петра создали другой. На почве религиозного консерватизма вырос третий ответ, столь же легендарный, как и первые два. Во-первых, стали рассказывать, что Петр во время поездки за границу был пленен в Швеции и там «закладен в столб», а на Русь выпущен вместо него царствовать немчин, который и владеет царством. Вариантами к этой легенде служили рассказы о том, что Петр в Швеции не закладен в столб, а посажен в бочку и пущен в море. Существовал рассказ и такой, что в бочке погиб за Петра верный стрелец, а Петр жив, скоро вернется на Русь и прогонит самозванца-немчина. Во-вторых, ходила в народе легенда о том, будто Петр родился от «немки беззаконной», он «замененный». И как царица Наталья Кирилловна стала отходить с сего света и в то число говорила: «Ты, де, не сын мой, замененный». На чем основывалось такое объяснение происхождения Петра, высказывали наивно сами рассказчики легенды: «Велит носить немецкое платье — знатно, что родился от немки». В-третьих, наконец, в среде, кажется, раскольничьей, выросло убеждение, что Петр антихрист, потому что гонит православие, «разрушает веру христианскую». Получив широкое распространение в темной массе народа, все эти легенды спутывались, варьировались без конца и соединялись в одно определение Петра: «Он не государь — латыш; поста никакого не имеет; он льстец, антихрист, рожден от нечистой девицы».

Но недовольство народа не переходило в общее открытое сопротивление Петру. Народ, правда, уходил от тяжести государственной жизни целыми массами — в казаки, в Сибирь, даже в Польшу. Однако обаяние грозной личности Петра, отсутствие самостоятельных общественных союзов, наконец, отсутствие единодушного отношения к Петру и реформе привели к тому, что против реформ Петра были лишь отдельные местные вспышки. В 1705 г. произошел бунт в Астрахани, не имевший ни твердой организации, ни ясно сознанной цели. Бунтовщики объявили, что встали за веру, но не против Петра, а против бояр, воевод и немцев, утеснителей и веры, и народа. Перед бунтом в Астрахани ходили самые нелепые слухи о положении дел в государстве: так, астраханцы спешили выдать замуж дочерей, боясь, что будут присланы казенные женихи-немцы из Казани. Бунт был подавлен в 1706 г. В 1707 г. вспыхнул один бунт среди инородцев (башкир),

в другой — на Дону у казаков под предводительством атамана Булавина. Казачье движение было очень серьезно и охватило обширный район: казаки штурмовали неудачно Азов и приближались к Тамбову. Направлялось неудовольствие казаков против той государственной опеки, которой с течением времени все более и более подпадали прежде вольные казачьи общины. При Петре правительственный контроль над казаками был сразу усилен: Петр потребовал от них всех бежавших на Дон в недавние годы возвратить обратно в государство, кроме того, запретил казакам заводить новые поселения (городки) без его указа. Когда же казаки не исполнили этих требований, Петр для их исполнения отправил на Дон вооруженную силу. Не знавшие прежде такого крутого отношения со стороны Москвы, казаки восстали против государства за свою отжившую вольность, но были усмирены. Булавин кончил самоубийством, бунтовщики сильно поплатились, и весь Дон был разорен. Петр, очень серьезно посмотревший на казачий бунт, не отступил перед строгой репрессией и не ослабил правительственного контроля над казачеством.

Этими явлениями и ограничивался протест населения против новшеств Петра. Нам этот протест, и активный и пассивный, может показаться ничтожным; но Петр всю свою жизнь прожил под давлением несочувствия к нему и к его заветным стремлениям со стороны малоразвитого общества.

Сторонники и сотрудники Петра являлись, без сомнения, меньшинством в русском обществе; но воспитанные в школе Петра и поставленные им у власти, они прониклись взглядами своего воспитателя и после его смерти не дали государству уклониться на путь реакции. Стремление к реакции было сильно в обществе и при Петре. После него оно могло высказаться свободнее, могло надеяться на успех. Победа над ним принадлежит «птенцам» Петра, и в этом их главное историческое значение. Но птенцы Петра отличаются таким различием происхождения, характеров, способностей и деятельности, что дать их общую характеристику нет возможности. У них есть, пожалуй, единственная общая черта — практический характер воспитания и деятельности. Поэтому их можно назвать школой практических дельцов, но характеризовать эту школу по ее деятельности и направлению трудно. В нашем обзоре мы можем лишь назвать виднейших помощников преобразователя.

С некоторыми мы уже встречались в предшествующем изложении, например с Александром Даниловичем Меншиковым. Он был весьма низкого происхождения и за свои способности из потешных солдат стал правой рукой Петра. Чрезвычайная восприимчивость, ясность мысли, разносторонние способности давали ему возможность понимать и исполнять лучше других то, что хотел Петр. Петр наделил его большими полномочиями, и Меншиков стал вторым после Петра лицом в государстве. Он работал во всех сферах государственной деятельности, и многим

казались настолько большими значение Меншикова и его способности, что, по их мнению, дела стали бы, если бы не было Меншикова. Армия видела в Меншикове талантливого полководца. Но любовью он не пользовался за свою гордость, заносчивость и лихоимство. Последний порок привлекал внимание и самого Петра: Меншикову не раз грозила ссылка, не раз государь собственноручно бивал его; в конце царствования Меншиков находился под формальным следствием. Но любовь к нему Петра и нужда, которую чувствовал Петр в его способностях, заставляли держать Меншикова на высоте того положения, какого он достиг в государстве. Спасало его и заступничество супруги Петра — Екатерины, жившей до брака с Петром в доме Меншикова.

Были и другие заметные сотрудники Петра, взятые им из низших слоев общества. Таковы, например, оставивший по себе яркую память генерал-прокурор Сената Ягужинский и дипломат барон Шафиров. Оба они были не русские, а только обруселые люди с довольно темным происхождением. Выдвинули их недюжинные личные способности, разбирать которые Петр был большой мастер. Большинство сотрудников Петра достигло высокого государственного положения именно личными заслугами и талантами, а не аристократичностью происхождения. Великий канцлер граф Гаврила Иванович Головкин, генерал-адмирал граф Федор Матвеевич Апраксин, дипломаты Петр Андреевич Толстой, Матвеев, Неплюев, Артемий Волынский — далеко не отличались родовитостью и вышли из рядов неродословного дворянства XVII в.; их предки или вовсе не играли роли до Петра, или стали заметны (вследствие личной выслуги) очень незадолго до него. Из людей «родословных» на высоких административных постах при Петре удерживались представители трех фамилий: Борис Петрович Шереметев, ставший графом и фельдмаршалом; князья Голицыны — Дмитрий Михайлович, сенатор, и Михаил Михайлович, фельдмаршал; и князья Долгорукие, из которых сенатор Яков Федорович стал героем исторических преданий, как образец высокой честности и бесстрашия. Он резко противоречил иногда распоряжениям Петра и в глаза Петру высказывал, например, что царь Алексей стоял выше царя Петра по внутренней государственной деятельности. Из родовитых лиц необходимо еще упомянуть кн. Никиту Ивановича Репнина, фельдмаршала.

Так разнообразен был по своему социальному составу ближайший к Петру круг его помощников. И знатный, и незнатный, и русский, и обруселый иноплеменник одинаково могли подняться до непосредственной близости к царю-реформатору. Поднимались до такой близости и иностранцы, случайно появившиеся в России и ей чуждые; но Петр, лаская их и доверяя им, не ставил их на первые места: везде над ними возвышался русский человек, хотя бы и меньше иностранца знавший дело. (На назначение

Брюса президентом, а не только вице-президентом Берг-коллегии указывают как на редкое исключение из этого правила.) Из иностранцев, занявших видное положение в России, следует назвать упомянутого графа Брюса, отчасти ученого, отчасти военного деятеля, отчасти и дипломата; далее — барона Остермана, дипломата и администратора, способности которого Петр по справедливости ставил высоко; наконец, Миниха, который явился в Россию только в 1721 г. и заведовал, в качестве инженера, постройкой Ладожского канала.

Вся среда, окружавшая Петра, при разнообразии деятельности отличалась, как мы уже заметили, разнообразием характеров и взглядов. В то время как одни руководились личными стремлениями и заботами исключительно о своей карьере (иностранцы), другие жили более широкими интересами, имели определенные взгляды на служебную деятельность (Меншиков и кн. Яков Долгорукий в этом отношении резко противоположны во взглядах на самую реформу, деятелями которой они были). Далеко не все они относились одинаково к тому, что совершалось на их глазах и их же трудами: в то время как Борис Шереметев душою предан был культурной реформе и помимо настояний Петра сам стремился к западноевропейскому образованию, Голицыны были поклонниками староотеческих преданий и не одобряли ни слепого поклонения Западу, ни близкого общения с иностранцами.

Однако авторитет могучего государя, привычка к долгому совместному служебному и житейскому общению, привычка к новым формам государственной жизни и деятельности соединили всю эту разноплеменную и разнохарактерную дружину Петра в плотный, однородный круг практических государственных дельцов. Не во всем понимая и разделяя планы Петра, его дружина вела, однако, государство по привычному пути и после смерти реформатора-государя. Если в частностях постановления Петра и нарушались, если его предначертания исполнялись не вполне, все же «птенцы» Петра не допустили торжества реакции и обратного превращения Российской империи в Московское государство.

Все перечисленные нами люди действовали на широкой государственной арене, стояли над обществом. В самом обществе, в разных его слоях, находились лица, преклонявшиеся перед Петром и перед его реформой; и таких людей было немало. Необычайное распространение в обществе XVIII в. дифирамбов личности и делам Петра, составленных современниками реформы, свидетельствует о том, что сочувствие Петру было очень сильно среди более или менее образованных русских людей. У некоторых это сочувствие было вполне сознательно и явилось следствием того, что сами эти люди своим умственным развитием были обязаны тем новым условиям жизни, какие создал Петр. Таков был, например, Василий Никитич Татищев — админист-

ратор, географ, историк, даже философ, один из первых серьезно образованных людей на Руси, теперь известный более по своей «Истории Российской» и другим сочинениям ученого и публицистического характера. Таков был и зажиточный крестьянин подмосковного села Покровского Иван Посошков, сперва «хромавший раскольничьим недугом» и недовольный Петром, а затем поклонник и Петра, и реформы. В своих литературных трудах (главный — «Книга о скудости и богатстве») наблюдательный и умный мужик, с одной стороны, является апологетом Петра, с другой — стремится по мере сил помочь и правительству, и обществу своим практическим советом по разным вопросам общественной жизни. Такие личности, как Татищев и Посошков, действуя в совершенно различных сферах общества, выполняли одно и то же назначение: являлись хранителями новых начал общественной жизни, получивших силу с царствования Петра; они своими трудами, речами и жизнью распространяли эти начала среди косной и недоверчивой массы и, увлекая многих за собой, были действительными сотрудниками Петра.

Хотя и достаточно было у Петра таких сотрудников, однако они оставались в меньшинстве перед косной массой народа. Уже в конце царствования Петра Посошков с грустью замечал, что «видим мы все, как Великий наш Монарх трудит себя, да ничего не успеет, потому что пособников по его желанию немного: он на гору еще и сам-десят тянет, а под гору миллионы тянут, то как дело его скоро будет?». Если дело Петра и не пропало с кончиной его, а стало жить в истории, то причина этого не в непосредственном сочувствии общества, а в полном соответствии реформы с вековыми задачами и потребностями народа.

Семейные отношения Петра

Приведенные слова Посошкова до некоторой степени можно приложить и к семейной жизни Петра: «Великий Монарх» не встречал полного сочувствия себе и в семейном кругу. Мы видим, что в молодости поведение и разница взглядов далеко отвели его от первой жены Евдокии Федоровны. Он нашел себе другую привязанность (Монс) и дошел до открытого разрыва с родней жены — Лопухиными. По возвращении из-за границы, он в 1698 г. постриг свою жену, открыто ему не сочувствовавшую. С тех пор она жила в суздальском Покровском монастыре под именем Елены, но далека была от верности вынужденным обетам монашества.

От брака с Евдокией у Петра был сын Алексей, родившийся в 1690 г. До 9 лет он жил при матери и, конечно, воспитывался в несочувствии отцу. После пострижения матери он остался на попечении сестер отца в старом московском дворце, в старозаветной обстановке царевичей. Петр, при своих постоянных заботах и поездках, мало обращал внимания на воспитание сына; иногда

бывали у царевича воспитатели-иностранцы (Гюйссен), обсуждался план образования царевича за границей, но не был приведен в исполнение. И воспитатели мало повлияли на Алексея, зато подействовала среда. От духовника царевича до последнего товарища его забав возле Алексея собрались люди старого закала, ненавистники реформ, боявшиеся и не любившие Петра. В старом забытом дворце уцелела и старая по направлению среда. Царевич впитал в себя дореформенные взгляды, дореформенную богословскую науку и дореформенные вкусы: стремление к внешнему благочестию, созерцательному бездействию и чувственным удовольствиям. Дряблая натура сына еще более усиливала его резкую противоположность отцу. Боясь отца, царевич не любил его и даже желал ему скорой смерти; быть с отцом для Алексея было «хуже каторги», по его признанию. А чем больше рос царевич, тем чаще тревожил его отец. Петр привлекал его к делу, думал практическим трудом воспитать в сыне достойного себе помощника и наследника, давал ему поручения важного характера и часто возил его с собой. Но с первых же шагов он убедился, что сын хотя и умен, но к делу не способен, потому что бездеятелен по натуре и враждебен отцу по взглядам. Петр думал силой переделать сына, даже «бивал» его, но безуспешно. Сын остался пассивным, но упорным противником.

В 1711 г. Петр устроил женитьбу сына на принцессе Вольфенбюттельской Софии Шарлотте. Нужно думать, что этим он еще надеялся переделать сына, изменить условия его жизни, открыв доступ влиянию на сына культурной женщины. Царевич хорошо относился к жене, но не изменился. Когда у Алексея родился сын Петр и умерла жена (1715 г.), царь Петр стал иначе смотреть на сына: с рождением внука можно было устранить сына от престола, ибо являлся другой наследник. Кроме того, Петр мог рассчитывать сам иметь сыновей, так как в 1712 г. он формально вступил во второй брак. Женился он на женщине, с которой уже несколько лет жил душа в душу. Она была дочерью простого лифляндца, в Лифляндии попала в плен к русским, долго жила у Меншикова, в его доме стала известна Петру и прочно овладела его привязанностью. Приняв православие, она получила имя Екатерины Алексеевны Михайловой (а ранее называлась Скавронской и Василевской) и еще до 1712 г. подарила Петру дочерей Анну и Елизавету.

Екатерина была подходящим Петру человеком: скорее сердцем, чем умом понимала она все взгляды, вкусы и желания Петра, откликалась на все, что интересовало мужа, и с замечательной энергией умела быть везде, где был муж, переносить все то, что переносил он. Она создала Петру не знакомый ему ранее семейный очаг, достигла крепкого влияния на него и, будучи неустанной помощницей и спутницей государя дома и в походах, добилась формального замужества с Петром. Влиянию Екатерины некоторые исследователи склонны приписывать решительный поворот в отношениях Петра к царевичу Алексею.

Поворот этот состоял в том, что Петр после смерти жены Алексея (1715) передал сыну обширное письмо, в котором указывал на его неспособность к делам и требовал или исправиться, или отказаться от надежды наследовать престол. В необходимости дать ответ отцу царевич обратился за советом к приятелям, и те посоветовали ему отказаться от престола лицемерно, для избежания дальнейших неприятностей в случае упорства. Царевич так и сделал. Но для Петра не было секретом, что все недовольные ходом дел видят в консервативных привычках царевича надежду на возвращение старых порядков и поэтому после Петра могут Алексея возвести на престол, несмотря на его теперешний отказ. Петр потребовал от сына не простого отказа от престола, а пострижения в монахи (что лишало его возможности вступить на трон) и снова предлагал сыну приняться за дело. Но Алексей на это отвечал, что готов идти в монахи, и ответил снова лицемерно. Петр отложил решение этого вопроса, не настаивая на пострижении сына, дал царевичу полгода на размышление и вскоре уехал за границу.

Прошло полгода, и в 1716 г. Петр из Дании потребовал у сына ответа и звал его к себе в том случае, если он раздумал идти в монахи. Под видом поездки за границу к отцу царевич выехал из России и отправился в Австрию к императору Карлу VI, у которого и просил защиты от отца. Карл скрыл его в Неаполе. Но в 1717 г. посланные Петром на розыски царевича Толстой и Румянцев нашли его и убедили добровольно вернуться в Россию. Алексей приехал в Москву в 1718 г. и в присутствии многочисленного народа, собранного во дворец, получил от отца прощение под условием, чтобы он отрекся от престола и назвал тех лиц, по совету которых бежал. Царевич назвал их.

Следствие, наряженное над этими людьми, вскрыло всю обстановку прежней жизни царевича и дало такие результаты, каких Петр вряд ли ожидал. Он узнал о непримиримой вражде сына и к самому себе, и ко всей своей деятельности, узнал, что его сына окружали лица резко оппозиционного направления, что они настраивали Алексея со временем действовать против отца и что Алексей готов был на это. В то же время открылся ряд скандалов, в которых позорно участвовали родственные Петру лица и даже его первая жена. Розыск повел к суду, к строгим приговорам, много лиц было казнено; царица Евдокия заключена в Новой Ладоге. Хотя следствие не открыло заговора против Петра со стороны царевича, однако дало Петру полное юридическое основание взять назад свое прощение сыну и передать царевича суду как государственного преступника.

Суд состоял из высших сановников (более ста), допросил царевича и при допросах подверг его пытке. Результатом судебного следствия был смертный приговор царевичу. Но судьба не допустила привести его в исполнение: царевич, измученный страшными нравственными потрясениями и, быть

может, пыткой, умер в Петропавловской крепости 27 июня 1718 г.

Петр лишился старшего сына. Младшие сыновья его от второго брака, Петр и Павел, умерли в младенчестве. Остался один внук Петр Алексеевич и дочери Анна и Елизавета; остались также племянницы Екатерина и Анна Ивановны. При таком положении своей семьи Петр в 1722 г. издал указ о порядке престолонаследия, которым отменялся прежний обычай наследования по семейному старшинству и устанавливался новый порядок: царствующий государь имеет право назначить своим наследником кого угодно и лишить престола назначенное лицо, если оно окажется недостойным. Этот закон Петра после его смерти не раз подвергал колебаниям судьбу русского престола, а сам Петр им не воспользовался. Он не назначил себе преемника; косвенным же образом, как думали, Петр указал на свою жену как на избранную наследницу: в 1724 г. Екатерина была коронована в Москве Петром весьма торжественно, в ознаменование ее заслуг пред государством и супругом.

Заметим, что закон о престолонаследии, шедший против векового обычая, потребовал обстоятельного оправдания в глазах народа и вызвал любопытнейший трактат Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей». В нем оправдывалось право монарха с разнообразных точек зрения — даже с точки зрения теорий Гуго Гроция и Гоббса.

Историческое значение деятельности Петра

Мы приступили к изложению эпохи преобразований с тем убеждением, что эта эпоха была обусловлена всем ходом предшествовавшей исторической жизни России. Мы ознакомились поэтому с существенными чертами допетровской жизни, как она сложилась к тому моменту, когда начал свою деятельность Петр. Мы изучали затем воспитание и обстановку детства и юности Петра, чтобы ознакомиться с тем, как развилась личность преобразователя. И, наконец, мы рассмотрели сущность реформационной деятельности Петра во всех ее направлениях.

К какому выводу приведет нас наше изучение Петра? Была ли деятельность традиционной или же она была резким неожиданным и неподготовленным переворотом в государственной жизни Московской Руси?

Ответ довольно ясен. Реформы Петра по своему существу и результатам не были переворотом; Петр не был «царем-революционером», как его иногда любят называть.

Прежде всего деятельность Петра не была переворотом политическим: во внешней политике Петр строго шел по старым путям, боролся со старыми врагами, достиг небывалого успеха на Западе, но не упразднил своими успехами старых политических задач по отношению к Польше и к Турции. Он много сделал

для достижения заветных помыслов Московской Руси, но не доделал всего. Покорение Крыма и разделы Польши при Екатерине II были следующим шагом вперед, который сделала наша нация, чем прямо продолжено было дело Петра и старой Руси. В политике внутренней Петр недалеко ушел от XVII века. Государственное устройство осталось прежним, полнота верховной власти, формулированная царем Алексеем в словах Деяний Апостольских, получила более пространное определение при Петре в Артикуле Воинском *, в указах, наконец, в философских трактатах Феофана Прокоповича. Земское самоуправление, имевшее не политический, но сословный характер до Петра, осталось таким же и при Петре. Над органами сословного самоуправления, как и раньше, стояли учреждения бюрократические, и хотя внешние формы администрации были изменены, общий тип ее оставался неизменным: как и до Петра, было смешение начал личного с коллегиальным, бюрократического с сословным.

Деятельность Петра не была и общественным переворотом. Государственное положение сословий и их взаимные отношения не потерпели существенных изменений. Прикрепление сословий к государственным повинностям осталось во всей силе, изменился только порядок исполнения этих повинностей. Дворянство при Петре не достигло еще права владения людьми как сословной привилегии, а владело крестьянским трудом лишь на том основании, что нуждалось в обеспечении за свою службу. Крестьяне не потеряли прав гражданской личности и не считались еще полными крепостными. Жизнь закрепощала их все более, но, как мы видели, началось это еще до Петра, а окончилось уже после него.

В экономической политике Петра, в ее целях и результатах, также нельзя видеть переворот. Петр ясно определил ту задачу, к решению которой неверными шагами шли и до него,— задачу поднятия производительных сил страны. Его программа развития национальной промышленности и торговли была знакома в XVII в. теоретически Крижаничу, практически — Ордину-Нащокину. Результаты, достигнутые Петром, не поставили народного хозяйства на новое основание. Главным источником народного богатства и при Петре остался земледельческий труд, и Россия, имея после Петра более 200 фабрик и заводов, была все-таки земледельческой страной, с очень слабым торговым и промышленным развитием.

И в культурном отношении Петр не внес в русскую жизнь новых откровений. Старые культурные идеалы были тронуты до него; в XVII в. вопрос о новых началах культурной жизни стал резко выраженным вопросом. Царь Алексей, отчасти и царь

---

* Арт. 20: «...Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять».

Федор, вполне являлись уже представителями нового направления. Царь Петр в этом — прямой их преемник. Но его предшественники были ученики киевских богословов и схоластиков, а Петр был учеником западноевропейцев, носителей протестантской культуры. Предшественники Петра мало заботились о распространении своих знаний в народе, а Петр считал это одним из главных своих дел. Этим он существенно отличался от государей XVII в. Так, Петр не был творцом культурного вопроса, но был первым человеком, решившимся осуществить культурную реформу. Результаты его деятельности были велики: он дал своему народу полную возможность материального и духовного общения со всем цивилизованным миром. Но не следует, однако, преувеличивать этих результатов. При Петре образование коснулось только высших слоев общества, и то слабо; народная же масса пока осталась при своем старом мировоззрении.

Если, таким образом, деятельность Петра не вносила по сравнению с прошлым ничего радикально нового, то почему же реформы Петра приобрели у потомства и даже современников Петра репутацию коренного государственного переворота? Почему Петр, действовавший традиционно, в глазах русского общества стал монархом-революционером?

На это есть две категории причин. Одна — в отношении общества к Петру, другая — в самом Петре.

На русское общество реформы Петра, решительные и широкие, произвели страшное впечатление после осторожной и медлительной политики московского правительства. В обществе не было того сознания исторической традиции, какое жило в гениальном Петре. Близорукие московские люди объясняли себе и внешние предприятия, и внутренние нововведения государя его личными капризами, взглядами и привычками. Частные нововведения они противополагали частным же обычаям старины и выносили убеждение, что Петр безжалостно рушил их старину. За разрушенными и введенными вновь частностями общественного быта они не видели общей сущности старого и нового. Общественная мысль еще не возвышалась до сознания основных начал русской государственной и общественной жизни и обсуждала только отдельные факты. Вот почему современникам Петра, присутствовавшим при бесчисленных нововведениях, и крупных и мелких, казалось, что Петр перевернул вверх дном всю старую жизнь, не оставил камня на камне от старого порядка. Видоизменения старого порядка они считали за полное его уничтожение.

Такому впечатлению современников содействовал и сам Петр. Его поведение, вся его манера действовать показывали, что он не просто видоизменяет старые порядки, но питает к ним страстную вражду и борется с ними ожесточенно. Он не улучшал старину, а гнал ее и принудительно заменял новыми порядками. Это неспокойное отношение к своему делу, боевой характер деятельности, ненужные жестокости, принудительность и строгость ме-

роприятий — все это явилось у Петра как результат впечатлений его детства и молодости. Выросший среди борьбы и вражды, видевший и открытые бунты, и тайную оппозицию, Петр вступил на путь реформ далеко не со спокойным духом. Он ненавидел ту среду, которая отравляла его детство, и те темные стороны старой жизни, которые сделали возможной эту среду. Поэтому, уничтожая и видоизменяя старые порядки, он в свою деятельность монарха вносил личные чувства пострадавшего человека. Принужденный бороться за свою власть и самостоятельность при начале правления, Петр сохранил боевые приемы навсегда. Встреченный открытой враждой сначала, чувствуя и потом скрытое противодействие себе в обществе, Петр все время боролся за то, во что верил и что считал полезным. В этом объяснение тех особенностей в реформационной деятельности Петра, которые сообщили его реформе черты резкого, насильственного переворота.

Однако по существу своему реформа эта не была переворотом.

Время от смерти Петра Великого до вступления на престол Елизаветы (1725—1741)

В первые 16—17 лет, прошедших со смерти Петра Великого, судьбу русского престола нельзя было назвать благополучной: на нем сменилось пять монархов; Россия пережила несколько дворцовых переворотов; у власти стояли иногда люди, чуждые стране, по своим эгоистическим склонностям не достойные власти. Причины, обусловившие эту эпоху переворотов и временщиков, коренились, с одной стороны, в состоянии царской семьи, а с другой — в особенностях той среды, которая управляла делами. Чтобы ознакомиться с этими причинами, обратимся прежде всего к рассмотрению обстоятельств дворцовой жизни и престолонаследия от Петра до Елизаветы.

Дворцовые события с 1725 по 1741 год

Законом 1722 г., как мы видели, отменялся обычный порядок престолонаследия, действовавший в Московской Руси, и монарху предоставлялось право назначения наследников. При таком порядке важное значение получало завещание монарха. Но Петр умер от случайной простуды, сломившей его расшатанное трудами здоровье, умер всего 52-х лет и не оставил никакого завещания. Вельможи и «господа Сенат», собравшиеся во дворце в ночь на 28 января 1725 г. ввиду неминуемой кончины Петра, от кабинет-секретаря Макарова узнали, что Петр не выразил своей воли

о наследнике. Приходилось подумать, кем заменить умиравшего императора.

Петр оставлял после себя жену, внука Петра Алексеевича, двух дочерей и двух племянниц. Естественно, что жена Екатерина Алексеевна и внук Петр Алексеевич сочтены были за ближайших кандидатов; но голоса присутствовавших во дворце вельмож разделились: одни желали Екатерину провозгласить императрицей, другие в Петре видели законного наследника. За Екатерину, иностранку и неродовитую по происхождению женщину, высказывались сотрудники Петра, стоявшие за новый порядок, потому что благодаря ему они поднялись на такую общественную высоту. В воцарении Екатерины они видели залог того, что уцелеют установленный Петром порядок и их личное положение. В царевиче же Петре они видели сына того царевича Алексея, который был приговорен к смерти; некоторые из них с воцарением Петра могли бояться и мести от него за отца и возвращения к старым общественным порядкам, для них неприятным. Во главе этих новых людей, приверженцев Екатерины, стояли Меншиков, Ягужинский и Толстой.

За Петра Алексеевича были, напротив, люди из старого боярства, удержавшиеся на верху общества и при Петре. Реакционные стремления к старым московским порядкам, жившие в них, заставляли их чуждаться Екатерины, а в Петре — еще мальчике — видеть такого же представителя старых начал, каким был его отец. За внука Петра была и народная масса, лишенная, однако, возможности подать свой голос. Зато на стороне Екатерины были гвардейские полки, любившие Екатерину и Меншикова.

Всю ночь шли рассуждения о наследнике престола, предлагались и отвергались различные комбинации. Толстой произнес речь о заслугах Екатерины перед государством и указывал на ее торжественную коронацию, как свидетельство ее прав на престол со стороны самого императора. Эта речь была поддержана незаметно явившимися в залу заседания гвардейскими офицерами, а мнение офицеров (вероятно, введенных по желанию Екатерины) нашло поддержку в неожиданном появлении перед дворцом обоих гвардейских полков, Преображенского и Семеновского, пришедших «по воле императрицы», как было объявлено знати. Вмешательство гвардии, преданной и уже повиновавшейся «императрице», весьма повлияло на собрание. К утру все высказались в пользу Екатерины, и она была объявлена императрицей и самодержицей со всеми правами ее мужа императора.

Избранная правящими лицами и гвардией, которая, следует заметить, состояла из шляхетства, Екатерина неспокойно принимала власть, боясь движения народных масс против воцарения иноземки. Однако волнений не было: были отдельные случаи неудовольствия на господство женщины (были такие люди, которые не хотели присягать Екатерине, говоря: «Если женщина царем, то пусть и крест бабы целуют»). Все войска присягнули спокойно. Гвардия же восторженно относилась к императрице,

и императрица платила ей полным вниманием и заботами, весьма заметными для современников. Гвардейские полки были внешней опорой нового правительства.

Так совершился небывалый факт воцарения женщины в России, так в первый раз новые русские войска выступили в качестве не только боевой, но и политической силы. Екатерина правила с помощью тех же людей и тех же учреждений, какие действовали при Петре. Энергичная и умная жена Петра была в высшей степени замечательной женщиной в узкой среде семейных и частных отношений, но не стала заметным деятелем в широкой сфере государственной жизни. Ей не хватало ни образования, ни привычки к делам, и потому она скрывалась за личностью талантливого Меншикова, который, пользуясь расположением и доверием императрицы, стал полным распорядителем дел, временщиком. Но столкновения Меншикова с Сенатом (причем Меншиков однажды позволил себе оскорбить сенаторов) уже к началу 1726 г. привели к раздору среди правящих лиц и тревожным слухам о том, что обиженные лица желают возвести на престол Петра Алексеевича. Слухи добавляли, что воцарение Петра проектируется с ограничением его власти. Благодаря рассказам современников, мы с вероятностью можем полагать, что в данном случае против Меншикова стали те родовитые люди, которые и раньше отдавали предпочтение кандидатуре Петра перед кандидатурой императрицы Екатерины. Предвидя смуту, Толстой явился посредником между враждующими сторонами и успел потушить ссору. Однако она не прошла бесследно, а привела к учреждению Верховного тайного совета. Так назывался новый орган государственного управления, поставленный выше Сената и лишивший его прежнего значения. У Сената был отнят генерал-прокурор; вместо титула «правительствующий», Сенат стал пользоваться титулом «высокий»; между верховной властью и Сенатом не стало прямого общения, и Сенат должен был повиноваться указам Верховного тайного совета; Сенат сошел на степень коллегии и считался равным Военной, Иностранной и Морской коллегиям.

Верховный тайный совет, учрежденный в феврале 1726 г., состоял из 6 членов: Меншикова, Апраксина, Головкина, Толстого, Дмитрия Михайловича Голицына и Остермана. Характер этого Совета не был точно определен указом, его учреждавшим; было только сказано, что Совет устроен «для государственных важных дел». Но, по собственному мнению Совета, круг его деятельности был широкий, и Совету присваивалось значение законодательного учреждения; предполагалось даже, что ни один указ не мог быть издан государыней без обсуждения Совета. При такой постановке дела немудрено, что некоторым показалось, будто Верховный совет есть шаг к ограничению монаршей власти, хотя этого и не было на деле.

Учреждение Верховного совета было, с одной стороны, направлено к тому, чтобы избавить Меншикова, как главу военного

управления (он был президентом Военной коллегии), от контроля Сената, а с другой стороны, к тому, чтобы удовлетворить оскорбленное чувство знати, дав ей возможность достигнуть высокого государственного положения путем участия в Верховном совете. Виднейший представитель этой знати Д. М. Голицын и был призван в Совет наряду с самыми влиятельными административными лицами: Меншиковым, Апраксиным, Толстым (см. Градовского: «Высшая администрация России», гл. 4-я). Таким образом, из столкновения временщика с другими влиятельными людьми родилось новое учреждение, помирившее обе враждебные стороны, т. е. родословных людей с неродословными.

В основании В. Т. Совета, однако, лежала не одна случайная «конъюнктура». В последние годы царствования Петра В. в высшей бюрократии созрело сознание, что в административной системе Петра допущен пробел: именно, на место старой думы не было поставлено соответствующего законодательного учреждения, ибо Сенату не было дано полностью всех полномочий думы. Князь Д. М. Голицын с голштинцем Фиком (вызванным в Россию для организации коллегий) много беседовал о необходимости устроить «высшее правительство» в виде «Тайного совета» — такого, который бы дал твердую организацию самой верховной власти. В момент смерти Петра В. Голицын гласно желал воцарить внука его Петра, а опеку над ним вручить Сенату с повышением его полномочий. Проиграв на этом, Голицын выдвинул идею законодательного «Тайного совета» против произвола временщика Меншикова и сумел, как видим, настоять на своем: законодательное учреждение было создано и скоро даже покусилось на формальное ограничение верховной власти (1730).

Однако между Меншиковым и его противниками и с учреждением Верховного тайного совета все же не было прочного мира. Люди, недовольные временщиком, как допущенные в Верховный тайный совет, так и не попавшие в него (Ягужинский и многие другие), по-прежнему не могли помириться с исключительным значением Меншикова. Дальновидный Меншиков сам понимал, что у него много врагов и что все они возлагают свои надежды на царевича Петра. Чем старее становилась Екатерина, чем более вырастал Петр, тем более становилось вероятным, что власть перейдет к Петру, Меншиков потеряет свое значение и влияние приобретут родовитые люди, всегдашние приверженцы Петра. Такая перспектива страшила временщика, заставляя его заранее обдумывать меры, чтобы упрочить свое положение и на будущее время.

В начале 1727 г. Меншиков уже знал, что ему нужно было делать. По совету датского и австрийского послов он решил сблизиться с царевичем Петром и добиться того, чтобы Екатерина позволила женить Петра на дочери Меншикова и признала его наследником престола. Делаясь тестем будущего государя, Мен-

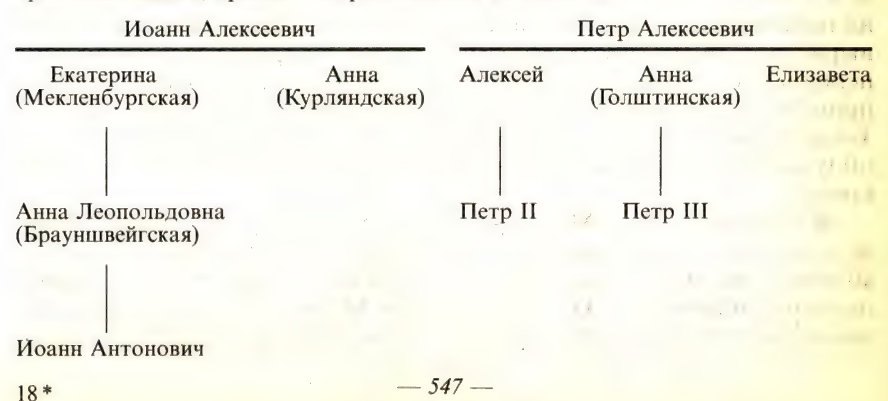
шиков обеспечивал себе высокое положение надолго. Екатерина согласилась на просьбу Меншикова о женитьбе Петра, несмотря на то что обе дочери ее со слезами молили отказать. Придворные люди в большинстве были против Меншикова, но вопрос о престолонаследии разделил их. Сближение всемогущего временщика с Петром для приверженцев Петра было как бы ручательством в том, что Петр наследует престол. Поэтому многие из них примирились с женитьбой царевича на Меншиковой (Голицыны). Но те, кто был и против Меншикова, и против Петра, забили тревогу. Толстой рискнул представить Екатерине свои доводы против предполагаемой женитьбы. Однако Екатерина осталась при своем, хотя и заявила, что никто не знает ее воли о преемнике престола и что Меншиков не может изменить этой воли.

В таком положении были дела, когда императрица неожиданно захворала горячкой. Во время ее болезни Меншиков успел сослать главного своего врага Толстого в Соловки и остался распорядителем дел, довольный сочувствием Голицыных и молчанием прочих. 6 мая 1727 г. Екатерина скончалась. На другой день царская фамилия, Сенат, Синод, Верховный совет и все высшие чины слушали завещание Екатерины, про которое в то же время пошли слухи, что оно подложное*. Этим завещанием наследником назначался Петр; в случае его бездетной смерти престол переходил к цесаревне Анне Петровне с наследниками, затем к цесаревне Елизавете Петровне с наследниками (этим пунктом завещания нарушался закон Петра Великого о престолонаследии). До совершеннолетия нового императора утверждалось регентство из Верховного тайного совета с включением в него царевен Анны и Елизаветы.

Петру тогда было 11 лет. Меншиков перевез государя из дворца в свой дом, через две недели обручил его со своей дочерью Марией и вверил его воспитание вице-канцлеру и обер-гофмейстеру Остерману. Неприятные Меншикову лица были

---

* Для того чтобы яснее понять завещание Екатерины I и дальнейшие случаи престолонаследия, прилагается родословная таблица:

понемногу удалены от двора: с влиятельной же знатью, Голицыными и Долгорукими, Меншиков дружил с тех пор, как стал на стороне Петра. Однако эта дружба не была прочна. Самовластие и заносчивость временщика раздражали придворную среду; много лиц стремилось разделить с Меншиковым его влияние и власть.

Петр II не любил ни Меншикова, ни его дочери, своей невесты. Раньше других придворных этой антипатией Петра воспользовались князья Долгорукие. Действуя через любимца Петра, молодого князя Ивана Алексеевича Долгорукого, они внушили государю мысль избавиться от опеки временщика и надоевшей невесты. Так как исключительное положение Меншикова при дворе обусловливалось только благоволением к нему монарха, то свергнуть Меншикова было очень легко. По приказу императора он был подвергнут аресту и удален в свое рязанское имение, а затем в Сибирь, в Березов, после того, как четыре месяца самовластно распоряжался государством.

Ссылка Меншикова вызвала общую радость в верхних слоях петербургского общества. Однако при малолетнем монархе должны были явиться новые лица с сильным влиянием: сам Петр управлять еще не мог, но его благоволение могло создать фаворитов и влиятельных лиц. Любовью Петра завладели Долгорукие, его уважением завладел Остерман. На первые же вакантные места были назначены в Верховный тайный совет двое Долгоруких: Василий Лукич и Алексей Григорьевич. Несмотря на это, Остерман сохранял приобретенное им после Меншикова первенствующее влияние на дела, не уступая его и родовитейшему русскому человеку, Д. М. Голицыну.

В 1727 г. Петр переехал для коронации в Москву, где остался и после коронации. Пребывание двора в Москве, однако, не означало той общей реакции против преобразования, на которую надеялись многие приверженцы Петра. В управлении государством не было никакой определенной тенденции — ни к возврату в допетровские формы жизни, ни к продолжению преобразований Петра Великого. Государь не занимался ни наукой, ни правлением: придворное влияние Долгоруких очень дурно действовало на малолетнего Петра, направляя все его интересы в сторону забав и удовольствий. При таких условиях все в государстве жило день за день. Иностранные послы находили, что «все в России в страшном беспорядке»; один Остерман работает усердно, но сил его не хватает на все дела; Верховный тайный совет собирается редко; администрация неудовлетворительна, финансы в расстройстве.

Но такое положение дела тянулось годы и не возбуждало неудовольствия вне дворца. Народ, довольный облегчением от податей после Петра Великого, видел в Петре II законного государя и не усматривал в Долгоруких вредных временщиков, не видел и особого расстройства правления. Во дворце же влия-

ние Долгоруких настолько выросло, что в конце 1729 г. они достигли высокой чести: Петр обручился с княжной Екатериной Алексеевной Долгорукой. Но и вторая помолвка государя не окончилась свадьбой: Петр II захворал и умер 14-ти лет, в ночь с 18 на 19 января 1730 г., не оставив завещания.

Зато было завещание Екатерины I, передававшее престол в семью Анны Петровны в случае бездетной смерти Петра. Сильные люди теперь не считали его обязательным: они считали престол вакантным и не знали, кому его предоставить. Ночью 18—19 января Верховный тайный совет, некоторые сенаторы и высшие военные чины, всего человек 10—15, в Петровском дворце (где умер Петр II) стали рассуждать о судьбе престола, и здесь обнаружилось, как мало они были приготовлены к предстоящему делу. Долгорукие рискнули предложить в императрицы княжну Долгорукую, невесту Петра, и, конечно, безо всякого успеха. Среди тревожных и разноречивых толков раздался, наконец, голос князя Д. М. Голицына: не без задней мысли он назвал одинокую бессемейную особу царского дома Анну Иоанновну, бездетную и лишенную политического веса вдову герцога Курляндского. Предложение Голицына встретило общее сочувствие, на избрание Анны согласился сразу главный делец того времени — Остерман. Действительно, и личной сдержанностью, и своим одиночеством Анна могла показаться прекрасным кандидатом на корону: она была законной дочерью старшего из братьев-царей — Иоанна и потому, конечно, имела более прав на избрание, чем дочери Петра.

Когда вопрос о престолонаследии был решен и предмет суждения сановников, казалось, был исчерпан,— князь Дмитрий Голицын неожиданно высказал в собрании свою затаенную мысль. «Надо бы нам себе полегчить,— сказал он собранию,— так полегчить, чтоб воли прибавить... Надобно, написав, послать к ее величеству пункты». В таких выражениях была высказана Голицыным мысль об ограничении власти новой императрицы в пользу Верховного тайного совета. Еще в 1725 г., в минуту смерти Петра Великого, Голицын предлагал до совершеннолетия Петра II передать верховную власть в руки Сената и Екатерины. Теперь же он желал и при совершеннолетней государыне дать формальное участие во власти первому учреждению в Империи. Пять лет, прошедших со смерти Петра, показали Голицыну, что при дворе возможны временщики и фавориты, что при таком условии влияние принадлежит случайным людям, а не достойнейшим представителям высшей администрации и высшего дворянства. Действительнейшим средством против фаворитизма Голицын счел ограничение личной власти монарха Верх. тайн. советом, который в ту минуту имел характер аристократического по составу учреждения. Во время воцарения Анны в Совете были четверо Долгоруких, двое Голицыных, канцлер Головкин и Остерман; стало быть, из восьми лиц — шесть принадлежало к старой

русской знати. Крупнейшим из них был сам Д. М. Голицын, он и взял на себя инициативу: назвал как кандидата на престол Анну Иоанновну, от которой не ждал противодействия своим планам, а когда ее избрали, то прямо поставил вопрос об ограничениях, или «пунктах».

Предложение Голицына удивило собрание: оно не вызвало протеста, но и не подверглось всестороннему обсуждению, а было принято сгоряча. «Пункты» ограничений были редактированы тут же и сообщены по секрету бывшим в ту ночь во дворце некоторым сановникам. Те отнеслись к «затейке» пассивно и разъехались. Наутро 19 января в Кремль, во дворец, были собраны «генералитет» и духовенство. На предложение об избрании Анны это собрание ответило сочувственно и на этом было распущено. А «верховники», уединясь, пересмотрели «пункты», дополнили их и составили письмо к герцогине Курляндской с извещением об избрании в императрицы и особый лист с условиями избрания. Письмо и условия повез в Митаву к Анне Вас. Лук. Долгорукий. Условия сводились к следующему: 1) императрица должна обещать не выходить замуж и не назначать себе наследника; 2) Верх. тайн. совет содержать всегда в восьми персонах и без его согласия не объявлять войны и не заключать мира; не налагать податей и не расходовать государственных доходов; не жаловать вотчин и не отнимать имения и чести у шляхетства; не жаловать никого в придворные и генеральные чины; 3) гвардии и всем прочим войскам быть в ведении Верх. тайн. совета, а не императрицы. Условия были редактированы так, как будто Анна давала их по своему почину.

«Все гарантии для восьми, а против восьми для остальных — где гарантии?» — замечает по поводу этих ограничительных пунктов С. М. Соловьев. «Боже сохрани, чтобы не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий,— боязливо замечал современник Артемий Волынский,— так мы, шляхетство, совсем пропадем». То же думало прочее шляхетство, собранное во множестве в Москве по случаю пребывания там двора.

Когда по Москве распространился слух о тайных ограничениях в пользу Верх. тайн. совета, не только видное духовенство (Феофан Прокопович), не только государственные люди, не участвовавшие в «затейке» верховников, но и все среднее и низшее дворянство пришло в большое негодование на верховников. Смелый и ловкий Ягужинский успел тайно отправить из Москвы дворянина Сумарокова в Митаву к Анне с советом «не всему верить, что станут представлять» ей посланные от Верх. тайн. совета. Ягужинский, как говорят, действовал так по личным видам: он хотел ограничений, но не был принят в Верх. тайн. совет, за что и мстил верховникам. Его посланный был Долгоруким схвачен после того, как исполнил поручение в Митаве. Анна подписала ограничительные пункты, несмотря на предостереже-

ния Ягужинского; сам же он был арестован в Москве. Однако ему удалось своим советом возбудить в Анне подозрение, что пункты действительно не «от всего народу» привезли.

Ягужинский действовал в Митаве, шляхетство волновалось в Москве. Одни дворяне были против ограничений и желали просто перебить верховников; другие более или менее охотно мирились с совершившимся фактом отмены самодержавия, но возмущались новой формой власти — олигархической — и желали изменить ограничительные пункты так, чтобы дать и шляхетству участие во власти. По отзывам современников, возбуждение умов было чрезвычайное, тайные сборища носили страстный характер. Верховники, напуганные таким движением дворянства, думали сдержать его угрозами простому дворянству и уступками людям заметным, которых они ласкали и успокаивали обещаниями, что, как только будет получено согласие Анны, немедленно будут призваны все чины для обсуждения нового государственного устройства.

Так прошло две недели. 3 февраля высшим чинам объявлено было, что Анна Иоанновна приняла престол и сама благоволила дать на себя ограничительные обязательства, которые и были прочитаны собравшимся. Все молчали: очевидно, что условия не нравились никому. Хотя затем и подписали «благодарственный» протокол собрания, однако кем-то из толпы было брошено в лицо верховникам недовольное замечание: «Не ведаю, да и весьма чуждуся, отчего пришло на мысль государыне так писать». А князь Алексей Михайлович Черкасский настоятельно просил позволения, чтобы шляхетству позволили подать свои мнения о новом государственном устройстве в В. Т. Совет. Позволение было дано.

На основании его началось в среде шляхетства уже гласное составление политических проектов, которых различными кружками было составлено 12. Они были представлены Верховному тайному совету и сохранились до нашего времени. Наиболее выработанные из них (самый обстоятельный принадлежит известному историку Татищеву) требуют увеличения числа членов В. Т. Совета и назначения их по выбору всего дворянства. Собственно, участием шляхетства в назначении членов В. Т. С. и исчерпывалась политическая роль дворянского сословия по проектам самого дворянства. Помимо планов политического переустройства проекты содержали в себе просьбы о льготах дворянству: просили ограничить государственную службу дворян 20-ю годами, уничтожить единонаследие в дворянских имениях и учредить школы для дворянства.

Верховники, приняв проекты, не обнаружили желания делать уступки и не думали делиться властью со шляхетством; они обещали только доброжелательство и отеческое попечение всем сословиям одинаково. Понятно, что это не удовлетворило никого.

С 3 по 15 февраля, когда императрица приехала в Москву, страсти разгорелись еще больше; общее неудовольствие верховниками

возросло до открытого сопротивления: Преображенский полк отказался присягать по форме присяги, какая была всего удобнее для В. Т. Совета. Через приближенных к императрице Анне дам (между прочим, через Салтыковых, из рода которых была мать Анны) противники ограничений успели войти в сношения с императрицей, когда она приехала в Москву. Но и до этого сама императрица не раз давала чувствовать верховникам, что ограничения не настолько крепки, чтобы подавить ее волю совершенно. Когда же настроение московского общества стало ей известно, Анна еще самостоятельнее повела себя по отношению к В. Т. Совету. Она упорно отказывалась быть в заседаниях Совета, хотя в то же время и не решалась сбросить с себя принятые добровольно обязательства.

«Затейка» В. Т. Совета была разрушена не Анной, а шляхетством. Верховники задумали заменить самодержавие аристократическим правлением и не имели в своих руках никаких средств для того, чтобы силой поддержать свои планы. Шляхетство же, не имея определенного плана государственного переустройства и восставая против олигархии, было единственной силой в государстве, потому что имело военную организацию. Первое же открытое вмешательство этой силы в отношения верховной власти и В. Т. Совета повело к тому, что прерогативы первой были восстановлены и планы второго разрушены. Произошло это так.

25 февраля утром во дворец явилась толпа шляхетства, человек из 800, и подала императрице просьбу о том, чтобы она приказала рассмотреть те проекты, которые были поданы В. Т. Совету от шляхетства и оставлены Советом безо всякого движения. Удивленные верховники просили императрицу об обсуждении поданной просьбы совместно с ними. Но Анна прямо написала на просьбе резолюцию о рассмотрении проектов. Тогда часть шляхетства (а именно гвардейские офицеры) неожиданно обратились к Анне с шумной и настойчивой просьбой принять самодержавие. Боясь поднявшегося шума и желая прекратить беспорядок, Анна не дала решительного ответа, но нарушила свои ограничения тем, что отдала гвардию под начальство преданного ей генерала Салтыкова и тем самым отстранила от командования В. Т. Совет. В тот же день гвардейство и прочее шляхетство поднесли Анне уже формальную просьбу о восстановлении самодержавия. Анна разорвала свои ограничительные пункты и «учинились в суверенстве». Прежние проекты о новом государственном устройстве превратились в этот день во всеподданнейшую просьбу шляхетства об уничтожении В. Т. Совета, о реформе Сената, «как при Петре I было», и замещении высших административных должностей выборными от шляхетства.

Верховники не имели никакой возможности помешать совершившемуся на их глазах государственному перевороту, потому что гвардия была против них и охотно ушла из-под их начальства, потому что все шляхетство было против олигархического Совета, и Совет при таких условиях стал детски слаб и бес-

помощен. При всем разногласии шляхетских взглядов и проектов, при отсутствии строго выработанного плана действий против Совета дворянство легко победило Совет, как только императрица пошла навстречу желаниям дворянства. Неизвестно, насколько союз верховной власти и дворянского сословия 25 февраля был подготовлен и условлен заранее (ходили слухи, будто Анна знала о том, что готовится),— во всяком случае переворот совершен был шляхетством, его силами, его авторитетом.

Естественно ожидать, что, став самодержицей, Анна воздаст сословию за его услугу должное. Но следует при этом помнить, что шляхетство, совершая переворот 25 февраля, явилось во дворец сперва не восстановить самодержавие, а изменить содержание ограничений в свою пользу. Восстановило самодержавие не шляхетство, а гвардия, т. е. лишь часть шляхетства. Вот почему мы видим, что Анна, лаская гвардию, учреждая новые гвардейские полки (Измайловский), в то же время соблюдает общие интересы всего дворянства не всегда и не совсем. Правда, она немедленно уничтожает В. Т. Совет и восстановляет прежнее значение Сената, как того просили дворяне; она уничтожает ненавистный шляхетству закон Петра о единонаследии 1714 г., учреждает дворянское училище — Шляхетский корпус — и дает некоторые служебные облегчения шляхетству. Но прошение дворянства об участии в избрании администрации остается без выполнения, и вся политика Анны не только не дворянская, но даже не национальная. Боясь русской знати, поднесшей ей пункты, подвергая ее гонениям и даже унижению, опасаясь, с другой стороны, политических движений среди шляхетства и помня, что в Голштинии есть родной внук Петра Великого (будущий Петр III), которого Анна в гневе звала «чертушкой в Голштинии» и который мог стать знаменем движения против нее,— Анна не нашла лучшего для себя выхода, как организовать свое правительство из лиц немецкого происхождения. Это обстоятельство, вызванное неумением найти себе опору в своем народе, в той или иной его части, привело к печальным результатам. Правление Анны — печальная эпоха русской жизни XVIII в., время временщиков, чуждых России. Находясь под влиянием своих любимцев, Анна не оставила по себе доброй памяти ни государственной деятельностью, ни личной жизнью. Первая сводилась к удовлетворению эгоистических стремлений нескольких лиц, вторая отмечена странностями, рядом расточительных празднеств, грубыми нравами при дворе, блестящими, но жестокими затеями вроде «ледяного дома».

С первых же минут после восстановления самодержавной власти началось возвышение иностранцев и опалы на русскую знать. Постепенно представители знати теряли свое придворное значение и служебные места, подвергались гонению, ссылке или в деревни, или в Сибирь, даже казням. Сперва пострадали

Долгорукие: некоторым из них — Василию Лукичу, Ивану Алексеевичу — были отсечены головы. Потом пришел черед и Голицыных. Из членов бывшего Совета уцелели только Головкин и Остерман — неродовитые люди. Преследование знати было возведено как бы в систему: подвергались ссылкам и заключению такие представители старой аристократии, которые не принимали никакого участия в замысле верховников и не играли видной роли (Черкасские и Юсуповы). В то же время не менее систематически шло возвышение немцев. Уже в мае 1730 г. замечали, что императрица находится вполне под влиянием Бирона (курляндского камергера) и Левенвольда (лифляндского дворянина). Оба они были осыпаны милостями и взяли дела в свои руки. Последний из них сформировал для Анны Измайловский полк с офицерами из прибалтийских немцев, сам был сделан полковником этого полка, а в помощники получил шотландца Кейта. Бирон же старался о замещении немцами всех видных мест в администрации. При Анне в придворной сфере первое место занимали немцы; во главе текущего управления стоял немец (Остерман); в коллегиях президентами были немцы; во главе армии находились немцы (Миних и Ласси). Из них главная сила принадлежала Бирону. Это был человек совершенно ничтожный по способностям и безнравственный по натуре. Будучи фаворитом Анны и пользуясь ее доверием, Бирон вмешивался во все дела управления, но не имел никаких государственных взглядов, никакой программы деятельности и ни малейшего знакомства с русским бытом и народом. Это не мешало ему презирать русских и сознательно гнать все русское. Единственной целью его было собственное обогащение, единственной заботой — упрочение своего положения при дворе и в государстве. Действуя с помощью толпы немцев и тех русских, которые думали сделать свою карьеру службой временщику, Бирон не управлял государством, а эксплуатировал страну в своих личных выгодах, презирая закон и совет и обманывая императрицу. С первых же минут своей власти в России он принялся за взыскание податных недоимок с народа путем самым безжалостным, разоряя народ, устанавливая невозможную круговую поруку в платеже между крестьянами-плательщиками, их владельцами-помещиками и местной администрацией. Все классы общества платились и благосостоянием, и личной свободой: крестьяне за недоимку лишались имущества, помещики сидели в тюрьмах за бедность их крестьян, областная администрация подвергалась позорным наказаниям за неисправное поступление податей. Когда же поднялся ропот, Бирон для сохранения собственной безопасности прибегнул к системе доносов, которые развились в ужасающей степени. Тайная канцелярия, преемница Преображенского приказа петровской эпохи, была завалена политическими доносами и делами. Никто не мог считать себя безопасным от «слова и дела» (восклицание,

начинавшее обыкновенно процедуру доноса и следствия). Мелкая житейская вражда, чувство мести, низкое корыстолюбие могли привести всякого человека к следствию, тюрьме и пытке. Над обществом висел террор. И в то же время одно за другим шли физические бедствия: мор, голод. Войны с Польшей и Турцией истощали народные силы. Понятно, что при таких обстоятельствах жизни народ не мог быть спокоен, несмотря ни на какие страхи тайной канцелярии.

В 1734—1738 гг. на юго-востоке и на юге появились самозванцы, называвшие себя сыновьями Петра. Они имели успех среди населения и войск, но скоро были изловлены. Но и без них народный ропот не смолкал. В народе хорошо знали, что «Бирон взял силу, и государыня без него ничего не делает. Всем ныне овладели иностранцы. Вот какия фигуры делаются у нас». Так рассуждали русские люди. Они находили, что дела России очень плохи. «Нет у нас никакого доброго порядка,— раздавались голоса,— пропащее наше государство». В народной массе угадывали, что немцы-правители не заботятся о стране, а «боготворят чрево», «слезные и кровавые сборы употребляют на потеху». Немцы пользуются тем, что на престоле слабая женщина: «Где ей столько знать, как мужской пол». Женской власти приписывали все беспорядки, все беды; были уверены, что даже «хлеб не родится», потому что «женский пол царством владеет».

Неспокойно было и в придворной среде, растленной страхами перед доносами и раболепством перед временщиком. Вокруг себя Бирон не видел ни одной самостоятельной личности. Всех заметных русских людей он губил исподволь и являлся полным распорядителем дел. Так называемый Кабинет, учрежденный в ноябре 1731 г. из трех лиц (Остермана, Головкина и Черкасского), должен был заменить собой упраздненный В. Т. Совет и стать над Сенатом и Синодом во главе государственного управления. Но Кабинет этот склонялся перед Бироном и был ему послушен. Один только хитрый и скрытный Остерман, переживший Меншикова, Долгоруких и верховников, умел сохранить свое значение и при Бироне. Он не стремился к «фавору», оставался только дельцом, но таким влиятельным, что стал казаться Бирону опасным человеком. Придумывая, кем бы заменить его, Бирон пришел к тому, что сделал кабинет-министром способного администратора Артемия Петр. Волынского. Он надеялся, что Волынский останется преданным ему человеком, как было до тех пор, и своими способностями и привычкой к делам заменит Остермана. Но Волынский, хотя и стал мешать Остерману, явился в то же время неприятным и Бирону. Лишенный всякой нравственной поддержки, новый кабинет-министр не соразмерил своих сил и влияния с теми задачами, какие себе поставил. Он желал стать в придворном мире не только самостоятельно, но и выше прочих деятелей, он думал перестроить и придворную среду, и управление. Понятно, что такие планы вооружили против него Бирона,

который стал бояться Волынского. При бестактности Волынского Бирону легко было найти в его поступках предлог для обвинения. Волынский был отдан под суд, обвинен в целом ряде действительных и фиктивных проступков и приговорен к смертной казни. На его место, в противовес Остерману, Бирон выдвинул Алексея Петровича Бестужева-Рюмина. Но Остерман продолжал сохранять свое положение, держась необыкновенно осторожно и не мешая Бирону в его фаворе.

Десять лет продолжалось господство немцев, десять лет русские были оскорбляемы в лучших своих симпатиях и чувствах. Ропот не прекращался. Люди, пострадавшие от немцев, независимо от своих личных качеств, за то только, что они были русские,— в глазах народа превращались в героев-мучеников. Но при всем том народ не поднимался против немцев, а только роптал. Причины этого заключались в том, что, с одной стороны, страшный режим не давал народу возможности сплотиться (так объяснял народное бездействие французский посланник маркиз Шетарди), а с другой стороны, не было лица, во имя которого могло произойти движение: род Петра в мужском колене пресекся. Анна боялась голштинского принца, но для народа он был тоже немец, и притом малоизвестный. Маркиз Шетарди предсказывал, что нельзя надеяться на движение народа против немцев и в случае смерти Анны. Но он был в этом не вполне прав. В конце 1740 г. Анна неожиданно занемогла и умерла после кратковременной болезни. Перед смертью она назначила своим преемником только что родившегося принца Брауншвейг-Люнебургского, Иоанна Антоновича (правнука царя Иоанна Алексеевича). Но хотя у него в Петербурге были и отец (Антон-Ульрих), и мать (Анна Леопольдовна), императрица медлила назначением регента. Бирону хотелось получить регентство в свои руки и соединить, таким образом, власть над Россией с курляндской герцогской короной, которую Бирон получил в 1737 г. Преданный Бирону Бестужев-Рюмин особенно старался об этом. Придворная знать желала того же: одни боялись пропасть без Бирона, ибо жили благодаря ему; другие боялись идти против Бирона, потому что за это могли погибнуть, когда Бирон станет регентом. Желание придворного круга было выдано императрице за народное желание, и она «по народному желанию» накануне смерти отдала Россию в руки Бирона.

Ненавистный народу фаворит стал формально распорядителем России до совершеннолетия монарха, иначе говоря, на 17 лет. На лицах русских бывшие тогда иноземцы читали горе и стыд: так ужасно действовало на русские умы вступление во власть презренного немца. Гвардия, обласканная Анной, ждала лишь той минуты, когда прах императрицы предан будет земле, чтобы подняться на Бирона. Брожение в войсках было сильно, но гвардейцы не имели руководителя, не знали, во имя кого следует подняться, не знали, как отнесется к их движению мать госуда-

ря — Анна Леопольдовна. Но как только она призвала их на Бирона, движение вспыхнуло сразу и Бирон был свержен и захвачен гвардейцами. Произошло это через какой-нибудь месяц после начала регентства Бирона таким образом.

Бирон знал, что отец и мать императора недовольны его регентством, что гвардия в своем брожении смотрит на родителей государя, как на законных правителей,— и поэтому Бирон теснил принца и принцессу, видя в них опасных для себя соперников, он создал им такую невыносимую обстановку, что Анна Леопольдовна не могла удержаться и со слезами пожаловалась Миниху на притеснения регента. Честолюбивый Миних, недовольный Бироном за свое второстепенное положение при дворе, ответил на жалобы принцессы обещанием освободить ее от Бирона. Разговор между ними происходил 7 ноября, а в ночь с 8 на 9 Миних уже арестовал Бирона. Едва он объявил преображенцам, караулившим во дворце, что намерен свергнуть правителя по желанию Анны Леопольдовны, как все солдаты до одного выразили свою радость и готовность помогать Миниху. Сотня солдат легко совершила государственный переворот. Бирон и ближайшие к нему люди (между прочим, А. П. Бестужев-Рюмин) были взяты; Бирон особым судом был приговорен к казни за многократное «оскорбление Величества», но помилован и только сослан на житье в Сибирь (в Пелым). Бестужев был также сослан. Анна Леопольдовна стала правительницей государства и приняла титул великой княгини. Остерман, переживший и влияние Бирона, сохранил при правительстве все свое значение и пожалован в генерал-адмиралы. Но Миних, блестящий фельдмаршал, смело произведший переворот и награжденный за него чином «первого министра», скоро был отставлен от должности, потому что возбуждал опасения правительницы своим честолюбием.

Народ ликовал, когда узнал о падении Бирона: думали, что с Бироном исчезнет и бироновщина. Но то, что называли этим именем, осталось: правительство по-прежнему осталось немецким, по-прежнему оно существовало для себя, а не для народа. «Много непорядков происходит»,— отзывались о делах русские люди. В главе дел и двора стояли частью прежние лица: Остерман, уцелевший Левенвольд, частью новые фавориты-иностранцы — фрейлина Менгден и ее жених саксонский посланник Линар, об отношениях которого к правительнице шла вполне основательно дурная молва. Не без претензий на влияние был и муж Анны Леопольдовны, принц Антон, генералиссимус русских войск. Из русских пользовались высоким положением кабинет-министры — канцлер князь Алексей Михайлович Черкасский и вице-канцлер гр. Михаил Гаврилович Головкин. Головкин умел даже влиять на правительницу, но не умел стать во главе дел. Сама Анна Леопольдовна была совершенно неспособна не только к управлению, но и к деятельности вообще. Детски близорукая

и неразвитая, она была избалована, любила роскошь и тесный кружок веселых людей, желала жить для себя и подальше от дел. Не только к государственным делам, но и к окружающим ее отношениям придворного круга она не могла присмотреться сознательно, не могла примирить бесчисленных ссор и распрей, происходивших между людьми, близкими к власти. При таких условиях правительство не могло быть сильным. Его слабость была заметна для всех, его свойства никого не привлекали. Явилась возможность скорого и легкого переворота.

Не только русские люди знали дурное положение дел в России,— его знали и им пользовались иностранные правительства. Традиционная дружба России и Австрии, от которой не решилась отступить и Анна Леопольдовна, привела Россию при Анне Леопольдовне к тому, что необходимо было подать Австрии вооруженную помощь. Но это шло против видов Франции, которая старалась удержать Россию от вмешательства в дела Австрии путем дипломатических интриг. С одной стороны, Франция возбуждала Швецию к войне с Россией для возвращения завоеваний Петра Великого, и Швеция считала эту войну возможной ввиду внутренних замешательств России. С другой стороны, Франция желала в самой России произвести государственный переворот и поставить на русском престоле лицо с более удобными для Франции взглядами, чем правительница Анна. Тот же самый маркиз Шетарди, который при Анне Иоанновне не надеялся на народное движение против немцев в России, теперь вместе с французским правительством твердо верил в возможность такого движения и сам пытался его организовать. Он желал видеть на русском престоле дочь Петра I Елизавету, с которой вошел в оживленные сношения, убеждая ее действовать для достижения престола.

В самом деле, если русскую корону носит малолетний внук царя Иоанна, сын немца, то отчего не вступить на престол дочери царя Петра, чисто русской женщине, любимой народом и единственной действительно русской представительнице царствующего дома? Елизавета была в стороне от престола, пока живы были виднейшие представители семьи Петра Великого, пока царствовала избранная народом Анна, но теперь за недостатком чисто русских потомков московских государей и при постылом господстве иноземщины Елизавета становилась желанной государыней в глазах русских людей. Шетарди удачно обратился к Елизавете, потому что переворот мог легко совершиться в ее именно пользу при общем к ней сочувствии. Трудности дела заключались не во внешних обстоятельствах, а в самой Елизавете.

Красавица собой, мягкого, общительного характера, Елизавета не была деятельным и энергичным человеком. Не лишенная способностей, но отличавшаяся ленью, она немного знала, хотя и говорила по-французски, по-немецки, даже по-шведски. Нужно заметить, что в дни ее молодости учили ее вообще небрежно; мы

знаем, что у нее были учителя (преимущественно французы), но знаем, что они были непостоянно. Любовь отца и матери скрасили годы детства и отрочества Елизаветы. У нее только было одно большое горе: она потеряла любимого жениха принца Карла Голштинского, умершего перед свадьбой. При Петре II 20-летняя Елизавета имела сильнейшее влияние на племянника. Но она не пользовалась своим влиянием, потому что по характеру и интересам была далека от придворных борьбы и интриг. Со смертью Петра II кончились светлые годы Елизаветы: императрица Анна боялась ее и поставила под строгий надзор. Дочь Петра Великого, чтобы остаться целой, должна была вести самый осторожный и скромный образ жизни. Ее удалили от всех придворных и политических дел, стеснили в средствах к жизни, наблюдали за каждым шагом, за каждым ее знакомством. Все выдающиеся немцы времен Анны (Миних, Остерман и др.) были ей враждебны, потому что видели в ней человека, способного стать (и не по своей воле) во главе народного движения против немцев. Но Бирон, как это ни странно, был расположен к Елизавете, довольный тем, что она с почтительностью относилась к нему и к императрице. Однако его личное расположение мало помогало Елизавете; ей оставалось замкнуться в тесной сфере своего частного хозяйства, в узком кружке близких к ней, состоящих при ее дворе, лиц. Юношеская резвость Елизаветы пропала. Отсутствие широкой деятельности не тяготило ее бездеятельную натуру: склонность к веселью удовлетворялась скромными увеселениями в близком кружке. В этом кружке Елизавета нашла крепкую сердечную привязанность в лице Алексея Григорьевича Разумовского, нашла преданных лиц в своих камер-юнкерах, братьях Шуваловых и Воронцове. Можно думать, что если бы Елизавету оставили в покое, она никогда не решилась бы выйти из узкой сферы своего быта, где главным ее горем было не потеря придворного значения, а недостаток денежных средств. Однако ее в покое не оставляли.

В регентство Бирона Елизавета могла ждать улучшения своего положения, и действительно ее содержание было увеличено; но Бирона свергли, и на его место стала женщина, боявшаяся всего потомства Петра Великого; для Анны Леопольдовны и ее сына были страшными соперниками и дочь Петра — Елизавета, и внук его — Петр-Ульрих Голштинский, потому что они имели не менее прав на престол, чем император Иоанн Антонович. За дворцом Елизаветы начали следить внимательно; желая уничтожить ее планы на престол, думали отдать ее замуж; с Елизаветой вообще обращались так, что сами наводили ее на мысль о политических ее правах. О необходимости осуществить эти права и взять престол заговорил в то же время с Елизаветой и Шетарди через ее доктора француза Лестока, который имел на Елизавету некоторое влияние. Елизавета была далека от всякого политического риска. Несмотря на то, Лесток и сам Шетарди употребляли всю

свою ловкость, чтобы склонить ее на переворот. Но можно сказать, что их старания были бы напрасны, если бы Елизавета не видела себе поддержки среди русского общества, недовольного немецким правительством: и народ, и гвардия стали высказывать Елизавете свою обычную преданность все настойчивее и горячее. В гвардии шло сильное брожение в пользу Елизаветы, о котором она знала. Но ни Шетарди, ни Лесток, ни другие близкие к Елизавете люди не могли, конечно, руководить движением гвардии, потому что не имели к ней отношения. Не было таких лиц и в самой гвардии. Поэтому во главе движения должна была стать сама Елизавета, но этого-то и трудно было достигнуть Шетарди с ее характером. Между тем время шло; интрига Шетарди и гвардейское движение становилось все более известным правительству. Остерман предостерегал правительницу; от австрийского двора шли такие же предостережения; но Анна Леопольдовна ограничилась только тем, что наивно открыла Елизавете существующие подозрения. Это побудило Елизавету действовать решительнее, тем более что гвардия должна была выступить в поход против Швеции. Все близкие к Елизавете люди (Разумовский, Воронцов, Шувалов и Лесток), составив как бы придворный совет 24 ноября 1741 г., настояли на немедленном исполнении давно задуманного переворота. Елизавета решилась сама стать во главе преданных ей солдат, побуждаемая опалой правительницы.

В ночь с 24 на 25 ноября Елизавета приехала в казармы гренадерской роты Преображенского полка и с помощью ее произвела с чрезвычайной легкостью государственный переворот. Правительница со всей ее семьей была арестована в Зимнем дворце и перевезена во дворец Елизаветы. В своих домах были арестованы: Остерман, Миних, Левенвольд, Головкин и другие близкие к правительнице люди. Остальные немедленно явились поздравить новую императрицу, и в числе их сразу стал на виду только что вернувшийся из ссылки А. П. Бестужев-Рюмин.

Несмотря на морозную ночь, улицы Петербурга были полны ликующим народом. В новой императрице видели чисто русскую государыню и праздновали падение немецкого режима. Вскоре увидели доказательства этого падения. Все видные деятели бывших царствований, немцы, были отданы под суд. Остерман, переживший пять царствований и всех временщиков не только благополучно, но и с пользой для личной карьеры и влияния, теперь не увернулся от опалы и падения, как самый видный немец в правительстве. Елизавета не любила его, боялась более, чем кого-либо другого, потому что Остерман при всей своей ловкости не мог скрыть своего враждебного отношения к Елизавете. Вместе с Остерманом попали под следствие Миних, Левенвольд, Менгден и русский граф Головкин, близкий к бывшей правительнице. Обвиненные в разнообразных государственных преступлениях, они все были приговорены к смерти, взведены на эшафот,

но помилованы и сосланы в Сибирь. Вместе с ссылкой главных иностранцев исчезли из администрации и второстепенные. Ясно было, что императрица желает править Россией посредством русских людей. При дворе, в управлении, во внешних сношениях России выступали вперед чисто русские люди; все русское, что было поругано и унижено, получало свои права; на русских людей сыпались награды. Гренадерская рота Преображенского полка, произведшая переворот, была переименована в лейб-кампанию. Все ее чины были признаны потомственными дворянами и получили земли из конфискованных имений иностранцев. Вся гвардия, с восторгом поддерживавшая преображенцев, была щедро награждена, «понеже (говоря словами указа Елизаветы) их службою... успех в восприятии престола получили».

Свержение иноземцев и ласка к русским людям обусловили собою прочность и популярность нового царствования, объявившего своим лозунгом верность традициям Петра Великого.

Так закончился темный период нашей истории XVIII в. Мы сказали, что причины частых переворотов после Петра Великого заключались в состоянии царской семьи и в особенностях той общественной среды, которая влияла на государственные дела.

Обозрение событий при дворе за 1725—1741 гг. достаточно показало нам, в каком состоянии была семья Петра Великого: мужское его потомство состояло из одного внука, умершего до совершеннолетия, дочери его родились до его церковного брака с Екатериной, и это первоначально было препятствием к достижению ими престола. Племянницы Петра и одна из его дочерей (Анна) были замужем за немецкими владетельными принцами, и их дети были не русскими царевичами, а немецкими принцами. При таких условиях трудно было, конечно, согласиться относительно законного порядка престолонаследия и невозможно было избежать немецкого элемента при дворе. Неизбежны были замешательства при передаче престола от одного лица к другому, и они еще поддерживались законом о престолонаследии Петра, узаконившим личный произвол монарха вместо народного обычая. Но этот закон Петра, ставя при каждом царствовании трудный вопрос о преемнике престола, в то же время имел и хорошую сторону: он устранял возможность междоусобия претендентов на престол, санкционируя самую прихотливую передачу престола. Как бы то ни было, состояние царствующего дома делало престолонаследие случайным и открывало широкую дорогу для всякого рода посторонних влияний на порядок преемства престола. Посторонние влияния особенно процветали благодаря тому, что на престоле были или женщины, или малолетние

государи,— условия, благоприятные для развития фаворитизма и личных влияний при дворе и государстве. Уже тотчас после смерти Петра видим фаворита Меншикова, затем Долгоруких, Бирона. За ними тянется длинный ряд заметных и незаметных, способных и неспособных личностей с одной задачей — добиться фавора или влияния на дела. Придворная жизнь полна интригами, столкновениями лиц и партий. Государство управляется «силою персон» вместо твердых учреждений, о чем так заботился Петр. Изучение придворной жизни многое объясняет в государственной жизни после Петра. Придворная среда получает большее значение, чем в нормальные эпохи истории.

Настроение этой среды объясняет нам, почему после Петра его начинания не продолжались, почему Россия жила день за день, и многое, что насадил Петр, было заглушено после него. Среда людей, стоявших около престола и управлявших Россией после Петра, составилась из самых разнообразных лиц: в ней были представители старой московской аристократии (Голицыны, Долгорукие, Трубецкие и Черкасские); были люди, сами себе сделавшие карьеру (Меншиков, Ягужинский, Толстой, Бестужев); были, наконец, люди чуждые более или менее России происхождением и интересами (Миних, Остерман и Бирон). Понятно, что в этой среде не могло быть общих интересов. Если родовитых людей могла соединять забота об утверждении положения аристократии, если иностранцы могли действовать сообща ради водворения и обеспечения своего режима, то русских неродовитых людей могла соединять только память об общем их учителе Петре и дело реформы. Но мы знаем, что ученики и сотрудники Петра разно смотрели на реформу, не в одинаковой мере ей сочувствовали; мы знаем, что они не составляли тесного круга внутренне сплоченных людей. При этом условии они могли не дать хода реакционным стремлениям, бывшим в обществе, удерживали Россию на том пути, на котором она была при Петре; но они не могли ни продолжать дело Петра, ни сохранить его неприкосновенным во всех частностях. Среди них большую роль играли личные стремления и заботы, разъединявшие их на враждебные партии. То же господство личных стремлений видим и среди иноземцев. Отсюда масса мелких интриг и столкновений: Меншиков ссылает Толстого, Бирон борется с Остерманом и т. д. Однако при таком разъединении замечаем и попытки соединенных действий той или другой стороны. Тотчас после смерти Петра делами правят неродовитые русские люди: они добиваются того, что престол переходит к Екатерине, они занимают большинство видных мест в администрации и в Верховном совете. Виднее их всех временщик Меншиков. С воцарением Петра II первая роль достается мало-помалу старой знати, впереди которой идут временщики Долгорукие. После смерти Петра II, пользуясь удачным моментом, старая знать желает законом упрочить свое высокое государственное положение. Сознавая,

что на это положение она имеет некоторое право не только по личным талантам и случайной выслуге, но по происхождению и исторической традиции Москвы, знать подносит Анне «пункты», но терпит неудачу. При Анне ни знатные, ни простые сотрудники Петра не пользуются прежним значением: в систему возводится управление посредством иностранцев с временщиком Бироном во главе. Национальное неудовольствие прекращает эту систему: к делам становятся снова русские люди, но это уже не сотрудники Петра, а люди более поздней формации.

При такой смене придворных влияний борьба разных людей и направлений влияет на порядок престолонаследия. Современники уверяли, что Петр II вступил на престол отчасти благодаря влиянию Меншикова на Екатерину. Сама Екатерина взошла на престол по выбору придворной среды, Анна Иоанновна — точно так же. Завещание Екатерины, предрешавшее судьбу престола после бездетной смерти Петра, было отвергнуто в 1730 г. придворной знатью. Таким образом, судьба престола часто зависела от влияния временщиков.

Такой порядок вещей отражался, конечно, на общем ходе государственной жизни и имел такие последствия, какие были чужды петровскому времени. Прежде всего ряд дворцовых переворотов не совершался исключительно в сфере дворцовой жизни, но выходил, так сказать, за пределы дворца, совершался с участием гвардии и народа. Гвардейские полки не один раз являлись вершителями дворцовых дел и отношений. При воцарении Екатерины голос гвардейских офицеров и то обстоятельство, что гвардия повиновалась императрице, решили дело ее избрания. При Анне гвардейские офицеры первые заговорили о восстановлении самодержавия, и оно было восстановлено. Бирона свергли гвардейцы; гвардейцы же возвели Елизавету. Ни один переворот во дворце и государстве не совершался без участия гвардейских полков. И это было естественным, потому что гвардия была военной силой, ближайшей к правительству. Важность политической роли, какую могла играть гвардия, не была тайной ни для самих гвардейцев, ни для правительства, которое не бывало равнодушно к настроению гвардии: оно или ласкало гвардейцев (например, при имп. Екатерине), или не доверяло им и боялось их, как при Бироне, который думал даже реформировать гвардию, и при Анне Леопольдовне, когда гвардию хотели удалить из Петербурга от Елизаветы. Сами гвардейцы тоже понимали, что составляют политическую силу: они очень сознательно относились ко всем политическим переворотам и не скрывали своего отношения к ним. Когда господство немцев привело к регентству Бирона, гвардия явилась первой выразительницей народного негодования на то, что «отдали все государство регенту». Гвардейцы собирались «убрать регента и сообщников его» и действительно убрали, как только явился у них руководитель. Толки о Бироне шли без особой опаски: на улице один офицер

возбуждал солдат настолько явно, что это слышал из кареты министр Бестужев-Рюмин и должен был обнажить шпагу против офицера, чтобы заставить его замолчать. Другие офицеры безбоязненно являлись к вельможам (Черкасскому, Головкину) с протестами против регента. Недовольная правительницей гвардия с особенной настойчивостью показывала свою преданность Елизавете; офицеры и солдаты постоянно приходили к ней, не боясь того, что за каждым шагом Елизаветы следили; однажды гвардейцы толпой окружили цесаревну в Летнем саду со словами: «Матушка, мы все готовы и только ждем твоих приказаний, что наконец велишь нам». На это царевна могла отвечать лишь усиленной просьбой молчать и не губить ни себя, ни ее. В таком поведении гвардии сказывалось лучше всего сознание своей силы и значения.

Однако, наблюдая такую роль гвардейских полков, не следует думать, что Россия стала жертвой преторианства. Чтобы понять смысл и значение того положения, какое заняла гвардия после Петра, следует помнить ее состав. Гвардейские полки в большинстве своем состояли из людей дворянского класса; преимущественно в гвардии дворянство отбывало свою обязательную службу и наполняло ее ряды не только в качестве офицеров, но и рядовых. Все, что в гвардии было недворянского, дослуживалось до того же дворянства. Поэтому гвардия в первой половине XVIII в. была вполне отражением дворянства, частью его; она носила в себе интересы шляхетства и, стоя близко у дел, направляла самый класс; передавала дворянству свои впечатления и из дворянской провинциальной среды переносила в столицу пожелания своего класса. Гвардия, словом, не была оторванным от земства войском, а «заключала в себе лучших людей, которым дороги были интересы страны и народа; доказательством служит то, что все перевороты имели целью благо страны, производились по национальным побуждениям» (Соловьев). Гвардия явилась в переворотах не бестолковой военной вольницей, а частью русского общества, которая приобрела силу, потому что владела военной организацией.

Такие особенности состава и положения гвардии имели большие последствия. В силу того, что важное политическое значение приобрела часть шляхетства — гвардия, важное значение приобрело и все шляхетство. Награды, которые получала гвардия, в сущности бывали наградой всему шляхетству. Политическое значение гвардии передавалось всему дворянскому классу. Таково было одно последствие ненормального хода дел в центре государства.

Другое последствие его заключалось в том, что при частой смене правительств и «сил различных персон» не было твердой системы в управлении государством ни во внутренних, ни во внешних делах. Это приводит нас к обзору управления и политики России после Петра Великого.

Управление и политика с 1725 по 1741 год

Администрация и сословия. Мы видели при обзоре деятельности Петра Великого, что он создал сложную систему административных органов с идеей разделения власти административной и судебной. Эта система учреждений была объединена под контролем Сената и прокуратуры и в областном управлении допускала активное участие сословных представителей — дворянских (земских комиссаров) и городских (в магистратах). Мы видели также, что одной из самых важных забот Петра были народное хозяйство и государственные финансы.

Тотчас после смерти Петра начались некоторые перемены в управлении и в экономической политике правительства, отчасти нам уже знакомые. Перед памятью Петра благоговели, не желая отступать с пути, по которому он вел Россию; но вместе с тем не совсем берегли наследие Петра и изменяли в частях его работу, причем изменяли далеко не в его духе. Прежде всего отступили от системы Петра в устройстве центрального управления: по мыслям Петра, высшим учреждением должен был быть Сенат, посредством генерал-прокурора связанный с верховной властью. Но вместо Сената, как мы уже знаем, поставили Верховный тайный совет (1726—1730 гг.): этим свели Сенат на степень коллегии, а должность генерал-прокурора, «око государево», лишили того значения, какое придал ей Петр. Должность эта и совсем исчезла, как лишенная своего смысла. Восстановленный при Анне Иоанновне генерал-прокурор не получил прежнего значения, потому что не получил его и Сенат. Анна в 1730 г. уничтожила В. Т. Совет, восстановила права Сената, разделив Сенат на 5 департаментов; но вскоре над Сенатом поставила Кабинет, аналогичный по значению В. Т. Совету, и этим снова уронила значение Сената и генерал-прокурора. Таким образом верховный административный орган в системе Петра потерял свое место, уступив его другим учреждениям. Но эти новые учреждения не отличались прочностью и жили недолго. В них (в Верх. Тайн. Совете и Кабинете) собиралась та чиновная знать, «верховные господа министры», которая и при Петре часто распоряжалась Сенатом. Но при Петре приближенные к нему высшие административные лица не были организованы в учреждение и не имели того влияния, какое они получали при слабых представителях власти после Петра (женщинах и детях). Когда же у них явилось это влияние, они стремились сомкнуться в учреждение, не подчиненное общему правительственному контролю (Сенату и прокуратуре), напротив, сами взяли контроль в свои руки и управляли страной силой своих «персон», стоя над всей системой администрации. В 1730 г. они даже покусились править не только страной, но и самой властью. Попытка не удалась и повела к видоизменению того учреждения, которое ее совершало; но и при самодержавии персоны Верх. Тайн. Совета

и Кабинета, ниспровергнув административную систему Петра, направленную против произвола лиц, развили этот произвол. Ясный ум Н. И. Панина и тонкая наблюдательность его современницы, Екатерины II, подметили и строго осудили это зло, назревшее после Петра.

Потерпев существенное изменение в одном из своих оснований, административный порядок Петра терпел изменения и во многих частностях. Лица, управлявшие Россией после Петра, должны были считаться с теми же самыми делами, на которые всегда направлял энергию Петр,— с финансовыми и экономическими. Благосостояние народа много пострадало от войн петровского времени, да и ранее не было блестяще. Петр, как мы видели, не успел его поправить, хотя и достиг финансового успеха. Но и сам Петр нуждался в деньгах; после же него нужда не прекращалась, а искусства с ней справляться стало меньше. Перед правительством Екатерины I грозно стал вопрос о финансах и еще грознее — о расстройстве платежных сил народа. Многие сотрудники Екатерины считали экономическое положение государства не только трудным, но и опасным. В начале 1725 г. генерал-прокурор Ягужинский подал императрице записку о положении дел и в ней требовал немедленных мероприятий не только к «поправлению нынешнего в государстве состояния», но и к сохранению «целости» государства и народа. В 1726 г. Верх. Тайн. Совет рассуждал о положении дел финансовых и экономических весьма серьезно и не скрывал от себя трудного положения главного плательщика — крестьянина. Сознавая, что «когда крестьянина не будет, тогда не будет и солдата», т. е. падет сила государства, Верх. Тайн. Совет проектировал ряд мер для облегчения крестьян и других податных классов. Эти меры имели в виду: во-первых, непосредственное облегчение плательщиков (подушный оклад был прямо уменьшен), во-вторых — покрытие убытков от такого уменьшения подушных платежей иными средствами, в-третьих — сокращение правительственных расходов. Эти меры, будучи приведены в исполнение, внесли много нового в управление. В видах сокращения расхода признали нужным упростить сложную администрацию Петра. Уничтожили много ненужных «канцелярий» и контроль (но оказалось, что многие из них необходимо было возобновить). В областях уничтожили много должностей и соединили административную и судебную власти в лице губернаторов и воевод (1727 г.), что далеко не было успехом (принцип разделения властей был существенной заслугой петровской системы). Городовые магистраты подчинили, как и суд, тем же губернаторам и воеводам, что шло вразрез с сознательными стремлениями Петра, желавшего избавить горожан от административных злоупотреблений. Эти меры приняты были при Екатерине, а при Петре II уничтожен был и Главный Магистрат, ведавший городское самоуправление. Таким образом, упрощение петровской администрации сделано было с нарушением

начал, руководивших Петром. Управление не развивалось и не улучшалось; изменением разрушали его стройность, нарушали его начала, но не вносили ни новой системы, ни новых начал. Мы не можем считать руководящим началом тот факт, что новые мероприятия стесняли местное самоуправление и создавали в провинции бюрократическое управление...

Уменьшая расходы, думали о новых источниках доходов. Важными источниками признавались, как и при Петре, торговля и промышленность, развитие которых должно было обогащать казну путем косвенного обложения. Еще при Екатерине I были убеждены, что русские торговля и промышленность находятся в неудовлетворительном положении и что меры Петра иногда не только не содействовали, но даже мешали их развитию. Указывали в В. Т. Совете, например, на такие факты: Петр Великий запретил ткать узкие холсты, а велел ткать широкие, как это было за границей; запрещение Петра уничтожило, а не подняло ткацкий промысел, которым кормилось много крестьян, потому что крестьяне не могли завести широких ткацких станков; «разорились от этого крестьяне северные, у которых мало хлеба родится», а между тем «широкие холсты за море мало потребны, больше узкие требуются». Далее, Петр требовал чтобы внешняя морская торговля шла Балтийским морем, поэтому насильственно отвлекал товары от Архангельска к Петербургскому порту. После Петра увидели, что «к Архангельску провоз товаров дешевле был, чем к Петербургу», и поэтому нашли полезным «отворить порт Архангельский», закрытый Петром. Рассуждая о положении торговли и промыслов, правительство Екатерины видело, что торгово-промышленный класс тяготился правительственной оценкой, какую наложил на него Петр, и «воли требует». Для устройства этого дела была предложена при Екатерине и открыта при Петре II Комиссия о коммерции под председательством Остермана; она должна была руководиться и теми заявлениями, какие было дозволено подавать в Комиссию как отдельным купцам, так и целым городским обществам. Действуя продолжительное время, эта Комиссия выработала ряд торгово-промышленных мероприятий освободительного характера, если можно так выразиться: она высказалась против откупов, отдав многие предметы (табак, соль) «в вольную торговлю», и отменила ряд стеснений, тормозивших развитие того или другого вида промышленности, сняла многие пошлины. В таком характере деятельности комиссии заключалось прямое отступление от направления Петра, нарушение его покровительственной системы. Эта система была направлена более всего к тому, чтобы поставить на ноги национальную торговлю и дать ей силы конкурировать с иностранцами. Комиссия о коммерции не отказывалась, конечно, от этой цели, но не всегда имела ее в виду: например, в 1731 г., при водворении немецкого режима, она разрешила иноземцам свободную торговлю в России, что вряд ли нашло бы одобрение Петра Великого.

Так и управление, и экономическая политика Петра потерпели изменения при его преемниках. Эти изменения были вызваны экономическими и финансовыми затруднениями. Но все эти перемены не привели ни к какому успеху. Экономических затруднений не стало меньше. Из многих источников мы знаем, что ни финансы не могли быть приведены в равновесие, ни благосостояние народа не становилось заметнее. При Анне недоимки взыскивались с редкой настойчивостью. Оповещалось, что прощать их не будут, но все-таки приходилось прощать, и подушных денег только в 1730 и 1735 гг. было сложено с народа 4 млн. руб. У крестьянства не хватало средств нести податные тягости, от податей и рекрутства крестьяне бежали даже за границу (в Польшу) и, по словам Миниха, «многие провинции точно войною или моровым поветрием разорены». Тяжелые войны при Анне способствовали этому разорению податных классов и недобору прямой подати, которая составляла главную статью государственного дохода. Положение финансов при этих условиях не могло быть хорошим. Они недостаточны были для нужд управления и находились в беспорядке. Императрица Анна в одном из своих указов Сенату выразилась весьма резко, говоря, «что государственная казна растеряна и раскрадена». Правительство, не имея средств покрывать все расходы, уменьшало жалованье чиновников, сокращало даже траты на войско и флот. От этого армия пришла в упадок, как сознавали в Верх. Тайн. Совете, а относительно флота в 1731 г. говорили, что «флот погибает, едва 12 кораблей могут выйти в море». При общем неуспехе финансовой политики правительство, как мы уже заметили, не имело успеха в реформах управления. Учреждения Петра казались бесполезными; сокращая их, нарушали систему Петра, но упрощения и улучшения не достигали цели. Масса нерешенных дел, недостаток административных средств заставляли часто восстановлять уничтоженные учреждения и должности. Так, например, было в 1730 г., когда при вступлении на престол Анны Сенат представлял ей необходимость создания новых судебных и административных учреждений. Нарушая систему Петра при учреждении новых органов управления, не держались никакой системы, и это вносило хаос в порядок Петра; то восстановляемые, то уничтожаемые учреждения не могли окрепнуть и определиться, не были в состоянии выработать определенный порядок и сферу действий и уяснить свои отношения к другим учреждениям. Управление принимало характер беспорядочный, при котором, пользуясь словами Екатерины II, государственные места не имели «своих пределов и законов к соблюдению доброго во всем порядка».

Внеся эти изменения в систему управления, правительства, действовавшие после Петра Великого, внесли нечто новое и в положение сословий.

Прежде всего изменилось положение дворянства. Петр Великий крепко привязал дворянство к бессрочной государственной

службе и в государственных видах стеснил дворянское землевладение условиями закона о единонаследии 1714 г. После Петра, и особенно при императрице Анне, служебные обязанности шляхетства были несколько облегчены, и землевладельческие права увеличены. Таким образом, положение шляхетства улучшилось. Причина такого улучшения нами отчасти была уже указана: она заключалась в той роли, какую стали играть в столице гвардейские полки. Составляя военную силу, на которую должны были опираться правительства, сменявшиеся одно за другим, гвардия получала награды за верную службу; но гвардия была дворянством, поэтому и награды, получаемые ею, были, в сущности, наградами дворянству: они и давались не гвардии, а всему шляхетству. Награды заключались в уменьшении государственных повинностей и в увеличении землевладельческих прав. Однако, когда мы связываем улучшение дворянского быта с положением гвардии, мы не должны забывать, что облегчение государственной (военной) службы дворянства могло осуществиться только при тех условиях продолжительного мира, которые позволили России отдохнуть после войн Петра Великого и не требовали усиленной службы войск. Только по этой причине могло осуществиться облегчение государственных повинностей дворянства. Правда, оно совершилось как раз во время войн времени Анны, но эти войны далеко не так напрягали народные силы, как войны начала XVIII в. Они давали правительству смелость облегчить бремя дворянства даже до конца военных действий.

Облегчение дворянских повинностей и увеличение прав состояло в следующем: мы видели, что при вступлении на престол Анны дворянство подавало Верховному тайному совету проекты реформ; в этих проектах оно добивалось, между прочим, уничтожения закона о единонаследии, открытия для дворянства школы, из которой дворянин мог бы выходить прямо в офицеры, минуя солдатство, и ограничения дворянской службы 20-ю годами. Получив самодержавие из рук простого шляхетства, императрица Анна скоро его отблагодарила: она уничтожила закон Петра о единонаследии и дала свободу дворянам завещать как вотчины, так и поместья, причем законом уничтожила всякое различие между поместьями и вотчинами (указ 17 марта 1731 г.). Так дворянство получило в наследственную собственность массу земель, которые закон считал до тех пор государственными. Анна же начала раздачу государственных земель дворянству, прекращенную Петром, причем земля уже давалась прямо в полную собственность. Так выросли землевладельческие права дворянства; ниже увидим, что вырастала и власть над крестьянами в дворянских имениях. Облегчение государственной службы последовало немногим позже. Уже в июле 1731 г. императрица учредила так называемый «Сухопутный шляхетский корпус», военную школу для дворян в Петербурге. Одним из прав, какими пользовались воспитанники корпуса, было право производства

в офицеры, «не быв в солдатах, матросах и других нижних чинах». Но, давая права дворянству, императрица не сразу решилась установить какие-либо сроки для службы дворян взамен существовавшей бессрочной службы. Только манифестом 31 декабря 1736 г. этот срок был установлен. Было указано, что дворянин повинен служить государству 25 лет (сами дворяне просили 20-летний срок); один из братьев в семье освобождался от службы для управления семейным хозяйством; дворянин, выходивший в отставку из службы, должен был за свою отставку («абшид», как тогда говорили) поставить рекрута. Едва был обнародован этот желанный для дворянства манифест, как половина офицеров подала в отставки. Этим оправдывались опасения правительства, что дворянство перестанет служить, и действие манифеста тотчас поспешили приостановить, не давая отставок.

Действительно, дворянство не желало служить. Строгости Петра Великого хотя и держали шляхетскую массу на службе, но не могли все-таки до конца пресечь укрывательство от службы отдельных представителей шляхетства. После Петра это укрывательство растет благодаря упадку требовательности правительства. Всеми мерами дворяне уходят из службы: или просто не являются служить, надеясь на безнаказанность, или бегут от службы в отпуск, добывая его законными и незаконными путями. Вот почему правительство опасалось уменьшать служебные требования; оно боялось расстроить армию потерей офицерства и администрацию потерей чиновничества. Более развитые дворяне осуждали уклонение своей братии от службы и признавали необходимость принудительных мер; без них, думали они, «всяк захочет лежать в своем доме» (слова А. Волынского). Но масса дворянства желала стряхнуть с себя бремя службы и добивалась законодательных мер, облегчавших это бремя. Дворяне служебной карьере предпочитали сельскохозяйственную деятельность и неудержимо стремились из полков и канцелярий в свои деревни. «В дворянине-воине и царском слуге постепенно вырастал дворянин-помещик и обыватель уезда»,— говорит один исследователь (Романович-Славатинский, «Дворянство в России»). При Анне дворянству удалось сделать первые шаги от службы к хозяйству благодаря тем особым заслугам, какие оно оказало престолу.

Нельзя не заметить, что само правительство после Петра Великого поощряло и возбуждало своими мерами такие стремления в дворянстве. В 1727 г. оно поставило взыскать недоимки не с крестьян, а с их помещиков или с помещичьих приказчиков; а в 1731 г. эта временная мера обращена в постоянное правило: в регламенте Камер-коллегии постановлялось, что подушные деньги должны платить сами помещики, недоимки должно взыскивать с них же. В царствование Анны помещиков за недоимки их крестьян сажали в тюрьмы и разоряли. Таким образом на помещиков была возложена с большой строгостью ответствен-

ность за казенные платежи их крестьян. Понятно, что при таком условии помещик стремился жить и хозяйничать в деревне, чтобы следить за податной и всякой исправностью не только своего, но и крестьянского хозяйства. Понятно, что и само правительство смотрело на помещика как на свой административно-хозяйственный орган в областной жизни.

При таких взглядах и условиях развивалось, с одной стороны, стремление дворян в деревню, а с другой стороны, большее подчинение крестьян помещикам, ответственным за них перед казной.

Экономическое положение крестьянства при Екатерине и Петре II очень заботило правительство. Понимая, что податная исправность крестьянства зависит от экономического благосостояния его, заботились о подъеме этого благосостояния, следили за развитием земледелия и промыслов, охраняли крестьян от злоупотреблений администрации и суда. При немецком режиме времени Анны такой заботливости было меньше; главное внимание обратилось на подати и недоимки. Но и в целях финансовых, и в видах экономических во все царствования шел ряд мер, подчинявших крестьян помещикам и уменьшавших личные и имущественные права крестьян. Развивавшийся факт крепостного права влиял на его законодательное признание. При Петре Великом ревизия сравняла холопов с крестьянами, признав первых податным классом. Но житейская практика пользовалась этим сравнением для того, чтобы на крестьян перенести черты холопьей зависимости. Крестьянин в жизни превращался в холопа, хотя дух петровского законодательства желал холопа превратить в крестьянина, и совершалось это потому, что в законодательстве не было определений, предусматривавших такое явление. Напротив, люди стоявшие у власти и сами имевшие у себя крестьян, вносили в законодательство частные ограничения крестьянских прав и этим создавали в законе как бы противоречие. При малолетнем Петре II запрещено было свободное вступление в военную службу частновладельческих крестьян, а прежде это было дозволенным выходом из крепостной зависимости. В 1730 г. крестьянам было запрещено покупать недвижимые имения, а в 1734 г.— заводить суконные фабрики. В 1726 г. крестьяне были лишены права без разрешения помещика отправляться на промысел, в 1731 г. им было запрещено вступать в откупа и подряды. Помещики получили право переселять своих крестьян из уезда в уезд, т. е., иначе говоря, отрывать их от определенного места, к которому они были прикреплены по ревизии. Наконец, в податном отношении крестьяне были с 1731 г. совершенно подчинены помещикам, и помещики имели право в случае неповиновения крестьян требовать содействия властей. Все эти постановления еще не установляли полного бесправия крестьян, но были шагом к потере крестьянами гражданской личности. Они ограничивали и личные, и имущественные права крестьян, но

в них еще не видно отрицания гражданской личности крестьянина вообще.

Такое отрицание впервые мелькнуло в манифесте о вступлении на престол Елизаветы: в нем крестьяне были исключены из присяги на верноподданство. Казалось поэтому, что новое правительство уже не считает их гражданами государства. Действительно, при Елизавете крепостное право развивалось очень быстро: но и при ней, как увидим, закон еще не считал крестьян рабами. Манифест 25 ноября 1741 г. поэтому есть скорее обмолвка, чем сознательное выражение известного принципа.

Так изменилось положение главных сословий Петра: дворянство облегчало свои служебные тяжести и увеличивало землевладельческие права, словом, выигрывало; крестьянство, не изменяя качества и размера своих повинностей, теряло свои права и перед государством, и перед помещиком, словом — проигрывало. И у дворянства, и у крестьянства терялось то равновесие прав и обязанностей, которое до некоторой степени было установлено Петром Великим.

Внешняя политика. Международное положение России, созданное Петром Великим, было очень хорошо. Преследуя вековые задачи России с редким историческим чутьем, Петр достиг важных успехов: 1) приобрел Балтийское море — на западе, 2) прочно поставил русское влияние в Польше — на юго-западе, 3) явился грозным врагом Турции — на юге. При Петре Россия стала первоклассной державой в Европе, в делах Западной Европы ее голос пользовался большим значением. Но Петр не принял на себя никаких обязательств перед западноевропейскими державами и мало вмешивался в местные и частные вопросы западноевропейской политической жизни. Вместе с тем Петр установил прекрасные отношения с Австрией и Пруссией, т. е. теми державами, с которыми у России были общие интересы по отношению к Турции, Польше и Швеции.

После Петра I, при Екатерине и Петре II, продолжали действовать, как действовал Петр, потому что не хотели начинать ничего нового. При Екатерине борьба за Испанию продолжалась на западе Европы; против Австрии образовался союз Франции, Англии и Пруссии. Зная Россию как давнишнего друга Австрии, эти три державы старались всеми силами разъединить ее с австрийцами и не успели. Русское правительство вступило в формальный союз с Австрией, ибо желало ее помощи в своих отношениях к Турции. При Екатерине боялись войны, но в Европе ее не было,— и русским приходилось только вести вялую войну на персидских границах, потому что мир, заключенный Петром, оказался непрочным.

При Петре II снова вышел на сцену вопрос о разделе Польши, который существовал уже при Петре Великом. Пруссия и Австрия хотели этого раздела. Но Россия и при первом, и при втором императоре не относилась сочувственно к этому плану уничтожения Речи Посполитой. Напротив, Россия вступила в договор

с Пруссией относительно того, чтобы действовать согласно при замещении польского престола после смерти короля Августа II.

До вступления на престол Анны, как мы видим, русская политика не выходила резко из программы Петра Великого. Если не было уже искусства Петра, если и случались ошибки, если не всегда вспоминали о тактике Петра, то не вносили ничего постороннего и нового, бессознательно шли по дороге, проторенной Петром, и, не думая о подражании Петру, в сущности, подражали ему. Совершенно напротив, при императрице Анне заявляли, что желают следовать примерам Великого Петра, и, в сущности, сознательно отступали от его программы и бессознательно грешили против нее. Прежде всего отказались от плана Петра завести торговлю с Азией и отдали обратно Персии (в 1732 г.) все те земли, которые были завоеваны у нее на берегах Каспийского моря. Эту меру приписывали тому, что прикаспийский климат губил понапрасну русские войска; но все-таки неловкость потери того, что было завоевано Петром Великим, чувствовалась всеми. В 1733 г. умер польский король, и кандидатами на польский престол выступили сын покойного Августа II, курфюрст Саксонский, и знакомый нам в эпоху Петра Станислав Лещинский. Первого поддерживали Австрия и Россия, второго — враждебная Австрии Франция. Когда на выборах Лещинский одержал верх, то Россия силой оружия решила действовать против него. Лещинский заперся в Данциге и был осажден русскими. Он держался $4^1/_2$ месяца сперва против генерала Ласси, потом против Миниха. Осада Данцига тянулась благодаря ряду военных ошибок русских, в которых нельзя, конечно, видеть подражания военным приемам Петра. Только рядом тяжелых жертв добилась Россия того, что Лещинский бежал и королем стал Август III. Немного спустя Россия приступила к войне с Турцией (1735—1739) из-за набегов крымцев на русские границы. Повод к войне ее не оправдывал. Сами современники, близкие к делам, свидетельствуют, что в Петербурге желали легкой войны для того, чтобы армию и всю нацию занять чем-нибудь и доказать, что желают следовать правилам Петра. В самом же деле война без достаточной необходимости была вопиющим противоречием правилам Петра, а этой войны с Турцией можно было в данном случае избежать. Войну вели в союзе с Австрией, и в то же время, когда австрийцы терпели ряд неудач, русские имели успех. Миних, честолюбию которого приписывают эту войну, прямо из Польши перешел на турецкие границы и, действуя вместе с Ласси, опустошил Крым, взял Очаков и Хотин, перешел Прут, разбил турок около Хотина при Ставучанах и хотел перейти Дунай. Ласси взял Азов. Но блестящие походы и победы стоили России 100 000 человек солдат. Белградский мир 1739 г. был невыгоден для Австрии и не дал положительных выгод и России. Россия приобрела часть степи между северным Донцом и Бугом и обязала турок срыть Азов — результат ничтожный. Во время

этой войны в 1737 г. русские войска, после прекращения в Курляндском герцогстве династии Кетлеров, силой возвели на курляндский престол фаворита Анны — Бирона. Иными словами, Курляндия, подчиненная русскому влиянию, была отдана человеку, ничего общего не имевшему с интересами России,— поступок совсем чуждый духу петровской политики.

Так, желая подражать Петру, политика Анны далеко отошла от его приемов и целей. Причина этому лежит в коренном факте времени Анны — в господстве иноземцев. Русская дипломатия, как основательно доказывают ее историки, перестала при Анне быть чисто национальной: ряды дипломатов пополняются иностранцами, и преимущественно остзейцами (гр. Кейзерлинг, барон Корф и др.),— людьми, не знакомыми ни с историей России, ни с ее потребностями. Иностранцы-дипломаты были и при Петре (Остерман, Брюс), но их таланты служили русским интересам, потому что направлялись самим Петром и русскими людьми, стоявшими во главе всей дипломатии (Головиным и Головкиным). Во время же Анны всю внешнюю политику России вели Остерман, Бирон и Миних, руководясь не всегда пользами государства и выбирая сотрудников не из русских людей.

В кратковременное царствование Иоанна Антоновича эта политика случайных людей дала уже свои плоды, привела Россию к ряду затруднений, вышедших не из обстоятельств существенных для России, а только из ошибок той близорукой политики случайностей, какая господствовала при русском дворе. Еще при императрице Анне Россия обязалась поддерживать «прагматическую санкцию» Карла VI, по которой все владения Габсбургов должны были перейти к его дочери Марии Терезии, по мужу герцогине Лотарингской. Это обязательство было навязано России личным влиянием Бирона; но оно могло еще оправдываться постоянными мирными отношениями Габсбургов и русских государей и общими интересами, какие были у России и Австрии в отношении Польши и Турции. Но интересы государств не зависели от судеб австрийской династии, и Россия не имела непременной надобности гарантировать династические интересы, чтобы сохранить в Австрии политическую союзницу. Австрия и без того была всегда естественной политической союзницей России. У Москвы и Вены были с давних пор одинаковые враги — на юге турки, а в Средней Европе Польша,— и поэтому они действовали всегда вместе, независимо от того, кто сидел на престоле в Вене и в Москве, и кто бы ни был в Вене правителем, содействие ее в польском и турецком вопросах для нас было во всяком случае обеспечено.

Но как бы то ни было, обязательства перед Габсбургами были приняты, и это поставило против России Францию, исконного врага Габсбургов. Чтобы отвлечь внимание России от среднеевропейских дел, Франция не без участия других дворов агитировала в Швеции против России. За обязательство перед Габсбур-

гами пришлось поплатиться страхом перед Швецией. Несмотря на то что война со слабой Швецией не могла быть опасна для России, в России боялись войны; благодаря влиянию Миниха сблизились с другим врагом Габсбургов и шведов — с Фридрихом II Прусским и таким образом оказались одновременно в союзе с двумя врагами — Австрией и Пруссией. Оборонительный союз с Пруссией против шведов был близоруким шагом, потому что связал России руки, когда Пруссия начала с Австрией войну за Силезию. Этот союз принес пользу Фридриху и большой вред России; она потеряла влияние на австрийские дела и все же не избавилась от шведской войны. Летом 1741 г. шведы объявили России войну, во время которой Елизавета вступила на престол. Мы уже видели, что и самый переворот в России совершился с участием французской дипломатии. Так, ряд ошибок: потеря влияния в Европе, ничем не вызванная война со Швецией и внутренний переворот — явились результатом близорукой политики русских немцев. Эта политика имела одно хорошее следствие: она ускорила падение этих немцев.

Время Елизаветы Петровны (1741—1761)

Общая оценка эпохи. Приступая к изучению весьма любопытного времени Елизаветы Петровны, мы прежде всего наведем небольшую историческую справку. Значение времени Елизаветы оценивалось и до сих пор оценивается различно. Елизавета пользовалась большой популярностью; но были люди, и весьма умные люди, современники Елизаветы, которые с осуждением вспоминали ее время и ее порядки. Таковы, например, Екатерина II и Н. И. Панин; и вообще, если взять в руки старые мемуары, касающиеся этой эпохи, то найдешь в них почти всегда некоторую насмешку по отношению ко времени Елизаветы. К деятельности ее относились с улыбкой. И такой взгляд на эпоху Елизаветы был в большой моде; в этом отношении задавала тон сама Екатерина II, к которой вскоре после смерти Елизаветы перешла власть, а просвещенной императрице вторили и другие. Так, Н. И. Панин про царствование Елизаветы писал: «Сей эпок заслуживает особливое примечание: в нем все было жертвовано настоящему времени, хотениям припадочных людей и всяким посторонним малым приключениям в делах». Панин, очевидно, плохо помнил то, что было до Елизаветы, потому что его характеристика может относиться и к эпохе временщиков, «припадочных людей» 1725—1741 гг. Если захотим верить Панину, то мы должны отозваться о времени Елизаветы как о времени темном и одинаковом с предыдущими временами. Точка зрения Панина перешла и в нашу историческую литературу. В труде С. В. Ешевского («Очерк царствования Елизаветы Петровны»)

находим, например, такие слова: «С тех пор (с Петра Великого) до самой Екатерины Великой русская история сводится к истории частных лиц, отважных или хитрых временщиков, и истории борьбы известных партий, придворных интриг и трагических катастроф» (Соч., II, 366). Эта оценка (несправедливая вообще) за царствованием Елизаветы не признает никакого исторического значения. По мнению Ешевского, время Елизаветы такое же время непонимания задач России и реформы Петра, как и эпоха временщиков и немецкого режима. «Смысл реформы начинает снова открываться только при Екатерине II»,— говорит он (Соч., II, 373). Так дело обстояло до С. М. Соловьева. Соловьев был отлично обставлен документами и хорошо ознакомился с делами архивов елизаветинского времени. Изученный им громадный материал совместно с Полным собранием законов привел его к иному убеждению. Соловьев, если искать точного слова, «полюбил» эту эпоху и писал о ней с сочувствием. Он твердо помнил, что русское общество почитало Елизавету, что она была очень популярной государыней. Главной заслугой Елизаветы считал он свержение немецкого режима, систематическое покровительство всему национальному и гуманность: при таком направлении правительства Елизаветы много полезных частностей вошло в русскую жизнь, успокоило ее и позволило разобраться в делах; национальные «правила и привычки» воспитали при Елизавете целый ряд новых деятелей, составивших славу Екатерины II. Время Елизаветы подготовило многое для блестящей деятельности Екатерины и внутри, и вне России. Таким образом, историческое значение времени Елизаветы определяется, по мнению Соловьева, его подготовительной ролью по отношению к следующей эпохе, а историческая заслуга Елизаветы состоит в национальности ее направления («Ист. Росс.», XXIV).

Нет никакого сомнения в том, что последняя точка зрения более справедлива, чем враждебные Елизавете взгляды. Возвращение Елизаветы к национальной политике и внутри, и вне России в связи с мягкостью приемов ее правительства сделало ее очень популярной государыней в глазах современников и дало ее царствованию иной исторический смысл в сравнении с темным временем предшествовавших правлений. Мирные наклонности правительства во внешней политике, гуманное направление во внутренней — симпатичными чертами обрисовали царствование Елизаветы и повлияли на нравы русского общества, подготовив его к деятельности екатерининского времени.

Благоговея пред памятью Петра Великого и спеша вернуть Россию к его порядкам, Елизавета тем самым готовила почву для лучшего понимания и продолжения преобразовательной деятельности Петра и действительно являлась предшественницей Екатерины II. Но, признавая такое историческое значение за временем Елизаветы, мы, однако, не должны преувеличивать его. Мы увидим, что при Елизавете, как и раньше, много значили

«припадочные люди», т. е. фавориты; делами управляла «сила персон», к порядкам Петра Великого вернулись далеко не вполне; в управлении государством не было определенной программы, а программа Петра Великого не всегда соблюдалась и не развивалась. Идеи Елизаветы (национальные и гуманные) вообще выше ее деятельности (несистематической и малосодержательной), и историческое значение времени Елизаветы основывается именно на этих идеях. Причины всех особенностей правления Елизаветы заключались, во-первых, в той обстановке, какую Елизавета получила от своих предшественников, вступая на престол (эту обстановку мы уже знаем), а во-вторых, в свойствах самой Елизаветы и ее сотрудников. Ознакомимся с главными деятелями времени Елизаветы.

Деятели времени Елизаветы. Что касается до самой императрицы, то ее судьба и личность нам уже несколько известны. На престол вступила она 32-летней женщиной после нескольких лет тяжелой жизни. Характер ее сформировался окончательно, вкусы и взгляды определились. По своему образованию и характеру Елизавета не могла стать во главе государства активным его правителем. Неподготовленность к делам заставляла ее управлять с помощью доверенных лиц. Современники иногда обвиняли Елизавету в чудовищной лени и беспечности в самых серьезных делах. Позднейшие исследователи не всегда верят этому обвинению: медленность, с которой императрица осуществляла свои решения, они объясняют не беспечностью и ленью, а той осторожностью и сдержанностью, с какой Елизавета отыскивала наилучший исход при разноречивых советах и всевозможных влияниях; когда же ее решение созревало, императрица не ленилась его осуществить и тотчас же скрепляла бумагу неизменной подписью — «Елисавет». Во всяком случае в государственных делах императрица, давая общий тон правительству, не вмешивалась деятельно в частности управления и предоставляла их своим сотрудникам. В частном быту Елизавета была чисто русским человеком, любила повеселиться, хорошо покушать и распустила придворных настолько, что хроника ее дворца была не беднее анекдотами, интригами и сплетнями, чем предыдущее время, несмотря на большую крутость Елизаветы, способной сильно вспыхнуть и строго взыскать.

Вполне понятно, что ближайшими сотрудниками Елизаветы и главными государственными деятелями стали в большинстве случаев те люди, которые окружали Елизавету до вступления на престол и в трудное для нее время, при Анне, служили ей верную службу. Нужно, впрочем, отдать справедливость Елизавете в том, что, устраняя немцев, она не гнала тех русских, которые играли видную роль при немецком господстве. Так, рядом со старыми слугами Елизаветы — Разумовскими, Воронцовыми, Шуваловыми — стали у дел и люди старого правительства — Бестужев-Рюмин, Черкасский и Трубецкой. В рядах дипломатов

даже остались немцы: Кейзерлинг — посланник в Вене и Варшаве, Корф — в Копенгагене, Гросс — в Гааге.

Изо всех деятелей самым близким к императрице был Алексей Григорьевич Разумовский, о котором предание говорит, что он был негласно обвенчан с Елизаветой. Бедный малороссийский казачонок, он пас деревенское стадо и имел прекрасный голос. Благодаря последнему обстоятельству он попал в придворные певчие и был взят ко дворцу цесаревны Елизаветы. Привязанность Елизаветы к Разумовскому была очень крепка: она продолжалась до ее смерти, и Разумовский неизменно оставался одним из самых влиятельных людей в России. Он стал кавалером всех русских орденов и генерал-фельдмаршалом и был возведен в графы Римской империи. Он был очень властен, даже жил во дворце, но, отличаясь честным, благодушным и ленивым характером, мало влиял на государственное управление, постоянно уклоняясь от правительственных дел, делал много добра в Малороссии и России и по своим вкусам и привычкам оставался больше простым малороссом, чем русским вельможей. В истории русского двора он — замечательная личность, в истории государства — вовсе незаметный деятель.

Высокое положение Алексея Разумовского подняло и его брата Кирилла: 15-ти лет от роду, в 1743 г., Кирилл был «инкогнито» отправлен за границу учиться под присмотром адъюнкта Академии наук Г. Н. Теплова и получил там чисто аристократическое воспитание; 16-ти лет он был уже графом Римской империи, 18-ти — президентом Академии наук, 22-х — генерал-фельдмаршалом и гетманом Малороссии. Для него в 1750 г. и было восстановлено гетманство, не существовавшее с 1734 г. Характером этот баловень счастья пошел в старшего брата, и если более брата заметен был в государственной деятельности, то благодаря лишь своему образованию. Он был человеком честным и порядочным, но пассивным и, занимая высокие должности, к влиянию не стремился.

Гораздо более Разумовского влиял на дела Петр Иванович Шувалов, сперва камер-юнкер Елизаветы, затем сенатор, конференц-министр, генерал-фельдцехмейстер (т. е. начальник артиллерии) и управитель многих иных ведомств. Занимая массу должностей, П. Шувалов был в то же время крупным промышленником и откупщиком. И в сфере управления, и в хозяйственных делах он проявил большие способности и в то же время сильное стремление к наживе и крайнее честолюбие. Властолюбивый интриган и нечестный стяжатель затмевали в нем государственного деятеля. Своим государственным влиянием он пользовался для личных целей. Он выхлопотал себе вредную для русской промышленности монополию на рыбный промысел в Белом и Каспийском морях; захватил на откуп Гороблагодатские железные заводы и массу иных откупных статей; являясь крупнейшим промышленником и торговцем в государстве, добился

важной отмены внутренних таможенных пошлин для личных выгод. При дворе он крепко держался благодаря влиянию жены (Мавры Егоровны, рожд. Шепелевой, ближайшей фрейлины Елизаветы), а отчасти и по собственному уму и ловкости. Лицемерный и умевший примениться ко всяким обстоятельствам, он являлся страшным для всех человеком и по своему влиянию, и по своей мстительности. Один только Алексей Разумовский, говорят, безбоязненно и безнаказанно бивал его иногда батожьем под веселую руку на охоте. Вообще П. И. Шувалов был человек без принципов, без морали и представлял собой темное лицо царствования Елизаветы. Он был настолько ненавидим народом, что петербургская толпа на его похоронах не удержалась от враждебной демонстрации.

Совершенную противоположность ему представлял Ив. Ив. Шувалов, заметная личность в истории русской образованности. Его всегда видели с книгой в руках, он учился для знаний, потому что любил их; наука выработала в нем определенное нравственное мировоззрение и сделала одним из первых пионеров просвещения в России. Он поддерживал русскую науку, как мог (вспомним его переписку с Ломоносовым), основал первый в России Московский университет и при нем две гимназии. Будучи камергером и большим любимцем Елизаветы, И. И. Шувалов не стремился, однако, к государственной и политической деятельности и оставался меценатом и куратором Московского университета; на нем не лежит ни одного пятна — напротив, это была личность замечательно привлекательная, представитель гуманности и образованности, лучший продукт петровских культурных преобразований и украшение елизаветинской эпохи. Третий Шувалов — Александр Иванович, хотя и очень быстро сделал свою карьеру, но не проявил ни особенного ума, ни особых способностей. Он был начальником Тайной канцелярии, которая при Елизавете почти бездействовала, почему был незаметен и ее начальник.

Внешней политикой при Елизавете управляли три государственных канцлера: князь Алексей Михайлович Черкасский, граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин и граф Михаил Илларионович Воронцов. Первый был совершенно неспособный и недалекий человек, сделавший свою карьеру той ролью, какую случайно сыграл при восстановлении самодержавия Анны. О его личности и неспособности ходили анекдоты: он был очень нерешителен, самую простую бумагу, требовавшую подписи, прочитывал по нескольку раз, брал перо, чтобы ее подписать, и оставлял его, и в конце концов бумага не получала подписи, ибо кн. Черкасский ее боялся. Значение его было ничтожно и в делах, и при дворе. Он умер в начале царствования Елизаветы (1742 г.), так что о нем мало приходится упоминать в обзоре ее царствования.

Внешнюю политику Елизаветы определил своим направлением преемник Черкасского — А. П. Бестужев-Рюмин, стоявший во

главе русской дипломатии с 1742 по 1757 г. Это был человек времени Петра Великого, бесспорно умный и способный, по тому времени удивительно образованный и, что называется, на все руки. По натуре он был великий практик, что же касается моральной его физиономии, то она не совсем ясна, и о ней есть несколько мнений. Некоторые полагают, что он был очень честен. Несмотря на то что он по службе принимал подарки, подкупить его было невозможно. Когда Фридрих II задумал дать ему подарок (узнав, что Бестужев берет таковые от Австрии), то убедился, что прусскими деньгами нельзя ни задобрить, ни купить Бестужева. Он был несомненно истинным патриотом и ни за что не поддался бы в сторону Пруссии, которую считал опасным соседом. Еще в 1708 г. он был отправлен Петром учиться за границу и приобрел там солидное, разностороннее образование: был химиком, медиком и дипломатом. С 1712 г. он был на дипломатической службе при разных дворах, жил в Германии, Англии, Дании, Голландии и хорошо ознакомился с положением политических дел в Европе. Он сознательно относился к политической системе Петра Великого и в то же время усвоил основной принцип всех держав той эпохи — стремление к политическому равновесию. Его дипломатической программой и стала, с одной стороны, охрана системы Петра Великого, с другой — заботы о поддержании равновесия. Служебная карьера ему долго не удавалась. После Петра он был в немилости, и только приверженность к Бирону выдвинула его, как мы видели, в 1740 г. на должность кабинет-министра. Он снова, однако, пал при свержении Бирона и выдвинулся вполне только при Елизавете.

На Бестужева как на политического деятеля смотрят различно. Одни в нем видят деятеля без программы, другие, напротив, находят в Бестужеве удачного ученика Петра и здравого политика. Соловьев («История России», т. XX—XXIV) и Феоктистов («Отношения России к Пруссии в царствование Елизаветы Петровны») основательно признают за Бестужевым крупные дипломатические достоинства. Выдающимся дипломатом считает его и Е. Н. Щепкин («Русско-австрийский союз»). Принято думать, что Бестужев держался традиции Петра Великого. «Союзников не покидать,— говорил он о своей системе,— а оные (союзники) суть: морские державы Англия и Голландия, которых Петр I всегда наблюдать старался; король польский яко курфюрст саксонский, королева венгерская по положению их земель, которыя натуральный с Российскою империею союз имеют; сия система — система Петра Великаго». Союз с Австрией («с королевой венгерской»), который был с Петра как бы традицией всей русской дипломатии, поддерживался усердно и Бестужевым и привел к вражде с Францией (пока она враждебна Австрии) и с Пруссией. Французское влияние сперва было сильно при дворе Елизаветы; Бестужев постарался его уничтожить и после упорной интриги добился высылки из России знакомого нам

Шетарди и ссылки Лестока, его агента (1748). Прусскому королю Фридриху II он был ярым врагом и приготовлял Семилетнюю войну, потому что считал его не только злым противником Австрии, но и опасным нарушителем европейского равновесия. Фридрих звал Бестужева «cet enragé chancelier», позднейшие исследователи называют его одним из наиболее мудрых и энергичных представителей национальной политики в России и ставят ему в большую заслугу именно то, что его трудами сокращены были силы «скоропостижного прусского короля». Заслуги Бестужева неоспоримы, преданность его традициям Петра также; но при оценке Бестужева историк может заметить, что традиции Петра хранил он не во всем их объеме. Петр решал исконные задачи национальной политики, побеждал вековых врагов и брал у них то, в чем веками нуждалась Русь. Для достижения вековых задач он старался добыть себе верных друзей и союзников в Европе; но дела Европы сами по себе мало трогали его; про европейские державы он говаривал: «Оне имеют нужду во мне, а не я в них» — в том смысле, что счеты западных держав между собой не затрагивали русских интересов и Россия могла не вступаться в них, тогда как в Европе желали пользоваться силами России — каждая страна в своих интересах. Мы видели, что Петр не успел решить ни турецкого, ни польского вопроса и завещал их преемникам: он не успел определить своих отношений и к некоторым европейским державам, например к Англии. Традиция, завещенная Петром, заключалась, таким образом, в завершении вековой борьбы с национальными врагами и в создании прочных союзов в Западной Европе, которые способствовали бы этому завершению. Политика Бестужева не вела Россию по стопам Петра в первом отношении. Турецкий и польский вопросы решены были позже Екатериной II. Бестужев заботился только об установлении должных отношений России к Западу и здесь действительно подражал программе Петра, хотя, быть может, слишком увлекался задачей общеевропейского политического равновесия, больше, чем того требовал здравый эгоизм России.

После Бестужева, попавшего в опалу в 1757 г., его место занял граф Михаил Илларионович Воронцов, бывший ранее камер-юнкером Елизаветы. Еще в 1744 г. он был сделан вице-канцлером, но при Бестужеве имел мало значения. Трудолюбивый и честный человек, он, однако, не обладал ни образованием, ни характером, ни опытностью Бестужева. Получив в свои руки политику России во время войны с Пруссией, он не внес в нее ничего своего, был доступен влияниям со стороны и не мог так стойко, как Бестужев, держаться своих взглядов. При Елизавете он вел войну с Пруссией, при Петре III готов был к союзу с ней и при Екатерине II снова был близок к разрыву.

Если мы еще помянем князя Никиту Юрьевича Трубецкого, бывшего генерал-прокурором, человека двуличного и не без способностей, и уже известного нам Лестока, служившего

проводником французского влияния при дворе Елизаветы в первые годы царствования, то перечень государственных деятелей и влиятельных лиц елизаветинского времени будет закончен. Всматриваясь в социальный состав и личные особенности правящего круга при Елизавете, мы можем сделать не лишенные значения выводы.

Кроме князя Черкасского, мало жившего в царствование Елизаветы, и князя Трубецкого, пользовавшегося только административным значением, все придворные влиятельные лица происходили из простого дворянского круга. В придворную и государственную среду они принесли с собой pia desideria дворянства и высказывали их открыто. До нас дошло, например, известие о том, что Воронцов (Роман, брат Михаила Илларионовича) твердил наследнику престола Петру Федоровичу о необходимости уничтожить обязательность дворянской службы. Естественно думать, что раз у власти стали люди из простого дворянства, они постараются не только высказывать желания своего круга, но и провести их в жизнь, тем более что сама императрица взошла на трон при восторженном сочувствии войска, состоявшего из таких же дворян, и была склонна вознаграждать их преданность. При разборе внутренней деятельности правительства Елизаветы мы увидим, что действительно в законодательстве проявился ряд мер, проведенных прямо в интересах дворянского класса.

С другой стороны, круг лиц, действовавших при Елизавете, чрезвычайно разнообразен по личным качествам, способностям, даже по возрасту деятелей. Рядом с петровским дельцом Бестужевым видим человека, воспитавшегося в эпоху временщиков (Трубецкого), и юношу, только при Елизавете вступившего в жизнь (Кирилл Разумовский). Понятно, как различны должны были быть у них привычки, взгляды и приемы. Различие еще усиливалось личными особенностями: Бестужев был образованный практик, Иван Иванович Шувалов — образованный теоретик, Петр Иванович Шувалов — малообразованный и себялюбивый корыстный делец, Алексей Разумовский — необразованный и бескорыстный человек. Нет ни одной внутренней черты, которая бы позволила характеризовать их всех одинаково с какой бы то ни было стороны. При этом и жили они очень несогласно, постоянно ссорясь друг с другом. При Елизавете было много интриг. Петр Великий умел объединять своих сотрудников, лично руководя ими. Елизавета же не могла это сделать; она менее всего годилась в руководительницы и объединительницы. Лаской и гневом она умела тушить ссоры и устранять столкновения, но объединить не могла никого, несмотря на то что не была лишена ума и хорошо понимала людей. Она могла иногда подгонять лиц, ее окружавших, но управлять ими не могла. Не было объединителя и среди ее помощников. Понятно, что такая среда не могла внести в управление государством руководящей программы и единства действий; не могла подняться выше, быть

может, прекрасных, но, по существу, частных государственных мер. Так и было. Историк может отметить при Елизавете только национальность общего направления и гуманность правительственных мер (черты, внесенные самой Елизаветой), а затем ему приходится изучать любопытные, но отдельные факты.

Управление и политика времени Елизаветы

Внутренняя деятельность. Ее главный факт — перемены в *положении сословий:* дворянства и крестьянства.

Вступая на престол с желанием возвратить Россию к порядкам Петра Великого, Елизавета не достигла этого прежде всего в своем законодательстве о сословиях. Мы видели, что после Петра, ко времени Елизаветы, дворянство изменило к лучшему условия своего быта; оно облегчило свои повинности государству, успело снять те стеснения, какие лежали на его имущественных правах, и получило большую, чем прежде, власть над крестьянами. При Елизавете успехи дворянства продолжались и в сфере его имущественных прав, и в отношении к крестьянам. Только долгосрочная обязательная служба осталась неизменной.

В 1746 г. последовал замечательный указ Елизаветы, запрещавший кому бы то ни было, кроме дворян, покупать «людей и крестьян без земель и с землями». Межевой инструкцией 1754 г. и указом 1758 г. было подтверждено это запрещение и предписано, чтобы лица, не имеющие права владеть населенными землями, продали их в определенный срок. Таким образом, одно дворянство могло иметь крестьян и «недвижимые имения» (термин, сменивший в законодательстве старые слова — вотчина и поместье). Это старое право, будучи присвоено одному сословию, превращалось теперь в сословную привилегию, резкой чертой отделяло привилегированного дворянина от людей низших классов. Даровав эту привилегию дворянству, правительство Елизаветы, естественно, стало заботиться, чтобы привилегированным положением пользовались лица только по праву и заслуженно. Отсюда ряд правительственных забот о том, чтобы определить яснее и замкнуть дворянский класс.

И в XVII в., и в начале XVIII в., когда дворянство отличалось от прочих классов только обязанностью службы и условным правом личного землевладения, дворяне не дорожили своим положением и скрывались от службы переходом в низший класс, даже в холопы. В свою очередь, и правительство, нуждаясь в служебных силах, легко принимало, или, как тогда выражались, «верстало» различных людей в дворянство. Петр своей Табелью о рангах открыл широкий доступ в ряды дворян всем людям, дослужившимся до обер-офицерского чина. Но только люди, дослужившиеся до первых восьми рангов или чинов, причислялись к «лучшему», «старшему», т. е. потомственному дворянству; прочие состояли в дворянстве личном. С течением времени

чем лучше становилось положение дворянства и чем более знакомились дворяне с западноевропейскими правами и понятиями, тем более в дворянстве формировалось чувство сословной чести. Явилось понятие о том, что прилично и что неприлично дворянину. Волынский, известный уже нам, не хотел «связываться с бездельниками» по одному делу, потому что делать это, по его словам, не было «и последнему дворянину прилично и честно». Бедные дворяне, служившие рядовыми, плакались на то, что в таком положении они «уже все свои шляхетные поступки теряют».

Это чувство шляхетской чести было не чувством личного достоинства, а чувством сословным, и находило признание в правительственных кругах. В 1730 г. В. Т. Совет обещал шляхетству «содержать его в надлежащем почтении и консидерации, как и в прочих европейских государствах». При Елизавете это обещание до некоторой степени переходило в дело. Рядом с созданием сословной привилегии идет забота отделить дворянство от остальных низших слоев населения путем его обособления, недопущением в дворянство демократических элементов.

Таким пришлым элементом было дворянство личное, т. е. те люди, которые своей службой приобрели личные права дворянства. Указами Елизаветы это личное дворянство лишено было права покупать людей и земли. Сенат в 1758 и 1760 гг. постановил о личных дворянах: «Так как дети их не дворяне, то не могут иметь и покупать деревни»; «недворяне, произведенные по статской службе в обер-офицеры, не могут считаться в дворянстве и не могут иметь за собою деревень». Так пресекалась возможность для личного дворянства пользоваться льготами потомственного дворянского класса. Дворяне по роду становились отдельно от дворян по службе. Но из среды дворянства, пользовавшегося всеми правами и льготами, правительство стремилось вывести всех тех людей, дворянское происхождение которых было сомнительно. Дворянином стали считать только того, кто мог доказать свое дворянство. С 1756 г. рядом постановлений Сенат определил, что в дворянские списки могут быть вносимы только лица, доказавшие свое дворянское происхождение. При этом определен был и самый порядок такого доказательства. Очищая этим путем дворянство от случайных примесей, правительство желало вместе с тем удержать в дворянстве те обедневшие роды, которые сошли в разряд однодворцев, и не приказывало смешивать их с прочей массой однодворцев.

Всеми указанными мерами времени Елизаветы дворянство из класса, отличительным признаком которого служили государственные повинности, стало превращаться в класс, отличием которого делались особые исключительные права: владение землей и людьми. Иначе говоря, дворянство становилось привилегированным сословием в государстве, наследственным и замкнутым.

Это был очень важный шаг в историческом развитии русского дворянства; это было введением к знаменитым мерам о дворянстве Петра III и Екатерины II. Как мы уже видели, дворяне при Елизавете, получив имущественные привилегии, стали мечтать об освобождении и от служебной повинности.

Но для этого освобождения не пришло еще время. Напротив, при Елизавете службу с дворян спрашивали очень строго. За укрывательство грозили строгими наказаниями; смотры недорослям, вновь вступающим на службу, производились по-прежнему, и за неявку на них налагались суровые кары. Однако стремление дворянства избегнуть службы, заметное и раньше, не уменьшалось. Оно и было причиной, почему правительство не могло решиться не только снять с дворян их обязанность, но даже облегчить ее. Правительство боялось остаться без людей.

Зато в царствование Елизаветы много было сделано, чтобы облегчить дворянству обязательное для него обучение. В 1747 г. дан был регламент Петербургской Академии наук, учрежденной для развития науки в России, по мысли Петра Великого, еще при Екатерине I. Эта Академия в первые годы жила исключительно силами и трудами ученых немцев. Между ними не было согласия. С течением времени в Академии появились и русские деятели: Нартов, Тредиаковский, Ломоносов. Последний начал борьбу с академическими немцами, и в Академии по-прежнему не было мира и порядка. Назначение в 1746 г. Кирилла Разумовского президентом Академии еще раз вывело наружу и прежде не скрытые беспорядки и повело к регламенту 1747 г. Этим регламентом Академия определялась как ученое и учебное учреждение. Она состояла собственно из Академии (собрание ученых людей), Университета (собрание учащих и учащихся людей) и подготовительной к Университету Гимназии. Десять академиков с их адъюнктами (помощниками), непременно из русских людей, составляют Академию. Особые от Академии профессора и их ученики-студенты составляют Университет. Гимназия из 20 молодых людей готовит своих питомцев к университетскому курсу. Учиться при Академии могут люди всех званий, кроме податных.

Однако первыми шагами академического университета правительство было недовольно. Явилась мысль выделить университет как самостоятельное учреждение. В 1754 г. Ив. Ив. Шувалов выработал проект университета в Москве, центральном городе России, который более Петербурга доступен был провинциальному дворянству и «разночинцам» (допущенным в университет наравне с дворянством). В 1755 г. университет в Москве был открыт, и Ив. Ив. Шувалов назначен его куратором. В университете было 10 профессоров и три факультета: юридический, медицинский и философский. При университете было две гимназии: одна для дворян, другая для разночинцев (но не для податных классов).

Хотя оба университета назначались не для дворянства, но и для прочих классов, однако пользоваться ими дворянство могло шире других лиц, потому что на нем лежала повинность обучения, и потому что ко времени Елизаветы дворянство ранее других классов сознало необходимость просвещения и прибегало к помощи домашних учителей (весьма сомнительных знаний и достоинств, по свидетельству самого правительства). Этому стремлению дворян учиться правительство Елизаветы сознательно шло навстречу. Оно не ограничилось университетом, но заботилось о развитии других дворянских учебных заведений (Сухопутный шляхетский корпус, Артиллерийская школа, школы при коллегиях и т. д.). Таким образом, для дворянства путь к образованию был хорошо обеспечен Елизаветой.

Из частных мер касательно дворянства при Елизавете должно упомянуть об учреждении Дворянского банка в Петербурге с конторой его в Москве. Этот банк обеспечивал дворянству недорогой кредит (6% в год) в довольно крупных суммах (до 10 000 руб.).

В истории XVIII в. улучшение положения дворянства постоянно связывалось с ухудшением быта и с уменьшением прав крестьянства. Мы видели, что в самый момент вступления Елизаветы на престол правительство, устранив крестьян от присяги новой государыне, тем самым взглянуло на них, как на людей, лишенных гражданской личности, как на рабов. Хотя такой взгляд не соответствовал ни фактическому положению крестьян, ни общим взглядам на них правительства, однако крестьяне по закону стали при Елизавете еще в худшее положение, чем были до нее. Уже самый факт передачи крестьян в исключительно дворянское владение теснее привязывал крестьянина к определенному кругу владельцев. Закон же все более и более давал власти над крестьянами их помещику. Право передачи крестьян было расширено: в 1760 г. помещику дано было право ссылать неисправных крестьян в Сибирь, причем правительство считало каждого сосланного как бы за рекрута, данного помещиком в казну; наконец, крестьяне были лишены права входить в денежные обязательства без позволения своих владельцев. Владельцы получили, таким образом, широкие права над личностью и имуществом своих крестьян. И мы знаем, что они часто пользовались этими правами; исследователи истории крестьянского сословия указывают обыкновенно на краткие экономические записки В. Н. Татищева (передового человека своего времени), которые относятся к 1742 г. и излагают нормальные, по мнению автора, отношения землевладельцев и их крестьян. Опека над личностью, хозяйством и имуществом крестьянина доведена в этих записках до того, что прямо свидетельствует о самом полном подчинении крестьян помещику. Последний смотрит на крестьян, как на свою полную собственность, и распоряжается ими, как одной из статей своего хозяйства. И само правительство как бы разделяло такой

взгляд: при Елизавете оно, например, не запрещало иметь крестьян дворянам безземельным, стало быть, считало крестьянина крепким не земле, а лицу дворянина, иначе — считало его собственностью помещика. Эта крепкая связь между лицом владельца и крестьянина возлагала на помещиков особые обязанности в отношении крестьян. Правительство требовало, чтобы помещики обеспечивали крестьян семенами в неурожайные годы, чтобы они наблюдали за порядочным поведением своих крестьян. Такие требования еще шире раздвигали пределы помещичьей опеки. Дворянин являлся перед правительством не только владельцем земли, населенной крестьянами, но собственником крестьян, податной и полицейской властью над ними. Дворянам правительство передало часть своих функций и власти над крестьянами, и это, конечно, создало прекрасные условия для дальнейшего развития крепостного права.

Итак, нетрудно видеть, что перемены, происшедшие при Елизавете в положении главных государственных сословий, были прямым продолжением тех перемен, которые произошли со времени Петра Великого в эпоху временщиков. Елизавета продолжала дело Анны и не возвратилась к порядкам Петра Великого. Хотя она часто говорила о своем великом отце и желала все устроить так, как делалось при нем, но в действительности ее правительство шло не туда, куда ей хотелось. Дворянство продолжало свои успехи, крестьяне непрерывно теряли свои права. А между тем Елизавета вступила на престол с ясным желанием возвратиться к началам своего отца. Причина некоторого разлада между этим желанием и результатом деятельности Елизаветы лежала в том, что императрица, как мы видели, правила помощью лиц дворянского класса, уже достаточно упрочившего свое положение. Обидеть этот класс было для Елизаветы и нежелательно, и невозможно по общему положению дел и отношений.

Зато вместе с этим классом Елизавета дружно и энергично стремилась возвратиться к началам Петра в устройстве государственного управления.

Управление времени Елизаветы встречало в нашей литературе самые разнообразные оценки. «Царствование Елизаветы Петровны не принадлежит к числу тех, которые оставляют по себе долгую память во внутреннем строе государства. Мы напрасно будем искать в правительственных распоряжениях какой-нибудь системы, какого-нибудь плана. В этом отношении царствование Елизаветы представляет продолжение предыдущих правлений»,— говорит один исследователь (Ешевский. Соч., II, 537). «Время Елизаветы Петровны представляет один из любопытнейших моментов в истории нашего права. Высшая законодательная власть бездействует; нет теории, творческой деятельности Петра, его систематического объединения разных государственных вопросов... Вместе с тем заметно полное возвращение к началам, внесенным Петром в русские учреждения... Можно проследить

дальнейшее развитие начатков, положенных Петром в нашу администрацию» — так отзывается другой исследователь (Градовский «Высшая администрация России», 192—193). Наконец, третий историк (Соловьев «История России», XXII) такими словами характеризует управление Елизаветы: «Восстановление учреждений Петра Великого в том виде, в каком он их оставил, постоянное стремление дать силу его указам, поступать в его духе — сообщали известную твердость, правильность, систематичность действиям правительства, а подданным — уверенность и спокойствие».

Такие отзывы, сделанные разновременно, противоречат один другому и относительно направления, и относительно качества правительственной деятельности Елизаветы. Одни признают в ней сознательное стремление возвратиться к началом Петра, другие отрицают в ней всякое направление. Одни видят в ней систему, твердую и правильную, другие не видят никакой систематичности. Однако можно и при таких разноречиях найти достаточное число фактов, чтобы признать известное направление за правительством Елизаветы, не отрицать у него присутствия общего плана или, правильнее сказать, известного и определенного характера управления. Направление заключалось в стремлении к началам Петра и к национальной политике; отсутствие общих задач ясно доказывается тем, что время Елизаветы не оставило потомству ничего своего: оно не изменило в старых формах управления ни одной существенной черты и не принесло никакой существенной новизны. Законодательная деятельность шла за указаниями жизни, развивалась путем практики и не возвышалась до сознания руководящих норм, потому что у власти не было потребности что-либо переделывать и перестраивать. Идеалом был петровский порядок, но, как мы уже видели и еще увидим, его не всегда достигали и даже не все понимали.

Тотчас по вступлении на престол Елизавета уничтожила Кабинет, восстановила Сенат в том составе и значении, какие он имел при Петре, и высказала желание возвратить всю администрацию в те формы, какие установил Петр Великий. Это повело к восстановлению многих упраздненных коллегий (Берг- и Мануфактур-коллегии), к восстановлению Главного Магистрата и прежней подчиненности городского самоуправления (1743 г.). Но во всей точности восстановить формы петровского управления Елизавете не удалось. Даже сам елизаветинский Сенат был далек от Сената петровского времени. А местное управление оставалось в тех формах, какие оно приняло уже после Петра.

Елизаветинский Сенат представляет собой в истории XVIII столетия любопытнейшее явление. Он стал снова после уничтожения Кабинета высшим органом управления в государстве. Елизавета повелела, чтобы Сенат имел прежнюю свою силу и власть, как было при Петре Великом. По законам Петра, Сенату не принадлежала законодательная функция, он был толь-

ко административно-судебным органом; таким должен он был стать и при Елизавете. Однако елизаветинский Сенат перешел границу и казался даже законодательным учреждением. По словам Екатерины II, «Сенат установлен для исполнения законов, ему предписанных, а он часто издавал законы, раздавал чины и достоинства, деньги, деревни, одним словом, почти все и утеснял прочие судебные места в их законах и преимуществах». Это случилось при Елизавете, и причиной этого Екатерина считала «неприлежание к делам некоторых моих предков (намек на Елизавету), а более случайных при них людей пристрастие». Отзыв наблюдательной современницы сходится с выводами историков XIX в. Градовский о елизаветинском Сенате отзывается так: «Без преувеличения правление Елизаветы можно назвать управлением важнейших сановников, собранных в Сенат». Исследование деятельности Сената в 1741—1761 гг. действительно показывает необычайную широту его действий и высокий правительственный авторитет. Он управляет всем государством, и его указы часто по существу своему суть законодательные акты. Позднейший исследователь елизаветинского Сената (А. Е. Пресняков) упрекает Сенат в стремлении централизовать всю власть в своих руках, хотя видит в этом не политическую тенденцию Сената, а сознание слабости и несовершенства подчиненных учреждений, которым Сенат не доверял.

Где же причины того странного факта, что учреждение, поставленное в точные рамки петровского законодательства, могло далеко и безнаказанно выйти из них? Находим две причины, и обе они указаны императрицей Екатериной. Во-первых, упрек Екатерины по отношению к Елизавете («неприлежание к делам») хотя несправедливо зол, однако имеет некоторое основание. Личные свойства и непривычка к делам заставляли Елизавету управлять помощью приближенных лиц и лишали ее возможности деятельно контролировать административный организм, работавший без ее непосредственного руководства. В личности императрицы Сенат, таким образом, не мог встретить систематического сопротивления своим узурпациям. Во-вторых, чрезвычайный авторитет Сената не встречал противодействий и в приближенных императрице людях, потому что они сами были в Сенате, и сами поднимали его значение. Это-то и разумела Екатерина II под «пристрастием случайных людей». Мы видели, что влиятельные при дворе и в администрации люди, «верховные господа министры», «случайные и припадочные люди» еще при Петре влияли на Сенат; после Петра они действовали над Сенатом в Верховном тайном совете и Кабинете. Теперь, когда такого верховного учреждения не стало, влиятельные люди времени Елизаветы перешли в Сенат, подняли его авторитет и значение сенаторского звания и усвоили Сенату те черты деятельности, какими прежде отличались Совет и Кабинет. Их громадное влияние на дела, приобретенное в силу фавора к ним

императрицы, они передавали тому учреждению, в котором сходились и действовали. Это и было главной причиной возвышения елизаветинского Сената. Когда с течением времени была учреждена «для весьма важных дел» Конференция при дворе Елизаветы, она подчинила себе Сенат. Но членами ее были те же сенаторы, притом внимание ее было обращено на внешние дела России; поэтому внутри России по-прежнему главенствовал Сенат. Вышло так, что одни и те же «случайные люди» стали ведать один род дел в Конференции, другой в Сенате; этим и ограничивалось влияние Конференции на общий ход дел.

«Важные сановники, собранные в Сенат», управляя делами России, прежде всего были озабочены состоянием государственных финансов. Россия при Елизавете не сводила концов с концами в своем государственном хозяйстве, и вопросы о бюджете, увеличении доходов и сокращении расходов, беспокоившие одинаково все правительства XVIII в., тяжелым бременем лежали и на елизаветинском Сенате. Преимущественно из финансовых соображений вытекало постановление Сената о производстве ревизии податного населения через каждые 15 лет. В силу этого постановления при Елизавете было две ревизии. Одна началась в 1743 г. и насчитывала 6 643 335 податных душ (мужеска пола); другая — в 1761 г. и насчитала 7 363 348 душ. Эти переписи должны были привести в известность число прямых плательщиков государства и уяснить Сенату вопрос о лучшем устройстве прямых налогов. Но и о косвенных налогах, и об общем развитии торгов и промыслов заботились не меньше. Комиссия о коммерции, существовавшая при Елизавете, создала ряд проектов для развития внешней русской торговли. В видах поощрения внутренней торговли уничтожены были внутренние таможни и мелочные сборы с товаров. Купечеству, как и дворянам, государство открыло дешевый кредит, учредив вместе с дворянским и купеческий заемный банк.

Забота о финансах не отвлекала Сената от других дел. В деятельности елизаветинского Сената находим много любопытных черт. В числе поднятых Сенатом вопросов был весьма важный вопрос о размежевании земель в государстве; усиленно призывались колонисты для заселения южных окраин, и разумно призывались из-за границы не инородцы и иноверцы, но славяне (сербы) и православные, урегулирована была рекрутская повинность разделением России на пять частей, с которых рекруты брались по очереди только через 4 года в 5-й. Влияя на церковное управление, Сенат заботился о распространении православия, об обеспечении духовенства и монастырей, о благочинии церковном и о распространении духовного образования в народной массе. Словом, Сенат проявил весьма почтенную заботливость об интересах церкви и духовенства. Желая улучшения нравов в народе, Сенат сам проявлял своей деятельностью большую гуманность взглядов и приемов, чуждую предыдущему правительству.

В этом он следовал за самой императрицей, фактически отменившей смертную казнь в России.

Вся деятельность елизаветинского Сената свелась к ряду частных мероприятий, вроде указанных. Перечислить их все нет возможности. Замечая подобный характер деятельности Сената, Градовский говорит о Сенате времен Елизаветы: «Он не думал об общегосударственных преобразованиях; строгий практик, он по частям удовлетворял возникшие потребности и из этих частных его усилий, отдельных мер, создавалась впоследствии систематическая деятельность, носившая уже известный определенный характер». Но мы выше уже видели, что систематическим в правительственной деятельности времени Елизаветы было только общее ее направление, по сравнению с предшествовавшей эпохой более гуманное и строго национальное, причем эта национальность направления заключалась в одном правиле: управлять Русским государством при помощи русских же людей и в духе Петра Великого.

Хотя Елизавета не во всем была верна духу своего отца, хотя ее царствование и не внесло полного благоустройства в жизнь народа (сама Елизавета в конце царствования сознавалась, что зло, с которым она боролась, «пресечения не имеет»), однако народ оценил и гуманность, и национальность ее правления. Отдохнувшее под властью русских людей, в течение мирных лет, народное чувство понимало, кому оно обязано долгим спокойствием, и Елизавета царствовала спокойно и стала весьма популярной государыней; можно сказать, что славой и популярностью своей в народе она обязана много своему Сенату. В этом оправдание правивших в Сенате «случайных людей» Елизаветы, о которых так незаслуженно зло отозвалась Екатерина.

Внешняя политика. Главных руководителей и общее направление политики Елизаветы мы уже видели. Мы знаем, что и во внешней политике при Елизавете старались следовать традициям Петра, но следовали не вполне точно, как это было и в политике внутренней. Теперь нам остается посмотреть на главные факты политических отношений и столкновений, бывших при Елизавете.

Вступая на престол, Елизавета застала Россию в войне со Швецией и находилась сама под сильным влиянием враждебных Австрии французов — Шетарди и Лестока. Мы знаем, что это влияние и ряд ошибок, сделанных русской дипломатией, дурно отразились на международном положении России; они связали России руки и вынудили ее на бездействие в борьбе Пруссии с Австрией. Елизавете прежде всего следовало окончить шведскую войну и затем занять независимое положение в европейских делах. Это и выполнил с успехом А. П. Бестужев-Рюмин. Война со Швецией окончена была в 1743 г. миром в Або, по которому Швеция не только не получила всей желаемой ею Финляндии, но должна была уступить России и новые области финляндские до реки Кюмени. После этого все внимание русской дипломатии устремилось на Запад.

Но Бестужеву не сразу и даже не скоро пришлось добиться того, что его влияние окрепло и его политическая система была усвоена русским правительством. При Елизавете в первые ее годы имел большое значение Лесток, бывший проводником французских интересов при русском дворе. Все свое влияние на Елизавету Лесток употреблял для того, чтобы (вместе с Шетарди) втянуть Россию в союз с Пруссией и Францией против Австрии, иначе говоря, заставить Россию идти в политике тем же путем, которого близоруко держались при Анне Леопольдовне. Несмотря на упорное противодействие Бестужева, Лесток был в силе до 1748 г. Россия бездеятельно смотрела на быстрый рост политического могущества Пруссии, вышедшей с полной победой из своей войны с Австрией за Силезию (1748 г.). Но вместе с тем Елизавета держалась вне союза с Пруссией и Францией. Таким образом, Франции только удалось устранить русскую помощь Австрии, но не удалось распоряжаться русскими силами в свою пользу.

В 1748 г. Бестужев путем ловкой придворной интриги избавился от Лестока и его вдохновителя Шетарди. Лесток был изобличен в продажности и сослан в Устюг, а перехваченные письма Шетарди ясно показали Елизавете, что он относится дурно лично к ней, и Шетарди был выслан из России. С тех пор Бестужев начал без соперников и помехи (если не считать соперничеством случайного вмешательства в политику других любимцев Елизаветы) проводить свою систему. Уже в 1750 г. произошел дипломатический разрыв России с Пруссией, и вместе с тем росло сближение с Австрией. Как известно, в Европе возвышение Пруссии вызвало после 1748 г. боязнь за политическое равновесие, и эта боязнь повела к составлению коалиции против Фридриха II. Австрия сблизилась с Францией для мести Фридриху; и та, и другая искали союза с Россией. За союз с Австрией стоял, конечно, Бестужев; за союз с Францией — Шуваловы. Система Бестужева требовала, чтобы политическое равновесие не нарушалось вблизи России, чтобы интересы старой русской союзницы Австрии не страдали так явно, как они страдали от Фридриха. Взгляды Бестужева были приняты императрицей, лично не любившей Фридриха, и Россия вступила в коалицию против него. Положение дел было тогда таково. Две войны за Силезию держали Австрию в боевой готовности; русская же армия оказалась в то время вовсе не готовой, т. е. те 200 000 регулярных солдат, которыми в конце царствования Петра располагала Россия и которые в то время были громадной силой, оказались негодными для немедленного действия. Со времен Петра прошло много лет. Войска были расположены на постоянных квартирах и обжились там так, что утратили не только военную гибкость, но и военную годность. Пришлось поэтому готовить армию к войне в то время, когда Австрия уже начала оперировать, и на подготовку армии потребовался целый год. Только во втором году войны

явились русские войска в Восточную Пруссию и начали наступательные действия против Фридриха. В 1757 г. под начальством С. Ф. Апраксина они разбили прусский корпус при Грос-Егерсдорфе, но затем, будто побежденные, отступили за Неман в Польшу. Это дало основание и своим, и чужим возвести на Апраксина обвинение в неспособности и недобросовестности. Современники и некоторые историки винили Апраксина в том, что он отступил вследствие слухов о болезни Елизаветы, ибо знал о нерасположении к войне ее преемника Петра III. Виновником позорного отступления считали и Бестужева. Но в позднейших исследованиях (особенно Д. Ф. Масловского «Русская армия в Семилетнюю войну») такой взгляд считается несправедливым. Апраксин отступил из Пруссии потому, что в войсках были большие потери и не было продовольствия. Тем не менее он был привлечен к ответственности и умер под судом в 1758 г. Вместе с тем начато было следствие и над Бестужевым; за многие «вины» политического и придворного характера он был отставлен от дел и сослан в деревню. В сущности, дело Апраксина и Бестужева не вполне было следствием военных дел: в него вмешались сложные придворные интриги.

Командование над войсками было передано генералу Фермору, который в 1758 г. вступил в Пруссию и выдержал нерешительную битву с Фридрихом при Цорндорфе. В 1759 г. войсками начальствовал граф Салтыков, который и разбил Фридриха при Кунерсдорфе. В 1760 г. русский корпус занял Берлин, столицу Фридриха, а в 1761 г. Бутурлин удачно действовал в восточной части Пруссии. Смертью Елизаветы (25 декабря 1761 г.) прекращено было пятилетнее участие русских в Семилетней войне. Оно прошло не без пользы для русских войск, так как практически подготовило военных людей для времени Екатерины II; но оно прошло без пользы для государства, хотя наши удачные походы показали Европе большие военные силы России. Наконец, и Пруссия была ослаблена настолько, что Екатерина II могла не бояться ее завоевательного аппетита.

Петр III и переворот 1762 года

Петр Федорович и Екатерина Алексеевна. В 1742 г. Елизавета объявила наследником своего племянника, родного внука Петра Великого (и внука сестры Карла XII шведского) герцога Шлезвиг-Голштинского Карла-Петра-Ульриха. Для русских людей он был таким же немецким принцем, как и те, от которых в 1741 г. освободилось русское общество и которые ему были так постылы. Этот свой выбор или, лучше сказать, необходимость этого выбора Елизавета скоро стала считать серьезным несчастьем. Четырнадцатилетний осиротелый герцог был перевезен из Голштинии в Россию, нашел в Елизавете вторую мать, принял православие

и вместо немецкого воспитания стал получать русское. В 1745 г. его поспешили женить. Вопрос о невесте очень долго обсуждался при дворе, потому что браку придавали политическое значение и боялись ошибиться. Наконец Елизавета остановилась на том лице, на которое указала, в противность Бестужеву, французско-прусская партия, на которое указал и Фридрих прусский,— на принцессе Софии-Августе-Фредерике Ангальт-Цербст[ской]. Ее отец был только генералом прусской службы, комендантом Штетина; мать в заботах о довольно бедном хозяйстве успела потерять чувство такта и хороший характер, приобретя наклонность к стяжаниям и пересудам. Невеста с матерью приехала в Россию, приняла православие и была названа Екатериной Алексеевной; 25 августа 1745 г. произошла свадьба 17-летнего Петра с 16-летней Екатериной. Но все замечали, что жених был холоден к невесте и прямо ссорился с будущей тещей. Впрочем, мать Екатерины проявила свой неуживчивый характер по отношению ко всем и потому была отправлена из России в том же 1745 г. Молодая чета осталась как бы одинокой в большом елизаветинском дворце, будучи оторвана от немецкой среды, от обстановки своего детства. И мужу, и жене приходилось самим определять свою личность и свои отношения при дворе.

Петр Федорович был человеком слабоодаренным и физическими силами, и умственными, рано лишился матери и отца и остался на руках гофмаршала Брюммера, который был более солдат, чем образованный человек, более конюх, чем педагог. Детство Петра прошло так, что ничем добрым его нельзя было вспомнить. Его воспитание было запущено, как и его образование. Брюммер установил такой порядок жизни для своего воспитанника, который не мог не расстраивать его здоровья, и без того слабого: например, при продолжительных занятиях мальчик не имел моциона и не ел до двух часов дня. А в час обеда владетельный герцог часто лишь смотрел из угла, как его дворня ела обед, в котором ему самому было отказано педагогами. Плохо питая мальчика, ему не позволяли развиться, почему он и стал вялым и слабым. Нравственное воспитание было пренебрежено: стояние на коленях на горохе, украшение ослиными ушами, удары хлыста и даже битье чем попало были обыкновенным средством педагогического убеждения. Ряд нравственных унижений перед придворными, грубых окриков Брюммера и его наглых выходок не мог, конечно, выработать в принце ни здравых нравственных понятий, ни чувства человеческого достоинства. Умственное воспитание тоже было плохо. Петр изучал много языков, много предметов, но учили его через силу, не сообразуясь с его слабыми способностями, и он мало усвоил и получил отвращение к учению. Латынь же, которая в то время была обязательна для каждого образованного человека, ему надоела до того, что он запретил помещать в свою библиотеку в Петербурге латинские книги. Когда он явился в Россию и Елизавета

познакомилась с ним, она удивилась скудости его познаний. Его принялись снова учить, уже на православный русский лад. Но науке помешали болезни Петра (в 1743—1745 гг. он три раза был серьезно болен), а затем женитьба. Выучив православный катехизис наскоро, Петр остался с воззрениями немца-протестанта. Знакомясь с Россией из уроков академика Штелина, Петр не интересовался ею, скучал уроками и оставался весьма невежественным и неразвитым человеком с немецкими взглядами и привычками. Россию он не любил и думал суеверно, что ему в России несдобровать. Его интересовали одни «увеселения»: он любил танцевать, по-детски шалить и играть в солдаты. Военное дело его интересовало в высшей степени, но он не изучал его, а забавлялся им и, как немец, благоговел перед королем Фридрихом, которому хотел подражать всегда и во всем и не умел никогда ни в чем.

Женитьба не образумила его и не могла образумить потому, что он не чувствовал своих странностей и был очень хорошего мнения о самом себе. На жену, которая была неизмеримо выше его, он смотрел свысока. Так как учить его перестали, то он считал себя взрослым человеком и, разумеется, не хотел поучиться у жены ни ее такту, ни ее сдержанности, ни, наконец, ее деловитости. Дел он не хотел знать, напротив, расширил репертуар забав и странных выходок: то по целым часам хлопал по комнатам кучерским кнутом, то безуспешно упражнялся на скрипке, то собирал дворцовых лакеев и играл с ними в солдаты, то производил смотры игрушечным солдатикам, устраивал игрушечные крепости, разводил караулы и проделывал игрушечные военные упражнения; а раз, на восьмом году своей женитьбы, судил по военным законам и повесил крысу, съевшую его крахмального солдатика. Все это проделывалось с серьезным интересом, и по всему было видно, что эти игры в солдатики чрезвычайно его занимали. Жену свою он будил по ночам для того, чтобы она ела с ним устрицы или становилась на часы у его кабинета. Ей он подробно описывал красоту увлекшей его женщины и требовал внимания к такой оскорбительной для нее беседе. Бестактно относясь к Екатерине и оскорбляя ее, он не имел такта и в отношении посторонних лиц и позволял себе разные пошлости: например, в церкви во время службы, за спиной тетки, он передразнивал священников, а когда на него смотрели фрейлины, он показывал им язык, но так, чтобы тетка этого не видела: своей тетки он все-таки очень боялся. Сидя за столом, он издевался над прислугой, обливал ей платья, подталкивал блюда на соседей и старался поскорее напиться. Так вел себя наследник престола, взрослый человек и отец семейства (в 1754 г. у него родился сын Павел). «Петр обнаруживал все признаки остановившегося духовного развития,— говорит С. М. Соловьев,— он являлся взрослым ребенком». Императрица Елизавета понимала свойства Петра и часто плакала, беспокоясь за

будущее, но изменить порядок престолонаследия не решалась, потому что Петр III был прямым потомком Петра Великого.

Не теряли, однако, надежды приохотить и приучить Петра к делам. Штелин продолжал его знакомить с государственными делами теоретически, а в 1756 г. Петра назначили членом Конференции, учрежденной, как мы видели, для особо важных дел. В то же время в качестве герцога голштинского Петр каждую неделю «в понедельник и пятницу со своими голштинскими министрами совет держал и дела своего герцогства управлял». Все эти заботы имели кое-какой результат. Петр заинтересовался делами, но не России, а Голштинии. Вряд ли он хорошо их узнал, но он усвоил голштинские взгляды, желая отвоевать у Дании голштинские земли и очень возился с голштинскими солдатами и офицерами, которых ему дозволено было с 1755 г. привезти в Россию. С ними летом он жил в лагерях в Ораниенбауме, усвоил себе их солдатские манеры и фатовство, у них выучился курить, пить по-солдатски и мечтать о голштинских завоеваниях.

Определилось с течением времени и отношение Петра к России и русским делам. Он говорил своей жене, что «не рожден для России, что он непригоден русским и русские непригодны ему и убежден он, что погибнет в России». Когда освободился шведский престол и Петр не мог его занять, хотя имел право, он со злобой говорил вслух: «Затащили меня в эту проклятую Россию, где я должен считать себя государственным арестантом, тогда как, если бы оставили меня на воле, то теперь я сидел бы на престоле цивилизованного народа». Когда Петр присутствовал на Конференции, он подавал свои мнения и в них обнаруживал полное незнакомство с политическим положением России; о русских интересах рассуждал он с точки зрения своей любви к прусскому королю. Так, незнание России, презрение к ней, стремление уйти из нее, голштинские симпатии и отсутствие зрелой личности отличали будущего русского императора. Канцлер Бестужев серьезно думал о том, чтобы или совсем устранить Петра от власти, или оградить иным путем от его влияния интересы России.

Совсем иного рода человек была жена Петра, великая княгиня Екатерина Алексеевна. Выросши в скромной семье незначительного принца, строгого протестанта и отца, Екатерина получила некоторое образование, увеличенное собственной ее наблюдательностью и восприимчивостью. В детстве она много путешествовала по Германии, много видела и слышала. Уже тогда она своей живостью и способностями обращала на себя внимание наблюдательных лиц: в Брауншвейге один каноник, занимавшийся предсказаниями, заметил ее матери: «На лбу вашей дочери я вижу по крайней мере три короны». Когда Екатерину с матерью вызвали в Россию, для нее не была секретом цель поездки, и бойкая девочка сумела с большим тактом сделать свои первые шаги при русском дворе. Отец ее написал ей в руководство ряд

правил благоразумной сдержанности и скромности. Екатерина к этим правилам присоединила свой собственный такт и замечательное практическое чутье и обворожила Елизавету, завоевала симпатии двора, а затем и народа. Не старше 15-ти лет, она вела себя лучше и умнее, чем ее руководительница мать. Когда мать ссорилась и сплетничала, дочь старалась приобрести общее расположение. Она усердно занялась русским языком и православным вероучением. Блестящие способности позволили ей оказать в короткое время большие успехи, и при церемонии крещения она так твердо прочла символ веры, что всех этим удивила. Но сохранились известия, что перемена религии для Екатерины была не так легка и радостна, как она показывала императрице и двору. В благочестивом смущении перед этим шагом Екатерина много плакала и, говорят, искала утешения у лютеранского пастора. Однако уроки православного законоучителя от этого не прекращались. «Честолюбие берет свое»,—замечал по этому поводу один дипломат. И сама Екатерина признавалась, что она была честолюбива.

Не любя ни мужа, ни Елизаветы, Екатерина тем не менее держала себя в отношении их очень хорошо. Она старалась исправлять и покрывать все выходки мужа и не жаловалась на него никому. К Елизавете же она относилась почтительно и как бы искала ее одобрения. В придворной среде она искала популярности, находя для каждого ласковое слово, стараясь примениться к нравам двора, стараясь казаться чисто русской набожной женщиной. В то время, когда ее муж оставался голштинцем и презирал русских, Екатерина желала перестать быть немкой и отказалась после смерти родителей от всяких прав на свой Ангальт-Цербст. Ее ум и практическая осмотрительность заставляли окружающих видеть в ней большую силу, предугадывать за ней большое придворное влияние. И действительно, с годами Екатерина заняла при дворе видное положение; ее знали с хорошей стороны даже в народной массе. Для всех она стала виднее и симпатичнее своего мужа.

Но личная жизнь Екатерины была незавидна. Поставленная далеко от дел и оставляемая на целые дни мужем, Екатерина не знала, что делать, потому что совсем не имела общества: она не могла сближаться с придворными дамами, потому что «смела видеть перед собою только горничных», по ее собственным словам; она не могла сближаться с кругом придворных мужчин, потому что это было неудобно. Оставалось читать, и «чтение» Екатерины продолжалось восемь первых лет ее супружеской жизни. Сперва она читала романы: случайный разговор с знакомым ей еще в Германии шведским графом Гилленборгом направил ее внимание на серьезные книги. Она перечитала много исторических сочинений, путешествий, классиков и, наконец, замечательных писателей французской философии и публицистической литературы XVIII в. В эти годы она и получила ту массу

сведений, которой удивляла современников, тот философский либеральный образ мыслей, который принесла с собой на престол. Она считала себя ученицей Вольтера, поклонялась Монтескье, изучала Энциклопедию и благодаря постоянному напряжению мысли стала исключительным человеком в русском обществе своего времени. Степень ее теоретического развития и образования напоминает нам силу практического развития Петра Великого. И оба они были самоучками.

Во второй половине царствования Елизаветы великая княгиня Екатерина уже была вполне сложившимся и очень заметным человеком при дворе. На нее обращено было большое внимание дипломатов, потому что, как они находят, «ни у кого нет столько твердости и решительности» — качеств, которые ей дают много возможностей в будущем. Екатерина независимее держится, явно не в ладах со своим мужем, навлекает на себя недовольство Елизаветы. Но самые видные «припадочные» люди Елизаветы, Бестужев, Шувалов, Разумовский, теперь не обходят великой княгини вниманием, а стараются, напротив, установить с нею добрые, но осторожные отношения. Сама Екатерина входит в сношения с дипломатами и русскими государственными людьми, следит за ходом дел и даже желает на них влиять. Причиной этого была болезненность Елизаветы: можно было ждать скорой перемены на престоле. Все понимали, что Петр не может быть нормальным правителем и что его жена должна играть при нем большую роль. Понимала это и Елизавета: опасаясь со стороны Екатерины какого-либо шага в свою пользу против Петра, она стала к ней относиться дурно и даже прямо враждебно; с течением времени так же относится к жене сам Петр. Окруженная подозрительностью и враждой и побуждаемая честолюбием, Екатерина понимала опасность своего положения и возможность громадного политического успеха. Об этой возможности говорили ей и другие: один из посланников (прусский) ручался ей, что она будет императрицей; Шуваловы и Разумовские считали Екатерину претенденткой на престол; Бестужев вместе с ней строил планы о перемене престолонаследия. Екатерина сама должна была готовиться действовать и для своей личной защиты, и для достижения власти после смерти Елизаветы. Она знала, что муж привязан к другой женщине (Елиз. Ром. Воронцовой) и желал заменить ею свою жену, в которой видел опасного для себя человека. И вот, чтобы смерть Елизаветы не застала ее врасплох, не отдала в руки Петра беззащитной, Екатерина стремится приобрести себе политических друзей, образовать свою партию. Она тайно вмешивается в политические и придворные дела, ведет переписку с очень многими видными лицами. Дело Бестужева и Апраксина (1757—1758 гг.) показало Елизавете, как велико было при дворе значение великой княгини Екатерины. Бестужева обвиняли в излишнем почтении перед Екатериной. Апраксин был постоянно под влиянием ее писем. Падение Бестужева было

обусловлено его близостью к Екатерине, и самое Екатерину постигла в ту минуту опала императрицы. Она боялась, что ее вышлют из России, и с замечательной ловкостью достигла примирения с Елизаветой. Она стала просить у Елизаветы аудиенции, чтобы выяснить ей дело. И Екатерине была дана эта аудиенция ночью. Во время беседы Екатерины с Елизаветой за ширмами в той же комнате тайно были муж Екатерины Петр и Иван Ив. Шувалов, и Екатерина догадалась об этом. Беседа имела для нее решающее значение. При Елизавете Екатерина стала утверждать, что она ни в чем не виновата, и, чтобы доказать, что ничего не хочет, просила императрицу, чтобы ее отпустили в Германию. Она просила об этом, будучи уверена, что поступят как раз наоборот. Результатом аудиенции было то, что Екатерина осталась в России, хотя была окружена надзором. Теперь ей приходилось вести игру уже без союзников и помощников, но она продолжала ее вести еще с большей энергией. Если бы Елизавета не умерла так неожиданно скоро, то, вероятно, Петру III не пришлось бы вступить на престол, ибо заговор уже существовал и за Екатериной стояла уже очень сильная партия. С мужем Екатерина примириться не могла, она не могла его выносить; он же видел в ней злую, слишком независимую и враждебную ему женщину. «Нужно раздавить змею»,— говорили окружавшие Петра голштинцы, передавая этим выражением мысли его о жене. Во время болезни Екатерины он даже прямо мечтал о ее смерти.

Так, в последние годы Елизаветы обнаружилась полная неспособность ее наследника и большое значение и ум его жены. Вопрос о судьбе престола очень занимал Елизавету; по словам Екатерины, государыня «с трепетом смотрела на смертный час и на то, что после ея происходить может». Но она не решалась отстранить племянника прямо. Придворная среда также понимала, что Петр не может быть правителем государства. Многие задумывались, как устранить Петра, и приходили к различным комбинациям. Устранить было можно, передав права малолетнему Павлу Петровичу, причем мать его Екатерина получила бы большую роль. Можно было бы поставить у власти и прямо Екатерину. Без нее же вопрос не мог быть решен ни в каком случае (о бывшем императоре Иоанне тогда никто и не думал). Поэтому Екатерина и помимо своих личных качеств и стремлений получила большое значение и являлась центром политических комбинаций и знаменем движения против Петра. Можно сказать, что еще до смерти Елизаветы Екатерина стала соперницей своему мужу и между ними начался спор о русской короне.

Правление Петра III. Болезнь и смерть Елизаветы хотя не была неожиданной случайностью, тем не менее застала придворный круг неприготовленным: против Петра не раздалось ни одного голоса, и он воцарился спокойно при общем горе и унынии двора и народа, потерявших любимую царицу. Екатерина сама в своих записках описывает эти первые дни царствования

Петра. По ее словам, Петр III был недоволен, что его тетка умерла на святках и своей смертью помешала ему веселиться. Ужин во дворце уже был накрыт, когда наступил час смерти императрицы, и Петр приказал не снимать ужина, и ели через комнату от того покоя, где лежала Елизавета. Тогда же без церемоний и стеснений обнаружилась его пассия к Воронцовой, на которой он хотел жениться. Положение сразу сделалось зазорным и неприличным. Однако при дворе не переменилось ничего в первые минуты царствования: оставались Шуваловы и Воронцовы; старший Разумовский вышел в отставку, но не был опальным; младший остался у дел. Опал вообще не было, но явились мало-помалу новые люди в качестве любимцев. Из Германии прибыли два дяди Петра, голштинские принцы; из них принц Георгий (или «Жорж») стал сразу русским генерал-фельдмаршалом и временщиком; второй принц Петр был только фельдмаршалом, но не временщиком. Оба они были членами Совета, учрежденного Петром вместо елизаветинской Конференции и состоявшего из девяти человек. В этот Совет попал возвращенный из ссылки старый Миних, попали и люди времени Елизаветы, Н. Ю. Трубецкой и М. И. Воронцов. Все это были влиятельные персоны нового правления. Появились и придворные любимцы, вроде генерала Гудовича, шталмейстера Нарышкина и многих голштинцев.

Петр III начал свое правление довольно деятельно, рядом любопытных мер. Можно думать, что он действовал с чьей-то указкой, стараясь показать, что он достоин власти. Вступил он на престол 25 декабря 1761 г., а уже 17 января 1762 г. в Сенате подписал указ о возвращении опальных людей прошедшего царствования и заявил свою волю относительно службы дворян: «Дворянам службу продолжать по своей воле, сколько и где пожелают». 18 февраля явился и манифест о вольности дворянской. В нем говорилось, что прежде необходимо было заставлять дворян служить и учиться, невольная служба и учение принесли пользу, ибо дали государству много сведущих, годных к делу людей, а с другой стороны, истребили в дворянской среде «грубость и невежество» и вкоренили благородные мысли; поэтому уже нет необходимости принуждать дворян к службе. Все служащие могут или оставаться на службе, или уйти в отставку; только военные люди не могут брать отпусков и отставок во время кампании; не служащий дворянин имеет право даже ехать за границу и служить там. Но обязанности обучения манифест 18 февраля не упразднил, а выразил ее лишь в виде повелительного совета с высоты трона, «чтобы никто не дерзал без обучения наук детей своих воспитывать».

Так снята была с дворянства его тяжелая государственная повинность. Мы видели, что уже при Елизавете дворянство становилось привилегированным классом, получив имущественные права, каких не имели другие общественные классы. Освобождая

его от личной государственной службы, Петр III создает ему этим личные привилегии, также чуждые другим классам. Ко времени Екатерины II, таким образом, дворянство делается уже вполне привилегированным сословием. Но оно не имеет внутренней организации; до сих пор ему организацию давала самая служба по полкам, его соединяли служебные связи; теперь эта организация должна была потерять свою прежнюю роль, ибо дворянство усиленно уходило из службы в деревню и нуждалось в новой организации — сословной. Ее дала дворянству Екатерина II.

Вольность дворянства была самым крупным делом Петра III, внушенным ему, как мы уже говорили, со стороны дворянства, близкого к Елизавете. По посторонним же внушениям, конечно, пришел он к решению уничтожить некогда страшную Тайную канцелярию, ведавшую политические преступления. При Елизавете ее деятельность не была заметна, потому что время Елизаветы было временем мира внутри государства. Уничтожить канцелярию, как малодействующее учреждение, было легко, а между тем это уничтожение могло содействовать популярности нового правительства в народной массе, как манифест о дворянстве должен был сделать его популярным среди дворян.

Но правительство Петра не только не достигло народного расположения, но возбудило общее неудовольствие. Никакие разумные указания осторожных советников Петра не могли помочь ему и загладить его бестактность, исправить его ошибки, скрыть его невозможные выходки.

Он внутри государства обнаружил свои нерусские симпатии, окружил себя голштинцами, стал переделывать русские войска на прусский и голштинский лад, смеялся над всем русским, даже над православной обрядностью. Он закрывал, например, без всякого основания домовые церкви, которые были в обычае. Домовая церковь была тогда всегдашней принадлежностью всякой зажиточной усадьбы, даже городского богатого двора. От глубокой старины велся этот обычай, и уже в московскую эпоху на злоупотребление им жаловались ревнители доброго церковного порядка. У Авр. Палицына находим мы описание того, чем были домовые церкви: маленькая изба, бедный иконостас, деревянная утварь, холщевое облачение и полуголодный, на площади нанятый на одну службу, или на одну требу, «безместный» поп... Чем легче было завести и чем дешевле было содержать «свою» церковь, тем сильнее и распространеннее было стремление именно к «своей» церкви. Против этого глубоко вкоренившегося в быту стремления и стал Петр III. Помимо частного ущерба и обиды в уничтожении домовых церквей было и принципиальное неудобство: выходило так, как будто православный государь воздвигал гонение на церковь. Но этим дело еще не ограничивалось: Петр требовал от духовенства уничтожения икон в церквях и хотел заставить его носить светское платье; к Синоду обращался

с оскорбительными указами; дело о церковных имуществах он привел к самому невыгодному для духовенства решению. Духовенство чувствовало себя оскорбленным и даже подало императору энергичный протест, не изменивший, однако, ничего: Петр не понял протеста. К гвардии, привыкшей к высочайшему вниманию, Петр относился так, что пошли слухи об уничтожении ее. Он называл гвардейцев янычарами, томил их ученьями по немецкому образцу, изменял привычные военные порядки и отдавал предпочтение своим немецким войскам. И гвардия чувствовала себя оскорбленной и питала «превеликое неудовольствие». Волновались и крестьяне: в них ясно жило сознание того, что они обязаны государством работать на помещиков именно потому, что помещики обязаны служить государству; в них жило сознание, что исторически одна обязанность обусловлена другой. Теперь снята дворянская обязанность, следует снять и крестьянскую. Но крестьяне видели, что правительство, разрешив дворянский вопрос, не замечает связанного с ним вопроса крестьянского. Поэтому начались крестьянские волнения.

В то же время внешняя политика Петра не нравилась русским людям и оскорбляла национальное чувство. Россия со славой вела войну с Пруссией, теряла для нее массу людей, тратила много денег, но был успех, и народ был спокоен. Как только вступил на престол Петр, война была прекращена; войска получили приказание сдать свои магазины пруссакам и оставаться в Померании для будущей помощи своим недавним врагам. Петр отказался от всех завоеваний в Пруссии и вступил с Фридрихом в тесный союз, условия которого были продиктованы прусским послом в Петербурге — Гольцем. Этот Гольц был при Петре III почти полным распорядителем действий русской дипломатии. Прусское влияние при русском дворе было всемогуще. И все это вышло из личных наклонностей императора: благоговея перед Фридрихом, Петр жертвовал своему личному чувству всеми интересами России. Такое направление дел, бесславное окончание славной войны и господство в Петербурге голштинцев и пруссаков давало народу повод думать, что давно прошедшее рабство перед немцами наступает снова с Петром III. Понятно, с каким негодованием относились ко всему этому русские люди. В одном только деле Петр III не шел на помочах своего кумира Фридриха: он упорно хотел воевать с Данией и отнять у нее Шлезвиг для Голштинии. В этом он действовал, как голштинский герцог; но действовал средствами и силами России. Ясно, что эта затея могла только усилить негодование русских, справедливо не желавших знать интересов Голштинии. Однако для этой Голштинии вербовали солдат на русские деньги; к походу на Голштинию делали приготовления; голштинцам дали первенство и полную волю в России.

И личная жизнь Петра возбуждала общее неудовольствие. Избавившись от опеки строгой тетки, Петр наполнил ее дворец

дымом солдатского кнастера и запахом вина и портера, которыми злоупотреблял почти ежедневно, и еще с утра. Поэтому за обедом он уже не владел собой, говорил заведомые небылицы или обнаруживал такие секреты политики и придворных отношений, какие следовало хранить строго. День свой часто кончал он неприличными и шумными пирушками, которые видел весь город, потому что они происходили не в одном дворце, и о которых писали даже иностранные послы своим дворам. У русских людей обливалось сердце кровью от стыда за Петра III; им хотелось «бежать неоглядкою» от его выходок. Елизаветинские вельможи не могли примириться с казарменными нравами нового двора; Ив. Шувалов на коленях просил Петра избавить его от всех знаков его милости; Кирилл Разумовский не мог сдерживать гневной судороги на лице, бывая во дворце и видя новые порядки. Петр издевался над всеми старыми сановниками, заставляя их маршировать по плац-парадам в силу их военного звания. Он смеялся даже над пожилыми придворными женщинами и передразнивал их. «Он не похож был на государя» — таков был приговор придворной среды над Петром III.

К жене отношение Петра, и прежде враждебное, теперь перешло в ненависть. Екатерина мешала ему жить. При ней он не мог жениться на Воронцовой; в Екатерине мерещился ему иногда и политический враг, и каждую минуту он чувствовал, что она осуждает его, стоит в оппозиции ко всему, что ему нравится, что он затевает. Он хотел обуздать ее, но на это не хватало умения; да и Екатерина вела себя так, что не было предлога придраться к ней. Однако чем дальше, тем решительнее становился Петр по отношению к Екатерине. Он однажды оскорбил ее при всех на торжественном обеде: Екатерина не встала во время тоста в честь императорской фамилии и на вопрос Петра объяснила, что не встала потому, что сама принадлежит к этой фамилии. За этот ответ Петр громко обозвал ее бранным словом и грозил арестом. Не стесняясь в отношении Екатерины ничем, Петр прямо показывал, что желает избавиться от жены: то начинал говорить, что заточит жену в монастырь, что разведется с нею; то намерен был заключить ее в Шлиссельбург. Однажды он отдал даже приказ арестовать ее, но отменил его по настоянию дяди Жоржа. Екатерина знала, что рано или поздно она погибнет от мужа, если он останется у власти. Знали это и в обществе, где Екатерину любили, и ее горе было одной из причин дурного отношения общества к Петру.

Так, деятельность и личность Петра вызывали народное негодование. По свидетельству современников, ропот на него был «всенародным»; все, кроме десятка царедворцев, желали перемены на престоле и говорили об этом открыто, «отваживались публично и без всякого опасения говорить и судить и рядить все дела и поступки государевы». Ропот поэтому был известен и при дворе Петра и даже дошел до Фридриха. Петра предостерегали

и дома, и из-за границы. Фридрих советовал ему скорее короноваться и быть осторожным. Но Петр ко всему этому относился легкомысленно; хотя он и следил за И. Шуваловым, хотя и вспомнил, что жив император Иоанн Антонович, но не принимал серьезных мер общего характера.

Это и помогло развитию заговора, который созрел, по обычаю XVIII в., при дворе и в гвардии. Руководил им не Шувалов, и направлялся он не в пользу императора Иоанна, а в пользу Екатерины. О существовании заговора знали самые высокопоставленные лица при Петре (генерал-прокурор Глебов, начальник полиции Корф, Кирилл Разумовский, дипломат Никита Ив. Панин и др.), но они не предавали заговорщиков, хотя и не приставали к ним прямо.

Можно думать, что эти высокопоставленные лица имели свой план переворота и, мечтая о воцарении Павла Петровича, усвоивали его матери Екатерине Алексеевне лишь опеку и регентство до его совершеннолетия. С движением гвардейской молодежи придворные люди не имели видимых связей и на прямое обращение к ним офицерства не отвечали откровенностью. О Панине рассказывают, что он однажды прямо прогнал от себя молодежь, начав тушить свечи, когда разговор о делах стал приобретать неудобный по откровенности характер. Однако в минуту переворота, начатого молодежью, вельможи прямо стали на сторону Екатерины и подготовили ей быстрый и решительный успех. Они умели следить за развитием заговора через таких лиц, какова была, например, княгиня Ек. Ром. Дашкова, рожденная Воронцова. По мужу принадлежа к кругу гвардейского офицерства, по отцовской семье она была близка к кругу вельмож и служила связью между обоими кругами заговорщиков.

Младший круг заговорщиков группировался вокруг семьи Орловых. Из нескольких братьев особенно известны были два: Алексей Орлов (младший), знаменитый своей физической силой, был казначеем гвардейской артиллерии и вел крупную игру, под предлогом которой и собирал вокруг себя гвардейскую молодежь. Другой — Григорий Орлов — был лично близок к Екатерине и передавал заговорщикам ее внушения. Умышленно раздувая свою славу кутил и дебоширов, Орловы умели маскировать и свою роль организаторов, и участие в интриге Екатерины. Между тем вряд ли можно сомневаться, что за спиной как вельмож, так и гвардейцев, стояла сама Екатерина, распоряжаясь всеми пружинами рискованного дела, но оставаясь совсем в тени не только от посторонних взглядов, но и от глаз самих участников заговора. Кроме Орловых в гвардии в роли главных руководителей стояли преображенцы Пассек и Бредихин и измайловцы Рославлев и Ласунский. Эти лица подготовляли гвардейских солдат к перевороту и ручались за то, что Екатерина может располагать 10 000 солдат.

Беспорядочной жизнью и кутежами заговорщики отводили от себя всякие подозрения; но брожение среди солдат не могло

долго быть скрытым. Летом 1762 г. Петр держал себя так, что Екатерина должна была со дня на день ждать погибели, и поэтому заговорщики готовы были действовать, но не решались начать сами. Приближалось время именин Петра, и этот день Петр, живший в Ораниенбауме, желал провести у Екатерины в Петергофе. Ждали, что 29 июня он и решит участь своей жены. Между тем 27 июня болтливый солдат, слышавший, что Екатерина в опасности, выдал тайну заговора постороннему офицеру. Это повело к аресту Пассека; боясь открытия всего заговора, заговорщики решились действовать не медля и 28 июня удачно совершили переворот. Вот как он произошел.

Воцарение Екатерины. Екатерина в последнее время жила уединенно в Петергофе и проводила очень беспокойные дни, ожидая развязки задуманного предприятия. Впрочем, она регулярно получала известия о положении дел в лагере союзников и в лагере неприятелей. Под предлогом очистки всех комнат дворца для императора, который собирался приехать сюда со свитой, императрица поселилась в отдаленном углу петергофского сада, в павильоне, носившем название Мон-Плезир. Таким образом она избавилась от надзора часовых, приобрела больше свободы в образе жизни и легко могла направить путь в Петербург, чтобы там сесть на престол, или же искать спасения за границей.

В этом павильоне, 28 июня, рано поутру Екатерину будят следующие слова: «Ваше Величество, вставайте, нельзя терять ни одной минуты». Она открывает глаза и видит перед собой старшего Орлова (так в тексте. Должно быть — младшего.— *Ред.*). На вопрос ее Алексей Орлов отвечал только многозначительной фразой: «Пассек арестован»,— и вышел из комнаты. Несколько минут спустя он воротился, императрица уже успела кое-как одеться. Она села в экипаж Орлова, рядом с нею поместилась камер-фрау, позади стал камердинер Шкурин (впоследствии тайный советник). Орлов погнал лошадей во весь опор. На полдороге лошади стали от усталости, и путники очутились в крайнем затруднении. Сначала их выручает из опасности проезжавшая мимо крестьянская телега, а потом они увидели коляску, быстро приближавшуюся им навстречу. В ней сидели Григорий Орлов с князем Барятинским. «Все готово»,— кричит Орлов. Барятинский уступил свое место Екатерине, и в седьмом часу утра она достигла казарм Измайловского полка, которые служили предместьем столицы.

Измайловский полк был, очевидно, предупрежден, так как солдаты успели взять из кладовых мундиры старой (елизаветинской) формы, и часть полка быстро выстроилась. Екатерина обращается к солдатам с энергичной речью, прося у них защиты от своих неприятелей, которые покушаются на ее собственную жизнь и на жизнь ее сына. Солдаты клянутся умереть за императрицу и бросаются целовать ее ноги, руки и платье. В это время офицеры приводят остальных измайловцев, является полковой

священник с крестом, и весь полк присягает Екатерине II. Она садится опять в коляску и едет к казармам Семеновского полка. Выйдя к ней навстречу, семеновцы кричат «ура» и присоединяются к Екатерине. С таким же энтузиазмом примыкают к ней Преображенский полк и конная гвардия. Государыня посылает отряд арестовать начальника конных гвардейцев принца Жоржа и вместе с тем предохранить его от возможных оскорблений. Орловы спешат после того к артиллеристам и уговаривают их последовать примеру гвардии, но солдаты хотят узнать прежде мнение своего начальника. Генерал Вильбуа несколько минут колеблется, однако уступает, и артиллерия также переходит на сторону Екатерины.

Между тем на место действия прибывают: гетман Разумовский, Н. И. Панин, князь Волконский, И. И. Шувалов и многие другие вельможи, которые присоединяются к свите императрицы. Окруженная войском и народом, она отправляется в Казанский собор; здесь ее встречают архиепископ новгородский и высшее духовенство. Пропели благодарственный молебен и торжественно провозгласили Екатерину самодержавнейшей императрицей всея России, а великого князя Павла Петровича — наследником престола. Из собора государыня поехала в новый Зимний дворец, достроенный Петром III, где уже собирались для принесения присяги Сенат и Синод. Немедленно приняты и необходимые меры предосторожности: подступы ко дворцу защищены артиллерией, на многих пунктах расставлены сильные отряды часовых, сообщение с Петергофом и Ораниенбаумом совершенно прекращено, а в Кронштадт послан захватить эту крепость адмирал Талызин. Императрица поспешила разослать курьеров в провинцию к гражданским и военным начальникам, а также к генералам войск, находившихся в Пруссии; дипломатический корпус получил официальное уведомление о перемене царствующей особы. Необходимые меры были приняты настолько быстро, что нет никакого сомнения в том, что в Петербурге об этом заранее кто-то позаботился. До нас дошло, например, известие, что наборщики типографии Академии наук были в ночь на 28 июня заарестованы: очевидно, ожидалось, что им будет работа (печатание правительственных распоряжений, так как таковые всегда печатались в этой типографии). Самый манифест о восшествии на престол Екатерины II также вероятно составлен был не 28 июня, а ранее.

В это время Петр III находился в Ораниенбауме. Это был канун его именин; Петр желал начать их праздновать в Петергофе, и Екатерина должна была его там ждать. Император приказал подать экипаж и приехал в Петергоф. Осмотрев павильон, в котором жила Екатерина, убедились, что ее там нет. По всем признакам было видно, что произошел не отъезд, а бегство; значит, надобно было предполагать что-нибудь дурное. Старые вельможи, которые окружали Петра, предлагают поехать в Пете-

рбург, разыскать и образумить Екатерину. Петр согласился; старики поехали в Петербург, но там, конечно, присоединились к Екатерине. Петр в ожидании сведений о происходившем в Петербурге ходил и сидел на берегу моря, на берегу и обедал; он слушал советы придворных и не знал, что делать: ехать ли в Кронштадт или направиться в Ревель к войскам, там собранным. Между тем прибыл с моря офицер, привезший из Петербурга фейерверк, который предполагалось сжечь по случаю именин Петра; он рассказал, что слышал шум и выстрелы и больше ничего не мог сообщить. Но уже и этой вести было достаточно, чтобы узнать, что такое произошло в Петербурге. Петру со всех сторон советовали что-нибудь делать, но он не мог ни на что решиться, и только когда день уже склонялся к вечеру, решил ехать в Кронштадт. Но Кронштадт уже был захвачен Талызиным, и потому, когда Петр туда явился, его не приняли. Оказалось, что гавань заперта боном и оттуда кричали, что никого нельзя пускать. Петр показывается на палубе в белом мундире и с корабля объявляет, что приехал сам император. В ответ ему слышится, что императора нет, а есть императрица Екатерина, и что если он не уедет, то будут стрелять, «бомбы пускать». Начался плач дам, сопровождавших Петра; сам Петр находился почти в обмороке. Вместо того чтобы спасаться в Ревель, он стал ждать в Ораниенбауме Екатерину. Утром 29-го она явилась в Петергоф с войсками и послала свой авангард в Ораниенбаум. Войска сразу окружили дворец, и Петр оказался в плену. Все было кончено. Екатерина прислала вельмож переговорить с Петром и снабдила их текстом отречения от престола, которое Петр и принял в редакции, продиктованной Екатериной, после чего был отвезен в Ропшу; а Екатерина вернулась в Петербург, чтобы оформить дело, оправдать свой поступок в обстоятельном манифесте и успокоить свою столицу. Манифест был опубликован только спустя несколько дней, именно 6 июля. В манифесте Екатерина не поскупилась на краски до того, что потом, в 1797 г., он был изъят из обращения. Император Павел приказал его вырвать изо всех официальных сборников; а когда Сперанский печатал Полное собрание законов, то манифест этот в нем помещен не был. В манифесте было сказано, что политика Петра была не православна и не национальна, и доказывалось это очень пространно. И вот, как раз в те дни, когда манифест был опубликован и Петербург его читал, пришло известие о смерти Петра. Екатерина объявила, что бывший император скончался вследствие геморроидальной колики. Приказано было устроить ему пристойные похороны, но без оказания царских почестей. Внезапность кончины Петра III нашла свое истинное объяснение уже после смерти императрицы Екатерины, когда сын ее Павел Петрович случайно отыскал в ее бумагах письмо к Екатерине из Ропши от Алексея Орлова, состоявшего там при Петре. В подлиннике это письмо не сохранилось, ибо Павел его сжег; мы

знаем его в копии Ф. Растопчина, вряд ли точной, представляющей скорее пересказ на память интересного документа. Орлов в замешательстве, с горем извещал императрицу о нечаянной случайности, повлекшей за собой кончину императора непредвиденно для Орлова, а тем более для Екатерины. Император Павел имел возможность убедиться, что ответственность за этот несчастный случай совсем не лежит на памяти Екатерины.

Так началось самодержавие Екатерины II. Не все, кто хотел ее власти, думали о ее самодержавии; был возможен и другой исход переворота — воцарение Павла и регентство его матери. Но Екатерина была провозглашена императрицей в Казанском соборе ранее, чем вопрос о ее регентстве мог быть поднят сторонниками этой комбинации.

Время Екатерины II (1762—1796)

Обстановка воцарения. Новый переворот был совершен, как и прежние, гвардейскими дворянскими полками; он был направлен против императора, заявившего очень резко свои национальные симпатии и личные странности детски капризного характера. В таких обстоятельствах вступление на престол Екатерины имеет много общего с вступлением на престол Елизаветы. И в 1741 г. переворот совершался силами дворянской гвардии против ненационального правительства Анны, полного случайностей и произвола нерусских временщиков. Мы знаем, что переворот 1741 г. имел следствием национальное направление елизаветинского правительства и улучшение государственного положения дворянства. Таких же следствий вправе мы ожидать и от обстоятельств переворота 1762 г., и действительно, как увидим, политика Екатерины II была национальной и благоприятной дворянству. Эти черты были усвоены политике императрицы самими обстоятельствами ее воцарения. В этом она неизбежно должна была следовать Елизавете, хотя и относилась с иронией к порядкам своей предшественницы.

Но переворот 1741 г. поставил во главе правления Елизавету, женщину умную, но малообразованную, которая принесла на престол только женский такт, любовь к своему отцу и симпатичную гуманность. Поэтому правительство Елизаветы отличалось разумностью, гуманностью и благоговением к памяти Петра Великого. Но оно не имело своей программы и поэтому стремилось действовать по началам Петра. Переворот 1762 г., напротив, поставил на трон женщину не только умную и с тактом, но и чрезвычайно талантливую, на редкость образованную, развитую и деятельную. Поэтому правительство Екатерины не только возвращалось к хорошим старым образцам, но вело государство вперед по собственной программе, которую приобрело мало-

помалу по указаниям практики и отвлеченных теорий, усвоенных императрицей. В этом Екатерина была противоположна своей предшественнице. При ней была система в управлении, и поэтому случайные лица, фавориты, менее отражались на ходе государственных дел, чем это было при Елизавете, хотя фавориты Екатерины были очень заметны не только деятельностью и силой влияния, но даже капризами и злоупотреблениями.

Так, обстановка воцарения и личные качества Екатерины определяют заранее особенности ее правления. Нельзя не заметить, однако, что личные взгляды императрицы, с которыми она взошла на престол, не вполне соответствовали обстоятельствам русской жизни и теоретические планы Екатерины не могли перейти в дело вследствие того, что не имели почвы в русской практике. Екатерина образовалась на либеральной французской философии XVIII в., усвоила и даже высказывала открыто ее «вольнодумные» принципы, но не могла провести их в жизнь или по неприложимости их, или вследствие противодействия окружавшей ее среды. Поэтому появилось некоторое противоречие между словом и делом, между либеральным направлением Екатерины и результатами ее практической деятельности, которая была довольно верна историческим русским традициям. Вот почему иногда обвиняют Екатерину в несоответствии ее слов и дел. Мы увидим, как произошло это несоответствие; увидим, что в практической деятельности Екатерина жертвовала идеями практике; увидим, что идеи, введенные Екатериной в русский общественный оборот, не прошли, однако, бесследно, но отразились на развитии русского общества и на некоторых правительственных мероприятиях.

Первое время правления. Первые годы правления Екатерины были для нее трудным временем. Сама она не знала текущих государственных дел и не имела помощников: главный делец времени Елизаветы, П. И. Шувалов, умер; способностям других старых вельмож она доверяла мало. Один граф Никита Ив. Панин пользовался ее доверием. Панин был дипломатом при Елизавете (послом в Швеции); ею же был назначен воспитателем великого князя Павла и оставлен в этой должности и Екатериной. При Екатерине, хотя канцлером оставался Воронцов, Панин стал заведовать внешними делами России. Екатерина пользовалась советами старика Бестужева-Рюмина, возвращенного ею из ссылки, и других лиц прежних правлений, но это были не ее люди: ни верить в них, ни доверяться им она не могла. Она советовалась с ними в разных случаях и поручала им ведение тех или иных дел; она оказывала им внешние знаки расположения и даже почтения, вставая, например, навстречу входившему Бестужеву. Но она помнила, что эти старики когда-то смотрели на нее сверху вниз, а совсем недавно предназначали престол не ей, а ее сыну. Расточая им улыбки и любезности, Екатерина их остерегалась и многих из них презирала. Не с ними хотела бы она править.

Для нее надежнее и приятнее были те лица, которые возвели ее на трон, то есть младшие вожаки удавшегося переворота; но она понимала, что они пока не имели ни знаний, ни способностей к управлению. Это была гвардейская молодежь, мало знавшая и мало воспитанная. Екатерина осыпала их наградами, допустила к делам, но чувствовала, что поставить их во главе дел нельзя: им надо было раньше перебродить. Значит, тех, кого можно было бы немедля ввести в правительственную среду, Екатерина не вводит потому, что им не доверяет; тех же, которым она доверяет, она не вводит потому, что они еще не готовы. Вот причина, почему в первое время при Екатерине не тот или другой круг, не та или иная среда составляла правительство, а составляла его совокупность отдельных лиц. Для того чтобы организовать плотную правительственную среду, нужно было, конечно, время.

Так, Екатерина, не имея годных к власти надежных людей, не могла ни на кого опереться. Она была одинока, и это замечали даже иностранные послы. Они видели и то, что Екатерина переживала вообще трудные минуты. Придворная среда относилась к ней с некоторой требовательностью: как люди, возвышенные ею, так и люди, имевшие силу ранее, осаждали ее своими мнениями и просьбами, потому что видели ее слабость и одиночество и думали, что она им обязана престолом. Французский посол Бретейль писал: «В больших собраниях при дворе любопытно наблюдать тяжелую заботу, с какой императрица старается понравиться всем, свободу и надоедливость, с какими все толкуют ей о своих делах и о своих мнениях... Значит, сильно же чувствует она свою зависимость, чтобы переносить это».

Это свободное обращение придворной среды было очень тяжело Екатерине, но пресечь его она не могла, потому что не имела верных друзей, боялась за свою власть и чувствовала, что сохранить ее она может только любовью двора и подданных. Она и употребляла все средства, чтобы, по выражению английского посла Букингама, приобрести доверие и любовь подданных.

Были у Екатерины действительные основания опасаться за свою власть. В первые дни ее правления среди армейских офицеров, собранных на коронацию в Москву, шли толки о состоянии престола, об императоре Иоанне Антоновиче и великом князе Павле. Некоторые находили, что эти лица имеют больше прав на власть, чем императрица. Все эти толки не выросли в заговор, но очень тревожили Екатерину. Значительно позднее, в 1764 г., обнаружился и заговор для освобождения императора Иоанна. Иоанн Антонович со времени Елизаветы содержался в Шлиссельбурге. Армейский офицер Мирович сговорился со своим товарищем Ушаковым освободить его и его именем совершить переворот. Оба они не знали, что бывший император в заключении лишился ума. Хотя Ушаков утонул, Мирович и один не отказался от дела и возмутил часть гарнизона. Однако при первом же

движении солдат, согласно инструкции, Иоанн был заколот своими надсмотрщиками и Мирович добровольно отдался в руки коменданта. Он был казнен, и его казнь страшно подействовала на народ, при Елизавете отвыкший от казней. И вне войска Екатерина могла ловить признаки брожения и неудовольствия: не верили смерти Петра III, говорили с неодобрением о близости Г. Г. Орлова к императрице. Словом, в первые годы власти Екатерина не могла похвалиться, что имеет под ногами твердую почву. Особенно неприятно ей было услышать осуждение и протест из среды иерархии. Митрополит Ростовский Арсений (Мацевич) поднял вопрос об отчуждении церковных земель в такой неудобной для светской власти и для самой Екатерины неприятной форме, что Екатерина нашла нужным поступить с ним круто и настояла на его расстрижении и заключении.

При подобных условиях Екатерина, понятно, не могла сразу выработать определенную программу правительственной деятельности. Ей предстоял тяжелый труд сладить с окружающей средой, примениться к ней и овладеть ею, присмотреться к делам и главным потребностям управления, выбрать помощников и узнать ближе способности окружающих ее лиц. Понятно, как мало могли помочь ей в этом деле принципы ее отвлеченной философии, но, понятно, как много помогли ей природные способности, наблюдательность, практичность и та степень умственного развития, какой она владела вследствие широкого образования и привычки к отвлеченному философскому мышлению. Упорно трудясь, Екатерина провела первые годы своего царствования в том, что знакомилась с Россией и с положением дел, подбирала советников и укрепляла свое личное положение во власти.

Тем положением дел, какое она застала, вступая на престол, она не могла быть довольна. Главная забота правительства — финансы — были далеко не блестящи. Сенат на знал точно цифры доходов и расходов, от военных расходов происходили дефициты, войска не получали жалованья, а беспорядки финансового управления страшно запутывали и без того плохие дела. Знакомясь с этими неприятностями в Сенате, Екатерина получала понятие о самом Сенате и с иронией относилась к его деятельности. По ее мнению, Сенат и все прочие учреждения вышли из своих оснований; Сенат присвоил себе слишком много власти и подавил всякую самостоятельность подчиненных ему учреждений. Напротив, Екатерина в известном своем манифесте 6 июля 1762 г. (в котором она объясняла мотивы переворота) желала, чтобы «каждое государственное место имело свои законы и пределы». Поэтому она постаралась устранить неправильности в положении Сената и дефекты в его деятельности и мало-помалу свела его на степень центрального административно-судебного учреждения, воспретив ему законодательную деятельность. Это было сделано ею очень осторожно: для скорейшего производства дел она разделила Сенат на 6 департаментов, как это было при

Анне, придав каждому из них специальный характер (1763 г.); с Сенатом стала сноситься через генерал-прокурора А. А. Вяземского и дала ему секретную инструкцию не поощрять Сената на законодательную функцию; наконец, повела все свои важнейшие мероприятия помимо Сената своею личной инициативой и авторитетом. В результате была существенная перемена в центре управления: умаление Сената и усиление единоличных властей, стоявших во главе отдельных ведомств. И все это достигнуто исподволь, без шума, крайне осторожно.

Обеспечивая свою самостоятельность от неудобных старых порядков управления, Екатерина с помощью того же Сената деятельно занималась делами: искала средств поправить финансовое положение, решала текущие дела управления, присматривалась к состоянию сословий, озабочена была делом составления законодательного кодекса. Во всем этом не было еще видно определенной системы; императрица просто отвечала на потребности минуты и изучала положение дел. Волновались крестьяне, смущенные слухом освобождения от помещиков,— Екатерина занималась крестьянским вопросом. Волнения достигали больших размеров, против крестьян употреблялись пушки, помещики просили защиты от крестьянских насилий,— Екатерина, принимая ряд мер для водворения порядка, заявляла: «Намерены мы помещиков при их мнениях и владениях ненарушимо сохранять, а крестьян в должном им повиновении содержать». Рядом с этим делом шло другое: грамота Петра III о дворянстве вызвала некоторые недоумения недостатками своей редакции и сильное движение дворян из службы,— Екатерина, приостановив ее действие, в 1763 г. учредила комиссию для ее пересмотра. Однако эта комиссия не пришла ни к чему, и дело затянулось до 1785 г. Изучая положение дел, Екатерина увидела необходимость составить законодательный кодекс. Уложение царя Алексея устарело; уже Петр Великий заботился о новом кодексе, но безуспешно: законодательные комиссии, бывшие при нем, не выработали ничего. Почти все преемники Петра были заняты мыслью составить кодекс; при императрице Анне, в 1730 г., и при императрице Елизавете, в 1761 г., требовались даже депутаты от сословий для участия в законодательных работах. Но трудное дело кодификации не удавалось. Екатерина II серьезно остановилась на мысли обработать русское законодательство в стройную систему.

Изучая положение дел, Екатерина желала познакомиться и с самой Россией. Она предприняла ряд поездок по государству: в 1763 г. ездила из Москвы в Ростов и Ярославль, в 1764 г.— в Остзейский край, в 1767 г. проехала по Волге до Симбирска. «После Петра Великого,— говорит Соловьев,— Екатерина была первая государыня, которая предпринимала путешествия по России с правительственными целями» (XXVI, 8).

Так прошли первые пять лет внутреннего правления молодой государыни. Она привыкла к своей обстановке, присмотрелась

к делам, выработала практические приемы деятельности, подобрала желаемый круг помощников. Положение ее окрепло, и ей не грозили никакие опасности. Хотя в эти пять лет не обнаружилось никаких широких мероприятий, Екатерина, однако, уже строила широкие планы реформаторской деятельности.

Законодательная деятельность Екатерины II

Наказ и Комиссия 1767—1768 гг. С самого начала екатерининского царствования, как мы уже видели, Екатерина выразила желание привести все правительственные места в должный порядок, дать им точные «пределы и законы». Исполнение этой мысли явилось только в осторожном преобразовании Сената. Сама Екатерина пока не шла далее. Но пошел далее виднейший ее советник Н. И. Панин, который был одним из умнейших людей той поры и которого по уму можно поставить рядом с самой Екатериной или, позднее, со Сперанским; он только не умел быстро передавать в практику то, что задумал, ибо был по природе медлителен и малоподвижен. Панин подал императрице обстоятельно мотивированный проект учреждения императорского совета (1762 г.); доказывая с едкой иронией несовершенства прежнего управления, допускавшего широкое влияние фаворитизма на дела, Панин настаивал на учреждении «верховного места», совета из немногих лиц с законодательным характером деятельности. Это законодательное «верховное место», стоя у верховной власти в качестве ее ближайшего помощника, одно было бы в состоянии, по словам Панина, «оградить самодержавную власть от скрытых иногда похитителей оныя», т. е. временщиков. Совет при императрице, в то же время, был бы лучшим средством против беспорядка и произвола в управлении. Так Панин отвечал на заявленное Екатериной намерение внести в управление законность и порядок. Но он предлагал старое средство: в России существовали «верховные места» (Верховный тайный совет и Кабинет), которые, однако, не предохраняли от фаворитов и не охраняли законности. С другой стороны, «верховное место», усвоив законодательную функцию, стесняло бы верховную власть, для защиты которой предназначал его Панин. Современники заметили недостатки и даже неискренность проекта Панина. Когда Екатерина, подписав было поданный ей проект, стала затем колебаться и собрала мнения государственных людей о проекте, то не увидела большого сочувствия к нему. Ей даже высказали (Вильбуа), что Панин «тонким образом склоняется более к аристократическому правлению; обязательный и государственным законом установленный императорский совет и влиятельные его члены могут с течением времени подняться до значения соправителей». Таким образом Екатерине указали, что крупная административная реформа, на которую она было согласилась, может превратить Россию из самодержавной монархии в монархию, управляе-

мую олигархическим советом чиновной аристократии. Понятно, что Екатерина не могла утвердить такого проекта, и Панин, думавший пересадить в Россию знакомые ему формы шведского управления, потерпел неудачу.

Но, отклоняя реформу, предлагаемую Паниным, Екатерина вскоре сама остановилась на весьма оригинальном законодательном плане, более обширном, чем панинский проект. Это был план перестройки законодательства. Императрица желала законности и порядка в управлении; знакомство с делами показало ей, что беспорядок господствует не только в частностях управления, но и в законах; ее предшественники непрерывно заботились о приведении в систематический кодекс всей громады отдельных законоположений, накопившихся со времени Уложения 1649 г., и не могли сладить с этим делом. Екатерина также поняла настоятельность этого дела, но представляла себе несколько иначе суть предстоящей ей здесь задачи. Она не только хотела упорядочить законодательный материал, но стремилась создать новые законодательные нормы, которые содействовали бы установлению порядка и законности в государстве. В существующих же законах она находила недостатки и думала, что эти законы не соответствуют вообще современному состоянию народа.

Поэтому устранения существующих на деле недостатков Екатерина искала не только в практической правительственной деятельности, но и в теоретической перестройке действовавшего права. Эта мысль о выработке нового законодательства очень заняла Екатерину и повела к знаменитой «Комиссии для сочинения проекта нового Уложения», по поводу которой императрица впервые заявила о своих широких реформаторских планах.

Когда в 1648 г. при царе Алексее пожелали составить кодекс, то особой комиссии поручили собрать весь пригодный для этой цели материал из старого русского, византийского и литовского законодательства, а к слушанию собранных статей созвали Земский собор, который путем челобитий доводил до сведения правительства свои желания и, таким образом, своими челобитьями давал новый материал для законодательства. «Общим советом» создано было, таким путем, Уложение, ответившее вполне удовлетворительно на потребности своего времени. И в XVIII в. до Екатерины II, хотя законодательные работы и не привели к какому-либо важному результату, ясно замечаем тот же прием, как в 1648 г.: подготовительная редакционная работа поручается комиссиям бюрократического состава, а к «слушанию» составляемого кодекса призываются земские люди.

Екатерина не пошла таким путем. Она желала создать новое законодательство, а не приводить старое в систему. О старых русских законах, действовавших при ней, она отзывалась резко, считала их прямо вредными и, понятно, систематизировать их не желала. Она желала прямо установить отвлеченные общие правила, принципы законодательства и думала, что это ей удастся.

«Можно легко найти общие правила,— писала она Вольтеру в 1767 г.— но подробности?.. Это почти все равно, что создать целый мир». Кто же будет определять принципы законодательства и кто обсуждать подробности? Ни в определении принципов, ни в выработке подробностей Екатерина не нашла возможным воспользоваться силами бюрократии. Чиновничество выросло на старых законах и знало лишь правительственную практику, но не народные нужды; стало быть, ни поставить правильных принципов, ни согласовать их с народными нуждами в частностях нового законодательства оно не могло. Екатерина поэтому обошлась без него. «Легкое», как думала она, дело установления принципов будущего кодекса Екатерина приняла на себя. Трудности установления подробностей она нашла всего приличнее возложить на земских представителей, нуждам которых должны были удовлетворить новые законы.

Уже с 1765 г. Екатерина усидчиво принялась за изложение законодательных принципов и работала, не говоря никому о содержании своего труда. «Два года я читала и писала, не говоря о том полтора года ни слова,— сообщает сама императрица.— Предуспев, по мнению моему, довольно в сей работе, я начала казать по частям статьи, мною заготовленныя, людям разным, всякому по его способностям». Статьи, заготовленные Екатериной, были ее известным Наказом в его первоначальной редакции. Содержание Наказа исследовано обстоятельно, и теперь можно указать его главнейшие литературные источники: это «L'Esprit des Lois» Монтескье, «Institutions politiques» Бильфельда и вышедшее в 1764 г. сочинение итальянца Беккариа «О преступлениях и наказаниях». Екатерина о Монтескье сама писала Д'Аламберу, что в Наказе «обобрала президента Монтескье», не называя его; действительно, добрая половина статей Наказа есть пересказ «Духа законов» («О духе законов».— *Ред.*). Таким образом, свои принципы нового русского законодательства Екатерина установила на почве философско-публицистических умствований современной ей европейской литературы. Ясно, что эти принципы, с одной стороны, были в высшей степени либеральны, потому что взяты из либерального источника, а с другой стороны — совершенно чужды русской жизни, потому что слишком либеральны и выросли из условий нерусской общественной жизни. Они должны были удивить русское общество и либерализмом, и несоответствием национальному быту. Екатерина чувствовала это; она рядом с общим либерализмом поставила и мотивировала в Наказе ясное утверждение, что единственной возможной для России формой власти находит самодержавие как по обширности страны, так и потому, что одной власти лучше повиноваться, чем многим господам. Постаралась она оправдать и отвлеченность своих принципов, и их несоответствие русским порядкам; она писала в Наказе: «Россия есть европейская держава. Доказательство сему следующее; перемены, которые в России предпринял Петр В.,

тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходствовали с климатом и принесены к нам смешением разных народов и завоеваниями чуждых областей. Петр I, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие удобности, каких он и сам не ожидал» (Наказ, гл. 1, 6, 7). Итак, по мнению Екатерины, древняя Россия жила с чуждыми нравами, которые следовало переделать на европейский лад, потому что Россия — страна европейская. Петр начал эту переделку, вводя европейские обычаи, и это ему удалось. Теперь Екатерина продолжает это дело и вносит в русские законы общеевропейские начала. Именно потому, что они европейские, они не могут быть чуждыми России, хотя и могут такими показаться по своей новизне. Так Екатерина старалась оправдать либеральность и отвлеченность своих принципов. Если она оставалась верна народным воззрениям в том, что предпочитала самодержавие «угождению многим господам», то впадала в большую неточность в другом отношении: за начала общеевропейской жизни она приняла принципы европейской философии, которые не переходили в жизнь нигде в Европе и не были началами действительного быта. Являясь с этими принципами в русскую жизнь, Екатерина нимало не следовала Петру, который перенимал действительность, а не европейские мечты.

Когда Наказ был выработан и показан Екатериной многим лицам, то возбудил массу возражений с их стороны. Сначала Екатерина показывала его по частям приближенным лицам, и Панин на либеральные принципы Наказа тонко отозвался: «Ce sont des axiomes à renverser des murailles». Подобное же отношение к либерализму Наказа и от других лиц заставило Екатерину, по ее собственным словам, зачеркнуть, разорвать и сжечь «больше половины» написанного. Перед изданием в свете уже сокращенной редакции Екатерина созвала в село Коломенское, где тогда находилась, разных «вельми разномыслящих» людей, отдала им Наказ и позволила им «чернить и вымарать все, что хотели». При всем разномыслии позванных лиц они, однако, «более половины из того, что писано было ею, помарали — и остался Наказ, яко оный напечатан». Если верить точности слов Екатерины, напечатано было, стало быть, менее четверти того, что она составила. По сохранившимся рукописям императрицы видим, что возражения избранных ею цензоров направлены были против того, что либерально, и против того, что не соответствовало русским нравам. Цензура окружающих заставила Екатерину отказаться от напечатания весьма важных для нее частностей Наказа и скрыть многое из своих существенных взглядов.

Уступчивость Екатерины в деле составления Наказа показывает нам, во-первых, до какой степени доходила зависимость императрицы от окружающей ее придворной среды в первые годы ее правления, а во-вторых, до какой степени рознились ее личные, отвлеченные воззрения от тех взглядов, какие Екатерина высказывала официально. Для примера возьмем один важный вопрос

общественной жизни, который при Екатерине стал на очереди в правительственной практике,— вопрос крестьянский. Мы видели, что еще с XVII в. жизнь и правительственная практика неудержимо шли к тому, что более и более подчиняли личность и труд крестьянина власти помещика. С освобождением дворянства от государственных повинностей, по логике истории, с крестьян должна была быть снята их частная зависимость, потому что исторически эта зависимость была обусловлена дворянскими повинностями: *крестьянин должен был служить дворянину, чтобы дворянин мог исправно служить государству*. С освобождением дворянства выступал вопрос об освобождении крестьян: они волновались уже с манифеста о вольности дворянства, потому что смутно помнили ход закрепощения. (При Петре Великом крестьянин Посошков весьма определенно заявил: «Крестьяном помещики не вековые владельцы... а прямый их владелец Всероссийский Самодержец, а они владеют временно». Соч., 1, 183.) Но освобождение крестьян казалось в половине XVIII в. вещью невозможной: оно затрагивало и привилегии дворян, только что установленные, и хозяйственные их интересы, потому что лишило бы их дарового труда. Дворянство, составлявшее правительственный и административный класс XVIII в. и ставшее привилегированным землевладельческим сословием, хотя и задумывалось над крестьянским вопросом, но было далеко от его разрешения. Крепостное право продолжало не только существовать, но и развиваться.

Екатерина, воспитавшаяся на освободительных теориях XVIII в., не могла сочувствовать крепостному праву и мечтала об освобождении крестьян. В ее личных бумагах находили любопытные проекты постепенного уничтожения крепостной зависимости путем освобождения крестьян в отдельных имениях при их купле-продаже. Однако общее одновременное освобождение крепостных ее пугало, и она искренно была убеждена, что «не должно вдруг и через узаконение общее делать великаго числа освобожденных» (Наказ, 260). Но в то же время она искренно желала облегчить положение «рабов», т. е. крестьян, и уничтожить «рабство» в своей империи. И вот в первоначальной редакции Наказа рассеяно много замечаний и размышлений о крестьянах и о необходимости улучшить их положение и уничтожить крепостное право. Но в окончательной печатной редакции многие из этих либеральных размышлений о крестьянах были выпущены, очевидно под влиянием «разномыслящих персон», читавших и корректировавших Наказ (Соловьев, т. XXVII, 80).

Мало того, сама Екатерина была как бы вынуждена изменить свои взгляды, сделав уступки консервативным взглядам своих советников. Так, например, в первоначальном Наказе, следуя Монтескье, она писала: «Два рода покорностей: одна существенная, другая личная, т. е. крестьянство и холопство. Существенная привязывает, так сказать, крестьян к участку земли, им данной.

Такие рабы были у германцев. Они не служили в должностях при домах господских, а давали господину своему известное количество хлеба, скота, домашняго рукоделия и проч., и далее их рабство не простиралось... Личная служба или холопство сопряжено с услужением в доме и принадлежит больше к лицу. Великое злоупотребление есть, когда оно в одно время и личное и существенное». Здесь Екатерина обнаружила точные представления о существе крестьянской и холопской зависимости и справедливо осудила их смешение, которое вредно отразилось на судьбах крестьянства. Но в окончательной редакции Наказа это рассуждение выпущено; очевидно, Екатерина в данном случае, спрятав свое рассуждение, подчинилась факту русской жизни — полному смешению крестьян и холопов — и отступилась от своих теоретических взглядов, не находя уже «великого злоупотребления» в этом смешении. Нет сомнения, что здесь действовало влияние окружающих людей, «помаравших ее Наказ». Однако отступничество от высказанных взглядов у Екатерины вовсе не было искренним. Когда большинство земских представителей, собранных Екатериной в Комиссию, оказались поборниками крепостного права, Екатерина была очень недовольна. Сохранилась одна ее отметка по поводу крепостнических мнений депутатов: «Если крепостного нельзя признать *персоною*, следовательно, он не человек; но его скотом извольте признавать, что к немалой славе и человеколюбию от всего света нам приписано будет. Все, что следует о рабе, есть следствие сего богоугоднаго положения и совершенно для скотины и *скотиною делано*». Ясно, что, обзывая крепостников «скотинами», Екатерина не считала крестьянина рабом и желала освобождения его из той зависимости холопа, какая развилась в XVIII в.; но она должна была сдерживать свои мнения и желания, отказываться от них по внешности, не отказываясь, однако, внутренне.

Взятый нами пример свидетельствует, как мы сказали, о зависимости Екатерины от окружавшей ее среды и о разнице ее действительных взглядов от тех, какие она высказывала официально. Она считала, что установить общие принципы нового законодательства будет делом легким. На самом же деле это легкое дело оказалось тяжелым и до некоторой степени потерпело неудачу. Устанавливая новые принципы, Екатерина в них делала уступки той самой среде, которую хотела исправить новыми законами, и потому ее новые принципы не были развиты так полно, как бы ей хотелось. Еще до окончательной редакции Наказа Екатерина в нем как будто разочаровалась и писала Д'Аламберу, что Наказ вовсе не похож на то, что она хотела сделать. Однако и в окончательной, т. е. сокращенной, редакции Наказа Екатерина успела сохранить цельность своего либерального направления и высказать, хотя и не вполне, но с достаточной определенностью, те отвлеченные начала, какими должно было руководиться предположенное ею законодательное собра-

ние в своей практической деятельности. Наказ, сокращенный и выдержавший цензуру сотрудников Екатерины, будучи напечатан, произвел все-таки сильное впечатление и в России, и за границей. Во Франции он был даже запрещен. Действительно, он был исключительным правительственным актом как по своему общему характеру отвлеченного философского рассуждения, так и по либеральности внутреннего направления. (Ученое издание Наказа вышло под редакцией Н. Д. Чечулина в 1907 г. Интересен труд Ф. В. Тарановского «Политическая доктрина в Наказе».)

Читая печатный Наказ, мы видим, что он содержит в себе 20 глав (две главы: 21 и 22, о полиции и о государственном хозяйстве, Екатерина приписала к Наказу уже в 1768 г.) и более 500 параграфов, или кратких статей. Содержание этих статей касается всех главнейших вопросов законодательства. Кроме общих рассуждений об особенностях России как государства, и о русском государственном правлении в частности, обсуждается положение сословий, задачи законодательства, вопрос о преступлениях и наказаниях, судопроизводство, предметы гражданского права, кодификация и целый ряд вопросов государственной жизни и политики (есть даже рассуждение о признаках, по которым можно узнать падение и разрушение государства). Своим содержанием Наказ действительно довольно полно охватывает сферу тех вопросов, какие представляются законодателю, но он только намечает эти вопросы, трактует их отвлеченно и не может служить практическим руководством для законодателя. Наказ, как того и хотела Екатерина, есть только изложение принципов, какими должен руководиться государственный человек, пишущий законы.

Деятельность Комиссии. Так была исполнена первая часть задуманного императрицей плана: найдены «общие правила» нового законодательства. В исполнении этой первой части, как мы уже видели, Екатерину постигла некоторая неудача. Она не могла полно и откровенно высказать свои принципы, потому что кругом себя встретила противодействие. Неудача постигла ее и во второй части плана — в разработке подробностей нового законодательства. Эти подробности никогда не были выработаны.

Для составления нового кодекса манифестом 14 декабря 1766 г. были созваны в Москву представители сословий и присутственных мест. Их собрание получило название «Комиссии для сочинения проекта нового уложения». В эту Комиссию дворянство каждого уезда должно было послать одного депутата; каждый город, независимо от его величины, — тоже одного депутата; низшие разных служб служилые люди (ландмилицкие люди), черносошные (государственные) крестьяне — из каждой провинции по одному депутату; некочующие инородцы — от каждой провинции, от каждого народа по одному депутату. Сенат, Синод, Коллегия и др. присутственные места должны были также

прислать по депутату. Таким образом основания представительства были различны: одни части населения посылали представителей от уезда, другие — от провинции, третьи — от отдельного племени, четвертые — от присутственного места; одни избирали посословно (дворяне, крестьяне), другие — по месту жительства (горожане-домовладельцы, инородцы). Частновладельческие крестьяне и совсем были лишены права представительства. Не было и прямых представителей духовенства. Таким образом, хотя и собрали в Москву лиц самых разных состояний и племен, но все же представительство, установленное Екатериной, было далеко не полно. (Очень хорошо рассмотрена организация и состав комиссии 1767 г. в сочинении А. В. Флоровского «Состав Законодательной комиссии 1767 — 1774 гг.» 1915.)

Депутат обеспечивался на все время пребывания в Комиссии казенным жалованьем и должен был привезти в Москву инструкцию от своих избирателей с изображением их нужд и желаний. Эти инструкции получили название депутатских наказов, а Наказ Екатерины в отличие от них стал называться «большим Наказом». Звание депутата Екатерина старалась сделать весьма почетным в глазах общества: депутаты навсегда освобождались от казни, телесного наказания и конфискации имения; за обиду депутата виновный нес двойное наказание.

30 июля 1767 г. с торжеством были открыты заседания Комиссии в Грановитой палате в Москве. Всех представителей, явившихся в Комиссию, было 565. Одна треть из них были дворяне, другая треть — горожане; число лиц податных сельских классов не доходило и до 100; депутатов от присутственных мест было 28. Понятно, что такое разнородное собрание могло с удобством обсуждать принципы законодательства, но не могло удобно заниматься редактированием законов в полном своем составе. Оно могло их только слушать, обсуждать и принимать в готовой редакции. Поэтому общее собрание Комиссии должно было выделить из себя особые комиссии, которые сделали бы для общего собрания все вспомогательные и подготовительные работы. Эти комиссии и были выделены: одни из них занимались тем, что обрабатывали отдельные части будущего кодекса после обсуждения их общим собранием Комиссии; другие же приготовляли предварительно материал для занятий общего собрания. Одна из этих комиссий, дирекционная, руководила занятиями как частных комиссий, так и общего собрания, была главной пружиной всего дела. В ней были поэтому членами генерал-прокурор и председатель (маршал) Комиссии (А. И. Бибиков). Масса частных комиссий вносила большую сложность в делопроизводство: каждый частный вопрос проходил через несколько комиссий и по нескольку раз через одну и ту же. Это вызывало неизбежную медленность законодательных работ. А так как отношения частных комиссий и общего собрания не были точно определены, то неизбежны были беспорядок и путаница в их деятельности. Так

несовершенство внешней организации дела, ее сложность и неопределенность создавали первое препятствие для успешного ведения дела.

В ходе занятий Комиссии найдем и другие препятствия. Общее собрание прежде всего прочитало Наказ императрицы и узнало из него те отвлеченные принципы деятельности, которые ему ставила Екатерина. Вместе с тем члены собрания привезли с собой более 1000 депутатских наказов, должны были ознакомиться с ними и уяснить себе те нужды и желания русского общества, какие в них находились. Эти нужды и желания депутаты должны были примирить с теоретическими желаниями наказа и слить их в гармонически стройный законодательный кодекс. Для такой цели необходимо было разобрать депутатские наказы и привести в систему все их содержание. Этот кропотливый труд мог быть совершен только специальной комиссией, потому что был неудобен для собрания в 500 человек и был, в сущности, черновой приготовительной работой. Далее, желания сословий были часто противоположны и непримиримы: для должного к ним отношения мало было знать отвлеченные принципы, а следовало изучить исторически положение того или другого вопроса, т. е., иначе говоря, разобраться в старом законодательстве, которое состояло из массы (более 10 000) отдельных законоположений, весьма не упорядоченных. Поэтому вместе с систематизацией депутатских наказов являлась другая подготовительная работа, не доступная общему собранию,— систематизация, или простое собрание старых законов.

Пока обе эти работы не были исполнены, общему собранию нечего было делать, оно должно было ждать их исполнения и затем уже обсуждать приготовленные материалы и согласовать их с теоретическими началами. Но этих работ не думали исполнять предварительно и ожидали их от общего собрания. В инструкции, данной Екатериной Комиссии и определившей порядок ее действий, видим, что Екатерина на общее собрание возлагает обязанность «читать законы, в поправлении которых более состоит нужды», и «читать наказы, разобрав по материям и сделав выписку». В этом скрывается отсутствие ясного представления о том, что подготовительные законодательные работы недоступны для обширного собрания, не имеющего в них достаточного навыка. Так, рядом с несовершенствами внешней организации и неумелая постановка самых задач, смешение подготовительных работ с прямой обязанностью Комиссии служили вторым препятствием к успеху дела.

Комиссия сначала верно поняла, что ей необходимо было делать в ее обстановке. Прочтя Наказ Екатерины, она приступила к чтению наказов депутатских и прослушала несколько крестьянских наказов. Не окончив этого дела, по предложению маршала Бибикова, она перешла к чтению законов о дворянстве, затем о купечестве. Потратив на это около 60 заседаний,

Комиссия занялась вопросом о правах остзейских дворян и не окончила этого дела, как не кончила прежних. В конце 1767 г. Комиссию перевели в Петербург, где она также переходила от предмета к предмету и ничего не достигла. В конце 1768 г. члены общего собрания были распущены ввиду войны с Турцией. Частные комиссии работали немногим лучше. Виной такого беспорядка в занятиях было, по мнению исследователей, неумение Бибикова и других направляющих лиц. Сама Екатерина чувствовала неуспех дела, старалась ему помочь, посылала наставления Бибикову и не добилась ничего. Так, рядом с другими препятствиями неумение ближайших руководителей дела мешало его успеху. Более опытный председатель и более опытная дирекционная комиссия скорее поняли бы, что нужно делать. Это поняла, кажется, только сама Екатерина. Распустив общее собрание, она оставила некоторые частные комиссии, которые и работали, кажется, до 1774 г. Общее собрание в то же самое время не считалось уничтоженным, а было распущено на время. Таким образом, подготовительные работы не прекратились, но их обсуждение в общем собрании было отсрочено. В этом было бы можно, пожалуй, видеть правильный шаг в ходе законодательных работ; но с 1775 г. Екатерина стала забывать о своей Комиссии и решилась повести свою законодательную деятельность без ее участия. Комиссия не была созвана вторично. Блестящие и широкие планы не осуществились, затея нового законодательства не удалась.

Припомним вкратце весь ход дела: Екатерина убедилась в необходимости исправить недостатки русского общественного быта путем создания нового законодательства. В этом, в сущности неисполнимом, предприятии ее пугали не общие принципы законов, а их подробности. Она думала, что общие принципы уже твердо установлены в трудах французских либеральных философов, и сама взялась истолковать их в своем Наказе. Но ей не удалось этого сделать с желаемой полнотой и цельностью направления. Подробности, которые должны были нарасти на общих началах Наказа, по мысли Екатерины, определялись нуждами и желаниями русского общества. Оно и было призвано высказать то, что думало, в депутатских наказах и было обязано прислать своих депутатов для законодательных работ. Вся трудность, все стадии этих работ были возложены именно на депутатов. Для них не были сделаны самые необходимые подготовительные работы — собирание и систематизация как старого, так и нового законодательного материала, старых и новых законов. В то же время депутаты были подавлены сложностью, какая была внесена в организацию их собрания, и неясностью, с какой были определены их задачи и их положение в общем собрании и частных комиссиях. Практическая неопытность маршала и распорядительной дирекционной комиссии окончательно связала руки депутатам. Вследствие всех этих причин, т. е. 1) отсутствия под-

готовительных работ, 2) непрактичности и неопределенности внешней организации дела и 3) практического неумения руководителей, Комиссия не только не совершила всего своего дела, не только не обработала какой-нибудь части кодекса, но даже в полтора года, в 200 своих заседаниях, не прочла всех депутатских наказов.

Нет основания винить в этом самих депутатов; они не могли сделать большего и делали то, что с них спрашивали. У них спрашивали мнений по различным вопросам — они давали их; у них требовали работы в частных комиссиях — они работали. Не они, а несовершенства организации Комиссии лишили ее всякого прямого результата. Если бы, впрочем, дело устроено было и лучше с внешней стороны, все-таки можно было предсказать, что из работ Комиссии ничего не выйдет. Грандиозный проект нового законодательства был недостижимой утопией, прежде всего по количеству необходимого для него труда. Кроме того, нельзя было примирить либеральные принципы французской философии с противоречивыми желаниями русских сословий. Депутаты стояли в этом отношении среди многих исключающих друг друга противоположностей, и можно ручаться, что они никогда не вышли бы из них, как не могла выйти из них сама Екатерина.

Однако, несмотря на полную неудачу Комиссии, несмотря на ясный отказ Екатерины от общей реформы законодательства, екатерининская Комиссия имела важные последствия для последующей деятельности императрицы. В этом влиянии Комиссии на правительственную деятельность Екатерины заключается историческое значение знаменитого собрания депутатов 1767 — 1768 гг. Депутаты не сделали ничего осязательного, но они привезли с собой массу наказов и оставили их в руках Екатерины. Они много говорили — и от лица своих избирателей, и лично от себя — о самых разнообразных предметах государственной жизни, и речи их остались в бумагах Комиссии. Таким образом, мнения как сословий, так и отдельных избранных ими лиц о предметах, интересовавших Екатерину, были высказаны, и Екатерина могла их узнать из архива Комиссии. Сохраняя свои принципы, она овладела теперь мнениями и желаниями русского общества и могла их изучать обстоятельно. Она и изучала их. По ее собственному признанию, Комиссия подала «свет и сведение о всей империи, с кем дело имеем и о ком пещись должно». Ясно, что при таком взгляде на значение Комиссии Екатерина должна была в своей дальнейшей деятельности обращать большое внимание на сословные заявления. Она сама взяла на себя задачу примирять разноречивые и противоречивые желания депутатов, к общей пользе сословий, и согласовать практические стремления сословий с теоретическими взглядами своей философии. На почве отвлеченной философии и ясно высказанных земских желаний ей предстояла

возможность строить законодательные реформы, которые могли быть ответом на земские желания. С неудачей Комиссии не умирало ее дело. Если оно не удалось депутатам, то могло удаться самой императрице.

Так, с роспуском Комиссии не только не падала мысль Екатерины путем переделки законодательства переделать формы общественной жизни к лучшему, но эта мысль становилась как будто ближе к осуществлению. Созывая Комиссию, Екатерина имела только принципы; Комиссия показала, что именно надо исправить, к чему нужно приложить эти принципы, о чем прежде всего «пещись должно». Этот результат и не позволил Екатерине совсем разочароваться в Комиссии и в своем плане. Она принялась по частям выполнять свой план, давала ряд отдельных законоположений, из которых замечательны губернские учреждения 1775 г. и грамота сословиям 1785 г. Мы увидим при их разборе, как совмещались в них принципы Екатерины и стремления сословий.

Губернские учреждения Екатерины II и грамоты 1785 г. Губернские учреждения императрицы Екатерины составили эпоху в истории местного управления России. Мы видели, что в управлении центральном Екатерина произвела некоторую перемену еще в первое время своего царствования: она отняла у Сената его полномочия, какими он пользовался при Елизавете. Сенат получил эти полномочия как бы в наследство от Кабинета Анны, но Екатерина не восстановила Кабинета и не удержала при себе того совета из 9 членов, какой сформировался было при Петре III. Она вообще не поставила в государственном управлении ничего выше Сената. Только с 1768 г., по случаю начавшейся войны с турками, у нее явилась мысль устроить при себе совет на манер Конференции Елизаветы. Этот совет и существовал, но не имел определенной организации и не влиял заметно на управление. Собственно этим и ограничивалась реформаторская деятельность Екатерины относительно центральных учреждений.

Зато в 1775 г. были изданы «Учреждения для управления губерний». Вместо прежних 20 губерний, существовавших в 1766 г., по этим «учреждениям о губерниях» явилось к 1795 г. уже пятьдесят одна губерния. Прежде губернии делились на провинции, а провинции — на уезды; теперь губернии делятся прямо на уезды. Прежде областное деление производилось случайно, почему и выходило так, что, например, Московская губ. имела 2 230 000 жителей, а Архангельская — только 438 000, а между тем численный штат администрации был приблизительно одинаков и в той, и в другой губернии. Теперь же, при новом административном разделении, было принято за правило, чтобы в каждой губернии было от 300 до 400 тыс. жителей, а в уезде — от 20 до 30 тыс. В основу нового деления было, таким образом, положено начало статистическое, при проведении которого в жизнь упускалось из виду, что управлять теми же 300—400 тыс.

душ гораздо труднее, если они разбросаны на больших пространствах. При большей дробности новых административных округов нужно было и более административных центров; поэтому возникло много новых городов, созданных совершенно искусственно.

Изменив областные границы, учреждение о губерниях изменило и устройство областного управления. До 1775 г. главным органом управления в губерниях, провинциях и уездах были губернаторы и воеводы со своими канцеляриями. Земский элемент, введенный в областное управление Петром В., удержался только в городском самоуправлении и исчез из губернского управления, почему местная администрация стала бюрократической. Суд, отделенный при Петре от администрации, вскоре снова слился с нею. Таким образом, бюрократизм и смешение ведомств стали отличительными признаками местного управления. При этом состав администрации был малочислен и администрация была слаба. Эта слабость ясно сказалась во время московского бунта 1771 г., происшедшего под впечатлением чумы. Московские сенаторы (в Москве было два департамента Сената) и прочие власти растерялись при первом же движении народа. Против мятежной толпы, убившей архиепископа Амвросия, не могли собрать и 500 солдат. Московский главнокомандующий граф Салтыков горько жаловался Екатерине на недостаточность своих средств для борьбы с чернью. «Я один в городе и Сенате,— писал он,— помощников нет, команды военной недостает... помочь мне некому». Еще сильнее сказалась слабость администрации во время известного пугачевского бунта 1773—1774 гг. Этот бунт возник среди казачества на Урале и был последней попыткой его борьбы с режимом государства. Не страшное, само по себе, движение казаков стало особенно опасным потому, что сообщилось крестьянству всего Поволжья. По случаю турецкой войны у правительства было мало войск, а администрация не могла ни вовремя сдержать крестьянские волнения, ни принять должные меры, чтобы обезопасить не только общество, но и самих себя от всяких случайностей и опасностей. При таких условиях Пугачев под именем Петра III овладел громадными пространствами от Оренбурга до Казани, и борьба с ним обратилась в упорную войну. Только после ряда битв Пугачев был пойман и казнен в 1774 г. Шайки его рассеялись, но волнение утихало не сразу, и Екатерина выработала свои учреждения о губерниях под свежим впечатлением необыкновенного погрома.

Она стремилась увеличить силы администрации, разграничить ведомства и привлечь к участию в управлении земские элементы. В этом ее стремления напоминают стремления Петра Великого, но формы екатерининской администрации далеко разошлись с формами петровского времени, да и основания их были мало, в сущности, сходны. Учреждения Екатерины, прежде всего, были гораздо сложнее учреждений Петра.

В каждом губернском городе были установлены: 1) Губернское правление — главное губернское учреждение с губернатором

во главе. Оно имело административный характер, являлось ревизором всего управления, представляло собой правительственную власть в губернии. 2) Палаты уголовная и гражданская — высшие органы суда в губернии. 3) Палата казенная — орган финансового управления. Все эти учреждения имели коллегиальный характер (губернское правление — лишь по форме, ибо вся власть принадлежала губернатору) и бюрократический состав и ведали все сословия губернии. Затем в губернском городе были: 4) Верхний земский суд — судебное место для дворянских тяжб и для суда над дворянами. 5) Губернский магистрат — судебное место для лиц городского сословия по искам и тяжбам на них. 6) Верхняя расправа — судебное место для однодворцев и государственных крестьян. Эти суды имели коллегиальный характер, состояли из председателей — коронных судей и заседателей — выборных того сословия, делами которого занималось учреждение. По кругу дел и по составу эти учреждения были, стало быть, сословными, но действовали под руководством коронных чиновников. Наконец, в губернском городе были: 7) Совестный суд — для полюбовного решения тяжб и для суда над невменяемыми преступниками и непреднамеренными преступлениями и 8) Приказ общественного призрения — для устройства школ, богаделен, приютов и т. п. В обоих этих местах председательствовали коронные чиновники, заседали представители всех сословий и ведались лица всех сословий. Так, не будучи сословными, эти учреждения не были и бюрократическими.

В каждом уездном городе находились: 1) Нижний земский суд — ведавший уездную полицию и администрацию, состоявший из исправника (капитана-исправника) и заседателей; и тот, и другие избирались из дворян уезда. Исправник считался начальником уезда и был исполнительным органом губернского управления. 2) Уездный суд — для дворян, подчиненный Верхнему земскому суду. 3) Городской магистрат — судебное место для горожан, подчиненное губернскому магистрату (городская полиция была вверена коронному чиновнику — городничему). 4) Нижняя расправа — суд для государственных крестьян, подчиненный верхней расправе. Все эти учреждения по своему составу были коллегиальными и сословными местами (из лиц того сословия, дела которого ведали); только председатель нижней расправы был назначаем от правительства.

Кроме перечисленных учреждений следует заметить еще два: для попечения о вдовах и детях дворян была установлена Дворянская Опека (при каждом Верхнем земском суде), а для призрения вдов и сирот горожан — сиротский суд (при каждом городовом магистрате). И в том, и в другом учреждении членами были сословные представители. В Дворянской Опеке председательствовал предводитель дворянства (они стали существовать со времени Екатерининской комиссии), а в сиротском суде — городской голова.

Такова была система местных учреждений Екатерины II. Мы видим, что вместо довольно простых форм прежнего времени теперь раскинута в каждой губернии целая сеть учреждений с многочисленным составом, и эта многочисленная администрация сосредоточена в меньших административных округах. При обилии новых учреждений замечаем, что они стараются выдержать модный в XVIII в. принцип разделения ведомств и властей: администрация в них отделена от суда, суд — от финансового управления. Местные общества получили на сословном принципе широкое участие в делах местного управления: и дворянство, и горожане, и даже люди низших классов наполняли своими представителями большинство новых учреждений. Местная администрация приняла вид земского самоуправления, действовавшего, впрочем, в чувствительной зависимости и под контролем немногих правительственных лиц и бюрократических органов. Екатерина думала, что она достигла своих целей: усилила состав администрации, правильно распределила ведомства между органами управления и дала широкое участие земству в новых учреждениях. Местное управление вышло очень систематично и либерально. Оно отвечало до некоторой степени и отвлеченным теориям Екатерины, потому что отразило на себе либеральные учения европейских публицистов, и желаниям сословий, потому что имело несомненную связь с депутатскими желаниями. О самоуправлении говорили в комиссии 1767 — 1768 гг.

Однако, будучи очень систематичны сами по себе, местные учреждения 1775 г. не привели в систему всего государственного управления. Они не затронули форм центрального управления, но имели на него косвенное влияние. Центр тяжести всего управления был перенесен в области, и в центре оставалась лишь обязанность руководства и общего наблюдения. Екатерина сознавала это. Но она не тронула первоначально ничего в центральном управлении, а между тем перемены в нем должны были произойти, потому что Петр именно на петербургские коллегии возложил главную тяжесть управления. Перемены и произошли скоро: за неимением дел, коллегии мало-помалу стали уничтожаться. За водворением стройной системы в местном управлении следовало падение прежней системы в управлении центральном. Оно... стало требовать реформы и, пережив окончательное расстройство при императоре Павле, получило ее уже при императоре Александре I (когда учреждены были министерства).

Таковы были главные меры Екатерины относительно управления. Новые учреждения, притягивая к себе силы местных обществ, вносили нечто новое в жизнь и отношения сословий. Легко заметить, что, за исключением двух учреждений (совестного суда и приказа общественного призрения), все остальные были органами какого-нибудь одного сословия. Самоуправление получило строго сословный характер; оно не было новостью для горожан, зато громадной новостью было для дворянства.

Сословия. Становясь привилегированным и обособленным сословием, дворянство не имело еще сословной организации, а с уничтожением обязательной службы могло потерять и служебную организацию. Учреждения 1775 г., давая дворянству самоуправление, этим самым давали ему внутреннюю организацию. Для избрания должностных лиц дворяне должны были съезжаться всем уездом через каждые три года и выбирали себе уездного предводителя, капитана-исправника и заседателей в различные учреждения. Дворянство каждого уезда становилось целым сплоченным обществом и через своих представителей управляло всеми делами уезда; и полиция, и администрация находились в руках дворянского учреждения (нижний земский суд). По своему сословному положению дворяне становились с 1775 г. не только землевладельцами уезда, но и его администраторами. В то же время в тех учреждениях 1775 г., состав которых был бюрократическим или наполовину, или совсем, громадное число чиновников принадлежало к дворянству; поэтому можно сказать, что не только уездное, но и губернское управление вообще сосредоточивалось в дворянских руках. Дворянство же из своих рядов давно уже поставляло, как мы видели, главных деятелей и в центральные учреждения. С упадком старой аристократии дворяне стали ближайшими помощниками верховной власти в деле управления и наполняли все высшие учреждения в качестве коронных чиновников. Таким образом, с 1775 г. вся Россия от высших до низших ступеней управления (кроме разве городовых магистратов) стала управляться дворянством: вверху они действовали в виде бюрократии, внизу — в качестве представителей дворянских самоуправляющихся обществ.

Такое значение для дворянства имели реформы 1775 г.; они дали ему сословную организацию и первенствующее административное значение в стране. В «Учреждениях для управления губерний», однако, и организация, данная дворянству, и ее влияние на местное управление рассматриваются как факты, созданные в интересах государственного управления, а не сословий. Позднее Екатерина те же факты, ею установленные, а равно и прежние права и преимущества дворян изложила в особой Жалованной грамоте дворянству 1785 г. Здесь уже начала сословного самоуправления рассматриваются как сословные привилегии, наряду со всеми теми правами и льготами, какие дворяне имели раньше. Жалованная грамота 1785 г. явилась, таким образом, не новым, по существу, законом о дворянстве, но систематическим изложением ранее существовавших прав и преимуществ дворян с некоторыми, впрочем, прибавлениями. Эти прибавления составляли дальнейшее развитие того, что уже существовало. Главной новостью было признание дворянства уже не одного уезда, но и целой губернии за отдельное общество с характером юридического лица.

Грамотой 1785 г. завершен был тот процесс сложения и возвышения дворянского сословия, какой мы наблюдали на про-

странстве всего XVIII в. При Петре Великом дворянин определялся обязанностью бессрочной службы и правом личного землевладения, причем это право принадлежало ему не исключительно и не вполне. При императрице Анне дворянин облегчил свою государственную службу и увеличил землевладельческие права. При Елизавете он достиг первых сословных привилегий в сфере имущественных прав и положил начало сословной замкнутости; при Петре III снял с себя служебную повинность и получил некоторые исключительные личные права. Наконец, при Екатерине II дворянин стал членом губернской дворянской корпорации, привилегированной и державшей в своих руках местное управление. Грамота 1785 г. установила, что дворянин не может иначе, как по суду, лишиться своего звания, передает его жене и детям; судится только равными себе, свободен от податей и телесных наказаний, владеет как неотъемлемой собственностью всем, что находится в его имении; свободен от государственной службы, но не может принимать участия в выборах на дворянские должности, если не имеет «офицерского чина». Таковы главнейшие права всякого дворянина. Участие дворянских обществ в местном управлении нам уже известно. Помимо этого участия дворянские общества имели все права юридических лиц и пользовались широким простором в устройстве своих общественных дел. К таким результатам дворянство пришло к концу XVIII в.; исключительные личные права, широкое право сословного самоуправления и сильное влияние на местное управление — вот результаты, к каким привела дворянское сословие политика императрицы.

К этим результатам следует причислить и прогресс крепостного права. Мы видели, что положение крестьян ухудшалось непрерывно в XVIII в. Столкновение интересов помещика, строившего все свое хозяйство на даровом труде крестьянина, с интересами крестьянина, сознававшего себя не рабом, а гражданином, было непримиримо и разрешалось, законом и жизнью, в пользу помещика. Екатерина мечтала о крестьянском освобождении, строила его проекты, но она взошла на престол и правила с помощью дворянства и не могла нарушить союз свой с господствующим сословием. Поэтому, не отступаясь от своих воззрений, она в то же время поступала вопреки им. При Екатерине крепостное право росло и в смысле его силы, и... широты его распространения. Но вместе с тем росли и думы о его уничтожении и в самой императрице, и в людях, шедших за течением века. И чем дальше, тем больше становилось таких людей.

Законодательство о крестьянах времени Екатерины по-прежнему направлялось к дальнейшему ограничению крестьянских прав и усилению власти над ними помещика. Во время крестьянских волнений в 1765—1766 гг. помещики получили право ссылать своих крестьян не только на поселение в Сибирь (это уже было ранее), но и на каторгу, «за дерзости» помещику. Помещик во всякое время мог отдать крестьянина в солдаты, не дожидаясь

времени рекрутского набора. Когда же эти меры не привели к подавлению крестьянских волнений и крестьяне продолжали волноваться и жаловаться на помещиков, то указом 1767 г. крестьянам было запрещено подавать какие бы то ни было жалобы на помещиков. В Комиссии 1767—1768 гг. были собраны представители всех классов общества, но не было ни одного владельческого крестьянина. Учреждения 1775 г. давали право самоуправления всем классам местного общества, кроме владельческих крестьян. Все эти указы и меры свидетельствуют о том, что на крестьян смотрели не как на граждан, а как на помещичью собственность. Грамота дворянству 1785 г. не говоря прямо о существе помещичьей власти над крестьянами, косвенно признавала крестьян частной собственностью дворянина вместе с прочим его имением.

Но такой взгляд на крестьянство не повел к полному уничтожению гражданской личности крестьян: они продолжали считаться податным классом общества, имели право искать в судах и быть свидетелями на суде, могли вступать в гражданские обязательства и даже записываться в купцы с согласия помещика. Казна даже допускала их к откупам за поручительством помещика. В глазах закона, таким образом, крестьянин одновременно был и частным рабом, и гражданином. И даже касаясь частных отношений крестьянина и его владельца, закон не доходил до признания полного его рабства и считал возможным и должным ограничивать право распоряжения крестьянином. Помещик мог продавать и отпускать на волю крестьян, но закон запрещал ему торг крестьянами во время рекрутских наборов (а равно запрещал и торг отдельными людьми с молотка) и отпуск на волю таких крепостных, которые не могли прокормить себя по болезни или старости.

Такая двойственность законодательства в отношении крестьян указывала на отсутствие твердого взгляда на них у правительства. Это отсутствие и было причиной того, что в то самое время, как Екатерина грамотами 1785 г. определила государственное положение дворян и горожан, положение крестьян осталось неопределенным и крепостное право не получило законодательной формулы и общих определений. В правительстве было уже два известных нам направления в вопросе о крестьянах: императрица хотела их освобождения, окружающие ее — дальнейшего развития помещичьих прав. Смотря по тому, чьи взгляды брали перевес, отдельные меры о крестьянах принимали тот или другой характер. Вот почему в положении крестьянского вопроса при Екатерине наблюдаем ряд замечательных противоречий. Для примера возьмем некоторые из них. Рядом указов Екатерина старалась ограничить распространение крепостного права и прямо запрещала свободным людям и вольноотпущенным вновь вступать в крепостную зависимость. Учреждая новые города из сел, населенных крепостными, правительство выкупало

крестьян и обращало их в горожан. Вся масса, около миллиона крестьян, принадлежащих духовенству, была окончательно изъята из частного владения и превращена в особый разряд государственных крестьян под именем экономических (1763). Но рядом с этим Екатерина щедро раздавала приближенным людям имения, и число новых крепостных в этих имениях достигало громадной цифры. Далее, во все свое царствование Екатерина искренно строила проекты освобождения крестьян; уже во вторую половину ее царствования видели проект закона о том, чтобы объявить свободными всех детей крепостных крестьян, рожденных после Жалованной грамоты 1785 г. Но рядом с этим Екатерина воспретила свободный переход малорусских крестьян и тем формально водворила в Малороссии крепостное право, хотя надо сказать, что сама жизнь до нее уже подготовила его.

Результатом таких противоречий было не прекращение или ограничение крепостного права, а еще больший его расцвет. Исследователи истории крепостного права замечают, что век Екатерины был временем наибольшего развития крестьянской зависимости. И как раз в это же самое время общественная мысль обратилась к теоретическому обсуждению крепостного права. Не одна императрица задумывалась над ненормальным явлением рабства. После манифеста о вольности дворянской и у крестьян, и у дворян явилась мысль о том, что с уничтожением повинности дворян естественным стало уничтожение и крестьянской зависимости. В обществе явился так называемый крестьянский вопрос и два взгляда на него: один в пользу освобождения крестьян, другой против освобождения. Екатерина допустила обсуждение этого вопроса не только в правительственных сферах, где судьба крестьянства давно составляла вопрос, но и в сфере общественной жизни. В петербургском Вольном Экономическом Обществе, устроенном в 1765 г. для поощрения полезных знаний в области сельского хозяйства, с первых же минут его деятельности был возбужден вопрос о быте крестьян. Близкий к императрице человек, Гр. Гр. Орлов, предложил (в 1766 г.), чтобы Общество поставило на публичное обсуждение вопрос о крепостной зависимости и о правах крестьян. Тема действительно была дана Обществом и вызвала массу трактатов о крестьянском вопросе, присланных в Общество и из России, и из-за границы. Премия была присуждена Обществом сочинению ахенского ученого Беарде-Делабея, который высказался в освободительном духе. Далее, в Комиссии 1767 г. допущено было широкое обсуждение крестьянского вопроса.

Таковы были главнейшие факты законодательной деятельности императрицы Екатерины. В противоположность Петру Великому Екатерина выступила на поле деятельности с широким преобразовательным планом, в основание которого легли отвлеченные принципы. Она не успела выполнить своего плана целиком и не провела последовательно своих идей. Мысли

Наказа не перешли в практику, законодательство не было перестроено на новых основаниях, отношения сословий остались, по существу, прежними и развивались в том направлении, какое дано было в предшествующее время. Развитие крепостного права и сословность самоуправления прямо противоречили тем отвлеченным теориям, каким поклонялась императрица, но зато прямо соответствовали желаниям самого влиятельного сословия — дворянского. Коллизия личных взглядов Екатерины и русской действительности всегда приводила Екатерину к уступкам действительности во всех важных ее мероприятиях. На Екатерине оправдалась справедливость исторического положения о бессилии личности изменить общий ход событий. Как исторический деятель, Екатерина осталась верна тем началам русской жизни, какие были завещаны ее времени временами предыдущими; она продолжала свою деятельность в том же направлении, в каком работали ее предшественники, хотя иногда и не сочувствовала им и не желала действовать так, как они. Сила событий и отношений была сильнее ее личной силы и воли.

Однако не следует думать, что личность Екатерины и ее личные взгляды прошли бесследно в ее правительственной деятельности. Они сказались, с одной стороны, в общих приемах, просвещенных и либеральных, всей государственной деятельности Екатерины и во многих отдельных ее мероприятиях; с другой стороны, они отразились на самом русском обществе и много содействовали распространению образования вообще и гуманно-либеральных идей XVIII в. в частности.

Отдельные мероприятия. Из отдельных мероприятий просвещенного правительства Екатерины особенно замечательны меры относительно народного образования и заботы о народной гигиене. С Петра образование в России носило практический характер — усвоение знаний для потребностей службы и жизни. Екатерина II в своем Наказе первая заговорила о воспитательном значении образования и стала затем заботиться об учреждении воспитательных заведений. «Один только украшенный или просвещенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина,— так говорила Екатерина (в своих «Учреждениях, касающихся до воспитания»),— но во многих случаях паче во вред бывает, если кто от самых нежных юности своей лет воспитан не в добродетелях и твердо оныя в сердце его не вкоренены... Посему ясно, что корень всему злу и добру — воспитание». Для того же, чтобы воспитать русское общество, Екатерина лучшим средством считала «произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу или новых отцов и матерей», нравственно совершенных. Эта новая порода людей должна была вырасти в воспитательных училищах под надзором опытных педагогов, в полном разобщении с семьей и обществом. Такими воспитательными училищами явились: воспитательные дома в Москве (1763) и Петербурге (1767), закрытые институты отдель-

но для девиц-дворянок и для девиц-горожанок (с 1764) и кадетские корпуса. Кроме заведений воспитательных Екатерина заботилась также и о распространении открытых училищ: в каждом уездном городе должны были явиться Малые народные училища, в каждом губернском городе — Главные народные училища, наконец, в Екатеринославе, Пензе, Чернигове и Пскове предполагалось учредить университеты. Хотя этот план по недостатку средств и не осуществился вполне, однако для народного образования при Екатерине сделано было очень много. Энергия в этом деле Екатерины и ее помощника И. И. Бецкого заслуживает благодарного воспоминания, хотя современная нам педагогия и строится на иных основаниях, чем основания педагогической системы Бецкого.

Заботы о народном здоровье и гигиене вызвали при Екатерине попытку правильно организовать врачебную помощь во всей стране. Медицинская комиссия, учрежденная в 1763 г., и приказы общественного призрения должны были блюсти медицинскую часть в империи. Каждый город обязан был иметь врачей не только для города, но и для уезда, обязан также был устраивать госпитали и больницы, заводить приюты для неизлечимо больных и сумасшедших (богоугодные заведения). Так как недоставало врачей, их выписывали из-за границы и заботились об образовании русских лекарей и хирургов. В то же время основывали аптеки и фабрики хирургических инструментов.

Весь этот ряд забот об умственном и нравственном совершенствовании народа и его физическом здоровье сильно отражал на себе идеи века, усвоенные Екатериной. Та же зависимость от западноевропейских идей сказалась и в отношении Екатерины к русской торговле и промышленности. Она стремилась покровительствовать им: дала в 1785 г. Жалованную грамоту городам, подтверждая ею права городского самоуправления; желала лучше организовать кредит и учредила Государственный заемный банк с большим капиталом; изыскивала средства увеличить вывоз. Но ее экономическая политика отличалась существенно от политики предыдущих царствований. С Петра Великого у нас установилась над торговлей и промышленностью система строгого правительственного надзора, и деятельность торгово-промышленного класса была стеснена регламентацией. Екатерина сняла эти стеснения, уничтожила самые органы контроля — Берг- и Мануфактур-коллегию — и стала держаться в отношении торговли и промышленности известного принципа «laisser faire, laisser passer». Этот принцип в ее время был уже высказан и английскими, и французскими экономистами и сочувственно принимался корифеями французской философии. Екатерина усвоила его: она содействовала развитию промышленности и торговли, но она не направляла это развитие в ту или другую сторону.

Так, отражались взгляды и образование Екатерины в правительственной практике. Не бесследно проходила ее личность

и в общественной жизни. Изучение литературы XVIII в. покажет вам, какой широкой струей при Екатерине вливались в русскую общественную жизнь идеи, выработанные на Западе, как оживилась и быстро шла вперед общественная мысль, как развивалась наша литература и журналистика. Одним из деятелей этой литературы и одним из наиболее ранних проводников в русское общество европейских идей была сама Екатерина. Таким образом, подчиняясь практической необходимости, Екатерина отступала иногда от своих теорий, но не оставляла их совсем, и если жизнь разбивала ее философские мечты и заставляла противоречить слову делом, то в других случаях мечты Екатерины действовали на русскую жизнь и влекли ее за собой.

Внешняя политика Екатерины II

Нетрудно заметить, что внутренняя политика Екатерины II не стремилась возвратить русское общество к формам быта, существовавшим при Петре. Екатерина не подражала в этом Елизавете. Она желала широкой законодательной реформой поставить общественную жизнь России на общеевропейские основания и не могла осуществить своего плана: вместо общей реформы в русской жизни продолжали развиваться те явления, какие мы наблюдали в первой половине XVIII в. Однако, не подражая ни Петру, ни Елизавете, Екатерина еще менее подражала немецким правительствам, бывшим на Руси: при ней у дел стояли русские люди и интересы России понимались чисто по-русски. Екатерина была национальной государыней не менее, чем Елизавета.

И во внешних сношениях и столкновениях Екатерина не стремилась подражать кому бы то ни было из своих предшественников и вместе с тем умела понять исконные задачи русской политики и потому была прямой подражательницей Петра. Мы видели, что из трех вопросов русской внешней политики, стоявших на очереди при Петре,— шведского, польского и турецкого — Петр разрешил только первый. Его ближайшие преемники не разрешили ни второго, ни третьего. Их разрешила Екатерина II, и хотя некоторые и думают, что ее решение произведено с ошибками, тем не менее у Екатерины нельзя отнять той чести, что она поняла и счастливо закончила то, чего не успел закончить Петр. Ко времени Екатерины задачи России состояли в том, чтобы взять у Турции Крым и северные берега Черного моря, иначе говоря, достигнуть на юге естественных географических границ империи. По отношению к Польше задачи России состояли в том, чтобы освободить православно-русское население Польши от католическо-польского владычества, т. е. взять у Польши старорусские земли и достигнуть с этой стороны этнографических границ русской народности. Екатерина счастливо исполнила все это: Россия при ней завоевала Крым и берега Черного моря и присоединила от Польши все русские области,

кроме Галиции. В этом заключались важнейшие результаты внешней политики Екатерины, увеличившей народонаселение империи на 12 млн. душ; но этим не исчерпывалось ее содержание.

Вступая на престол, Екатерина застала конец Семилетней войны в Европе, а в России — охлаждение к Австрии и сближение с Пруссией, наконец, приготовления к войне с Данией, сделанные Петром III. Прекратив их и сохранив нейтралитет в Семилетней войне, Екатерина уничтожила прусское влияние при русском дворе и постаралась поставить себя вне всяких союзов и дипломатических обязательств. Она хотела мира, чтобы упрочить свое положение, и избегала обязательств, чтобы развязать себе руки относительно Польши, где ожидали смерти Августа III и где следовало посадить удобного для России короля. Между тем европейские дворы искали союза с Россией, чтобы с ее помощью получить выгодные условия мира при окончании Семилетней войны, и потому Екатерине нужно было большое искусство и немало труда, чтобы от всех отделаться и никого не обидеть. «Со всеми государями Европы я веду себя, как искусная кокетка»,— говорила сама о себе Екатерина. В сущности, ей не удалось достигнуть своей цели. Положение дел заставило Екатерину связать себя союзом с Пруссией, воевать в Польше и принять войну с Турцией, объявленную вследствие интриг Франции. Это были главнейшие внешние события первой половины царствования Екатерины. Все они находились в зависимости одно от другого и от внешнего положения дел в Европе. На первый взгляд, в них много случайного. Но Екатерина не руководилась только случайностями и мимолетными соображениями. С первых же лет ее политики у нее явилась известная политическая система, и, отзываясь на ту или другую политическую случайность, она сообразовалась с требованиями своей системы. Эта система родилась в голове русского дипломата-немца Корфа, была разработана Паниным и принята Екатериной. Система была известна под своеобразным названием «Северного аккорда» и по содержанию была большой утопией. Корф и Панин желали «на севере составить знатный и сильный союз держав» из России, Пруссии, Польши, Англии и др. северных государств и с целями мира противопоставить его французско-австрийскому союзу. Невозможно было ждать, чтобы все северные государства, имевшие между собой много счетов и неудовольствий, могли сблизиться в прочный и долгий союз. Однако идея «Северного аккорда» была причиной разрыва традиционного союза России с Австрией, державшегося со времени Петра Великого. В 1764 г. Россия вступила в союз с врагом Австрии, Фридрихом Прусским, для совместных действий в Польше.

Мы не станем останавливаться на внешних подробностях военных и политических событий времени Екатерины, весьма известных. Относительно первого раздела Польши заметим лишь, что в тех религиозных и политических смутах, какие

начались в Польше со смертью Августа III и вступлением на престол Августа IV (Понятовского), Россия была заинтересована более других соседей Польши, потому что ей приходилось одновременно защищать двоякого рода интересы: политические и религиозно-национальные. Как европейская держава, соседняя с Польшей, Россия не желала никаких перемен в Польше и договором 1768 г. гарантировала польскому королю неизменяемость политического строя Польши. Но как государство православное, Россия годом раньше добилась важной реформы в польском государственном строе: всех политических прав для лиц, не исповедующих католицизм. Двойственность интересов создавала таким образом двойственность политики: защищая православие в Польше, Россия в то же время гарантировала неприкосновенность прав польских панов на православных крестьян. Одновременно с этим настойчивое вмешательство России в польскую жизнь создавало другое неудобство — боязнь чрезмерного усиления России. Франция, действовавшая против России прямо в самой Польше, действовала и посредством Турции: она подбила Турцию на войну, и с 1769 г. силы России поделились между двумя врагами.

Обе войны затянулись, но окончились успешно для России, несмотря на то что польским конфедератам помогали Франция и Саксония, а Турции хотела помочь Австрия. Силы конфедерации были уничтожены, движение затихло и, пользуясь удобной минутой, Фридрих Прусский пустил в ход излюбленную свою мысль о разделе Польши между ее соседями: Россией, Пруссией и Австрией. Мысль эта была стара; с планами раздела был знаком еще Петр I и не сочувствовал им. Но Екатерина согласилась на раздел потому, что была под сильным давлением Пруссии и Австрии, не могла им дать отпора, находясь в войне с Турцией. Вслед за С. М. Соловьевым мы склонны думать, что, получив в 1772—1773 гг. Белоруссию, Екатерина не была довольна исходом дела, потому что чувствовала всю горечь невольных, вынужденных уступок и союзнице своей Пруссии, и явно враждебной Австрии. Вряд ли мог быть доволен и Панин, система которого нарушалась разделом Польши и участием в нем Австрии.

Зато императрицу могли радовать успехи против турок. Несмотря на ряд политических затруднений, война со стороны России была ведена энергично. Русский флот обошел всю Европу, явился в Архипелаге, возмутил Морею против турок и одерживал над ними победы. Правда, он не мог, как было предположено, пройти в Черное море, ибо турки укрепили Дарданеллы; но эффект от блестящего морского предприятия получился полный как в Турции, так и в Европе. Не менее блестящи были победы Румянцева, перешедшего даже Дунай, и кн. Долгорукого, занявшего весь Крым. Мир 1774 г. дал России берега Черного и Азовского морей и сделал крымского хана независимым от Турции. Результатом этих условий явилось присоединение в 1783 г.

Крыма. Таким образом, цель была достигнута: на юге приобретены естественные границы.

1774-м годом окончился первый, трудный и тревожный период екатерининских войн. Сложные дипломатические комбинации, направленные против России во время этих войн, потеряли свою остроту и опасность. Военное могущество России было доказано и давало русской дипломатии весьма уверенный тон, высокое чувство собственного достоинства и сознание силы представляемого ею государства. У Екатерины и ее помощников (особенно у Г. А. Потемкина) росли грандиозные планы завоеваний, зрел так называемый «греческий проект». Он состоял в том, чтобы завоевать Турцию, которая казалась уже очень слабым государством, и на ее месте восстановить Греческую империю с русским правительством. История этого проекта, быть может, находится в связи с древнерусскими мечтами о взятии Царьграда и с планом турецкой войны Петра в 1711 г. Взятый же отдельно, греческий проект представляется блестящей мечтой, но невыполнимым делом; однако к этому делу шли приготовления: был занят Крым, колонизовался и устраивался Черноморский край (Новая Россия), заводился черноморский флот. Для действий против Турции Екатерина вступила даже в союз с Австрией и оставила союз с Пруссией.

Эта перемена союза в 1787 г. и воинственные замыслы России послужили причиной новых войн, упавших на Россию во вторую половину царствования Екатерины. Пруссия и Англия, ее союзница, подняли Турцию на новую войну с Россией (1787—1791) и вызвали на то же самое Швецию (1788—1790). Шведская война кончилась ничем, от Турции Россия получила Очаков. Еще не окончились эти войны, как Екатерина должна была вмешаться в польские дела. 3 мая 1791 г. в Польше было провозглашено новое государственное устройство при тайном сочувствии и участии Пруссии в этом перевороте. Но Россия, гарантировавшая неприкосновенность старого польского устройства, немедленно послала в Польшу войска. В 1793 г. к русским войскам присоединились прусские и произведен был второй раздел Польши, давший России 4500 квадратных миль. Когда же в Польше явилась попытка восстановить прежние границы, то в 1795 г. последовало окончательное уничтожение Польского государства. По третьему разделу Россия получила Литву и Курляндию. Этим закончилась вторая серия екатерининских войн, доставившая России новые завоевания. Русские земли, в течение многих веков бывшие под властью Литвы и Польши, возвратились к России; взято было много и лишнего. Но Червонная Русь, или Галиция, отдана была Австрии.

Таково в кратких чертах содержание внешней политики Екатерины и результаты, ею достигнутые. При постоянном воздействии западных держав, при очень сложных политических затруднениях дипломатия Екатерины не всегда могла достигнуть того,

к чему стремилась, не всегда ясно сознавала, к чему ей следует стремиться,—словом, терпела неудачи и делала ошибки, но завершила успешным концом вековые стремления нашего племени и, оканчивая решение старых задач, спешила ставить новые, вроде «аккорда» и греческого проекта, не всегда вытекавшие из реальных потребностей времени и народа, но иногда близкие народному делу.

Историческое значение деятельности Екатерины II

Историческое значение деятельности Екатерины II определяется довольно легко на основании того, что было сказано нами об отдельных сторонах екатерининской политики.

Мы видели, что Екатерина по вступлении на престол мечтала о широких внутренних преобразованиях, а в политике внешней отказалась следовать за своими предшественниками, Елизаветой и Петром III. Она сознательно отступала от традиций, сложившихся при Петербургском дворе, а между тем результаты ее деятельности по своему существу были таковы, что завершили собой именно традиционные стремления русского народа и правительства.

В делах внутренних законодательство Екатерины II завершило собой тот исторический процесс, который начался при временщиках. Равновесие в положении главных сословий, во всей силе существовавшее при Петре Великом, начало разрушаться именно в эпоху временщиков (1725—1741), когда дворянство, облегчая свои государственные повинности, стало достигать некоторых имущественных привилегий и большей власти над крестьянами—по закону. Наращение дворянских прав наблюдали мы во время и Елизаветы, и Петра III. При Екатерине же дворянство становится не только привилегированным классом, имеющим правильную внутреннюю организацию, но и классом, господствующим в уезде (в качестве землевладельческого класса) и в общем управлении (как бюрократия). Параллельно росту дворянских прав и в зависимости от него падают гражданские права владельческих крестьян. Расцвет дворянских привилегий в XVIII в. необходимо соединялся с расцветом крепостного права. Поэтому время Екатерины II было тем историческим моментом, когда крепостное право достигло полного и наибольшего своего развития. Таким образом деятельность Екатерины II в отношении сословий (не забудем, что административные меры Екатерины II носили характер сословных мер) была прямым продолжением и завершением тех уклонений от старорусского строя, какие развивались в XVIII в. Екатерина в своей внутренней политике действовала по традициям, завещанным ей от ряда ближайших ее предшественников, и довела до конца то, что они начали.

Напротив, в политике внешней Екатерина, как мы видели, была прямой последовательницей Петра Великого, а не мелких

политиков XVIII в. Она сумела, как Петр Великий, понять коренные задачи внешней русской политики и умела завершить то, к чему стремились веками московские государи. И здесь, как в политике внутренней, она довела до конца свое дело, и после нее русская дипломатия должна была ставить себе новые задачи, потому что старые были исчерпаны и упразднены. Если бы в конце царствования Екатерины встал из гроба московский дипломат XVI или XVII вв., то он бы почувствовал себя вполне удовлетворенным, так как увидел бы решенными удовлетворительно все вопросы внешней политики, которые так волновали его современников. Итак, Екатерина — традиционный деятель, несмотря на отрицательное ее отношение к русскому прошлому, несмотря, наконец, на то, что она внесла новые приемы в управление, новые идеи в общественный оборот. Двойственность тех традиций, которым она следовала, определяет и двоякое отношение к ней потомков. Если одни не без основания указывают на то, что внутренняя деятельность Екатерины узаконила ненормальные последствия темных эпох XVIII в., то другие преклоняются перед величием результатов ее внешней политики. Как бы то ни было, историческое значение екатерининской эпохи чрезвычайно велико именно потому, что в эту эпоху были подведены итоги предыдущей истории, завершились исторические процессы, раньше развивавшиеся. Эта способность Екатерины доводить до конца, до полного разрешения те вопросы, какие ей ставила история, заставляет всех признать в ней первостепенного исторического деятеля, независимо от ее личных ошибок и слабостей.

Время Павла I (1796—1801)

Лишь с недавнего времени личность и судьба императора Павла получили надлежащее освещение в исторической литературе. Кроме старого, но не стареющего труда Д. Ф. Кобеко «Цесаревич Павел Петрович» мы имеем теперь для общего ознакомления с царствованием Павла труды Е. С. Шумигорского («Имп. Мария Федоровна», «Е. И. Нелидова» и «Имп. Павел I»), в которых господствует благожелательное отношение к Павлу, и затем монографии Н. К. Шильдера («Имп. Павел» и «Имп. Александр I») с тенденцией против Павла. Кроме того, ценны по материалам и по изложению отдельных сторон павловского времени: Панчулидзев «История кавалергардов», т. II; Брикнер «Смерть Павла I» и сборник «Цареубийство 11 марта 1801 года» (СПб., 1907). В самое последнее время (1916) вышел обстоятельный труд проф. М. В. Клочкова «Очерки правительственной деятельности времени императора Павла I», в котором сделана попытка научного изучения внутреннего управления России при Павле. С осво-

бождением павловской эпохи от условий государственной тайны наука получает возможность не только изучить причины странностей этого государя и обстоятельств его смерти, но и понять его психологию и истинные мотивы возмущения против него.

Личность и внутренняя деятельность императора Павла I. Наследовавший императрице Екатерине ее сын Павел Петрович вступил на престол 6 ноября 1796 г., уже 42 лет от роду, пережив много тяжелых минут в своей жизни и испортив свой характер под влиянием холодных, неискренних и даже враждебных отношений, существовавших между ним и его матерью. Императрица Екатерина не только не любила своего сына, но даже подозрительно относилась к нему, так как не могла не видеть в нем претендента на власть, перешедшую к ней помимо Павла, от его отца, Петра III. Конечно, благодаря этой подозрительности, она держала Павла вдали от дел, не допуская его ни к участию в своем Совете и в администрации, ни к командованию войсками. Отсутствие любви к сыну вызывало в Екатерине небрежность в обращении с ним; такая же небрежность усвоена была и всеми любимцами императрицы. Павел был в открытой опале при дворе и не был гарантирован даже от дерзостей со стороны придворных его матери.

Понятно, как должно было все это угнетать и раздражать самолюбивого Павла, который, при всей своей вынужденной сдержанности, не мог не понимать, что право на его стороне, что унижения и оскорбления, которым он подвергался, составляют не просто дерзость и невежливость, а преступление. Чувство личной обиды соединялось у Павла и с чувством обиды за своего отца Петра III: судьба Петра оставалась ему в точности неизвестна до самой смерти Екатерины (когда он узнал, что смерть Петра III была случайной и что Екатерина в ней нисколько не повинна); не был в точности известен ему и характер Петра III. Отношение Павла к матери поэтому было очень сложно и не могло быть беспристрастно.

Находясь в стороне от двора и политики, Павел искусственно ограничивал свои интересы семьей, личным хозяйством и командой над теми немногочисленными войсками, которые составляли гарнизон вновь устроенного Павлом городка Гатчины. На государственное управление и на придворную жизнь смотрел он со стороны, как чуждый зритель, и поэтому оценивал факты государственной жизни с полной свободой критики. Несовпадение его личных идеалов с тем, что совершалось на его глазах, вызывало в нем чувство глубокого недовольства ходом дел, осуждение и правящих лиц, и самой системы управления. Он рвался к деятельности, а возможности действовать у него не было никакой. Силы ума поневоле растрачивались на мелочи и не обогащались необходимым опытом государственной деятельности.

При таких условиях император Павел, вступая во власть, обнаружил явную вражду к порядкам, существовавшим при дво-

ре его матери, и к людям, имевшим влияние на дела при Екатерине. С первых минут его царствования стало ясно, что новый государь будет действовать с помощью новых людей и совершенно в новом направлении. Властные фавориты Екатерины потеряли всякое значение; раньше унижаемый ими Павел теперь высказывал самое высокое представление о существе своей власти. Исполненный самых лучших намерений, он стремился всей душой к благу государства, но отсутствие правительственных навыков мешало ему действовать удачно. Недовольный системой управления, он не мог найти вокруг себя способных людей, чтобы заменить ими прежнюю администрацию. Желая водворить порядок при дворе и в администрации, он громко осуждал и искоренял старое, новое же насаждал с такой строгостью, что оно всем казалось горше старого. Неподготовленность к делам сказывалась на всем, что делал Павел, и, соединяясь с неровностью его характера, сообщала всем его мерам колорит чего-то случайного, болезненного и капризного. С годами горячность и впечатлительность Павла перешли в тяжелую способность терять самообладание из-за пустяков; любовь к порядку и законности заменялась пристрастием к внешним формам подчинения и благочиния; вспыльчивость обратилась в припадки жестокости. Если бы все эти черты Павла оставались в узких рамках его личной жизни, они были бы едва заметны для историка, но Павел свои случайные настроения переносил в законодательство и политику, и они стали неизбежным материалом для характеристики его как правителя.

А между тем какую симпатию будит в нас личность Павла в детские годы! Он рос под руководством умного Никиты Ив. Панина. Ни Панин, ни Порошин (один из младших наставников Павла, день за днем отмечавший в своем известном дневнике все поступки маленького Павла), и решительно никто не замечал в мальчике ненормальных психических черт или несимпатичных сторон характера. Наоборот, читая дневник Порошина, мы видим перед собой Павла живым, способным мальчиком, интересующимся серьезными для его возраста вещами. Павел 10—12-ти лет охотно занимался с Порошиным математикой и любил читать. Во время обеда, когда обыкновенно приходил его воспитатель, Н. И. Панин, за столом шел интересный и часто серьезный для лет Павла разговор, умело поддерживаемый Паниным; к сожалению, другие служебные обязанности отвлекали Панина от воспитательной должности, да и обращался он с Павлом сухо и несколько свысока, что в значительной степени парализовало влияние воспитателя на воспитанника. Но в более позднее время Павел ближе сошелся с Паниным, горячо его любил и горько оплакивал его кончину.

Важнейшие факты внутренней деятельности императора Павла не могут быть изложены в виде стройной и правильной системы управления именно потому, что в основе деятельности

Павла лежали его личные чувства и взгляды, не всегда постоянные и определенные. Первым правительственным актом большой важности в царствование Павла был акт о престолонаследии, обнародованный при короновании его 5 апреля 1797 г. Порядок наследования определялся «Учреждением об императорской фамилии» очень подробно по праву «естественному». Вместо прежнего, установленного Петром Великим в 1722 г., порядка произвольного назначения наследника престола лицом царствующим установлялся неизменный порядок перехода престола по прямой нисходящей линии от отца к старшему сыну, «дабы государство не было без наследника, дабы наследник был назначен всегда законом самим, дабы не было ни малейшаго сомнения, кому наследовать». Учреждение императора Павла, как нетрудно заметить, восстановляло и узаконивало старый допетровский обычай перехода власти. Нарушение этого обычая Петром дало горькие плоды в XVIII в. и на самом Павле отразилось тяжелым образом. Под влиянием холодных отношений к матери у него создалась мысль о возможности лишиться своего законного права; мысль эта угнетала Павла задолго до смерти Екатерины; самый акт о престолонаследии составлен был им и его супругой Марией Федоровной (урожденная София-Доротея Вюртембергская, внучка сестры Фридриха II Прусского) задолго до обнародования его, еще в 1788 г., в те дни, когда Павел думал ехать из Петербурга на театр шведской войны.

Менее важны были мероприятия императора Павла в сфере управления и относительно сословий. Недовольный приемами екатерининской администрации и беспорядком в делах, Павел перенес свое недовольство от злоупотреблений на административную систему, при которой эти злоупотребления существовали. Он, можно сказать, пытался даже изменить эту систему: восстановил упраздненные при Екатерине коллегии, изменил административное деление России (уменьшив число губерний), возвратил прежние формы управления окраинам государства, тем областям, которые отошли к России от Швеции и Польши, отменил многое в том местном самоуправлении, на котором была построена при Екатерине местная администрация. Все эти меры императора Павла, нарушая стройность прежней системы, ничего нового, однако, взамен не создавали: они мало приносили пользы, иногда же клонились и ко вреду. Общие формы управления, действовавшие во всем государстве, были распространены Екатериной на недавно приобретенные провинции западные и юго-западные, конечно с целями скорейшего слияния их населения с основным населением государства; реформы Павла испортили это разумное дело. Восстановление коллегий не вдохнуло новой жизни в отжившие учреждения, и преемник Павла, император Александр, заменил коллегии министерствами.

В отношении сословий политика императора Павла проникнута была тем же духом противоречия политике Екатерины,

какой заметен и в его административных мерах. Ряд привилегий, данных Екатериной дворянству и в меньшей степени горожанам, не согласовался с личными взглядами Павла на государственное положение русских сословий. Император не допускал возможности существования в государстве привилегированных лиц, а тем более целых групп, и высказал это в очень резких фразах. «В России велик только тот, с кем я говорю, и только пока я с ним говорю» — так выразился однажды Павел в беседе о русских аристократах. Ясно, что не только закрепления, но и соблюдения сословных прав, созданных Екатериной, от Павла ожидать было трудно. И действительно, Павел уничтожил некоторые привилегии высших классов (при нем дворяне и горожане снова подпали телесным наказаниям за уголовные преступления); Павел ограничил во многом действие Жалованных грамот 1785 г., стеснил местное самоуправление. Он установил законом 1797 г. высшую норму крестьянского труда в пользу помещиков (три дня барщины в неделю) и таким образом положил первое ограничение помещичьей власти. К тому же ограничению вело и запрещение продавать дворовых людей и крестьян без земли с молотка. Такое направление мер Павла в защиту низшего класса и в ущерб интересам высших классов указывает на начало переворота в правительственной деятельности, который наступил яснее в эпоху императора Александра I и позднее повел к падению крепостного права и исключительных сословных привилегий. Под влиянием распоряжений Павла крестьянство заговорило о свободе от помещиков, и уже в 1797 г. начались крестьянские волнения во внутренних губерниях. Однако, отмечая противодворянские тенденции Павла, не следует придавать им характера сознательной и планомерной деятельности в пользу простонародья и против крепостничества. Твердо стоя на одном принципе самовластия, Павел, впрочем, не выдерживал своих настроений и, как во всем, далек был от строгой последовательности и в сословной политике. При нем в Новороссии был воспрещен существовавший там свободный переход крестьян, а в центральных местах масса казенных населенных земель была пожалована в частное владение, и тем самым крестьяне государственные обращались в частновладельческих, т. е. крепостных. В 4 года царствования Павел раздал более полумиллиона крестьян, тогда как Екатерина за 36 лет своего царствования раздала их 800 000 (обоего пола).

Внешняя политика императора Павла I. В момент смерти Екатерины II Россия находилась в формальном союзе с Австрией, Англией и Пруссией против Франции. А. В. Суворов получил приказание сформировать армию в 60 000 человек для совместного действия с австрийцами. Императрица Екатерина считала, таким образом, необходимым противодействовать французской революции и восстановить монархию. Император Павел сначала не признавал этой необходимости. Вступая на престол, он заявил, что

«остается в твердой связи со своими союзниками», но отказывается от прямой войны с Францией, ибо Россия, будучи в «непрерывной» войне с 1756 г., ныне нуждается в отдохновении. Итак, вопреки своей матери, Павел желал держаться политики невмешательства. Но это желание он не мог исполнить и почти все свое царствование провел или в войне с Францией, или в приготовлениях к войне с Англией, довольно случайно меняя свой политический фронт.

Сперва ряд произвольных действий французского правительства на Западе обнаружил перед Павлом полное неуважение директории к Международному праву и приличию. Загадочные приготовления Франции к какой-то войне (это была египетская экспедиция), арест русского консула на Ионических островах, покровительство польским эмигрантам, слухи о намерении французов напасть на северный берег Черного моря — все это заставило Павла примкнуть к коалиции, образовавшейся (1799) против Франции, из Англии, Австрии, Турции и Неаполя. Русский флот действовал против французов в Средиземном море и посылал десанты в Италию на помощь неаполитанскому королю Фердинанду VI. Русская армия в соединении с австрийскими войсками под начальством Суворова действовала против французов в северной Италии. Суворов, не только опытный и отважный боевой генерал, но и самостоятельный тактик, одаренный замечательным талантом военного творчества, быстро, всего в полтора месяца, очистил всю северную Италию от французских войск, разбив французов на реке Адде. Когда же французские армии Моро и Макдональда устремились на него с целью лишить завоеваний и вытеснить из Италии, Суворов заставил Моро отступить без боя, а Макдональда разбил в трехдневной битве на берегах Требии. Назначение нового французского главнокомандующего (вместо Моро), Жубера, не поправило дела: Жубер был разбит и убит в битве при городе Нови. С падением крепости Мантуи северная Италия окончательно перешла во власть Суворова, но в это время Суворов был оттуда отозван для действий в Швейцарии. Вступив в Швейцарию после упорных битв с французами у Сен-Готарда, русские войска не были вовремя поддержаны австрийцами и попали в отчаянное положение, так как были лишены припасов и снарядов и окружены превосходными силами неприятеля в Мутенской долине. С громадными усилиями удалось, однако, Суворову одержать несколько блестящих побед, пробиться к Гларису, а оттуда уйти в южную Германию. Другой же русский корпус Римского-Корсакова, действовавший в Швейцарии, был разбит французами при Цюрихе. С полным основанием Суворов приписывал неудачи кампании плохим распоряжениям австрийского военного совета (гофкригсрата), желавшего из Вены руководить всеми движениями на театре войны. Император Павел разделил мнение Суворова и, обвиняя австрийцев в поражении отряда Римского-Корсакова, отозвал свои войска в Россию

и разорвал союз с Австрией, отозвав своего посла из Вены в 1800 г. В том же году отозван был русский посол из Лондона по совершенно аналогичным причинам: император Павел был недоволен отношением англичан к вспомогательному русскому корпусу, действовавшему против французов в Голландии.

Так совершился разрыв Павла с его союзниками. В 1800 г. вследствие этого разрыва Россия заключает мир с Францией и готовится к войне с прежними союзниками. Император Павел заключает союз с Пруссией против Австрии и союз с Пруссией же, Швецией и Данией против Англии. Особенно деятельно идут приготовления к военным действиям против Англии: донское казачье войско уже выступило в поход к Оренбургу с целью нападения на Индию. Но смерть Павла (11 марта 1801 г.) прекратила эти приготовления.

Итак, принцип невмешательства не был выдержан императором Павлом. Отвлеченное чувство законности и страх подвергнуться нападениям со стороны Франции заставили Павла воевать с французами; личное чувство обиды заставило его отступить от этой войны и готовиться к другой. Элемент случайности так же силен был в политике внешней, как и в политике внутренней: и там, и здесь Павел руководился скорее чувством, чем идеей.

Смерть императора Павла. Рано нарушенное духовное равновесие Павла не восстановилось в пору его царствования; напротив, власть, доставшаяся ему поздно, кружила ему голову еще сильнее, чем страх перед матерью. Пока он жил в добрых отношениях со своей женой Марией Федоровной и продолжал свою платоническую дружбу с фрейлиной Нелидовой, эти обе женщины, дружные одна с другой, влияли благотворно на Павла, смягчали его настроение, тушили его гнев, сглаживали его бестактности. Но семейному миру Павла пришел конец в первой половине 1798 г. После рождения сына Михаила Павел отдалился от Марии Федоровны и попал под иные влияния: он стал жертвой кружка, в центре которого находились его брадобрей Кутайсов и Лопухины. Его уверили в том, что жена желала держать его под своим «игом», и побудили порвать с ней. Императрица и Нелидова «узнали свою беду» и подверглись гонению. В семье Павла началась драма, потому что Павел явно увлекся девицей Лопухиной, а к семье стал резко враждебен. Подчиненный внушениям неизменных угодников и интриганов, Павел готов был видеть в жене недруга, желавшего будто бы повторить 28 июня 1762 г., а в старшем сыне Александре — соперника, готового захватить престол. Такое настроение государя сказывалось открыто и грубо и стало для него роковым. Павел переносил опалы с подданных на родных, угрожал самой династии; и это придавало вид лояльности мятежному против него движению. Лица, желавшие свергнуть Павла, руководились разными побуждениями: и чувством личной мести, и злобы, и сословными инстинктами, и видами чужой (говорят, английской) дипломатии; но напоказ у всех было

желание избавить страну от тирана и спасти императорскую семью от болезненной жестокости невменяемого отца и мужа.

В первом периоде заговора самую видную роль играл вице-канцлер Никита Петрович Панин (племянник Никиты Ив. Панина, нам известного). В дружбе с английским послом Витвортом и Зубовым он составил круг заговорщиков, имевших целью, ввиду душевной болезни Павла, создать регентство и вручить его Александру, убедив Павла лечиться. В эти планы, как кажется, Панин вовлек и самого Александра, который никогда не мог этого простить Панину, считая его начальным виновником смерти отца. Раньше, чем заговорщики приготовились действовать, Павел начал подозревать Панина и осенью 1800 г. выслал его в подмосковную деревню. Дело замедлилось, но ненадолго. Руководство заговором перешло в руки петербургского военного губернатора, графа Палена, любимца Павла, который повел его к определенному и решительному концу — «к совершенному устранению Павла от престола какою бы то ни было ценою». Заговор окреп к весне 1801 г. В нем принимало участие петербургское офицерство, опиравшееся на солдатскую массу, пассивно шедшую за своим начальством. 11 марта 1801 г. заговорщики к полуночи проникли в новый дворец Павла, Михайловский замок, построенный на месте старого Летнего дворца. Из 40 или 50 человек заговорщиков до комнат Павла дошло человек 8, и в запальчивом объяснении с ними Павел был убит, в отсутствии графа Палена. Неизвестно, насколько преднамеренно было совершено убийство, но рассказывали, что заговорщики открыто величались своим поступком в первые дни по кончине Павла.

Так кончилась жизнь императора Павла, первого из русских государей после Петра, не служившего дворянским интересам.

Время Александра I (1801—1825)

Вступление на престол. В момент смерти Павла два его старших сына Александр и Константин находились в Михайловском замке под домашним арестом и ждали грозы от отца, не ведая за что. О движении против отца Александр знал; но он и мысли не допускал о возможности кровавой развязки. Поэтому, когда Пален сообщил ему, придя из покоев Павла, о происшедшем, Александр впал в обморок и потом обнаружил сильнейшее отчаяние. Пален не был в силах убедить Александра «начать царствовать» и, говорят, только окриком привел его в себя. Положение Александра было очень тяжело: он чувствовал, что, зная и попуская умыслы на власть отца, он рисковал подпасть обвинению и в том, что случилось. Он смотрел на себя как на невольного участника убийства и боялся, что так посмотрят на него и другие. Горше всего было то, что в первые минуты после

кончины Павла его супруга и мать Александра отнеслась к Александру с подозрением и как бы ждала его оправданий. В отчаянии и гневе она требовала отчета в происшедшем, настаивала на наказании виновных, хватаясь за власть, боясь, что Александр ее не достоин. Надобны были большие усилия, чтобы ее успокоить и уничтожить недоразумения между ней и сыном. Такова была обстановка воцарения Александра. Мучительные движения совести при воспоминании об отце; трудность положения между матерью и заговорщиками, которых пока не было возможности наказать; необходимость уживаться до времени с теми, кто, произведя один переворот, мог отважиться и на другой,— все это удручало Александра и делало его глубоко печальным и тоскующим безутешно. Таким явился он перед своими подданными, и его трогательное горе подкупало сердце тех, кто видел в нем любящего сына.

Характерен был манифест императора Александра I, обнародованный 12 марта: «Судьбам Вышняго угодно было прекратить жизнь любезнейшего родителя Нашего Государя Императора Павла Петровича, скончавшегося скоропостижно апоплексическим ударом в ночь с 11 на 12 число сего месяца. Мы, восприемля наследственный Императорский Всероссийский престол, восприемлем купно и обязанность управлять Богом нам врученный народ по законам и по сердцу в Бозе почившей Августейшей Бабки нашей Государыни Императрицы Екатерины Великия, коея память нам и всему Отечеству вечно пребудет любезна, да, по Ея премудрым намерениям шествуя, достигнем вознести Россию на верх славы» и пр. Новая власть свидетельствовала, что она не солидарна с только что прекратившейся властью Павла и желает возвратить страну к порядкам, которые он осуждал и преследовал. Отсутствие опал и гонений на участников переворота и милостивое увольнение от дел в июне 1801 г. гр. Палена еще более утверждали в мысли, что новый государь очень далек от режима императора Павла. Казалось, воскресает «бабушкин век» (выражение самого Александра) дворянской царицы Екатерины II. Однако такое заключение было бы несправедливо: в лице Александра для государства явился не подражатель Екатерины, а руководитель совсем нового склада и необычного типа, уразуметь который было очень трудно. Не понимая Александра, современники звали его «очаровательным сфинксом» и догадывались, что его разгадку надобно искать в его воспитании.

Личность Александра действительно становится нам понятна лишь тогда, когда мы вдумываемся в обстоятельства его воспитания и в его семейную обстановку. Судьба поставила его между бабкой и отцом как предмет ревности и спора. Когда Александр родился, Екатерина взяла его у родителей на свое собственное попечение и сама его воспитывала, называя его «мой Александр», восхищаясь здоровьем, красотой и добрым характером ласкового и веселого ребенка. Выросши бабушкиным вну-

ком, Александр не мог, разумеется, уйти и от влияния родителей и понял, какая бездна разделяет большой двор Екатерины и скромный гатчинский круг его отца. Чувствуя на себе любовь и бабки, и Павла, Александр привык делать светлое лицо и там, и здесь. У бабки в большом дворце он умел казаться любящим внуком, а переезжая в Гатчину, умел принимать вид сочувствующего сына. Неизбежная привычка к двуличию и притворству была последствием этого трудного положения между молотом и наковальней. Но умение менять по произволу свое настроение и прятать свои мысли и чувства могло бы стать для Александра удобной привычкой общежития, если бы эта привычка выработалась не в столь тяжких условиях. В последнее десятилетие своей жизни Екатерина пришла к мысли о необходимости отстранить Павла от престола и воспользоваться законом 1722 г. для того, чтобы передать престол мимо Павла Александру. В 1796 г. она пыталась посвятить в это дело самого Александра, который и ранее (1793—1794) мог уже ловить сторонние намеки на этот проект. На сообщение Екатерины Александр ответил ей ласковой благодарностью за доверие и благоволение; в то же время в письме к отцу именовал его пока не принадлежавшим ему титулом «величества», а за спинами их обоих говорил, что сумеет уклониться от передачи ему власти, и собирался даже «спастись в Америке». Надо вдуматься в дело, чтобы понять, какой ужас переживал Александр в своей душе за это время и как тяжела была для него необходимость двоиться между Екатериной и Павлом и уметь казаться «своим» для обеих сторон. Воспитанные семьей двойственность и двуличие остались навсегда свойством Александра; он отлично входил во всякую роль, какую хотел играть, и никогда не внушал уверенности, что он в данную минуту искренен и прям. Сперанский назвал Александра «сущим прельстителем» за умение овладеть собеседником; но именно Сперанский на себе мог познать, как неожиданно исчезало благоволение прельстителя и как призрачно бывало его расположение.

Но если жизнь рано вытравила в характере Александра искренность и непосредственность и сделала его двуличным, то умственное его воспитание сообщило двойственность его мировоззрению. Екатерина стремилась поставить воспитание Александра на высоту современных ей педагогических требований и желала вести внука в уровень с умственным движением века. Поэтому она и вверила его «передовому» воспитателю, швейцарскому гражданину Лагарпу. В умственной обстановке, созданной Лагарпом, Александр действительно шел в уровень с веком и стал как бы жертвой того великого перелома, который произошел в духовной жизни человечества на рубеже XVIII и XIX столетий. Переход от рационализма к ранним фазам романтизма сказался в Александре сменой настроений, очень характерной. В его молодых письмах находим следы политических мечтаний крайнего оттенка: он желает свободных учреждений для страны

(constitution libre) и даже отмены династического преемства власти; свою задачу он видит в том, чтобы привести государство к идеальному порядку силой законной власти и затем от этой власти отказаться добровольно. Мечтая о таком «лучшем образце революции», Александр обличает в себе последователя рационалистических утопий XVIII столетия. Когда же он предполагает по отказе от власти уйти в сентиментальное счастье частной жизни «на берегах Рейна» или меланхолически говорит о том, что он не создан для придворной жизни,— перед нами человек новых веяний, идущий от рассудочности к жизни чувства, от политики к исканию личного счастья. Влияние двух мировоззрений чувствуется уже в раннюю пору на личности Александра и лишает ее определенности и внутренней цельности. Мы поэтому не удивимся, если будем наблюдать и во все прочие эпохи жизни Александра ту же неопределенность и раздвоенность его умственного настроения и малопонятные переходы от религиозного равнодушия почти к религиозному экстазу, от освободительных стремлений — к реакции, от Сперанского — к Аракчееву и т. п. Человек переходной поры, Александр не успел приобрести твердых убеждений и определенного миросозерцания и по житейской привычке приноравливался к различным людям и положениям, легко приноравливался к совершенно различным порядкам идей и чувств.

Понимание основного свойства натуры Александра (именно его внутренней раздвоенности) и его господствующей манеры (именно склонности и способности носить личину) дает нам ключ к пониманию тех резких и частых перемен в системе и личном поведении Александра, какие удивляли современников и исследователей и заслужили Александру название сфинкса.

Первое время царствования. Застигнутый врасплох известием о кончине отца, Александр потерялся. Известные слова гр. Палена: «C'est assez faire l'enfant! allez régner!» заставили его совладать с горем и смущением, но пока не сделали хозяином положения. Можно думать, что первые шаги нового правительства, именно манифест 12 марта и группировка вокруг Александра дельцов «бабушкина века», произошли без его деятельного участия. Но скоро Александр осмотрелся: со свойственной ему мягкостью и благовоспитанностью он успел удалить гр. Палена, считавшего себя временщиком, и собрал вокруг себя близких себе людей. Верный мечтаниям юности, он дал ряд распоряжений либерального характера, даровав свободу и прощение заключенным и сосланным во время императора Павла, отменив разного рода ограничения и запрещения, восстановив действие грамот 1785 г. и т. п. Эти распоряжения и личное поведение Александра, чарующее и ласкающее, доставили ему удивительную популярность. Многим казалось, что Александр — «это сердце и душа Екатерины II, и во все часы дня он исполняет обещание, данное в манифесте». Но Александр не ослеплялся достоинствами екатерининской

политики и ее дельцов. Он жестоко и насмешливо критиковал екатерининский двор и презирал ее придворных. Не подражать старому и ветхому он хотел, а повернуть дела по-своему, по-новому. Отсюда его отношения к делам и людям. Текущую практику управления предоставляет он опытным чиновникам, выбирая их из старших поколений, из людей «бабушкина века». С ними он ласков, хотя иногда и не стесняется в отзывах о них за глаза (о гр. П. В. Завадовском: «Il est nul... un vrai mouton»). Общие же принципы и задачи управления Александр пытается установить не с этими старыми чиновниками, а с личными своими друзьями, и не в первенствующих учреждениях империи, а в бесформенном дружеском кружке, которому участники его дают шутливое наименование, взятое из практики французской революции,— «comité du salut public». В состав этого интимного комитета входят четыре лица: Н. Н. Новосильцев, граф В. П. Кочубей, граф П. А. Строганов и князь Адам Чарторыжский — все четыре малоприкосновенные к служебным делам и все четыре настолько не старые, что заслужили от стариков презрительное наименование «молодых наперсников Александровых». Влияние этого интимного комитета на дела было настолько ощутительно, что раздражало не принадлежащих к составу комитета сановников и вызывало с их стороны осуждение и даже брань. Однако это не мешало Александру несколько лет управлять с одними, а советоваться с другими лицами. Это и составляло особенность первых лет правления Александра.

Несмотря на то что интимный комитет не был вовсе оформлен, его занятия велись систематически, и даже существовало нечто вроде журналов комитета, составляемых П. А. Строгановым. Записки графа Строганова, изданные целиком великим князем Николаем Михайловичем в его труде «Граф П. А. Строганов», дают нам прочное основание для суждения о деятельности комитета. Созданный по мысли П. А. Строганова, комитет был впервые собран в заседание 24 июня 1801 г., тотчас же по увольнении графа Палена. Свою задачу комитет понял очень широко: по ознакомлении с действительным положением дел в государстве и с внешней политикой России он полагал начать с частичных реформ управления и закончить установлением общих основ правопорядка. Можно без колебания признать, что все движение законодательства и все перемены в административном строе в первые пять лет царствования Александра вышли прямо или косвенно из интимного комитета, и потому значение комитета надобно признать весьма важным. Переустройство высших органов управления (Сената и Государственного совета) и образование министерств вместо отживших коллегий было назревшим очередным вопросом того времени, и он разрешен был в 1802 г. с участием именно комитета. Вопросы сословного устройства также обсуждались в комитете: и в частности, вопрос

о крепостном праве на крестьян много занимал комитет. На поместное дворянство члены комитета смотрели неблагосклонно. «Это сословие самое невежественное, самое ничтожное и в отношении к своему духу наиболее тупое (dont l'esprit est le plus bouché)» — так высказывался Строганов, и Александр, очевидно, разделял его взгляд. Оставлять за такой средой право на личность и труд крестьян казалось несправедливым. Но как отменить это право, комитет не додумался, и император Александр ограничился в области положительных мероприятий законом 1803 г. о вольных хлебопашцах. Мысль, легшая в основание закона, была подана государю не в комитете, но она вполне соответствовала настроению комитета и самого Александра. Помещикам предоставлялось освобождать своих крепостных на условиях, выработанных по их взаимному соглашению и утвержденных правительством; освобожденные крестьяне составляли особое состояние вольных хлебопашцев. Закон 1803 г. остался почти без применения, но послужил для общества достоверным признаком, по которому можно было заключить о направлении правительства в крестьянском вопросе. Если правительство не пошло здесь далее частной меры, то причина этого не в его настроении, а в трудности дела. Интимный комитет нашел в крепостном праве камень преткновения и, не разрешив этого основного вопроса русского общественного устройства, ему современного, не мог успешно разрешить и вопрос об основаниях того будущего идеального правопорядка, к которому мечтал вести страну. Обратясь в негласный совет государя по делам текущим и обнаружив свою неспособность или неподготовленность к тому, чтобы решить широкую задачу, для которой он был образован, интимный комитет потерял прежнее расположение государя и понемногу распался. Совершилось это настолько постепенно, что даже нет возможности установить точную дату: дело начало расстраиваться с 1804 г., а в эпоху Аустерлица и Тильзита комитет окончательно перестал существовать, и его члены перестали быть в непосредственной близости к Александру.

Одновременно с распадением комитета произошла перемена и во внешней политике императора Александра. Вступая на престол, император Александр намеревался сохранять мир и нейтралитет. Он остановил приготовления в войне с Англией и возобновил дружбу как с этой державой, так и с Австрией. Отношения с Францией стали от этого хуже, чем были перед кончиной императора Павла, так как Франция в то время находилась в острой вражде с Англией. Однако никто в России не думал о войне с французами в первые годы императора Александра. Война сделалась неизбежна только после целого ряда недоразумений между Наполеоном и русским правительством. Наполеон превратил Французскую республику в монархию; его громадное честолюбие раздражало Александра, а его бесцеремонность в делах средней и южной Европы казалась опасной и недопустимой.

Наполеон, не обращая внимания на протесты русского правительства, насильственно распоряжался в Германии и Италии, и это заставило Александра постепенно готовить новую коалицию против Франции. Главными союзниками его были Австрия и Англия. В 1805 г. открылась война с Наполеоном. Русские войска, под командой одного из учеников Суворова, Мих. Илар. Голенищева-Кутузова, двинулись в Австрию на соединение с австрийскими войсками. Но раньше, чем они достигли театра военных действий, Наполеон разбил и пленил австрийскую армию и взял Вену. Кутузов успел увернуться от неравного боя с Наполеоном и искусными маршами отвел свои войска назад, на север от Вены. Однако вслед за тем, по личному настоянию императора Александра, он принял бой с Наполеоном у г. Аустерлица, хотя и не верил в победу над французами своих усталых солдат и расстроенных неудачами австрийцев. Действительно, под Аустерлицем Наполеон разбил русских и австрийцев и принудил императора Франца к миру. Русская же армия должна была отойти на родную границу. Так окончилась кампания 1805 г. В следующем, 1806 году император Александр возобновил войну против Наполеона в союзе с Пруссией. Пруссия не дождалась русских войск и одна начала военные действия. Французы разбили пруссаков одновременно в двух битвах, под Иеной и Ауэрштедтом. Наполеон занял Берлин и овладел прусскими землями до самой Вислы. Прусский король (Фридрих Вильгельм III) укрылся со своим двором в Кенигсберге и решился с русской помощью продолжать войну. Всю зиму 1806/07 г. шла кровопролитная борьба вблизи Кенигсберга. Русская армия под начальством Беннигсена оказала упорное сопротивление французам, между прочим, отразив армию Наполеона в большом сражении при г. Прейсиш-Эйлау. Но летом 1807 г. Наполеону удалось разбить русских под г. Фридландом и война окончилась. Все Прусское королевство оказалось в руках Наполеона, а русская армия ушла на правый берег Немана, в родные пределы. Тогда император Александр заключил с Наполеоном перемирие и имел с ним свидание у г. Тильзита в павильоне, поставленном на плотах среди р. Немана. Настроенный ранее не в пользу Наполеона, Александр после первого свидания сделал вид, что вошел с ним в дружбу. Оба монарха лично договорились об условиях мира. Александр настоял на том, чтобы не уничтожать Прусского королевства (как того хотел Наполеон), но он не мог сохранить за прусским королем всех его владений. У Пруссии была отобрана добрая половина земель. Между прочим, из большей части тех польских областей, которые достались Пруссии при разделах Польши, было образовано «герцогство Варшавское», отданное саксонскому королю. Россия получила при этом от Пруссии Белостокскую область. Кроме того, Пруссия подпала вполне влиянию Наполеона и должна была принять в свои города французские гарнизоны. Россия выходила из неудачной

войны без потерь и унижения. Но император Александр, не ограничиваясь заключением мира, вступил с Наполеоном в союз, условия которого были тайно выработаны в Тильзите. Основой союза было признание за Наполеоном права господства на западе Европы, а за Александром — права господства на востоке. Наполеон прямо указывал Александру, что Россия должна усилиться на счет Швеции и Турции, предоставив Наполеону Германию и Италию. Оба государя согласились действовать сообща против Англии, и Александр принял измышленную Наполеоном «континентальную систему». Она состояла в том, что континентальные страны отказывались от торговых сношений с Англией и не пускали в свои гавани английские корабли и товары; Наполеон думал достигнуть этим путем экономического разорения Англии. Тильзитский мир и союз заключили собою первый период царствования Александра.

На пространстве первых шести лет император Александр успел показать, что он способен к быстрым переменам. Его внутренняя политика не удовлетворила ни людей «бабушкина века», ни членов интимного комитета: и те и другие увидели, что не владеют волей и настроением Александра и не могут положиться на его постоянство. Одних он раздражал дружбой с «молодыми наперсниками», попиравшими старину; других удивлял своей сдержанностью в вопросах преобразования, и «молодые наперсники» с неудовольствием замечали, что он легко давал «задний ход» их начинаниям, которые, казалось, так соответствовали его собственным недавним мыслям. Двойственность настроения Александра уже тогда делала его «сфинксом». Происшедший же в 1807 г. поворот его внешней политики и союз с Наполеоном, совершенно непонятный для русского общества, сделали его сфинксом и для широкой публики. Возвратясь из Тильзита в Петербург, Александр мог ловить вокруг себя, вместо прежних знаков бурного обожания, молчаливые недоуменные взгляды.

Годы 1807—1812, составляющие второй период царствования императора Александра, характеризуются внутри государства влиянием Сперанского, а вне — союзом с Наполеоном.

Один из крупнейших государственных умов России XIX в., Сперанский, при Александре получил значение чрезвычайно разностороннее. В первую пору своей близости к государю он предназначался, по-видимому, к тому, чтобы заменить собой павший интимный комитет. Практик и даже канцелярист, он представлялся способным на деле осуществить реформу, о которой мечтал Александр со своими друзьями, и дал этой реформе житейски пригодный вид. Александр вручил ему бумаги комитета, изложил свои намерения и дал полномочие из хаоса мыслей, речей и проектов создать деловой, приспособленный к русской практике план преобразования государственного порядка. Так возник знаменитый «проект» Сперанского. В то же

время разносторонность талантов Сперанского, соединявшего в себе ум теоретика-систематика со способностями администратора-практика, повела к тому, что его влиянию подпала вся текущая деятельность правительства до внешней политики включительно. Сперанский явился кодификатором и финансистом; ему было поручено устройство финляндских дел; он проектировал отдельные мероприятия самого разнообразного содержания; он пересматривал и переустраивал действующие учреждения. Словом, он ведал все, что интересовало государя, и стал влиятельнейшим фаворитом, умевшим, однако, держаться не только скромно, но даже уединенно.

Проект государственного устройства Сперанского, или «Введение к уложению государственных законов», имеет задачей реформу общественного строя и государственного управления. Сперанский расчленяет общество на основании различия прав. «Из обозрения прав гражданских и политических открывается, что все они в рассуждении принадлежности их на три класса могут быть разделены: 1) права *гражданския общия*, всем подданным принадлежащия; 2) права *гражданския частныя*, кои должны принадлежать тем только, кои образом жизни и воспитания к ним будут приуготовлены; 3) права *политическия*, принадлежащия тем, кои имеют собственность. Из сего происходит следующее разделение состояний: 1) дворянство; 2) люди среднего состояния; 3) народ рабочий». Дворянству Сперанский усваивает все категории прав, причем права политические «не иначе как на основании собственности». Люди среднего состояния имеют права гражданские общие, но не имеют особенных, а политические имеют «по их собственности». Народ рабочий имеет общие права гражданские, но не имеет прав политических.

Если мы будем помнить, что Сперанский разумеет под общими гражданскими правами гражданскую свободу личности, а под политическими правами — участие в государственном управлении, то поймем, что проект Сперанского отвечал либеральнейшим стремлениям Александра: он отрицал крепостное право и шел к представительству. Но вместе с тем, рисуя две «системы» коренных законов, Сперанский изображал одну из них как уничтожающую самодержавную власть в ее *существе*, а другую — как облекающую власть самодержавную внешними *формами* закона с сохранением ее существа и силы. Указывая, что вторая система существует во Франции (которой тогда увлекался Александр), Сперанский как бы соблазнял Александра следовать именно этой системе, ибо при ней законом созданное представительство на деле было бы «под влиянием и в совершенной зависимости от власти самодержавной». С другой стороны, в сфере «особенных» гражданских прав, принадлежащих одному дворянству, Сперанский сохранял «право приобретать недвижимою собственность *населенную*, но управлять ею не иначе, как по закону». Эти оговорки сообщали будущему строю гибкость и неопределен-

ность, которыми можно было пользоваться в любую сторону. Устанавливая «гражданскую свободу» для крестьян помещичьих, Сперанский одновременно продолжает их называть «крепостными людьми». Говоря о «народном представлении», Сперанский и при нем готов определять существо верховной власти как истинное самодержавие. Очевидно, что очень либеральный по принципам проект Сперанского мог быть очень умерен и осторожен по исполнению.

Формы государственного управления представлялись Сперанскому в таком виде: Россия делится на *губернии* (и области на окраинах), губернии — на *округа*, округа — на *волости*. В порядке законодательном в волости составляется из всех землевладельцев *волостная дума*, избирающая членов местной администрации и депутатов в *окружную думу*; в округе такая же роль принадлежит *окружной думе*, состоящей из депутатов дум волостных, а в губернии — *губернской думе*, состоящей из депутатов дум окружных. Губернские думы посылают своих депутатов в *Государственную думу*, составляющую законодательное сословие империи. В порядке судном действуют *суды* волостные, окружные и губернские под верховенством *Сената*, который «есть верховное судилище для всей империи». В порядке исполнительном действуют *управления* волостные, окружные и губернские под руководством *министерств*. Все отрасли управления соединяются *Государственным советом*, который служит посредствующим звеном между державной властью и органами управления и составляется из особ, назначаемых государем.

Исполнение проекта Сперанского предполагалось начать с 1810 г. В новый год, 1 января 1810 г., был открыт в преобразованном виде Государственный совет, в 1811 г. были преобразованы министерства. Но далее дело не пошло, а в 1812 г. Сперанский уже лишился доверия государя, и настала новая эпоха в жизни Александра.

Если бы роль Сперанского ограничилась составлением проекта преобразований, о Сперанском можно было бы говорить немного, так как его проект остался без всякого влияния на строй общества и государства. Значение этого проекта заметнее в истории идей, чем в истории учреждений: он служил показателем известного направления в русском обществе и возбудил против себя протест представителей иных направлений. Известна записка Н. М. Карамзина «О древней и новой России», поданная императору Александру против проекта Сперанского. Охранительный тон этой записки и ее резкость вызвали неудовольствие Александра; но Карамзин метко указывал на то, что Сперанский спешил (или, вернее, сам Александр спешил) с общей реформой в духе произвольного заимствования со стороны, от той самой Франции, которую все русское общество считало тогда очагом политических и социальных опасностей. Быть может, реформа Сперанского потому и не была осуществлена, что Александр

боялся ее скороспелости и убедился в ее непопулярности среди окружающих его сановников и чиновников, не любивших Сперанского.

Гораздо действительнее были работы Сперанского в сфере текущей правительственной деятельности. В звании товарища министра юстиции Сперанский заведовал комиссией законов, которая подготовляла проект нового гражданского уложения, составленный под очевидным влиянием французского Code civil (или «Кодекса Наполеона»). Внесенный в Государственный совет, этот проект, однако, не получил санкции. Хотя отношение современников и ученых к проекту кодекса никогда не было благоприятным, однако нельзя не признать некоторого значения в истории русской кодификации за первыми работами в этой сфере Сперанского. Для самого же Сперанского его первые законодательные работы были подготовкой к позднейшим его трудам по составлению Свода законов. Привлеченный императором Александром к устройству управления в новоприобретенной Финляндии, Сперанский сопровождал Александра во время его поездки на сейм в Борго, редактировал его сеймовые речи, писал проекты устройства финляндского сената, руководил комиссией финляндских дел, образованной в Петербурге. Та самая гибкость и неопределенность политических понятий о верховной власти и о народном «представлении», которую мы видели в общем проекте Сперанского, наблюдается в актах о Финляндии, редактированных Сперанским. Верный своей мысли о законодательном сословии, которое «на самом деле было под влиянием и в совершенной зависимости от власти самодержавной», Сперанский так стремился поставить и финляндский сейм, учрежденный, но не действовавший при Александре. Одновременно с делами финляндскими, получив с 1809 г. влияние в сфере финансового управления, Сперанский и здесь сумел оставить яркий след своего ума и энергии. Финансы России на 1810 г. определялись так: 125 млн. дохода, 230 млн. расхода, 577 млн. долга, ни малейшего запасного фонда (слова графа М. А. Корфа). Сперанскому предстояло найти выход из положения, неправильность которого создалась еще в XVIII в. Манифестом 3-го февраля 1810 г. было между прочим установлено: признать ассигнации государственным долгом, обеспеченным «на всех богатствах империи»; новый выпуск ассигнаций пресечь; государственные расходы по возможности сократить, а доходы увеличить чрез временные прибавки в податях; публиковать ежегодно роспись государственных доходов и расходов. Начала, изложенные в этом манифесте, легли в основание ряда огромных финансовых операций 1810—1812 гг., руководимых Сперанским и знаменовавших собой перелом в отношении власти к финансовым задачам государства. Можно сказать, что в эту пору действий Сперанского сформировались идеи и подготовлены были люди, с которыми была проведена позже финансовая реформа Канкрина.

Указывают обыкновенно на редактированные Сперанским распоряжения 1809 г. о придворных званиях и об экзаменах на гражданские чины, как на причину нелюбви к Сперанскому знати и чиновничества. Указ о придворных званиях признал их отличиями, не приносящими никакого чина. Указ об экзаменах на чины поставил производство в чины VIII и старших классов в зависимость от образовательного ценза. Может быть, неудовольствие потерпевших от новых служебных порядков и сыграло свою роль в падении Сперанского; но во всяком случае его падение последовало много спустя после указов 1809 г. и совершилось совсем внезапно. Государь в марте 1812 г. выслал Сперанского в Нижний Новгород, а оттуда — в Пермь.

Удаление Сперанского стояло в несомненной связи с переменой во внешней политике Александра. Тильзитский мир 1807 г. сделал Александра союзником и другом Наполеона, приобщил Россию к известной «континентальной системе» Наполеона и разделил Европу на две сферы влияния, отдав ее запад Наполеону, а восток Александру. Последствием были войны со Швецией и с Турцией. Первая война дала России Финляндию, вторая Бессарабию. Кроме того, в 1809 г. Александр участвовал в войне Наполеона с Австрией и получил от последней часть восточной Галиции (Тарнопольский округ, который по окончании борьбы с Наполеоном снова отошел к Австрии). Переход от вражды к сближению с Францией, разрыв со старыми союзниками, тяжести континентальной системы и непрерывных войн, французское влияние на внутренние дела, проводником которого считали именно Сперанского,— все это очень влияло на общественное настроение и вызывало ропот. Когда добрые отношения Александра и Наполеона стали портиться, вражда русского общества к Наполеону и Франции достигла большого напряжения, а Сперанский в общественном мнении стал почитаться уже прямо изменником. Как первое лицо в пору сближения с Францией, Сперанский стал как бы символом этого сближения и должен был, конечно, сойти со сцены при перемене политического фронта.

Так в 1812 г. обозначилась новая перемена в Александре. Как раньше друзья Александра по интимному комитету убедились в непрочности его дружбы, так теперь пришлось убедиться в этом Сперанскому. Прощаясь с ним со слезами, Александр имел вид человека, уступающего необходимости пожертвовать Сперанским без поверки обвинений, взведенных на него доносами. За глаза же Александр давал волю негодованию на Сперанского и даже говорил о смертной казни. И сам Наполеон много раз имел случай убедиться в двойственности своего союзника. Любезный и сдержанный, обворожительный и скрытный, Александр никогда не отдавал всего себя дружбе с Наполеоном и при случае давал ему отпор или уклонялся от откровенности, сохраняя свою светлую улыбку и чарующий взгляд.

Последняя борьба с Наполеоном. Александр с 1810 г. уже обнаруживал разочарование в своей дружбе с Наполеоном. Она не приводила к добру. Недовольство подданных, торговые потери, расстройство финансов, удары самолюбию и угрозы миру — вот что стяжал Александр этой дружбой. Охладев понемногу к Наполеону, Александр начал протестовать против его действий и стал постепенно готовиться к войне, на тот случай, если Наполеон нападет на него. В свою очередь, Наполеон вел приготовления для вторжения в Россию. Обе стороны старались скрывать свои военные приготовления и обвиняли друг друга в стремлении уничтожить дружбу и нарушить мир. Для всех становилось ясно, что подготовлялась война между Россией и Францией. Причина ее лежала в глубокой противоположности стремлений французской и русской политики. Наполеон стремился к мировому владычеству и желал подчинения России его видам. Александр не только не считал возможным подчиниться Наполеону, но сам желал влиять на дела Европы, как преемник Екатерины, при которой Россия достигла необыкновенных политических успехов и большого международного значения. Со стороны Франции продолжался еще завоевательный порыв; со стороны России сказывалось чувство национальной силы и гордости. Франция желала господства над Россией, Россия — равенства с Францией. Борьба была неизбежна, и обе стороны имели к ней достаточные поводы.

Уже в 1811 г. близость разрыва между Францией и Россией чувствовалась всеми. С начала 1812 г. император Александр усиленно приготовлялся к войне. Он решился не нападать, а только обороняться, и отклонил проекты наступательных действий. Более 200 тыс. русских войск ожидали нашествия врага. Войска были расставлены на границе, вдоль р. Немана, и разделены на две армии: первой командовал военный министр, генерал Мих. Богд. Барклай-де-Толли, второй — генерал суворовской школы, князь П. И. Багратион. Сам император Александр находился при войсках, в г. Вильне. Было большой ошибкой разбросать войска на значительном расстоянии и не соединить их в одну сильную армию. Наполеон заметил эту ошибку и хотел ею воспользоваться, чтобы разделить и ослабить русские силы. С громадной армией в 600 000 человек он в июне 1812 г. без объявления войны переправился через Неман, в пределы России (у г. Ковно) и почти без всякого сопротивления со стороны русских разрозненных отрядов, бывших перед ним, быстро дошел до Вильны, где и остановился на полмесяца для окончательного устройства своей армии, составленной из войск как французских, так и союзных (немецких, польских, голландских, швейцарских и т. д.). Русские армии Барклая-де-Толли и Багратиона оказались отрезанными одна от другой и настолько слабыми, что по неравенству сил не могли и думать о генеральном сражении с врагом. В эту тяжелую минуту окружающие императора Александра убедили

его оставить театр войны и уехать в Москву, а затем в Петербург для общего руководства государственной обороной. Главное начальство над войсками получил Барклай. Понимая невозможность открытого боя с Наполеоном, Барклай принял систему отступления внутрь страны и повел свою армию на Витебск и Смоленск, приказав и Багратиону отступать и идти на соединение с ним. Мысль о необходимости и пользе отступления принадлежала не одному только Барклаю. Многие тогда вспоминали пример Петра Великого, отступавшего перед шведами до Полтавы, и рассчитывали, что, отступая, русская армия легко может быть усилена рекрутами и снабжена всем необходимым, тогда как неприятель тем больше ослабеет и истощится, чем дальше отойдет от своей родины. Так рассуждали многие; но Барклай яснее всех понимал, как именно следует исполнить отступление и до каких пор его вести. Он искусно уклонялся от больших боев с преследовавшим неприятелем и старательно берег свою армию от потерь и внутреннего расстройства. Он благополучно достиг Смоленска и там соединился с Багратионом, который пришел туда от Немана с великим трудом, беспрерывно преследуемый французами. Таким образом, отступление удалось в том смысле, что Наполеон не успел ни разъединить русские армии, ни разбить их порознь. В военном отношении это был большой успех.

Однако постоянным отступлением Барклая не были довольны ни государь, ни армия, ни все русское общество. Русские люди стыдились того, что армия как будто боялась открытого боя с врагом. Почти никто не понимал, что в военном отношении отступление не было позорным делом, и все обвиняли Барклая или в трусости, или даже в измене. Общественное мнение требовало смены Барклая. Император Александр думал о том же; по совету приближенных, он назначил главнокомандующим М. И. Голенищева-Кутузова. Но еще раньше, чем послать его в армию, государь потребовал от Барклая, чтобы отступление было, наконец, приостановлено. Вследствие такого желания государя и под влиянием общего настроения Барклай из Смоленска попытался было начать наступление на французов к Витебску, но вовремя остановился. Оказалось, что Наполеон кружным путем спешил в обход русских к Смоленску и чуть было не отрезал нашей армии от Смоленска и Москвы. С большими усилиями русским отрядам (генералов Неверовского, Раевского и Дохтурова) удалось задержать французов под Смоленском, пока главная армия наша вернулась с витебской дороги мимо Смоленска на московскую дорогу. Несколько дней шел бой под древними стенами Смоленска, раньше чем Барклай приказал оставить эту крепость и продолжать отступление к Москве. Он видел, что еще не пришла пора помериться силами с Наполеоном. В это время (16 августа) на пути армии от Смоленска к Можайску приехал в армию новый главнокомандующий, Кутузов. Он 26 августа решил дать Наполеону генеральное сражение при селе Бородине

(на берегах речки Колочи, впадающей в р. Москву, верстах в 10 от Можайска). Это сражение показало, что Барклай был прав и что русские еще не в силах победить врага. Дав битву в угоду общественному мнению, Кутузов после боя продолжал отступление по примеру Барклая.

Бородинская битва — одна из самых кровопролитных в истории: до ста тысяч человек было убито, ранено и пропало без вести в один день из обеих сразившихся армий. Со стороны русских в бою было около 110 тыс. человек, со стороны французов — около 130 тыс. Весь день Наполеон вел атаку на русские позиции; после отчаянного боя (в котором погиб Багратион) неприятелю удалось оттеснить русские войска на несколько сот сажен назад. Но вечером французы оставили взятые ими русские укрепления и ушли ночевать в свой лагерь. Русские же ночевали на поле битвы, и казацкие разъезды тревожили врага во всю ночь. Обе стороны имели трофеи: отбили друг у друга пушки, знамена, пленных. Каждая армия считала себя победительницей. Сгоряча Кутузов решил на утро возобновить бой и напасть на врага. Но когда обнаружилось, что половина русской армии уничтожена в бою, он понял, что следует отойти и сохранить оставшиеся силы от окончательного разгрома. Русские потянулись к Москве. Следом за ними наступали французы, надеясь на скорое окончание войны со взятием Москвы. Под Москвой (в деревне Филях) Кутузов собрал военный совет и, обсудив положение дел, решил оставить Москву без битвы. Он надеялся на то, что, сохранив и усилив свои войска, заморит ослабевшую неприятельскую армию в опустелой Москве. Москва была оставлена войсками. Еще ранее, узнав о приближении французов, стали покидать Москву ее жители. Московский генерал-губернатор граф Ф. В. Ростопчин, сначала возбуждавший москвичей к вооруженной защите города, затем необыкновенно энергично хлопотал об оставлении его и даже, говорят, приготовил людей к тому, чтобы зажечь город. 2 сентября в брошенную столицу вступил Наполеон.

Вопреки ожиданиям французов, занятие ими Москвы не привело к миру. Попытки Наполеона начать переговоры окончились неудачей. Император Александр не отвечал Наполеону, потому что твердо решился вести войну до последней возможности и не полагать оружия, пока хотя один враг останется в русских пределах. С первых же дней пребывания французов в Москве город стал гореть и весь обратился в развалины: в нем нельзя было зимовать и нечем было питаться. Кутузов с армией стал немного южнее Москвы; он получал из черноземных губерний все необходимое и увеличивал свои боевые силы, а французов не допускал запасаться провиантом в окрестностях столицы, окружив ее казаками. Наполеон не имел возможности двинуться и на Петербург, потому что Петербург был защищен особой армией (графа Витгенштейна), а кроме того, Кутузов мог в этом случае

напасть на врага с тыла. В довершение всего французская армия, очень расстроенная дальним походом и Бородинской битвой, окончательно потеряла порядок в Москве, где скоро привыкла к грабежу и распущенности. Сообразив все невыгоды своего положения, Наполеон решился покинуть Москву и отступить на зимовку в Смоленск и Вильну, с тем чтобы на будущую весну возобновить военные действия. Такую решимость поддержало в нем известие о поражении его передового отряда русскими у села Тарутина (близ г. Малого Ярославца). Кутузов напал здесь на Мюрата и разбил его наголову. В середине октября французская армия покинула Москву, сожженную и разграбленную, с оскверненными храмами и взорванными стенами Кремля. Наполеон сделал попытку пройти от Москвы к Калуге, чтобы отступать не старой разоренной дорогой. Но Кутузов не допустил этого, он дал отпор французам при Малом Ярославце, после чего они повернули на Смоленск по разоренной дороге. Русская армия шла параллельно неприятельской, но Кутузов совсем не стремился к открытому бою с ней, говоря, что она развалится и без боя. Действительно, армия Наполеона разваливалась с необыкновенной быстротой. Тому были многие причины. Во-первых, пребывание в Москве, грабеж и мародерство настолько расшатали дисциплину среди французов, что боевая сила их войск заметно упала. Французы отступали беспорядочно, нуждаясь в необходимом, но волоча за собой награбленную в Москве добычу. За исключением немногих полков (гвардии), они напоминали собой простые шайки грабителей. Во-вторых, вокруг французской армии загорелась народная война: жители коренных русских губерний поднялись на врага. Вооружаясь чем попало, они нападали на отдельные французские отряды и истребляли их, жгли французские запасы, грабили неприятельские обозы, словом, наносили врагу какой только могли вред. При таком возбуждении народа маленькие отряды кавалеристов и казаков, высланные на французов из русской армии, могли с чрезвычайной легкостью и удобством вредить врагу, нападая на него со всех сторон внезапно и украдкой, ведя с ним «партизанскую войну». (Среди партизанов особенно были известны Фигнер, Давыдов и Сеславин.) Народ всячески помогал партизанам, укрывал их, доставлял им сведения о движении неприятеля, поддерживал в боях. Народная и партизанская война страшно вредила французской армии и расстраивала ее. В-третьих, наконец, холода, наступившие в ноябре, причинили страшное бедствие французам, не имевшим теплой одежды и надлежащей обуви. Ни сражаться, ни двигаться, ни добывать пищу они не были в состоянии и устилали дороги трупами замерзших и голодных. Когда Наполеон со своей бедствующей армией подошел к р. Березине (приток р. Днепра), у города Борисова русскими была сделана попытка окружить его. Но она не удалась: Наполеон успел переправиться и уйти к Вильне. Однако от Березины шла

уже не армия, а лишь жалкие ее остатки. Они добежали до Вильны, не смогли в ней удержаться и побежали дальше к Неману. В самый день Рождества Россия торжественно праздновала (и до сих пор церковно празднует) избавление от нашествия французов и «с ними двадесяти язык». Наполеон вывел с собой из России не более 15—20 тыс. солдат, сохранивших строй и дисциплину; все остальные погибли или остались в плену или же обратились в бродяг. Так кончился поход Наполеона в Россию.

Многие полагали, что с изгнанием Наполеона из России война окончена и что русским можно спокойно выжидать дальнейших событий. Сам Кутузов, по-видимому, был такого же мнения. Но император Александр думал иначе: он желал воспользоваться поражением Наполеона, чтобы окончательно сломить его силы и избавить от его гнета европейские государства. По велению государя русские войска вслед за французами перешли русскую границу. Россия начала войну за освобождение Европы, и Александр призывал всю Германию к борьбе с Наполеоном. На его зов первая отозвалась Пруссия, затем после некоторых колебаний Австрия. К новой коалиции примкнули Швеция и Англия. К лету 1813 г. Наполеон сумел собрать новую армию и встретил своих противников в Германии. Борьба разыгралась на Эльбе. После многих упорных битв (при Люцене, Бауцене, Дрездене, Кульме) произошло генеральное сражение при Лейпциге. Оно длилось четыре дня: в нем действовало до полумиллиона человек и было убито и ранено более 100 000. В бою лично принимали участие императоры Наполеон и Александр, присутствовали император Австрийский (Франц) и короли Прусский и Саксонский. В этой «битве народов» Наполеон был разбит и с громадными потерями отступил за Рейн. Союзники преследовали его и вторглись в его империю. Это случилось ровно через год после изгнания французов из России: в день Рождества Христова в 1813 г. император Александр объявил своей армии поход в самую Францию. Так совершилось освобождение Германии от долгого французского господства. Энергия императора Александра поставила его во главе этого дела, и он занял первое место среди союзных государей.

Обессиленная наполеоновскими войнами Франция не могла оказать большого сопротивления громадным союзным армиям. Отвлекши Наполеона в сторону от Парижа, союзники поспешили сами к Парижу и овладели им после сражения с войсками гарнизона. Император Александр с прусским королем торжественно въехали в Париж 19(31) марта 1814 г. Французский сенат, выражая неудовольствие всей Франции чрезмерными тягостями наполеоновской политики, объявил Наполеона лишенным императорского престола. Побежденному Наполеону не оставалось иного исхода, кроме отказа от власти. В городе Фонтенбло подписал он акт отречения от престола Франции и получил от союзников остров Эльбу (лежащий между его родным островом Корсикой

и итальянским берегом). Во Франции была восстановлена королевская династия Бурбонов (в лице Людовика XVIII). Было решено созвать через несколько месяцев в Вене конгресс государей и дипломатов для того, чтобы восстановить в европейских государствах нормальный порядок, нарушенный завоевательной политикой Франции. Под влиянием поразительных успехов Александра высшие учреждения России (Государственный совет, Синод и Сенат) поднесли государю прошение о принятии им наименования «благословенный» (1814). Хотя Александр и не изъявил на то прямого согласия, такое наименование было ему усвоено впоследствии официально.

Конгресс в Вене состоялся в том же 1814 г. Устроив дела второстепенных государств, монархи России, Австрии и Пруссии обсудили вопрос и о вознаграждении своих держав за жертвы и потери, понесенные в борьбе с Наполеоном. Это вознаграждение главным образом намечалось в виде наделения землями прежней Польши. Император Александр с большой настойчивостью желал соединить польские области под своей властью в одно государство с Россией. Союзники сначала не соглашались на это и дело едва не дошло до разрыва и войны. Согласились, однако, на том, что император Александр получил почти все герцогство Варшавское под именем «Царства Польского», но уступил Познань Пруссии и Галицию Австрии.

Во время занятий конгресса в Вену (1815) пришло известие, что Наполеон прибыл с о. Эльбы во Францию и восстановил там свою империю. Снова на границы Франции отправились союзные армии; но еще до прихода русских войск Наполеон был разбит англичанами и пруссаками (при Ватерлоо), отдался в руки англичанам и был ими отвезен на о. Св. Елены. Тем не менее русская армия была опять введена во Францию и осталась там до полного утверждения порядка и спокойствия.

Годы 1812—1815 в личной жизни Александра имели характер решительного перелома. В начале Отечественной войны Александр думал неотлучно быть при армии. Находя это неполезным для дела, новый (сменивший Сперанского) государственный секретарь Шишков вместе с Балашовым и Аракчеевым написали Александру «послание», в котором просили его отделить его судьбу от судьбы армии. Александр послушался и из армии отправился через Москву в С.-Петербург. В Москве народная масса встретила его с необыкновенным подъемом патриотического чувства, а дворянство и купечество на приеме во дворце проявили полную готовность жертвовать не только имуществом, но и собой для защиты родины. Александр был поражен мощью народного чувства; он несколько раз повторял: «Этого дня я никогда не забуду!» В сущности, он мало ценил то общество, которым управлял; теперь же оно встало перед ним такой силой, которая вызывала его изумление и уважение. Отношение к управляемой среде в нем изменилось коренным образом, и он понял,

выражаясь его словами, что «Россия представляет ему более способов, чем неприятели думают». С тех пор он любил повторять, что будет вести борьбу до конца, что, утратив армию, созовет «дорогое дворянство и добрых крестьян», отрастит бороду и будет питаться картофелем с последним из своих крестьян скорее, чем подпишет постыдный мир. Эта перемена в оценке общества была для Александра первым из последствий «двенадцатого года». Вторым последствием был перелом в его религиозном сознании. Он сам говорил, что пожар Москвы осветил его душу и согрел его сердце верой, какой раньше он не ощущал. Деист превратился в мистика. Мало интересовавшийся Библией и не знавший ее, Александр теперь не расстается с ней и не скрывает своего нового настроения. Он теперь убежден, что для народов и для царей слава и спасение только в Боге, и на себя смотрит лишь как на орудие Промысла, карающего злобу Наполеона. Глубокое смирение было естественным последствием этих взглядов; но эти же новые взгляды, убедившие Александра в его высоком предназначении, вели его иногда к необычайному упорству и раздражительности в отстаивании своих мнений и желаний. Он получал вид человека, уверенного в своей непогрешимости, с которым было бесполезно и рискованно препираться. Не раз он терял свое обычное самообладание и впадал даже в резкость: так, однажды близкого к нему князя Волконского он при всех обещал «услать в такое место, которого князь не найдет на всех своих картах». Такой склад мыслей и такое настроение Александр сохранил до конца своих дней. В последующие годы в нем стали заметны утомление жизнью, стремление уйти от ее повседневных мелочей в созерцательное одиночество, склонность к унынию и загадочной печали.

Правительственная деятельность последних лет царствования Александра находилась под влиянием этого сложного и странного настроения имп. Александра и потому отличалась отсутствием внутренней цельности: она характеризуется уже не двойственностью и неопределенностью, а прямыми противоречиями. Победа над Наполеоном привела Европу к «Священному Союзу». Исправив карту Европы, приведенную в беспорядок революцией и Наполеоном, и распределив вознаграждение держав на Венском конгрессе, главенствующие монархи связали себя актом «Священного Союза», который был попыткой приложить к политике принципы христианства. Почин в этом деле принадлежал Александру и вышел из его мистического настроения. Акт «Священного Союза» (14 сентября 1815 г.) говорил о том, что союзные монархи решились весь порядок взаимных своих отношений «подчинить высоким истинам, внушаемым вечным законом Бога Спасителя», и в политических отношениях «руководствоваться не иными какими-либо правилами как заповедями сея святыя веры, заповедями любви, правды и мира». Взаимно обязались они пребывать в вечном мире и всегда «подавать друг другу пособие,

подкрепление и помощь», а подданными своими управлять, «как отцы семейств», в том же духе братства. Императором Александром при составлении этого акта руководил высокий религиозный порыв и искреннее желание внести в политическую жизнь умиротворенной Европы начала христианской любви и правды. Но союзники Александра, в особенности австрийские дипломаты (с Меттернихом во главе), воспользовались новым союзом в практических целях. Обязанность государей всегда и везде помогать друг другу была истолкована так, что союзные государи должны вмешиваться во внутренние дела отдельных государств и поддерживать в них законный порядок. Обычай «вмешательства» был укреплен на тех конгрессах, которые созывались после Венского (в 1818—1822 гг. в городах Ахене, Троппау, Лейбахе и Вероне) и имели целью полюбовное разрешение разных международных дел по принципам «Священного Союза». Собравшиеся на этих конгрессах государи и их дипломаты обсуждали, между прочим, внутренние замешательства, происходившие в государствах всех трех южных полуостровов Европы, и пришли к тому решению, чтобы вооруженной силой вмешаться в дела Италии и Испании и поддержать там законные правительства против народных восстаний. Во имя идей «Священного Союза» происходило подавление всякого национального движения и поддержка непопулярных и недостойных правителей. Даже восстание греков-христиан против притеснений турок вначале рассматривалось как недозволительный бунт подданных против законного государя. Император Александр видел в этом восстании «революционный признак времени» и не считал себя вправе заступиться за угнетенных единоверцев. Такая деятельность «Священного Союза» (его прямолинейный легитимизм и принцип вмешательства) восстановили против него европейское общество, и союз получил славу реакционной силы, противной всякому движению вперед. Благородная мысль императора Александра на практике выродилась в несоответственные ей формы, потому что Александр допустил во всем акте «Священного Союза» смешение идей совершенно различных порядков. Он надеялся подчинить право и политику велениям морали и религии, а на деле политика в ловких руках Меттерниха обратила мораль и религию в практическое средство к достижению реакционных целей. Стоявший во главе союза Александр, казалось, стал и во главе европейской реакции. Но в то же время он насаждал в новом Царстве Польском конституционный порядок, а в 1818—1819 гг. поручил Новосильцеву воскресить проект Сперанского. Новосильцев составил «Уставную грамоту», но она, как и при Сперанском, не получила санкции, а вновь устроенный либеральный порядок в Польше и Финляндии не был пущен полным ходом. Борьба противоположных принципов в действиях Александра была здесь очевидна, но необъяснима. Необъяснимым казался и прием внутреннего управления. Не оставивший еще мысли об «Уставной грамоте»

Александр на деле далеко отошел от настроений молодых лет. Он остыл и стал равнодушен к внутренним делам и вопросам гражданского управления; текущую административную работу он возложил на графа Аракчеева и вполне доверился этому неизменному своему любимцу, с которым его еще в юности связывали какие-то таинственные, историками еще не разгаданные, нити. Аракчеев превратился во временщика и возбудил к себе общую ненависть не только несносной кичливостью и мелким злопамятством, но и общим приемом управления, невежественным, грубым и жестоким, являвшим собой безобразную реакцию по отношению ко всему тому, что прельщало общество в первые годы правления Александра. Люди разных положений и направлений одинаково осуждали Аракчеева, называя его «проклятым змеем», «извергом», «вреднейшим человеком в России», но никто не мог с ним бороться. Настал тяжелый режим, напоминавший предыдущее царствование, в особенности тем, что на первом плане стали внешние мелочи военно-казарменного быта и знаменитый вопрос об устройстве военных поселений. Целая треть русской армии была переведена в новые условия быта поселенных войск. Условия эти сводились к тому, чтобы устроить войска, не отрывая солдат в мирное время от их семей и хозяйства, и облегчить государственную казну, возложив расходы по продовольствию войск на тот самый округ, в коем войска поселены. Жители местностей, назначенных для водворения войск, зачислялись в «военные поселяне» и подчинялись военному управлению, а сыновья их зачислялись в «кантонисты» и служили для пополнения войск. При Аракчееве были созданы поселения в губерниях Новгородской, Могилевской, Слободско-Украинской, Херсонской и Екатеринославской. При большом своем развитии поселения представляли собой сложную и крупную реформу, ломавшую быт значительной части населения, возбуждавшую серьезное неудовольствие подпавших реформе лиц. Столь же явное несочувствие со стороны общества вызывали попытки (по выражению Карамзина) «мирское просвещение сделать христианским», которые находились в прямом соотношении с мистическим настроением самого Александра. Религиозный экстаз государя содействовал успехам в русском обществе искреннего и лицемерного мистицизма, истинного благочестия и показного ханжества. Трудно тогда было разобраться в том, кто лицемерит из-за карьеры, а кто искренен в делах веры и церкви; но большое число явных и неопрятных «лицемеров» сильно компрометировало те меры, которыми Александр и его министр «духовных дел и народного просвещения» кн. А. Н. Голицын думали поднять истинное благочестие в России. В соединении с господством Аракчеева все эти меры производили на общество впечатление самой решительной реакции, и даже консервативный Карамзин не скрывал своего отвращения от возобладавших тогда тенденций.

Случилось так, что в то самое время, когда правительство императора Александра стало на путь реакции и пиетизма, в русском обществе получили ход и преобладание иные вкусы. Отечественная война поставила в ряды армии на защиту отечества массу дворян, до того времени не дороживших службой, особенно военной; а войны 1813—1814 гг., перебросив русскую армию за границу, познакомили эту массу дворян с западноевропейской жизнью и с умственным движением западноевропейского общества. Ранее редкие поездки русских людей за границу были единичными случайностями, и иноземные впечатления ограничивались узким кругом лиц, побывавших на чужбине. Теперь, в пору освободительных войн, русские люди в большом числе и надолго оказались поставленными в условия европейской жизни, подпали длительному влиянию чуждых нравов и идей, близко познакомились с умственным движением времени, вывезли домой целые библиотеки. Успехи французской гражданственности под влиянием идей XVIII в., могучее движение немецкого национализма и немецкой философской мысли не могли пройти бесследно для русских умов, потрясенных и возбужденных великой борьбой за собственную родину. Русские люди втягивались в умственные интересы Запада и начинали с новых точек зрения смотреть на родную действительность. Иногда мы даже можем уследить, как именно совершалось это перерождение русской души: в записках декабриста князя С. Г. Волконского читаем, например, откровенное указание, что на путь политической критики привело его знакомство с немецким патриотом Ю. Грунером, от которого Волконский получил «более познаний об обязанностях гражданина к отечеству».

Два течения в русской общественности образовались под влиянием указанного знакомства с Западом. Одно можно назвать теоретическим, другое — практическим. Первое, стремясь усвоить и применить к русской действительности результаты отвлеченного европейского мышления, выразилось в занятиях новой идеалистической философией. Пройдя несколько фаз, это течение привело к созданию у нас известных философско-публицистических направлений «славянофильства» и «западничества». О них речь пойдет дальше. Второе течение — практическое — стремилось перенести в русскую жизнь те формы политического и общественного строя, которые были выработаны в новейшую эпоху в Западной Европе. На почве политической оно стремилось к представительной, даже республиканской форме правления; на почве общественной оно отрицало крепостное право. Это течение привело к образованию кружков, которые чем далее, тем более усваивали революционный оттенок. Недовольство действительностью в этих кружках было тем более напряженно, чем более беспощадна была реакция и аракчеевский режим.

Существование кружков оппозиционного характера можно было наблюдать уже тотчас по возвращении войск из заграничного

похода. Первоначально они пользовались дозволенной тогда (до 1822 г.) в России масонской организацией, затем получили вид политических сообществ. Из нескольких таких сообществ выслежен был в 1816 г. большой «Союз спасения», или «Союз благоденствия», устав которого («Зеленая книга») стал известен даже самому императору Александру. Слишком большая огласка союза повела в 1820—1821 гг. к его добровольному закрытию. Но, закрыв этот союз, его руководители составили новые союзы, более тайные и с более определенными программами действий. Это были союзы: «Северный» с Н. Муравьевым и Рылеевым во главе; «Южный», руководимый Пестелем, и «Славянский». Первый был умереннее прочих, высказываясь за монархическое начало; второй был республиканским, а третий отличался фантастическими крайностями. Во всяком случае все эти союзы были ветвями одного заговора, направленного к коренному перевороту.

Когда император Александр получил первые доклады о происходящем движении, он отнесся к ним так, что смутил докладчиков. «Вы знаете,— сказал он одному докладчику,— что я сам разделял и поддерживал эти иллюзии; не мне их карать!» Другому докладчику он ответил невниманием. Однако последующие известия уже не о предосудительных иллюзиях, а об определенном заговоре, заставили Александра в последний год его жизни начать дознание. Во время этого дознания он и скончался.

В такой неутешительной обстановке окончилась деятельность того, чье появление на престоле уподоблялось «светлому празднику». Ряд перемен в настроении и направлении власти оставался непонятным для управляемого общества; двойственность натуры Александра удивляла окружающих, а способность к быстрым переменам отдаляла от него всех тех, кто хотел быть уверен в своем завтрашнем дне. «Сущий прельститель», Александр в конце дней своих как бы потерял свои чары и стоял очень далеко от всех, кого ранее чаровал.

Вопросы о престолонаследии и кончина императора Александра I. Александр не имел сыновей, а две его дочери умерли в младенчестве. Бездетность государя сообщала право наследования старшему по нем брату, цесаревичу Константину Павловичу. Но и Константин не имел детей, да к тому же во втором браке он был женат на графине Грудзинской, которая не принадлежала ни к царствующему, ни к владетельному дому и пользовалась титулом светлейшей княгини Лович. По закону 1820 г., дети от такого брака «с лицом, не имеющим соответственнаго достоинства», лишены были права на наследование престола. Разного рода личные соображения привели Константина к твердому решению отречься от прав на престол. В 1823 г. это отречение было им оформлено с согласия императора Александра и матери их, императрицы Марии Федоровны. Константин заявил об отречении своем в официальном письме государю: государь по этому поводу дал 16 августа 1823 г. манифест, в коем, принимая отрече-

ние брата Константина, назначал наследником престола следующего за ним брата, великого князя Николая Павловича. Но, оформив дело, Александр почему-то не желал огласить его. Манифест 16-го августа был вручен московскому архиепископу Филарету для секретного хранения в московском Успенском соборе, а копии с манифеста, тоже секретно, были положены на хранение в Государственном совете, Сенате и Синоде. На всех пакетах с текстом манифеста было государем написано: «Хранить до моего востребования, а в случае моей кончины раскрыть прежде всякаго другого действия». Секретный для подданных, манифест 16 августа был секретом и для великого князя Николая Павловича. Он о нем ничего не знал, если же и думал когда-либо о возможности царствовать, то лишь на основании беглого и немного загадочного разговора с ним императора Александра в июле 1819 г. Безо всякого внешнего повода император Александр сообщил ему тогда за обедом, в присутствии лишь одной супруги Николая Павловича, Александры Федоровны, о том, что он имеет в виду отречься от престола и поэтому смотрит на великого князя Николая как на своего наследника, ибо и брат Константин решил не принимать престола. Пораженный таким открытием, Николай не имел ни одного случая вернуться к этой теме и не видел основания верить в отречение Константина.

Таинственность, излишняя в таком деле, как передача прав наследования мимо второго брата третьему, принесла непредвиденные неудобства. Император Александр, отвезя свою больную супругу Елизавету Алексеевну для лечения в Таганрог, неожиданно там скончался 19 ноября 1825 г. от случайной простуды, полученной во время поездки по Крыму. Известие о его кончине было отправлено генерал-адъютантом Дибичем в Варшаву Константину Павловичу и в Петербург императрице Марии Федоровне,—и случилось так, что в Таганроге и Петербурге считали императором Константина и принесли ему присягу, а в Варшаве Константин объявил императором Николая. Началось междуцарствие, которое продолжалось до 13 декабря. Николай Павлович не считал себя вправе занять престол, раз он присягнул Константину. Несмотря на то что князь А. Н. Голицын поставил его в известность о существовании секретного манифеста об отречении Константина, Николай настаивал на приезде Константина в Петербург для выяснения дела. Константин же решительно уклонялся от этого и просил Николая принять власть. Между Варшавой и столицей летали фельдъегеря, и по важности дела посредством между двумя братьями ездил третий брат Михаил Павлович. Наконец, к вечеру 12 декабря выяснилось, что цесаревич Константин Павлович престола не примет и в Петербург не приедет. Николаю оставалось, призвав войска и народ к присяге на свое имя, объявить манифестом о вступлении своем на престол. Этим моментом и воспользовались заговорщики для революционной попытки.

Время Николая I
(1825—1855)

14-е декабря 1825 г. Принесение присяги новому государю было назначено на понедельник 14 декабря, накануне же вечером предполагалось заседание Государственного совета, в котором император Николай желал лично изъяснить обстоятельства своего воцарения в присутствии младшего своего брата Михаила, «личнаго свидетеля и вестника от цесаревича Константина». Дело немного затягивали потому, что Михаил Павлович находился тогда на пути из Варшавы в Петербург и мог вернуться в Петербург только вечером 13 декабря. Но так как он опоздал, то заседание Государственного совета состоялось без него, в полночь с 13-го на 14-е декабря, а утром 14-го, также еще до приезда Михаила, принесена была присяга начальниками гвардейских войск, и затем эти начальники отправились в свои части приводить к присяге солдат. В церквах в то же время читался народу манифест о вступлении на престол императора Николая.

Новый государь не с полным спокойствием ждал конца присяги. Еще 12 декабря узнал он по донесению, присланному из Таганрога, о существовании заговора, или заговоров, а 13-го у него уже могли быть сведения и о том, что в самом Петербурге готовится движение против него. Петербургский военный генерал-губернатор граф Милорадович на все вопросы по этому делу отвечал успокоительно: но он не имел о заговоре правильного понятия и не считал нужным принять принудительные меры, несмотря на то что 13-го обнаружились кое-какие признаки агитации в полках. Первый беспорядок 14 декабря произошел в конной артиллерии, где офицеры и солдаты желали видеть у присяги великого князя Михаила Павловича. В городе знали, что он не присягал до того дня никому, и удивлялись его отсутствию в такую важную минуту. В это время Михаил уже приехал в Петербург; не медля он явился в артиллерийские казармы и успокоил смутившихся. Но затем пришла во дворец весть, что части гвардейских Московского и Гренадерского полков не присягнули и, увлеченные некоторыми офицерами, после насилий над начальниками, вышли из казарм и сгруппировались в две толпы на Сенатской площади близ памятника Петру Великому. К ним пристали матросы гвардейского экипажа и уличная публика. Среди собравшихся раздавалось «ура Константину Павловичу!». Против возмутившихся были поставлены со всех сторон гвардейские войска, и сам император Николай приехал на Сенатскую площадь. Попытки увещания не привели ни к чему: успокаивавший мятежников граф Милорадович был убит выстрелом из пистолета. Натиск на мятежников конной гвардии не удался: толпа устояла против скользивших по гололедице лошадей и стрельбой из ружей отбила атаку. Тогда прибегли к пуш-

кам; несколько картечных выстрелов из орудий, стоявших у Адмиралтейства, рассеяли толпу, и она побежала по Галерной улице и вдоль Невы. Оставалось искать виновных.

В сущности, происшедший уличный беспорядок не был серьезным бунтом. Он не имел никакого плана и общего руководства, не имел и военной силы. Весь день толпа провела в бездействии и рассыпалась от первой картечи. Внешнее значение этого эпизода так и было понято императором Николаем, по словам которого бунтовавшие роты «впали в заблуждение». Но важность происшедшего 14 декабря мятежа состояла в том, что он был внешним выражением скрытого политического движения, которое выразилось и другими подобными же признаками, вроде мятежа в Черниговском полку на юге. Руководители этого движения были обнаружены и задержаны очень скоро после 14 декабря. К лету 1826 г. заговор был уже изучен, и виновные, в числе до 120 человек, были преданы особому верховному суду, в состав которого были введены «государственные сословия»: Государственный совет, Сенат и Синод. По приговору суда, смягченному несколько императором Николаем, пять виновных были преданы смертной казни, остальные были сосланы в каторжные работы и на поселение в Сибирь. Так закончилось «дело декабристов», послужившее прологом к царствованию императора Николая I.

Это дело было самой существенной частностью в той обстановке, в какой совершилось воцарение Николая; оно всего более определило настроение новой власти и направление ее деятельности. Новая власть вступила в жизнь не совсем гладко, под угрозой переворота и «ценой крови своих подданных» («au prix du sang de mes sujets», как выразился император Николай). Попытка переворота исходила из той же дворянской среды, которая в XVIII в. не раз делала подобные попытки, а орудием переворота избрана была та же гвардия, которая в XVIII столетии не раз служила подобным орудием. В XVIII в. перевороты иногда удавались, и создаваемая ими власть получала тот или иной характер, то или иное направление в зависимости от условий минуты. Теперь, в 1825 г., попытка переворота не удалась, но тем не менее она оказала влияние на новую власть. Не только самое существование заговора и мятеж, но и планы заговорщиков, их идеи и проекты, обнаруженные следствием, дали толчок правительственной мысли. Император Николай и его советники сделали из 14 декабря два вывода. Из них один, более широкий, можно назвать политическим; другой, более узкий,— административным.

Изучая оппозиционное движение, бывшее для многих совершенной неожиданностью, император Николай неизбежно должен был заметить, что оно направлялось не только против реакционного настроения последнего десятилетия жизни императора Александра, но и против общих основ русского правопорядка, построенного на крепостном праве. Крестьянский вопрос был одним из существенных пунктов в освободительных мечтаниях

декабристов, и освобождение крестьян связывалось в их проектах с другими не менее существенными реформами общественной жизни и общественного устройства. Проекты декабристов получили особенное значение в глазах нового государя потому, что они не стояли уединенно: многое из того, что говорили привлеченные к следствию заговорщики, говорилось не только в замкнутых кружках тайных обществ, но и в широком кругу не причастных к заговору лиц. Французский посол Лаферроне, беседовавший о декабристах с самим имп. Николаем, думал, что в оппозиции состоит все высшее русское общество. «Главная беда в том,— писал он,— что люди самые благоразумные, те, кто с ужасом и отвращением взирали на совершившиеся события (14 декабря), думают и говорят, что преобразования необходимы, что нужен свод законов, что следует совершенно видоизменить и основания, и формы отправления правосудия, оградить крестьян от невыносимого произвола помещиков, что опасно пребывать в неподвижности и необходимо, хотя бы издали, но идти за веком и немедленно готовиться к еще более решительным переменам». Если бы мы и решились признать такой взгляд излишне пессимистичным и пугливым, мы все-таки должны помнить, что он отражает настроение самого императора Николая и потому имеет для нас большую важность. Он показывает, что сам Николай считал реформы (и в том числе крестьянскую) назревшим делом, которого желало общество. Но вопрос о реформах имел не одну оппозиционную генеалогию: император знал, что его брат и предместник мечтал о реформах и был сознательным противником крепостного права на крестьян, а отец своей мерой о барщине положил начало новому направлению правительственных мероприятий в крестьянском вопросе. Поэтому реформы вообще, и крестьянская в частности, становились в глазах императора Николая правительственной традицией. Настоятельная их необходимость делалась для него очевидной потребностью самой власти, а не только уступкой оппозиционному движению различных кружков. Именно мысль о необходимости реформ была первым (как мы его назвали, политическим) выводом, какой был сделан императором Николаем из тревожных обстоятельств воцарения.

Второй вывод был специальнее. Не было тайной, что заговор декабристов явился новым проявлением старой шляхетской привычки мешаться в политику. Изменились с XVIII в. общественные условия и строй понятий; в зависимости от этого получила новый вид организация и внутренний характер движения декабристов. Вместо сплошной дворянской массы XVIII в. гвардейское солдатство стало в XIX в. разночинным; но офицерство, втянутое в движение, было по-прежнему сплошь дворянским, и оно думало в своих видах руководить гвардейской казармой. Вместо прежних династических и случайных целей того или иного движения декабристы под видом вопроса о престолонаследии пресле-

довали цели общего переворота. Но от этого не менялся общий смысл факта: представители сословия, достигшего исключительных сословных льгот, теперь проявили стремление к достижению политических прав. Если раньше императоры Павел и Александр высказывались против дворянского преобладания, созданного в русском обществе законами Екатерины, то теперь, в 1825 г., власть должна была чувствовать прямую необходимость эмансипироваться от этого преобладания. Шляхетство, превратившееся в дворянство, переставало быть надежной и удобной опорой власти, потому что в значительной части ушло в оппозицию; надобно, значит, искать иной опоры. Таков второй вывод, сделанный императором Николаем из обстоятельств воцарения.

Под влиянием этих двух выводов и определились отличительные черты нового правительства. Подавив оппозицию, желавшую реформ, правительство само стремилось к реформам и порвало с внутренней реакцией последних лет императора Александра. Став независимо от заподозренной дворянской среды, правительство пыталось создать себе опору в бюрократии и желало ограничить исключительность дворянских привилегий. Таковы исходные пункты внутренней политики императора Николая, объясняющие нам все ее свойства. Если мы примем еще во внимание личные особенности самого императора, свежего и бодрого человека, серьезно смотревшего на свой жребий, но не подготовленного к власти и не введенного своевременно в дела, то поймем, что новое правительство, при определенном направлении своем и большой энергии, вступало во власть без той широты юных замыслов, которая придавала такое обаяние первым дням власти Александра I. Кроме того, встреченное на первых же порах попыткой декабристов и ответившее на нее репрессией, новое правительство получило в общем сознании, как своем, так и чужом, характер охранительный, несмотря на то что было готово на реформы.

Внутренние дела времени императора Николая I. С первых же месяцев царствования император Николай поставил на очередь вопрос о реформах. Он устранил от дел знаменитого Аракчеева и явил полное свое равнодушие к мистицизму и религиозному экстазу. Настроение при дворе резко изменилось по сравнению с последними годами Александрова царствования. К деятельности были призваны иные люди. Снова получил большое значение Сперанский; во главе Государственного совета был поставлен Кочубей, сотрудник императора Александра в годы его юности; стали на виду и другие деятели первой половины царствования Александра. Решимость императора Николая начать реформы сказывалась не только в речах его, но и в мероприятиях. Одновременно с отдельными мерами в разных отраслях управления был в конце 1826 г. учрежден под председательством Кочубея особый секретный комитет (известный под названием «Комитет 6-го декабря 1826 г.») для разбора бумаг императора Александра

и вообще «для пересмотра государственного управления». Работая в течение нескольких лет, этот комитет выработал проекты преобразования как центральных, так и губернских учреждений, а кроме того, приготовил обширный проект нового закона о сословиях, в котором предполагалось, между прочим, улучшение быта крепостных. Из трудов комитета многое осталось без дальнейшего движения. Закон о сословиях был внесен в Государственный совет и им одобрен, но не был обнародован вследствие того, что революционные движения 1830 г. на Западе внушили страх перед всякой реформой. С течением времени лишь некоторые меры из проектов «Комитета 6-го декабря 1826 г.» были осуществлены в виде отдельных законов. Но в целом труды комитета остались без всякого успеха, и реформа, проектированная им, не удалась.

Пока комитет обсуждал общий план необходимых преобразований, правительство принимало целый ряд практических мер для улучшения разных отраслей администрации и для упорядочения государственной жизни. Из таких мер наиболее замечательны: 1) устройство отделений «собственной Его Величества канцелярии»; 2) издание «Свода законов»; 3) уничтожение ассигнаций; 4) меры для улучшения быта крестьян и 5) меры в области народного просвещения.

1. Собственная Его Величества канцелярия существовала и до императора Николая, но не играла заметной роли в управлении государством, служа личной канцелярией государя по делам, которые он брал в свое личное ведение. При императоре Николае в личное ведение государя взято было столько дел, что маленькая канцелярия очень разрослась и была поделена на отделения. *Первое* отделение канцелярии продолжало заведовать теми делами, которые раньше составляли ее предмет, т. е. исполняло личные повеления и поручения государя, представляло государю поступающие на его имя бумаги и объявляло по ним его решения. *Второе* отделение было образовано (в 1826 г.) с целью привести в порядок русское законодательство, давно нуждавшееся в упорядочении. *Третье* отделение канцелярии (также с 1826 г.) должно было ведать высшую полицию в государстве и следить за законностью и порядком в управлении и общественной жизни. Чины этого отделения должны были «наблюдать, чтобы спокойствие и права граждан не могли быть нарушены чьею-либо личной властью, или преобладанием сильных или пагубным направлением людей злоумышленных». Но вскоре надзор за законностью вообще перешел в надзор за политическим настроением общества, и «третье отделение» заменило собой те тайные канцелярии по политическим делам, которые существовали в XVIII в. *Четвертое* отделение было основано после кончины императрицы Марии Федоровны (1828). Оно заменило собой канцелярию государыни по управлению теми образовательными и благотворительными учреждениями, которые император Павел по вступлении своем на престол (1796) передал в ведение своей супруги. Совокупность этих

заведений (институтов, училищ, приютов, богаделен и больниц) впоследствии получила наименование «ведомства учреждений императрицы Марии» в память основательницы этого ведомства. Наконец, при императоре Николае кроме четырех постоянных отделений его канцелярии бывали еще временные. Николай все свое царствование держался обычая брать в свое непосредственное управление те дела, успех которых его особенно интересовал. Поэтому канцелярия императора Николая в государственном управлении всегда играла громадную роль.

2. Мы знаем, что в XVIII столетии попытки привести в порядок действующее законодательство не удавались. Не увенчались успехом и позднейшие законодательные работы Сперанского. Тотчас по воцарении император Николай обратил особое внимание на беспорядок в законах и поручил второму отделению своей канцелярии дело кодификации. Составление законодательного кодекса было вверено и на этот раз М. М. Сперанскому, который сумел постепенно приобрести полное доверие и привязанность Николая. Сперанский повел дело таким образом, что сначала собрал все законы, изданные с 1649 г., т. е. со времени Уложения, а затем из этого собрания законодательного материала составил систематический свод действующих законов. Такой способ работы был указан самим императором Николаем, который не желал «сочинения новых законов», а велел «собрать вполне и привести в порядок те, которые уже существуют». В 1883 г. труд Сперанского был закончен. Было отпечатано два издания: во-первых, «Полное собрание законов Российской империи» и, во-вторых, «Свод законов Российской империи». Полное собрание заключало в себе все старые законы и указы, начиная с уложения 1649 г. и до воцарения императора Николая. Они были расположены в хронологическом порядке и заняли 45 больших томов *. Из этих законов и указов было извлечено все то, что еще не утратило силы действующего закона и годилось для будущего свода. Извлеченный законодательный материал был распределен по содержанию в известной системе («Основные государственные законы», «Учреждения»; «Законы о состояниях»; «Законы гражданские» и т. п.). Эти-то законы и были напечатаны в систематическом порядке в 15-ти томах под названием «Свода законов».

Так было завершено крупное и трудное дело составления кодекса. Оно удалось благодаря исключительным способностям и энергии Сперанского, а также благодаря упрощенному плану работы. Собрать и систематизировать старый русский законодательный материал было, конечно, легче и проще, чем заимствовать материал чуждый и согласовать его с потребностями

* Законы, данные в царствование Николая I и Александра II (1825—1881), также были впоследствии напечатаны в хронологическом порядке и составили *второе* «Полное собрание законов» (в 57 книгах). Законы, изданные с 1881 г., печатаются ежегодно в третьем «Полном собрании законов».

и нравами русского общества или же «сочинять новое уложение» на отвлеченных, еще не испытанных жизнью, принципах. Однако и более простой прием, принятый при императоре Николае, удался так блестяще лишь потому, что во главе дела был поставлен такой талантливый и усердный человек, как Сперанский. Понимая все трудности кодификации, Сперанский не удовольствовался тем, что было им сделано для составления Свода: он предложил план устройства постоянных работ над исправлением и дополнением Свода в будущем. По этому плану «второе отделение» (превратившееся в одно из отделений государственной канцелярии) непрерывно следит за движением законодательства и постоянно вносит дополнения и изменения в Свод; когда текст какого-либо тома Свода существенно изменится от подобных дополнений и изменений, то его печатают новым «изданием» в отмену старых, и таким образом состав Свода постепенно обновляется в уровень с движением законодательства.

3. Император Николай наследовал от времени Александра большое расстройство финансовых дел. Борьба с Наполеоном и действие континентальной системы окончательно потрясли государственное хозяйство России. Усиленные выпуски ассигнаций были тогда единственным средством покрывать дефициты, из года в год угнетавшие бюджет. В течение десяти лет (1807—1816) было выпущено в обращение более 500 млн. руб. бумажных денег. Не мудрено, что курс бумажного рубля за это время чрезвычайно упал: с 54 коп. он дошел до 20 коп. на серебро и только к концу царствования Александра поднялся до 25 коп. Так и укрепился обычай вести двоякий счет деньгам: на серебро и ассигнации, причем один серебряный рубль стоил приблизительно 4 ассигнационных. Это вело ко многим неудобствам. При расчетах продавцы и покупатели обыкновенно условливались, какими деньгами (монетою или бумажками) произвести платеж; при этом они расценивали самые деньги, и более ловкий из них обманывал или прижимал менее догадливого. Так, например, в 1820 г. в Москве рубль крупным серебром ценили в 4 рубля ассигнациями; рубль мелким серебром — в 4 руб. 20 коп. ассигнациями, а за рубль медью давали на ассигнации 1 руб. 08 коп. При такой путанице люди бедные и мало понимавшие в расчетах несли убытки при каждой сделке и покупке. В государстве не существовало устойчивого курса ассигнаций; само правительство не могло установить его и сладить с произвольной расценкой денег (с «простонародным лажем»). Истинным злом для народного рынка был этот «простонародный лаж», произвольная оценка денежных знаков при торговых сделках. Крестьянин, продавая на рынке, например, сено, получал за него ассигнациями по 3 руб. 35 коп. за серебряный рубль; а покупая себе тут же, на рынке, например, сукно, платил за него в лавке ассигнациями по 3 руб. 60 коп. за серебряный рубль; иначе говоря, получив ассигнацион-

ный рубль за 30 коп., он должен был отдать его за 28 коп. Казна же держала на ассигнации свой курс и при приеме от того же крестьянина казенных платежей считала ассигнационный рубль в 29 примерно коп. Таким образом, в один и тот же день, в одном и том же месте приходилось считаться с трояким курсом бумажных денег. Попытки правительства уменьшить количество ассигнаций не привели к хорошему результату. В последние годы Александра было уничтожено много ассигнаций (на 240 млн. руб.), но их осталось еще на 600 млн., и ценность их нисколько не поднялась. Надобны были иные меры.

Министром финансов при императоре Николае был ученый-финансист генерал Е. Ф. Канкрин, известный своей бережливостью и умелой распорядительностью. Ему удалось составить в государственном казначействе значительный запас золота и серебра, с которым можно было решиться на уничтожение обесцененных ассигнаций и на замену их новыми денежными знаками. Помимо случайных благоприятных обстоятельств (большая добыча золота и серебра), образованию металлического запаса помогли выпущенные Канкриным «депозитные билеты» и «серии». Особая депозитная касса принимала от частных лиц золото и серебро в монете и слитках и выдавала вкладчикам сохранные расписки, «депозитные билеты», которые могли ходить как деньги и разменивались на серебро рубль за рубль. Соединяя все удобства бумажных денег с достоинствами металлических, депозиты имели большой успех и привлекли в депозитную кассу много золота и серебра. Такой же успех имели и «серии», т. е. билеты государственного казначейства, приносившие владельцу небольшой процент и ходившие как деньги с беспрепятственным разменом на серебро. Депозитки и серии доставляли казне ценный металлический фонд, в то же время приучали публику к новым видам бумажных денежных знаков, имевших одинаковую ценность с серебряной монетой.

Меры, необходимые для уничтожения ассигнаций, составили предмет долгого обсуждения, в котором деятельное участие принимал, между прочим, Сперанский. Было решено (1839) объявить монетной единицей серебряный рубль и считать его «законною мерою всех обращающихся в государстве денег». По отношению к этому рублю был узаконен постоянный и обязательный для всех курс ассигнаций по расчету 350 руб. ассигнациями за 100 руб. серебром. (Таким образом была совершена «девальвация», т. е. узаконение пониженного курса бумажных денег.) А затем (1843) был произведен выкуп по этому курсу в казну всех ассигнаций с обменом их на серебряную монету или же на новые «кредитные билеты», которые разменивались на серебро уже рубль за рубль. Металлический запас и был необходим для того, чтобы произвести этот выкуп ассигнаций и чтобы иметь возможность поддержать размен новых кредитных билетов. С уничтожением ассигнаций денежное обращение в государстве пришло в порядок:

в употреблении была серебряная и золотая монета и равноценные этой монете бумажные деньги.

4. Начиная со времени императора Павла, правительство обнаруживало явное стремление к улучшению быта крепостных крестьян. При императоре Александре I, как мы знаем, был дан закон о свободных хлебопашцах, в котором как бы намечался путь к постепенному и полюбовному освобождению крестьян от власти их владельцев. Однако этим законом помещики не воспользовались почти вовсе, и крепостное право продолжало существовать, несмотря на то что возбуждало против себя негодование прогрессивной части дворянства. Вступая на престол, император Николай знал, что перед ним стоит задача разрешить крестьянский вопрос и что крепостное право в принципе осуждено как его державными предшественниками, так и его противниками — декабристами. Настоятельность мер для улучшения быта крестьян не отрицалась никем. Но по-прежнему существовал страх перед опасностью внезапного освобождения миллионов рабов. Поэтому, опасаясь общественных потрясений и взрыва страстей освобождаемой массы, Николай твердо стоял на мысли освобождать постепенно и подготовил освобождение секретно, скрывая от общества подготовку реформы.

Обсуждение мер, касающихся крестьян, производилось при Николае в секретных комитетах, не один раз для этой цели образуемых. Началось оно в секретном «Комитете 6-го декабря 1826 г.» и коснулось как государственных крестьян, так и крестьян владельческих. В отношении государственных крестьян были выработаны более существенные и удачные меры, чем в отношении крепостных. Положение первых было улучшено более, чем положение вторых.

В составе класса государственных крестьян были прежние «черносошные» крестьяне, населявшие государевы черные земли; далее — крестьяне «экономические», бывшие на церковных землях, секуляризованных государством; затем — однодворцы и прочие «ландмилицкие» люди, т. е. потомки того мелкого служилого люда, который когда-то заселял южную границу Московского государства. Разнородные группы казенного крестьянства были на разной степени благосостояния и имели различное внутреннее устройство. Предоставленные местной администрации (казенным палатам и нижним земским судам), казенные крестьяне были нередко угнетаемы и разоряемы. В «Комитете 6-го декабря 1826 г.» Сперанский заговорил о необходимости «лучшего хозяйственного управления для крестьян казенных» и высказал мнение, что такое управление «послужило бы образцом для частных владельцев». Мысль Сперанского встретила одобрение государя, который привлек к этому делу графа П. Д. Киселева. Это был один из образованных русских людей, сделавших походы 1812—1814 гг. и видевших европейские порядки. Приближенный императором Александром, Киселев еще в его

время интересовался крестьянским делом и представил государю проект уничтожения крепостного права. Как знаток крестьянского вопроса он обратил на себя внимание императора Николая и приобрел его доверие. Киселеву было поручено все дело о казенных крестьянах. Под его управлением временно возникло (1836) пятое отделение собственной Его Величества канцелярии для лучшего устройства управления государственными имуществами вообще и для улучшения быта казенных крестьян. Это пятое отделение скоро было преобразовано в Министерство государственных имуществ (1837), которому и вверено было попечительство над казенными крестьянами. Под влиянием Министерства государственных имуществ в губерниях стали действовать «палаты» (теперь «управления») государственных имуществ. Они заведовали казенными землями, лесами и прочими имуществами; они же наблюдали и над государственными крестьянами. Эти крестьяне были устроены в особые сельские общества (которых оказалось почти 6000); из нескольких таких сельских обществ составлялась волость. Как сельские общества, так и волости пользовались самоуправлением, имели свои «сходы», избирали для управления волостными и сельскими делами «голов» и «старшин», а для суда (волостной и сельской «расправы») — особых судей. Так было устроено, по мысли Киселева, самоуправление казенных крестьян; впоследствии оно послужило образцом и для крестьян частновладельческих при освобождении их от крепостной зависимости. Но заботами о самоуправлении крестьян Киселев не ограничился. При его долгом управлении министерство государственных имуществ провело ряд мер для улучшения хозяйственного быта подчиненного ему крестьянства: крестьян учили лучшим способам хозяйства, обеспечивали зерном в неурожайные годы; малоземельных наделяли землей; заводили школы; давали податные льготы и т. д. Деятельность Киселева составляет одну из светлых страниц царствования императора Николая. Довольный Киселевым, Николай шутливо называл его своим «начальником штаба по крестьянской части».

В отношении крепостных крестьян сделано было меньше, чем в отношении казенных. Император Николай не раз образовывал секретные комитеты для обсуждения мер к улучшению быта крепостных. В этих комитетах Сперанский и Киселев немало поработали над уяснением истории и юридической природы крепостного права и над проектами его уничтожения. Но дело не пошло далее отдельных мер, направленных на ограничение помещичьего произвола. (Была, например, запрещена продажа крестьян без земли и «с раздроблением семейств»; было стеснено право помещиков ссылать крестьян в Сибирь.) Самой крупной мерой в отношении крепостного права был предложенный Киселевым закон 1842 г. об «обязанных крестьянах». По этому закону помещик получал право освобождать крестьян от крепостной зависимости, давая им земельный надел (в наследственное

пользование на известных условиях, определяемых добровольным соглашением). Получая личную свободу, крестьяне оставались сидеть на владельческой земле и за пользование ею обязаны были (откуда и название «обязанных») нести повинность в пользу владельца. Закон об обязанных крестьянах был торжественно обсуждаем в Государственном совете, причем император Николай в пространной речи высказал свой взгляд на положение крестьянского дела в его время. «Нет сомнения,— говорил он,— что крепостное право в нынешнем его у нас положении есть зло, для всех ощутительное и очевидное; но прикасаться к оному теперь — было бы злом, конечно, еще более гибельным». Поэтому крестьянское освобождение государь считал делом будущего и думал, что оно должно совершиться лишь постепенно и с непременным сохранением права помещиков на их землю. В этом смысле и был дан закон 1842 г., сохранявший крестьянские наделы в вечной собственности помещиков. Однако и на таком условии помещики не стали освобождать своих крепостных, и закон об обязанных крестьянах не получил почти никакого применения в жизни.

Между тем общий ход русской жизни так влиял на всю систему крепостных хозяйств и крепостных отношений, что надобно было ждать скорого падения крепостного строя. Патриархальные формы крепостного труда уже не соответствовали изменившимся общественным условиям: крепостной труд вообще был малопроизводителен и невыгоден. Помещичьи хозяйства были почти бездоходны и впадали в задолженность, особенно в неурожайные годы, когда помещики должны были кормить своих голодных крестьян. Масса дворянских населенных имений была заложена в казенных ссудных учреждениях; считают, что к концу царствования императора Николая в залоге находилось больше половины крепостных крестьян (около 7 млн. человек из 11 млн. крепостных мужского пола). Естественным выходом из такой задолженности была окончательная уступка заложенной земли и крестьян государству, о чем и думали некоторые помещики. К экономическим затруднениям помещиков присоединялась боязнь крестьянских волнений и беспорядков. Хотя в царствование императора Николая не было бунтов, вроде пугачевского, но крестьяне волновались часто и во многих местах. Ожидание конца крепостной зависимости проникло в их массу и возбуждало ее. Вся жизнь складывалась так, что вела к ликвидации крепостного права.

5. Меры в области народного просвещения при императоре Николае I отличались двойственностью направления. С одной стороны, очевидны были заботы о распространении образования в государстве; с другой же стороны, заметен был страх перед просвещением и старания о том, чтобы оно не стало проводником революционных идей в обществе.

Заботы распространения образования выразились в учреждении весьма многих учебных заведений. Учреждались специальные

учебные заведения: военные (кадетские корпуса и академии военная и морская), технические (Технологический институт и Строительное училище в Петербурге, Межевой институт в Москве); возобновлен был Главный педагогический институт для приготовления преподавателей. Все эти учебные заведения имели в виду удовлетворение практических нужд государства. Для образования общего сделано также немало. Учреждено было несколько женских институтов. Основывались пансионы с гимназическим курсом для сыновей дворян. Было улучшено положение мужских гимназий. По мысли министра народного просвещения графа С. С. Уварова, среднее образование, даваемое гимназиями, должно было составлять удел лишь высших сословий и предназначалось для детей дворян и чиновников. Оно было сделано «классическим», чтобы «основать новейшее русское образование тверже и глубже на древней образованности той нации, от которой Россия получила и святое учение веры, и первые начатки своего просвещения» (т. е. Византии). Для детей купцов и мещан предназначались уездные училища, причем правительство принимало некоторые меры к тому, чтобы лица из этих сословий не попадали в гимназии. Однако стремление к знанию настолько уже созрело в населении, что эти меры не приводили к цели. В гимназии вместе с дворянами поступали в большом числе так называемые «разночинцы», т. е. лица, уволенные из податных сословий, но не принадлежащие к дворянам потомственным или личным. Наплыв разночинцев в гимназии и университеты составлял интересное и важное явление того времени: благодаря ему состав русского образованного общества, «интеллигенции», перестал быть, как прежде, исключительно дворянским.

Опасения правительства относительно того, что учебные заведения станут распространителями вредных политических влияний, выразились в ряде стеснительных мер. За университетами должны были наблюдать попечители учебных округов. Устав университетов, выработанный (1835) графом Уваровым, давал университетам некоторые права самоуправления и свободу преподавания. Но когда на Западе в 1848 г. произошел ряд революционных движений, русские университеты подверглись чрезвычайным ограничениям и исключительному надзору. Преподавание философии было упразднено; посылка за границу молодых людей для подготовления к профессуре прекращена; число студентов ограничено для каждого университета определенным комплектом (300 человек); студентов стали обучать военной маршировке и строевым уставам. Эта последняя мера была введена и в старших классах гимназии. Министерство народного просвещения, которому была в то время подчинена цензура, чрезвычайно усилило строгости, запрещая всякую попытку в журналах, книгах и лекциях касаться политических тем. Последние годы царствования императора Николая I заслужили поэтому славу необыкновенно суровой эпохи, когда была подавлена всякая

общественная жизнь и угнетены наука и литература. Малейшее подозрение в том, что какое-либо лицо утратило «непорочность мнений» и стало неблагонадежным, влекло за собой опалу и наказание без суда.

Отношение общества к деятельности императора Николая I. Знакомясь с правительственной деятельностью изучаемой эпохи, мы приходим к заключению, что первое время царствования Николая I было временем бодрой работы, поступательный характер которой, по сравнению с концом предшествующего царствования, очевиден. Однако позднейший наблюдатель с удивлением убеждается, что эта бодрая деятельность не привлекала к себе ни участия, ни сочувствия лучших интеллигентных сил тогдашнего общества и не создала императору Николаю I той популярности, которой пользовался в свои лучшие годы его предшественник Александр. Одну из причин этого явления можно видеть в том, что само правительство императора Николая I желало действовать независимо от общества и стремилось ограничить круг своих советников и сотрудников сферой бюрократии. На это мы уже указывали. Другая же причина сложнее. Она коренится в обстоятельствах, создавших попытку декабристов и репрессию 1825—1826 гг. Как мы видели, умственное движение, породившее заговор декабристов, имело и другие ветви. Когда одни из его участников устремились в практику, другие предались умозрению; когда одни мечтали о немедленной перемене жизненных условий, другие ограничивались критикой этих условий с точки зрения абсолютного знания и определением идеальных основ русской общественности. Настроение различных кружков было различно, и далеко не вся интеллигенция сочувствовала бурным планам декабристов. Но разгром декабристов болезненно отразился не на одном их круге, а на всей той среде, которая образовала свои взгляды и симпатии под влиянием западноевропейских идей. Единство культурного корня живо чувствовалось не только всеми ветвями данного умственного направления, но даже и самим правительством, подозрение которого направлялось далее пределов уличенной среды; а страх перед этим подозрением и отчуждение от карающей силы охватывали не только причастных к 14 декабря, но и не причастных к нему сторонников западной культуры и последователей европейской философии. Поэтому как бы хорошо ни зарекомендовала себя новая власть, как бы ни была она далека от уничтоженной ею «аракчеевщины», она все-таки оставалась для людей данного направления карающей силой. А между тем именно эти люди и стояли во главе умственного движения той эпохи. Когда они сгруппировались в два известных нам лагеря «западников» и «славянофилов», оказалось, что оба эти лагеря одинаково чужды правительственному кругу, одинаково далеки от его взглядов и работ и одинаково для него подозрительны. Неудивительно, что в таком положении очутились западники. Мы знаем,

как, преклоняясь перед западной культурой, они судили русскую действительность с высоты европейской философии и политических теорий; они, конечно, находили ее отсталой и подлежащей беспощадной реформе. Труднее понять, как оказались в оппозиции славянофилы. Не один раз правительство императора Николая I (устами министра народного просвещения графа С. С. Уварова) объявляло свой лозунг: православие, самодержавие, народность. Эти же слова могли быть и лозунгом славянофилов, ибо указывали на те основы самобытного русского порядка, церковного, политического и общественного, выяснение которых составляло задачу славянофилов. Но славянофилы понимали эти основы иначе, чем представители «официальной народности». Для последних слова «православие» и «самодержавие» означали тот порядок, который существовал в современности: славянофилы же идеал православия и самодержавия видели в московской эпохе, где церковь им казалась независимой от государства носительницей соборного начала, а государство представлялось «земским», в котором принадлежала, по словам К. Аксакова, «правительству сила власти, земле — сила мнения». Современный же им строй славянофилы почитали извращенным благодаря господству бюрократизма в сфере церковной и государственной жизни. Что же касается термина «народность», то официально он означал лишь ту совокупность черт господствующего в государстве русского племени, на которой держался данный государственный порядок; славянофилы же искали черт «народного духа» во всем славянстве и полагали, что государственный строй, созданный Петром Великим, «утешает народный дух», а не выражает его. Поэтому ко всем тем, кого славянофилы подозревали в служении «официальной народности», они относились враждебно; от официальных же сфер держались очень далеко, вызывая на себя не только подозрения, но и гонение.

Таким образом установилось своеобразное отчуждение между властью и теми общественными группами, которые по широте своего образования и по сознательности патриотического чувства могли бы быть наиболее полезны для власти. Обе силы — и правительственная, и общественная — сторонились одна от другой в чувствах взаимного недоверия и непонимания и обе терпели от рокового недоразумения. Лучшие представители общественной мысли, имена которых мы теперь произносим с уважением (Хомяков, Киреевские, Аксаковы, Белинский, Герцен, Грановский, историк Соловьев), были подозреваемы и стеснены в своей литературной деятельности и личной жизни, чувствовали себя гонимыми и роптали (а Герцен даже эмигрировал). Лишенные доверия власти, они не могли принести той пользы отечеству, на какую были способны. А власть, уединив себя от общества, должна была с течением времени испытать все неудобства такого положения. Пока в распоряжении императора Николая I находились люди предшествующего царствования (Сперанский,

Кочубей, Киселев), дело шло бодро и живо. Когда же они сошли со сцены, на смену им не являлось лиц, им равных по широте кругозора и теоретической подготовке. Общество таило в себе достаточное число способных людей, и в эпоху реформ императора Александра II они вышли наружу. Но при императоре Николае I к обществу не обращались и от него не брали ничего; канцелярии же давали только исполнителей-формалистов, далеких от действительной жизни. К концу царствования императора Николая I система бюрократизма, отчуждавшая власть от общества, привела к господству именно канцелярского формализма, совершенно лишенного той бодрости и готовности к реформам, какую мы видели в начале этого царствования.

Внешняя политика императора Николая I имела своим исходным пунктом принцип легитимизма, лежавший в основе «Священного Союза». Сталкиваясь с обстоятельствами, волновавшими тогда юго-восток Европы, принцип легитимизма подвергался серьезному испытанию; приходилось, наблюдая брожение балканских христиан (славян и греков), поддерживать «законную» власть фанатических мусульман над гонимыми «подданными» — христианами, и притом православными, единоверными России. Император Александр так и поступал: он «покинул дело Греции, потому что усмотрел в войне греков революционный признак времени». Император Николай не мог сохранить такой прямолинейности и, в конце концов, жертвуя своим руководящим принципом, стал за христиан против турок. Вступая на престол, он застал отношения России и Турции очень недружелюбными; но все-таки сначала не видел необходимости воевать с турками из-за греков. Он согласился лишь на то, чтобы совместно с Англией и Францией принять дипломатические меры против турецких зверств и постараться примирить султана с греками. Только в 1827 г., когда стало ясно, что дипломатия бессильна и что нельзя допускать дальнейших истязаний греческого населения, Англия, Франция и Россия условились силой прекратить борьбу турок с греками. Соединенные эскадры — русская, английская и французская — заперли турецкий флот, действовавший против греков, в гавани г. Наварина (древний Пилос на западном берегу Пелопоннеса) и сожгли его после кровопролитной битвы (20 октября 1827 г.). Наваринская битва была турками приписана главным образом враждебному влиянию русского правительства, и Турция стала готовиться к войне с Россией. Война началась в 1828 г. Русские войска перешли Дунай и осадили турецкие крепости Варну и Шумлу. Взятие Варны позволило русским получать припасы морем, при посредстве своего флота, и открыло дорогу за Балканы. Но Шумла не сдалась и послужила оплотом для многих наступательных движений турок. Положение русской армии не раз становилось трудным. Только тогда, когда русскому главнокомандующему, генералу Дибичу, удалось выманить турецкую армию из Шумлы и нанести ей страшное

поражение (у д. Кулевчи), дела изменились к лучшему. Дибич двинулся за Балканы и взял Адрианополь, вторую столицу Турции. В то же время в азиатской Турции граф Паскевич успел взять турецкие крепости Карс и Ахалцых и после удачных боев с турецкой армией занял Эрзерум. Победы русских получили решительный характер, и турки просили мира. Мир был заключен в 1829 г. в Адрианополе на следующих условиях: Россия приобрела левый берег нижнего Дуная, с островами в дунайских устьях, и восточный берег Черного моря (от устья р. Кубани до порта св. Николая, также г. Ахалцых с его областью). Кроме того, турецкое правительство давало свободу торговли русским в Турции и открывало свободный проход через Босфор и Дарданеллы кораблям всех дружественных наций.

Важным условием мира было еще и то, что подвластные Турции княжества Молдавия, Валахия и Сербия получили полную внутреннюю автономию и стали под покровительство России. По русскому настоянию, была также признана турками независимость греческих земель на юге Балканского полуострова (из этих земель в 1830 г., по соглашению держав, образовано было королевство Греция). Таким образом в силу условий Адрианопольского мира Россия получила право вмешательства во внутренние дела Турции как заступница и покровительница одноплеменных и единоверных ей подданных султана. Вскоре (1833) сам султан прибег к помощи России во время восстания против него египетского паши. Русский флот пришел в Константинополь и высадил войска на малоазиатский берег для защиты Босфора от египетских войск. Дело не дошло до боя, так как европейская дипломатия успела склонить восставших к покорности султану. Но султан в благодарность за защиту заключил с Россией особый договор, которым обязался запереть Босфор и Дарданеллы для военных судов всех иностранных держав. Этим договором создано было преобладающее влияние России в ослабевшей Турции. Из врага, наиболее грозного и ненавидимого Турцией, Россия превратилась как бы в друга и защитника «больного человека» — так император Николай называл разлагавшуюся Турецкую империю. Преобладание России в турецких делах, создавшееся очень быстро, произвело тревогу среди европейских правительств и придало острый характер «восточному вопросу». Под общим именем «восточного вопроса» тогда стали разуметь все вопросы, какие только возникали в связи с распадением Турции и с преобладанием России на Балканском полуострове. Европейские державы не могли быть довольны политикой императора Николая, который считал себя одного покровителем балканских славян и греков. Его притязаниями нарушалось политическое равновесие Европы, от его побед чрезмерно, в глазах европейских правительств, вырастали силы и влияние России. Европейская дипломатия поэтому постаралась парализовать успехи России и добилась того, что новые междоусобия, происшедшие в Турции,

были переданы на суждение общеевропейской конференции. Эта конференция (собравшаяся в Лондоне в 1840 г.) установила общий протекторат над Турцией пяти держав: России, Англии, Австрии, Франции и Пруссии. С тех пор «восточный вопрос» стал общеевропейским и влияние России на Балканском полуострове начало падать столь же быстро, как быстро возникло.

Допустив в восточных делах уклонение от принципа легитимизма, император Николай очень скоро о нем вспомнил: когда в 1830 г. произошла революция во Франции и Бельгии и разразилось польское восстание, принявшее вид упорной войны с Россией, Николай возвратился к старому принципу и сделал борьбу с революционным духом времени своей главной задачей. В 1833 г. между Россией, Австрией и Пруссией состоялось в этом смысле соглашение, повлекшее за собой непрестанное вмешательство России в дела Европы с целью «поддерживать власть везде, где она существует, подкреплять ее там, где она слабеет, и защищать ее там, где открыто на нее нападают». Право вмешательства, которое император Николай чувствовал за собой по отношению ко всем государствам и нациям, привело его к тому, что он считал нужным даже открытой силой подавить в 1849 г. венгерское восстание против законного правительства. Русская армия сделала очень серьезную «венгерскую кампанию» в интересах чуждой и даже враждебной нам австрийской власти. Неуклонность русского вмешательства во внутреннюю жизнь разных стран и в деятельность разных правительств стала, разумеется, тяготить тех, кого император Николай думал благодетельствовать, и потому при возникших между Россией и Турцией недоразумениях против России очень легко составилась коалиция, имевшая целью уничтожить тяготившее Европу преобладание России. Так произошла знаменитая Восточная война, в которой император Николай увидал против себя, можно сказать, всю Европу, но не только тех, кто поднял против него оружие, но и тех, кто якобы соблюдал нейтралитет (Австрия и Пруссия).

Постоянно противодействуя русскому влиянию, английская и французская (в особенности английская) дипломатия к середине XIX в. сумела достичь больших успехов в Константинополе. Турки не теряли своего страха перед русскими, но охотно уходили от русских дипломатов под защиту и влияние англичан и французов. Престиж русского имени падал в Турции. Это выражалось в ряде отдельных мелочей, пока, наконец, не произошло случайного, но крупного столкновения между русским и турецким правительствами по вопросу о святых местах в Палестине. Султан дал некоторые преимущества католическому духовенству в ущерб духовенству греческому, православному (между прочим, ключи от Вифлеемского храма были взяты от греков и переданы католикам). Император Николай вступился за православных и потребовал восстановления их привилегий. Султан под влиянием ходатайств французской дипломатии ответил отказом. Тогда

император Николай ввел русские войска в находившиеся под властью султана автономные княжества Молдавию и Валахию — «в залог, доколе Турция не удовлетворит справедливым требованиям России». Турция протестовала. Державы, участвовавшие в протекторате над Турцией, созвали в Вене конференцию по турецким делам (из уполномоченных Франции, Англии, Австрии и Пруссии). Россия показывала склонность подчиниться решению этой конференции. Но когда султан обнаружил упорство, то и император Николай отказался от всяких уступок. Дело кончилось тем, что Турция объявила войну (осенью 1853 г.), а флоты Англии и Франции появились в Босфоре, как бы угрожая России.

Военные действия начались на Дунае и в Закавказье. На Черном море (в ноябре 1853 г.) русская эскадра под начальством адмирала Нахимова истребила после жаркого боя турецкий флот, стоявший в бухте города Синопа (в Малой Азии). После этой славной битвы английская и французская эскадры вышли из Босфора в Черное море, не скрывая, что имеют в виду помогать туркам. Следствием этого был открытый разрыв России с Англией и Францией. Император Николай увидал, что за Турцией стоят более грозные враги, и стал готовиться к защите на всех русских границах. К довершению зла даже и те державы, которые не объявили прямой войны императору Николаю, именно Австрия и Пруссия, обнаруживали неблагоприятное для России настроение. Приходилось держать войска и против них. Таким образом, император Николай оказался один против могущественной коалиции, не имея союзников, не возбуждая к себе сочувствия ни европейских правительств, ни европейского общества. Россия должна была теперь нести последствия своей политики «вмешательства», которая со времен Венского конгресса заставляла Европу бояться вторжения русских войск. В 1854 г. русская армия перешла за Дунай и осадила крепость Силистрию, но ввиду враждебных действий Австрии была вынуждена вернуться на левый берег Дуная. Австрия потребовала от России очищения княжеств Молдавии и Валахии, как автономных и нейтральных земель. Русским становилось невозможно вести войну на Дунае при том условии, что австрийцы будут грозить им в тыл и сбоку. Поэтому русские войска оставили княжества, и война на Дунае прекратилась. Россия везде, кроме Закавказья, перешла к оборонительному образу действий. Союзники же не сразу обнаружили место, куда решили направить свои удары. Они на Черном море бомбардировали Одессу, на Белом море — Соловецкий монастырь. В то же время на Балтийском море англо-французская эскадра взяла Аландские острова и появилась пред Кронштадтом; наконец, неприятельские суда действовали на Дальнем Востоке, даже у Камчатки (бомбардировали Петропавловск). Но нигде союзники не предпринимали решительных действий, заставляя русских очень разбрасывать свои силы и напрягать внимание. К осени 1854 г. обнаружилось, что главным театром войны

неприятели избрали Крым, и в частности Севастополь. В этом городе находилась главная стоянка нашего черноморского флота; союзники рассчитывали, взяв Севастополь, истребить русский флот и уничтожить все военно-морское устройство России на Черном море. В сентябре 1854 г. близ Евпатории (на западном берегу Крыма) высадилось значительное количество французских, английских и турецких войск (более 60 тыс.), под прикрытием огромного флота. Флот союзников заключал в себе много паровых судов и потому был совершеннее и сильнее русского, состоявшего почти исключительно из парусных кораблей. Ввиду явного перевеса неприятельских сил русским судам нельзя было отважиться на бой в открытом море. Пришлось защищаться в Севастополе.

Так началась знаменитая Крымская кампания. Союзники, подвигаясь на юг к Севастополю, встретили 30-тысячное русское войско на р. Альме (впадающей в море южнее Евпатории). Русские были здесь побеждены и открыли врагу дорогу на Севастополь. Если бы союзники знали, что Севастополь с севера защищен слабо, они могли бы сразу овладеть им. Но враги не надеялись на скорый успех. Они прошли мимо Севастополя и укрепились на юго-западной оконечности Крымского полуострова. Оттуда они начали добывать Севастополь правильной осадой. Оборона Севастополя была поручена на первое время морякам под командой адмиралов Корнилова, Нахимова и Истомина. Они с горем решились затопить свои боевые корабли при входе в севастопольскую бухту, чтобы сделать невозможным вторжение в нее с моря. Пушки и прочее вооружение с кораблей были переданы на береговые укрепления. Вокруг Севастополя, не имевшего стен, военный инженер Тотлебен проектировал ряд земляных сооружений (бастионов и батарей), которые заменили собой сплошную крепостную стену. Эти бастионы и батареи были сооружены усиленной работой матросов, солдат и жителей города. Когда неприятель начал свои подступы, Севастополь уже мог защищаться. На бомбардировку неприятеля город отвечал такой же бомбардировкой из сотен орудий. Штурмы отбивались с отчаянным мужеством. Направив свои силы против самого южного бастиона (№ 4), неприятель не имел никакого успеха. Осада затянулась. Но и русским не удалось стянуть к Севастополю большие силы и выбить врага из его укрепленного лагеря. Войска были нужны на других театрах войны и на границах австрийской и прусской. Поддерживать далекий Севастополь и снабжать его всякими припасами без хороших дорог и морского пути было очень трудно. Не особенно большая русская армия стояла вблизи Севастополя (под командой сначала князя Меншикова, а затем князя Горчакова). Она помогала гарнизону крепости, чем могла; но все ее попытки перейти в наступление и штурмовать неприятельский лагерь (сражения при с. Инкермане и на р. Черной) оканчивались неудачами. Обе стороны были

бессильны одержать решительный верх одна над другой. Осада продолжалась многие месяцы (всего 350 дней). Погибли славные предводители русского флота, адмиралы Корнилов, Нахимов и Истомин, убитые на бастионах. Город был наполовину разрушен бомбардировками. Укрепления, разбиваемые неприятелем, едва держались. Но гарнизон не падал духом и действовал с необыкновенным мужеством. Тогда враги, оставив надежду овладеть южным, «четвертым», бастионом, перенесли свое внимание на восточную часть укреплений, на Малахов курган. Однако Тотлебен сумел и здесь укрепиться и надолго задержать неприятеля. Севастопольская осада сосредоточила на себе все усилия боровшихся сторон и стала предметом общего удивления. Император Николай, в воздаяние мужества и страданий севастопольцев, приказал считать за год каждый месяц службы в Севастополе. Так истек тяжелый 1854 год.

В начале 1855 г. (18 февраля) император Николай скончался, и 19 февраля началось царствование его преемника, императора Александра II. В ходе Крымской кампании ничего не изменилось. Крепость держалась. Каждый шаг вперед союзники покупали ценой больших усилий и потерь. Только в августе 1855 г. им удалось подвести свои траншеи совсем близко к боевой ограде Малахова кургана, и 27 августа они начали общий штурм Севастополя. На этот раз французам удалось ворваться на Малахов курган и овладеть им. Во всех же других местах штурм был отбит. Однако после потери Малахова кургана нельзя было держаться в городе, так как с высокого кургана враг видел весь город, легко мог войти в него и с тыла взять остальные его укрепления. Поэтому было решено оставить Севастополь (собственно, его южную сторону). Русские перешли из города по мосту через рейд (залив) на север и все, что могли, уничтожили в самом Севастополе. Неприятель не преследовал и не спеша занял развалины крепости. Так окончилась одна из самых славных кампаний в русской истории.

После падения Севастополя осенью 1855 г. русским войскам удалось достигнуть блестящего успеха на азиатском театре войны. Генералом Н. Н. Муравьевым была взята важная турецкая крепость Карс. Во всех остальных местах военные действия шли вяло и к зиме везде настало полное затишье. Александр II осенью посетил Крым и лично благодарил многострадальную севастопольскую армию за ее подвиги и труды. Личное знакомство с положением дел на юге убедило Александра в том, что продолжать войну очень трудно, а победа под Карсом давала ему возможность начать переговоры о мире без ущерба для чести его государства. Со своей стороны, император Наполеон [III] желал мира и даже сам искал случай начать переговоры. В начале 1856 г. (при посредстве Австрии и Пруссии) удалось собрать в Париже конгресс европейских дипломатов для заключения мира. Мирный трактат был подписан в марте 1856 г. на условиях, довольно тяжких

для России. По Парижскому трактату Россия получала обратно потерянный ею Севастополь в обмен на Карс, возвращаемый Турции. В пользу Молдавии Россия отказалась от своих владений в устьях Дуная (и таким образом перестала быть в непосредственном соседстве с Турцией). Россия потеряла право иметь военный флот на Черном море; Черное море было объявлено нейтральным, и проливы Босфор и Дарданеллы были закрыты для военных судов всех государств. Наконец, Россия теряла право покровительства над христианами, подданными Турции, которые были поставлены под протекторат всех великих держав.

Краткий обзор времени императора Александра II и великих реформ

Личность императора Александра Николаевича. Родившийся в 1818 г. сын великого князя Николая Павловича Александр с самых первых дней своей жизни всеми почитался как будущий монарх, ибо он был старшим в своем поколении великим князем. «Это маленькое существо призвано стать императором» — так выразилась о нем его мать, соображая, что ни у императора Александра I, ни у цесаревича Константина нет сыновей. Поэтому и поэт В. А. Жуковский приветствовал «милого пришельца в Божий свет» как «прекрасное России упование» и на «высокой чреде» царства желал ему внутренних добродетелей и внешней славы. Будущего монарха, естественно, старались приготовить наилучшим образом к высокому жребию, его ожидавшему. Воспитание императора Александра II было поставлено прекрасно. С малых лет воспитателем его был гуманный и умный человек капитан Мердер. Лет девяти Александр начал учиться под главным руководством своего «наставника» В. А. Жуковского. Жуковский предварительно составил глубоко обдуманный план учения цесаревича, утвержденный Николаем. По этому плану целью всего учения было — сделать будущего государя человеком просвещенным и всесторонне образованным, сохранив его от преждевременных увлечений мелочами военного дела. Жуковскому удалось осуществить свою программу учения; но уберечь цесаревича от влияния тогдашней военной «муштры» он не мог. Верный традициям своего отца и старших братьев, император Николай внушал Мердеру, что Александр «должен быть военный в душе, без чего он будет потерян в нашем веке». На Александра поэтому легла печать того века с его наклонностью к плац-параду, дисциплине и военной торжественности. Но вместе с тем цесаревич много учился и имел хороших учителей. Между прочим, сам знаменитый М. М. Сперанский вел с ним «беседы о законах», послужившие, по-видимому, поводом к составлению его «Руководства к познанию законов». Домашние кабинетные занятия Александра Николаевича дополнялись образовательными поездками. Из них осо-

бенно памятно большое путешествие по России и Западной Сибири в 1837 г. Двадцати трех лет цесаревич вступил в брак с Марией Александровной, принцессой Гессен-Дармштадтской, с которой он познакомился во время большого заграничного путешествия. С этого времени началась служебная деятельность Александра Николаевича. Император Николай систематически знакомил сына с разными отраслями государственного управления и даже поручал ему общее руководство делами на время своих отъездов из столицы. В течение десяти лет наследник престола был ближайшим помощником своего отца и свидетелем всей его правительственной работы.

По всей видимости, Александр Николаевич находился под сильнейшим влиянием отца. Отличаясь от отца характером, он уступал ему волей. Суровый и непреклонный ум Николая порабощал мягкую и доступную влияниям натуру его сына, и Александр, любя отца и восторгаясь им, усвоил его взгляды и готов был идти ему вослед. Со своей стороны, Николай очень любил Александра, верил ему и поручал ему серьезные дела. В практической школе отца блекли и выцветали те заветы романтической гуманности, которые вкладывал в душу своего воспитанника кроткий Жуковский. Но врожденное добродушие и мягкость натуры, в свою очередь, не допустили Александра воспитать в себе ту каменную крепость духа, какой обладал его отец. Вот почему личность Александра II не отличается определенностью черт и в разные моменты его жизни и деятельности производит неодинаковое впечатление.

Первые годы царствования императора Александра II были посвящены ликвидации Восточной войны и тяжелых порядков николаевского времени. В отношении внешней политики новый государь явил себя последователем «начал Священного Союза», руководивших политикой императоров Александра I и Николая I. В этом смысле он высказался на первом приеме дипломатического корпуса и показал дипломатам, что готов продолжать войну, если не достигнет почетного мира. Таким образом, Европа была вправе считать Александра прямым продолжателем политики его отца и поборником отживших свое время принципов Венского конгресса. В такой же мере, по первым речам Александра, и русские люди могли судить о желании молодого государя следовать отцу в делах внутреннего управления. Однако же практика нового правительства показала существенные отличия его приемов от предшествующего режима. Повеяло мягкостью и терпимостью, характеристичными для темперамента нового монарха. Сняты были мелочные стеснения с печати; университеты вздохнули свободнее; общество стало «бодрее духом»; говорили, что «государь хочет правды, просвещения, честности и свободного голоса». Это было справедливо, потому что Александр, наученный горьким опытом правительственного неустройства и бессилия в тяжелое время Крымской войны, деятельно требо-

вал правды и «откровенного изложения всех недостатков». Но от него не исходило пока никаких определенных правительственных программ или обещания реформ. Можно думать, что на первых порах программы и не было, ибо трудности военного времени не давали Александру возможности оглядеться и сосредоточиться на внутренних делах. Только по окончании войны нашел Александр уместным поместить в манифесте 19 марта 1856 г. о заключении мира знаменательную фразу касательно России: «Да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствует в судах ея; да развивается повсюду и с новой силой стремление к просвещению и всякой полезной деятельности...» В этих словах заключалось как бы обещание внутреннего обновления, необходимость которого чувствовалась одинаково как правительством, так и обществом. Одновременно с этим манифестом, в том же марте 1856 г., государь, принимая представителей московского дворянства в Москве, сказал им краткую, но очень важную речь о крепостном праве. Он объяснил, что не имеет намерения «сейчас» уничтожить крепостное право, но признал, что «существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным». По выражению государя, «лучше начать уничтожать крепостное право сверху, нежели дождаться того времени, когда оно начнет само собой уничтожаться снизу». Посему Александр и приглашал дворян «обдумать, как бы привести все это в исполнение».

После этих мартовских заявлений уже не могло быть сомнения, что император готов вступить на путь преобразований. Неясна была только их программа; неизвестны оставались те начала, на которых предполагалось упразднение крепостного порядка. Несмотря на такую неопределенность, подъем общественного настроения был необычен, и коронация государя (август 1856 г.) обратилась в светлый праздник нашей общественности. «Просвещенная благость» государя, сменившего недавнюю суровость власти «незабвенными словами: отменить, простить, возвратить», вызывала восторги. Решимость государя на реформы — на «подвиги, более согласные с требованиями века», чем «гром оружия»,— возбуждала самые светлые надежды. В русском обществе началась неудержимая работа мысли, направленная на такое или иное разрешение коренного вопроса того времени — об отмене крепостного права.

Теперь уже нельзя сомневаться в том, что данный вопрос об отмене крепостного права к середине XIX в. достаточно назрел в общественном сознании и владение душами было осуждено как в силу отвлеченно-моральных мотивов, так и по соображениям практического порядка. Не раз говорилось выше, что еще со времен императрицы Екатерины II владение душами составляло тяжелую моральную проблему для чутких людей из русской интеллигенции, и крестьянское освобождение обратилось для них в нравственный постулат. От царского дворца, где Екатерина II,

Александр I и Николай I не забывали трудной задачи улучшения участи крестьян, до подцензурной публицистики, где от Радищева и до Белинского господствовало отрицание крепостного права,— вся Россия, можно сказать, уразумела нравственную и политическую необходимость выйти из условий крепостного порядка и уничтожить злоупотребления крепостным правом, обращавшие это право в открытое рабство. Самые разномыслящие круги интеллигенции сходились в своем отношении к крепостному порядку, и Чернышевский с большой выразительностью указывал на это в печати, говоря, что между самыми различными направлениями русской общественной мысли «согласие в сущности стремлений так сильно, что спор возможен только об отвлеченных и потому только туманных вопросах; как только речь переносится на твердую почву действительности... тут нет разъединения между образованными русскими людьми: все хотят одного и того же». «Можно и должно у нас,— заключал он,— не разрывать рук, соединенных в дружеское пожатие согласием относительно вопросов, существенно важных в настоящее время для нашей родины».

Если теоретическая мысль и моральное чувство объединяли русских людей в одинаковом пожелании крестьянской реформы и отмены крепостного строя, то, с другой стороны, практические, житейские условия указывали на естественное вырождение старого крепостного порядка. Под влиянием государственного роста, завоеваний XVIII в. и успехов внешней торговли Россия первой половины XIX в. «разрывала с натуральным строем прежнего времени, в котором обмен и обрабатывающая промышленность играли незначительную роль, и быстро переходила к расширению обмена и к увеличению фабрично-заводского производства» (слова проф. Довнар-Запольского). В этой экономической эволюции землевладельческое дворянство приняло свое участие. Оно увеличило запашки в целях хлебного экспорта и испытывало разные виды фабричного производства. Вся тяжесть усиленного землепашества и новых форм труда пала на крепостное крестьянство и истощала его физические силы. Прирост крепостного населения в северной половине государства стал падать, а с 1835 г. вместо прироста уже наблюдалась убыль, объясняемая не только перемещением населения на юг, но также и истощением его на непосильной работе. Вместе с тем становилось явным обеднение и оскудение крепостного крестьянства, и росло в его среде острое недовольство своим положением. Таким образом, рост торгово-промышленного оборота в стране ухудшил и обострил крепостные отношения и возбуждал в помещиках опасения за будущее. В то же время попытки усовершенствования и усложнения помещичьего хозяйства не содействовали увеличению материального благополучия самих помещиков. Водворение новых форм хозяйства далеко не всегда удавалось; помещичьи фабрики обычно не выдерживали конкуренции с купеческими,

более богатыми и технически совершенными. Подневольный барщинный труд оказывался непригодным для улучшенных способов производства: один из ученых хозяев того времени (Вилькинс) справедливо заметил, что барщиной обычно называлось «то, что медленно, нерадиво, без всякой охоты делается». Поэтому среди крепостных владельцев к середине XIX в. выросло разочарование в успехе их земельного и фабричного хозяйства и сознание того, что они попали в кризис. Недовольны положением дел были даже те помещики, которые в черноземной полосе вели барщинным трудом примитивное полевое хозяйство. Плотное крепостное население черноземного района, не уходившее в отхожие промыслы и не имевшее кустарных, умножилось настолько, что не все могло быть использовано на пашне; некуда было девать рабочие руки и надо было даром кормить лишние рты. Это естественно порождало мысль о необходимости коренных хозяйственных перемен и даже о преимуществах наемного труда. Затрудненность хозяйственной обстановки помещиков усложнялась их долгами. По разным причинам к середине XIX столетия более половины помещичьих имений оказались заложенными в правительственной «сохранной казне»; по некоторым подсчетам, «в среднем, задолженность помещиков составляла более 69 рублей с души крепостных», что составляло более $^2/_3$ их средней стоимости. Столь огромная задолженность была вызвана как тяжестями военного времени начала XIX в., так и хозяйственными неудачами и неумением жить сообразно со своими доходами. Сознание хозяйственного кризиса угнетало помещиков; настроение недовольной крепостной массы их пугало; недостаток денежных средств приводил к мысли о несовершенствах и устарелости крепостного порядка. Даже и те помещики, которые не были захвачены высокой освободительной идеей, думали, что близок конец старого порядка, и не сомневались в том, что нужна его реформа; они только боялись, что реформа окончательно их разорит.

Ход крестьянской реформы. Так сложилась реальная обстановка в ту минуту, когда в 1856 г. необходимость реформы была провозглашена с высоты престола и Александр пригласил дворян «обдумать», как бы привести в исполнение его намерение покончить с крепостным правом. После слов его московскому дворянству начались работы по крестьянскому делу в Министерстве внутренних дел и обращение в обществе и в правящих сферах различных частных записок о способах ликвидации крепостного строя. В этих записках хорошо отразилось настроение (в пользу освобождения крестьян с земельными наделами) передовой части дворянства. И так как со стороны губернских дворянских обществ формальных заявлений не поступало и дворянство до поры до времени не рисковало выступать с сословным почином в крестьянском деле, то частным запискам и личным влияниям суждено было сыграть большую роль в великой реформе. Из многих записок особое

значение имели записки К. Д. Кавелина, Ю. Ф. Самарина, кн. В. А. Черкасского, а также записка великой княгини Елены Павловны (вдовы великого князя Михаила Павловича) «Предварительные мысли об устройстве отношений между помещиками и их крестьянами», составленная с помощью Н. А. Милютина и К. Д. Кавелина для устройства свободного быта крестьян в имениях великой княгини. Обладавшая большим умом, благородная и просвещенная великая княгиня была горячей и сознательной сторонницей освобождения крестьян с землей. Она поддерживала эту идею, как могла и где могла, собирала вокруг себя ее сторонников и сумела повлиять на самого государя в этом именно смысле. С другой стороны, в том же направлении действовал брат императора, великий князь Константин Николаевич, горячо желавший реформы и всячески ей содействовавший. Личное влияние на государя этих близких к нему людей было, конечно, существенно важно *. Оно поддерживало в нем неслабеющий интерес к крестьянскому делу и внимание к частным проектам, к которым государь вначале относился с некоторой осторожной сдержанностью и даже с подозрением. Но еще большее воздействие на настроение государя в пользу освобождения крестьян с землей оказал близкий к Александру начальник военно-учебных заведений Я. И. Ростовцев. По официальному поручению Александра приняв участие в работах по крестьянскому делу, Ростовцев понемногу входил в разумение всех обстоятельств дела, сделался сторонником крестьянских интересов, уверился в необходимости освобождения с землей — и в ряде интимных писем к государю развил свои взгляды и желания. Письма Ростовцева, встреченные Александром вполне доверчиво, окончательно укрепили его взгляды на дело и поддержали решимость довести реформу до определенного результата.

Так, ранее, чем началась официальная работа над крестьянским делом, это дело стало предметом частных проектов и негласных влияний. Под такими воздействиями со стороны наладилась, наконец, и официальная работа, сказался почин и со стороны дворянских обществ. В начале 1857 г. стал действовать «секретный» комитет, учрежденный для обсуждения мер по устройству быта крестьян. Комитет предположил совершить освобождение крестьян постепенно, без крутых и резких переворотов. Но это не соответствовало намерениям Александра Николаевича, который желал скорого и определенного решения крестьянского вопроса. Поэтому, когда в комитет поступило заявление дворян литовских губерний (Виленской, Ковенской и Гродненской) о желании их освободить своих крестьян без земли, то государь приказал ускорить обсуждение этого дела. Мнения по данному делу в комитете разделились: часть членов комитета (во главе с великим

---

* См. об этих лицах прекрасные статьи гг. Бахрушина и Любавского в сборнике «Освобождение крестьян. Деятели реформы» (М., 1911) и А. Ф. Кони в 5-м томе издания «Великая реформа» (М., 1911).

князем Константином Николаевичем) высказалась за то, чтобы разрешить освобождение с землей, а не без земли, и притом сделать это гласно — так, чтобы все узнали о намерении правительства немедля приступить к преобразованию крестьянского быта. Александр одобрил это мнение, и рескрипт его, данный (в ноябре 1857 г.) виленскому генерал-губернатору Назимову, возвестил всему государству о том, что реформа началась. Литовским дворянам было указано образовать по губерниям дворянские *губернские комитеты* для обсуждения условий освобождения крестьян и составления проекта «положений» об устройстве крестьянского быта. Правительство ожидало, что, узнав об учреждении губернских комитетов в литовских губерниях, дворянские общества прочих губерний сами поймут необходимость приступить к обсуждению условий крестьянской реформы и станут ходатайствовать об устройстве у себя таких же губернских комитетов по крестьянскому делу. Действительно, из разных губерний стали поступать адресы дворянства с выражением готовности приняться за улучшение быта крестьян, и государь разрешил открытие в губерниях губернских комитетов, составленных из местных дворян. Для руководства занятиями этих комитетов была дана общая для всех их программа. Для объединения же всех мер по крестьянскому делу «секретный» комитет был преобразован в главный комитет под председательством самого Александра (1858).

Так началось официальное обсуждение крестьянской реформы. Когда губернские комитеты изготовили свои проекты положений об улучшении быта крестьян, они должны были представить их на рассмотрение главного комитета и прислать в Петербург своих депутатов для совместного обсуждения дела в главном комитете. Так как проекты губернских комитетов во многом различались между собой, то для их рассмотрения и согласования была образована при главном комитете особая редакционная комиссия под председательством Я. И. Ростовцева (1859). Комиссия эта по ходу дела была разделена на четыре отделения или четыре *редакционные комиссии*. В состав их вошли как чиновники разных министерств, так и дворяне по приглашению Ростовцева. Кроме того, дворянские депутаты из губернии дважды вызывались в Петербург для занятий в редакционных комиссиях. С их участием комиссии обсудили все основания крестьянской реформы и составили проект положения об освобождении крестьян. Проект этот был очень благожелателен для крестьян благодаря стараниям прогрессивных членов комиссий, Н. А. Милютина, князя Черкасского, Ю. Ф. Самарина и других. В самый разгар работ комиссий их председатель Я. И. Ростовцев скончался и на его место был назначен граф Панин. Ростовцев был горячим сторонником освобождения крестьян; Панина же считали «крепостником». Тем не менее работы редакционных комиссий продолжались и при Панине в том же духе, как при

Ростовцеве. В конце 1860 г. комиссии окончили свое дело и были закрыты. Составленные ими законопроекты были переданы в главный комитет.

Главный комитет под председательством великого князя Константина Николаевича рассмотрел выработанный комиссиями проект положения об освобождении крестьян и придал ему окончательную форму. После этого в начале 1861 г. проект был внесен в Государственный совет и по желанию государя немедленно рассмотрен. Александр лично открыл занятия Государственного совета по крестьянскому делу и в замечательной по твердости и силе речи указал Совету, что уничтожение крепостного права «есть его прямая воля». В исполнение этой воли Совет рассмотрел и одобрил проект закона об освобождении крестьян. В годовщину своего вступления на престол, 19 февраля 1861 г., император Александр подписал знаменитый манифест об отмене крепостного права и утвердил «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Великое дело было совершено: 5 марта «воля» была обнародована и принята народом спокойно, без всяких общественных потрясений.

По новому закону, крепостное право помещиков на крестьян было отменено навсегда, и крестьяне признаны свободными безо всякого выкупа в пользу помещиков. Государственная власть не видела в этом никакого нарушения прав помещиков. В своей речи Государственному совету император Александр указывал на то, что крепостное право в России имело государственный характер: «Право это установлено самодержавною властью, и только самодержавная власть может уничтожить его». В то же время земля, на которой жили и работали крестьяне, была признана собственностью помещиков. Крестьяне освобождались с тем, что помещики предоставят им в пользование их усадебную оседлость и некоторое количество полевой земли и других угодий (полевой надел). Но крестьяне за усадьбу и полевые наделы должны были отбывать в пользу помещиков повинности деньгами или работой. По закону крестьяне получили право выкупить у помещиков свои усадьбы и, сверх того, могли по соглашению со своими помещиками приобрести у них в собственность полевые наделы. Пока крестьяне пользовались наделами, не выкупив их, они находились в зависимости от помещиков и назывались *временнообязанными* крестьянами. Когда же выкуп был произведен, то крестьяне получали полную самостоятельность и становились *крестьянами-собственниками.* Вышедшие из крепостной зависимости крестьяне соединялись по месту жительства в «сельские общества», из которых для ближайшего управления и суда составлялись «волости». В селах и волостях крестьянам дано было самоуправление по тому образцу, какой был установлен для крестьян государственных при графе Киселеве. В сельских обществах было введено общинное пользование полевой землей, при котором крестьянский «мир» переделял

землю между крестьянами и все повинности с своей земли отбывал за круговой порукой.

Один из самых трудных и сложных вопросов в деле крестьянской реформы было определение размеров крестьянского полевого надела. Земледелие не везде было главным занятием крестьян. Только в южном черноземном районе крестьяне усиленно пахали и на себя, и на помещиков, отбывая на барском поле тяжелую «барщину». В центральных же областях, где земледелие не было прибыльно, крестьяне чаще «ходили на оброке», т. е. занимались промыслами на стороне и вместо барщинного труда платили ежегодно помещикам условленную сумму — оброк. На юге помещику было выгодно отпустить крестьян на волю без земли, а землю удержать за собой, потому что именно земля там и представляла главную ценность. На севере же помещикам была невыгодна потеря именно крестьянского оброка, а не земли. Поэтому одни помещики старались по возможности уменьшить крестьянские земельные наделы, а другие были к этому равнодушны. С другой стороны, в южных губерниях пахотной земли было много, и потому крестьяне пользовались землей без стеснений; в центре же государства при большом росте населения сильно чувствовалось малоземелье. Под влиянием столь разнообразных местных условий и приходилось определять размеры крестьянского полевого надела особо для каждой «полосы» государства (нечерноземной, черноземной и степной) и для отдельных губерний и даже уездов. Размеры надела определялись от 1 до 12 десятин на «душу» (т. е. на лицо, записанное в крестьянах за помещиком по ревизии). Дворовые же люди, находившиеся в личном услужении помещикам и не пахавшие земли, освобождались без земельного надела и по прошествии двух лет временнообязанного состояния под властью помещиков могли приписаться к какому-либо сельскому или городскому обществу.

Указанный в законе выкуп усадеб и полевых наделов для крестьян был бы невозможен, если бы правительство не пришло на помощь крестьянству устройством особой «выкупной операции». В «Положениях» 19 февраля было определено, что помещики могут получать от правительства немедленно «выкупную ссуду», как только устроены будут их земельные отношения с крестьянами и будет точно установлен крестьянский земельный надел. Ссуда выдавалась помещику доходными процентными бумагами и засчитывалась за крестьянами как казенный долг. Крестьяне должны были погасить этот долг в рассрочку, в течение 49 лет, «выкупными платежами».

Порядок осуществления крестьянской реформы требовал соглашения между помещиками и их крестьянами как о размерах надела, так и о всяких обязательных отношениях крестьян к их бывшим господам. Это соглашение надлежало изложить в «уставной грамоте» в течение одного года со дня освобождения. Конечно, нельзя было надеяться на то, что помещики и крестьяне

сами сумеют достигнуть мирного и справедливого конца своих данных отношений, не всегда согласных и гладких. Для разбора могущих возникнуть недоразумений, споров и жалоб была учреждена должность *мировых посредников,* избираемых из местных дворян. Мировые посредники должны были следить за правильностью и справедливостью сделок помещиков с их крепостными, выходящими на волю. Они утверждали уставные грамоты. Они наблюдали за ходом крестьянского самоуправления в сельских обществах и волостях. Важнейшие и сомнительные дела посредники докладывали уездному мировому съезду, состоявшему из мировых посредников всего уезда. Общее же руководство делом крестьянской реформы по губерниям было возложено на *губернские по крестьянским делам присутствия.* Эти присутствия действовали под председательством губернатора и состояли из важнейших чинов губернии и представителей местного дворянства.

Так было совершено великое дело отмены крепостного права. Освобождение крестьян существенно изменило все основы русского государственного и общественного быта. Оно создало в центральных и южных областях России новый многолюдный (21—22 млн.) общественный класс. Прежде для управления им довольствовались помещичьей вотчинной властью. Теперь же управлять им должно было государство. Старые екатерининские учреждения, установившие в уездах дворянское самоуправление, совсем уже не годились для нового разносословного уездного населения. Надобно было создать заново местную администрацию и суд. Крестьянская реформа, таким образом, неизбежно вела к другим преобразованиям.

Прочие реформы. Уже в 1864 г. дано было новое «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». Прежние законы знало только сословное самоуправление; теперь созданы были учреждения всесословные. К заведованию хозяйственными делами каждой губернии и каждого уезда привлекались выборные лица от населения. Именно все землевладельцы, торговцы и промышленники, обладающие недвижимыми имуществами определенной ценности, а также сельские общества получили право избирать из своей среды на три года представителей («гласных») в *уездные земские собрания.* Эти собрания под председательством уездного предводителя дворянства собираются ежегодно на короткий срок для руководства хозяйственными делами уезда. Уездное земское собрание избирает из своей среды *уездную земскую управу,* состоящую из председателя и двух членов. Управа есть учреждение постоянное; на основании закона и полномочий земского собрания она ведает все земские дела своего уезда. Каждый год в губернском городе происходит съезд депутатов от уездных земских собраний всей губернии. Под председательством губернского предводителя дворянства эти депутаты составляют *губернское земское собрание.* Оно имеет своим предметом общее руковод-

ство хозяйственными делами целой губернии. Для постоянного ведения этих дел оно избирает из своей среды *губернскую земскую управу,* состоящую из председателя и нескольких членов. Деятельность земских учреждений («земств») подчинена надзору губернаторов и Министерства внутренних дел. В случаях недоразумений земствам предоставлено обращаться с жалобами в Сенат.

Ведению земств подлежат дела по народному образованию, попечение о народном здравии, продовольственное дело, дорожное дело, страховое дело, ветеринарное дело. Школы, благотворительность, медицинская помощь, устройство дорог и мостов, взаимное страхование от огня и прочие земские дела требуют больших средств. Поэтому земствам предоставлено право облагать население уездов сборами и повинностями на земские нужды, образовывать земские капиталы, приобретать имущества. При своем полном развитии земская деятельность должна была достичь большой сложности и охватить собой все стороны местной жизни. Таким образом, новые формы местного самоуправления не только сделали его всесословными, но и расширили круг его полномочий. Ранее, до реформ, всем уездом управляла дворянская корпорация, представлявшая собой весь состав полноправного уездного населения. Право самоуправления имело тогда в виду односословные, дворянские интересы. В новых земствах за дворянами было сохранено преобладание; но к участию в ведении земского хозяйства были привлечены и все прочие жители уезда, обладающие имущественным цензом, а также и крестьянские общества. Место сословных интересов заступили общеземские нужды и интересы. Самоуправление получило столь широкий характер, что многими было понято как переход к представительному образу правления. Поэтому со стороны правительства, вскоре же по введении земских учреждений, стало заметно намерение удерживать деятельность земств в круге исключительно местных дел и не дозволять общения между собой земских корпораций различных губерний.

Немногим позднее земского самоуправления созданы были новые формы городского самоуправления. «Городское положение 1870 года» оставило в силе старое разделение горожан на купцов с их гильдиями, ремесленников с их цехами и т. д. Независимо от этих корпораций по новому закону все горожане, платящие городские повинности с их земли, торга и промысла, получили право сообща избирать гласных в *городскую думу,* которая должна была ведать городское хозяйство так же, как земства ведали земское хозяйство. Гласные избирают из своей среды городского голову и членов *городской управы.* Дума собирается по мере надобности; управа же действует как постоянный исполнительный орган думы. Срок выборных полномочий в городах — четырехлетний. За деятельностью городских дум и управ наблюдает *губернское по городским делам присутствие* под председательством губернатора.

Не только новый порядок управления, но вместе с тем и общая перемена в общественном строе повлияла благотворно на развитие городской жизни в России во второй половине XIX в. До крестьянской реформы в большинстве губерний продолжалось господство патриархальных форм крепостного помещичьего хозяйства, сохранившего в себе до последнего времени черты хозяйства натурального. Города имели мало покупателей и потребителей из уездов, были скудны капиталами; население их не отличалось предприимчивостью, было бедно и невежественно. С освобождением крестьян оживилась уездная жизнь; возникло земство с его хозяйственными предприятиями; началась усиленная постройка железных дорог; было основано много торгово-промышленных предприятий и банков. Рост хозяйственной жизни государства отозвался на городах самым решительным образом; города ожили и, пользуясь новым самоуправлением, приняли совсем иной вид. Из административных центров они стали превращаться в центры народнохозяйственной деятельности.

Одновременно с земской реформой была подготовлена и судебная. В 1864 г. были изданы новые «Судебные уставы», изменившие старые формы нашего судоустройства и судопроизводства.

Вместо сословных екатерининских судов был учрежден суд бессословный, «равный для всех подданных». Мелкие дела были отнесены к ведомству *мирового суда. Мировые судьи,* избираемые уездными земскими собраниями и городскими думами, должны были судить в уездах и городах мелкие преступления и разбирать тяжбы, склоняя по возможности стороны к примирению и полюбовному решению дел. Недовольные приговором мирового судьи могли жаловаться на него в местный съезд *мировых судей.* Мировым судьям было подведомственно все население «мировых участков», кроме крестьян, которым были дарованы особые волостные суды для решения дел, возникающих в крестьянской среде. Для суда по делам более важным в губернских городах были открыты *окружные суды* с отделениями уголовными и гражданскими. Дела гражданские разбирались судьями (председателем и членами суда) без присяжных заседателей. По делам же уголовным (более важным) в состав суда обыкновенно входили *присяжные заседатели,* привлекаемые по жребию из местного населения. Присяжные заседатели решали по совести вопрос о виновности или невиновности подсудимого; судьи же на основании вердикта присяжных или освобождали его от суда, или же приговаривали к соответственному наказанию. На приговоры окружных судов можно было приносить жалобы в *судебные палаты* или же в *Сенат.* Для окончательного решения дел по жалобам на низшие инстанции были назначены кассационные департаменты *Сената,* которому принадлежал общий надзор за отправлением правосудия в государстве. Таким образом, новые суды были обособлены от администрации. Судьям была дана несменяемость и независимость. В суды был введен общественный

элемент в лице присяжных заседателей и выборных мировых судей. Приняты меры к ускорению делопроизводства определением точных сроков для различных судебных действий. Император Александр с полным основанием мог сказать, что дает своему государству «суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных».

В новых судах были изменены все основания судопроизводства. Дореформенный суд заслужил дурную славу тем, что нисколько не обеспечивал правосудия. Старые суды находились под сильным влиянием администрации и были доступны подкупам. Следствие велось полицией неумело, мешкотно; подозреваемого в преступлении стращали и истязали, чтобы добиться признания. Самый суд происходил в отсутствие обвиняемого, на основании бумажных сведений о деле. Защиты не существовало. Приговор постановлялся не по живому убеждению судей, а по формальным соображениям. Жаловаться на приговор было трудно. Судебные уставы 1864 г. ввели новые порядки. Следствие о всяком деле поручается особому *судебному следователю*. Добытый им на «предварительном следствии» обвинительный материал поступает в суд. Суд в своем заседании, в присутствии обвиняемого и присяжных заседателей, производит новое «судебное следствие» по делу. У обвиняемого при этом должен быть защитник из опытных адвокатов-юристов. На суде может присутствовать публика. Таким образом, суд производится устно и гласно. Обвинитель-прокурор и адвокат-защитник принимают все меры к выяснению дела. Между ними происходит как бы состязание, высшая цель которого — обнаружение истины в деле. На основании судебного следствия присяжные выносят свой вердикт (после тайного совещания), а суд постановляет приговор. В гражданских делах тяжущиеся стороны (истец и ответчик или же их поверенные — адвокаты) представляют суду доказательства своей правоты и основания своих исков. Суд, оценив объяснения сторон, постановляет свое решение в пользу той, которую признает правой, таким образом и здесь, как в делах уголовных, судоговорение имеет характер состязательный, дающий возможность участникам дела выяснить все его подробности.

Судебные уставы 1864 г. пользуются прекрасной славой как по высоким гуманным началам, положенным в их основу, так и по достоинству своего исполнения. Они дали государству хорошие суды, заслужившие любовь и доверие населения, и положили начало воспитанию нашего общества в чувствах законности. Одновременно с введением новых судебных установлений была значительно смягчена и система наказаний, существовавшая в России; именно были отменены разные виды телесных наказаний (розги, плети, шпицрутены или палки, наложение клейм на преступников и т. п.).

В связи с общим обновлением русской общественной жизни стояла реформа воинской повинности. В 1874 г. дан был Устав

о всеобщей воинской повинности, совершенно изменявший порядок пополнения войск. При Петре Великом все сословия привлекались к военной службе: дворянство поголовно, податные сословия — поставкой рекрут. Когда законами XVIII в. дворянство постепенно было освобождено от обязательной службы, рекрутчина оказалась уделом низших классов общества, и притом беднейших, так как богатые могли откупаться от солдатства, нанимая за себя рекрута. В такой форме рекрутская повинность стала тяжелым и ненавистным бременем для населения. Она разоряла бедные семьи, лишая их кормильцев, которые, можно сказать, навсегда уходили от своих хозяйств. Срок службы (25 лет) был таков, что человек, попав в солдаты, на всю жизнь отрывался от своей среды. По новому закону к отбыванию воинской повинности призываются ежегодно все молодые люди, достигшие в данном году 21 года. Правительство определяет каждый год потребное для войск общее число новобранцев и по жребию берет из всех призывных только это число; остальные зачисляются в ополчение. Взятые в службу числятся в ней 15 лет; 6 лет в строю и 9 в запасе. Новая система комплектования войск, по самой идее своей, должна была привести к глубоким переменам в военных порядках. Вместо суровой солдатской муштровки, основанной на взысканиях и наказаниях, вводилось разумное и гуманное воспитание солдата, несущего на себе не простую сословную повинность, как было раньше, а священный гражданский долг защиты отечества. Кроме военной выучки солдат учили грамоте и старались развить в них сознательное отношение к своему долгу и понимание своего солдатского дела. Долговременное управление военным министерством графа Д. А. Милютина было ознаменовано рядом просветительных мероприятий, имевших целью насадить военное образование в России, поднять дух армии, улучшить военное хозяйство.

Всеобщая воинская повинность отвечала двум потребностям времени. Во-первых, невозможно было оставить старый порядок пополнения войска при тех общественных реформах, которые вели к уравнению всех классов общества пред законом и государством; во-вторых, надобно было поставить русское военное устройство в уровень с западноевропейским. В государствах Запада, по примеру Пруссии, действовала всеобщая воинская повинность, превращавшая население в «вооруженный народ» и сообщавшая военному делу значение общенародного. Армии старого типа не могли равняться с новыми ни по силе национального воодушевления, ни по степени умственного развития и технической подготовки. России нельзя было отставать от соседей в этом отношении.

Государственное хозяйство. Военные расходы, вызванные Восточной войной, и предпринятая правительством выкупная операция заставляли правительство выходить из рамок обыкновенного бюджета. Государственных доходов не хватало на покрытие расходов; требовались займы для погашения ежегодных дефици-

тов. Правительство было вынуждено обращаться к кредиту: оно занимало деньги за границей, прибегало к внутренним (выигрышным) займам и делало новые выпуски кредитных билетов все в большем и большем количестве. Последствия таких мер выражались в том, что платежи процентов по займам очень отягощали бюджет, а кредитные билеты стали падать в цене, как в былое время падали ассигнации. Перед правительством становилась задача — упорядочить государственное хозяйство, чтобы восстановить равновесие в бюджете и поднять курс бумажных денег. Были предприняты некоторые финансовые реформы (1863). Установлен определенный и точный порядок составления ежегодных смет прихода и расхода по всем ведомствам. Общая государственная роспись доходов и расходов ежегодно публиковалась во всеобщее сведение. Введено было «единство кассы», при котором движение всех денежных сумм в казначействах империи подчинялось общему распоряжению Министерства финансов, тогда как прежде каждое министерство имело свои особые кассы и само собирало свои доходы и производило расходы. За правильностью исполнения смет должен был следить заново преобразованный государственный контроль. Таким образом достигнута была большая правильность финансового управления и установлен больший порядок в ведении государственного хозяйства. Но равновесие бюджета достигнуто не было.

Для увеличения государственных доходов был принят ряд мер, из которых наиболее замечательна отмена винных откупов, существовавших у нас со времени Екатерины II. Старый порядок состоял в том, что частные лица покупали у правительства («откупали») право продажи вина в известном округе за определенную сумму. По новому порядку, установленному при Александре II, вино могло продавать всякое частное лицо, но все вино, поступавшее в продажу, облагалось «акцизом» (особым налогом в пользу казны). Таким же акцизом были обложены табак и соль (также сахар). Были увеличены некоторые таможенные пошлины. Главным же средством поднять экономическую жизнь страны и государственное хозяйство считалась постройка сети железных дорог. Не имея возможности строить дороги казенными средствами, правительство привлекало к этому делу на очень льготных условиях частных лиц и иностранные капиталы. Несмотря на то что к железнодорожному строительству устремилось много недобросовестных дельцов, эксплуатировавших казну и дороги для своей наживы, сеть железных дорог (в 20 тыс. верст) была сооружена в скором времени и оказала громадное влияние на развитие русской промышленности и торговли. В связи с постройкой дорог наш иностранный отпуск вырос в десять раз; почти так же увеличился и ввоз товаров в Россию. Число торговых и промышленных предприятий, фабрик и заводов заметно умножилось. Явились кредитные учреждения — банки, во главе которых стал Государственный банк (1860).

Россия начала терять характер патриархального землевладельческого государства. Освобожденный от крепостной зависимости и других стеснений народный труд находил себе применение в разных отраслях промышленности, созданных новыми условиями общественной жизни.

Образование. В начале своего царствования император Александр II отменил те стеснительные меры, которые были приняты в отношении учебных заведений в последние годы императора Николая I. Преподавание в университетах получило больше свободы; комплекты студентов были уничтожены; мало того, был открыт доступ в университеты вольнослушателям. В университетских аудиториях появилась посторонняя публика, мужская и женская. В университетскую жизнь было внесено такое же оживление, какое царило тогда во всем обществе. Новизна и сложность возникшего положения скоро привели студенчество к волнениям и беспорядкам (1861). В связи с ними последовали некоторые ограничения университетской свободы. В 1863 г. дан был общий устав университетов, по которому профессорская корпорация получила самоуправление. Совет профессоров в каждом университете избирал всех университетских должностных лиц и заведовал хозяйством университета; попечителю учебного округа принадлежало только наблюдение за законностью действий совета. Но учащиеся в университете студенты рассматривались как отдельные посетители, не имеющие права на корпоративное устройство; посторонние же лица и вовсе не допускались к посещению лекций. Такое положение учащихся давало им частые поводы к неудовольствию и «студенческим беспорядкам», составлявшим одно из частых и печальных явлений той эпохи.

Под влиянием общественного брожения и студенческих беспорядков задумана была министром народного просвещения графом Д. А. Толстым реформа средней школы. В начале царствования императора Александра II (при министре А. В. Головине) доступ в гимназии был открыт для детей «всех состояний без различия звания и вероисповедания». Самые гимназии были двоякого типа: классические (с древними языками) и реальные (без древних языков, с преобладанием естествознания). Граф Толстой (поддерживаемый М. Н. Катковым) находил, что реальное образование есть «одна из важных причин так сильно охватившего наше учащееся юношество материализма, нигилизма и самого пагубного самомнения». Единственным средством борьбы с этим злом министр считал установление строго классической системы образования в гимназиях. В 1871 г. он составил новый устав гимназий, одобренный государем. Классическая гимназия сделана была единственным типом общеобразовательной и всесословной средней школы, питомцы которой одни имели право поступления в университеты. Реальные гимназии были заменены «реальными училищами»; цель их была в том, чтобы доставлять учащемуся юношеству всех состояний

общее образование, приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаний. Реформой гр. Толстого было создано полное преобладание классической школы в государстве. К сожалению, школьному классицизму придан был внешний формальный характер: дело ограничивалось грамматическим изучением древних языков при очень большом числе учебных часов на этот предмет. За отсутствием достаточного числа русских преподавателей латыни и греческого языка пришлось выписывать специалистов из-за границы (преимущественно чехов); их преподавание не могло нравиться по незнанию ими русского языка и русской школы. Реформа графа Толстого вообще не вошла в нравы нашего общества и возбудила против себя прямую ненависть, хотя в основе своей имела правильную мысль о высоком воспитательном значении классицизма.

Одновременно с реформой мужской средней школы шли мероприятия в области женского образования. До времени императора Александра II для девиц существовали только институты и частные пансионы; в них получали образование почти исключительно дворянки. С конца 50-х годов начинают возникать женские гимназии для приходящих учениц всех сословий. Сначала эти гимназии основывались в ведомстве учреждений императрицы Марии (по почину Н. А. Вышнеградского), а затем и в ведомстве Министерства народного просвещения. Параллельно с ними в духовном ведомстве, для дочерей лиц духовного звания, стали открываться женские епархиальные училища с соответствующим курсом. Таким образом, в царствование императора Александра дело женского образования было поставлено широко. Естественно рождалась мысль о возможности и высшего образования для женщин. Первую попытку в этом направлении сделал начальник петербургских женских гимназий Н. А. Вышнеградский; по его мысли, при женских гимназиях были основаны «педагогические женские курсы» для приготовления преподавательниц (1863). Затем кружком передовых женщин, при содействии профессора К. Н. Бестужева-Рюмина (1878), были открыты «Высшие женские курсы» («Бестужевские») в Петербурге. Наконец, в Петербурге же существовали некоторое время (с 1872 г.) медицинские женские курсы для женщин-врачей. По примеру Петербурга и в других университетских городах стали возникать по частному почину высшие женские курсы. Таким образом вопрос о высшем образовании женщин получил успешное разрешение, несмотря на то что правительство с большой осторожностью относилось к делу разрешения женских курсов.

В отношении низшего, начального или народного образования в царствование императора Александра II достигнуты были большие результаты. Создан был, кроме старого типа начальных народных училищ — церковноприходских школ, новый тип светской начальной школы, перешедшей на попечение земств. К концу царствования Александра II народные школы считались

уже десятками тысяч и составляли одну из самых важных забот земства. Для приготовления учителей в начальные школы как Министерство народного просвещения, так и земства устраивали «учительские семинарии». Несмотря, однако, на ряд усилий поднять народную грамотность, в эпоху реформ она стояла еще на низком уровне.

Первые последствия реформ. Таков был круг великих преобразований императора Александра II. Основная реформа его царствования — освобождение крестьян — внесла коренную перемену в русский общественный порядок и необходимо повлекла за собой остальные реформы. С падением крепостного права пали прежние формы преобладания дворянства в русской жизни, созданные законами императрицы Екатерины II. В дореформенной России дворянское сословие было господствующим как в местной жизни, так и в правительственном управлении. В уездах землевладельческое дворянство правило всеми делами безраздельно; все правительственные должности замещались в губерниях и в столице чиновниками из дворян; другие классы населения в государственной жизни не пользовались никаким значением. С отменой же крепостного права в уездах рядом с дворянскими обществами создались крестьянские сельские общества; появились землевладельцы и из горожан. Оживилась деятельность торгово-промышленная; города расцвели с освобождением крестьян, потому что падение крепостных хозяйств и освобождение крестьянского труда создало для городских рынков новых потребителей, открыло новые сферы для предприимчивости, привлекло рабочие руки. Между городами и уездами создались новые связи, уничтожавшие прежнюю сословную разобщенность. Жизнь получала характер бессословный и демократический.

За таким направлением жизни следовало законодательство, создавая всесословные суды, всесословное земство, всесословную школу, всеобщую воинскую повинность. На дворянство, как на образованную среду, правительство возлагало руководство новым земским самоуправлением; из дворян по-прежнему назначались высшие чиновники. Но это уже не был старый порядок, при котором дворянству по праву принадлежало исключительное господство в государстве. Дворянство было теперь только первым из прочих граждански равноправных общественных классов. Утратив свое исключительно льготное положение вследствие реформы, дворянство пережило вместе с тем тяжелый материальный кризис. Оно в большинстве не смогло перейти от старых форм хозяйства при даровом крепостном труде на новые формы с трудом наемным и потому разорилось и потеряло массу своих земель, перешедших в крестьянские и купеческие руки.

Таким образом, упадок дворянства и демократизация общества были первым последствием реформ 60-х годов XIX столетия.

Вторым последствием реформ было умственное брожение радикального политического характера. Преобразование государ-

ственного и общественного строя, предпринятое императором Александром II, не имело в виду изменить в России образ правления и ввести политическое представительство. За дарованием новых учреждений, судебных и земских, в которых действовали выборные представители общества, не последовало политической реформы, которая бы привлекла этих представителей общества к высшему управлению государством. Напротив, в конце 60-х годов правительство усвоило охранительную политику, Между тем, возбужденное рядом глубоких перемен, русское общество не могло быстро успокоиться. Печать отзывалась на каждое правительственное начинание, обсуждала все реформы, оценивала их последствия, приветствовала созданный реформами новый общественный строй, основанный на демократическом бессословном начале. Общественные мечты шли дальше намерений правительства. Дарование местного земского самоуправления возбуждало надежды на том, что земство будет призвано и к участию в управлении государством; высказывалась мысль о представительном правлении. Падение крепостной зависимости, уравнение всех перед судом, создание новых либеральных форм общественной жизни привели к небывалой ранее свободе личности. Чувство этой свободы вело к желанию развить ее до последних пределов. Создались мечты об установлении новых форм семейной и общественной жизни — таких, которые бы обеспечивали полное равенство людей и безусловную свободу каждой отдельной личности. Люди, мечтавшие о такой свободе, отрицали весь современный им порядок жизни и ни в чем не признавали его для себя обязательным; поэтому они и получили название «нигилистов». Основ будущего идеального устройства отрицатели искали в социализме, с которым усиленно знакомили русскую публику. Таким образом создались крайние, «радикальные» направления в политических и социальных вопросах и образовалась «отрицательная» литература. Представителями ее были журналы «Современник» и «Русское Слово» в России и «Колокол» за границей («Современник», во главе с публицистами Чернышевским и Добролюбовым, имел характер политический; «Русское Слово», с Писаревым во главе, занималось проповедью нигилизма. Что же касается до лондонского «Колокола», то его издатель, эмигрант А. И. Герцен, в конце 50-х годов главной целью своей считал добиться освобождения крестьян и свободы печати в России; влияние «Колокола» в эти годы было очень велико). Развитие радикальной журналистики доставляло правительству много неудовольствий и опасений. Уже в начале 60-х годов было признано необходимым ограничить свободу журнальной печати. Когда же 4 апреля 1866 г. революционер Каракозов выстрелил в Александра II у ворот Летнего сада, то власти усилили цензурные строгости и навсегда закрыли «Современник» и «Русское Слово». Однако влияние отрицательной литературы настолько распространилось, что эта мера не остановила умственного брожения.

В некоторой части общества стало зреть революционное настроение, требовавшее прямого государственного и общественного переворота. В разных городах стали образовываться революционные кружки, поставившие себе целью распространение в народе социалистических идей и подготовку революции. Деятельность этих кружков вызывала преследование со стороны властей. В течение 70-х годов происходили большие политические процессы, показавшие значительные размеры революционной пропаганды в обществе. Ссылка и другие наказания, постигавшие агитаторов, не могли подавить движения. Оно росло и принимало все более и более крайний характер. Одна из революционных организаций (усвоившая себе название «Земли и воли», а позже «Народной воли») желала достигнуть своей цели — революционного переворота — путем «террора», т. е. ряда насильственных актов против правительственных лиц. В конце 70-х годов начались покушения и на жизнь самого Александра. Россия, таким образом, вступила в период тяжелой внутренней смуты.

Польское восстание 1863 г. В течение четверти века после польского восстания 1831 г. польские области были спокойны. Конечно, поляки-патриоты не могли помириться с потерей политической автономии. При первой же возможности они должны были проявить свое недовольство порядком вещей, установившимся в Царстве Польском после подавления неудачного мятежа. Благоприятная минута для этого наступила с воцарением императора Александра II. Тяжелый режим николаевского времени был тогда смягчен. Польским эмигрантам было разрешено вернуться в Царство; дана амнистия сосланным за мятеж в Сибирь полякам. Одним этим было уже поднято настроение польского общества. Видя начало реформ в России, оно стало ждать и требовать реформ у себя. В польских городах начались политические демонстрации: ношение национального траура, пение патриотических песен, процессии и т. п.

Правительство не было чуждо мысли произвести в Польше преобразования. Руководясь советами польского патриота, маркиза Велиопольского, государь решился дать Царству Польскому самоуправление (1861). Был учрежден государственный совет для Царства из поляков; для местного самоуправления устроены по губерниям советы из выборных от населения; суд, школы и церковные дела предположено было отдать в ведение местных польских «комиссий» (министерств). Во главе всей польской администрации был поставлен сам Велиопольский. Наместником же Царства был назначен великий князь Константин Николаевич, сторонник либеральных преобразований в Польше. Но мысль Велиопольского — спасти порядок в Польше посредством умеренной реформы — совершенно не удалась. Патриоты польские не пошли за ним; они в расчете на уступчивость русского правительства требовали восстановления государственной независимости и старых границ Польши («короны» и «княжества»)

до Западной Двины и Днепра и вели дело к открытому мятежу. На жизнь великого князя было сделано покушение; нападениям подвергся и Велиопольский. Наконец, в январе 1863 г. разразился открытый бунт. В условленный день в разных местах Польши и Литвы банды «повстанцев» напали на русские войска и началась война. Мятежом руководил тайный комитет с именем «ржонда народоваго», т. е. народного правительства. Он держал в страхе всю страну системой террора и казнями лиц, шедших против восстания. Тогда политика Велиопольского была оставлена. Решено было подавить мятеж крутыми мерами. В Царстве Польском это было поручено новому наместнику, графу Бергу, а в Литве — Мих. Никол. Муравьеву. Муравьев быстро справился со своей задачей. С твердостью и беспощадностью, доходившей до жестокости, он преследовал мятежников; с чрезвычайной настойчивостью и последовательностью он защищал русское население своего края от влияния и насилия революционного польского элемента. В полгода он подавил мятеж в своем крае, снискал себе жгучую ненависть поляков и грозную славу среди западнорусского населения, им поднятого и ободренного. В Царстве Польском дело подавления восстания шло медленнее. Но и там к лету 1864 г. был водворен порядок: вожаки движения частью были захвачены, а частью бежали за границу.

В разгар мятежа (в апреле 1863 г.) послы Англии, Франции и Австрии обратились к русскому министру иностранных дел, князю Горчакову, с заявлением, что их правительства надеются на скорое дарование прочного мира польскому народу. Это было вмешательством во внутренние дела России. Летом 1863 г. оно повторилось со стороны многих европейских держав, причем Франция и Англия требовали созвания европейской конференции по польскому вопросу для того, чтобы совместно обсудить будущее устройство Царства Польского. России, недавно пережившей Восточную войну, грозила в случае отказа от предлагаемой конференции опасность возбудить против себя новую европейскую коалицию. Однако император Александр не нашел для себя возможным согласиться на требования держав. Он приказал князю Горчакову ответить твердым отказом и протестом против стороннего вмешательства в дела России. Ответ князя Горчакова был опубликован и вызвал в русском обществе живейшее сочувствие. При первых же слухах о вмешательстве держав все слои русского общества обнаружили высокий подъем патриотического чувства. Выразителем его, наиболее ярким и решительным, явился московский публицист М. Н. Катков; своими статьями о польском вопросе в «Московских ведомостях» он много содействовал тому, что русское общество стало сознательно относиться к польским притязаниям и горячо поддержало правительство в борьбе с мятежом. Мужественный ответ, данный государем на представления европейских держав, вызвал в обществе востор-

женный отклик. Державы могли убедиться в том, что в России народилось общественное мнение и что оно оказывает власти могучую нравственную помощь. Быть может, в этом была главная причина, почему европейская дипломатия не повела далее своего вмешательства и предоставила Польшу ее участи.

Вслед за усмирением мятежа последовало переустройство Царства Польского. Самое название Царства было отменено. Разделенное заново на 10 губерний, Царство получило наименование Привислинского края. В крае прежде всего была проведена крестьянская реформа на основаниях, близких к «Положениям 19 февраля 1861 года». Крестьяне были наделены землей, и выкуп их земли был произведен немедленно, без «временнообязанных» отношений к помещикам, причем им было даровано самоуправление в сельских гминах (волостях). Устройство крестьянского дела в Польше было возложено на Н. А. Милютина, виднейшего деятеля крестьянской реформы в России, и проведено им с его друзьями и сотрудниками (князем Черкасским, Ю. Самариным и др.). Целью крестьянской реформы в польских губерниях было привязать к России низшие классы польского населения и в них получить опору для русской власти. Другие классы польского общества были лишены самоуправления. В польских губерниях была введена общерусская администрация с делопроизводством на русском языке. Русский язык стал обязательным и в школах. Наконец, последние представители унии в Холмской епархии (тогда Люблинской губернии) были присоединены к православию (1875). Таким образом последовало уничтожение всех особенностей, отличавших Польшу в порядке самоуправления от прочих частей империи. Таковы были для поляков последствия их неудачного восстания.

В западных губерниях, где коренное население, русское или литовское, подвергалось ополячению и отчасти было увлечено в мятеж, после подавления мятежа началась усиленная работа М. Н. Муравьева над уничтожением польского преобладания. Он хотел достигнуть того, «чтобы не было и малейшего повода опасаться, что край может когда-либо сделаться польским». С этой целью он желал в крае «упрочить и возвысить русскую народность и православие», «поддержать русское духовенство», в администрацию допускать лишь русских людей, создать русскую колонизацию и русское землевладение в крае и всячески устранять из края враждебный Руси польский элемент. Ряд мер, проведенных в этом духе, подорвал силу польского влияния и уничтожил внешние признаки польского преобладания в западных и юго-западных губерниях. Преследование польских помещиков и польского духовенства за прикосновенность к мятежу, гонение на польский язык в школах и публичных местах создали Муравьеву репутацию деспота в тех кругах, которые от него терпели. Но русские деятели, трудившиеся вместе с Муравьевым для русского дела в Западном крае, сохранили глубокое уважение

к его патриотизму, уму, твердости и прямоте, с которыми он стремился к обрусению вверенного ему края.

Азия и Кавказ. В царствование императора Александра II Россия приобрела в Азии значительные пространства земли.

На Дальнем Востоке путем дипломатических переговоров с Китаем была приобретена уступленная Китаю при царевне Софье обширная Амурская область (по Айгунскому договору 1858 г., заключенному графом Н. Н. Муравьевым-Амурским), а затем присоединен был Уссурийский край (по договору графа Игнатьева в Пекине в 1860 г.). Таким образом, для русской колонизации открыты были оба берега Амура и было приобретено устье этой важной реки. Далее, в обмен на Курильские острова от японцев была получена южная половина о. Сахалина. Пустынная северо-западная оконечность Американского материка (Аляска), принадлежавшая России по праву первой заимки, была тогда же уступлена Северо-Американским Соединенным Штатам за 7 млн. долларов.

В Средней Азии (Туркестане, Туране) была твердо укреплена русская власть. В среднеазиатской низменности существовали тогда три мусульманские ханства: *Кокан* — на правом берегу реки Сырдарьи, *Бухара* — между рр. Сырдарьей и Амударьей, *Хива* — на левом берегу р. Амударьи. В зависимости от них находились частью оседлые, частью кочующие (тюрко-монгольские) народы: киргизы, туркмены, узбеки и т. д. Окруженные песками и степями, среднеазиатские ханства были трудноуязвимы. Пользуясь выгодами своего положения, коканцы, бухарцы и хивинцы издавна не только торговали с Русью дорогими азиатскими товарами, но и грабили пограничные русские места, уводя пленников. При Петре Великом начались попытки русского правительства взять под свое главенство Среднюю Азию. Хотя хивинские ханы и изъявили Петру Великому на словах покорность и просили его помощи в своих междоусобиях, однако при случае истребляли русские отряды, отправляемые к ним. (Так в 1717 г. погиб целый отряд князя Бековича-Черкасского.) Приходилось медленно приближаться к враждебным ханствам, строя в степях и песках укрепления для защиты колонизуемых русскими окраин. Наступление велось с двух сторон: с Севера — от Сибири и р. Урала, и с запада — от Каспийского моря. Главными опорными пунктами для этого наступления в XVIII в. были города: Оренбург, Орск, Семипалатинск — с севера, Красноводск при Каспии — с запада. В середине XIX в. киргизы северного Туркестана были уже покорены, и русские отряды стали прочно на р. Сырдарье (крепость Перовск) и на левом берегу р. Или (г. Верный). А затем началось покорение самых ханств.

В 60-х годах генералы Веревкин и Черняев начали наступление на Кокан и взяли важнейшие города этого ханства, Туркестан и Ташкент. Лишенный части своих владений, коканский хан был приведен в полную зависимость от России. Когда же в 70-х годах

в Кокане началось на почве религиозного фанатизма мятежное движение против русских, то русские войска под начальством генерала Скобелева подавили восстание и завладели всем ханством (1876). Оно было обращено в Ферганскую область. С Бухарой началась война вскоре после первых столкновений с Коканом. Часть бухарских земель с городом Самаркандом была присоединена к России (1868); в остальной же части хан сохранил свою власть под русским протекторатом при условии уничтожения рабства и открытия бухарских рынков для русских купцов. В 1873 г. настала очередь и Хивы. После труднейшего похода через безводные пески русские отряды, направленные с трех сторон (от Каспийского моря, от Самарканда и с Сырдарьи), подошли к Хиве и взяли этот город. Хивинский хан сдался генералу Кауфману. Хану была оставлена часть его владений в полной зависимости от России. Таким образом, был положен конец многовековому безначалию, какое господствовало в Средней Азии. Оставалось только умиротворить полукочевые разбойничьи племена туркмен, что и было достигнуто в короткий срок. Продвигаясь к персидским, афганским и китайским границам, русские отряды постепенно усмиряли беспокойное туземное население. В особенности сильный удар был нанесен генералом Скобелевым туркменскому племени «теке» взятием их крепости Геоктепе (1881). Когда русские войска продвинулись до Афганистана и приблизились к пределам британской Индии, английская дипломатия проявила большое беспокойство. Соседство русских с Индостаном казалось угрозой для английской власти над индийскими племенами и Афганистаном. Поэтому англичане стремились всеми средствами сдержать движение русских в Средней Азии и ставили России ряд дипломатических требований. Переговоры принимали по временам тревожный характер, но до войны дело не дошло. Движение России не могло быть остановлено до тех пор, пока ею не были достигнуты твердые границы и пока не был водворен прочный порядок среди беспокойных и некультурных среднеазиатских племен. Культурная работа русских в Средней Азии составляет одну из славнейших страниц царствования императора Александра II.

На Кавказе в царствование Александра II было достигнуто окончательное замирение. Мюридизм (воинствующая секта) получил там на время силу в деятельности имама Шамиля, но стал затем быстро падать по мере того, как остывал религиозный порыв, его вызвавший. Власть Шамиля на время объединила горские народы восточного Кавказа, но не в силах была образовать из них прочного союза. Когда наместник Кавказа, князь А. И. Барятинский, начал (1857) систематическое наступление против Шамиля в горы Дагестана, многие приверженцы стали покидать Шамиля и население некоторых аулов легко подчинилось русским. В три года князю Барятинскому удалось покорить весь восточный Кавказ (от Военно-грузинской дороги

до Каспийского моря). Геройское сопротивление Шамиля было сломлено; сам Шамиль, осажденный в ауле Гуниб, сдался в плен и был увезен в Россию (1859). Оставалось еще замирить западный Кавказ, прилегающий к Черному морю. Русские войска кольцом охватили области «немирных» черкесов и вытеснили жителей мятежных аулов из гор на равнину и морской берег. Черкесам предоставляли или селиться на указанных русскими местах, или же уезжать в Турцию. До 200 000 горцев выехало с Кавказа, переселяясь в Турцию, остальные покорились русской власти. Кавказ, таким образом, был окончательно замирен (1864).

Турецкая война и Берлинский конгресс. После Парижского мира 1856 г. «восточный вопрос» для России не потерял своей остроты. Русское правительство не могло отказаться от старого права покровительства и защиты православных подданных султана, тем более что другие державы приобрели право протектората над балканскими славянами, мало заботились об устройстве их быта и об охране их безопасности. Нежелание турок смягчить свое управление в славянских областях, заселенных сербами и болгарами, вело за собой вмешательство русской дипломатии. Это вмешательство озлобляло турок и вызывало беспокойство и ревность со стороны Англии, так как Англия боялась соперничества России в Турции, как боялась его и в Средней Азии. Таким образом мало-помалу создалась постоянная неприязнь между Россией и Англией по поводу балканских дел и тайная поддержка турок англичанами. Вступаясь в турецкие дела, Россия всегда имела против себя Англию.

Положение на Востоке обострилось в 1875 г., когда вспыхнуло против турок восстание в населенных сербами турецких областях Боснии и Герцеговине, а затем и в Болгарии. Восстание возникло вследствие притеснений при сборе податей. Турки подавляли его с неимоверными жестокостями, но безуспешно. Турецкие зверства вызвали негодование против турок и сочувствие восставшим со стороны княжеств Черногории и Сербии. Несмотря на попытки держав погасить возбуждение, Черногория и Сербия открыто (1876) начали войну с Турцией. Во главе сербских войск действовал отставной русский генерал Черняев (покоритель Ташкента). Вторгнувшись в пределы Турции, он, однако, не мог одолеть турок и должен был отойти обратно к границам Сербии. Там на крепких позициях (у г. Алексинца) Черняев геройски удерживал наступление турецкой армии в течение целых трех месяцев и только осенью 1876 г. был отброшен назад. В эту минуту Россия потребовала от турок прекращения военных действий и тем спасла Сербию от окончательного разгрома.

Страдания балканских славян под игом турок и самоотверженная борьба черногорцев и сербов за своих угнетенных братьев вызвали в русском обществе необыкновенное возбуждение. Громко и решительно высказывалось сочувствие борцам за национальное освобождение. Особые «славянские комитеты» собира-

ли пожертвования в пользу восставших. В разных городах формировались отряды «добровольцев» и спешили на помощь сербам, в армию Черняева. Желание помочь «братьям славянам» охватило все русское общество. После могучего подъема патриотических чувств по поводу польского мятежа 1863 г. это было второе, столь же могучее выражение народных чувств во имя славянского единения. Общественное движение увлекло правительство к более решительным действиям против Турции, не желавшей дать самоуправления и амнистии восставшим. Россия повела дело к тому, чтобы созвать европейскую конференцию и общими силами держав повлиять на турок. Конференция европейских дипломатов состоялась в Константинополе в начале 1877 г. и потребовала от султана прекращения зверств и немедленных реформ для славянских провинций. Султан после долгих переговоров и объяснений отказался следовать указаниям конференции. Тогда император Александр II объявил Турции войну (12 апреля 1877 г.). Княжество Румыния (образованное в 1858 г. из Молдавии и Валахии) не только согласилось пропустить через свои земли русские войска к Дунаю, но и само объявило войну Турции.

К лету русская армия под начальством великого князя Николая Николаевича была уже на берегах Дуная и совершила (15 июня) переправу через него у Систова. Передовой русский отряд под начальством генерала Гурко быстро дошел до Балканских гор и овладел горными проходами на юг (Шипкинским перевалом и др.). Но здесь пока прекратились русские успехи. Турки успели собраться с силами и остановили генерала Гурко, а турецкий генерал Осман-паша засел на правом фланге русской армии, в укрепленном лагере при городе Плевне, и производил оттуда вылазки. Русским предстояло прежде всего справиться с Плевной; без этого нельзя было идти за Балканы. Генералу Гурко было поэтому приказано отойти назад. На Шипкинском перевале оставлен был генерал Радецкий, геройски отражавший все попытки турок овладеть Шипкой. С востока защищал русские позиции отряд наследника цесаревича Александра Александровича. Главные же русские силы приступили к осаде Плевны, в которой сосредоточилась значительная турецкая армия. Дело затянулось надолго, до прибытия сильных подкреплений из России.

Такая же задержка произошла и на азиатском театре войны. Русские отряды, бывшие под общим начальством великого князя Михаила Николаевича, начали было весной 1877 г. наступление к Батуму и Карсу, но были остановлены неожиданно энергичным сопротивлением турок (под начальством Мухтара-паши). Пришлось приостановить военные операции до прихода подкреплений и кое-где отступить перед напором турок. Только осенью удалось русским разбить турок, осадив Карс и взять его (16 ноября), после чего русские войска быстро дошли до Эрзерума и зимовали в виду этого города.

Почти одновременно со взятием Карса был достигнут решительный успех и под Плевной. С прибытием на театр войны гвардии удалось окружить Плевну железным кольцом русских войск. Попытка Османа-паши пробиться сквозь русские ряды была отбита, и 28 ноября Плевна сдалась. Одушевленные этой победой наши войска не прекратили на зиму военных действий. Решено было немедленно перейти через Балканы в Румелию, где мягче климат и где было много продовольствия. Начался геройский зимний поход на южную сторону Балкан. Трудности его были чрезвычайны, но и успех необыкновенно велик. Сопротивление турок было сломлено: город сдавался за городом; сдавались целые корпуса турецких войск. Отряды Гурко, Радецкого и Скобелева заняли города Филиппополь и Адрианополь и приблизились к самому Константинополю. Султан просил мира.

Но мирные переговоры очень осложнились вследствие вмешательства Англии. Приближение русской армии к Босфору вызвало посылку английского флота в Мраморное море. Появление русских в виду Константинополя послужило для англичан поводом поставить свой флот у Принцевых островов, также в виду Константинополя. На вызывающий образ действий Англии император Александр II ответил тем, что приказал перенести главную квартиру русской армии в местечко Сан-Стефано, на берегу Мраморного моря, верстах в 10—15 от стен Константинополя. Там 19 февраля 1878 г. были подписаны условия прелиминарного (предварительного) мирного договора. По этому договору Турция признавала независимость Черногории, Сербии и Румынии; уступала Черногории и Сербии некоторые области; соглашалась на образование из своих болгарских и македонских областей особого княжества Болгарии; обязывалась ввести в Боснии и Герцеговине необходимые реформы. России Турция уступала обратно устья Дуная, отошедшие от России в 1856 г., а сверх того — города Батум и Карс с окружающей территорией.

Условия Сан-Стефанского мира были опротестованы Англией и Австрией, которые не соглашались на столь чувствительное ослабление Турции и желали извлечь из обстоятельств свою пользу. Отношения этих держав к России обострились настолько, что Россия стала усиленно готовиться к новой войне. Посредничество Германии привело к тому, что война была предупреждена европейским конгрессом в Берлине. Но предложенный германским канцлером Бисмарком конгресс был веден им не в пользу России. Под давлением всей европейской дипломатии представители России (с князем Горчаковым во главе) должны были сделать значительные уступки и изменить условия мира, выработанные в Сан-Стефано. Приобретения Сербии и Черногории были сокращены; вместо единой Болгарии были созданы две болгарские области, а именно княжество Болгария (между Дунаем и Балканами) и автономная провинция Восточная Румелия (на юг от Балкан). Сербия и Румыния были признаны независимыми

королевствами, а Болгария и Восточная Румелия оставлялись под главенством Турции. Наконец, Босния и Герцеговина поступили во временное распоряжение Австро-Венгрии.

Берлинский трактат 1878 г. вызвал глубокое недовольство всего русского общества и повел к охлаждению отношений России не только с Англией и Австрией, но и с Германией. Никто в России не мог примириться с тем, что европейские державы умалили плоды русских побед и испортили результаты освободительной войны. Бисмарка, называвшего себя на конгрессе «честным маклером», русские люди считали злым врагом и предателем России. Настроение общественного мнения и недовольство правительства в России были для Бисмарка столь явны, что он счел нужным составить — на случай войны с Россией — тайный союз Германии с Австрией, а затем и с Италией («Тройственный союз»).

С другой стороны, освобожденные войной 1877—1878 гг. балканские государства и народности не получили от России и Европы всего того, на что они надеялись. Называя императора Александра своим «освободителем», они, однако, не скрывали своего недовольства и разочарований. Между Россией и балканскими государствами (Румынией, Сербией и Болгарией) началось охлаждение и неудовольствия. Болгария, устроенная на первых порах своей независимой жизни русскими людьми и средствами, вскоре вышла из-под русского влияния.

Таким образом, следствия войны за освобождение балканских славян были малоудовлетворительны. Военный успех не сопровождался соответствующим политическим результатом. Россия не добилась своих целей и осталась совершенно изолированной, без союзников и друзей. Вот почему в русских людях восточная война и Берлинский конгресс вызывали чувство глубокой неудовлетворенности и разочарования.

Кончина императора Александра II. Восточная война, направив силы русского общества на борьбу с внешним врагом, отвлекла его внимание от внутреннего брожения. С окончанием же войны это внутреннее брожение дало себя знать рядом насильственных актов не только против высших должностных лиц, но и против самого Александра II. На его жизнь покушения шли одно за другим: в него стреляли на улице, подготовляли взрыв полотна железной дороги под его поездами, даже устроили взрыв в одной из зал Зимнего дворца в Петербурге. Никто не думал, что все эти покушения исходят из одного малочисленного революционного кружка «Народной воли»: напротив, всем казалось, что действует какая-то таинственная многолюдная организация. К подобному выводу приводило и то обстоятельство, что в обществе было вообще много недовольных и желавших продолжения внутренних реформ. Смешивая небольшую террористическую партию со всей оппозиционной средой, правительство прибегало к чрезвычайным мерам, падавшим своей тяжестью на все

общество. Надзору и преследованию подвергались все те, кто казался мало-мальски подозрительным и неблагонадежным человеком. Однако эта необыкновенная строгость не помогала, революционный террор не прекращался. Общество же, запуганное репрессиями, было взволновано и раздражено.

В таких обстоятельствах Александр II для борьбы с революционным движением прибегал к экстренному мероприятию: в начале 1880 г. была учреждена «верховная распорядительная комиссия», начальник которой, граф Лорис-Меликов, получил обширнейшие полномочия и стал как бы первым министром в государстве. Лорис-Меликов составил свою программу действий: по его плану, надлежало подавлять революционную деятельность тайных организаций, но в то же время с доверием отнестись к прочему обществу и, постепенно успокоив его, возвратить государство к законному течению дел. В этом направлении Лорис-Меликов и повел дело. Ему вскоре же показалось, что он достиг успеха и что можно упразднить верховную распорядительную комиссию. Действительно, признаки общественного успокоения стали заметны. С закрытием комиссии Лорис-Меликов занял должность министра внутренних дел с особыми полномочиями. Третье отделение собственной Его Величества канцелярии было упразднено с передачей его обязанностей в Министерство внутренних дел. Лорис-Меликов готовил проекты новых реформ, с тем чтобы удовлетворить ожиданиям либеральной части русского общества (между прочим, он проектировал привлечение представителей земств в Государственный совет). Но главные деятели «Народной воли» оставались неоткрытыми и не думали о прекращении своих покушений.

В начале 1881 г. они устроили подкоп под Екатерининскую улицу в Петербурге, по которой ездил император Александр. 1 марта, ожидая его проезда, они готовы были взорвать этот подкоп и в то же время расставили своих людей с бомбами и в других местах предполагаемого маршрута. Александр не поехал мимо подкопа; но это не спасло его. На Екатерининском канале царский экипаж был взорван бомбой; когда же государь вышел из поврежденной кареты, он был тяжело изранен вторым снарядом, брошенным ему в ноги. Отвезенный в Зимний дворец, он скончался в тот же день. На престол вступил его сын, цесаревич Александр Александрович. Граф Лорис-Меликов был уволен в отставку, и программа его реформ отвергнута. Деятели «Народной воли» вскоре были обнаружены, осуждены и казнены.

Главной целью своей деятельности император Александр III поставил утверждение самодержавной власти и государственного порядка, поколебленного революционным движением при его отце. Цель эта должна была достигаться прежде всего твердым подавлением всяких революционных выступлений, а затем пересмотром и улучшением законов и учреждений, созданных в эпоху великих реформ Александра II. Борьба «с крамолой» заверши-

лась полным успехом: революционное движение было подавлено, и террористические покушения прекратились. Пересмотр узаконений времени Александра II коснулся всех сторон государственной и общественной жизни и был направлен к тому, чтобы усилить надзор и влияние правительства в сфере суда и общественного самоуправления и вообще укрепить и поднять авторитет верховной власти. В общем в либеральные учреждения 1860-х годов было введено немало ограничений, сообщивших всей деятельности Александра III строго охранительный и реакционный характер.

Печально окончилась жизнь «царя-освободителя», Александра II, чутко и бодро свершившего великую реформу народной жизни. «Если,— говорит А. А. Кизеветтер,— искусство править состоит в умении верно определять назревшие потребности эпохи, открывать свободный выход таящимся в обществе жизнеспособным и плодотворным стремлениям, с высоты беспристрастия умиротворить взаимно враждебные партии силой разумных соглашений,— то нельзя не признать, что император Александр Николаевич верно понял сущность своего призвания в достопамятные 1855—1861 годы своего царствования». За императором Александром II навсегда останется имя великого преобразователя, принесшего русскому народу неведомые ему дотоле блага гражданственности. Когда преобразования Петра Великого окончательно определили новый государственный и общественный порядок, Российская империя получила вид типичного для этой эпохи «полицейского государства», послужившего формой для «просвещенного абсолютизма» Петра. Во имя общего благополучия государство тогда отрицало личную предприимчивость и общественную самодеятельность, установив особое «крепостное право» государства на жизнь и труд всех сословий одинаково. Не было ни сословного права, ни сословных льгот, были только сословные службы и сословные повинности. Ими определялось положение в государстве общественных групп и отдельных лиц. Мы знаем, какие обстоятельства в XVIII в. содействовали разложению петровского порядка и раскрепостили «шляхетство», обратив в 1785 г. крепостное право на крестьян в сословное право помещиков на их «подданных». Изменение в государственном положении сословий повело к установлению «шляхетского» режима в стране, превращавшего Россию в односословную монархию. Только что был намечен историей этот новый режим, как против него началась (с императора Павла) правительственная реакция. Она не имела вида системы до 1825 г.; после же этого обратилась в систему, направленную к тому, чтобы создать чисто бюрократическую власть. Восточная

война показала неудачу такой попытки, и император Александр II обращается снова к общественным силам. Но теперь уже не шляхетский режим и не принцип сословного закрепления ставится в основу порядка. В новых учреждениях все общество, всесословно или бессословно, призывается к работе над общественным благоустройством...

В условиях нарождения этих всесословных учреждений 1860-х годов кроется начало нашей современности, т. е. тот момент, когда для нас кончается история и начинается действительность, мучительно занятая поисками новых форм общественного и государственного быта, которые привели бы Россию к гражданской правде и социальному счастью.

Именной указатель

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

С. Ф. ПЛАТОНОВ
Лекции
по русской
истории